

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

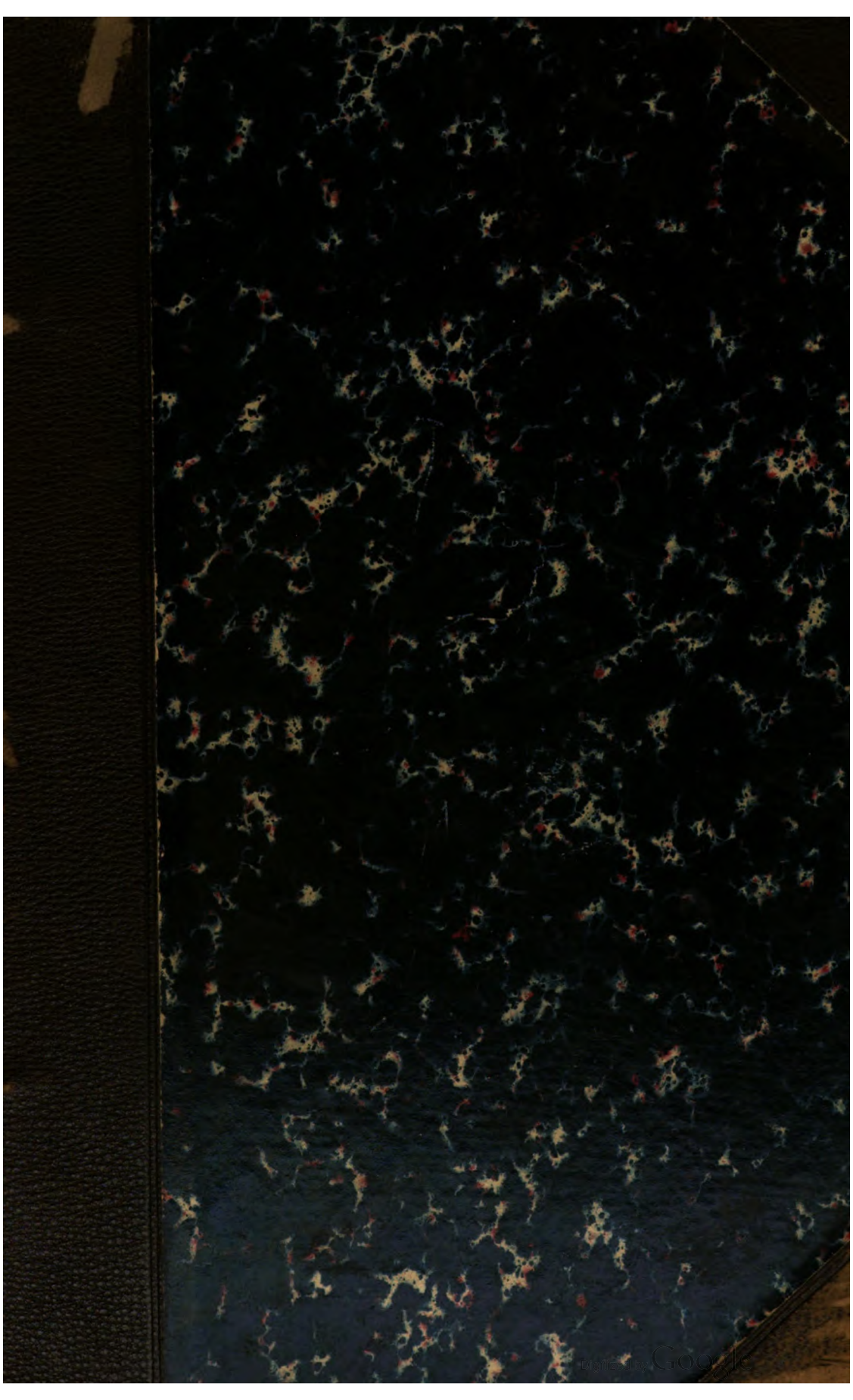
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Star 176. 25

Bound

MAR 10 1906

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER

OF BOSTON

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER

(Class of 1817)

A fund of \$20,000, established in 1878, the income
of which is used for the purchase of books

P Slav 176. 25

Bound

MAR 10 1906

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER

OF BOSTON

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER

(Class of 1817)

A fund of \$20,000, established in 1878, the income
of which is used for the purchase of books

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXX. — ТОМЪ ODX. — ¹/₁₄ НОЯБРЯ 1905

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

Р. Slav 176. 25

~~Slav 333~~

177-21/2

3497

Title Page

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — КНИГА 11.

НОЯБРЬ, 1905.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1905.

СТР.

I.—ХРИСТИАНСКИЙ ЕПИСКОПЪ НА ГРАНИЦѢ IV—V ВѢКОВЪ.—Августинъ, епископъ.—В. И. Герье	5
II.—МАХРОВЫЕ ЛЕПЕСТКИ.—Повѣсть.—IX—XVI.—Окончаніе.—В. И. Б—ной.	53
III.—ИЗЪ ПОВѢДКИ ВЪ САРОВѢ.—Путешая впечатлѣнія и замѣтки.—V—VII.—Окончаніе.—Л. Е. Оболенскаго	94
IV.—МУЗЫКАЛЬНАЯ БАРЫШНЯ.—Повѣсть.—В. Погодиной	112
V.—ЭТЮДЫ О БАЙРОНИЗМѢ.—Часть III: Русская литература.—Алексѣя Веселовскаго	174
VI.—ЧЕРНАЯ ЗМѢЯ.—Романъ.—Paul Adam, „Le Serpent noir“,—III—V.—Съ франц. З. В.	229
VII.—МИСТИЦИЗМЪ В. Л. С. СОЛОВЬЕВА.—Э. Радаева	281
VIII.—ЦАРЕКЪ.—Разсказъ.—A monarch of small survey, by G. Atherton. — Съ англ. О. Ч.	295
IX.—ХОЗЕ ДЕ ПЕРЕДА.—Очеркъ изъ исторіи современной испанской литературы.—Л. Шенелевича	319
X.—ХРОНИКА.—Акты, относящіяся къ памятнымъ октябрьскимъ днямъ.	342
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Высочайшій манифестъ 17-го октября. — Почему онъ не положилъ конецъ тревожному настроенію.—Возможное отношеніе къ Государственной Думѣ.—Значеніе учредительнаго собранія.—„Либеральные элементы“ и пролетаріатъ.—Трагизмъ переживаемой минуты.—Программа конституционно-демократической партіи.—Положеніе о совѣтѣ министровъ.—Амнистія.—Правила о публичныхъ собраніяхъ.—Кн. С. Н. Трубецкой †.—Postscriptum	360
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Портсмутскій мирный договоръ.—„Заслуги“ гр. Ламдорфа.—Разоблаченія военныхъ порядковъ.—Значеніе войны для нашихъ внутреннихъ дѣлъ.—Международныя послѣдствія нашей мирной революціи.—Политика Вильгельма II.—Новая попытка къ оправданію манчжурской затѣи	375
XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Россіевъ, П., „Общія знакомыя“ и „Безъ героевъ“. — З. — II. Луначарскій, А., Этюды критическія и полемическія.—III. Овсянко-Куликовскій, Д. Н., Л. Н. Толстой какъ художникъ.—IV. „Сибирскіе Вопросы“, періодическій сборникъ.—V. Горленко, В., Отблески.—VI. Подыачевъ, С., Среди рабочихъ.—Евг. Л.—VII. Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи, П. Тройницкаго.—Распределеніе рабочихъ и прислуги по группамъ занятій и мѣсту рожденія.—VIII. В. Норовъ, Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики.—В. В.—Новыя книги и брошюры	393
XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. H. Sudermann, Stein unter Steinen.—II. A. Beaunier, Le Roi Tobol.—З. В.	429
XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Подъ первыми впечатлѣніями манифеста 17 октября.—Забастовки.—Митинги.—Какъ назвать забастовочные дни: преддверіе революціи или революція въ настоящемъ?—Опасная сторона политическихъ забастовокъ въ интересахъ освободительнаго движенія.—Что означаютъ погромы черной сотни?—Новыя задачи общества и печати.—Сорокалѣтіе дѣятельности А. О. Кови.—М. И. Драгомировъ †	443
XVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Общества вспоможенія студентамъ имп. университета св. Владиміра.—II. Отъ учрежденія для отстающихъ дѣтей, М. И. Маларевскаго и Е. П. Радина	455
XVII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.—Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.—Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 120-й.—Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И., Декабристы въ Западной Сибири.—Максудовъ, кн. В. Л., Исторія древняго Востока, т. II.—Симоненко, Г., Основные вопросы статистики, исторіи, социологіи и этики.	
XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I—IV; I—XII.	

ХРИСТИАНСКИЙ ЕПИСКОПЪ

НА

ГРАНИЦЪ IV-V ВѢКОВЪ

АВГУСТИНЪ, КАКЪ ЕПИСКОПЪ.

I.

Монахъ и епископъ—таковы руководящiе типы средневѣковой культуры и мировоззрѣнiя, — типы, часто соединявшiеся въ одномъ лицѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до противоположности различные. Сколько разъ средневѣковой монахъ стоялъ въ глубокомъ раздумьи, когда ему приходилось выбирать между своею вельей и епископскимъ престоломъ! И Августинъ ¹⁾, этотъ великiй вождь средневѣкового общества, пережилъ самъ душевный разладъ, вызванный такой дилеммой, и, послѣ тяжелой внутренней борьбы, рѣшился, какъ многiе послѣ него, объединить въ себѣ оба типа.

Не однѣ только мольбы старца Валерiя и настойчивые крики его пылкихъ земляковъ побудили Августина принять посвященiе и вступить въ ряды служителей церкви; она сама, эта церковь, тѣло Христово и „осуществленiе Его слова“, давно овладѣла его мыслью. Монашескiй идеалъ, какъ бѣгство изъ мiра, восторжествовавшiй надъ Платоновскою идеей возвышенiя надъ мiромъ для

¹⁾ См. выше, янв. и февр.: „Августинъ въ исторiи монашества и аскетизма“.

созерпанія вѣчной красоты и истины,—былъ, правда, для Августина тѣмъ откровеніемъ, которое его окончательно привело ко Христу; но еще раньше этого церковь въ ея реальномъ бытіи, въ ея всемірномъ проявленіи, въ ея торжествѣ надъ языческимъ государствомъ и „ложью демоновъ“, стала для Августина залогомъ незыблемости благой вѣсти о Христѣ. Поэтому, лично для себя предпочитая удѣлъ монаха, онъ держался убѣжденія, высказаннаго имъ монахамъ Капраріи, что монахи остаются сынами церкви и должны спѣшить на служеніе ей при первомъ призывѣ матери.

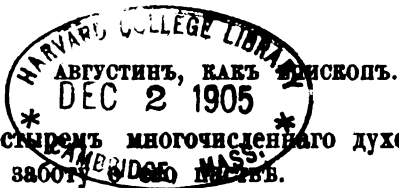
Служеніе церкви поставило Августина новыя цѣли и дало всей его жизни новое направленіе и новое содержаніе. Для ознакомленія съ этимъ почти сорокалѣтнимъ служеніемъ церкви Августина,—сначала въ санѣ пресвитера, затѣмъ епископа,—историкъ обладаетъ, къ счастью, обильнымъ и цѣннымъ матеріаломъ,—письмами самого Августина; правда, какъ всякая переписка, притомъ не вполне дошедшая до потомства, это—матеріаль случайный, но онъ тѣмъ болѣе драгоцѣненъ, что не только возсоздаетъ передъ нами личность самого Августина, но даетъ возможность изобразить его какъ епископа и судить о роли и значеніи христіанскихъ епископовъ въ знаменательную для христіанства эпоху IV—V вѣковъ.

Четвертый вѣкъ былъ эпохой торжества христіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ полного расцвѣта епископской власти. Ученныя изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ пролили новый свѣтъ на организацію древнехристіанскихъ общинъ и исторію развитія въ нихъ іерархіи и епископской власти и сдѣлали изъ этихъ вопросовъ одну изъ интереснѣйшихъ темъ современной исторіографіи ¹⁾.

Не вдаваясь въ эту заманчивую область, мы, ради освѣщенія епископской дѣятельности, отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты этой древнѣйшей организаціи, повліявшія на положеніе и роль епископовъ въ IV вѣкѣ и усложнявшія ихъ дѣятельность.

Отличительной чертой христіанскаго епископа въ IV вѣкѣ является его двойная роль — священника и іерарха: онъ одновременно является главою *прихода* и управителемъ *епархіи*. Его приходъ разросся въ епархію, и онъ, вслѣдствіе этого, несетъ двойныя обязанности—приходскія и епархіальныя: онъ остается попрежнему пастыремъ своихъ прихожанъ и въ то же время

¹⁾ См. Hatch, „Die Gesellschaftsverfassung d. christl. Kirchen im Allerthum“—пер. Гарнака съ его прим. 1883, и Harnack—„Die Mission u. Ausbreitung d. Christenthums“ etc. Lp. 1902, гдѣ указана и относящаяся сюда литература.

становится пастырствѣ многочисленнаго духовенства, раздѣляющаго съ нимъ заботу о немъ.

Господствовавшій въ большинствѣ римскихъ провинцій муниципальный строй весьма содѣйствовалъ распространенію христіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно повліялъ на самую организацію христіанскихъ общинъ. Особенность этого муниципального строя заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, что муниципій (городъ), составляя болѣе или менѣе самостоятельную земскую единицу, включалъ въ себѣ и окрестную область,—такъ сказать, уѣздъ. Древніе христіане, скромно называя себя „чужаками“ и „приживальцами“ (paroikountes) среди чуждаго имъ языческаго населенія, обозначали этимъ послѣднимъ словомъ и свои общины, отчего и вошло въ обычай еще нынѣ употребляющееся на Западѣ названіе для „прихода“. Присущая первоначальному христіанству потребность братскаго общенія и религіознаго единенія была такъ велика, что приходская связь сохранялась даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе увеличенія числа „прихожанъ“, оказывалось для нихъ невозможнымъ собираться въ одномъ и томъ же зданіи: принципъ единства сохранялся въ такой цѣлости, что онъ не былъ нарушенъ ни появившимися въ восточныхъ провинціяхъ сельскими приходами съ особыми епископами (хорепископами), впрочемъ рано исчезнувшими, ни возникавшими въ большихъ городахъ на ряду съ первоначальнымъ храмомъ другими зданіями для проповѣди и богослуженія. Возникавшія такимъ образомъ новыя церкви, поѣтому, долго еще бывали лишены значенія особыхъ приходоѡвъ; въ Римѣ, напр., возникшія въ семи частяхъ города базилики находились еще и въ позднѣйшую эпоху въ завѣдываніи *діаконовъ*, т.-е. неполноправныхъ церковнослужителей, въ сущности—служителей епископа. Такимъ образомъ, епископы даже въ менѣе значительныхъ городахъ, какъ, напр., въ Гиппонѣ, городѣ Августина, оставаясь главою прихода, являлись главою болѣе или менѣе многочисленнаго штата пресвитеровъ, *діаконовъ*, поддіаконовъ и чтецовъ.

Помимо этой естественной эволюціи древнехристіанскихъ общинъ, много другихъ причинъ содѣйствовало постоянному возвышенію епископской власти. Эти причины частью коренились въ условіяхъ приходской жизни, частью—въ ней. По мѣрѣ того, какъ въ древнѣйшихъ общинахъ исчезала свобода проповѣди, и появленіе сектъ и ересей вызывало потребность общаго руководства, авторитета епископа, какъ представителя церковной традиціи. Преслѣдованія язычниковъ прежде всего обрушивались на епископовъ, и съ возрастающей опасностью ихъ положенія воз-

растало и почтеніе къ нимъ. А чѣмъ выше становился епископъ въ своей общинѣ, тѣмъ болѣе приобрѣталъ онъ значенія для всей совокупности христіанскихъ общинъ. Разбросанныя по всему пространству имперіи, христіанскія общины, составляя каждая особую самостоятельную церковь (ecclesia), побуждались искать между собою общенія не только во имя своего основателя и какъ члены общаго тѣла, но и реальными житейскими потребностями. Между ними происходилъ живой обмѣнъ посланій и сношеній, вызываемыхъ то участіемъ въ страданіямъ, то желаніемъ предостеречь отъ лжеученій, то необходимостью сговориться относительно общихъ мѣръ и постановленій. Начались съѣзды представителей отдѣльныхъ общинъ—синоды или соборы. Выдающуюся роль въ этихъ сношеніяхъ и съѣздахъ приходилось, конечно, играть епископамъ и, являясь на этихъ съѣздахъ представителями своихъ общинъ, а затѣмъ—въ своихъ общинахъ—представителями высокаго авторитета самихъ съѣздовъ, епископы окончательно упрочили свое главенство въ христіанскомъ мірѣ. Поэтому понятно, что еще въ эпоху гоненій христіанъ власть епископовъ получила характеръ *монархическій*. Еще болѣе выиграли епископы отъ того переворота, который превратилъ гонимую церковь въ господствующую въ имперіи корпорацію.

Со времени Гиббона происходили неоднократно попытки опредѣлить процентное отношеніе христіанскаго населенія къ языческому въ моментъ, когда императоръ Константинъ склонился на сторону христіанъ ¹⁾. Разнорѣчивость опредѣленій доказываетъ трудность рѣшенія вопроса. Но на какомъ изъ рѣшеній ни остановиться, несомнѣнно, что съ Константина число христіанъ значительно возросло. Сравнительно же еще быстрее и значительноѣе стала возрастать съ этого времени численность христіанскаго духовенства. Немалую роль играли въ этомъ отношеніи привилегіи, дарованныя духовенству щедрою рукою христіанскихъ императоровъ,—избавленіе отъ тяжелой муниципальной службы и сопряженныхъ съ нею расходовъ,—привилегіи настолько обширныя, что самимъ императорамъ пришлось потомъ ихъ ограничивать въ интересахъ государства. И то, и другое—и ростъ христіанскаго населенія, и образованіе многочисленнаго класса церковнослужителей разныхъ степеней, возвысившагося надъ уровнемъ мірянъ,—осложнили заботы и возвысили авторитетъ епископовъ. Но еще болѣе, чѣмъ это возвышеніе *мѣстнаго*

¹⁾ Последняя попытка принадлежитъ Гарнаку; см. вышеуказ. сочиненіе, стр. 537.

авторитета, возвысила епископовъ новая, выпавшая на ихъ долю, всемірная роль.

То идеальное единство, которое представляла собою христіанская церковь въ эпоху гоненій и провинціальныхъ соборовъ, получало свое реальное осуществленіе въ вселенскомъ соборѣ, созванномъ первымъ христіанскимъ императоромъ. Рядомъ съ апостольскимъ преданіемъ сталъ теперь авторитетъ церкви, выраженный въ постановленіяхъ вселенскаго собора и обезпеченный покровительствомъ императора. Епископы, участники вселенскихъ соборовъ, стали органомъ господствовавшаго надъ церковнымъ и политическимъ міромъ авторитета.

Итакъ, торжество христіанства и покровительство императоровъ возвысили роль епископовъ, какъ законодателей и администраторовъ. Та же причина расширила ихъ дѣятельность и въ области экономической жизни ихъ паствы.

Недаромъ христіане называли другъ друга въ теченіе полутора вѣка не иначе какъ *братьями*. Недаромъ ихъ взаимная любовь была подмѣчена и отмѣчена язычниками, столь мало къ нимъ расположенными. Братская помощь, или взаимопомощь, такъ сильно проявлялась въ жизни древнехристіанскихъ общинъ, что ученый и талантливый изслѣдователь этой жизни, Гачъ ¹⁾, видитъ въ приношеніяхъ членовъ общины „ключъ“ къ объясненію знаменательнаго факта, почему старшинѣ общины было присвоено съ теченіемъ времени званіе „епископа“.

Ему—старшинѣ—приносили свои дары для ихъ освященія желавшіе принять участіе въ общей, братской трапезѣ, евхаристіи. Еще важнѣе по своимъ послѣдствіямъ было то, что, согласно съ этимъ, установился обычай, который потомъ былъ возведенъ въ каноническое правило—приносить епископу и тѣ дары, которые предназначались для содержанія церковнослужителей и *бѣдныхъ*. По отношенію къ послѣднимъ древнехристіанскія общины обнаруживали замѣчательное усердіе. Помощниками епископа при распредѣленіи приношеній между нуждающимися были діаконы, которые относили ихъ на домъ къ тѣмъ, кто, по болѣзни, не могъ самъ явиться за своей долей. Особеннымъ покровительствомъ пользовались вдовы и сироты. Но милосердіе древнихъ христіанскихъ общинъ далеко выходило за предѣлы современной намъ благотворительности. Особенно широкое примѣненіе получало оно во время гоненій. Здѣсь приходилось поддерживать заключенныхъ въ темницѣ братьевъ, сосланныхъ въ рудники, и исповѣд-

¹⁾ См. Hatch, 1. с., 32.

никовъ; въ пограничныхъ провинціяхъ, какъ, напр., въ Африкѣ, христіане выкупали изъ плѣна и рабства захваченныхъ кочевниками христіанъ. Богатыя общины помогали бѣднымъ, и въ тяжелыя минуты епископы обращались къ своимъ общинамъ за сборомъ особыхъ пожертвованій.

При такихъ условіяхъ, распоряженіе церковными средствами, а кое-гдѣ и имуществами, было еще въ эпоху гоненій нелегкою обязанностью. Но она была легка сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ она стала вслѣдствіе торжества христіанства. Признаніе христіанства государственной религіей вызвало своего рода экономическій переворотъ. Церкви стали быстро богатѣть какъ отъ щедротъ самихъ императоровъ, такъ и благодаря императорскимъ законамъ. Христіанскимъ церквамъ была предоставлена значительная часть имуществъ упраздненныхъ языческихъ храмовъ и имуществъ, остававшихся отъ еретическихъ церквей. Но главнымъ источникомъ обогащенія церкви стала *отмѣна* въ ея пользу закона, воспрещавшаго „легаты“, т.-е. пожертвованія по завѣщанію въ пользу учреждений и обществъ (коллегій). Отмѣнивъ этотъ законъ своихъ предшественниковъ, Константинъ широко раскрылъ дверь частной благотворительности на церковныя нужды; едва ли послѣ этого бывали завѣщанія, въ которыхъ завѣщатель не отказывалъ чего-либо въ пользу церкви вслѣдствіе своего благочестія или подъ вліяніемъ своихъ духовныхъ совѣтниковъ. Богатство церкви возрастало такъ быстро, что уже при сыновьяхъ Константина, около времени рожденія Августина, она владѣла одною десятою частью поземельныхъ имуществъ въ имперіи.

Пока имущество церквей было незначительно, а доходы многихъ изъ нихъ составлялись изъ приношеній, преимущественно *натурою*, плохо сохранявшихся, завѣдываніе имуществомъ мало возбуждало недоразумѣній, и діаконы принимали въ немъ попрежнему большое участіе. Но возрастаніе этого имущества и сильное увеличеніе числа лицъ, имъ пользовавшихся, повели за собою сосредоточеніе управленія имуществами въ рукахъ епископовъ. Тотъ самый антиохійскій соборъ 341 г., который усилилъ дисциплинарную власть епископовъ, предоставилъ послѣднимъ безусловную власть распоряжаться всѣмъ достояніемъ церкви ¹⁾, а соборъ въ Ганграхъ угрожалъ анаемой всякому, кто подастъ приношеніе или раздастъ что-нибудь изъ церковныхъ доходовъ помимо епископа или его замѣстителя.

Не всѣ епископы были довольны такимъ оборотомъ дѣла, и

¹⁾ Planck, Gesch. d. christlich-kirchlichen Gesellschaftsverfassung, 384. Hatch, l. c.

Іоаннъ Златоустъ, современникъ Августина, имѣвшій въ этомъ дѣлѣ немало непріятностей, прямо выразилъ желаніе, чтобы епископъ былъ освобожденъ отъ завѣдыванія церковными имуществами и они попрежнему были бы переданы тѣмъ, кто много лучше управлялъ ими въ интересахъ церкви. Сами отцы антійхійскаго собора допускали возможность злоупотребленій со стороны епископовъ и постановили, что тѣ епископы, которые будутъ плохо распоряжаться церковными доходами, должны быть привлекаемы къ отчетности на провинціальныхъ соборахъ. Злоупотребленія, или, по крайней мѣрѣ, нареканія въ этомъ дѣлѣ, были тѣмъ возможнѣе, что епископы пользовались и для самихъ себя церковными доходами. Въ древнѣйшихъ христіанскихъ общинахъ церковнослужители часто жили на свои средства, или содержали себя своимъ трудомъ, но нравы и условія жизни въ этомъ отношеніи давно измѣнились, и по мѣрѣ возрастанія числа лицъ заинтересованныхъ, явилась потребность установленія какихъ-либо правилъ при распредѣленіи церковныхъ имуществъ. Такъ установился обычай—начало его неизвѣстно,—въ силу котораго церковные доходы распредѣлялись на три равныя части; изъ нихъ одна шла въ пользу епископа, другая—въ пользу духовенства, третья предназначалась на нужды храма и бѣдныхъ.

Этотъ обычай былъ въ V в. возведенъ на Западѣ въ каноническій законъ. Только римская церковь держалась иного обычая; тамъ еще во времена республики принимались—изъ политическихъ соображеній—мѣры въ пользу городского пролетаріата; во время имперіи эта мѣра получила благотворительный характеръ; тамъ и въ христіанскую эпоху число нищихъ всегда было особенно велико, и потому тамъ церковные доходы распредѣлялись на четыре части, изъ которыхъ одна специально предназначалась для распредѣленія между бѣдными.

Соединивъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ съ законодательной властью въ церкви распоряженіе ея кошелькомъ, христіанскіе епископы въ IV в. имѣли полное основаніе въ обращеніи другъ къ другу величать себя *господами* (despotes). Къ завершенію монархическаго характера епископской власти къ ней присоединилась еще судебная власть, и не только надъ клиромъ, но и надъ мірянами, и не только въ церковныхъ дѣлахъ, но и во многихъ дѣлахъ гражданскихъ. И тутъ римскіе императоры, въ языческую эпоху строго настаивавшіе на подчиненіи религіозныхъ учреждений государственной власти, стали добровольно уступать епископамъ значительную часть свѣтской юрисдикціи.

Начало церковной юрисдикціи—или *форума* церкви—относится, впрочемъ, еще къ эпохѣ полного антагонизма между христіанскимъ обществомъ и языческимъ государствомъ и было естественнымъ послѣдствіемъ этого антагонизма. Испытывая на себѣ вражду государственныхъ органовъ, христіанскіе клерики не могли быть расположены обращаться въ своихъ спорахъ и тяжбахъ къ языческимъ судьямъ и предпочитали подчиняться рѣшенію своего духовнаго начальства. Это такъ глубоко укоренилось, что даже послѣ торжества христіанства соборы—въ 397 г. соборъ въ Гиппонѣ, первый соборъ, на которомъ участвовалъ Августинъ,—а позднѣе халкедонскій соборъ—грозили лишеніемъ духовнаго сана всякому клерику, который дерзнетъ обратиться въ тяжбѣ съ другимъ клерикомъ къ свѣтскому суду, а императоръ Марціанъ, утвердивъ канонъ халкедонскаго собора, призналъ законность изыятія гражданскихъ тяжбъ между клериками изъ вѣдѣнія свѣтскихъ судовъ.

Въ то же время церковное судоговореніе стало захватывать *инымъ путемъ* не только тяжбы между клериками, но и тяжбы между христіанами вообще,—а именно передачею по добровольному соглашенію дѣла на судъ епископа. И эта юрисдикція естественно вытекала изъ обычая древнихъ христіанъ уклоняться отъ судоговоренія языческихъ судовъ—для нихъ небезопаснаго. Христіанскіе императоры не воспрепятствовали перенесенію этого обычая въ христіанскую эпоху, и уже Константинъ придалъ обязательную силу состоявшимся судебнымъ рѣшеніямъ епископскаго суда, предписавъ государственнымъ органамъ приводить въ исполненіе рѣшенія этого суда. Въ эпоху же Августина императорскіе законы формально воспретили всякую аппеляцію на рѣшенія этихъ „добровольныхъ“ судовъ. Менѣе согласнымъ съ призваніемъ духовенства, чѣмъ мировое посредничество по гражданскимъ дѣламъ, казалось бы судоговореніе по дѣламъ уголовнымъ, связанное съ наложеніемъ наказаній, но и эта дѣятельность вошла въ кругъ обязанностей епископовъ. Конечно, она сначала касалась только провинностей клериковъ и лишь настолько, насколько эти провинности представляли собою нарушеніе церковной дисциплины и церковныхъ каноновъ. Но лежащій въ основаніи этого судоговоренія *религіозный* мотивъ легко подлежалъ распространенію и на мірянъ, а въ этомъ заключалась возможность захвата всей области нарушеній гражданского закона, ибо во всякомъ гражданскомъ преступленіи можно было усмотрѣть нарушеніе также и божественнаго закона. Церковный судья, правда, боролся противъ нарушенія какъ

церковныхъ канонѣвъ, такъ и государственныхъ законовъ *духовными* средствами, требуя во искупленіе вины *покаянія*, и если онъ налагалъ кары, то кары церковныя, какъ это выразилъ римскій епископъ Григорій II въ письмѣ къ императору Льву, принципиально противопоставляя „повѣшенію, обезглавленію и ссылкѣ свѣтскаго судьи— „постъ, бдѣніе и молитву“, налагаемые церковью.

Но именно это существенное различіе давало возможность духовной юрисдикціи пойти гораздо дальше свѣтской въ преслѣдованіи преступленій. Если свѣтская юрисдикція считала себѣ подсудными только *явные* преступленія, удостовѣренныя свидѣтелями или заявленныя доносчикомъ, то церковный судья привлекалъ къ своему форуму и оставшіяся въ тайнѣ преступленія. Сначала сюда привлекались только такіе проступки, которые были добровольно заявлены на духу; но потомъ при судахъ епископовъ организовался цѣлый сыскъ и принимались для этой цѣли доносы. Число дѣлъ подпадавшихъ такимъ способомъ церковному покаянію стало возрастать неимоვნно.

Римское правительство не могло помѣшать этому совладѣтельству церкви въ области судебной, ибо церковь присвоивала себѣ въ этой области лишь дѣло *совѣсти*, подсудное „*внутреннему*“ форуму. Но правительство и не хотѣло препятствовать вторженію религіознаго и моральнаго интереса въ область гражданскаго и уголовнаго права. Оно само передвигало въ пользу своего соперника межевые знаки, и отводило церкви въ полное владѣніе, подъ наименованіемъ „церковныхъ дѣлъ“, такія области, которыя при язычествѣ стояли внѣ всякой связи съ религіей. Сюда прежде всего относится обширная область брачныхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе обширная, что къ этому понятію примѣнялось широкое толкованіе и сюда были отнесены не только имущественныя тяжбы между супругами и нарушеніе ими брачныхъ обязанностей, но и подсудность всякаго рода внѣбрачныхъ отношеній.

Еще рѣзче обнаруживается уступчивость правительства въ дѣлахъ, касавшихся завѣщаній, также предоставленныхъ церкви. Первоначальное побужденіе къ этой уступкѣ совершенно согласно не только съ интересами церкви, но и съ духомъ римскаго законодательства. Еще древнѣйшее римское законодательство, обставлявшее въ интересахъ семьи и рода совершеніе завѣщанія строгими формальностями, предоставляло въ этомъ отношеніи гражданамъ льготы въ особыхъ случаяхъ—въ военномъ строѣ передъ сраженіемъ, т.-е. передъ лицомъ смерти. Въ христіан-

скомъ обществѣ смерть получила другое, болѣе высокое значеніе, чѣмъ она имѣла въ язычествѣ. Это было не разставаніе только съ жизнью, но переходъ къ новой, вѣчной жизни, зависѣвшей отъ прежней земной жизни.

Смерть была поэтому послѣднимъ моментомъ, когда можно было исправить неправду земной жизни покаяніемъ и возвращеніемъ хотя бы части того, что было неправдою присвоено. Какъ же было поэтому не предоставить и въ этомъ случаѣ умирающему льготы составить или измѣнить завѣщаніе безъ нотаріальныхъ формальностей? И кто же могъ быть, въ такую тяжелую минуту, нерѣдко внезапно наступавшую, ближайшимъ и лучшимъ совѣтникомъ, какъ не напутствовавшій умирающаго духовникъ? Но не одни только религіозныя и идеалистическія соображенія побуждали духовенство приобрѣтать вліяніе на составленіе и утвержденіе завѣщаній, а правительство—допускать такое вліяніе. Чѣмъ болѣе укоренялся обычай назначать по завѣщанію часть имущества на „благочестивыя дѣла“ (*pieae causae*), тѣмъ болѣе церковь и духовенство становились заинтересованными въ завѣщаніяхъ. Полное торжество притязаній духовенства въ этомъ дѣлѣ относится къ болѣе поздней эпохѣ,—въ перепискѣ Августина не упоминается о завѣщаніяхъ мірянъ, но споры, возникавшіе по поводу завѣщаній клериковъ, уже тревожили этого епископа. Въ слѣдующемъ же вѣкѣ императоръ Юстиніанъ формально возлагаетъ на епископовъ заботу объ исполненіи завѣщаній, заключавшихъ въ себѣ даренія (*legаты*) на благочестивыя дѣла; а политика церкви еще характернѣе проявляется въ отношеніи къ этому же времени постановленію ліонскаго собора, что всякое завѣщаніе, хотя бы формально неправильное, считалось законнымъ, если въ немъ что-нибудь оставлено въ пользу церкви.

Еще раньше императорское правительство допустило содѣйствіе церкви въ другомъ дѣлѣ, относившемся къ области нотаріальнаго порядка. Если оно предоставило священнику у постели умирающаго утверждать завѣщаніе, то почему было не предоставить ему совершать съ упрощенными формами обрядъ отпущенія на волю раба, тѣмъ болѣе, что такія отпущенія были весьма часто слѣдствіемъ воздѣйствія самого священника на больного при совершеніи завѣщанія?

Затѣмъ, императорское правительство, проникаясь духомъ христіанской церкви, открыло ей доступъ въ область строгаго и неумолимаго государственнаго судоговоренія. И въ этомъ отношеніи то, что происходитъ въ христіанскую эпоху, находится въ связи

съ традиціями древняго Рима. Подобно тому, какъ языческимъ храмамъ было предоставлено право давать убѣжище (*asylum*) у алтара боговъ—это право присвоивается христіанскимъ церквамъ, И этимъ правомъ пользовались не только бѣглые рабы и преступники, укрывавшіеся отъ руки правосудія, но, какъ мы увидимъ изъ переписки Августина, и должники, желавшіе избѣгнуть ареста по требованію кредиторовъ. Еще важнѣе было предоставленное духовенству право заступничества (*intercessio*) передъ администраціей и судомъ за виновныхъ. Какъ самый терминъ, такъ и выражающаяся въ немъ идея, также переносятъ насъ въ древнѣйшій Римъ,—но то, что тамъ было мѣстнымъ и, такъ сказать, случайнымъ явленіемъ, теперь обобщается и возводится на степень принципа. Церковь вступается за *остаъ* виновныхъ не для того только, чтобы смягчить ихъ участь, избавить отъ мучительныхъ наказаній, продлить ихъ жизнь, но для того, чтобы дать имъ возможность исправиться, принести покаяніе и спастись для вѣчной жизни. Трудно указать другой фактъ, въ которомъ такъ ярко обнаруживается какъ точка соприкосновенія, такъ и глубокое различіе античнаго, языческаго и христіанскаго міровоззрѣнія со всѣмъ его идеализмомъ. Но именно этотъ идеализмъ нелегко поддавался заключенію въ юридическія формулы. Какія онъ вызывалъ затрудненія, мы усмотримъ изъ относящагося сюда письма Августина, одного изъ интереснѣйшихъ памятниковъ той эпохи.

Таковы почетныя, сложныя и отвѣтственныя обязанности христіанскаго епископа IV и V вѣковъ. Правда, епископъ былъ не одинъ. Въ дѣлѣ судоговоренія ему было даже поставлено въ обязанность руководиться мнѣніемъ коллегіи пресвитеровъ. Какъ въ управленіи имуществами онъ могъ назначить себѣ въ помощники изъ числа духовенства *эконома*, такъ онъ могъ возложить свои судебныя обязанности на офиціала, взятаго изъ пресвитеровъ или діаконѣвъ,—но дѣятельность этихъ лицъ часто вызывала жалобы и потому нисколько не снимала отвѣтственности и заботъ съ хорошаго епископа.

Указанныя выше обязанности епископовъ составляютъ рамки, въ которыя эпоха ставила жизнь и дѣятельность этихъ преемниковъ апостоловъ. Драгоценную историческую картину въ этихъ рамкахъ и представляетъ намъ именно переписка бл. Августина. Правда, эта картина наполняетъ не всю рамку. Въ ней довольно скуденъ чисто фактическій матеріалъ. Мы не обладаемъ епископ-

скимъ архивомъ Августина, съ его протоколами судебныхъ дѣлъ, съ смѣтами и отчетами по управленію имуществъ; но она даетъ намъ больше: она сохранила намъ духъ, которымъ было пропикнуто исполненіе Августиномъ его сложныхъ обязанностей, такъ часто и тягостно его отвлекавшихъ отъ того, что онъ считалъ своимъ настоящимъ призваніемъ въ этой жизни. Она даетъ намъ данныя для воссозданія того идеальнаго типа для пастыря церкви, который носился передъ Августиномъ въ эпоху, когда онъ созидалъ свой „Божій Градъ“. Она даетъ намъ возможность прослѣдить жизнь этого пастыря церкви отъ той поры, когда онъ съ жаромъ принялся за свои новыя и необычныя обязанности, до того времени, когда онъ былъ принужденъ, вслѣдствіе „старости и заботы“, отказаться отъ поѣздки для дорогаго ему дѣла—освященія новой церкви въ его епархіи.

Пользуясь данными, заключающимися въ перепискѣ Августина, для его характеристики какъ епископа, мы распредѣлимъ ихъ на двѣ части: сначала мы изобразимъ его какъ руководителя клира, какъ церковнаго администратора и судью надъ духовенствомъ, а затѣмъ, какъ пастыря церкви въ его разнообразныхъ отношеніяхъ къ мірянамъ, какъ наставника въ заблужденіяхъ, утѣшителя въ скорбяхъ и заступника въ нуждѣ и бѣдѣ.

Уступивъ настоянію епископа Валерія и требованіямъ гражданъ Гиппона, Августинъ содрогнулся передъ сознаніемъ тяжелой отвѣтственности, которую налагало на него церковное служеніе. Его особенно пугало то, что онъ былъ избранъ въ пресвитеры съ тѣмъ, чтобы быть помощникомъ, такъ сказать *викаріемъ* епископа. Тогдашняя церковь не знала викаріевъ при епископахъ, но для Валерія было сдѣлано исключеніе, такъ какъ онъ былъ старъ и, какъ грекъ, не могъ проповѣдывать въ Гиппонѣ; обязанность же говорить проповѣди лежала тогда на епископахъ. Поэтому Августинъ умолялъ Валерія освободить его на время отъ его обязанностей. Онъ просилъ епископа принять въ соображеніе, что „въ этой жизни, въ особенности въ ихъ вѣкъ, въ глазахъ людей нѣтъ ничего легче, счастливѣе и заманчивѣе званія епископа, пресвитера и діакона, если касаться этого дѣла поверхностно и льстиво; но нѣтъ передъ Богомъ ничего болѣе удручающаго и тяжелаго, ничего, что вызывало бы больше укоровъ. А съ другой стороны, нѣтъ въ этой жизни, и именно въ наше время, ничего труднѣе, хлопотливѣе и опаснѣе званія епископа, пресвитера и діакона;—передъ Богомъ же нѣтъ ничего блаженнѣе ихъ, если они ведутъ борьбу тѣмъ способомъ, какимъ приказалъ вести ее нашъ царь. Но какой это способъ—этого я

не позналъ ни въ дѣтствѣ, ни въ юности, а въ то время, когда я сталъ это познавать, надо мною по грѣхамъ моимъ учинено насиліе, и я поставленъ на второе мѣсто у руля, не научившись даже держать весла“.

Августинъ предполагаетъ, что его Господь покаралъ за то, что онъ осуждалъ другихъ кормчихъ, не зная по опыту трудностей ихъ положенія. Только теперь онъ начинаетъ чувствовать опрометчивость своихъ укоровъ, хотя священство ему всегда казалось полнымъ опасностей. Вотъ почему онъ плакалъ во время своего посвященія; братья пытались его утѣшить, но, не зная причинъ его горя, они своими рѣчами не могли его устранить. Однако, опытъ на дѣлѣ превзошелъ всѣ его опасенія; хотя онъ и не заблуждался относительно ожидавшихъ его бурь, но онъ не признавалъ недостаточности своихъ силъ и умѣнья для борьбы съ ними. Господь смѣялся надъ его усиліями и показалъ ему, какъ мало онъ пригоденъ для своего дѣла.

Но если Господь призвалъ его по своей милости, а не для его гибели, то ему слѣдуетъ, пишетъ Августинъ, предоставить возможность чтеніемъ св. Писанія приготовиться къ своему опасному дѣлу. „Мое посвященіе послѣдовало, когда я задумалъ заручиться досугомъ для изученія Св. Писанія—и по истинѣ сказать, я тогда еще не зналъ всего, чего мнѣ недостаетъ для дѣла, которое теперь тяготѣетъ надо мною и меня сокрушаетъ“.

Упрашивая епископа Валерія предоставить ему этотъ досугъ, Августинъ предупреждаетъ его возраженіе: „можетъ быть, твое святѣйшество мнѣ скажетъ: я хотѣлъ бы знать, въ чемъ недостаточны твои познанія. На это я дерзнулъ бы отвѣтить: мнѣ извѣстно то, что нужно для нашего спасенія. Но я не знаю, какъ вести другихъ къ спасенію, ища не того, что мнѣ лично полезно, но что полезно для спасенія *многихъ*“.

Досугъ, который Августинъ себѣ выговорилъ, былъ послѣднимъ въ его жизни. Но зато какъ часто жалуется онъ на недосугъ! Какъ часто ему приходилось оправдываться въ томъ, что онъ не успѣлъ отвѣтить на полученныя имъ письма. Такъ, онъ сообщаетъ нѣкому Анастасію, что, пользуясь поѣздкой къ нему двухъ братьевъ, онъ посылаетъ съ ними письмо, такъ какъ знаетъ, что Анастасій былъ бы огорченъ, еслибы при этомъ случаѣ не получилъ письма; „тѣмъ болѣе, что я у тебя въ долгу, ибо я не помню, чтобы отвѣтилъ на твое письмо,—столькими заботами я удроченъ и отвлеченъ“.

Августинъ выражаетъ при этомъ желаніе знать, пользуется ли онъ, Анастасій, покоемъ, насколько это возможно на землѣ,—

„ибо если случается, что среди нашихъ тревоженій мы узнаемъ, что нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ пребываютъ въ покоѣ, то это намъ доставляетъ большое удовольствіе, какъ будто мы и сами живемъ покойнѣе. Однако, такъ какъ непріятности въ сей бременной жизни все увеличиваются, то онѣ побуждаютъ насъ желать вѣчнаго покоя“. Подъ бременемъ лежавшихъ на немъ обязанностей Августинъ не только жалуется на недостатокъ времени для переписки, но нерѣдко тяготится получаемыми письмами. Его современники добивались отъ него писемъ то ради вложеннаго въ нихъ содержанія, то изъ-за краснорѣчивой формы ихъ, но нерѣдко и изъ тщеславія. Къ такимъ навязчивымъ друзьямъ принадлежалъ епископъ Северъ, съ которымъ Августинъ былъ знакомъ съ молодости. Однажды Августинъ только-что отвѣтилъ на полученное отъ Севера письмо, и, не успѣвъ еще его отправить, — получилъ другое, переполненное напыщенныхъ похвалъ и увѣреній въ дружбѣ. Августинъ былъ видимо недоволенъ содержаніемъ письма и необходимостью отвѣчать на него. Ссылаясь въ своемъ отвѣтѣ на текстъ апостола, Августинъ признаетъ себя *должникомъ* Севера и на всѣ лады проводитъ эту тему, что придаетъ его письму рѣдкую у него искусственность. Но среди этой риторики ясно проглядываетъ укоризна: „Какъ мнѣ достойно отвѣтить на твою любезность, какъ удовлетворить твоей страсти ко мнѣ? Письмо твое не сказало намъ ничего новаго въ этомъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе требуетъ новаго отвѣта...

„Самая любовь налагаетъ на насъ долгъ помогать, въ братской любви, насколько мы можемъ, тому, кто желаетъ, чтобы ему какъ слѣдуетъ помогли. Но ты, братъ мой, знаешь, сколько дѣлъ у меня на рукахъ и какъ рѣдки — вслѣдствіе разнообразія заботъ, налагаемыхъ на меня моимъ служеніемъ, тѣ мгновенія досуга, которыми я располагаю; если же я буду посвящать ихъ постороннимъ дѣламъ, то поступлю, какъ мнѣ кажется, въ ущербъ своимъ обязанностямъ.

„Ты хочешь, чтобы я написалъ тебѣ пространное письмо, и я признаюсь, что на мнѣ лежитъ такой долгъ; меня обязываетъ къ этому твое столь задушевное, столь искреннее, столь чистое желаніе. Но такъ какъ ты любишь справедливость, то я прошу тебя, во имя ея, выслушать, не сердясь, то, что скажу. Ты понимаешь, что мнѣ слѣдуетъ исполнить прежде то, въ чему я обязанъ по отношенію къ другимъ и къ тебѣ, чѣмъ то, что я долженъ сдѣлать для тебя одного. А времени у меня не хватаетъ на все, если даже его недостаетъ для того, чему должно быть дано предпочтеніе. Поэтому всѣ мои дорогіе и близкіе

друзья, въ числѣ которыхъ ты одинъ изъ первыхъ, поступать согласно съ своими обязанностями, если не только не будутъ заставлятъ меня писать о постороннихъ предметахъ, но и другимъ, насколько можно, помѣшаютъ въ этомъ, съ святою кротостью пользуясь своимъ авторитетомъ. Я не хотѣлъ бы казаться жестокимъ, отказывая просьбамъ отдѣльныхъ лицъ изъ желанія предпочесть то, что я обязанъ сдѣлать для всѣхъ. Если, какъ я надѣюсь и какъ ты обѣщалъ, ты посѣтишь меня, ты узнаешь, какими литературными трудами я занятъ и въ какой степени занятъ, и тогда усерднѣе исполнишь то, о чемъ я прошу, т.-е. отвратишь другихъ, насколько можешь, отъ того, чтобы они понуждали меня писать о чемъ-нибудь постороннемъ”.

Труды, о которыхъ здѣсь упоминаетъ Августинъ, имѣли высокое догматическое значеніе для церкви, были въ глазахъ современниковъ драгоцѣнны для спасенія души. Но если Августинъ могъ сослаться на эти труды для ограниченія своей частной переписки, то это средство было непримѣнимо къ огромной дѣловой перепискѣ, которую ему пришлось вести. И эта переписка не только отнимала много времени, но рѣзко отрывала его отъ настроенія, въ которомъ онъ жилъ. Оторвавшись въ аскетическомъ порывѣ отъ мірскихъ интересовъ, весь погруженный въ созерцаніе идеальнаго Божьяго царства, Августинъ долженъ былъ входить въ мелочныя тяжбы и вдаваться въ юридическую казуистику. Къ разряду такихъ дѣлъ относится тяжба между епископомъ его родной Тагасты и—общиною Тіаве изъ-за наслѣдства пресвитера Гонората. Оно должно было тѣмъ болѣе смущать Августина, что одинъ изъ истцовъ былъ Алипій, епископъ Тагасты, ученикъ и другъ Августина, съ которымъ онъ такъ долго пребывалъ на высотахъ Платоновскаго идеализма, а потомъ въ глубинѣ аскетическаго міровоззрѣнія. Самое дѣло представляетъ большой интересъ, характеризуя какъ нравы того времени, такъ и осторожный примирительный способъ дѣйствія Августина, всегда заботившагося о томъ, чтобы нравственный авторитетъ церкви и духовенства не потерпѣлъ какого-либо ущерба. Гоноратъ былъ монахомъ въ Тагастѣ, а затѣмъ былъ посвященъ пресвитеромъ въ городѣ Тіаве, гдѣ и умеръ. По тогдашнему обычаю, который Августинъ признавалъ правильнымъ, имущество умершаго пресвитера считалось собственностью того прихода, въ которомъ онъ получилъ посвященіе, и общины; въ виду этого, часто старались убѣждать или даже принуждать богатыхъ людей принимать въ нихъ священство. Съ другой стороны, община Тіаве заявила, по смерти Гонората, притязаніе на его наслѣдство; но

монастырь Тагасты и стоявшій во главѣ его епископъ Алипій присвоивали себѣ наслѣдство Гонората, какъ бывшаго монаха. Община Тіаве, повидимому, находилась въ епархіи Августина, и поэтому Алипій обратился къ нему за разрѣшеніемъ спора.

При личномъ краткомъ свиданіи Алипій предложилъ, судя по письму къ нему Августина, оставивъ наслѣдство за монастыремъ, вознаградить общину Тіаве за счетъ самого Августина, т.-е. гиппонской церкви въ половинномъ размѣрѣ наслѣдства. Августинъ, желая содѣйствовать полюбовному соглашенію особенно въ виду того, что тіавская община только-что присоединилась изъ дона-тизма къ православію, выразилъ готовность взять на себя это обязательство. Но затѣмъ, на досугѣ обдумавъ дѣло и подъ вліяніемъ другого епископа, Самсуція, рѣшительно осудившаго эту сдѣлку, Августинъ измѣнилъ свой взглядъ. Онъ находилъ, что такая сдѣлка подастъ поводъ думать, что епископы видятъ въ этомъ дѣлѣ лишь денежный интересъ; прихожане Тіаве будутъ думать, что съ ними поступили нечестно и несправедливо, отдавъ имъ только половину того, что цѣликомъ должно было быть достояніемъ бѣдныхъ. Уже лучше ихъ лишить всего наслѣдства, — тогда, по крайней мѣрѣ, скажутъ, что епископы руководились не денежными соображеніями, а принципомъ справедливости. Нельзя изъ-за дѣла спорнаго допустить такой великій соблазнъ, подавая поводъ цѣлой общинѣ обвинять епископовъ, стоящихъ такъ высоко въ общемъ уваженіи, въ позорной жадности.

Августинъ указываетъ при этомъ на вѣрное средство избѣгать подобныхъ недоразумѣній: такъ какъ не всѣ, вступая въ монастырь, достаточно искренни, чтобы тотчасъ отречься отъ собственности, то не слѣдуетъ принимать въ монастырь никого, кто не вполне порвалъ связь съ земными интересами. Мы видимъ, какъ самая жизнь вела къ превращенію первоначальнаго, не связаннаго строгими правилами монашества, въ корпорацію, подчиненную общему уставу.

Но такъ какъ, въ данномъ случаѣ, мѣры предосторожности не были своевременно приняты, то слѣдуетъ держаться гражданского закона, т.-е. признавать монаха собственникомъ имущества, не переданнаго въ монастырь. Августинъ уговариваетъ поэтому Алипія отступить отъ своего права и указываетъ ему на примѣръ Христа, который, снисходя къ человѣческой слабости, послалъ Петра уплатить налогъ, хотя и зналъ *другого рода право*, въ силу котораго онъ не подлежалъ такому налогу.

Касаясь предложенія, сдѣланнаго Алипіемъ Августину, вознаградить тагастинскихъ монаховъ въ половинѣ цѣны имущества

Говората, епископъ Гиппона не отказывается отъ этого, если Алипій „считаетъ это несомнѣнно справедливымъ“, но съ условіемъ исполнить это обязательство лишь тогда, когда гиппонскій монастырь ¹⁾ получить такое пожертвованіе, что это можно будетъ сдѣлать безъ стѣсненія для гиппонскихъ братьевъ.

Тяжбы между епископами касались не только спорныхъ имуществъ, но и личнаго состава духовенства, принадлежавшаго къ той или другой епархіи. Сначала свобода перехода церковнослужителей изъ одной епархіи въ другую ничѣмъ не была стѣснена, такъ что бывали случаи, что одно и то же лицо числилось въ составѣ духовенства двухъ разныхъ епархій. Но такъ какъ эта свобода давала возможность уклоняться отъ дисциплинарной власти епископовъ и поощряла наклонность къ бродяжничеству, то, согласно съ общимъ духомъ *закръпощенія* людей къ мѣсту и занятію въ тогдашней римской имперіи, и церковнослужители были приписаны каждый къ своей епархіи и имъ было воспрещено отлучаться оттуда безъ разрѣшенія епископа, и „отпускныя грамоты“ епископовъ, имѣвшія прежде значеніе рекомендательныхъ писемъ, сдѣлались обязательными. Но этимъ, конечно, не могло быть уничтожено желаніе отдѣльныхъ лицъ переходить въ другую епархію безъ разрѣшенія епископа, особенно если имъ тамъ предлагалось повышение, а отсюда нерѣдко возникали пререканія между епископами. Переписка Августина знакомитъ насъ съ двумя случаями, куда относящимися, но противоположнаго характера: въ одномъ изъ своихъ писемъ Августинъ сѣтуетъ на привлеченіе въ другую епархію одного изъ его клериковъ, въ другомъ — оправдывается, что не можетъ отпустить въ другую епархію своего клерика. Первое изъ этихъ писемъ касается нѣкоего Тимофея, который былъ нѣсколько разъ „чтецомъ“ въ разныхъ церквахъ гиппонской епархіи, а затѣмъ былъ посвященъ въ иподіаконы епископомъ Северомъ „вопреки намѣренію и волѣ“ Августина. Дѣло усложнилось тѣмъ, что Тимофей передъ посвященіемъ далъ клятву, что никогда не оставитъ епископа Севера, пріѣзжавшаго въ мѣстечко Субсану, гдѣ и совершилъ посвященіе. Въ этомъ дѣлѣ было замѣшано нѣсколько духовныхъ лицъ изъ епархіи Августина, сдѣлавшаго имъ строгій выговоръ, послѣ котораго они выразили свое раскаяніе. Дѣлу было придано такое значеніе, что вызвало сѣздъ въ Субсану сосѣднихъ епископовъ; кромѣ Августина, Алипія изъ Тагасты и Самсуція изъ Турриса, Северъ также пріѣзжалъ въ

¹⁾ Августинъ организовалъ гиппонское духовенство въ монашеское общежитіе.

Субсану, но уѣхалъ оттуда, не дождавшись своихъ собратій, которые написали ему коллективное письмо, до насъ дошедшее. Кромѣ него, у насъ есть письмо Августина, лично обращенное къ его другу Северу, написанное въ примирительномъ, но твердомъ тонѣ: „Если я скажу то, что сказать побуждаетъ меня самое дѣло, то это будетъ въ ущербъ любви; если же я этого не скажу, то куда дѣнется свобода, на которую имѣетъ право дружба?“ Имѣя въ виду предлогъ, выставленный Северомъ, что Тимошеей еще не былъ „чтецомъ“, и потому не связанъ съ гиппонской епархіей, Августинъ взываетъ къ религіозной совѣсти Севера и спрашиваетъ, можно ли, по справедливости, не признавать чтецомъ человѣка, который уже началъ читать въ подвѣдомственной Августину церкви—и читалъ не разъ, а два и три раза, и въ Субсанѣ, и въ Туррисѣ, и въ Цизанѣ, и въ Вербалѣ? Августинъ выражаетъ увѣренность, что Северъ хорошо пойметъ, какой произойдетъ подрывъ дисциплинѣ церковнаго чина, если всякому клерику другой церкви будетъ дозволено давать клятву, кому онъ захочетъ, что отъ него не уйдетъ, и этимъ добыть себѣ разрѣшеніе остаться при этомъ лицѣ, чтобы не стать клятвoprеступникомъ. Августинъ соглашался отпустить Тимошею къ Северу, чтобы избѣгнуть нарушенія его клятвы, но требовалъ, чтобы Северъ самъ удалил Тимошею и тѣмъ снялъ бы съ него обѣтъ.

Этотъ случай, вѣроятно, и послужилъ поводомъ къ тому, что въ слѣдующемъ (402) году на соборѣ въ нумидійскомъ городѣ Милве было постановлено, что тотъ, кто хотя бы одинъ разъ читалъ въ церкви, не долженъ быть удерживаемъ другою церковью. Три года спустя, Августину пришлось опять удерживать у себя клерика, которымъ онъ очень дорожилъ и котораго звалъ къ себѣ его дядя Новата, епископъ Сетифа, въ отдаленной Мавританіи. Уговаривая Новата не настаивать на отозваніи діакона Луцилла, Августинъ писалъ, что узы родства, соединяющія Новата съ его племянникомъ, не крѣпче, чѣмъ узы дружбы, связывающія его, Августина, съ Северомъ, а между тѣмъ они видятся весьма рѣдко, занятые интересами церкви.

Августинъ предусматриваетъ возраженіе Новата, что онъ вызываетъ своего племянника для служенія церкви, и на это отвѣчаетъ, что еслибы Луциллъ могъ въ Сетифѣ оказывать церкви такія же услуги, какъ въ Гиппонѣ, то его, Августина, слѣдовало бы обвинить не только въ жестокости, но и въ несправедливости. Дѣло, однако, въ томъ, что проповѣдь Евангелія въ Гиппонѣ сильно страдаетъ отъ отсутствія въ этой епархіи слу-

жителей церкви, знающихъ пунійскій языкъ, тогда какъ въ епархіи Новата знаніе этого языка обычно: „такъ думаешь ли ты,—спрашиваетъ Августинъ,—что я буду содѣйствовать спасенію народа Божьяго, если пошлю туда этого знатока пунійскаго языка и удалю его отсюда, гдѣ я пламенно желаю его присутствія“?

Гораздо болѣе тревожили Августина дѣла, касавшіеся личныхъ качествъ и поведенія клериковъ, подававшихъ поводъ къ жалобамъ и смущавшихъ паству, какъ можно усмотрѣть изъ письма Августина къ Фелиціи. Августинъ извѣщаетъ ее, чтобы она не слишкомъ смущалась соблазнами, которые были „предсказаны“. „Одни изъ пастырей для того занимаютъ свои кафедры, чтобы заботиться о паствѣ Христовой; другіе же на нихъ возсѣдаютъ, чтобы наслаждаться свѣтскими почестями и выгодами. Эти два рода пастырей, вымирая и вновь нарождаясь, будутъ по необходимости существовать въ католической церкви до конца вѣка и Господняго суда. Такое же различіе между добрыми и злыми существуетъ и въ самой паствѣ, пока не придетъ главный Пастырь, который ихъ и отдѣлитъ другъ отъ друга. Намъ онъ предписалъ единеніе, за собой же оставилъ распредѣленіе; ибо распредѣлять подобаетъ тому, кто не можетъ впасть въ заблужденіе. А пока добрыя овцы, слѣдуя святому примѣру добрыхъ пастырей, не должны однако возлагать свои надежды на нихъ, а на Господа, искупившаго ихъ своею кровью. Если же они случайно обрѣтутъ плохихъ пастырей, проповѣдующихъ Его ученіе, а совершающихъ свои плохія дѣла, тогда добрыя овцы пусть творятъ то, что тѣ говорятъ, и не творятъ того, что тѣ творятъ, и пусть изъ-за сыновъ неправды онѣ не покидаютъ общаго пастбища“.

Поэтому Августинъ увѣщаетъ Фелицію любить тѣхъ слугъ, чрезъ посредство которыхъ она была *побуждена войти* (отъ М. 22, 9), но возлагаетъ надежду на Того, Кто приготовилъ трапезу. При всей терпимости къ плохимъ пастырямъ, которой Августинъ требовалъ отъ ихъ прихожанъ, онъ однако съ своей стороны не уклонялся отъ строгихъ мѣръ противъ нихъ, если они были ему подчинены. Это испыталъ на себѣ пресвитеръ Абонданцій, „не слѣдовавшій по пути слугъ Господнихъ“. Августину стало извѣстно, что онъ не возвратилъ денегъ крестьянину, отъ котораго принялъ ихъ на сохраненіе, а затѣмъ, какъ онъ самъ признался, пробывши въ мѣстечкѣ Гипписѣ сочельникъ, „день, который тамъ, какъ и повсемѣстно, считается постнымъ днемъ“, у мѣстнаго пресвитера, и простившись съ нимъ,

чтобы вернуться домой, остановился тамъ же, въ домѣ женщины дурного поведенія, гдѣ обѣдалъ и ужиналъ. За пребываніе въ ея домѣ уже былъ удаленъ отъ должности одинъ изъ гиппонскихъ пресвитеровъ, и Абонданцію это было извѣстно. Августинъ на судѣ призналъ Абонданція недостойнымъ завѣдывать приходомъ, въ особенности въ области, „подверженной бѣшеннымъ нападкамъ окрестныхъ еретиковъ. Такъ какъ Абонданцій имѣлъ право въ теченіе одного года обжаловать этотъ приговоръ, то Августинъ сообщилъ объ этомъ *примасу* (старшему епископу) Нумидіи. Августинъ пишетъ, что если духовные судьи иначе взглянуть на это дѣло, на томъ основаніи, что (по постановленію карфагенскаго собора 318 года) нужно шесть епископовъ для суда надъ пресвитеромъ, то пусть довѣритъ ему приходъ, кто захочетъ, — „я же, признаюсь, такимъ лицамъ предоставить приходъ опасаюсь“.

Съ другой стороны, Августинъ не былъ склоненъ давать въ обиду своихъ пресвитеровъ, по обвиненіямъ, на нихъ возводимымъ. Такъ, онъ пишетъ Панкарію, человѣку, очевидно, вліятельному, который жаловался на пресвитера Секундина: „Такъ какъ до твоего пріѣзда жители Германиціи были вполне довольны пресвитеромъ Секундиномъ, то я не понимаю, какъ это случилось, что они, по твоимъ словамъ, готовы его обвинять въ какихъ-то преступленіяхъ. Я, конечно, не могу оставить безъ вниманія жалобъ на пресвитера, но только въ томъ случаѣ, если жалобы исходятъ отъ каеоликовъ; ибо принимать жалобы на каеолическаго пресвитера отъ еретиковъ я не могу и не долженъ. Поэтому позаботься сначала о томъ, чтобы не было еретиковъ тамъ, гдѣ до твоего пріѣзда ихъ не было вовсе; тогда я разберу дѣло пресвитера, какъ слѣдуетъ его разобрать“. Августинъ проситъ Панкарія, — такъ какъ его благополучіе и мнѣніе ему дороги и сами жители Германиціи подлежатъ его заботамъ, — чтобы Панкарій опредѣленно предъявилъ, чего онъ добился въ свою пользу отъ „достославныхъ“ императоровъ, а также и чего онъ достигъ въ компетентномъ судѣ, — для того, чтобы всѣмъ было очевидно, что онъ ничего неправильно не замышляетъ и чтобы тяжба о землѣ, которую онъ затѣялъ, не стала снова источникомъ тревогъ и разоренія для бѣдняковъ. Въ то же время Августинъ настаиваетъ, чтобы домъ пресвитера Секундина не подвергался ни разоренію, ни разграбленію; относительно же самой его церкви Августину сообщено, что какіе-то люди хотятъ ее снести, — но онъ полагаетъ, что Панкарій ни въ какомъ случаѣ не долженъ этого потерпѣть. Случалось, что къ

Августину обращались съ просьбой о заступничествѣ пресвитеры другихъ епархій. Такъ поступилъ, напр., пресвитеръ кароагенской епархіи Квинціанъ, который за чтеніе въ церкви неканоническихъ книгъ былъ лишенъ епископомъ Авреліемъ права приобщаться съ нимъ. Августинъ отвѣчаетъ ему, что онъ ничего не имѣетъ противъ его пріѣзда въ Гиппонъ, но не можетъ допустить его къ причастію, пока Аврелій не сниметъ съ него опалы. Онъ убѣждаетъ его съ терпѣніемъ подчиниться церковной дисциплинѣ и оправдываетъ Аврелія тѣмъ, что лишь бремя дѣлъ, а не какое-либо нерасположеніе къ нему заставило кароагенскаго епископа замедлить рѣшеніемъ его дѣла. „Еслибы тебѣ были извѣстны неотложныя дѣла Аврелія такъ, какъ извѣстны твои собственные, ты не удивился и не огорчился бы этой оттяжкѣ“. Августинъ проситъ Квинціана повѣрить, что и у него много дѣла, и замѣчаетъ, что есть епископы старшіе по возрасту, болѣе авторитетные и болѣе близкіе къ нему по сосѣдству, къ которымъ Квинціану и слѣдовало бы обратиться. Августинъ однако уже раньше сообщилъ Аврелію о тревогахъ и жалобахъ Квинціана и переслалъ ему въ доказательство невиновности послѣдняго копію съ его письма. Августинъ впрочемъ убѣждаетъ Квинціана не давать повода къ соблазну въ церкви посредствомъ чтенія неканоническихъ книгъ, ибо еретики и особенно манихеи, скрывающіеся въ тѣхъ мѣстахъ, пользуются этими книгами, чтобы смущать умы невѣдущихъ.

Но Квинціанъ, обращаясь къ Августину за ходатайствомъ, въ то же время заявилъ и притязаніе, чтобы Августинъ не принималъ въ свой монастырь нѣкоего Приваціана, такъ какъ онъ состоялъ чтецомъ въ кароагенской епархіи. При этомъ Квинціанъ ссылался на постановленія соборовъ. Августинъ замѣтилъ съ ироніей, что въ тѣхъ же соборныхъ постановленіяхъ указано, какія книги считать каноническими, и посоветовалъ Квинціану вновь прочесть эти постановленія и хорошо ихъ запомнить. Онъ убѣдится, что воспрещеніе соборовъ относится къ пришлымъ клерикамъ, а не къ мірянамъ; въ постановленіи даже не упоминаются монастыри. Приваціана Августинъ не считалъ клерикомъ, такъ какъ онъ лишь однажды читалъ *неканоническую* книгу. „Ибо если книга неканоническая, то кто бы ее ни прочиталъ въ церкви, не можетъ считаться церковнымъ чтецомъ“. Августинъ впрочемъ еще и не принялъ въ свой монастырь этого молодого человѣка, а предоставилъ все это дѣло на усмотрѣніе епископа Аврелія.

Наиболѣе смутило и огорчило Августина интересное для

исторіи нравовъ и культуры дѣло пресвитера Бонифація. Августинъ говоритъ о немъ въ одномъ частномъ письмѣ и въ посланіи къ духовенству и прихожанамъ Гиппона. Дѣло возникло вслѣдствіе ссоры между монахомъ Августиновскаго монастыря, по имени Спесъ, и однимъ изъ пресвитеровъ Гиппона, Бонифаціемъ, которые взаимно обвиняли другъ друга въ очень позорномъ поведеніи. Въ первомъ письмѣ Августинъ проситъ Феликса и Гиларина противопоставить клеветѣ людской, пустымъ сплетнямъ и подозрѣніямъ христіанское размышленіе о томъ, что Св. Писаніе предсказало соблазны. Что въ нихъ удивительнаго, если люди являются хулителями слугъ Божіихъ и, не будучи въ состояніи совратить ихъ, стараются запятнать ихъ доброе имя? Августинъ пишетъ, что пресвитеръ Бонифацій ни въ чемъ не былъ уличенъ, и что онъ никогда не вѣрилъ и не вѣритъ тому, что говорится о немъ. Какимъ же образомъ могъ бы онъ лишить его сана пресвитера? Что онъ самъ такое, чтобы дерзнуть предудредить судъ Божій? Какъ епископъ, онъ не долженъ допускать опрометчиваго подозрѣнія; какъ человѣкъ, онъ не въ состояніи судить о томъ, что таятся въ человѣческомъ сердцѣ. Въ свѣтскихъ тяжбахъ, въ случаѣ аппеляціи къ высшему суду, дѣло оставляется въ томъ же положеніи изъ опасенія оскорбить высшій судъ, еще не произнесшій своего приговора. Насколько нужнѣе соблюдать это по отношенію къ Божьему суду, столь превышающему всякую свѣтскую власть.

Августинъ, говоря въ этомъ случаѣ о Божьемъ судѣ, разумѣлъ не судъ нравственной совѣсти человѣка и не страшный судъ, а Божій судъ въ самомъ реальномъ смыслѣ этого слова. Въ посланіи къ своей паствѣ, въ которомъ проявляется со всею своею симпатичностью совѣстливая и гуманная натура Августина, онъ объясняетъ, какимъ образомъ онъ пришелъ къ такому выводу. Дѣло это его давно мучило и, не находя способа уличить одного изъ двухъ, хотя онъ больше довѣрялъ пресвитеру, онъ сначала предполагалъ обоихъ предоставить Господу, пока не обнаружится что-нибудь противъ того, кого онъ подозрѣвалъ, и явится возможность изгнать его изъ общегитія.

Но монахъ Спесъ сталъ сильно добиваться духовнаго сана посредствомъ посвященія самимъ Августиномъ или въ иной епархіи по рекомендаціи послѣдняго. Августинъ же никакъ не рѣшался ни рукоположить человѣка, котораго онъ подозрѣвалъ въ такомъ тяжкомъ дѣлѣ, ни провести его въ духовный санъ черезъ другого епископа. Тогда тотъ сталъ шумѣть и жаловаться, что если его не хотятъ возвысить въ духовный санъ, то

и Бонифацію нельзя дозволить въ немъ оставаться. Видя же, что Бонифацій не желаетъ служить соблазномъ для слабыхъ и склонныхъ къ подозрѣнію и предпочитаетъ пожертвовать своимъ почетнымъ саномъ, чѣмъ оставаться въ невозможности доказать чистоту своей совѣсти людямъ, сомнѣвающимся въ немъ, — Августинъ остановился на рѣшеніи, которое онъ называетъ *среднимъ*. А именно, онъ заставилъ обоихъ принять на себя обязательство отправиться въ святое мѣсто, гдѣ чудотворная сила Господа легче могла повліять на совѣсть виновнаго и побудить его къ признанію подъ вліяніемъ опасенія небесной кары. Такимъ мѣстомъ Августинъ избралъ гробницу св. Феликса въ Нолѣ отчасти потому, что тамъ проживалъ въ это время его другъ, Паулинъ, и онъ надѣялся, что онъ оттуда легче и вѣрнѣе будетъ извѣщенъ о томъ, какое въ этомъ дѣлѣ послѣдуетъ божественное откровеніе. Августинъ ссылается по этому поводу на собственный опытъ. Ему извѣстно, что у гробницъ миланскихъ святыхъ воръ, пришедшій туда, чтобы клятвопреступленіемъ совершить обманъ, былъ принужденъ признаться въ воровствѣ и возратить украденное. Предвидя возраженіе: „развѣ Африка не полна мощами святыхъ“ — Августинъ восклицаетъ: „мы однако ничего о подобномъ здѣсь не слыхали!“ — и приводитъ въ объясненіе слова апостола (I Кор. XII, 30): не всѣмъ святымъ предоставленъ даръ исцѣленія, не всѣ они истолкователи (*dijudicatio spirituum*).

Августинъ, какъ онъ самъ признается, принималъ всѣ мѣры предосторожности для того, чтобы дѣло Бонифація не получило огласки; онъ не хотѣлъ довести до свѣдѣнія своихъ прихожанъ „о своемъ тяжкомъ сердечномъ горѣ“. Но Господь этого не хотѣлъ скрыть отъ нихъ для того, какъ говорилъ имъ Августинъ, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ усердствовали въ молитвѣ и просили Господа открыть имъ истину. Оправдываясь предъ прихожанами въ томъ, что онъ не вычеркнулъ имя Бонифація изъ списка пресвитеровъ, Августинъ выражаетъ готовность это сдѣлать для того, чтобы пребываніе Бонифація въ числѣ пресвитеровъ не подавало повода „ищущимъ его“ не присоединяться къ церкви, но прибавляетъ, что вина падетъ не на него, а на тѣхъ, ради которыхъ это будетъ сдѣлано. Августинъ пользуется случаемъ, чтобы защитить Бонифація и выставить на видъ его благородство. Бонифацій отказывался брать отпускную грамоту, которая обезпечила бы ему на чужбинѣ почетъ, подобающій его сану, — для того, чтобы не пользоваться преимуществомъ передъ своимъ обвинителемъ.

Обращаясь къ тому, какъ слѣдуетъ прихожанамъ отнестись

къ этому дѣлу, Августинъ призываетъ ихъ скорбѣть о немъ, но скорбѣть такъ, чтобы скорбь ихъ побуждала молить Бога поскорѣе раскрыть невинность ихъ пресвитера, въ которую Августинъ склоненъ вѣрить. Августинъ предостерегаетъ прихожанъ слѣдовать примѣру тѣхъ, которые, если согрѣшитъ епископъ, или клерикъ, или монахъ, или инокиня, кричатъ, что всѣ они таковы, но что нельзя всѣхъ обличить. Если замужняя женщина окажется невѣрною, они не выгоняютъ изъ дома женъ своихъ, не клеветаютъ на матерей своихъ. Но если кого-либо изъ посящихъ священный санъ ложно обвинять въ преступленіи или уличать, тогда они бѣснуются и разносятъ молву, что всѣ таковы.

Приводя соотвѣтствующіе тексты Св. Писанія, Августинъ убѣждаетъ своихъ прихожанъ избѣгать трехъ опасностей, связанныхъ съ этимъ дѣломъ: не слѣдовать дурнымъ примѣрамъ, не поддаваться злымъ языкамъ, не возводить ложныхъ подозрѣній на служителей Божіихъ. Августинъ особенно предостерегаетъ ихъ отъ гордыни. Онъ усматриваетъ ее въ томъ, что многіе этимъ дѣломъ болѣе возмущены, чѣмъ паденіемъ двухъ діаконовъ, перешедшихъ къ нимъ отъ донатистовъ; тогда они глумились надъ церковной дисциплиной Прокуляна (епископа донатистовъ въ Гиппонѣ) и хвастались, что съ ихъ клериками ничего подобнаго не могло бы случиться. Августинъ осуждаетъ это и увѣщаетъ не упрекать еретиковъ въ чемъ-либо иномъ, кромѣ того, что они не католики. Онъ умиленно проситъ его не огорчать, не прибавлять новыхъ ранъ къ тѣмъ, которыя ему нанесены; ради нихъ онъ ежечасно въ тревогѣ, „извнѣ испытываетъ нападеніе, внутри—страхи“, ведетъ борьбу въ городѣ, ведетъ ее въ пустынѣ, подвергается опасности со стороны язычниковъ, опасности со стороны ложныхъ братьевъ. „Я знаю, что вы сами страдаете, но развѣ вы страдаете больше моего“?

Оправдываясь далѣе, онъ проситъ прихожанъ молиться за него, чтобы, „проповѣдуя другимъ, самому не оказаться недостойнымъ“... „Какъ бы ни былъ бдителенъ надзоръ въ моемъ домѣ, я человѣкъ и живу съ людьми, и не дерзаю полагать, чтобы домъ мой былъ лучше Ноева ковчега, гдѣ въ числѣ восьми людей оказался одинъ несправедный“.

Августинъ очевидно былъ убѣжденъ въ правотѣ Бонифація и въ ложности доноса монаха. Поэтому онъ закончилъ свое посланіе словами, знаменательными для всей дальнѣйшей исторіи зарождавшагося тогда монашества. „Въ простотѣ признаюсь вамъ передъ Господомъ Богомъ нашимъ,—свидѣтелемъ души моей съ тѣхъ поръ, какъ я служу Ему,—въ томъ, что насколько

труднѣе, какъ я испыталъ, найти людей лучше, чѣмъ тѣ, кто преуспѣваетъ въ монастыряхъ, настолько я не знаю людей хуже павшихъ монаховъ. Поэтому,—заключаетъ Августинъ,—если намъ доставляютъ огорченіе *отбросы*, насъ должна утѣшать красота плодовъ“.

Не только клирики и монахи, но иногда и высшіе представители духовенства—епископы вызывали сѣтованія Августина, то уклоненіемъ отъ христіанскаго идеала, то неразумнымъ рвеніемъ. Письмо Августина къ епископу Павлу Катакскому представляетъ собою образчикъ строгаго наставленія товарищу-епископу за слишкомъ свѣтскій образъ жизни. Въ письмѣ этомъ Августинъ оправдывается противъ упрека со стороны Павла въ „безпопечности“. Августинъ заявляетъ, что если бы Павелъ жалѣлъ самого себя такъ же, какъ онъ, Августинъ, его жалѣетъ, то слава его поведенія давно бы радовала церковь. Августинъ увѣряетъ Павла, что онъ считаетъ его не только братомъ ¹⁾, но продолжаетъ считать товарищемъ, ибо невозможно, чтобы онъ не признавалъ товарищемъ епископа католической церкви, каковъ бы онъ ни былъ, пока онъ не осужденъ церковью. Если же онъ прервалъ „общеніе“ съ нимъ, то только потому, что не можетъ ему льстить. Такъ какъ онъ считаетъ его своимъ духовнымъ сыномъ, то онъ тѣмъ болѣе признаетъ своимъ долгомъ высказать ему справедливыя упреки христіанской любви. „Я не настолько радуюсь тому, что ты съ Божьей помощью собралъ многихъ въ лоно католической церкви, чтобы не скорбѣть о томъ, что ты еще большее число разогналъ твоимъ образомъ жизни. Ты нанесъ своей церкви такую рану, что если Господь не избавилъ тебя отъ всѣхъ заботъ и интересовъ свѣтскихъ и не возвратилъ тебя къ истинному епископскому житію, то рана останется неизлечимою. А такъ какъ ты все болѣе и болѣе впутываешься въ мірскіе интересы и даже въ такіе, отъ которыхъ ты отрекся,—что не дозволяется даже гражданскими законами,—и такъ какъ ты, какъ говорятъ, ведешь такой образъ жизни, что скудныя средства твоей церкви для него недостаточны, то зачѣмъ ты ищешь общенія со мною, если не терпишь наставленій моихъ?“ Напрасно, по словамъ Августина, катакскій епископъ увѣряетъ, что всѣ нареканія на него идутъ отъ его давнишнихъ враговъ; но если бы это и было такъ, то все-таки нравы епископа не

¹⁾ Прозвище *брата*, служившее прежде для взаимнаго обозначенія всѣхъ христіанъ, употреблялось въ дни Августина во взаимномъ обращеніи духовныхъ лицъ.

должны подавать поводъ хулить церковь. „Я знаю,—заканчиваетъ Августинъ,—что ты обладаешь умомъ; но и малый умъ хорошъ, если онъ руководится небеснымъ, а острый умъ ни къ чему, если онъ не поднимается надъ земнымъ. Епископское званіе не должно быть средствомъ доставлять себѣ мнимыя радости жизни“.

Гораздо ближе касалось Августина и сильнѣе должно было его огорчить громкое дѣло епископа Анатолія Фусальскаго. Мѣстечко Фуссала находилось на окраинѣ гиппонской епархіи, верстахъ въ семидесяти отъ главнаго города. Въ населеніи этой мѣстности донатизмъ настолько преобладалъ, что въ самой Фуссалѣ не было ни одного православнаго. Священники, которыхъ посылалъ туда Августинъ, подвергались побоямъ, ограбленію и увѣчьямъ—нѣкоторые были ослѣплены и убиты. Постепенно однако число православныхъ стало возрастать, а число донатистовъ сильно уменьшаться, да и эти были большею частью бѣглецы изъ другихъ областей. Но такъ какъ Августинъ по отдаленности считалъ затруднительнымъ для себя бдительный надзоръ за обращенными, въ которомъ они нуждались, то онъ рѣшился поставить въ Фуссалѣ особаго епископа,—для этого былъ нуженъ человѣкъ, знавшій пунійскій языкъ. Наконецъ подходящее лицо было намѣчено; въ Фуссалу прибылъ примасъ Нумидіи, чтобы совершить рукоположеніе, и все было готово для этого, какъ вдругъ предложенный кандидатъ отказался. Августинъ былъ въ большомъ затрудненіи; онъ не хотѣлъ еще разъ тревожить пожилого примаса изъ-за того же дѣла, и потому предложилъ въ епископы молодого пресвитера, при немъ находившагося, котораго онъ съ дѣтства воспитывалъ въ своемъ монастырѣ. И Антоній сталъ епископомъ.

Но Антоній не оправдалъ надеждъ Августина: на него стали поступать жалобы; его обвинили въ преступленіи противъ цѣломудрія, въ лихоимствѣ и насиліяхъ, жаловались на его невыносимое властолюбіе. Первое обвиненіе осталось недоказаннымъ, и Августинъ, жалѣя Антонія, не призналъ жалобъ противъ него достаточными для смѣщенія его. Августинъ и дѣйствовавшій заодно съ нимъ епископъ, однако, заставили Антонія возвратить все, чтó онъ неправильно себѣ присвоилъ, и, оставивъ его въ санѣ епископа, отняли у него власть надъ епархіей для того, чтобы предотвратить новыя столеновенія съ населеніемъ.

Но придуманная ими мѣра никого не удовлетворила. Правда, Антоній, отлученный отъ причастія, внесъ залогомъ всю сумму, подлежащую возврату, и былъ послѣ этого допущенъ къ при-

чащенію. Но онъ хотѣлъ возвратить себѣ и власть. Онъ утверждалъ, что его надо было или лишить сана, или же оставить ему и власть епископа. Ему удалось склонить на свою сторону примаса Нумидіи и черезъ его посредство перенести дѣло въ Римъ. Разсчитывая на благопріятное для себя разрѣшеніе его дѣла папою, Антоній сталъ грозить своимъ прихожанамъ судебнымъ преслѣдованіемъ, вмѣшательствомъ властей и военной силой для восстановленія его во власти. Напуганные этимъ, жители съ своей стороны жаловались папѣ на Августина за то, что онъ поставилъ имъ такого молодого и непригоднаго епископа. Августинъ самъ былъ принуждалъ обратиться по этому дѣлу съ письмомъ къ папѣ. Письмо это имѣетъ большой интересъ для выясненія отношеній Августина къ папству. Но эту сторону дѣла приходится пока оставить въ сторонѣ. Въ своемъ письмѣ Августинъ сообщаетъ папѣ Целестину всѣ свои тревоги и опасенія—онъ проситъ папу сжалиться и не допустить, чтобы жители Фуссалы терпѣли зло, а епископъ Антоній творилъ его—для того, чтобы тѣ, не получая помощи со стороны католическихъ епископовъ и отъ апостольскаго престола противъ католическаго епископа, не возненавидѣли католичества, и чтобы Антоній, желая удержать ихъ противъ ихъ воли подъ своей властью, не совершилъ преступленія, удаливъ ихъ отъ Христа.

Августинъ былъ такъ огорченъ и встревоженъ опасностью совращенія жителей Фуссалы въ донатизмъ, что выражалъ намѣреніе отказаться отъ епископскаго сана, если вслѣдствіе его неосторожности и черезъ поставленнаго имъ епископа потерпѣть церковь Божію.

Одно изъ самыхъ интересныхъ для исторіи церкви писемъ Августина—его письмо къ молодому епископу Ауксильію. Здѣсь, уже убѣленный сѣдинами и наученный жизненнымъ опытомъ, отецъ церкви высказываетъ свой взглядъ на страшное орудіе, съ помощью котораго средневѣковая церковь, смѣшивая божественное съ земнымъ, добивалась деспотической власти не только надъ совѣстью, но и надъ житейскими интересами людей,—а именно на преданіе анаемѣ виновнаго и наложеніе интердикта на прикосновенныхъ къ нему людей. Ничто, по нашему мнѣнію, не доказываетъ такъ ясно, какъ высоко стоялъ Августинъ среди современнаго ему духовенства по своему почерпнутому въ философскомъ идеализмѣ образованію и по своей великодушной, гуманной натурѣ, какъ то письмо, которое должно было бы служить руководящимъ маякомъ въ наступавшей для церкви эпохѣ. Письмо обращаетъ на себя вниманіе и тѣмъ мастерствомъ, съ

какимъ знаменитый епископъ наставлялъ своего слишкомъ горячаго собрата.

Письмо Августина было вызвано просьбою о заступничествѣ, съ которой къ нему обратился нѣкій Классиціанъ, отлученный епископомъ Ауксиліемъ отъ церкви со всѣмъ своимъ домомъ. Дѣло, по изложенію Классиціана, заключалось въ слѣдующемъ: какіе-то люди, которыхъ Классиціанъ обвинялъ въ клятвопреступленіи, искали убѣжища въ церкви, и, по выраженію Августина, „нарушители вѣры требовали себѣ помощи въ самомъ обиталищѣ вѣры“. Когда же туда явился и Классиціанъ со свитой, „соотвѣтствовавшей его положенію въ обществѣ“, эти люди добровольно оттуда удалились. За это Ауксилій такъ разгнѣвался на Классиціана, что предалъ его анаемѣ. Письмо Классиціана сильно взволновало Августина и вызвало въ немъ „цѣлую бурю чувствъ и мыслей“. Обращаясь къ Ауксилію, онъ проситъ его, если тотъ поступилъ такъ въ силу разумныхъ основаній или свидѣтельствъ Св. Писанія, то и его наставить, какимъ образомъ можетъ, по справедливости, быть подвергнутъ анаемѣ сынъ за грѣхъ отца, жена за мужа, или же рабъ за господина, или даже еще не родившійся ребенокъ, если онъ родился во время нахождения его семьи подъ анаемой, — вслѣдствіе которой его нельзя будетъ спасти крещеніемъ въ случаѣ смерти?! Возраженіе, что при Ветхомъ Завѣтѣ ненавистники Господа предавались гибели вмѣстѣ съ своими домочадцами, Августинъ устраниваетъ замѣчаніемъ, что то была смерть физическая, а здѣсь идетъ рѣчь о гибели души. А затѣмъ, обращаясь къ Ауксилію, Августинъ его спрашиваетъ: „Можетъ быть, ты слыхалъ, что и иные великіе святители предавали анаемѣ виновныхъ вмѣстѣ со всей ихъ семьей? — но возможно, что если бы ихъ объ этомъ спросили, они нашли бы удовлетворительныя для этого основанія: Я — если бы кто меня спросилъ, правильно ли они поступили — не зналъ бы, что отвѣтить; самъ же я никогда на это не рѣшался, хотя и бывалъ крайне возмущенъ нѣкоторыми ужасными преступленіями противъ церкви. Но если, можетъ быть, Господь тебѣ открылъ, что это было правильно сдѣлано, тогда и я, старикъ и давнишній епископъ, готовъ поучиться у юноши и у товарища, менѣе года состоящаго епископомъ, какъ оправдать передъ Богомъ и людьми кару духовною смертию неповинныхъ лицъ... Итакъ, если ты въ состояніи найти твоему поступку оправданіе, то дай мнѣ такое объясненіе, чтобы и я могъ присоеди- ниться къ твоему мнѣнію“. Августинъ прибавляетъ, что онъ говорилъ бы то же самое, еслибъ даже Классиціанъ *заслужилъ*

отлученіе отъ церкви. Не желая касаться этого вопроса, Августинъ проситъ Ауксилья, чтобы онъ въ этомъ случаѣ его простилъ; если же Ауксильй, поразмысливъ, найдетъ, что тотъ былъ правъ, то пусть онъ поступитъ, какъ подобаетъ святому чело-вѣку. „Не думай, что мы не можемъ поддаться несправедливому гнѣву, потому что мы епископы!—лучше намъ подумать о томъ, что, живя среди сѣтей искушеній, мы находимся въ постоянной опасности впасть въ ошибку, ибо мы—люди. Поэтому отмѣни приговоръ, который ты поставилъ, можетъ быть, слишкомъ погорячившись, и возстанови любовь, которая васъ связывала съ того времени, когда вы оба готовились къ крещенію; покончи ссору и установи миръ, чтобы не погибъ у тебя другъ и чтобы не порадовался на васъ діаволь-недругъ“. Между тѣмъ, надъ христіанами Африки нависли грозныя тучи, предвѣстницы бури, въ которой погибъ и самъ Августинъ. Имперія стала разрушаться подъ напоромъ варваровъ; сама Италія неоднократно подвергалась ихъ вторженію, а сосѣдняя съ Африкой Испанія окончательно была ими занята; уже можно было опасаться оттуда нашествія вандаловъ. Вандалы же были не только варвары, но и аріане, особенно враждебные православному духовенству. Среди послѣдняго стала распространяться паника, и возникъ вопросъ, дозволено ли епископамъ спасаться отъ преслѣдованій варваровъ? Съ такимъ вопросомъ уже обратился къ Августину епископъ Кводвультдэусъ, а вслѣдъ за нимъ и другой, сосѣдній епископъ, Гоноратъ Тіавскій. Августинъ отвѣтилъ первому, что хотя бы населеніе и спасалось въ безопасныя мѣста, епископы не должны покидать церкви, которой они служатъ. „Какъ бы мало ни оставалось на мѣстѣ нашихъ прихожанъ, наше служеніе имъ такъ необходимо, что они не должны оставаться безъ насъ“. И Гонорату была послана копія съ этого письма, но онъ этимъ не удовлетворился и своими возраженіями побудилъ Августина подробно коснуться возбужденнаго вопроса. Это письмо можно назвать завѣщаніемъ Августина. Въ слѣдующемъ году онъ погибъ въ осажденномъ вандалами Гиппонѣ, вѣрно исполняя свой завѣтъ о высокомъ призваніи пастыря—жить и умереть съ своею паствою.

Гоноратъ остался недоволенъ рѣшеніемъ Августина. Онъ привелъ противъ него текстъ Евангелія (Матѣ. X, 23): „Когда же будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой“. Августинъ на это замѣчаетъ: кто же повѣритъ, что Христосъ этими словами хотѣлъ сказать, чтобы пастыри покидали паству, его кровью искупленную? Августинъ не признаетъ и другого довода,

приведеннаго Гоноратомъ, ссылки на апостола Павла, бѣжавшаго изъ Дамаска и спущеннаго въ корзинѣ по стѣнѣ. Августинъ объясняетъ, что апостолъ подвергался личному преслѣдованію, и, спасаясь, уступилъ настоянію тѣхъ, кто желалъ сохранить его для церкви. Пусть его примѣру слѣдуютъ тѣ, которые окажутся въ подобномъ положеніи. Но когда всѣ одинаково—и епископы, и клирики, и міряне, подвергаются опасности, то тѣ, въ которыхъ другіе нуждаются, не должны ихъ покидать. Пусть они или всѣ уйдутъ въ безопасныя мѣста, или же пусть тѣ, которые принуждены остаться на мѣстѣ, не лишатся духовной помощи. Гоноратъ утверждалъ въ своемъ первомъ письмѣ, что если епископы будутъ оставаться при церквахъ, то какая же будетъ польза народу оттого, что на глазахъ епископа будутъ избивать мужей, безчестить женщинъ, сжигать церкви и само духовенство будетъ погибать въ мученіяхъ, когда у него станутъ требовать того, чего у него нѣтъ. Августинъ отвѣчаетъ, что страхъ передъ невѣрнымъ будущимъ не долженъ вызывать несомнѣнной измѣны церкви, которая повлечетъ за собою вѣрную гибель народа и не въ этой жизни, а въ другой, о которой нужно несравненно усерднѣе заботиться.

Еслибы эти бѣдствія неизбѣжно предстояли, тогда бы все населеніе разбѣжалось и незачѣмъ было бы оставаться на мѣстѣ и духовенству. Такъ поступили нѣкоторые епископы въ Испаніи, послѣ того, какъ ихъ паства частью разсѣялась, частью погибла или была взята въ плѣнъ. Но большая часть епископовъ оставалась съ населеніемъ, раздѣляя съ нимъ опасности. Доказывая, что паства Христова должна болѣе остерегаться духовной порчи, чѣмъ гибели тѣла, которое такъ или иначе подлежитъ смерти, Августинъ заявляетъ: болѣе слѣдуетъ опасаться гибели цѣломудренной вѣры въ женщинахъ, чѣмъ насилія надъ ихъ тѣломъ; ибо насиліемъ не насилуется цѣломудренность (*violencia non violatur pudicitia*), если она сохраняется въ душѣ.

Августинъ указываетъ на то, въ какой степени люди всякаго возраста и пола нуждаются въ благахъ церкви; однимъ нужно крещеніе, другимъ прощеніе, третьимъ покаяніе, всѣмъ утѣшеніе и приобщеніе къ таинствамъ. Какое бѣдствіе представляетъ для всѣхъ нихъ отсутствіе духовенства! И Августинъ краснорѣчиво противопоставляетъ этому бѣдствію картину благъ, источникомъ которыхъ является дѣятельность духовенства.

Августинъ самъ, однако, возбуждаетъ вопросъ, какъ быть, еслибы для блага церкви оказалось нужнымъ, чтобы нѣкоторые изъ служителей церкви оставались, а другіе спасались для того,

чтобы въ случаѣ гибели первыхъ занять ихъ мѣста? Какое высокое соревнованіе, — заявляетъ онъ, — могло бы проявиться въ этомъ случаѣ, еслибы всѣ одинаково пламенѣли любовью! Августинъ совѣтуетъ въ подобномъ случаѣ прибѣгать къ жребію. Иначе тѣ, кто предпочтетъ спастись бѣгствомъ, будутъ казаться или трусами, или высокомерными, считая себя необходимыми для церкви. Съ другой стороны можетъ случиться, что лучшіе пожелаютъ положить жизнь свою за братьевъ, а бѣгствомъ спасутся тѣ, жизнь которыхъ менѣе полезна для паствы. „Жребій же прекращаетъ споры“, и „Господь при такихъ недоумѣніяхъ лучшій судья, чѣмъ люди“.

„Таковъ, — заключаетъ Августинъ свое письмо, — мой отвѣтъ, составленный мною, какъ я полагаю въ духѣ истины и во всякомъ случаѣ — любви. Но если ты найдешь лучшій совѣтъ, то я не настаиваю, чтобы ты ему не слѣдовалъ. Самое лучшее, конечно, среди этихъ опасностей обратиться къ Богу съ молитвой, чтобы Онъ помиловалъ насъ. По милости Божіей немало разумныхъ и святыхъ мужей сподобились того, что не захотѣли покинуть и на самомъ дѣлѣ не покинули церквей Божіихъ и не отступились отъ своего намѣренія, не взирая на злобу своихъ враговъ“.

Нѣкоторые изъ писемъ Августина, касающіяся церковныхъ дѣлъ, знакомятъ насъ съ обычаями и повѣртіями тогдашняго христіанскаго общества и представляютъ его противникомъ этихъ обычаевъ и реформаторомъ. Особенно горячо возставалъ онъ противъ пировъ, совершавшихся на могилахъ покойниковъ и около гробницъ мучениковъ. Августинъ, который зналъ по личному опыту, что этотъ обычай сталъ исчезать въ Италіи подъ вліяніемъ церкви, принялся бороться противъ него съ первыхъ дней своего пастырства. Сознавая однако, что онъ нуждается въ поддержкѣ, Августинъ уже въ 392 году обратился по этому дѣлу къ главѣ африканскаго духовенства, епископу Аврелію Кареагенскому, прося его „исцѣлить африканскую церковь отъ многихъ плотскихъ язвъ и болѣзней, которыми многіе болѣютъ и которыя немногіе оплакиваютъ“. „Обжорство и пьянство, — пишетъ онъ, — въ такой степени считаются дозволенными въ этихъ случаяхъ, что совершаются въ честь блаженныхъ мучениковъ не только въ праздничные дни, но ежедневно. Пусть приходится терпѣть эти излишества въ домашнемъ быту, но во всякомъ случаѣ необходимо устранять такое безчестіе отъ могилъ свя-

тыхъ, отъ мѣстъ, гдѣ совершаются таинства, и отъ молитвенныхъ домовъ“.

Еслибы Африка первая попыталась избавить отъ этого другія страны, она была бы достойна подражанія. Но уже въ большей части Италіи и почти во всѣхъ заморскихъ странахъ эти безобразія или вовсе не возникали, или уничтожены рвеніемъ епископовъ. Въ Африкѣ же язва такъ велика, что она можетъ, какъ думается Августину, быть излечена лишь соборомъ. Если же начало врачеванія должно быть положено какою-нибудь церковью, то, конечно, кареагенскою; насколько было бы дерзко пытаться измѣнить то, чего держится кареагенская церковь, настолько было бы безстыдствомъ сохранить обычай, отмѣненный въ Кареагенѣ. И какой иной епископъ былъ бы желательнѣе для уничтоженія этого зла, какъ не тотъ, кто, еще будучи діакономъ, проклиналъ его. Августинъ совѣтуетъ приняться за дѣло не крутыми мѣрами, а дѣйствовать болѣе поученіемъ, чѣмъ повелѣніемъ, болѣе увѣщаваніемъ, чѣмъ угрозами. Такъ именно надо дѣйствовать съ массой; суровость примѣнима лишь къ проступкамъ отдѣльныхъ лицъ. Но такъ какъ плотская и невѣжественная толпа видитъ въ этихъ роскошныхъ пиршествахъ не только почетъ для мучениковъ, но и утѣшеніе для покойниковъ, то Августинъ совѣтуетъ бороться противъ нихъ съ помощью Св. Писанія; приношенія же на могилы покойниковъ ради упокоенія души ихъ, которыя, конечно, нужно считать для нихъ полезными, слѣдуетъ разрѣшать всѣмъ желающимъ; но они должны приноситься безъ гордыни и отъ сердца, не должны быть роскошны и не должны продаваться; если же кто захочетъ сдѣлать приношеніе деньгами, то пусть тутъ же передастъ ихъ бѣднымъ. Такимъ образомъ, могилы не будутъ оставлены въ запустѣніи, что вызвало бы немало скорби, и память объ умершихъ будетъ справляться церковью честно и благочестиво.

Мы не знаемъ, какой отвѣтъ послѣдовалъ изъ Кареагена, но ходатайство Августина было ненапрасно, и два года спустя соборъ въ Гиппонѣ, конечно подъ вліяніемъ Августина, принялъ канонъ, воспрещавшій епископамъ и клерикамъ пировать въ церквахъ и предписывавшій имъ воздерживать отъ этого, насколько возможно, и народъ. Нелегко было однако искоренить народный обычай, который долго поощрялся самою церковью, желавшей утѣшить этимъ язычниковъ, привыкшихъ къ шумнымъ празднествамъ въ своихъ храмахъ.

Направленные къ этой цѣли личныя усилія Августина въ Гиппонѣ скоро увѣщались полнымъ успѣхомъ. Случилось это

слѣдующимъ образомъ: на пасхѣ 395 года Августинъ узналъ, что народъ волнуется по случаю запрещенія того праздника, которое называли въ народѣ „веселіемъ“, но, по выраженію Августина, слѣдовало бы называть „опьянѣніемъ“. По таинственному промыслу Божію, рассказываетъ Августинъ, ему пришла мысль произнести въ среду на Пасхѣ проповѣдь на текстъ: „не давайте святыню псамъ“ и т. д., въ которой онъ доказывалъ, какъ нечестиво производить въ стѣнахъ церкви подъ предлогомъ религіознаго обряда то, что должно было бы повлечь за собою отлученіе отъ святыни, еслибы творилось въ домахъ.

Вѣсть объ этой проповѣди, хорошо принятой слушателями, распространилась по городу и вызвала сильное неудовольствіе. Въ день Вознесенія въ церкви собралась большая толпа. Августинъ воспользовался рассказомъ Евангелія о томъ, какъ Христосъ выгонялъ изъ храма продавцевъ жертвенныхъ животныхъ, и этимъ доказывалъ, что Христосъ выгналъ бы съ еще большимъ негодованіемъ пирующихъ въ храмѣ. Онъ указывалъ, что еврейскій народъ, хотя и преданный плоти, никогда не совершалъ въ храмѣ пировъ не только пьяныхъ, но даже и трезвыхъ, и что во всю свою исторію не напивался публично подъ предлогомъ религіи, кромѣ праздника по случаю изготовленія имъ идола. Много и другихъ доказательствъ и текстовъ изъ Св. Писанія приводилъ Августинъ для обличенія пьянства и въ особенности въ церкви.

Августинъ сталъ потомъ говорить о себѣ, о томъ, какъ св. старецъ Валерій считалъ его прибытіе въ Гиппонъ знакомъ, что Господь услышалъ его молитвы, и что онъ прибылъ въ Гиппонъ не для того, чтобы быть свидѣтелемъ духовной смерти ея жителей, но чтобы вмѣстѣ съ ними идти къ вѣчной жизни. Въ заключеніе, Августинъ сталъ грозить имъ, словами псалмопѣвца, гнѣвомъ Божіимъ, если они отвергнутъ слово Божіе. Эта часть потрясла слушателей до слезъ. „Я не вызывалъ ихъ слезъ своими,—писалъ Августинъ,—но признаюсь, что, глядя на ихъ слезы, не могъ и самъ воздержаться отъ нихъ“. Среди общаго рыданія закончилась проповѣдь.

Но не всѣ въ городѣ были довольны побѣдою Августина. Слѣдующій день былъ днемъ праздника африканскаго мученика Леонтія, построившаго въ III вѣкѣ церковь въ Гиппонѣ, посвященную его памяти, гдѣ по обычаю именно въ этотъ день должно было устроиться большое пиршество, котораго многіе съ жадностью ожидали ¹⁾. Рано поутру Августина предупредили, что

¹⁾ Августинъ выражается очень реально — *cui solebant fauces ventresque se parare*.

нѣкоторые даже изъ числа его вчерашнихъ слушателей ропщутъ: „зачѣмъ же нужно *теперь* отказаться отъ пиршествъ, говорили они, и спрашивали: развѣ тѣ, кому раньше этого не запрещали, не были христіанами?“ Августинъ былъ въ большомъ затрудненіи, что имъ отвѣчать. Онъ собрался прочесть грозныя слова пророка Іезекиила (XXXIII, 9), а затѣмъ отрясти на нихъ прахъ отъ одежды своей и уйти; но они пришли къ нему до начала проповѣди; онъ принялъ ихъ ласково и нѣсколькими словами успокоилъ ихъ. Поэтому, когда началась бесѣда, онъ не привелъ вышеуказаннаго текста и ограничился немногими замѣчаніями; на вопросъ: „почему же теперь“, онъ отвѣчалъ: „хотя бы теперь“. Чтобы оправдать предшественниковъ, которые разрѣшали пиршества или не дерзали запрещать ихъ, Августинъ объяснилъ, какъ этотъ дурной обычай возникъ въ церкви: когда послѣ жестокихъ преслѣдованій христіанъ установился миръ и язычниковъ удерживалъ отъ перехода въ христіанство лишь страхъ утратить веселые пиры въ дни празднествъ идоловъ, предки снизошли къ этой слабости и разрѣшили эти празднества, но въ честь мучениковъ.

Августинъ увѣщавалъ своихъ слушателей послѣдовать примѣру заморскихъ церквей, которыя или не знали такого обычая, или отказались отъ него подъ вліяніемъ добрыхъ пастырей. Но ему указывали на то, что въ Римѣ, въ базиликѣ апостола Петра, ежедневно совершаются попойки въ честь покойниковъ. Августинъ отвѣтилъ, что онѣ не разъ запрещались, что мѣсто, гдѣ онѣ происходятъ, удалено отъ мѣста пребыванія епископа, что въ такомъ городѣ, какъ Римъ, число плотскихъ людей велико, въ особенности вслѣдствіе прилива иноземцевъ, которые тѣмъ сильнѣе дорожатъ этимъ обычаемъ по его новизнѣ для нихъ, — и что все это до сихъ поръ препятствуетъ запрещенію дурного обычая. Но тѣ, кто почитаетъ апостола, должны слѣдовать его предписаніямъ и болѣе сообразоваться съ его посланіемъ (IV, 1—3), гдѣ высказана его воля, чѣмъ съ обычаемъ его базилики, гдѣ эта воля не проявляется ¹⁾).

Убѣдившись, что всѣ единодушны въ осужденіи церковныхъ пиршествъ, Августинъ пригласилъ ихъ еще разъ собраться къ полудню въ церкви для чтенія Св. Писанія и пѣснопѣнія, замѣтивъ, что по числу собравшихся можно будетъ судить, кто живетъ духомъ, а кто чревомъ.

¹⁾ Еще два года спустя, какъ видно изъ письма Паулина, Паммахій устроилъ по случаю похоронъ своей жены Паулины обильное угощеніе народа въ базиликѣ св. Петра.

Послѣ полудня въ приходѣ епископа собралась толпа еще болѣе многочисленная, чѣмъ утромъ. Августину хотѣлось поскорѣе завершить опасный день, но, по настоянію епископа Валерія, ему пришлось опять сказать проповѣдь. Рѣчь его была посвящена благодаренію Бога. А такъ какъ изъ сосѣдней базилики донатистовъ раздавались звуки пиршества, все еще тамъ продолжавшагося, то Августинъ указалъ, что какъ день выигрываетъ въ красотѣ при сравненіи съ ночью, и какъ бѣлый цвѣтъ ярче по сосѣдству съ чернымъ, такъ и ихъ духовное пиршество было бы, можетъ быть, менѣе цѣнно, еслибы оно не сопровождалось плотской оргіей еретиковъ. И по уходѣ епископа съ Августиномъ большая толпа оставалась въ церкви, продолжая пѣніе псалмовъ до самой ночи.

Все приведенное выше показываетъ, какъ рѣшительно и самостоятельно выступалъ Августинъ противъ языческихъ обычаевъ въ христіанствѣ; а изъ нижеслѣдующаго письма мы увидимъ, какъ осторожно онъ относился въ другихъ случаяхъ къ подавленію обычаевъ менѣе терпимыхъ, если опасался упорнаго сопротивленія противъ требованій духовенства.

Августинъ далеко превосходилъ въ этихъ случаяхъ предусмотрительностью своихъ слишкомъ ревностныхъ учениковъ. Въ этомъ смыслѣ онъ пишетъ однажды епископу Поссидію, который началъ борьбу противъ женскихъ украшеній: „Важнѣе подумать о томъ, какъ поступить съ тѣми, кто не захочетъ повиноваться, чѣмъ о томъ, какъ ихъ убѣждать въ томъ, что они поступаютъ такъ, какъ не слѣдуетъ“. Извѣщая Поссидія, что письмо его застало его крайне занятымъ, а быстрый отъѣздъ посланнаго не позволяетъ ему ни оставить его вовсе безъ отвѣта, ни отвѣтить, какъ слѣдуетъ, на его вопросы, Августинъ выражаетъ желаніе, чтобы Поссидій не принималъ относительно запрещенія золотыхъ украшеній и богатыхъ одеждъ слишкомъ поспѣшныхъ рѣшеній; безусловно запрещать слѣдуетъ ихъ только тѣмъ, кто, не состоя въ бракѣ и не мечтая о бракѣ, должны думать о томъ, какъ быть угодными Господу. „Тѣ же, которые живутъ для міра, думаютъ о томъ, какъ нравиться — мужья женамъ, а жены мужьямъ (I Кор. VII, 32). Нужно наблюдать лишь за тѣмъ, чтобъ женщины, даже замужня, по завѣту апостола, покрывали волосы. Румяниться же или бѣлиться есть поддѣлка и обманъ, которому, я не сомнѣваюсь, не пожелають поддаваться сами мужья; а вѣдь только ради нихъ дозволяется женщинамъ украшать себя; *разрѣшается*, но не предписывается“.

Снисходительный въ этомъ вопросѣ, Августинъ тутъ же отзы-

вается съ негодованіемъ о всякихъ амулетахъ, къ которымъ онъ причисляетъ и серьги мужчинъ, подвѣшанныя къ одному уху „не ради того, чтобъ нравиться людямъ, но чтобы служить демонамъ“. Онъ говоритъ, что нѣтъ надобности разыскивать въ Св. Писаніи особыхъ текстовъ, воспреещающихъ это суевѣріе, когда есть общее предписаніе не водиться съ демонами. Августинъ требуетъ наставленія этихъ „жалкихъ“ суевѣровъ, но, зная, какъ глубоко коренится ихъ суевѣріе, онъ опять впадаетъ въ раздумье, какъ быть съ упорствующими, „если они, опасаясь снять свои серьги, не устроятся принять тѣло Христово съ этимъ знаменіемъ дьявола на себѣ“?

Такой же примирительный духъ проявлялъ Августинъ и тамъ, гдѣ чисто христіанскій обычай вызывалъ разногласіе и споры. Такъ было въ вопросѣ о постныхъ дняхъ. Въ Римѣ установился вопреки общему обычаю постъ по субботамъ; нѣкоторыя африканскія церкви слѣдовали примѣру Рима, другія же придерживались общаго православнаго обычая. Одинъ изъ африканскихъ пресвитеровъ прислалъ Августину длинное разсужденіе анонимнаго „римлянина“, который запальчиво отстаивалъ римскій обычай и просилъ Августина дать о немъ отзывъ. Обремененный занятіями, Августинъ замедлил отвѣтомъ, но новое настойчивое требованіе побудило его взяться за перо и подробно разобрать вопросъ.

Письмо это заслуживаетъ особеннаго вниманія не только въ виду высказаннаго въ немъ мнѣнія Августина по возбужденному вопросу, но еще потому, что служить важнымъ документомъ для установленія взгляда гиппонскаго епископа на авторитетъ преемниковъ апостола Петра и римскаго обычая.

„На твой запросъ,—пишетъ Августинъ Казулану,—разрѣшено ли по субботамъ поститься, я отвѣчу, что еслибы это было не разрѣшено, то, конечно, ни Моисей, ни пророкъ Ілія, ни самъ Господь нашъ не постились бы непрерывно въ теченіе сорока дней. На этомъ же основаніи полагають, что постъ разрѣшается и по воскресеньямъ. Но все-таки, еслибы кто отсюда вывелъ, что воскресный день долженъ быть посвященъ посту, то онъ сталъ бы соблазномъ для церкви, и воплѣтъ заслуженно. Ибо въ дѣлахъ, о которыхъ нельзя найти чего-либо опредѣленнаго въ Божественномъ Писаніи, слѣдуетъ держаться обычаевъ Божьяго народа или постановленій предковъ. Если же бы мы стали о нихъ спорить и на основаніи обычая *однихъ* осуждать *другихъ*, то отсюда возникли бы безконечныя распри. А потому нужно остерегаться, чтобы бури споровъ не застилали солнца любви. Этой опасности

не захотѣлъ избѣгнуть тотъ, чье длинное разсужденіе ты мнѣ прислалъ“.

Авониминъ авторъ не избѣгъ и другой опасности: своимъ неумѣреннымъ рвеніемъ онъ подрывалъ дѣло, которое защищалъ, и Августинъ искусно воспользовался его промахами: „Суди самъ,—пишетъ Августинъ Казулану,—и ты убѣдишься, что твой авторъ нисколько не убоился оскорбить обиднѣйшими словами почти всю церковь съ востока до запада. Я могъ бы даже прямо сказать—всю церковь; ибо онъ даже не пощадилъ самихъ римлянъ, обычай которыхъ онъ взялся защищать, такъ какъ не замѣчаетъ, что и на нихъ обрушивается его брань; а такъ какъ у него не хватаетъ доводовъ, чтобы доказать необходимость субботняго поста, то онъ съ негодованіемъ напускается на роскошь трапезъ, неумѣренныя пиршества и нечестивыя попойки—какъ будто не поститься уже значить пьянствовать. Если же это такъ, то какая польза римлянамъ отъ того, что они по субботамъ постятся; вѣдь въ другіе дни, когда они не постятся, ихъ приходится, по разсужденіямъ этого автора, признавать пьяницами и обжорами? Но иное дѣло погрязнуть душою въ обжорствѣ и пьянствѣ, — что всегда дурно,—иное, сохранивъ скромность и умѣренность, не соблюдать поста—какъ это бываетъ и по воскресеньямъ, чего не осудить ни одинъ христіанинъ.“

Отрицая это различіе, авторъ явно хулитъ церковь, простирающуюся по всему земному кругу, за исключеніемъ Рима и нѣсколькихъ западныхъ церквей. Кто же потерпитъ, чтобы онъ поносилъ всѣ восточныя христіанскіе народы и много западныхъ, и столько рабовъ и рабынь Божіихъ, по субботамъ умѣренно воспринимающихъ пищу, обвиняя ихъ, что они живутъ въ плоти и не могутъ быть угодны Богу. Разсужденіе „римлянина“ представляетъ образчикъ лжетолкованія текстовъ, безпощадно обличаемаго Августиномъ. Такъ онъ выводилъ изъ евангельскаго разсказа о фарисеѣ (Лук. XVIII, 11), что постящіеся лишь дважды въ недѣлю, будутъ прокляты съ фарисеемъ, — „какъ будто,—замѣчаетъ на это Августинъ,—фарисей былъ преданъ проклятію за то, что два раза въ недѣлю постился, а не за то, что презиралъ мытаря? Вѣдь онъ точно такъ же могъ бы сказать, что тѣ, кто даютъ десятину бѣднымъ, будутъ прокляты съ фарисеемъ, который и это поставлялъ себѣ въ заслугу!—Я хотѣлъ бы однако, чтобы многіе христіане такъ же поступали, но дѣлаютъ это лишь очень немногіе. Впрочемъ Евангельское Писаніе вовсе не говоритъ, что фарисей былъ преданъ проклятію, но что мытарь оказался большимъ праведникомъ“.

Авторъ разсужденія такъ увлекся, что, не довольствуясь трехдневнымъ постомъ, требовалъ постоянного поста, за исключеніемъ воскресенья. Августинъ иронически совѣтуетъ римлянамъ, чтобы они сами приняли мѣры для своей защиты отъ такихъ оскорбленій. Ибо кто же у нихъ, за исключеніемъ очень небольшого числа клериковъ и монаховъ, постится ежедневно, тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ обычая поститься по четвергамъ.

Доказывая необходимость продолжительнаго поста, авторъ сослался на Моисея, остававшагося сорокъ дней безъ ѣды и питья. Августинъ замѣчаетъ: „Развѣ онъ не видитъ, что ему можно возразить? Если изъ сорокадневнаго поста, въ продолженіе котораго Моисей постился шесть разъ по субботамъ, авторъ хочетъ вывести, что слѣдуетъ поститься по субботамъ, то почему онъ не выводитъ отсюда, что слѣдуетъ поститься и по воскресеньямъ“?

Выставивъ въ свою пользу разные бездоказательные тексты Св. Писанія, авторъ сослался на авторитетъ, имѣвшій особенную цѣну въ Римѣ, и привелъ легендарный разсказъ, которымъ въ Римѣ оправдывали обычай поститься по субботамъ. Самъ Петръ, глава апостоловъ, привратникъ неба и основа церкви, побѣдивъ Симона (мага), который былъ образомъ дьявола, и могъ быть побѣжденъ только съ помощью поста, научилъ этому римлянъ, что удостовѣрено передъ всѣмъ міромъ. Интересно, какъ отнесся Августинъ къ этой ссылкѣ на авторитетъ апостола римской церкви. „Развѣ,—спрашиваетъ онъ,—прочіе апостолы учили несогласно съ Петромъ, чтобы христіане не постились? Подобно тому, какъ Петръ и его товарищи жили между собою согласно, такъ пусть живутъ согласно посящіеся въ субботу, наставленные Петромъ, и непостящіеся по субботамъ, наставленные его товарищами. Августинъ склоняется къ иному объясненію возникшаго въ Римѣ обычая. Многіе держатся,—говоритъ онъ,—и такого мнѣнія, хотя большинство римлянъ считаютъ его ложнымъ, что апостолъ Петръ, собираясь состязаться съ Симономъ-магомъ въ воскресный день, постился наканунѣ со всею своею церковью, въ виду опасности и большого искушенія, а затѣмъ, послѣ успѣшнаго и славнаго исхода, удержалъ этотъ обычай; въ чемъ его примѣру послѣдовали нѣкоторыя западныя церкви. Но если, какъ тотъ авторъ говоритъ, Симонъ-магъ былъ образомъ дьявола, то его искушеніе относится не къ субботѣ и не къ воскресенью, а къ каждому дню; однакоже не каждый день постятся для борьбы съ нимъ, такъ какъ во всѣ воскресенья и въ пятьдесятъ дней послѣ Пасхи, а въ разныхъ мѣстахъ и въ дни памяти муче-

никовъ и разные другіе праздники поста не соблюдаютъ—и все-таки дьяволъ побѣждается.

„Если же станутъ говорить,—заявляетъ далѣе Августинъ,—что тому самому, чему училъ въ Римѣ Петръ, т.-е., чтобы по субботамъ постились, училъ Іаковъ въ Іерусалимѣ, въ Ефесѣ Іоаннъ, а прочіе апостолы въ другихъ мѣстахъ, но что прочія страны отъ этого обычая отступили, въ Римѣ же онъ удержался; или же, если, наоборотъ, станутъ утверждать, что нѣкоторыя мѣстности на западѣ, въ числѣ коихъ и Римъ, не отступили отъ ученія апостоловъ—восточныя же страны, гдѣ началась проповѣдь Евангелія, сохранили безъ измѣненія то, что имъ передано было *всѣми* апостолами, не исключая и самого Петра, а именно, субботній день не считать постнымъ,—тогда возникнетъ безконечная распря, которая породитъ безчисленные споры. Такъ пусть же будетъ единая вѣра во всей церкви, повсюду распространяющейся, хотя бы самое единство вѣры проявлялось въ нѣкоторомъ различіи обычаевъ, которое нисколько не является помѣхою тому, что въ вѣрѣ истиннаго“.

Подводя итогъ своимъ возраженіямъ, Августинъ говоритъ: „Соображая все, что объ этомъ сказано въ Евангеліяхъ и въ Посланіяхъ апостоловъ и во всемъ Новомъ Завѣтѣ, я прихожу къ заключенію, что намъ предписано поститься. Въ какіе же дни слѣдуетъ поститься, а въ какіе не слѣдуетъ, относительно этого я не нахожу предписанія ни у Христа, ни у апостоловъ. А потому я думаю, что предпочтительнѣе освобожденіе отъ поста въ субботу, чѣмъ принужденіе къ нему—не для достиженія вѣчнаго покоя (что и есть истинная суббота), ибо достигается это вѣрою и благочестіемъ (*justitia*),—а для ознаменованія его.

„Впрочемъ,—прибавляетъ Августинъ, и въ этомъ сущность его мнѣнія,—станетъ ли кто поститься по субботамъ, или нѣтъ, но что мнѣ кажется всего вѣрнѣе и безопаснѣе соблюдать, это—сохранять въ этихъ дѣлахъ мирное общеніе съ тѣми, среди которыхъ мы живемъ и съ которыми живемъ для Господа“. Ссылаясь на слова апостола Павла: „Худо человѣку, который ѣстъ на соблазнъ“ (Рим. XIV, 20), Августинъ замѣчаетъ, что точно также вѣрно, что худо человѣку, который постится на соблазнъ.

Покончивъ вопросъ о субботнемъ постѣ, Августинъ счелъ нужнымъ остановиться еще и на вопросѣ, слѣдуетъ ли поститься по воскресеньямъ, и доказываетъ, что воскресный постъ есть великій соблазнъ. Соблазнъ этотъ сталъ въ глазахъ Августина особенно великъ съ той поры, какъ „объявилась отвратительная и во многихъ отношеніяхъ безусловно противная католической

вѣрѣ ересь манихейнѣ, которая назначила своимъ „послушникамъ“ именно этотъ день, какъ настоящій (legitimum) постный день“. Августинъ проситъ не смущаться и тѣмъ, что присциллианисты, которымъ онъ приписываетъ большое сходство съ манихейянами, постятся по воскресеньямъ, ссылаясь на „Дѣянія апостоловъ“, гдѣ разсказано (XX, 7), что апостолъ Павелъ въ Троадѣ, собравъ своихъ слушателей въ первый день недѣли,ставлялъ ихъ до слѣдующаго утра. Августинъ извлекаетъ изъ самаго этого разсказа выводъ, что обычай поститься тогда не было, и если апостолъ Павелъ и его слушатели провели этотъ день безъ пищи, то только потому, что апостолъ собирался на слѣдующее утро надолго или, можетъ быть, навсегда съ ними разстаться, и потому не желалъ проститься съ ними, не сказавъ имъ всего, что считалъ нужнымъ.

Августинъ прибавляетъ, что примѣръ, поданный тѣмъ апостоломъ Павломъ, не представлялъ бы соблазна для церкви, но постъ того какъ манихейяне и другіе еретики ввели воскресный постъ, какъ догму и священный обычай, не слѣдуетъ поступать по примѣру апостола даже въ подобныхъ случаяхъ изъ страха, чтобы вредъ отъ соблазна не оказался сильнѣе, чѣмъ польза отъ проповѣди.

Объяснивъ, почему церковь постится по средамъ и пятницамъ, а не по субботамъ, за исключеніемъ дня, предшествующаго Пасхѣ, Августинъ заканчиваетъ свое обстоятельное разсужденіе весьма трогательнымъ и убѣдительнымъ воспоминаніемъ. Когда онъ проживалъ въ Миланѣ у св. Амвросія, его мать была въ недоумѣніи, слѣдуетъ ли ей поститься по субботамъ, по обычаю ея родного города (Тагасты), или не поститься, по миланскому обычаю. Чтобы успокоить ее, Августинъ обратился съ своимъ вопросомъ къ Амвросію. „Что могу я тебѣ посовѣтовать иного,—отвѣтилъ ему архіепископъ,—какъ то, что я самъ дѣлаю?“ Августинъ подумалъ, что Амвросій совѣтовалъ, подобно ему, по субботамъ не поститься; но Амвросій добавилъ: „Когда я здѣсь, я не пощусь по субботамъ: когда же я въ Римѣ, тогда пощусь; въ какую церковь прибудете, обычаю той и слѣдуйте, если не хотите совершать соблазна или подвергаться ему“. Этому совѣту и послѣдовала мать Августина. „Но такъ какъ,—продолжаетъ Августинъ,—случается, особенно въ Африкѣ, что въ той же церкви, или въ церквахъ той же мѣстности, по субботамъ одни постятся, другіе—нѣтъ, то онъ совѣтуетъ слѣдовать обычаю пастыря, которому поручена совокупность населенія въ данной мѣстности“.

Современные Августину обычаи поставили его однажды въ весьма щекотливое положеніе. Давно прошло время, когда христіанскія общины свободно избирали своихъ пресвитеровъ и епископовъ, но въ дни Августина случалось, по крайней мѣрѣ въ Африкѣ, что народъ бурно проявлялъ свою волю по поводу такихъ избраній, насильно заставляя излюбленнаго челоуѣка брать на себя служеніе церкви. Самъ Августинъ, какъ мы видѣли ¹⁾, былъ избранъ такимъ способомъ. Другой подобный случай произошелъ также въ Гиппонѣ во время епископства Августина и не только заставилъ его пережить очень тяжелыя минуты, но имѣлъ для него непріятныя послѣдствія. Въ Гиппонѣ прибылъ изъ Тагасты въ сопровожденіи тамошняго епископа Алипія, вѣроятно чтобы посѣтить Августина, очень богатый челоуѣкъ, уже женатый, по имени Пиніанъ. Мать Пиніана, Альбина, и онъ самъ щедро одарили церковь въ Тагастѣ, и это вѣроятно подало мысль гиппонцамъ воспользоваться его пріѣздомъ и его богатствами, и для этого избрать его въ пресвитеры.

Можетъ быть, здѣсь отразились обычаи и прежней муниципальной жизни. Эта жизнь процвѣла благодаря добровольному стремленію состоятельныхъ гражданъ нести городскую службу не только безвозмездно, но тратя свои средства на благоустройство и украшеніе города. По мѣрѣ оскудѣнія муниципальной жизни, на ея мѣсто выдвинулась жизнь христіанской общины, и такъ какъ послѣдней приходилось содержать и свое духовенство, и своихъ бѣдныхъ, то для нея было безразлично привлеченіе въ среду духовенства богатыхъ гражданъ, средства которыхъ, по ихъ смерти, большею частью переходили къ мѣстной церкви.

Но жители Гиппона, провозгласившіе въ церкви Пиніана своимъ пресвитеромъ, встрѣтили отпоръ съ его стороны. Онъ вовсе не желалъ посвященія и не хотѣлъ оставаться жить въ Гиппонѣ. Его сопротивленіе вызвало неудовольствіе народа и наконецъ озлобленіе, перешедшее и на епископа Алипія, котораго народъ заподозрилъ въ томъ, что онъ поддерживаетъ сопротивленіе Пиніана изъ корысти, въ расчетѣ воспользоваться его богатствомъ для своей церкви. Неудовольствіе народа обратилось и противъ самого Августина, когда тотъ заявилъ, что не станетъ посвящать въ пресвитеры Пиніана противъ его воли, и что если его все-таки посвятятъ, то откажется отъ епископства. Зная дикость и необузданность африканскаго населенія, можно представить себѣ, до чего дошла ярость толпы, если самому Авгу-

¹⁾ „Вѣстн. Европы“, янв. 1905.

стину пришлось удалиться въ алтарь и занять свой престолъ, чтобы уйти отъ толпы.

Послѣ этого событія Августинъ старался въ письмѣ къ Альбинѣ успокоить ее насчетъ опасности, которой подвергается ея сынъ, и оправдать своихъ земляковъ; но самая эта попытка подтверждаетъ, до какой степени разбушевались дикія страсти. „Твоему благочестивому сыну,—пишетъ онъ,—никто не подавалъ повода опасаться смерти, хотя онъ, можетъ быть, этого и боялся. Ибо и я опасался, чтобы не прорвалась дикая дерзость негоднѣвъ, которые часто присоединяются къ толпѣ съ тайными замыслами,—и чтобы они не воспользовались случаемъ произвести возмущеніе, которое они возбуждали напускнымъ негодованіемъ. Но,—прибавляетъ Августинъ,—я потомъ слышалъ, что никто ничего подобнаго не говорилъ и не замышлялъ, хотя и правда, что противъ брата Алипія раздавалась недостойная брань“.

Твердость Августина, спокойно сдерживавшаго у своего престола толпу, нѣсколько смутила ее,—но скоро, „какъ пламя, раздутое вѣтромъ, она забушевала еще сильнѣе, въ надеждѣ, что можно будетъ принудить Августина нарушить свой зарокъ или настоять на посвященіи Пиніана другимъ епископомъ. Но Августинъ объяснилъ почетнымъ жителямъ, пришедшимъ въ алтарь, что онъ не можетъ отступить отъ своего зарока, и что Пиніанъ не можетъ быть посвященъ другимъ епископомъ безъ его позволенія. Однако толпа, взбравшись на ступени, ведущія къ алтарю, настаивала на своемъ съ ужасными и несмолкаемыми криками. „Тогда,—по словамъ Августина,—раздались нечестивые крики противъ моего брата (епископа Алипія), и я сталъ опасаться еще худшаго“.

Опасность въ глазахъ Августина стала такъ велика, что онъ думалъ совсѣмъ оставить церковь. Но онъ боялся, что когда онъ сталъ бы выходить сквозь сомкнувшуюся толпу вмѣстѣ съ Алипіемъ, чтобы кто-нибудь не занесъ на епископа руку; если же бы онъ вышелъ одинъ, то это имѣло бы видъ, что онъ его покидаетъ, предавая разъяренной толпѣ. Изъ этого тревожнаго состоянія вывелъ Августина Пиніанъ, приславшій ему послѣ заявить о своей готовности поклясться народу, что если его посвящать въ пресвитеры противъ его желанія, то онъ покينетъ Африку; но Августинъ увидѣлъ въ такой угрозѣ лишь новый поводъ къ озлобленію для народа и ничего не отвѣтилъ. Затѣмъ однако Пиніанъ неожиданно предложилъ остаться жить въ Гиппонѣ, если на него не возложить бремени духовной должности. Августинъ говорить, что эти слова доставили ему такое облегченіе, какъ

свѣжій воздухъ задыхающемуся, и онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ Алипію. Но тотъ, заявивъ, что это не понравится матери Пиніана, просилъ не спрашивать его совѣта. Послѣ этого Августинъ обратился къ волнующемуся народу, и когда наступило молчаніе, сообщилъ объ общаніи Пиніана. Однако народъ, стремившійся къ тому, чтобы навязать Пиніану пресвитерство, принялъ предложеніе не такъ, какъ ожидалъ Августинъ; все же послѣ, пошептавшись между собою, толпа потребовала, чтобы Пиніанъ присоединилъ къ своему общанію еще и клятву, что если когда-нибудь вздумаетъ принять духовное званіе, то не иначе, какъ въ Гиппонѣ. Продолжая свою роль посредника, Августинъ получилъ согласіе на это Пиніана, и народъ „на радостяхъ“ потребовалъ немедленнаго принесенія общанной клятвы.

Дѣло однако этимъ не кончилось. Пиніанъ усомнился въ пригодности придуманной имъ самимъ формулы клятвеннаго общанія: ему стали представляться разные случайности, которыя могли бы его принудить къ нарушенію клятвы,—напр., вражеское нашествіе. Его жена, Меланія, указывала съ своей стороны на возможность заболѣванія маларіей, но вызвала этимъ неудовольствіе мужа. Чтобы успокоить Пиніана, Августинъ замѣтилъ, что вражеское нашествіе заставило бы и другихъ жителей Гиппона удалиться, и совѣтовалъ объ этомъ не заявлять народу, который принялъ бы это за дурное предзнаменованіе; онъ не одобрялъ также неопредѣленныхъ оговорокъ къ клятвѣ въ видѣ, напр., предоставленія Пиніану права удалиться изъ Гиппона „въ случаѣ необходимости“, такъ какъ народъ заподозрилъ бы въ этомъ намѣреніе обмануть его. Пиніанъ однако настаивалъ на своемъ и хотѣлъ сдѣлать опытъ; но опытъ оправдалъ опасенія Августина, и когда діаконъ прочелъ предложенную Пиніаномъ формулу, шумъ въ народѣ возобновился. Тогда Пиніанъ приказалъ опустить оговорку, и народъ успокоился; но онъ не захотѣлъ выходить къ народу одинъ для произнесенія клятвы, и Августину пришлось сопровождать его. Пиніанъ повторилъ формулу, прочтенную діакономъ, и далъ клятву соблюсти ее. Народъ отвѣтилъ обычнымъ кликомъ православныхъ христіанъ: „Deo gratias!“ (въ отличіе отъ клика донатистовъ: „Deo laudes!“) и потребовалъ, чтобы Пиніанъ скрѣпилъ клятву еще своею подписью. Мало того—народъ еще потребовалъ,—но чинно, черезъ почетныхъ лицъ,—чтобы и епископы подписались. Августинъ уже началъ подписывать свое имя, но былъ остановленъ Меланіей. Августинъ недоумѣвалъ, почему?—какъ будто отсутствіе его подписи

лишало клятвенное обѣщаніе его значенія!—но исполнилъ желаніе Меланіи, и его имя осталось недописаннымъ на грамотѣ.

Такъ кончилась эта бурная и тягостная для Августина сцена; она однако повлекла за собою непріятную для него обязанность—оправдать не только свою паству, но и самого себя въ глазахъ возмущенной матери Пиніана и оскорбленнаго епископа Алипія, которые въ своихъ сѣтованіяхъ косвенно не пощадили и его. Отвѣчая на упреки Альбины, Августинъ отрицаетъ, чтобы клятвенное обѣщаніе Пиніана остаться въ Гиппонѣ было дано по его, Августина, настоянію. Да и народъ гиппонскій, какъ утверждалъ Августинъ, нельзя винить въ ней. Онъ требовалъ отъ Пиніана священства, а не клятвы; когда Пиніанъ вмѣсто немедленнаго посвященія предложилъ клятвенное обѣщаніе не удаляться изъ Гиппона, народъ согласился, но въ надеждѣ, что пребываніе Пиніана въ Гиппонѣ склонитъ его къ священству. И въ томъ, что народъ былъ недоволенъ этой клятвой, пока Пиніанъ не прибавилъ, что если онъ приметъ посвященіе, то лишь въ Гиппонѣ, Августинъ усматривалъ доказательство того, что народъ добивался именно посвященія Пиніана, т.-е. святаго дѣла, а не маммоны.

Отражая обвиненіе Альбины, что принужденіе Пиніана принять священство было вызвано „позорнымъ корыстолюбіемъ“, Августинъ утверждалъ, что народъ не могъ ожидать отъ этого для себя никакой выгоды, какъ и тагастинцы не извлекли никакой выгоды отъ щедраго дара Альбины и Пиніана церкви ихъ города. Гиппонцы излюбили Пиніана не за его богатство, а за его пренебреженіе къ богатству. Августинъ приводитъ въ доказательство, что гиппонцы и его принудили принять у нихъ священство, потому что прослышали про него, что онъ подарилъ свое имѣніе церкви своего роднаго города, той же Тагасты. Поэтому нѣтъ основанія подозрѣвать, что народъ въ Гиппонѣ теперь руководился жадностью. Августинъ, признается, правда, что среди толпы были „бѣдные и нищіе, которые также кричали и разсчитывали, что отъ вашего изобилія и имъ перепадетъ пособіе“, но, прибавляетъ Августинъ, „я полагаю что такая корысть не позорна“.

Если же народъ ни при чемъ, то обвиненіе въ постыдной любви къ деньгамъ должно пасть на духовенство, въ особенности же на епископа. Августинъ оговаривается, что этотъ упрекъ не прямо высказанъ Альбиной, но лишь такой упрекъ имѣлъ бы смыслъ. А этотъ упрекъ представляетъ для него болѣшую опасность, чѣмъ мнимый страхъ смерти, который пережи-

валъ Пиніанъ, ибо сохраненіе чести, которою надо дорожить ради слабыхъ, чтобы служить имъ образцомъ—предпочтительнѣе сохраненія бременной жизни.

Но такъ какъ чистота совѣсти сокрыта отъ людей, то Августину остается лишь призывать Бога въ свидѣтели. Августинъ сѣтуетъ, что его принуждаютъ къ такой клятвѣ, но считаетъ ее необходимою, чтобы избавить Альбину отъ ея подозрѣній и возстановить предъ ней свою честь во всей ея чистотѣ. Онъ надѣется на Божью помощь, чтобы доказать не только Альбинѣ и своимъ друзьямъ, членамъ тѣла Христова, но и злѣйшимъ своимъ врагамъ, что никакое корыстолюбіе не запятнало его въ веденіи церковныхъ дѣлъ. И онъ снова призываетъ Бога въ свидѣтели, что управленіе церковными имуществами, которымъ онъ будто бы дорожить, онъ вовсе не любитъ, но претерпѣваетъ его лишь какъ иго, ради служенія братьямъ и изъ страха Божьяго,—и что онъ весьма бы желалъ отъ него избавиться, если бы оно не входило въ его обязанности. Августинъ при этомъ искусно взываетъ къ самому Алипію и беретъ Бога въ свидѣтели, что и его братъ Алипій раздѣляетъ его отношеніе къ церковнымъ имуществамъ, а между тѣмъ народъ въ Гиппонѣ думаетъ о немъ иначе и обрушился на него съ подобными же оскорбленіями. Затѣмъ Августинъ съ неподражаемымъ соединеніемъ ироніи и искренности укоряетъ своихъ друзей, что вѣрно они имѣли его въ виду, говоря о народѣ Гиппона, къ которому ихъ упреки въ корыстолюбіи не могли относиться. „Вы хотѣли меня задѣть и укорить, конечно, для моего исправленія, а не по злобѣ, въ которой я васъ не подозреваю; поэтому я не долженъ за это сердиться, а благодарить васъ; вы не могли поступить почтительнѣе и великодушнѣе, ибо, не дѣлая прямо обидныхъ упрековъ епископу, вы лишь косвенно предоставляли ему догадываться о нихъ“. Горечь этихъ словъ показываетъ, какъ глубоко былъ оскорбленъ Августинъ обвиненіемъ своего бывшего ученика и друга. Но дѣло Пиніана приняло новый оборотъ, вызвало еще новыя пререканія между прежними друзьями и заставило Августина дать своему собрату новый урокъ христіанской этики. Несмотря на данное имъ клятвенное обѣщаніе, Пиніанъ уѣхалъ изъ Гиппона къ своимъ въ Тагасту. Мы не знаемъ, какъ отнеслись гиппонцы къ этому отъѣзду—письмо Августина объ этомъ не дошло до насъ. Повидимому, Августину удалось успокоить своихъ согражданъ и склонить ихъ не препятствовать Пиніану отлучаться изъ Гиппона „по своимъ надобностямъ“. Но не такъ смотрѣли на дѣло друзья

Пиніана: они отрицали, чтобы на Пиніанѣ лежала обязанность возвратиться въ Гиппонѣ. Августину пришлось отвѣтить на вопросъ Альбины; считаетъ ли онъ или народъ въ Гиппонѣ, что „вынужденная насиліемъ клятва обязательна“? Въ отвѣтъ Августинъ писалъ ей: „А ты сама какъ думаешь? полагаешь ли ты, что христіанинъ можетъ призывать Бога въ свидѣтели обмана, даже въ случаѣ угрозы неминуемой смерти, которой въ то время напрасно опасался Пиніанъ“?

Августинъ напоминаетъ, что даже враждующія войска, устремленные къ тому, чтобы нанести другъ другу смерть, соблюдаютъ взаимную клятву... Эти люди болѣе боятся нарушенія клятвы, чѣмъ совершенія убійства, а мы возбуждаемъ вопросъ и разсуждаемъ, слѣдуетъ ли исполнять вынужденное клятвенное обѣщаніе рабамъ Божиимъ, выдающимъ святостью жизни монахамъ, ради исполненія завѣта Христова раздающимъ свое имущество“?

Вмѣстѣ съ тѣмъ Августинъ старается доказать Альбинѣ, что соблюденіе клятвеннаго обѣщанія со стороны ея сына вовсе не такое бѣдствіе, какимъ оно ей представляется: „развѣ обѣщанное въ Гиппонѣ пребываніе Пиніана отягощается для него изгнаніемъ или ссылкой? Полагаю, что священство не есть изгнаніе. Но я не желаю защищать святого мужа, мнѣ столь дорогого съ такой точки зрѣнія; не желаю, чтобы про него говорили, что онъ предпочелъ изгнаніе священству или клятвопреступленіе изгнанію. Такъ я говорилъ бы, если бы на самомъ дѣлѣ я или народъ исторгли у него клятвенное обѣщаніе жить здѣсь. Но что бы вы ни думали обо мнѣ, или о гиппонцахъ, большая разница между тѣми, кто понуждалъ къ клятвѣ, и тѣми, кто—не скажу понуждалъ, но совѣтовалъ преступить ее“! Ту же точку зрѣнія пришлось Августину отстаивать не только противъ огорченной матери, которую разлучили съ сыномъ, но противъ христіанскаго епископа, своего ученика и друга. „Что касается до твоего предложенія,—пишетъ онъ Алипію,—обсудить съ тобою силу исторгнутой насиліемъ клятвы, то умоляю тебя имѣть въ виду, чтобы наше обсужденіе не затемнило дѣла чрезвычайно яснаго. Если бы отъ раба Божьяго потребовали, подъ угрозой неминуемой смерти, чтобы онъ далъ клятву совершить нѣчто недозволенное или нечестивое, то онъ долженъ былъ бы предпочесть смерть клятвѣ для того, чтобы не совершить преступленія для соблюденія клятвы“.

„Въ данномъ же случаѣ настойчивые крики народа понуждали

не къ какому-либо нечестивому дѣлу, а къ совершенно законному; и хотя можно было опасаться, что немногіе негодяи, которые обыкновенно примѣшиваются къ толпѣ порядочныхъ людей, воспользуются смутю и, подъ предлогомъ справедливаго негодованія, произведутъ какое-нибудь преступленіе изъ жажды грабежа, но опасенія эти не имѣли основанія; кто же при такихъ условіяхъ скажетъ, что ради сомнительныхъ убытковъ или тѣлесныхъ оскорбленій, или даже смерти, слѣдуетъ совершить несомнѣнное клятвопреступленіе? Августинъ ссылается на примѣръ Регула, ничего не слыхавшаго о томъ, что сказано въ Св. Писаніи о нечестіи клятвопреступленія; на римскихъ цензоровъ, которые не пожелали оставить клятвопреступниковъ среди—не святыхъ людей, а простыхъ сенаторовъ, не въ небесномъ сонмѣ, а въ земной куріи!

Подчеркивая нравственный ригоризмъ языческихъ римлянъ, Августинъ напоминаетъ, что они не захотѣли терпѣть въ сенатѣ не только тѣхъ, кто изъ страха жестокихъ мученій и смерти предпочелъ клятвопреступленіе возвращенію къ дикимъ врагамъ, но и тѣхъ, кто признавалъ себя неповиннымъ въ клятвопреступленіи, потому что послѣ клятвы вернулся въ плѣнъ подъ какимъ-то предлогомъ. „Мы привыкли высоко прославлять подобныя дѣйствія людей чуждыхъ имени Христа и Его благодати—и однако,—прибавляетъ Августинъ съ упрекомъ христіанскому епископу,—считаемъ нужнымъ справляться въ Св. Писаніи, не бываетъ ли иногда дозволено преступать клятву, хотя тамъ—именно для того, чтобы мы не подвергались возможности впасть въ клятвопреступленіе,—намъ предписано вовсе не давать клятвы“.

Твердо отстаивая необходимость соблюденія клятвы, Августинъ старается однако миролюбиво покончить непріятное дѣло. Онъ объясняетъ, что клятва соблюдается вполне лишь въ томъ случаѣ, если соблюдается согласно тому смыслу, который ей придавалъ тотъ, кому она дана: слова не всегда точно устанавливаютъ этотъ смыслъ; поэтому будетъ клятвопреступникомъ тотъ, кто, держась словъ, нарушаетъ смыслъ клятвы, а блюстителемъ клятвы тотъ, кто, отступивъ отъ словъ, исполнитъ желаніе того, кому онъ поклялся. Исходя отсюда, Августинъ объясняетъ, что гиппонцы желали удержать у себя Пиніана не какъ заключеннаго, а какъ дорогого согражданина, а потому его удаленіе послѣ клятвы никого не тревожитъ изъ тѣхъ, кто знаетъ, что онъ уѣхалъ по извѣстному дѣлу, съ намѣреніемъ возвратиться. Потому Пиніанъ не будетъ клятвопреступникомъ

и не сочтется гиппонцами за такового, если не обманетъ ихъ; а обманетъ онъ ихъ лишь въ томъ случаѣ, если измѣнитъ свое намѣреніе жить у нихъ или когда-нибудь уѣдетъ съ намѣреніемъ не возвратиться. Пусть же Пиніанъ соблюдаетъ свое обѣщаніе жить въ Гиппонѣ, какъ живутъ тамъ Августинъ и гиппонцы, т.-е. сохраняя свободу пріѣзжать и уѣзжать,—съ той лишь разницей, что, не связанные клятвой, они могутъ безъ нарушенія ея оставить Гиппонъ съ тѣмъ, чтобы никогда въ него не вернуться...

В. ГЕРЬЕ.

МАХРОВЫЕ ЛЕШЕСТКИ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

IX *).

Когда Вережкиной разрѣшили свиданіе съ сыномъ и она въ первый разъ увидѣла его, ей не захотѣлось рассказывать ему о .Идиіи, и на его вопросъ о ней Ольга Александровна отвѣтила ему уклончиво и сказала, что видитъ ее рѣдко, но получаетъ отъ нея письма, и что она несовсѣмъ здорова. Ольга Александровна побоялась огорчать сына, ей было бы слишкомъ непріятно видѣть его теперь слабымъ, безвольнымъ и разстроеннымъ. Она пришла къ нему съ веселымъ лицомъ, какъ будто ничего не случилось или случилось нѣчто такое, о чемъ имъ, взрослымъ, уважающимъ себя людямъ, смѣшно и странно было бы плакать.

Александръ Ивановичъ сумѣлъ это оцѣнить. Онъ обѣими руками взялъ ея голову, слегка откинулъ ее назадъ, долго смотрѣлъ матери въ глаза, потомъ привлекъ ее къ себѣ, прижалъ къ своей груди и запечатлѣлъ на лбу ея горячій, нѣжный поцѣлуй.

— Какъ ты себя чувствуешь, мама? — заботливо спросилъ онъ. — Ты не больна?

Она улыбнулась ему сквозь радостныя слезы.

*) См. выше: окт., стр. 480.

— Нѣтъ, что ты, Шура, полно! — отвѣтила она. — Съ чего ты это взялъ? Я и не думаю хворать. Напротивъ, я, кажется, никогда не была такой бодрой и энергичной. Знаешь, мнѣ все кажется, что ты у меня снова маленькій, и мнѣ надо опекать тебя и о тебѣ заботиться. И я такъ отъ этого отвыкла, что это меня даже забавляетъ. А ты... не скучаешь, Шура?

— Немножко. Ну, да нечего дѣлать. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. И наконецъ, — прибавилъ онъ, весело тряхнувъ головой, — время еще не ушло; можетъ быть, и волосы выростутъ. А Лидія Николаевна... не серьезно больна?

— Нѣтъ, пустяки; думай-ка лучше о себѣ. И, пожалуйста, не вообрази, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ весело будетъ съ тобой возиться. Изволь быть здоровымъ и молодымъ.

Но когда, совершенно неожиданно для нея самой, Александръ Ивановичъ вернулся домой и спросилъ у нея, когда она въ послѣдній разъ видѣла Лидію, Ольга Александровна не выдержала, да и не сочла нужнымъ утаивать отъ него истину; собравшись съ духомъ, она рассказала ему все.

Веревкинъ слушалъ, не прерывая ее ни однимъ словомъ. Положивъ руки въ карманы, онъ шагаль изъ угла въ уголъ, насвистывая какую-то пѣсенку и, очевидно, перелаывая себя. Наконецъ, онъ остановился передъ матерью.

— Мама, — сказалъ онъ, — какъ ты думаешь, она теперь дома?

— Она, кажется, въ думѣ на базарѣ. Но зачѣмъ тебѣ? ты хочешь къ нимъ ѣхать?

— Мнѣ надо ее увидѣть.

— Какъ, послѣ всего, что ты слышалъ, послѣ... Я не узнаю тебя, — прибавила она, глубоко возмущенная. — Я понимаю, что тебѣ тяжело: ты ее любилъ, мы съ тобой оба ошиблись. Ну, что же дѣлать! Забудь ее, Шура, я умоляю тебя, забудь ее. Она недостойна тебя, не стоитъ изъ-за нея портить свою жизнь. Ты еще такъ молодъ, впереди у тебя можетъ еще быть такъ много хорошаго. Возьми себя въ руки!

Онъ покачалъ головой.

— Ну, какъ знаешь. Никогда я не думала, что ты можешь быть такимъ малодушнымъ и... не гордымъ.

Онъ пожалъ плечами и грустно усмѣхнулся.

— *Audiat et altera pars*, — произнесъ онъ: — я хочу и *долженъ* ее видѣть.

— Она теперь на базарѣ. Поѣзжай, полюбуйся, я ее тамъ видѣла.

И Вережкинъ поѣхалъ.

Онъ ѣхалъ „полюбоваться“ ею. Послѣ того, что рассказала ему мать, онъ ни на что не надѣялся. Онъ зналъ, что увидитъ ее суетной, безпечно-щебечущей, окруженной толпою поклонниковъ, и что разомъ рухнетъ все зданіе довѣрія и обожанія, которое онъ воздвигалъ съ такимъ стараніемъ и съ такой любовью.

Онъ зналъ, что это причинитъ ему страшную боль, что въ душѣ его образуется пустота, которую ему, можетъ быть, не удастся ничѣмъ, никогда заполнить; онъ все это зналъ, но онъ зналъ также и то, что, чего бы это ему ни стоило, *нужно* вылечиться, разлюбить ее, разлюбить свою ребяческую жалкую мечту. Такъ не все ли равно, рано ли, поздно ли? Лучше скорѣе.

Пасха въ тотъ годъ была поздняя, а весна, напротивъ, вспыхнула очень рано. Было совсѣмъ тепло. На землю спускались голубыя прозрачныя сумерки, и стукъ лошадиныхъ копытъ о каменную мостовую гулко раздавался въ пустынныхъ улицахъ, но Вережкинъ его не слышалъ.

Ему казалось, что это собственное его сердце стучитъ и бьется въ его груди.

Когда онъ взбѣжалъ по думской лѣстницѣ и вошелъ въ ярко освѣщенную, душную, шумную залу, у него закружилась голова, и онъ чуть было не упалъ.

Онъ остановился въ нерѣшимости, ему сдѣлалось жутко и захотѣлось убѣжать и никогда, никогда ее больше не видѣть, не видѣть ея лживой сіяющей улыбки, не слышать ласкающаго голоса, который онъ такъ любилъ.

И вдругъ онъ ее замѣтилъ. Да, это была она. Совершенно одна, какъ бы всѣми забытая, она дремала съ безпомощно свѣсившейся на спинку стула головкой, съ утомленнымъ, печальнымъ лицомъ.

И медленно, не спуская съ нея глазъ, онъ подошелъ къ ней и остановился. И весь его гнѣвъ, все презрѣніе къ ней, все, что онъ внушалъ себѣ, стараясь ее возненавидѣть, все это, какъ ледъ отъ весеннихъ лучей, таяло, таяло въ его груди. Онъ стоялъ передъ ней, обезоруженный, слабый, какъ маленькій ребенокъ, готовый все простить, повѣрить каждому ея слову, лишь бы только она сказала ему, что любить его, любить его попрежнему, что никогда не отрекалась отъ него, отъ своей любви.

— Лидія Николаевна, — проговорилъ онъ чуть слышно.

Она пошевелинулась и глубоко вздохнула.

— Лидія Николаевна, Лидія Николаевна! — повторилъ онъ громче.

Она широко раскрыла глаза, хотѣла двинуться, заговорить, какая-то дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу, она закрыла лицо руками и заплакала.

И на душу его, которая за мгновеніе передъ тѣмъ разрывалась отъ тоски, которая вся была полна негодованія и жолчи, слезы эти упали освѣжающимъ, благотворнымъ дождемъ. Онъ смыли нанесенную ему обиду, смыли сразу всю ея вину. Какова бы ни была эта вина, каковы бы ни были малодушіе, нечестность Лидіи, онъ ничего не хотѣлъ теперь объ этомъ знать. Еслибы они были вдвоемъ и одни, онъ бы упалъ къ ея ногамъ. Онъ чувствовалъ, что его что-то душитъ, ему хотѣлось крикнуть отъ счастья.

Лидія, наконецъ, выпрямилась, встала и схватила обѣ его руки.

— Простите меня,—сказала она, и смѣясь, и плача,—это глупо, я не могла сдержаться, я такъ рада... я не ждала васъ.

Она крѣпко сжимала его пальцы и вглядывалась въ его поблѣднѣвшее лицо, словно желая убѣдиться, что въ самомъ дѣлѣ видитъ его передъ собой.

— Пойдемте, — сказала она, — сидѣмъ здѣсь, настъ здѣсь никто не увидитъ.—И, не выпуская его руки, она почти потащила его за собой и, обогнувъ кіоскъ, въ углу залы, гдѣ были свалены запасныя вещи, картонки и всякій хламъ, опустилась на низкій деревянный ящикъ.

— Садитесь сюда,—сказала она, указывая ему головой на стулъ.

Онъ сѣлъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ они молча смотрѣли другъ на друга.

Она сидѣла, слегка нагнувшись, обхвативъ руками колѣни и не отрывая отъ него нѣжныхъ, смѣющихся глазъ.

— Я васъ не ждала!—повторяла она тихо, какъ бы удивляясь и радуясь смыслу собственныхъ словъ.

— Лидія Николаевна, — сказалъ онъ, стараясь подавить легкую дрожь въ голосѣ.—Вы говорите, что рады мнѣ, что вы меня не ждали. Я зналъ, что вы меня не ждали, но я не думалъ, что вы обрадуетесь мнѣ. Я думалъ, вы не захотите меня видѣть.

Она вся вспыхнула.

— И мама не совѣтовала мнѣ даже ѣхать къ вамъ.

Лидія снова схватила его руки.

— Александръ Ивановичъ, — произнесла она низкимъ умо-

ляющимъ голосомъ, — не говорите, не говорите ничего и ни о чемъ не спрашивайте. Я васъ прошу, я умоляю васъ.

Онъ низко опустилъ голову.

— Я васъ прошу!—продолжала она со страстью. — Люди разнo проявляютъ свое отчаяніе. Не судите меня, я была въ отчаяніи.

Онъ быстро исподлoбья на нее взглянулъ и снова потупилъ глаза, словно не въ силахъ былъ выдержать ея взгляда.

— Александръ Ивановичъ, — заговорила она опять совсѣмъ тихо, и голосъ ея, казалось, ласкался къ нему:— скажите мнѣ, что вы на меня не сердитесь, скажите мнѣ! Я виновата, я это знаю, но я была такъ поражена, мнѣ было такъ, такъ больно. Вѣдь не чужіе же мы съ вами люди. Мужчины часто пьютъ, кутятъ съ горя...

Она выпустила его холодные, дрожащіе пальцы и молитвенно сложила руки. Онъ закрылъ глаза. Грудь его тяжело дышала, онъ не могъ ей ничего отвѣтить. Она снова, какъ въ первые дни ихъ знакомства, просила у него прощенія, и, какъ тогда, униженно и робко, ждала его отвѣта; и онъ боялся, что снова, какъ тогда, слова ея разжалобятъ, растрогаютъ его.

Онъ этого боялся. Онъ не хотѣлъ поддаться внезапному волненію. Не для того желалъ онъ ее видѣть. И съ новой силой вспыхнуло въ немъ вдругъ угаснувшее-было чувство раздраженія. Она ему солгала, онъ ей не вѣрилъ больше. Два года тому назадъ, онъ могъ ей вѣрить, — ему казалось, что она — ребенокъ. Но вѣдь съ тѣхъ поръ не мало воды утекло. Она успѣла вырасти въ его глазахъ. Онъ научился любить и уважать ее, какъ человѣка взрослого. Онъ въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ слышалъ отъ нея такъ много хорошихъ рѣчей. Значить, она понимала. Зачѣмъ же опять звучалъ теперь этотъ безсвязный лепетъ? Нѣтъ, нѣтъ, все это была ложь, ненужная и недостойная комедія.

— Лидія Николаевна, — сказалъ онъ, наконецъ, — я васъ не сужу. И какое бы я имѣлъ право судить васъ? Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ это. Но скажите мнѣ, отчего вы были въ такомъ отчаяніи? Я слушаю васъ и не понимаю.

— Какъ отчего? — растерянно спросила она: — да вѣдь васъ же...

— Да, меня арестовали, но развѣ это — несчастье?

— Но вѣдь... вы для меня не чужой человѣкъ.

— Можетъ быть, Лидія Николаевна, я былъ бы счастливъ, еслибъ это было такъ. И все-таки я васъ не понимаю. Вотъ, еслибы я умеръ, укралъ, вы, дѣйствительно, могли бы придти въ

отчаяніе. Ничего подобнаго со мной не случилось. Случилась крупная непріятность, конечно. Но вѣдь я шелъ на это, я не мальчишѣ. Вы знали условія, обстоятельства и знали мои убѣжденія, мой нравъ. Почему же арестъ мой такъ страшно васъ поразилъ? Вѣдь долженъ же взрослый человѣкъ нести отвѣтственность за свои поступки, за свои слова. Неужели это никогда не приходило вамъ въ голову? Мы съ вами такъ много бесѣдовали. И мнѣ помнится, Лидія Николаевна, что вы не разъ соглашались со мной, высказывали еще болѣе крайнія мнѣнія, нежели тѣ, которыя высказывалъ я. Зачѣмъ же вы это дѣлали? Васъ никто не неволилъ. Развѣ вы не могли имѣть свои убѣжденія, развѣ бы я когда-либо посягнулъ на нихъ? Вы были человѣкъ свободный.

— Да я и не лгала, — отвѣтила она смущенно, — у меня только не хватило мужества. Я просто испугалась... какъ женщина. Ну, потеряла голову.

— Да? А какъ вы думаете, моей матери эта исторія была пріятна? Должно быть, нѣтъ. Однако, она отнеслась къ ней разумно, не растерялась, не пала духомъ.

— Ольга Александровна? Ну, да, еще бы. Еще бы! Вамъ легко говорить. И вы, и ваша мать прошли иную школу. Вы требуете и отъ меня теперь такой же выдержки. Это несправедливо, и вы слишкомъ строги. Развѣ я виновата, что я слабѣе васъ, что меня иначе воспитывали? Сама я чувствовала себя неподготовленной. Недаромъ я просила ждать.

— Чего? Чего ждать? Развѣ можно просить у жизни, чтобы она ждала? И неужели для того, чтобы не измѣнять въ бѣдѣ тѣмъ, кого любишь, нужна какая-то подготовка, школа? Мнѣ всегда казалось, что это—дѣло сердца. Вы, значитъ, не любили меня?

— Нѣтъ, я любила васъ, но... вы не понимаете! Я не могу, я не умѣю вамъ сказать. Я чувствовала, я всегда чувствовала, что вы идеализируете меня, и вы, и ваша мать. Я говорила вамъ, что вы меня не знаете. Вы не хотѣли вѣрить, а я была права.

— Да, — съ горечью возразилъ онъ, — я васъ не зналъ. И еслибъ вы могли понять, какъ это ужасно—любить человѣка и не знать его! — Онъ замолчалъ. Слегка прищуривъ свои близорукіе глаза, онъ съ безконечной грустью, съ выраженіемъ глубокой усталости смотрѣлъ куда-то вдаль поверхъ ея головы, какъ бы слѣдя за полетомъ собственной мысли. Лидія тоже молчала. Она чувствовала себя провинившеюся, ей было неловко, она не рѣшалась заговорить.

Налетѣвшій на нихъ порывъ страсти промчался, въ души ихъ повѣяло холодомъ, они это поняли оба.

— Александръ Ивановичъ, — робко начала Лидія, — я васъ не обманывала. Помните, я часто каялась вамъ и говорила, что боюсь пустыни, и вѣдь сами вы, сами смѣялись надо мной, успокаивали меня и говорили, что въ пустыню мнѣ незачѣмъ идти.

— Да, и никто бы насильно въ пустыню васъ не заставилъ идти. Я опять повторяю, что вы были человѣкъ свободный. Вамъ нечего было пугаться и незачѣмъ было бѣжать. И, наконецъ, то, что со мной случилось, ничего общаго не имѣло съ пустыней. Вы испугались призрака, тѣни ея. Я не герой и не политическій дѣятель. Я—самый простой, дюжинный человѣкъ. Поведеніе мое было только порядочно. Я не считалъ возможнымъ измѣнить моимъ убѣжденіямъ и измѣнить нѣкоторымъ изъ моихъ друзей. Неужели же это подвигъ? А вы? Вы говорите, что любите меня, а между тѣмъ пѣтухъ еще не успѣлъ пропѣть, какъ вы уже отреклись отъ меня. Равно же вы отреклись, Лидія Николаевна.

— Еслибы я увидѣла васъ въ день вашего ареста, и вы бы мнѣ растолковали все, я увѣрена, что и поведеніе мое было бы совсѣмъ другое. А то—я къ вамъ пріѣзжаю, Ольга Александровна говоритъ мнѣ, что вы арестованы. Меня это какъ обухомъ по головѣхватило. Потомъ мнѣ Ольга Александровна что-то рассказывала, объясняла, но я ужъ ничего не могла понять.

— Ну, а послѣ, когда вы опомнились, вы развѣ захотѣли понять, развѣ вы спрашивали? Вы не любопытствовали даже узнать, велика ли моя вина и сильно ли я могу за нее заплатить.

— Нѣтъ,—отвѣтила она едва слышнымъ шопотомъ.

— Ну, вотъ, видите. Вы сказали: „я не знаю этого человѣка“. А еслибы вы спросили, то вамъ объяснили бы, да вы бы и сами сразу поняли, что человѣкъ этотъ не такой ужъ преступникъ, и что общество его не можетъ такъ страшно скомпрометировать васъ.

— Александръ Ивановичъ,—продолжала она, почти плача,—клянусь вамъ, что это никогда больше не повторится, никогда. Вы знаете, и апостолъ Петръ сумѣлъ пострадать и искупить свой грѣхъ. Я испугалась грозы, но она прошла,—не правда ли, вѣдь прошла? Вы теперь свободны. Простите меня. Скажите мнѣ, что вы меня прощаете. Я докажу вамъ, что я не такъ дурна. Скажите только, что вы все забудете, что все будетъ по старому, что ничто не измѣнится. Скажите мнѣ.

— Это отъ васъ зависить.

— Какъ отъ меня?

— Да такъ, отъ васъ. Вы хотите, чтобы все оставалось по старому. Къ сожалѣвію, это невозможно. Я долженъ отправиться не въ пустыню, правда, но, можетъ быть, въ далекій путь.

— Я васъ не понимаю,—сказала она упавшимъ голосомъ.
— Вѣдь вы... свободны?

— Да. Вы совершенно правы, гроза прошла. И, какъ я вамъ сказалъ, я не большой преступникъ, и вина моя далеко не крупная. И я увѣренъ, что все, современемъ, перемелется. Я еще молодъ, я не унываю. Но теперь я долженъ оставить Петербургъ. Университетская карьера, по крайней мѣрѣ, на время прервана. Я поѣду въ Зайцево, а тамъ—что Богъ дастъ.

— Вы поѣдете въ Зайцево? Это значить... ссылка?

— Если хотите—да.

Какая-то тѣнь пробѣжала по ея лицу, и она невольно отшатнулась.

Наступило тягостное молчаніе.

Не спуская съ нея глазъ, затаивъ дыханіе, Веревкинъ ждалъ отъ нея отвѣта. Она, казалось, глубоко задумалась. Съ потухшимъ взоромъ, она разсѣянно вертѣла въ пальцахъ золотую цѣпь.

Лицо ея приняло тупое, сосредоточенное выраженіе.

„Въ Зайцево,—мысленно повторяла она, — въ Зайцево, въ ссылку, въ Зайцево“.

И вдругъ, какъ голосъ искуителя, въ ушахъ ея отчетливо прозвучала фраза: „купить для васъ у какого-нибудь разорившагося итальянскаго маркиза чудную виллу, окружить васъ блескомъ, роскошью, поклоненіемъ“... Чудную виллу! Блескомъ! Она горько усмѣхнулась. Зайцево—вотъ гдѣ ей суждено жить. И ей ясно представился сельскій убогій домикъ, низенькія комнаты, ветхое крыльцо. Одиночество, хлопоты по хозяйству, незамѣтный, неблагодарный трудъ. Крестьянскія дѣти, школа, цѣлый рядъ скучныхъ и длинныхъ дней. Безконечные зимніе вечера съ завываніемъ вьюги въ занесенномъ снѣгомъ садишкѣ... Нѣтъ, такой жертвы онъ не можетъ отъ нея требовать; *долженъ* же онъ понять, что она не въ силахъ ее принести.

— Зачѣмъ, Боже мой, зачѣмъ были вы такъ неосторожны?—вырвалось у нея неожиданно для нея самой.

Въ голосѣ ея слышалось раздраженіе, и глаза, за минуту передъ тѣмъ такіе ласкающіе, сверкали теперь и горѣли досадой.

— Все было хорошо. Мы могли быть такъ счастливы. Зачѣмъ понадобилось вамъ все испортить? Неосторожно...

Онъ вопросительно поднялъ брови. Въ это мгновеніе она была ему почти противна.

— Неосторожно?—произнесъ онъ.—Да, конечно. И въ этомъ вся моя вина, и я съ Татьяной могу воскликнуть: „Неосторожно, быть можетъ, поступила я“! А вы бы что хотѣли? что? Вы знаете ли, Лидія Николаевна, что человѣкъ иногда *долженъ* дѣйствовать безразсудно, что осторожность граничитъ подчасъ съ трусостью, съ измѣной людямъ, которыхъ любишь, которымъ, можетъ быть, обязанъ. И вы хотѣли видѣть меня въ роли труса?

— Я ничего бы не хотѣла,—холодно сказала она, вставая,—всякій воленъ поступать по своему. Одинъ способенъ жертвовать своими капризами, другой — неспособенъ. Что тутъ подѣлаешь? Одинъ эгоистъ, думаетъ только о себѣ, о мелкомъ своемъ самолюбіи, о мнѣніи чужихъ ему совершенно „друзей“. Другой... Но не все ли равно, какъ поступаетъ другой, тотъ, кто въ самомъ дѣлѣ умѣетъ любить, жалѣть, заботиться о спокойствіи того, кого любить. Стоитъ ли объ этомъ говорить?

Вережкинъ тоже поднялся,—онъ былъ очень блѣденъ.

— Нѣтъ, не стоитъ,—сказалъ онъ спокойно.—И не только не стоитъ говорить, но и любить, Лидія Николаевна, не стоитъ. Любить не легко,—это не шутка. Кто хочетъ любить, долженъ быть на многое готовъ, и на жертвы, и на невзгоды. Но всѣмъ намъ хочется сладкаго, а на борьбу не хватаетъ силъ. Такъ и говорить объ этомъ не стоитъ. Все это слова, слова и слова.

Она выпрямилась, оскорбленная его отвѣтомъ. Глаза ея враждебно смотрѣли на него.

— Отъ васъ я также слышала немало словъ, — сказала она, презрительно закидывая головку:—слышала, что вы хотите меня видѣть счастливой, что мое спокойствіе для васъ важнѣе всего. Какъ я была глупа,—я вамъ вѣрила! Есть люди, которые любятъ меня больше, чѣмъ вы.

Онъ молча пожалъ плечами.

— Прощайте, Лидія Николаевна, — сказалъ онъ отрывисто.

Она холодно протянула ему руку, онъ холодно ее пожалъ, и они разстались.

И она ни единымъ словомъ не удержала его, не крикнула ему, чтобы онъ вернулся. Онъ быстрыми шагами пересѣкъ залу и исчезъ.

Лидія смотрѣла ему вслѣдъ и не шевелилась.

Казалось, что-то холодное, тяжелое наваливалось ей на грудь.

Медленно переворачивалась страница ея жизни, самая свѣтлая, самая дорогая, страница, давшая ей такъ много счастья, заставлявшая не разъ такъ шибко, такъ радостно биться ея сердце. Она переворачивалась навсегда. И Лидія стояла въ опѣивѣнніи. „Неужели все кончилось?“ — спрашивала она себя. Неужели? Какъ это могло случиться, — неужели никто не поможетъ ей?

Но вѣдь это безуміе, вѣдь она его любитъ, не могла же сама она оттолкнуть его?

И вдругъ ей, Богъ вѣсть почему, вспомнилось, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, за границей она видѣла, какъ въ океанѣ тонулъ человѣкъ. Онъ тонулъ совсѣмъ близко отъ берега. Она ясно помнитъ круглую темную голову, которая то скрывалась, то появлялась вновь и, наконецъ, передъ тѣмъ, какъ навсегда исчезнуть, продержалась еще нѣсколько секундъ почти на поверхности, такъ что ее какъ сквозь дымку можно было видѣть подъ прозрачной струившейся надъ нею водой.

Ей тоже казалось тогда, что это невозможно. Она стояла на пляжѣ, чувствуя, какъ сердце ея перестаетъ биться, и съ возрастающимъ ужасомъ, будто ее давилъ нелѣпый кошмаръ, спрашивая у всѣхъ окружающихъ: „Но вѣдь это не можетъ, не можетъ же быть! Вѣдь не дадутъ же ему погибнуть?“

X.

На другой день вечеромъ, въ девятомъ часу, Лидія стояла на лѣстницѣ у двери Веревкиныхъ, стояла и не рѣшалась позвонить.

Внизу она забыла спросить у швейцара, дома ли Ольга Александровна, и теперь ее тревожила мысль: „а что, если никого нѣтъ, если они уѣхали?“ Можетъ быть, въ домѣ ихъ пусто, и она напрасно будетъ звонить.

И вдругъ до нея донеслись заглушенные звуки рояля. Ольга Александровна играла „Sonate pathétique“. Съ какимъ наслажденіемъ Лидія, бывало, ее слушала.

— Сыграйте что-нибудь, — упрашивала она всегда Веревкину, но Ольга Александровна чаще отнѣживалась. — Отчего? — приста- вала къ ней Лидія.

— Такъ, не хочется, я забыла, забросила, измѣнила старому другу. А знаете, я всегда возвращаюсь къ нему, когда на душѣ у меня невесело. Сядешь, начнешь играть, смотришь: плывутъ, плывутъ милыя тѣни; будто бы снова переживаешь жизнь.

И начнетъ Ольга Александровна, бывало, рассказывать о дняхъ своей юности, о людяхъ шестидесятихъ годовъ. Лидія слушаетъ ее и не можетъ наслушаться.

— Вы напоминаете мнѣ Шуру, когда онъ былъ маленькій, — засмѣется вдругъ Ольга Александровна: — не успѣешь ему рассказать сказку, а у него глазенки такъ и горять, онъ уже ждетъ, что будетъ дальше, и объявляетъ: „еще“.

Какъ все это кажется теперь Лидіи далекимъ, все, что со- грѣвало, красило ея жизнь!

„А можетъ быть... все это еще вернется?“

Она протянула руку и дернула звонокъ. Игра на роялѣ сразу оборвалась. Лидія отступила на шагъ и схватилась рукой за перила.

Ольга Александровна сама отворила ей дверь.

— Вы? — произнесла она, невольно подаваясь назадъ, и смѣ- рила Лидію изумленнымъ взглядомъ.

— Я могу войти, я вамъ не помѣшаю?

— Нѣтъ, что вы! Войдите. Войдите, Лидія Николаевна, по- жалуйста. Вы пріѣхали проститься со мной? Благодарю васъ.

— Вы развѣ уѣзжаете? — робко спросила Лидія, переступая порогъ и пожимая протянутую руку.

— Я? Да. Вы знаете, Александръ уже уѣхалъ. Я хотѣла сперва остаться, я могла бы быть ему здѣсь полезной, кое-что сообщать ему, порываться для него въ библіотекахъ. Но... теперь я рѣшила ѣхать.

Лидія молча снимала съ плечъ накидку.

Ольга Александровна говорила спокойно. Ей, очевидно, хотѣ- лось встрѣтить Лидію радушно, отнестись къ ней, какъ будто не произошло ничего.

— Простите меня, — сказала она, — я буду сегодня плохой собесѣдницей. У меня нестерпимо болитъ голова. Я сѣла по- играть, думала, что пройдетъ, а, кажется, теперь еще хуже.

— Можетъ быть, мнѣ лучше уѣхать?

— Да нѣтъ же, нѣтъ. Богъ съ вами, оставайтесь. Я сейчасъ скажу, чтобы намъ дали чаю. Авось, вы меня и разговорите.

Лидія улыбнулась ей, вошла въ гостиную и сѣла въ кресло у круглаго стола, на которомъ горѣла высокая, знакомая ей лампа подъ сѣрымъ абажуромъ. Въ этой комнатѣ все, все было ей знакомо, все было мило, казалось ей роднымъ.

— Ну, вотъ. Снимите же шляпу, — произнесла, входя, Ольга Александровна. — Маша сейчасъ принесетъ намъ чаю, и мы съ вами будемъ болтать.

— Ольга Александровна, я не проститься къ вамъ сегодня пріѣхала, я даже не знала, что вы собираетесь въ путь. Я пріѣхала къ вамъ за совѣтомъ.

Ольга Александровна вопросительно взглянула на нее.

— Какой же могу я вамъ дать совѣтъ? — спросила она съ удивленіемъ.

Лидія, видимо, боролась съ собой.

— Выслушайте меня, Ольга Александровна, — сказала она, наконецъ, — дайте мнѣ все сказать. Вотъ въ чемъ дѣло. Сегодня у насъ былъ Кулешовъ и... и сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и я, я...

— Не знаете, какъ поступить?

— Нѣтъ, не то: я отвѣтила ему, что согласна.

Ольга Александровна сдвинула брови.

— Такъ какой же могу я дать вамъ совѣтъ? Простите меня, но вы, кажется, шутите.

Лидія остановила ее движеніемъ руки.

— Въ такомъ случаѣ, Лидія Николаевна, объяснитесь, прошу васъ. Я не понимаю.

— Я знаю, это трудно понять. Я сама себя не всегда понимаю. Въ этомъ-то и есть горе. Я отвѣтила Кулешову, что согласна сдѣлаться его женой. А теперь я пріѣхала къ вамъ за совѣтомъ. Скажите мнѣ, Ольга Александровна, какъ поступить?

— Нѣтъ, я васъ не понимаю.

— Скажите мнѣ, можетъ быть... лучше ему отказать?

— Это уже ваше дѣло.

— Но скажите, какъ *лучше* мнѣ поступить, какъ поступили бы вы на моемъ мѣстѣ?

— О, Лидія Николаевна, не будемте объ этомъ говорить. Мы съ вами слишкомъ разные люди.

— Я знаю. Вы безконечно лучше меня, оттого-то я къ вамъ и пріѣхала. Я никому не вѣрю такъ, какъ вамъ, я никого не знаю лучше васъ. Постарайтесь понять меня, снизойти ко мнѣ.

— Чтѣ же вы отъ меня хотите?

— Побраните меня, научите меня, я васъ слушаюсь. Если вы меня не поддержите, я погибну; я это чувствую, какъ игрокъ, какъ пьяница. Спасите меня отъ меня самой, — я себя боюсь, и себѣ не вѣрю. Значитъ, ужъ тяжело мнѣ, если я къ вамъ пріѣхала, если я все это говорю вамъ. Подумайте сами. Легко ли мнѣ это послѣ того, чтѣ было? Я бросилась къ вамъ потому, что у меня никого нѣтъ. Я забыла все, самолюбіе, гордость... Александръ Ивановичъ вамъ рассказывалъ?

— Разсказывалъ, но не все должно быть.

— Мы разстались съ нимъ очень нехорошо. Я погорячилась, Александръ Ивановичъ оскорбился, ушелъ. Я не знаю сама, какъ это случилось. Я наговорила такихъ вещей, которыхъ, право, совѣмъ не думала. Александръ Ивановичъ теперь оскорбленъ. Но, можетъ быть, современемъ это забудется. Я подожду. Многое можетъ вѣдь измѣниться. Я буду писать вамъ, вы меня поддержите. Ольга Александровна, научите меня!

— Милая Лидія Николаевна, простите...

-- Вы, значить, не хотите мнѣ ничего сказать.

— Да сказать-то, Лидія Николаевна, нечего. Чтò я могу сказать? Я не понимаю васъ. Да вы... любите Кулешова?

— Нѣтъ.

-- И вы спрашиваете у меня... Какъ вы меня мало знаете! Мы говоримъ съ вами на разныхъ языкахъ.

— Вы хотите, чтобы я ему отказала? Скажите!

— Я ничего не хочу, не даю вамъ никакихъ совѣтовъ. Вамъ хочется знать мое мнѣніе—вотъ оно. Если послѣ того, чтò вы мнѣ сказали, вы сдѣлаетесь женой Кулешова, мнѣ... будетъ стыдно за васъ. Да и теперь, Лидія Николаевна, мнѣ стыдно. Я не узнаю васъ, будто вы—другой человѣкъ. Простите меня, но вѣдь вы хотите знать правду.

— Да... Ну, а если я буду ждать?

— Ждать чего?

— Чтобы Александръ Ивановичъ простилъ.

— Александръ? Такъ вы его любите?

— Да, Ольга Александровна.

Ольга Александровна придвинулась къ ней и взяла ея руки.

— Лидія Николаевна,—сказала она, смотря ей въ глаза.— Вы его любите, и это правда? Вы не кокетничали и не увлекали его?

— Нѣтъ, Ольга Александровна.

— Такъ чтò же вы, чтò же вы дѣлали? Неужели же вами руководила корысть? Лидія Николаевна, мнѣ что-то не вѣрится. Да не ошибаетесь ли вы?

— Нѣтъ, Ольга Александровна, не ошибаюсь. Вначалѣ я, правда, кокетничала, а потомъ и сама влюбилась. Но влюбилась я тоже не сразу, не такъ, какъ, должно быть, влюбились вы. Вы, Ольга Александровна, натура цѣльная, вамъ, дѣйствительно, трудно меня понять. Я знаю, я въ романахъ читала о такой любви, которая какъ-то приходитъ сразу, захватываетъ какъ-то всего человѣка. Но я неспособна на такую любовь. Вѣроятно,

я слишкомъ испорчена. Я прекрасно видѣла, какъ это у меня началось, и сама удивлялась этому. Я не знала только, что такъ сильно влюблюсь. Я думала, что это почти забава. Во мнѣ все время было два человѣка. Одинъ хотѣлъ увлекаться, любить, любить искренно, сдѣлаться лучше. Другой—былъ постоянно насторожѣ, наблюдалъ и слѣдилъ за всѣмъ. Этотъ другой неумолимо все взвѣшивалъ, мелочилъ, я никуда не могла отъ него уйти. Когда я разговаривала съ Александромъ Ивановичемъ, я не лгала, я была искренна, и все-таки я не могла никогда забыть. Какой-то голосъ всегда мнѣ подсказывалъ, что нужно говорить, какъ нужно смотрѣть, двигаться, поступать, чтобы нравиться, чтобы казаться лучше. Да, я была слишкомъ опытна. Привычка оказалась сильнѣе меня. Я всю жизнь поступала такъ, поступала такъ и съ Александромъ Ивановичемъ. А между тѣмъ я любила его. Вы этого никогда не поймете. Я будто сочиняла романъ и обдумывала каждую строчку.

Голосъ Лидіи совсѣмъ упалъ. Она говорила тихо, какъ бы сама съ собой, забывъ о присутствіи Ольги Александровны. Глаза ея смотрѣли въ одну точку, въ нихъ свѣтилась неподдѣльная грусть.

— Вотъ и теперь, — продолжала она съ усмѣшкой, — можетъ быть, я опять рисуюсь. У меня все перепуталось въ головѣ, и я *такъ* устала! Я никогда не могу быть сама собой. Я даже не знаю, какая я въ самомъ дѣлѣ. Порой я кажусь себѣ такой подлой, испорченной, жалкой, ничтожной. Въ другой разъ, напротивъ, мнѣ вдругъ покажется, что это не такъ, что я вовсе не такъ дурна. А Богъ знаетъ, можетъ быть, тутъ-то именно я и играю роль, и воображаю, что это дѣйствительность. Я не знаю сама, чего я хочу, что мнѣ нужно, чтобы быть счастливой. Вы спросили меня, что я дѣлала? Арестъ Александра Ивановича застигнулъ меня врасплохъ. Я не успѣла къ нему подготовиться, а потомъ... мнѣ сдѣлалось стыдно. Да и жутко мнѣ стало: я поняла, какъ трудно мнѣ было доиграть роль до конца, поняла, что не хватитъ силёнокъ. Вчера мы поссорились съ Александромъ Ивановичемъ. Я почувствовала себя какой-то отверженной... А сегодня пріѣхалъ ко мнѣ Кулешовъ. Этотъ мнѣ по плечу, никакой роли съ нимъ не придется играть, ничего такого ему не нужно. Вы думаете, меня прельстило богатство, положеніе, роскошь, деньги? О, нѣтъ. Дѣло не въ этомъ, не въ этомъ только. Дѣло въ томъ, что я побоялась васъ, побоялась, что съ вами мнѣ постоянно придется подтягиваться, слѣдить за собой, тянуть лямку и лгать. Вы для меня черезчуръ добродѣтельны. Я по-

боялась, что это мнѣ надоѣсть подѣ конецъ. А съ Кулешовымъ жить будетъ такъ легко! Съ нимъ можно будетъ совсѣмъ опуститься, пасть такъ низко, такъ низко, что даже чувствовать этого не будешь, не будешь стыдиться. Только... не хочется мнѣ выходить за него. Ольга Александровна! Чтѣ мнѣ дѣлать?

Ольга Александровна сидѣла совсѣмъ потрясенная. Ей казалось, что она слышитъ бредъ.

— Чтѣ вы обо мнѣ думаете? — спросила ее вдругъ Лидія, опомнившись: — я наговорила вамъ много, я испугала васъ?

— Да, Лидія Николаевна, — отвѣтила Ольга Александровна, — то, чтѣ вы мнѣ говорите, пугаетъ меня. Никогда не думала я услышать отъ васъ ничего подобнаго. Неужели все это правда?

Лидія устало опустила голову.

— И мы думали, что знаемъ васъ! Боже мой! Да, вамъ, должно быть, дѣйствительно тяжело, если вы рѣшились такъ высказаться. Но, Лидія Николаевна, какъ я могу вамъ помочь? Я бы и рада была, да я не сумѣю. Вотъ, я дожила до сѣдыхъ волосъ, а въ сравненіи съ вами я — глупая дѣвочка. Я съ трудомъ понимаю васъ.

— И не хотите понять? Я вамъ просто противна?

— Нѣтъ, мнѣ жаль васъ, глубоко жаль. Читали вы, Лидія Николаевна, Данте?

— Нѣтъ, да... давно.

— Васъ удивляетъ, что я его вспомнила? Онъ сурово казнить души тѣхъ людей, которые въ жизни не умѣли отдаться ни злу, ни добру, не умѣли ни сильно любить, ни сильно ненавидѣть. Онъ ихъ сурово казнить. Я всегда думала, что это несправедливо. Но Данте былъ великій поэтъ. Онъ лучше насъ понималъ сердце человѣка, онъ лучше насъ зналъ, что такіе люди не могутъ не быть несчастны, что они обречены на вѣчную тьму, гдѣ никогда не свѣтятъ звѣзды.

— И вы думаете, я не могу исправиться?

— Лидія Николаевна, это — дѣтское слово! Вы — не ребенокъ, вамъ не легко „исправиться“. Дай Богъ, чтобы васъ не испортила жизнь; она умѣетъ ломать самыхъ сильныхъ. Дай Богъ. Вы мнѣ сдѣлали много зла, но мнѣ жаль васъ, потому что вы сами несчастны.

— Но, Ольга Александровна, вы развѣ не думаете, что я бы могла попытаться, что Александръ Ивановичъ, можетъ быть, могъ бы помочь?

— Лидія Николаевна, не знаю. Вы ставите меня въ тяжелое, трудное положеніе. Вы хотите, чтобы я забыла, что я —

его мать; чтобы, спасая васъ, я пожертвовала моимъ сыномъ. Не могу я, дорогая моя, этого сдѣлать. Вы слишкомъ многого отъ меня требуете. Я не святая. Мнѣ жаль васъ, я не питаю къ вамъ враждебнаго чувства. Еслибы я была одна или еслибы Александръ не любилъ васъ, я бы рада была все, все сдѣлать, я бы ни за что не отпустила васъ такъ. Но жертвовать, ради васъ, сыномъ я не могу, да и не вправѣ. Его счастье мнѣ дороже, чѣмъ ваше. Можетъ быть, это эгоизмъ, можетъ быть,— все равно. Поступайте, какъ знаете, дѣлайте, что хотите, только оставьте насъ, прошу васъ, въ покоѣ. Послѣ всего вашего поведенія, послѣ того, что вы мнѣ сказали, я, Лидія Николаевна, просто боюсь васъ. Еслибы вы сдѣлались женой Александра, я, признаюсь вамъ, была бы въ отчаяніи. Онъ былъ бы съ вами глубоко несчастенъ. Да и вы не были бы счастливы. Вы правы. Вѣчно играть роль нельзя, а Александру, дѣйствительно, многое нужно; онъ не Кулешовъ,—быть его женой вовсе не такъ легко. Не думайте, что я къ сыну пристрастна. Я не хочу, чтобы вы, какъ кисейная дѣвушка, говорили ему: „вы—герой“. Нѣтъ, нѣтъ, поймите меня, вовсе нѣтъ. Но я знаю, что онъ человѣкъ крутой, что одной страсти ему слишкомъ мало, что если онъ не будетъ безгранично вѣрить вамъ, уважать, любить васъ какъ человѣка, онъ все скомкаетъ, испортитъ, разрушитъ всю свою жизнь, но не пойдетъ ни на какія сдѣлки. Нѣтъ, нѣтъ, оставьте его, оставьте его въ покоѣ. Да и поздно! Теперь ужъ ничего не вернешь. Вчера вы могли бы еще кое-что спасти, обломки, черепки вашего счастья. Но теперь... послѣ всего, что было... Онъ сказалъ мнѣ: „Она для меня умерла“.

XI.

Прошло около полугода. По понедѣльникамъ у Радаевыхъ былъ абонементъ въ оперѣ. Послѣ обѣда, въ восьмомъ часу, лакей доложилъ, что карета подана. Николай Петровичъ не могъ въ этотъ вечеръ ѣхать. Онъ собирался на засѣданіе и казался возбужденнымъ и озабоченнымъ. Софья Андреевна и Лидія рассѣянно простились съ нимъ и уѣхали.

Между Лидіей и ея отцомъ отношенія въ послѣднее время были очень холодныя. Онъ не узнавалъ своей Лидочки. Она никогда больше не ласкалась къ нему, не приходила поболтать, посмѣшить его. Онъ не говорилъ ей ни слова, но скучалъ и сердито хмурился. Здоровье его тоже какъ-то разстроилось. Лѣ-

томъ онъ ѣздилъ лечиться, прожилъ съ семьей нѣсколько недѣль на Кавказѣ; воды, горный воздухъ и отдыхъ оживили его; въ Петербургъ онъ вернулся посвѣжѣвшимъ и бодрымъ, но тутъ на него сразу навалилась куча дѣла, и онъ началъ замѣтно прихварывать. Онъ казался подавленнымъ, и каждый пустякъ его раздражалъ. Ему не нравился предстоящій бракъ съ Кулешовымъ, онъ былъ недоволенъ Лидіей и не вѣрилъ, чтобы Борисъ Владиміровичъ могъ ее сдѣлать счастливой.

— И ты любишь его?—недовѣрчиво спрашивалъ онъ дочь.

— Оставь ее,—прерывала его Софья Андреевна,—должно быть, любить. Это ея дѣло.

— Да, да, я знаю, что это ея дѣло, я знаю, — задумчиво отвѣчалъ Радаевъ.—Но... мнѣ казалось, Лидочка, что тебѣ нравится Александръ Ивановичъ. Я нѣсколько наблюдалъ за вами, и мнѣ казалось, что...

— Ахъ, какой вздоръ! — снова перебивала его Радаева.— Вотъ фантазія! Просто, это былъ дѣтскій флиртъ.

— Да, Лидочка, дѣтскій флиртъ? А я, признаюсь тебѣ, радовался.

Софья Андреевна презрительно усмѣхалась. „Еще бы,—съ раздраженіемъ думала она,—конечно, я такъ и знала“.

Да, Николай Петровичъ былъ недоволенъ, но онъ такъ въ теченіе всей жизни привыкъ къ политикѣ *laisser faire, laisser aller*, что я теперь не накладывалъ своего veto. Онъ только на одномъ настоялъ, а именно онъ требовалъ, чтобы свадьба была отсрочена на годъ.

— Вы находите, можетъ быть, что я—не подходящая партія для вашей дочери? — довольно заносчиво спросилъ его Кулешовъ.

— О, нѣтъ,—съ тонкой улыбкой отвѣтилъ ему Радаевъ,—я только желаю, чтобы дочь моя успѣла провѣрить, подходящая ли она партія для васъ.

Николай Петровичъ никакъ не могъ себя заставить относиться къ Кулешову, какъ къ человѣку близкому, почти какъ къ члену семьи. Разъ какъ-то онъ даже не выдержалъ и сухо ему сказалъ: — „Предупреждаю васъ, Борисъ Владиміровичъ, что капитала я Лидіи дать не могу“.—Кулешовъ съ презрительнымъ недоумѣніемъ пожалъ лишь слегка плечами.

— Пока я живъ и здоровъ,—продолжалъ, устало морщась, Радаевъ,—я буду давать пять тысячъ въ годъ на личные ея расходы. Это все, что я могу сдѣлать.

Когда онъ сообщилъ объ этомъ намѣреніи Лидіи, она съ невольнымъ удивленіемъ взглянула на мать.

— Мама,—начала она въ тотъ же день вечеромъ, когда онѣ сидѣли однѣ въ кабинетѣ Радаевой.

— Что, Лидочка?

— Мама, какъ ты думаешь, пять тысячъ—много?

— Пять тысячъ? Какъ тебѣ сказать?.. А что?

— Нѣтъ, такъ... Ну, а какъ ты думаешь, если бы я вышла за Александра Ивановича, папа тоже давалъ бы мнѣ пять тысячъ въ годъ?

— Да, должно быть, не знаю. Да зачѣмъ ты все это спрашиваешь?

— Затѣмъ, что ты говорила мнѣ, что папа мнѣ ничего не дастъ.

— Ахъ, Боже мой, почему я знаю! Далъ бы, не далъ бы... Не все ли тебѣ равно?

— Да, конечно. Конечно, мнѣ все равно.

Софья Андреевна слегка приподнялась въ качалкѣ и тревожно взглянула на дочь.

Лидія сидѣла, закинувъ обѣ руки за голову. Лицо ея казалось утомленнымъ, глаза были печальны и неподвижно глядѣли вверхъ.

„Что съ ней?“—мелькнуло въ головѣ у Радаевой.

— Лидія!—окликнула она ее:—о чемъ ты задумалась, Лидочка?

— Я? Ни о чемъ.

Она встала и лѣниво прошлась раза два по комнатѣ.

— Ахъ, да, знаешь, чтѣ?—сказала она, стараясь подавить зѣвоту:—мнѣ совсѣмъ не нравится мое сѣрое платье; безъ отворотовъ было гораздо лучше.

Софья Андреевна и Лидія съ утра до вечера ѣздили по магазинамъ, заказывая и покупая приданое. Обѣихъ ихъ охватила какая-то лихорадка мотовства. Николай Петровичъ молча платилъ по счетамъ, которые присылались ему каждый день. Софья Андреевна торжествовала. Она чувствовала, что, наконецъ-то, ей повезло, что завѣтная мечта ея исполняется, и она выгодно выдаетъ свою дочь.

Правда, Лидія на нее, очевидно, дулась. Она говорила съ ней только объ ихъ покупкахъ, умышленно не допуская ее въ свой внутренний міръ. Когда Софья Андреевна заговаривала съ ней объ ея будущей жизни, о Кулешовѣ, объ его чувствахъ къ ней, Лидія отвѣчала ей ледянымъ взглядомъ, который, казалось,

ей говорилъ: „Я выхожу замужъ, ты должна быть довольна. Ты вѣдь добивалась, хотѣла этого. Ну, и радуйся—я невѣста. Но ничего больше отъ меня не требуй, и, вообще, оставьте меня всѣ въ покоѣ“.

Софья Андреевна сконфуженно умолкала, а въ душѣ утѣшала себя и думала: „Ничего, покапризничаетъ—и пройдетъ. Успокоится“. Ее смущало то враждебное чувство, которое она угадывала въ Лидіи чутъемъ. Ей было бы пріятнѣе, если бы Лидія высказалась.

„А то, молчить,—думала она,—будто ее на казнь ведутъ! Вѣдь, въ сущности говоря, сама захотѣла. Я не настаивала. Кто виноватъ?“

Лидіи казалось, что всѣ виноваты. Даже къ отцу относилась она чуть ли не какъ къ врагу.

Ей казалось, что онъ долженъ былъ, не спрашивая у нея ничего, самъ все понять и все для нея устроить. Какъ именно устроить, она не отдавала себѣ ясно отчета. Устроить такъ, чтобъ она была счастлива.

„Если бы онъ меня въ самомъ дѣлѣ любилъ,—думала она,—онъ не далъ бы ничему этому случиться. Никому нѣтъ до меня дѣла, и ему все равно. Я одна, я совсѣмъ одна“. Впрочемъ, порой глаза ея останавливались на усталомъ лицѣ отца, на мгновеніе вспыхивало въ нихъ выраженіе любви и грусти, она невольно подавалась впередъ, какъ бы желая броситься къ нему на грудь, что-то высказать; но затѣмъ на губахъ ея снова появлялась застывшая улыбка, и снова она углублялась въ самое себя и начинала сторониться Николая Петровича.

Въ Маріинскомъ театрѣ давали „Евгенія Онѣгина“. Софья Андреевна и Лидія вошли въ ложу, когда увертюра уже начиналась. Нѣсколько мгновеній спустя, пріѣхалъ Борисъ Владиміровичъ съ молоденькой сестрой своей, Варей. Лидія, не вставая съ кресла, повернулась къ вошедшимъ и протянула Борису Владиміровичу руку. Онъ низко нагнулся къ ней и что-то шепнулъ. И Лидія вся вспыхнула. И каждый разъ, когда онъ, растягивая слова и смотря на нее настойчивымъ, дерзкимъ взглядомъ, говорилъ съ ней во время представленія, Лидія оживлялась, краснѣла, и скучное выраженіе лица смѣнялось какимъ-то неестественнымъ, страннымъ возбужденіемъ. И, казалось, Кулешова забавляетъ эта игра: онъ едва могъ скрыть самодовольную улыбку, которая то исчезала, то появлялась на его блѣдномъ, непріятномъ лицѣ.

Ему нравилось обращаться съ Лидіей, какъ съ куклой.

— Я ее завожу,—смѣясь, говорилъ онъ дома.

Достаточно ему было лишь захотѣть, и все ея существо мгновенно преображалось. Глаза начинали блестѣть, она нервно смѣялась, болтала. Онъ умолкалъ, переставалъ на нее смотрѣть, и Лидія такъ же мгновенно вся какъ бы угасала. Внезапный румянецъ постепенно блѣднѣлъ, въ лицѣ появлялось выраженіе усталости, и большіе глаза уныло и безучастно слѣдили за тѣмъ, что творилось вокругъ.

Но въ тотъ вечеръ Татьяну исполняла ея любимица. Лидія искренно восхищалась ею. И несмотря на присутствіе Бориса Владиміровича, на то, что сама она была страшно blasée, Лидія мало-по-малу поддавалась обаянію изящной артистки и, облокотясь на блѣдно-синюю рампу и подперевъ подбородокъ рукой, со вниманіемъ прислушивалась къ каждому слову. Звуки лились, подобно жемчужинамъ, чистою нитью, вызывая изъ тѣни заглохшаго сада милый, задумчивый обликъ Татьяны. Театральная зала какъ бы исчезла, исчезли мелкія дразги личнаго существованія, на душу ниспадала тишина, ее охватывала ласкающая атмосфера старинной усадьбы, ненарушимое, полное своеобразной прелести теченіе забытой жизни.

Лидія такъ увлеклась, что не замѣтила даже, какъ дверь въ ложу тихонько открылась и раздался громкій, торопливый шопотъ. Вдругъ Софья Андреевна, сидѣвшая рядомъ съ ней, поднялась и поспѣшнымъ движеніемъ отодвинула кресло.

Лидія испуганно оглянулась. Мать ея выскользнула уже въ корридоръ.

— Что случилось? — вырвалось у Лидіи. Лицо Кулешова было необычно серьезно.

— Не волнуйтесь! — сказалъ онъ. — Софью Андреевну вызвали. Кажется, отецъ вашъ немного боленъ.

— Боленъ? папа? — и не помня себя, она выпрямилась, чуть было не опрокинула коробку конфетъ и, зацѣпившись кружевномъ платъ за кресло, бросилась къ выходу и исчезла.

Въ сосѣднихъ ложахъ произошло замѣшательство. Борисъ Владиміровичъ тоже невольно вскочилъ, въ нерѣшимости постоялъ минуту, потомъ сказалъ что-то сестрѣ, вышелъ изъ ложи и осторожно закрылъ за собою дверь. Въ корридоръ Софья Андреевна и Лидія проворно одѣвались. Сѣдой капельдинеръ дрожащими руками подавалъ имъ ротонды. Лицо Софьи Андреевны пылало.

— Барина привезли господинъ Песковъ, — трещала присланная за нею горничная.

— Хорошо, хорошо,—рѣзко остановила ее Софья Андреевна,—я все дома узнаю.

И, стараясь улыбнуться, она обратилась къ Кулешову:

— Вѣрно, какіе-нибудь пустяки,—сказала она:—Николай Петровичъ такъ мнителенъ, ему показалось!

— Да, я надѣюсь. Я бы, Софья Андреевна, проводилъ васъ, но Варя... А впрочемъ, я могу отправить ее...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! Я не хочу, и не думайте. Ну, Лидія, ты готова? Пойдемъ.

Лидія безъ словъ простилась съ Борисомъ Владиміровичемъ. Она было взглянула на него, какъ бы прося у него защиты, но тотчасъ же опустила глаза и тяжело, тяжело вздохнула.

— Я надѣюсь, что завтра Николай Петровичъ будетъ уже совершенно здоровъ. Не волнуйтесь! — сказалъ онъ, крѣпко сжимая и цѣлуя ей руку.

Онъ дѣлалъ усилія, чтобы говорить съ ней участливо, но голосъ его звучалъ равнодушно. Въ немъ слышались даже затаенное облегченіе и радость, что Софья Андреевна отклонила его предложеніе ихъ проводить, и что ему не придется себя беспокоить.

— Спасибо,—отвѣтила Лидія.—Прощайте, Борисъ Владиміровичъ.

Всю дорогу Софья Андреевна и Лидія молчали, погруженные каждая въ собственныя свои думы. Изрѣдка лишь Софья Андреевна нервнымъ движеніемъ откидывала воротникъ ретонды и высовывала голову изъ окна, какъ бы желая освѣжить свое разгоряченное лицо.

— Nous sommes ruinés, — сказала она вдругъ и снова умолкла.

Горничная, робко помѣстившаяся на переднемъ сидѣньѣ, съ любопытствомъ смотрѣла на барыню и не смѣла съ ней заговорить.

Лидія забилась въ уголъ. Она не могла успокоиться и еще вся дрожала. Глаза ея, широко раскрытые, были полны тоскливаго недоумѣнія.

„Какъ, какъ это могло случиться?“—спрашивала она самое себя.

Она знала, что надъ ними стряслась бѣда, но охватить ничего не могла и не могла собраться съ мыслями.

„Вотъ, вотъ это страшное, что должно, непременно должно было быть!“—повторяла она, и опять въ мозгу ея съ мучитель-

ной назойливостью возникалъ и тревожилъ ее томящій вопросъ: „Но какъ, почему это могло случиться?“

Карета ихъ быстро мчалась. Было уже совершенно темно. По небу носились тяжелыя черныя тучи, съ утра моросилъ мелкій дождь и свистѣлъ порывистый ледяной вѣтеръ. На улицахъ горѣли длинныя вереницы фонарей, освѣщавшихъ мокрые тротуары, сіяющія витрины магазиновъ, извозчики дрожки, кареты, городскихъ въ непромокаемыхъ черныхъ плащахъ и вѣчно куда-то спѣшащую толпу пѣшеходовъ, увлекаемую круговоротомъ большого города.

И у каждаго изъ этихъ людей, уносимыхъ какъ бы однимъ непрерывнымъ теченіемъ, былъ свой особый, близкій его сердцу міръ радостей, стремленій и заботъ, до котораго идущему рядомъ съ нимъ человѣку не было никакого дѣла. Каждаго что-то ждало, пугало, манило, тревожило, заставляло жить, дѣйствовать и суетиться, каждый являлся отдѣльной и сложной единицей въ ряду такихъ же единицъ, составляющихъ одну нестройную и безконечно разнообразную, вѣчно волнующуюся и страдающую, трудящуюся и желающую человѣческую толпу.

Дома Софью Андреевну и Лидію встрѣтилъ Песковъ, привезшій Радаева, и вызванный имъ ихъ домашній врачъ.

— У Николая Петровича въ самомъ дѣлѣ ударъ? — спросила его Софья Андреевна.

— Да, но вы не волнуйтесь.

— Я никогда не волнуюсь, — коротко возразила она и направилась въ комнату, куда отнесли больного.

Лидія двигалась за ней, какъ во снѣ.

Какими-то странными, чуждыми казались ей знакомыя стѣны. Будто въ отдаленіи гдѣ-то звучали слова: она слышала ихъ, понимала и оставалась къ нимъ вполнѣ безучастной.

Въ своей большой спальнѣ, на сбитой постели, съ высоко поднятой подушками головой лежалъ Николай Петровичъ. Воротъ рубашки его былъ разстегнутъ, одна рука безпомощно лежала на простынѣ, перекосившееся лицо съ совершенно новымъ, жалкимъ и страшнымъ выраженіемъ глядѣло на входящихъ жену и дочь.

Лидія невольно закрыла глаза; она чувствовала, что ноги у нея подкашиваются. Даже Софья Андреевна остановилась, потрясенная и испуганная.

— Надо послать за Лавровымъ, — растерянно проговорила она. — Онъ лечилъ Николая Петровича.

— Я ужъ послалъ за нимъ,—отвѣчалъ ей докторъ:—я жду его, онъ сейчасъ долженъ быть.

Софья Андреевна и врачъ, тихо бесѣдая, вышли въ сосѣднюю комнату. Лидія осталась одна. Медленно приблизилась она къ кровати, осторожно отодвинула тазъ со льдомъ, встала на колѣни и положила голову на постель. Глаза ея смотрѣли на отца съ любовью и тоской.

— Папа, милый!—прошептала она.

Что-то дрогнуло въ лицѣ больного, онъ невнятно промывчалъ ей имя и хотѣлъ-было поднять руку, положить ее къ ней на лобъ, но рука сорвалась и холодными, онѣмѣвшими пальцами скользнула по ея блѣдному лицу. Слабый стонъ вырвался изъ ея груди, но она не заплакала. Она бережно взяла эту безсильную руку и припала къ ней губами. Минута проходила за минутой, она не поднимала головы. Въ этомъ долгомъ, нѣмомъ поцѣлуѣ излилось все ея горе, вся ея любовь, вся та безконечная жалость, отъ которой разрывалось ея сердце и для которой у нея не было словъ.

Раздался громкій звонокъ, послышались сдержанные возгласы, въ домѣ засуетились.

— Что это Николай Петровичъ вздумалъ хворать?—донесся изъ сосѣдней комнаты пріятный мужской голосъ, и Софья Андреевна возбужденно отвѣтила:

— Я надѣюсь, что это пройдетъ... Онъ вамъ такъ вѣрить. Какъ я счастлива, что вы пріѣхали!

Лидія поднялась съ пола, постояла, не зная, остаться ей или уйти, потомъ безнадежно махнула рукой и вышла изъ комнаты.

Проходя черезъ буфетную, она машинально взяла со стола зажженную свѣчу и все такъ же молча, съ тѣмъ же застывшимъ выраженіемъ тоски, вошла къ себѣ въ спальню. И вдругъ она вскрикнула и отшатнулась. Ее испугало собственное ея изображеніе въ зеркалѣ большого трюмо.

Какъ призракъ, стояла она со свѣчой въ рукахъ, въ своемъ бѣломъ кружевномъ платьѣ, съ полуобнаженными плечами, съ искаженнымъ и блѣднымъ лицомъ. Нервы ея не выдержали. Она поспѣшно поставила подсвѣчникъ на столъ и, упавши на низкій диванъ, истерически, громко зарыдала.

Въ домѣ была суета, всѣ были заняты, о Лидіи забыли.

Она плакала долго, потомъ начала успокаиваться, рыданія стали слабѣе и глуше, наконецъ они стихли. Она еще нѣсколько времени лежала съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ, съ за-

крытыми глазами, изрѣдка вздрагивая всѣмъ тѣломъ и всхлипывая, какъ маленькій ребенокъ; и когда Софья Андреевна, въ два часа ночи, вошла въ ея комнату, Лидія уже спала.

— Лидія, Лидія,—сказала Радаева.—Лидія, проснись! Лавровъ говоритъ, что отецъ будетъ жить. Только... зачѣмъ? Рѣчь къ нему никогда въполнѣ не вернется, онъ останется навсегда инвалидомъ.

XII.

На другой день въ состояніи Николая Петровича наступило рѣзкое ухудшеніе, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ между жизнью и смертью. Лидія не отходила отъ постели отца, Софья Андреевна не заглядывала къ нему въ комнату.

— Я не могу слышать этого страшнаго переливающегося дыханія,—съ ужасомъ говорила она, затыкая уши:—это невыносимо, я не могу.

И она безпокойно сновала изъ угла въ уголъ съ напряженнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ лица.

— Куда ты?—спросила она разъ у Лидіи, которая быстро проходила мимо нея.

— Я иду сказать, чтобы поскорѣ дали чернаго кофе.

— Зачѣмъ? Для отца?

— Да, чтобы поднять дѣятельность сердца.

— Зачѣмъ ее поднимать?

— Какъ такъ зачѣмъ? Василій Васильевичъ...

— Ахъ, оставь ты Василю Васильевича! Я спрашиваю тебя, скажи мнѣ, зачѣмъ? Тебѣ пріятно, легко будетъ видѣть отца безъ языка, безъ руки, калѣвой, мычащимъ? Я вотъ хожу и спрашиваю себя, хватить ли у меня силъ дать ему яда; но, кажется, нѣтъ—не хватить.

Лидія близко къ ней подошла и испуганно, нѣжно обхватила ее руками.

— Мама,—сказала она умоляющимъ слабымъ голосомъ,— зачѣмъ ты говоришь это? Мнѣ и безъ того тяжело.

— И мнѣ тяжело,—мрачно отвѣтила Софья Андреевна,— я не могу тебѣ ничѣмъ помочь.

Когда кто-нибудь изъ знакомыхъ Радаевыхъ пріѣзжалъ навѣстить ихъ и узнать о состояніи больного, Софья Андреевна, однако, подтягивалась, встрѣчала ихъ любезной улыбкой, бесѣдовала, увѣряла, что Николаю Петровичу лучше, что скоро онъ будетъ совершенно здоровъ.

Въ числѣ другихъ пріѣхалъ, конечно, и Борисъ Владиміровичъ, но Лидія къ нему не вышла. Софья Андреевна объявила, что она больна и лежитъ въ постели.

— Ни за что я не выпущу тебя въ такомъ видѣ, — сказала Радаева дочери: — посмотри на себя, ты вѣдь страшная, — блѣдная, глаза провалились.

Тѣмъ не менѣе, дней черезъ пять, когда Николаю Петровичу стало лучше, Лидіи пришлось принять Кулешова.

— Пожалуйста, будь веселѣй, — шепнула ей Софья Андреевна: — скажи, что все идетъ хорошо, что отецъ поправляется, не рассказывай ему ничего, я прошу тебя. Мы теперь должны лгать, — прибавила она съ отчаяніемъ, — отецъ самъ виноватъ. Боже мой, зачѣмъ понадобилось ему откладывавать свадьбу?

Лидія молча взглянула на мать и... не послушалась.

„Мнѣ придется жить съ нимъ всю жизнь, — подумала она, — не могу же я вѣчно смѣяться“.

Но съ первыхъ же словъ она поняла, что Кулешовъ не слушаетъ того, что она ему говоритъ. Болѣзнь Николая Петровича, и все ея горе, и все то ужасное, что такъ ее потрясло, все это было для него просто скучно. Какъ человѣкъ воспитанный, онъ слушалъ ее какъ будто внимательно, но для нея было ясно, что мысли его далеко, и ни одного теплаго слова она отъ него не дождалась.

— Ему ничего не нужно, — сказала она когда-то Веревкиной. Да, но зато и самъ онъ не могъ ей дать ничего: ни свѣта, ни теплоты. Лидія сознавала теперь, болѣе ясно, чѣмъ когда-либо, насколько онъ для нея чужой человѣкъ. И чѣмъ больше проходило дней, тѣмъ больше росло въ ней это сознаніе, преслѣдуя и пугая ее.

Теперь, когда сердце ея такъ часто ныло, когда въ груди ея дрожали слезы, ей было не до флирта. Она не могла, какъ прежде, улыбаться, задорно отвѣчать, когда ее дразнили, владѣть собой, поддерживать шутливый, свѣтскій разговоръ.

Каждое неосторожно сказанное слово, казалось, ударило ее по больному мѣсту. Ей хотѣлось, чтобъ ее пожалѣли, приласкали, утѣшили, какъ ребенка. Ей хотѣлось настоящей любви, жалости, сочувствія, участія. Ей хотѣлось быть искренней, отдохнуть, высказать, выплакать свое горе. Это облегчило бы ее, какъ весенняя гроза, и послѣ этого она, можетъ быть, снова бы ожила и повеселѣла. Кулешовъ ничего этого не понималъ, онъ желалъ по-прежнему забавляться ею. А она встрѣчала его съ озабоченнымъ лицомъ, съ заплаканными, грустными глазами. Ему не уда-

валось болѣе заводить свою куклу, будто въ ней какая-то пружина сломалась; и Борисъ Владиміровичу становилось съ ней скучно. Ему было все равно, что Николая Петровича разбилъ параличъ, что матеріальное положеніе Лидіи ухудшилось; это не смущало его нисколько. Но онъ замѣчалъ, что она постарѣла, что лицо ея подурнѣло, осунулось, онъ все это замѣчалъ и начиналъ себя спрашивать, не глупо ли онъ поступилъ, поторопившись сдѣлать ей предложеніе. Родители его также начинали хмуриться и незамѣтно привыкали съ пренебреженіемъ относиться къ Лидіи. Когда она пріѣзжала къ нимъ въ домъ, появленіе ея всегда возбуждало какъ бы удивленіе, и она чувствовала себя лишней и непрощенной. Елена Павловна стала даже звать ее „душечкой“. О свадьбѣ въ семьѣ Кулешова не произносилось ни слова. Да и самъ Кулешовъ о ней замолчалъ. Онъ постепенно измѣнялъ свое поведеніе съ Лидіей. Съ каждымъ днемъ становился онъ все болѣе и болѣе нахальнымъ, какъ бы желая переполнить мѣру ея терпѣнія и вывести ее наконецъ изъ себя. Случалось, у него хватало духу сказать ей: „Фу, какая вы блѣдная! Вы мнѣ перестанете нравиться! Потрите себѣ лицо щеточкой“.

Лидія не отвѣчала ему ничего. Она бросала на него лишь порой укоризненный, недоумѣвающий взглядъ. Въ послѣднее время она успѣла ко многому привыкнуть. Она привыкла къ той невидимой сѣти мелкихъ обидъ, невѣжествъ и оскорбленій, которая опутывала теперь всю ея жизнь. Она привыкла не удивляться. Дни казались ей долгимъ, томительнымъ сномъ. Слабая воля ея надломилась, и она какъ бы по привычкѣ плелась по жизненному пути, согнувшись подъ тяжелой ношей. Она по привычкѣ дѣлала визиты, по привычкѣ любезно отвѣчала, когда ей съ притворно-ласковой улыбкой выражали полное любопытства обидное участіе. Дома она по цѣлымъ часамъ сидѣла либо въ спальнѣ отца, либо въ своей собственной комнатѣ, низко опустивъ голову и держа въ рукахъ, но не читая, раскрытый романъ.

— Лидія, ты меня приводишь въ отчаяніе, — говорила ей мать: — неужели ты не можешь хоть каплю встряхнуться? Можетъ быть, ты больна? — тогда надо лечиться.

Лидія приподымалась, будто ее будили.

— Я не понимаю, отчего ты въ такомъ отчаяніи, — продолжала Софья Андреевна. — Ну, захворалъ отецъ, ты его любишь, ты огорчена, все это такъ. Положеніе наше ужасно, конечно, но твоя вѣдь судьба обезпечена, ты выйдешь замужъ...

— Я выйду замужъ, — повторяла Лидія, снова опускала голову и глубоко задумывалась.

Положеніе Радаевыхъ было въ самомъ дѣлѣ ужасно. Они пока все скрывали, не мѣняли свой образъ жизни, и обычные расходы шли своимъ чередомъ, а между тѣмъ на текущемъ счету оставалось все меньше и меньше денегъ. Чтобы сдѣлать полу-годовой взносъ по страховому полису Николая Петровича, Софья Андреевна пришлось продать нѣсколько бумагъ. Она прекрасно видѣла, что долго такъ продолжаться не можетъ. Она попрежнему разѣзжала на собственныхъ лошадяхъ, надѣвала свои нарядныя платья, но каждый разъ, когда она переступала порогъ своей роскошной квартиры съ дорогими коврами, бронзой, картинами, ее охватывалъ какой-то ужасъ, будто все это вотъ, вотъ сейчасъ должно рухнуть и погresti ее подъ своими обломками.

— Какъ Радаева постарѣла! — говорили знакомые. — А вы замѣтили? — Ну, еще бы, конечно.

Николай Петровичъ началъ уже, въ халатѣ и опираясь на чью-нибудь руку, бродить, волоча ногу, по комнатѣ. Говорилъ онъ очень невнятно, такъ что его едва можно было понять. Трудно было сказать, что онъ чувствовалъ. Что-то дѣтски безпомощное, нѣжное, кроткое появилось во всемъ его существѣ. Онъ какъ бы стыдился своего инвалидства и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ ласки, ухода, вниманія, благодарилъ за все виноватой улыбкой и, какъ ребенокъ, радовался пустякамъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ каждый день обѣда, выражалъ удовольствіе, когда ему подавали что-нибудь вкусное, интересовался различными мелочами. Предписанія врача онъ всегда исполнялъ съ какимъ-то страстнымъ довѣріемъ, съ непоколебимой надеждой на выздоровленіе. Изрѣдка только на него находило отчаяніе, онъ лишался окончательно рѣчи, начиналъ томиться, метаться, стонать. Въ такія минуты и Лидія, не зная, какъ его утѣшить, страдая за него, теряла послѣднее мужество и говорила себѣ, что единственнымъ и желаннымъ исходомъ была бы внезапная смерть. Но болѣе всего желала она смерти для самой себя; она мучительно ее желала, какъ отдыха, какъ избавленія. Она знала, что сама не рѣшится лишить себя жизни, а между тѣмъ эта жизнь представлялась ей несноснымъ, непосильнымъ бременемъ. Въ будущемъ она не ждала ничего. Бракъ съ Кулеповымъ, если ему суждено было сбыться, казался ей чѣмъ-то ужаснымъ, а порвать съ нимъ... это было возможно, но тогда ее ожидала нужда.

А для нея, съ дѣтства не знавшей ни въ чемъ отказа, нужда, борьба ради хлѣба насущнаго были хуже, чѣмъ смерть.

Нужда была такъ страшна, что, думая о ней, она боялась сойти съ ума.

— „Не дай Богъ, чтобы жизнь васъ исправила, она умѣетъ ломать самыхъ сильныхъ“, — вспоминались ей пророческія слова Вережкиной. Она чувствовала теперь, что жизнь ломаетъ ее, чувствовала себя въ ея могучихъ тискахъ.

И порой, по ночамъ, ей приходили въ голову странныя мысли.

Ей представлялась земля, безконечно огромная, заселенная безчисленнымъ множествомъ людей, представлялось безчисленное множество другихъ міровъ... Что была въ сравненіи съ ними она, слабая, мелкая порошинка? Она неслась въ страшномъ вихрѣ, который мчалъ и крутилъ ее безъ конца. У кого стала бы она просить пощады, кто захотѣлъ бы помочь ей, спасти ее? Сколько бы она ни кричала, ни молила о помощи, голосъ ея все равно бы былъ заглушенъ нестройнымъ гуломъ такихъ же воплей, гуломъ, который несется отъ вѣка до вѣка, не получая никогда отвѣта.

И Лидія чувствовала, какъ вся она постепенно холодѣетъ, и въ смертельной тоскѣ поворачивалась съ боку на бокъ и прятала голову въ измятыя подушки, боясь, что громко закричитъ отъ страха.

XIII.

А время летѣло, летѣло. И вотъ наступилъ новый годъ.

Софья Андреевна еще наканунѣ распорядилась, чтобы кромѣ Кулешова не принимали рѣшительно никого.

Визитерамъ отказывали, часы тянулись уныло и скучно, Кулешовъ все не ѣхалъ. Въ четвертомъ часу посыльный принесъ огромную корзину бѣлыхъ кризантемъ и подаль конвертъ, въ которомъ была визитная карточка. „Отъ души желаю махровымъ лепесткамъ счастья на новый годъ“, было нацарапано на ней рукою Бориса Владиміровича. Лидія посмотрѣла на карточку, поддержала ее и положила на столъ. Она разсѣянно взглянула на корзину и вдругъ подошла къ ней совсѣмъ близко съ испуганнымъ, полнымъ напряженнаго вниманія лицомъ.

— Мама, — спросила она дрогнувшимъ голосомъ: — отчего всѣ, всѣ лепестки завяли?

— Какъ такъ завяли?

— Да такъ, посмотри. Всѣ, всѣ цвѣты опустили головки. Мама, скажи, отчего это можетъ быть?

— Ахъ, Боже мой, что ты пристала? Какъ я могу знать? Ну, опустили, завяли...

— Ты думаешь, онъ не нарочно?

— Кто это онъ?

— Кто? Борисъ.

— Да ты... ты съ ума сходишь?

— Нѣтъ.

Она неподвижно стояла, не сводя глазъ съ поблѣвшихъ цвѣтовъ, вспоминая разговоръ, который у нихъ былъ наканунѣ.

— „Развѣ я не былъ правъ?—говорилъ Кулешовъ.—Видите, васъ немного хватило морозомъ, и вы ужъ опустили голову, завяли. Бѣдные махровые лепестки, бѣдные, какъ мнѣ жаль васъ!“

Она медленно отломила бѣлый цвѣтокъ, закрыла имъ на минуту глаза, потомъ вдругъ порывисто, съ ненавистью скомкала его въ рукахъ.

— Бѣдные мои цвѣты!—раздался за спиной ея голосъ:—за что вы ихъ такъ?

Она вздрогнула и оглянулась.

Матери ея не было въ комнатѣ, передъ ней стоялъ Кулешовъ.

— Ахъ, Борисъ Владиміровичъ!—произнесла она спокойно, протягивая ему руку. — Здравствуйте, благодарю за цвѣты. Съ новымъ годомъ.

— Вы не сердитесь?

— Сержусь? Нѣтъ, за что?

Злорадная улыбка едва замѣтно скривила его губы. Онъ съ жаднымъ любопытствомъ на нее смотрѣлъ, какъ бы ожидая объясненія, упрековъ, но Лидія ему только сказала:—Садитесь, Борисъ Владиміровичъ.

Онъ, однако, не сѣлъ, а подошелъ, будто случайно, къ цвѣтамъ и вдругъ удивленно воскликнулъ:

— Что это? Да они всѣ завяли! Какъ вы думаете, Лидія Николаевна, какъ это могло случиться?

— Не знаю, — отвѣтила она, усаживаясь въ кресло. — Вѣроятно, ихъ охватило морозомъ.

— Помилуйте! Оттепель, какой же морозъ?

Она молча сгибала и разгибала длинный стебелекъ цвѣтка. Наконецъ, она выпустила его изъ рукъ и рѣшительно подняла голову.

— Хорошо, что вы пріѣхали, Борисъ Владиміровичъ,—сказала она.—Мнѣ надо поговорить съ вами.

— О чемъ?

— А вотъ вы увидите. — Борисъ Владиміровичъ,—продолжала она, не смотря на него и говоря медленно, какъ бы подыскиван

слова: — весной вы дѣлали мнѣ предложеніе, я его приняла. Мы съ вами женихъ и невѣста; но съ весны много воды утекло, обстоятельства измѣнились, измѣнились мы сами. Я хотѣла сказать вамъ, что вы свободны.

Онъ весь вспыхнулъ и выпрямился.

— Лидія Николаевна, — сказалъ онъ, — это отказъ?

— Вы очень добры, Борисъ Владиміровичъ.

— При чемъ тутъ моя доброта?

— Вы *очень* добры. Вы дѣлаете видъ, будто я вамъ отказываю. Спасибо. Я пользуюсь вашей любезностью, я очень ее цѣню. Я вамъ отказываю. Вы отнынѣ свободны. Мы расстаемся безъ ссоры, безъ раздраженія, по-товарищески, правда вѣдь?

— Да, — произнесъ онъ смущенно.

— Въ такомъ случаѣ, Борисъ Владиміровичъ, прощайте.

Онъ всталъ, она протянула ему руку, онъ взялъ ее, и она вдругъ почувствовала, что онъ все крѣпче и крѣпче сжимаетъ ее пальцы, не выпуская ихъ изъ своей руки. Она испуганно на него взглянула. Глаза его съ хищнымъ выраженіемъ смотрѣли на нее. Ему какъ будто стало вдругъ досадно, что приходится выпустить жертву, надъ которой онъ такъ долго глумился и которая ускользала теперь отъ него.

— Почему же „прощайте“? — сказалъ онъ голосомъ капризнаго ребенка, и что-то похожее на улыбку, дерзкую и вызывающую, промелькнуло въ его лицѣ. — Развѣ мы не можемъ когда-нибудь встрѣтиться?

У Лидіи потемнѣло въ глазахъ.

„Боже мой, Боже, я упаду!“ — какъ молнія блеснуло у нея въ головѣ.

Тѣмъ не менѣе, она не упала. Чувство гадливости, невыразимаго отвращенія нахлынуло на нее и помогло ей себя побороть. Она подняла свои прекрасные глаза и остановила на немъ строгій, пристальный взоръ. Полгода назадъ она не въ состояніи была бы такъ смѣло и такъ упорно на него смотрѣть, но въ эти полгода она много выстрадала.

И потомъ, этотъ человѣкъ вымоталъ изъ нея всю душу, и теперь она не чувствовала къ нему ничего кромѣ презрѣнія.

И она такъ долго и такъ настойчиво на него смотрѣла, стыдя его этимъ строгимъ взглядомъ, что онъ, наконецъ, смутился и первый опустилъ глаза.

— Прощайте, Борисъ Владиміровичъ! — еще разъ внятно произнесла она и, выдернувъ изъ его руки свою руку, повернулась и ушла изъ гостиной.

Нѣсколько мгновений спустя, Софья Андреевна входила къ ней въ комнату.

— Отчего ты здѣсь?—встревоженно спросила она.—Отчего Булешовъ уѣхалъ, отчего онъ не простился со мной?

— Я ему отказала, — спокойно отвѣтила Лидія.

— Чтò? Чтò ты говоришь, чтò ты говоришь, Лидія?

— Я ему отказала, — повторила она, отчетливо произнося каждое слово.

— Чтò же мы будемъ дѣлать?—вырвалось у Радаевой.

— Не знаю. Что-нибудь *будемъ* дѣлать. Будемъ работать, писать на машинѣ „Ремингтонъ“.

Софья Андреевна взяла ее за плечи.

— Лидія, Лидія!—съ мольбой заговорила она:—чтò съ тобой, чтò? Ты бредишь?

— О, нѣтъ, — отвѣтила Лидія съ злобной усмѣшкой.—Я такъ ясно все понимаю, такъ хорошо.

— Да скажи мнѣ, чтò же случилось? Боже мой, чтò же это такое?

— Ничего не случилось. — И Лидія пожала плечами.—Я только первая сдѣлала шагъ къ развязкѣ, которая была неизбежна.—Да неужели же ты не видѣла?—горячо продолжала она,—не видѣла, ничего не видѣла? Вѣдь мать его подавала мнѣ только два пальца, онъ обращался со мной, какъ съ... Чтò бы папа сказалъ, еслибы онъ это могъ видѣть? А ты бы хотѣла, чтобы я все ждала? Чего же, скажи мнѣ? Знаешь, чего бы я дождалась?

Она не докончила. Она вдругъ съ такой ясностью увидѣла передъ собой его двусмысленную улыбку, что у нея захватило дыханіе, и она замолчала.

Софья Андреевна ничего не отвѣтила. Она безпомощно опустилась въ кресло и залилась слезами. То были ея первыя слезы съ того дня, какъ захворалъ ея мужъ.

— Боже мой,—повторяла она, рыдая все громче и громче,—за чтò я такая несчастная, за чтò, Боже мой, за чтò?

Заложивъ руки за спину и прислонившись къ стѣнѣ, Лидія молча на нее глядѣла. Губы ея были крѣпко сжаты, будто онъ упрямо хотѣли удержать тотъ отвѣтъ, который невольно просился на уста.

XIV.

Послѣ этой неожиданной вспышки, подъема, Лидія снова опустила крылья. Безконечная апатія охватила ее. Она иногда ложилась къ себѣ на кровать и долго лежала безъ движенія, не будучи въ состояніи пошевелить пальцемъ. Ей казалось, будто она—на днѣ глубокой рѣки. Высоко надъ ней струится вода, струится быстрое теченіе жизни, а сама она умерла.

И какъ ей хотѣлось, чтобы это въ самомъ дѣлѣ такъ было, какъ страстно хотѣлось ей умереть, все забыть, ничего не помнить, не чувствовать, не сознавать ничего.

Въ состояніи Николая Петровича не происходило никакихъ измѣненій, о выздоровленіи никто ужъ не говорилъ. Физически же онъ чувствовалъ себя очень бодро, и врачи находили, что онъ можетъ прожить много лѣтъ.

Смѣшно было лгать, стараться обманывать, да никто бы и не повѣрилъ теперь. Софья Андреевна сдалась. Она поняла, что все кончено, и на все махнула рукой.

Она сдѣлала объявленіе въ газетахъ о продажѣ лошадей, обстановки, распустила прислугу и стала искать квартиру.

— Мама, милая,—сказала ей Лидія,—бросимъ все и уѣдемъ въ Болоцкое.

— А чѣмъ мы тамъ жить будемъ? Болоцкое надо продать. Только это дастъ намъ возможность кое-какъ обернуться. Намъ нечѣмъ даже платить за полицію.

— Бросимъ и полицію, Богъ съ нимъ, только уѣдемъ. Въ Болоцкомъ мы будемъ одни, свободны, покойны, никто насъ тамъ не увидитъ!

— Все это такъ, да жить-то чѣмъ, жить?

— Мама, вѣдь нельзя же отца перевезти въ ужасную, тѣсную, темную квартирѣнку. Онъ боленъ, онъ не привыкъ.

— И я не привыкла. Дѣлать тутъ нечего. А Болоцкое надо продать. Я не виновата, что отецъ не позаботился поднять доходность имѣнія. Еслибы было хозяйство, заводъ, мы могли бы тамъ жить, а такъ... На Болоцкое у отца почему-то никогда не хватало денегъ. Ну, и пускай, и пускай живетъ теперь въ тѣсной квартирѣ,—я ужъ тутъ, матушка, ни при чемъ. Чтò ты хочешь, Лидія?

Лидія, дѣйствительно, горько смѣялась.

— Такъ,—отвѣтила она,—ничего. Вспомнилась мнѣ бѣло-

швейка, Анисья Васильевна. Помнишь, она какъ-то пришла и говорить, что у мужа ея въ печени ракъ. Мы стали ее жалѣть, успокаивать, а она отвѣчаетъ: „Ахъ, да, ужъ такое, такое-то горе, не добычникъ онъ теперь у меня“. Не добычникъ! Да, мама, пока работалъ отецъ, онъ былъ милъ, а теперь—растянулася кляча!

— Лидія, я прошу тебя замолчать.

— А, да что тутъ молчать! Мнѣ противно. Что мы дѣлали, чего мы требовали всю жизнь отъ отца? „Travail, vilain, travail“... Развѣ не правда? Ну, и добились—уморили его.

XV.

Несмотря ни на что, Софья Андреевна рѣшилась продать имѣніе, и покупатели скоро нашлись. Лидія притихла. Бороться она не умѣла, да и какая могла быть борьба?

— Неужели же я такъ и не увижу Болоцкого?—робко спросила она однажды у матери.—Мнѣ такъ бы хотѣлось проститься съ нимъ. У меня есть тамъ вещи, которыя дороги мнѣ... по воспоминаніямъ.

— Ну, прокатись, возьми ихъ, это тебя успокоитъ, развлечетъ, можетъ быть. Поѣзжай. Сама я поѣду туда, но не скоро; поѣзжай, если хочешь, одна.

На другой день Лидія была ужъ въ пути. Вагонъ второго класса былъ полонъ народа. Въ окно глядѣла весенняя свѣтлая ночь, и подъ этимъ блѣднымъ небомъ широкимъ вѣеромъ развѣтывались и убѣгали вдаль безконечныя пустынные поля. Прислонившись къ мягкой суконной стѣнѣ дивана и подложивъ подъ русую головку маленькую думку, Лидія сидѣла неподвижно, но не дремала.

Время отъ времени усталые глаза ея медленно открывались, печально и разсѣяннo глядѣли въ окно; потомъ снова опускались темныя рѣсницы, и изъ полуоткрытыхъ губъ вырывался слабый, сдержанный вздохъ. Наконецъ, она выпрямилась, широко раскрыла глаза и положила подушку къ себѣ на колѣни.

— Все равно не засну,—прошептала она.

Боясь тратить много денегъ, Лидія въ первый разъ въ жизни рѣшилась ѣхать во второмъ классѣ и не въ отдѣльномъ купѣ. И теперь ей не давала спать непривычная обстановка общаго вагона и переутомленіе послѣднихъ дней, и мысль, вѣчная мысль о томъ, что ждетъ ее въ будущемъ. Она, однако, сдѣлала надъ

собой маленькое усилие, отогнала тяжелыя думы и начала смотреть на то, что происходило вокругъ.

Почти всѣ пассажиры спали. Кто—сидя и уныло покачиваясь при каждомъ толчкѣ; кто—кое-какъ лежа на мягкой скамейкѣ. Всѣ лица въ полутьмѣ разсвѣта казались усталыми, блѣдными и некрасивыми, всѣхъ, какъ тяжелый кошмаръ, окутывала ѣдая пыть и духота вагона и укачивали однообразное колыханье и шумъ мчавшагося поѣзда.

„Хоть бы поскорѣй пріѣхать!“—подумала Лидія и безразлично повела плечами. И она начала разсчитывать, сколько времени остается еще до слѣдующей пересадки. Оставалось не менѣе двухъ часовъ. Ей хотѣлось вдохнуть свѣжаго воздуха, вырваться изъ вагона, расправить утомленные члены.

Кто-то зашевелился недалеко отъ нея у противоположнаго окна, и она невольно обратила туда все свое праздное вниманіе.

Прикурнувъ на скамейкѣ и протянувъ ноги на корзину, наполненную книгами, лежала молоденькая, почти блѣдно одѣтая женщина. Подсунувъ подъ голову теплый платокъ, она крѣпко спала, убаюканная покачиваніемъ вагона.

Рядомъ съ ней, на полу, на колѣняхъ, стоялъ совсѣмъ молодой челоѣкъ въ студенческой старой тужурѣ. Въ ту минуту, какъ Лидія устремила на нихъ свои глаза, молодой челоѣкъ бережно укутывалъ ноги своей спутницы поношеннымъ пальто и, окутавъ ихъ, хотѣлъ-было встать съ пола, но, испугавшись, должно быть, произведеннаго имъ шороха, снова замеръ въ неподвижной позѣ набожнаго и робкаго созерцавія.

Вдругъ молодая женщина слегка застонала, зашевелилась и открыла глаза. „Шура“,—произнесла она соннымъ голосомъ и улыбнулась. Онъ взялъ ее безпомощно свѣсившуюся руку и крѣпко ее пожалъ.

На маленькой блѣдной рукѣ свернуло узкое обручальное кольцо.

— Тебѣ хорошо спать?—спросилъ онъ.

— Очень, а ты?

Она приподнялась и веселыми, ласковыми и удивленными глазами смотрѣла на него.

— Что ты, зачѣмъ ты стоишь на колѣняхъ? Ты съ ума сошелъ?

И, вспыхнувъ, она тихо засмѣялась и снова положила голову на платокъ; въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Лидія слышала сдержанный радостный шопотъ, потомъ все затихло, и молодая женщина, очевидно, заснула.

Кто может знать, какія впечатлѣнія, случайныя и мимолетныя, имѣютъ подчасъ вліяніе на душу человѣка, и гдѣ собираетъ она капля по каплѣ тотъ медъ, которымъ питается въ послѣдующіе годы?

Чувство усталости, испытываемое Лидіей, чувство отвращенія и апатіи, какъ туманъ, начало подниматься и медленно исчезать.

На сердцѣ ея становилось свѣтло; все скорѣй билось оно, согрѣтое какимъ-то грустнымъ умиленіемъ и почти материнской вѣжностью къ этимъ окружающимъ ее, еще такъ недавно совершенно чуждымъ ей людямъ. Она на время забыла о себѣ, ей захотѣлось слиться съ другими жизнями, раздѣлить ихъ радости, раздѣлить ихъ заботы. Въ мозгъ ея проникало сознаніе, что тогда и собственная ея жизнь можетъ еще быть прекрасной, несмотря на лишенія, несмотря на нужду.

Душу ея, подобно предразсвѣтному вѣтерку, охватывалъ трепетъ ожиданія. И вдругъ она почувствовала, что углы ея губъ дрожать, а изъ глазъ готовы брызнуть свѣтлыя слезы.

Еще разъ окинула она долгимъ взглядомъ всѣ эти скорчившіяся, некрасивыя и столь милыя ей теперь фигуры, и, не въ силахъ сдержать невольную улыбку, отвернувшись къ окну и начала съ любопытствомъ вглядываться въ выступавшія изъ утренняго тумана, казавшіяся теперь черными, пустынные поля.

XVI.

Когда Лидія на другой день пріѣхала на стайцію Т—ицкую, ее уже ждалъ высланный за ней старомодный тарантасъ, запряженный двумя деревенскими лошадками.

Наканунѣ шелъ сильный дождь, прибавившій всю пыль дороги. Мѣстами попадались еще небольшія, уцѣлѣвшія лужицы. Сытые лошади бѣжали крупной рысью, и передъ глазами быстро мелькали поля съ нѣжно-зелеными всходами овса, вспаханныя полосы темной земли и далекіе, только-что одѣвшіеся въ зелень лѣса.

Мѣстность кругомъ была ровная и неживописная, и только изрѣдка лѣсъ надвигался съ одной стороны чуть ли не до самой дороги. Кучеръ оказался несловоохотливымъ, да и вообще болоцкіе люди не привыкли бесѣдовать со своими господами, пріѣзжавшими изрѣдка и ненадолго. Лидія была этому теперь рада. Ей было бы тяжело вступить въ разговоръ и объявить кучеру, что она пріѣхала проститься съ Болоцкимъ. Ей пріятнѣе было молчать.

Въ усадьбѣ ея почему-то не ждали такъ рано, и старая ключница, Марья Григорьевна, только тогда, запыхавшись, выбѣжала къ ней навстрѣчу, когда тарантасъ, проѣхавъ длинную тополевою аллею, остановился у широкаго, полукруглаго крыльца.

Лидія высочила изъ тарантаса, поздоровалась съ ключницей и вошла съ нею въ домъ.

— Ахъ, батюшки, обѣдъ-то еще не готовъ! — съетилась Марья Григорьевна. — Ужъ вы, Лидія Николаевна, простите, я не кухарка, не то, что вашъ Аполосычъ. Черезъ полчаса вамъ подамъ кушать. Чтѣ сумѣла, сготовила. Сдѣлала я вамъ супъ съ манными клѣцками, да битки, да еще „патиша“. Это ужъ меня научилъ Аполосычъ.

— Хорошо, хорошо, — улыбалась Лидія, — я не особенно голодна. Мнѣ хотѣлось бы вымыться и переодѣться; велите, пожалуйста, принести чемоданъ.

Комната Лидіи была въ полномъ порядкѣ. Постель была сдѣлана, въ рукомойникѣ налита вода, развѣшаны чистыя полотенца, въ вазочкахъ стояли цвѣты. Пока развязывали и вносили чемоданъ, Лидія подошла къ окну, открыла его и остановилась.

Все было тихо, изрѣдка только вдали куковала гдѣ-то кукушка. Природа едва только пробуждалась. На дубахъ вились клейкіе листики, яблони были въ цвѣту и ландыши уже распустились.

И настроеніе было веселое, радостное; хотѣлось чутко прислушиваться къ звукамъ въ саду и всей грудью вдыхать живой воздухъ.

Черезъ полчаса Марья Григорьевна пришла звать Лидію обѣдать, накормила ее, напоила чаемъ, расспрашивала у нея о здоровьи „папаши“ и, наконецъ, удалилась, оставивъ Лидію одну.

— Позовите меня, — сказала она, — если чтѣ понадобится. Да я еще и сама приду. Сегодня суббота, я затеплю лампаду, а то вамъ пожалуй будетъ страшно впотѣмахъ.

Оставшись одна, Лидія облегченно вздохнула, встала изъ-за стола и лѣниво пошла побродить по дому.

Она добрела до залы, постояла, потомъ подошла къ роялю, сѣла на круглый бархатный табуретъ и наудачу взяла съ этажерки пожелтѣвшія ноты. Она положила ихъ на пюпитръ и разсѣянно на нихъ взглянула. То была старинная французская аріи Lulli: „Revenez, revenez, Amours, revenez“... Дребезжащій звукъ разбитаго рояля звонко пронесся подъ высокими сводами. Лидія опустила руки, прислушиваясь къ тому, какъ онъ замиралъ. Казалось, наивныя слова маленькой аріи расшевелили въ ней

давнишнія мечты, напомнили о томъ миломъ ей, быломъ, чему не суждено было никогда вернуться.

„Revenez, Amours, revenez!“...

А чтó, блеснула вдругъ въ мозгу ея мысль, если она подниметъ голову и увидитъ снова, какъ тогда на базарѣ, Веревкина?

И снова, какъ тогда, сердце ея страшно забилося. Она робко оглянулась. Нѣтъ, все было пусто. Лишь косой лучъ солнца проникалъ въ залу сквозъ стеклянную дверь и золотилъ, какъ бы лаская ихъ, забытые портреты. И всѣ они, казалось, смотрѣли на нее и улыбались ей, не то презрительно, не то злорадно. Лидія поспѣшно встала, ей становилось жутко въ опустѣвшемъ домѣ.

Она прошла, чтобы согрѣться, раза два по залѣ, потомъ открыла стеклянную дверь, вышла на террасу и оперлась обѣими руками на покосившіяся каменные перила. Воздухъ былъ свѣжій, прозрачный и золотистый. На ясной, глубокой лазури весенняго неба рѣзко вырисовывались темно-зеленыя верхушки елей, увѣшанныя красноватыми шишками. Между ними выдвигалась яркая, свѣжая и блестящая листва молодыхъ дубовъ, сверкали стройные высокіе стволы березъ, и воздушными узорами висѣли ихъ легкія душистыя вѣтви. Между зеленью, вдали, подъ обрывомъ, виднѣлась рѣка. Въ неподвижномъ блѣдно-голубомъ зеркалѣ водъ отражались ползучія алыя облака. Не было ни малѣйшаго вѣтерка. На всемъ лежалъ теплый румяный отблескъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца. Въ воздухѣ былъ разлитъ молодой, весенній запахъ травы, мха, прѣлыхъ листьевъ и влажной земли. Въ кустахъ и деревьяхъ немолчно чирикали птички. Откуда-то издалека доносились смутные вечерніе звуки, крики, говоръ, мычанье коровъ. Все вокругъ, казалось, замерло. Каждая травка, каждый стебелекъ вытягивался вверхъ и стоялъ, будто очарованный, впивая свѣжій благоуханный воздухъ. Въ ослѣпительно бѣлыхъ колокольчикахъ ландышей сверкали крупныя капли холодной росы.

Безконечная красота весенняго вечера, кроткая, могучая и душистая, наполняла душу непонятной тревогой, и чувство, восторженное и сладостное до боли, хватало за сердце. Лидія долго стояла въ глубокомъ раздумьи. Какая-то мысль росла и крѣпла въ ея мозгу, волновала ее и просилась наружу. Наконецъ, она озябла, по тѣлу ея пробѣжалъ ознобъ. Она очнулась, вошла снова въ залу, не оглядываясь, прошла гостиную, биллиардную, вошла къ себѣ въ комнату и заперла за собою дверь.

Въ спальнѣ у нея было тепло и уютно, передъ образомъ мерцала лампада. Лидія быстро раздѣлась и легла въ постель. Она не сразу заснула. Долго еще лежала она съ раскрытыми глазами, съ пылающимъ, возбужденнымъ лицомъ. Но вотъ, мало-по-малу вѣки ея стали медленно опускаться, мысли въ головѣ стали путаться, и она начала засыпать.

Подъ утро приснился ей страшный и чудный сонъ.

Ей снилось, что снова она очутилась въ залѣ.

И вотъ, ей вдругъ кажется, что домъ весь колеблется, и оживаютъ безмолвныя стѣны. Отвсюду, отвсюду, изъ всѣхъ щелей выглядываютъ и киваютъ головки. Смѣются портреты, слышится шорохъ, сдержанный хохотъ, звуки рѣчей. И вдругъ за спиной она слышитъ, что кто-то шагаетъ. Лидія оглядывается. Быстрыми, рѣшительными шагами подвигается къ ней ея прадѣдъ. Она сразу его узнаетъ. Въ старомъ военномъ мундирѣ, маленькій, съ сѣдой головой, съ нависшими суровыми бровями, рѣшительно и злобно онъ идетъ на нее. „А, ты пришла,—говоритъ онъ ей съ громкимъ смѣхомъ.—Хорошо, здравствуй, внучка. Ты вѣдь наша. Мы—мертвецы, но не все ли равно? Вѣдь и ты не живая: ты никогда не любила ни зла, ни добра“. Лидія чувствуетъ, какъ кровь ея стынетъ. Холодныя, тяжелыя руки опускаются къ ней на плечи. Изъ груди ея вырывается крикъ безумнаго страха. Все исчезаетъ, и она просыпается.

Въ первое мгновеніе Лидіи не вѣрилось, что все это было лишь сонъ. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и долго не могла успокоиться. Въ комнатѣ было темно. Лампада погасла, и запахъ деревяннаго масла смѣшался съ ароматомъ цвѣтовъ.

Лидія дрожащей рукой зажгла свѣчку, сѣла на кровать, спустила на коверъ ноги, всунула ихъ въ красныя слепанцы, накинула на себя широкій халатъ, встала, подошла къ окну и отдернула занавѣсъ.

Утро было сѣрое, пасмурное, птички слабо чирикали и листья слегка трепетали въ утреннемъ вѣтрѣ.

Лидія постояла, кутаясь въ свой халатъ и все еще вздрагивая, потомъ сѣла за столъ и взяла листъ бумаги.

И вдругъ она начала быстро писать, изрѣдка, нетерпѣливымъ движеніемъ, откидывая рукой лѣзшія ей въ глаза пряди волосъ. Лидія писала Вережкину.

Она, какъ могла и умѣла, говорила ему обо всемъ, что пережила, передумала въ теченіе минувшаго года. Рассказывала ему о болѣзни отца, о томъ, какъ она съ Кулешовымъ порвала.

„Я знаю,—писала она ему,—что послѣ того, что было, я

не имѣю права и не должна была бы вамъ писать. Я слишкомъ передъ вами виновата, и вы не можете меня простить. Я и не прошу у васъ полнаго прощенія. Я прошу васъ только объ одномъ: попробуйте относиться ко мнѣ безъ злобы и безъ презрѣнія. Можетъ быть, мнѣ удастся доказать вамъ, что я стала лучше, удастся снова вернуть ваше чувство ко мнѣ. Еслибъ вы знали, какъ я несчастна! Мнѣ кажется, я искупила многое. И не думайте, Александръ Ивановичъ, что я вспомнила о васъ потому только, что мнѣ не повезло, что меня всѣ оставили. О, нѣтъ, вѣрьте мнѣ, если вы еще можете вѣрить, что во мнѣ говорить не мелкое, не пошлое чувство. Я многому, многому научилась. Я научилась цѣнить то, что дѣйствительно важно и нужно въ жизни, цѣнить людей, людскія отношенія, хорошія, честныя, прямыя. Я научилась цѣнить привязанности, доброту, участіе. Еслибъ вы знали, какъ я ждала, порой, всего этого, какъ бы отдала годъ моей жизни за ласковое слово, за добрый дружескій совѣтъ. То, что представлялось мнѣ какимъ-то пугаломъ, кажется мнѣ теперь отдыхомъ, счастьемъ. Я поняла, что страшно другое, что скромная, трудовая жизнь можетъ и не быть скучной, что въ ней можетъ быть много радости.

„Не отталкивайте меня, Александръ Ивановичъ. Ваша мать просила меня оставить васъ въ покоѣ; я ушла отъ нея тогда, будто бы меня проклинали. Я даже не знаю, какъ, послѣ этого разговора съ нею, я еще рѣшаюсь обращаться къ вамъ. Но вѣдь сама Ольга Александровна сказала, что исправить меня можетъ жизнь. Слова ея сбылись, и жизнь меня сломала, и теперь я, клянусь вамъ, не та. Конечно, я попрежнему слабая, одной мнѣ борьба не подъ силу. Но если вы протянете руку, если вы, хоть немного, поможете,—вы увидите, какъ я воспряну духомъ“.

Лидія ждала много, много томительныхъ дней.

Наконецъ, мѣсяца черезъ полтора, пришелъ отвѣтъ. Письмо было изъ Лондона. Вотъ что писалъ Вережкинъ:

„Многоуважаемая Лидія Николаевна, прежде всего прошу васъ простить меня за долгое молчаніе. Я бы, конечно, не имѣлъ оправданія, еслибы отвѣтственность за него падала на меня; но ужъ по одному тому, что я пишу вамъ изъ Англіи, вы можете судить, что я не виноватъ. Письмо ваше немало постранствовало прежде, чѣмъ добраться до меня, и я получилъ его лишь третьяго дня въ Лондонѣ, куда я пріѣхалъ мѣсяца два тому назадъ съ научной цѣлью и гдѣ теперь усердно роюсь въ источникахъ, собирая матеріалъ для работы, которую думаю на-

писать. Благодарю васъ, Лидія Николаевна, за ваше довѣріе и за письмо, которое я прочелъ съ глубокимъ волненіемъ, которое перечитывалъ много разъ и на которое не могу отвѣтить вамъ такъ, какъ бы хотѣлось.

„На ваше славное, доброе письмо мнѣ бы хотѣлось отвѣтить вамъ тѣмъ же, хотѣлось бы сказать вамъ: Лидія Николаевна, все забыто!

„Этого я не могу сдѣлать.

„Я думаю, есть люди, которые умѣютъ все забывать и любить, несмотря ни на что. Можетъ быть, они лучше, благороднѣе и добрѣе меня. Можетъ быть, но... я ихъ не понимаю.

„Еслибы то, что я чувствовалъ къ вамъ, было одною страстью, ваше письмо, по всей вѣроятности, воскресило бы ее во мнѣ. Но любовь моя къ вамъ была иного рода. Я любилъ въ васъ больше всего вашу душу, такой, какой она мнѣ представлялась. Иногда я не соглашался съ вами. Помните, когда вы сказали мнѣ, что мы должны ждать? Но именно въ такіе минуты, когда вы казались мнѣ черезчуръ юной, черезчуръ увлекающейся, я и любилъ васъ больше всего. Я такъ любилъ въ васъ эту горячность, что боялся даже отрезвляющимъ образомъ повліять на васъ. Мнѣ хотѣлось, чтобъ все это въ васъ перебродило, чтобъ никакія сомнѣнія васъ не тревожили. И когда я увидѣлъ, что любилъ не васъ, а собственную мою мечту, я понималъ, что долженъ либо сойти съ ума, либо вырвать, вытравить мое чувство къ вамъ, вылечить совершенно или погибнуть. И я съ напряженіемъ всѣхъ моихъ силъ, всей воли, всей моей энергіи, съ отчаяніемъ утопающаго, сталъ бороться съ моею любовью. Чего мнѣ это стоило, вы никогда не узнаете, но я достигъ цѣли, я вылечился. Правда, я вылечился такъ, какъ чело-вѣкъ, которому, чтобы спасти его жизнь, отняли руку или ногу. Во всякомъ случаѣ, я снова могу работать, а это доказываетъ, что я все-таки умственно здоровъ. И это здоровье для меня теперь дороже всего—оно мнѣ слишкомъ тяжело досталось.

„Во мнѣ нѣтъ больше ни охоты, ни силъ начинать жизнь сначала. Не знаю, что будетъ впослѣдствіи, но въ данную минуту я чувствую себя просто усталымъ. Я скажу вамъ, какъ моя мать: оставьте меня. Я не могу отвѣтить вамъ сильнымъ, искреннимъ чувствомъ, полнымъ вѣры въ самого себя. Вы пишете мнѣ, что вы—не та: но и я—не тотъ, Лидія Николаевна, я ничего не въ состояннн вамъ дать. Если вы чувствуете себя обновленной духовно, пройдите лучше мимо меня. Впрочемъ, какъ сестрѣ, я могу протянуть вамъ руку. Я съ радостью, на какую

я еще способенъ, сдѣлаю все, что отъ меня зависить, чтобъ поддержать васъ, если вамъ, дѣйствительно, нужна моя помощь и мой совѣтъ.

„Я скоро вернусь въ Россію, здѣсь я не останусь и лишняго дня, я соскучился—и меня тянетъ на родину. Обращайтесь ко мнѣ, я охотно буду служить вамъ, какъ другъ, какъ братъ и товарищъ, но не требуйте отъ меня большаго. То, что умерло, умерло навсегда. Я въ этомъ не виноватъ. Можетъ быть, не виноваты и вы. Не будемте судить другъ друга. — Глубоко преданный и уважающій васъ—А. Верекинъ“.

Видно, не суждено было махровымъ лепесткамъ расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ подъ благотворными и живительными лучами любви.

В. И. Б—на.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ

ВЪ

САРОВЪ

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Окончаніе.

V *).

Предшественница идеи „опрощенія“ въ XVIII столѣтіи, А. Мельгунова. — Междоусобная борьба двухъ настоятельницъ монастыря, Ушаковой и Заятовой. — Положеніе послушницъ. — Отношеніе къ „господамъ“ и къ „черни“. — Реликвіи. — Итоги монастырскихъ богатствъ.

Агаѣя Семеновна Мельгунова считается первой основательницей Дивѣвскаго монастыря. Не менѣе замѣчательна, по своей изумительной энергіи, хотя и въ другомъ родѣ, бывшая настоятельница Заятова, основавшая затѣмъ Понетаевскій монастырь, а также боровшаяся съ нею за первенство въ Дивѣвскомъ монастырѣ Ушакова, добившаяся изгнанія Заятовой и ея сторонницъ изъ Дивѣва, съ устраненіемъ отъ дѣлъ монастыря нижегородскаго епископа Нектарія, и вызвавшая среди „сестеръ“ монастыря такую смуту, которая кончилась нанесеніемъ обиды дѣйствіемъ епископу Нектарію юродивою Серебренниковой.

Мельгунова — вдова полковника, урожденная Бѣлокопытова, владѣлица богатыхъ имѣній въ трехъ губерніяхъ, женщина по

*) См. выше: октябрь, 588 стр.

своему времени очень образованная, была настоящей провозвѣстницей Толстовскаго „опрощенія“ полтора вѣка тому назадъ. Но это было не то, — нѣсколько буддійское, квіетическое „опрощеніе“, какое мы встрѣтимъ у Толстого; у Мельгуновой оно сливалось съ непрерывнымъ стремленіемъ работать для простого народа и вмѣстѣ съ нимъ, слившись съ народомъ, отдавая ему свои огромныя матеріальныя средства и свои умственныя богатства въ той, конечно, формѣ, до какой додумалась, въ своихъ одинокихъ размышленіяхъ, эта удивительная женщина.

Мельгунова овдовѣла очень рано и поступила въ кіевскій Флоровскій монастырь, гдѣ и была пострижена инокиней. И вдругъ, въ 1760 г., она бросаетъ Кіевъ и странствуетъ по Велико-россіи. Здѣсь, добравшись до небольшого села Дивѣва, расположеннаго въ прекрасной мѣстности, на возвышеніи, съ котораго открываются обширныя горизонты и живописныя дали, она останавливается въ домикѣ бѣднаго деревенскаго священника, у котораго и остается затѣмъ въ качествѣ простой работницы на цѣлые десятки лѣтъ, тщательно скрывая, что она пострижена въ инокини. Тутъ-то и развертывается ея дѣятельность на пользу окружающаго крестьянства. Конечно, въ то время не было даже и мысли о какомъ-нибудь монастырѣ на этомъ мѣстѣ; онъ былъ основанъ почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Мельгуновой. И если ее возводить въ „первоосновательницу“ Дивѣвскаго монастыря, то это вызвано потребностью положить въ основу этого учрежденія какое-нибудь „чудо“, какую-нибудь легенду, которыя сразу ставили бы это учрежденіе на особую высоту, подъ особое покровительство неземныхъ силъ. И такая легенда, дѣйствительно, рассказывается въ особой книгѣ о Мельгуновой ¹⁾; ей еще въ кіевскомъ Флоровскомъ монастырѣ явилась во снѣ Богоматерь и сказала, будто бы, такъ: „Иди на Сѣверъ Россіи и обходи всѣ великорусскія мѣста святыхъ Моихъ обителей, и будетъ мѣсто, гдѣ Я укажу тебѣ окончить богоугодную жизнь твою; Я прославлю имя Мое тамъ, ибо на мѣстѣ жительства твоего Я оснужу великую обитель Мою, на которую низведу всѣ благословенія Божіи и Мои — со всѣхъ трехъ жребіевъ Моихъ на землѣ: съ Иверіи (Грузіи), Аѳона и Кіева“...

„Скрывъ свое постриженіе, — продолжаетъ повѣствователь, — инокиня Александра отправилась въ путь. Придя въ село Дивѣво, для отдыха она сѣла на бревна близъ церкви. Въ лег-

¹⁾ „Сказаніе о Пелагін Серебренниковой“. Дозволено Московскимъ Цензурнымъ Комитетомъ, 11 сент. 1900 года.

комъ свѣ смиренная инокиня снова удостоилась видѣть Божию Матерь и слышать отъ нея слѣдующее: „Вотъ то самое мѣсто, которое Я повелѣла тебѣ искать на Сѣверѣ Россіи. Живи и угождай здѣсь Господу Богу до конца дней твоихъ. Я оснужу здѣсь обитель Мою, которая будетъ четвертымъ жребіемъ Моимъ во вселенной. И, какъ звѣзды небесныя и песокъ морской, умножу Я тутъ служащихъ Господу Богу и Меня Приснодѣву, Матерь Свѣта и Сына Моего Іисуса Христа величающихъ“. Такова легенда.

А вотъ дѣйствительные подвиги Мельгуновой: она помогала крестьянкамъ въ рабочую пору, нянча ихъ дѣтей, когда онѣ ухаживали въ поле; а ночью, когда онѣ отдыхали, шла, надѣвъ лапти, дожинать за нихъ хлѣбъ; днемъ топила у нихъ печи (въ страдную пору), мѣсила имъ хлѣбъ, готовила обѣдъ за женщинъ, ушедшихъ на работу, обмывала ихъ ребятишекъ.

И это не было результатомъ аскетизма, что видно изъ слѣдующаго: кромѣ этихъ нужныхъ, черныхъ, тяжелыхъ работъ, она заботилась и объ изяществѣ крестьянокъ,—вышивала бѣднымъ невѣстамъ головные уборы, сорочки и красивыя полотенца (стр. 65—66). Одинъ образецъ такого вышиванія сохраняется и показывается до сихъ поръ въ Дивѣвскомъ монастырѣ.

Во время голода (1775 г.), чтобы дать заработокъ крестьянамъ и даже ихъ дѣтямъ, она начинаетъ въ первый разъ (т.-е. 15 лѣтъ послѣ того, какъ поселилась у дивѣвскаго священника), строить въ Дивѣвѣ каменный приходскій храмъ. Заработокъ же дѣтямъ она придумала давать въ слѣдующей формѣ: они должны были подавать кирпичи кладчикамъ, и за это она ихъ кормила ежедневно и давала вечеромъ по 5 коп. каждому, совѣтуя отдавать эти деньги родителямъ. Конечно, одной этой работы было недостаточно для всей голодающей мѣстности, и вотъ она обновляетъ въ окрестностяхъ еще 12 церквей и достраиваетъ въ Саровѣ неоконченный Успенскій соборъ, а въ то же время „обеспечиваетъ немало сиротъ, вдовъ и нищихъ“.

Насколько нѣкоторые ея взгляды были явно похожи на „опрошенство“ Л. Н. Толстого (конечно, исключая постройки церквей), видно не только изъ того, что она старалась помогать крестьянамъ собственной работой, не раздавала имъ денегъ въ видѣ милостыни, а придумывала какія-нибудь постройки и т. д., но еще и изъ того, что она не гнушалась даже въ домѣ священника самой черной работой (во вкусѣ Акіма изъ „Власти Тьмы“): напимѣръ, чистила у него хлѣвъ, мыла бѣлье, ухаживала за скотомъ. И все это дѣлала охотно богатая барыня,

аристократка, у которой отъ продажи всѣхъ ея имѣній (она сдѣлала это, уже живя у священника) было столько денегъ, что, несмотря на огромные расходы по вышеупомянутымъ постройкамъ, Мельгунова, умирая, передала 40.000 рублей іеромонаху изъ Сарова, пріѣхавшему причастить ее передъ смертью.

Не на одиѣ матеріальныя нужды крестьянъ—эта удивительная женщина обращала вниманіе и на духовное воспитаніе народа, и на его семейныя отношенія; являлась судьей въ семейныхъ дѣлахъ крестьянъ, а по праздникамъ вела бесѣды „объ обязанностяхъ христіанина“, „о достойномъ проведеніи праздничныхъ дней“ и т. п.

Очень жаль, что біографы не упоминаютъ ни словомъ о священникѣ дивѣвской церкви, который пріютилъ Мельгунову. Поражаетъ его безкорыстное отношеніе къ ея богатствамъ, о которыхъ онъ не могъ не знать: только черезъ пятнадцать лѣтъ ея жизни у него, она строить здѣсь каменную церковь, да и то по случаю голода, чтобы дать людямъ работу! Очевидно, это былъ человѣкъ незаурядный, но, повидимому, до такой степени скромный, что подробностей о его жизни не сохранилось.

Только въ 1788 г., то-есть, черезъ двадцать-два года послѣ своего пріѣзда въ Дивѣво, Мельгунова устраиваетъ что-то вродѣ крохотной общинки изъ трехъ крестьянокъ. Быть можетъ, уже сказалась старость и стало трудно работать одной. Одна изъ помѣщицъ села Дивѣва, г-жа Жданова, пожертвовала около церкви 1.300 квадратныхъ сажень усадебной земли, на которой Мельгунова устроила три маленькихъ избушки, обнеся мѣсто заборомъ. Въ одной изъ этихъ избушекъ она поселилась сама, другую отдала тремъ вышеупомянутымъ крестьянкамъ, а третью оставила для странниковъ, которые уже въ то время ходили въ Саровъ, который находится въ двѣнадцати верстахъ отъ села Дивѣва.

Разсказъ о Мельгуновой закончимъ нѣсколькими словами о дѣйствительномъ основаніи дивѣвской общины и ея исторіи. Основателемъ ея былъ Серафимъ Саровскій. Онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ къ личности Мельгуновой, которую, кажется, видѣлъ только одинъ разъ передъ ея смертью, пріѣхавъ въ качествѣ іеродіакона съ саровскимъ игуменомъ Пахоміемъ соборовать ее въ іюнѣ 1789 г. Вотъ какъ онъ впослѣдствіи говорилъ о ней одной изъ монахинь: „Если бы ты знала, матушка, какая раба Божія заводила это мѣсто и покоится у васъ въ обители! Я и самъ донинѣ стопы ея лобызаю“. Въ другой разъ онъ выразился о ней такъ: „Это была великая

жена, святая, служеніе ея было несповѣдимо, молитва къ Богу чистѣйшая, любовь ко всѣмъ неліцемерная“. Тѣмъ не менѣе, и о. Серафимъ приступилъ къ устройству дивѣвской общины только черезъ 36 лѣтъ послѣ смерти Мельгуновой, въ 1825 году.

Въ 1861 году бывшая Серафимо-Дивѣвская община была обращена въ общественный монастырь, и нужно было избрать игуменью или настоятельницу.

„При избраніи ея, — говоритъ повѣствователь, — произошла смута, закончившаяся, между прочимъ, удаленіемъ изъ обители неутвержденной св. синодомъ новой настоятельницы Гликеріи Васильевны Занятовой, какъ избранной жребіемъ, а не большинствомъ сестеръ. Въсѣтъ съ Занятовой, удалены были еще двѣ сестры, ея приверженницы“. На стр. 75 той же книги это событіе разсказывается нѣсколько подробнѣе: „Въ 1861 г. Серафимо-Дивѣвская община, состоящая изъ 500 сестеръ, обращена въ женскій монастырь. Въ томъ же году, по случаю безпорядковъ, сопровождавшихъ избраніе настоятельницы новаго монастыря, возгорѣлась въ обители особая, небывалая смута, сдѣлавшаяся извѣстной Государю Императору и потребовавшая чрезвычайнаго слѣдствія... По волѣ Провидѣнія, предѣлъ этимъ страданіямъ обители положилъ московскій митрополитъ Филаретъ“...

Но въ чемъ же состояла смута?

„По кончинѣ старца Серафима, — говоритъ тотъ же повѣствователь, — скоро наступили скорбные для обители дни. Общиной завладѣлъ и сталъ самовластно распоряжаться въ ней саровскій рясофорный послушникъ Іоаннъ, впослѣдствіи іеромонахъ Іоасафъ, выдававшій себя за любимаго ученика о. Серафима и назначеннаго имъ попечителя общины. По ходатайству о. Іоасафа, умѣвшаго пріобрѣсти себѣ довѣріе у многихъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, обѣ дивѣвскія общины съ 1842 г. соединены въ одну Серафимо-Дивѣвскую. Въ продолженіе 28-ми лѣтъ осиротѣвшая дивѣвская обитель, по сказанію „Лѣтописи“ ея, Божіимъ попусценіемъ, страдала и терпѣла потрясенія отъ вмѣшательства въ судьбу ея названнаго іеромонаха. Этотъ инокъ, способный и начитанный, несомнѣнно чтившій преподобнаго Серафима, но одержимый духомъ любоначалія, старался подъ разными предлогами, къ величайшему огорченію „Серафимовыхъ сиротъ“, передѣлывать по-своему устроенное и заповѣданное старцемъ“ (стр. 75).

Вмѣненные ему въ вину дѣйствія такъ интересны для полной характеристики этой „смуты“, что я приведу цѣликомъ и бу-

квално обвинительный актъ, составленный противъ Іоасафа монастыремъ:

„Такъ, мельницу—питательницу сиротъ—перенесъ онъ на версту въ поле, съ прежняго, о. Серафимомъ опредѣленнаго ей, мѣста; упросилъ епархіальное начальство запереть и запечатать Рождественскія церкви; вмѣсто заповѣданнаго непрерывнаго чтенія Псалтири—заставилъ читать Евангеліе въ Тихвинской новоустроенной имъ церкви. Наконецъ, снесъ всѣ, по приказанію батюшки Серафима поставленныя, келіи, построивъ свои новыя“ (стр. 74 и 75). Вотъ и всѣ его тяжкія преступленія. Зная изъ предыдущаго, что все это община терпѣла 28 лѣтъ, и что сырѣборъ загорѣлся только въ 1861 г., когда вмѣсто прежней настоятельницы, Ушаковой, была утверждена Занятова,—мы начинаемъ уяснять сущность этой смуты, кончившейся очень печально и для о. Іоасафа, и для Занятовой. „Отношенія о. Іоасафа къ обители,—говорится дальше,—были признаны вредными по отношенію къ ея миру, благочинію, хозяйству и къ духовному устроенію сестеръ“, и ему высшею церковною властью воспрещено было всякое вмѣшательство въ дѣла дивѣвской обители; а избранная ничтожнымъ меньшинствомъ сестеръ въ настоятельницы, Лукерья Васильевна Занятова не была утверждена св. синодомъ и удалилась изъ Дивѣва, вмѣстѣ со своими сторонниками. Настоятельницей монастыря утверждена бывшая, съ 1859 г., начальница общины, „любимая и уважаемая всѣми, Гликерія Алексѣевна Ушакова, въ иночествѣ Марія“ (стр. 75).

Она и до сихъ поръ состоитъ, несмотря на свои 85 лѣтъ, настоятельницей Дивѣвскаго монастыря, хотя уже не выходитъ изъ келіи. Энергія ея, повидимому, огромная. Но объ ея личности, не менѣе замѣчательной въ своемъ родѣ, какъ и личность Мельгуновой, мы скажемъ нѣсколько словъ послѣ, а теперь, по правилу *audiat et altera pars*, посмотримъ, какъ излагается исторія этой „смуты“ въ другой книгѣ, изданной Понетаевскимъ монастыремъ, руководимымъ изгнанной Занятовой ¹⁾: „Въ 1861 г., отъ 10-го февраля, за № 473,—разсказывается въ этой книгѣ,—преосвященнымъ Невтаріемъ, бывшимъ нижегородскимъ епископомъ, былъ полученъ указъ правительствующаго синода о возведеніи состоящей въ ардатовскомъ уѣздѣ дивѣвской женской общины на степень третьекласснаго общежительнаго монастыря, съ предоставленіемъ сей обители права выбирать настоятельницъ всегда изъ сестеръ

¹⁾ „Новопрославленная чудотворная икона Знаменія Пресвятыя Богородицы и Серафимо-Понетаевскій монастырь“. Изданіе 5-е. С.-Петербургъ, 1903 г. Дозволено духовной цензурою 13 мая, 1903 г.

обители. Его преосвященство, для объявленія сего и для выбора начальницы, самъ изволилъ отправиться въ дивѣвскую женскую общину, и по прибытіи его въ сію обитель и по усердномъ моленіи Господу Богу, изъ указанныхъ сестрами трехъ сестеръ оной, по указанію Божію, черезъ жребій, избрана была 20-го мая въ настоятельница новоучрежденнаго монастыря Гликерія Васильевна Занятова. Поручивъ благочинному монастырей, о. архимандриту Іоакиму, ввести того же 20-го мая означенную сестру Занятову въ управленіе Дивѣвскимъ монастыремъ, его преосвященство, по возвращеніи въ Нижній-Новгородъ, 28-го мая далъ консисторіи предложеніе учинить по сему предмету надлежащее распоряженіе“...

Перехожу теперь къ „смутѣ“: „Между тѣмъ,—продолжаетъ авторъ,—Богу попускающему, а врагу душъ христіанскихъ дѣйствующему, въ святой обители мира явились недовольныя состоявшимся избраніемъ новой начальницы; стали посылать высшему духовному начальству жалобы на мѣстное епархіальное начальство, якобы пристрастно дѣйствовавшее въ дѣлѣ избранія начальницы, и для умиротворенія святой обители указомъ святѣйшаго синода, отъ 15 октября 1861 г., за № 3251, Дивѣвскій третъеклассный монастырь изъять, впредь до усмотрѣнія, изъ управленія нижегородскаго епископа и порученъ управленію преосвященнаго тамбовскаго, а жребіемъ избранная начальница монастыря Глив. Вас. Занятова, въ силу непреоборимыхъ обстоятельствъ, должна была 6 марта 1862 г. навсегда оставить Дивѣвскій монастырь... Вмѣстѣ съ Глафирой Васильевной Занятовой тогда же уволены были изъ Дивѣвской обители двѣ сестры по тому же случаю“ (стр. 76 и 77). Далѣе идетъ уже рассказъ о томъ, какъ удалось изгнанной Занятовой устроить недалеко отъ Дивѣвскаго новый монастырь—Понетаевскій.

Во всякомъ случаѣ, энергія побѣжденной Занятовой была не меньше энергіи побѣдившей ее Ушаковой: открытый ею Понетаевскій монастырь едва ли не опередилъ богатствомъ и роскошью Дивѣвскій. Но возвратимся къ Ушаковой.

Она—помѣщица тульской губерніи. Поступила въ монастырь, когда ей было только 25 лѣтъ (27 декабря 1844 г.), и, какъ говорится въ „Описаніи“,—несла всѣ черныя работы: „возила навозъ, жала хлѣбъ“ и т. п. (стр. 76). Богатства, имѣющіяся у монастыря теперь—дѣло ея энергіи, а они очень велики. Какъ выражается авторъ повѣствованія, „это огромное иноческое общежитіе—цѣлая „область“, раскинувшаяся почти на три версты (стр. 76). Въ обители теперь семь храмовъ, причемъ надо за-

мѣтить, что соборъ (описанный выше) сооружался 27 лѣтъ (съ 1848 по 1875 гг.), и замѣчательно то, что Ушакова умѣла заставить строить его почти исключительно „сестеръ“: „ихъ костлявыя плечи, — говоритъ авторъ, — и мозолистыя руки перенесли и перевозили десятки тысячъ пудовъ матеріала для этой постройки“. При постройкѣ монастыря не обошлось безъ чуда: „по временамъ, въ этомъ дивномъ соборѣ, — говоритъ лѣтописецъ, — еще окруженномъ лѣсами, являлся необыкновенный свѣтъ въ вечернее или ночное время, такъ что многіе перепуганные жители прибѣгали изъ села спросить, не горятъ ли лѣса“ (стр. 76).

Монастырь владѣть теперъ значительнымъ недвижимымъ имуществомъ, фруктовымъ садомъ, мельницей, пахотной и сѣнокосной землей, лѣсными дачами въ трехъ верстахъ отъ Дивѣва и еще въ нижегородской губерніи. Въ Нижнемъ-Новгородѣ монастырь имѣетъ подворье съ церковью и нѣсколько домовъ, — два дома въ Харьковѣ, — дома въ Старомъ Петергофѣ, при дер. Бобыльской (вблизи дачи Государя)“, (стр. 80) и пр. При монастырѣ имѣется обширный скотный дворъ. Я не могъ узнать, какимъ количествомъ десятинъ земли владѣтъ Дивѣвскій монастырь, но, принимая въ соображеніе, что монастырь Понетаевскій, основанный гораздо позднѣе, владѣтъ 11.000 десятинъ, — полагаю, что Дивѣвскій долженъ имѣть больше...

Какъ бы ни смотрѣть на направленіе дѣятельности Ушаковой и Занятовой, но невольно поражаешься ихъ энергіей и удивительнымъ практическимъ умомъ. Такіе типы еще не замѣчены нашей литературой. Изъ женщинъ крѣпостной помѣщичьей среды мы читали о слабыхъ и хрупкихъ существахъ, вся энергія которыхъ уходила въ „личную“ любовь, да и тутъ надламывалась. Исключеніе составляли развѣ только жены декабристовъ, но и онѣ были исключительно преданными супругами, олицетвореніями типа Пушкинской Татьяны, а не работницами излюбленной ими „идеи“, или сооруженія формъ жизни, соответствующихъ этой идеѣ, или, наконецъ, просто честолюбія.

Еще одна замѣчательная черта: обѣ эти женщины, т.-е. и Ушакова, и Занятова — художницы. О послѣдней разсказывается, что, уже будучи настоятельницей, она ѣздила въ петербургскую академію для усовершенствованія въ живописи и получила тамъ званіе „художницы“. Обѣ завели при своихъ монастыряхъ живописныя студіи, и вы видите и тамъ, и здѣсь, не мало прекрасныхъ копій съ лучшихъ произведеній искусства, — конечно, съ религиозными сюжетами. Такимъ образомъ, меня недаромъ поразилъ внѣшній видъ дивѣвскаго собора и его колокольни,

когда я подъѣзжалъ къ монастырю. Изыщная, художественно-эстетическая сторона всей обстановки поставлена образцово, особенно въ Дивѣевѣ.

Въ Поветаевскомъ монастырѣ больше пестроты, аляповатости, вычурности архитектурныхъ деталей и красокъ. Въ Дивѣевѣ же, когда на другой день утромъ я осматривалъ монастырь, во мнѣ еще болѣе укрѣпилось первое впечатлѣніе—простора, чистоты, простоты, „свѣтлости“, какъ во внѣшности зданій, такъ и внутри собора. Мнѣ очень бы хотѣлось обрисовать его внутреннюю архитектуру—до такой степени она изыщна и какъ-то особенно серьезно-граціозна. Къ сожалѣнію, архитектурная красота не поддается словесному изображенію. Она складывается изъ двухъ элементовъ: общаго впечатлѣнія и впечатлѣнія отъ деталей. О первомъ я уже сказалъ: это—легкость, порывъ ввысь, просторъ, масса свѣта, что-то радостное... Въ деталяхъ же особенно поражаетъ изыществомъ воздушность какъ бы кружевныхъ металлическихъ рѣшетокъ второго этажа церкви. Этотъ второй этажъ не идетъ надъ всѣмъ храмомъ, а только окаймляетъ его, какъ обширные хоры, довольно высоко надъ молящимися. И вотъ эти хоры, съ ихъ граціозными изгибами, окаймлены кружевными рѣшотками. Это удивительно легко и красиво, особенно когда тамъ, вверху, на бѣломъ фонѣ стѣнъ мелькаютъ черныя стройныя фигуры молящихся монахинь, сильно отбѣня бѣлизну и свѣтъ собора. Впечатлѣніе той же легкости, граціи и полета вверху производитъ и узорный рѣзной иконостасъ. Подобранныя со вкусомъ, красочныя, оживленныя копія съ хорошихъ образцовъ живописи, украшающія кое-гдѣ стѣны, радуютъ глазъ. Все это дополняется слуховыми впечатлѣніями: монахини поютъ замѣчательно хорошо, и, повидимому, отдаются этому не ремесленно, не шаблонно, какъ пѣвчіе-мужчины, а съ тѣмъ энтузіазмомъ, увлеченіемъ и нервностью, а въ то же время и вкусомъ, какіе особенно свойственны женскимъ организмамъ.

Недаромъ же, когда я спросилъ одну богомолку, нравится ли ей Дивѣевскій монастырь, она, со слезами, выступившими на глаза, могла сказать только одно слово: „Рай!“

Чтобы осмотрѣть другія достопримѣчательности монастыря, мы были снабжены послушницей. Послѣ осмотра всего, показываемаго въ монастырѣ (кельи отца Серафима, могилы юрдовы Пелагеи, живописнаго корпуса и т. д.), послушница, сопровождавшая насъ, старушка лѣтъ пятидесяти, одѣтая въ очень потертой, старенькой черной рясѣ, отвѣтила на нашъ вопросъ:

„хорошо ли имъ всѣмъ живется здѣсь?“—глубокимъ вздохомъ и смущеннымъ бормотаньемъ:

— Хорошо, очень хорошо... Только... трудно немножко... Вѣдь мы отъ монастыря получаемъ только уголокъ да пищу, а все остальное надо заработать—и одежду, и обувь, и бѣлье, и даже керосинъ... А я ужъ и не говорю насчетъ чайку или сахарку... И не то трудно, господинъ, что нужно заработать, нѣтъ: Богъ труды любить! Да работать-то некогда на себя. Всю недѣлю мы должны работать на монастырь. Только въ субботу вечеромъ позволяется поработать на себя. А много ли наработаешь въ эти нѣсколько часовъ! Слава Богу, коли успѣешь одёжонку починить, бѣлишко да чулки поштопать... Вѣдь на работѣ-то все это рвется да треплется... Вотъ и посудите сами...

А въ результатѣ того—заискиваніе у болѣе богатыхъ съ виду посѣтителей, которое здѣсь явно бросается въ глаза. Такъ, когда мы осматривали роскошную „трапезную“, огромный залъ, уставленный двумя рядами обѣденныхъ столовъ, сверкавшій чистотой, за нами пробрался крестьянинъ, очень благообразный, высокій старикъ. И наша кроткая проводница, говорившая съ нами елейнымъ, сладкимъ голоскомъ, вдругъ набросилась на него и стала кричать:

— Куда съ лаптями своими лѣзешь! Полы напачкаешь! Ступай, ступай!

Но старикъ не сдался. Онъ посмотрѣлъ на свои ноги и отвѣтилъ:

— А что же мои лапти? Они чистые!—И не ушелъ.

Проводница, желая, повидимому, оправдаться передъ нами въ своемъ окрикѣ, забормотала:

— Мы ждемъ преосвященнаго владыку... Ну, вотъ все и вымыли, вычистили... А вѣдь они, простой-то народъ, этого не понимаютъ! Прутъ себѣ съ грязными ножищами! А полъ-то натертъ воскомъ... изволите видѣть,—какъ зеркало...

И она говорила правду: полъ былъ натертъ какъ зеркало: въ него можно было смотрѣться.

Въ концѣ трапезной, съ лѣвой стороны, устроено что-то вродѣ маленькой церкви, съ красивымъ позолоченнымъ иконостасомъ. А по срединѣ зала, въ широкомъ проходѣ между столами, стоятъ на возвышеніи аналой. Здѣсь, въ теченіе всей трапезы, одна изъ монахинь или послушницъ все время читаетъ вслухъ.

Реликвіи монастыря состоятъ, главнымъ образомъ, въ кельѣ о. Серафима и вещахъ, оставшихся отъ него. Изъ этой кельи-пустыньки сдѣланъ алтарь въ старой деревянной церкви Пре-

ображенія (здѣсь же и монастырское кладбище). Это—простая бревенчатая избушка. Кругомъ нея устроенъ корридоръ, гдѣ въ стеклянныхъ витринахъ можно видѣть лапти о. Серафима, кожаняя рукавицы, топоръ его, мантия (одна шерстяная, другая кожаная), четки и т. п. Показывается кусокъ камня, на которомъ онъ молился въ лѣсу „тысячу ночей“, стоя на колѣняхъ, обрубокъ дерева, которое онъ любилъ, стулъ, сдѣланный имъ, и т. п. Женщинъ внутрь этой избушки не пускаютъ: вѣдь она замѣняетъ алтарь, куда женщинамъ входъ воспрещается. Насъ же, мужчинъ, не только впустили, но и предложили посидѣть, причемъ проводница наша объясняла намъ значеніе каждой вещи, находящейся въ избушкѣ, стоя у открытаго окна ея, снаружи, т.-е. въ корридорѣ, идущемъ вокругъ нея.

Есть еще другая келья о. Серафима здѣсь, и есть третья келья въ Саровѣ. Для второй здѣшней кельи устроенъ также наружный домикъ, какъ бы футляръ; и такіе же футляры устроены надъ кельей Мельгуновой (въ постриженіи инокини Александры) и... надъ кельей юродивой Пелагеи Серебrenиковой, о которой мы теперь и поведемъ рѣчь. Закончимъ описаніе обители любопытнымъ фактомъ: въ углу соборной площади я замѣтилъ канавку съ валомъ, покрытымъ травой, съ тропинкой по срединѣ; по этой тропинкѣ, люди ползли на колѣняхъ. Объясненіе этому я нашелъ въ самомъ описаніи монастыря. Преданіе утверждаетъ, будто бы „Преподобный сказалъ, что здѣсь „прошла стопочка Царицы Небесной“. Богомольцы проходятъ по ней съ молитвою, а усердствующіе передвигаются по канавкѣ на колѣняхъ“.

VI.

Дѣтство Пелагеи Серебrenиковой.—Поѣздка ея къ старцу Серафиму.—Побой изверга мужа.—Безчеловѣчное наказаніе розгами въ полиціи.—Начало буйнаго помѣшательства.—Рожденіе дѣтей и отказъ отъ нихъ.

Пелагея Ивановна Серебrenикова, дочь зажиточнаго арзамасскаго купца Сурина, родилась въ 1809 г. Послѣ смерти отца, мать ея вышла замужъ во второй разъ за купца Королева, человѣка очень строгаго и суроваго. Онъ былъ вдовецъ, и его дѣти отъ перваго брака не любили дѣтей Сурина (кромѣ Пелагеи, у Сурина было два сына). „Поэтому,—говоритъ біографъ со словъ матери,—жизнь маленькой Поли была очень тяжела“. Мать рассказываетъ, что еще въ очень раннемъ дѣтствѣ съ

нею случилось что-то странное: дѣвочка цѣлыя сутки не вставала съ постели, а когда встала, уже не была на себя похожа: „изъ умнаго на рѣдкость ребенка вдругъ сдѣлалась она какою-то точно глупенькой. Уйдесть, бывало, въ садъ, подниметь платице и завертится на одной ножкѣ, точно пляшетъ. Уговаривали ее и срамили и даже били, но ничто не помогало; такъ и бросили“.

Мать не объясняетъ причины внезапной, однодневной болѣзни дѣвочки, предшествовавшей этому ея превращенію изъ „на рѣдкость умной“ въ „какую-то глупенькую“. Но объ этой причинѣ легко догадаться, и она, повидимому, извѣстна самому біографу, начинающему описаніе этой необыкновенной болѣзни словами, что отчимъ Пелагеи былъ „очень суровъ и строгъ“, что его дѣти не любили дѣтей Сурина и что „жизнь дѣвочки была очень тяжела“. Ужъ если ее били за то, что въ саду она „кружилась на одной ножкѣ“, то можно себя представить, что съ нею случилось передъ тѣмъ, какъ она слегла на цѣлыя сутки. Но автору біографіи этотъ случай даетъ поводъ написать цѣлую страницу лирическихъ возгласовъ о томъ, что это велъ Пелагею къ юродству промыслъ Божій и т. д. Подобно всеѣмъ такимъ біографамъ, онъ хорошо освѣдомленъ о намѣреніяхъ Господа Бога. Тѣмъ не менѣе и даже именно поэтому, намъ, какъ видѣть читатель, придется опять употребить нашъ пріемъ, при пользованіи его жизнеописаніемъ, то-есть, отдѣлять „вѣроятныя“ сообщенія или факты отъ плодовъ самоувѣренности и фамиллярнаго знакомства автора съ намѣреніями и мыслями Божества.

Вотъ какъ излагала впослѣдствіи Серебrenикова дальнѣйшіе годы своего дѣтства, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ:

„Выросла Палага и, какъ всегда водится, лишь только ей минуло шестнадцать лѣтъ, мать постаралась поскорѣе пристроить дурочку—выдать въ замужество“.

Далѣе идетъ разсказъ матери: „Нашелся и женихъ, арзамасскій мѣщанинъ Серебrenиковъ, молодой, но бѣдный и сирота. Служилъ онъ прикащикомъ у купца Попова. Рады были и такому жениху“. Бѣднякъ Серебrenиковъ шелъ на это дѣло не только ради богатства, но и потому, что дѣвушка была очень красива, какъ то увидимъ дальше. Устроили „смотрины“, на которыхъ Серебrenиковъ явился,—какъ сирота,—съ крестной матерью. Посадили его за столъ, стали угощать чаемъ, а затѣмъ „вывели“ и невѣсту, наряженную въ богатое платье. Поля устроила при этомъ такую штуку: брала ложечкой чай изъ поданной ей чашки и поливала цвѣточки на своемъ платьѣ; „польетъ да и

пальцемъ размажетъ“. Видить мать, что дѣло плохо: замѣтятъ, что дочь—дурочка, да, пожалуй, и замужъ не возьмутъ, а самой остановить нельзя,—еще будетъ замѣтнѣе. И вотъ она научила работницу, чтобы та, подавая чашку, незамѣтно ущипнула Полю: авось, перестанетъ „дурить“. Та исполнила приказаніе, а Поля обратилась къ матери и сказала: „Что это, маменька? Или вамъ больно жалко цвѣточковъ-то? Вѣдь не райскіе это цвѣты!“

Крестная мать замѣтила все и стала отговаривать Серебренникова отъ женитьбы, но онъ отвѣтилъ, что „схумѣетъ ее учить. Что она это оттого, что не ученѣ еще“.

И вотъ, 23 мая 1826 года, т.-е. когда Полѣ еще не минуло и семнадцать лѣтъ, ее выдали замужъ.

Вскорѣ послѣ этого она съ мужемъ и матерью поѣхала въ Саровъ, къ Серафиму, который въ то время уже пользовался извѣстностью. Вотъ что говоритъ его біографъ: „Старецъ Божій хорошо принялъ ихъ и, благословивъ мужа и мать, отпустилъ ихъ въ гостинницу, а Пелагію Ивановну ввелъ въ свою келію и долго-долго, „часовъ шесть“, какъ говорила ухаживавшая все это время за нею старица Анна Герасимова, бесѣдовалъ съ нею. О чемъ они бесѣдовали, это осталось тайной между ними. Между тѣмъ, мужъ, долго ожидавшій ее въ гостинницѣ, видя, что имъ пора ѣхать домой, а жены все нѣтъ—какъ-нѣтъ, потерялъ терпѣніе и, разсѣренный, пошелъ вмѣстѣ съ матерью разыскивать ее. Подходятъ они къ Серафимовой келіи и видятъ, что старецъ, выводя Пелагію Ивановну изъ своей келіи за руку, до земли поклонился ей и съ просьбою сказалъ ей: „иди, матушка, иди, не медля, въ мою обитель, побереги моихъ сиротъ-то; многіе тобой спасутся, и будешь ты свѣтъ міру. Ахъ, и позабылъ-было,—прибавилъ старецъ,—вотъ четки-то тебѣ; возьми ты, матушка, возьми“. Бывшій тогда у старца Серафима Іоаннъ Тамбовцевъ (впослѣдствіи іеромонахъ), очевидецъ-свидѣтель этого событія, прибавляетъ, что когда Пелагія Ивановна удалилась, тогда старецъ Серафимъ обратился къ нему и, положивъ свои руки ему на плечи, сказалъ: „вѣрь Богу, о. Іоаннъ,—эта женщина, которую ты видишь, будетъ великій свѣтильникъ на весь міръ“. Мужъ Пелагін, услышавъ столь странныя рѣчи старца, да вдобавокъ еще увиди четки въ рукахъ жены своей, обратился съ насмѣшкою къ тецѣ своей и говоритъ ей: „Хорошъ же Серафимъ! Вотъ такъ святой человѣкъ! Нечего сказать! И гдѣ же эта прозорливость его? И въ умѣ ли онъ? На что это похоже? Дѣвица она, что-ль, что въ Дивѣвъ ее посылаетъ, да и четки дать?“

Повидимому, въ этомъ сказаніи достовѣренъ только одинъ фактъ, что Пелагею возили въ Саровъ; объ этомъ говорятъ и ея мужъ, и мать, и въ „Сказаніи“ нѣсколько разъ упоминаются показанія разныхъ лицъ о томъ, что Пелагея говорила не разъ: „Меня испортилъ старецъ Серафимъ“. Однако, и эти слова, очевидно, внушены ей окружающими, мужемъ, матерью, такъ какъ, по словамъ того же „Сказанія“, жители Арзамаса считали ее „порченою“.

Несомнѣнно одно, что она страдала психическою болѣзью, начавшеюся еще въ дѣтствѣ, и съ которой она, уже въ сильномъ ея развитіи, выходила замужъ, отчего ее и повезли къ старцу Серафиму, какъ въ послѣдствіи возили и по другимъ монастырямъ.

27 іюня 1827 года, у нея родился сынъ, а 13 іюля 1828 г. — второй. „И къ рожденію обоихъ дѣтей она отнеслась враждебно“... „Съ этихъ поръ,—говоритъ „Сказаніе“,—мужъ пересталъ щадить ее. Онъ не могъ понять всей высоты ея самоотверженія и полнѣйшаго отреченія отъ самаго естественнаго и самаго дорогаго чувства материнской любви. Впрочемъ, оба мальчика скоро умерли,—конечно, по молитвѣ блаженной“.

Черезъ два года у нея родилась дочь, и едва только малютка появилась на свѣтъ, Пелагея взяла ее въ подолъ, пришла къ своей матери, бросила новорожденную на диванъ, сказавъ ей: „Ты отдавала (замужъ), ты и нянчися теперь; я ужъ больше домою не приду!“

И стала она бѣгать отъ церкви къ церкви, по городу, и что ей ни давали изъ жалости или что ни попадало ей въ руки, она раздавала или ставила въ церкви свѣчи. „Мужъ, бывало, поймастъ ее, бьетъ, чѣмъ ни попало, полѣномъ—такъ полѣномъ, палкою—такъ палкою; запретъ ее, морить голодомъ и холодомъ“. Выведенный изъ терпѣнія, Серебrenиковъ, переговоривши съ матерью ея, рѣшился прибѣгнуть къ слѣдующей страшной мѣрѣ: притащилъ ее въ полицію и попросилъ городничаго высѣчь ее. Городничій, по просьбѣ мужа и матери, велѣлъ привязать ее къ скамейкѣ и такъ жестоко наказалъ, что, присутствовавшая при этомъ мать, какъ сама въ послѣдствіи рассказывала, содрогнулась и оцѣпенѣла отъ ужаса.

Родные рѣшили повезти Пелагею Ивановну въ Троице-Сергіеву лавру, надѣясь, что тамъ исцѣлятъ ее „отъ порчи“, такъ какъ она продолжала твердить, что испорчена, да и другіе говорили то же.

Во время этой поѣздки, былъ въ болѣзни Пелагеи настолько

свѣтлый промежутокъ, что мужъ, которому нужно было ѣхать въ другое мѣсто, отправилъ ее домой одну, далъ ей денегъ, но, вернувшись домой, онъ узналъ, что жена все, до малѣйшей полушки и до послѣдней вещи, раздала по дорогѣ и ведетъ себя хуже прежняго. Мужъ заказалъ тогда желѣзную цѣпь съ кольцомъ и своими руками заключилъ въ нее Пелагею Ивановну, приковалъ къ стѣнѣ и издѣвался надъ нею.

Какъ-то, ночью, она освободилась и, увидавъ на паперти одной церкви гробъ, приготовленный для какого-то солдата, умершаго отъ свирѣпствовавшей тогда эпидеміи, легла въ него, полунагая. Сторожъ, увидя ее, такъ испугался, что забилъ въ набатъ и поднялъ на ноги весь городъ...

Въ Дивѣвскій монастырь Пелагея попала уже послѣ смерти старца Серафима. Пріѣхавшая изъ монастыря монахиня убѣдила ея мать отпустить Пелагею къ нимъ. Мать не только согласилась, но дала пятьсотъ рублей для взноса въ монастырь.

VII.

Лица, окружавшія Пелагею.—Монастырскій „художникъ“ Петровъ.

Среди окружающихъ были не однѣ женщины; среди нихъ былъ и художникъ Петровъ; онъ даетъ намъ описаніе наружности Пелагеи, отъ которой онъ сперва пришелъ въ ужасъ, а затѣмъ сдѣлался однимъ изъ ея самыхъ преданныхъ приверженцевъ.

Личность этого Петрова тоже, въ своемъ родѣ, типъ. Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ о себѣ: „Послѣ бурной моей жизни, побывавъ на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ, я не зналъ, на что мнѣ рѣшиться,—идти ли въ монастырь, или жениться. На возвратномъ пути изъ этого благочестиваго путешествія, заѣхавъ я въ Саровъ и Дивѣвъ. Это было въ 1874 году. На другой день по пріѣздѣ въ Дивѣвъ, меня свели въ келлію къ юродивой Пелагії Ивановнѣ, о которой много давно я слыхалъ. Когда вошелъ я въ ея келлію, меня такъ поразила ея обстановка, что я сразу не могъ понять, что это такое: на войлокѣ сидѣла старая, скорченная и грязная женщина, съ огромными ногтями и на рукахъ, и на босыхъ ногахъ, которые произвели на меня потрясающее впечатлѣніе. Когда мнѣ сказали, что это и есть Пелагія Ивановна, я нѣхотя поклонился ей и пожалѣлъ, что пошелъ къ ней; она не удостоила меня отвѣтомъ на поклонъ мой и съ полу пересѣла на лавку, гдѣ и легла“.

Послѣ этого Петровъ три раза обращался къ ней съ вопросомъ: „поступить ли ему въ монастырь“, — но она упорно молчала. Онъ ушелъ „разочарованный и рѣшился больше къ ней не ходить“.

И вотъ, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ этого, проживъ весь этотъ мѣсяцъ въ монастырской гостинницѣ, Петровъ не только уже не находить Пелагею отвратительной, но говорить о ея удивительной стройности и чудныхъ глазахъ.

Между тѣмъ, къ Пелагеѣ возвратились ея припадки буйства, такъ что настоятельница Ирина хотѣла-было выселить ее изъ монастыря и отправить къ роднымъ, но ей напомнили, что за Пелагею внесено въ монастырь 500 р., и она живетъ не даромъ. Такимъ образомъ, Пелагею не отправили, и главнымъ образомъ, потому, что она изрекла что-то загадочное, предвѣщающее бѣду настоятельница Иринѣ, что и исполнилось: мѣсто Ирины скоро заняла другая.

Новая настоятельница, Ладыженская, такъ уважала Пелагею, что она „точно стала для обители матерью, называя всѣхъ въ ней своими дочками. Ничего безъ нея здѣсь не дѣлалось: въ послушаніе ли кого посылать, принять ли кого въ обитель или выслать, — ничего безъ ея благословенія матушка не дѣлала“.

Это влияніе Пелагеи распространялось и на одного изъ архіереевъ; архіепископъ Нектарій заходилъ совѣтоваться съ Пелагеей. Объ этомъ случаѣ въ сказаніи Анна Герасимова рассказываетъ слѣдующее. Въ монастырѣ ожидали пріѣзда архіерея; „сестры“ почти цѣлую ночь стояли подъ проливнымъ дождемъ передъ воротами. Наконецъ, архіерей пріѣхалъ.

„Вошелъ онъ и видитъ, что въ чуланѣ на табуреткѣ сидитъ поджавшись Пелагія Ивановна. Взялъ табуреточку и сѣлъ съ нею рядомъ.“

„— Ахъ, — говоритъ, — раба Божія! какъ мнѣ быть-то? (Изъ предыдущаго видно, что онъ спрашиваетъ совѣта, какъ ему поступить относительно „самовластной замѣны Ушаковой Гликерію Завятовой“).“

„Она глядитъ на него, и говоритъ ему: — Напрасно, владыко, напрасно ты хлопочешь. Старую мать не выпускать.“

„Услышавъ это, облокотился онъ бороною на свой посохъ и пригорюнился, изъ стороны въ сторону покачивая головою. — Ужъ и самъ не знаю, какъ быть, — говоритъ онъ.“

„Пелагія-то Ивановна вскочила, тревожная да страшная такая, да и ну воевать! Всѣ кто ни былъ съ владыкою, съ перепугу разбѣжались, кто куда могъ. Кое-какъ, уловивъ минуту,

владыку-то и выпроводили мы вонъ, а она-то воюетъ: чтò ни попало подѣ руки, все бьетъ да колотитъ. Ужасъ на всѣхъ и насъ-то напалъ. Архіерей послѣ сказалъ какому-то съ нимъ прибывшему барину:—Напугала меня Пелагія Ивановна; ужь и не знаю, какъ быть.

„— Охота вамъ, владыко, —говоритъ баринъ, —безумную слушать“.

„На другое утро владыка, не взирая на просьбы и слезы сестеръ, совершенно безпричинно смѣнилъ Елизавету Алексѣевну (Ушакову) и поставилъ Гликерію Васильевну (Заятову)“.

На другой день владыка ѣхалъ со службы на дрожкахъ, а Пелагея на дорогѣ сидитъ и яйца катаетъ: дѣло было послѣ пасхи.

Увидѣвъ юродивую, онъ слѣзъ съ дрожекъ, подошелъ къ ней и далъ ей просфору: „вотъ говорить, раба Божія, тебѣ просфора моего служенія“. Она молча отвернулася. Тогда онъ зашелъ съ другой стороны и опять подаль, а она встала и ударила его по щекѣ; но владыка не только не прогнѣвался, а смиренно подставилъ другую щеку, сказавши: „Что-жъ? по-евангельски, бей по другой“.

„— Будетъ съ тебя и одной, —отвѣчала Пелагія, и, какъ бы ничего не случилось, опять стала катать яйца“.

Дальнѣйшія буйства и даже иногда предосудительные поступки Пелагеи авторъ ея біографіи легко обращаетъ въ доказательства ея святости и прозорливости.

Выдумала она и еще себѣ занятіе: послѣ монастырскаго пожара остались глубокія ямы, въ которыхъ постоянно стояла грязная вода. А по сторонамъ этихъ ямъ были сложены оставшіеся кирпичи. И вотъ Пелагея становилась у края ямы и бросала въ воду кирпичи съ такой силой, что ее обдавало грязью съ ногъ до головы. Послѣ того, какъ всѣ кирпичи были брошены, она сама входила по-поясъ въ грязь и начинала ихъ оттуда выбрасывать. Расплачиваться за всѣ эти „подвиги усмиренія плоти“ приходилось все той же Аннѣ Герасимовой, которой приходилось замывать и сушить ея платья. Когда она начинала бранить Пелагею, та отвѣчала: „Я, батюшка Симеонъ, на работу хожу; надо работать“. Теперь она называла Анну Герасимову Симеономъ, какъ прежде называла ее Венедиктомъ. И если она не очень сердилась, то говорила: „батюшка Симеонъ“, а когда была недовольна—звала ее „Семкой“. Бросаніемъ кирпичей она „занималась нѣсколько лѣтъ“, а потомъ придумала себѣ новую работу: „наберетъ большущее беремя палокъ

и колотить ими о землю изо всей-то мочи, пока всѣ ихъ не перебьетъ, да и себя всю въ кровь не разобьетъ“.

Впрочемъ, у Пелагеи повидимому бывали изрѣдка и свѣтлыя промежутки. Такъ, когда приставленная къ ней однажды ударила ее, „она такъ и затряслась, и говорить:—Маменька, ты меня за что, за что бьешь? За что бьешь?“

Очень она пугалась, когда родные—мать, или мужъ, или братья—пріѣзжали изъ Арзамаса. Она убѣгала, пряталась въ крапиву—и „тогда ее оттуда ужъ ничѣмъ не выманишь“. А между тѣмъ, когда „слава“ ея дошла до родныхъ, они стали ее звать назадъ къ себѣ, но она, конечно, не вернулась. Въ той же биографіи пренаивно сообщается, какъ два соревнующихъ взаимно монастыря вели борьбу за юродивыхъ, переманивая ихъ къ себѣ отъ другого: „Понетаевскія наши сосѣдки,—разсказываетъ Анна Герасимова, —пробовали ее позвать къ себѣ: „Какъ ты насъ обрадуешь-то!—говорили онѣ.—Какъ тебѣ хорошо-то будетъ у насъ! Въ экипажѣ тройку пришлемъ за тобой, только поѣдемъ“. А она все молчала, да отворачивалась.

По смерти Пелагеи, у самаго собора, противъ главнаго его алтаря, воздвигнуть ей дорогой и красивый памятникъ, поставленный монастыремъ; на одной сторонѣ написано: „Пелагія Ивановна Серебrenикова, урожденная Сурина. По благословенію старца Божія іеромонаха Серафима за святое послушаніе оставила свое счастье земной жизни, мужа и дѣтей, принявъ на себя подвигъ юродства, и припяла гоненія, заушенія, біенія и цѣпи Христа Господа ради. Родилась въ 1809 году; прожила въ монастырѣ 47 лѣтъ и 30 января 1884 года отошла къ Господу 75 лѣтъ отъ роду“.

Л. Е. Оболенскій.

МУЗЫКАЛЬНАЯ БАРЫШНЯ

ПОВѢСТЬ.

I.

Милочка стоитъ совсѣмъ одѣтая передъ большимъ трюмо въ своей комнатѣ и увѣренной рукой проводитъ тонкія линіи карандашикомъ, подрисовывая брови и рѣсницы.

Какъ художникъ, рисующій картину, она то отклоняется и смотритъ на себя издали, то снова приближаетъ свое лицо къ зеркалу:

„Такъ, кажется, хорошо!“

Милочка владетъ карандашъ и послѣднимъ критическимъ взглядомъ окидываетъ всю свою худощавую, воздушную фигурку въ открытомъ бѣломъ платьѣ.

Бѣлокурая головка въ зеркалѣ мечтательно и задумчиво улыбается ей, и съ невольнымъ чувствомъ самодовольства она думаетъ:

„Какая я сегодня хорошенькая!“

Тукъ, тукъ... кто-то стучится къ ней въ дверь.

— Войди, войди, Варя!—громко говоритъ Милочка.

Вошла Варя, старшая сестра Милочки. Сестры мало похожи: старшая выше ростомъ и гораздо полнѣе младшей, съ темными волосами и серьезнымъ, вдумчивымъ взглядомъ; но есть какое-то неуловимое „нѣчто“, сразу напоминающее о ихъ близкомъ родствѣ.

— Что это кареты вѣтъ, ужъ пора бы!—говоритъ Милочка, перебирая коробки на туалетномъ столикѣ и не оборачиваясь къ сестрѣ.

— Приѣдетъ,—еще не поздно,—возражаетъ Варя и, садясь въ низенькое мягкое кресло, прибавляетъ:—А ты сегодня отлично причесалась... Не очень растрепана, и волосы красиво лежатъ. Повернись-ка сюда... Ну, такъ я и знала, — опять ты накра-силась!

— Не накрасилась, а только подвела глаза, и то чуть-чуть! Опять ты съ нравоученіями, Варя! Вѣдь объясняла же я тебѣ, что профессоръ требуетъ этого, что онъ специально учить насъ гриму для сцены и для концертовъ,—и что на эстрадѣ лицо безъ грима кажется блинообразнымъ, и вся игра выраженія пропадаетъ для публики!

— Я это слышала отъ тебя,—спокойно говоритъ Варя,—но не могу сказать, чтобы меня это убѣдило. Другое дѣло—сцена,—тамъ гримъ необходимъ, но въ концертѣ ты остаешься самой собой, ты никого не изображаешь, — къ чему же тебѣ прикрашиваться?

— Варя! Если ты пришла нарочно, чтобы разстроить меня передъ самымъ концертомъ, то умоляю тебя—уйди! Я и такъ сегодня взволнована—поговоримъ въ другой разъ!—почти съ отчаяніемъ произносить Милочка, и въ голосъ ея слышатся истерическія нотки.

— Ну, ну, пожалуйста, не распускайся!—нѣсколько встревоженно говоритъ Варя, мелькомъ взглянувъ въ разстроенное лицо сестры.—Не хочешь ли лавровишневыхъ капель? Ночью, навѣрное, не спала?

— Не спала,—виновато отвѣчаетъ Милочка.

Варя сразу смягчается...

„Дурацкіе эти концерты... Всегда я была противъ нихъ! Совсѣмъ истрепали бѣдную дѣвочку“...

— На мѣстѣ папы я бы тебѣ запретила участвовать въ большихъ концертахъ! — съ невольною рѣзкостью говоритъ она.—Вѣдь сколько силъ ты на нихъ тратишь! И къ чему все это? Одно тщеславіе и больше ничего...

„Жестокія слова! И это любовь! — горько думаетъ Милочка.—Ну, какъ я объясню ей? ну, чтѣ она пойметъ?“

И съ отчаяніемъ заломивъ руки, она говоритъ сестрѣ:

— Варя, Варя, не мучь меня,—потомъ!.. уйди, оставь меня одну теперь...

Варѣ жалъ сестру, но нѣжностей она не признаетъ, и кромѣ того досадно: вѣдь самъ себя человѣкъ губить, а понять этого не хочетъ и еще обижается...

Варя уходитъ изъ комнаты сестры и идетъ въ кабинетъ отца.

Смутное чувство тревоги и сомнѣнья, какъ будто сознаніе неисполненнаго долга, давно уже гнететъ ее и сегодня особенно сильно...

Отецъ сидитъ въ глубокомъ, покойномъ креслѣ и, заложивъ ногу на ногу, задумчиво попыхиваетъ папиромой.

Ему еще нѣтъ шестидесяти лѣтъ, но волосы у него совершенно сѣдые, и на задумчивомъ лицѣ—печать пережитого, но не забытаго горя.

Старикъ уже надѣлъ свой генеральскій мундиръ, украшенный орденами: онъ ждетъ только Варю, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нею въ концертъ, гдѣ будетъ пѣть его младшая дочь.

При видѣ его задумчиво-спокойнаго лица Варя испытываетъ легкое раздраженіе.

„По моему, это даже не любовь, а просто эгоизмъ! — думаетъ она про отца:—дѣлайте-моль что хотите, только меня не трогайте“.... но вслухъ она говоритъ:

— Папа, прежде чѣмъ мы поѣдемъ, я бы хотѣла поговорить съ вами о Милочкѣ...

— О Милочкѣ?—старикъ поднимаетъ на нее испуганный, растерянный взглядъ:—Что-нибудь случилось?

— Пока не случилось, но можетъ случиться!—твердо говоритъ Варя. — Положительно, папа, ей вредны эти концерты и разныя тамъ домашнія оперы. Вы поглядите, какъ она поблѣднѣла, какая стала нервная и малокровная. Постоянно бессонница, головная боль!

— Гм... это нехорошо, нехорошо!—покачивая головой, бормочетъ старый генераль. —Но что же она мнѣ этого не говорила? Я вижу ее всегда такой веселой, оживленной... Поблѣднѣла, ты говоришь? А мнѣ она кажется такой цвѣтущей! Надо ее показать доктору!

— Ахъ, папа, —досадливо возражаетъ Варя, —при чемъ тутъ докторъ? Ее утомляютъ волненія; запретите ей пѣть въ концертахъ, тогда и доктора не надо!

Старикъ бессиленно разводитъ руками.

„Легко сказать—запретите! Да и въ концѣ концовъ, такъ ли это, какъ Варя кажется? Ужъ очень она склонна все въ серьезъ принимать. Характеръ у нея такой скрытный, необщительный, вотъ ей и кажется, что другія вѣтренны и легкомысленны“.

Старикъ давно замѣчалъ, что сестры не сходятся между собой, но это его не удивляло, такъ какъ характеры ихъ были слишкомъ различны. Самъ онъ былъ всецѣло на сторонѣ младшей дочери, и ему нѣволью казалось, что старшая, не понимая

сестры и стремясь переработать ее по своему вкусу, часто относилась къ ней придирчиво и несправедливо.

— Нѣтъ, ужъ ты — того, Варюша, — сказалъ онъ уклончиво, — ты меня не вмѣшивай. Ничего я ей запрещать не буду. Захочетъ, такъ и сама бросить; а пока ей это нравится, пусть себѣ веселится, не всѣмъ же серьезничать... А доктора мы призовемъ во всякомъ случаѣ.

Старикъ вынулъ часы и, прекращая непріятный разговоръ, прибавилъ:

— А намъ съ тобой и ѣхать пора: безъ четверти восемь.

Варя безнадежнымъ взглядомъ посмотрѣла на отца и, опустивъ голову, пошла за нимъ въ переднюю.

„Это онъ называетъ — веселиться! — съ глубокимъ укоромъ подумала она. — Слѣпъ и глухъ... — И, стыдась своей рѣзкости, мысленно же прибавила: — Еслибы была жива мама, все было бы иначе, и папа былъ бы иной“.

Какъ только отецъ и сестра уѣхали, Милочка открыла дверь своей комнаты и, подобравъ шлейфъ своего наряднаго бѣлаго платья, торопливо вышла въ гостиную.

Платье стоило очень дорого, и, надѣвая его, Милочка вспомнила, какое растерянное лицо было у старика-отца, когда ему подали счетъ.

Но чтѣ же дѣлать? Матери у нея нѣтъ, а Варя ничего въ этомъ не понимаетъ, и приходится полагаться на вкусъ старшихъ товаровъ по искусству, ученицъ профессора Себастьяни.

Онѣ и выбирали, онѣ и заказывали, но все же ей было очень тяжело смотрѣть, какъ отецъ дрожащими руками открывалъ ящикъ стола и доставалъ деньги.

Вслѣдствіе разстроеннаго здоровья онъ принужденъ былъ выйти въ отставку, и изъ своей пенсіи помогалъ еще сыну, женившемуся на бѣдной дѣвушкѣ и служившему офицеромъ въ одномъ изъ полковъ Западнаго края.

Открывъ крышку рояля, Милочка взяла одной рукой аккордъ и стала пѣть отдѣльными звуками, пробуя голосъ. Потомъ, спѣвъ нѣсколько быстрыхъ гаммъ, назначила себѣ кругъ для трели и, заложивъ одну руку за спину, а другою придерживая шлейфъ, пошла по комнатѣ, наполняя ее высокими, мягкими и чистыми звуками.

„Ну, теперь еще повторить послѣднюю гамму въ концертной аріи и довольно... Не надо утомлять голоса!“

Но вотъ уже спѣта и гамма, и вступленіе, а кареты все нѣтъ.

Чтобы сократить минуты ожидания, Милочка стала ходить по комнатѣ, безпрестанно поглядывая на бронзовые часы, стрѣлки которыхъ стали передвигаться съ удивительной быстротой.

А въ умѣ ея быстро, быстро, какъ перепархивающія птички, неслись образы, мысли и мечты...

Думаетъ она о томъ, что сегодня въ первый разъ будетъ пѣть въ настоящемъ большомъ концертѣ, вмѣстѣ съ извѣстнѣйшими въ городѣ артистами; что залъ, въ которомъ назначенъ концертъ, одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ, и что надо будетъ очень постараться, чтобы ее слышали и въ заднихъ рядахъ.

Никто, никто не знаетъ, какое громадное значенье имѣеть для нея этотъ концертъ, который долженъ рѣшить ея судьбу.

Родные увѣрены, что пѣнье для нея — пустая забава; профессоръ заботится только о томъ, чтобы она понравилась публикѣ и имѣла вѣншнй успѣхъ; но самой Милочкѣ этого мало.

Она хочетъ знать, чего же достигла она годами добросовѣстной, толковой работы надъ своимъ голосомъ. Есть ли у нея будущность, или лучшіе годы жизни ушли въ погонѣ за миражемъ, и она останется навсегда барышней-любительницей...

И это для нея вопросъ жизни и смерти...

Въ передней раздается рѣзкій звонокъ.

„Карета! Сейчасъ надо ѣхать!“ — проносится въ умѣ Милочки, и вдругъ передъ ней ярко встаетъ огромный, нарядный залъ, съ безконечными рядами стульевъ и креселъ, переполненныхъ публикой, такъ тѣсно, такъ близко придвинувшейся къ эстрадѣ, что пѣвицѣ, стоящей на ней, не хватаетъ воздуха, перехватываетъ дыханіе, и сердце сжимается острой, острой болью.

Вся поблѣднѣвъ, Милочка на минуту закрываетъ глаза и машинально схватывается рукой за спинку стула.

Но шаги и голоса въ передней возвращаютъ ей самообладанье.

Она бросаетъ на себя послѣдній взглядъ въ зеркало и, накинувъ на плечи изящное, бѣлое, обшитое темнымъ мѣхомъ, *sortie de bal*, идетъ навстрѣчу молоденькому студенту-распорядителю.

II.

Четыре года тому назадъ, Милочка вернулась домой изъ института, куда ее отдали десятилѣтней дѣвочкой.

Вѣроятно, отецъ никогда не разстался бы съ маленькой

дочкой, которую онъ любилъ больше другихъ своихъ дѣтей, еслибы не смерть жены, еще молодой, цвѣтущей женщины, сгорѣвшей въ нѣсколько дней отъ мучительной болѣзни.

Сраженный горемъ, онъ заперся у себя въ кабинетѣ, никого не хотѣлъ видѣть и не притрогивался къ пищѣ.

На третій день поутру онъ услышалъ слабый стукъ въ дверь, и нѣжный, жалобный голосокъ, призывавшій его:

— Папочка, милый, пусти меня къ тебѣ!

Мучительной болью содрогнулось и ожило его застывшее, измученное сердце. Онъ торопливо поднялся съ мѣста, подошелъ къ двери и отворилъ ее.

Передъ нимъ стояла его маленькая дочка въ черномъ траурномъ платьицѣ. Густые, длинные волосы, которые мать съ такой любовью расчесывала и распускала по плечамъ дѣвочки, собирая ихъ только спереди и связывая кокетливымъ бантомъ, теперь были гладко зачесаны и заплетены въ косу. Отъ этого круглое личико дѣвочки измѣнило свое выраженіе.

Съ жалобной, судорожной улыбкой отецъ положилъ руку на ея головку и произнесъ съ разстановкой:

— Сироточка моя!

Въ эту минуту дѣвочка, съ испугомъ приглядывавшаяся къ странно измѣнившемуся лицу отца, вдругъ поняла причину этой перемѣны и съ истерическимъ крикомъ: „Папочка, папочка!“ — бросилась къ нему на грудь.

Темные волосы отца за эти ужасные дни стали совершенно сѣдыми.

Подхвативъ ее, какъ перышко, на руки, отецъ сѣлъ съ ней вмѣстѣ въ кресло, и, смѣшивая слезы и поцѣлуи, они сидѣли долго, крѣпко прижимаясь другъ къ другу и въ этой физической близости инстинктивно ища успокоенія.

Кромѣ Милочки, были еще дѣти: толстый, неповоротливый и лѣнивый кадетъ Коля, добрый, но малоспособный мальчикъ; отецъ возлагалъ на него большія надежды, но очень скоро убѣдился, что онъ ихъ не оправдаетъ, — и старшая дочь Варя, по прозванію „книжный червякъ“, умная, развитая, но очень скрытая и нелюдимая дѣвочка, цѣлый день сидѣвшая за книгами.

И только младшая Милочка, живая, способная и общительная дѣвочка, вполне удовлетворяла вкусамъ отца.

Съ дѣтства она была игрушкой, которой забавлялись не только домашніе, но и многочисленные гости, съ утра до вечера наполнявшіе ихъ домъ. Мать учила ее пѣть, танцовать, приглашала къ ней сверстницъ и устраивала дѣтскіе спектакли и

живыя картины, и дѣвочка безсознательно привыкала играть роль и обращать на себя общее вниманіе.

Смерть матери положила конецъ этому свѣтлому періоду ея жизни.

Какъ ни тяжело было отцу разставаться съ своей любимицей, но любовь была сильнѣе эгоизма, а онъ былъ убѣжденъ, что, оставляя ее на рукахъ прислуги и въ обществѣ чрезчуръ серьезной, мало женственной старшей сестры, онъ тѣмъ самымъ лишалъ ее правильнаго воспитанія и товарищества болѣе подходящихъ къ ней по возрасту и характеру сверстницъ.

И самъ отвезъ дѣвочку въ институтъ. Разница въ перемѣнѣ обстановки была такъ велика, что впечатлительная дѣвочка сразу съѣжилась, ушла въ себя и отъ скучной, сѣрой, однообразной дѣйствительности отгородила себя міромъ грезъ и фантазій.

Вечеромъ, ложась спать, дѣвочка испытывала глухую, щемящую боль, и, чтобы заглушить ее, вызывала въ себѣ такъ еще близкія и уже безконечно далекія воспоминанія.

Одно изъ нихъ особенно ярко вставало передъ нею, согрѣвая и умиротворяя ея душу.

Вечеръ... Въ гостиной на кругломъ столѣ, заваленномъ журналами и альбомами, горитъ красивая лампа подъ краснымъ шолоховымъ абажуромъ. На раскрытомъ роялѣ горятъ свѣчи. Мать за роялемъ поетъ и аккомпанируетъ себѣ.

А кругомъ, на стульяхъ, на креслахъ, около рояля, стоятъ и слушаютъ чужіе люди, гости. И сама Милочка, съѣжившись въ уголокъ турецкаго дивана, сдерживаетъ дыханіе, боясь проронить одну нотку...

И нѣжные звуки рояля, и чудные звуки свѣжаго, прекраснаго голоса, и озаренное внутреннимъ свѣтомъ лицо пѣвицы сливаются въ одинъ идеально-прекрасный образъ...

Разъ она попросила отца привезти ей нѣкоторыя вещи, которыя пѣла мать, и, забравшись въ „селюлку“, стала пѣть ихъ робкимъ, неувѣреннымъ голосомъ.

Но чѣмъ больше овладѣвали ею воспоминанія, тѣмъ дальше раздвигались институтскія стѣны, и наконецъ, забывшись, дѣвочка полнымъ голосомъ, съ большой искренностью и врожденнымъ вкусомъ спѣла „Березку“ Рубинштейна.

Лишь только замеръ послѣдній звукъ, за дверью послышались громкіе апплодисменты.

Дѣвочка, сконфуженная, забрала ноты и убѣжала; но черезъ нѣсколько дней подруги уговорили ее спѣть при нихъ, и скоро весь институтъ узналъ, что среди „кофулекъ“ объявилась пѣвица.

Пѣніе создало дѣвочѣ исключительное положеніе въ институтѣ; подруги гордились ею и любили за то удовольствіе, которое она имъ доставляла; начальство было къ ней и внимательнѣе, и снисходительнѣе, чѣмъ къ другимъ, такъ какъ она пѣла въ институтскихъ концертахъ и передъ высокопоставленными особами, заѣзжавшими къ нимъ въ институтъ. И очень скоро дѣвочка поняла, что пѣніе—ея сила, а понявъ это, рѣшила культивировать свое искусство, чтобы добиться еще большей силы въ послѣдствіи.

И жизнь раздѣлилась для нея на двѣ половины: одна проходила въ институтѣ, въ автоматически-однообразномъ распредѣленіи дня среди подругъ и учителей,—и на это уходила лишь меньшая часть ея души, тогда какъ другая была заполнена грезами о какомъ-то другомъ сказочно-прекрасномъ мірѣ, мечтами о будущей славѣ и извѣстности, мечтами до того живыми и яркими, что передъ ними совершенно блѣднѣла сама дѣйствительность.

Такъ прошла жизнь въ институтѣ.

Съ жаждой новой жизни и новыхъ впечатлѣній вернулась Милочка въ свой домъ.

Она нашла здѣсь страшно состарившагося, часто прихварывавшаго отца и вполне уже сложившуюся и созрѣвшую Варю, оканчивавшую высшіе курсы.

Братъ-юнкеръ приходилъ домой только по субботамъ.

Варя отнеслась къ сестрѣ ласково, но довольно равнодушно.

Она вся была полна своими книгами, лекціями, рефератами.

Убѣдившись, что Милочка не собирается ни на какіе курсы, она сейчасъ же рѣшила, что сестра—пустынька барышня, которая, очевидно, только и мечтаетъ о балахъ да о кавалерахъ, и вполне предоставила ее самой себѣ.

Милочка читала, играла, пѣла, гуляла съ отцомъ и приглядывалась къ жизни окружающихъ.

Въ домѣ было неуютно и безпорядочно, какъ никогда не бывало раньше, при покойной мамѣ.

Варя, равнодушная къ мелочамъ окружающей ее обстановки, совершенно не замѣчала, что въ комнатахъ было грязно, запущено, занавѣски у оконъ почернѣли отъ копоти лампъ, свѣчи въ гостиной на большомъ зеркалѣ были разной величины, обивка на ручкахъ у креселъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продыравилась, и изъ нихъ торчалъ волосъ.

Съ инстинктивнымъ стремленіемъ къ порядку и изяществу,

Милочка зашила прорѣхи, велѣла вставить новыя свѣчи, напомнила сестрѣ, что пора выстирать занавѣсы.

Въ институтѣ, въ свободные часы, она выучилась отъ подругъ разнымъ мелкимъ рукодѣльямъ, и скоро у отца и у Вари появились на столѣ сюрпризы.

Варя равнодушно одобрила, но отца это растрогало и обрадовало.

Въ мелочахъ сказывалась унаслѣдованная отъ матери порядливость и домовитость, чего такъ не доставало Варѣ.

„Хлопотунья, говорунья, и лицомъ, и манерами вылитая мать!“ — думалъ старикъ, слѣдя за тоненькой фигуркой младшей дочери.

По субботамъ юнкеръ приводилъ своихъ товарищей: одинъ изъ нихъ игралъ на роялѣ, другой — на скрипкѣ; у самого Коли былъ недурной голосъ, неполнѣ еще установившійся, но очень пріятнаго тембра.

Устраивались дуэты, тріо. Скучный, запущенный, осиротѣвшій домъ снова ожилъ.

Попрежнему по субботамъ собирались гости, и старый генералъ, сидя за ужиномъ на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, рассказывалъ анекдоты и эпизоды изъ своей кадетской и полковой жизни, и самъ отъ души смѣялся вмѣстѣ съ молодежью.

Такъ прошли зима и лѣто.

Осенью генералъ обратился къ младшей дочери и шутливо сказалъ ей:

— Что же, дочка, съ ученьемъ покончено? Больше ни на какіе курсы не пойдешь?

Милочка, давно уже ждавшая этого вопроса, отвѣчала просительно:

— Нѣтъ, папа, мнѣ бы хотѣлось учиться пѣнію!

— Ну, такъ что же! — добродушно отвѣчалъ отецъ: — пѣнію, такъ пѣнію. Голосокъ у тебя недурной, совсѣмъ какъ у мамы.

Долго не могли выбрать учителя пѣнія, и, наконецъ, случайно одна знакомая посовѣтовала обратиться къ Себастьяни, у котораго училась и ея дочь.

— Человѣкъ онъ немолодой, женатый и солидный. Хорошо ставить голоса, а главное — спокойнаго характера. Знаете, моя дочь училась раньше въ консерваторіи, такъ ея учительница такъ ругалась и бросала ноты, что моя Зина прямо не могла вытерпѣть. А другія, представьте, терпятъ. Одну барышню она прямо такъ-таки назвала дурой... „Вы, говоритъ, дура, и я не могу съ вами ничего подѣлать, хотя голосъ у васъ чудный“. А

другой говорить: „Вамъ, душенька, въ прачки идти, грязное бѣлье стирать, а не романсы пѣть“. И удивляюсь я барышнямъ. Плачутъ, а не уходятъ. Точно въ ней одной спасенье.

По просьбѣ генерала, эта же знакомая дама и свезла Милочку къ Себастьяни.

Плата за уроки показала старика страшно высокой, — вѣдь баловство въ сущности это пѣніе, — но знакомая такъ расхваливала Себастьяни, такъ восхищалась голосомъ Милочки и настаивала на томъ, что такой чудный матеріалъ надо отдать въ хорошія руки, что генераль уступилъ.

Себастьяни оказался добросовѣстнымъ учителемъ, который очень скоро опѣнилъ и способности, и трудолюбіе Милочки, и, желая еще болѣе пріохотить ее, сталъ все чаще и чаще намеать на возможность выработаться для сцены. По своему многолѣтнему опыту, онъ хорошо зналъ, что это магическое слово, какъ глотокъ хорошаго шампанскаго, слегка кружитъ голову, но даетъ радость и увѣренность въ себѣ.

Пѣніе наполняло весь день Милочки, пѣніе поглощало всѣ ея чувства, всѣ мысли.

Она уже больше не ходила гулять съ отцомъ, потому что на улицѣ ей было вредно разговаривать.

Она избѣгала читать днемъ, потому что ей было некогда, а вечеромъ черезчуръ возбужденная мысль мѣшала сну, а отъ этого утромъ трудно было распѣться.

Она считала своимъ долгомъ послушать всякую пріѣзжую знаменитость, и эгоистически старалась не думать о томъ, что отцу трудно тратить на нее такъ много денегъ.

Среди молодежи, бывавшей у нихъ въ домѣ, было нѣсколько человѣкъ, серьезно увлекавшихся ею, но она или не замѣчала этого, или, если это было слишкомъ очевидно, дѣлала видъ, что не замѣчаетъ.

О замужествѣ она думала со скукой, а иногда и съ отвращеніемъ.

Это такъ обыкновенно, непоэтично, и притомъ женщина теряетъ всю свою свободу!

Для Себастьяни было большимъ горемъ, когда одна изъ его лучшихъ, подающихъ надежды ученицъ вдругъ разсталась съ мечтами объ ожидающей ее славѣ и самымъ прозаическимъ образомъ вышла замужъ, да еще за бѣдняка-студента.

— Вѣдь это конецъ, — конецъ всему! — патетически восклицала обыкновенно сдержанный итальянецъ. — И что бы подождать, пока будетъ на сценѣ, — тогда могла бы выбрать знатнаго и

богатаго мужа! А теперь будетъ служить мужу, будетъ у него кухаркой, нянькой, а голосъ свой зароетъ въ землю.

На четвертую зиму своего ученья Милочка начала съ успѣхомъ выступать въ небольшихъ концертныхъ залахъ.

Себастьяни былъ уменъ. Разсчитывая на неизбежное волненіе, онъ не давалъ ей большихъ и трудныхъ вещей, и маленький, красивый, изящно спѣтый романсъ всегда производилъ хорошее впечатлѣніе. Но какъ только онъ попробовалъ выпустить ее съ болѣе трудной вещью, такъ сейчасъ и выяснилось, что она недостаточно владѣетъ собой и поетъ несравненно хуже, чѣмъ дома. Однако и тутъ ее приняли благосклонно и дружно аплодировали.

— Ахъ, а я такъ боялась, что меня ошибаютъ!—искренно призналась Милочка немолодой уже, очень извѣстной піанисткѣ, участвовавшей въ томъ же концертѣ.

— Вотъ выдумали!—смѣясь, отвѣчала та:—во-первыхъ, вы и не такъ плохо спѣли, а во-вторыхъ — молоденькой, хорошенькой все простятъ!

Милочку нарасхватъ приглашали знакомые, и она пѣла и на вечерахъ, и въ концертахъ, но чѣмъ больше пѣла, тѣмъ требовательнѣе относилась къ себѣ.

Однажды, вернувшись домой, Варя застала сестру въ гостиной за роялемъ. На юпитрѣ лежали раскрытыя ноты, но она не пѣла. Обхвативъ спинку стула руками и уронивъ на нихъ голову, она горько плакала.

Варя была до такой степени поражена этимъ видомъ, что въ первую минуту совершенно растерялась. Она принесла воды, капель, съ непривычной для нея нѣжностью обняла сестру и, наконецъ, добилась объясненія.

— У меня совершенно не выходитъ эта вещь!

Варя широко раскрыла глаза.

— И только?

Но Милочка настаивала.

— Я слышала въ концертѣ Михайлову: у нея это такъ легко и красиво выходило, а у меня—нѣтъ!..

— Ну, еще бы! — съ досадой сказала Варя.—Ты бы еще сравнила себя съ Патти... То Михайлова, а то ты!

Милочка вскочила со стула. Слезъ какъ не бывало, глаза блестяли, щеки пылали.

— А что такое Михайлова! Себастьяни говоритъ, что у меня голосъ въ десять разъ красивѣе, чѣмъ у нея...

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю!—насмѣшливо сказала Варя.— Ну, что жъ, поступай и ты на сцену!

— И поступлю!—вызывающе крикнула Милочка.

Варя пристально взглянула въ глаза сестрѣ, и тутъ только въ первый разъ почувствовала, что за кажущеюся безпечною и веселостю есть тамъ, въ глубинѣ этой души, что-то свое важное и значительное, о чемъ она, Варя, не имѣетъ ни малѣйшаго представленія.

— Пустяки ты говоришь, Милочка!—мягко и серьезно сказала она, но когда сестра сказала ей: „Все пустяки, что не касается тебя и твоихъ занятій“,—она только молча посмотрѣла на нее, повернулась и пошла изъ комнаты.

Окончивъ курсъ, Варя поступила въ гимназію классной дамой и учительницей французскаго языка.

Ей дали младшій классъ и, возясь съ этими дѣвчонками, оробѣвшими и присмирѣвшими въ непривычной для нихъ казенной обстановкѣ, Варя неожиданно открыла въ себѣ цѣлый запасъ теплоты и нѣжности, который она щедро изливала на своихъ „малышекъ“. вмѣстѣ съ этимъ измѣнилось и ея отношеніе къ сестрѣ.

Съ смутной тревогой приглядывалась она къ ея поблѣднѣвшему лицу, удивлялась ея раздражительности, неровности, излишней заботливости о своемъ здоровьѣ, эгоизму, съ которымъ она тратила деньги на свои туалеты, такъ какъ ей стыдно было одѣваться хуже другихъ ученицъ, но сильнѣе всего говорило въ ней чувство жалости человѣка созрѣвшаго, установившагося, нашедшаго свое призваніе и смыслъ жизни,—къ другому, слабому, мятущемуся и не умѣющему устроить свою жизнь.

Но не всѣмъ же быть классными дамами и учительницами и любить это дѣло: Варя хорошо это понимала. Съ другой стороны, она даже не могла себѣ представить, что могло бы удовлетворить ея сестру, и, не умѣя посовѣтовать, не считала себя въ правѣ вмѣшиваться въ ея жизнь.

Только отецъ могъ бы сдѣлать это, но старикъ упорно не замѣчалъ ничего, гордился успѣхами дочери въ обществѣ и въ концертахъ, а когда Варя иногда при отцѣ удивлялась, что Милочка такъ быстро изводитъ свои карманныя деньги, старикъ, морщась, останавливалъ ее:

— Ну, ну,—разворачалась классная дама!... Не всѣмъ же

быть монашенками. Молодо—зелено... Хочется и ей отъ подругъ не отстать.

Варя умолкала, сердясь и давая себѣ слово не вѣшпиваться: „пусть хоть разорится совсѣмъ“.

А Милочка вспыхивала до слезъ, опускала глаза и не смѣла смотрѣть на сестру, стыдась за отца, чувствуя себя неправой, а Варю—несправедливо оскорбленной за нее же.

И вотъ однажды Милочка пришла къ сестрѣ возбужденная, сіяющая и объявила ей, что м-ме Арнольдъ, съ которой она позвакомилась еще въ прошломъ году и съ тѣхъ поръ постоянно бывала на ея музыкальныхъ пятницахъ, устраиваетъ большой концертъ съ оперными артистами и просила и ее участвовать въ немъ.

— Ну, желаю тебѣ успѣха,—съ улыбкой сказала Варя, невольно любясь оживленнымъ личикомъ сестры и забывая въ эту минуту всѣ свои тревоги и сомнѣнія.

И Милочка начала лихорадочно готовиться къ предстоящему концерту.

III.

Карета остановилась у артистическаго подъѣзда; студентъ неловко и торопливо помогъ своей дамѣ выйти и повелъ ее по лѣстницамъ и корридорамъ въ уборную артистовъ.

У дверей онъ раскланялся съ ней и такъ же поспѣшно пошелъ назадъ, а Милочка, охваченная робостью, вошла въ довольно большую комнату, въ которой сидѣли и стояли артистки въ нарядныхъ открытыхъ платьяхъ и мужчины во фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ.

Недалеко отъ входа, по срединѣ комнаты стояла невысокая полная дама въ изящномъ черномъ шолововомъ платьѣ: это была Марья Дмитріевна Арнольдъ, главная устроительница и инициаторша концерта. Она оживленно разговаривала съ высокимъ блондиномъ, незнакомымъ Милочкѣ.

— Придется начать безъ нея!—съ огорченьемъ рѣшила Марья Дмитріевна и, обернувшись, увидѣла входившую дѣвушку.— Ну, слава Богу! Вонъ и она!—со вздохомъ облегченія говорила она, и ея полное, добродушное лицо съ живыми карими глазами засіяло искреннимъ удовольствіемъ.

— Что же вы такъ поздно, моя дорогая?

— Я не виновата, Марья Дмитріевна,—отвѣчала Милочка,

поспѣшно сбрасывая платокъ и теплую ротонду.—Карета опоздала, дали невѣрный адресъ.

— Ахъ, они разбойники! Хороши распорядители! И этого не могли устроить... Нѣтъ, вѣдь это ужасно!—говорила Марья Дмитріевна, уже обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ и дѣлая энергическіе жесты головой и руками.—Безъ меня рѣшительно ничего не дѣлается, я должна входить во всякую мелочь, и даже когда распорядишься, все-таки ухитрятся перепутать!

Ея лицо пылало отъ усталости и волненія.

Уже теперь концертъ можно было считать удавшимся... Зала совершенно полна, артисты пріѣхали всѣ, кромѣ одного, но и того удалось вполнѣ замѣнить; хорошенькая барышня, продававшая у входа въ залъ афиши, собрала обильную лепту, но Боже, какихъ хлопотъ, какихъ усилій все это стоило!

— А зато вамъ сиротки въ ножки поклонятся,—спасибо, скажутъ, родная, что ты насъ напоила, накормила...—раздался изъ глубины комнаты звучный, задухновенный мужской голосъ, въ которомъ было столько неподдѣльнаго, неуловимаго юмора, что всѣ съ невольною улыбкой обернулись въ его сторону. Милочка въ первый разъ видѣла такъ близко знаменитаго комика и съ дѣтскимъ почтительнымъ любопытствомъ вглядывалась въ его характерное лицо, освѣщенное доброй улыбкой.

— Ну, вотъ развѣ что—польза будетъ!—съ нѣкоторымъ колебаніемъ отозвалась Марья Дмитріевна

Нѣсколько голосовъ хоромъ отвѣчали ей:

— Да полноте... Неужели вы еще сомнѣваетесь? Вѣдь зала полна? Афиши всѣ проданы?!

— Да, да, все хорошо!—подтверждала Марья Дмитріевна, а въ голосѣ ея все еще звучала неувѣренность.

— Ну, вотъ хорошо, что всѣ пріѣхали!—болѣе оживленнымъ тономъ прибавила она и, подойдя къ Милочкѣ, поправлявшей у зеркала прическу, заботливо отогнула завернувшееся кружево у ея платья, подшпилила сзади развившуюся придь волосъ и, оглядывая ее съ ногъ до головы, сказала громко и одобрительно:

— Отлично, отлично, моя дорогая; сегодня вы страшно интересны!

Высокій блондинъ, съ которымъ только-что разговаривала Марья Дмитріевна, и который съ самаго пріѣзда Милочки не спускалъ съ нея глазъ, улыбнулся и сказалъ:

— Отчего же только сегодня, а не всегда?

— Ахъ, позвольте!..—засуетилась Марья Дмитріевна.—Я

вѣдь помню вашу просьбу... Голубчикъ мой,—обратилась она къ Милочкѣ,—позвольте представить вамъ вашего тайнаго, но давнишняго поклонника—художникъ Мазурскій.

Милочка, вся розовая отъ смущенія, протянула руку, которую художникъ крѣпко пожалъ, пристально глядя на дѣвушку темносѣрыми пронизательными глазами.

Слегка насмѣшливый и самоувѣренный взглядъ ихъ непріятно скользилъ по обнаженной шеѣ и рукамъ дѣвушки и какъ будто, мысленно смѣло и дерзко сбрасывая одежду, видѣлъ ее всю передъ собой.

И подъ этимъ циническимъ взглядомъ Милочка почувствовала стыдъ, возмущеніе, обиду и, инстинктивнымъ движеніемъ потянувшись за накидкой, накиннула ее на плечи.

— Вамъ холодно? Вы, вѣрно, волнуетесь?—спросилъ художникъ, и откровенно насмѣшливый тонъ его и лукавая улыбка сказали Милочкѣ, что и движенія ея души для него такъ же ясны, какъ линіи тѣла.

Съ внезапнымъ приливомъ непріязни къ нему, она отвернулась, небрежно отвѣтивъ на его вопросъ:

— Нѣтъ,—нисколько!

Къ ея большому облегченію, какъ разъ въ эту минуту въ уборную почти вбѣжалъ невысокій, плотный господинъ съ широкимъ краснымъ лицомъ и длинными, свѣтлыми, слегка вьющимися волосами.

— Кажется, всѣ въ сборѣ... Можно начинать?—возбужденно говорилъ онъ, пожимая руки направо и налево.

— А, здравствуйте, барышня!—сказалъ онъ, останавливаясь передъ Милочкой.—Что жъ, сегодня трусить не будемъ?

Изъ залы донесся глухой шумъ аплодисментовъ. Публика требовала начала концерта.

— Слышите, слышите!—воскликнулъ аккомпаниаторъ, срываясь съ мѣста, какъ боевой конь при звукѣ трубъ, и, обращаясь къ высокому, худому артисту съ острыми чертами лица и апатичнымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ, прибавилъ тономъ полководца:—Ваши ноты—и идете!

— Идемъ!—равнодушно отозвался тотъ и, протянувъ аккомпаниатору тоненькій свертокъ нотъ, бережно взявъ въ руки скрипку и медленно пошелъ къ дверямъ.

Громкіе аплодисменты соскучившейся ожиданіемъ публики, нѣсколько секундъ мертвой тишины,—и вотъ полились нѣжные, плачущіе и зовущіе звуки скрипки.

— Ну, слава Богу—началось!—съ шумнымъ вздохомъ про-

говорила Марья Дмитріевна, и лицо ея сразу приняло спокойное и удовлетворенное выраженіе.—Ну, теперь я вами займусь, дѣточка,—ласково обратилась она къ Милочкѣ:—съ кѣмъ вы здѣсь незнакомы? Какъ, неужели не знаете? Это—Рокотова,—московская. Лѣтъ десять тому назадъ была еще звѣздой, теперь уже сильно постарѣла, бѣдняжка!..

Говоря это пониженнымъ голосомъ, Марья Дмитріевна подвела Милочку къ высокой, полной дамѣ въ очень отертыомъ черномъ бархатномъ платьѣ, сильно подведенной и подрумяненной, но еще сохранившей слѣды былой красоты на располнѣвшемъ и нѣсколько обрюзгшемъ лицѣ.

— Очень пріятно, очень пріятно, — говорила пѣвица, улыбаясь заученной и неискренней улыбкой.—Слышала, какъ вы отличались на ученическомъ вечерѣ у Себастьяни... Мнѣ говорилъ объ этомъ Кадминъ...

— Кадминъ?—живо переспросила Милочка, и, противъ воли, яркая краска покрыла ея щеки.

Пѣвица засмѣялась.

— Вижу, что вы его не забыли,—замѣтила она съ легкой ироніей въ голосѣ.—Не правда ли,—съ такимъ партнеромъ пріятно пѣть?

— А! вотъ и онъ самъ! Quand on parle du soleil, on voit ses rayons!—щеголяя французскимъ выговоромъ, сказала Марья Дмитріевна и предупредительно пошла навстрѣчу высокому, стройному брюнету съ живымъ и нервнымъ лицомъ, входившему въ дверь артистической.

— Только васъ и ждемъ... Очень, очень благодарю васъ за то, что вы такъ любезно согласились выручить насъ...—растроганнымъ голосомъ говорила она, пожимая руку артисту.

— Полноте, я всегда съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ онъ, и вдругъ, увидѣвъ Милочку, воскликнулъ съ просіявшимъ лицомъ:—Людмила Николаевна! Васъ ли я вижу? Вотъ неожиданная встрѣча!

— А вы какими судьбами? Вѣдь васъ же нѣтъ на программѣ?—говорила она притворно-равнодушнымъ тономъ, но смущенное, взволнованное и радостное лицо досказывало то, чего не было въ словахъ.

— Да видите ли, я раньше-то отказался: боленъ былъ, боялся, что не успѣю поправиться и подведу... А теперь, вотъ, Мингреловъ заболѣлъ,—и опять за мной... Я и программы не видалъ, не зналъ, что вы поете, да, вѣрно, сердце чуюло!—шутливо закончилъ онъ и, близко заглядывая ей въ лицо, спраши-

вать, весь сіяя улыбкой:—Ну, какъ вы здоровы, веселы, много поете? Вѣдь цѣлый мѣсяцъ я васъ не видалъ!

— Э, да вы, я вижу, старые знакомые, — смѣясь, сказала Марья Дмитриевна.—Георгій Александровичъ, давно ли вы знаете нашу Милочку?

— О, страшно давно! — отвѣчалъ онъ съ веселымъ пафосомъ.—Мѣсяцъ тому назадъ мы пѣли „Фауста“ у Себастьяни. Какая очаровательная Маргарита была Людмила Николаевна! — съ увлеченіемъ рассказывалъ онъ и дружески здоровался съ артистами.

Вернулся съ эстрады скрипачъ и, постоявъ немного, пошелъ снова: публика настойчиво требовала bis'a.

Георгій Александровичъ снова подошелъ къ Милочкѣ и, усѣвшись подлѣ нея, началъ вполголоса разговаривать съ нею.

— Скажите,—спрашивала Милочка:—кто эта барышня въ черномъ платьѣ, съ красной розой на груди?

— Какъ? Вы не знаете? Это — Славская, наша будущая звѣзда... Только-что окончила консерваторію и ужъ приглашена на казенную сцену. Большущій голосина и чертовски-талантлива.

— Ахъ, Славская! — обрадованно сказала Милочка:—я, конечно, слышала о ней, но вижу ее въ первый разъ.

Она еще внимательнѣе поглядѣла на будущую звѣзду. Средняго роста, довольно полная шатѣнка, съ широкимъ, неправильнымъ лицомъ и небольшими сѣрыми глазами, Славская совершенно не обладала тѣмъ, что принято называть „сценической наружностью“.

— Какая же она, — начала-было Милочка и остановилась, не умѣя подыскать подходящаго опредѣленія:—сѣренькая! — прибавила она нерѣшительно.

Собесѣдникъ ея разсмѣялся.

— Ишь вы какая! — сказалъ онъ съ шутливымъ порицаніемъ:—вамъ подавай все сразу. Славской довольно и того, что у нея есть... Вотъ вы сами услышите, какъ она поетъ.

Какъ-разъ въ эту минуту Славская, разговаривавшая со старшей пѣвицей, обернулась въ ихъ сторону и съ ногъ до головы окинула Милочку тѣмъ быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ, которымъ умѣютъ смотрѣть только артистки, когда дѣло идетъ о другой артисткѣ.

Милочка спокойно выдержала этотъ критическій взглядъ.

— Ну, теперь,—пониживъ голосъ, заговорилъ Георгій Александровичъ, — вы можете быть увѣрены, что васъ разбираютъ по косточкамъ. Эта пѣвица рядомъ со Славской—Рокотова, вы

знаете? Ну, такъ предупреждаю васъ,—страшная сплетница, завистница и злой языкъ. Я имѣлъ удовольствіе служить съ ней вмѣстѣ на казенной сценѣ... Ну и баба, простите за выраженіе! Разные я видалъ типики, но такой завистливой и злоющей бабы ни разу въ жизни не встрѣчалъ...—Онъ помолчалъ, и нервное, выразительное лицо его вдругъ потускнѣло и затуманилось, словно передъ нимъ пронесся призракъ тяжелаго воспоминанья.—Да,—промолвилъ онъ серьезно, почти печально:—много она мнѣ зла сдѣлала... Ну, да Богъ съ ней!..—Онъ вдругъ поднялся съ мѣста и, снова овладѣвая собой, улыбнулся дѣвушкѣ: — А вы какимъ же номеромъ поставлены?

— Третьимъ,—отвѣчала Милочка, и вдругъ вся кровь отхлынула у нея отъ сердца.

Эта неожиданная встрѣча съ Кадминимъ заставила ее забыть и про концертъ, и про свое участіе въ немъ, и ей представилось прямо невозможнымъ выйти сейчасъ туда, на залитую свѣтомъ эстраду.

Георгій Александровичъ подошелъ къ аккомпаниатору и совѣщался съ нимъ относительно выбора романсовъ.

Скрипачъ уже сидѣлъ около стола, заставленнаго винами и фруктами, за которымъ хозяйничала, угощая его, Марья Дмитриевна.

Рокотова усиленно любезничала съ маленькимъ лысымъ рецензентомъ, только-что пришедшимъ въ артистическую, и только Славская сидѣла молча, сложивъ на колѣняхъ руки и равнодушно скользя взглядомъ по окружающимъ лицамъ.

У дверей на эстраду стояло еще двое участвующихъ: миловидная барышня въ голубомъ платьѣ съ низко вырѣзаннымъ лифомъ, которая дѣлала видъ, что ее страшно смѣшать замѣчанія ея собесѣдника, высокаго господина съ тупымъ, блѣднымъ, ничего не выражающимъ лицомъ, небрежно цѣдившаго слова,—баритона казенной оперы.

Вторымъ номеромъ читалъ любимый публикою актеръ-комикъ, и публика безъ конца требовала повтореній.

Милочкѣ не сидѣлось на мѣстѣ. Она сняла съ себя накидку и пошла оправиться передъ зеркаломъ.

На нее глянуло блѣдное, растерянное личико.

— Боже!—испугалась Милочка:—что же это со мной? Никогда еще я такъ не боялась!

Къ ней подошелъ Георгій Александровичъ.

— Что это вы какъ поблѣднѣли?—заговорилъ онъ встревоженно.—Неужели такъ трусите? Да полно, голубчикъ, стѣдитъ ли

того! Вѣдь вы же не въ первый разъ выступаете и всегда съ успѣхомъ,—чего вамъ бояться?

— Охъ, страшно! — съ усиліемъ преодолевая внутреннюю дрожь, по-дѣтски безпомощно сказала Милочка.

Онъ улыбался ей нѣжно и ласково, и мягкими, бархатными нотами говорилъ ей:

— Ну, полно, возьмите себя въ руки, все будетъ хорошо... Птичка моя бѣдненькая, дѣточка милая!

Въ своемъ полубезсознательномъ состояніи она слушала ласковыя слова, которыми онъ никогда раньше не смѣлъ называть ее, и на сердцѣ у нея становилось легче и теплѣе отъ этой ласки чужого ей человѣка, и что-то тонкое, чистое и нѣжное протягивалось между нимъ и ею, неуловимыми нитями соединяя и сближая души.

— Пойдите,—сказалъ онъ вдругъ,—что же я думаю! Вамъ надо выпить вина!

— Да, да, отлично, выпейте вина, Милочка! — сказала Марья Дмитріевна, услышавшая послѣднюю фразу; наливъ въ рюмку вѣрнопой мадеры, она передала ее Георгію Александровичу.

Милочка выпила, и пріятная теплота разлилась по ея тѣлу, слабый румянецъ окрасилъ щеки, — острый пароксизмъ страха прошелъ.

Дверь съ эстрады отворилась, и въ уборную ворвался шумъ аплодисментовъ и громкіе, напряженные крики: „браво! бис!“

Вытирая платкомъ красное, потное лицо, высокий, толстый актеръ говорилъ нараспѣвъ, съ характерной, ему одному только свойственной интонаціей:

— Ой, батюшки, не могу... Уморили... Отпустите душу на покаянье!..

— Bis, bis! — смѣясь, кричали ему и артисты въ уборной, и онъ, постоявъ немного, снова пошелъ на эстраду, сказалъ что-то совсѣмъ коротенькое и, среди общаго смѣха и аплодисментовъ, пришелъ, тяжело дыша, весь багровый, и рѣшительно опустился въ кресло.

— Съ мѣста не двинусь! — заявилъ онъ громко и, обмахиваясь платкомъ, прибавилъ добродушно-ворчливымъ тономъ: — Ну, и чортова сегодня жарница! Публики—видимо-невидимо!

Аплодисменты начали понемногу стихать, все слабѣе, слабѣе; вотъ еще разъ неудержимо поднялась шумная волна и вдругъ все точно оборвалось — стихло.

Акомпаниаторъ, оживленно разговаривавшій съ Кадминымъ,

остановился на полуфразѣ, принявъ сразу озабоченный, дѣловой видъ и кивнулъ головой стоявшей подлѣ него Милочкѣ:

— Ну, барышня, идемте!

Вотъ она и наверху.

Страшно свѣтло! Больно даже глазамъ!

И какой взрывъ аплодисментовъ!

Неужели это ее такъ встрѣчаютъ?

Боже, Боже, какая толпа тамъ, внизу!

Со всѣхъ сторонъ поднимаются бинокли, въ публикѣ движеніе; въ заднихъ рядахъ привстаютъ, чтобы лучше рассмотреть ее.

Въ первомъ ряду высокій, видный, весь въ звѣздахъ генералъ наклоняется впередъ, и Милочка ясно слышитъ, какъ онъ говорить:

— Какая прелесть!

Акомпаниаторъ оглядывается на нее—она чуть-чуть наклоняетъ голову.

Но что же это, Боже мой!

Слова, мотивъ—все ускользнуло изъ ея памяти, она точно въ первый разъ слышитъ эту мелодію.

— Господи, помоги!—молится Милочка.

И вдругъ, среди чужихъ, равнодушно-любопытныхъ лицъ передъ ней мелькнуло красивое лицо отца съ его серебристыми волосами и густыми темными бровями.

Добрые, ласковые глаза его съ спокойной, увѣренной улыбкой смотрѣли прямо въ лицо дочери и какъ будто говорили ей:

— Смѣлѣе, дочка, ну-ка, покажи имъ, что и мы не хуже другихъ!

Совершенно безсознательно для себя пѣвица поймала послѣдній тактъ передъ вступленіемъ и такъ же машинально, не отдавая себѣ въ нихъ отчета, выговорила слова первой фразы речитатива.

И въ ту минуту, когда она ихъ выговорила, она вспомнила и все остальное такъ отчетливо, какъ будто передъ ней держали ноты...

Подъ сводами громадной залы собственный голосъ показался ей совсѣмъ чужимъ,—такимъ маленькимъ, слабымъ и невзвучнымъ!

Но почему же она не можетъ отрѣшиться отъ этой такъ близко придвинувшейся къ ней толпы, не можетъ почувствовать себя ея владычицей?

Напрасно собираетъ она всѣ силы,—голосъ не слушается ее, дыханье уходитъ, и даже верхнія ноты, самыя красивыя въ ея голосѣ, выходятъ какими-то задавленными и рѣзкими.

Сознание, что здѣсь, въ этой переполненной народомъ залѣ, и тамъ, въ артистической, всѣ примолкли, слушая ее,—сознание это подавляетъ ее, и вмѣсто желанья отличиться, въ ея душѣ все растетъ страстная мольба—благополучно довести до конца трудную арію, не сбиться, не забыть слова и поскорѣе, поскорѣе убѣжать съ эстрады.

— Слава Богу, арія кончена!

Пѣвицу награждаютъ дружными аплодисментами.

Она струсила,—это ясно всѣмъ,—но такая молоденькая, миленькая, и голосокъ такой хорошенькій!

Снисходительная публика усиленными аплодисментами старается подбодрить дебютантку.

Съ улыбкой благодарности она склоняетъ голову и, какъ школьница, сдавшая трудный экзаменъ, спѣшитъ съ эстрады.

Въ артистической ее встрѣчаетъ Георгій Александровичъ.

— Ну, вотъ видите, отлично спѣли!—ободряюще говорить онъ:—только смѣлѣе, смѣлѣе!

— На bis, на bis! Чтò вы поете на bis?—возбужденно кричить аккомпаниаторъ.

Милочка торопливо подаетъ ему хорошенькую, немного меланхолическую пѣсенку своего любимого русскаго композитора.

Съ ея мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ и при ея настроеніи это вышло бы отлично. Но аккомпаниаторъ иного мнѣнія.

— Помилуйте, да вы этакъ усыпите публику! Надо что-нибудь этакое бравурное, кокетливое!.. Дайте, я самъ выберу... Ну, вотъ—эту! Идемъ...

Спорить некогда, и она чувствуетъ себя передъ нимъ такой дѣвочкой.

Теперь она меньше боится и смѣлѣе разглядываетъ публику.

Горячая волна прихлынула къ ея сердцу, ей вдругъ страстно захотѣлось покорить, подчинить своей власти всю эту молчаливо ожидавшую толпу.

Но изъ банальной мелодіи съ пустыми словами трудно что-нибудь сдѣлать, и она кончила хуже, чѣмъ начала.

И на этотъ разъ ей аплодировали и кричали bis, и когда она вышла на вызовы, ей подали снизу чудную корзину чайныхъ розъ.

Въ артистической Рокотова привѣтствовала ее натянутой улыбкой и снисходительной похвалой:

— Очень, очень мило.

А Славская прибавила серьезно и искренно:

— У васъ очень хорошенькій голосъ!

— А это что же? отъ поклонника?—насмѣшливо прищури-
ваясь и указывая глазами на корзину цвѣтовъ, спросила Рокотова.

— Отъ знакомыхъ, вѣрно!—отвѣчала Милочка, нисколько
не обрадованная и даже смущенная этимъ подношеніемъ, кото-
раго она, по собственному мнѣнію, совершенно не заслуживала.

Выйдя изъ артистической, Милочка остановилась въ полу-
темномъ проходѣ, откуда она могла лучше слышать пѣніе Георгія
Александровича Кадмина. Счастливый! Онъ не боялся этой
страшной людской толпы, наполнявшей залу.

Быть можетъ, онъ, какъ истинный артистъ, слегка волно-
вался въ душѣ, но какъ горделиво спокоенъ онъ былъ снаружи,
какъ увѣренно шелъ на эстраду, какимъ взглядомъ, полнымъ со-
знанія своей власти, своей силы, онъ оглядывалъ всю эту глухо
волновавшуюся толпу!

И онъ по справедливости былъ ея любимцемъ. Онъ умѣлъ
передавать малѣйшіе оттѣнки чувства, каждое его слово прони-
кало въ душу и заставляло сладко замирать сердце.

Голосъ его, красивый и сильный, то возвышался до звенящаго
страстного *fortissimo*, то замиралъ, какъ вздохъ любви, на нѣж-
нѣйшемъ *pianissimo*.

И самая пустая вещичка пріобрѣтала въ его исполненіи глу-
бокій смыслъ, казалась тонкой, красивой и полной значенія.

Стоя въ своемъ темномъ уголку, Милочка съ наслажденіемъ
прислушивалась къ чарующимъ звукамъ, и вся душа ея откры-
валась имъ навстрѣчу.

Наконецъ, онъ кончилъ и пришелъ къ ней.

— Ну,—сказалъ онъ шопотомъ, наклоняясь и цѣлуя ея
руку,—довольны ли вы мной?

Они были одни въ полутемномъ проходѣ.

Съ эстрады къ нимъ доносились задумчивые звуки арфы, а
изъ уборной—взрывы заглушеннаго смѣха и шумъ оживленнаго
говора,—и хотя не было ничего особеннаго въ его словахъ,
какая-то неловкость и безотчетный страхъ овладѣли ею, и она
отвѣчала уклончиво, стараясь высвободить свою руку:

— Вы всегда хорошо поете!

— Нѣтъ, вы не отвѣчаете на мой вопросъ, хотя я вижу,
что вы его поняли. Сегодня я пѣлъ для васъ, только для васъ...
Эта неожиданная встрѣча съ вами... Знаете, я самъ не думалъ,
что буду до такой степени обрадованъ!

Она молчала, охваченная волненіемъ и глубокимъ, страннымъ
очарованіемъ.

Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца они встрѣчались по два, а по-

томъ и по три раза въ недѣлю у ея профессора, и на маленькой домашней сценѣ пѣли „Фауста“.

Сначала онъ равнодушно прислушивался и приглядывался къ ней, дѣлая ей замѣчанія, показывая сцену, какъ опытный учитель начинающей ученицѣ, но по мѣрѣ того, какъ способная и самолюбивая ученица овладѣвала искусствомъ, онъ изъ строгаго учителя превращался въ добраго и искренно расположеннаго товарища.

И когда, наконецъ, представленіе состоялось, и знакомство ихъ поневолѣ прекратилось, Мила почувствовала, что ей не хватаетъ этого всегда веселаго, искренно симпатизирующаго ей друга.

Случайно она попала въ частную оперу, гдѣ онъ былъ главной притягательной силой, и вышла изъ театра, потрясенная и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ на нее произвелъ, и тѣмъ шумнымъ успѣхомъ, которымъ онъ здѣсь пользовался.

Простой и скромный въ томъ обществѣ, гдѣ она съ нимъ встрѣчалась, и гдѣ онъ пѣлъ изъ любезности и личной дружбы къ своему бывшему учителю, — здѣсь онъ былъ кумиромъ огромной восторженной толпы и спокойно принималъ ея поклоненіе.

И сидя въ качествѣ простой зрительницы, Милочка съ удивленіемъ спрашивала себя:

„Неужели это тотъ самый человѣкъ, съ которымъ я пѣла? неужели мы еще когда-нибудь встрѣтимся и будемъ такъ же просто и дружески разговаривать?“

И она стала ловить себя на томъ, что постоянно возвращается мыслью къ ихъ недолгому знакомству, припоминаетъ всѣ его слова, взгляды и пытливо чего-то ищетъ въ нихъ...

Она просматривала газеты, слѣдя за его успѣхами, жадно ловила каждое слово о немъ, и потому, какъ относились къ нему ея знакомые, безсознательно дѣлила ихъ на своихъ друзей и враговъ.

И вотъ они встрѣтились, и то, чего она такъ пытливо искала въ прошломъ, свѣтитъ теперь въ его разнѣженномъ взглядѣ, слышится въ трепетномъ звукѣ голоса, чувствуется въ горячемъ поцѣлуѣ, который обжегъ ея руку.

Какъ много она думала объ этой встрѣчѣ, и странно, — думала именно тѣми самыми словами, которыя онъ произнесъ теперь, но тогда, въ воображеніи, слова эти вызывали въ ней гордость и радость, а теперь въ ней поднимался страхъ, слѣпой, безотчетный страхъ передъ тѣмъ новымъ и неизвѣданнымъ, что властно становилось на ея пути.

— Въдѣ мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ мы не видались!—говорилъ онъ, стоя такъ близко отъ нея, что ея обнаженное плечо почти касалось его руки.

— Вы очаровательно спѣли Маргариту, но знаете,—я все думалъ, чего вамъ не хватаетъ,—и нашелъ...

— Чтò же?—быстро спросила она и, поднявъ голову, смѣло взглянула ему въ глаза.

Онъ посмотрѣлъ на нее блестящимъ страннымъ взглядомъ и медленно и раздѣльно выговорилъ:

— Вамъ надо влюбиться.

Отъ этого слова дѣвушка вздрогнула, какъ отъ удара.

Какъ пошло, какъ гадко оно звучить!

Въ институтѣ этимъ словомъ ее изводили подруги:

— Душка, неужели ты ни въ кого не влюблена?

Позже ее наставляли ученицы профессора Себастьяни:

— Влюбитесь, и тогда будете пѣть еще лучше.

И друзья ея офицеры часто говорили ей:

— Эхъ, не смѣйтесь, придетъ и ваша пора: влюбитесь,—тогда только и узнаете настоящую жизнь.

Жить только для того, чтобы влюбиться, влюбиться—для того, чтобы жить.

Это былъ какой-то заколдованный кругъ, и дѣвушка безсознательно чувствовала его уозсть.

Пошлòе слово спугнуло очарованіе, и, тряхнувъ головой, она сказала задорно и насмѣшливо:

— Все равно, въ кого? Лишь бы влюбиться?

— Я не помѣшаю вашему интимному разговору?—произнесъ зади нихъ вкрадчиво-язвительный голосъ.

Они оглянулись.

Въ дверяхъ стояла Рокотова.

— Помилуйте, очень радъ!—быстро и предупредительно отозвался артистъ.—Надѣюсь, что вы будете моей союзницей противъ барышни и подтвердите мой совѣтъ ей—влюбиться, чтобы стать настоящей пѣвицей.

— Совѣтъ хорошъ!—съ неискреннимъ смѣхомъ сказала Рокотова:—что жъ, вы ужъ подыщите ей и партнера.

— Трудно!—съ улыбкой отвѣчалъ онъ и, взглянувъ на дѣвушку спокойнымъ, открытымъ взглядомъ, прибавилъ:

— Молодежь лнеть къ молодежи, а намъ съ вами, пожалуй, и не понять, чего имъ нужно.

При этихъ словахъ Милочка невольно подняла голову и взглянула на нихъ обоихъ.

Когда-то красивое, но теперь расплывшее и слегка обрюзглое лицо пѣвицы говорило о неумолимо приближавшейся старости, противъ которой безсильны были всѣ косметическія средства. Но онъ, стройный и цвѣтушій, безъ малѣйшей просѣди въ густыхъ темныхъ волосахъ, съ живыми и энергичными движеніями и совсѣмъ юношескимъ блескомъ глазъ,—онъ казался совсѣмъ молодымъ.

— Сколько ему могло быть лѣтъ? Тридцать-пять—сорокъ? Не все ли равно?

— Считайте себя старикомъ, если хотите!—съ досадливой гримаской отвѣчала Рокотова.—Я себя старухой не считаю.

И когда онъ съ насмѣшливымъ поклономъ отвѣчалъ ей:—Слушаюсь!—она обернулась въ спускавшейся съ эстрады раскраснѣвшей артисткѣ и съ дѣланно-привѣтливой улыбкой закивала ей головой:

— Очень, очень мило, Софья Карловна! Поздравляю съ успѣхомъ.

Слѣдующимъ номеромъ на афишѣ стояла Славская.

Ея руки немного дрожали, когда она перелистывала ноты у раскрытыхъ дверей артистической, но лицо оставалось спокойнымъ, и безъ малѣйшаго колебанія она взошла на эстраду увѣренной, немного тяжеловатой поступью.

Громкіе аплодисменты, потомъ нѣсколько секундъ напряженной тишины, и вотъ вслѣдъ за коротенькой, но полной глубокаго драматизма музыкальной фразой вступленія—откуда-то вырвался и все собою заполнилъ мощный, свободный, широкій и красивый женскій голосъ:

„Да, часъ насталъ“!

Звуки росли, крѣпли, ширились—бархатные, глубокіе, ласкающіе. Въ нихъ билась страстная тоска по роднымъ полямъ, холмамъ задумчиво-мечтательной, дѣвственно-чистой души; въ нихъ слышалась спокойная увѣренность въ своемъ высокомъ призваніи и покорность Высшей волѣ, и все заканчивалось высокою, страстной нотой, похожей на оборвавшееся рыданье.

Милочка, блѣдная, съ широко раскрытыми глазами, неподвижно стояла на мѣстѣ.

Боже, Боже, какъ хорошо! Съ такимъ голосомъ можно было не бояться выходить на эстраду. Это даже не голосъ, а точно тонкій, дорогой инструментъ, на которомъ играетъ чуткій артистъ, извлекая одинаково ровные, одинаково красивые звуки и вкладывая въ нихъ всю свою душу.

Подъ громъ аплодисментовъ, вся румяная и оживленная отъ

радости и волнения, съ сіяющими глазами, съ прекрасной, увѣренной и счастливой улыбкой, дѣлавшей ее неузнаваемо красивой, спускалась Славская съ эстрады, и Милочка провожала ее восхищеннымъ и изумленнымъ взглядомъ, не узнавая въ ней той „сѣренькой“ дѣвушки, мимо которой она прошла, едва замѣтивъ ее, въ горделивомъ сознаніи своей собственной молодости и привлекательности.

Когда Славская, послѣ нѣсколькихъ „бисовъ“, вернулась въ артистическую, всѣ окружили ее, поздравляли, благодарили, и въ этой оваціи, устроенной ей своими же товарищами-артистами, было единодушное поклоненіе той искрѣ Божіей, которую она носила въ себѣ, единодушный, быть можетъ мгновенный, но въ данную минуту искренній порывъ увлеченія не своимъ, а чужимъ искусствомъ.

Только Ровотова не участвовала въ этой оваціи. Она пѣла на эстрадѣ, собирая дань признательности за прошлое, и публика, расходясь, въ антрактѣ, изъ залы, въ корридоръ и фойе, говорила съ сожалѣніемъ:

— Да, сильно, сильно постарѣла... И голосъ совсѣмъ ужъ не тотъ... Пора бы ужъ ей уюмониться и не выступать на эстрадѣ... А то просто жалко и слушать, и смотрѣть,—особенно послѣ Славской!

IV.

Въ антрактѣ цѣлая толпа родныхъ, знакомыхъ и поклонниковъ хлынула въ артистическую.

Еще не оправившаяся отъ пережитого волнения, Милочка чувствовала себя совсѣмъ оглушенной и сбитой съ толку всѣми поздравленіями, поцѣлуями и разспросами, которые посыпались на нее со всѣхъ сторонъ.

— Ты не должна была пѣть второго романса: онъ—преглупый, и ты его совсѣмъ скомкала!—говорила замужняя двоюродная сестра Милочки.—Вѣдь я же тебѣ совѣтовала, что взять на bis.

— Какая вы сегодня интересная, и какъ мило спѣли! — вставлялъ свое мнѣніе болѣе снисходительный мужъ сестры.

— Но какъ вы струсилы, душка, я просто испугалась за васъ!—подхватывала бойкая барышня, товарка Милы по пѣнію, и цѣлый хоръ повторялъ за нею:

— Да, струсилы, струсилы, струсилы!

Милочка готова была убѣжать и боялась расплакаться.

Къ счастью, корзина цвѣтовъ привлекла общее вниманіе, и дѣвушка могла вздохнуть свободно и оглянуться вокругъ.

Въ центрѣ другой группы она увидѣла Славскую; передъ ней разсыпался въ комплиментахъ тотъ самый высокій, представительный генералъ, котораго Милочка замѣтила въ первомъ ряду креселъ.

Разговаривая съ пѣвицей, онъ молодецкато покручивалъ усы и, встрѣтившись взглядомъ съ Милочкой, еще болѣе пріосанился и выразительно посмотрѣлъ на нее.

Милочка съ неудовольствіемъ отвернулась.

„Смотришь на меня, а небось не подойдешь представиться, какъ къ Славской“...

И невольное сравненіе складывалось въ умѣ.

Въ Славской всё видать крупную звѣзду, грядущую силу, а къ ней относятся, какъ къ милому, даровитому ребенку, который всего интереснѣе, пока еще не выросъ.

Разсѣянно отвѣчая на вопросы окружающихъ, она искала глазами Кадмина и, наконецъ, увидала его почти у самыхъ дверей, рядомъ съ маленькимъ, лысымъ рецензентомъ.

Онъ какъ-разъ смотрѣлъ въ ея сторону и, поймавъ ея взглядъ, улыбнулся ей.

И сразу все то щемящее, обидное и горькое, что поднималось въ ней, играя на струнахъ чутко настроеннаго самолюбія, разсѣялось и уплыло, какъ темное облачко на чистомъ небѣ, и душа наполнилась сладкимъ предчувствіемъ возможнаго и близкаго счастья.

Въ дверяхъ артистической показались два молодыхъ офицера. Они стояли въ нерѣшимости, стѣсняясь пробираться впередъ и ожидая, чтобы ихъ замѣтили.

Одинъ изъ нихъ былъ совсѣмъ мальчикъ, съ нѣжнымъ, розовымъ румянцемъ во всю щеку, съ небольшими темными усами и красивыми карими глазами.

Другой—высокій и плечистый, съ непокорными вихрами густыхъ бѣлокурыхъ волосъ, съ крупными, неправильными чертами лица и серьезнымъ, внимательнымъ взглядомъ, казался гораздо старше своего спутника.

Онъ, видимо, чувствовалъ себя неловко и собирался уже ретироваться, но младшій товарищъ не пускалъ его и тянулъ за собою впередъ.

— Смотри, смотри, Милочка, вонъ и твои поклонники пришли!—живо заговорила кузина Милочки, схвативъ ее за руку.

Милочка обернулась и съ улыбкой закивала головой, приглашая молодых людей подойти поближе.

— Господа, — заговорила она, поздоровавшись съ ними, — зачѣмъ вы это дѣлаете? — и она указала головой на цвѣты.

Въ глазахъ старшаго офицера отразилось недоумѣніе, но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ возразить, младшій, еще болѣе зарумянившись, заговорилъ торопливо высокимъ, звонкимъ теноромъ:

— Нѣтъ, Людмила Николаевна, мы — вѣтъ всякаго подозрѣнія, корзина подана изъ публики.

— А, вотъ какъ! — сказала она, награждая его безсознательно-кокетливой улыбкой. — Ну, объ этомъ мы еще поговоримъ дома! А папа не зайдетъ ко мнѣ?

— Генералъ поручилъ намъ узнать, поѣдете ли вы обратно съ нимъ и съ Варварой Николаевной или съ кѣмъ-нибудь другимъ? — спросилъ старшій офицеръ.

Взглядъ его невольно скользнулъ по обнаженнымъ плечамъ дѣвушки, и что-то болѣзненно дрогнуло въ немъ, когда онъ снова взглянулъ ей въ лицо.

Подходившая къ нимъ Марья Дмитріевна услышала послѣднюю фразу и отвѣтила за дѣвушку.

— Нѣтъ, нѣтъ, она поѣдетъ ко мнѣ; я просила всѣхъ участвующихъ ко мнѣ на ужинъ, и вы, Милочка, не должны мнѣ отказывать.

Она поздоровалась со старшимъ изъ офицеровъ, который приходился ей племянникомъ, и рѣшительно сказала ему:

— А ты, Вали, проводишь ее ко мнѣ и домой, я уже говорила генералу.

Тотъ взглянулъ на дѣвушку и нѣсколько неувѣренно выговорилъ:

— Если вы позволите!

— Конечно, я буду очень благодарна, — отозвалась Милочка и, замѣтивъ, какъ затуманилось лицо молодого офицера, прибавила ласково: — Дмитрій Николаевичъ, вы не забыли, что я васъ жду къ намъ завтра вечеромъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ же, непременно, — отвѣчалъ онъ, просясь.

— Я спою вамъ тотъ новый романсъ, про который я вамъ говорила, — продолжала она, все улыбаясь безпричинной, неудержимой улыбкой.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея Кадминъ разговаривалъ съ Марьей Дмитріевной.

Не глядя въ ту сторону, Милочка чувствовала на себѣ его

взглядъ, и въ душѣ у нея все разросталось радостное и волнующее чувство; не сознавая того сама, она вкладывала это чувство въ слова, въ жесты, въ улыбку, принимая влюбленный взглядъ молодого офицера и отвѣчая на него.

Другой, стоя немного въ сторонѣ, молча приглядывался къ обоимъ, и въ нервныхъ движеніяхъ его пальцевъ, покручивавшихъ усы, и въ сдвинутыхъ бровяхъ вдумчиваго лица проглядывали недоумѣнье и душевная тревога.

Антрактъ близился къ концу, и артистическая понемногу пустѣла.

Около Милочки оставалось только два офицера, когда къ ней подошелъ Кадминъ.

— Ну, что же, во второмъ отдѣленіи не будемъ такъ робѣть? — фамиллярно-ласково выговорилъ онъ, окидывая обоихъ молодыхъ людей быстрымъ и небрежнымъ взглядомъ.

— Да я, слава Богу, не участвую во второмъ отдѣленіи, — весело отвѣчала Милочка.

— Какъ? Развѣ нѣтъ? Жаль... Какъ-разъ теперь, успокоившись, вы могли бы вполнѣ показать себя. Знаете, кто васъ расхваливалъ? Петровъ. Онъ былъ въ первомъ отдѣленіи, забѣжалъ ко мнѣ на минутку и уѣхалъ въ другой концертъ.

— Это, кажется, антрепренеръ провинціальной оперы? — спросила дѣвушка.

— Да, да... Вотъ увидите его у Марьи Дмитріевны. Кстати, могу я васъ отвезти туда?

Милочка смутилась. Это было бы чудесно, но какъ быть съ Валеріемъ Александровичемъ? Вѣдь они уже сговорились. Какъ-то неловко...

Какъ только Кадминъ подошелъ къ ней, молодые люди почувствовали себя лишними, раскланялись и ушли, такъ что некогда было перемѣнить рѣшеніе.

— Видите ли, — сказала она нерѣшительно, — мы уже условились съ племянникомъ Марьи Дмитріевны, что онъ проводитъ меня къ ней и отъ нея — домой.

— Ну, какъ же это досадно! — сказалъ Кадминъ, недовольно хмурясь: — а я такъ надѣялся, что мы съ вами поѣдемъ вмѣстѣ. Устройте какъ-нибудь... прибавилъ онъ просительно.

— Ну, хорошо, — рѣшительно сказала Милочка, — тогда я устрою такъ. Туда мы поѣдемъ съ вами, а оттуда я попрошу его проводить меня домой.

— Ну, хоть такъ! — разочарованно согласился артистъ.

Зазвенѣлъ колокольчикъ, аккомпаниаторъ повелъ за собой на

эстраду длиннаго скрипача съ меланхолическимъ лицомъ, и второе отдѣленіе началось.

Милочка, стоя передъ зеркаломъ, въ отдаленномъ уголку артистической, стирала, съ помощью кольдъ-крема и носового платка, тушь съ бровей и рѣсницъ; но какъ она ни старалась, слѣды грима все же были замѣтны, и, стѣсняясь показаться въ такомъ видѣ среди публики, въ зрительномъ залѣ, Милочка рѣшила остаться въ артистической до окончанья концерта.

Она подѣла къ Славской и разговорилась съ нею, между тѣмъ какъ Кадминъ переходилъ отъ одного къ другому, словно намѣренно избѣгая приближаться къ нимъ.

Славская очень выигрывала вблизи. У нея была прелестная улыбка и ласковые, добрые глаза. Она съ большимъ участіемъ и вниманіемъ спрашивала Милочку о ея занятіяхъ, о профессорѣ Себастьяни и его ученицахъ; при этомъ въ ней не чувствовалось ни малѣйшаго желанья позлословить и раскритиковать другихъ, что такъ охотно дѣлали не только настоящія пѣвицы, но и начинающія ученицы... Милочкѣ было очень пріятно разговаривать съ нею, но ее немножко смущало странное поведение Кадмина.

„Почему онъ не подойдетъ ни разу? Обидѣлся? Разсердился? Вонъ какъ разсыпается передъ арфисткой, а та-то счастлива! Хохочетъ, кокетничаетъ, жеманится—фу, противно!..“

Вотъ онъ наклонился, поцѣловалъ ея руку... Милочка поблѣднѣла такъ замѣтно, что собесѣдница ея остановилась на полуфразѣ и спросила тревожно:

— Что съ вами? Дурно?

— Голова немного закружилась,—солгала Милочка.

— Ну, это—отъ волненія, — рѣшила Славская; — вотъ будете чаще пѣть—привыкнете.

Кадминъ не подошелъ къ ней и тогда, когда пришла очередь Славской выйти на эстраду.

И Милочка сидѣла одинокая, прислушиваясь къ визгливому смѣху арфистки и къ мягкому грудному баритону Кадмина, который рассказывалъ ей какіе-то театральные анекдоты.

„Зачѣмъ онъ все это говорилъ мнѣ? Зачѣмъ? Все это неправда, однѣ пустыя фразы, которыя онъ повторяетъ и мнѣ, и другой, и третьей“, — съ болью въ сердцѣ думала дѣвушка. А сама глядѣла на его темную голову съ короткими, вьющимися волосами, и все въ немъ—оживленное, молодое лицо, и жесты, широкіе и свободные, и голосъ, этотъ чудный, вкрадчивый голосъ, были ей такъ странно дороги, и такъ хотѣлось быть съ нимъ

опять вдвоемъ, глядѣть ему въ глаза и вѣрить тому, что они говорятъ ей...

Концертъ кончился, въ уборной артисты и артистки собирали свои ноты и одѣвались. Кадминъ стоялъ съ ротондой въ рукахъ передъ Милочкой.

— Не торопитесь, не торопитесь — успѣемъ, — съ улыбкой говорилъ онъ, слѣдя за тѣмъ, какъ она повязывала голову бѣлымъ шолковымъ платкомъ.

Вотъ онъ накиннулъ на нее ротонду, и на секунду, только на секунду задержалъ руки на ея плечахъ...

Вошла Варя, уже одѣтая, въ шубѣ и шапочкѣ, и объяснила сестрѣ, что ее прислалъ отецъ за цвѣтами, — они возьмутъ съ собой ея корзину.

— Ахъ, вотъ спасибо, — обрадовалась Милочка, — а то я не знала, что мнѣ съ ней дѣлать.

— Это ваша сестра? — спросилъ Кадминъ, приглядываясь къ Варѣ, — познакомьте же меня съ нею, — и, не дожидаясь представленія, онъ самъ поклонился Варѣ и назвалъ себя.

Варя смущенно протянула ему руку, но не нашла ничего сказать, и прошла къ окну за цвѣтами.

Въ эту минуту въ дверяхъ показался Валерій Александровичъ Ковалевскій въ пальто, съ шапкой въ рукѣ.

— Я къ вашимъ услугамъ, Людмила Николаевна, — сказалъ онъ.

Милочка бросила невольный взглядъ на Кадмина, словно ища въ немъ поддержки, и тотъ, понявъ ее, выговорилъ съ шутливой улыбкой:

— Нѣтъ, какъ вы хотите, я не уступлю вамъ теперь свою даму... Вмѣстѣ мы пѣли, вмѣстѣ и поѣдемъ, — это мое право, и вы не обижайтесь...

— А отсюда, Валерій Александровичъ, если вы будете такъ добры, я попрошу васъ проводить меня домой, — торопливо добавила Милочка.

— Какъ вы прикажете, — вѣжливо, но сухо отозвался молодой офицеръ, и, не взглянувъ больше на Милочку, взявъ изъ рукъ Вари корзину цвѣтовъ, предлагая ей донести ее до извозчика.

Въ артистической оставались только Кадминъ и Милочка.

— Ну, идемъ! — сказалъ Кадминъ, разыскавъ на окнѣ свои ноты и, подойдя къ Милочкѣ, неожиданно спросилъ ее:

— Это вашъ женихъ?

Милочка вдругъ почувствовала себя почти обиженной такимъ предположеніемъ, и отвѣчала недовольнымъ тономъ:

— Вовсе нѣтъ, просто знакомый...

Кадминъ улыбнулся и не сталъ больше спрашивать...

Дверца захлопнулась, и карета, покачиваясь на рессорахъ, покатила по бѣлому, рыхлому, только что выпавшему снѣгу.

— Ну, вотъ наконецъ мы одни!—тихо вымолвилъ Кадминъ, и звукъ его голоса былъ такъ странный, такъ непривычно глухой, что Милочка съ удивленіемъ оглянулась на него. Но и лицо его было совсѣмъ чужое: блѣдное, серьезное, съ неподвижными, тяжелыми взглядомъ. Она боялась спросить, чтѣ съ нимъ, не знала, о чемъ заговорить, и молча глядѣла въ окно кареты, чувствуя, что всю ее опутываетъ какая-то посторонняя сила, какое-то очарованье, и тягостное, и пріятное вмѣстѣ.

И когда онъ тихонько взялъ ея руку, она вся вздрогнула, какъ отъ электрическаго тока, и инстинктивно отняла руку.

— Вы меня боитесь?—сказалъ онъ и засмѣялся, но и смѣхъ его былъ не прежній, веселый и искренній, а какой-то искусственный и непріятный.

— Не боюсь, — съ усиленіемъ улыбнувшись, отвѣчала Милочка, — но я не привыкла видѣть васъ такимъ молчаливымъ... Вы такъ много говорили въ уборной,—разскажите и мнѣ что-нибудь.

— Разсказать вамъ? — будто машинально повторилъ онъ... Я забылъ все, чтѣ знаю... Я помню только одно, что сейчасъ мы пріѣдемъ, и я не успѣю сказать вамъ всего, чтѣ чувствую. Но поймете ли вы меня, поймете ли и простите ли? вотъ чего я не знаю.

Онъ снялъ съ головы мѣховую шапку, распахнулъ пальто, точно ему вдругъ стало душно, и, откинувшись вглубь сидѣнья, на минуту закрылъ глаза.

Когда онъ открылъ ихъ, онъ встрѣтилъ взглядъ дѣвушки, изумленный и недоумѣвающий.

И этотъ дѣтски-чистый взглядъ въ одно мгновенье усмирилъ въ немъ вспыхнувшую страсть, и въ глубинѣ его души зазвѣли самыя тонкія и нѣжныя струны.

Глаза его засвѣтились мягкимъ свѣтомъ и, положивъ руку на сложенные на колѣняхъ руки дѣвушки, онъ сказалъ своимъ прежнимъ дружескимъ тономъ:

— Не бойтесь... Я больше не буду такимъ, я не хочу васъ пугать. Ахъ, если бы вы знали, какъ я тосковалъ безъ васъ,

какъ мнѣ все казалось скучнымъ и ненужнымъ, потому что мнѣ не свѣтила ваша улыбка. А вы—вы вспоминали обо мнѣ?

Милочка подняла на него свои правдивые глаза.

— Да,—тихо сказала она.

Онъ крѣпко сжалъ ея руку и, повторяя какъ въ бреду:— Солнце мое, радость моя, жизнь моя! — все ближе наклонился къ ней, не отрывая отъ нея жаднаго, восторженнаго взгляда.

Вдругъ онъ точно спохватился, поднялъ голову и прикрылъ глаза рукой.

— Послушайте, вѣдь это странно!—заговорилъ онъ, отнявъ руку и взглянулъ на нее потухшимъ, задумчивымъ взглядомъ.— Вотъ теперь у меня такое чувство, какъ будто вся моя прежняя жизнь была только сномъ, длиннымъ, скучнымъ, безсвязнымъ сномъ, — но пришли вы, тихонько постучались въ мою душу, улыбнулись и сказали: „Проснись и взгляни на меня!“—Вы не смѣетесь?—вдругъ прервалъ онъ самого себя, почти робко глядя на дѣвушку.

Нѣтъ, она не смѣялась... Ей было такъ понятно все, что онъ говорилъ. Развѣ ея собственная жизнь не была тѣмъ же сномъ, невиннымъ, безмятежнымъ дѣтскимъ сномъ, пока не пришелъ онъ и не разбудилъ въ ней цѣлый міръ грезъ и чувствъ.

А онъ продолжалъ говорить:

— Знаете, еще до сегодняшняго вечера я не понималъ себя, и свою апатію, свою тоску считалъ усталостью, переутомленіемъ; но когда сегодня я неожиданно увидалъ васъ, я понималъ, чего мнѣ недоставало. Въ моей безалаберной, цыганской жизни всегда не хватало этого чистаго, ровнаго свѣта, этой мягкости, душевнаго изящества, котораго такъ много въ васъ. Вѣдь вы еще дѣвочка, ребенокъ, вы сами не знаете, какую чудную женщину можно сдѣлать изъ васъ, женщину и артистку, потому что и талантъ вашъ развернется во всю ширину съ развитіемъ души.

И онъ говорилъ ей то же, что твердили ей подруги-институтки, товарищи по пѣнію и ухаживавшая за нею молодежь.

Но она не смѣялась, не возмущалась.

Свѣтлое божество, торжествуя, взлетало въ свое заоблачное царство, оставивъ въ трепетавшемъ сердцѣ одну изъ своихъ невидимыхъ отравленныхъ стрѣлъ.

Кучеръ, наклонившись съ козелъ кареты, что-то говорилъ имъ въ полузамерзшее стекло.

Кадминъ пріотеръ дверцу.

— Нумеръ, ты говоришь? Двадцатый, братецъ, какъ же ты

не спросилъ раньше? Да вотъ что, послушай,—намъ еще немного рано туда—понимаешь? Поверни-ка къ Адмиралтейству, а оттуда ужъ поѣдешь куда слѣдуетъ,—понялъ?

— Что это значитъ? — съ неопредѣленнымъ безпокойствомъ спросила Милочка, когда Кадминъ, захлопнувъ дверцу, сѣлъ на прежнемъ мѣстѣ.

— Не сердитесь, голубчикъ, — вѣдь это пустяки, четверть часа лишнихъ. А я не могу сейчасъ разстаться съ вами... Вѣдь тамъ опять мы будемъ въ толпѣ, и всѣ будутъ слѣдить за нами. Я скажу, что кучеръ перепуталъ адресъ!

Милочка недовольно покачивала головой, но при послѣднихъ словахъ невольно разсмѣялась: и въ концертъ она опоздала по той же причинѣ,—ну, ужъ пусть за все отвѣчаетъ безтолковый кучеръ.

— Вотъ такъ-то лучше!—обрадованно сказалъ Кадминъ.— Будьте смѣлѣе, не бойтесь переступить за черту свѣтскихъ приличій. Отъ злословья людского я васъ сумѣю защитить. Вы замѣтили, что я нарочно не подходилъ къ вамъ во второмъ отдѣленіи, чтобы успокоить подозрѣнія Рокотовой. Пусть никакая сплетня не коснется васъ, пусть жизнь дастъ вамъ только радость и избавить васъ отъ всего дурнаго, злого и печальнаго...

— Зачѣмъ? — невольно вырвалось у Милочки.— Я не хочу прятаться отъ жизни, я знаю, что она даетъ не одну радость, но пусть будетъ, что будетъ,—я не боюсь.

Въ рамѣхъ бѣлаго платка ея розовое круглое личико улыбалось самонадѣянной и вызывающей улыбкой молодости, вдругъ сознавшей свои силы и готовой помѣряться ими съ самой судьбой.

Кадминъ съ восторгомъ смотрѣлъ на нее.

Одна миловидная внѣшность не могла бы такъ увлечь его, опытнаго и уже разочарованнаго волокиту. Но за этой внѣшностью сдержанной свѣтской барышни было что-то такое, что онъ пока еще только угадывалъ, былъ цѣлый міръ нетронутой дѣвственно-чистой души, пока еще гордой и замкнутой, но общавшей тому, кто ее откроетъ, цѣлое море любви.

И какъ новый Фаустъ, онъ ждалъ пробужденія своей Маргариты, чтобы первому упиться распцвѣтомъ нѣжнаго цвѣтка.

Но вдругъ его нервное лицо затуманилось.

Онъ нагнулся къ дѣвушкѣ, взялъ ея руки въ обѣ свои и сказалъ, умоляя:

— Боже мой, сейчасъ мы приѣдемъ, и опять надо будетъ надѣть маску, смѣяться и говорить, когда мнѣ хотѣлось бы только одного: быть съ вами и глядѣть на васъ... Скажите же,

когда мы увидимся? Вѣдь я къ вамъ не могу пріѣхать? Я, знаете, однажды былъ уже у подъѣзда вашего дома, — думалъ о васъ и самъ не знаю, какъ — пришелъ, но не посмѣлъ войти. Что сказали бы вашъ отецъ, сестра... Но гдѣ же мы можемъ увидѣться, — говорите, назначьте сами!

Руки дѣвушки холодѣли въ его рукахъ.

Она такъ смѣло шла навстрѣчу жизни, и жизнь кинула ей вызовъ:

„А, ты ничего не боишься... Ну, попробуй, иди!“

— Голубка, родная моя, не бросайте меня!.. Я не понимаю, какъ я могъ жить безъ васъ цѣлый мѣсяцъ, я не могу, не могу не видѣть васъ!..

Онъ наклонился и сталъ цѣловать ея руки, безвольно, покорно лежавшія въ его рукахъ.

— Не надо, — шепнула она и сдѣлала движеніе отнять руки.

Отъ этого движенія крючокъ ея ротонды распахнулся, и ротонда соскользнула съ плечъ, увлекая за собой и платокъ съ головы.

— Пойдите, — вы такъ простудитесь! — сказалъ Кадминъ и, поднявъ ротонду, хотѣлъ накинуть ее на дѣвушку, но едва его руки коснулись ея нѣжныхъ, обнаженныхъ плечей, какъ вся сдержанность покинула его, и, крѣпко обнявъ ее одной рукой, онъ — другой запрокинулъ назадъ ея голову, покрывая ея лицо, волосы и плечи жадными, торопливыми поцѣлуями.

— Пустите, пустите сейчасъ же! — услышалъ онъ гнѣвный, страстный шопотъ.

Онъ опомнился, взглянулъ затуманенными страстью глазами и... поразился.

Неужели передъ нимъ была та самая розовая, довѣрчиво улыбавшаяся дѣвушка?

Гнѣвъ, возмущеніе, презрѣніе блестѣли въ глазахъ и измѣняли лицо до неузнаваемости.

Забывая собственные чувства, онъ, какъ артистъ, любовался ею и думалъ невольно:

„Какая чудная мимика!“

— Такъ-то вы меня уважаете? — тихо, съ горечью сказала она.

Онъ молчалъ. Невольное чувство самосохраненія подсказывало ему, что если въ эту минуту онъ не сумѣетъ защитить себя, — она никогда не проститъ ему грубаго насилія надъ неокрѣпшимъ еще чувствомъ и не вернется къ нему.

Онъ провелъ рукой по своимъ густымъ, спутаннымъ волосамъ, приводя ихъ въ порядокъ, и сказалъ самымъ простымъ и естественнымъ тономъ:

— Да, я васъ уважаю... Вы для меня все, что есть чистаго, свѣтлаго, нѣжнаго и изящнаго на землѣ. Вы для меня мать, сестра, другъ, но и... женщина тоже. Что вы отъ меня хотите? Развѣ я могу остаться безчувственнымъ истуканомъ передъ вашей молодостью и прелестью... Я—артистъ, я привыкъ выражать свои чувства, а не прятать ихъ въ самомъ себѣ... Но, если я васъ обидѣлъ, если вы судите иначе—простите меня; вѣрьте я никогда еще въ жизни не относился къ женщинѣ съ такимъ уваженіемъ, какъ теперь къ вамъ, и вы это поймете, когда вы сами станете настоящей женщиной. .

Да, когда она станетъ женщиной... Но, вѣрно, до этого еще далеко... Ея лицо и плечи еще горѣли отъ жаркихъ поцѣлуевъ, но въ душѣ было смутно и тоскливо. Гдѣ-то въ глубинѣ ея души жила, притаившись, грѣза чистой, свѣтлой, глубокой любви, и теперь, осмѣянная, съ разорваннымъ покрываломъ, она съ упрекомъ смотрѣла на дѣвушку грустными очами и тихо шептала:

— Развѣ это то, о чемъ мы съ тобой мечтали?

Гдѣ же то нѣжное, радостное чувство, которое влекло ее къ этому человѣку?

Съ возбужденнымъ лицомъ и странно горящими глазами—онъ ей чуждъ, чуждъ и непріятенъ...

Карета остановилась у подъѣзда дома, гдѣ жила Марья Дмитриевна.

Милочка нѣскоро накинула платокъ, застегнула крючокъ ротонды и первая вышла на улицу.

Поднимаясь по широкой лѣстницѣ, уставленной цвѣтами и зеркалами, она мелькомъ взглянула на себя въ большое трюмо и съ облегченіемъ убѣдилась, что прическа только чуть-чуть растрепалась, а остальное все въ порядкѣ... Но все же, какъ стыдно, ахъ, какъ стыдно будетъ смотрѣть въ глаза людямъ! Даже идти не хочется,—взяла бы и убѣжала домой!

За ней, задумчивый и непривычно молчаливый, поднимался Кадминъ.

— Ну, наконецъ-то! — сказала Марья Дмитриевна, выходя навстрѣчу имъ въ переднюю: — А я ужъ начала беспокоиться, не случилось ли чего? Опять кучеръ перепуталъ?

— Нѣтъ, ужъ на этотъ разъ я самъ виноватъ,—спокойно отвѣчалъ Кадминъ: — велѣлъ ѣхать на Итальянскую, а не сва-

залъ, на какую: онъ привезъ на Большую,—пришлось возвращаться.

Марья Дмитріевна пристально взглянула въ глаза Милочкѣ, но въ эту минуту новый гость отвлекъ ея вниманіе.

— А, Петя, вотъ молодчинище!—весело воскликнулъ Кадминъ, обращаясь къ высокому, плотному господину въ медвѣжьей шубѣ и теплой шапкѣ, входившему въ переднюю.—А я боялся, что ты надуешь—не пріѣдешь!

— Ну, и скучища! — низкимъ пріятнымъ басомъ отозвался вновь прибывшій:—да вѣдь надо же было эту Миронову захватить на самый конецъ... Вашу ручку, премногоуважаемая!—прибавилъ онъ, освободившись отъ шубы и прикладываясь къ рукѣ хозяйки.

— Ну, что же, какова?—съ любопытствомъ спросила Марья Дмитріевна.

— Не спрашивайте лучше! — безнадежно махнувъ рукой, мрачно отозвался гость и, обращаясь къ Кадмину, прибавилъ уже инымъ тономъ:—Ну-ка, братъ, представь меня m-lle Ларионовой; хочу наговорить ей тысячу комплиментовъ.

— Не много ли? — съ невольной улыбкой, протягивая ему руку, сказала Милочка, въ то время какъ Кадминъ представлялъ его:

— Петръ Михайловичъ Петровъ, антрепренеръ оперы и мой старинный пріятель.

— А, такъ вы такъ? Ну, такъ слушайте же сущую правду!—закричалъ Петровъ, сдвигая густыя черныя брови и дѣлая такіе грозные глаза, что у дѣвушки невольно вытянулось лицо.

Марья Дмитріевна засмѣялась, ласково поглядывая на Милочку.

— Ага, струсила!—сказала она.

— Вы давали только одну треть голоса: это—разъ,—сказалъ Петровъ, загибая толстый палецъ на одной рукѣ и все такъ же строго смотря на Милочку;—вы совершенно скомкали послѣднюю гамму: это—два, и возмутительно струсили: это—три. И еслибы я не зналъ толкъ въ дебютанткахъ, я бы сказалъ, что вы ничего не стоите, но...—онъ сдѣлалъ выразительную паузу и прибавилъ:—у васъ чудный, прямо рѣдкій тембръ голоса и бездна изящества... Бросьте вы своего Себастьяни, который, между нами говоря, гроша ломаного не стоитъ, подите къ Шапошникову—я вамъ дамъ свою карточку, — и черезъ два года, черезъ годъ даже вы не узнаете своего голоса.

— Дѣло принимаетъ серьезный оборотъ,—и вамъ, господа,

удобнѣе будетъ объясниться въ гостиной, — съ шутивой улыбкой вѣшалась Марья Дмитріевна и, взявъ Милочку подъ-руку, прошла съ нею впередъ.

Мужчины остались разговаривать въ передней.

Всѣ гости были уже въ сборѣ. И въ большой гостиной, и въ смежной съ ней — маленькой, шелъ оживленный разговоръ, слышались смѣхъ и отдѣльныя громкія восклицанія.

Вся заставленная мягкой, удобной мебелью, освѣщенная электрическими лампами, затемненными красивыми абажурами, со множествомъ картинъ и изящныхъ гравюръ по стѣнамъ и на столахъ и столикахъ, квартира Марьи Дмитріевны какъ-то сразу располагала къ себѣ всякаго, кто только въ нее входилъ... А гости бывали у нея часто: приходили и днемъ, и вечеромъ, но свободное многолюдное общество собиралось у нея по пятницамъ, которыя въ артистическомъ мірѣ получили даже названіе „Арнольдовскихъ пятницъ“.

Въ молодости Марья Дмитріевна поражала знатоковъ громаднымъ, гибкимъ, удивительно красивымъ голосомъ, которымъ она владѣла съ большимъ искусствомъ. Училась она и въ Россіи, и за границей, и, несомнѣнно, могла бы быть украшеніемъ любой большой сцены, еслибы она пожелала стать профессиональной пѣвицей; но, по собственному признанію, ее совершенно не прельщала перспектива нарядиться въ мишурныя тряпки, крикаться и пѣть передъ чужой, равнодушной толпой. Злые языки утверждали, что съ такой наружностью, при такомъ ростѣ и толщинѣ, трудно было даже съ ея голосомъ рассчитывать на большой успѣхъ, и потому Марья Дмитріевна благоразумно предпочла не пробовать. Можетъ быть, это было и такъ, но во всякомъ случаѣ скромность только дѣлала ей честь, и, ограничивъ себя тѣснымъ кругомъ настоящихъ цѣнителей, знатоковъ и любителей искусства, она безъ борьбы и сореboванія заняла въ немъ принадлежащее ей по праву мѣсто.

Марья Дмитріевна была замужемъ за очень извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей профессоромъ, совершенно ушедшимъ въ свою спеціальность и отъ времени до времени выпускавшимъ въ свѣтъ толстыя книжки своихъ сочиненій, которыя всегда возбуждали въ ученомъ мірѣ оживленную полемику, столько же удивляя громадной эрудиціей и блестящимъ остроуміемъ гипотезъ, сколько поражая шаткостью основныхъ положеній и предвзятостью мнѣній.

Но для гостей Марьи Дмитріевны мужъ ея былъ чѣмъ-то вродѣ тѣни предка въ какомъ-нибудь рыцарскомъ замкѣ. На

самомъ видномъ мѣстѣ въ большой гостиной висѣлъ прекрасный портретъ профессора, а въ альбомахъ, на этажеркахъ и на столикахъ то-и-дѣло попадались на глаза его карточки, цѣлая коллекція фотографій, собранныхъ съ самаго дѣтства и до послѣднихъ дней; а когда Марья Дмитріевна произносила слова: „мой мужъ“, ея доброе, скромное и простодушное лицо вдругъ исполнялось чувствомъ собственного достоинства, она какъ-то совершенно невольно вскидывала еверху голову, и собесѣднику ея, не имѣвшему счастья быть знакомымъ съ этимъ мужемъ, становилось совершенно ясно, что этотъ таинственный хозяинъ — личность необыкновенная, — по крайней мѣрѣ, въ глазахъ своей жены.

Предоставивъ Марьѣ Дмитріевнѣ полную свободу дѣйствій, мужъ ея выговорилъ себѣ право никогда не появляться въ ея гостиной, когда тамъ были гости, и для Марьи Дмитріевны не было тайной, что всѣхъ артистовъ по профессіи онъ считалъ людьми пустыми, тщеславными и совершенно лишенными этического развитія.

Не соглашаясь съ нимъ и только въ этомъ единственномъ пунктѣ позволяя себѣ усомниться въ его авторитетности, Марья Дмитріевна вела себѣ свою линію, и ея пятницы годъ отъ году становились все оживленнѣе и многолюднѣе.

Въ послѣдніе годы она уже почти не принимала участія въ ансамбляхъ и больше хлопотала въ столовой съ чаемъ, а потомъ слѣдила за приготовленіями къ ужину, не отличавшемся изысканностью блюдъ, но всегда обильному и вкусному. Только покончивъ съ хозяйственными хлопотами, она выходила къ гостямъ, и ни одинъ не уходилъ изъ ея дома, не обласканный добрымъ, участливымъ словомъ.

Пользуясь своими знакомствами, Марья Дмитріевна охотно составляла протекцію начинающимъ пѣвцамъ, музыкантамъ и художникамъ, и часто, получивъ мѣсто гдѣ-нибудь въ провинціи или уѣхавъ для усовершенствованья за границу, они возвращались черезъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ уже крупными людьми и съ чувствомъ благодарности снова появлялись въ гостеприимномъ домѣ Марьи Дмитріевны.

Всякій находилъ у нея то, чтѣ ему было болѣе по вкусу.

Кто хотѣлъ быть только молчаливымъ наблюдателемъ, — присаживался къ одному изъ столовъ, заваленному журналами, русскими и иностранными, художественными альбомами и гравюрами; кто искалъ интимнаго разговора, — уединялся въ одинъ изъ уютныхъ уголковъ, заставленныхъ жардиньерками или кад-

ками съ громадными комнатными растеніями; наконецъ тѣ, которые желали принять участіе въ пѣніи, игрѣ, декламаціи или просто разговорѣ,—присоединялись къ центральной группѣ и размѣщались на диванахъ и диванчикахъ около рояля.

Въ пятницу гости собирались къ Марьѣ Дмитріевнѣ безъ всякаго приглашенія, но сегодня хозяйка устраивала ужинъ только для участвовавшихъ въ концертѣ или такъ или иначе причастныхъ къ нему, и потому число ихъ было ограничено.

Войдя въ гостиную, Милочка прежде всего увидѣла Рокотову, небрежно развалившуюся въ креслѣ; закинувъ ногу на ногу, она выставляла на показъ маленькія, точенныя, изящныя ножки въ голубыхъ атласныхъ туфелькахъ. Около нея на тумбочкѣ сидѣлъ художникъ и, покачиваясь корпусомъ впередъ и назадъ, рассказывалъ ей что-то тягучимъ и фатоватымъ тономъ, небрежно роняя слова.

— Хотите—па-а-ри, что при-детъ!—долетѣла до нея громко сказанная фраза.

Она невольно оглянулась: художникъ и Рокотова съ улыбкой смотрѣли на нее. Милочка покраснѣла и отвернулась, инстинктивно понявъ, что рѣчь шла о ней.

— Ну, моя дорогая, я пройду въ столовую,—сказала Марья Дмитріевна, подведя ее къ центральной группѣ у рояля, гдѣ дѣвушку сейчасъ же подхватила экспансивная арфистка и усадила около себя на диванѣ.

Убѣдившись, что всѣ гости пристроены и временно не нуждаются въ ея присутствіи, Марья Дмитріевна прошла черезъ столовую въ другую половину квартиры, совершенно отдѣленную отъ первой широкимъ и длиннымъ корридормъ: здѣсь были комнаты хозяина дома. Дверь налѣво вела въ огромную, мрачную комнату, всю заставленную высокими, чуть не до потолка, полками съ книгами въ одинаковыхъ темныхъ переплетахъ. Здѣсь не было никакой мебели, кромѣ высокой лѣстницы для доставанья книгъ съ верхнихъ полокъ. Дверь направо вела въ кабинетъ профессора.

Остановившись у этой двери, Марья Дмитріевна осторожно постучалась въ нее.

— Можно къ тебѣ?

— Пожалуйста, пожалуйста! — отозвался изъ глубины комнаты негромкій мужской голосъ.

Марья Дмитріевна открыла дверь и вошла въ комнату.

За большимъ письменнымъ столомъ, въ глубокомъ, удобномъ креслѣ, сидѣлъ мужчина лѣтъ сорока-пяти. Голова его была откинута на спинку кресла, и свѣтъ отъ лампы ярко освѣщалъ его высокій, бѣлый, нѣжный лобъ съ откинутыми назадъ темнорусыми съ просѣдью волосами. Большіе глаза, полные внутреннего огня, крупный носъ и ротъ придавали его лицу опредѣленность и выразительность.

Марья Дмитріевна, неслышно ступая по мягкому ковру, подошла къ мужу и, наклонившись, поцѣловала его въ лобъ.

— Все работаешь? — спросила она, и въ голосѣ ея зазвѣнѣла почти материнская нѣжность.

— Нѣтъ, сейчасъ отдыхалъ... Усталъ какъ-то сегодня. Сядь, Маша, я соскучился безъ тебя.

— Голубчикъ, не могу! — испуганно и виновато отвѣчала Марья Дмитріевна: — сегодня у меня ужинъ, я вѣдь тебѣ говорила... Въ концертѣ всѣ пѣли даромъ, сборъ полный, — надо было непременно устроить ужинъ для артистовъ.

— Да, да, я забылъ... — отвѣчалъ мужъ, и чуткое ухо Марьи Дмитріевны уловило въ тонѣ его голоса легкую досаду и разочарованіе.

Онъ провелъ по лицу тонкой, красивой рукой, словно стряхивая съ себя усталость и тоску, и тихо выговорилъ:

— Ну, иди-себѣ, Маша! Я вижу, ты торопишься.

Марья Дмитріевна очень любила, когда у нея собирались гости, но сегодня она съ самаго утра была въ волненіи и хлопотахъ, — а здѣсь было такъ тихо и уютно! Въ глубинѣ комнаты стоялъ хорошенькій диванчикъ, столъ и нѣсколько удобныхъ креселъ. Это былъ ея собственный уголокъ, гдѣ она проводила все свободное время, и мужъ, очевидно, поджидая ее, зажегъ стоявшую на столѣ лампу. Онъ не разъ говорилъ ей, что ея присутствіе даетъ ему особенную ясность мысли, и, несмотря на то, что она была полнымъ профаномъ въ его наукѣ, онъ неизмѣнно посвящалъ ее во всѣ планы своихъ будущихъ работъ, прочитывалъ написанныя главы, и, что всего удивительнѣе, она иногда дѣлала очень остроумныя замѣчанія.

Марья Дмитріевна дорого дала бы, чтобъ провести сегодняшній вечеръ съ мужемъ, но это было невозможно, и она отвѣчала ему съ искреннимъ огорченіемъ:

— Милый мой, мнѣ такъ жаль отъ тебя уходить! Я сама отъ усталости еле держусь на ногахъ, но что же дѣлать? Зато мѣсяца на три можно быть спокойной за участь нашихъ сиротокъ, а тамъ опять что Богъ дастъ!

Она говорила о приютѣ для нищенокъ-дѣвочекъ, который она, съ помощью еще одной знакомой дамы, открыла всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и въ пользу котораго устраивала свой концертъ.

Онъ взглянулъ ей въ лицо и, взявъ ея руку, нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

Для него не существовала ея наружность. Проживъ съ ней почти двадцать лѣтъ, онъ не зналъ достоверно, какого цвѣта у нея глаза и волосы, красива она или некрасива; онъ никогда не замѣчалъ, какъ она одѣта, но, глядя въ ея глаза, видѣлъ просвѣчивавшую сквозь нихъ душу. И когда онъ уставалъ отъ своихъ ученыхъ занятій, когда на него находили сомнѣнья въ цѣлесообразности и необходимости всего того, на что онъ положилъ всю свою жизнь, онъ любилъ слушать ея голосъ, говорившій ему о самыхъ простыхъ, обыденныхъ вещахъ и открывавшій въ его душѣ доступъ простымъ и несложнымъ чувствамъ. Близость этого дорогаго ему и любящаго его существа, жившаго бокъ о бокъ съ нимъ своей особенной, совершенно непохожей на его дѣятельность жизнью, вносила гармонію въ его черезчуръ удаленную отъ всякой житейской суеты, черезчуръ отвлеченную жизнь.

— Ну, что же, удался концертъ? — спросилъ онъ, желая выказать вниманье къ женѣ.

— Чудно все сошло! — съ увлеченьемъ отвѣчала она: — биссировали всѣ безъ конца.

— И всѣ пріѣхали? — еще спросилъ онъ.

— Да, всѣ... Можетъ быть, ты выйдешь? Сегодня совсѣмъ мало народу... — съ робкой надеждой въ голосѣ прибавила Марья Дмитріевна. — И Милочка Ларіонова пріѣхала. Помнишь, я тебѣ про нее рассказывала? Мы когда-то учились пѣнью вмѣстѣ съ ея матерью. Я ее страшно любила, бѣдняжку, а вотъ теперь случай свелъ меня съ дочерью... Но какъ она похожа на мать, это просто удивительно! И голосъ! Но только у матери былъ гораздо сильнѣе, — а тембръ тотъ же. И такая прелестная, мленькая, воспитанная...

Марья Дмитріевна хотѣла еще что-то прибавить, но только вздохнула: у нея никогда не было дѣтей, и всякая молоденькая дѣвушка, которая ей правилась, пробуждала въ ней чувство материнской нѣжности и сожалѣнья о томъ, что у нея нѣтъ такой дочери.

Нервнымъ жестомъ онъ опять провелъ рукой по лицу.

Нѣтъ, положительно, это — переутомление.

Сегодня каждое слово жены вызывало въ немъ какое-то необъяснимое раздраженіе... Именно сегодня она была ему такъ нужна! Онъ больше не могъ работать одинъ въ своемъ уединенномъ кабинетѣ. Вокругъ себя и особенно отчетливо за спиной онъ ощущалъ чье-то физическое присутствіе, чей-то внятный, насмѣшливый голосъ шепталъ ему въ уши; ему было стыдно своей слабости, но преодолѣть ея онъ не могъ, и только присутствіе жены могло бы разсѣять призраки и успокоить расхолодившіеся нервы. Въ такіе дни хандры и утомленія онъ иногда выходилъ въ гостиную, садился въ укромный уголокъ и слушалъ. Въ такіе дни онъ понималъ музыку и любилъ ее, и когда гости шумной гурьбой шли въ столовую, онъ незамѣтно удалялся къ себѣ, спокойный и умиротворенный.

Марья Дмитріевна понимала состоянье мужа и, положивъ ему на голову маленькую теплую руку, сказала ласково, просительно глядя ему въ глаза:

— Никола, голубчикъ, выйди туда!

Но онъ тихонько отстранилъ эту руку, и съ неожиданной для себя рѣзкостью выговорилъ:

— Ты такъ ее хвалишь, такъ восторгаешься... Зачѣмъ же ты сводишь ее съ этой бандой шутовъ и шалопаевъ? Развѣ нѣтъ для нея другого общества, болѣе подходящаго?

Марья Дмитріевна, ошеломленная этимъ тономъ, не сразу даже поняла, о комъ идетъ рѣчь, и во всѣ глаза смотрѣла на мужа, но потомъ всплеснула руками и горестно воскликнула:

— Я свою? Банда шалопаевъ? Побойся Бога, Никола, что ты говоришь? Вѣдь она готовится на сцену, ей нужны эти знакомства, — повѣрь, что она мнѣ только благодарна!

Онъ сейчасъ же устыдился своей грубости. Можетъ быть, жена права. Что онъ понимаетъ въ житейскихъ отношеніяхъ, онъ — ученый, зарывшійся въ свои книги и загородившій себя ими отъ всего внѣшняго міра?!

Не глядя на нее, онъ сказалъ:

— Прости, Маша, я усталъ... Не обращай вниманья на мои слова. Иди себѣ, голубушка.

Она, все еще сохраняя горькое чувство обиды и непониманья, нагнулась, машинально дотронулась губами до его лба и молча вышла изъ комнаты.

Пройдя въ столовую, Марья Дмитріевна опытнымъ взглядомъ хозяйки окинула большой, изящно сервированный столъ, вздохнула, взглянула въ зеркало на свое усталое, раскраснѣвшееся

и печальное лицо и, позвонивъ дѣвушку, велѣла сказать повару, что сейчасъ будутъ садиться ужинать.

Потомъ она прошла въ гостиную и съ привѣтливой, радужной улыбкой стала приглашать своихъ гостей.

Милочка взяла подъ-руку сидѣвшую рядомъ съ ней Славскую и, заглядывая ей въ глаза, сказала ей:

— Пожалуйста, сидемъ вмѣстѣ.

— Отлично, сидемъ, — отвѣчала Славская; но когда онѣ встали съ дивана и пошли подъ-руку въ столовую, она нагнулась къ ней поближе и, пристально глядя ей въ лицо, сказала съ лукавой улыбкой:

— А развѣ вы не боитесь соскучиться въ моемъ обществѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала Милочка, крѣпче прижимая къ себѣ ея руку: — безъ васъ я бы чувствовала себя здѣсь совершенно одинокой; я чувствую, что вы меня понимаете, а съ другими мнѣ неловко, — я не знаю, что говорить, какъ держаться.

Славская ничего не отвѣчала на это признаніе, но въ ея умныхъ, внимательныхъ глазахъ засвѣтилась искренняя симпатія и еще какое-то другое чувство, похожее на сожалѣніе...

— Нѣтъ, нѣтъ, mesdames, такъ нельзя! — запротестовала Марья Дмитріевна, увидѣвъ ихъ рядомъ за столомъ. — Пусть дамы сидятъ между кавалерами, а то это совсѣмъ не порядокъ.

И Милочка очутилась между Петровымъ и художникомъ.

Оглянувъ сидѣвшихъ за столомъ, она увидѣла напротивъ себя Кадмина рядомъ съ Рокотовой. Подлѣ Марьи Дмитріевны сидѣлъ актеръ-комикъ, а на противоположномъ концѣ стола раскраснѣвшаяся, миловидная арфистка изо всѣхъ силъ старалась расшевелить своего молчаливаго сосѣда, Ковалевскаго.

Мужчины принялись за закуску и водку; не отставали отъ нихъ и дамы, — Рокотовъ и арфистка выпили, не поморщившись, по двѣ рюмки, и даже Славская не отказалась отъ одной; не пила только Милочка.

— Ничего, научитесь со временемъ, — утѣшалъ ее Петровъ, — безъ этого нашему брату-артисту невозможно: послѣ затраты силъ нужна встряска. Только, конечно, всякому голосу своя мѣра. Сопрано и тенора должны побережся, — это ужъ понятно...

Онъ выпилъ четвертую рюмку и, несмотря на протесты своей дамы, налилъ ей въ стаканчикъ бѣлаго вина и наложилъ на тарелочку икры.

Угощая ее, онъ не переставалъ спрашивать ее, давно ли

она учится, какія оперы прошла, думаетъ ли о сценѣ, и въ какой партіи хотѣла бы дебютировать.

— Слушайте, барышня, — вдругъ сказалъ онъ серьезно:— судя по всему, я вижу, что вы совершенно готовы; теперь вамъ у Себастьяни нечего дѣлать; высшая школа—это сцена. Идите въ мою труппу, и я изъ васъ сдѣлаю законченную артистку...

Милочка съ удивленіемъ подняла на него глаза.

— Что вы такъ смотрите? Думаете—шучу? Ей Богу же, говорю серьезно. Вотъ, весной приѣду набирать труппу, тогда и заключимъ контрактъ... Вотъ и Кадминъ общалъ мнѣ.

— Какъ? Что такое? Кадминъ? — вдругъ виѣшалась Рокова, все время внимательно прислушивавшаяся къ разговоръ.

Всѣ обернулись, съ любопытствомъ ожидая, что отвѣтитъ Кадминъ, и стараясь понять, о чемъ шла рѣчь.

Кадминъ съ спокойной улыбкой оглянулъ столъ и отвѣчалъ весело:

— Э... надобѣль мнѣ вашъ Петербургъ! Изъ катарровъ не выхожу... Теперь ужъ дѣло подъ старость, надо беречь голосъ, того и гляди — сорвешься и останешься ни съ чѣмъ. А тамъ климатъ благодатный, съ горломъ никакихъ хлопотъ.

Всѣ разомъ заговорили, убѣждая, опровергая и доказывая.

Кадминъ только посмѣивался.

— Да что вы, господа, пристали?—говорилъ онъ.—Еще до весны далеко, двадцать разъ передумаю.

— Нѣтъ, братъ, шалишь!—остановилъ его Петровъ:—я ужъ такого бобра не выпущу,—давши слово—держись,—ты мнѣ на цѣлый годъ полный сборъ сдѣлаешь.

— Нашелъ, съ кѣмъ связываться!—неожиданно виѣшался актеръ-комикъ, до сихъ поръ серьезно о чемъ-то бесѣдовавшій съ своей сосѣдкой, Марьей Дмитриевной.—Да онъ не то что до весны, а до завтрашняго дня двадцать разъ передумаетъ. Да на кого же онъ здѣсь своихъ поклонницъ оставить? За нимъ что-ли онѣ побѣгутъ? Не выпускать, да и все... Нѣтъ, господа, вы его спросите, отчего онъ въ прошлый разъ простудился?—вдругъ, лукаво подмигнувъ Кадмину, прибавилъ онъ и закончилъ съ самой серьезной и негодующей миной:

— У него поклонницы старыя калоши на память украли!

Лицо его и голосъ дышали такой убѣдительностью и вѣрою въ то, что онъ говорилъ, что невозможно было удержаться отъ смѣха.

— Ну, вотъ! не вѣрите, спросите его,—самъ мнѣ рассказывалъ...

Кадминъ весело смѣялся, покачивая головой, но не противорѣча.

„— Прихожу, говорить, одѣваться,—открытымъ, верадчимъ, пѣвучимъ звукомъ рассказывалъ актеръ,—ищу, ищу—нѣтъ моихъ калошъ! Что за оказія!—Матвѣй, говорю, ты что-ли ихъ спряталъ?

„— Никакъ нѣтъ, ваше-скородіе; барышни ихъ узяли, должно на память.

„— Что ты, говорить, чортъ, брешешь? Какія барышни? Надѣли онѣ ихъ что-ли?

„— Никакъ нѣтъ, говорить, не надѣли, а какъ онѣ были маненечко разорвавши, такъ онѣ ихъ по кусочкамъ розняли и по карманамъ попихали, пяточки только оставили,—вотъ, говорить, въ уголки стоятъ,—а вамъ, говорить, новенькія калошки прислали“...

Онъ помолчалъ съ секунду, сохраняя среди общаго смѣха свой невозмутимо-серьезный видъ, и затѣмъ продолжалъ:

— Да бѣда-то вотъ какая... Барышни калоши-то разорвали, а мѣрку-то позабыли снять. У божественнаго, думаютъ, и ножка божественная,—а у него лапочки-то благодатныя!

— Ну, и что-жъ? — сквозь смѣхъ спросила Марья Дмитриевна.

— Да на носокъ взшла, а дальше-то не полѣзла, — съ искреннимъ сокрушеніемъ отвѣчалъ актеръ и добавилъ съ широчайшей улыбкой:

— Теперь у него на каминѣ красуются,—самъ видѣлъ.

Кадминъ пересталъ смѣяться и взглянулъ на сидѣвшую противъ него Милочку.

Весь этотъ анекдотъ былъ рассказанъ съ такимъ неподражаемымъ комизмомъ и въ то же время такъ правдоподобно, что невольно мелькала мысль:

„А кто знаетъ? Можетъ быть, это и правда?“

И такъ забавно и живо представлялся Кадминъ, тщетно пытавшійся влѣзть въ презентованныя ему калоши, что дѣвушка отъ души смѣялась.

— Да ты спрашивалъ Матвѣя, кто такія? — вдругъ обратился актеръ къ Кадмину.

— Спрашивалъ!—отвѣчалъ тотъ, безнадежно махнувъ рукою.—Много отъ него узнаешь! — „Одна, говорить, усастая, а другая — носастая!“

Это неожиданное добавленіе вызвало новый припадокъ смѣха, и когда онъ стихъ, Петровъ снова обратился къ своей сосѣдкѣ:

— А вы, милая барышня, подумайте, подумайте о моемъ предложеніи. Я бы пріѣхалъ къ вамъ, мы выбрали бы оперы и вы бы ихъ хорошенько подготовили пока.

— Да я была бы страшно рада,—вырвалось у Милочки,— я вѣдь сама объ этомъ мечтала, но... отецъ ни за что меня не отпустить одну.

— Вотъ тебѣ и разъ!—насмѣшливо протянулъ Петровъ.— Что же вы всю жизнь дома просидите? Стоило тогда и учиться!

Съ другой стороны художникъ говорилъ ей подъ шумъ общаго разговора:

— У меня къ вамъ просьба, огромная просьба... Общайтесь, что вы ее исполните: для васъ это не составитъ никакого труда, а для меня страшно важно.

— Ну, въ чемъ же дѣло?—равнодушно спросила дѣвушка, разглядывая его красивое, тонкое лицо съ томнымъ взглядомъ и пухлымъ яркимъ ртомъ подъ бѣловатыми усами.

— Видите ли, я слышалъ васъ въ томъ концертѣ, гдѣ вы пѣли „Миньону“,—помните это?—„Connais-tu le pays?“—Вы были тогда въ голосѣ, въ ударѣ и пѣли прелестно. И знаете, я былъ пораженъ, до чего вы своимъ пѣніемъ и своей наружностью олицетворяли образъ „Миньоны“,—это прямо изумительно. И вотъ съ тѣхъ поръ меня преслѣдуетъ мысль написать съ васъ „Миньону“: еслибы вы только согласились!

Милочка вспыхнула. Ей льстила мысль быть моделью для картины такого крупнаго и талантливаго художника, но съ другой стороны—имѣть съ нимъ дѣло! Нѣтъ, есть въ немъ что-то противное и отталкивающее...

Художникъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Видите ли, я потому такъ смѣло обращаюсь къ вамъ, что вы—не обыкновенная накрахмаленная барышня, которая больше всего боится, какъ бы не измяли ея платья. Вы—совсѣмъ другое дѣло, вы—будущая артистка, и васъ не стѣснить придти одной въ квартиру художника. Чтò же тутъ такого? Не правда ли?

— Почему же одной?—спросила Милочка:—а съ сестрой нельзя?

— Нѣтъ, это—первое условіе... Я человѣкъ нервный, я не переношу посторонняго зрителя во время своей работы.

Это было правдоподобно, но что-то такое въ глазахъ и въ тонѣ голоса художника заставило дѣвушку насторожиться, и вдругъ въ ушахъ ея отчетливо прозвучала нечаянно подслушанная фраза:—Хотите пари, что придетъ?

„А! вотъ какъ! Пари. Нѣтъ, благодарю покорно!“

Въ ней вспыхнули гнѣвъ и гордость, но она пересилила себя и сказала спойкой, съ улыбкой:

— Благодарю васъ... Это очень лестно для меня, но я, къ сожалѣнію, самая обыкновенная барышня и боюсь, что отцу это не понравится.

— Ну, вотъ пустяки!—горячо возразилъ художникъ.—А вы его убѣдите... Увѣрю васъ, что ко мнѣ пріѣзжаютъ совершенно однѣ—барышни изъ лучшихъ семей, съ которыхъ я пишу портреты. Это вполне принято:

— Можетъ быть,—отвѣчала Милочка,—но у моего отца свои понятія о приличіи; я не всегда съ нимъ согласна, но пока я живу у него,—приходится съ нимъ считаться. А разубѣдить его—поздно...

— Очень жаль,—насмѣшливо и сухо возразилъ художникъ:—я думалъ, что вы смѣлѣе, самостоятельнѣе. Артистка должна стоять выше предразсудковъ и вычеркнуть изъ своего календаря рецепты обиходной морали. Только при полной свободѣ мысли и чувства возможно полное и гармоническое развитіе индивидуальности.

— Именно, именно!—вдругъ подхватилъ Петровъ, торопливо утирая салфеткой жирныя губы и всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ поворачиваясь къ дѣвушкѣ.

— Свобода и служеніе красотѣ,—вотъ наши главные принципы! Искусство, барышня, то же, что жена для мужа... Помните, что сказано? да оставить человѣкъ отца и мать... А вы вонъ говорите: „отецъ не позволить“. А своя-то воля? Каждый пусть себѣ идетъ своей дорогой и не мѣшаетъ другому! За ваше здоровье, барышня, и за нашу будущую дружбу!

Милочка подняла рюмку, чокаясь съ нимъ, и въ первый разъ разглядѣла его лицо. Онъ уже порядочно выпилъ, и въ глазахъ его поблескивали какіе-то непріятные огоньки. Черты были довольно правильны, пожалуй, даже красивы, но ихъ портитъ выраженіе хитроватости, чего-то такого „очень ужъ себѣ на умѣ“, внушавшаго недовѣріе даже такой неопытной наблюдательницѣ, какъ Милочка.

„И это лучший другъ Кадмина!“—невольно подумала дѣвушка и, отвернувшись отъ Петрова, взглянула черезъ столъ на своего vis-à-vis.

Кадминъ пристально смотрѣлъ на нее блестящими темными глазами.

Онъ почти ничего не ѣлъ и едва притрогивался къ стояв-

шимъ передъ нимъ рюкмамъ съ виномъ, ссылаясь на свою недавнюю болѣзнь, послѣ которой онъ все еще не могъ оправиться. И дѣйствительно, онъ казался блѣднымъ и утомленнымъ, и только глаза его, встрѣчаясь съ взглядомъ сидѣвшей противъ него дѣвушки, загорались глубокой, безпредѣльной нѣжностью.

И сладостно замирало довѣрчивое сердце, все шире и шире раскрываясь навстрѣчу новому ликующему чувству.

Цѣлый новый міръ открывался впереди: то, о чемъ она смутно мечтала въ тишинѣ своей дѣвичьей комнатки, чего безсознательно ждала, и то, къ чему сознательно, упорно стремилась, — явилось передъ нею точно по мановенію волшебнаго жезла: любовь и открытая дорога къ сценѣ, можетъ быть — къ славѣ...

За столомъ становилось все шумнѣе.

Актеръ-комикъ разошелся и сыпалъ анекдотами и сценками, отъ которыхъ въ столовой стоялъ непрерывный стонъ смѣха. Не отставалъ отъ него и Петровъ, изображавшій въ лицахъ различные комическіе случаи изъ театральнаго жизни.

— Довольно, бросьте, ой, не могу больше! — говорила Рокотова, усиленно обмахивая вѣеромъ свое разгоряченное лицо. — Ей-Богу, челюсти заболѣли отъ смѣху!

— Тостъ, господа, слышите, тсс... тостъ! — суетливо кричала арфистка, стараясь обратить общее вниманіе на художника, который стоялъ съ бокаломъ въ рукѣ, собираясь произнести рѣчь.

Всѣ примолкли и съ ожиданіемъ обернулись къ оратору.

Но художникъ вдругъ разсмѣялся и выговорилъ, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Марья Дмитріевна, въ сердцѣ своемъ сложилъ вамъ длинную и прочувствованную рѣчь, но, смущенный общимъ вниманіемъ, забылъ всѣ слова и хочу сказать только одно: выпьемте, господа, за здоровье нашей дорогой хозяйюшки, истинной артистки и цѣнительницы всего прекраснаго, душа которой, подобно Эоловой арфѣ, подвижной легчайшимъ движеніемъ вѣтра, отзывается нѣжнымъ звукомъ любви и жалости на едва уловимый стонъ страданья и печали...

— Браво! — одобрительно сказалъ баритонъ казенной оперы и, подражая публикѣ первыхъ рядовъ, сдѣлалъ видъ, что хлопаетъ въ ладоши. Другіе подхватили и зааплодировали громко, и, съ шумомъ отодвигая стулья, потянулись съ бокалами къ Марѣ Дмитріевнѣ.

Растроганная рѣчью, Марья Дмитріевна торопливо чокалась

направо и налѣво, вся сіяя улыбкой и успѣвая каждому прибавить какое-нибудь пожеланіе.

Когда всѣ снова усѣлись на свои мѣста, она встала и сказала своимъ звучнымъ, задушевымъ контральто:

— Благодарю васъ всѣхъ, господа, за отзывчивость и сочувствіе къ моей затѣѣ. Безъ вашей помощи все мое доброе желаніе ни къ чему бы не привело. Еще разъ благодарю и пью за здоровье всѣхъ моихъ дорогихъ гостей.

Опять съ шумомъ отодвинулись стулья. Мужчины, съ бокалами въ рукахъ, обходили столъ, чокаясь съ дамами.

„Какая добрая Марья Дмитриевна, — думала Милочка, — и какіе всѣ добрые, хорошіе и участливые! Вотъ всѣ пѣли даромъ для этихъ сиротокъ, а вѣдь они всѣ заняты, всѣ устаютъ“.

Кадминъ, подойдя съ бокаломъ къ Милочкѣ, шепнулъ ей:

— Устройте такъ, чтобы я проводилъ васъ домой, пожалуйста!

Въ первый разъ Милочка вспомнила о Ковалевскомъ и взглянула въ его сторону.

Барышня-арфистка усиленно занимала его, и онъ, видимо, старался быть любезнымъ, но какъ только она отворачивалась къ другому сосѣду, улыбка сбѣгала съ его лица, и ясно читались на немъ томленіе и скука.

„Бѣдняга! — съ невольнымъ сожалѣніемъ подумала дѣвушка, — вѣдь это онъ изъ-за меня сюда пріѣхалъ; онъ говорилъ мнѣ, что терпѣть не можетъ артистическихъ собраній своей тетки, а Марья Дмитриевна сказала папѣ, что онъ меня проводитъ“...

— Нѣтъ, не могу, — рѣшительно отвѣчала она: — мнѣ неловко передъ Марьей Дмитриевной, да и передъ нимъ...

— Пустяки какіе! — досадливо сказалъ Кадминъ. — Что онъ женихъ, что-ли, вашъ?

Милочка разсмѣялась.

Ужъ во второй разъ онъ задавалъ ей этотъ вопросъ и пылливо вглядывался въ нее, тревожно ожидая отвѣта.

— Я ужъ вамъ говорила, — начала она, испытывая острое желаніе немножко подразнить его: — нашъ хорошій знакомый и мой большой другъ!

— Этого вы мнѣ не говорили, — рѣзко сказалъ онъ, болѣзненно сдвигая брови; — но что онъ влюбленъ въ васъ, за это я ручаюсь! — и, обойдя Петрова, подошелъ чокнуться со Славской.

Милочка еще разъ съ улыбкой поглядѣла на Ковалевскаго: „влюбленъ въ нее, какой вздоръ!“ Вотъ ужъ годъ, какъ они знакомы, могла бы она что-нибудь замѣтить... Да онъ все больше съ Варей разговариваетъ, оба такіе серьезные, такъ подходятъ

другъ къ другу! Но она все же была довольна, что Кадминъ такъ ревниво оберегаетъ ее...

Ужинъ шелъ своимъ порядкомъ.

Уже подали двѣ огромныхъ пирамиды мороженаго, уже было произнесено множество тостовъ, и стаканчики усердно наполнялись виномъ...

Рѣчи становились все болѣе развязными, шутки и анекдоты — все болѣе откровенными.

Милочка начинала уже чувствовать неловкость, не зная, какъ держать себя среди взрывовъ дружнаго хохота по поводу какой-нибудь рискованной остроты. Но Кадминъ, чутьемъ угадывая ея состояніе, не только самъ не принималъ участія въ нескромныхъ разговорахъ, но все время, въ критическихъ мѣстахъ, поглядывалъ на дѣвушку дружески-ласковымъ взглядомъ, какъ бы уговаривая ее не смущаться и не придавать значенія такимъ пустякамъ...

Неловко чувствовалъ себя и Ковалевскій, все время нервно щипавшій усики и такъ разсѣянно отвѣчавшій своей сосѣдкѣ, что она наконецъ потеряла терпѣніе и, повернувшись къ нему спиной, обратила все свое вниманіе на сосѣда съ правой стороны.

Одна Славская сумѣла сохранить свой спокойный и невозмутимый видъ. Она мало говорила, но слушала внимательно, сдержанно смѣялась или посматривала вокругъ себя умнымъ, наблюдательнымъ взглядомъ. Видно было, что ей не по душѣ эта шумная, крикливая, черезчуръ развязная компанія, но она, какъ и Марья Дмитріевна, умѣла смотрѣть вглубь вещей, отдѣляя существенное и важное отъ мелкаго и наноснаго, а не предъявляя излишне строгихъ требованій.

Ужинъ тянулся долго, и отъ непривычнаго возбужденія и выпитаго бокала шампанскаго Милочка почувствовала головокруженіе и рѣзкую боль въ сердцѣ.

Когда послѣ ужина гости потянулись благодарить хозяйку, Марья Дмитріевна, взглянувъ на Милочку, испугалась ея блѣдности и, едва дождавшись конца церемоніи, ласково обняла дѣвушку за талію и повела за собою.

— Вамъ нужно прилечь, моя милочка, — заботливо сказала она, — я вижу, что вамъ дурно. Вы разстегните лифъ и полежите, пока не почувствуете себя лучше, а такъ я васъ боюсь отпустить.

Онѣ прошли черезъ гостиную въ небольшую смежную комнату, служившую Марьѣ Дмитріевнѣ будуаромъ и спальней и для этой цѣли раздѣленную тяжелой штофной портьерой на двѣ

половины. Маленькій голубой фонарикъ заливалъ мягкимъ, красивымъ свѣтомъ низенькую удобную мебель; пушистый коверъ и тяжелыя бархатныя портьеры заглушали долетавшіе звуки, и въ маленькой комнатѣ-бонбоньеркѣ было уютно и странно тихо послѣ шума въ столовой.

Слегка отодвинувъ поперечную портьеру, Марья Дмитріевна подвела дѣвушку къ стоявшей въ глубинѣ, у стѣны, широкой кровати изъ темнаго дерева съ высоко-взбитыми подушками, устроила ихъ поудобнѣе и помогла ей прилечь.

— Какая вы нѣжненькая, какая хрупонькая, совсѣмъ цвѣточекъ!—съ умиленіемъ и нѣжностью говорила она, любуясь дѣвушкой и въ то же время искренно жалѣя ее.—А еще хотите идти на сцену... Гдѣ же вамъ, такой нервной, слабенькой...

— Это ничего, пройдетъ,—у меня довольно силъ,—поблѣднѣвшими губами, съ усиленіемъ выговорила Милочка.

Марья Дмитріевна уже тревожно присматривалась къ ней.

— Всегда вы такъ устаєте послѣ концертовъ?—спросила она.

— Нѣтъ, такъ—никогда... Сегодня было особенно много волненій,—призналась дѣвушка.

Марья Дмитріевна, сдвинувъ брови, старалась поймать мысль, все время угнетавшую ее, и, вдругъ поймавъ ее, торопливо сказала:

— Да, вотъ чтò, моя дорогая: вы, пожалуйста, домой поѣзжайте съ Валей, онъ—хорошій мальчикъ, я его знаю и люблю, да и папѣ вашему я такъ сказала; а этотъ Кадминъ...

Она вдругъ остановилась. Потемнѣвшіе, большіе глаза съ тревогой и ожиданіемъ смотрѣли на нее.

— Этотъ Кадминъ,—твердо прибавила Марья Дмитріевна, прямо смотря въ широко-раскрытые, вопрошающіе глаза дѣвушки,—извѣстенъ своими похождениями; каждый годъ у него новый романъ. Жена у него была чудная женщина и сама пѣвица, любила его до безумія и долго терпѣла, но наконецъ не вытерпѣла и ушла. Онъ далъ ей разводъ, теперь она замужемъ за инженеромъ, а онъ какъ будто утомился, но все-таки, дѣточка, будьте съ нимъ осторожныѣе.

Тономъ и улыбкой смягчая правоученіе, Марья Дмитріевна нагнулась, нѣжно поцѣловала дѣвушку и, посоветовавъ ей лежать смирно, скрылась за портьерой. Но у дверей она остановилась и прибавила:

— Если захотите уѣхать, не прощаясь, то позвоните три раза,—я предупрежу Глашу,—я приду къ вамъ и вызову Валу.

Тихо было въ маленькой комнатѣ, за спущенными тяжелыми портьерами.

Въ голубомъ фонарикѣ чуть-чуть потрескивало электричество, и глухо доносились голоса и смѣхъ гостей.

Утонувъ головой въ подушкахъ, скрестивъ на груди худенькія обнаженные руки, съ закрытыми глазами, неподвижно лежала Милочка.

Голова у нея кружилась, и ей казалось, что тяжелая кровать медленно и плавно поднимается и опускается вмѣстѣ съ ней, а въ сердцѣ вбиваются маленькія острые иголки и мѣшаютъ вздохнуть свободно,—это ощущеніе она испытывала всякій разъ послѣ сильнаго волненія или усталости. А мозгъ страшно возбужденъ и лихорадочно работаетъ...

„Зачѣмъ? Зачѣмъ она это сказала?—мучительно допытывается дѣвушка. — Я не вѣрю, не вѣрю ей. Никто его не знаетъ такъ, какъ я. Глаза не лгутъ, онъ—искренній, хорошій человекъ. Чтò мнѣ до прошлаго? Я вѣдь сама видѣла, какъ онъ велъ себя у Себастьяни. А сегодня? Развѣ онъ похожъ на другихъ? Жена... Кто знаетъ, онъ ли виноватъ? Все это сплетни, сплетни. И зачѣмъ Марья Дмитриевна имъ вѣрить... И зачѣмъ говорить мнѣ?“

Въ первый разъ она сознаетъ, какъ за одинъ вечеръ сталъ ей дорогъ и близокъ этотъ человекъ,—теперь, еслибы онъ пришелъ сюда къ ней въ комнатку и сталъ бы на колѣни подлѣ кровати, она сама обвила бы руками его шею и, глядя ему въ глаза, спросила бы его:

— Вѣдь это неправда? Скажи, что я для тебя не то, что тѣ всѣ, которыхъ ты любилъ до меня?

И глаза его скажутъ ей правду.

Въ гостиной кто-то заигралъ на роялѣ. Бурные, мощные аккорды слѣдовали одинъ за другимъ, какъ грозно рокочущія волны.

За портьерой слышались голоса.

— Ну, здѣсь, по крайней мѣрѣ, мы не рискуемъ оглохнуть,—говорила Рокотова,—это будуаръ хозяйки... Премило, не правда ли?

— Совсѣмъ недурно,—небрежно процѣдилъ художникъ,—у нашей милѣйшей Марьи Дмитриевны есть вкусъ.

Милочка поспѣшно застегивала крючки лифа, считая неловкимъ оставаться невидимкой и собираясь уйти, но вдругъ она вздрогнула и замерла, услышавъ фразу Рокотовой:

— Ну, что же наше пари? Нечего, нечего,—вижу, что проиграла, теперь расплачивайтесь...

— Да ужъ дѣлать нечего, сознаюсь, что проигралъ. Чортъ знаетъ, какая досадища! Ну, кто бы могъ подумать, что она

этакая... oie blanche какая-то! Въдь это даже не современно, ей Богу... Не угодно ли,—приду, говорить, но только съ сестрой!

— Ахъ, умора!—смѣялась Рокотова.—Слушайте, чего же вы зѣваете? Пригласили бы за-одно и папеньку, всѣхъ бы сразу и нарисовали, три модели!

— Да бросьте смѣяться!—досадливо оборвалъ ее художникъ.—Столько времени носился я съ этой мыслью! Обидно, чортъ возьми!

— Потому что опоздали, — хладнокровно замѣтила Рокотова.—Теперь она смотритъ только на одного Кадмина, а другихъ вовсе не замѣчаетъ.

— Да, это-то и я замѣтилъ... Да, кстати, я что-то не видѣлъ послѣ ужина ни ея, ни Кадмина, — уѣхали они, что-ли, вмѣстѣ?

— Возможно, — отвѣчала Рокотова:—они и сюда пріѣхали вмѣстѣ... на полчаса позже всѣхъ остальныхъ.

— Ловко, ловко!.. — цинически захохоталъ художникъ.— Люблю людей съ темпераментомъ, а Кадминъ нашъ юнъ душою, какъ какой-нибудь пятнадцатилѣтній Ромео. Ей Богу, я ему иногда завидую.

— А теперь особенно, — ядовито вставила Рокотова:—я отлично вижу, что и вы съ удовольствіемъ прокатились бы съ этой Милочкой. Нѣтъ, имя-то какое глупое! Терпѣть не могу этихъ собачьихъ кличекъ!

— Ого, Дарья Петровна, да вы что-то нервничаете! И къ имени придрались... „Что въ имени тебѣ моемъ?“ Откройте мнѣ ваше сердце, что васъ собственно злитъ въ сей особѣ?

— Все!—раздраженно отвѣчала пѣвица.—Вы замѣтили, какъ она смотрѣла на насъ за ужиномъ? Точно изъ публики на сцену... Съ такимъ видомъ, точно мы какія-то чудища. А еще барышня изъ общества, воспитанная! Нѣтъ, а главное, это ея самолюбіе. Вы замѣчаете, какъ теперь расплодился эти музыкальные барышни? И поютъ-то, и играютъ на всѣхъ инструментахъ, и декламируютъ, и непременно всѣ лѣзутъ на сцену. И до чего теперь понизились требованія публики! Въ мое время, для сцены и даже для концерта надо было имѣть прежде всего хорошій голосъ, а потомъ уже и сценическую наружность; а теперь, смотрите-ка, почти безъ голоса, на одной смазливой мордочкѣ выѣзжаютъ. Ни таланта нѣтъ, ни школы, учатся безъ году недѣлю у одного учителя, потомъ бѣгутъ къ другому... Что же это такое? И куда онѣ всѣ прутъ, съ позволенія сказать?

— Ну, ужъ это вы немножко хватили черезъ край: правда, что теперь, такъ сказать, перепроизводство будущихъ знаменитостей, но не всѣ же бездарности,—вотъ эта, напримѣръ, Ми-

лочка, по моему, талантлива, да и вотъ вамъ доказательство: пригласилъ же ее Петровъ въ свою труппу.

Рокотова звонко расхохоталась.

— Ахъ, вы, юноша легковѣрный! — протянула она иронически: — да развѣ въ ней дѣло? Петрову нуженъ Кадминъ, поэтому онъ приглашаетъ Ларіонову, — поняли? Ну, да развѣ вы забыли—четыре года тому назадъ, была та же самая исторія съ Барониной, изъ-за чего Кадминъ съ казенной сцены ушелъ? Помните? Ну, вотъ то-то же... Нѣтъ, ужъ меня не проведешь, я сразу вижу, въ чемъ дѣло...

— Баронина—это та маленькая, черненькая, дивно сложенная была, это я помню...—говорилъ художникъ.

— Ну, вотъ видите! Какъ она пѣла—не помните, а какъ была сложена — не забыли! Ну, вотъ въ томъ-то и дѣло, что пѣвичка она была самая заурядная, и никто, кромѣ Кадмина, ея не восторгался, а онъ, видите ли, воображалъ, что это мы интригуемъ противъ нея и не даемъ ей ходу, — я да Матвѣева. Весною, при составленіи контракта, онъ вдругъ заявляетъ нашему Ѳедорову: „или вы, говоритъ, принимаете Баронину на высшій окладъ и на первыя роли, или я ухожу“. Понимаете, какое дурацкое положеніе! Труппа переполнена, лишнихъ средствъ нѣтъ, а главное, вѣдь ясно было, что онъ ломается надъ Ѳедоровымъ. Тотъ ко мнѣ: „Какъ быть? посоветуйте!“ Я ему и говорю: „Охота, говорю, вамъ исполнять всякіе капризы, я бы на вашемъ мѣстѣ ни за что не уступила“. Онъ такъ и сдѣлалъ, а Кадминъ контракта не подписалъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ Барониной къ Петрову. Въ два года поставилъ его на ноги, а потомъ надоѣло и уѣхалъ. И здѣсь ему хорошо,—ему везетъ...

— Такъ вы думаете, онъ и теперь такую же штуку удумалъ?

— Убѣждена въ этомъ... Ужъ я его знаю... Какъ найдетъ на него этакій капризъ, его ничѣмъ не удержишь, пока не пройдетъ самъ собой.

— Значить, съ Барониной уже давно покончено?

— Ну, еще бы! Захотѣли тоже... И такъ годъ съ ней возился. Въ концѣ концовъ, говорятъ, она умерла отъ родовъ, но ужъ послѣ того, какъ онъ ее бросилъ, или она отъ него ушла, —кто ихъ тамъ разберетъ,—онъ молчитъ объ этомъ.

— Ну, мнѣ кажется, съ этой онъ не такъ легко справится. Эта—изъ добродѣтельныхъ, изъ власти папаши не выйдетъ.

— Вы думаете? Мало же вы знаете женщинъ. Совѣтую вамъ не вѣрить наружности. Эта sainte Nitouche не глупѣе насъ съ вами, и, знаете, я даже думаю, что она сдѣлаетъ карьеру, но ужъ, конечно, не голосомъ...

— Вотъ вы куда запрятались!—раздался въ дверяхъ громкій басъ Петрова.—Сыграемъ роберчикъ, карты на столъ, и Марья Дмитріевна съ нами!

— Пожалуй,— лѣниво отозвалась Рокотова,—только, чуръ, по маленькой; я иначе не играю.

И снова тихо въ маленькой комнатѣ. Изъ гостиной доносятся пѣніе и звуки рояля—кто-то поетъ звучнымъ басомъ мало-россійскія пѣсни.

Милочка сидитъ на кровати, придерживая рукой застегнутый лифъ и неподвижно смотря передъ собой.

Острыя иголки вонзаются въ сердце, въ головѣ тяжелый туманъ, и назойливо, упорно звучитъ въ ухахъ одна и та же фраза:

„Говорятъ, умерла отъ родовъ, но уже послѣ того, какъ онъ ее бросилъ“... Безформенные призраки приблизились, ожили и смотрятъ страдальческими глазами. „Такая маленькая, черненькая, дивно сложена!... „Ахъ, что мнѣ до этого, что мнѣ до этого? Надо скорѣе уйти отсюда, тихонько, чтобы не видѣть его больше... никогда!...“

Холодными руками она торопливо застегиваетъ лифъ, опраываетъ платье и, выйдя въ будуаръ, у зеркала, подшпиливаетъ прическу.

Ни кровинки въ лицѣ, и глаза, недоумѣвающіе и страдальческіе, смотрятъ застывшимъ взглядомъ.

Чувство самосохраненія подсказываетъ ей, что не слѣдуетъ обнажать передъ людьми своей души—иначе они забросаютъ ее грязью и растопчутъ ногами...

Слегка потеревъ щеки, чтобы вызвать румянецъ, она подошла къ двери гостиной и, нажавъ электрическую кнопку, позвонила три раза.

Ждать пришлось недолго: минуты черезъ двѣ пришла встревоженная Марья Дмитріевна.

— Чтò, уѣзжаете? Ну, Богъ съ вами, голубчикъ, я не удерживаю... Все-таки немного легче? Ну, спасибо же вамъ за участіе въ концертѣ... Всѣ такъ вами очарованы, прелесть моя! Поблагодарите отъ меня генерала за то, что онъ васъ отпустилъ. Я сейчасъ пошлю къ вамъ Валю, а вы пройдите пока въ переднюю и потихоньку одѣвайтесь.

Говоря это, Марья Дмитріевна, толкнула небольшую дверь въ задней стѣнѣ комнаты и вывела Милочку въ переднюю. Здѣсь она еще равъ обняла ее и поспѣшно пошла въ гостиную отыскивать племянника.

Милочка сейчасъ же стала одѣваться, и когда пришелъ Ковалевскій, она уже стояла въ ротондѣ и платочкѣ.

— Простите, что я вамъ не помогъ,—засуетился Ковалевскій,—но вы такъ быстро одѣлись... Можетъ быть, вы теперь спуститесь потихоньку, а я пройду впередъ—мое пальто у швейцара—и разыщу вашу карету.

Ковалевскій исчезъ за дверью, и Милочка, застегивая перчатку, стояла одна въ передней.

— Ну, вотъ и все кончено!—сказала она себѣ, застегнувъ послѣднюю пуговочку и подходи къ двери, но что-то удержало ее на мѣстѣ, и, уже взявшись за ручку, она еще разъ оглянулась: въ дверяхъ гостиной стоялъ Кадминъ.

— Уѣзжаете? А я васъ все время караулю. Марья Дмитриевна сказала мнѣ, что вамъ дурно... Я васъ провожу.

И онъ рѣшительнымъ жестомъ взялся за пальто.

Она могла что угодно думать въ его отсутствіи, но когда онъ стоялъ передъ нею и смотрѣлъ на нее властнымъ и поворнымъ взглядомъ, она едва нашла сказать ему:

— Нѣтъ, нѣтъ, я уѣзжаю съ Ковалевскимъ...

— Да гдѣ же онъ?

— Внизу, разыскиваетъ мою карету.

— Такъ я васъ провожу внизъ.

И уже безъ колебаній, онъ накинулъ шубу, взялъ шапку и, пропустивъ ее впередъ, вышелъ за нею на лѣстницу.

Тщетно старалась она вызвать въ себѣ острое чувство, которое овладѣло ею тамъ, въ спальнѣ,—все тонуло въ волнующемъ ощущеніи его близости, все меркло передъ обаяніемъ его голоса, его глазъ,—все отступало на задній планъ передъ лаской любовныхъ словъ...

Внизу ждалъ Ковалевскій.

— Карета у подъѣзда, Людмила Николаевна,—сказалъ онъ.

Милочка протянула Кадмину руку.

— Прощайте!—выговорила она.

— До свиданья, — поправилъ онъ:—значить, въ пятницу у Марьи Дмитриевны, такъ?

Милочка, не отвѣчая, пошла садиться въ карету. Ковалевскій сѣлъ съ другой стороны.

— До пятницы,—приподнявъ шапку, сказалъ Кадминъ.

Дверца захлопнулась, и застоявшіяся лошади рванули съ мѣста.

Кадминъ постоялъ немного, посмотрѣлъ вслѣдъ, потомъ крикнулъ извозчика и поѣхалъ къ себѣ домой.

Подъ мѣрный шумъ колесъ кареты, Милочка задумалась такъ

глубоко, что совершенно забыла о своемъ спутникѣ, и даже вздрогнула, когда онъ заговорилъ.

— Вы кажетесь сильно утомленной, Людмила Николаевна!

— О, да! — отвѣчала она съ порывистой искренностью: — можетъ быть, вы мнѣ не повѣрите, но мнѣ кажется, что за одинъ этотъ вечеръ я прожила десять лѣтъ и... даже потеряла охоту жить дальше.

— Но почему же? Простите, если мой вопросъ покажется вамъ нескромнымъ.

— Разсказать трудно... — помолчавъ немного, отвѣчала дѣвушка: — скажу вамъ только, что все, на чемъ я строила свое будущее, оборвалось... А жить безъ цѣли я не умѣю.

— Но, быть можетъ, вы поставили себѣ слишкомъ узкую цѣль? Отказавшись отъ нѣкоторыхъ притязаній, можно ее расширить и тогда идти съ большей увѣренностью и меньшей трагической энергій.

И боясь, что она его неполнѣ понимаетъ, онъ объяснилъ свою мысль болѣе конкретно:

— Сколько я понимаю васъ, мнѣ кажется, что вы конечной своей цѣлью поставили не искусство для искусства, т.-е. достиженіе возможнаго совершенства, а непременно дѣятельность концертной или оперной пѣвицы. И въ этомъ, мнѣ кажется, ваша ошибка. Можетъ быть, вы и достигли бы этого, но путемъ такихъ тяжелыхъ компромиссовъ, съ такой страшной затратой нервныхъ силъ, что даже достиженіе цѣли не дало бы вамъ удовлетворенія.

Дѣвушка сосредоточенно слушала. Еслибы то же самое онъ сказалъ ей еще вчера, она бы почувствовала къ нему непріязнь, стала бы спорить, возражать, но теперь она сознавала его правоту и молчала.

— Вы забываете только одно, — наконецъ, тихо заговорила она: — мнѣ уже двадцать-два года, пора уже начинать жить и зарабатывать свой хлѣбъ. Но чѣмъ я могу быть? Мнѣ противна чиновничья работа, а къ педагогической дѣятельности нѣтъ призванья. Что есть еще — я не знаю, но съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, у меня была только одна мечта — пѣть на сценѣ, и цѣлыхъ четыре года, пока я училась, мнѣ твердили со всѣхъ сторонъ, что это — моя прямая дорога...

— А теперь? — нервно задалъ вопросъ Ковалевскій.

— А теперь, — твердо отвѣчала Милочка, — я сама поняла, что это неправда: ни по характеру, ни по здоровью, ни по голосу я не гожусь для сцены; еслибы даже и удалось мнѣ попасть, то я затерялась бы среди сотни такихъ же пѣвицекъ и

запуталась бы въ интригахъ. Только такому крупному таланту, какъ Славская, *нечего* бояться сцены; она всегда будетъ блистать среди другихъ, какъ настоящій драгоценный камень среди поддѣльныхъ.

— Однако! — заговорилъ Ковалевскій, съ удивленіемъ глядя на дѣвушку: — Однако! Надо имѣть большое мужество, чтобы такъ разобраться въ себѣ и вынести себѣ приговоръ.

Милочка горько улыбнулась.

— Что толку? Разобраться сумѣла... А вотъ... помочь себѣ — не умѣю...

Ковалевскій не возражалъ... Нахмурившись, онъ смотрѣлъ въ окно, и на лицѣ его отражалось волненіе.

— Замужъ бы вамъ надо! — вдругъ какъ-то рѣзко и стрывисто выговорилъ онъ.

Дѣвушка не сразу отвѣчала: она точно обдумывала этотъ новый, подсказанный ей выходъ и, наконецъ, грустно сказала:

— Да, ужъ если скучнаго избѣгаешь, а интереснаго ничего нѣтъ, такъ только и остается, что — замужъ. Да кому еще нужна такая жена? Вѣдь вы не знаете, — вдругъ выпрямившись, страстно заговорила она, — что я даже не могу себѣ представить, какъ бы я могла жить такъ, какъ живутъ мои замужнія подруги... Мужъ, дѣти, хозяйство, — мнѣ все это кажется нестерпимо скучнымъ, пошлымъ, засасывающимъ. Чтобы выйти замужъ, надо ужъ такъ любить человѣка, чтобы безъ сожалѣнія разстаться съ своей свободой.

— Ну, ужъ этого, извините меня, я совершенно не понимаю, — горячо возразилъ молодой офицеръ. — По вашему, артистка, которая зависитъ отъ всякаго режиссера, отъ самонадѣяннаго неуча-рецензента, отъ капельмейстера, да и мало еще отъ кого и отъ чего, — развѣ она свободнѣе, чѣмъ замужняя женщина, всѣми уважаемая, начиная съ мужа, который является ея естественнымъ защитникомъ? Посмотрите, какъ трудно подниматься по лѣстницѣ почестей свободной артисткѣ, а жена безъ всякаго труда пользуется тѣмъ положеніемъ, которое завоевалъ мужъ для себя и для нея.

Можетъ быть, онъ и былъ правъ, но рядомъ съ разбитыми блестящими мечтами, — такимъ жалкимъ, будничнымъ и сѣренькимъ казался ей этотъ идеалъ мирнаго супружескаго счастья!

Видя, что она неохотно поддерживаетъ разговоръ, Ковалевскій замолчалъ, и такъ, молча, доѣхали они до дому, гдѣ жила Милочка.

У подъѣзда онъ распрощался съ нею; сонный швейцаръ то-

ропливо зажегъ электричество, и дѣвушка медленно добралась до двери третьяго этажа.

Вотъ она, наконецъ, въ своей комнатѣ: зажгла свѣчи на письменномъ столѣ и взглянула на лежавшіе на немъ золотые часы. „Боже, почти четыре часа! Черезъ три часа уже встанетъ Варя, а отецъ поднимется еще ранѣе, въ половинѣ седьмого. Она же будетъ спать до двѣнадцати, какъ всегда, послѣ концертовъ, и въ домѣ всѣ будутъ ходить и говорить шопотомъ, чтобы не разбудить „маленькую барышню“...—такъ называется ее, по старой привычкѣ, кухарка Анисья, служившая у нихъ еще при покойной мамѣ.

А потомъ, когда она встанетъ и выйдетъ въ столовую, отецъ встрѣтитъ ее пріятливой улыбкой и, отложивъ въ сторону свою газету, станетъ спрашивать ее о вчерашнемъ концертѣ и ужинѣ, а Варя скажетъ съ своей обычной рѣзкостью:

— А это тотъ самый Кадминъ, съ которымъ ты пѣла „Фауста“? Какое у него пошлое, парикмахерское лицо! И какія красныя, чувственные губы—терпѣть не могу такихъ!..

А еслибы она знала все?!

Скорѣе, скорѣе лечь въ постель, зарыться въ подушки съ головой, и пусть надъ всѣмъ, что было, спустится нѣжная, мягкая, темная пелена соннаго забвенія и покоя!

Пока Милочка раздѣвалась, распускала и причесывала на ночь волосы, ей казалось, что стоить только лечь, закрыть глаза, и сонъ въ тотъ же мигъ спустится къ ней, но какъ только она легла и, закинувъ руки за голову, потянулась утомленнымъ тѣломъ, такъ сейчасъ же почувствовала, что не заснетъ всю эту ночь. И уже покорно, стараясь только собрать разбѣгавшіяся мысли, она принялась подводить итоги тому, что совершилось въ ея душѣ.

Бываютъ моменты, когда вся жизнь человѣка вдругъ освѣщается ослѣпительно-яркимъ свѣтомъ, и выпукло выступаютъ мелочи, незамѣченныя раньше при тускломъ будничномъ освѣщеніи.

И Милочка увидѣла съ поразительной ясностью, что прямая дорога, по которой она шла, привела ее къ топкому болоту, поросшему красивой, яркой, зеленой травой. Словами, намеками, отрывочными картинками развертывались передъ нею эти четыре года ученія, когда, вмѣстѣ съ успѣхами въ пѣніи, росло въ ней самолюбіе, тщеславіе, пренебрежительное равнодушіе къ тому, что не было искусствомъ, узость чувствъ и мыслей, крайній эгоизмъ, оправданный требованіями искусства, и ненасытная жажда успѣховъ и поклоненія.

Но сегодня жизнь ея переломилась,—не тѣмъ, что она узнала о Кадминѣ и о себѣ,—вѣдь это могло быть простой сплетней, догадкой, подсказанной завистью и недоброжелательствомъ,—но тѣмъ самосудомъ, который начался въ ней съ самаго выхода на эстраду и вынесъ ей обвинительный приговоръ... въ присвоеніи непринадлежащаго ей званія.

Возможно, что она слишкомъ строга къ себѣ, что годы и опытъ дадутъ ей впослѣдствіи мѣсто въ первыхъ рядахъ, а пока—чѣмъ наполнить жизнь?

Все тѣми же благотворительными концертами, которые только требуютъ расходовъ на платья и не даютъ удовольствія, да уроками у Себастьяни, ради которыхъ надо обращаться съ собой, какъ съ драгоценнымъ сосудомъ, жертвовать всѣми другими интересами ради призрачной мечты, жить въ вѣчномъ напряженіи, въ вѣчныхъ сомнѣніяхъ и преспокойно брать деньги у отца вмѣсто того, чтобы зарабатывать самой.

Но, съ другой стороны, чѣмъ замѣнить все это?

Тянуть служебную лямку, затеряться въ толпѣ безличныхъ, сѣренькихъ барышень-чиновниковъ, съ скучающими, отцвѣтшими лицами?

И это послѣ того, какъ она привыкла въ гостиныхъ чувствовать себя почетной гостьей, за которой ухаживали, передъ которой занскивали, какъ передъ пѣвицей, можетъ быть—будущей звѣздой!

О, она отлично понимала и цѣнила эту разницу между собой и другими барышнями, умѣвшими только слушать!..

Глубокій, сонный покой царилъ въ квартирѣ; крѣпкимъ, здоровымъ сномъ спала Варя, утомленная рабочимъ днемъ и черезчуръ длиннымъ концертомъ; чуткимъ старческимъ сномъ дремалъ старый отецъ; и только Милочка уже вторую ночь подрядъ металась безъ сна на жаркой и казавшейся неудобной узенькой кровати.

Все сильнѣе и сильнѣе охватывало ее чувство глубоко-бессомннаго одиночества.

„Какъ быть? За что уцѣпиться?“

Одинъ только человѣкъ во всемъ мірѣ казался ей близкимъ и, несмотря на все, что о немъ говорили, внушалъ ей довѣріе; но она хорошо понимала, что нельзя ей любить его, не перейдя въ его вѣру и не отрѣшившись отъ всего, что составляетъ такую же принадлежность ея души, какъ ясные синіе глаза и бѣлокурые волосы—неотъемлемую ея принадлежность...

Но какъ бы въ насмѣшку надъ всѣми ея благоразумными

разсужденіями, тѣмъ сильнѣе убѣждала она себя, что всему ихъ знакомству надо положить конецъ, тѣмъ страстнѣе поднимался въ ней протестъ горячей, взволнованной крови, тѣмъ соблазнительнѣе и ярче вставали предъ ней близкія ея воспоминанья...

...Въ восемь часовъ утра, измученная бессонницей, Милочка приняла двѣ ложки брому, и черезъ полчаса забылась тяжелымъ своимъ физически и нравственно измученнаго человѣка.

Проснулась она въ четвертомъ часу дня. Короткій зимній день кончался, и въ комнатѣ былъ полумракъ.

Она потянулась, громко зѣвнула, и въ ту же минуту въ дверяхъ показалась голова Вари.

— Ну, и соня! — сказала она полупшутливо, полувозмущенно. — Я ужъ вернулась изъ гимназіи, и мы уже собираемся садиться ѣсть.

— Я сейчасъ, сейчасъ! — сконфуженно заговорила Милочка: — еще со мной никогда такъ не случалось; но знаешь, Варя, я слышала, какъ било восемь часовъ!

— Господи, вторую ночь! — ужаснулась Варя. — До чего ты себя доведешь!

Милочка подняла на сестру серьезные, вдумчивые глаза.

— Больше этого не будетъ! — тихо сказала она. — Въ концертахъ пѣть не буду и сегодня же напишу Себастьяни, что прекращаю уроки, — довольно ужъ грабить папу: на сцену все равно не пойду, а для себя и такъ научилась достаточно...

— Когда же это ты рѣшила? — съ глубочайшимъ изумленіемъ спросила Варя и присѣла на кровать къ сестрѣ.

Милочка хотѣла съ важностью отвѣтить ей:

— Сегодня ночью!

Но вдругъ острое воспоминанье этой тяжелой ночи съ силою охватило ее, губы ея задрожали, крупныя слезы повисли на рѣсницахъ, и, припавъ къ плечу сестры, она, севозъ всхлипывая, жалобно сказала ей:

— Ахъ, Варя, я такъ несчастна... Варя, научи меня, какъ жить!..

В. Погодина.

Э Т Ю Д Ы

о

БАЙРОНИЗМЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА *).

Разгромъ „декабризма“ и торжество реакціи, надолго въѣвшей въ русскую жизнь, не могли не нанести удара и тому литературному движенію, неизбѣжно приводившему къ развитію свободолюбія и независимой критикѣ существующаго соціально-политическаго и нравственнаго строя, которое байроновская поэзія возбудила къ тому времени и въ русскомъ молодомъ и активномъ поколѣніи, современномъ юности Пушкина. Не успѣло сложиться это движеніе въ опредѣленные формы стройно дѣйствующей поэтической группы, но зажгло въ даровитыхъ, неопредѣленно порывавшихся къ жизненному подвигу, дѣятеляхъ отвагу мысли, слова и дѣйствія, свергло съ нихъ оковы формализма и рутины, увлекало на борьбу за благо своего народа, открывало безбрежный просторъ мірового прогресса. Каковы бы ни были итоги этого ранняго періода русскаго байронизма, прошедшаго подъ непосредственнымъ обаяніемъ самого Бай-

*) См. выше: апрѣль, стр. 695.

рона, — итоги, подведенные во вступительномъ нашемъ этюдѣ „Школа Байрона“ ¹⁾, — историкъ русской поэзіи, въ ея связяхъ съ общественнымъ возрожденіемъ, не откажетъ имъ въ признаніи идейнаго и художественнаго роста, внесеннаго ими въ поэзію послѣ недавняго господства Державинской лирики.

Но и въ общественномъ движеніи, сосредоточивавшемся въ сѣти тайныхъ организаций, было много общаго съ горячей политической дѣятельностью Байрона. Если между партіями дѣйствія въ различныхъ странахъ установилась тогда братская солидарность, и русскіе „либералисты“ принимали къ сердцу успѣхи революціи въ Неаполѣ, Романѣ, Испаніи, то самую популярной изъ европейскихъ политическихъ сектъ было, конечно, карбонарство, вездѣсущее, таинственное и грозное; и не для однихъ только Фамусовыхъ — Чацкій и его единомышленники казались русскою вѣтвью „карбонаріевъ“. Дѣятельности Байрона — конспиратора могли не знать у насъ сполна, какъ не знали еще всего богатства политической его сатиры, но фактъ беззавѣтной преданности дѣлу освобожденія народовъ, многолѣтняя итальянская агитація поэта, наконецъ его смерть за угнетенную Грецію, были у всѣхъ передъ глазами и могли воспитывать, вести за собой. Отсюда глубокое уваженіе къ Байрону, не только какъ къ выдающемуся художнику, но и какъ къ борцу, замѣчаемое у большинства декабристовъ. Они унесли его съ собой въ могилу, какъ Рылѣевъ, и въ ссылку и тюрьму, какъ Бестужевъ, Кюхельбекеръ, Якушкинъ. Такой же взглядъ на солидарность политическаго байронизма съ декабризмомъ устанавливался, очевидно, и въ культурныхъ слояхъ общества, внѣ профессиональных возбужденій словесности и политики. Любопытный тому примѣръ и выѣстъ съ тѣмъ показаніе духовной атмосферы, окружавшей декабристовъ, даютъ записки Якушкина. Когда выѣстъ съ нѣсколькими товарищами онъ заключенъ былъ, передъ отправленіемъ въ Сибирь, въ Финляндіи, близъ Роченсальма, въ фортъ Слана, имъ передали однажды „тетрадку, писанную прекраснымъ французскимъ почеркомъ и заключающую въ себѣ послѣднюю часть *Чайльдъ-Гарольда*. Тетрадь эту принесли двѣ дамы, жившія въ Роченсальмѣ, г-жа Чебышова и сестра ея“. Мысль угнѣтить узниковъ-вольнодумцевъ тѣмъ созданіемъ поэта, гдѣ въ виду поработенной Италіи ключомъ бьетъ энтузіазмъ къ свободѣ, поразила и растрогала плѣнниковъ. „Такой поступокъ глубоко насъ тронулъ, — говоритъ Якушкинъ, — и мы вполне

¹⁾ „Вѣстн. Европы“, 1904, апрѣль.

его оцѣнили. Только женщины, и женщины, исполненныя истиннаго чувства, могли понять наше положеніе и найти возможность изъяснить такъ прекрасно свое участіе“ ¹⁾).

Едва замолкли сочувственныя некрологическія стихотворенія, которыми чуть не всѣ сколько-нибудь выдающіеся русскіе поэты новаго поколѣнія отозвались на смерть Байрона,—какъ это передовое, руководящее поколѣніе, которое и испытало впервые обаяніе байроновской личности, поэзіи и освободительной политики, было снесено разгромомъ декабрьскаго движенія. Удача переворота, освободивъ и литературу, открыла бы въ ней, конечно, просторъ тому направленію, которое въ данную эпоху болѣе какихъ-либо иныхъ выражало упованія и требованія времени, пролагая вмѣстѣ съ тѣмъ новые пути художественному творчеству. Торжество стараго порядка, связанное съ онѣмѣніемъ литературы, отданной на произволъ цензуры, которая, по вѣскому признанію Пушкина, далеко оставила за собой тупое преслѣдованіе печатнаго слова въ Александровскую пору, развѣяло по лицу земли или сгубило тѣ силы, которымъ предстояла главная работа въ новомъ, истинно „байроническомъ“ періодѣ русской поэзіи, — обезцвѣтило, охладило, научило сдержанности и объективности тѣхъ, кто уцѣлѣлъ, остался при дѣлѣ; не вычеркнувъ сочувствія великому англійскому поэту изъ числа дозволенныхъ мыслей и чувствъ, оно сѣзило предѣлы изученія и переложенія Байрона до скудныхъ размѣровъ, вмѣщавшихъ даже не всю художественную сторону его дѣятельности. То, что прежде контрабандой все же проникало въ умы, побуждало горяче биться сердца, что трепетало въ вольномыслии юношеской Пушкинской лирики, не находило теперь отзвука, или же болѣзненно, неразрѣшимо отдавалось въ душѣ. На виду у всѣхъ былъ дозволенный инвентаръ байроническаго творчества, въ которомъ не было мѣста ни „Каину“, ни большинству пѣсенъ „Донъ-Жуана“, ни политическимъ сатирамъ; не существовало полныхъ переводовъ „Чайльдъ-Гарольда“, потому что пришлось бы наложить руку на все смѣлое, возбуждающее, разрушительное и немилосердно уродовать великую поэму. Въ неопредѣленномъ сумракѣ чудился и манилъ къ себѣ другой, свободный и широкій составъ байроновской поэзіи, не пропущенной сквозь николаевскія рогатки. Но и то, что находилось въ литературномъ обращеніи, терпимое и въ то же время порицаемое господствующимъ благоприличіемъ, вызывало ненавистническія нападки критики

¹⁾ Записки Н. Д. Якушкина. М. 1905, стр. 122.

охранительнаго лагеря. Не хуже англійскихъ старовѣровъ она выставила (напр., устами Надеждина) чудовищную безнравственность, сатанинское себѣлюбие, безвѣріе и цинизмъ прославленнаго поэта.

Польскій байронизмъ, такъ искренно побратавшійся было въ лицѣ Мицкевича съ Пушкинской школой, но затѣмъ пошедшій своею дорогой, могъ развиваться при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Борьба за народную независимость, отпоръ удвоенному натиску русской реакціи, направленной и вообще противъ социальныхъ силъ, и противъ національно-польскихъ мечтаній, придавала байроническому движенію опору и связи въ народной жизни, а трагически пережитый отдѣльными выдающимися личностями конфликтъ доводилъ ихъ до титаническаго протеста байроновскихъ героевъ, потрясающаго основы, доходящаго до богоборства и столь же сильнаго въ пламенныхъ рѣчахъ, какъ и въ смѣлой насмѣлкѣ. Мицкевичъ, Словацкій, даже нѣкоторые изъ второстепенныхъ ихъ сверстниковъ, дѣйствительно могли переноситься въ духовный строй байроновскаго творчества и находить въ немъ возбужденіе къ самостоятельной дѣятельности на пользу своего народа. Условія развитія русскаго общества и прежде не дали простора для усвоенія поэзіе байроновскаго вольномыслія въ общихъ вопросахъ вѣры, нравственности, социальной и личной свободы. Ни одна страстная, рѣзко очерченная натура не прорвалась на волю, чтобъ захватить всю силу своего протеста. Гармоническая, отзывчивая природа Пушкина остановилась въ преддверіи бурнаго байроновскаго міра, не переживъ никогда его трагическихъ потрясеній. Свѣтобоязнь, крѣпостничество, солдатчина, произволъ, не нашли ни въ комъ такого обличителя-поэта, который бы, подобно Байрону, „жегъ своимъ глаголомъ сердца людей“, хотя бы располагая только „непечатной“ литературой и на ея летучихъ листкахъ разнося свои мысли по свѣту. Еслибъ не благородныя рѣчи Чацкаго, можно бы утверждать, что всѣ дѣятельныя проявленія самосознанія сосредоточились лишь въ общественномъ движеніи, скрытомъ въ подспудной глубинѣ.

Когда декабрьскія событія уничтожили и его, литература была бессильна выполнить выпавшую ей на долю двойную обязанность. Оскудѣвъ людьми, испытывая уронъ и въ энергіи, израненная и стиснутая, и прежде не привыкшая къ смѣлому полету мысли и фантазій, теперь и подавно не отваживавшаяся на мятежные поступки, она и въ частномъ вопросѣ о байроновскомъ влияніи поневолѣ сдѣлалась мало воспримчивой, одно-

сторонней, осторожно разборчивой. Казалось, ей стали чужды и непонятны всѣ эти тревоги и запросы, трагедіи неудовлетворенныхъ, протестующихъ личностей, неспособныхъ склониться передъ старымъ порядкомъ, признать себя лишними людьми.

На дѣлѣ жизнь, именно тутъ, въ это время, выставила истинно байроническую тему, разработать, возсоздать которую, казалось, было бы дѣломъ „человѣка съ душой“. Крушеніе цѣлаго поколѣнія, непроглядная тьма впереди, оцѣпенѣніе общества, — и, среди пессимизма, разочарованности, подавленности, незыблемая стойкость и вѣра въ идею у тѣхъ, кто „въ глубинѣ сибирскихъ рудъ“ и подъ сѣрой солдатской шинелью стали предвѣстниками неизбежнаго народнаго освобожденія. Можно было бы ожидать, — хотя бы опять въ предѣлахъ непечатной, нелегальной литературы, — что возникнетъ замыселъ, равный по силѣ третьей части „Дзядовъ“ и ея украшенію, страстной „Импровизаціи“. Отъ тѣхъ, кого пощадила судьба и оставила невредимыми физически, разбивъ и отравивъ душу всею тягостью видѣннаго и испытаннаго, всею безцѣльностью личнаго существованія, можно было бы ждать общественно-психологической картины, какую далъ Альфредъ де-Мюссе въ превосходномъ введеніи къ „Исповѣди сына вѣка“, характеризую переломъ отъ революціи и Наполеоновскаго блеска къ тупому смиренномудрію реставраціи. Но ни жизнь, ни литература не дали отвѣта, — и когда настала пора для русской исповѣди „героя своего времени“, правда, не пережившаго непосредственно кризиса двадцатыхъ годовъ, но заставшаго въ юности явные его слѣды и возмущавшаго среди порожденнаго имъ безвременья, — признаніи замкнулись въ рамки глубоко правдивой *личной* исторіи, не придавъ Печорину ни малѣйшей черты соучастія въ тяжкомъ общественномъ недомоганѣ.

Такъ, стѣсненный опекой новаго порядка вещей, робостью поэтической мысли, упадкомъ энергіи, большою убылью въ людяхъ, способныхъ по своему закалу принять дѣятельное участіе въ литературномъ переворотѣ, сложился русскій байронизмъ второго, послѣ-байроновскаго періода. Ему нельзя отказать въ ретивой производительности, число тружениковъ велико, хотя уже не такъ блистаетъ талантами, какъ первый отрядъ, какъ піонеры байронофильства, — но ему тѣсно въ сжимающихъ его колодежахъ, тонъ его пониженъ, много берется назадъ прежними усердными исповѣдниками, россійскія безпомощныя жалобы и грусть влетаютъ въ поэзію, которая устремилась было слѣдомъ за титанической борьбой...

И все же, именно въ эту пору регресса, несмотря на всѣ служиванія и стѣсненія, навязанныя байроническому направленію, феноменально осуществился лучшій даръ, который поэзія Байрона могла принести русскому художественному творчеству, — расцвѣтъ Лермонтовской поэзіи. Но въ немъ—высшій предѣлъ, котораго могло достигнуть русское байроническое движеніе. Ни шагу впередъ не сдѣлало оно потомъ. Слѣдующее поколѣніе, — зрѣлый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго и Герцена, — въ *идеально* пониманіи значенія Байрона для новаго человѣчества ушло несравненно дальше. Тогда только было *вполнѣ* понято это значеніе, и вѣрный взглядъ переданъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Сороковые годы на Западѣ и въ Россіи осложнили жизнь новыми задачами, ставя художественному слову цѣли, достойныя истинныхъ послѣдователей социальна-политической поэзіи Байрона, — но не было уже ни одного русскаго поэта Лермонтовской силы, который въ состояніи былъ бы наравнѣ общевропейскихъ потрясеній 1848 года явиться (какъ нѣмецкіе „политическіе поэты“ типа Гервега или Фрейлиграта) не только „чародейскіи красоты“, но властителемъ умовъ и вождемъ своего поколѣнія.

I.

Тюремныя и ссылочныя воспоминанія декабристовъ о байровской поэзіи, — въ родѣ приведеннаго отрывка изъ мемуаровъ Якушкина, — встрѣчаются съ попытками нѣсколькихъ изгнанниковъ къ самодѣятельности въ этомъ направленіи. Кюхельбекеръ остался вѣрнымъ тому поэту, котораго когда-то характеризовалъ въ статьѣ „Мнемозины“, котораго оплакалъ въ одномъ изъ лучшихъ некрологическихъ стихотвореній, вызванныхъ у насъ смертью Байрона. Дневники его, веденные въ Свеаборгской крѣпости и затѣмъ въ Сибири ¹⁾, хранятъ слѣды этого живого интереса. Въ тюрьмѣ и ссылкѣ стихотворецъ задумываетъ — то лирическое изліяніе въ духѣ „Гарольда“, то большую поэмѣ Гарольдовскаго типа; онъ вдается въ оцѣнку сатирическаго значенія „Донъ-Жуана“, видимо смущаясь „Ювеналовской“ отвагой автора, побуждающаго „ненавидѣть, презирать“ людей. Біографія Байрона (Том. Мура) производитъ на него сильное впечатлѣніе, и онъ заноситъ въ дневникъ изреченія поэта; нѣсколько страницъ полемикъ съ какимъ-то старомоднымъ эстетикомъ (Ястребовымъ)

¹⁾ Они напечатаны были въ „Русск. Старинѣ“ 1875, 1883 и 1884 годовъ.

приводить къ тому, что Байронъ, вмѣстѣ съ избранными, новыми лириками Италіи, Франціи и Германіи, высоко вознесенъ сравнительно съ авторитетами старой школы. Наконецъ, на главномъ итогѣ работъ за предсмертные годы, на „Ижорскомъ“, названномъ, во вкусъ „Каина“ или „Неба и Земли“, *мистерію* ¹⁾, лежитъ сильный отпечатокъ байроновскихъ приемовъ. Авторъ какъ будто хочетъ отвлечь отъ него вниманіе; одно изъ дѣйствующихъ лицъ удостоивается отъ героя ироническаго отзыва, указывающаго, что „и въ него вселилась блажь, и лѣзетъ онъ тудажъ, и страстію *байронствовать* размученъ“,—но въ тоскѣ Ижорскаго, въ его вѣчныхъ странствіяхъ, въ таинственно-пасмурномъ лицѣ его, въ переходахъ отъ шумной жизни къ мрачному уединенію, въ магической власти надъ духами (облеченными въ наряды русской демонологіи) постоянно слышатся отголоски то Гарольда, то Лары (про него говорятъ на балу, что у него „лицо Вампира или Лары“), то Манфреда. Неровное, слабое, лишь временами оживляющееся произведеніе, въ которомъ чрезмѣрное излишество фантастики, вспышки юмора, патетическіе моменты словно пробиваются съ усиленіемъ сквозь хроническую грусть изгнанника. Бѣлинскій не могъ выдать „мистеріи“ иной оцѣнки, иного обозначенія, кромѣ—„тысячу-первой пародіи на Чайльд-Гарольда“.

Несравненно сильнѣе вліяніе Байрона на самаго дѣятельнаго изъ литераторовъ декабризма, Александра Бестужева. Чтеніе Байрона и Мура услаждало его въ Якутскѣ; были мѣсяцы, когда онъ „ничего кромѣ Байрона въ руки не бралъ“. Проявлявшаяся въ немъ и прежде склонность къ стихотворству сказалась теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо, и, оставивъ въ сторонѣ медленно слагавшуюся поэму „Андрей Переяславскій“, онъ „хотѣлъ попробовать себя въ легкомъ родѣ, именно въ такомъ, какъ писанъ Донъ-Жуанъ“ ²⁾. Сознавалъ ли онъ вполне, какое глубокое, общечеловѣческое содержаніе должно быть скрыто за шаловливой непринужденностью формы при такомъ состязаніи съ великой поэмой, или остался на поверхности, увлекаясь „легкостью“ этого поэтическаго рода? „Не знаю, какъ-то удастся“, оговаривался онъ, приступая къ работѣ, и затѣмъ, очевидно, не сладилъ съ нею. Но его байронизму предстояло принять иной видъ и не въ чуждой стихотворной рѣчи, а въ прозѣ, въ повѣсти, тамъ, гдѣ дарованіе Бестужева всего болѣе могло проявляться. На

¹⁾ Ижорскій. Мистерія. Спб. 1835.

²⁾ М. Семеvскій, „А. Бестужевъ въ Якутскѣ“. „Русск. Вѣстникъ“ 1870.

Кавказѣ, смѣнившимъ якутскую ссылку, окруженный боевыми впечатлѣніями, воинственнымъ горскимъ бытомъ, величавой и дикой природой, въ походахъ и перестрѣлкахъ встрѣчаясь со смертью, едва сдерживая негодованіе на произволъ и преслѣдованіе невѣжественнаго начальника, не прощавшаго ему развитія и таланта, онъ подъ тяжестью солдатской амуниціи, увлекаемый страстнымъ темпераментомъ, строилъ пышные воздушные замки. Въ переполненныхъ звучными и цвѣтистыми монологами и душевными изліяніями, бурными страстями и порывами, въ нарядѣ ли непонятой, избранной натуры, возмущенной „поворотомъ свѣтской черни“, или въ живописномъ костюмѣ горца, лихого наѣздника, даже разбойника—въ кавказскихъ повѣстяхъ Марлинскаго плѣняла современниковъ приближенная къ нимъ, въ извѣстной степени обрусѣвшая, копія съ байроновскихъ неудачниковъ первой, ранней, столь популярной у насъ манеры, новое, дополненное и разработанное изданіе „Кавказскаго Плѣнника“ и „Алеко“.

Сознавая въ себѣ великія силы, которымъ суждено погибнуть, не дождавшись разсвѣта,—преувеличивая природные задатки, предѣлы дарованія, закалъ характера, онъ смотритъ на насъ изъ-подъ масокъ своихъ Амалатъ-Бекоевъ, Мулла-Нуровъ, ея голосъ слышится среди вулканическихъ изверженій ихъ шумной риторики или въ полныхъ разочарованія и презрѣнія свѣтскихъ неудачникахъ. Неистощимый въ любовныхъ увлеченіяхъ и грѣзахъ, искренно чувствительный ¹⁾,—и въ то же время храбрый, искавшій опасной сѣчи,—не чуждый суетной жажды вѣшняго успѣха, а въ глубинѣ хранившій преданія общечеловѣческой мысли и творчества ²⁾, онъ, своей сложной, волнующейся натурой ближе многихъ подходя къ байроническому типу, не смогъ прочно воплотить его, стать дѣйтельнымъ и пригоднымъ пропагандистомъ движенія,—какъ ни манила его эта роль до конца, то побуждая, напр., къ широкому замыслу поэмы „Человѣчество“, гдѣ оно должно было „выступить во всѣхъ своихъ возрастахъ, во всѣхъ кризисахъ“, то къ полному байроническимъ размышленій „Журналу Вадимова“. Но въ герояхъ его повѣ-

¹⁾ Какую грустную нѣжностью проникнуто избранное имъ французское стихотвореніе на памятникѣ несчастной Ольги Нестерцовой въ Дербентѣ! „Un soir elle tomba, rose effeuillée aux vents. O, terre de la mort, ne pèse pas sur elle. Elle a si peu pesé sur celle des vivants“,—читаемъ мы въ этой эпитафіи.

²⁾ „Гомеръ, Дантъ, Мильтонъ, Шекспиръ, Байронъ, Гёте!“—восклицаетъ Вадимъ-Марлинскій—„яркое созвѣздіе, вѣнчающее челоуѣчество! Великаны, которымъ не вѣрить свѣтъ! Чувствую, что мои думы могли бы быть ровесниками вашими“.

стей все же впервые проглянулъ образъ протестующаго русскаго отщепенца, готоваго идти на вѣрную смерть, лишь бы избавиться отъ постылой судьбы,—тотъ образъ, который въ жизни всего яснѣе сказывался тогда среди декабристовъ, изъ милости переведенныхъ для выслуги на Кавказъ. Въ герояхъ Марлинскаго, на разстояніи, все замѣтнѣе становится звено между неуверенными Пушкинскими опытами въ родѣ „Плѣнника“ и широкой разработкой Лермонтовскаго байронизма, обставленнаго опять *кавказской* декорацией. Они, вмѣстѣ со всѣмъ аппаратомъ усопшей и наполовину истлѣвшей послѣ натиска Бѣлинскаго „марлищины“, требуютъ во всей своей байронической драпировкѣ опредѣленнаго мѣста въ исторіи русской повѣсти.

По горькой долѣ и контрасту между казарменной обстановкой, старой палочной дисциплиной, суровостью, невѣжествомъ насильно навязаннаго имъ военного быта и широкими душевными движеніями, Бестужевъ—явленіе вполнѣ родственное младшему изъ приверженцевъ байронизма, примыкавшихъ къ Пушкинской школѣ, Полежаеву. Отъ поэта-декабриста съ Каиновой печатью на челѣ—легко переходъ къ его собрату, послѣ своей подневольной рекрутчины оставшемуся на такъ называемой волѣ, въ московскихъ казармахъ, въ кавказскомъ полку, но въ улучшенномъ острогѣ безвозвратно погибшему. Начиная съ первыхъ печатныхъ его работъ,—двухъ переводовъ изъ Байрона, „Видѣнія Валтасара“ и „Оскара Альвскаго“ и кончая „Вѣнкомъ на гробъ Пушкина“, написаннымъ въ 1837 году, за годъ до смерти Полежаева, и заключающимъ въ себѣ такую оцѣнку англійскаго поэта:

Когда гремѣлъ, какъ дикій стонъ,
Неукротимый и избранный,
Подъ небомъ Англій туманнымъ,
Твой дивный голосъ, о, Байронъ!..

—въ поэзіи Полежаева байроническое направленіе должно было сильно ощущаться. Но въ то время, какъ Бестужевъ и его герои-двойники дерзновенно возвышали голосъ противъ судьбы и людей, та же желѣзная дѣйствительность пригнула и обезволила Полежаева, и общимъ, на все налегшимъ ярмомъ, и той безталанной участію, которую она приготовила молодому поэту, превративъ только-что вступающаго въ жизнь московскаго студента за непринужденную, даже неполитическую, бойкость его „Сашки“, этой пародіи на „Онѣгина“, въ рядового Николаевскихъ войскъ, сгноила и споила его въ казармѣ и рано прервала его жизнь.

Безсмѣнными и всегда захватывающими своею искренностью мотивами его поэзіи—стали жалобы на разбитую жизнь, тоска, ожесточеніе, отчаяніе, жажда смерти. Въ творчествѣ Байрона ему чудились отвѣтные, сочувственные звуки. Не разъ вноситъ онъ въ свои стихотворныя признанія байроновскіе приемы; онъ называетъ себя „сыномъ погибели и зла“; „его жизнь мучительнѣе ада“ (стихотв. „Ожесточенный“); стихотв. „Отчаяніе“ съ мыслями о смерти выдержано въ тонѣ крайнихъ изліяній меланхолии Байрона; въ стихотв. „Демонъ вдохновенія“, быть можетъ, всего больше связей съ приемами автора „Манфреда“,—только демоническая аллегорія рокового поэтического дара разрѣшается невыдержанной, нескладной картиной появленія Ариана и адскаго хора, — опять въ видѣ отголоска извѣстныхъ деталей „Манфреда“. Но переходовъ отъ удрученія и пессимизма къ протесту и борьбѣ, роста личности, потрясающей старыя устои, общественной и политической зрѣлости, нѣтъ и въ пониманіи. Скорбь не міровая, а личная,—искренняя, но безпомощная. Поэтъ—„погибающій *пловецъ*“, и въ стихотвореніи, посвященъ это заглавіе, слышится унылый припѣвъ: „тонетъ, тонетъ мой челнокъ!“ Воля, дарованіе, энергія сгублены („Зачѣмъ же вы убиты, силы мощныя души!“—стихотв. „Тоска“). Нравственное паденіе даже не облечено въ загадочную оболочку эффектной преступности; оно—дѣло темной, губительной силы. „Я погибалъ, мой злобный геній торжествовалъ!“—восклицаетъ Полежаевъ въ стихотвореніи „Провидѣніе“ и завершаетъ это печальное обозрѣніе своей испорченной жизни грѣзой—объ успокоеніи, о примиреніи въ Богѣ.

Байроновскіе отголоски встрѣчаются съ чуждымъ Байрону, но вложеннымъ въ его несчастнаго послѣдователя безпросвѣтною судьбой, религіозно-нравственнымъ мотивомъ. Это сочетание очень походитъ на тотъ отгѣнокъ байронизма, который не подъ ударами судьбы, а въ свободной рефлексіи сложился у Ламартина. И, словно почуявъ эту близость, Полежаевъ, вообще не мало переводившій изъ этого поэта, переложилъ то поучительное, пытающееся просвѣтить и спасти заблудшаго гениальнаго художника, стихотвореніе, съ которымъ Ламартинъ обратился къ Байрону („Человѣкъ“). Вниманіе и сочувствіе Полежаева къ этой неудачной проповѣди говорить о крайней неполнотѣ пониманія Байрона,—призывъ же къ покою и гармоніи, болѣзненно звучащій среди торжества стараго порядка, завершаетъ новою, печальною чертой образъ Полежаева, въ международной байроновской школѣ, конечно, одинъ изъ наиболѣе безотраднѣхъ.

Не нашлось мужественныхъ словъ и боевыхъ порывовъ въ отвѣтъ на гоненія и несправедливость у человѣка, для котораго жизнь создала положеніе, сродное байроновскому, и его могла успокоить мечта о душевномъ мирѣ,—чего же ждать отъ тѣхъ людей, которые, уцѣлѣвъ отъ переворота и предавшись само-сохраненію среди упорядоченнаго общества, сильно понизили свой уровень, обѣгая все жгучее, волнующее, современное, стараясь взять назадъ прежнія неосторожныя рѣзкости!

- Вяземскій, съ своимъ культурнымъ блескомъ, щеголеватой ролью независимаго романтическаго критика, барственнымъ сибаритствомъ, связями въ свѣтѣ и въ передовой литературѣ,—не чета несчастному Полежаеву; но не послышались ли и въ его стихотворствѣ послѣ декабрьскихъ дней новые тоны, въ разрѣзъ съ прежнимъ горячимъ удивленіемъ титанизму Байрона! Три года прошло послѣ того, какъ, потрясенный его кончиной, онъ вызывалъ Пушкина и Жуковского достойно воспѣть событіе, въ которомъ ему чудился „океанъ поэзіи“, — теперь онъ самъ принимается за эту тризну¹⁾. Въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ ея, отягченномъ не всегда даже понятной риторикой, расточаются сначала обычные сочувственныя слова. Байронъ — „отважный исполинъ, Колумбъ новѣйшихъ дней“, онъ „презрѣлъ рубежъ боязненной толпы и въ полетѣ смѣломъ спшибъ Иракловы столпы“, изъ души его глубокой дума кровная слышалась, „какъ гулъ грозы далекой, еще не грянувшей надъ нашею главой“ и т. д. Но затѣмъ раздается поученіе, указывающее на роковыя предѣлы, искони поставленные свободѣ человѣческой личности. „Мысль всемогуща въ насъ“ (повторяетъ Вяземскій извѣстныя слова Байрона), — „но тотъ, кто мыслить, слабъ; мысль независима, но времени онъ рабъ“... Надъ Байрономъ „свершился грозный судъ“. Его „ранній гробъ, безсмертья свѣтлаго алтарь пѣмой и тлѣнный, свидѣтельствуешь намъ весь подвигъ бытія“, — иначе, напоминаетъ о бренности, тщетѣ и преходящемъ смыслѣ сверхчеловѣческихъ стремленій. Успокоившійся и образумленный стихотворецъ-моралистъ заканчиваетъ поученіе такимъ выводомъ:

И жизнь твоя гласитъ, разбившись на могилѣ,
Чѣмъ смертный можетъ быть, и чѣмъ онъ быть не въ силахъ.

Оригинальное de profundis, возглашаемое прежнимъ салоннымъ вольнодумцемъ, російскимъ Риваролемъ, не то Шанфро-ромъ, выхваченнымъ изъ заурядности искренно вспыхнувшимъ

¹⁾ Соч. кн. П. А. Вяземскаго, 1880 г., III, 423—26.

въ немъ байроновскимъ культамъ, и теперь сворачивавшимъ на путь золотой середины, очень характерно отражаетъ на себѣ дѣйствіе пережитого перелома. Куда цѣльнѣе и послѣдовательнѣе совсѣмъ забытый теперь второстепенный байронистъ, конечно, сильно уступавшій Вяземскому въ дарованіи, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, попытавшійся, тоже заднимъ числомъ, вспомнить кончину великаго поэта! Подобно Вяземскому, онъ выполнялъ это въ большомъ произведеніи, изъ котораго также извѣстенъ лишь одинъ отрывокъ: „Послѣднія чувства Байрона“¹⁾. Рѣшивъ совершенно игнорировать печальную обстановку агоніи Байрона подъ Миссолонги, онъ вложилъ ему въ уста обширный монологъ, обращенный къ солнцу, въ послѣдній разъ привѣтствующій природу, и, подобно Манфреду, безтрепетно ожидающій приближенія смерти.

Та убыль въ интенсивности и полнотѣ байронизма, которая такъ замѣтна у Полежаева, Вяземскаго, — еще ощутительнѣе у двухъ современныхъ имъ поэтовъ, одаренныхъ чуткими запросами мысли, способныхъ не по внушеніямъ моды, а свободно и сознательно отнестись къ новому слову, — и сохранившихъ чело-вѣческое достоинство послѣ всеобщей переоцѣнки цѣнностей, — у Веневитинова и Баратынскаго. Юношеская критическая статья Веневитинова въ „Сынѣ Отечества“ съ оригинально проведенной параллелью между Пушкинымъ-авторомъ Онѣгина и Байрономъ, выставившая широту и общечеловѣческое значеніе байроновской поэзіи, явилась въ нашемъ обзорѣ лучшею изъ раннихъ попытокъ русской критики опредѣлить сущность байроновскаго творчества. Въ связи съ мѣткостью подобныхъ сужденій должна бы идти самостоятельная поэтическая работа въ данномъ направленіи. И она уже началась. Подобно извѣстнымъ отроческимъ заявленіямъ Лермонтова, восемнадцати-лѣтній Веневитиновъ въ „Пѣснѣ грека“ называетъ себя „смѣлымъ ученикомъ Байрона“. Въ сводѣ русскихъ стихотворныхъ некрологовъ поэта, отрывки изъ Веневитиновскаго „драматическаго пролога“: *Смерть Байрона* уже выдѣлились глубиной чувства и симпатіею къ освободительному подвигу. Въ лирикѣ юноши, который „такъ много знаетъ, такъ мало жилъ“, пробѣгали струйки байроновской грустной рефлексіи. Но, отрѣшаясь отъ своей личности, онъ готовился къ большому опыту романической характеристики, гдѣ выступилъ бы (какъ онъ говорилъ друзьямъ) герой съ чертами

¹⁾ „Послѣднія чувства Байрона“, изъ поэмы „Умирающій Байронъ“, въ „Синѣ“ 1826 г.

то Манфреда, то Чайльд-Гарольда, съ совѣстью, отягченною преступленіемъ, съ „неясными порывами высокой души“, „заживо убитый“, неспособный наполнить безцѣльность своего существованія. Эти заявленія, работы, планы говорили о разносторонности байроническаго почина. Но имъ не суждено было развиться. Новая сила, соперничающая съ поэтическими возбужденіями, искавшими выхода изъ тяжелой современности, отвлекла мечтателя въ иную область, обобщая стройное и послѣдовательное рѣшеніе не русскихъ только, но всемірно-историческихъ задачъ,—вѣнецкая философія, собравшая вокругъ Веневитинова первый московскій кружокъ дилеттантовъ-мыслителей, предтечь философско-эстетическихъ кружковъ тридцатыхъ годовъ. Шеллингизмъ, возведенная на его основѣ теорія самобытнаго русскаго вклада въ мировую культуру, основаніе „Московского Вѣстника“ для пропаганды этихъ взглядовъ, работа журналиста, отдавали Веневитинова отъ байронизма, подъ чьимъ флагомъ онъ вступилъ въ жизнь. Это была не измѣна, не охлажденіе, но перестройка понятій и воззрѣній; въ картинѣ общечеловѣческаго развитія, въ которое, по новой теоріи, каждая призванная къ исторической миссии народность вносить свое лучшее достояніе, заветную идею, Англія новѣйшихъ временъ, конечно, входила—въ сферѣ художественнаго творчества—съ Байрономъ, какъ Германія съ Гёте, и Россія (вѣрилось Веневитинову) съ Пушкинымъ.

Такъ покинута была поэтомъ-мыслителемъ волнующаяся байроническая лирика, оставленъ и планъ романа съ трагически задуманнымъ героемъ-неудачникомъ. Блѣдный очеркъ его содержанія и уцѣлѣвшій фрагментъ, написанный „Три эпохи любви“¹⁾, даютъ лишь контуры главнаго характера, который явился бы раннимъ предшественникомъ Печорина и развитіемъ намековъ и задатковъ, данныхъ въ личности Алеко и Пльнника. Въ жизни Владиміра Паренскаго (сына польскаго магната) vlastныя стремленія натуры эгоистической осложнились запросами мысли и знанія. Онъ еще въ университетѣ „удивляетъ успѣхами въ наукахъ“, страстно отдается анатоміи, „погружается въ размышленія о началѣ жизни, разгадываетъ тайну связи души и тѣла“. Онъ возвращается къ наукѣ, какъ къ цѣлительной силѣ, когда съ ужасомъ видитъ, въ какую пучину преступности вовлекла его ненасытность эгоизма, когда его преслѣдуютъ тѣни товарища и его невѣсты, погубленныхъ злораднымъ себялюбцемъ. Его тре-

¹⁾ Объ этомъ произведеніи сравн. статью проф. Е. Боброва: „Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки по исторіи литерат. и просвѣщ. въ XVIII и XIX в.“ (Учен. Записки Казанск. Университета, 1899, XII, и „Философія въ Россіи“, того же автора).

возня блужданія, путешествія, похожі на бѣгство, смягчаются приливами высшихъ интересовъ къ наукѣ. Когда же въ Германіи, снова предавшись анатоміи, онъ „передъ трупомъ красивой женщины внезапно почувствовалъ отвращеніе къ наукѣ“, для него „все въ мірѣ стало мертво“. Онъ влачитъ за собой отнынѣ ту же страшную цѣль, отъ преступленія переходитъ къ преступленію, разбиваетъ чужую жизнь, чужое счастье, какъ. испытатель дѣйствуя на женщинъ, мучится совѣстью и топить въ безцѣльномъ существованіи „качества необыкновенныя“.

Преслѣдуемый, подобно Манфреду или Ларѣ, тѣнями своихъ жертвъ, герой романа самъ остался для насъ смутною тѣнью; реальныя, просящія отвѣта, страданія даровитаго лишняго чело-вѣка вскрыты, но не изучены, не объяснены. Могъ ли объяснить ихъ Веневитиновъ, стоя уже на порогѣ своего философскаго воздушнаго чертога, могъ ли дѣйствительно отрѣшиться отъ своей тонкой и вѣжной душевной организаціи и пережить испытанія натуры, ей противоположной? Ранняя, быстрая смерть оборвала и этотъ вопросъ, и всѣ ожиданія, возбужденныя рѣдко даровитымъ юношей. Съ нимъ выбылъ изъ строя русскихъ байронистовъ чуть ли не наиболѣе культурный и разносторонній представитель направленія.

„Гамлетъ-Баратынскій“,—какъ назвалъ поэта Пушкинъ, въ стихотвореніи „Черепъ“, 1827 года,—ближайшій къ Веневитинову по вдумчивому, сознательному изученію и пониманію Байрона. Въ стихотвореніи „Подражателямъ“, помѣченномъ такою поздней датой, какъ 1830-й годъ, онъ обрисовалъ идеальный образъ художника, „въ борьбѣ съ тяжелою судьбою познавшаго мѣру вышнихъ силъ“, „постигнувшаго тайнства страданья“, „огражденнаго нетлѣнными лучами“ и „чтимаго подобно мученику“. Ставя его поэзію внѣ подражанія, онъ убѣждалъ Мицкевича, не подчиняясь Байрону, идти своимъ путемъ,—конечно, себѣ указывалъ подобную же цѣль, и пошелъ къ ней. Совсѣмъ избѣгнуть подражанія и онъ не смогъ. Стихотвореніе „Послѣдняя смерть“, 1828 года, изображающее уничтоженіе жизни на землѣ, страшную, безлюдную пустыню, несомнѣнно внушено байроновскою „Darkness“ ¹⁾, которой суждено было вскорѣ вдохновить и другого, младшаго русскаго поэта, Лермонтова („Ночь II“). Въ поэмѣ „Цыганка“ или „Наложница“ проведено, въ лицѣ цыганки Сары и Вѣры, байроническое, внушенное „Корсаромъ“, противоположеніе двухъ женскихъ характеровъ въ ихъ отношеніи

¹⁾ „Тьма“ была переведена впервые въ „Новостяхъ Литературы“, 1825, 17.

къ порвавшему со свѣтомъ герою поэмы. Вступленіе къ ней, защищая автора отъ обвиненія въ безнравственности, прибѣгаетъ къ тѣмъ приемамъ, которыми Байронъ отстаивалъ свою свободу въ выборѣ легкомысленныхъ или распущенныхъ нравовъ для „Беппо“ или „Донъ-Жуана“. Но вліяніе идейное, возбужденіе къ самостоятельности, защитѣ личности, правъ мысли, были несравненно важнѣе этихъ невольныхъ подражаній. Въ томъ ходѣ развитія, который привелъ Баратынскаго отъ игривыхъ шалостей молодой фантазіи къ рефлексіи, глубокой грусти, пессимизму, весь строй байроновскаго раздумья, мятѣжь, тоска и отчаяніе Манфреда, Гарольда, личная исторія поэта, раскрывшаяся передъ Баратынскимъ въ письмахъ и дневникахъ, изданныхъ Муромъ, были важною опорой. Но та основная черта, которая заслужила поэту у современниковъ названіе Гамлета, парализовала творческую способность, болѣзненно развивъ унылую „Grübeleien“. Онъ не примкнулъ къ торжествующей благонамѣренности, не сохранилъ солидарности и съ тѣми литературными корифеями, съ которыми началъ свою дѣятельность; онъ шелъ одинокою тропой, лишь изрѣдка раскрывая, — какъ въ стихотвореніи на смерть Гёте, — какая немолчная работа творилась въ этомъ умѣ. Но русская дѣйствительность, доведя его до горечи отрицанія и сомнѣнія, подорвала его творчество. Изъ рядовъ байронизма, въ широкомъ смыслѣ слова, выбыла немалая сила. Такъ въ ту же пору во Франціи байроническое движеніе понесло утрату, когда еще болѣе острый, все окутавшій мракомъ, пессимизмъ въ связи съ неизлечимой болѣзью разстроили великія ожиданія, возбужденныя Альфредомъ де-Виньи, поэтомъ-мыслителемъ, столь схожимъ по судьбѣ съ Баратынскимъ.

Убыль, атрофія, отреченіе, успокоеніе, невольное безмолвіе лишали байроническую группу наиболѣе даровитыхъ ея дѣятелей, понижали общій ея тонъ. А мелкота не меньше прежняго суетилась, драпируясь въ эффектные наряды великаго поэта, упражняясь въ перепѣвахъ съ его голоса, передѣлывая и приспособляя его сюжеты, характеры, настроенія. Байроновское эхо звучало въ лирикѣ и поэмахъ Подолинскаго, быть можетъ, наиболѣе даровитаго въ этомъ стихотворномъ арьергардѣ, вынесшаго сильныя впечатлѣнія изъ близости, въ молодые годы, съ кружкомъ Пушкина и Мицкевича; но, неспособный подняться до міросозерцанія Байрона, онъ остановился на разработкѣ Гарольдовскихъ мотивовъ въ своихъ лирическихъ вещахъ и привлекъ къ колориту байроновскихъ мистерій восточныя краски поэмъ Томаса Мура, чтобъ воспѣвать своихъ „Дивовъ и Пери“. По выраженію

Пушкина, „фантастическая тѣнь Чайльд-Гарольда сопровождала Виктора Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ оракійскимъ берегамъ“; онъ поддался „неизбѣжному для отправляющихся на Востокъ“ подражанію байроновской поэмѣ въ своихъ „Оракійскихъ элегіяхъ“ ¹⁾.

Онъ усвоилъ себѣ притомъ не только ориентализмъ Байрона, пригодный для большей яркости своихъ картинъ съ натуры, но внесъ рядъ мыслей и мотивовъ изъ другихъ, не-восточныхъ пѣсень „Гарольда“. Его элегіи напомнили Пушкину „нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе“. Безталанный Олинъ дошелъ въ рвеніи до превращенія „Корсара“, котораго сначала переводилъ прозой, въ трехъ-актную драму съ хоромъ и пѣснями ²⁾. Въ кругахъ дилеттантской молодежи, грѣшившей стихами и наполнявшей эстетическими интересами пустоту усмирненной и обезвреженной жизни, Байронъ съ смѣлымъ полетомъ фантазіи и чарующими художественными новшествами былъ предметомъ неистощимыхъ споровъ и обсужденій. О немъ говорили и изъ-за него ломали копья въ концѣ двадцатыхъ годовъ, какъ въ слѣдующемъ поколѣніи будутъ ратовать за Шекспира, Шиллера, Мочалова, — и журнальныя статьи, по большей части переводныя (Нодье, Газитта и др.), являвшіяся на страницахъ „Московского Телеграфа“, нелицемѣрно сохранившаго культъ англійскаго поэта ³⁾, вмѣстѣ съ отголосками байронизма въ новѣйшихъ твореніяхъ Пушкина, — являлись опорой для защитниковъ Байрона.

Въ бойкихъ наброскахъ съ натуры, составляющихъ бытовую фонъ статей Надеждина-Надоумки въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго (1830 г.), „Литературныхъ Опасеній“ и „Сонмища нигилистовъ“, выступаютъ въ пестромъ и шумномъ оживленіи литературныя вечеринки и эстетическія „курилки“ въ московскомъ Латинскомъ кварталѣ, на Патріаршихъ Прудахъ и въ „Палашахъ“, съ громогласными заявленіями фанатическихъ восторговъ, вызовами, бросаемыми отживающей школѣ, въ которыхъ еще звучатъ недавнія статьи „Телеграфа“.

Критику-борзописцу, среди мертвенныхъ страницъ старомоднаго журнала выступавшему предтечей хлѣсткихъ газетныхъ

¹⁾ Элегіи Теплякова вышли въ Спб. въ 1836 г.

²⁾ „Корсаръ“. Въ трехъ дѣйствіяхъ съ хоромъ, романсомъ и двумя пѣснями: турецкою и аравійскою. Заимствовано изъ англійск. поэмы лорда Байрона „The Corsair“. Спб. 1827.

³⁾ Въ послѣднее время изслѣдованіе г. Козьмина: „Очерки изъ исторіи русск. романтизма“, 1903 г., представило подробный обзоръ эстетическихъ работъ Полевого.

фельетоновъ, хотѣлось, обуздывая свои личные, несравненно болѣе широкіе вкусы и подлаживаясь къ брюзжанью старика-редактора, высмѣять шумиху праздныхъ разглагольствій, обличить вредъ литературной безформенности и безпринципности, которой онъ впервые придалъ кличку „нигилистической“ (причемъ, въ глазахъ его, *нигилизмъ равнялся байронизму*). Но, распредѣляя выраженія мнѣній между крикливыми буршами или между собой и автоматомъ, получившимъ имя Тлѣнскаго и участвующимъ въ діалогѣ,—не останавливаясь передъ комическими эффектами въ родѣ тоста Чадскаго, который „поднимаетъ бокалъ за упокой самого великаго Байрона“,—Надеждинъ все же не въ состояніи развѣнчать Байрона, отвергнуть его значеніе. „Богъ судья покойнику Байрону,—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ.—Его мрачный сплинъ заразилъ всю настоящую поэзію и преобразилъ ее изъ улыбающейся Хариты въ окаменяющую Медузу“; критикъ указываетъ на „страшный хаосъ, созданный гигантской фантазіей Байрона“. Но онъ все же считаетъ его гениальнымъ поэтомъ, вѣрить, что онъ „останется навсегда великимъ, хотя и злобщимъ свѣтиломъ на небосклонѣ литературнаго міра“. Этотъ взглядъ онъ возьметъ съ собой потомъ на каеэдру и на свой диспутъ, когда впервые въ стѣнахъ университета разыгралась война противъ русскаго романтизма. Среди обличеній и укоровъ, звучащихъ и тамъ противъ Байрона, вырисовывается его величіе, хотя и сатанинское.

Никодимъ Надоумко несомнѣнно сгустилъ краски, возстаая противъ хаоса, нигилизма, зараженія сплинномъ, окаменяющей Медузы. Опасности, которая оправдывала бы непомѣрное желаніе ратовать, спасти отъ гибели, не было. Официальная „народность“, чуткая, подозрительная, допускавшая лишь „преклоненіе передъ современнымъ порядкомъ, какъ „наилучшимъ изъ міровъ“, не потерпѣла бы соціально обоснованнаго пессимизма, внушающаго людямъ, что въ этомъ мірѣ все живое осуждено гдохнуть и гибнуть. Личная грусть и „сплинъ“, вырываясь изъ такихъ разбитыхъ душъ, какъ горемыка Полежаевъ, не представляли въ стихотворствѣ повального явленія. Когда Баратынскій, осмѣивая рабскихъ подражателей Байрона, потѣшался надъ ихъ „жеманнымъ вытьемъ“, это осужденіе, идущее отъ одного изъ наиболѣе вдумчивыхъ и склонныхъ къ меланхоліи русскихъ учениковъ Байрона, показываетъ, какими низкопробными казались участникамъ въ движеніи мнимо опасные факты, вызывавшіе заклинанія критика. Или охранителя здравыхъ взглядовъ тревожило не прекращавшееся даже въ пору затишья изу-

ченіе Байрона, журнальныя статьи о немъ, переводы, частыя ссылки, сличенія, параллели съ Пушкинымъ и т. д., и ему чудилась порча русской мысли и вкуса? Или его возмущало не переводившееся въ обществѣ отродѣ неповинныхъ въ литературѣ, но все же щеголявшихъ въ Гарольдовомъ плащѣ проблематическихъ натуръ? Онѣгинъ, первый въ ихъ ряду, повелъ за собой подражателей; герои Марлинскаго дали много оттисковъ и слѣпковъ въ гостиныхъ, въ полку, на Кавказѣ; Печорину предстояло затѣмъ стать родоначальникомъ еще болѣе многочисленнаго потомства плохихъ копій; еще позже, въ одномъ изъ героевъ „Тарантаса“, Иванъ Васильевичъ, Бѣлинскій узналъ „одного изъ тѣхъ, что корчили изъ себя Манфредовъ“. Явленіе повсемѣстное,—его иронически освѣщали Бульверъ, Альфредъ де-Мюссе, Гейне,—не помѣшавшее нигдѣ серьезному росту байронизма. Но, быть можетъ, именно оно усиливало въ глазахъ критика опасность, придавало мрачный фонъ умѣреннымъ и безобиднымъ литературнымъ итогам...

И черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ первыхъ наѣздовъ своихъ противъ байронизма и его кумира, Надеждинъ въ диссертациі ¹⁾, снова, и сильнѣе прежняго, постарался нанести ударъ врагамъ,—и ученикамъ, и учителю. Первыхъ онъ осмѣиваетъ, какъ пигмеевъ, которые, ослѣпленные „молніеноснымъ блескомъ адскаго величія Байрона, предаются въ тупости своей вакхическимъ восторгамъ“, тогда какъ самому поэту, „знаменитѣйшему, наполнившему своей славой весь свѣтъ“, онъ расточаетъ тяжкіе укоры. Это былъ „мужъ великихъ дарованій, но совершенно лишенный благочестія“, онъ представляетъ собой „абсолютнѣйшій типъ ужасающаго эгоизма“, который, „все отвергнувъ, самъ себя низвергаетъ въ адскую пучину небытія“. Онъ, преемникъ разрушителя Вольтера, „своими безбожными насмѣшками и поруганіями святыни (критикъ наиболѣе возмущенъ „Каиномъ“) самъ же губить себя“, и т. д.

Глухо раздавались громы проповѣдника, никого не поражая, не остановивъ ни одной изъ дѣйствующихъ въ литературѣ силъ, вызвавъ лишь немногочисленные возраженія. Самъ онъ, благодаря эстетической своей эволюціи, или же житейской сообразительности смѣтливаго человѣка, „отдавашаго классицизму честь“, достигшаго цѣли и ставшаго на свои ноги, выступилъ, въ „Телескопѣ“ и въ университетскихъ курсахъ, съ иною программой,

¹⁾ De origine, natura et fatis poeseos, quae romantica audit. Dissertatio historico-critico-elenctica. Mosquae, 1830.

которая въ состояніи была давать культурное крещеніе передовой молодежи тридцатыхъ годовъ ¹⁾,—а въ то время, когда гарцовалъ на фельетонномъ рысакѣ Надоумко и потомъ въ докторскомъ облаченіи предавалъ анаемѣ великаго поэта, въ тиши барскаго захоlustя той же Москвы, гдѣ ратовалъ обличитель, съ сказочной быстротой развивался замѣчательнѣйшій изъ русскихъ послѣдователей Байрона.

II.

Кучка русскихъ стихотворцевъ, поддерживавшихъ во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ байроническую традицію, производить впечатлѣніе отряда, лишившагося вождя и дѣйствующаго вразсыпную. Еще недавно съ горячностью велъ его въ бой человекъ великихъ дарованій, преданный идеѣ, увлекаемый все впередъ блестящею звѣздой, озарившею его путь. Теперь охлаждающее вліяніе переворота, захвативъ въ сильной степени и его, отвело его отъ современности, замѣнило протестъ передового оппозиціоннаго поэта разсудочнымъ, тяжело переживавшимся компромиссомъ, „въ надеждѣ славы и добра“, съ существующимъ порядкомъ, не посмѣвъ закрыть единственнаго почетнаго выхода,—сосредоточенія всѣхъ силъ на служеніи художественной красотѣ и чистому искусству. Повелителемъ байронической арміи онъ уже не могъ остаться; лозунга, ведущаго къ побѣдѣ, не могъ ей дать, потому что и самъ не вѣдалъ его болѣе. Она осиротѣла, словно растерялась въ своемъ безначаліи, стала растрчивать энергію въ разрозненныхъ попыткахъ удержатъ свое значеніе.

Но отмѣчены ли послѣдніа одиннадцать лѣтъ, прожитыя Пушкинымъ послѣ декабрьскаго перелома, рѣшительнымъ разрывомъ съ столь дорогимъ ему въ бурные годы байронизмомъ, есть ли малѣйшее основаніе разобщать его вполне съ его движеніемъ, исключать его имя изъ числа выдающихся его приверженцевъ? Введенное въ обиходъ литературныхъ мнѣній неуемѣренными сторонниками самостоятельности Пушкина толкованіе принимаетъ для зрѣлаго его возраста безусловное отреченіе отъ байронизма, принесеніе любимца въ жертву другимъ богамъ, отрезвленіе отъ демоническаго навожденія, которому не

¹⁾ Въ первые годы новаго журнала еще замѣтны отголоски прежнихъ мнѣній Надеждина о Байронѣ; съ умысломъ переведена изъ „Edinburg Review“ въ 1832 г. статья объ англійской поэзіи, съ упорами Байрону и Шелли. Впослѣдствіи въ томъ же журналѣ Бѣлинскій и Герценъ могли иначе оцѣнивать Байрона.

суждено уже повториться. Другое мнѣніе является результатомъ точнаго анализа произведеній и переписки Пушкина за тотъ же періодъ и изученія современныхъ „новообращенному“ поэту суждений критики и интеллигентныхъ слоевъ, которые, несмотря на видима отклоненія и новшества, не переставали вѣрить въ байроническія его сочувствія. Спорный вопросъ, цѣнный и для выясненія эволюціи литературнаго космополитизма, такъ широко развившагося у Пушкина, требуетъ рѣшенія и отъ историка русскаго байроническаго движенія, чуть не поставленнаго въ необходимость считаться съ страннымъ фактомъ ренегатства, навязаннымъ тому изъ нашихъ поэтовъ, который разносторонней отзывчивостью къ явленіямъ общечеловѣческаго творчества такъ напоминаетъ Гёте.

„Ни личный характеръ, ни воспитаніе, ни среда, ни традиціи не подготовили и не развили въ Пушкинѣ тѣхъ свойствъ, которыя выразились у Байрона въ *дѣйствительно пережитомъ* имъ титанизмѣ и привели къ героическому подвигу его послѣднихъ дней“; „свѣтлая Пушкинская муза не походила вовсе на истинную музу мести и печали, борьбы и протеста, философскаго и религіознаго отрицанія и сомнѣнія, музу смѣха, носящагося надъ широкими горизонтами всемірной исторіи и надъ застоємъ и гнетомъ современности, музу тяжкихъ душевныхъ страданій за себя и за другихъ“. Къ такому выводу привело уже насъ ¹⁾ изученіе основныхъ мотивовъ Пушкинскаго байронизма въ пору его расцвѣта. Послѣ перелома это наблюденіе еще болѣе подтверждается отдѣльными фактами и общимъ составомъ Пушкинскаго творчества. Неполное, ослабленное соотвѣтствіе его съ раннимъ образцомъ остается неизмѣннымъ до конца. Но былой энтузіазмъ былъ слишкомъ силенъ и продолжителенъ, онъ освѣтилъ и облагородилъ мятежное клокотаніе юношескаго протеста, раскрылъ далекіе горизонты и великія цѣли, онъ возбуждалъ къ самостоятельности, заронилъ рядъ примѣчательныхъ замысловъ. Такія связи не прерываются, какъ бы превратно ни складывалась потомъ участь человѣка, какъ бы ни осложнялся его художественный обиходъ, переходя отъ единобожія къ эклектизму, свободно усвоивающему разнородные элементы міровой литературы. Это не модный нарядъ, который легко сбросить, задрапировавшись въ иной, пластически красивѣйшій, съ льющимися складками, будь онъ съ плеча Шекспира или Гёте. Не было такого времени, когда бы Пушкинъ являлся

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1904, IV, 600.

безусловно шекспиристомъ, гётеанцемъ, ученикомъ Вальтеръ-Скотта, но была пора, когда всею душою прильнулъ онъ къ Байрону. Это была первая его любовь,—какъ самъ онъ, по извѣстному выраженію Тютчева, былъ „первой любовью Россіи“. Она не забудетъ его, но и онъ никогда не забывалъ Байрона, не охлаждѣвалъ къ нему.

Письмо къ Вяземскому, отъ 10 октября 1824 г., даетъ высоко любопытное указаніе на намѣреніе поэта отделиться изъ Михайловской ссылки на кончину Байрона не однимъ лишь стихотвореніемъ: „Къ морю“, недоговоренность котораго была уже мною отмѣчена,—тризной, совмѣстной для Байрона съ Наполеономъ и прославившей у творца „Манфреда“ и „Донъ-Жуана“ лишь „мрачность и неукротимость“. „Посылаю тебѣ маленькое поминанье за упокой души раба Божьяго Байрона,—пишетъ Пушкинъ.—*Я было и цѣлую панихиду затѣялъ*, да скучно писать про себя, или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленного на Красовскаго“. Замершее на устахъ опечаленнаго поклонника сочувственное слово (неужели, помимо Бирукова съ Красовскимъ и цензурнымъ синедріономъ, оно не могло бы облетѣть всю страну въ видѣ свободной, нелегальной импровизаціи!) все же частично проявляется при первомъ же поводѣ. Такъ въ напоминающей сонмъ поэтовъ въ Дантовомъ лимбѣ картинѣ, открывающей стихотвореніе „Андрей Шенье“, тѣнь Байрона введена въ кругъ великихъ художниковъ и „близъ Данта внимааетъ хору европейскихъ лиръ“, славословящихъ ее. Въ перепискѣ, передъ концомъ ссылки, мысль поэта постоянно возвращается къ Байрону. Когда г-жа Кернъ прислала ему изъ Риги послѣднее изданіе байроновскихъ сочиненій во французскомъ переводѣ, онъ пишетъ горячо благодарственное письмо, въ которомъ симпатіи къ Байрону сливаются съ нѣжностью къ плѣнительной женщинѣ, такъ тонко отозвавшейся на его завѣтные запросы. Отнынѣ ея образъ будетъ неразлученъ въ его воображеніи съ тѣми, что создала байроновская фантазія. „Ее онъ будетъ видѣть въ Гюльнарѣ, Лейлѣ; идеалъ самого Байрона не могъ имѣть болѣе божественныхъ чертъ“ (*l'idéal de Byron lui même ne pouvait être plus divin*). „Что за чудо Донъ-Жуанъ!“—слышится восторженный возгласъ въ сентябрьскомъ письмѣ 1825 г., а затѣмъ вскорѣ пойдутъ мольбы прислать непременно дальнѣйшія пѣсни поэмы (съ шестой).

Но всѣ эти показанія связаны съ концомъ ссылки, и въ нихъ еще можетъ отражаться сильное, не сгладившееся впечатлѣніе смерти поэта. Вульфъ свидѣтельствуетъ, что „въ Ми-

хайловскомъ Пушкинъ былъ помѣшанъ на Байронѣ“, — хотя несомнѣнно, что въ тому же времени относится пристальное изученіе Шекспира (для работы надъ „Годуновымъ“) и Вальтеръ-Скотта, которымъ общепринятое толкованіе приписываетъ побѣду надъ Байрономъ. Измѣнилось ли въ чемъ-нибудь отношеніе къ нему Пушкина послѣ того, какъ роковая грань была перейдена? Факты даютъ отрицательный отвѣтъ. Въ отзывѣ о „Корсарѣ“ Олина, 1827 года, выдающимися чертами „Чайльдъ-Гарольда“ признаны „глубокомысліе и высота паренія“, а „Донъ-Жуана“ — „удивительное Шекспировское разнообразіе“; поэзія Байрона „очаровательно-глубокая“. Въ стихотвореніи того же года „Кто знаетъ край“ проносится страдальческій образъ Байрона („И Байронъ, мученикъ суровый, страдалъ, любилъ и проклиналъ“). Стихотвореніе 1830 года „Юсупову“ отмѣчаетъ въ исторіи европейской поэзіи моментъ, когда раздался „звукъ новой, чудной лиры, звукъ лиры Байрона“. Замѣтки, набросанныя въ томъ же году въ Болдинѣ, отвергая даже намекъ на возможность пародіи въ „Онѣгинѣ“ на „Чайльдъ-Гарольда“, „стоящаго недостижимо высоко“, называютъ насмѣшливое къ нему отношеніе „неуваженіемъ къ великой и священной памяти“; рецензія на „Элегію“ Теплякова, говоря о неизбежности подражанія „Гарольда“, видитъ въ этомъ „стремленіе *пойти по слѣдамъ гения*“. Разборъ Батюшковаго „Тасса“ безконечно высоко ставитъ надъ нимъ „Lament of Tasso“; вступленіе къ „Полтавѣ“ проникнуто боязнью состязанія съ выдающимся произведеніемъ, — „Мазепой“. На одномъ изъ черновыхъ листковъ „Путешествія“ Онѣгина набросана параллель между неизгладимостью воспоминаній о любви, когда само чувство уже исчезло въ душѣ нашей, и психическимъ состояніемъ байроновскаго гладіатора („такъ гладіаторъ у Байрона соглашается умирать, но воображеніе носится по берегамъ родного Дуная“).

Проходили годы, крѣпло и развивалось дарованіе Пушкина, расширялось его знакомство съ міровой поэзіей, историческій романъ, драма, старина и народность, художественная пластика завладѣвали нѣкогда взволнованнымъ и страстнымъ его творчествомъ, — но неизмѣнно горѣлъ огонь передъ жертвенникомъ, на которомъ въ юности онъ славилъ Байрона. Когда, незадолго до смерти, Пушкинъ-журналистъ, снова группирующий вокругъ себя передовое, Гоголевское поколѣніе ¹⁾, пишетъ для „Современника“

¹⁾ Высшее мнѣніе о Байронѣ передалось и Гоголю. Переписка его хранитъ слѣды этого отношенія къ поэту. Когда Гоголь былъ въ Швейцаріи, 1836, онъ не посмѣлъ подписать свое имя подъ двумя славными именами творца и переводчика

сочувственную біографическую статью о Байронѣ, это послѣднее обращеніе къ его памяти завершаетъ непрерывную, идущую съ 1820 года, связь съ прежнимъ властителемъ думъ, совершенно не похожую на мнимый разрывъ и отреченіе.

Но къ кореннымъ причинамъ глубокихъ недочетовъ въ усвоеніи байронизма Пушкинымъ присоединилось вліяніе того гнета, который положенъ былъ на его творчество новымъ порядкомъ вещей, ставившимъ преграды каждому сколько-нибудь свободному шагу, обратившимъ осыпанную милостями жизнь въ мартирологъ. Все это объясняетъ, почему сбереженное вопреки всему сочувствіе и пониманіе совпадало отнынѣ съ еще болѣе ограниченнымъ усвоеніемъ. Съ того берега, на который его бросила судьба, онъ любовался красотами фантастическаго царства, смѣло созданнаго гениемъ-мыслителемъ, но, связанный въ движеніяхъ, не въ силахъ былъ возвести на топкой родной почвѣ такое же чудо ума и воображенія.

Но, въ извѣстныхъ—и немалыхъ—предѣлахъ, байроновское вліяніе продолжало сказываться и среди изумительныхъ успѣховъ самостоятельности и народности, украсившихъ зрѣлый, примиренный и какъ будто уравновѣшенный періодъ. Изъ Пушкинскаго Sturm und Drang'a прежде всего перешелъ въ него „Онѣгинъ“, всецѣло зародившійся на байронической основѣ,—и нѣсколько лѣтъ, первыхъ лѣтъ Николаевской поры, было пройдено поэтомъ объ руку съ привычнымъ спутникомъ въ Гарольдовомъ плащѣ. Въ неразлучномъ товарищѣ давно уже сгладились черты, которыя когда-то неопредѣленно придали ему характеръ двойника, словно въ параллель тождеству Гарольда съ Байрономъ. Выяснялось намѣреніе вывести въ немъ одну изъ жертвъ моднаго повѣтрія разочарованности, слабую копію съ глубоко задуманнаго оригинала, разукрашенную и окруженную таинственнымъ сіяньемъ лишь въ романтически-мечтательной головѣ Татьяны. Когда очарованье разсѣялось, и, заглянувъ въ мнимодемоническій тайникъ, она нашла тамъ книжные источники пессимизма и пресыщенности и поставила о любимомъ человѣкѣ ироническій вопросъ о москвичѣ въ плащѣ Гарольда,—слѣдомъ за нею читатель проникается мыслью, что передъ нимъ характерный образецъ салоннаго Протея, способнаго настраивать свой психическій міръ въ духъ послѣдняго слова современности. Появленіе Онѣгина въ новыхъ главахъ уже возбуждало (какъ ка-

„Шильонскаго Узника“. Англія для него—предметъ удивленія,—„земля, которая, несмотря на дикія крайности, вырабатываетъ однакожъ безостановочно Байроновъ и Диккенсовъ“ и т. д. Письма Гоголя, изд. Шенрокомъ, I, 413, IV, 87.

залось самому поэту) любопытство относительно наряда, въ который онъ закутается:

Космополитомъ патриотомъ,
Гарольдомъ, квалеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?

—спрашивалъ себя читатель.

Въ тѣхъ доляхъ, на которыя распадается поэма, начатая наканунѣ переворота, продолженная и законченная, когда лозунгомъ поэта стала объективность, послѣднія главы постепенно снимаютъ героическіе доспѣхи съ Онѣгина, вводятъ его въ реально бытовые рамки, превращаютъ задумчиваго и скорбнаго beau ténébreux, съ налетомъ Weltschmerz'a, въ хандрящаго россиянина-барича, скучающаго странника по землѣ своей, всѣмъ чужого, и подъ-конецъ лишившагося даже эффектно-властной роли относительно женщинъ, вымаливая себѣ взаимность у отвергнутаго имъ когда-то существа. Отдаленіе между нимъ и его ранними вдохновителями, Гарольдомъ и Жуаномъ, возрастаетъ и разобщаетъ ихъ. Но байроническій отпечатокъ и тогда не сглаживается; слабѣя въ изображеніи главнаго характера, онъ неизмѣненъ въ тонѣ и складѣ повѣствованія. Усвоенныя Пушкинымъ (какъ и Мюссе, Словацкимъ, Гейне, Эспронседой) у Байрона отклоненія отъ сюжета, съ обращеніями къ читателю, остроумными или печальными оцѣнками жизни, полемическими выходками, автобіографическими признаніями, пышно развились, съ небывалымъ въ русской поэзіи блескомъ и игрой ума, отвлекая часто (какъ въ „Донъ-Жуанѣ“) вниманіе отъ разсказа. Въ его бытовыхъ и описательныхъ частяхъ, картинахъ общественной жизни или нравовъ деревни, сказывается самобытное развитіе примѣровъ, данныхъ великимъ мастеромъ. Путешествіе Онѣгина (впослѣдствіи дополненное, изъ неизданныхъ рукописей, остроумными строфами) задумано и выдержано въ полутѣнь съ паломничествомъ, подставляя барскій сплинъ, ищущій разсѣянія и острыхъ впечатлѣній, сплинъ „недѣланія“, болѣзнь за челоувѣчество и возбуждающимъ рѣчимъ байроновскаго странника. Когда же пришла пора спустить занавѣсъ, закончивъ сказаніе о російскомъ Гарольдѣ не то счастливымъ союзомъ съ Татьяной (какъ повидимому предполагалось), не то урокомъ семейной морали, и нить разсказа оборвалась,—поэтъ грустно разстается съ спутникомъ, причудливымъ, страннымъ, когда-то близкимъ, потомъ разгадаемымъ. Это—грусть Байрона въ заключительныхъ строфахъ „Ч. Гарольда“, когда наступило послѣднее прощаніе съ поэтическимъ двойникомъ, такъ же поблекшимъ отъ времени

и отступающимъ вглубь сцены, чтобъ дать свободно проявиться геніальности самого поэта.

Личная судьба Онѣгина и образъ его столь же мало нужны были, ко времени окончанія поэмы, для посредствующей роли; они отслужили свою службу. На байронической основѣ возникъ новый, русскій общественный романъ, еще не богатый психологической глубиной, но съ живыми чертами быта, народности, природы, воспроизведенныхъ съ небывалой свободой письма. Отражаясь даже въ мелкихъ, не выдающихся, повѣствовательныхъ опытахъ, тотъ же переходъ отъ байроническихъ приемовъ къ самостоятельности, какой показала исторія „Онѣгина“, привелъ къ созданію такихъ остроумныхъ шалостей, какъ „Графъ Нулинъ“ и „Домикъ въ Коломнѣ“. Не скромныя французскія сказочки, стиля „Vert-Vert“, которыя когда-то такъ нравились Пушкину-подростку, а „Беппо“—образецъ ихъ. Поэтъ не послѣдовалъ вполнѣ за нимъ, не слилъ съ задорно-бойкой жанровой картиной колкую политическую и общественную сатиру, которая въ венеціанскомъ анекдотѣ Байрона поминутно вспыхиваетъ. Онъ окружилъ свой сюжетъ,—внезапно поманившую его попытку комически обработать, въ современныхъ нарядахъ, исторію Лукреція и Тарквинія, — аппаратомъ веселости, насмѣшливости, наблюдательности, не уступающимъ „Беппо“ и тѣмъ частіямъ „Донъ-Жуана“, гдѣ царствуетъ юморъ, находя, какъ Байронъ, иногда острое удовольствіе дразнить общественное цѣломудріе. Бытовые краски „свѣта“ и мѣщанской жизни раскинуты по этимъ этюдамъ съ натуры такъ же ярко, какъ обрисованъ венеціанскій *ménage à trois*, окруженный распушенностью карнавала,—а стихотворная форма, невиданный блескъ небрежной игры размѣромъ и римой, звонкой и гибкой красотой рѣчи—свободная варіація удивительныхъ вольностей, художественнаго жонглированія стихомъ, которое такъ типично у Байрона, и которое не покидало его до смерти.

Подъемъ интереса къ старинѣ, родной или всеобщей, развившагося у Пушкина подъ соединеннымъ вліяніемъ историческихъ драмъ Шекспира, Вальтеръ-скоттовской романической реставраціи, изученія Карамзина, лѣтописей и пѣсень, считается однимъ изъ важнѣйшихъ противоядій вліянію байронизма. Но одинъ изъ главныхъ художественныхъ результатовъ новаго влеченія—„Полтава“—стоитъ на прежней почвѣ, подготовленной англійскимъ предшественникомъ. Поэма открывается эпитафией изъ Байрона. Предполагалось назвать ее „Мазепа“, но, по словамъ Пушкина, его остановила мысль о встрѣчѣ съ такимъ же за-

главнѣмъ байроновской поэмы; несомнѣнно сдерживало также опасеніе встрѣтиться въ деталяхъ сюжета съ однимъ и тѣмъ же главнѣмъ лицомъ,—хотя у Байрона юношескій эпизодъ изъ жизни Мазепы, бѣшеная скачка его, привязаннаго къ дикому степному коню, имѣетъ несравненно болѣе значеніе, чѣмъ старость, почетное положеніе и измѣна гетмана. Дороги обоихъ поэтовъ, повидимому, разошлись. Для *русскаго*, и именно *Петровскаго* фона поэмы Байронъ ничего не могъ дать Пушкину, передъ которымъ все ярче раскрывался и духъ преобразовательной эпохи, и переломъ въ нравахъ и понятіяхъ, и образъ реформатора. Но въ романическомъ эпизодѣ, вставленномъ въ историческую оправу, Пушкинъ не могъ удержаться отъ приемовъ байроновскаго пошиба. Изъ фабулы „Мазепы“ онъ не повторилъ ея основы (какъ сдѣлалъ Гюго въ „Mazeppa“ и Лермонтовъ—въ наброскѣ 1831 г. „Мазепа“) ¹⁾, разработкой которой у Байрона восхищался. Встрѣчаются оба поэта лишь въ изображеніи бѣгства гетмана съ Карломъ XII и привала въ степи. Но общее вліяніе Байрона все же сказалось. На характерѣ старика-гетмана видно отраженіе типа пылкой, властной, закаленной жизнью натуры, сохранившей энергію, честолюбіе, мстительность, несмотря на годы,— типа, выведеннаго и въ восточныхъ поэмахъ, и въ „Паризинѣ“, и въ „Марино Фальеро“. Съ героемъ послѣдняго произведенія онъ всего ближе по юношеской страстности, увлекающей оскорбленнаго честолюбца въ опасный мятежъ и измѣну. Отдаляясь отъ образца своего въ сентиментально разработанной исторіи любви къ Маріи, этотъ характеръ, далеко не лишенный жизненности, реально-вѣрными чертами своими связанъ съ однимъ изъ развитѣннѣйшихъ байроновскаго „героическаго типа“. Но и въ подробностяхъ слышатся, порой, отголоски Байрона. Такъ, мотивъ изъ „Гяура“ (повторенный отсюда и Мальчевскимъ въ „Маріи“) перенесенъ, даже съ сохраненіемъ вопросительной формы, въ эпизодическомъ появленіи казака въ степи, который „при звѣздахъ и при лунѣ такъ поздно ѣдетъ на конѣ“, и своей скачкой нарушаетъ таинственную тишину пустыни.

Другой вопросъ,—что могло выйти и что вышло изъ соединенія исторіи и вымысла, байроновскаго пережитка и украинской старины, старческой любовной романтики и честолюбія венеціанскаго дожа, живописной смѣси, облеченной въ изящный стихотворный нарядъ? Бѣлинскій еще въ 1843 г. рѣшилъ этотъ

¹⁾ О различныхъ переработкахъ сюжета „Мазепы“ въ связи съ поэмой Байрона—см. D. Engländer, Lord Byrons „Mazeppa“, Berlin, 1897.

вопросъ строгимъ приговоромъ, находя, что „Полтава не вышла ни эпической поэмой, ни романтической, байроновской“. Участіе симпатій къ Байрону даже въ поэтической обработкѣ русской исторической темы остается все же любопытнымъ фактомъ.

Пушкинская лирика послѣдняго періода сохранила многія изъ созвучій съ байроновской субъективной поэзіей, которыя сказались въ юношескомъ лиризмѣ поэта. Ихъ нѣтъ лишь тамъ, гдѣ затронуты политическіе и общественные взгляды. Байроновскій радикализмъ несовмѣстимъ ни съ „Бородинской годовщиной“, „Клеветникамъ Россіи“, ни съ тою, неудачно прикрытою именемъ свободомыслящаго патріота Пиндемонте, profession de foi, которая равнодушна къ тому, „свободно ли печать морочить олуховъ, или чутвая цензура въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура“, и ставитъ выше всего возможность „себѣ лишь самому служить и угождать, для власти, для ливреи не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи“, такъ какъ безразлично „зависѣть отъ властей или зависѣть отъ народа“. Но тамъ, гдѣ раздумье, скорбь, „гибра воспоминаній“, судъ надъ собой, общеніе съ природой овладѣютъ поэтомъ, онъ въ искреннихъ изліяніяхъ встрѣчается съ тѣмъ, кто вмѣстѣ съ Шенье научилъ его когда-то магическому искусству задушевной элегіи. Жизнь ставила его въ эти годы иной разъ въ такія условія, которыя сильно будили въ немъ байроновскіе отголоски. Такъ повліяло второе посѣщеніе Кавказа, мятежно предпринятое бѣгство вдаль отъ гнета, одна изъ характернѣйшихъ вспышекъ сдержаннаго, но не подавленнаго инстинкта вольности. Не вернулось горячее байроническое настроеніе, которое испытано было среди первыхъ впечатлѣній, какъ не вернулась юность, но сурово-величественная природа, раскрывавшаяся передъ поэтомъ, когда онъ впервые углублялся въ кавказскія нѣдра, на пути въ Грузію и Эрзерумъ, равная той, что обвѣяла Манфреда и Гарольда, сильно захватила его. Тогда являются такія стихотворенія, какъ „Монастырь на Казбекѣ“, „Кавказъ подо мною“, „Обвалъ“; когда поэтъ „одинъ въ вышинѣ стоитъ надъ снѣгами у края стремнины“ и „отселѣ видитъ потоковъ рожденіе и первое грозныхъ обваловъ движеніе“,—оживаютъ картины швейцарской пѣсни „Паломничества“ и нѣсколько разъ, съ увлеченіемъ поэта-пейзажиста, обрисованное Байрономъ роскошное явленіе въ заоблачной вышѣ, — образованіе „avalanche“, съ грохотомъ и блескомъ низвергающейся въ пропасть,—а въ подъемѣ духа пришельца съ грѣшной земли, когда онъ видитъ себя безмѣрно далеко отъ нея,—на без-

границномъ просторѣ, среди несокрушимого величія, слышатся не менѣе дорогіе Байрову мотивы.

Но среди сѣрой, постылой жизни, насильно отвлекавшей къ себѣ отъ излишняго и опаснаго паренія, переживались, порою, приливы такого глубоко элегическаго состоянія, которое (какъ и лучшія созданія юношеской меланхоліи Пушкина) снова сближалось съ завѣтными изліяніями Байрона. Одна изъ выдающихся элегій, „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ (1830 г.), отъ скорби о неудовлетворенной и разбитой жизни и сожалѣній объ угасшихъ порывахъ молодости поразительнымъ переходомъ поднимается до идейнаго заявленія, чисто байроновской силы. Между рѣшимостью „жить, чтобъ мыслить и страдать“ и провозглашеніемъ, послѣ трагическаго изображенія гоненій, вражды, одиночества, „права мыслить нашимъ послѣднимъ, неотъемлемымъ правомъ“, есть кровное родство. Мы видѣли, какъ это знаменитое мѣсто IV-й пѣсни „Гарольда“ столь же возбуждительно отзывалось въ „Беньовскомъ“, приди на помощь Словацкому въ навболѣе острое время гоненія и разлада.

Такъ выясняется передъ нами фактическій составъ того, что слѣдуетъ признать Пушкинскимъ „байронизмомъ“. Сразу пылкій, очарованный, онъ въ разсудочной своей стадіи хранитъ преданіе и среди сложной творческой работы служить и ему. Это — не могучая двигательная сила, способная подъ знаменемъ боевой байроновской поэзіи поднять упавшую энергію литературныхъ сверстниковъ, вести проповѣдь освобождающихъ началъ, борьбу съ старымъ порядкомъ, вліять на цѣлую эпоху. Пушкинъ навсегда сохранилъ тѣ свойства „byronisant“, начетчика байронизма, которыя такъ мѣтко разглядѣлъ въ немъ Мицкевичъ. Въ поразительно вѣрномъ приговорѣ надъ русскимъ романтизмомъ, не сѣмѣвшимъ понять Байрона ¹⁾ (къ этому приговору мы еще должны вернуться), Бѣлинскій распространилъ осужденіе и на вождя романтическаго движенія, Пушкина. „Не только ты не понялъ новаго воеителя, — говоритъ критикъ олицетворенному романтизму, — его не понялъ и тотъ великій русскій поэтъ, котораго ты такъ несправедливо называлъ своимъ отцомъ, и котораго еще несправедливѣе называлъ ты то сѣвернымъ, то русскимъ Байрономъ“. Различныя, лишь въ послѣдствіи раскрытыя, данныя побуждаютъ насъ измѣнить формулу этого приговора. Пушкинъ понялъ значеніе и сущность байроновскаго переворота лучше и вѣрнѣе русскихъ современниковъ, уступая въ этомъ

¹⁾ „Русская литература въ 1842 году“.

только Лермонтову, но личныя и общія культурныя условія не допустили его проявить сполна это пониманіе, открыто присоединиться къ движенію. Въ предѣлахъ этихъ преградъ онъ не могъ быть, и не былъ ни „сѣвернымъ“, ни русскимъ Байрономъ“; къ нему успѣшно раздававшійся, бывало, титулъ еще менѣе подходилъ, чѣмъ къ выступавшимъ уже въ нашемъ обзорѣ западнымъ поэтамъ первой половины вѣка, которыхъ молва вѣнчала байроновскимъ ореоломъ. Но каковы бы ни были недочеты его гласнаго, всенароднаго байронизма, байроновское влияніе на Пушкина, и въ прямыхъ его послѣдствіяхъ, и какъ стимулъ къ самостоятельности, составляетъ одно изъ немногихъ важнѣйшихъ явленій въ лѣтописи русской байронической поэзіи, — стало быть, и въ томъ сложномъ, многовѣтвистомъ движеніи, которое Бѣлинскій обозначилъ именемъ „романтизма“.

Въ тѣ же годы, къ которымъ привела насъ хронологія движенія, у Пушкина, конечно, хранилось больше сконцентрированной байронической энергіи, чѣмъ у кого-либо изъ поэтовъ. Это знали, чувствовали, подозрѣвали всѣ, кому о томъ знать надлежитъ. Нападки на подражателей Байрона, часто не называя Пушкина и нанося удары какому-то неопредѣленному врагу, направлялись на поэта. Иногда, — пріемъ новый и любопытный, — съ Пушкинымъ боролись, называя его Байрономъ и какъ будто полемизируя съ англійскимъ его вдохновителемъ. Въ такомъ тонѣ выдержано критическое преніе Булгарина и Воейкова ¹⁾ съ „Московскимъ Вѣстникомъ“. Стоило Пушкину пустить „окогченную летунью“ — эпиграмму въ станъ противниковъ, — ему, казалось, выбывшему изъ рядовъ байронизма, напоминали его байроническіе грѣхи и издѣвались надъ ними. Прежній союзникъ, Полевой, въ „Московскомъ Телеграфѣ“ отвѣчалъ на остроумное Пушкинское „Собраніе насѣкомыхъ“ съ карриатурами педантовъ, клеветниковъ и обскурантовъ, стихотворною стряпней, выводящей въ комическомъ багажѣ Пушкина потуги перенимать Байрона, — „вотъ Чайльдъ-Гарольдія смѣшная, вотъ Донъ-Жуанія моя“ и т. д. Въ своемъ двойномъ походѣ противъ распространенія байронофильства Надеждинъ постоянно имѣлъ въ виду Пушкина, хотя и избѣгалъ называть его. Въ невидимаго врага цѣлится своими выходками Надоумко въ бесѣдѣ съ Тлѣнскимъ, „сонмище нигилистовъ“ въ неистовыхъ эксцентричностяхъ опирается на

¹⁾ „Сѣверная Пчела“, 1828, № 38; „Славянинъ“, того же года, XXI, 323—5.

русскаго Байрона, диссертация направляет свои обличения противъ скрытаго зачинщика зла.

Опасения не были излишними. Для новаго поколѣнія, „молодого, незнакомаго племени“, этотъ будто бы раскаявшійся байронистъ, заподозрѣнный въ неискренности обращенія къ здоровымъ понятіямъ, могъ дѣйствительно являться проповѣдникомъ осужденнаго направленія. Весь цѣль его произведеній, возникшихъ въ связи съ байронизмомъ, ставъ художественнымъ достоинствомъ грамотной массы, былъ на лицо, глубоко западая въ сознание болѣе воспріимчивыхъ натуръ и направляя ихъ по тому же пути, — сколько бы самъ виновникъ движенія ни отдалялся отъ него къ чистому искусству. Подготовительной школой для байронизма Лермонтова были наряду съ произведеніями Байрона, необыкновенно рано прочтенными, и байроновскія поэмы, и лирика Пушкина. Записныя книги его полны отрочески-незрѣлыхъ попытокъ пересказать по-своему „Цыганъ“, „Кавказскаго Плѣнника“, вложить въ уста Пушкинскимъ героямъ чувства и мысли, терзавшія одинокаго мечтателя-несчастливца. Въ цѣпи вліяній, соединяющихъ Байрона съ величайшимъ русскимъ его послѣдователемъ, особенно цѣннымъ звеномъ была поэзія Пушкина. Не развилось въ глубокое и стройное цѣлое байроническое ея содержаніе, высшихъ художественныхъ успѣховъ достигла она на иномъ пути, — но въ несложной исторіи русскаго байронизма нѣтъ славнѣе именъ, чѣмъ имя творца Печорина и его предтечи.

III.

Не только въ русской вѣтви „школы Байрона“, но и въ ея общеевропейскомъ развитіи не много встрѣтится выдающихся силъ, которыя были бы такъ рано и такъ послѣдовательно подготовлены фактами жизни, предрасположеніями нервной организаціи, литературными вліяніями къ своей дѣятельности, какъ Лермонтовъ. Въмѣсто сибаритской, полной баловства и бездѣлья, обстановки, окружавшей отрочество Мюссе или Пушкина, семейный разладъ, возмущеніе противъ несправедливости, неравенства и нетерпимости, манящій къ себѣ страдающій и таинственный образъ жертвы гоненія и зла, — отца мальчика, — долгое время безсмѣннаго оригинала „странныхъ людей“ его драмъ и лирики. Гордо-застѣнчивая замкнутость въ себѣ, горячая дѣятельность мысли, съ не-дѣтской запальчивостью устремившейся къ рѣшенію противорѣчій и загадокъ жизни, нервные переходы отъ экстаза

къ глубокой грусти, нервная тоска по отвѣтному чувству, дружбѣ, любви, гложущее сознаніе роковой судьбы натуры избранной, но непонятой, непризнанной, осужденной погибнуть, не оставивъ по себѣ слѣда,—весь этотъ сложный составъ данныхъ былъ уже достояніемъ полу-ребенка, отрока, росъ и развивался вмѣстѣ съ нимъ, не ожидая тѣхъ серьезныхъ испытаній, той житейской борьбы, которыя для большинства Лермонтовскихъ сверстниковъ-байронистовъ бывали прелюдией къ ихъ обращенію. Байронъ необыкновенно рано сталъ на пути этихъ склонностей и влеченій, далъ отвѣтъ на нихъ, поразилъ сходствомъ запросовъ, протеста, грусти, одиночества, таинственныхъ душевныхъ движеній, демонической гордости. Тогда какъ Мюссе, Гейне, Словацкій, Мицкевичъ испытали байроническое увлеченіе уже послѣ того, какъ юношеская поэзія его прошла иными путями и чествовала иныхъ боговъ, а для Пушкина часть байронизма пробилъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ „лицейскаго періода“, послѣ французской игривости, анакреонтическихъ шалостей, „Руслана“ съ его отголосками то Вольтера, то Аріоста, наконецъ послѣ культа Шенье, — поворота къ гражданственности,—поэзія Байрона была уже для Лермонтова-подростка однимъ изъ главныхъ пособій по развитію литературнаго вкуса; она вошла въ ту отборную, рѣдкую въ то время, Пушкинымъ, напр., никогда не извѣданную программу домашняго воспитанія, въ которой Байронъ встрѣчался съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Лессингомъ, новыми французскими поэтами. Съ дѣтства впитывалъ онъ въ себя духъ байроновскаго творчества, какъ святыню унесъ эти впечатлѣнія въ школу, университетъ, юнкерство, въ петербургскій свѣтъ, на Кавказъ и остался вѣрнымъ имъ навсегда.

Его воспитатель-англичанинъ познакомилъ его, и притомъ *въ подлинникъ* (немалое преимущество въ то время) съ самыми разнообразными видами байроновской поэзіи; въ ученическихъ тетрадяхъ найдены переводы не только изъ восточныхъ поэмъ „Гяура“, но и—изъ „Беппо“. Тутъ же списанный для себя „Шильонскій узникъ“ въ переводѣ Жуковскаго, о бока съ столь же благоговѣнно сбереженнымъ въ дѣтской копіи „Бахчисарайскимъ фонтаномъ“, откуда на чуткаго мальчика снова повѣяло байроновскимъ духомъ. Это—чтенія и впечатлѣнія двѣнадцатилѣтняго подростка. Байронъ становится неразлучнымъ его спутникомъ всюду, и въ барскихъ хоромѣхъ въ Москвѣ, и въ затишѣ Тархановъ или Середникова, гдѣ „съ огромнымъ томомъ байроновскихъ сочиненій онъ блуждалъ по уединеннымъ

мѣстамъ большого сада“ ¹⁾), гдѣ въ тѣни его любимца, стариннаго дуба, завѣтная записная книга, первая наперсница его поэзіи, покрывалась импровизаціями,—и въ школѣ. Отъ ничтожества и пошлости жизни,—насколько онъ могъ ее узнать,—отъ несправедливостей и страданій, преувеличенныхъ чуткой фантазіей до трагизма, отъ своей горькой доли, которая казалась ему безпросвѣтной, онъ переносился въ фантастическій міръ подвиговъ рѣзко очерченной личности, съ мятежной волей, сильными страстями, бросившей вызовъ всему, чтѣ освящено вѣками, и въ грезахъ отождествлялъ ее съ собою. Въ смутно носящемся передъ воображеніемъ, но обаятельномъ призракѣ реальное сливается съ сверхъ-естественнымъ, демоническимъ. Въ неопытномъ стихотворствѣ онъ и воплощается въ двухъ оттѣнкахъ; здѣсь первые силуэты изъ портретной героической галереи, которая проходитъ потомъ по всей Лермонтовской поэзіи, углубляя сходство съ оригиналомъ,—здѣсь и зародышъ Лермонтовскаго міа о демонѣ, пережившаго съ поэтомъ всѣ тревоги и переходы его судьбы.

Какъ у Пушкина, такъ и у Лермонтова, въ ряду первыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ отъ чтенія Байрона, наиболѣе сильное вызвали восточныя поэмы, особенно „Корсаръ“. Рядомъ съ попыткой создать *своего* „Кавказскаго Пльнника“, ни въ чемъ не подвинувшею Пушкинскую біографію героя до его появленія на Кавказѣ,—потому что и тутъ повторяются намеки на то, что „несчастный человѣкъ погубилъ“ какія-то „святые сердца упованья“,—въ той же записной книгѣ находится поэма „Корсаръ“. Въ пространномъ монологѣ разбойника, передающаго „друзьямъ“ (очевидно, не ставичникамъ) повѣсть своей злополучной жизни, въ началѣ напоминая рассказъ Бонивара въ „Шильонскомъ узникѣ“: „Друзья, взгляните на меня. Я блѣденъ, худъ, потухла радость въ очахъ моихъ“,—проведена исповѣдь гонимаго судьбой неудачника, котораго „непрерывныя страданія сдѣлали пиратомъ“. Послѣ смерти брата онъ бѣжитъ въ Грецію, желая, чтобъ „турокъ сабля роковая пресѣкла горестный его удѣлъ“. Байроновское эллинофильство отразилось въ скорби пришельца о позорной участи Греціи („страданье осталось только въ той странѣ, гдѣ прежде греки воспѣвали ихъ храбрость, вольность“) и въ хвалѣ героизму борьбы за независимость. Но жажда сильныхъ ощущеній сводитъ его не съ инсургентами, а съ корсарами; „маврскій опытный пловецъ“ провелъ его къ нимъ „межъ остро-

¹⁾ Висковатовъ, Біографія Лермонтова, Соч. Лерм. 1891, 46.

вами“, и съ той поры судьба его рѣшена. Но, храбрый и кровожадный, онъ, Конрадъ, ничѣмъ не можетъ заглушить душевнаго разлада; „въ сердцѣ таятъ пламень безотрадный“, онъ „ждетъ чего-то страшнаго и томится“. Когда же въ гречанкѣ, спасенной отъ кораблекрушенія, его поражаетъ глубина грусти, раздумье его усиливается. „Съ тѣхъ поръ онъ не знаетъ покоя и окаменѣлъ для нѣжныхъ чувствъ“. Но раскаянье, недовольство собой, измѣняя образъ личности неукротимой, бурной, не удовлетворили байрониста-новичка. Не дописавъ „Корсара“, онъ отклонился къ другимъ планамъ. Въ стихотвореніи „Преступникъ“, которое снова служитъ *разказомъ атамана*, слышится безсердечное признаніе закоснѣлаго старика-разбойника („старикъ преступный, безразсудный, я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой. Но жаръ подавленный очнется, когда за *волюшку мою*, въ кругу удалыхъ, приведется, что чашу полную налью... и ножъ мой окровавленный воткну, смѣясь, въ дубовый столъ“). Звѣрство разбойника какъ будто смягчается мщеніемъ за поруганный народъ; въ первоначальномъ планѣ „Ангела смерти“ долженъ былъ выступить „мрачный и кровожадный *начальникъ вѣковъ*“. Но для разбойничьей романтики, на которую вмѣстѣ съ Байрономъ могли вліять Шиллеровскіе „Räuber“, еще не настала пора развитія. Лермонтовъ вернется къ ней въ полной зловѣщаго мрака повѣсти: „Горбачъ Вадимъ“, и накинеть разбойничью епанчу на борца противъ закоснѣлаго быта, Арсенія въ „Бояринѣ Оршѣ“.

Не разрывъ, не открытую войну трагически протестующаго бандита съ людьми и предразсудками стремится онъ изобразить со всею горячностью личной исповѣди. Преждевременная для него, неопытнаго въ скорби, мало извѣдаваго, но столь понятная даже въ ранніе годы у человѣка, въ чьемъ воображеніи и немолчной работѣ мысли отражались, переживались, сплетаясь въ мрачныхъ сочетаніяхъ, несовершенства, печали и ужасы общей жизни, исповѣдь влагалась въ уста на половину реального существа, оставшагося среди людей, но постигшаго ихъ ничтожество и злобу, прослываго „страннымъ“, мучимаго одиночествомъ, но не сдающагося. „Все бросилъ онъ, какъ *живый сонъ*“, — читаемъ въ одномъ изъ раннихъ и слабыхъ стихотвореній этого типа (1829); — „не зналъ онъ друга межъ людей; вездѣ одинъ, природы сынъ. Такъ жертву, средь сухихъ степей, мчатъ бури токъ, сухой листокъ“. Это — прелюдія къ рѣчамъ, которыя поведутъ въ юношескихъ драмахъ Волины,

Арбенины и иные двойники поэта, разрабатывая все глубже мотивъ гордаго, почти мизантропическаго протеста.

Въ основахъ недовольства пока еще много неяснаго. Правѣ ли личности, требующей самоопредѣленія, или заступничество за угнетенную и безправную массу, личное или міровое горе, неудовлетворенность чувства, или гнѣвъ на равнодушіе къ великимъ и вѣчнымъ вопросамъ побуждаютъ юношу-поэта къ заявленіямъ, становящимся все безпощаднѣе? Даже въ тщательнѣе обработанной драмѣ „Menschen und Leidenschaften“ встрѣчаются у того же человѣка „любовь къ свободѣ человечества, которую люди почитали вольнодумствомъ“, и безнадежность заявленій „разочарованнаго душой двадцатилѣтняго старика“ о безумствѣ желать жить, счастіѣ тѣхъ, кто уже умеръ или счумѣлъ прервать жизнь самоубійствомъ. „Безумцы, желаемъ жить... какъ будто два-три года что нибудь значать въ безднѣ, поглотившей вѣка, какъ будто отечество или міръ стоитъ нашихъ заботъ, тщетныхъ какъ жизнь!“ Изъ общественныхъ золъ неравенство, сословная разобщенность, нетерпимость прежде всего конкретно представляются обличителю; жертва ихъ — лишь изрѣдка появляющійся изъ таинственнаго сумрака передъ сыномъ, отецъ его, котораго онъ надѣляется всѣми талантами и блестящимъ происхожденіемъ, у него передъ глазами. Громы въ „Испанцахъ“ противъ неравенства и владычества знати отмѣчаютъ этотъ тезисъ общественной программы поэта. Для развитія ея многого не доставало; въ школѣ Байрона, гдѣ онъ встрѣтилъ отвѣтъ на грезы о личной своей долѣ и чарующую поэзію борьбы, онъ долженъ былъ найти и призывъ къ общимъ задачамъ, стимулъ къ пониманію участи своего народа, положенія современнаго человечества; наставало не только художественное развитіе, но и гражданственное воспитаніе,—и, какъ ни спорили съ этимъ радикализмомъ унаслѣдованныя барскія традиціи, въ заявленіяхъ мѣткій Лермонтова, къ началу его байронизма, чувствуется уже осужденіе стараго порядка и попытка защиты правъ народныхъ. Въ „Странномъ человѣкѣ“ онъ высказывается противъ крѣпостничества. Въ стихотвореніи „Жалобы турка“, получившемъ характеръ „письма къ другу иностранцу“, подъ псевдонимомъ оттоманскихъ порядковъ несомнѣнно изображается Николаевская Русь. Это—„дикій край, гдѣ хитрость и безпечность злѣбъ дань весутъ“, гдѣ „являются порой умы и твердые, и хладные, какъ камень, но мощь ихъ давится безвременной тоской, и рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень“, гдѣ „рано жизнь тяжка бываетъ для людей“, гдѣ „за утѣхами несется укоризна,

гдѣ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!“ „Другъ, этотъ край—моя отчизна!“—сѣтуеть, подъ маской турка, поэтъ, неизбежно ставя въ центрѣ картины поработеннаго края трагическую фигуру даровитаго и говимаго неудачника.

Пробуждающаяся политическая требовательность привела Лермонтова къ наиболѣе выразительному въ раннемъ періодѣ заявленію принциповъ,—сочувствію іюльской революціи и стихотворенію студента-первокурсника, говорившаго Карлу Х: „ты могъ быть лучшимъ королемъ. Ты не хотѣлъ. Ты полагалъ народъ унижить подъ ярмомъ, но ты французовъ не узналъ! Есть судъ земной и для царей!“¹⁾ Не заглухнутъ никогда эти зароненныя въ молодой умъ мысли; онѣ поборются въ болѣе поздніе годы съ случайными приливами шовинизма, приведутъ къ смѣлости стихотворенія на смерть Пушкина и, одержавъ верхъ, сложатся къ концу жизни Лермонтова,—въ обратномъ ходѣ сравнительно съ политической эволюціей Пушкина, въ идеалъ общественнаго служенія поэзіи. „Безъ Байрона,—говоритъ Спасовичъ,—изъ Лермонтова вышелъ бы, можетъ быть, крупный поэтъ, не очень высокаго полета, съ узкимъ національнымъ направленіемъ. Байроновская поэзія, встрѣтивъ его на порогѣ сознательной жизни, придала „широту полета“ и борьбу за права личности, и общему предназначенію поэзіи.

Юношеская лирика и драмы, носящія также лирическій характеръ, съ увлеченіемъ усваивали и другіе оттѣнки байроновскаго творчества. Поэзія природы,—одно изъ украшеній зрѣлаго періода,—пробуждается подъ вліяніемъ поэтической живописи Байрона. Она пользуется сначала даже готовыми испытанными ея формами. Стихотвореніе „Мой домъ“ развиваетъ тему извѣстной пантеистической картины въ „Гарольдѣ“ („Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ“ и т. д.); въ неотдѣланномъ стихотвореніи 1830 г. поэтъ, вспоминая кавказскія величавыя красоты, привѣтствуетъ „сіянія горы Кавказа, престолы природы, съ которыхъ, какъ дымъ, улетаютъ громовыя тучи“. Поражала и мрачная фантастика грезъ въ родѣ „Darkness“; эта пьеса была переведена Лермонтовымъ сначала въ прозѣ, потомъ свободно пересказана въ стихахъ („Ночь II“). Малѣйшій поводъ, сходство, сближеніе вызвали отголоски байроновскихъ мотивовъ. При взглядѣ на кар-

¹⁾ Какъ своеобразно совпадаетъ это сочувствіе перевороту съ энтузіазмомъ, который овладѣлъ при вѣсти о немъ декабристами! Фонвизинъ передалъ эту вѣсть товарищамъ на пути изъ Читы въ Петровскій острогъ. Всю ночь слышалось веселье и „ура“, изумлявшее часовыхъ.—„Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в.“ 1905, 63.

тину Рембрандта, изображающую неизвѣстную личность въ монашеской одеждѣ и поразившую загадочнымъ выраженіемъ глазъ, всплываетъ сравненіе съ бывшими героями Байрона, Манфредомъ, Ларой, удрученными тайной преступностью, и пишется стихотвореніе „На картину Рембрандта“, гдѣ, обращаясь къ художнику, поэтъ ставитъ его пониманіе души человѣческой въ связи съ психологіей Байрона: „Ты понималъ, о мрачный геній, тотъ грустный, безотчетный сонъ, порывъ страстей и вдохновеній, все то, чѣмъ удивилъ Байронъ“, и пытается отгадать, кто тотъ неизвѣстный, что магнетически влечетъ его къ портрету: „не бѣглецъ ли знаменитый? Быть можетъ, тайнымъ преступленьемъ высокой умъ его убитъ“...

Но постоянное тяготѣніе къ Байрону, общеніе съ его поэзіей и личностью еще шире развилось, когда въ рукахъ Лермонтова очутилась біографія поэта, написанная Муромъ. Какой экстазъ овладѣваетъ юношей! Изъ неизданныхъ стиховъ, переписки, дневниковъ, „Detached Thoughts“, изъ воспоминаній о Байронѣ близкихъ къ нему людей слагался образъ, поражавшій еще сильнѣе, чѣмъ та фикція, догадка о немъ, которую давали его произведенія. Любимый поэтъ стоялъ теперь въ ясномъ отраженіи своей подлинной личности,—и Лермонтовъ съ трепетомъ узнавалъ въ ней собственныя черты. Ни у одного изъ европейскихъ байронистовъ не найдемъ столь опредѣленно выраженнаго убѣжденія не въ солидарности только или сходствѣ, но въ тождествѣ съ натурой Байрона. Въ стихотвореніи, надписанномъ „Къ ***, прочитавъ книгу Мура“, это убѣжденіе страстно вырывается у поэта наружу:

...Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бѣ хотѣлъ.
У насъ одна душа, одинъ и тѣ же муки.
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ уже душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ, и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслию одной.
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

Сходство видитъ онъ во всемъ: онъ рано, въ дѣтствѣ, полюбилъ; Байронъ въ отроческіе годы испыталъ первую сильную привязанность; „съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ марать стихи, онъ какъ бы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ; Бай-

ронъ дѣлалъ то же, это поразительно“ и т. д. Не останавливаетъ его различіе между колоссальною личностью борца противъ твердынь стараго порядка—и едва вступившимъ въ жизнь, испытывшимъ лишь семейный разладъ, юношей, среди баловства и нѣги рвущимся на волю, навстрѣчу неясному еще ему самому идеалу. Сходясь снова съ молодымъ Байрономъ, а еще болѣе съ Руссо, въ способности вызывать сложныя терзающія представленія, страдать, возмущаться, обрывать тяжелой развязкой то, что не существовало нигдѣ, кромѣ воображенія, онъ вѣрить, что „его прошедшее ужасно“. Эти „мрачныя картины“ его біографъ ¹⁾ могъ въ извѣстномъ смыслѣ признать „химерами“, хотя врядъ ли можно утверждать вмѣстѣ съ нимъ, что „Лермонтовъ не былъ ни гонимъ, ни оскорбляемъ, а просто уменъ и впечатлительнъ“.

На сердцѣ его не только „кипятъ звуки“, нетерпѣливо ожидая поэтическаго выраженія, но бродятъ и волнуются силы, требующія проявленія и болѣе прежняго возбуждаемыя примѣромъ борьбы, не остановленной никакими преградами. Много еще властнаго, эгоистическаго въ его влеченіяхъ и запросахъ, но неподкупный судья его поступковъ, тотъ двойникъ, котораго онъ рано созналъ въ себѣ, берегъ какъ святыню, и надѣлилъ имъ Печорина, стоитъ на стражѣ; онъ порукой, что благородныя, гуманныя влеченія возьмутъ верхъ. Но не показала ли ему біографія Байрона, что раздвоеніе натуры на дѣйствующую и анализирующую было и его удѣломъ, его мукой и гордостью?..

Въ пылу соревнованія съ Байрономъ юноша-Лермонтовъ молить судьбу: о, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ! Въ чемъ? Въ участи человѣка, отвергнутаго отечествомъ, преданнаго отлученію, вѣчнаго скитальца, принесшаго другимъ народамъ свои великіе дары,—въ призваніи вольнодумца, съ сарказмомъ Люцифера разжигающаго недовольство и сомнѣніе, заговорщика и инсургента, научающаго людей освобождаться, или поэта личности, повѣдавашаго міру въ чудныхъ звукахъ свои страданія и грезы, и увѣнчаннаго ореоломъ генія? Но развѣ среди дремлющаго родного правовѣрія могло раздаться титанически-кошунственное слово, среди безвременья и упадка политической энергіи могла проявиться смѣлая агитація, и запатались бы устои старой фальшивой нравственности,—и эти подвиги рѣшилъ рано или поздно взять на себя едва проявившій свое дарованіе, одиноко развивавшійся поэтъ?.. Неудивительно, если съ признаніемъ сход-

¹⁾ Несторъ А. Котляревскій, „Мих. Юр. Лермонтовъ“, 1891, 39—41.

ства своего характера и предназначенія съ судьбою Байрона встрѣчаются у Лермонтова, почти въ ту же пору, мысли о томъ, что ему суждено осуществить байроническіе завѣты, но съ русскимъ содержаніемъ. Тогда, параллельно съ заявленіемъ, что у него съ Байрономъ „одна душа, одинъ и тѣ же муки“, слышится отрицаніе:

*Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще незнакомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу равнѣ.
Мой умъ не много совершитъ.
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.*

Но національнаго оттѣнка, „русской души“, въ отличіе отъ души британской, его поэзія долго не проявляетъ. Яркія краски „Пѣсни про Калашникова“, этого поразительнаго видѣнія Руси XVI вѣка, обставленнаго рядомъ чисто байроническихъ произведеній, и предсмертный поворотъ къ народности,—факты еще далекаго будущаго. Русская душа „гонимаго міромъ странника“ указываетъ такимъ образомъ скорѣе на личную независимость русскаго послѣдователя отъ общаго образца. Онъ „не много совершитъ“, но то, что выразится въ его поэзіи, будетъ отраженіемъ его душевной жизни (какое любопытное предвѣстіе такого же заявленія Мюссе— „mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre“!). Но темпераменты обоихъ поэтовъ такъ сродны, что то новое, что онъ рѣшилъ сказать въ своемъ едва слагающемся творествѣ, является повтореніемъ излюбленныхъ байроновскихъ мотивовъ.

Его личное сердечное горе отражается въ изліяніяхъ и образахъ, усвоенныхъ у Байрона. Въ драмѣ „Станный человѣкъ“, украшенной эпиграфомъ изъ „The Dream“, приводится стихотвореніе Арбенина, съ поясненіемъ, что „есть что-то особенное въ духѣ этой пьесы, и что она въ нѣкоторомъ смыслѣ подражаніе Байронову „The Dream“; личное разочарованіе, зрѣлище чужого счастья проведены въ русской обстановкѣ, на берегахъ Клязьмы, рядомъ картинъ, какъ въ „Сновидѣніи“, гдѣ запечатлѣлась исторія несчастной любви къ Мэри Чавортъ. Въ „Двухъ братьяхъ“ повторенъ байроновскій укоръ людямъ, обвиняющимъ въ человѣконенавистничествѣ того, кто полонъ гуманныхъ стремленій, и усилена лишь мстительная развязка. Лермонтовскій герой „былъ готовъ любить весь міръ, но его никто не любилъ, и онъ выучился ненавидѣть“. Романтически задуманная „Лит-

винка“ въ самодѣльныхъ и нереальныхъ краскахъ старины повторяетъ сюжетъ „Лары“; въ Арсеніѣ снятъ портретъ съ байроновскаго героя; вступленія въ обѣихъ поэмахъ совпадаютъ. Среди чудесно сбереженныхъ зрительной памятью изъ ранняго дѣтства картинъ Кавказа выступаетъ наконецъ наиболѣе сложный изъ героическихъ характеровъ перваго періода, Измаилъ-бей, съ роковой участію, поставившей его между двумя расами и культурами, съ борьбой гуманныхъ проблесковъ и варварства, съ тревогой ничѣмъ неудовлетвореннаго вѣчнаго странника, разбитой любовью, взрывами натуры мстительной и властной,—и въ немъ не только повторяются въ концентрированномъ видѣ, цѣльнѣе и правдоподобнѣе, черты Волиныхъ, Арбениныхъ, Арсеніевъ, Александровъ, но снова отражается образъ Лары въ его психопатической и мрачной душевной жизни. Такая же непроницаемая тайна окружаетъ для близкихъ его прошлое и ходъ его новыхъ мыслей, такъ же безумно быстръ онъ въ убійствѣ и мщеніи, такъ же удрученъ болѣзненными сновидѣніями, такъ же неспособенъ понять женское самоотверженіе и глубокое чувство мнимаго Селима, который равенъ пажу, генію-хранителю Лары. Поэма „Каллы“, наряженная опять въ горскія одежды, но съ эпиграфомъ изъ „Абидосской невѣсты“, вызываетъ тотъ же образъ бурной и преслѣдуемой судьбою натуры. Вездѣ, несмотря на рѣшимость пройти своимъ путемъ, лишь въ сочувствіи съ Байрономъ, идетъ повтореніе, варіація его образовъ и темъ. Особенностью повторенія является развѣ усиленіе красокъ, внушенное своеобразной склонностью молодого поэта къ мрачнымъ тонамъ. „Все, что было у Байрона свѣтло-голубого, исчезло у Лермонтова“,—говоритъ В. Д. Спасовичъ,—„зато выступило наружу все багровое, злобное, демоническое, ставъ такою силой, что Лермонтовское настроеніе можетъ иногда показаться болѣе Байроновскимъ, чѣмъ у самого Байрона“.

Въ этой *силѣ*—своеобразный смыслъ склонности къ демоническому, сверхъестественному освѣщенію героической личности,—второму главному виду Лермонтовскаго героическаго типа, имѣющему свою исторію развитія рядомъ съ эволюціею борца противъ общественнаго строя. Эта исторія ведетъ начало отъ пансіонскаго плана „Демона“ и завершается провнической оглядкой зрѣлаго человѣка на слабый младенческій бредъ въ „Сказкѣ для дѣтей“, гдѣ крылатый демонъ, падшій ангелъ, превращается въ тонко остроумнаго салоннаго чорта.

Въ родословной „Демона“ два литературныхъ источника, связывающихъ грезу поэта съ западной поэзіей,—сродины фа-

булы у Альфреда де-Виньи и у Байрона. Близость его къ красивой, юношеской же, фантазіи де-Виньи, „Ева“, чувствуется особенно въ раннихъ редакціяхъ поэмы, гдѣ за стремленіемъ отмстить божественной силѣ въ самомъ свѣтломъ, непрочномъ ея созданіи скрыто неугасшее у отверженнаго ангела влеченіе къ свѣту, счастью и радости,—гдѣ развязку составляетъ гибель искренно полюбившей дѣвушки,—гдѣ, даже въ несовершенной еще формѣ знаменитый монологъ, раскрывающій передъ дѣвой царственное величіе демона, слѣдуетъ близко за французскимъ оригиналомъ ¹⁾. Но съ вліяніемъ де-Виньи встрѣчается, одерживая верхъ, вліяніе Байрона. Несравненно величественный образъ Люцифера поразило воображеніе, и, томимый вѣчною тоской, *diable amoureux* вырастаетъ въ генія мятежа и вражды,—мало того, становится „царемъ познанья и свободы (?), врагомъ небесъ, зломъ природы“. Эпиграфъ изъ „Каина“, предпосланный второй редакціи и на вопросъ Каина Люциферу, кто онъ, дающій отвѣтъ: „*Я повелитель духовъ*“ („Who art thou?—Master of spirits“), раскрываетъ, въ какомъ направленіи пойдетъ развитіе главнаго характера. Но въ первыхъ же очеркахъ сюжетъ осложняется соперничествомъ демона съ ангеломъ изъ-за любви къ дѣвушкѣ; въ конспектѣ, съ котораго зачалась поэма, предположено было даже, что поводомъ къ обольщенію служило желаніе причинить ангелу зло („демонъ узнаетъ, что ангелъ любитъ одну смертную, узнаетъ и обольщаетъ ее; она повидаетъ ангела, но скоро умираетъ и *отдается духомъ ада*“,—последняя, наивная подробность не дожила до развитія). Соперничество съ свѣтлымъ духомъ изъ-за любви негѣдомо де-Виньи и зародилось тоже подъ вліяніемъ Байрона, и именно мистеріи „Небо и Земля“ ²⁾, гдѣ разработанъ мотивъ любви небожителей къ земнымъ женщинамъ, съ перипетіями настоящей страсти. Лермонтовъ-отрокъ примѣнилъ его къ контрасту свѣта и тьмы, олицетворенному въ спорящихъ духахъ. Безсильный завладѣть даже мертвой дѣвушкой, его демонъ „вновь остался надменный, одинъ, какъ прежде, во вселенной, безъ упованья и любви“.

Сложившаяся изъ своихъ и чужихъ матеріаловъ, легендарная

¹⁾ Допуская для своего демона возможность искупленія благодаря любви чистаго существа, Лермонтовъ стоялъ уже на пути дальнѣйшаго развитія темы у Виньи, который въ дневникѣ своемъ намѣтилъ продолженіе „Eloa“,—„Satan sauvé par la grace d'Eloa, l'enfer aboli par la vertu toute puissante de l'amour et de la pitié“. *Journal d'un poète*, 1904, 315.

²⁾ Специальное изслѣдованіе о ней—„Byron's Heaven and Earth“, v. Main, Breslau, 1887.

теанъ сюжета, разыгравшагося будто бы нѣкогда на морскомъ берегу въ Испаніи (кавказскій нарядъ—впередѣ), въ келіи женскаго монастыря, могла бы имѣть только значеніе волшебнаго вымысла, еслибъ не примѣненіе фантастики къ реальнымъ, личнымъ условіямъ, еслибъ не отождествленіе демона съ самимъ поэтомъ, высказанное рано, еще во второй редакціи. Эпилогъ къ ней не оставляетъ сомнѣній:

Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
 Какъ демонъ, съ гордою душой,
 Я межъ людей безпечный странникъ,
 Для міра и небесъ чужой.

Прочтя повѣсть о демонѣ, читатель долженъ сравнить судьбу его съ судьбой поэта, — „и *въ* безжалостной душою, что мы на свѣтѣ съ нимъ одни“.

Наивная неумѣлость выраженій, соединяющихъ съ гордой душой демона безконечность тоскующаго странствія межъ людей и съ безжалостной, неспособной къ участию душой сторонняго наблюдателя готовность вѣрить чужимъ страданіямъ и понимать ихъ,—не могутъ не удивить. Новая попытка самоопредѣленія того, кто счелъ себя сроднымъ Байрону, потомъ *русскимъ* избранникомъ, и теперь называетъ себя *зла* избранникомъ, настаивая на своемъ демонизмѣ,—говоритъ о неустойчивости самосознанія. Но колебанія и переходы вызваны стремленіемъ найти исходъ броженію силъ и той раздвоенности, которая дарила просвѣты вдохновенія, влекла къ идеальному и гуманному и отравляла презрѣніемъ и гордыней существа высшаго, властолюбиваго, требующаго себѣ жертвъ. Немалая доля кокетства, шеголянья загадочностью, — но не притворства, — долго неразлучная съ Лермонтовымъ, съ виду дававшая перевѣсъ себялюбію, могла быть поддержана тѣмъ, что біографія Байрона передаетъ о такой же слабости, напускной роли. Но если Лермонтову суждено было, вырастая нравственно, оцѣнить въ поэзіи и общественной дѣятельности своего великаго образца тотъ ходъ развитія, который преодолѣлъ демонизмъ и дэндизмъ, крайній культъ личности, и вывелъ на путь народнаго и общечеловѣческаго освобожденія, то высшимъ результатомъ вліянія Байрона была эволюція Лермонтова. какъ человѣка и поэта, отъ судорожнаго творчества къ проникавшемуся красотой и общественной чувствостію художеству послѣднихъ лѣтъ, безконечно много обѣщавшему.

Формальному развитію немного могла дать средняя школа, старомодный „благородный пансіонъ“ съ педагогами временъ

очаковскихъ и лучшимъ украшеніемъ въ лицѣ Мерзлякова, чей восторженный классицизмъ такъ странно соприкасался съ демоническимъ байронизмомъ его ученика. Не успѣлъ повліять университетъ въ мимолетный періодъ, когда среди студенчества мелькнула одинокая тѣнь Лермонтова, вѣчно чуждаго всѣмъ, не подозрѣвавшего въ Бѣлинскомъ и другихъ товарищахъ будущихъ дѣятелей мысли и словесности, не сѣмѣвавшего опереться на ихъ идейную поддержку. На край пропасти привела кавалерійская школа съ отрицаніемъ всякаго развитія, молодечествомъ, цинизмомъ прожиганія жизни. Когда большой свѣтъ принялъ въ свою среду новаго пришельца, за которымъ могло числиться столбовое дворянство, но никакъ не стихотворство, — духъ этой среды, впитываясь во что бы то ни стало въ человѣка, съ дѣтства ей не чуждаго, могъ довершить противокультурное вліяніе предшествовавшихъ условій. Тѣ проявленія таланта, которыя всплывали на поверхность и казались единственнымъ результатомъ стихотворческой работы, получили отпечатокъ безпечнаго отношенія къ жизни, прямо противоположнаго прежнему отрицанію и протесту. Шалости „Казначейши“ послѣ гнѣвныхъ монологовъ разныхъ испанцевъ, древнихъ витязей, демоновъ, говорить объ успѣхахъ стиха, но о сильномъ пониженіи уровня. И въ нихъ есть черточки байроновскаго пошиба, онѣ тоже входятъ въ потомство „Беппо“, — но соединеніе юмора съ общественно-политической сатирой и лирическое вмѣшательство мыслителя имъ совершенно невѣдомо.

Послѣ мрачно-эффектнаго вступленія какой прозаическій шагъ назадъ, какая капитуляція высшихъ порывовъ передъ старымъ порядкомъ!

Но рано заложенная основа не погибла, работа самосознанія не остановилась, эволюція мысли и творчества не порвана. Раздвоеніе натуры скрыло этотъ процессъ въ тайникахъ, непроницаемѣ прежняго, даже для близкихъ. „Бремя познанья и сомнѣнья“ и впослѣдствіи не было у Лермонтова тяжелымъ научнымъ грузомъ, тѣмъ болѣе въ переходный, совсѣмъ не книжный періодъ, — да и кто могъ въ ту пору пройти у насъ путемъ Леопарди? Русская поэзія (и самъ Пушкинъ въ новомъ складѣ его творчества) не могла дать отвѣта на то, что бродило и волновалось въ глубинахъ души. Жизненный опытъ, — разочарованія и изобличенія, разгадка людей и господствующаго строя, уронъ личнаго чувства и нравственныхъ требованій, — былъ однимъ изъ главныхъ наставниковъ и отрезвителей поэта. Литературное же

и идейное вліяніе, не давшее заглухнуть благороднымъ влеченіямъ, вызывавшее все впередъ, оказала и теперь поэзія Байрона.

Въ „Сашку“, который своими вольностями, казалось, долженъ былъ уподобиться блаженной памяти „Опасному сосѣду“ и французскимъ скабрѣзнымъ сказочкамъ XVIII вѣка, вводятся прекрасныя лирическія отступленія совершенно противоположнаго тона, задумчивыя, задумчивыя, съ печальными обобщеніями жизни, нравы веселаго притона отодвигаются на второй планъ передъ сатирической оцѣнкой всего быта, внѣшній поводъ вызываетъ неожиданную, яркую и драматическую, картину великой революціи, — и на шуточное произведеніе кладетъ свой отпечатокъ „Донъ-Жуанъ“. Арбенинъ надѣленъ въ первой редакціи „Маскарада“ роковыми предрасположеніями и, „порочной юностью“, преждевременной „старостью души“, „печатью проклятья“, дьявольской безсердечностью, но возвеличеніе подобнаго существа уступаетъ мѣсто грустной оцѣнкѣ погибающихъ душевныхъ силъ. Критическое отношеніе къ тому, въ чемъ прежде чудились чуть не героическія доблести, уже намѣчено. Шагъ дальше, и суровое къ самому себѣ изображеніе жизни Жоржа Печорина въ „Княгинѣ Лиговской“ — первообразъ „Героя нашего времени“, — полное автобіографическихъ чертъ, показываетъ быстрый успѣхъ самоанализа. Но и у Жоржа среди свѣтской суетности, самообожанія, гордаго презрѣнія къ людямъ, донъ-жуанства, есть завѣтный уголокъ души, гдѣ страннымъ образомъ хранятся инныя мысли и сочувствія. У него „виситъ картина неизвѣстнаго русскаго художника, не знавшаго своего генія... Глаза, устремленные впередъ, блистали тѣмъ страшнымъ блескомъ, которымъ иногда блещутъ живые глаза сквозь прорѣзы черной маски“. „Ихъ лучъ испытующій и укоризненный, улыбка болѣе презрительная, чѣмъ насмѣшливая“. „Картина сдѣлалась его собесѣдникомъ въ минуты одиночества и мечтанія, и онъ, какъ партизанъ Байрона, назвалъ ее портретомъ Лары“... Это — не призываніе имени великаго поэта всуе, чтобъ прикрыть его примѣромъ собственныя излишества и отклоненія, — это признакъ все того же спасительнаго раздвоенія натуры, которое среди вредныхъ условій хранить ее отъ гибели и вывести на свѣтъ и свободу.

Рѣшающій моментъ — убійство Пушкина и разоблаченіе позорнаго отношенія руководящихъ и свѣтскихъ слоевъ къ великой утратѣ, сорвавшее послѣдніе покровы съ строя вещей, въ которомъ задыхался молодой поэтъ, противъ котораго возставали его демоническіе герои, съ дѣйствительности, все еще державшей

его въ своихъ сѣтяхъ. Вызовъ, брошенный старому порядку, чуждое честолюбивыхъ притязаній, но невольно захватывавшее сознание, что судьба возлагаетъ на него преемство и культурную власть, потрясли духовный организмъ Лермонтова, и въ поэтическомъ его призваніи были такимъ же стимуломъ, каковымъ въ жизни Байрона была смѣлая оборона отъ уничтожающаго критическаго похода „шотландскихъ журналистовъ“, — съ тѣмъ важнымъ различіемъ въ пользу Лермонтова, что онъ повелъ нападеніе не pro domo sua, а въ защиту общихъ, высшихъ интересовъ. Какъ „Англійскіе барды“ раскрыли великую боевую силу Байрона, такъ надгробное стихотвореніе русскаго поэта, выразителя общественной мысли и совѣсти, явилось откровеніемъ.

Съ этой поры нѣтъ возврата назадъ, къ болѣзненно самолюбивой вариации на байроновскую тему, къ культу непонятаго, проблематическаго героя. Иныя, высшія цѣли встаютъ впереди, поэзія становится великой культурной силой, связи съ народомъ, съ переживаемой порой, чувствуются все сильнѣе. Кара, обрушившаяся на обличителя, арестъ, приговоръ, кавказская ссылка — рядъ отрезвляющихъ уроковъ; какъ ссылка Пушкина на югъ, это — начало политическаго воспитанія. Въ обоихъ случаяхъ Байронъ является его пособникомъ; но для Пушкина онъ былъ тогда невѣдомой, чарующей величиной, надѣлившей его, вмѣстѣ съ поэзіей борьбы, блестящимъ цикломъ художественныхъ фантазмагорій ранней юности, вызывавшей удивленіе красивому ориентализму, корсарству, демонизму, — для Лермонтова же, пережившаго уже эти впечатлѣнія и заплатившаго немалую дань пессимистическому повѣтрію, наставлялъ теперь второй и важнѣйшій періодъ байронизма, когда вліяніе сказывается не въ усвоеніи готовыхъ образовъ и темъ, какъ бы они ни были душевно близки поэту, а въ солидарномъ съ Байрономъ и самостоятельномъ развитіи, — въ томъ проявленіи свободныхъ силъ, о которомъ, бывало, мечталъ Лермонтовъ, предчувствуя, что станетъ „не Байрономъ, но другимъ, еще невѣдомымъ избранникомъ, только съ русскою душою.

Кавказъ и русскій сѣверъ, подѣливъ между собой дальнѣйшую жизнь Лермонтова, вносятъ въ его творчество разнородныя, но одинаково цѣнныя данныя, поддержанныя его байронизмомъ. Тотъ край, съ которымъ связана богатая полоса въ русской художественной литературѣ, — отъ Державинской оды и „Горскихъ князей“ Нарѣжнаго къ Грибоедову, Пушкину, Марлинскому, А. Одоевскому и Лермонтову, и отъ нихъ къ „Казакамъ“ и „Кавказскому плѣннику“ Толстого, отразился рядомъ „горскихъ“ темъ еще въ

раннемъ байронизмѣ Лермонтова, обходившемся отголосками перваго путешествія на Кавказъ. Теперь общій колоритъ, схваченныя когда-то на лету бытовые краски кажутся ему игрой дѣтской фантазіи. Всѣми самобытными сторонами влечетъ его къ себѣ новый міръ. Зароненный Байрономъ ориентализмъ ни у кого въ „Байроновской школѣ“ не развился въ такую полную картину природы, быта, народной души; кавказовѣдніе Лермонтова оставило далеко за собой грёзы Гейне или Том. Мура объ Индіи, турецкія темы Гюго, Словацкаго, Вильг. Мюллера. Отъ воплощенія борьбы двухъ расъ и культуръ въ картинѣ Востока, вставленной въ величаво-задуманную, въ духѣ байроновскихъ темъ изъ царственно-горной природы, оправу „Спора“ двухъ гигантовъ, до цикла характеровъ, въ которыхъ безъ романтическихъ прикрасъ и *старо-байроновской* драпировки выразился непочатый душевный закалъ горца, страсти, влеченія, суевѣрная фантазія, богатство, женская доля, — весь бытъ, принявшій въ свою среду опальнаго поэта, оживаетъ отнынѣ въ его созданіяхъ. Кавказскіе типы его — не костюмированныя байроновскія копія Марлинскаго, но прямые потомки наиболѣе жизненныхъ, поэтически-правдивыхъ характеровъ автора „Донъ-Жуана“. Даже, казалось, столь мало реальный, но завѣтный для поэта, уже испытавшій вліяніе Люцифера, образъ Демона развился теперь съ болѣею мощью въ томъ краю, который издревле былъ родиной стихійно-величавыхъ мифовъ и, рядомъ съ своимъ изводомъ легенды о богоборцѣ-Прометѣѣ, могъ придать широкій полетъ иному, демоническому противнику божества. Тотъ же край далъ, взаимнѣю мнимо-испанскаго ландшафта первыхъ редакцій, тѣ живыя краски кавказской природы и народнаго характера, которыя сдѣлали необыкновенно реальнымъ фонъ волшебнаго вымысла.

Лермонтовская поэзія природы, — въ частности именно поэзія горъ, до него слабо развитая въ русскомъ творчествѣ, — имѣетъ также два возбуждающихъ источника. Байронъ и здѣсь прошелъ впереди съ богатствомъ натуръ-поэзіи въ его поэмахъ и лирикѣ, и вызвалъ таившіяся самобытныя способности пейзажиста-поэта, — но и природа страны съ контрастами вѣчныхъ снѣговъ и цвѣтущихъ долинъ подѣйствовала на воображеніе, рассыпала свои дары такъ, какъ не въ силахъ была это дѣлать свинцово-сѣрая природа сѣвера. Кавказъ далъ Лермонтову превосходный описательный матеріалъ, потребовавшій образнаго поэтическаго языка, — жизнь природы, ея душу, въ связи съ настроеніями въ психическомъ мірѣ человѣка научилъ понимать и выражать пантеизмъ Байрона. Окрѣпнувъ подъ этими вліяніями, Лермонтовская

поэзія природы безостановочно и широко развивалась, охвативъ не только грандіозное, несомнѣримое, но и простое, скромно окрашенное, то, что далъ ему родной сѣверъ, когда онъ созналъ, что „любить его странною любовью“.

На Кавказѣ, въ первую же высылку туда вольнодумца, когда переворотъ въ судьбѣ и уроки жизни побуждали преодолѣть внутренний разладъ, и, не сдаваясь врагу, противопоставить ему не истерзанное сомнѣніями, оторванное отъ людей, горделиво несчастное одиночество, но дѣятельную, въ живой связи съ народнымъ благомъ, работу проповѣдника культурной идеи, — сильно двинулся впередъ этотъ процессъ, давно подготовлявшійся и завершенный, когда изъ кавказскаго отшельничества судьба снова привела поэта на родину, представшую передъ нимъ въ иномъ свѣтѣ. Встрѣчи и связи съ декабристами на Кавказѣ, впечатлѣнія водворяемаго въ краѣ „барабаннаго просвѣщенія“, крѣпостничество, произволъ, крайній милитаризмъ, вліяніе новой литературы и критики, сближеніе съ людьми типа Бѣлинскаго, — двигали впередъ перевоспитаніе. Надломленное, губящее свои силы существо его бывшихъ героевъ, среди всеобщихъ нуждъ и запросовъ, гнета и несчастій, не могло не казаться ему отнынѣ болѣзненнымъ и преходящимъ; для него насталъ и безпристрастный судъ, и возрождающій переломъ. На этомъ пути снова, и съ болѣею силой, онъ испыталъ вліяніе Байрона.

Не было ли обращеніе Лермонтова къ призванію всенародному сходно съ тѣмъ, еще болѣе глубокимъ переворотомъ, который пережилъ авторъ „Гарольда“ и восточныхъ поэмъ, завоевавъ себѣ славное имя въ освободительномъ движеніи современности? Факты послѣдняго періода байроновской жизни и дѣятельности были все время на лицо передъ его приверженцемъ, но лишь теперь онъ былъ настолько подготовленъ, чтобы для новыхъ высшихъ цѣлей повинуть прежнихъ вдохновителей, Корсара, Лару, весь штатъ геніально-мрачныхъ неудачниковъ.

Но для того, чтобы выйти свободно, съ облегченнымъ сознаніемъ, на этотъ путь, необходимо было продумать до крайнихъ логическихъ послѣдствій символъ вѣры разочарованія и демонизма, вызвать на судъ влеченія и мысли, съ нимъ связанныя, и послѣ такой уничтожающей исповѣди передъ самимъ собой порвать съ прошлымъ. Такой исповѣдью, Generalbeichte, играющей въ жизни Лермонтова роль „Вертера“ въ жизни Гёте, явился „Герой нашего времени“.

Брандесъ видитъ въ Печоринѣ „байронизмъ въ его сильнѣйшемъ и утонченнѣйшемъ выраженіи“ и называетъ Лермонтов-

скаго героя „Прометеемъ новѣйшаго времени, прикованнымъ къ кавказской скалѣ“¹⁾). Этотъ взглядъ критика нуждается въ пересмотрѣ и перестройкѣ. Принятый въ полномъ его объемѣ, онъ совпалъ бы съ оцѣнкой Печорина, какъ *положительной личности*,—оцѣнкой, принадлежавшей большинству современниковъ романа и тонко осмѣянной Лермонтовымъ въ одномъ изъ предисловій къ нему. Печоринъ, созданный по образу и подобию трагически горделивыхъ и таинственно преступныхъ героевъ, такъ же немислимъ, какъ и надѣленный мировой скорбью. Печальная развязка судьбы челоуѣка выдающагося, съ задатками гуманности и отзывчиваго чувства, но душевно разбитаго, одинокаго и безполезнаго, не подходитъ ни къ титану, ни къ грустному мыслителю. Дорожная карета, уносящая Печорина, преждевременно постарѣвшаго и уныло-равнодушнаго, въ невѣдомую, безразличную для его тоски даль,—плохая замѣна горнаго замка, гдѣ Манфредъ заперся отъ людей и жизни, безстрашный даже въ смертный часъ. Кровная связь автора съ вымышленнымъ лицомъ, которому онъ повѣрилъ свои мысли и наблюденія, слѣдя за его дѣйствіями подчасъ съ несомнѣннымъ сочувствіемъ, не переходитъ черезъ тотъ предѣлъ, когда началась бы идеализація. Въ этой близости мерцаетъ пережитое и передуманное, но уже отжившее, критически освѣщаемое. Для героическаго типа, созданнаго подъ вліяніемъ Байрона, черты неподходящія, отрицательныя. И не звучало ли уже первоначальное заглавіе (покинутое Лермонтовымъ для другого, менѣе выразительнаго) грустно насмѣшливымъ предостереженіемъ противъ возвеличенія Печорина? „*Одинъ изъ героевъ нашего времени*“... Какъ будто бы вають времена, когда героическое, величественное, можетъ группироваться въ цѣлыя легіоны!.. Мюссе выразился еще опредѣленнѣе, излагая признанія „сына своего вѣка“.

На характеръ Лермонтовскаго „сына своего вѣка“ несомнѣнно много удержалось изъ ранняго байроновскаго обихода. Если Печоринъ первой редакціи, среди празднои и двусмысленной петербургской жизни, былъ надѣленъ сочувствіемъ къ англійскому поэту, то въ кавказскомъ эпизодѣ, когда личность его выясняется, байроническія связи вполне обозначаются. Физиономическія особенности сближаютъ его съ Ларой; „глаза не смѣялись, когда онъ смѣялся,—это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти“,—„*that smile might reach his lip, but*

¹⁾ Georg Brandes. Menschen und Werke, 1894 („Puschkin und Lermontow“, 302).

pass'd not by, none e'er could trace his laughter to his eye". Раздвоение натуры опредѣленно признается, и Печоринъ знаетъ, что „въ немъ живутъ два человѣка“. Слышавшійся еще въ юношескихъ драмахъ укоръ людямъ въ неспособности понять чистыя стремленія и клеветническомъ усилии навязать ему злобу и ненависть, развить сильнѣе, чѣмъ когда-либо („моя безцвѣтная молодость прошла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ, лучшія чувства я скоронилъ въ глубинѣ сердца. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой... Неужели, думалъ я, мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды?.. За что они всѣ меня ненавидятъ?“). Столь же байроническій оттѣнокъ борьбы и счетовъ съ людьми приданъ двойнику Печорина, доктору Вернеру, въ которомъ соединены свойства „скептика и матеріалиста, а вмѣстѣ съ этимъ поэта на дѣлѣ и часто на словахъ, хотя и не написавшаго двухъ стиховъ“. Для довершенія сходства понадобилась зачѣмъ-то и физическая примѣта,—Вернеръ „худъ и слабъ, какъ ребенокъ, одна нога его короче другой, какъ у Байрона“...

Высказанная съ небывалой въ русской литературной психологіи искренностью—„усталость жить“ и неутолимое безпокойство, то влекущее къ новымъ призракамъ счастья, то требующее остраго наслажденія чужими страданіями, не находящее никакого примѣненія силъ, переходящее наконецъ въ безотчетно роковое скитальчество,—вся патологическая сторона Печорина, являясь исповѣдью самого поэта, въ то же время опирается на сродныя и потому такъ глубоко усвоенныя имъ черты у Байрона и переноситъ на русскаго лишняго человѣка душевныя испытанія Гарольда и Манфреда.

Но правда изображенія этой патологіи ведетъ не къ ея возвеличенію; типъ складывается отрицательный, и байроническая школа не обогатилась законченнымъ героическимъ образомъ, какъ можно было бы заключить изъ формулы Брандеса. И вмѣстѣ съ тѣмъ Байронъ же указалъ тому, кто произнесъ надъ собой столь беспощадный приговоръ, и достойный выходъ. Съ этой стороны Печоринъ двойною связью соединенъ съ поэзіей и жизнью Байрона. Онъ погибаетъ, и долженъ погибнуть, но изъ разрушенія возникаетъ новая живительная сила.

Перерожденію, обновленію посвящены немногіе годы,—быть можетъ, точнѣе было бы сказать—мѣсяцы,—которые оставалось прожить Лермонтову. Отголоски старыхъ воззрѣній, недочеты общественно-политическаго и научнаго развитія иногда чувствуются и въ эту пору,—и странно сплетаются опять съ байроническими темами. Такъ, превосходно переложивъ изъ „Чайльдъ-

Гарольда“ эпизодъ объ „Умирающемъ гладіаторѣ“, поэтъ отягчаетъ его моралью, вводя сравненіе гибнущаго борца — съ западной цивилизаціею, разбитой и утомленной—и это осужденіе источника, откуда въ Николаевскую Русь въ особенности шло освобождающее вліяніе, совпадаетъ съ столь же сѣпшинымъ разговоромъ „Думы“ надъ „молодымъ поколѣніемъ“, изсушившимъ умъ познаніемъ и сомнѣніемъ, и бесполезнымъ для народа,—надъ поколѣніемъ Герцена и Бѣлинскаго!.. Славянофильскій дилеттантизмъ „Гладіатора“ встрѣчается съ тѣмъ поэтическимъ бонапартизмомъ, культомъ Наполеона, который введенъ былъ въ европейскую поэзію Байрономъ изъ протеста противъ стараго порядка и подъ впечатлѣніями эпической славы,—и передался большинству послѣдователей англійскаго поэта ¹⁾. Но, не подорванное у него этимъ протестомъ и заступничествомъ за низвергнутаго сына революціи, осужденіе Наполеоновскаго самовластія и гнета не передалось Лермонтову. Словно парализованное охранительными соображеніями, но все же байроническое по замыслу, „Послѣднее Новоселье“, такъ восхитившее Бѣлинскаго, сохранило лишь мотивъ сердечнаго сочувствія къ павшей великой силѣ, несправедливо забытой народомъ.

Въ освѣжающей атмосферѣ, въ которую перенесло Лермонтова сближеніе съ Бѣлинскимъ и новою литературой, подобные недочеты, славянофильскія, даже (хотя очень рѣдко) шовинистскія противорѣчія должны были отпасть, націонализмъ долженъ былъ уступить мѣсто искреннему и гуманному народничеству, призваніе поэта среди страдающей массы, не имѣющее ничего общаго съ безстрастнымъ жреческимъ священнодѣйствіемъ передъ престоломъ Красоты, но великое, вдохновляющее, несущее всѣмъ безъ различія свѣтъ и истину, сознательно опредѣлилось. На этомъ пути Лермонтовскій байронизмъ, послѣдней, лучшей формациі, отбросившій скорбные мотивы и демонизмъ, сослужилъ великую службу. „Широкій полетъ“, такъ мѣтко названный въ этюдѣ польскаго критика главнымъ результатомъ вліянія Байрона на Лермонтова, раскрылъ наконецъ передъ нимъ необъятный горизонтъ общечеловѣческаго развитія, не для того, чтобы въ воздушномъ океанѣ пролеталъ могучій и надменный падшій ангелъ, но для того, чтобы слово поэта, какъ призывъ набатный, раздавалось свободно и громко, въ дни печали и радости людской.

Слышатся новые, чудные звуки. „Сказка для дѣтей“ покон-

¹⁾ Новѣйшая работа объ отношеніи Байрона и англійскаго общественнаго мнѣнія къ Наполеону—Paul Holzhausen, Bonaparte, Byron und die Briten. Frankf., 1904.

чила съ химерой демонизма; съ каждымъ стихотвореніемъ ро-
стетъ новый образъ поэта, дѣйствительно способнаго стать „Бай-
рономъ съ русскою душой“. Смерть нагло рветъ эти всходы,
разрушаетъ надежды, и въ длинномъ свитѣ избранныхъ именъ,
связанныхъ въ европейской поэзіи съ вліяніемъ Байрона, по-
является, наряду съ лучшими, свѣтлыми именами, въ печаль-
номъ сіяніи имя Лермонтова. Инымъ изъ его сверстниковъ уда-
валось полнѣе усвоить содержаніе творчества своего великаго
учителя, но ни у одного изъ нихъ байроновская поэзія не была
въ теченіе всей жизни такою путеводною звѣздой, такою воспи-
тывающей силой, которая для русскаго художественно-обществен-
наго развитія сберегла и взлелѣяла одно изъ славнѣйшихъ его
украшеній.

IV.

Достигнувъ зенита въ поэзіи Лермонтова, русскій байро-
низмъ не въ силахъ былъ удержаться на ея высотѣ. Традицион-
ное сочувствіе и влеченіе сохранялось, правда, и въ литературѣ,
и въ обществѣ. Черезъ Печорина и героевъ Марлинскаго свя-
заны съ раннимъ байроновскимъ пошибомъ тѣ мелькавшія въ
общественныхъ слояхъ разочарованныя, демоническія, и запозда-
лыя фигуры, съ которыми пришлось бороться натуральной школѣ
и ея преемникамъ. Соллогубъ сдѣлалъ это въ „Тарантасѣ“,
талантливый дебютантъ-беллетристъ Авдѣевъ посвятилъ серію по-
вѣстей разоблаченію въ „Тамаринѣ“ блѣдной копіи съ печорин-
ско-байроновскаго оригинала, въ закоулкахъ полу-мѣщанскаго
міра нашелъ то же явленіе Островскій, и въ его Меритѣ
(„Бѣдная невѣста“) есть фальшивыя блестящія проблематической
натуры. Будущіе творцы психологическаго и реальнаго романа,
Тургеневъ и Салтыковъ, прошли сначала черезъ байронизмъ.
Тургеневъ еще на третьемъ курсѣ университета написалъ „фан-
тастическую драму въ пятистопныхъ ямбахъ подъ заглавіемъ
Стеніо“, въ которой Плетневъ нашелъ „съ дѣтской неумѣlostью
подражаніе байроновскому Манфреду“ ¹⁾. Салтыковъ съ увлече-
ніемъ переводилъ (и печаталъ) лирическія стихотворенія Бай-
рона ²⁾.

Въ „Мечтахъ и Звукахъ“ молодого Некрасова, черезъ по-
средство Лермонтова, оказавшаго сильное вліяніе на него, откли-

¹⁾ Литературныя и житейскія воспоминанія, соч. Тургенева, I, 6.

²⁾ „Современникъ“ 1844 и 1845 гг.—Салтыковъ перевелъ, напр., „The spell is broken“, „Impromptu“ и др.

каются байроническія темы, сомнѣнія, тревога, пессимистическія оцѣнки жизни, появленіе „въ часы раздумья коварнаго демона зла“, попытки широкихъ картинъ міровой жизни (стихъ „Мысль“ — „спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый“ и т. д.). Будущій славянофильскій критикъ Аполлонъ Григорьевъ переводитъ лирику Байрона и подражаетъ ей ¹⁾. Число переводовъ вообще несомнѣнно возрастаетъ; они проникаютъ и въ выдающіяся изданія, и въ мелкую, непритязательную прессу („Литературная Газета“, „Репертуаръ“, „Пантеонъ“, „Московскій Городской Листокъ“), появляются отдѣльно (въ 1846—47 гг., напр., два перевода „Донъ Жуана“ — Жандра и Любича-Романовича, одинъ хуже другого). Длительность интереса, перешедшая уже за грань четверти вѣка (съ 1818 года), конечно, примѣчательна, но его распространеніе, захватывающее все шире общественные слои, не встрѣчаетъ уже выдающихся силъ, способныхъ усвоить завѣты Байрона, воспитаться въ его школѣ для самостоятельнаго труда; новое время и новыя задачи отвлекаютъ къ себѣ тѣ дарованія, которыя сначала поддались завѣтному очарованію; съ Лермонтовымъ какъ будто исчезло созвучіе и сродство вдохновеній и темпераментовъ съ Байрономъ.

Но именно въ это время художественной убыли растетъ и развивается вѣрное пониманіе того, чѣмъ въ *дѣйствительности* былъ Байронъ и что (несмотря на почетный титулъ „власителя думъ“) неполнилъ ясно сознавалось и главными дѣятелями нашего байронизма. Это, прежде всего, заслуга критики Бѣлинскаго; съ нимъ можетъ раздѣлить ее въ своей публицистикѣ, и русской, и зарубежной, Герценъ.

Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, какъ будто находясь еще подъ вліяніемъ оцѣнокъ своего учителя Надеждина, Бѣлинскій соединяетъ съ признаніемъ великой поэтической силы Байрона упоръ въ односторонности. „Если Байронъ взвѣсилъ ужасъ и

¹⁾ Въ „Московскомъ Городскомъ Листѣ“ 1847 г., среди работъ такихъ сотрудниковъ, какъ Герценъ („Станція Едрово“), Соловьевъ, Хомяковъ, Островскій, помѣщена критическая статья Григорьева по поводу перевода „Донъ-Жуана“ Любича-Романовича съ любопытнымъ сравненіемъ Фауста и Донъ-Жуана. Сочувствіе Байрону Аполлонъ Григорьевъ сохранилъ навсегда. Такъ, въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856, III, въ письмѣ къ Хомякову „О правдѣ и искренности въ искусствѣ“, онъ видѣлъ въ Байронѣ „пламенный поэтический протестъ личности противъ всего условнаго въ окружающемъ общежитіи“, и потому онъ можетъ быть судимъ только съ высшей точки зрѣнія христіанскаго суда, но не съ точки зрѣнія нравственности того общежитія, котораго муза его была казнью. „Не безнравственностью, а правдой увлекалъ онъ и доселѣ увлекаетъ поколѣнія, даже мудрецовъ, какъ Гегель, даже равныхъ ему, Пушкина и Мицкевича.“

страданье, — говорить критикъ, — если онъ постигъ и выразилъ только муки сердца, адъ души, это значить, что онъ постигъ только одну сторону бытія вселенной, что онъ вырвалъ и показалъ намъ только одну страницу онаго“. Но вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ философско-эстетическихъ путей, съ ростомъ „соціальности“, съ углубленіемъ въ смыслъ и задачи современнаго умственнаго движенія въ Европѣ, падаютъ оговорки и укоры, и значеніе Байрона опредѣляется вѣрно, мѣтко и увлекательно. Не говорю уже о томъ, что въ статьѣ „О раздѣленіи поэзи на роды и виды“ Байронъ и въ поэмахъ, и въ лирикѣ введенъ въ число образцовыхъ писателей, — или объ отзывѣ, сближающемъ Байрона съ В. Скоттомъ (1844), называя ихъ „великими поэтами, проложившими совершенно новые пути въ искусствѣ“, считая, что „каждый изъ нихъ былъ Колумбомъ въ сферѣ искусства“ и т. д., — эти отзывы слабѣютъ передъ превосходной лирической характеристикой Байрона, импровизованной, очевидно, въ минуту особеннаго подъема энтузіазма и проникнутой удивительной интуиціей. „Байронъ, — говоритъ въ 1843 г. Бѣлинскій, — это былъ Прометей нашего вѣка, прикованный къ скалѣ, терзаемый коршуномъ. Не кометой, блуждающей и безобразной, былъ онъ, а новымъ духомъ, поборавшимъ за человѣчество, съ пламеннымъ мечомъ въ рукѣ, съ эгидой будущей побѣды, близкаго торжества“. И вслѣдъ за этимъ горячимъ славословіемъ образца, кумира байронистовъ всѣхъ странъ, идетъ суровая и вѣрная оцѣнка русской ихъ группы, того „байронизма“ нашего, чьи судьбы изслѣдованы въ настоящемъ этюдѣ моемъ, который можетъ только присоединиться по выводамъ къ тому, что болѣе полу-вѣка тому назадъ намѣчено было великимъ критикомъ. „А ты, добрый и невинный романтизмъ русскій, создалъ себѣ, въ своемъ ребячествѣ, какой-то призракъ Байрона, столько же похожій на Байрона, сколько тѣнь, отбрасываемая на солнцѣ человѣкомъ, похожа на человѣка. *Да и гдѣ, изъ чего было тебѣ создать истинный идеализмъ Байрона?* Гдѣ взялъ бы ты глубокаго сочувствія всему человѣчеству, глухихъ рыданій, никому не видныхъ, но тѣмъ болѣе сокрушительныхъ, — ты, добрый юноша, съ глазами унылыми, но отъ модной тоски, съ щеками нѣсколько блѣдными, но отъ ночныхъ пировъ?..“¹⁾ Замыкающій этотъ приговоръ отзывъ о байроническихъ твореніяхъ Пушкина, также, по мнѣнію Бѣлинскаго, не постигшаго Байрона, — отзывъ, уже рассмотрѣнный нами, — и послѣдовательно проводимый критикомъ

¹⁾ „Русск. литература въ 1842 году“. Сочин., VII, 17—18.

во всѣхъ разборахъ Лермонтовской поэзіи взглядъ, признававшій, при всѣхъ байровическихъ связяхъ Лермонтова, особый, самородный ходъ развитія его творчества, сходится въ признаніи за Байрономъ великаго общечеловѣческаго значенія, которое не передается переимчивостью и подражаніемъ.

На той же почвѣ, но еще шире и свободнѣе развивая взглядъ свой, встрѣчается съ своимъ другомъ въ оцѣнкахъ Байрона Герценъ. Онѣ также проходятъ по всей его дѣятельности. Въ первой печатной его статьѣ—о Гофманѣ—въ „Телескопѣ“ проведено сравненіе юмора Гофмана „съ страшнымъ, разрушающимъ юморомъ Байрона, подобнымъ смѣху ангела, низвергающагося въ преисподнюю, и съ ядовитой, адской, змѣиной насмѣшкой Вольтера“. Въ переходномъ періодѣ еще слышатся, затѣмъ, отголоски этой ранней оцѣнки. Въ „Дилеттантизмъ въ наукѣ“ Байронъ выставленъ пѣвцомъ своей эпохи, „мрачнымъ, скептическимъ поэтомъ отрицанія и глубокаго разрыва съ современностью, падшимъ ангеломъ, какъ его называетъ Гёте“,—но рамки изученія уже значительно расширяются, и въ „Дневникѣ“ 1842 г., наприм., ставится вопросъ объ отношеніи Эсхилова „Прометея“ къ „Каину“ Байрона ¹⁾, а въ наброскахъ къ „Доктору Крупову“ Титъ Левіаѳанскій беретъ изъ „одного англійскаго автора, Байрона“, глубоко печальную мысль въ подтвержденіе теоріи о повальномъ безуміи людскомъ ²⁾. Эмиграція на Западъ, непосредственныя связи съ отечествомъ Байрона, выстраданное сложнымъ политическимъ опытомъ и наблюденіемъ пониманіе европейской современности и ея прошлаго, близость съ такими энтузіастами Байрона, какъ Мадзини ³⁾, и много поводовъ въ публицистической дѣятельности опредѣлить значеніе поэта, приводятъ къ такимъ же выразительнымъ формуламъ, какія мы нашли у Бѣлинскаго. Наиболѣе выдаются онѣ въ „Быломъ и Думахъ“, разсѣянные на всемъ пространствѣ многолѣтнихъ мемуаровъ, спутниковъ великаго общественнаго дѣятеля. Кризисъ 1848 г. во Франціи и кровавая междоусобная расправа вызываютъ острые и жгучія сопоставленія съ кризисомъ, пережитымъ Байрономъ,—первыя опредѣленныя указанія на общечеловѣческое значеніе социально-политическаго его подвига. Въ недавно (1903) впервые напечатанномъ отрывкѣ 5-й части „Былого и Думъ“ ⁴⁾, по поводу

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена. Женева, 1875, I, 13—14.

²⁾ Сочиненія Герцена, X, 1879, „Aphorismata“.

³⁾ Слѣды этого вліянія—въ „Концахъ и Началахъ“, X, 212, гдѣ характеризуется известная статья Мадзини о Байронѣ и Гёте.

⁴⁾ По рукописи, сообщенной А. А. Герценомъ; въ собраніе сочиненій онъ не вошелъ.

Кавеньяковскихъ разстрѣливаній, мучительно подѣйствовавшихъ на Герцена и его друзей, возникаетъ сравненіе удрученнаго ихъ состоянія съ мрачной байроновской картиной. „У Байрона есть описаніе ночной битвы; кровавыя подробности ея скрыты темнотой; при разсвѣтѣ, когда битва давно кончена, видны ея остатки, клочокъ, окровавленная одежда. Вотъ этотъ-то разсвѣтъ наста-валъ теперь въ душѣ, онъ освѣтилъ страшное опустошеніе. Половина надеждъ, половина вѣрованій была убита, мысли отрицанія, отчаянія бродили въ головѣ, укоренялись“. Объясненіе байроновской роли, направленное въ эту сторону, уже не останавливается. То выразится оно въ сравненіи Леопарди съ Байрономъ: у обоихъ „много убито рефлексіей, но стихъ иногда рѣжетъ, дѣлаетъ боль, будитъ нашу внутреннюю скорбь“. Такія слова, стихи, есть у Лермонтова, — прибавляетъ Герценъ. То проводится мѣткая мысль о преемственности скептицизма въ Англіи, „гдѣ Байронъ естественно идетъ за Шекспиромъ, Гоббсомъ и Юмомъ“; то набросанъ яркій образъ байроновскаго Люцифера, — и, наконецъ, широко разившееся пониманіе выражается въ дионирамбѣ, по страстности тона достойномъ стать наряду съ отзывомъ Бѣлинскаго, но проникнутомъ глубокимъ трагизмомъ.

„Байронъ не могъ приладиться къ этой жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ со своимъ Гарольдомъ говоритъ кораблю: „неси меня, куда хочешь, только вдаль отъ родины“. Но что же ждало его въ этой дали? Испанія, вырѣзываемая Наполеономъ, одичалая Греція, всеобщее воскрешеніе всѣхъ смердящихъ Лазарей послѣ 1814 г.; отъ нихъ нельзя было спастись ни въ Равеннѣ, ни въ Діодати. Байронъ не могъ удовлетворяться по-нѣмецки теоріями *sub specie aeternitatis*, ни по-французски — политической болтовней, и онъ сломился; но сломился какъ титанъ, бросая людямъ въ глаза свое презрѣніе. Разрывъ, который Байронъ чувствовалъ, какъ поэтъ и гений, сорокъ лѣтъ тому назадъ, послѣ ряда новыхъ испытаній, послѣ грязнаго перехода съ 1830 къ 1848 г. и гнусаго съ 1848 до сегодняшняго дня, поразилъ теперь многихъ, и мы, какъ Байронъ, не знаемъ, куда дѣться, куда приклонить голову“... „Оттого-то я теперь и цѣню такъ высоко художественную мысль Байрона“. Онъ видѣлъ, что выхода нѣтъ, и гордо высказалъ это“¹⁾.

Пусть эта страстная рѣчь закончитъ собой нашъ этюдъ о русскомъ вкладѣ въ европейское движеніе байронизма. Судьба этого

¹⁾ Сочин. Герцена, VIII, 1879 („Былое и Думы“, часть V), 358—361.

влада уже была такова, что вѣрное, широкое, свободное пониманіе Байрона настало слишкомъ поздно, когда для проявленія этого пониманія въ творествѣ не было уже соотвѣствующихъ силъ, когда новые, насущные вопросы русской жизни отвлекли для культурной борьбы все даровитое въ иную сторону. Тогда казалось, будто эта борьба и байроническіе завѣты—несовмѣстимы. На Западѣ факты опровергли это утвержденіе. Не говоря уже о влияніи Байрона на нѣмецкихъ „политическихъ поэтовъ“ сороковыхъ годовъ,—въ пятидесятихъ, шестидесятихъ годахъ, наконецъ почти въ наше время тамъ оживаютъ эти завѣты. Эпигоны байронизма, нѣмцы ¹⁾, скандинавы ²⁾, чехи ³⁾, армяне ⁴⁾ выносили изъ увлеченія и соревнованія живой и дѣятельный интересъ къ нуждамъ своего народа и свободу художественнаго созданія.

Къ новой нѣмецкой поэзіи было въ наши дни обращено пожеланіе „сподобиться новаго Байрона“,—но въ великую и трудную пору, которую переживаетъ теперь наше отечество, было бы еще большимъ благомъ, еслибъ раздался мужественный и животворный поэтический глаголъ истиннаго русскаго байрониста.

Алексѣй Веселовскій.

Москва.

¹⁾ Новѣйшій отпрыскъ нѣмецкаго байронизма—поэма даровитаго Detlev v. Liliencron, „Poggfred, ein kunterbuntes Epos“ (Werke XI—XII).

²⁾ Въ перепискѣ Ибсена, „Brieft v. Henrik Ibsen“, Berl. 1905, 179—180, есть необыкновенно характерное письмо о великой пользѣ для скандинавской литературы какъ можно шире узнать и усвоить Байрона, раскрываемой примѣромъ нѣмецкой поэзіи, которая обязана ему тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась.

³⁾ Маха, Сабина, Фричь, въ особенности Pfleger-Moravsky, съ поэмой „Pan Vysinsky“.

⁴⁾ Выдающимся армянскимъ байронистомъ явился Шахъ-Азизъ съ поэмой „Скорбь Леона (1865). О немъ—книга Юрія Веселовскаго: „Армянскій поэтъ Шахъ-Азизъ“, 1905 г.

ЧЕРНАЯ ЗМЬЯ

РОМАНЪ.

Paul Adam. „Le Serpent noir“. Roman. Paris. 1905 (Librairie Ollendorf).

III *).

Намѣреваясь прожить у Гульвенонъ нѣсколько недѣль, я прежде всего хотѣлъ поставить на твердую почву мои отношенія къ хозяевамъ и заставить ихъ вполне подчиниться моимъ требованіямъ. Такъ, при первомъ же разговорѣ я отбилъ у Гульвена охоту говорить мнѣ о своихъ надеждахъ на поддержку Фармацевтическаго Общества, а женѣ его далъ понять, что намѣренъ устроиться у нея въ домѣ со всѣми удобствами. Я терпѣть не могу стѣснять себя—даже если этого требуетъ простая вѣжливость. Чрезмѣрная деликатность ведетъ къ уступкамъ, къ лицемерію, ко всякимъ слабостямъ, которыя мало-по-малу убиваютъ въ насъ духъ сопротивленія и лишаютъ превосходства надъ другими. Высокомѣріе же, напротивъ того, внушаетъ почтеніе тѣмъ, которые принуждены сносить его, какъ бы они внутренно ни злились и ни возмущались. Моя сила заключается въ томъ, что я намѣренно не понимаю никакихъ намековъ, никакихъ упрековъ, замаскированныхъ шутливымъ тономъ. Въ подобныхъ случаяхъ я притворяюсь недогадливымъ, глупымъ. Я не понимаю съ полуслова то, что идетъ противъ моихъ интересовъ, а такъ какъ рѣдко кто достаточно смѣлъ или достаточно неблагоприятно воспитанъ, чтобы прибѣгнуть къ откровенному гнѣву, то я почти всегда остаюсь хозяиномъ положенія.

*) См. выше: октябрь, стр. 630.

Въ Керьяникѣ я этого достигъ съ перваго же дня. Попросивъ позволенія переодѣться къ завтраку, я, кстати, выразилъ неудовольствіе по поводу слишкомъ поздняго часа завтрака, — и затѣмъ поднялся къ себѣ. Анна-Марія уже разстегнула ремни чемодановъ. Было очень жарко. На минуту я поколебался, надѣть ли голубое шолковое дезабилье, въ которомъ я обыкновенно хожу у себя дома при такой температурѣ. Я не сомнѣвался, что дамы будутъ очень недовольны, — но, можетъ быть, слѣдуетъ показать сразу, что я не гошусь въ рабы. М-мъ Гульвентъ, навѣрное, не попроситъ перемѣнить костюмъ; она побойтса обидѣть меня и потерять выгоднаго пансіонера. Докторъ тоже сдержитъ раздраженіе, надѣясь на мое ходатайство за него у нашего правленія. Я, значитъ, могъ безнаказанно все себѣ позволить. Ну, а м-мъ Елена, которую я хотѣлъ расположить въ свою пользу? Какъ она посмотритъ на мою бездеремонность — какъ на доказательство силы, на простоту или невоспитанность? Отъ моего умѣнья говорить зависить, чтобы она подумала первое. Я люблю преодолевать трудности, и внутренно сравниваю себя при этомъ съ ретивымъ конемъ, который, взрывая землю копытами, мчится, сломя голову, черезъ заборы, ручьи и барьеры, — въ особенности черезъ барьеры.

Некорректность моего туалета я загладилъ тѣмъ, что облилъ себя дорогими, рѣдкостными духами, расчесалъ волосы съ безукоризненно-прямымъ проборомъ по срединѣ, гладко выбрилъ щеки и губы, отполировалъ ногти, надѣлъ на всѣ пальцы драгоценныя кольца, обулъ ноги въ бѣлые замшевыя башмаки и закололъ воротъ шолковой рубашки булавкой съ крупнымъ жемчугомъ. Когда раздался второй звонокъ къ завтраку, я спустился внизъ. Подъ легкой тканью костюма ясно обозначались мои мускулы; я гордился ихъ упругостью, избалованный комплиментами моего массажиста, а также моего друга Лантома, скульптора, который лѣпитъ преимущественно атлетовъ. Я надѣялся на эстетическое чутье м-мъ Елены, и ожидалъ, что она обратитъ вниманіе на соединеніе силы и изящества въ моей фигурѣ.

Больше всѣхъ возмутилась моимъ видомъ м-мъ Ла-Ревельеръ. Въмѣсто всякаго извиненія, я только заявилъ, что на пароходахъ, совершающихъ плаваніе по Красному морю, дамы разрѣшаются являться къ столу въ дезабилье; но старая дама сухо кивнула головой, ничего мнѣ не отвѣтивъ, и продолжала перелистывать альбомъ. Ея невѣстка дерзко оглянула меня. Для того, чтобы я не вздумалъ позволить себѣ и въ другой разъ подобную вольность, она заявила, что пожилые люди, измученные морской кач-

кой, имѣютъ, конечно, право на всякія снисхожденія, но что изъ положеніе совершенно исключительное. Я попытался склонить на свою сторону Жильберту. Прямая и костлявая въ своемъ фланелевомъ костюмѣ песочнаго цвѣта, она держалась очень неприступно, но все-таки смягчилась и сказала мнѣ, что я похожъ на китайца изъ иллюстрированной книги.

М-мъ Гульвенъ воспользовалась ея опредѣленіемъ, чтобы превратить этотъ инцидентъ въ шутку, и поспѣшила возобновить разговоръ, прерванный моимъ появленіемъ. Всѣ восхищались Жильбертой, которая за одну недѣлю прочла четыре тома историческихъ мемуаровъ. Мать ея горячо благодарила доктора за то, что онъ приохотилъ къ чтенію ея дѣвочку, до того не интересовавшуюся никакими серьезными книгами. М-мъ Ла-Ревельеръ присоединилась къ невѣсткѣ и тоже стала благодарить Гульвена своимъ нѣсколько мужскимъ голосомъ. Мнѣ сдѣлалось почти неприятно отъ этихъ похвалъ. Наконецъ, Анна-Марія пришла доложить, что подано къ столу, и мы пошли на террасу, гдѣ былъ накрытъ столъ подъ навѣсомъ.

Направляясь къ столу, я глядѣлъ на м-мъ Елену, любясь ея пышной красотой. Нѣсколько насмѣшливое выраженіе ея лица свидѣтельствовало о природномъ лукавствѣ. Въ ея смѣющихся глазахъ можно было ясно прочесть: „Очъ хочетъ удивить насъ своей наглостью. До чего это банально!“ Но главной моей цѣлью было не это, а то, чтобы меньше страдать отъ жары, чего я и достигъ легкостью своего костюма. Я сѣлъ по правую руку м-мъ Гульвенъ, которая отдѣляла меня отъ Жильберты. М-мъ Елена сѣла противъ меня, навѣво отъ хозяина, а почетное мѣсто, во главѣ стола, предоставлено было м-мъ Ла-Ревельеръ.

Завтракъ начался при полномъ молчаніи. Я чувствовалъ, что всѣ мною недовольны, и, чтобы загладить дурное впечатлѣніе, сталъ рассказывать о томъ, что участвовалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ обществѣ экономистовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго Ла-Ревельера. Онъ тогда только-что провелъ въ палатѣ депутатовъ свой проектъ назначенія премій за вывозъ сахара. М-мъ Ла-Ревельеръ просіяла отъ гордости, когда я заговорилъ объ ея сынѣ. Тогда я сталъ расхваливать изъ всѣхъ силъ покойнаго депутата. Я объяснилъ, что, благодаря его стараніямъ, въкоторые изъ нашихъ сахарозаводчиковъ зарабатывали по триста тысячъ франковъ въ годъ, продавая сахаръ очень дорого во Франціи и за полцѣны—на англійскихъ рынкахъ. Англичане же, получая сахаръ изъ Пикардіи и фрукты—изъ Нормандіи, изготовляли дешевое варенье и компоты, и ввозили ихъ потомъ во

Францію, вытѣсня тамъ варенье мѣстнаго изготавленія, гораздо болѣе дорогое, такъ какъ французскіе продавцы, покупая сахаръ по дорогой цѣнѣ, платили тѣмъ самымъ косвенный налогъ, служившій для уплаты премій. Я долго распространялся объ остроуміи этой комбинаціи, при которой никто ничего не терялъ, кромѣ французскихъ потребителей: имъ-то приходилось, конечно, дорого платить и за сахаръ, и за варенье. Докторъ не могъ удержаться, чтобы не замѣтить, что эта афера была менѣе выгодна для страны, чѣмъ для крупныхъ сахарозаводчиковъ сѣверной Франціи.

— И для депутатовъ ихъ департаментовъ,—прибавилъ я.— Наши промышленники обеспечивали имъ возобновленіе ихъ мандатовъ на каждахъ новыхъ выборахъ при посредствѣ заводскихъ рабочихъ и земледѣльцевъ: заводы принимали свекловицу или отказывали въ приѣмѣ, сообразно съ подачей голосовъ за кандидатовъ или противъ нихъ. Вотъ почему депутаты и сахарозаводчики устроили тогда банкетъ въ честь Ла-Ревельера и преподнесли ему золотую медаль... Въ качествѣ эксперта-химика, занимающагося анализомъ свекловичнаго сока, я тоже былъ членомъ комитета. Медаль стоила намъ триста франковъ. Я помню, что тоже внесъ двадцать франковъ.

— Я сейчасъ верну ихъ вамъ! — воскликнула м-мъ Ла Ревельеръ, вспыхнувъ отъ негодованія и дѣлая видъ, что хочетъ открыть золотое портмоне, висѣвшее на цѣпочкѣ, у пояса.

Я сдѣлалъ отстраняющій жестъ, изобразивъ комическій ужасъ на лицѣ, и она только сказала раздражительнымъ тономъ, обращаясь къ невѣстѣ:

— Не забудьте, Елена, господинъ Гишардо внесъ двадцать франковъ для покупки медали.

— Я никогда этого не забуду и сохраню вамъ вѣчную признательность,—съ улыбкой сказала м-мъ Елена.—Позвольте пожать вамъ руку.

Она протянула мнѣ черезъ стаканы свою тонкую руку съ голубыми жилками. Мнѣ понравилось, что она носила только нѣжныя кольца съ жемчугомъ, опалами и маленькими брильянтами. Я шутливо пожалъ ей кончики пальцевъ. Вѣдь я уже показавъ ей, что меня слѣдуетъ бояться,—а послѣ одержанной побѣды я всегда бываю въ самомъ добромъ настроеніи. Послѣ этого маленькаго инцидента, я продолжалъ вести себя крайне развязно, увѣренный въ томъ, что робкій, вѣжливый, скрытный, обозленный на судьбу, но добрый къ людямъ Гульвенъ не укажетъ мнѣ на дверь. Онъ зналъ, что я—превосходный фехтоваль-

щикъ и что ссориться ему со мной невыгодно, такъ какъ это его же поставить въ глупое и унижительное положеніе. Значить, я могъ не стѣсняться съ нимъ. Но искусство мое заключается въ томъ, чтобы уязвить человѣка, и этимъ дать ему почувствовать мое превосходство, а потомъ пролить на раны бальзамъ добродушія—для того, чтобы мой противникъ могъ найти оправданіе своему малодушію и имѣлъ благовидный предлогъ не отвѣчать мнѣ рѣзкостями.

Я поэтому сталъ превозносить ученость моего хозяина, повторилъ похвалы, которыя слышалъ отъ его паціентки, и присоединилъ къ нимъ лестные эпитеты отъ себя. Я попросилъ затѣмъ м-мъ Гульвентъ разсказать мнѣ, какъ ее мужъ спасъ Анну-Марію, и она была мнѣ очень благодарна за эту просьбу. Она надѣялась, что ее объясненія убѣдятъ меня оказать поддержку доктору. Говоря съ нею, я все-таки не упускалъ изъ виду моихъ намѣреній совратить съ пути добродѣтели хорошенькую служанку. Я превозносилъ въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ ее вѣшность, понятливость и исполнительность, ее ловкость въ работѣ. Контрастъ между моей безперемонностью со всѣми и изысканной учтивостью въ обращеніи съ нею долженъ былъ неминуемо польстить ее гордости. Она, навѣрное, рѣшила, что я едва могу сдержать пылкость своихъ чувствъ къ ней.

Я постарался также снискать расположеніе Жильберты и попросилъ ее дать мнѣ нѣсколько сдѣланныхъ ею фотографическихъ снимковъ. Тронутая моимъ вниманіемъ, она соблаговолила произнести нѣсколько членораздѣльныхъ словъ, вмѣсто неопредѣленныхъ звуковъ, которыми ограничивалась вначалѣ. Она даже сообщила мнѣ, что лучше всего ей удался снимокъ, изображавшій ее мать и доктора наверху утеса, съ котораго открывается далекій видъ на море. Я поздравилъ ее, увѣривъ, что передача подробностей морского пейзажа—самое трудное въ фотографіи. Чтобы сдѣлать удовольствіе и м-мъ Гульвентъ, я сталъ вспоминать процессію въ Сентъ-Аниѣ и восхищаться мистическими настроеніями бретонской толпы. Словомъ, я искусно льстил вкусамъ и самолюбію cadaго, и въ то же время велъ себя какъ въ завоеванной странѣ. За ѣдой я вообще не люблю стѣсняться. Если, на примѣръ, какой-нибудь соусъ кажется мнѣ вкуснымъ, я насаживаю кусочекъ булки на вилку, вытираю имъ наѣисто тарелку и съѣдаю смоченный соусомъ хлѣбъ. На этотъ разъ мнѣ особенно понравились креветы, поданные къ столу,—очень свѣжіе и крупные. Я взялъ изрядное количество ихъ и затѣмъ положилъ себѣ на тарелку почти весь кусокъ масла, стоявшій на

столѣ. Не стѣсняясь явнымъ неодобреніемъ присутствующихъ, я сталъ давить креветы и растирать ихъ вмѣстѣ съ масломъ. М-мъ Ла-Ревельеръ устремила на меня свой лорнетъ, Жильберта пробормотала что-то о Гаргантюа.

— Американскіе гастрономы никогда не ѣдят креветы иначе, — заявилъ я. — Это называется у нихъ shrimp-toast. Попробуйте, и вы увидите, какъ это вкусно, — обратился я къ м-мъ Еленѣ. — Возьмите масла... очень большой кусокъ... и вдавите въ него креветы, не отдѣляя головокъ... Вотъ такъ. Увидите, какъ это вкусно.

— Ужъ позвольте мнѣ не пробовать, — возразила м-мъ Елена дерзкимъ тономъ.

— Какъ хотите, но вы не знаете, отъ какой вкусной ѣды вы отказываетесь. А если еще взять къ этому бутербродъ съ топленнымъ сыромъ, посыпанный тертой хлѣбной коркой, то получится совершеннѣйшая амброзія.

М-мъ Ла-Ревельеръ пришла въ ужасъ — запахъ топленого сыра казался ей нестерпимымъ... Я выразилъ сожалѣніе о людяхъ съ слишкомъ тонкимъ обоняніемъ, и рассказалъ, что въ Чикаго бѣдняки толпятся у дверей ресторановъ въ часъ завтрака, впитывая въ себя этотъ запахъ. Имъ даже не нужно заходить во внутрь — они сыты однимъ запахомъ.

Жильберта разсмѣялась, и разговоръ перешелъ на гастрономическіе вкусы въ древности и въ наше время. Конечно, вспомнили о томъ, какъ въ Римѣ откармливали морскихъ маногъ мясомъ рабовъ. Такимъ образомъ, весь разговоръ сосредоточивался, въ теченіе всего завтрака, на мнѣ, моихъ вкусахъ и привычкахъ. Послѣ десерта, я попросилъ холодного кофе, вмѣсто горячаго, поданнаго всѣмъ. Пришлось опять возиться со мной, отдѣльно подавать мнѣ, спрашивать, какъ у меня возникла такая странная привычка. Я былъ центромъ общаго вниманія, а бѣдному Гульвену и двумъ парламентскимъ вдовамъ оставалось слушать меня и соглашаться во всемъ, ругая меня про себя.

Чтобы пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ людей, нужно поступать такъ, какъ я. Попадая въ общество, гдѣ меня не знаютъ, я прежде всего обращаю общее вниманіе на мои особенности въ ѣдѣ. Иногда я опрокидываю свой пустой стаканъ на скатерть и заявляю, что ничего не пью, чтобы не потолстѣть. Или же я отказываюсь отъ всѣхъ блюдъ, говоря, что соусы, которые подаются къ нимъ, вредны для пищеваренія. Почти всегда я требую, чтобы прислуга принесла мнѣ что-нибудь специальное: поджаренный хлѣбъ, яйца, бисквиты — въ то время какъ другіе

ѣдят простой хлѣбъ и какіе-нибудь рагу и кремы. Когда подаютъ сырые фрукты, я требую, чтобы для меня ихъ обварили кипяткомъ. Эта требовательность слегка раздражаетъ хозяевъ дома, но они вынуждены исполнять мои желанія. Я веду себя какъ человѣкъ, имѣющій скрытыя, но несомнѣнныя права быть безцеремоннымъ. Всѣ ждутъ, чтобы я обнаружилъ достоинства, позволяющія мнѣ пользоваться исключительнымъ вниманіемъ къ себѣ, и заранѣе смотрятъ на меня съ почтеніемъ. Безцеремонность поведенія служить всегда доказательствомъ силы, свободы проявлять свою грубость, не опасаясь послѣдствій.

Придерживаясь этой тактики, я сумѣлъ произвести впечатлѣніе даже на проницательную м-мъ Елену. Къ концу завтрака ова стала относиться ко мнѣ съ любопытствомъ, вниманіемъ и нѣкоторой злобой. Злоба ея была явнымъ признаніемъ моей силы и превосходства. Она старалась вышучивать меня, чтобы поборотъ этимъ инстинктивный страхъ передо мною. Контрастъ между моей развязностью и элегантностью, моей грубостью и большими знаніями, беспокоилъ ее и заставлялъ настойчиво думать обо мнѣ.

Послѣ завтрака мы остались на террасѣ, такъ какъ идти гулять въ такую жару было немыслимо. Я говорилъ о Ницше, объ его ученіи и недоразумѣніяхъ, которыя оно порождаетъ. Свои толкованія я подкрѣплялъ многочисленными цитатами. До меня роль духовнаго вождя маленькой семейной группы игралъ, повидимому, Гульевъ; но теперь онъ принужденъ былъ молчать, такъ какъ совершенно не зналъ Ницше. М-мъ Елена сосредоточенно слушала меня, надѣясь познакомиться съ идеями интересовавшаго ее моралиста безъ изученія тяжелыхъ нѣмецкихъ томовъ. Я достигъ такимъ образомъ того, что она сидѣла подлѣ меня на террасѣ, въ плетеномъ креслѣ, и съ кротостью поучалась у меня, въ то время, какъ я разглядывалъ ея загорѣвшее, лучезарное лицо въ рамкѣ густыхъ каштановыхъ волосъ съ мѣднымъ отливомъ и благородныя линіи ея высокой фигуры. Именно такой, сильной и въ то же время нѣжной, я воображалъ себѣ почему-то Семирамиду. Хотя официальный срокъ траура кончился, м-мъ Елена все еще носила скромныя платья темныхъ цвѣтовъ,—и я внутренно уподоблялъ ихъ фіолетовымъ одеждамъ знаменитой царицы. Мимолетныя вспышки гнѣва, вызываемыя моими пикировками, покрывали ея щеки нѣжнымъ румянцемъ и придавали вызывающее выраженіе ея глазамъ. Въ эти минуты красота ея была еще болѣе обаятельной.

Я рѣшилъ вести себя такъ, чтобы она считала меня варваромъ, поддающимся смягчающему культурному вліянію, циникомъ, который, однако, можетъ возбуждать симпатіи своей опасной искренностью. Я хотѣлъ оставить ее нѣсколько недѣль при такомъ мнѣніи, съ тѣмъ, чтобы потомъ, въ подходящій моментъ, среди самаго безразличнаго разговора, превратиться вдругъ, безъ предупрежденія, въ непреклоннаго, грубаго завоевателя, которому она, охваченная ужасомъ, не сможетъ оказать сопротивленія. Послѣ того, она уже изъ стыда передъ самой собой не сможетъ порвать со мной.

Въ теченіе двухъ сутокъ я окончательно укрѣпилъ свою власть въ домѣ Гульвенонъ. Докторъ первый примирился съ наступившимъ положеніемъ дѣлъ. Какова бы ни была его внутренняя неприязнь, онъ скрывалъ ее и выносилъ мою безцеремонность съ образцовымъ терпѣніемъ. Онъ только проводилъ почти весь день въ своей лабораторіи. М-мъ Гульвенъ выносила мою тираннію въ надеждѣ на субсидію. Она считала меня крайне невоспитаннымъ человекомъ, способнымъ однако исправиться. Она откровенно говорила о своихъ обстоятельствахъ, или, вѣрнѣе, выдавала мнѣ по наивности все, что мнѣ было нужно. Я узналъ, что въ теченіе десяти лѣтъ Гульвены мало-по-малу растратили нѣсколько сотъ тысячъ франковъ своего наслѣдства. Жалованье флотскаго врача было слишкомъ ничтожно, чтобы оплачивать многочисленныя путешествія, которыя они совершали. Затѣмъ начались опыты по органической химіи, поглотившія деньги, добытыя уже подъ закладныя на недвижимое имущество. У Гульвенонъ явились денежные затрудненія. Они жили еще съ нѣкоторымъ комфортомъ, такъ что ихъ можно было принять за людей состоятельныхъ, но всякій желающій могъ бы очень дешево купить право собственности на сыворотку, для изготовленія которой въ Керьяникѣ разводились кролики и морскія свинки. При всей ограниченности средствъ, которыми располагало наше Общество въ виду скупости бюджетной комиссіи, я все-таки считалъ возможнымъ купить у Гульвена его изобрѣтеніе. Я зналъ, что онъ приметъ какія угодно условія—до того онъ горѣлъ желаніемъ довести до конца свои работы, а безъ денежной помощи онъ этого не могъ сдѣлать. Я послалъ первый отчетъ въ бюджетную комиссію. Мнѣ его вернули, присоединивъ къ нему свѣдѣнія, собранныя о Гульвенѣ въ Парижѣ, и внушая мнѣ, чтобы я никакихъ авансовъ не выдавалъ, если на это не воспослѣдуетъ специальныхъ инструкцій. Къ несчастью, медицинскій міръ былъ тогда враждебно настроенъ противъ моего пріятеля. Гульвенъ

не только не имѣлъ друзей, но даже не возбуждалъ ни въ комъ симпатій,—и это совершенно понятно. Такого человѣка можно уважать, жалѣть,—но ни у кого нѣтъ желанія оказать ему услугу, потому что онъ неспособенъ отплатить за это услугой. Онъ изъ гордости никогда не соглашается похлопотать у кого-нибудь за себя, желая быть обязаннымъ во всемъ только самому себѣ, своему таланту. Ему хотѣлось бы, чтобы жизнь управлялась правилами христіанскаго безкорыстія и римскаго стоицизма. А такъ какъ міръ не подчиняется его требованіямъ, то онъ только пожимаетъ плечами и отворачивается отъ людей. Онъ не вредитъ имъ, не презираетъ ихъ, но только совершенно забываетъ объ ихъ существованіи. Онъ помнитъ только имена своихъ больныхъ и авторовъ нужныхъ ему научныхъ трудовъ. У него поэтому нѣтъ друзей, готовыхъ помочь главнымъ образомъ изъ чувства солидарности съ нашими слабостями, съ нашими честолюбивыми помыслами, и ожидающихъ проявленія той же солидарности отъ насъ. Когда я спрашивалъ Гульвена о комъ-нибудь изъ прежнихъ товарищей, или о его сослуживцахъ по флоту, оказывалось, что онъ никого не можетъ припомнить.

Черезъ сутки послѣ моего пріѣзда я уже не замѣчалъ въ немъ даже той неопредѣленной антипатіи, которую онъ обнаруживалъ ко мнѣ при нашей встрѣчѣ на богомольи. Онъ переносилъ мое присутствіе, какъ переноситъ чрезмѣрный зной или рѣзкую вечернюю прохладу, т.-е. какъ нѣчто непріятное, но неизбежное, съ чѣмъ слѣдуетъ примириться разъ навсегда, чтобы уже не отвлекаться отъ своихъ мыслей и занятій. Я былъ для него однимъ изъ неудобствъ его бѣдности, непріятнымъ пансіонеромъ, котораго терпятъ изъ-за платы. Съ тѣхъ поръ, какъ я далъ ему понять, что не желаю обсуждать его надежды на субсидію отъ Общества, онъ уже объ этомъ не упоминалъ, и даже когда его жена пыталась иногда разными окольными путями выудить у меня хотя бы смутныя обѣщанія, онъ останавливалъ ее взглядомъ и мѣнялъ разговоръ. Но у себя въ лабораторіи онъ былъ очень разговорчивъ. Онъ излагалъ мнѣ разные знаменитыя и малозвѣстныя теоріи, съ явнымъ намѣреніемъ ослѣпить меня своими знаніями, съ необыкновенной торжественностью раскладывалъ свои инструменты, объяснялъ мнѣ свои опыты и заставлялъ разглядывать подъ микроскопомъ свои препараты.

Однажды вечеромъ онъ повелъ насъ на фабрику близъ Керьяника, гдѣ изготовлялись консервы изъ сардинокъ. Луна освѣщала угрюмую равнину, длинныя бѣлыя строенія, толпу

рабочихъ и работницъ, отдыхавшихъ на травѣ, и бросала рыжеватый отсвѣтъ на морскую рябь.

Работницы поднялись, оправили цвѣтные передники и пригладили волосы, выбивавшіеся изъ-подъ бѣлыхъ чепчиковъ. За ними встали и молодые парни, и всѣ они вмѣстѣ, взявшись за руки, составили большой хороводъ. Началось пѣніе; два хора—одинъ изъ молодыхъ женскихъ голосовъ, другой изъ глубокихъ мужскихъ—чередовались, повторяя строфу за строфой заунывной народной пѣсни. Сплетенныя руки качались подъ тактъ словамъ пѣсни, и одновременно толпа подавалась справа налѣво и слѣва направо, движеніемъ, напоминающимъ прибой волнъ, такъ же, какъ унылая мелодія жалобной пѣсни казалась отзвукомъ мелодіи волнъ. Въ грустной пѣснѣ оплакивалась судьба дѣвушки, женихъ которой погибъ на морѣ.

„О, плачь, о, плачь, красotka! — Акулы его съѣли. — О, плачь, о, плачь, красotka! — Акулы его съѣли“.

Было что-то безнадежное въ молодыхъ голосахъ, поющихъ о крушеніи счастья, въ уныломъ припѣвѣ, въ медленномъ ритмѣ хоровода, во всей этой картинѣ, озаренной безстрастной луной, которая отражалась на дрожащей поверхности моря.

Кружась въ хороводѣ, дѣвушки не сводили глазъ съ м-мъ Елены. Черный плащъ плотно обхватывалъ ея высокую фигуру. Она шептала имя Дагоберты, мнѣической дочери Гралона, царствовавшего въ Исѣ: она навлекла гнѣвъ Божій на нечестивый городъ, и страшная буря разрушила Исъ, погрузила его на дно морское со всѣми его церквами и домами, полными сокровищъ. Строгая красота м-мъ Елены и ея траурныя одежды дѣлали ее какимъ-то неземнымъ существомъ въ ихъ глазахъ. Она стояла спиной къ морю на большомъ камнѣ, точно вышла изъ нѣдръ океана,—и этого было достаточно для возбужденія творческой фантазіи бретонцевъ.

— Въ наивномъ воображеніи этой толпы,—сказалъ мнѣ докторъ,—воскресаетъ въ эту минуту вся исторія города Иса, чудесная и въ то же время несомнѣнная для нихъ. Самыя легковѣрныя изъ этихъ дѣвушекъ будутъ увѣрены завтра, что видѣли красавицу Дагоберту, которая пришла смотрѣть на ихъ танцы и проливала слезы, жалѣя, что не можетъ присоединиться къ ихъ хороводу, потому что на ней тяготѣетъ проклятіе. Конечно, онѣ встрѣтятъ нашу кузину на улицахъ, у пристани, на берегу, и будутъ здороваться съ нею. Это—реальная дѣйствительность, но для бретонца воображаемое гораздо болѣе существенно, чѣмъ дѣйствительность. И когда онѣ будутъ рассказывать о

чудесномъ появленіи Дагоберты, другія не будутъ ихъ опровергать, а напротивъ того, подтвердятъ ихъ слова, какъ свидѣтельница ея появленія. Всѣ будутъ убѣждены въ концѣ концовъ, что въ образѣ Елены къ нимъ являлась Дагоберта. Да, дѣйствительность менѣе властна надъ духомъ, чѣмъ воображаемое... Мнѣ самому трудно иногда установить въ работѣ различіе между гипотезой и объективными результатами опыта. Согласитесь, что для ученаго такое направленіе ума пагубно.

— Но вѣдь истина достигается всегда черезъ посредство заблужденія, или, вѣрнѣе, ряда заблужденій, приводящихъ постепенно къ возможному и, наконецъ, дѣйствительному. Всѣ большія открытія дѣлались интуитивно. Научный талантъ и заключается въ построеніи гипотезъ: нѣкоторыя изъ нихъ оправдываются, и тогда изобрѣтатель торжествуетъ.

— Значить, и ты придаешь значеніе кающемуся... Это меня утѣшаетъ. Надо мной иллюзія всевластна. Еще прежде чѣмъ въ толпѣ произнесли имя Дагоберты, я вспомнилъ о старинномъ преданіи. Этотъ лунный лучъ, падающій на поверхность воды, кажется мнѣ сіяніемъ подводнаго города, свѣтомъ отъ пламеняющаго огнями собора, который, какъ гласитъ легенда, стоитъ въ центрѣ потопленнаго города. Въ прибой волнъ можно даже различить звуки колоколовъ.

— Да,—подтвердила м-мъ Гульвенъ, — подводные колокола слышны постоянно... Вдоль всего берега. Вотъ, послушайте.

Я сталъ прислушиваться. Въ глухомъ шумѣ моря можно услышать все, что угодно. Но мнѣ скорѣе казалось, что мчитъ экспрессъ среди завывающаго внизу вѣтра, или же, когда шуршала скатывающаяся внизъ по камнямъ вода—что поѣздъ проѣзжаетъ по желѣзному мосту. Но все-таки я согласился съ моими хозяевами; дѣйствительно, можно было различить звукъ колоколовъ въ шумѣ волнъ. М-мъ Гульвенъ обрадовалась моему подтвержденію. Мужъ ея повторялъ припѣвъ хороводной пѣсни. Медленно раскачиваясь, онъ напѣвалъ:

— „О, плачь, о, плачь, красотка!—Акулы его съѣли“.—Какъ это странно!—сказалъ онъ:—мнѣ, положительно, хочется войти въ ихъ кругъ, взять въ свои руки неуклюжія, толстыя руки работницъ и идти, куда онѣ повлекутъ меня, вдыхать запахъ маринованнаго прованскаго масла, которымъ пропитано ихъ платье. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы голосъ мой звучалъ въ ихъ хорѣ... Развѣ это не странно?

И онъ сталъ громко подтягивать хору, стуча сапогами въ тактъ пляскѣ. М-мъ Гульвенъ тоже стала подпѣвать и притоп-

тывать каблукомъ. Будь они одни, они, навѣрное повиновались бы инстинктивному влеченію и вошли бы въ хороводъ, оплакивая въ общей пѣснѣ свои собственные разбитыя надежды. Но Жильбертъ становилось дурно отъ запаха консервовъ, и пришлось увести ее. Мы всѣ пошли домой вмѣстѣ съ нею.

IV.

Паукъ скептицизма, по выраженію Ницше, раскинулъ свою паутину въ мозгу Жана Гульвена. Колеблясь между наивной вѣрой своихъ предковъ и точными научными знаніями, онъ былъ мечтателемъ, нерѣшительнымъ, доступенъ и для религіознаго чувства, и для науки. Его бретонская восприимчивость и сила воображенія располагали его больше всего къ смиренію, ибо все равно, какъ бы ни обогащаться знаніемъ, самая настойчивая человѣческая мысль не можетъ разгадать тайну океана, который въ теченіе столькихъ вѣковъ ласково баюкаетъ или же заливаешь эту страну, обогащаетъ ее или разрушаетъ по произволу капризной силы, то улыбается, сверкая залитыми солнцемъ волнами, то реветъ въ своихъ пучинахъ. Другихъ людей скептицизмъ приводитъ къ нормальной жизни, къ слѣдованію своимъ здоровымъ инстинктамъ, а докторъ Гульвенъ, напротивъ того, сталъ пассивно и безучастно относиться къ жизни. Онъ занятъ былъ только своими отвлеченными мыслями, и совершенно не желалъ власти надъ людьми. И дѣйствительно, имѣть дѣло съ идеями, а не съ людьми, гораздо легче для человѣка, лишеннаго энергичныхъ себялюбивыхъ инстинктовъ и дремлющаго подъ вялое тиканье трусливой добродѣтели.

Таково было мое окончательное мнѣніе о докторѣ Гульвенѣ. Я составилъ его во время прогулки съ нимъ подъ зловѣщимъ небомъ, во время сильнѣйшаго вѣтра. М-мъ Елена рѣшила пойти глядѣть на бурю съ очень удобнаго обсервационнаго пункта на сѣверо-восточномъ концѣ острова. Тамъ громоздились въ хаотическомъ безпорядкѣ черные величественные утесы и составляли естественное укрѣпленіе бухты, открытой напору волнъ съ моря.

М-мъ Елена считала себя компетентной въ искусствѣ и въ литературѣ, и красоты пейзажа были особенно близки и понятны ей. Она взяла съ собой лучшій изъ своихъ фотографическихъ аппаратовъ. М-мъ Гульвенъ осталась дома готовить уху на вечеръ. М-мъ Ла-Ревельеръ и Жильберта отказались присоединиться къ намъ, чтобы не простудиться, такъ что мы пошли

только втроемъ назстрѣчу бурѣ, которая обдавала намъ губы соляной пылью и развѣвала волосы подъ беретами. Говорить было невозможно, такъ какъ вѣтеръ относилъ слова вдаль, и они не доходили до слуха собесѣдниковъ. Нельзя было поэтому дѣлиться впечатлѣніями, проходя по лугамъ, глядя на изломанные кусты, стелющуюся по землѣ рожь и далекія равнины, на которыхъ не уцѣлѣло ни одно дерево за столько вѣковъ постоянныхъ бурь. На пригоркахъ паслись нѣсколько черныхъ овецъ и съ испугомъ поглядывали въ нашу сторону. Мы были единственными человѣческими существами на дорогѣ, тянувшейся далеко вдаль. По мѣрѣ того, какъ мы шли впередъ, все сильнѣе раздавался ревъ разбивающихся объ утесы волнъ. Получалось впечатлѣніе канонады двухъ невидимыхъ флотовъ. Докторъ боролся, какъ могъ, противъ порывовъ вѣтра, развѣвавшихъ складки его морской пелерины. Панталоны велосипеднаго костюма плотно обтягивали подъ вѣтромъ его ноги, обнаруживая ихъ худобу. Когда мы поднялись наконецъ на вершину утеса, похожую на окаменѣвшую губку, и очутились тамъ во власти стихій, которыя грозно набѣгали на почернѣвшій берегъ, Жанъ Гульвенъ имѣлъ чрезвычайно жалкій видъ. Онъ хотѣлъ показать намъ пропасть, которая открывается на верхушкѣ утеса передъ самымъ маякомъ. Онъ съ большой легкостью взобрался туда и дошелъ до края пропасти, какъ вдругъ неожиданный порывъ вѣтра снесъ у него съ головы шапку, взъерошилъ волосы и отбросилъ его назадъ, такъ что онъ опять скатился къ намъ, какъ осенній листъ, подхваченный вѣтромъ. Ему пришлось ухватиться за мой рукавъ, чтобы имѣть возможность остановиться. Намъ пришлось всѣмъ троимъ повернуться спиной къ вѣтру и, нагнувъ спины, держаться другъ за друга. Ревъ волнъ совершенно оглушалъ насъ. Лицо доктора посинѣло отъ холода; его темно-каштановые волосы разлетались по вѣтру, обнажая нѣжный, какъ у молодой дѣвушки, лобъ. Губы его дрожали; костлявыя посинѣвшія руки цѣплялись въ ужасѣ за мой плащъ. Въ его растерянномъ взглядѣ выражался испугъ: его ужаснуло сознаніе его слабости сравнительно со мной и м-мъ Еленой, стоявшими совершенно твердо въ разлетающихся по вѣтру плащахъ.

Онъ, повидимому, понялъ въ эту минуту, до чего его силы надорваны болѣзнью и неправильной жизнью ученаго, то запертаго среди испареній лабораторіи, то устающаго отъ чрезмѣрной ѣзды на велосипедѣ. Онъ быстро поднялъ на меня глаза, стараясь угадать, что я о немъ думаю въ эту минуту. Я не

счелъ долгомъ скрыть свое неблагопріятное впечатлѣніе, и поглядѣлъ на него съ состраданіемъ.

— Взгляните-ка на этого моряка!—крикнулъ я нашей спутницѣ.—Онъ валится съ ногъ въ то время, какъ мы...

Я не могъ продолжать, потому что вѣтеръ заглупалъ мои слова. Мы всѣ повернули назадъ, и докторъ пошелъ позади, прячась отъ вѣтра за наши спины. Когда я отступалъ въ сторону, онъ уже шатался и при этомъ самъ же себя вышучивалъ. Но м-мъ Елена тотчасъ же подходила къ нему и защищала его собою отъ вѣтра. Его худошавая фигурка съ торчащими колѣнами и посинѣвшимъ лицомъ производила удручающее впечатлѣніе. Онъ видимо былъ въ отчаяніи отъ своей обнаружившейся слабости.

Бушеваніе сихій не отвлекало меня, однако, отъ практическихъ мыслей. Я соображалъ, что если для предварительныхъ опытовъ Гульвену нужно еще нѣсколько лѣтъ, то онъ пожалуй умретъ раньше, чѣмъ закончитъ свое открытіе. Трудъ и матеріальныя заботы слишкомъ скоро убьютъ его. Слѣдовало бы приготовить достаточное количество сыворотки въ теченіе полугода. Тогда, убѣдившись въ вѣроятности успѣха, наше Общество, быть можетъ, рѣшится обезпечить бѣдному Гульвену покой и возможность возстановить свои силы надлежащимъ леченіемъ. Въ противномъ случаѣ теорія доктора Гульвена, не провѣренная достаточнымъ количествомъ клиническихъ наблюденій, реальной цѣнности представлять не будетъ. Фармацевтическое Общество не станетъ приобрѣтать его сыворотку, такъ какъ нельзя будетъ разсчитывать на большой сбытъ. Бѣдный изобрѣтатель такимъ образомъ погибнетъ, не закончивъ изобрѣтенія чудодѣйственнаго средства, способнаго его вылечить.

При всей моей твердости и принципіальномъ презрѣніи къ слабому, я почувствовалъ состраданіе—чисто головное, впрочемъ,—къ несчастному Гульвену, который тщетно старался преодолѣть свою слабость. Мрачная природа, ревъ жаднаго моря, которое уже столько вѣковъ гложетъ эту землю, казались мнѣ какъ бы заранѣе подготовленнымъ фономъ для похоронъ этого строгаго бретонца, изнуреннаго мексиканскимъ тифомъ, виновнаго только въ томъ, что онъ слишкомъ добросовѣстно лечилъ своихъ матросовъ на судахъ и въ лазаретахъ. Роковая сила стихій уносила въ своихъ волнахъ эту стойкую добродѣтель, какъ она уноситъ гранитныя глыбы утесовъ и песокъ равнинъ.

М-мъ Елена тоже, повидимому, встревожилась и торопилась домой. Мы въ послѣдній разъ взглянули на океанъ, покрывав-

шій клокочущей бѣлой пѣной выступы скалъ, тѣснившихся вдоль береговъ пустынной бухты. Стая бѣлоснѣжныхъ чаекъ проне-слась надъ волнами. Водяная пыль взлетала изъ пучинъ и раз-леталась, уносимая вѣтромъ, на однообразныя равнины. И мы направились туда же, гонимые той же ревущей бурей, которая толкала насъ въ спину, развѣвала наши плащи, срывала шляпы, въ то время какъ въ глубинѣ ущелій продолжали кружиться потоки водъ.

Докторъ не открывалъ рта, пока мы не дошли до защищен-ной отъ непогоды долины. Мы шли по дугамъ, вдоль нагнув-шихся къ землѣ кустовъ, а наша спутница рассказывала намъ о своемъ путешествіи по Норвегіи; она описывала пейзажи и нравы сѣверныхъ странъ. Мы слушали ее, или по крайней мѣрѣ дѣлали видъ, что слушали. Я въ это время припоминалъ нѣкоторые мѣста изъ писемъ, которые ежедневно получалъ изъ Парижа и другихъ мѣстъ: всѣ они касались нашего друга. Въ общемъ его больше ругали. Онъ, очевидно, многихъ обидѣлъ своей разсѣянностью и холодностью, и кромѣ того его соперники старались заранѣе раскритиковать изобрѣтеніе Гульвена, чтобы помѣшать его успѣху. Какъ же рекомендовать его сыворотку Фармацевтическому Обществу въ виду всего этого?.. Взглянувъ на Гульвена, я увидѣлъ, что онъ приложилъ руку къ сердцу подъ пелеринной и закусилъ послѣ этого губы.

Надъ нами вдругъ разразился сильнѣйшій ливень. Мы уско-рили шагъ, чтобы укрыться скорѣе отъ дождя, но и по дорогѣ домой я обсуждалъ про себя планъ дѣйствій.

Я продолжалъ думать о томъ же, когда мы сѣли пить чай, приготовленный женой Гульвена въ салонѣ. Въ ея присутствіи докторъ старался казаться бодрымъ. Онъ прошелъ сначала къ себѣ въ комнату, чтобы обогрѣться и привести себя въ поряд-окъ, и вернулся освѣженный, гладко причесанный и слегка принаряженный. Онъ какъ бы въ шутку сталъ цѣловать руки женѣ, благодаря ее за сюрпризъ въ видѣ вкуснаго пирожнаго къ чаю. Въ этомъ приливѣ чувствъ сказалась его скрытая тре-вога, его боязнь, что жена скоро останется одна, безъ нрав-ственной поддержки и матеріальныхъ средствъ. Его нѣжность выражала всю силу его благодарности за ея заботы, которымъ она посвящала себя съ такой же простотой, съ какой вкладывала свою душу въ молитвы. Она покраснѣла отъ удовольствія и смущенія; глаза ея выражали радость и нѣкоторое удивленіе. Она не догадывалась, однако, о причинѣ его слишкомъ бурнаго прилива нѣжности. Догадки ея въ этомъ направленіи привели бы

къ безпокойству, и я хорошо сдѣлалъ, что отвлекъ ея вниманіе отъ мужа, потребовавъ, чтобы мнѣ подали ветчину. Я нивогда не путешествую безъ своего собственнаго окорока, который мнѣ присылаютъ прямо изъ Цинциннати. Анна-Марія пошла принести его.

Одно изъ удовольствій, которыя я чрезвычайно цѣню, заключается для меня въ томъ, чтобы, когда я голоденъ, смотрѣть на приготовленное для меня, великолѣпно прожаренное, прекрасно сервированное мясное блюдо. Для меня это зрѣлище столь же пріятно, какъ видъ красивой женщины, которая начинаетъ оказывать мнѣ знаки вниманія.

— Анна-Марія, — сказалъ я, — покажите мнѣ весь окорокъ, прежде чѣмъ его рѣзать. Вотъ такъ... Сколько граціи въ вашихъ движеніяхъ!.. Взгляните — ну, не великолѣпенъ ли этотъ жирный янки! Да чтѣ и говорить — американскіе продукты всегда за себя постоятъ. Взгляните на это розовое плотное мясо, на бѣлизну окружающаго слоя жира. Прелестная ветчина — не правда ли, mesdames?

Я давно ужъ не чувствовалъ такого здороваго аппетита, какъ въ тотъ день. У меня явилось упоительное, страстное желаніе какъ можно скорѣе впиться моими хищными зубами въ это сочное мясо, почувствовать вкусъ его на языкѣ и во рту. Морской воздухъ привелъ меня въ самое жизнерадостное настроеніе, и все мнѣ доставляло наслажденіе. Анна-Марія, которую я все болѣе и болѣе завоевывалъ своимъ рыцарскимъ обращеніемъ, была почти такъ же свѣжа, какъ сердцевина окорока. Ея нѣжная юная шея красиво наклонялась, выступая изъ вырѣза широкаго воротника. Свѣтлое, нѣсколько испуганное личико въ рамѣ темныхъ волосъ выражало напряженную услужливость и было очень привлекательно въ убранствѣ розовыхъ лентъ и длинныхъ бѣлыхъ концовъ ея бретонскаго чепчика. Передникъ съ нагрудникомъ обрисовывалъ юношескія линіи фигуры. Вся эта свѣжесть молодой дѣвушки такъ же привлекала меня, какъ и блюдо, которое она заботливо подавала мнѣ вмѣстѣ съ флакономъ англійскаго соуса. Я даже забылъ про Гульвена и его несчастія, думая одновременно о вкусѣ мяса и о свѣжести губъ молодой служанки. Этимъ путемъ я выбрался изъ мрака, невыносимаго для моей энергичной натуры. Жалѣя слабыхъ, рискуешь самъ ослабѣть духомъ, — а этого я всегда стараюсь избѣжать.

М-мъ Елена пила чай и поглядывала то на ветчину, то на меня, стараясь читать у меня въ душѣ. Ея насмѣшливый

взоръ съ интересомъ слѣдилъ за мной. Быть можетъ, она считала невѣжливымъ съ моей стороны то, что я не предлагалъ отвѣдать окорока всѣмъ присутствующимъ. Но съ минуты на минуту должны были вернуться м-мъ Ла-Ревельеръ и Жильберта,—онѣ пошли съ визитомъ въ учительницѣ; ихъ, значитъ, тоже пришлось бы угощать. Я быстро смѣрилъ глазами величину бреши, сдѣланной въ моемъ окорокѣ, и побоялся, что его не хватитъ до конца моего пребыванія въ Керьяникѣ. Угощать другихъ было поѣтому немисливо.

— Анна-Марія!—вскринулъ я:—рѣжьте самыми тоненькими лопатками... Еще тоньше, еще тоньше... Можетъ быть, вы тоже отвѣдаете, mesdames? Впрочемъ я не рѣшаюсь настаивать, такъ какъ соусъ очень плохъ. Безъ соуса вѣдь это только обыкновенная ветчина... Ветчина, совершенно недостойная васъ. Унесите ее, дитя мое, унесите скорѣе!

Я спасъ такимъ образомъ ветчину, продолжая самъ ѣсть кусокъ за кускомъ. Докторъ отказался отъ поджаренныхъ тартиновъ, приготовленныхъ женой; онъ заявилъ, что у него спѣшная работа, а малѣйшее обремененіе желудка отягчаетъ ему голову и мѣшаетъ работать. Дамы его пожалѣли, но онъ пожалъ плечами, и сталъ шутить и говорить о томъ, какъ пріятна его работа, какое удовольствіе ему доставляетъ изученіе психологій кроликовъ и морскихъ свинокъ до и послѣ впрыскиванія. Онъ сдѣлалъ тонкое замѣчаніе, говоря о вторженіи бактерій въ нервныя центры, и провелъ остроумную параллель между стратегическимъ искусствомъ человѣческихъ войскъ и армій микробовъ.

М-мъ Елена съ благоговѣніемъ слушала его, подпирая подбородокъ своими длинными блѣдными пальцами. Наконецъ она медленно произнесла длинную фразу, очевидно подготовленную въ то время, когда докторъ говорилъ о своихъ работахъ:

— Какъ упоительны должны быть часы, которые вы проводите въ лабораторіи, изготовляя вашъ эликсиръ жизни! Какой паѣосъ въ вашемъ тревожномъ ожиданіи! Какъ бы я хотѣла обладать большими знаніями, чтобы раздѣлять съ вами эти наслажденія!

Голосъ ея становился все болѣе и болѣе пѣвучимъ, и Гульвенъ слушалъ ее съ видимымъ наслажденіемъ. Жена его покачала головой и сказала, проводя рукой по скатерти:

— Я много часовъ работала съ нимъ въ лабораторіи... Это, дѣйствительно, незабвенное время. Мы надѣемся спасти много тысячъ жизней. Мы пожертвовали значительной частью нашего состоянія для достиженія этой цѣли. Онъ отказывается отъ вся-

кихъ развлеченій, даже отъ чтенія книгъ, своего любимого удовольствія въ прежнее время... Вѣдь нужно же спасти тысячи жизней, если имѣешь въ рукахъ средство для ихъ спасенія. И онъ ихъ спасетъ. Теперь ужъ не можетъ быть сомнѣній.

— Ты дѣйствительно больше не сомнѣваешься, Ивонна? — съ увѣренностью спросила м-мъ Елена.

— Я никогда и не сомнѣвалась, дорогая.

— Это вѣрно, — подтвердилъ Гульвенъ съ улыбкой: — она никогда не сомнѣвалась.

— Она слишкомъ любить, чтобы сомнѣваться, — возразилъ я.

Онъ нахмурился. Наступило короткое молчаніе, и мы всѣ стали смотрѣть на море, совершенно свинцовое подъ дождемъ, зловѣщее на фонѣ сѣрыхъ утесовъ и пустынного побережья. Я видѣлъ, что отъ меня ждали увѣреній въ томъ, что и я больше не сомнѣваюсь, и мнѣ на минуту захотѣлось доставить имъ это удовольствіе. Но я поборолъ свое мелкое желаніе, считая, что поддерживать неосуществимыя иллюзіи — недостойное меня малодушіе. Лучше пойти навстрѣчу ихъ гнѣву, вмѣсто того, чтобы извращать истину.

— Тебѣ необходимо расширить свои опыты, — посоветовалъ я доктору. — Безсмысленно дѣлать прививки какимъ-нибудь четыремъ кроликамъ и лечить пятью, шестью каплями добытой сыворотки нѣсколькихъ крестьянокъ въ глухихъ приморскихъ деревушкахъ. Замѣни кроликовъ лошадьми и производи опыты съ сывороткой въ госпиталяхъ.

— Ты правъ, милый другъ, — отвѣтилъ Гульвенъ, — ты правъ. Необходимо триста случаевъ излеченія для провѣрки моей теоріи...

— Покупать живыхъ лошадей? — сказала м-мъ Гульвенъ, почти съ ужасомъ. — И кормить ихъ? Сколько же времени?

— Право, не знаю, — сказалъ докторъ. — Можетъ быть, нѣсколько лѣтъ... Должно пройти четыре, пять, шесть, иногда даже восемь лѣтъ прежде, чѣмъ получится вполне хорошая сыворотка...

— Восемь лѣтъ. Однако!.. — проворчалъ я съ многозначительнымъ видомъ.

Сильный порывъ вѣтра распахнулъ настежь окно и обдалъ насъ холодомъ. Наверху гдѣ-то громко хлопнула дверь. Мы замолчали. Я протянулъ свою чашку, прося вторично налить мнѣ чаю. М-мъ Елена поднялась, закрыла окно и, вернувшись на мѣсто, съ негодованіемъ сказала:

— Какъ возмутительно, что все можетъ пойти прахомъ

изъ-за недостатка въ деньгахъ! А вѣдь сколько ихъ тратятъ зря разные шалопаи на скачки и на женщинъ!

— Да, только изъ за недостатка въ деньгахъ теряется возможность спасти тысячи людей... Развѣ это не смѣшно? — съ горечью сказала м-мъ Гульвенъ.

— Именно смѣшно,—подтвердила ее красавица кузина.

Меня поразило искреннее и страстное возмущеніе м-мъ Елены. Она волновалась даже больше жены доктора. Въ то время какъ я глядѣлъ на нее съ удивленіемъ, она подошла ко мнѣ:

— Скажите пожалуйста, — рѣшительнымъ тономъ спросила она, — почему бы Фармацевтическому Обществу не заинтересоваться работами доктора?

— Объ этомъ,—осторожно отвѣтилъ я, чтобы не разсердить ее,—у насъ уже подумывали...

— До чего я была бы вамъ благодарна за ваше содѣйствіе!

Супруги Гульвенны уже заволновались, и я счелъ благотворнымъ охладить ихъ пылъ:

— Не благодарите меня, вѣдь еще ничего не сдѣлано...

— Ну, да, конечно, — сказала м-мъ Елена примиряющимъ тономъ, думая, что я только скромничаю изъ приличія. Ея оптимизмъ вызвалъ у меня улыбку. Она была уже увѣрена въ моемъ содѣйствіи, и въ своей радости стала щедро лить мнѣ въ чай старый ромъ.

— Довольно!—остановилъ я ее:—слишкомъ много алкоголя вредно... Его не нужно больше въ чаѣ, чѣмъ враговъ въ жизни человѣка. Небольшое количество скорѣе полезно,—своими наговорами они возбуждаютъ интересъ къ своему противнику. Но имѣть слишкомъ много враговъ опасно. Не правда ли, Гульвенъ?

Онъ возразилъ на это, что не имѣетъ враговъ, и обѣ женщины удивились даже моему предположенію, что у него могутъ быть враги.

— Ну, скажемъ, соперники, даже друзья, если хотите: это вѣдь одно и то же, — сказалъ я.—Вѣдь знаете, что говоритъ Ницше: „Въ своемъ другѣ нужно видѣть своего лучшаго врага“ и „Нужно въ другѣ почитать врага“.

Эти афоризмы понравились м-мъ Еленѣ. Но Гульвенъ потребовалъ, чтобы я сказалъ, кто его враги. Я назвалъ ему нашихъ общихъ товарищей по лабораторіи, тѣхъ, съ которыми мы играли въ карты въ кофейняхъ Латинскаго квартала, и которые съ тѣхъ поръ тоже сдѣлались врачами и учеными. Затѣмъ я назвалъ ему нѣсколькихъ врачей, служившихъ во флотѣ одновременно съ нимъ. Гульвенъ широко раскрылъ глаза, не пони-

мая, чѣмъ могъ возбудить противъ себя прежнихъ товарищей. Когда я объяснилъ, что причина ихъ дурного отношенія—успѣхъ доклада Гульвена въ академіи, м-мъ Елена первая саркастически разсмѣялась.

— А, такъ это они изъ зависти не влюбили его,—сказала она, и посоветовала Гульвену относиться съ презрѣніемъ къ такимъ жалкимъ, злымъ людямъ.

— Такихъ враговъ,—сказала она,—нечего бояться человѣку, какъ вы, который всегда будетъ привлекать симпатіи честныхъ людей.

Краска гнѣва придавала еще больше благородства ея красотѣ, и это усиливало мое желаніе добиться ея любви. Въ эту минуту исчезла ея обычная сдержанность манеръ; она ходила по комнатамъ широкими шагами, и въ ея энергичныхъ жестахъ было что-то мужское. Меня поразила эта переменна, свидѣтельствовавшая о степени ея волненія. Она, несомнѣнно, была очень преданной родственницей. Разрушая честолюбивыя мечты ученаго, я рисковалъ возбудить неудовольствіе этой очаровательной женщины, въ которой я нуждался для своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Своимъ проникательнымъ умомъ она уже составила себѣ мнѣніе обо мнѣ, какъ о смѣломъ и грубомъ человѣкѣ, но, во всякомъ случаѣ, чуждомъ лицемѣрія и неглупомъ. Вмѣсто того, чтобы возненавидѣть меня, какъ ея свекровь, или бояться меня, какъ м-мъ Гульвенъ, или же относиться ко мнѣ пренебрежительно, подобно доктору, она стала изучать мои слова и манеры, чтобы разглядѣть, что скрывается за ними въ моей душѣ. Самолюбіе ея, однако, доходило до того, что она требовала отъ меня признанія талантовъ всѣхъ членовъ ея семьи, и потому готова была усмотрѣть и въ моей сдержанности проявленіе зависти. М-мъ Гульвенъ, найдя въ ней опору для своихъ чувствъ, тоже пожимала плечами въ отвѣтъ на мои доводы, хотя мужъ ея соглашался со мной жестами и грустной улыбкой.

Я, однако, не отступалъ отъ своей позиціи и рисовалъ имъ положеніе дѣлъ во всей его неутѣшительной правдѣ. Конкуренты Гульвена, конечно, не простятъ ему того, что онъ сразу сталъ имъ поперекъ пути и помѣшалъ успѣху ихъ долголѣтнихъ настойчивыхъ исканій. Я помню, какъ взволновались всѣ химики, физиологи, гистологи и т. д., когда на біологическомъ конгрессѣ узнали, что докладъ доктора Гульвена о метаморфозахъ бациллы Эберта въ тифозныхъ заболѣваніяхъ будетъ обсуждаться на публичномъ засѣданіи. — Какъ, этотъ добрякъ Гульвенъ, который до того никому не мѣшалъ и гдѣ-то тамъ плавалъ у береговъ

Патагоніи скромнымъ флотскимъ врачомъ, вдругъ удостаивается такой чести! Этотъ бретонецъ завоевываетъ успѣхъ, къ которому мы всѣ стремимся, однимъ скачкомъ обгоняетъ всѣхъ товарищей... Какая дерзость!—Всѣ хоромъ ополчились на него. И я въ томъ числѣ... Ну да, и я. Васъ это удивляетъ?

— Вы, однако, не утруждаете себя притворствомъ,—очень рѣзко замѣтила м-мъ Елена.

— Все это совершенно естественно, очень человѣчно,—вротко сказалъ докторъ, барабани пальцами по столу.

Въ эту минуту я готовъ былъ бы растоптать его, какъ червяка,—до того меня возмутило его малодушное христіанское смиреніе. Жена его, напротивъ того, взглянула на него съ обожаніемъ и стала по-дѣтски возмущаться людской злобой.

— И вы были заодно съ его врагами?—Съ этими словами м-мъ Елена подошла ко мнѣ вплотную и грозно взглянула мнѣ въ лицо. Я откинулся на спинку кресла и залюбовался ею. Она была поразительно хороша въ своемъ темномъ платьѣ, плотно охватывавшемъ ея фигуру.

— Нѣтъ,—воскликнулъ я,—я его защищалъ.

— Это правда?

— Конечно: я сразу подумалъ о приобрѣтеніи сыворотки Гульвена для Фармацевтическаго Общества.

— Ахъ, да, я и забыла, что вы торговый агентъ!—со смѣхомъ сказала м-мъ Елена, и я видѣлъ по ея лицу, что ей нравится моя послѣдовательность. Я былъ увѣренъ, что въ эту минуту она могла бы полюбить меня, если бы... Но я, кажется, напрасно понадѣялся, потому что она сейчасъ же прибавила враждебнымъ тономъ:

— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на васъ, дѣйствительно, можно разсчитывать... Ну, а если бы вы не предвидѣли возможной выгоды для себя, какъ бы вы поступили?

— Я бы бѣсновался, какъ и другіе,—отвѣтилъ я совершенно откровенно, но шутивымъ тономъ, которымъ я часто говорю, чтобы примирить другихъ съ неумолимостью моихъ принциповъ... Удивительные вы, право, люди!—прибавилъ я въ отвѣтъ на негодующіе жесты обѣихъ дамъ.—Неужели вы думаете, что можно уступить мѣсто конкуренту безъ борьбы, безъ протеста?

— Но вѣдь не всѣ занимаются изготовленіемъ анти-тифозной сыворотки,—замѣтила м-мъ Елена.—Откуда же это общее враждебное отношеніе?

Докторъ ей объяснилъ серьезнымъ тономъ, что у всякаго есть какое-нибудь свое изобрѣтеніе, которое онъ считаетъ важнѣе

всѣхъ остальныхъ. Онъ прибавилъ, что товарищи навѣрное отнеслись бы къ нему терпимѣе, если бы онъ занялъ скромное мѣсто среди другихъ, но протестуютъ противъ его первенствующаго положенія,—такъ это всегда бываетъ. Вотъ, напримѣръ,—скажаль онъ,—когда, годъ тому назадъ, профессоръ Куртель выступилъ съ новымъ открытіемъ, въ ученыхъ журналахъ старались умалить его заслуги сравненіями съ моими работами для того только, чтобы не уступить ему первое мѣсто. Совершенно естественно поэтому, что и меня тоже стараются затереть, когда дѣло идетъ о первенствѣ.

— Ну, да, — прибавилъ я, — ты достигъ успѣха главнымъ образомъ благодаря тому, что всѣ ополчились на Куртеля. Согласитесь, что это досадно, mesdames.

— Какъ это гнусно!—проговорила м-мъ Елена, и кузина ея тоже рѣшилась выразить свое негодованіе.—Какой отвратительный эгоизмъ!—проговорила она.

Я и не предполагалъ, глядя на эту невзрачную, худенькую женщину, что она можетъ вдругъ стать такой воинственной. Лицо ея приняло угрожающее выраженіе, глаза расширились. М-мъ Елена попросила меня пересѣсть на стулъ подлѣ себя, и когда я исполнилъ ея желаніе, возбужденно потребовала объяснить ей, могутъ ли всѣ эти низости дѣйствительно повредить успѣху доктора? Она сразу взглянула на положеніе дѣлъ съ практической стороны. Я былъ пораженъ ея возбужденностью—большей даже, чѣмъ у жены доктора. Обѣ онѣ казались мнѣ полусумасшедшими въ своемъ волненіи, нарушавшемъ привычки хорошаго тона. У жены доктора это еще объяснялось ея безпредѣльной любовью къ мужу, но у м-мъ Елены не было причинъ такъ выходить изъ себя. Я заключилъ, что она очень привязана къ своей кузинѣ Ивоннѣ, и поэтому старается убѣдить меня въ необходимости выхлопотать субсидію доктору.

Я съ трудомъ скрылъ свое изумленіе, но все же объяснилъ, что коалиція противниковъ нашего друга можетъ сильно повредить распространенію сыворотки Гюльвена, и что въ виду этого Фармацевтическое Общество, вѣроятно, откажется затратить капиталъ на необходимую въ такихъ случаяхъ рекламу новаго лечебнаго средства.

— Да вѣдь всѣмъ извѣстно,—воскликнула м-мъ Елена,—что никогда холопамъ не удавалось разрушить дѣло своего господина.

Она стала возбужденно ходить по комнатѣ. Докторъ поблагодарилъ ее смиреннымъ поклономъ за ея участіе, и, какъ мнѣ

показалось, былъ самъ пораженъ горячностью ея защиты. М-мъ Гульвенъ запуталась въ разъясненіи медицинскихъ теорій, стремясь доказать мнѣ геніальность своего мужа. Обѣ женщины превозносили главнымъ образомъ умъ и талантъ доктора. Забывая о его душевныхъ качествахъ, не думая о самоотверженномъ врачѣ солдатскихъ лазаретовъ, обѣ онѣ помнили только объ изобрѣтателѣ и его лабораторныхъ трудахъ. Это было какимъ-то лирическимъ ослѣпленіемъ страсти. М-мъ Гульвенъ безумно любила своего мужа и, очевидно, заразила кухню своими восторгами. Обѣ онѣ доказывали теперь, что первое открытіе Гульвена, электро-магнетизмъ крови,—бесспорный фактъ, „который подтверждается анализомъ, точными цифрами“. Онѣ приводили наизусть отзывъ „Медицинскихъ Анналовъ“, написанный домашнимъ врачомъ Ла-Ревельеровъ, и утверждали, что всѣ новѣйшія гипотезы объ измѣненіяхъ крови не идутъ въ сравненіе съ гипотезой Гульвена. То, что очевидно, не могутъ вѣдь отрицать враги и завистники, говорили онѣ.

М-мъ Гульвенъ въ порывѣ воодушевленія даже подбоченилась, а м-мъ Еленѣ пришлось оправить прическу, растрепавшуюся отъ рѣзкихъ жестовъ. Обѣ онѣ потеряли чувство собственного достоинства. Гульвенъ, судя по его удивленному лицу, никогда не видѣлъ ихъ въ такомъ возбужденіи, и хотѣлъ мнѣ это сказать. Я же старался убѣдить ихъ и доказывалъ, что наши противники, не отрицая важности открытія, все же несомнѣнно будутъ нападать на него. Они, конечно, не станутъ отрицать явныхъ достоинствъ новаго средства, но обратятъ вниманіе на слабые пункты и придадутъ имъ особое значеніе. Докторъ подтвердилъ, что такъ оно и будетъ, что его противники постараются обойти молчаніемъ все новое и самостоятельное въ его открытіи...

— Вотъ, напримѣръ, Пердро,—сказалъ онъ,—нашъ другъ Пердро; ты его знаешь, Ивонна... Онъ уже ставилъ мнѣ въ упрекъ нѣкоторые недочеты, связанные съ теперешнимъ состояніемъ науки. Пастѣра или Бертело онъ бы никогда въ этомъ не упрекнулъ.

Но обѣ кухни не поддавались никакимъ увѣщаніямъ, увѣренныя, что никакія интриги не могутъ помѣшать успѣху такого великаго открытія. Я даже сталъ дразнить м-мъ Елену горячностью ея вѣры въ доктора. Тогда она сразу прервала потокъ рѣчей, а докторъ принужденно смѣлся въ отвѣтъ на мои шутки. Но м-мъ Елена вскорѣ прервала меня, заговоривъ о томъ, что докторъ Гульвенъ самоотверженно ухаживалъ за ея мужемъ до

самой его смерти и продлил его жизнь на цѣлыхъ два года. Она прибавила, что ни она, ни ея мать, никогда не забудутъ его трогательнаго отношенія къ больному. Гульвенъ сталъ скромно отрицать свои заслуги.

Вынимая изъ кармана портъ-сигаръ, я вынулъ и пакетъ съ ругательными письмами, которыя нарочно захватилъ съ собой. М-мъ Елена посмѣялась надъ толщиной пакета. Я вынулъ только два письма, подписанныя Пердро, нашимъ бывшимъ товарищемъ, и прочелъ нѣкоторые мѣста изъ нихъ м-мъ Гульвенъ, для иллюстраціи человѣческой низости.

Первое письмо помѣчено было датой, предшествовавшей обсужденію доклада въ академіи. Въ немъ говорилось: „Гульвенъ, дѣйствительно, серьезный ученый. Онъ не обладаетъ слишкомъ большою эрудиціей, но это хорошо, потому что благодаря этому не разбрасывается, а сосредоточиваетъ всѣ силы на провѣркѣ своей гипотезы объ электро-магнетизмѣ. Онъ прекрасный теоретикъ, хорошій работникъ“ и т. д. Второе письмо написано было послѣ публичнаго засѣданія академіи, и тонъ былъ уже совершенно другой: „Что касается Гульвена,—писалъ Пердро,—то онъ ничего не стоитъ... О немъ напрасно столько говорятъ. Онъ не въ состояніи создать что-либо новое и оригинальное. Его академическій докладъ состоитъ изъ повтореній плохо усвоенныхъ чужихъ мнѣній. Это теорія не Гульвена, а кого угодно, начиная отъ Гиппократа и до Коха“...

— Но вѣдь долженъ же я ссылаться на авторитеты для подтвержденія моихъ разсужденій? Если бы я этого не сдѣлалъ, Пердро сталъ бы меня упрекать въ бездоказательности моихъ теорій.

Гульвенъ начиналъ раздражаться, и я сталъ наблюдать за нимъ. Неужели же наконецъ онъ загорится ненавистью и проявитъ смѣлость?

— Вы не убѣдите меня въ томъ, что всѣ люди низки,—проговорила м-мъ Елена, поблѣднѣвъ.

— Я привелъ слова Пердро, какъ образчикъ того, что говорятъ и другіе. Вотъ Давенонъ, напримѣръ, бѣгаетъ повсюду, доказывая, что Гульвенъ—клептоманъ.

Докторъ сидѣлъ молча въ своемъ углу. Можетъ быть, весь этотъ разговоръ казался ему лишнимъ, потому что за часъ до того онъ увѣрился въ своей слабости и почувствовалъ близость смерти. Или же, быть можетъ, онъ изъ благоразумія предоставилъ свою защиту женщинамъ. Но когда м-мъ Гульвенъ стала утверждать, что за него заступятся знаменитые профессора, онъ

нахмурилъ брови, чувствуя неумѣстность словъ жены. Еще болѣе непріятно ему стало, повидимому, когда м-мъ Елена подхватила этотъ аргументъ и стала отвѣчать на мои возраженія тономъ оскорбленнаго самолюбія. Я же хотѣлъ въ этомъ спорѣ увлечь ее настойчивостью моего сопротивленія. При всей твердости моего намѣренія завоевать ея любовь, я всѣми силами боролся противъ соблазна привлечь ее своей уступчивостью.

— Человѣкъ—то, что должно быть превзойдено,—шепталъ я про себя каждый разъ, когда она штурмовала меня словами и взглядами, суля мнѣ свою признательность въ обмѣнъ за поддержку надеждъ ея родственниковъ. Я сопротивлялся и доказывалъ, что университетскіе профессора тоже боятся своихъ учениковъ. Ругая лекціи, разоблачая ошибки, совершаемыя ежедневно въ клиникахъ, доктора могутъ сильно дискредитировать своихъ учителей, повредить имъ въ глазахъ ихъ пациентовъ,—банкировъ, министровъ, герцоговъ и актрисъ, т.-е. тѣхъ, которые платятъ за операции много тысячъ франковъ. Къ тому же трудно ожидать отъ профессоровъ сочувственнаго отношенія къ открытіямъ, сдѣланнымъ совершенно помимо нихъ.—Кромѣ того,—прибавилъ я, обращаясь къ м-мъ Гульвенъ,—вашъ мужъ совершилъ нѣсколько непростительныхъ промаховъ за послѣднее время. Когда вы оба пріѣхали въ Парижъ, послѣ засѣданія академіи, Гульвенъ долженъ былъ пойти вмѣстѣ съ вами къ м-мъ де-Паррѣ, гдѣ докторъ Протэ принимаетъ своихъ приверженцевъ. Почему вы этого не сдѣлали? Какъ было не оказать вниманія человѣку, который больше всѣхъ старался распространить вѣсть объ открытіи Гульвена?

— Но вѣдь у м-мъ де-Паррѣ очень темное прошлое,—заявила м-мъ Гульвенъ. — Честнымъ женщинамъ не мѣсто въ ея домѣ.

— Да, такъ думаютъ въ провинціи. Но въ Парижѣ на все смотрятъ по иному, и Протэ былъ очень обиженъ тѣмъ, что вашъ мужъ не повелъ васъ къ его подругѣ.

— Я все-таки рада, что мы не пошли къ ней. Мой мужъ доказалъ этимъ свое уваженіе ко мнѣ.

— Значить, я свою жену не уважаю,—возразилъ я:—она бываетъ у м-мъ де-Паррѣ. Зато въ клиникѣ Протэ іодъ Гишардо въ большемъ употребленіи. Скажу вамъ еще больше: Пердро и его жена бывають на обѣдахъ у м-мъ де-Паррѣ, и будьте увѣрены, что Протэ не будетъ возражать противъ нападокъ нашего друга Пердро на сыворотку Гульвена.

— А другіе профессора, навѣрное, послѣдуютъ примѣру

Протѣ,—подтвердилъ Гульвенъ,—такъ какъ они исполнѣ основательно преклоняются передъ его талантомъ.

— Да, такъ оно, вѣроятно, и будетъ,—отвѣтилъ я доктору, который раздражалъ меня своей малодушной покорностью.

Логичность моихъ словъ возмущала молодую вдову, но и убѣждала ее въ моей правотѣ. М-мъ Гульвенъ не вѣрила въ мои пессимистическія предсказанія и качала головой. Лицо ея приняло болѣзненное выраженіе,—у нея начиналась мигрень отъ непривычки къ разсужденіямъ, нарушающимъ всѣ ея традиціонныя понятія о нравственности.

Я продолжалъ упрекать Гульвена въ разныхъ ошибкахъ, заглянувъ въ письма моихъ корреспондентовъ. Почему, напримѣръ, онъ не явился на банкетъ Геологическаго Общества, а ограничился телеграммой? Это было большою ошибкой. М-мъ Елена согласилась со мной, напоминая, что ея мужъ никогда не пропускалъ политическихъ банкетовъ, обѣда экономистовъ и т. п. собраний. Она согласилась, что уклоненіе въ такихъ случаяхъ толкуется какъ доказательство пренебреженія и возбуждаетъ неудовольствіе.

— Этимъ ты создалъ себѣ еще семь или восемь могущественныхъ враговъ,—сказалъ я. Но м-мъ Елена уже раскаялась въ томъ, что на минуту согласилась со мной, и иронически воскликнула:

— Почему вы пренебрегаете вкусными обѣдами, докторъ?.. Необходимо объѣдаться для того, чтобы профессора согласились спасать жизнь людей при помощи вашихъ знаній.

— Но вѣдь у него нѣтъ средствъ ѣздить въ Парижъ каждую недѣлю на парадные обѣды,—плакалась м-мъ Гульвенъ, глядя съ отчаяніемъ на изношенный костюмъ мужа.

Я уклонился отъ прямого отвѣта, и продолжалъ просматривать письма. Я спросилъ Гульвена, почему онъ не выписывалъ нѣсколькихъ медицинскихъ журналовъ, издаваемыхъ нашими бывшими товарищами. Они вѣдь имѣли основаніе разсчитывать на поддержку Гульвена, какъ и на мою. А въ виду его оплошности, въ этихъ журналахъ, очень распространенныхъ среди провинціальныхъ врачей, не будутъ относиться сочувственно къ его опытамъ. М-мъ Елена опять принуждена была сознаться, что ея покойный мужъ выписывалъ даже самыя ничтожныя политическія изданія, чтобы расположить къ себѣ всѣхъ своихъ коллегъ.

— Но вѣдь откуда намъ взять средства, чтобы все это выписывать?—взмолилась м-мъ Гульвенъ.

Я покачалъ головой, дѣлая видъ, что не вѣрю въ бѣдность

моихъ хозяевъ, и продолжалъ высчитывать оплошности Гульвена. Почему онъ не принялъ участія въ подпискѣ на памятникъ Клоду Бернару, проектируемый Институтомъ Органической Химіи? За недостаткомъ взносовъ, сооруженіе памятника не состоялось, а раздосадованные организаторы запомнили всѣхъ, не откликнувшихся на ихъ призывъ—съ тѣмъ, чтобы при случаѣ отомстить имъ. Затѣмъ я обратилъ его вниманіе на двѣнадцать писемъ отъ провинціальныхъ врачей и аптекарей, возмущенныхъ тѣмъ, что докторъ Гульвенъ не отвѣтилъ на ихъ просьбы дать дополнителныя свѣдѣнія объ электро-магнетизмѣ крови. Изъ-за его невниманія всѣ они стали его врагами. М-мъ Гульвенъ поклялась мнѣ, что почта имъ стоитъ не менѣе пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ, и что больше тратить на почтовые расходы они никакъ не могутъ.

— Положительно, — сказала ея кузина со злобнымъ смѣхомъ,—въ мірѣ науки происходитъ то же, что и въ политикѣ. Докторъ Гульвенъ входитъ въ славу—и долженъ за это платиться карманомъ.

— Да, люди менѣе всего прощаютъ бѣдность и выше всего чтутъ богатство,—сентенціозно замѣтилъ я.

— Это неправда!—воскликнула м-мъ Гульвенъ.—Вѣдь, вотъ, Жанъ публично высказалъ свое откровенное мнѣніе о Робертсонѣ, вопреки тому, что этотъ шарлатанъ—милліонеръ.

— Это тоже было ошибкой. Всѣ, кому Робертсонъ давалъ деньги взаймы, всѣ, бывающіе у него въ домѣ, чтобы встрѣчаться тамъ съ полезными людьми, станутъ теперь врагами вашего мужа.

— По-вашему, ему не поставятъ въ заслугу то, что онъ смѣло говоритъ правду въ глаза даже людямъ, пользующимся властью? Никогда я этому не повѣрю!—воскликнула м-мъ Елена. Она вся горѣла негодованіемъ.

— Возможно, что это ему поставятъ въ заслугу, но для того, чтобы не навлечь на себя неудовольствій Робертсона и его приверженцевъ, всякій будетъ обвинять Гульвена въ низкихъ побужденіяхъ, въ зависти—такъ же, какъ вы обвиняете въ этомъ его враговъ.

— Вы сами почти готовы выступить его обвинителемъ!—воскликнула она вѣ себя.—Вы такой же, какъ и всѣ. Вамъ, парижанамъ, досадно, что честный человѣкъ, преданный наукѣ и благу человѣчества, живетъ себѣ тихо въ провинціальной глуши, не вмѣшиваясь во всѣ ваши интриги, не сообразуясь съ мелкой кружковой политикой...

— Не заставляя жену бывать у женщинъ сомнительнаго поведенія.

Гульвенъ сталъ смѣяться, чтобы какъ-нибудь загладить рѣзкія нападки своихъ дамъ. Но это было совершенно лишнее. Меня ничто не можетъ обидѣть. Я считаю себя выше всякихъ оскорбленій, въ особенности со стороны молодыхъ женщинъ, выведенныхъ изъ себя моимъ цинизмомъ. Поэтому, чтобы успокоить доктора и не раздражать пламенныхъ спорщицъ, я отвѣсилъ имъ поклонъ и сказалъ:

— И я, и всѣ мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы Гульвенъ продолжалъ жить въ своей дорогой Бретани и работать въ тишинѣ. Когда ему будетъ шестьдесятъ лѣтъ, міръ признаетъ его заслуги, недостаточно оцѣненные до того... И почему ты, собственно, добиваешься немедленнаго успѣха?

— Чтобы спасти тысячи жизней, погибающихъ теперь отъ тифа,—отвѣтила за него м-мъ Гульвенъ.

— Это сентиментальный доводъ, интересующій очень немногихъ... или, вѣрнѣе, никого, кромѣ развѣ самихъ больныхъ. Но такъ какъ твое открытіе имъ неизвѣстно...

— Вотъ бы вы и взяли на себя миссію...—робко сказала жена доктора.

— Я никакихъ миссій на себя взять не могу, не чувствуя въ себѣ апостольскаго призванія. Я—самый обыкновенный торговый агентъ и долженъ разсчитать шансы на удачу въ каждомъ дѣлѣ. Такъ вотъ я говорю, что враждебное отношеніе товарищей можетъ очень затормозить дѣло.

— Боже мой!—проговорилъ Гульвенъ:—я понятія не имѣлъ, что навожу такой ужасъ на своихъ противниковъ.

Онъ всталъ, вытянулся, потомъ подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на море, на которомъ грузно качались тяжелыя барки, защищаясь парусами отъ ливня. Вѣтеръ сотрясалъ двери и окна дома.

— Скажите,—снова обратилась ко мнѣ жена Гульвена:—неужели не найдется честныхъ людей, чтобы защитить его?

— Найдутся, м-мъ Гульвенъ, найдутся. Но тѣ, которыхъ вы называете честными людьми, не имѣютъ никакой власти, не пользуются въ обществѣ вліяніемъ. Я вѣдь вамъ говорилъ, что это робкіе люди, которые возмущаются, сидя у себя въ углу, и ведутъ себя крайне осторожно. Они хотятъ, чтобы ихъ не трогали, и предоставляютъ побѣду людямъ съ сильной волей.

— Это вѣрно,—подтвердилъ Гульвенъ.

Онъ во всемъ соглашался со мной—это меня прямо возму-

цало. М-мъ Гульвентъ, неподвижно сидя въ своемъ креслѣ, навѣрное молилась въ эту минуту о томъ, чтобы Господь внушилъ мнѣ мысль выхлопотать авансъ мужу въ Фармацевтическомъ Обществѣ. Я перешелъ къ обще-философскимъ вопросамъ о добрѣ и злѣ, и м-мъ Елена подчинилась моему желанію переменить тему разговора. Я собралъ письма, разбросанныя по столу, и, сложивъ ихъ, положилъ въ карманъ.

Мы приблизились къ той точкѣ, гдѣ споръ могъ легко перейти въ личную вражду, и потому было благоразумнѣе прекратить его. Мы еще съ полчаса поговорили о безразличныхъ предметахъ.

Вошла Анна-Марія и доложила, что изъ сосѣдней деревни пришли за докторомъ. Осколокъ раскаленного желѣза отскочилъ отъ наковальни и ранилъ въ голову кузнеца. Прибѣжалъ его сынъ и умоляетъ о помощи. Докторъ велѣлъ сейчасъ же принести наборъ инструментовъ.

— Осколокъ желѣза въ черепѣ... Тутъ мѣшкать нельзя. Придется проѣхать восемь километровъ подъ такимъ вѣтромъ... Тоже не весело, чортъ возьми! Велосипедъ подъ навѣсомъ? — спросилъ онъ.

— Возьми хоть резиновый плащъ, — сказала м-мъ Гульвентъ.

Докторъ сказалъ, что онъ пойдетъ взять съ собой пилюли стрихнина. М-мъ Гульвентъ встревожилась:

— Опять стрихнинъ... Ты себя плохо чувствуешь?

— Нѣтъ, это только предосторожность.

Онъ вышелъ изъ комнаты, и жена бросилась за нимъ, осыпая его вопросами. Они вышли вмѣстѣ. Я замѣтилъ, что м-мъ Елена сдѣлала инстинктивное движеніе, чтобы послѣдовать за нимъ, и должна была сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы остаться. Скрывая свое волненіе, она машинальнымъ лихорадочнымъ жестомъ стала оправлять себѣ волосы.

Чтобы выяснитъ причину ея слишкомъ очевиднаго волненія, я сказалъ, что у Гульвена, очевидно, понизилась дѣятельность сердца, если ужъ онъ сталъ прибѣгать къ стрихнину. Ъзда на велосипедѣ несомнѣнно вредитъ ему. Ему слѣдовало бы ѣздить по больнымъ въ коляскѣ, въ особенности въ бурю.

— Да, это было бы лучше, — раздраженно отвѣтила она. — Было бы вообще лучше, еслибы вся его жизнь пошла по иному.

Я понялъ, что она хочетъ опять возобновить споръ на прежнюю тему. Но я не хотѣлъ опять возбуждать ее противъ себя и, подъ предлогомъ необходимости писать письма, удалился къ себѣ.

— Не забудьте хоть написать въ ваше Общество, — крикнула она мнѣ вслѣдъ, — расскажите какъ можно обстоятельнѣе про него!

Она произнесла это мѣстоименіе съ нѣжностью. Поднимаясь по лѣстницѣ, я подумалъ, что она, кажется, близка къ тому, чтобы полюбить мужа своей кузины. Какими чарами этотъ невзрачный слабнякъ покорилъ ее сердце?

Подойдя къ окну, я увидѣлъ на дорогѣ жену Гульвена, неподвижно стоявшую въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ дома. Она глядѣла вслѣдъ велосипедисту, который мчался вдаль подъ дождемъ, и, повидимому, не чувствовала, что ее поношенное платье и волосы смочены дождемъ. Она стояла съ непокрытой головой, съ широко раскрытыми глазами, въ неподвижной позѣ маніака, одержимаго навязчивой идеей. Очевидно, что женщина съ такой повышенной нервностью должна была сильно вліять на окружающихъ. Значитъ, мое первое предположеніе было болѣе правильнымъ. М-мъ Елена подпала подъ ея вліяніе, и вслѣдствіе большей страстности натуры и большей умственной одаренности, она казалась изъ нихъ обѣихъ болѣе взволнованной судьбою доктора.

V.

Изъ моей комнаты всю ночь слышенъ былъ шумъ съ набережной, возня рыбаковъ, готовящихся отплыть на зарѣ, крики, смѣхъ. Спать было невозможно, и меня это раздражало, какъ всякая зависимость отъ обстоятельствъ. При первыхъ проблескахъ зари я поднялся и подошелъ къ окну, чтобы полюбоваться восходомъ солнца на морѣ. Я люблю вдыхать утренній воздухъ, чувствуя при этомъ полноту силъ и особую радость бытія. Я сталъ смотрѣть на отплывающія барки; онѣ медленно исчезали вдали, въ то время какъ солнце бросало розоватый отблескъ на сверкающую рябь моря. При первыхъ лучахъ солнца стали вырисовываться линіи рифовъ у подошвы мыса, поле, засѣянное овсомъ на берегу, входъ въ нашу тихую бухту, затѣмъ линіи на нашей террасѣ, бѣлый край колодца, ступеньки крыльца. Я взглянулъ на сосѣдній со мной балконъ м-мъ Елены, и неожиданно увидѣлъ на немъ молодую вдову. Она торопливо собирала въ низкій тяжелый узелъ свои волосы и напѣвала арію Изольды.

Совпаденіе этихъ двухъ зрѣлищъ — моря въ ранній утренній часъ и молодой, прекрасной женщины на балконѣ — показалось мнѣ счастливымъ предзнаменованіемъ. Я вѣрилъ въ эту минуту,

что природа становится какъ бы соучастницей моихъ намѣреній относительно молодой вдовы.

Моя сосѣдка прервала пѣніе и веселымъ голосомъ стала восторгаться красотой утра. Внизу на террасѣ стоялъ докторъ и поздоровался съ нею. Я замѣтилъ, что и онъ въ радостномъ настроеніи духа. Его сѣрые живые глаза глядѣли съ видимымъ удовольствіемъ на молодую женщину. Въ эту минуту оба они, и докторъ, и м-мъ Елена, казались мнѣ необходимыми дополненіемъ къ открывавшейся моимъ взорамъ картинѣ. Линіи ихъ фигуръ, очевидность ихъ взаимныхъ симпатій завершали гармонию окружающаго міра, и красота морского пейзажа казалась мнѣ еще болѣе величественной съ той минуты, какъ они появились и улыбнулись другъ другу въ радостный утренній часъ. Ихъ поза казалась мнѣ эмблемой религіознаго настроенія природы. Мнѣ смутно казалось, что солнце, океанъ и воздухъ застыли недвижимо, объединенные геніемъ первопричинъ для того, чтобы создать этотъ неожиданный миражъ. Быть можетъ, природа, помѣстивъ ихъ среди такихъ красотъ, открыла имъ тѣмъ самымъ неизбѣжность ихъ страсти. Судьба, какъ мнѣ казалось, предупреждала меня, что эти двое людей полюбятъ другъ друга, и что мнѣ нѣтъ мѣста подлѣ нихъ. Все мое существо возмутилось, и желанія моя стали еще болѣе обостренными.

Иллюзія, конечно, длилась очень недолго. Я отрезвился и, вмѣсто символовъ роковыхъ страстей, увидѣлъ передъ собой красивую женщину въ шолковомъ пеньюарѣ и невзрачнаго господина въ потертомъ пиджакѣ, которые обмѣнивались нѣсколькими напыщенными фразами о красотѣ природы. Къ тому же, небо приняло обыкновенный голубой цвѣтъ, и солнце уже не заливало все вокругъ багровымъ заревомъ. Море утратило свою необычайность и окрасилось обыденными сѣрыми тонами. Я, однако, продолжалъ чувствовать мое пораженіе и видѣлъ счастливаго соперника въ этомъ человѣкѣ, который прислонился къ стѣнѣ на террасѣ и внималъ краснорѣчію м-мъ Елены.

Ничто, впрочемъ, не доказывало, что между ними есть какое-нибудь тайное соглашеніе. Каждый день докторъ въ этотъ часъ проходилъ по террасѣ, направляясь въ свою лабораторію. У него всегда было такое же возбужденное лицо и блестящіе глаза. Онъ былъ одѣтъ какъ всегда, скорѣе небрежно, менѣе всего обнаруживая въ своей внѣшности желаніе понравиться дамѣ своего сердца. Въ словахъ, которыми онъ обмѣнивался съ моей сосѣдкой, тоже не было никакихъ признаковъ влюбленности.

Я тщетно анализирую мои тогдашнія мысли, стараясь по-

нять, что собственно возбудило во мнѣ тогда подозрѣнія. Послѣдующія событія ихъ оправдали, но я все-таки убѣжденъ, что только какая-то внутренняя гармонія во взглядахъ доктора и молодой вдовы въ то чарующее утро навела меня на скрытую и отъ нихъ самихъ правду ихъ чувствъ. Я прожилъ уже около недѣли въ Керьяникѣ, завтракалъ и обѣдалъ за однимъ столомъ съ ними, мы вмѣстѣ ходили гулять, я принималъ участіе во всѣхъ ихъ разговорахъ, и у нихъ не было, повидимому, никакихъ секретовъ отъ постороннихъ людей. Они разговаривали очень дружелюбно, относились съ большимъ довѣріемъ другъ къ другу, но никакихъ признаковъ болѣе глубокаго чувства въ ихъ отношеніяхъ не было. Утреннія бесѣды ихъ тоже не могла возбудить подозрѣній. Хотя я стоялъ у окна почти рядомъ съ балкономъ, докторъ и м-мъ Елена были такъ заняты собой, что не замѣтили присутствія посторонняго человѣка. Я подумалъ, что будь это любовное свиданіе, они бы побоялись, что ихъ могутъ подслушать, и оглянулись бы изъ предосторожности вокругъ себя. Ничего преступнаго въ ихъ отношеніяхъ, слѣдовательно, нѣтъ. Это было ясно... Развѣ только предположить, что они нарочно притворяются, что не замѣтили меня, чтобы усыпить мою бдительность. Я не зналъ, что и думать.

Докторъ наконецъ замѣтилъ меня и очень весело поздоровался. Онъ совершенно не имѣлъ вида человѣка, котораго застигли врасплохъ. Я поклонился м-мъ Еленѣ. Она была удивлена моимъ раннимъ появленіемъ у окна, но тоже не смутилась. Оставаясь въ своихъ владѣніяхъ, т.-е. на балконѣ, она продолжала восторгаться зарей въ выраженіяхъ, излюбленныхъ художественными критиками, злоупотребляя техническими словами о пятнахъ, равноцѣнностяхъ, палитровыхъ тонахъ и т. д. Желая ослѣпить насъ наивными эксцентричностями своего дилеттантскаго краснорѣчія, она заявила, что не любитъ закатовъ.—Они для меня слишкомъ пышны,—ораторствовала она,—и напоминаютъ торжественныя приготовленія къ пріѣзду какого-нибудь министра, когда обойщикъ наскоро разстилаетъ красное сукно съ золотыми бортами на голыя доски эстрады. Такъ и ждешь звуковъ „Марсельезы“, исполненной военнымъ оркестромъ. Утренняя заря—совсѣмъ дѣло иное... Это—постоянное рожденіе Венеры въ присутствіи упоенно созерцающихъ ее мировъ.

Слегка наклонивъ свой правильный профиль, она, видимо, искала знаковъ одобренія на моемъ лицѣ. Но въ улыбкѣ, которою я отвѣтилъ на ея слова, невольно проскользнулъ отгѣнокъ ироніи. Въ предшествующую зиму я слишкомъ часто слышалъ

въ парижскихъ салонахъ подобныя фразы изъ женскихъ устъ. Жанъ Гульвенъ, напротивъ того, былъ въ искреннемъ восхищеніи. Этотъ провинціалъ не замѣчалъ искусственности и позы въ такого рода эстетическихъ разглагольствованіяхъ. Я заключилъ изъ этого, что его любовь—слѣпая. Мнѣ же м-мъ Елена нравилась именно этимъ своимъ недостаткомъ, какъ и нѣкоторые другими, указывающими на то, что у нея нравъ настоящей актрисы, и что съ нею не скучно. Онъ же принималъ ея недостатки за качества: Въ послѣдствіи я повѣлъ, что въ этомъ и заключается различіе между его пониманіемъ жизни и моимъ.

Докторъ ушелъ — онъ торопился въ свою лабораторію, къ свинкамъ и разводкамъ микробовъ. Я ожидалъ, что моя сосѣдка тоже сейчасъ удалится съ балкона. Ей тамъ нечего было дѣлать послѣ ухода ея друга.

„Если она не уходитъ тотчасъ же, — подумалъ я, — то только потому, что надѣется, продолжая говорить со мною, доказать мнѣ, что докторъ и я интересуемъ ее въ одинаковой степени, и что онъ не имѣетъ для нея исключительнаго значенія. Какой наивный макіавелизмъ! Если бы она даже осталась и стала кокетничать со мною, это бы не разсѣяло моихъ подозрѣній. Но если она, сказавъ нѣсколько банально-вѣжливыхъ фразъ, сейчасъ же уйдетъ къ себѣ, я уже не буду сомнѣваться въ ея виновности. Она, значить, будетъ притворяться, что не допускаетъ возможности подозрѣній съ моей стороны, чтобы этимъ еще вѣрнѣе устранить всякое подозрѣніе. Это тоже макіавелизмъ, и довольно тонкій... Словомъ, какъ бы она ни рѣшила дѣйствовать, я не повѣрю въ ея искренность“. Тактика ея была, однако, очень ловкая. Она не оставалась безъ конца у окна. Сдѣлавъ достаточно использованное разными авторами сравненіе рыбацкой флотиліи съ роемъ бабочекъ, сѣвшихъ на разливающійся шолкъ, она защитила глаза рукой отъ чрезмѣрно сильнаго свѣта и стала тихимъ голосомъ восхищаться энергіей доктора, который въ такую рань запирается у себя въ лабораторіи, прежде чѣмъ ѣхать навѣщать своихъ больныхъ въ деревняхъ. Я сказалъ на это, что, въ сущности, академія въ достаточной мѣрѣ почтила его, назначивъ публичное засѣданіе для обсужденія его доклада. М-мъ Елена сейчасъ же заговорила о практической сторонѣ дѣла.

— Нужно было, — сказала она, — присоединить къ этой чести осязательную пользу: произвести его въ высшій чинъ во флотѣ, или дать ему мѣсто въ какомъ-нибудь парижскомъ госпиталѣ. — Въ ея глазахъ только извѣстность въ самомъ Парижѣ имѣла дѣйствительную цѣну. Она судила какъ настоящая свѣтская па-

рижанка: для нея успѣхъ опредѣлялся извѣстностью у людей, которые катаются въ собственныхъ экипажахъ между Триумфальной аркой и Булонскимъ лѣсомъ. Наконецъ она стала жалѣть свою кузину, которую ставила очень высоко за ея терпѣніе, строгую добродѣтель, дѣйствительную, а не притворную набожность, за хозяйственность и бережливость. Она очень участливо и деликатно объяснила мнѣ, какъ трудно живется ея родственникамъ, и рассказала о нихъ интересныя подробности. Жанъ Гульвенъ женился на своей кузинѣ, Ивоннѣ Ларворъ, когда она внезапно осиротѣла и осталась совсѣмъ одна, ничего не имѣя, кромѣ Керьяника, т.-е. маленькаго каменнаго дома съ террасами, десять гектаровъ земли, стада черныхъ овецъ и нѣсколькихъ лошадей, которыхъ продали кавалерійскому полку. Я узналъ отъ м-мъ Елены, что всѣ доходы шли на уплату процентовъ по закладнымъ, и что она, какъ и я, платила за пансіонъ, такъ какъ безъ этого Гульвены не могли бы свести концы съ концами. Это участливое отношеніе къ родственникамъ прекрасно маскировало другія чувства красивой молодой женщины. Я улыбнулся, отлично понимая ея тактику. Когда она наконецъ рѣшила, что окончательно усыпила мои подозрѣнія, она зѣвнула, извинилась, сказавъ, что ее снова одолеваетъ сонъ, и скрылась у себя въ комнату.

Несмотря на осторожность, съ которой она дѣйствовала, я не разувѣрился въ моихъ подозрѣніяхъ. Но я сталъ выжидать, чтобы обстоятельства дали мнѣ осязательныя доказательства, безъ которыхъ нельзя быть увѣреннымъ въ своихъ предположеніяхъ.

Вмѣсто того, чтобы отказаться отъ ухаживанія за красивой вдовой, я рѣшилъ, напротивъ того, вести атаку еще съ большей настойчивостью. Этимъ я хотѣлъ возбудить ревность доктора и заставить его сознаться мнѣ или только въ своихъ чувствахъ, или же въ своемъ успѣхѣ у кузины его жены. Я сейчасъ же занялся съ особой тщательностью своимъ туалетомъ, выбралъ изящный лѣтній костюмъ, сильно намылилъ голову при мытьѣ, чтобы волосы пышнѣ стояли на головѣ и было бы менѣе замѣтно, что ихъ очень мало. Сойти внизъ было еще слишкомъ рано. Я тщетно пытался почитать или писать. Строгость мебели изъ полированного дерева дѣлала комнату неуютной для работы. Я сталъ разглядывать старинныя панно по обѣ стороны кровати. На панно изображенъ былъ свадебный кортежъ, но видъ этихъ танцующихъ фигуръ раздражалъ меня, — онѣ казались мнѣ непрошенными свидѣтелями моей неудачи у молодой вдовы. Я отвернулся и сѣлъ въ удобное глубокое кресло, съ котораго

можно было глядѣть на море, любоваться переливами волнъ. На сосѣдномъ мысѣ уже стали на работу каменотесы; они отбивали глыбы камня отъ скалы. Слѣдя за ихъ напряженной работой, я сталъ думать о средствахъ преуспѣванія въ жизни, и рѣшилъ, что иногда очень полезно быть предметомъ злословія, такъ какъ это придаетъ вѣсъ въ глазахъ общества. Въ наше время, какъ впрочемъ и во всякое другое, качества ума и работоспособность еще далеко не обезпечиваютъ успѣха въ жизни. Больше всего можно преуспѣть безстыдствомъ,—напр., афишированіемъ близости къ женщинамъ, занимающимъ видное положеніе въ обществѣ, такъ какъ во всѣхъ салонахъ, главнымъ образомъ, интересуются такого рода сплетнями. М-мъ Елена принадлежала къ избранному кругу, носила громкое имя виднаго политическаго дѣятеля, и могла бы очень выдвинуть человѣка, пользующагося ея расположеніемъ.

Такимъ образомъ докторъ, отбивая у меня любовь молодой вдовы, не только лишаетъ меня интересной любовной интриги, но и становится мнѣ поперекъ дороги въ устройствѣ моей карьеры. Необходимо поэтому дѣйствовать рѣшительно, вывести все на чистую воду и обезопасить себя отъ соперника.

Уже въ девять часовъ я ждалъ м-мъ Елену въ салонѣ и, чтобы убить время, разсматривалъ старинную мебель. Я представлялъ себѣ мысленно общество, которое здѣсь бывало, когда домъ принадлежалъ интенданту Фуке, принимавшему въ этомъ салонѣ всѣхъ знаменитостей своей эпохи. Время тянулось медленно, и я даже отъ скуки сталъ разсматривать медицинскія книги на книжныхъ полкахъ. Въ эту минуту м-мъ Гульвенъ вернулась изъ церкви.

Она улыбнулась, хотя зубы у нея были наполовину желтые, наполовину синеватые. Совершенно лишенная кокетства, она до тридцати лѣтъ не научилась скрывать свои вѣшніе недостатки. Она сняла жакетку, черныя перчатки и соломенную шляпу—все это было очень изношенное и неизящное—и очутилась въ блузѣ и синей шерстяной юбкѣ, полинявшей отъ частой химической чистки. При всемъ своемъ равнодушіи къ вѣшнему міру, докторъ, очевидно, не могъ предпочитать столь невзрачную женщину м-мъ Еленѣ. Я рѣшилъ, не говоря ничего опредѣленнаго,—чтобы не создать себѣ непріятностей въ будущемъ,—все же обратить вниманіе м-мъ Гульвенъ на опасность, грозящую ея супружескому счастью. М-мъ Гульвенъ подошла къ столу, стала озабоченно перебирать какіе-то счета и бумаги. Я сталъ наблюдать за ней: для меня было ясно, что только ея энергія и само-

отверженность даютъ имъ возможность существовать, такъ какъ мужъ ея отстранился совершенно отъ матеріальныхъ заботъ.

— Меня удивляетъ,—сказалъ я, обмѣнявшись сначала съ нею нѣсколькими вѣжливыми фразами,—что докторъ такъ терпѣливо выслушиваетъ нарядныя, но безсодержательныя фразы м-мъ Елены. Я не такъ выносливъ... Меня она утомляетъ.

— Что это вы напускаете на себя такую строгость?—воскликнула она, слегка разсердившись.—Со времени смерти ея мужа моя кузина отреклась отъ свѣтской жизни. Она хочетъ дать образцовое воспитаніе своей дочери, обогатить ея память поучительными фактами и мыслями и старается извлечь для нея поученія изъ всего, что происходитъ вокругъ. Это только симпатично, особенно въ наше время, когда дѣтей воспитываютъ въ полной безпринципности подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно предоставить свободу природнымъ инстинктамъ...

Она продолжала восхвалять свою кузину, и я понялъ, что мнѣ теперь не удастся пробудить въ ней подозрительность. Въ комнату вошла м-мъ Ла-Ревельеръ съ Жильбертой, которую она съ трудомъ заставила подойти поздороваться со мной. Не понимаю, почему эта высокоумная дѣвочка относится ко мнѣ съ явнымъ недоброжелательствомъ. Можетъ быть, она догадывается о моихъ намѣреніяхъ относительно ея матери,—у дѣвочекъ бываетъ обостренное инстинктивное чутье въ подобныхъ случаяхъ. Можетъ быть, ее сердитъ то, что мать оказываетъ мнѣ вниманіе или,—помимо моего вѣдома,—хорошо отзывается обо мнѣ въ мое отсутствіе... Но вѣрнѣе всего то, что эту глупую дѣвочку возстановляетъ противъ меня ея бабушка своимъ постояннымъ злословіемъ на мой счетъ.

При всей своей антипатіи ко мнѣ, м-мъ Ла-Ревельеръ заставляла Жильберту обращаться со мной съ надлежащей почтительностью. Я это очень цѣнилъ и, въ общемъ, относился хорошо къ старой дамѣ съ краснымъ лицомъ и сѣдымъ парикомъ, великолѣпно завитымъ на американскій манеръ. Эта старая парижанка тоже иронически улыбалась, когда ея невѣстка произносила свои нарядныя фразы, ослѣплявшія Гульвена. Въ это утро, несмотря на все мое желаніе нравиться м-мъ Еленѣ, я переглянулся съ м-мъ Ла-Ревельеръ, и мы съ трудомъ сдержали оба насмѣшливое выраженіе лица, когда молодая женщина, которая, какъ всегда, пришла позже всѣхъ, сказала своей кузинѣ:

— Я въ восторгѣ отъ твоихъ цвѣтовъ на террасѣ, дорогая. Я люблю, чтобы на меня глядѣли только простые цвѣты. Другіе мнѣ кажутся слишкомъ порочными... Твои лиліи и Иванъ-да-

Марья сдѣлались моими друзьями... Я ненавижу томныя розы, апоплексическія георгины, львиную пасть, напоминающую игрушки, которыя продаются на базарахъ. А чистыя стройныя лиліи внушаютъ мнѣ возвышенныя желанія. Лиловыя Иванъ-да-Марья съ желтымъ сердечкомъ говорятъ мнѣ о глубокихъ мысляхъ, о наукѣ. Это—символы вашей жизни. Прямота характера и глубокія знанія—вотъ чтò я люблю въ моей Ивоннѣ и ея Жанѣ...

Послѣднее имя она произнесла слишкомъ тягучимъ, томнымъ тономъ, возбуждившимъ во мнѣ непріятное чувство. Въ эту минуту къ намъ присоединился и самъ Жанъ. Онъ поздоровался со мной, протянувъ руку, жесткую отъ постоянного мытья антисептическими средствами. Жильберта бросилась ему на шею. Мнѣ не понравилось такое отсутствіе сдержанности въ почти взрослой дѣвчонкѣ. Онъ отвелъ ея руки, не отвѣтивъ на поцѣлуй, и сильно покраснѣлъ при этомъ. Мнѣ показалось, что онъ боялся приласкать дочь м-мъ Елены, очень похожую на нее; это было бы похищеніемъ ея собственной ласки. Не будь этого психологическаго мотива, онъ бы, навѣрное, безъ всякаго стѣсненія поцѣловалъ дѣвчонку. Конечно, на такихъ неопредѣленныхъ данныхъ нельзя было строить болѣе или менѣе твердой гипотезы. И при моемъ здравомысліи я бы никогда не позволилъ себѣ слишкомъ быстрыхъ выводовъ, если бы не наблюдалъ много разъ страннаго соотвѣтствія между интуитивными догадками самаго фантастическаго свойства и дѣйствительными фактами, наступающими послѣ того. Даръ предвидѣнія проявляется иногда по поводу неожиданно обнаруживающихся соотношеній, мимо-летныхъ жестовъ. Насъ тогда внезапно поражаетъ очевидность того, чего никакъ нельзя доказать по правиламъ нашей несовершенной логики.

На слѣдующій день, въ отвѣтъ на мои вопросы, м-мъ Гюльвенъ сказала мнѣ, что ея мужъ, кажется, дѣйствительно охладѣлъ къ своей родинѣ, къ бретонской старинѣ, которую онъ прежде такъ любилъ. Она одна только привязана попрежнему къ людямъ и предметамъ, среди которыхъ они живутъ.

— Богъ поваралъ меня,—сказала она,—его болѣзнь въ Мексикѣ лишивъ его возможности продолжать морскую службу. Съ тѣхъ поръ онъ губитъ свои силы внижнымъ трудомъ и жизнью взаперти въ своей лабораторіи, среди миазмовъ и ядовитыхъ микробовъ. Эти работы отвлекаютъ его отъ того, чтò прежде составляло нашу радость. Онъ любилъ нашу старину и готовился стать архелогомъ. Сколько разъ мы принимались за раскопки, добывали изъ-подъ земли бронзовыя украшенія, ка-

менные топоры, браслеты изъ костей. Онъ хотѣлъ изслѣдовать, какъ въ нашу провинцію попала азіатская раса бигуденовъ, съ ихъ китайскими лицами и костюмами, съ маленькими митрами, которыя женщины носятъ на головахъ, желтыми іероглифами на рукавахъ, расшитыми золотомъ жилетами. Онъ изучалъ ритуаль религіозныхъ процессій, находя въ нихъ остатки восточныхъ языческихъ обрядовъ... Теперь онъ охладѣлъ къ тому, что цѣлыхъ восемь лѣтъ составляло радость нашего существованія... Онъ хочетъ спасти тысячи людей, погибающихъ отъ тифа. Онъ готовитъ цѣлебную сыворотку... Это нужно, я знаю... Но какъ бы я хотѣла,—съ грустью продолжала она,—чтобы онъ вернулся къ прежнимъ работамъ и изысканіямъ. Какъ было хорошо, когда онъ собиралъ старинную бретонскую мебель, искалъ по деревнямъ древніе предметы, радовался, найдя интересный фарфоръ, искалъ со старинной рѣзьбой, книгу съ гербомъ интенданта Фуке... Хорошіе это были годы... Я истинно благодарна кузинѣ Еленѣ за то, что она проситъ Жана сопровождать ее и знакомить съ нашей стариной. Я все надѣюсь, что воскреснетъ прежняя душа Жана. Вѣдь онъ убиваетъ себя, вдыхая ядовитыя испаренія лабораторіи. Можетъ быть, было бы лучше, чтобы онъ продолжалъ просто лечить своихъ больныхъ и не старался спасти тысячи жизней. Намъ губить гордость, скрытая подъ маской доброты и ровности обращенія, но подчинившая себя и его, и мою волю.

Она наклонилась надъ шитьемъ, изливая мнѣ свою душу. Въ первый разъ она почувствовала, что ей грозитъ глухая опасность. Довѣряя своей кузинѣ, она все же, повидимому, опасалась за слабость своего мужа, такъ какъ считала нужнымъ объяснить мнѣ, почему она допускаетъ близость его съ м-мъ Еленой. До этого разговора я считалъ Ивонну Гульвенъ некрасивой, но доброй женщиной, очень простой, выносливой, набожной, но не умной, способной только кормить насъ вкусными обѣдами и заботиться о чистотѣ и порядкѣ въ домашнемъ обиходѣ. Но теперь она вдругъ обнаружила глубину мыслей и чувствъ. Я сталъ искусно разспрашивать ее. Она созналась, что больше всего она страдаетъ отъ того, что мужъ ея охладѣлъ къ религіи. Надежда спасти его душу была тѣмъ, что примирило бы ее съ чѣмъ угодно.

— Моя истинная отрада,—сказала она,—заключается только въ мечтахъ о жизни въ раю, хотя я знаю, что эти мечты безцѣльны... Я стараюсь развить свои небольшія музыкальныя спо-

собности, потому что, по словамъ всѣхъ богослововъ, экстазъ, возбуждаемый музыкой, ближе всего къ ангельскимъ радостямъ...

Она стала описывать мнѣ небесныя блаженства, обнаруживая большую начитанность въ области мистики. Она съ полной точностью повторила мнѣ самое существенное изъ произведеній духовидцевъ, затѣмъ, съ чисто бретонскимъ воодушевленіемъ, рассказала нѣсколько чудесъ, въ достовѣрности которыхъ была убѣждена. Ивонна Гульвентъ принадлежала всецѣло своей мечтательной, скорбной и благочестивой націи.

Я снова заговорилъ о научныхъ талантахъ доктора. Она не умаляла ихъ, а напротивъ того, превозносила. Но все-таки она считала необходимымъ для счастья, чтобы онъ вернулся къ вѣрѣ—такой, какой учить церковь.

Въ воскресенье послѣ завтрака мы остались всѣ вмѣстѣ на террасѣ, сидя молча, каждый со своей книгой. Мы перелистывали страницы, поглядывая на море, на стаи чаекъ, несущихся надъ волнами. Подъ самой террасой, вдоль моря, вела узкая дорожка. По ней шли попарно деревенскія дѣвушки съ мирными, святыми лицами, разряженныя, съ розовыми косынками, шолковыми передниками, батистовыми чепчиками съ длинными концами. Дамы пошли въ церковь. Я сталъ рассказывать доктору сплетни о разныхъ парижанахъ, потомъ онъ перевелъ разговоръ на свои анализы человѣческой крови.

— Часто,—началъ онъ,—когда я перечитываю свои лабораторныя записи, мнѣ кажется, что я занимаюсь историческимъ трудомъ, а не изслѣдованіемъ по патологіи. Война между лейкоцитами и наступающими на организмъ бактеріями положительно напоминаетъ войну между враждебными племенами. И тѣ и другіе выполняютъ сложные планы кампаній, сосредоточивая силы вокругъ самыхъ важныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктовъ. Моя роль заключается въ томъ, чтобы подкрѣпить силы защитниковъ, снабжая ихъ необходимымъ провіантомъ и боевыми припасами, хининомъ, антипириномъ, пирамидономъ. А когда они слабѣютъ, теряютъ энергію въ борьбѣ, я возбуждаю ихъ доблесть легкими дозами стрихнина. Они оживляются и борьба возобновляется. Вторгнувшагося врага отгнѣсняютъ въ самые отдаленные уголки, гдѣ онъ и остается притаившись, пока не наберется силъ для новой атаки... Чтобы успѣшнѣе справиться съ этими возобновляющимися набѣгами, нужно вести совершенно особую тактику, стать космополитомъ и призвать къ себѣ этихъ чужеземцевъ, приготовить имъ очагъ въ своихъ владѣніяхъ, превратить ихъ изъ враговъ въ мирныхъ

колониство въ нашихъ тканяхъ. Тогда они изъ благодарности будутъ защищать свою новую родину, вмѣсто того, чтобы опустошать ее... Но это дѣлается не сразу. Нужно ввести въ организмъ сначала наименѣе воинственныхъ инородцевъ. Прежде чѣмъ пустить ихъ къ себѣ, нужно уничтожить въ нихъ воинственный, враждебный духъ. Я долженъ поэтому мѣнять душу моихъ враговъ въ нѣсколькихъ поколѣнiяхъ, обезсиливать ихъ вредоносность. Вотъ почему я извлекаю сначала изъ крови тифозныхъ больныхъ этихъ страшныхъ завоевателей и поселяю ихъ въ ткани морскихъ свинокъ, кроликовъ и собакъ. Тамъ, при посредствѣ надлежащихъ педагогическихъ приѣмовъ, я перевожу ихъ изъ класса въ классъ, т.-е. изъ кролика въ кролика. Они становятся менѣе и менѣе вредоносными, и все медленнѣе убиваютъ существо, въ которомъ живутъ. Потомъ они совсѣмъ перестаютъ убивать и причиняютъ только преходящее недомоганiе. Вскорѣ они уже не разрушаютъ главныхъ жизненныхъ органовъ: они эволюционируютъ и, не разрушая здоровья, живутъ естественной жизнью въ тканяхъ, приспособившихся къ нимъ. Наконецъ они настолько осваиваются съ почвой, на которую ихъ пересадили, что сами борются противъ новыхъ вторженiй, если я ввожу ихъ же соплеменниковъ, но еще находящихся въ дикомъ состоянiи. Сдѣлавшись хозяевами на своей приемной родинѣ, они, повидимому, обращаютъ къ труду, къ мирнымъ и братскимъ чувствамъ своихъ воинственныхъ родственниковъ; это видно изъ того, что животныя, въ кровь которыхъ уже введены были эти враги, превратившіеся въ мирныхъ колониство, успѣшно сопротивляются нападенiю первобытныхъ микробовъ. Все это возбуждаетъ во мнѣ захватывающій интересъ. Я ограничиваюсь тѣмъ, что веду прогрессивное воспитанiе тифозныхъ микробовъ, культивируя нѣсколько поколѣнiй одно за другимъ, заставляя ихъ постепенно переходить изъ воинственнаго состоянiя въ разрядъ мирныхъ колониство. Когда мнѣ удастся гарантировать себя отъ всякихъ ошибокъ въ этомъ дѣлѣ, когда правила, по которымъ я буду дѣйствовать, станутъ безошибочными, я, навѣрное, смогу спасти людей отъ тифа. Моя сыворотка будетъ сохранять тысячи жизней подъ тропиками и въ Европѣ, куда заносить инфекцію моряки и путешественники сухимъ путемъ. Неужели васъ не удивляетъ аналогія между моимъ планомъ и исторiей народа, который эволюционируетъ отъ завоевательной тактики къ мирной производительной работѣ?

Онъ, очевидно, ждалъ моихъ похвалъ. Но ничто такъ не раздражаетъ меня, какъ фантазерство врачей, превращающихъ по-

зативную науку въ метафизическія мечтанія. Это одна изъ самыхъ нелѣпыхъ маній въ наше время. Я сразу понялъ, почему фантазія доктора производила впечатлѣніе на м-мъ Елену, обожавшую эстетическія и философскія фразы. Они вдохновляли другъ друга на поэтическое пустозвонство, и это ихъ сближало.

Когда наступило время пить чай, мое нетерпѣніе и внутреннее бѣшенство достигли крайнихъ предѣловъ. Дамы вернулись; впереди всѣхъ вошла инфанта Жильберта и дала мнѣ съ довольно непривѣтливомъ видомъ двѣ розы, сорванныя въ саду у священника; и потомъ она быстро отвернулась и отошла. М-мъ Елена стала жаловаться на жару. Она даже не стала говорить о прекрасной простотѣ деревенскаго богослуженія, а потребовала, чтобы ей принесли прохладительное питье. Когда она молчала, она мнѣ, къ несчастью, казалась еще болѣе привлекательной. Легкая усталость придавала особую мягкость ея небрежнымъ, томнымъ движеніямъ. Она прислонилась къ спинкѣ кресла, подняла руку со стаканомъ лимонада, скрестила слегка по-мужски свои длинныя ноги, и во всемъ ея существѣ выражалась твердая рѣшимость. Изъ-подъ юбки выглядывала бѣлая ботинка. Граціозность ея позы особенно ярко выдѣлялась, благодаря контрасту съ м-мъ Гульенъ, такой неприглядной въ своемъ гладкомъ платьѣ, полотняныхъ туфляхъ и ситцевой блузѣ. Рядомъ съ ея загорѣвшими, хотя и тонкими пальцами, бѣлизна рукъ м-мъ Елены еще болѣе сверкала, когда обѣ дамы хозяйничали за серебрянымъ чайнымъ приборомъ на столѣ.

Мы стали разговаривать о различіи кухни парижской, бретонской и другихъ, но при этомъ все вниманіе и мое, и доктора было сосредоточено на красотѣ молодой вдовы. Доктору, однако, пришлось вскорѣ оставить пріятное общество и уѣхать за нѣсколько верстъ къ дифтеритной больной. Мы видѣли, какъ мчался по дорогѣ его велосипедъ, и слѣдили за нимъ, пока онъ не скрылся на поворотѣ улицы, тамъ, гдѣ рыбаки и рыбачки гуляли, скучая отъ воскреснаго бездѣйствія въ своихъ праздничныхъ нарядахъ. М-мъ Ла-Ревельеръ и м-мъ Гульенъ сѣли играть съ Жильбертой въ домино, а я съ молодой вдовой сѣли вдвоемъ у края террасы.

Я не собираюсь описывать моихъ ощущеній. Они были самыя банальныя, сто разъ описанныя во всѣхъ романахъ. Совершенно безцѣльно также передавать подходы, которые я дѣлалъ для того, чтобы перейти къ разговору о любви. Скажу только, что мнѣ помогло постороннее обстоятельство. За мысомъ, скрывающимъ ходъ въ рейдъ, раздавалось пѣніе бретонской баллады,

и вскорѣ показалаь парусная лодка, украшенная лентами и букетами цвѣтовъ. Впереди стоялъ хоръ молодыхъ дѣвушекъ въ простыхъ сѣрыхъ юбкахъ, въ шолковыхъ передникахъ и батистовыхъ чепчикахъ съ длинными, свѣшивающимися концами. Одна изъ дѣвушекъ громко смѣялась. Въ самой лодкѣ сидѣли молодые люди, управляя парусами. Они вѣзжали въ рейдъ съ торжествомъ, знаменующимъ побѣду мѣстныхъ гребцовъ надъ сосѣдями во время устроенной въ этотъ день гонки. На прибрежныхъ камняхъ и скалахъ толпились рыбаки въ синихъ блузахъ и привѣтствовали криками радости побѣдоносныхъ товарищей.

Это появленіе лодки, наполненной юношами и дѣвушками, навѣрное влюбленными другъ въ друга, дало мнѣ случай говорить о любви полу-скептическимъ полу-взволнованнымъ тономъ, на который я настроился заранѣе. М-мъ Елена попыталась отклонить мои восторги въ сторону красотъ природы, удѣляя празднично разукрашенной лодкѣ только декоративное значеніе, такое же, какъ маленькимъ скалистымъ островкамъ, выступающимъ среди водъ. Она указала мнѣ на мысъ, на красоту темно-фіолетоваго вереска и, покачиваясь въ своей качалкѣ, стала фантазировать о вліяніи красивыхъ цвѣтовъ на ея душу. Я иронически улыбнулся, находя неумѣстными всѣ эти искусственно придуманныя фразы. М-мъ Елена это замѣтила и сказала мнѣ, глядя прямо въ лицо:

— Я совершенно не понимаю, зачѣмъ ухаживать за женщинами... Чего можетъ ожидать отъ этой игры неглупый человекъ? Лучше насъ узнать, проникнуть въ наши интимныя чувства? Я и такъ все говорю всѣмъ, кто интересуется мною. Я не скрываю ничего: докторъ, вы, Ивонна Гульвенъ такъ же знаютъ меня, какъ моя дочь и моя теща. Человекъ, который былъ бы въ любовной связи съ такой женщиной, какъ я, не много бы отъ этого выигралъ. Онъ бы имѣлъ то, что, при затратѣ соответствующихъ денегъ, ему дала бы любая продажная женщина, — и она бы къ тому же выказала таланты, какихъ у меня, очевидно, нѣтъ. Во мнѣ нѣтъ никакихъ тайнъ. Все въ моей жизни прозрачно. И я думаю, что не я одна такая. Въ наше время большинство женщинъ перестали напускать на себя таинственность, потому что насъ гораздо меньше притѣсняютъ теперь. Мы сдѣлались болѣе гордыми, хотимъ достигъ успѣха въ жизненной борьбѣ совершенно самостоятельно и не стараемся привлекать искусственными чарами загадочности. Успѣхъ у такихъ женщинъ не обрадовалъ бы Донъ-Жуана, увѣряю васъ. Побѣда не при-

бавила бы ничего къ тому, что онъ имѣлъ раньше. Что дѣлаютъ любящіе? Говорятъ другъ съ другомъ откровенно и съ полнымъ довѣріемъ обмѣниваются мыслями о жизни и людяхъ. Но я это дѣлаю и такъ; это дѣлаютъ и друзья, и люди, которые бываютъ виѣстѣ въ гостяхъ, если они нравятся другъ другу. Что же выигрывается, когда къ этому примѣшивается то, что глупцы называютъ любовью? Менѣе чѣмъ ничего... Жалкія, вульгарныя и ненужныя ласки, искусственныя, риторическія чувства, отсутствіе стѣсненія другъ передъ другомъ и большая грубость... Развѣ вы съ этимъ не согласны?

Мнѣ казалось, что она хочетъ соблазнить меня, — столько граціи она вкладывала въ свои слова, сопровождая ихъ изысканными, нѣжными движеніями. Она сняла свою кружевную косынку и медленно собирала тяжелыя массы волосъ вокругъ безукоризненно правильнаго лица. Неужели все это дѣлалось безъ желанія соблазнить меня? Я не думаю. Еслибъ я былъ наединѣ съ нею, я бы рѣшился выказать наибольшую предпримчивость. Угадавъ мою мысль по выраженію лица, она грустно улыбнулась.

— Любовь... — сказала она, послѣ молчанія, въ которомъ подчеркивала значительность того, что хотѣла сказать, — любовь прибавляетъ нѣчто къ дружбѣ только въ томъ случаѣ, если два существа могутъ соединить свои жизни, стать мужемъ и женой. Тогда они стараются продлить свои души въ потомствѣ, которое воспитаютъ согласно своему идеалу. Это — дѣйствительное дѣло жизни. Они созидаютъ тогда будущее по своему образу и подобию, какъ Богъ сотворилъ міръ... Но никакая другая комбинація не вознаградитъ участниковъ за ярмо лжи, которое они налагаютъ на себя. Какой позоръ, на примѣръ, портить своимъ примѣромъ своихъ дѣтей... Можетъ ли дочь признавать долгъ чести, узнавъ, что мать поступилась семейной честью ради любовной интриги? Вводя хитрость и низкія уловки въ свою жизнь, такая мать осуждаетъ на то же самое и свою дочь. Такую отвѣтственность можетъ взять на себя только женщина, лишенная всякаго чувства чести.

Произнеся эти слова рѣшительнымъ тономъ, она поднялась и подошла смотрѣть на игру въ домино Жильберты и м-мъ Лавельеръ.

Я остался одинъ передъ величественнымъ океаномъ, по которому тянулись свѣтло-голубыя полосы, точно начертанныя ногами пророковъ, шествовавшихъ съ легкостью по водамъ. Разряженная лодка подплыла къ берегу, и молодыя дѣвушки высо-

чили на пристань. Ихъ цвѣтныя косынки, скрещенныя на груди, мелькали среди группъ матросовъ, увлекавшихъ ихъ вдаль къ маяку. Одинъ изъ юношей съ торжествующимъ видомъ помакивалъ въ воздухъ букетомъ фіалокъ.

Я удивляюсь, что эти чисто внѣшнія картины запечатлѣвались во мнѣ въ тотъ моментъ, когда рушилась главная цѣль моего приѣзда. Я замѣчалъ красоту окружающаго вопреки бѣшенству, съ которымъ едва могъ совладать. Чтобы излить свой гнѣвъ, мнѣ нужно было что-нибудь сокрушить,—если не живое существо, то хоть какой-нибудь предметъ, и я съ яростью ухватился за ручки качалки... Никогда я не чувствовалъ себя такимъ безсильнымъ... Неужели изъ-за того, что кокетливая женщина не сразу уступала моимъ ухаживаніямъ, я сразу усомнился въ себѣ, въ своихъ талантахъ, въ своемъ будущемъ? Такова ужъ психологія людей: маленькая неудача приводитъ въ такое же отчаяніе, какъ самое большое несчастье, и возбуждаетъ сомнѣніе въ своихъ силахъ, по крайней мѣрѣ, на минуту!

Къ чести своей я долженъ сознаться, что упадокъ духа не долго длился. Доводы Елены въ концѣ концовъ были совершенно разумны. То, чего я добивался у нея сверхъ пріятельскихъ отношеній, могла доставить мнѣ какая-нибудь продажная женщина высшаго типа. Но неужели я долженъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказаться отъ удобства слыть въ политическомъ мірѣ интимнымъ другомъ красавицы Елены Ла-Ревельеръ? Неужели я долженъ отказаться отъ этого легкаго способа проложить себѣ путь въ жизни? Неужели конецъ всѣмъ надеждамъ? Это было мнѣ очень горько.

Я поставилъ себѣ за правило не настаивать на слишкомъ трудныхъ предпріятіяхъ. Это заставляетъ терять драгоценное время. Кромѣ того, рискуешь неудачей, которая можетъ повредить въ глазахъ общества. Вѣдь оно не размышляетъ о томъ, достижима ли цѣль или нѣтъ, а только отмѣчаетъ вашу неудачу, чтобы надъ вами же смѣяться и уронить въ общемъ мнѣніи. Во имя моихъ принциповъ, я рѣшилъ не надоедать прекрасной вдовѣ повтореніемъ тщетныхъ и нелѣпыхъ попытокъ. Такъ какъ она предлагала мнѣ взаимнъ любви дружбу, то я счелъ благо-разумнымъ согласиться на нее, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи превратить это честное убѣжище въ дворецъ радостей, если представится одно изъ обстоятельствъ, способствующихъ смягченію женской строгости: гроза, возбуждающая нервы, или разговоръ на скользкія темы—можетъ все измѣнить. Словомъ, я ждалъ помощи отъ случая.

Чтобы доказать твердость моего благоразумнаго рѣшенія, я припился завершать давно уже подготовленную мною побѣду надъ хорошенькой Анной-Маріей.

Она была настолько подкуплена моимъ почтительно-нѣжнымъ обращеніемъ, что чувствовала ко мнѣ живѣйшую симпатію. Темой моихъ ежедневныхъ разговоровъ съ нею я избралъ ея болѣзнь и леченіе доктора Гульвена. Я расспрашивалъ ее подробно о дѣйствиіи прививки, и она привыкла говорить мнѣ о себѣ безъ опасенія наскучить мнѣ. Потому мнѣ стоило только похитрить съ ней часокъ-другой, заинтересовать ее пикантными разсказами, дѣйствовать полу-шутливо, полу-настойчиво, и она никакого сопротивленія мнѣ не оказала.

Она вѣрила искренности моего чувства къ ней и была, по-видимому, очень счастлива. Она сдѣлалась моей нѣжной и преданной служанкой, услужливой, необычайно кроткой и совершенно ненадоѣдливой, — въ виду того, главнымъ образомъ, что м-мъ Гульвенъ постоянно нуждалась въ ней и звала ее къ себѣ. Въ первую недѣлю я былъ ею чрезвычайно доволенъ. Прислуживая за столомъ, она съ трудомъ скрывала нашу тайну: она дорожила знаками моего вниманія и вызывала ихъ своими смѣлыми переглядываніями со мной. М-мъ Елена вскорѣ замѣтила мои заигрыванія съ хорошенькой служанкой, и, по-видимому, была довольна. Она перестала опасаться моихъ ухаживаній, и мы сдѣлались искренними друзьями.

То, что трусливые или робкіе люди называютъ моей грубостью, продолжало занимать ее. Во время прогулокъ мы вполне откровенно говорили о Гульвенахъ и объ ожидавшей ихъ судьбѣ. Я ждалъ отвѣта отъ Фармацевтическаго Общества на мое второе донесеніе объ открытіи доктора. Я описалъ въ немъ исторію излеченія Анны-Маріи, но воздержался отъ упоминанія о неблагопріятныхъ отзывахъ о Гульвенѣ его товарищей. Не подумайте, что я это сдѣлалъ изъ наивной жалости. Я нѣсколько разъ былъ въ лабораторіи Гульвена, и убѣдился въ важности его открытія. Успѣхъ доктора О., соперника Гульвена, доказываетъ, что я былъ правъ. Меня упрекаютъ, что я недостаточно убѣждалъ Общество поддержать Гульвена, не говорилъ о его несомнѣнныхъ шансахъ на успѣхъ. Мои донесенія находятся въ архивѣ, — кто желаетъ, можетъ прочесть ихъ. Но вѣдь долженъ же я былъ предупредить Общество, что практическихъ результатовъ нельзя ожидать тотчасъ же. И чѣмъ я виноватъ, что бюджетная коммиссія воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы заранѣе отказать въ согласіи на „щедроты“ правленія? Я нѣсколько разъ

говорила м-мъ Еленѣ, что дѣло, кажется, идетъ на ладъ, и она меня горячо благодарила за мои старанія. Зная, что я по принципу говорю всегда только правду, она стала поддерживать надежды своей кузины, и мы обсуждали всѣ вмѣстѣ шансы на успѣхъ.

Такъ какъ мнѣ не удалось завоевать любовь м-мъ Елены своими ухаживаніями, то пришлось добиваться расположенія ея дочери и тещи, для того, чтобы онѣ не вооружали противъ меня молодую вдову. Это было не такъ легко, такъ какъ я не желалъ поступаться при этомъ ни одной изъ моихъ привычекъ, вызвавшихъ обвиненіе меня въ невоспитанности и грубости. М-мъ Ла-Ревельеръ я примирилъ съ собой, играя съ ней въ китайскій безикъ, а Жильберта заинтересовала моими фотографическими снимками и подружилась со мной за то, что я помогалъ ей взбираться на утесы, не падая на каждомъ шагу, — какъ это бывало, когда она отправлялась одна. Затѣмъ, я подстрѣлилъ ей нѣсколько чаетъ и морскихъ вороновъ, и она приколола къ шляпѣ ихъ крылья. Но больше всего я расположилъ къ себѣ и ее своими похвалами доктору. Всѣ женщины въ этомъ домѣ обожали Гульвена, и, считая, что его судьба въ моихъ рукахъ, ухаживали за мною. Даже Анна-Марія не переставала постоянно говорить о докторѣ. Она заявляла мелодраматическимъ тономъ, что обязана ему жизнью, — и это была, дѣйствительно, правда. Безъ прививки анти-тифозной сыворотки она навѣрное погибла бы. Анна-Марія имѣла благодарную душу, и я отчасти полагаю, что въ ея отношеніяхъ ко мнѣ сказывалась тоже ея преданность Гульвенамъ. Зная, что я могу помочь доктору, она баловала меня своимъ вниманіемъ и услугами до того, что мнѣ даже становилось тягостно.

Чтобы проявить свою нѣжность, она ежеминутно открывала какую-нибудь пылинку у меня на платьѣ или грязь на ботинкахъ, и прибѣгала со щеткой почистить меня. Если никого не было въ комнатѣ, она протягивала мнѣ губы. Однажды, когда я куда-то уходилъ, она, изъ чрезмѣрнаго усердія, загрязнила мнѣ бѣлые замшевые ботинки, обтеревъ ихъ черной отъ сажи кухонной тряпкой. Я разсердился, такъ какъ терпѣть не могу появляться въ обществѣ не безукоризненно одѣтымъ. Анна-Марія испугалась сердитаго выраженія моего лица и расплакалась. Я постарался остановить ея слезы, сталъ шутить, дѣлать видъ, что ищу Ноевъ ковчегъ, гдѣ бы укрыться отъ потопа, причиненнаго ея слезами. Чтобы окончательно умиротворить ее, я обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ. Она высвободилась отъ меня, оправила

смявшійся воротничекъ, отошла и сказала трагическимъ тономъ:

— Вы—злой. Вы дурно обращаетесь со мной!

— Анна, иди сюда! — крикнуть я шутливо-повелительнымъ тономъ, подзывая ее къ себѣ.

Она вспыхнула. Глаза ея засверкали и на нихъ уже не было признака слезъ. Она оглядѣла меня съ головы до ногъ, дѣлая видъ, что я ей противенъ, такъ какъ превратился изъ нѣжнаго друга въ требовательнаго повелителя. Въ сущности, она не ошиблась. Весь этотъ эпизодъ съ Анной-Маріей нуженъ былъ мнѣ только для провѣрки своей силы, для увѣренности, что я могу добиться всегда всего, что хочу, и въ мелочахъ, и въ серьезномъ. Эту увѣренность даетъ даже самая легкая побѣда надъ добродѣтелью любой сосѣдки или надъ волей нашихъ сосѣдей. Это—спортъ, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать; онъ укрѣпляетъ силы въ борьбѣ противъ собственной душевной вялости. Но послѣ того, какъ я побѣдилъ, глупенькая крестьянка совершенно перестала меня интересоваться. Все-таки мнѣ захотѣлось доказать ей мою полную правоту. Пока она осыпала меня бурными упреками, я приготовилъ надлежащій отвѣтъ. Она стала обвинять меня въ томъ, что я злоупотребилъ ея неопытностью, загубилъ ея жизнь и т. д., высказывая это плохимъ фельетоннымъ стилемъ.

— Анна-Марія,—возразилъ я,—вы несправедливы... Полюбивъ васъ, я доставилъ вамъ большую радость. Сознайтесь, что это правда. Ваши взгляды достаточно краснорѣчиво свидѣтельствовали о вашемъ расположеніи ко мнѣ. Если вы даже и сопротивлялись моимъ желаніямъ, то исключительно изъ кокетства и чтобы придать большую цѣнность моей побѣдѣ.

— Вы обманули меня... сдѣлали несчастной на всю жизнь!..

Она стала плакать и грозить, что расскажетъ обо всемъ доктору, пожалуйется ему на меня.

Я сѣлъ въ кресло и сталъ сострадательно улыбаться, слушая ея слова. Моя невозмутимость удивила ее. Она прервала свой обвинительный актъ.

— Милая моя,—спокойно сказалъ я,—увѣряю васъ, что вы и не подумаете жаловаться на меня. Вѣдь васъ спросятъ, отчего вы уступили моимъ желаніямъ. Что вы тогда отвѣтите? Вы не станете жаловаться, потому что тогда всѣ, докторъ и м-мъ Гувенъ, кухарка, ваши подруги и знакомые, и наконецъ ваши родители узнаютъ о томъ, что произошло. Отъ этого пострадало бы ваше доброе имя, а для меня никакой непріятности не вышло бы. Что мнѣ сможетъ сдѣлать докторъ? Прочестъ право-

ученіе? Да и то на все, что онъ мнѣ скажетъ, у меня есть отвѣтъ. А къ серьезной отвѣтственности за такіе пустяки меня не могутъ привлечь. Полиція, даже бретонская, уважаетъ почтенныхъ коммерсантовъ, и расхохоталась бы вамъ въ лицо, дитя мое, еслибы вы вздумали жаловаться. Если вы поднимете шумъ, то васъ же обвинять въ безнравственности. Вѣдь что вы такое?—простая служанка. Насчетъ нравственности слуганокъ сложилось уже совершенно опредѣленное мнѣніе. Всякій скажетъ, что вы ничего не имѣли противъ того, что случилось... Да и я самъ тоже такъ думаю.

— Неправда. Я не сумѣла дать вамъ отпоръ... я слишкомъ слаба—вотъ въ чемъ мое несчастье.

— Но вы ни разу не обнаружили желанія сопротивляться мнѣ.

Она опустила глаза, и я взялъ ея руки въ мои. Она отвернула голову и стала смотрѣть на море.

— Я вѣдь собиралась выйти замужъ на Рождествѣ, — проговорила она, тяжело вздохнувъ.

— Ну, такъ что жъ? Вашъ женихъ ничего не долженъ знать. Вамъ нечего и исповѣдываться передъ нимъ.

— Этого еще недоставало! Я не стану обманывать честнаго парня.

— Но, открывъ ему правду, вы огорчите его. Нехорошо огорчать тѣхъ, кто насъ любитъ.

Она пожала плечами, стала отирать слезы и бормотала какія-то неопредѣленные угрозы. Ея цвѣтъ лица—конечно, совершенно естественный—напоминалъ вѣжно нарумяненные лица на старыхъ портретахъ. Ея тонкая талія красиво выступала изъ корсажа, отдѣланнаго широкими бархатными лентами.

— Онъ вѣдь, конечно, матросъ? И теперь въ плаваніи?

Она сдѣлала знакъ глазами, что моя догадка вѣрна. Анна-Марія считала себя очень виновной относительно своего жениха. Я сталъ ей доказывать, что было бы жестоко отнять у несчастнаго, когда онъ вернется, всѣ надежды, которыми онъ жилъ во время долгаго плаванія. Неужели она увѣрена, что онъ во время стоянокъ не цѣловалъ мулатокъ на Антильскихъ островахъ? И почему придавать большее значеніе нашей игрѣ въ любовь, чѣмъ его случайнымъ увлеченіямъ? Я въ ихъ жизни не займу большаго мѣста, чѣмъ какая-нибудь мулатка.

— Моя жизнь разбита... по вашей винѣ. И съ вашей стороны не было даже любви. Я теперь все поняла. Вы надо мной смѣялись... да, смѣялись.

Она стала осыпать меня упреками въ эгоизмъ, безсердечіи, въ отсутствіи всякаго искренняго чувства къ ней... Все это она говорила наивнымъ языкомъ школьницы, прошедшей курсъ нагляднаго обученія и катехизиса и начитавшейся, къ тому же, популярныхъ романовъ. Свое знаніе жизни она, навѣрное, черпала изъ фельетоновъ мелкой прессы. Она рассказала мнѣ, что хотѣла открыть магазинъ послѣ свадьбы. Она продавала бы матеріи, бѣлье. Она назвала мнѣ своихъ знакомыхъ, которые отлично устроились, заведя торговое дѣло. Она уже видѣла себя хозяйкой большой лавки, окруженною почетомъ со стороны женъ рыбаковъ и молодыхъ работницъ... А теперь это счастье ускользало отъ нея, потому что она согрѣшила. Снова слезы омочили ея рѣсницы, и она зарыдала. Я сталъ ее успокаивать, доказывать, что, уступая естественному чувству, она не совершила большого грѣха своей кратковременной измѣной первому возлюбленному, который долженъ былъ жениться на ней, вернувшись домой. Я говорилъ все это ласковымъ тономъ и нѣжно цѣловалъ ее. Она улыбалась, снова повѣривъ мнѣ, потомъ вдругъ отскочила и убѣжала, испуганно прошептавъ:

— Сюда идутъ!

— Ахъ, малютка, нѣтъ у тебя смѣлости убѣжденій!—крикнулъ я ей вслѣдъ, предназначая эти слова не для нея, а для м-мъ Елены, которая входила въ комнату и застала насъ въ тѣсной позѣ. Она подняла глаза къ потолку и лукаво улыбнулась.

— Будьте спокойны,—сказала она:—я ничего не видѣла.

— Я ничего не скрываю,—возразилъ я.

Я достигъ цѣли. Отнынѣ молодая вдова не будетъ опасаться моихъ ухаживаній. Мой цинизмъ показался ей забавнымъ.

— Вотъ какъ! Вы соблазните нашу служанку?

Насмѣшливое лицо м-мъ Елены было очаровательно. Я объяснилъ ей свой образъ дѣйствій. Когда я приѣзжаю въ новую для меня страну, я пробую мѣстное вино, ѣмъ національныя блюда—и точно также ищу любви молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ этой страны. Онѣ лучше всего знакомятъ меня съ націей, къ которой принадлежать. Своимъ языкомъ, жестами, привычками и отношеніемъ къ любви онѣ даютъ мнѣ ясное и живое представленіе о мѣстномъ населеніи. Сначала я знакомлюсь съ характеромъ мѣстности, съ ея геологической конструкціей, съ производительностью и т. д. по энциклопедическому словарю, а воспоминаніе о женщинѣ, связанной съ даннымъ мѣстомъ, служитъ мнѣ великолѣпнымъ мнемотехническимъ приѣмомъ для за-

поминанія свѣдѣній, нужныхъ мнѣ для моихъ дѣлъ. Такъ на-
примѣръ, у меня лучше сохранится въ памяти все, что я
узналъ о кельтскомъ племени, потому что изученіе Бретани
связывается у меня въ умѣ съ пріятными воспоминаніями о
красотѣ Анны-Маріи. Если я забуду точную цифру производ-
ства ржи въ годъ, я скажу себѣ: „Анна-Марія, нѣжный цвѣтъ
лица, точно парумяненный, какъ на старинныхъ портретахъ,
красивая улыбка, веснушки вокругъ глубоко сидящихъ глазъ, шеп-
загорѣвшая отъ морскаго вѣтра: 3.875.927 гектолитровъ ржи.

— Какъ вы поразительно практичны! — сказала м-мъ Елена. —
Вы извлекаете пользу даже изъ того, что казалось бы противо-
положно всякой пользѣ.

Она думала, что разсердила меня, но я поспѣшилъ разуве-
рить ее въ этомъ:

— Не правда ли? Вы замѣтили, что у меня практичный
умъ. Въ этомъ — моя сила. Изъ морской травы и водорослей
наши фабрики извлекаютъ теперь соду и іодъ, а до основанія
здѣсь фабрикъ Гипардо морская трава пропадала даромъ. А
теперь мои лекарства иногда вылечиваютъ людей и, кромѣ того,
восемьсотъ рабочихъ живутъ гораздо лучше, чѣмъ отъ рыбной
ловли.

— Ловкій отвѣтъ, — согласилась м-мъ Елена.

— Ну, конечно. Какъ часто люди составляютъ себѣ ложныя
представленія о людяхъ, объ ихъ способностяхъ... Напримѣръ,
что бы ни говорили, а бретонка, кромѣ бѣлизны и мягкости
кожи...

— Я не сомнѣваюсь...

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что вы собираетесь сказать непристойность.
Я этого не желаю.

— Почему это вы такъ строги? Вы вѣдь воспитывались въ
монастырѣ, были замужемъ... Надѣюсь, что съ вами можно го-
ворить безъ стѣсненій.

— Нѣтъ, нельзя, — повелительномъ тономъ отвѣтила м-мъ
Елена, но строгость ея тона смягчалась улыбкой. — Я ненавижу
скабрѣзные рассказы. Они сейчасъ же устанавливаютъ между
разсказчикомъ и слушателемъ сообщничество, открывающее путь
къ дальнѣйшимъ вольностямъ обращенія.

— Знаете ли, — возразилъ я, — сцена, которую вы застали
здѣсь, кажется, достаточно доказала вамъ, что я не собираюсь
ухаживать за вами.

— Значитъ, тѣмъ болѣе вы не имѣете права ни на какія
вольности.

— Вы, кажется, хотите вызвать меня на признаніе... которое дало бы вамъ право отвадить меня... Я не такъ глупъ. Гишардо не такъ глупъ, сударыня.

Она насмѣшливо взглянула на меня, какъ бы говоря, что зеленъ виноградъ и т. д... Я не люблю шутокъ надъ собой, не люблю быть въ дуракахъ. Поэтому я сразу ошеломилъ ее, высказавъ прямо мое подозрѣніе.

— Гишардо не такъ глупъ, — повторилъ я. — Онъ знаетъ, что мѣсто занято... Ну, да, притворитесь удивленной. Спросите у меня имя его ироническимъ голосомъ, какъ будто вы принимаете мои слова за шутку... Ахъ, вы смѣетесь! Это еще лучше.

— Я должна смѣяться, чтобы не разсердиться... Вы, право, комичны.

Я пожалъ плечами. Она, видимо, почувствовала себя задѣтой; румянецъ щекъ смѣнился блѣдностью, и въ глазахъ ея засверкала гнѣвъ. Она ненавидѣла меня въ эту минуту. Правый уголокъ рта, приподнятый болѣе обыкновеннаго, судорожно дрожалъ.

— Я — практическій матеріалистъ, — прибавилъ я. — Въ этомъ — моя сила, даже въ глазахъ женщинъ.

Она постаралась отклонить разговоръ, притворяясь равнодушной къ моимъ нападкамъ.

— Значить, противъ васъ нельзя устоять?

Я показалъ ей мои крѣпкіе мускулы и сказалъ, что я всегда добивался своего, когда прибѣгалъ къ силѣ.

— Ну, а отцы, мужья, жандармы? — воскликнула она.

Я перечислилъ свои дипломы, полученные на состязаніяхъ въ стрѣльбѣ, въ фехтованіи, въ боксѣ. — Это дѣйствуетъ очень успокоительно на мужей и всякихъ родственниковъ, — сказалъ я. — Мало кому хочется быть изувѣченнымъ, и еще, въ добавокъ, подвергаться насмѣшкамъ женъ, дочерей, сестеръ. А женщины стараются прежде всего не поднимать скандала, не призывать полиціи для удостовѣренія ихъ несчастія. Къ тому же большинство изъ нихъ притворяются страстно влюбленными послѣ побѣды, одержанной надъ ихъ добродѣтелью. Это какъ бы оправдываетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ. Вѣдь лучше прослыть легкомысленной, порочной женщиной, чѣмъ жалкимъ существомъ, которое можетъ очутиться во власти перваго встрѣчнаго. Анна-Марія заставляетъ себя любить меня, чтобы не сознаться самой себѣ, что ея паденіе совершилось безъ любви. Это было бы слишкомъ не романтично. М-мъ Елена обвинила меня въ томъ, что я хвастаю своей порочностью. Если я, дѣйствительно, такъ поступаю, то, по ея убѣжденію, всѣ друзья и знакомые должны

отвернуться отъ меня. Я ей доказалъ, что это неправда.— Пользуясь большимъ вліяніемъ на выборахъ въ районъ моихъ фабрикъ, я занимаю исключительное положеніе; меня поэтому боялись и, слѣдовательно, обожали.

М-мъ Елена относилась къ каждому моему аргументу какъ къ личному оскорбленію. Она чувствовала, что моя власть ослабляетъ ея вліяніе въ Керьяниѣ, что въ концѣ концовъ я одинъ пользуюсь тамъ силой, что жизнь Гульменовъ, судьба Анны-Маріи и даже она сама, Елена Ла-Ревельеръ, зависѣли отъ моего каприза—или отъ неукоснительнаго закона, отражавшагося въ моемъ капризѣ. Негодованіе м-мъ Елены сказалось въ произнесенной ею фразѣ:

— Вы не можете быть счастливы, потому что нельзя быть счастливымъ, возбуждая ненависть.

Она меня ненавидѣла. Я возразилъ, что счастье для меня заключается только въ сознаніи торжества.

— Нѣтъ,—сказала она,—для того, чтобы быть счастливымъ, нужно сознать себя любимымъ.

Я быстро возразилъ:

— Такъ вотъ почему вы счастливы?

— Развѣ я говорила, что я счастлива?

Я сказалъ, что все ея существо громко свидѣтельствуетъ объ ея скрытой радости. При всемъ своемъ умѣнн владѣть собой, она покраснѣла. Я быстро добавилъ:

— Гульвенъ не просто глядитъ на васъ; онъ васъ созерцаетъ.

— Онъ созерцаетъ также пространство, небо, это кресло, этотъ швапъ... У него взглядъ моряка, привыкшаго вглядываться вдаль.

Она стала пространно говорить объ особенностяхъ зрѣнія моряковъ. Я счелъ мой опытъ достаточнымъ и не продолжалъ его. Имя доктора, видимо, волновало молодую женщину. Увѣренная теперь, что я не буду соперничать съ Гульвеномъ, она даже менѣе рѣшительно отклоняла мои подозрѣнія.

Нашъ разговоръ оборвался, потому что въ комнату вбѣжала Жильберта.

Съ франц. З. В.

МИСТИЦИЗМЪ

ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА

Вл. С. Соловьевъ считается представителемъ мистической философіи въ Россіи, и это, безъ сомнѣнія, правильно. Выясненію вопроса о мистицизмѣ Соловьева, сколько намъ извѣстно, посвящена лишь одна статья, принадлежащая проф. Введенскому: „О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева“. Въ этой статьѣ проф. Введенскій исходитъ изъ опредѣленія, что мистицизмъ есть увѣренность въ существованіи мистическаго воспріятія, — опредѣленія, съ которымъ не согласился бы Соловьевъ, — поэтому почтенный профессоръ приходитъ къ нѣкоторымъ выводамъ, съ которыми также нельзя согласиться.

Проф. А. Введенскій доказываетъ, что мистицизмъ Вл. Соловьева подвергся значительному измѣненію, которое выразилось въ 1897 году въ первой статьѣ, посвященной теоретической философіи, и въ „Оправданіи добра“, — въ особенности во второмъ изданіи. Итакъ, въ мистицизмѣ Соловьева, по мнѣнію проф. Введенскаго, нужно различать два періода. Въ первомъ, онъ считалъ мистическое воспріятіе свойствомъ всѣхъ людей и основывалъ свое мнѣніе на двухъ доводахъ: во-первыхъ, на томъ, что Богъ содержитъ въ себѣ все, въ томъ числѣ и насъ самихъ, поэтому Богъ долженъ быть данъ нашему сознанію внутри насъ, какъ наша основа, непосредственно воспринимаемая; во-вторыхъ, — на томъ, что Соловьевъ объективацию ощущеній, или истолкованіе нашихъ ощущеній (т.-е. субъективныхъ состояній) въ смыслѣ воспріятія предметовъ, объяснялъ мистическимъ путемъ, съязезомъ вѣры, воображенія и творчества. Во второмъ періодѣ,

мистическое воспріятіе приписывалось Соловьевымъ не всѣмъ людямъ, а лишь избранникамъ, пророкамъ,—это явствуетъ изъ одного мѣста „Оправданія добра“ (изд. 2-е, стр. 216 и 218, изд. 1-е, стр. 197 и 198), въ особенности изъ добавленія, сдѣланнаго въ указанномъ мѣстѣ во второмъ изданіи. Но это измѣненіе не только доказывается апостеріори путемъ выписки изъ „Оправданія добра“, но и апріори, т.-е. необходимость такого ограниченія сферы мистическаго воспріятія, по мнѣнію, проф. Введенскаго, есть необходимый результатъ того измѣненія воззрѣній на данныя внутренняго опыта, на которое самъ Соловьевъ указалъ въ первой статьѣ, посвященной теоретической философіи въ 1897 году. Измѣненіе же, коротко говоря, взглядовъ Соловьева состояло въ слѣдующемъ: прежде онъ думалъ, что въ самосознаніи мы непосредственно схватываемъ свою сущность¹⁾, т.-е. субстанцію; впоследствии же онъ убѣдился, что мы можемъ быть непосредственно увѣрены лишь въ фактѣ, что мы сознаемъ нѣчто, а отнюдь не въ содержаніи того, что мы сознаемъ, т.-е., что въ сознаніи нѣтъ гарантіи реальности духовной субстанціи. Итакъ, Соловьевъ отъ Декартовскаго воззрѣнія перешелъ къ Кантовскому, какъ его называетъ проф. Введенскій, хотя это воззрѣніе можно назвать и Юмовскимъ.

Мы изложили въ общихъ чертахъ весьма ясный ходъ мыслей проф. Введенскаго. Ежели бы онъ былъ правленъ, то этимъ устанавливался весьма существенный фактъ измѣненія коренныхъ убѣжденій Соловьева; но мы думаемъ, что проф. Введенскій неправъ и что онъ придалъ слишкомъ большое значеніе измѣненію въ одномъ, хотя и важномъ пунктѣ гносеологическихъ воззрѣній Соловьева. Подобно тому какъ проф. Введенскій пользуется для своего доказательства апріорными и апостеріорными доводами, такъ точно и мы постараемся тѣми же путями опровергнуть его доводы и такимъ образомъ выяснитъ мистицизмъ Соловьева. Измѣненіе во взглядахъ на данныя сознанія вовсе не должно было по необходимости повлечь за собой измѣненіе мистицизма Соловьева. Дѣйствительно, если сознаніе гарантируетъ намъ лишь

¹⁾ I. 213. „Въ опытѣ внутреннемъ мы познаемъ уже не отношенія только, а нѣкоторое дѣйствительное психическое существо, именно наше собственное, и только во внутреннемъ опытѣ возможно непосредственное познаніе существа вообще или то, что я называю существеннымъ сознаніемъ“, а чрезъ сочетаніе внутренняго и внѣшняго опыта мы можемъ имѣть познаніе абсолютнаго первоначала. Всѣ ссылки, дѣлаемыя въ этой статьѣ, относятся къ Собранію Сочиненій Соловьева.

то, что мы имѣемъ извѣстное представленіе, а отнюдь не объективность или достовѣрность этого представленія, то мы изъ сознанія непосредственно не можемъ вывести ни независимаго существованія вѣшняго міра, ни субстанціальности души, ни, наконецъ, существованія Бога. Но ограниченіе выводовъ изъ сознанія отнюдь не поколебало вѣры Соловьева, какъ это онъ самъ говоритъ въ первой своей статьѣ по теоретической философіи, ни въ объективное существованіе міра, ни въ существованіе души, ни, конечно, въ существованіе Бога. Если ранѣе сознаніе служило основаніемъ для подобныхъ заключеній Соловьеву, то теперь онъ такихъ заключеній не могъ дѣлать, но отсюда не слѣдуетъ, что онъ усомнился въ самыхъ положеніяхъ. Существованіе Бога было и осталось для него аксіомой вѣры (*axiome de la foi*); точно также нисколько не поколебалась и его вѣра въ воздѣйствіе Божества на человѣка, которое выражается, между прочимъ, въ мистическомъ воспріятіи, доступномъ въ особенности людямъ вдохновеннымъ, пророкамъ. Мистическій путь ведетъ отъ Бога къ человѣку, а потомъ уже и отъ человѣка къ Богу. „Пророки,—писалъ Соловьевъ въ 1886 году,—суть по преимуществу носители богочеловѣческаго сознанія и представители того глубочайшаго нравственнаго соединенія всего человѣка и міра съ Богомъ“¹⁾, и т. д. „Всѣ народы имѣли и имѣютъ своихъ пророковъ, т.-е. людей, особымъ, непосредственно духовно-физическимъ способомъ соединенныхъ со своими богами“²⁾. Такимъ образомъ, пророкамъ приписана и въ первомъ періодѣ та роль, которая будто бы, по мнѣнію проф. Введенскаго, предназначалась имъ лишь во второмъ періодѣ мистицизма Соловьева. Пророки—это люди, въ которыхъ соединеніе божественнаго міра съ земнымъ происходитъ съ особой интенсивностью, но это соединеніе возможно для всѣхъ и есть задача всего человечества. Увѣренность же въ воздѣйствіи трансцендентнаго міра на земной и представляетъ собой корень мистицизма Соловьева. „Есть лѣствица отъ земли до неба... нѣтъ такой границы, нѣтъ такого раздѣленія, есть постепенный переходъ между нашею тьмою и божественнымъ свѣтомъ... Есть между землею и небомъ соединеніе, но это соединеніе не есть непосредственное и разомъ завершенное, а лишь совершаемое... Человѣкъ не можетъ разомъ подняться до небеснаго совершенства, а Богъ не хотѣлъ разомъ сообщить ему это совершенство“.

¹⁾ Собр. Соч., т. IV, стр. 503.

²⁾ Ibid, 504.

... „Земля не есть противоположность небесъ, а ихъ основаніе; значитъ, не правы тѣ, что отдѣляютъ небесный идеалъ, какъ недостижимый, отъ небесной дѣйствительности: поистинѣ эта послѣдняя постепенными переходами возвышается до перваго, эта земная дѣйствительность носить начало небеснаго совершенства“ ¹⁾... „Человѣкъ самъ по себѣ еще не есть цѣль мірозданія или вѣнецъ дѣла Божія. Такое значеніе принадлежитъ ему—поскольку въ немъ или черезъ него принадлежитъ дѣйствительное соединеніе Бога съ твореніемъ. Это соединеніе, т.-е. сообщеніе Богомъ всему другому полноты абсолютной жизни, составляетъ истинную цѣль міротворенія. Для достиженія этой цѣли—дѣйствительнаго соединенія Божества съ твореніемъ—это послѣднее должно, во-первыхъ, представлять естественное сродство съ Божествомъ, должно въ самой субстанціи своей заключать нѣкую реальную основу абсолютнаго бытія, влекущую его (твореніе) къ Богу и притягивающую къ нему Божественное дѣйствіе“ ²⁾... „Соединеніе Бога съ человѣчествомъ, составляющее цѣль теократіи, получаетъ свою реальную основу лишь въ живой Богочеловѣческой личности—въ совершенномъ человѣкѣ, который тѣмъ самымъ есть нераздѣльный обладатель совершеннаго божества“ ³⁾. „Помимо же него (т.-е. Христа) Богъ вступаетъ съ твореніемъ лишь въ преходящія, подготовительныя, вѣщныя сочетанія“ ⁴⁾. „Человѣкъ, хотящій оставаться только человѣкомъ, хотящій навсегда ограничиться предѣлами одной человѣческой природы, тѣмъ самымъ перестаетъ быть истиннымъ человѣкомъ, законнымъ сыномъ человѣческимъ, и чѣмъ болѣе онъ поднимается надъ человѣческой ограниченностью, тѣмъ болѣе онъ приближается къ истинной человѣчности. Истинный же человѣкъ и законный сынъ человѣческій въ безусловномъ смыслѣ есть Богочеловѣкъ Христосъ, безусловно преодолевшій человѣческую ограниченность. Будучи концомъ и цѣлью человѣческой природы, Богочеловѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ есть для насъ начатокъ или опредѣляющая основа новой сверхчеловѣческой образовательной формы, въ коей человѣчество, поднимаясь надъ самимъ собою, существенно соединяется съ Божествомъ и входитъ въ составъ царствія Божія“ ⁵⁾. „Живое единство Божества и человѣчества явилось какъ фактъ и этимъ дана безусловная

¹⁾ Ibid. 365.

²⁾ Ibid. 531.

³⁾ Ibid. 524.

⁴⁾ Ibid. 525.

⁵⁾ Ibid. 535.

точка опоры для нашего ума; это Богочеловѣческое единство въ лицѣ Христа получило всякую власть на небѣ и землѣ и этимъ дано безусловное основаніе для нашей практической дѣятельности“ ¹⁾.

Въ приводимыхъ цитатахъ совершенно ясно очерчена та сфера, которую Соловьевъ называетъ мистической, мистическими явленіями, противопоставляя ихъ физическимъ и психическимъ ²⁾. „Существуютъ связь и воздѣйствіе міра трансцендентнаго на міръ явленій. Человѣкъ въ мірѣ явленій занимаетъ особое мѣсто, на его долю выпала задача воссоединенія небснаго и земнаго; возможность этого соединенія дана въ природномъ родствѣ человѣка съ Божествомъ. Общеніе съ высшимъ міромъ путемъ внутренней творческой дѣятельности Соловьевъ прямо называетъ мистическою цѣлью“ ³⁾. „Полное соединеніе двухъ міровъ дано въ историческомъ фактѣ Искупителя; человѣкъ, слѣдуя началамъ Христа, приближается къ исторической цѣли, и тѣмъ обезпечиваетъ себѣ самое важное—совершенное безсмертіе“ ⁴⁾. Смыслъ этого соединенія Соловьевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Но почему же истинное существо Божіе было неизвѣстно праотцамъ, и теперь открывается только въ знаменіи и въ имени грядущаго Бога, а не въ дѣйствіи настоящаго? Въ этомъ вся тайна міровой жизни и весь смыслъ теократіи. Если бы Богъ разомъ сообщилъ творенію всю свою любовь, онъ отнялъ бы у творенія всю его свободу, а тогда въ чемъ же была бы и самая любовь? Итакъ, Богъ допускаетъ свободное проявленіе злыхъ силъ въ тварныхъ существахъ, не погашаетъ разомъ ихъ злого огня своею любовью. Но еслибъ злымъ силамъ міра свобода проявленія была дана безусловно, то міръ не могъ бы устоять, онъ пожралъ бы себя въ своемъ злобномъ раздорѣ. Поэтому, предоставляя тварнымъ существамъ внутреннюю свободу зла, Богъ полагаетъ нѣкоторую внѣшнюю границу проявленіямъ этого зла, и самъ проявляется какъ сила и законъ. Ограничивая отрицательныя силы міра своею силою и своимъ закономъ, и черезъ то вступая въ область тварной жизни, Богъ тѣмъ самымъ получаетъ средства, чтобы дѣйствовать и на положительныя потенціи творенія, вызывать ихъ къ жизни, испытывать, тайно и явно руководить и готовить ихъ къ воспріятію Его внутреннего существа въ истинѣ, милости и любви. Само Божество всегда остается тѣмъ,

¹⁾ Ibid. 571.

²⁾ Основы цѣльнаго знанія. I, 286.

³⁾ I. 261.

⁴⁾ VIII. 116.

что оно есть—Любовью: но лишь духовно совершеннолѣтнихъ можетъ Богъ ввести въ совершенный совѣтъ своей любви; а на духовное младенчество Онъ необходимо дѣйствуетъ какъ сила и власть, на духовное отрочество—какъ законъ и авторитетъ.¹⁾

Итакъ, словами самого Соловьева, мы выяснили, въ чемъ заключается мистицизмъ Соловьева. Изложенныя воззрѣнія, заимствованныя изъ сочиненія, написаннаго въ 1886 г., нисколько не измѣнились и впослѣдствіи: Такъ, напр., раздѣленіе всѣхъ явленій на физическія, психическія и мистическія мы замѣчаемъ и въ „Оправданіи добра“, въ которомъ Соловьевъ строитъ нравственный міръ на трехъ началахъ: стыдѣ, сожалѣніи и благоговѣніи, т.-е. трехъ чувствахъ, соотвѣтствующихъ явленіямъ физическимъ, психическимъ и мистическимъ.—Мы встрѣчаемся съ тѣмъ же объясненіемъ свободы человѣка и зла въ мірѣ, и т. д.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду лишь одну сторону дѣла; въ дѣйствительности въ мистицизмѣ слѣдуетъ различать два элемента—объективный и субъективный; первый сближаетъ мистицизмъ съ религіозною вѣрою, второй—съ философіей. Признаніе существованія трансцендентнаго міра (Бога) и воздѣйствія его на земной не составляетъ какую-либо особенность мистицизма, а есть положительное содержаніе и религіи; съ философіей сближается мистицизмъ въ томъ случаѣ, когда онъ содержаніе своей вѣры старается оправдать передъ разумомъ, не довольствуясь указаніемъ на личный опытъ. Это—гносеологическая сторона мистицизма. Многіе мистики довольствовались своимъ личнымъ опытомъ, нисколько не заботясь объ оправданіи его доводами (Angelus Silesius); въ такомъ случаѣ, несмотря, можетъ быть, на геніальное прозрѣніе, философскаго значенія ихъ мистика не имѣетъ. Само собою разумѣется, что Соловьевъ, какъ философъ, не могъ стоять на этой точкѣ зрѣнія; у него мы должны найти оправданіе его мистическаго ученія, и ежели, въ дѣйствительности, мы не находимъ этого оправданія въ такой полнотѣ, въ какой это желательно, то причина этого, съ одной стороны, необыкновенная трудность предмета, съ другой—преждевременная смерть философа, не успѣвшаго завершить своей метафизики и гносеологии. Однако, въ раннихъ его сочиненіяхъ, напр. въ „Началахъ цѣльнаго знанія“ и въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“, мы находимъ отрицательное обоснованіе мистицизма, т.-е. философъ

¹⁾ IV, стр. 387—388.

съ полной ясностью и съ большой обстоятельностью показываетъ, что эмпирическая и рационалистическая философія недостаточны и нуждаются въ восполненіи ихъ мистическою философіей: опытъ даетъ матеріалъ для осуществленія истины, разумъ даетъ общія формы ея развитія, сама же истина дается религіознымъ или мистическимъ знаніемъ. Однако мы находимъ у Соловьева не только подробное доказательство необходимости мистической философіи, но и указанія характера того пути, который ведетъ къ созданію этой философіи, и даже элементарныя указанія психологіи мистическаго воспріятія ¹⁾. Я называю эти указанія элементарными, ибо Соловьевъ въ дѣйствительности вовсе не былъ психологомъ и мало психологіей интересовался: онъ былъ метафизикомъ, и выясненіе генезиса извѣстныхъ явленій ему казалось не столь существеннымъ, какъ выясненіе смысла и значенія ихъ.

Мистикою Соловьевъ называетъ „творческое отношеніе человѣческаго чувства къ трансцендентному міру“ ²⁾, и отличаетъ мистику отъ мистицизма, который представляетъ рефлексію на это отношеніе. Мистика и художество суть лишь различныя проявленія или степени одного и того же начала ³⁾. Мистика имѣетъ значеніе настоящаго верховнаго начала всей жизни общечеловѣческаго организма ⁴⁾. Познаніе этого верховнаго начала недоступно ни для эмпиризма, ни для рационализма, которые „сами себя опровергаютъ, какъ только приходятъ къ своимъ послѣднимъ логическимъ заключеніямъ, а вмѣстѣ съ ними падаетъ и вся отвлеченно школьная философія, которой они суть два необходимые полюса“ ⁵⁾. Если бы философію не спасалъ мистицизмъ, то удѣломъ ея былъ бы абсолютный скептицизмъ. Предметъ мистической философіи „есть міръ явленій, сводимыхъ къ нашимъ ощущеніямъ, и не міръ идей, сводимыхъ къ нашимъ мыслямъ, а живая дѣйствительность существъ въ ихъ внутреннихъ жизненныхъ отношеніяхъ“.

Мистическое знаніе есть основа истинной философіи, какъ опытъ—основа эмпирической, а логическое мышленіе—основаніе рационалистической философіи, но само по себѣ мистическое знаніе еще не образуетъ системы цѣльнаго знанія, которое есть синтезъ философіи съ теологіей и наукой. Односторонній мисти-

¹⁾ IV. 543—544.

²⁾ I. 239.

³⁾ I. 240.

⁴⁾ I. 241.

⁵⁾ V. 277.

цизмъ хотя и утверждаетъ сущее какъ предметъ истиннаго познанія, но сущее лишь въ его непосредственной субстанціальности, доступное только такому же непосредственному чувству или вѣрѣ; объективное же развитіе сущаго какъ идеи мистицизмъ или игнорируетъ, рѣшительно отрицаетъ, сводя все предметное, идеальное содержаніе знанія къ субъективному призраку человѣческаго ума ¹⁾; лишь цѣльное знаніе (свободная теософія) захватываетъ то, что дѣйствительно и въ идеяхъ разума, и въ идеяхъ природы; матеріалъ философіи какъ цѣльнаго знанія дается совокупностью явленій какъ мистическихъ, такъ равно психическихъ и физическихъ.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тремя понятіями: мистикой, какъ особой сферой творческаго отношенія человѣка; далеко превышающей сферу познанія; мистицизма, какъ односторонняго направленія философіи, хотя и правомѣрнаго, но получающаго истинное значеніе лишь въ цѣльномъ знаніи, покоящемся на третьемъ понятіи, на — мистическомъ знаніи. Въ чемъ же состоитъ это мистическое знаніе, какъ оно проявляется? Хотя Соловьевъ нигдѣ не выяснилъ во всѣхъ деталяхъ условія мистическаго знанія, но въ трехъ раннихъ произведеніяхъ своихъ, — въ „лекціяхъ о Богочеловѣкѣ“ (стр. 60—61; 89—90), въ „Философскихъ началахъ цѣльнаго знанія“ (стр. 290, 292, 293) и въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“ (стр. 307—345) онъ далъ вѣвоторую его характеристику.

Міръ явленій представляетъ постоянный процессъ, имѣетъ, слѣдовательно, лишь видимость бытія, а не подлинное, пребывающее бытіе ²⁾; этотъ міръ явленій есть наше представленіе, но въ основѣ міра явленій лежитъ реальное бытіе или основная сущность, которая представляется какъ совокупность элементарныхъ сущностей, одаренныхъ силами стремленія и представленія; такимъ образомъ, эти элементарныя сущности суть монады, находящіяся въ взаимодѣйствіи. Взаимодѣйствіе предполагаетъ качественное ихъ различіе. Безусловное качество основнаго существа, позволяющее ему быть содержаніемъ всѣхъ другихъ, опредѣляющее всѣ дѣйствія существа и всѣ его воспріятія, составляетъ неизмѣнный характеръ этого существа, т.-е., его идею. Такимъ образомъ, монады могутъ быть опредѣлены и какъ идеи. Отношенія и взаимодѣйствія между монадами возможны тогда, когда онѣ, при качественномъ различіи, сходятся между собой

¹⁾ I, 283, а также II, 327—328.

²⁾ III, 45 и слѣд.

въ чемъ-либо для нихъ общимъ, т.-е. представляютъ изъ себя организованное единство или космосъ; въ центрѣ этого космоса, какъ идея наиболѣе общая, широкая и существенная, находится идея блага или любви. „Безусловная любовь есть именно то идеальное *все*, та всецѣлость, которая составляетъ собственное содержаніе божественнаго начала“. Въ такихъ чертахъ представляеть себя Соловьевъ дѣйствительный реальный міръ, находящій себя отраженіе въ мірѣ явленій. Въ томъ обстоятельствѣ, что основныя существа суть монады или идеи, т.-е. существа представляющія, — дано общее основаніе для объясненія познанія. Познаніе можетъ имѣть въ виду — или познаніе основного существа, т.-е. познаніе отдѣльнаго предмета, или же познаніе абсолютнаго начала, т.-е. той центральной идеи или любви, въ которой существуетъ весь идеальный космосъ. Выѣстъ съ Юркевичемъ Соловьевъ различалъ абсолютное знаніе отъ знанія абсолюта; первое недоступно человѣку; второе же есть прямая его задача, возможная — благодаря природному сходству идеи съ центральной идеей или любовью. Въ основѣ того и другого познавательнаго процесса лежитъ одинъ и тотъ же актъ, который Соловьевъ называетъ умственнымъ созерцаніемъ или интуиціей; но этотъ актъ имѣетъ различный объектъ, различную степень сложности, и не въ одинаковой мѣрѣ доступенъ всѣмъ; въ то время, какъ воспріятіе предмета есть, очевидно, актъ свойственный не только всему людскому роду, но даже и животнымъ, — второй актъ, требующій особыхъ субъективныхъ основаній, доступенъ далеко не всѣмъ, а только пророкамъ и вообще мистическимъ натурамъ. Въ основѣ всякаго предметнаго познанія лежать три элемента: вѣра, воображеніе и творчество¹⁾; дѣйствительно, во всякомъ предметномъ познаніи заключается больше того, что дано въ ощущеніяхъ и понятіяхъ, ибо какъ въ ощущеніяхъ, такъ и въ понятіяхъ, предметъ данъ намъ подъ извѣстными условіями, какъ предметъ ощущаемый и мыслимый въ этихъ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Мы ощущаемъ дѣйствіе предмета на насъ, мыслимъ его общіе признаки, но въ то же время *увѣрены* въ его безусловномъ, собственномъ существованіи; эта увѣренность независима ни отъ ощущеній, ни отъ понятій, которыя представляютъ собой субъективныя состоянія, относимыя нами къ предмету, въ существованіи коего за предѣлами нашихъ ощущеній и понятій мы увѣрены. Итакъ, помимо познанія опытнаго и раціональнаго, существуетъ еще третій родъ познанія,

¹⁾ II, 307 и слѣд.

который можетъ быть названъ *второю*. Этотъ родъ познанія предполагаетъ такое отношеніе между познающимъ и познаваемымъ, въ которомъ они соединены между собой не внѣшнимъ образомъ, а внутреннею связью; еслибъ мы имѣли только чувственный опытъ и мышленіе, то мы имѣли бы лишь основаніе утверждать границу нашего субъективнаго бытія, но познаніе предмета было бы невозможно; мы же убѣждены въ существованіи внѣшняго предмета непосредственнымъ образомъ, и увѣрены въ томъ, что предметъ обуславливаетъ наши ощущенія и мысли; самое существованіе предмета никогда не можетъ быть дано въ ощущеніяхъ и мысляхъ, а лишь въ вѣрѣ или увѣренности, которая предполагаетъ нѣкоторую внутреннюю связь и существенное единство между предметомъ и познающимъ его. Эта вѣра есть свидѣтельство нашей внутренней свободы отъ всего и въ то же время свидѣтельство нашей внутренней связи со всѣмъ. Эту вѣру Соловьевъ называетъ мистическимъ знаніемъ. Предметъ вѣры есть то, что не можетъ стать ощущеніемъ и понятіемъ, что свидѣтельствуетъ о безусловномъ существованіи, о внутреннемъ единствѣ всего; но въ этой увѣренности не заключается отвѣта на вопросъ, что такое этотъ предметъ?

И на этотъ вопросъ не можетъ отвѣтить ни мышленіе, которое примѣняетъ къ предмету лишь общія категоріи, свойственные и всякому другому предмету,—ни ощущеніе, которое точно также схватываетъ лишь общія или неопредѣленные чувственные качества, и потому нисколько не отвѣчаетъ на вопросъ: что такое этотъ предметъ? Несомнѣнно, однако, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы имѣемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Слѣдовательно, необходимо предположить такое взаимоотношеніе между познаваемымъ и нашимъ субъектомъ, въ которомъ субъектъ воспринимаетъ не тѣ или другія частныя качества или дѣйствія предмета, но его собственную природу, сущность или идею. Это возможно благодаря тому, что самый субъектъ есть нѣкоторая идея и необходимо находится въ извѣстномъ соотношеніи или взаимодействіи съ идеальными сущностями другихъ предметовъ. Это взаимодействіе Соловьевъ называетъ *воображеніемъ* или умственнымъ созерцаніемъ; оно производитъ въ нашемъ умѣ тѣ постоянные, опредѣленные и единые образы предметовъ, которыми мы объединяемъ и фиксируемъ всю неопредѣленную множественность частныхъ впечатлѣній, получаемыхъ отъ предметовъ. Воображеніе въ этомъ значеніи слова гораздо шире той дѣятельности, которую обыкновенно называютъ фантазіей: субъектъ нашъ (монада), прежде всякаго актуальнаго сознанія, будучи нѣчто

неопредѣленное, обладая собственнымъ характеромъ, необходимо стоитъ въ извѣстномъ опредѣленномъ взаимоотношеніи съ другими предметами, въ силу чего онъ носитъ въ себѣ опредѣленный образъ каждаго предмета, съ которымъ онъ соотносится, хотя бы этотъ образъ и не переходилъ въ сознательные акты его ума. Этотъ образъ первѣе всякихъ ощущеній, и когда мы ощущаемъ предметъ, то мы сначала воображаемъ его, т.-е. на ощущенія налагаемъ образъ предмета. Хаосъ внѣшнихъ впечатлѣній организуется умомъ нашимъ чрезъ отнесеніе ихъ къ тому образу или идеѣ предмета, которая существуетъ въ нашемъ духѣ независимо отъ ощущеній и отъ мыслей, но которая въ нихъ получаетъ матеріальную дѣйствительность и видимость для актуальнаго сознанія. Благодаря связи, существующей между нашими ощущеніями и предметомъ, умъ, при наложеніи идеи на данныя ощущенія, находитъ въ нихъ нѣкоторое предрасположеніе къ этой именно идеѣ, ощущенія не равнодушны къ соотвѣтствующему имъ идеальному образу,—поэтому творческое дѣйствіе ума, воплощающаго идею въ ощущеніяхъ, не есть творчество изъ ничего, а подобно творчеству поэта. Актъ воплощенія идеи—въ данномъ ощущеніи, въ результатъ чего получается воспріятіе предмета. Указанные три акта въ процессъ познанія—вѣра, воображеніе и творчество—соотвѣтствуютъ тремъ опредѣленіямъ самаго предмета: его безусловному бытію или дѣйствительности, его идеѣ или универсальности и его явленію.

Нельзя себѣ представить существа, одареннаго психической жизнью, которое не имѣло бы воспріятія внѣшняго предметнаго міра; вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно предположить въ каждомъ живомъ существѣ, одаренномъ психикою, и три основныхъ элемента познанія — вѣру, воображеніе и творчество; отсюда не слѣдуетъ, что всѣ существа, имѣющія воспріятія предметовъ, знаютъ о составныхъ элементахъ, дѣлающихъ воспріятіе возможнымъ. Психическое творчество, создающее воспріятіе, есть творчество безсознательное, и условія его узнаются лишь аналитическимъ умомъ. Потенціально каждое существо обладаетъ всѣми элементами истины и всей истиной: познать вполнѣ одинъ предметъ—значило бы познать все, ибо всякій предметъ связанъ со всѣмъ въ единствѣ или есть единство себя и всего; но фактически, въ нашемъ феноменальномъ сознаніи, мы являемся какъ нѣчто отдѣльное и особенное, какъ не все, и поэтому все для насъ является внѣшнимъ и познается внѣшнимъ образомъ, съ одной стороны—въ опытѣ, въ своей внѣшней эмпирической множественности, и, затѣмъ, въ рациональномъ мышленіи, въ своемъ отвлеченномъ отрицательномъ

единствѣ; и ежели опытъ и мышленіе нуждаются въ мистическомъ знаніи, то, съ другой стороны, и это послѣднее нуждается въ опытѣ и мышленіи. Такимъ образомъ, необходимый для истиннаго знанія синтезъ элементовъ мистическаго и природнаго при посредствѣ элемента раціональнаго есть не данное сознание, а *задача* для ума, для пополненія которой сознание представляетъ только разрозненныя и отчасти загадочныя данныя. Задача эта ближайшимъ образомъ представляется какъ синтезъ теологій, философіи и науки; организованную такимъ образомъ область истиннаго знанія Соловьевъ называетъ системою свободной и научной теософіи или цѣльнымъ знаніемъ, предметомъ котораго является не міръ явленій, сводимыхъ къ нашимъ ощущеніямъ, и не міръ идей, сводимыхъ къ нашимъ мыслямъ, а живая дѣйствительность существъ въ ихъ внутреннихъ жизненныхъ отношеніяхъ. Этотъ синтезъ, представляющій задачу для человечества, а не фактъ, подобно синтезу въ воспріятіи, точно также покоится на мистическомъ началѣ, на умственномъ созерцаніи ¹⁾, какъ и синтезъ воспріятія; но синтезъ въ воспріятіи есть общій для всѣхъ живыхъ существъ, одаренныхъ пріихкой, въ то время какъ философскій синтезъ, очевидно, есть задача немногихъ, вызванная тѣмъ, что истинное знаніе, потенциально присущее всѣмъ, имѣющимъ воспріятіе, актуально свойственно лишь весьма немногимъ. Дѣйствительная связь идей или цѣльность идеальнаго космоса опредѣляется его абсолютнымъ центромъ, и непосредственное созерцаніе этой связи и цѣльности доступно только взору, находящемуся въ центрѣ ²⁾, т.-е. Богу, для человѣка же возможно только вторичное, рефлексивное познаніе трансцендентныхъ отношеній, по аналогіи съ имманентными отношеніями. „Умственное созерцаніе или непосредственное познаніе идей не есть для человѣка состояніе обычное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нисколько не зависитъ отъ его воли, *ибо не осякому и не всегда дается нища бо-гоу*; оно зависитъ отъ внутренняго дѣйствія на насъ существъ идеальныхъ или трансцендентныхъ. Дѣйствіе на насъ идеальныхъ существъ, производящее въ насъ умосозерцательное познаніе (и творчество) ихъ идеальныхъ формъ или идей, называется вдохновеніемъ. Это дѣйствіе выводитъ насъ изъ нашего натуральнаго центра, поднимаетъ насъ на высшую сферу, производя, такимъ образомъ, экстазъ“ ³⁾. Безъ основанной на вдохновеніи интуиціи невозможны никакая объективная дѣятельность и познаніе, „но

¹⁾ I, стр. 290.

²⁾ I, стр. 292.

³⁾ II, стр. 291.

есть разница *въ степеняхъ*“. „Умственное созерцаніе не есть субъективный процессъ, а дѣйствительное отношеніе къ міру идеальныхъ существъ или взаимодействіе съ ними; слѣдовательно, результаты созерцанія не суть произведеніе субъективнаго произвольнаго творчества, не суть выдумки и фантазіи, а суть дѣйствительныя откровенія сверхчеловѣческой дѣйствительности, воспріятыя человѣкомъ въ той или иной формѣ“¹⁾. На умственномъ созерцаніи покоится цѣльное знаніе, построенное органическимъ мышленіемъ. Если созерцаніе соединено съ яснымъ сознаніемъ и сопровождается рефлексіей, дающей логическія опредѣленія созерцаемой истинѣ,—въ такомъ случаѣ мы имѣемъ то умозрительное мышленіе, которымъ обусловливается собственно философское творчество; если же умственное созерцаніе остается въ своей непосредственности, не налагая логическихъ формъ на свои конкретные образы, то оно является тѣмъ живымъ мышленіемъ, которое свойственно людямъ, еще не вышедшимъ изъ непосредственной жизни въ общемъ родовомъ или народномъ единствѣ; такое мышленіе выражаетъ то, что называется народнымъ духомъ, проявляясь въ народномъ творествѣ—религіозномъ и художественномъ... Большинству такъ называемыхъ образованныхъ людей,—если они отдѣлились, вслѣдствіе большаго формальнаго развитія умственной дѣятельности, отъ непосредственнаго народнаго міровоззрѣнія, но не достигли цѣльнаго философскаго сознанія,—приходится ограничиваться отвлеченнымъ мышленіемъ, т.-е. имъ не приходится испытывать умственнаго созерцанія²⁾.

Изъ всего приведеннаго выше слѣдуетъ, что Соловьевъ говорилъ объ умственномъ созерцаніи въ двоякомъ смыслѣ: въ первомъ значеніи, умственное созерцаніе есть необходимый элементъ, входящій въ составъ воспріятія, и поэтому безсознательный, общій всѣмъ людямъ; во второмъ значеніи, умственное созерцаніе или органическое мышленіе есть сознательное состояніе вдохновенія и экстаза, вызванное воздѣйствіемъ на сознаніе трансцендентальнаго міра. Оба значенія встрѣчаются въ трехъ раннихъ произведеніяхъ Соловьева; поэтому, изъ того добавленія, которое Соловьевъ сдѣлалъ въ „Оправданіи добра“, въ которомъ онъ упоминаетъ о пользѣ того, что не всѣ люди мистики³⁾, отнюдь нельзя заключать объ измѣненіи воззрѣній Соловьева на мистицизмъ. Отмѣтимъ еще, что сравненіе людей, лишенныхъ мисти-

¹⁾ III, стр. 90, прилож.

²⁾ III, стр. 89—90.

³⁾ Стр. 217 и 218 второго отдѣльнаго изданія.

ческаго воспріятія, съ слѣпорожденными, на которое ссылается въ своемъ доказательствѣ г. Введенскій, встрѣчается у Соловьева часто и, между прочимъ, въ раннихъ его произведеніяхъ, напр. въ лекціяхъ о Богочеловѣкѣ ¹⁾).

Итакъ, мы доказали, что дѣйствительное измѣненіе воззрѣній Соловьева на данныя сознанія нисколько не отразилось на основныхъ положеніяхъ его мистицизма; что мистикомъ онъ всегда считалъ воздѣйствіе трансцендентнаго міра на человѣка и познаніе трансцендентнаго міра путемъ умственного созерцанія; наконецъ, что онъ и умственному созерцанію приписывалъ двойную роль, во-первыхъ—въ воспріятіяхъ, во-вторыхъ—въ философскомъ построеніи.

Въ заключеніе замѣтимъ, что упрекъ, дѣлаемый проф. Введенскимъ, будто Соловьевъ не далъ психологіи умственного созерцанія, не совсѣмъ справедливъ; онъ, какъ мы сказали, не очень интересовался чисто психологическими вопросами, и въ четвертомъ томѣ его сочиненій, на стр. 543—545, находится краткое изложеніе психологіи религіознаго сознанія, которое, въ извѣстномъ смыслѣ, представляетъ эскизъ психологіи умственного созерцанія.

Э. Радловъ.

¹⁾ II, стр. 31, 33, 34 и въ другихъ мѣстахъ.

ЦАРЕКЪ

РАЗСКАЗЪ.

A monarch of small survey. Stories by G. Atherton. London, 1905.

I.

Ивы, окружавшія озеро, еще болѣе походили на призраки, онѣ еще печальнѣе склоняли свои старыя вѣтви, нежели въ то время, сорокъ лѣтъ назадъ, когда д-ръ Гирамъ Уэбстеръ скупилъ у бывшихъ испанскихъ грандовъ всѣ находившіеся по близости ранчо. Теперь память объ испанцахъ сохранилась лишь въ архивахъ Калифорніи, а д-ръ Гирамъ Уэбстеръ и его ивы — достигли долголѣтія и славы. Отъ бывшихъ ранчо также ничего не осталось. На плодородной почвѣ воздвигся сонный городъ, въ который лишь по временамъ долетало изъ столицы черезъ заливы бурное дуновеніе лихорадочно дѣятельной нервной жизни.

Долина покато спускалась къ озеру; на самомъ пляжѣ находились большіе, внушительнаго вида зданія — дома мѣстной аристократіи, принадлежавшіе д-ру Уэбстеру и сдаваемые имъ немногимъ избранныкамъ, притомъ за очень высокую плату. Жить у озера — значило занимать исключительно высокое положеніе среди согражданъ, обреченныхъ прозябать на близлежащихъ холмахъ. Приобрѣсти въ собственность эти заколдованныя десятины оказывалось столь же невозможнымъ, какъ добиться у правительства уступки Бѣлаго Дома въ частную собственность.

Уэбстеръ-Голль былъ лѣтъ на двадцать старше подвластныхъ ему ленныхъ домовъ. Крупныя, густо насаженные деревья за-

дѣвали вѣтвями крышу во время сильныхъ бурь, и вѣтеръ проносился въ нихъ съ долгимъ, протяжнымъ завываніемъ. Старый мрачный домъ словно хранилъ въ себѣ зловѣщую тайну, хотя въ немъ не совершилось никакого преступленія: ни одинъ путешественникъ не появлялся тамъ съ тѣмъ, чтобы исчезнуть безъ слѣда въ чащѣ тихо шепчущихся о чемъ-то деревьевъ. Слѣды времени создали эту атмосферу: старый домъ въ молодомъ краю. Трава была не подстрижена, голыя окна смотрѣли въ садъ, какъ глаза, лишенные вѣкъ, и дѣти по вечерамъ старались какъ можно быстрее пробѣжать мимо дома, много говорившаго воображенію.

Въ воскресенье съ утра лилъ дождь, громко барабанившій о желѣзо крыши и шумѣвшій среди вѣтвей. Докторъ сидѣлъ въ кабинетѣ, въ своемъ вертящемся креслѣ передъ конторкою. Его желтое лицо было сумрачно, и самыя морщины на этомъ лицѣ словно собирались въ болѣе глубокія складки, когда онъ каждую минуту поворачивался въ креслѣ къ окну и хмурился, глядя на потокъ, песшійся по лугу, прямо къ озеру. Его челюсть слегка отвисла и платье висѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ, но черные, острые, какъ у хорька, глаза сверкали прежнимъ блескомъ.

Онъ взялъ стоявшій на конторкѣ большой колокольчикъ и громко позвонилъ. Вошла служанка.

— Ступайте, взгляните на барометръ!—крикнулъ онъ.— Посмотрите, не похоже ли на то, что этотъ проклятый дождь скоро пройдетъ?

Служанка вышла и вернулась съ извѣстіемъ, что барометръ твердо стоитъ на своемъ.

— Ну, все равно! Пусть накроютъ столъ на двадцать приборовъ, слышите? Если они не придутъ, я повышу квартирную плату. Пошлите сюда миссъ Узбстеръ.

Сестра его не замедлила явиться. Она была приблизительно однихъ лѣтъ съ нимъ, но на ея увядшемъ лицѣ морщины были видны только на лбу и у глазъ. Въ немъ было что-то молодое, какъ будто она постарѣла противъ воли и, вопреки возможности, все еще надѣялась вернуть себѣ утраченную молодость. Волосы ея были причесаны по модѣ, но туалетъ состоялъ изъ поношеннаго чернаго шолковаго платья и брошки изъ волосъ. Она держалась прямо, но уже начинала полнѣть; маленькія руки ея, не взирая на заботливый уходъ, также становились дряблыми.

— Вы меня звали, братецъ?—робко спросила она, обращаясь къ его затылку.

Онъ рѣзко повернулся на своей оси.

— Почему ты всегда подкрадываешься, какъ кошка? Какъ

ты думаешь: придутъ или не придутъ сегодня эти люди? Дождь льетъ, какъ изъ ведра.

— Безъ сомнѣнія, придутъ. Они всегда у насъ бываютъ; притомъ вѣдь у всѣхъ—свои экипажи.

— Вотъ именно. Потому-то они и стали чертовски задирать носъ. Но я выпытрю ихъ со всѣмъ ихъ скарбомъ...

— Они совершенно такъ же относятся къ вамъ, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ.

— Ты думаешь? По твоему, они будутъ сегодня?

— Я увѣрена, Гирамъ.

Онъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы и вдругъ проговорилъ съ необычайно мягкимъ для него выраженіемъ:

— Тебѣ слѣдовало бы сдѣлать себѣ новое платье, Маріана. Это совсѣмъ износилось.

Обладай д-ръ Уэбстеръ хотя слабою дозою юмора, онъ улыбнулся бы при видѣ тревожнаго изумленія, выразившагося на лицѣ его сестры. Она подбѣжала къ нему и положила руку ему на плечо.

— Гирамъ,—воскликнула она,—ты... ты какъ будто не совсѣмъ здоровъ сегодня?

— Я здоровъ,—отвѣтилъ онъ, стряхивая ей руку,—но я недавно замѣтилъ, что вы обѣ съ Абигайль имѣете очень непредставительный видъ, и не желаю, чтобы эти свѣтскіе господа потѣшались надъ вами.

Онъ открылъ ящикъ стола и отсчиталъ четыре дублона.

— Достаточно этихъ денегъ? Я вѣдь ничего не понимаю въ вашихъ тряпкахъ.

Миссъ Уэбстеръ обрадовалась получкѣ денегъ, которой не предшествовали цѣлые дни пререканій, и потому поспѣшила увѣрить его, что денегъ этихъ съ нея достаточно. Она вышла изъ кабинета и отправилась къ своей компаньонкѣ, миссъ Уильямсъ.

Абигайль Уильямсъ сидѣла на краю постели въ своей маленькой, аскетически убранной комнатѣ и также, какъ м-ръ Уэбстеръ, смотрѣла изъ окна на шумѣвшій въ вѣтвяхъ дождь. Здѣсь сидѣла она двадцать-четыре года тому назадъ, въ день своего пріѣзда въ Уэбстеръ-Голлъ—молодою восемнадцатилѣтнею дѣвушкою, полною надеждъ и мечтаній.

Такъ сидѣла она много разъ, чувствуя, какъ молодость уходитъ отъ нея; въ душѣ ея поднимался горькій протестъ противъ безсодержательности и тоски ея безрадостной жизни, но она была слишкомъ робка и неопытна для того, чтобы пойти на поиски новой жизни.

Это дождливое воскресенье было днемъ ея рожденія. Ей исполнилось сорокъ-два года. Она рѣшала вопросъ, уже много разъ рѣшавшійся ею. Почему она оставалась здѣсь? Не жила ли въ ней тайная надежда, что старики скоро умрутъ и оставить ей средства для дальнѣйшаго обеспеченнаго существованія, средства, которыя дадутъ ей возможность путешествовать и жить?

Она любила миссъ Уэбстеръ и съ радостью приняла ея предложеніе переселиться къ ней изъ отдаленной деревушки, гдѣ она изъ милости жила у родственниковъ. Миссъ Уэбстеръ нуждалась въ компаньонкѣ и домоправительницѣ; жалованья не будетъ, она получитъ лишь содержаніе и одежду (Абигайль знавала, что она не даромъ получаетъ ихъ). Она пріѣхала сюда молодою, бодрою, полною надеждъ. Ушли молодость, бодрость и надежды, а она почему-то все оставалась и оставалась. Теперь она сожалѣла, что не вышла за перваго, пожелавшаго за нее посвататься, деревенскаго парня; ни на одну минуту не знала она радостей свободы, любви, личной жизни.

Миссъ Уэбстеръ поспѣшно вошла.

— Абби,—воскликнула она,—Гирамъ боленъ!—и она сказала то, что произошло.

Миссъ Уильямсъ разсѣянно выслушала ее. Гирамъ надоѣлъ ей. Она взяла золотую монету и слегка поблагодарила. „Тебѣ сорокъ-два года, ты—стара, ты—никто!“—сверкало у нея въ мозгу.

— Что случилось?—сочувственно спросила миссъ Уэбстеръ:—вы плакали? Вамъ нездоровится? Вы бы лучше одѣлись, милая. Скоро будутъ гости.

Она вдругъ присѣла къ ней на постель и обняла пріятельницу; на ея добрые глаза навернулись слезы.

— Мы—старухи,—сказала она,—жизнь обманула насъ. Вы—моложе годами, но вы такъ долго прожили въ этомъ мрачномъ старомъ домѣ, что отдали ему и намъ вашу молодость. Бѣдняжка!

Онѣ принялись утѣшать другъ друга. Для Абби стало ясно, что миссъ Уэбстеръ, не будучи особенно глубокою натурою, тоже знавала сожалѣнія и порывы къ тому, чему не суждено было сбыться.

— Какъ это странно, что молодость дается намъ только разъ въ жизни,—говорила старшая:—зачастую обстоятельства не позволяютъ воспользоваться ею. Въ молодости я трудилась, билась, билась, какъ рыба объ ледъ, а теперь, когда я имѣю свободное время и возможность видѣть людей, я уже утратила

всякую надежду на счастье. Вы—сравнительно молоды, вы можете надѣяться. Черезъ нѣсколько лѣтъ я уже буду въ могилѣ, а вы легко можете прожить еще лѣтъ тридцать. Боже! Если бы у меня были впереди эти тридцать лѣтъ!

— Я съ радостью отдала бы ихъ вамъ за одинъ годъ счастья и молодости.

Миссъ Уэбстеръ встала и отерла глаза.

— Сожалѣніями горю не поможешь,—проговорила она философски;—намъ нужно занимать гостей, а потому не станемъ предаваться меланхоліи. Надѣньте ваше лучшее платье и сойдите внизъ, будьте умицей.

Она вышла изъ комнаты. Абигайлъ поспѣшно поднялась, достала изъ шкафа коричневое шолковое платье и одѣлась. Волосы ея были гладко причесаны, съ проборомъ по срединѣ. Посмотрѣвшись въ зеркало, она ощутила внезапное желаніе завить волосы, подрумянить щеки, чтобы поглядѣть: не сохранилось ли какихъ-нибудь слѣдовъ ея былой красоты. Она уже взялась за щипцы, но тотчасъ же положила ихъ. У нея не достанетъ духу выдержать улыбки и вопросы, которыми будетъ встрѣчено такое нововведеніе, въ особенности — со стороны этого злого старика Уэбстера.

Она смотрѣлась въ маленькое зеркало, стараясь представить себѣ свой лобъ, отгнѣнный мягкими пушистыми прядями волосъ. Нельзя изгладить морщинокъ у рта и вокругъ глазъ, но пышная прическа отгнѣнитъ лобъ, сдѣлаетъ лицо не такимъ старообразно длиннымъ. Безцвѣтная кожа еще не утратила гладкости; глаза, бывшіе прежде чуднаго темно-синяго цвѣта, нѣсколько выпцѣли, но еще сохранили свою живость. Губы поблекли, но зубы сверкали бѣлизною; красиво очерченная голова граціозно сидѣла на покатыхъ плечахъ, изуродованныхъ старомоднымъ платьемъ. Занимая она высокое общественное положеніе, она считалась бы въ сорокъ-два года молодавою, красивою женщиной; теперь же она была старою дѣвою съ благороднымъ профилемъ.

Абби сошла внизъ, чтобы занять свое мѣсто въ гостиной, затѣмъ—за столомъ. Обыкновенно, и тутъ и тамъ никто не обращалъ вниманія на „компаньонку миссъ Уэбстеръ“.

Она ненавидѣла ихъ всѣхъ, и съ тайною радостью слѣдила за тѣмъ, какъ они старѣются. Даже богатство не шло имъ въ прокъ, какъ оно пошло бы въ прокъ ей.

Первая карета подъѣхала къ крыльцу какъ разъ въ ту минуту, какъ она сошла внизъ. У дома не было крытаго подѣзда, и гостямъ приходилось бѣгомъ подниматься по ступенямъ для

того, чтобы не вымокнуть съ головы до ногъ. Элегантная м-съ Гольтъ, подбирая свои юбки, взбѣжала по лѣстницѣ, задыхаясь и проклиная своего хозяина:

— Вотъ будетъ счастье, когда все это кончится! Слава Богу, что ему уже не долго осталось жить!

— Тихе! — прошепталъ ей осторожный супругъ.

Повязалась миссъ Уэбстеръ, и обѣ женщины дружески поцѣловались. Всѣ любили миссъ Уэбстеръ. М-съ Гольтъ, представительная особа, надменная, какъ всѣ недавно разбогатѣвшіе люди, держала въ обѣихъ рукахъ руку хозяйки, и увѣряла ее, что никакая буря въ Калифорніи не помѣшала бы ей пріѣхать на очаровательный обѣдъ д-ра Уэбстера. Поднявшись наверхъ, чтобы снять свое манто, она для облегченія чувствъ состроила пренепріятную гримасу портрету д-ра Уэбстера.

Подѣхали другіе гости и, совершивъ обычное паломничество наверхъ, усѣлись въ гостиной на жесткой и неудобной, набитой конскимъ волосомъ мебели, ожидая выхода доктора. Комната имѣла погребальный видъ. Вѣтеръ нагибалъ деревья, и вѣтви ихъ хлестали по голымъ мокрымъ окнамъ. Коверъ совершенно протерся. Бѣлыя вязаныя вакидки подчеркивали все безобразіе обитой чернымъ мебели. Столъ съ мраморною доской, напоминавшей до ужаса могильную плиту, возвышался по срединѣ и былъ украшенъ букетомъ восковыхъ цвѣтовъ подъ стекляннымъ колпакомъ. На бѣлыхъ стѣнахъ красовались фамиліные портреты въ узкихъ золоченыхъ рамахъ; почетное мѣсто занималъ дипломъ доктора; у стѣны стояло фортепіано миссъ Уэбстеръ — „первое привезенное въ Калифорнію“, похожее на призракъ старинныхъ клавикордъ. Абигайль казалось иногда, что она увидитъ его стоящимъ на трехъ ногахъ, поджавъ подъ себя четвертую, для того, чтобы она могла отдохнуть.

Миссъ Уэбстеръ сидѣла въ креслѣ съ высокою спинкою у стола и, пересиливая нервное волненіе, старалась занимать своихъ элегантныхъ пріятельницъ. Дамы сдвинули свои стулья тѣснымъ кружкомъ; мужчины толпились въ углу въ ожиданіи ранняго обѣда. Абигайль опустила на стулъ и тупо смотрѣла на окружающихъ. Но вдругъ, съ чувствомъ невыразимаго облегченія, нарушившаго нестерпимую монотонность этихъ долгихъ лѣтъ, она замѣтила среди присутствующихъ молодое лицо. До сихъ поръ ни просьбами, ни угрозами не удавалось завлечь молодежь въ Уэбстеръ-Голль. Ей было пріятно, что молодое лицо оказалось мужскимъ. Въ ея теперешнемъ настроеніи ей было бы мучительно видѣть цвѣтущее лицо дѣвушки.

Незнакомецъ былъ красивый юноша съ высокою, гибкою фигуροю атлета и открытымъ, привлекательнымъ лицомъ. Онъ стоялъ, запустивъ руки въ карманы и глядя на происходившее вокругъ съ выраженіемъ комическаго ужаса. Въ эту минуту онъ уловилъ взглядъ компаньонки. Она невольно улыбнулась; все, что еще оставалось въ ней молодого — устремилось навстрѣчу къ этому живому воплощенію молодости. Онъ сейчасъ же подошелъ къ ней.

— Простите, — проговорилъ онъ, извиняясь, — я не былъ вамъ представленъ, но позвольте мнѣ отложить церемоніи въ сторону и поговорить съ вами. Я никогда не видѣлъ такого собранія древностей, и эта комната похожа на склепъ. Даже страшно оглянуться...

— Садитесь! — сказала она съ несвойственною ей живостью. — Какъ вы сюда попали?

— Видите ли, я гощу у Гольтовъ. Джекъ Гольтъ — мой школьный товарищъ, и когда меня спросили: не желаю ли я видѣть самый старый домъ и самаго замѣчательнаго человѣка „по эту сторону залива“, — разумѣется, я пожелалъ, хотя Джекъ говорилъ, что его втащили бы сюда развѣ только привязаннымъ къ хвосту дикаго мустанга. Но, въ качествѣ пріѣзжаго, долженъ же я видѣть всѣ достопримѣчательности Калифорніи. А какъ вы сюда попали?

— Я здѣсь живу. Я прожила здѣсь двадцать-четыре года.

— Творецъ небесный! — Глаза его широко раскрылись. — Вы прожили здѣсь двадцать-четыре года?

— Да.

— И вы еще живы? Простите... Вы должны счесть меня за грубіяна.

— Нѣтъ. Я рада, что вы понимаете, насколько это ужасно. Никто другой не понимаетъ. Всѣ эти люди давно знаютъ меня, но имъ и въ голову не приходило: какъ могу я выносить подобную жизнь? Знаете ли вы, что вы — первое молодое существо, съ которымъ мнѣ приходится говорить послѣ многихъ, многихъ лѣтъ?

— Да что вы! — его юношеская душа преисполнилась жалостью къ ней. — Вамъ слѣдовало бы взбунтоваться и убѣжать.

— Зачѣмъ? Я слишкомъ долго здѣсь прожила. Теперь я старуха и могу оставаться въ этомъ домѣ до самаго конца.

Юноша пришелъ въ замѣшательство, не находя отвѣта, но выходъ д-ра Уэбстера вывелъ его изъ затрудненія. Старикъ былъ въ суконномъ лоснящемся сюртукѣ (шившій его портной,

вѣроятно, давно уже умеръ) и опирался на палку съ массивнымъ золотымъ набалдашникомъ.

— Какъ ваше здоровье?—повторялъ онъ рѣзкимъ, но гостепріимнымъ тономъ. — Радъ видѣть васъ. Не думалъ, что вы не прійдете. Впрочемъ, нѣтъ, думалъ... Ну, пойдемте обѣдать. Я голоденъ.

Онъ повелъ гостей по галерей, затѣмъ—по узкой скрипучей лѣстницѣ—въ столовую, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ, такую же мрачную, какъ и гостиная, хотя столовое серебро было старинное, массивное, а тонкость бѣлья—выше всякаго сравненія.

Гости заняли мѣста по усмотрѣнію; юноша прикѣтился возлѣ миссъ Уильямсъ. Докторъ заявилъ, что онъ очень голоденъ, торопливо разлилъ супъ и, оказавъ гостямъ это вниманіе, принялся хлебать супъ большою ложкою прямо изъ миски.

— Старый скотъ!—пробормотала м-съ Гольтъ.—Отвратительно быть настолько богатымъ, чтобы все себѣ позволять!

Это замѣчаніе было единственнымъ, произнесеннымъ во время первой перемѣны. Никто не осмѣлился заговорить, покуда не заговоритъ хозяинъ, а тотъ былъ слишкомъ занятъ удовлетвореніемъ своего аппетита.

Обѣдъ оказался изысканнымъ,—д-ръ Уэбстеръ оставлялъ свои экономическія соображенія у дверей кухни,—но роскошь стола не радовала сердца гостей. Они вздыхали при мысли о томъ, сколько времени имъ придется потратить на каждую „перемѣну“.

Докторъ, нарѣзавъ каплуновъ большими порціями, принялся за ѣду и, уже насытившись, заговорилъ тономъ, не терпящимъ возраженія:

— Кливлендъ будетъ снова избранъ. Слышите? У Гаррисона нѣтъ никакихъ шансовъ. Чтò вы сказали?

Его густыя брови сдвинулись; ему послышались возраженія, и онъ возвысилъ голосъ.

— Вы сказали, что его не выберутъ, Джонъ Гольтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отпѣкивался м-ръ Гольтъ, бывший ярымъ республиканцемъ.

— Ну, если я только узнаю, что вы подали голосъ за Гаррисона... Вы полагаете, я не буду знать, къ чьей партіи вы принадлежите? Ошибаетесь, господа! Запомните мои слова, Гольтъ, если только вы станете вотировать за республиканца...

Онъ сдѣлалъ зловѣщую паузу и даже скрипнулъ челюстями. Гольтъ дрогнувшею рукою взялся за стаканъ съ виномъ. У него съ докторомъ были денежные счеты.

— Республиканская партія не существуетъ, — вмѣшался

чей-то медовый голосъ, и плотный человѣкъ съ искательнымъ выраженіемъ лица обратился въ сторону хозяина:—не стоитъ упоминать о ней, докторъ. А что вы думаете относительно урожая пшеницы?

— Никогда не бывало лучшаго, никогда! Говорятъ, что на сѣверѣ хлѣба плохи, но этого не можетъ быть. Газеты лгутъ. Не вѣшайте носа, Микеръ. Я этого не люблю.

— Газетныя извѣстія очень неутѣшительны,—замѣтилъ нервный и желчный господинъ сумрачнаго вида, — и эти ранніе дожди...

— Не противорѣчьте мнѣ, сэръ! — крикнулъ Уэбстеръ:—хлѣба не могутъ быть плохи. Они были хороши восемь лѣтъ сряду. Съ чего бы имъ не уродиться нынче?

— Конечно, съ чего бы имъ быть плохими?—пробормотала жертва;—я радуюсь вашимъ добрымъ предсказаніямъ.

— Я слышала, что въ Виргиніи открыли новую золотоносную жилу,—вставила м-съ Гольтъ.

— Вздоръ!—снова закричалъ деспотъ. Тяжелая серебряная вилка съ гербомъ испанскихъ гидальго со звономъ выпала у него изъ руки на тарелку.—Въ приискѣ все перегнило, какъ въ старомъ легкомъ. Тамъ не осталось и пригоршни порядочной руды. Золотоискателямъ нечѣмъ таять поживиться. Вы не вздумали производить изслѣдованій, надѣюсь?

Его хорьковые глаза подозрительно перебѣгали отъ одного къ другому.

— Если вы это сдѣлали, вы никогда не переступите моего порога. Я не одобряю такихъ предпріятій, и это вамъ извѣстно.

Гости единогласно посѣщили опровергнуть такое предположеніе.

— Творецъ небесный!—прошепталъ юноша, обращаясь къ Абигайль:—неужели онъ всегда такой? Но развѣ у этихъ людей вѣтъ ни капельки самоуваженія?

— Они привыкли къ нему. Это продолжается годами. Дома у озера считаются аристократическою частью города, и обитатели ихъ занимаютъ привилегированное положеніе; а такъ какъ онъ не соглашается продать дома, люди позволяютъ ему командовать собою, что онъ цѣнитъ еще болѣе, чѣмъ свое богатство. Но есть и другая причина. Они надѣются, что онъ откажетъ имъ по духовному завѣщанію свои дома, и, конечно, они заслуживали бы этого. Еще въ то время, когда у нихъ не было собственныхъ экипажей, они въ дождь и вѣтеръ, не говоря уже о жарѣ, каждое воскресенье являлись сюда играть съ нимъ на

биллиардѣ, слушать его безконечные, постоянно повторяемые рассказы о Калифорніи и ея прошломъ. За всѣ эти года они никогда, ни разу не дерзнули ему противорѣчить. Они все время надѣялись, что онъ умретъ, а онъ еще живъ и топчетъ ихъ ногами, и теперь имъ уже не освободиться изъ-подъ его ига. Они отводятъ душу лишь тѣмъ, что бранятъ его за глаза.

— Все это мнѣ кажется отвратительнымъ.

Его независимый образъ мыслей понравился миссъ Уильямсъ.

— Хотѣлось бы мнѣ „срѣзать“ этого стараго рабовладѣльца!—сказалъ онъ.

— Пожалуйста, не дѣлайте этого!

Она со страхомъ ждала минуты, когда д-ръ Уэбстеръ сочтетъ нужнымъ обратить свое вниманіе на новичка.

Онъ громко разсмѣялся.

— Какъ? Вы до такой степени его боитесь? Вѣдь онъ не бьетъ васъ?

— Не то. Самая его личность — въ связи съ силою привычки—пугаютъ меня.

— Ну-съ, м-ръ Струбриджъ,—воскликнулъ д-ръ Уэбстеръ, внезапно обращаясь къ юношѣ,—что вы намѣрены сдѣлать для міра? Я слышалъ, вы только-что окончили курсъ въ университетѣ, а всѣ университетскіе не стоятъ ни гроша.

Струбриджъ вспыхнулъ, прикусилъ губу, но сдержался...

— Не стоятъ ни гроша!—гремѣлъ докторъ, раздраженный надменнымъ видомъ молодого человѣка.—Теперь они даже не корпятъ надъ книжками, а заняты однѣми гонками да игрою въ футболъ. Съ этимъ не составишь себѣ состоянія въ дѣвственной странѣ. Есть у васъ собственныя деньги?

— Отецъ мой—если вы желаете это знать—богатый человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—джентльменъ,—отвѣтилъ Струбриджъ съ негодованіемъ оскорбленнаго человѣка, сознающаго, что онъ не обладаетъ даромъ холодной, рѣзкой насмѣшливости и можетъ потерять самообладаніе:—онъ получилъ свое состояніе по наслѣдству, и потому не былъ вынужденъ отправиться въ дѣвственную страну и сдѣлаться дикаремъ,—вдругъ выпалилъ онъ.

М-ръ Гольтъ многозначительно наступилъ подъ столomъ ногою на ногу Струбриджа. Миссъ Уильямсъ трепетала отъ ужаса и восхищенія; остальные гости съ ужасомъ смотрѣли на юношу. Еще впервые въ исторіи Уэбстеръ-Голла на стараго медвѣдя рискнули напасть въ его берлогѣ.

— Сэръ! Сэръ!—захлебнулся Уэбстеръ и затѣмъ загремѣлъ:

— Кто позвалъ сюда этого молокососа? Кто вамъ далъ позво-

леніе приводить своихъ знакомыхъ ко мнѣ въ домъ? Какъ вы смѣете, какъ вы смѣете, сэръ, говорить со мною такимъ образомъ? Да знаете ли вы?..

— Все знаю!—воскликнулъ, не владѣя собою, юноша:—Вы—невоспитанный, гордащійся своими деньгами, старый деспотъ, котораго, не будь у него этихъ гнусныхъ денегъ, не посадили бы ни за одинъ столъ въ Калифорніи.

Онъ отодвинулъ свой стулъ и всталъ.

— Прощайте, сэръ. Я сожалею о васъ. У васъ нѣтъ на свѣтѣ ни одного друга. Извиняюсь также за мою грубость. Единственное мое извиненіе—въ томъ, что я не могъ сдержаться.

И онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Съ его уходомъ для Абигайлъ погасъ послѣдній лучъ свѣта. Перепуганные гости съ лихорадочною энергіей набросились на пищу. Д-ръ Уэбстеръ тупо уставился на дверь, въ горлѣ его слышались какіе-то ровочущіе звуки. Нѣкоторое время онъ молчалъ, а когда снова заговорилъ, о юномъ Строубриджѣ не было больше и помину.

Обращеніе его получило болѣе мягкій оттѣнокъ; онъ былъ словно пришибленъ, хотя не подавалъ вида, что считаетъ себя униженнымъ.

Наконецъ томительный обѣдъ окончился. Дамы отправились съ миссъ Уильямсъ пить чай въ гостиную, гдѣ онѣ никакъ не могли удобно устѣться на скользкой клеенчатой мебели и поминутно сползали съ сидѣнья. Мужчины удалились съ докторомъ въ бильярдную, гдѣ онъ битыхъ три часа морилъ ихъ разсказами о своей прежней непобѣдимости.

Въ ту же ночь, на огромной кровати краснаго дерева, на которой онъ впервые увидѣлъ свѣтъ, д-ръ Уэбстеръ мирно опочилъ на вѣки.

II.

Не только жившіе у озера, но и городскіе обыватели, занимавшіе какое-либо общественное положеніе, присутствовали на похоровахъ. По случаю нездоровья миссъ Уэбстеръ, ея представительницею явилась компаньонка. Озерная аристократія шла во главѣ процессіи, непосредственно за дорогимъ гробомъ. Лица присутствовавшихъ давали собою богатый матеріалъ для наблюденія. Послѣ того какъ миссъ Уильямсъ обмѣнялась привѣтствіями съ гостями, къ ней подошелъ Строубриджъ и шепнулъ ей:

— Я все время жаждалъ сказать кому-нибудь изъ его близкихъ, какъ мнѣ жаль, что я былъ тогда такъ несдержанъ и наговорилъ лишняго! Бѣдный старикъ! Скажите, что вы прощаете меня!

Глаза ея слегка улыгнулись изъ-подъ покраснѣвшихъ вѣкъ.

— У него было доброе сердце,—отвѣтила она:—безъ сомнѣнія, онъ простилъ бы вамъ.

Началась длинная, утомительная церемонія. Не взирая на дождь, громадная толпа провожала мѣстнаго царька на кладбище. Въ качествѣ самаго близкаго человѣка, миссъ Уильямсъ ѣхала въ каретѣ тотчасъ же вслѣдъ за гробомъ. Во время долгаго пути она усердно старалась заглушить въ своемъ сердцѣ ни на чемъ не основанную надежду.

Два дня спустя, толпа дѣловыхъ людей, пріѣхавшихъ изъ столицы съ поѣздомъ, ожидавшимъ прибытія парохода, была встрѣчена, какъ всегда, криками мѣстныхъ продавцовъ газетъ, которыхъ ожидала въ этотъ вечеръ рѣдкая пожива. Они выкрикивали во всю силу своихъ рѣзкихъ мальчишескихъ голосовъ:

— Завѣщаніе д-ра Гирама Уэбстера! Подробный отчетъ о послѣдней волѣ д-ра Гирама Уэбстера!—Минуту спустя, скамьи вагона исчезли подъ грудой газетныхъ листовъ. Еще минута—и всѣ эти листки вмѣстѣ съ апельсинными корками и орѣховою скорлупою уже летѣли изъ окошекъ. Человѣкъ десять, буквально, побѣлѣли и лица ихъ вытянулись. Это были озерные аристократы, глубоко разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ.

Гирамъ Уэбстеръ все до гроша оставилъ сестрѣ.

Цѣлыхъ двѣ недѣли оскорбленные друзья не показывались у наслѣдницы. Ударъ былъ слишкомъ силенъ. Наконецъ чувство приличія и нѣкоторая доза философіи—превозмогли. Явился и расчетъ: быть можетъ, въ скоромъ времени миссъ Уэбстеръ тоже сдѣлаетъ завѣщаніе. Миссъ Уэбстеръ любезно приняла ихъ. Глаза ея были красны, но траурное платье—очень богато: они еще не видали такого богатаго траура. Они замѣтили также, что она высоко держала свою сѣдую голову: такой надменности никто не замѣчалъ въ ней ранѣе,—она была пріобрѣтена ею за послѣднія двѣ недѣли. Не то чтобы наслѣдница отнеслась къ нимъ покровительственно, но во всякомъ случаѣ обладаніе четырьмя милліонами она, видимо, оцѣнила по достоинству.

Строубриджъ отправился искать миссъ Уильямсъ. Ея не было въ комнатѣ. Онъ вышелъ въ садъ и увидѣлъ ее идущею изъ кладовой. На ней было платье изъ чернаго альпага и темный передникъ; лицо казалось усталымъ и грустнымъ.

„Что за безнадежное выраженіе!—подумалъ онъ:—что бы стоило этому старому скрягѣ обезпечить ее и сдѣлать независимымъ человѣкомъ! Какъ лицо ея можетъ оживляться! Она кажется почти молодою“...

Она просіяла, увидѣвъ его, и пошла къ нему навстрѣчу. Когда онъ освѣдомился о ея здоровьи и сказалъ, что искалъ ее—она улыбнулась и слегка покраснѣла. Они присѣли на ступеняхъ и принялись бесѣдовать, покуда приближающіеся голоса не дали имъ знать, что визиту и удовольствію—конецъ. Абигайлъ, сама не понимая, какъ это случилось, созналась ему въ постигшемъ ее горькомъ разочарованіи: она попрежнему въ зависимости и прикована къ мрачному дому у озера. А ей такъ хотѣлось бы путешествовать, посѣтить мѣста, о которыхъ она знаетъ изъ книгъ докторской бібліотеки!

Уже проводивъ гостя, она со стыдомъ вспомнила объ этой откровенности передъ постороннимъ. При своей гордой сдержанности она вдругъ такъ разоткровенничалась! Но она никогда не встрѣчала болѣе симпатичнаго человѣка.

Комментаріи посѣтителей были многочисленны.

— Честное слово!—воскликнула м-ссъ Гольтъ:—Маріана Уэбстеръ, кажется, начинаетъ дурить на старости лѣтъ!

— При четырехъ милліонахъ это простительно,—сказалъ со вздохомъ м-ръ Микеръ.

— Вѣдь это платье стоитъ триста долларовъ, ни копѣйки меньше,—замѣтила другая дама,—и она примѣряла его четыре раза. Очевидно, она еще можетъ утѣшиться въ своемъ сиротствѣ.

Миссъ Уэбстеръ продолжала давать пищу толкамъ. Мѣсяцъ спустя, м-ссъ Микеръ вбѣжала къ м-ссъ Гольтъ съ восклицаніемъ:

— Слышали? Старая миссъ Уэбстеръ отдѣлываетъ домъ заново—сверху до низу. Я зашла туда и застала полный хаосъ. Томсону поручено написать фрески... Вы только подумайте, фрески! Миссъ Уэбстеръ заявила, что она отложила свои приемы до тѣхъ поръ, покуда все не будетъ готово. Она намѣрена „показать намъ себя“.

М-ссъ Гольтъ выронила вышивку для дѣтскаго покрывала изъ рукъ.

— Да вы не шутите?—Гиравъ встанетъ изъ могилы!

— Вотъ подождите. Не напрасно она ждала всѣ эти годы.

Дѣйствительно, не напрасно. Отъ неожиданной, поразительной перемены въ ея жизни—у нея голова пошла кругомъ. Путешествія не привлекали ее, но всю жизнь она безумно жа-

жадала роскоши. Она повторяла Абби, что, быть можетъ, ей недолго осталось жить, но за это время ея богатство должно доставить ей все, чего когда-либо жаждала ея душа.

По окончаніи работъ въ домѣ, мѣстная аристократія получила карточки съ широкою черною каймою, на которыхъ значилось, что миссъ Уэбстеръ принимаетъ по четвергамъ отъ четырехъ часовъ, и въ слѣдующій же четвергъ въ домѣ собралось не менѣе народу, чѣмъ было на похоронахъ.

— Не узнать этой старой казармы! — шептались посѣтители.

Окна были задрапированы дорогимъ кружевомъ и атласомъ, стѣны украшены фресками, изображающими розовыхъ ангеловъ въ облакахъ, коверъ — блѣдно-голубой бархатный, вся мебель — голубая атласная; столы — дорогого дерева, съ инкрустаціями изъ серебра.

Въ вестибюлѣ лежали персидскіе ковры, стѣны были задрапированы восточными тканями. Въ открытыя двери виднѣлась бібліотека со стѣнами, обтянутыми кожей, книжными шкапами, бронзовыми и мраморными бюстами. Старую лабораторію доктора превратили въ столовую, гдѣ былъ сервированъ тонкій завтракъ.

Миссъ Уэбстеръ провела ихъ наверхъ, въ изящно отдѣланныя спальни. Но когда гости переступили порогъ ея собственнаго дѣвическаго будуара, они прямо разинули ротъ, и это одно спасло ихъ отъ неумѣстнаго смѣха.

Это была комната модной красавицы.

Стѣны исчезали подъ розовую шолковую матерію и тонкимъ кружевомъ. Бѣлая эмальированная кровать и туалетъ драпировались такою же тканью. По бѣлому фону ковра разсыпались аллыя розы, флаконы на туалетѣ сверкали золотомъ и хрусталемъ. Въ углу стояло трюмо, освѣщенное двумя лампами подъ розовыми абажурами.

Всѣ замѣтили одну смѣшную сторону, но скрытой подъ нею трагедіи — никто.

Кабинетъ доктора остался нетронутымъ. Нѣжныя воспоминанія и дорого стоящее красное дерево спасли его. Комната миссъ Уильямсъ также была прежняя, но обладательница ея принимала гостей въ новомъ черномъ шолковомъ платьѣ. Миссъ Уэбстеръ вся утопала въ англійскомъ крепѣ; воротникъ и кушакъ платья были изъ матоваго стекляруса.

Этотъ день явился знаменательнымъ днемъ въ исторіи города.

У миссъ Уэбстеръ установились воскресные обѣды, на ко-

торые съѣзжалось къ семи часамъ избранное общество. Теперь ея приглашенія принимались всѣми безъ заглушенныхъ вздоховъ. Никогда общество не относилось къ одинокой женщинѣ съ подобнымъ вниманіемъ.

За каждымъ обѣдомъ она появлялась въ новомъ платьѣ. На третьемъ она ослѣпила гостей своими громадными бриллиантовыми серьгами. На четвертомъ — всѣ стали шептаться о томъ, что она прибѣгла для отдѣлки ногтей къ помощи маникюрстки. На пятомъ — для всѣхъ сдѣлалось мучительно замѣтно, что она сильно стянута. На шестомъ — у нихъ захватило духъ: миссъ Узбстеръ, очевидно, красилась. На десятомъ — гости окончательно онѣмѣли: на миссъ Узбстеръ былъ бѣлокурый парикъ.

— Пусть говорятъ, что хотятъ, — заявила она вечеромъ своей компаньонкѣ, сидя передъ зеркаломъ, которое отражало ея увядшія прелести: — у меня четыре милліона, и я могу поступать, какъ мнѣ угодно. Я впервые стала независима и хочу воспользоваться всѣми преимуществами моего богатства. Кому до этого дѣло?

— Никому, но это немножко смѣшно и должно вызывать толки.

— Пусть толкуютъ! — На минуту она сдѣлалась странно похожею на брата. — Что тутъ смѣшного, хотѣла бы я знать? Развѣ женщина не имѣетъ права быть молодою? Я была Гираму любящею сестрою и пожертвовала ему моею молодостью. Теперь онъ возвратилъ ее мнѣ, и я хочу ею воспользоваться.

— Вы не можете вторично сдѣлаться молодою.

— Годами — нѣтъ, но я могу имѣть всѣ связанныя съ молодостью преимущества.

— Не всѣ. Никто васъ не полюбитъ.

Миссъ Узбстеръ скрипнула вставными зубами.

— А почему бы нѣтъ? Неужели нѣсколько лѣтъ могутъ составить такую разницу? И большіе ли это года — семьдесятъ? Подумайте, сколько лѣтъ стоитъ міръ! Теперь у меня есть все, что дѣлаетъ женщину привлекательною: богатство, прекрасная обстановка, искусный уходъ. Я замѣчаю, что, благодаря отпариванію, морщины мои уже изглаживаются...

Она вдругъ отвернулась отъ зеркала и сверкнула глазами на компаньонку.

— Но я бы хотѣла быть въ вашихъ годахъ! На тридцать лѣтъ моложе! Какъ бы я этого хотѣла! Они увидѣли бы тогда!

Обѣ женщины смотрѣли другъ на друга долгимъ взглядомъ. Прежней любви не было въ ихъ сердцахъ и взорахъ. Въ нихъ,

наоборотъ, уже зарождалась безсознательная ненависть. Миссъ Уэбстеръ мучительно завидовала Абигайль, бывшей на четверть вѣка моложе ея, а та, въ свою очередь, завидовала старшей женщинѣ, имѣвшей возможность создавать себѣ иллюзію молодости и удовлетворять всѣ свои желанія.

Ложась спать, она горько плакала, повторяя себѣ, что она уйдетъ, наймется въ служанки, но больше здѣсь не останется.

На слѣдующій день она видѣла съ веранды, какъ миссъ Уэбстеръ садилась въ экипажъ. Запряжка и выѣздъ не имѣли равныхъ себѣ въ Калифорніи. Кучеръ и выѣздной были въ ла-вреѣ. Наслѣдница была въ матовомъ черномъ шелковомъ платьѣ съ стеклярусомъ. Большая шляпа съ перьями красовалась на ея рыжеватомъ парикѣ, оттъняая накрашенное, прикрытое вуалью лицо. Она держала кружевной зонтикъ въ обтянутой безукоризненной перчаткою рукѣ. На красивыхъ ногахъ были изящныя лакированныя ботинки.

— Старая дура! — прошептала Абби. — О, почему эти деньги — не мои? Я сумѣла бы помолодить себя, не дѣлая изъ себя посмѣшище.

Махнувъ рукою на домашнія дѣла, она спустилась къ озеру.

У красивыхъ пристаней стояло множество нарядныхъ лодокъ, казавшихся у мѣста подъ густыми старыми ивами. Лужайки искрились весеннею травою, повсюду видѣлись розы. Окна красивыхъ старинныхъ домовъ были открыты, и Абби уловила мельканіе бѣлыхъ платьевъ, тренканье мандолины, холодные, отчетливые звуки рояля и по временамъ — высокія сопрановыя ноты...

„Для нихъ неполученіе наслѣдства не составило, въ сущности, большой разницы“, — подумала она со вздохомъ.

Изъ дома Гольтовъ вышелъ въ балконную дверь какой-то молодой человекъ и сталъ спускаться къ озеру. Миссъ Уильямсъ узнала Струбриджа.

Она не видѣла его нѣсколько недѣль, но вспоминала о немъ въ самыя тяжелыя минуты, и, при видѣ его, сердце ея забилося.

„Я тоже дура, — подумала она: — будь я такъ же богата, какъ она, для меня все равно не было бы надежды. Я чуть не вдвое старше его“.

Онъ прыгнулъ въ лодку и сталъ грести. Поровнявшись съ Уэбстеръ-Голломъ, онъ поднялъ голову и замѣтилъ стоявшую на берегу Абби.

— Галло! — крикнулъ онъ, словно обращаясь къ шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. — Ну, что вы подѣлывали за всѣ эти годы? Садитесь, я васъ покатаю.

Онъ причалилъ лодку къ пристани и протянулъ Абби руку съ видомъ человѣка, не привыкшаго къ отказамъ. Она легко прыгнула въ лодку; черезъ минуту они уже скользили по озеру, и она невольно залюбовалась его стройною, крѣпкою фигурою въ джерси и свѣтлыхъ панталонахъ. Изъ-подъ фуражки съ козырькомъ улыбались его голубые глаза на загорѣломъ лицѣ. Она спрашивала себя: много ли найдется такихъ красивыхъ молодыхъ людей, но, въ сущности, онъ былъ симпатичнымъ юнымъ американцемъ, привлекательность котораго состояла въ простотѣ обращенія и добромъ сердцѣ.

— Нравится?—спросилъ онъ съ улыбкою.

— Очень. Гиравъ, въ прежніе годы, каталъ насъ по озеру, но когда онъ сердился, лодка такъ качалась, что мы боялись опрокинуться.

— Гиравъ былъ, должно быть, порядочнымъ вороньимъ пугаломъ.

— Чѣмъ?

— Извините. Вы не привыкли къ моему способу выраженія. Сѣверная манера.

Они объѣхали все озеро, останавливаясь по временамъ, для отдыха, въ густыхъ заросляхъ, гдѣ вѣтви ивъ образовали надъ гозовою сводъ.

Онъ все время говорилъ, описывая университетскую жизнь, гребные гонки и партіи въ футъ-боллъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Сначала онъ желалъ лишь развлечь одинокую старую дѣву, но она оказалась такою восхищенной и симпатизирующей слушательницей, что онъ забылъ о томъ, что она достойна сожалѣнія.

Прошелъ часъ, а вмѣстѣ съ нимъ—и поднявшаяся-было въ ея сердцѣ горечь. Ей уже не думалось, что она должна покинуть Уэбстеръ-Голлъ. Но она вспомнила о своихъ обязанностяхъ и съ сожалѣніемъ попросила его причалить лодку.

— Если это необходимо—хорошо,—сказалъ онъ,—но мнѣ очень жаль. Я какъ-нибудь заѣду за вами въ другой разъ. Очень вамъ признателенъ за то, что вы согласились со мною поѣхать.

— Признательны мнѣ? Вы? — проговорила она, когда онъ помогалъ ей выйти изъ лодки: — О, вы не знаете... — И, тихо разсмѣявшись, она быстро пошла къ дому.

Миссъ Уэбстеръ стояла на верандѣ. Брови ея были злобно сдвинуты.

— Отлично!—воскликнула она:—въ ваши годы вы путаетесь

съ мальчишками! Неужели вамъ не стыдно выставить себя на посмѣшище?

Абби почувствовала, какъ будто ее ударили по лицу. Но въ ней уже пробудился духъ независимости, порожденный удовлетвореннымъ тщеславіемъ.

— А развѣ вы не поѣхали бы, если бы васъ пригласили? — отпарировала она.

Миссъ Уэбстеръ повернулась къ ней спиною и ушла въ свою комнату; она закрыла за собою дверь и залилась слезами.

— Это выше моихъ силъ, — рыдала она, — ужасно съ моей стороны — возненавидѣть Абби послѣ столькихъ годовъ, прожитыхъ вмѣстѣ! Но эти тридцать лѣтъ разницы! Я отдала бы три милліона изъ четырехъ, чтобы стать такою, какъ она. Я думала, что и она старуха, но она молода. Въ сравненіи со мною она — ребенокъ. Я могла бы быть ея матерью. Нѣтъ, нужно вырвать изъ сердца это нехристіанское чувство...

Она послала чекъ пастору, затѣмъ позвонила выписанную ею изъ Нью-Йорка массажистку, специалистку по части отпариванія и массажа лица и приказала растирать себя.

У Стробриджа вошло въ привычку заходить къ миссъ Уильямсъ во всякое время. Иногда онъ заходилъ въ молочную и садился въ уголокъ у стола, покуда она наблюдала за паханьемъ масла. Онъ любилъ ея старомодную игру и часто просилъ ее сыграть что-нибудь на чудномъ новомъ роялѣ, стоявшемъ въ небесно-голубой гостиной. Иногда онъ приносилъ ей книги новыхъ авторовъ-мужчинъ и о мужчинахъ. У него было юношеское презрѣніе къ „сентиментальной“ литературѣ. Даже миссъ Уэбстеръ кончила тѣмъ, что полюбила его, отчасти потому, что онъ держалъ себя такъ, какъ будто оно и не могло быть иначе, отчасти потому, что его молодая жизнерадостность была совершенно неотразима. Она стала приглашать его на свои обѣды, и черезъ нѣсколько времени онъ уже шутилъ и дурачился съ нею, какъ съ дѣвочкой, что ей очень нравилось. Миссъ Уильямсъ онъ сердечно любилъ.

— Вы такой славный товарищъ, — говаривалъ онъ; — большинство дѣвушекъ страшно надоѣдаютъ, ни о чемъ нельзя съ ними поговорить, у нихъ на умѣ — только флиртъ и комплименты... Но въ васъ я все время чувствую товарища.

— Я привыкла къ роли компаньонки, — отвѣчала она.

Но въ первыхъ числахъ іюня онъ вернулся въ Бостонъ, и вмѣстѣ съ нимъ для одной женщины закатилось и солнце.

Жизнь въ старомъ домѣ шла обычнымъ порядкомъ. Всѣ при-

выкли видѣть миссъ Уэбстеръ помолодѣвшею, но, не взирая на четыре милліона, жениховъ у нея не находилось. Бездна между двумя женщинами становилась глубже. Каждую недѣлю Абби говорила себѣ, что она уйдетъ, но привычка была слишкомъ сильна. Каждую недѣлю миссъ Уэбстеръ повторяла себѣ, что выгнать компаньонку, но она не могла обойтись безъ нея и чувствовала себя прикованной къ ней всѣми фибрами своего стараго существа.

Строубриджъ вернулся на слѣдующее лѣто и тотчасъ же пришелъ къ миссъ Уильямсъ.

— Вы стали для меня однимъ изъ самыхъ близкихъ людей на свѣтѣ,—сказалъ онъ, стоя съ нею на верандѣ.—И я привезъ вамъ маленькій подарокъ,—если вы не разсердитесь. Я надѣялся, что вы не будете сердиться?

Онъ вынулъ изъ кармана футлярчикъ, надавилъ пружинку, и взорамъ ея предстали золотые часики съ короткою цѣпочкою.

Покушая ихъ, онъ оправдывался передъ собою тѣмъ, что она—гораздо старше его, притомъ они—друзья, и это—не такъ пошло, какъ подношеніе подарковъ красивымъ барышнямъ. Вѣдь она, бѣдняжка—старая дѣва... И все-таки, отдавая ей подарокъ, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что она не обидится.

Но его сомнѣнія оказались неосновательными. Абби съ сіяющимъ лицомъ смотрѣла на дорожную игрушку.

— Мнѣ—такая прелесть?—воскликнула она:—вы, дѣйствительно, купили ихъ для меня?

— Разумѣется, — отвѣтилъ онъ съ облегченіемъ;—вѣдь вы возьмете ихъ, не такъ ли?

— Конечно, возьму.

Она положила часы на ладонь и любовалась ими, а затѣмъ прикрѣпила ихъ къ своей блузкѣ, но тотчасъ же сняла.

— Нѣтъ, я буду носить ихъ только съ моимъ чернымъ шелковымъ платьемъ. Они не идутъ къ этому поряжѣлому альпага.

— Вотъ скряга-то, эта ваша цирковая наѣздница!..

— Тише, тише! Она можетъ услышать васъ. Пойдемте въ садъ.

Они прошли мимо лужаекъ, содержавшихся въ полномъ порядкѣ, мимо цвѣточныхъ влумбъ, и дошли до аллеи, по обѣимъ сторонамъ которой виднѣлись обремененныя спѣлыми плодами фиговыхъ деревья. Миссъ Уильямсъ разломила одну изъ фигъ пополамъ.

— У васъ въ Бостонѣ нѣтъ такихъ?

— Нѣтъ. А вкусны онѣ, если ихъ ѣсть прямо съ дерева?

— Попробуйте, — она протянула ему одну изъ двухъ половинокъ.

Онъ съѣлъ ее и еще дюжину другихъ, которыя она срывала для него. Струбриджъ смѣялся.

— Я точно школьникъ, объѣдающійся плодами. Какъ они вкусны! А теперь пойдемъ кататься.

Въ этотъ день ни одно зеркало въ домѣ не могло убѣдить ее въ томъ, что она — уже не та дѣвушка, которая пріѣхала сюда двадцать-четыре года тому назадъ. Вечеромъ она опустилась на колѣни возлѣ своей кровати, сжимая голову обѣими руками.

— Я знаю, что я сумасшедшая, — шептала она, — но вѣдь такія вещи случались на свѣтѣ... Еслибы только у меня была часть ея состоянія...

На слѣдующій день она пошла къ озеру, надѣясь и не смѣя себѣ въ этомъ сознаться, что онъ заѣдетъ за нею. Довольно будетъ съ нея — увидеть его. И она его увидѣла. Онъ проѣхалъ мимо съ Элиноръ Гольтъ, первою мѣстною красавицей. Взоръ его былъ прикованъ къ ея блестящимъ глазамъ и зарумянившемуся лицу. Онъ не замѣтилъ Абби.

Миссъ Уильямсъ вернулась домой съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто руки и ноги ея были парализованы и какая-то невидимая сила толкала ее впередъ. Неотложныя занятія по хозяйству не дали ей времени углубиться въ себя, а затѣмъ наступила реакція.

„Я съ ума сошла, — думалось ей: — долженъ же онъ оказать нѣкоторое вниманіе Элиноръ Гольтъ. Вѣдь онъ гоститъ у ея отца. Но онъ могъ бы взглянуть въ мою сторону“.

Ночью она не могла заснуть. Внезапно ее отвлекли отъ тяжелыхъ думъ странные, доносившіеся изъ сосѣдней комнаты звуки. Она осторожно отворила дверь.

Бѣлая фигура двигалась взадъ и впередъ, ломая руки; сѣдые волосы свѣшивались растрепанными прядями съ трясущейся головы.

— Все напрасно, — стонала она, — напрасно, напрасно, напрасно!.. Я слишкомъ стара. Семьдесятъ-четыре года, семьдесятъ-четыре! Боже мой, Господи! Пути Твои неисповѣдны. Аминь.

Абби поспѣшно заперла дверь. Она чувствовала, что передъ нею совершается трагедія, которую не должны видѣть человѣческіе глаза. Черезъ минуту она услышала за дверью шаги. Къ ней слабо постучались.

— Отдай мнѣ эти тридцать лѣтъ!—рыдалъ старческій голосъ:—они—моя! Ты украла ихъ у меня!

Волосы стали дыбомъ на головѣ Абби. Не сошла ли Маріана съ ума?

Но на слѣдующій день миссъ Уэбстеръ, завтракавшая въ постели, вышла одѣтою для катанья. На ней было свѣтло-сѣрое суконное платье; зонтикъ и шляпа гармонировали со всѣмъ туалетомъ, и лишь ея наружность являлась диссонансомъ.

„Жалкая карриатура!—подумала Абби. — Глядя на нее, я чувствую себя молодою“.

Недѣлю спустя, горничная, войдя въ обычный часъ въ комнату миссъ Уэбстеръ, не нашла ее тамъ. Госпожи ее нигдѣ не оказывалось. Горничная прибѣжала къ миссъ Уильямсъ, и онѣ обѣ принялись за поиски.

Ее нашли въ комнатѣ ея брата, на старой кровати красиваго дерева, на которой она родилась. Она была мертва. Ея сѣдые волосы были гладко причесаны подъ ночнымъ чепцомъ, руки сложены и отполированные ногти блестѣли въ сумракѣ комнаты.

Смерть ея была такая же тихая, какъ и смерть ея брата. Что привело ее сюда въ смертный часъ—осталось тайною ея загадочной старой души.

III.

Снова похороны, снова толпа провожатыхъ. На этотъ разъ никто не выказывалъ скорби, потому что не передъ кѣмъ было ее выказывать. Разговоры велись съ полною свободой. М-съ Гольтъ интересовалась тѣмъ, оставлено ли что-нибудь миссъ Уильямсъ?

— Безъ сомнѣнія, она получить порядочный кушъ. Никто не имѣетъ большихъ правъ на наслѣдство.

М-съ Гольтъ замѣтила, что на этотъ разъ и они, безъ сомнѣнія, получаютъ желаемое. Маріана дѣйствительно любила ихъ и у нея не было никакой родни—ближней или дальней. А пока она возьметъ на память хоть эту бездѣлушку.

И рѣшительно открывъ дверцы шкапчика, она достала изъ него миниатюрный серебряный чайникъ и сунула его въ свой кармашекъ.

Остальные беззвучно разсмѣялись.

— Вы поступили со свойственнымъ вамъ юморомъ, — сказала м-съ Микеръ, и тутъ же всѣ присутствовавшіе благоговѣнно склонили головы. Церемонія началась.

Два дня спустя, миссъ Уильямсъ безпокойно ходила взадъ и впередъ по верандѣ, ожидая вечерней газеты. На этотъ разъ она уже не пыталась обманывать себя. Она съ нѣжностью думала о покойной, но съ нетерпѣніемъ жаждала узнать о томъ, какое положеніе въ свѣтѣ займетъ она согласно послѣдней волѣ миссъ Уэбстеръ?

Нѣсколько разъ она собиралась переѣхать въ гостинницу, но какъ ни ненавидѣла она это мѣсто, долголѣтняя привычка приковывала ее здѣсь. Она чувствовала, что не уйдетъ, покуда ее не выселятъ отсюда законнымъ порядкомъ.

„Мнѣ въ теченіе десяти мѣсяцевъ не выдадутъ капитала, — думала она, — но я могу получать проценты или занять накопекъ“.

Въ концѣ аллеи показался мальчикъ съ кипой газетъ. Онъ очень спѣшилъ. Абби не могла дольше сдерживаться, она побѣжала къ нему навстрѣчу, и онъ, ловко кинувъ ей одинъ изъ листовъ, помчался далѣе. Она схватила газету, взбѣжала къ себѣ наверхъ и заперлась. На мигъ ей сдѣлалось дурно. Затѣмъ она быстро развернула газету. Долго искать не пришлось: отчетъ о завѣщаніи такой особы, какъ миссъ Уэбстеръ, занималъ главное мѣсто. Изложеніе его заняло цѣлый столбецъ, а напечатанное крупнѣйшимъ шрифтомъ заглавіе гласило:

„Завѣщаніе миссъ Маріаны Уэбстеръ.“

„Она оставила свое громадное состояніе на дѣла благотворительности.“

„Четыре милліона—цѣна вѣчной славы.“

„Наслѣдниковъ нѣтъ“.

Все завертѣлось вокругъ забытой женщины. Она вдругъ ослабѣла и похолодѣла. Все еще не выпуская газеты изъ руки, она упала на полъ. Черезъ минуту она разостлала ее на полу и впиалась глазами въ прыгающія буквы. Имя ея не упоминалось. Роковыя „тридцать лѣтъ“ одержали побѣду надъ преданностью цѣлой жизни. Старая женщина отомстила.

Облегчающихъ слезъ не было. Абби лишь повторяла, задыхаясь: „Какъ она могла?.. Какъ у нея хватило духу? Не все ли ей было бы равно? А я? Боже мой, что же станетъ со мною?“ На время она забыла о Строубриджѣ, а когда вспомнила о немъ, ей представилось, какъ онъ улыбается, глядя въ глаза Элиноръ Гольтъ. Ея иллюзія въ мигъ разсѣялась при соприкосновеніи съ жестокою дѣйствительностью. Прочти она въ той же газетѣ о его помолвкѣ — она не удивилась бы. Теперь она знала, что влекло его въ Калифорнію. Множество мелочей, не замѣченныхъ

ею сначала, образовали звенья цѣпи, соединившей молодых людей.

„Безумная! — пронеслось у нея въ умѣ: — но нѣтъ, слава Богу, что у меня была хотя эта мечта—единственная за сорокъ-три года!“

Дѣвушка постучалась къ ней въ дверь съ докладомъ объ обѣдѣ. Она отослала ее. Много часовъ она пролежала въ темнотѣ на полу. Взошли звѣзды, поднялся надъ озеромъ вѣтеръ, и вѣтви ивъ зашелестѣли на крышѣ. Въ половинѣ ночи она поднялась на ноги, члены ея затекли и онѣмѣли; она открыла дверь и прислушалась, огни погасли, все въ домѣ было тихо. Она дотопталась до комнаты миссъ Уэбстеръ, зажгла лампы, и будуаръ сразу наполнился мягкимъ розоватымъ свѣтомъ. Она распустила передъ зеркаломъ волосы и принялась завивать ихъ лежавшими на туалетѣ щипцами, и такъ какъ они съ непривычки распадалась—пригладила ихъ щеткою съ душистымъ фиксажемъ. Но лицо подъ пышною прическою оставалось блѣднымъ, увядшимъ...

Тогда она достала косметики миссъ Уэбстеръ: цѣлый ассортиментъ флаконовъ и банокъ. Она набѣлилась, затѣмъ нарумянилась, подчеркнула рѣсницы, провела палочкою губной помады по блѣднымъ губамъ. Она причесала свои густые мягкіе волосы и заложила ихъ греческимъ узломъ, сбросила свое черное платье и надѣла взятое ею изъ гардероба великолѣпное бѣлое атласное платье съ четырехугольнымъ вырѣзомъ, заполненнымъ кружевами, скрывавшими морщинистую шею покойной. Затѣмъ она надѣла туфельки на французскихъ каблучкахъ, натянула, длинныя до локтя перчатки и посмотрѣлась въ зеркало.

Глаза ея сверкнули. Въ мягкомъ розовомъ свѣтѣ бѣлила и румяна казались бѣлизною и румянцемъ молодости,—она была почти прекрасна.

— Вотъ какою могла бы я быть безъ помощи искусственныхъ прикрасъ, если бы я жила при другихъ условіяхъ, — сказала она, обращаясь къ своему изображенію: — мнѣ еще долго бы онѣ не понадобились, а если бы и понадобились, я сумѣла бы употребить ихъ какъ слѣдуетъ. Въ сорокъ-три года я не была бы старухою. Даже теперь, даже теперь, если бы я была богата и—счастлива...

Она наклонилась ближе къ зеркалу и погрозила своему изображенію:

— Когда двадцать-пять лѣтъ тому назадъ я получила письмо изъ этого дома—лучше бы я разорвала его на клочки, хотя у меня не было ни гроша за душою! Лучше бы я сдѣлалась про-

дажною женщиною, слышишь? Ничто, ничто не можетъ быть хуже безполезной, безсодержательной, похожей на стоячее болото жизни! Я просуществовала сорокъ-три года на этомъ дивномъ, богатомъ, полномъ разнообразія свѣтѣ, но я могла бы съ такимъ же успѣхомъ со-всѣмъ не жить. Природа богато одарила меня своими инстинктами; я могла бы быть любящею женою, счастливою матерью, даже—веселой, беззаботной прелестницей. Я предпочла бы, конечно, первое, но было бы лучше, если бы мнѣ даже суждено было второе. У меня все же были бы года удовольствій, волненій, я бы все-таки жила...

Она говорила спокойно, тономъ отвлеченныхъ разсужденій, и вдругъ, рѣзко отвернувшись отъ зеркала, пошла къ двери, вернулась, набросила на голову шарфъ изъ легкой ткани и при-крѣпила его красивыми шпильками.

Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ она молча смотрѣла на себя глазами, которые словно ничего не видѣли. Затѣмъ она вышла изъ дому и спустилась въ озеру.

На слѣдующее утро обитателямъ ранчо стала извѣстною тра-гедія, совершившаяся въ Уэбстеръ-Голлѣ.

Трагедія, происходившая въ душѣ ея, осталась для нихъ тайной.

Съ англ. О. Ч.

ХОЗЕ ДЕ ПЕРЭДА

О ЧЕРКЪ

ИЗЪ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

При всей раздробленности направлений современной испанской литературы, разнообразіи партійныхъ интересовъ, которыхъ она является въ значительной степени выразительницей, реалистическій романъ обладаетъ наибольшею устойчивостью и имѣетъ крупныхъ представителей, одинаково высоко цѣнимыхъ всѣми партіями. Первое мѣсто, по общему признанію критики и публики, въ современномъ реалистическомъ романѣ принадлежитъ Перэдѣ. Вся грамотная Испанія считаетъ его первокласснымъ писателемъ, а его слава и популярность, которыхъ онъ не добивался, перешли далеко за предѣлы Пиренейскихъ горъ. Перэда превосходно хранитъ завѣты лучшихъ испанскихъ реалистовъ, съ Сервантесомъ во главѣ. Благодаря Перэдѣ, испанскій провинціальный романъ возвысился до уровня, неизвѣстнаго въ Европѣ, а забытая и игнорируемая жизнь испанскаго простолюдина сдѣлалась родной и дорогой всякому интеллигентному испанцу. Художественное перо Перэды открыло родники бьющей свѣжей и чистой струей народной жизни и увѣковѣчило бѣдныхъ моряковъ и горцевъ Кантабріи, а потому слѣдуетъ присоединиться къ мнѣнію испанскаго критика Менендеса-и-Пелайо, и признать, что, какъ художникъ, Перэда долженъ занять непосредственное мѣсто послѣ Сервантеса; въ области романическаго творчества никто изъ современниковъ не въ состояніи съ нимъ соперничать. Постараемся представить читателю посильную характеристику Перэды какъ романиста, пользуясь собраніемъ его сочиненій въ шестнадцати объемистыхъ томахъ.

I.

Перэда никогда не искалъ ни славы, ни популярности. Онъ не искалъ ни разнообразія впечатлѣній, ни простора столичной жизни, мало интересовался сосѣдями, не увлекался модными литературными направленіями и проводилъ и проводить свою довольно продолжительную жизнь (р. 1847 г.) тамъ, гдѣ впервые увидѣлъ Божій свѣтъ, въ родномъ Сантандерѣ, среди давно знакомыхъ впечатлѣній, гордый и независимый, окруженный любовью горцевъ и моряковъ, которыхъ онъ прославилъ. Романистъ смотритъ съ чувствомъ извѣстнаго пренебреженія на суету столичной жизни, погоню за честолюбивыми и тщеславными интересами, борьбу партій и свѣтскую суетолюку. Убѣжденный католикъ и карлистъ, словами и дѣломъ доказавшій свою преданность претенденту, Перэда обладаетъ несложнымъ, но стройнымъ политическимъ міросозерцаніемъ, считается консерваторомъ и сторонникомъ устоевъ старой испанской жизни. Однако, отсутствіе прогрессивной политической программы, сосредоточенныя въ себѣ династическія и религіозныя чувства не мѣшаютъ обладать Перэдѣ, какъ художнику, чрезвычайно широкимъ горизонтомъ, открывающимъ ему глубокіе тайники природы и челоуѣка — и придаютъ фигурѣ романиста цѣльность и скульптурную выпуклость. Къ тому же современная Испанія отличается чрезвычайною толерантностію отношеній партій, и испанскій консерваторъ не представляетъ такой опасности для существованія другихъ направлений, какъ наши пресловутые „охранители“. У Перэды въ его отечествѣ нѣтъ ни завистниковъ, ни хулителей. Его собратія по оружію — не менѣе извѣстные, хотя менѣе талантливые, Валера, Гальдосъ, Эмилиа Басонъ, Ибаньесъ, Вальдесъ — относятся къ нему съ чувствомъ глубокой симпатіи и восхищенія, и даже царствующая въ Испаніи династія отличаетъ высокими наградами за литературныя заслуги приверженца донъ-Карлоса.

Кругъ идей Перэды, если не имѣть въ виду художественной сферы, нельзя назвать широкимъ; его философія кажется намъ неглубокой. Но его міросозерцаніе поражаетъ своею ясностью и опредѣленностью. Патриархальный складъ ума Перэды, его любовь къ прошлому, вѣскольکو глумливое и насмѣшливое отношеніе къ успѣхамъ современной культуры и цивилизаціи, находятся въ полной гармоніи съ его религіозными и политическими убѣжденіями. Почти не разставаясь съ родными горами и мо-

ремъ, прекрасно понимая и чувствуя родную среду, Перэда является творцомъ своей среды и природы, и онъ достигъ на этомъ поприщѣ чрезвычайно важныхъ, единственныхъ въ своемъ родѣ результатовъ. Забытая природа, забытые люди пріобрѣли благодаря Перэдѣ интересъ для всякаго интеллигентнаго читателя. Однако, несмотря на цѣльность литературнаго творчества Перэды, мы можемъ и у этого романиста отмѣтить періоды уклоненій въ сторону социально-бытового, такъ сказать общественнаго романа и даже направленія прямо тенденціознаго.

Эти опыты не увеличили сокровищницы художественнаго творчества Перэды и не расширили значительно его философское и научное міросозерцаніе, но, что особенно существенно, они выяснили для него и другихъ силу и особенность его таланта. Попробуемъ познакомиться съ наиболѣе выдающимися трудами Перэды, твердо помня, что этотъ блестящій писатель вполне неизвѣстенъ нашей публикѣ.

Мы сказали — онъ началъ свою литературную дѣятельность тамъ, гдѣ началъ жизнь — въ Сантандерѣ. Онъ росъ на лонѣ природы, прекрасной и грозной, — горы и море, — въ тѣсномъ обществѣ, несмотря на свое положеніе богатаго наслѣдника, съ народомъ, раздѣляя свой дѣтскій досугъ съ уличными мальчишками, типы которыхъ онъ такъ прекрасно изобразилъ въ одномъ изъ своихъ рассказовъ. Мальчикомъ онъ посѣщалъ городскую школу, гдѣ главнымъ предметомъ была латынь, и раздѣлялъ всѣ ужасы тираніи учителя Бернабе, тирана и палача въ школѣ и добрыйшаго человѣка внѣ уроковъ.

Слѣдуя желанію отца, Перэда, по окончаніи курса въ среднемъ учебномъ заведеніи, отправился въ высшее инженерное училище въ Мадридѣ, гдѣ успѣшно занимался и принималъ живое участіе въ литературномъ движеніи столицы, особенно же пристрастился къ театру. По окончаніи ученья, Перэда вернулся въ родное гнѣздо, занялся дѣлами имѣнія и литературой. Кратковременное его пребываніе въ Мадридѣ въ качествѣ депутата, парламентская дѣятельность — еще болѣе расхолодили Перэду по отношенію къ столицѣ и ея интересамъ.

По возвращеніи въ Сантандеръ, романистъ почти безвыѣздно живетъ въ этомъ городѣ.

Первые опыты Перэды были приняты вполне радушно не только провинціальной публикой, но и столичной; каждый романъ увеличивалъ славу и извѣстность Перэды, и въ непродолжительное время скромный сѣверянинъ сталъ гордостью и красой Испаніи.

Критика, представляющая собою слабое мѣсто въ испанской литературѣ, отнеслась къ начинающему писателю, за немногими исключениями, весьма благопріятно.

Съ полнымъ основаніемъ причислили Перэду къ реалистамъ лучшей школы, продолжателямъ лучшихъ преданій кастильской литературы. Благодаря Перэдѣ, умалилось модное вліяніе французскаго натурализма, и онъ много способствовалъ въ своемъ отечествѣ оздоровленію и очищенію литературнаго вкуса.

Уже въ первыхъ своихъ очеркахъ Перэда оказался на высотѣ художественнаго творчества. Главныя особенности его замѣчательнаго таланта сразу опредѣлились. Сильной и сочной кистью рисовалъ Перэда міръ своихъ согражданъ. Рука его не дрогнула, когда приходилось живописать простыя, но преисполненныя трагизма сцены. Виѣстъ съ тѣмъ, всѣ чувствовали, что романистъ влюбленъ въ сюжеты своихъ рассказовъ, любитъ любовью зрѣлаго и вполне объективнаго художника. Уже въ первыхъ рассказахъ опредѣлилась тонкая наблюдательность автора, его искренній юморъ, напоминающій юморъ Сервантеса, хотя менѣе мягкій и безобидный, часто переходящій въ сарказмъ. Далѣе, вполне яснымъ стало мастерство Перэды въ области языка, изъ котораго онъ умѣлъ извлечь сказочное богатство оттѣнковъ, художественно соединивъ діалектическія особенности со стройностью классической, академической рѣчи.

Главнымъ наставникомъ и вдохновителемъ Перэды была его среда, которую онъ превосходно зналъ и понималъ. Жизнь и врожденный талантъ воспитали его музу. Книжныя и внѣшнія вліянія на Перэду были весьма несложны и не всегда благотворны. Испанскіе классики, съ Сервантесомъ во главѣ, народная повѣствовательная литература—благотворно вліяли на талантъ Перэды. Перечитывая испанскую новеллистику XV и XVI ст., романистъ долженъ былъ восторгаться прелестями композиціи и эпической красотой слога. Вліянія современныхъ Перэдѣ романистовъ, испанскихъ и французскихъ, сказались на немъ отрицательными сторонами. Таковы были вліянія, напр., Бальзака, Фелье и Гальдоса. Романами Перэды, написанными на *тему*, мы обязаны впечатлѣніями, воспринятыми романистомъ въ модныхъ вѣяніяхъ. Къ счастью, этотъ подражательный періодъ продолжался весьма недолго, и Перэда вновь попалъ на путь своего истиннаго призванія и подарилъ читателямъ близкія къ совершенству повѣсти вроде „Sotileza“ ¹⁾ и „La Puchera“ ²⁾.

¹⁾ Имя собственное.

²⁾ Названіе кушанья.

Мелкіе рассказы Перэды составляютъ четыре объемистыхъ тома, т.-е. четвертую часть всего написаннаго романистомъ. Въ качественномъ отношеніи эти рассказы заключаютъ лучшіе элементы дарованія Перэды. Особенную извѣстность приобрѣлъ его сборникъ „Горныя сцены“ („Escenas montaňesas“). Онъ состоитъ изъ рассказовъ самаго разнообразнаго содержанія. Рядомъ съ остроумной живой жанровой картиной, мѣткимъ анекдотомъ, бытовымъ элементомъ, вы встрѣчаете захватывающіе драматизмомъ изложенія рассказы, каковы „Отплытіе“, „Конецъ расы“. Если бы кромѣ этихъ рассказовъ Перэда не написалъ ничего—его слава, какъ новеллиста, все же покоилась бы на солидныхъ основаніяхъ.

„Горныя сцены“—сборникъ очерковъ—выдвинулъ Перэду изъ ряда современниковъ. Сборникъ состоитъ изъ 17-ти новеллъ различныхъ размѣровъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ жизни моряковъ и земледѣльцевъ Сантандера. Темы затрогиваются весьма разнообразныя и обработаны различнымъ образомъ. Въ „Roqueho“¹⁾ мы читаемъ характеристику уже погибшаго типа портового вора и грабителя; въ „Robla“²⁾—описаніе уже погибшаго обычая взаимнаго угощенія послѣ ярмарочныхъ сдѣлокъ; „Въ Индію“—рисуетъ вѣчную исторію убогаго эмигранта, отправляющагося въ Америку въ погонѣ за счастьемъ. „Канунъ Рождества“—изображаетъ рядъ прекрасныхъ деревенскихъ обычаевъ, извѣстныхъ въ настоящее время лишь этнографамъ. Въ очеркѣ „Suum cuique“ романистъ представилъ намъ контрастъ между жизнью сельскаго обывателя и столичнаго жителя, и съ замѣчательнымъ юморомъ наглядно показалъ, какъ отличны другъ отъ друга интересы города и деревни, и какъ неумѣстна идеализація того и другого образа жизни. Горожанинъ, восторгавшійся простотой и чистотой нравовъ сельчанъ, попадаетъ въ трагикомическія положенія, привлекается къ суду и вынужденъ убѣдиться, что ни онъ не созданъ для деревни, ни деревня для него. Не менѣе юмора въ „Arroz y gallo muerto“³⁾, гдѣ излагаются комическія похожденія горожанина, приглашеннаго на сельскій бытовой праздникъ и изнемогающаго отъ обильныхъ и непривычныхъ угощеній. Новелла „Сельскіе танцы“—почти ученое, въ беллетристической формѣ, разсужденіе о деревенскихъ танцахъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

Совершенно особнякомъ въ сборникѣ стоятъ два рассказа,—двѣ страницы одной жизни. Въ одномъ („Отплытіе“) мы нахо-

¹⁾ Техническое мѣстное названіе портового хищничества.

²⁾ Техническое мѣстное названіе.

³⁾ Arroz—названіе кушанья; gallo muerto—мертвый пѣтухъ.

димъ яркую картину жизни убогихъ моряковъ, въ вѣчной борьбѣ съ моремъ, бурями, скалами, лишенныхъ, какъ герой разсказа, Туэрто, даже отдыха у домашнего очага. Скудный заработокъ Туэрто идетъ на водку одержимой порокомъ пьянства хозяйки; мужъ голодаетъ, дѣти—грязныя, одѣтыя въ жалкія рубища. Бѣдника-морякъ „учить“ свою жену, но жестокіе побои не приносятъ ей никакой пользы: жалкая женщина все глубже грязнеть въ ужасномъ пороки. Наконецъ, Туэрто теряетъ терпѣніе, поступаетъ во флотъ, оставивъ своихъ дѣтей на попеченіи своей матери. Отплытіе Туэрто и ему подобныхъ злополучныхъ труженниковъ описано авторомъ чрезвычайно картинно, и мы съ удовольствіемъ привели бы это описаніе въ переводѣ, если бы намъ не предстояло приведеніе не менѣе интересныхъ выдержекъ.

Въ другой новеллѣ—„Конецъ расы“—морякъ Тремонторіо чудомъ спасся отъ ярости бури. Но восьмидесятилѣтній старецъ былъ такъ помѣтъ бурями и волнами, что самъ почувствовалъ близкій конецъ. Пригласивъ священника, онъ исповѣдался и причастился. Узнавъ объ этомъ, разсказчикъ посѣтилъ своего стараго пріятеля, Тремонторіо, и хотѣлъ попытаться его утѣшить.

„Я засталъ его на убогой кровати; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, но спокоенъ, какъ бы отдыхающій. За нимъ ухаживалъ другой рыбакъ, который стоялъ у изголовья съ скрещенными на груди руками. Лицо его мнѣ показалось знакомымъ: я узналъ въ немъ Туэрто. Но какимъ старымъ, сѣдымъ, изможденнымъ и согнувшимся я его нашелъ! Мое присутствіе не могло никого смущать, ибо состраданіе къ потерпѣвшимъ крушеніе было обычнымъ; старый рыбакъ принялъ меня гораздо лучше, нежели я ожидалъ отъ свойственной ему суровости.

„—Какъ вы чувствуете себя теперь?—спросилъ я его.—„Съ кормчимъ на кораблѣ со вчерашняго дня“¹⁾—отвѣтилъ рыбакъ обыкновеннымъ, но подавленнымъ голосомъ.—„Конечно, это изъ предосторожности?—сказалъ я ему, понявъ его аллегорическое сравненіе и желая придать ему мужества.—„Какая тамъ предосторожность, típa! “²⁾—отвѣтилъ онъ мнѣ мрачно.—Я старый и усталый человѣкъ, а гавань темна и проходъ въ нее узокъ. Когда же нужно напутствіе, какъ не теперь?“—Вы правы, отвѣтилъ я, удивляясь его душевному равновѣсію.—Во время этихъ опасностей испытывается мужество духа. Я вижу, что вы не нуждаетесь въ утѣшеніи.—„Нѣтъ, хвала Господу, Ко-

¹⁾ Т.-е. съ напутствіемъ Тайнъ.

²⁾ Поговорка Тремонторіо.

торый мнѣ далъ болѣе, нежели я заслужилъ. Восемьдесятъ лѣтъ—и никому за эту продолжительную жизнь я не причинилъ зла; испыталъ столько бурь—умереть какъ добрый христіанинъ въ кровати и въ присутствіи друга—не стыдно ли было бы желать большаго?”

Слова эти были удивительны, потому что были искренни, какъ и все, что выходило изъ его устъ за столь долгую жизнь.

Послѣ непродолжительной бесѣды рассказчикъ сталъ прощаться съ умирающимъ: „До скорого свиданія“, дружески сказалъ онъ: „А почему бы не такъ?“—отвѣтилъ старикъ, придавъ своимъ словамъ большее значеніе, нежели я самъ. „Всѣ мы—моряки и послѣ плаванія возвращаемся въ одну и ту же гавань. Если діаволъ не закроетъ ее для насъ, я—завтра, а вы—въ другой день—бросимъ туда свои якоря“.

Второй томъ очерковъ „Сцены и очерки“ заключаетъ рядъ разнообразныхъ по содержанію статей, въ незначительной лишь части беллетристическихъ. Къ рассказамъ этой категоріи мы относимъ любопытныя автобіографическія воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ Перэды, о которыхъ уже было упомянуто („Воспоминанія“, „Еще воспоминанія“, юмористическіе рассказы, вродѣ „Какъ лгутъ?“, „Добрые ребята“ „Первая шляпа“, „Мастерская перчатокъ“). Лучшую часть сборника составляютъ сатирическіе рассказы автора, осмѣивающіе ненормальность и пустоту житейскихъ отношеній, общественныя предрассудки, нетерпимость, или обсуждающіе общіе философскіе вопросы, напр. „Прекрасныя теоріи“, гдѣ исповѣдующіе возвышенныя идеи гуманности, современные апостолы, изобличаются въ жестокости и черствости къ нуждающемуся собрату, —или ненормальность явленій общественной жизни, какою является неограниченная власть сельскаго писаря, безжалостно эксплуатирующаго забитаго и невѣжественнаго крестьянина. Изумительныя продѣлки этихъ господъ все-сторонне разоблачаются Перэдой. Наконецъ, весьма интересны разсужденія романиста о нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросахъ, какъ-то объ аллегорическихъ толкованіяхъ „Донъ-Кихота“ и вообще слабыхъ сторонахъ критики Сервантеса.

Разсматриваемый томъ очерковъ Перэды въ художественномъ отношеніи ниже другихъ, но для знакомства съ философскимъ и общественнымъ міросозерцаніемъ автора эти очерки весьма цѣнны. Къ міросозерцанію Перэды мы еще вернемся, теперь же замѣтимъ, что оно отличается большою стойкостью и определенностью.

Третій томъ мелкихъ разсказовъ Перэды озаглавленъ: „Фрески водяными красками“ и „Типы горныхъ вершинъ“. Въ немъ мы находимъ двѣ довольно крупныя повѣсти и нѣсколько мелкихъ разсказовъ. Въ первой повѣсти изображена супружеская чета, проживающая въ Мадридѣ. Супруги душевно любятъ другъ друга, но обладаютъ различными взглядами и привычками: мужъ—уроженецъ сѣвера, землякъ Перэды—тяготится свѣтской сутолокой, въ которой, наоборотъ, его прекрасная супруга находитъ полное удовлетвореніе. Нѣсколько легкомысленная и довѣрчивая молодая женщина даетъ поводъ къ неосновательнымъ подозрѣніямъ, вызываетъ катастрофу, въ которой едва не гибнутъ мужъ и его братъ, и наконецъ наглядно и во-время убѣждается, съ какою испорченной средой имѣетъ дѣло. Молодая женщина ищетъ отдыха и успокоенія на суровой родинѣ мужа, куда вмѣстѣ съ нимъ отправляется на продолжительное время. Въ другой повѣсти („Золото торжествуетъ“) Перэда впервые выводитъ на сцену разбогатѣвшаго въ Америкѣ испанца (*indiano*), типъ, блестяще имъ разработанный, къ которому онъ питаетъ ненависть и отвращеніе. Въ данномъ очеркѣ романистъ не въ мѣру сгущаетъ краски, изобразивъ американца бандитомъ, не только ограбившимъ честнаго труженика, но и отнявшимъ у него любимую невѣсту. Грабитель торжествуетъ, а жертва его остается на всю жизнь съ клеймомъ позора.

Другіе разсказы этого сборника представляютъ собою мелкіе эскизы жизни въ Сантандерѣ, типы по преимуществу посѣтителей курорта. Глубиной эти разсказы не отличаются, но блещутъ юморомъ, яркимъ реализмомъ и свидѣлствуютъ объ отвращеніи автора ко всему искусственному, низкому и пошлomu.

Четвертый томъ очерковъ Перэды („Типы и пейзажи“) обладаетъ высокими художественными достоинствами. Симпатіи и антипатіи автора ярко въ немъ высказываются. Въ разсказѣ „Двѣ системы“ изображаются два поколѣнія финансовыхъ дѣятелей, и старая система представляется авторомъ болѣе раціональной и благоразумной. Въ остроумномъ очеркѣ: „Чтобы быть хорошимъ погонщикомъ“—рисуетъ неожиданно разбогатѣвшая молодая крестьянская чета, которой внезапное обогащеніе приноситъ преждевременную смерть. Исчезновеніе интересныхъ паломничествъ, благодаря желѣзнодорожному сообщенію, изображено Перэдой весьма живо и картинно (*La Romeria del Carmen*)¹⁾. Этнографъ съ интересомъ и поученіемъ для себя прочтетъ пре-

¹⁾ Паломничество къ Карменъ (т.-е. S. Maria Carmen).

красный очеркъ, посвященный деревенскимъ колдуньямъ (Las Brujas). Эпически наглядно и съ тонкимъ юморомъ воспроизводится Передой донъ-Робустеро — типъ симпатичныхъ автору обѣдѣвшихъ, но гордыхъ аристократовъ, а благополучное заключение и примиреніе гидальго съ богатымъ и честнымъ купцомъ свидѣлствуютъ, что, какъ художникъ, Переда чуждъ всякой сословной исключительности, и „хорошіе“ люди вездѣ и всюду ему дороги.

Печальной нотой звучитъ эпилогъ похождения наивной крестьянской дѣвушки, сгубившей себя въ поискахъ за легкимъ заработкомъ и лишившей послѣдней надежды престарѣлыхъ родителей („Ig rog lana“) ¹⁾. Прекрасно написанную, и очень поэтичную, народную сказку о пастухѣ, лечившемъ царевну, и проискахъ колдуньи мы находимъ въ очеркѣ: „El amor de los tizopos“ ²⁾; наконецъ, съ легкимъ юморомъ написана во весь ростъ фигура сельскаго чиновника, шарлатана и шантажиста.

Во всѣхъ очеркахъ и этого тома Переды мы можемъ указать прекрасныя описанія пейзажа, тонкія психологическія наблюденія, глубокое проникновеніе въ явленія соціальной и семейной жизни. Нѣкоторыя исключительность и рѣзкость личныхъ взглядовъ Переды объясняются высокою правдивостью и искренностью автора — качествами весьма цѣнными въ нашихъ глазахъ.

Переда дорогъ историку литературы не какъ философъ или социологъ (хотя многіе взгляды его оригинальны и ни одного вѣтъ банальнаго), а какъ художникъ, поэтъ моря, горъ, труженниковъ земли и моря.

II.

Политическая жизнь Испаніи во вторую половину прошлаго столѣтія протекала далеко не благополучно. Политическіе и парламентскіе кризисы слѣдовали другъ за другомъ, а избиратели весьма часто находились подъ сильнымъ давленіемъ правительства. Злоупотребленія, подкупы и насилія были обыденнымъ явленіемъ. Прикрываясь знаменемъ либерализма, вожаки нагло обманывали невѣжественный народъ. На административныхъ вершинахъ оказывались люди съ сомнительнымъ прошлымъ, внезапно разбогатѣвшіе буржуа, которые вносили въ общество своеобраз-

¹⁾ Идти за шерстью.

²⁾ Любовь паразитовъ (фиг.).

ный и часто противный своему наглостью тонъ. Цѣлый рядъ интригановъ выплылъ на поверхность общественной жизни, создавая свое существованіе на обманѣ легкомысленныхъ кандидатовъ въ депутаты и ихъ избирателей. Парламентаризмъ въ Испаніи и въ настоящее время отличается нѣкоторыми особенностями, неизвѣстными въ другихъ странахъ Европы. Такъ, вліятельные и сильные люди извѣстнаго района, нерѣдко навязываютъ населенію своего кандидата, и забытые избиратели, экономически зависимые, безпрекословно выбираютъ согласно указанію.

Эти и другія аномальныя явленія парламентской жизни должны были вызвать основательное негодованіе въ такомъ прямомъ и честномъ человѣкѣ, какъ Перэда. Духъ партіи усугубилъ это негодованіе; консерваторъ и карлистъ, онъ не могъ оказаться вполне безпристрастнымъ къ революціонерамъ и либераламъ. И это негодованіе впервые проявилось въ сильно, хотя нѣсколько тенденціозно написанномъ романѣ „Los hombres de pigo“ (Люди наживы). Трактирщикъ убогаго селенія, нажившій ростовщичествомъ небольшое состояніе, мало-по-малу расширяетъ арену дѣятельности и наживаетъ большой капиталъ. Не довольствуясь матеріальными приобрѣтеніями, Симонъ — такъ его звали, — ставшій „дономъ Симономъ“, рѣшается сдѣлаться политическимъ дѣятелемъ. Ловкіе агенты легко опутываютъ честолюбиваго буржуа. Начинается избирательная агитація, вымаливаніе поддержки вліятельныхъ лицъ округа (капиковъ), ставящія дону Симона въ щекотливыя и комическія положенія. Операчія увѣнчалась успѣхомъ — новый депутатъ съ женой и дочерью переселился въ Мадридъ, гдѣ вся семья окунулась въ водоворотъ политической и свѣтской жизни. Въ столицѣ донъ Симонъ подвергся эксплуатаціи подозрительныхъ субъектовъ изъ чиновничьяго и журнальнаго міра; высокіе сановники подъ различными предлогами вовлекали его въ сомнительныя спекуляціи. Донъ Симонъ оказался бы нищимъ, еслибы судьба не сжалилась надъ нимъ; послѣ позорнаго провала въ парламентъ, осмѣянный прессой, неглупый буржуа сообразилъ, что его роль сыграна. Благодаря энергіи и находчивости, донъ Симонъ спасъ нѣкоторую часть своего состоянія и искалъ утѣшенія въ семейной жизни, навсегда протистившись съ политической карьерой.

„Los hombres de pigo“ былъ первымъ романомъ Перэды, гдѣ авторъ откликнулся на злободневные вопросы. Исторія дона Симона написана увлекательно. Характеры дѣйствующихъ лицъ, видимо, написаны по непосредственнымъ наблюденіямъ. Цѣлый рядъ лицъ изъ политическаго міра Испаніи очерченъ весьма ре-

льефно. Въ чрезмѣрномъ нагроможденіи политическихъ интригъ чувствуется доля преувеличенія, хотя эти интриги ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы вымышленными.

„Los hombres de pro“—долженъ считаться предшественникомъ и въ извѣстной степени родоначальникомъ политическихъ романовъ Перэды: „Gonzalez de Gonzalega“ и „Pedro Sanchez“. Типы политикановъ и интригановъ обрисованы Перэдой въ этомъ романѣ превосходно. Отверженіе романиста ко всему фальшивому, манерному и искусственному замѣтно на всякомъ шагѣ. Этой-то *правдивостью* Перэды объясняется въ значительной степени и та нетерпимость, съ которой романистъ относится къ уродливымъ явленіямъ испанскаго конституціонализма.

Рядомъ съ политическими вопросами волновали Перэду въ разсматриваемый періодъ и вопросы философско-религіозные и семейные. Очевидно, онъ не могъ оставаться безучастнымъ ко всему тому, что происходило вокругъ него. Но, по своей организации, онъ не былъ въ состояніи плыть по теченію и скорѣе реагировалъ противъ того, что ему казалось временнымъ и случайнымъ явленіемъ. Вопросы о религіозной терпимости, волновавшіе испанское общество въ семидесятыхъ годахъ, пропаганда рационализма, казавшаяся испанцу новинкой, наконецъ, вопросы семейнаго и общественнаго характера, возникавшіе подъ вліяніемъ Бальзака—вотъ главныя темы романовъ Перэды этого періода. Пагубныя послѣдствія атеизма задумалъ Перэда показать въ романѣ: „Какое дерево—такая и щепка“ (De tal palo—tal astilla). Еслибы не замѣчательный талантъ Перэды, обработка такой темы въ беллетристической формѣ оказалась бы неудачной. Но талантъ и на этотъ разъ спасъ романиста.

Доказывать въ романѣ, что нечестіе наказуется Провидѣніемъ—задача въ высокой степени неблагодарная. И Перэда, конечно, не доказалъ бы этого тезиса. Фабула и интрига романа грѣшатъ дѣланностью, но этотъ крупный недостатокъ искупается десятками страницъ, на которыхъ Перэда чудесно рисуетъ горные пейзажи, типы художественные и цѣльные, характерные, задуманные весьма тонко. Во всякомъ случаѣ „De tal palo—tal astilla“ гораздо выше въ художественномъ отношеніи „Сибиллы“ Фелъе и „Глоріи“ Переса Гальдоса, которыми Перэда, по всему вѣроятію, въ данномъ случаѣ вдохновлялся. Типъ ханжи и фарисея съ замѣчательнымъ совершенствомъ обрисованъ романистомъ въ лицѣ дона Сотера, а крестьянинъ Макавей долженъ считаться украшеніемъ серіи горцевъ Перэды. Къ чести романиста слѣдуетъ присовокупить, что, изображая пред-

ставителей двухъ поколѣній атеистовъ и позитивистовъ въ лицѣ доктора и его молодого сына, Перэда отнесся къ ихъ неудачамъ и горю съ полнымъ сочувствіемъ и трогательною чело-вѣчностью: не гнѣвъ и негодованіе, а состраданіе и жалость вдохновляли романиста.

Иную, уже не трагическую, а трагикомическую попытку анализа семейныхъ вопросовъ представляетъ романъ: „Быкъ на свободѣ“ (*El buey suelto*). Въ противовѣсъ модному въ извѣстное время направленію беллетристики, изображавшему семейную жизнь въ самыхъ безотраднѣйшихъ формахъ, Перэда задался цѣлью наглядно показать всю, бездну эгоизма стараго холостяка, существующаго исключительно для угожденія своимъ прихотямъ. Приѣмъ, къ которому романистъ обратился въ этомъ романѣ, въ высокой степени остроуменъ. Представителемъ сословія холостяковъ избранъ человѣкъ, лишенный и крупныхъ достоинствъ, и крупныхъ пороковъ. Это — узкій себялюбецъ, чуждый всякихъ идеаловъ общественности и гражданственности, стремящійся пожить въ свое удовольствіе и предохранить себя отъ всѣхъ неудобствъ и обязательствъ брачной жизни. Ловко лавируя, Геденъ успѣваетъ избѣжать всякихъ искушеній, но, будучи сластолюбивымъ и испорченнымъ, онъ не сторонится отъ случайныхъ, нерѣдко унижительныхъ связей. Немезида въ старости отплатила Гедену: въ тяжелые часы послѣдней болѣзни онъ испыталъ всѣ тягости корыстныхъ и оплачиваемыхъ услугъ, подвергался безпощадной эксплуатаціи низкопробныхъ женщинъ, которыми окружалъ себя, и умеръ, проклиная свою призрачную себялюбивую независимость. „*El buey suelto*“ блещетъ юморомъ и изобилуетъ комическими сценами, иногда переходящими въ карикатуру, напримѣръ, появленіе въ моментъ кончины Гедена грязныхъ оборвышей, именующихъ себя его сыновьями...

Отмѣченные нами два послѣдніе романа Перэды, несмотря на свои крупныя художественныя достоинства, скользятъ по поверхности житейскихъ отношеній и не затрагиваютъ глубоко сюжетовъ. Несравненно выше стоитъ въ этомъ отношеніи романъ Перэды: „Донъ Гонсало Гонсалесъ изъ Гонсалеры“, въ значительной степени продолжающій основныя идеи „*Los hombres de pío*“, съ тѣмъ различіемъ, что политическая интрига въ „Донѣ Гонсалесѣ“ гораздо сложнѣе, и авторъ захватываетъ массу разнообразныхъ общественныхъ интересовъ. Всѣ ужасы и комизмы революціоннаго движенія въ невѣжественной средѣ, вызванные наглыми и пронирыливыми агитаторами, мастерски изображены Перэдой. Въ лицѣ Гонсало, героя романа, обрисо-

ванъ яркими чертами, въ формѣ, близкой къ совершенству, типъ буржуа, изъ разбогатѣвшихъ эмигрантовъ, „indiano“, къ которому, какъ замѣчено, Перэда относится съ такимъ же отвращеніемъ, какъ Флоберъ—къ своимъ буржуа.

Разбогатѣвшій мѣщанинъ Гонсалесъ одержимъ духомъ честолюбія и служитъ поэтому послушнымъ орудіемъ въ рукахъ низкопробныхъ политическихъ агитаторовъ. Кромѣ честолюбія, донъ Гонсало еще одержимъ жаждою мести знатному дворянину дону Роману Льюсіа за отказъ въ рукѣ его дочери Магдалины.

Донъ Романъ, въ противоположность Гонсалесу, относится къ типамъ очень дорогимъ автору. Это—типъ честнаго и благороднаго землевладѣльца старой кастильской формаціи, другъ меньшей братіи, поклонникъ законности и добрыхъ традицій. Въ донѣ Романѣ рядомъ съ суровой и рѣзкой манерой обращенія уживается горячая любовь не только къ семьѣ, но и ко всѣмъ немногочисленнымъ жителямъ селенія Сотеруко (300), которымъ онъ помогаетъ словомъ и дѣломъ. Богатство, знатность и авторитетность дона Романа въ высокой степени претятъ дону Гонсало и немногочисленнымъ поборникамъ революціи. Среди послѣднихъ роль вожаковъ выпадаетъ на долю недоучившагося студента Лукаса и Патриціа—демагога опаснаго типа. Лукасъ фанатично преданъ интересамъ революціи, рисуется звучными фразами о свободѣ и братствѣ, но въ основѣ его поступковъ все же лежитъ неудовлетворенное самолюбіе, низкая зависть къ имущимъ, приниженное чувство обиженнаго судьбой человѣка.

Искусство Перэды, какъ творца характеровъ, въ особенности сказалось въ изображеніи родственнаго по духу дону Роману гidalго, дона Лопе: въ немъ рядомъ съ чертами поразительнаго съ дономъ Романомъ сходства читатель замѣтитъ рѣзкія индивидуальныя черты.

Въ разсматриваемомъ романѣ Перэды мы находимъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ персонажей. Они живутъ у него полною и всесторонней жизнью. Особенно интересны: простой, честный и добрый священникъ Фрутосъ, дочь дона Романа Магдалина и племянница дона Лопе Осмунда, злая и коварная старая дѣва, сдѣлавшаяся Немезидой Гонзалеса въ качествѣ его законной супруги. Особенности горнаго пейзажа превосходно обрисованы Перэдой, діалогъ ведется мастерски. Книга дышетъ юморомъ и благороднымъ негодованіемъ ко всему низменному и пошлomu. Послѣ „Дона Гонсалеса“ Перэда, какъ бы желая вновь окунуться въ свѣжую стихію родной жизни и поэзіи, пишетъ романъ, лишенный какой-либо тенденціи: „Букетъ родной земли“ (El sabor

de la Tierruca), гдѣ съ изумительнымъ блескомъ проявляетъ всѣ свои качества, какъ романиста, поэта родныхъ горъ и весей. Не связанный сколько-нибудь цѣльной фабулой, если не считать мотива вражды двухъ поселеній и любви двухъ юныхъ паръ, этотъ романъ заключаетъ вереницу типовъ, художественная цѣльность которыхъ изумительна, рядъ интересныхъ эпизодовъ, характеровъ и описаній природы—мѣстами классическихъ. Нѣкоторые эпизоды романа могутъ привести въ восторгъ этнографа и психолога,—напримѣръ, сцены, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является вѣдьма — убогая, ни въ чемъ неповинная старушка, которой населеніе приписываетъ всевозможныя бѣдствія.

„Букетъ родной земли“ является какъ бы прелюдией къ крупнымъ романамъ изъ жизни моряковъ и горцевъ послѣдняго періода его творчества. Къ политическому роману Перэда возвращается еще разъ и въ „Педро Санчесъ“ достигаетъ высокого совершенства—въ предѣлахъ особенностей своего дарованія.

„Педро Санчесъ“ — интереснѣйшая исторія политическаго дѣятеля, современнаго испанскаго Жиль-Блаза, проложившаго себѣ путь къ высшимъ ступенямъ карьеры. Честный, умный и предприимчивый сѣверянинъ, Педро Санчесъ обладаетъ нѣкоторымъ литературнымъ дарованіемъ и пріобрѣтаетъ извѣстность въ качествѣ публициста. Увлеченный революціей, выдвинувшійся во время государственнаго переворота, Педро Санчесъ получаетъ при новомъ режимѣ губернаторскій постъ. Интрига честолюбивой и порочной жены Педро, дочери одного изъ сановниковъ прежняго режима, и происки интригана-секретаря—увлекаютъ честнаго, неподкупнаго, съ прогрессивными наклонностями, сановника на путь административной рутины и злоупотребленій по службѣ, что, конечно, компрометируетъ его въ глазахъ центральнаго правительства. Педро вынужденъ покинуть свой постъ съ позоромъ.

Биографія Санчеса объединяетъ дѣйствіе романа и придаетъ ему цѣльность и законченность. Всѣ перипетіи революціи, взрывъ которой оказывается неожиданностью и для подготовившихъ ее, описаны наглядно и послѣдовательно. Очень живо и интересно описаны нѣкоторые эпизоды, напр. путешествіе Санчеса въ омнибусѣ на мулахъ изъ Сантандера въ Мадридъ. Характеры нѣкоторыхъ мужскихъ и женскихъ персонажей отдѣланы съ обычной у Перэды рельефностью, а ситuaціи подобраны весьма удачно. Весьма типичны: тестъ Санчеса, сановникъ-опиортунистъ, теряющій въ трудныхъ обстоятельствахъ даже тѣнь личнаго до-

стоинства, гордая жена Педро, Клара, презирающая мужа съ гадливою надменностью аристократки; не менѣе рельефна и ея мать—молодящаяся старуха, на все готовая для удовлетворенія страсти къ роскоши. Прекрасно обрисованы: довь Серафимъ, при смѣнѣ режимовъ многократно остававшійся за штатомъ, страдающій отъ сознанія вѣчной необеспеченности, и его дочь, Карменъ, прекрасная, добрая и милая дѣвушка, сдѣлавшаяся впоследствии счастливой женой Санчеса, послѣ безвременной кончины его первой жены.

Второстепенныя дѣйствующія лица въ романѣ производятъ цѣльное и опредѣленное представленіе, а манипуляціи чиновниковъ, парламентскихъ дѣятелей, прессы, обнаружены авторомъ съ проникательностью и наглядностью.

Испанская критика встрѣтила „Педро Санчеса“ съ большимъ одобреніемъ. Романистка Пардо Пасанъ осыпала книгу восторженными похвалами. И другіе критики различныхъ лагерей находили этотъ романъ Перэды весьма удачнымъ. Слышались, однако, отзывы, напр. Менендеса-и-Пелайо, что, при всѣхъ достоинствахъ „Педро Санчеса“, этотъ романъ уступаетъ во многихъ отношеніяхъ повѣстямъ и новелламъ Перэды изъ жизни моряковъ и горцевъ. Какъ бы то ни было, по цѣльности и стройности фабулы, интереснымъ эпизодамъ, ярко и тонко обрисованнымъ характерамъ, „Педро Санчесь“ долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду современныхъ испанскихъ романовъ. Горячіе поклонники Перэды отъ души желали, чтобы маститый писатель вновь принялся за свои излюбленныя темы. Уступая этимъ желаніямъ, а еще болѣе внутреннему влеченію, Перэда принялся за прежніе сюжеты и подарилъ публикѣ два произведенія, близкія къ классической красотѣ—„Sotileza“ (имя собств.) и „La Puchera“¹⁾. Эти произведенія служатъ украшеніемъ послѣдняго періода дѣятельности романиста.

III.

„Sotileza“—романъ изъ жизни рыбаковъ. Заглавіе дано по прозвищу героини, иначе называемой Сальдой. Интрига и фабула не представляютъ ничего замысловатаго. Центральной фигурой является выше названная бѣдная дѣвушка—сирота и прие-

¹⁾ Названіе кушанья, своеобразная похлебка.

мышь въ рыбацкой семьѣ; въ ней дивнымъ образомъ сочетались внѣшняя красота и высокія духовныя качества. Сальда (Сотилесой прозванная за изящество стана) обладаетъ необыкновенно развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, женской чести и внѣшней и внутренней опрятностью. Неиспорченная, прямая и честная, она высоко носить голову и даетъ рѣзкій отпоръ клеветникамъ, посягнувшимъ на ея честь. За развитіемъ физическимъ и нравственнымъ Сальды романистъ заставляетъ читателя слѣдить весьма обстоятельно и послѣдовательно, а благородный характеръ лишенной всякаго образованія дѣвушки вполне гармонируетъ съ той грубой, но честной средой, въ которой она вращается. Интригой романа, если принять эту условную номенклатуру, является любовь трехъ молодыхъ людей къ Сальдѣ. Уродливый Муерго съ дѣтства возбуждаетъ жалость Сальды, можетъ быть даже чувство влеченія красоты къ абсолютному безобразію; два другіе поклонника обладаютъ почти одинаковыми достоинствами и шансами, и авторъ не разъяснилъ вполне отчетливо, кто изъ нихъ овладѣлъ сердцемъ Сальды; по крайней мѣрѣ, самъ Перэда рассказываетъ, что послѣ появленія романа къ нему обращались читатели и въ особенности читательницы съ вопросами, кого именно любить Сотилеса, хотя заключительныя стороны романа говорятъ въ пользу Клето.

На фонѣ этой простой до элементарности фабулы авторъ щедрой рукой ставитъ предъ очарованнымъ читателемъ рядъ чудесно написанныхъ картинъ природы и много дѣйствующихъ лицъ, отдѣланныхъ весьма тщательно и рельефно, отъ начинающихъ свою жизнь отроковъ до глубокихъ старцевъ. Высшія аристократическія сферы отсутствуютъ въ этомъ романѣ, но зато къ интересамъ меньшей братіи Перэда относится съ любовнымъ вниманіемъ. Классически обрисованъ монахъ Аполлинарій, другъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, превосходно свыкшійся со средой, среди которой прошла значительная часть его жизни, судья и посредникъ въ дѣлахъ семейныхъ и, при своей напускной грубости, жалостливый и нѣжный, какъ женщина, настолько безкорыстный и милосердный, что, раздавая все, получаемое отъ паствы, самъ онъ часто лишенъ необходимой одежды. Въ высокой степени трогательны юмористическія сцены, изображающія отца „Полипаро“ въ обществѣ жалкихъ оборвышей, которыхъ онъ одного за другимъ кормитъ, одѣваетъ и устрояетъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что „Полипаро“ принадлежитъ къ національнымъ испанскимъ типамъ и украситъ собою галерею немногочисленныхъ избранниковъ литературы.

„Sotileza“ имѣла большой успѣхъ; романъ этотъ переведенъ на иностранные языки и понравился публикѣ, хотя въ переводѣ исчезаетъ главная прелесть романа, его несравненный, яркій и колоритный языкъ, чрезвычайно живой и мѣткій, изобилующій богатыми діалектическими особенностями.

Вполнѣ правъ землякъ Перэды, историкъ и критикъ Менендесъ-и-Пелайо, утверждающій въ своемъ восторженномъ отзывѣ о „Sotileza“, что прелести этого романа доступны въ большей степени непосредственному чувству, нежели критическому анализу. По общему тону и изложенію, „Sotileza“ принадлежитъ къ разряду идиллическихъ романовъ и можетъ быть поставлена наряду съ лучшими произведеніями этого рода литературы. Отъ всего романа вѣетъ силой и энергіей, чистотой и непосредственностью ощущеній; въ немъ проявляются лучшія и наиболѣе симпатичныя стороны неиспорченной человѣческой души, находящейся въ полной гармоніи съ окружающей, сильной, величественной и суровой природой. Сама Сотилеса Сальда лишена чертъ женственной слабости, что не мѣшаетъ ей чувствовать нѣжность и состраданіе. Почерпая силы въ неизсякаемыхъ родникахъ своей среды и души, Сотилеса способна возвыситься до трагическаго пафоса и, сама того не сознавая, дѣлается настоящей героиней. Романиста нельзя упрекнуть ни въ одномъ ложномъ шагѣ, когда идетъ рѣчь о „Sotileza“; наоборотъ, слѣдуетъ удивляться его неподобному реализму и художественной уравновѣшенности. Касаясь, напр., отношеній Сальды къ уроду Муерго, Перэда отмѣчаетъ и присутствіе чувственнаго элемента у красавицы Сальды; но этотъ элементъ не можетъ сдѣлаться опаснымъ, такъ какъ Сальду спасаетъ глубокое сознаніе своего женскаго достоинства и стыдливость сильной и неиспорченной души. Чего бы не разрисовали французскіе натуралисты на благодарномъ мотивѣ влеченія красавицы къ уроду! Но Перэда звалъ свою среду и понималъ, что Сальда и ей подобныя всегда одерживаютъ верхъ надъ мимолетными слабостями.

Романъ Перэды „La Puchera“ обладаетъ болѣе сложной и запутанной интригой, нежели „Sotileza“, а потому при первомъ чтеніи кажется интереснѣе этого романа. При вторичномъ чтеніи „Puchera“ кажется слабѣе своей предшественницы, и это впечатлѣніе остается навсегда у читателя. Дѣло въ томъ, что, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, „La Puchera“ чужда той возвышенной простоты, безыскусственности и непосредственности, какія мы видѣли въ „Сотилесѣ“. Однако, нѣсколько проигрывая при сравненіи съ шедевромъ Перэды, романъ „La Puchera“ все же

обладаетъ такими крупными положительными данными, которыя даютъ ему право на одно изъ почетныхъ мѣстъ среди европейскаго романа. Содержаніе „Пучера“ какъ бы пополняетъ „Сотилесу“ новыми весьма удачными типами: таковъ, напримѣръ, типъ скряги и ростовщика Балтасара, деревенскаго лекаря Эліаса, жадной экономки Галусы и грубаго семинариста Марконеса. Художественно закончены образы Лебрато и сельскаго священника. Нѣсколько тускло нарисованъ образъ Инесы, дочери Балтасара и добродѣтельнаго американца (indiano), нѣсколько смѣшного въ своемъ несвоевременномъ и неумѣстномъ разсказѣ. Грубый планъ экономки увлечь свою воспитанницу неуклюжимъ племянникомъ-семинаристомъ весьма забавенъ, но вносить долю шаржа въ простое и правдивое содержаніе романа. Фантазеръ лекарь Эліасъ, мечтающій о сказочномъ богатствѣ и пребывающій въ жалкой нуждѣ, усиливаетъ въ романѣ элементъ гротеска. Рядомъ съ этимъ мы читаемъ въ „La Puchera“ главы по истинѣ классическія, поражающія блескомъ композиціи и стиля, гдѣ Перэда возвышается до недостигаемой высоты. Такъ, глава „El agosto del Berugo“ ¹⁾ можетъ считаться образцомъ сельской идилліи высокаго стиля, гдѣ великолѣпное описаніе сбора полевыхъ продуктовъ и вина заканчивается трогательнымъ по своей простотѣ и непосредственности объясненіемъ въ любви созданной другъ для друга молодой крестьянской пары. Другая глава „La puchera del Lebrato“ изображаетъ весьма сложную и трудную рыбную ловлю и опасности, которымъ подвергаются убогіе смѣльчаки, рискующіе жизнью для жалкаго заработка. Простая сцена мучительнаго и опаснаго восхожденія на скалу двухъ ловцовъ, спасающихся отъ ярости преслѣдующихъ ихъ по пятамъ волнъ, дѣйствуетъ, благодаря мастерству описанія, на читателя потрясающимъ образомъ. Самыми сложными театральными эффектами трудно было бы достигнуть столь потрясающаго впечатлѣнія.

Въ „La Puchera“ и „Sotileza“ мы имѣемъ высокіе образцы провинціальнаго романа, образцы близкихъ къ совершенству идиллій. Но этими романами дѣятельность Перэды не ограничивается; мы оставили еще безъ разсмотрѣнія повѣсть „Ля Монтальвесь“, послѣдніе очерки изъ жизни горцевъ и монаховъ: „Осеннія облака“, „Первый полетъ“ и „Скалы на вершинахъ“ („Peñas arriba“).

¹⁾ Собственное имя.

„Монтальвезъ“ представляет собою экскурсію Перэды въ область психологическаго и салоннаго романа, въ стилѣ Буржэ. Овъ написанъ въ формѣ дневника—весьма подходящей къ психологическому роману. Романъ вызвалъ немало упрековъ критики, находившей, что салонныя сферы Мадрида слишкомъ мало извѣстны автору; его упрекали въ неточностяхъ и непослѣдовательностяхъ. Въ этихъ отзывахъ, несомнѣнно, много правды; но несомнѣнно и то, что романъ читается съ большимъ интересомъ, заключаетъ много здравыхъ и тонкихъ наблюдений и написанъ весьма изящнымъ слогомъ. Быть можетъ, присущія Перэдѣ прямота и искренность выразились, мѣстами, въ образахъ, не вполне подходящихъ къ сюжету. Во всякомъ случаѣ, „La Montalvez“ не возвышается надъ уровнемъ средняго приличнаго романа и касается сферъ, съ которыми Перэда не успѣлъ такъ сжиться, какъ со своими горцами и моряками. Не представляя пятна на репутаціи Перэды, какъ писателя, „La Montalvez“ ничего не прибавляетъ къ его извѣстности.

Романы „Осеннія облака“ и „Первый полетъ“ посвящены семейнымъ и общественнымъ отношеніямъ въ небольшомъ провинціальномъ уголкѣ. Въ фабулѣ этихъ романовъ есть нѣкоторое сходство (любовная завязка), дѣйствіе происходитъ въ среднемъ кругу общества и, особенно въ „Nubes del estio“, преисполнено юмора. Эти романы весьма интересны, отличаются живостью изложенія и діалога, но вы не найдете въ нихъ новыхъ элементовъ творчества Перэды.

IV.

Послѣдній романъ Перэды—„Скалы на вершинахъ“—достойнымъ образомъ вѣнчаетъ величественное художественное зданіе, имъ воздвигнутое. Мы имѣемъ дѣло съ сюжетами, дорогими и близкими автору: жизнью горныхъ вершинъ, доступныхъ жилью человека. Романъ производитъ впечатлѣніе эпоса, отъ него вѣетъ суровой прелестью роман серос. Перэда въ немъ возвышается даже надъ уровнемъ „Sotileza“ и „La Puchera“, отрѣшившись отъ нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ этого романа. Простая и безыскусственная фабула дала возможность автору развернуть во всемъ блескъ особенности своего таланта. Наслѣдникъ горнаго маіората, Марсело, до тридцати-двухъ лѣтъ прожившій въ Мадридѣ, увлекаясь удовольствіями столичной жизни, вызванъ въ большому дядѣ въ помѣстье, затерявшееся въ отдаленномъ углу

Пиренейскихъ горъ. Изнѣженный горожанинъ вынужденъ проѣхать большое разстояніе по горнымъ тропинкамъ, рискуя попасть въ пропасть или быть растерзаннымъ дикимъ звѣремъ. Наконецъ онъ добирается до жилья дяди, встрѣчаетъ у него теплый семейный пріемъ и поселяется у больного старика, исподволь проникаясь букетомъ оригинальной, здоровой и нормальной жизни горцевъ. Постепенное ознакомленіе молодого чело-вѣка съ природою и людьми даетъ поводъ автору изобразить передъ читателемъ цѣлый рядъ разнообразныхъ художественныхъ образовъ. Много чудныхъ красотъ раскрываетъ наблюдателю великолѣпная горная природа. Съ трудомъ и опасностью взбираясь на недоступныя вершины въ обществѣ священника или другого сосѣда, Марсело упивается прелестями необъятнаго пейзажа. Во всякое время года горные ландшафты имѣютъ своеобразную, не поддающуюся описанію красоту, и изнѣженный горожанинъ мало-по-малу становится поклонникомъ суровой и неблагосклонной, на первый взглядъ, природы.

Не менѣе ландшафта нравится дону Марсело та среда, въ которой ему приходится вращаться. Вначалѣ отталкивающая молодого туриста своею суровостью и нѣкоторою рѣзкостью, эта среда, при ближайшемъ знакомствѣ, оказывается доброю, впечатлительной и даже культурной. Постоянное общеніе чело-вѣка съ природою, непрерывный и послѣдовательный честный трудъ, способствовали созданію прямыхъ, честныхъ и благородныхъ характеровъ, одаренныхъ необыкновенною устойчивостью, искренностью и привязчивостью. Среди крупныхъ владѣльцевъ Марсело встрѣчалъ людей высокообразованныхъ и прекрасныхъ знатоковъ мѣстной жизни и исторіи, горячо любящихъ свою родину. Неразрывными узами связаны въ „Peñas Arrriba“ люди и суровая, дѣйственная природа; художественное наслажденіе ея несравненными красотою способствуетъ росту и совершенствованію духовной сферы людей, не получившихъ почти никакого искусственного воспитанія.

„Peñas arrriba“ достойнымъ образомъ вѣнчаетъ великолѣпное зданіе художественнаго творчества Перэды. Мы прощаемся съ романистомъ съ полной увѣренностью, что онъ успѣлъ намъ дать лучшіе плоды своего замѣчательнаго таланта. Мы видимъ въ немъ художника, поэтическое вдохновеніе котораго несоизмѣримо съ цѣлымъ сонмомъ его европейскихъ современниковъ. Какъ романистъ-художникъ, Перэда не имѣетъ теперь въ Европѣ себѣ равнаго.

Посвятимъ нѣсколько строкъ описательнымъ и техническимъ приемамъ Переда.

V.

Изъ изложенія содержанія романовъ Переда въ достаточной степени, на нашъ взглядъ, выяснилось, что, какъ художникъ, этотъ романистъ стоитъ внѣ всякой опредѣленной школы и руководствуется въ своемъ творествѣ непосредственнымъ вдохновеніемъ и вѣрнымъ инстинктомъ истиннаго поэта. Отсюда происходитъ, что Переда прибѣгаетъ къ простымъ и вѣрнымъ, достигающимъ цѣли, техническимъ приемамъ. Излюбленной интригой его романовъ является сосредоточеніе въ одномъ лицѣ основного дѣйствія—приемъ, усвоенный романистомъ у испанскихъ новеллистовъ старой школы. Первокласснымъ мастеромъ долженъ считаться Переда въ изображеніи жанровыхъ сценъ, блестящихъ юморомъ, и иногда заключающихъ зародыши трагическаго дѣйствія. Несравненный художникъ въ области народной психологій, нравовъ и быта, Переда рѣшительно превосходитъ своихъ современниковъ въ умѣнїи чувствовать и списывать природу. Его описанія полны оригинальной прелести, наглядно и отчетливо рисуютъ прекрасные пейзажи предъ очарованнымъ читателемъ. Для примѣра привожу замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ описаніе дубоваго лѣса въ первой главѣ „Букетъ родной земли“.

„...Этотъ дубъ былъ великолѣпнымъ экземпляромъ своего рода: толстый, твердый и здоровый, какъ скала, стволъ, съ шероховатой, какъ морской канатъ, поверхностью; сильные и могучія горизонтальныя вѣтви изобиловали промежуточными вѣтками; изящно вырѣзанные и почти черныя толстыя листья; выше—еще вѣтви, а еще выше—еще рядъ; чѣмъ выше, тѣмъ короче онѣ становились, пока не закончились узкой короной, заключающей это шумное и дрожащее зданіе.

„Обыкновенный горный дубъ—это лѣсной разбойникъ, неукротимый и неупорядоченный. Онъ вырастаетъ тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидаютъ: между шиповникомъ, въ расщелинахъ скалъ, на сухомъ ложѣ рѣки, на безплодной равнинѣ у истоковъ рѣки и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Дубъ—саѣга—растетъ очень медленно, и, какъ будто томимый бездѣятельностью, онъ протягиваетъ и искривляетъ руки, раздвигаетъ нижнія конечности и старѣетъ, искалѣченный и изъязвленный: тогда на одну сторону онъ надѣваетъ покровъ, а другую

оставляетъ обнаженной. Онъ не чистится и не чешется, а лишь мѣняетъ старое платье, когда весна разрываетъ его одежду въ клочки, чтобы замѣнить ее новой. На ногахъ у дуба образуются рубцы, на стволѣ вздуваются опухоли, мохъ и сорныя травы вырастаютъ на рукахъ; его давятъ и сжимаютъ отовсюду паразиты-растенія. Эта беззаботность и безпечность часто стоятъ болѣзни его членамъ, которые осыпаются, крошатся, пока, наконецъ, ихъ не срубятъ топоромъ дровосѣкъ. Остается глубокое гнѣздо, гдѣ вырастаютъ травы, если только пчелы не изберутъ себѣ здѣсь гнѣзда для выработки богатыхъ сотовъ меда, которыми никто не полакомится.

„Экземпляръ, о которомъ я рассказываю, былъ лучшимъ въ своемъ родѣ, и такъ какъ онъ провелъ жизньъ, глядя на своего родственника, вяза, то и сталъ походить на него стволомъ и листвою.

„Великолѣпно возвышается этотъ дубъ на склонѣ возвышенности, обращенномъ къ югу; его свитой былъ цѣлый легіонъ сородичей, карликовъ и кривыхъ, которые расплзались съ одной на другую сторону, подобно складкамъ оборки платья, и заглушались сорными и моховидными травами.

„Лучше было гиганту, такъ какъ ногами онъ опирался на зеленую и цвѣтущую мураву и освѣжался запасами хрустальной воды, которая протекала въ его тѣни и которую деревенская изобрѣтательность размѣстила по тремъ каменнымъ ложбинамъ, оставивъ незанятою противоположную сторону, сообразно съ уклономъ почвы, для того, чтобы вода изливалась въ изобиліи, и нуждающіеся въ ней могли черпать ее сосудами.

„На другой сторонѣ ствола, недалеко отъ источника, образовались широкія ступени, на которыхъ могли помѣститься рядомъ шестеро; плодородная почва одѣла ихъ зеленымъ и мягкимъ ковромъ. Съ этого мѣста, какъ и отъ источника, разстилалась чудесная перспектива“.

Мы старались уяснить читателю значеніе обильной и плодотворной литературной дѣятельности Перэды. Этотъ романистъ стоитъ на высотѣ лучшихъ литературныхъ преданій своего народа, возвышается до эпического стиля народной испанской поэзіи. Подъ его перомъ воскресла забытая жизнь приморскихъ и горныхъ селеній сѣверной части Пиренейскаго полуострова, и имъ извлечено изъ среды сказочное богатство мотивовъ, основанныхъ на живыхъ

отношеніяхъ челоѣка и природы. Изумительное обиліе, рельефность и оригинальность лексическаго матеріала, дѣлають Перэду недосигаемымъ мастеромъ слова для современниковъ. Въ лицѣ Перэды европейскій романъ имѣетъ родоначальника свѣжаго и здороваго художественнаго творчества, которому, по всему вѣроятію, придется замѣнить блѣдныя и чахлая произведенія поверхностнаго натурализма, адюльтерной интриги и салоннаго прозябанія иныхъ современныхъ модныхъ французскихъ романовъ.

Л. Шепелевичъ.

А К Т Ы

ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ПАМЯТНЫМЪ ОКТЯБРЬСКИМЪ ДНЯМЪ.

17-го минувшаго октября состоялся и 18-го—распубликованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

Великій объѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ Мы выполненіе непрелюбной Нашей воли:

1. Даровать населенію неизблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставить, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку,

и 3. Установить, какъ неизблемое правило, чтобы никакой законъ

не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вѣстѣ съ Нами напярѣкъ всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ“.

Объединить дѣятельность министровъ, впредь до утвержденія законопроекта о совѣтѣ министровъ, Высочайше повелѣно статсъ-секретарю графу Витте, на нижеслѣдующемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ котораго сдѣлана Государемъ Императоромъ надпись: „Принять къ руководству“.

„Вашему Императорскому Величеству, — сказано въ этомъ докладѣ, — благоугодно было передать мнѣ Высочайшія Вашего Величества указанія относительно направленія, по которому должно слѣдовать правительству, въ связи съ соображеніями о современномъ состояніи Россіи, и приказать соотвѣтственно сему представить всеподданнѣйшій докладъ.

Вслѣдствіе сего приѣмлю долгъ всеподданнѣйше представить нижеслѣдующее:

Волненіе, охватившее разнообразныя слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, лежатъ глубже. Они — въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы.

Въ уровень съ одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внѣшнія формы русской жизни. Первую задачу Правительства должно составлять стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкции черезъ Государственную Думу, основныхъ элементовъ правового строя: свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности. Укрѣпленіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ политической жизни общества должно послѣдовать путемъ нормальной законодательной разработки, наравнѣ съ вопросами, касающимися уравнинія передъ закономъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Само собою разумѣется, что предоставленіе населенію правъ гражданской свободы должно сопутствоваться законнымъ ограниченіемъ ея для твердаго огражденія правъ третьихъ лицъ, спокойствія и безопасности государства.

Слѣдующей задачей Правительства является установленіе такихъ учреждений и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго обще-

ства и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы. Задача эта сводится къ устроению правового порядка. Соотвѣтственно цѣлямъ водворенія въ государствахъ спокойствія и безопасности, экономическая политика Правительства должна быть направлена ко благу широкихъ народныхъ массъ, разумѣется, съ огражденіемъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ, признанныхъ во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Намѣченныя здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ основанія правительственной дѣятельности для полнаго осуществленія своего требуютъ значительной законодательной работы и послѣдовательнаго административнаго устроительства. Между выраженнымъ съ наибольшей искренностью принципомъ и осуществленіемъ его въ законодательныхъ нормахъ, а въ особенности проведеніемъ этихъ нормъ въ нравы общества и приемы правительственныхъ агентовъ, не можетъ не пройти нѣкоторое время. Принципы правового порядка воплощаются лишь постолько, поскольку населеніе получаетъ къ нимъ привычку — гражданскій навыкъ. Сразу приготовить страну со 135-милліоннымъ разнороднымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему далеко не достаточно власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабывающая твердость и послѣдовательность.

Для осуществленія сего, необходимымъ условіемъ является однородность состава Правительства и единство преслѣдуемой имъ цѣли. Но и Министерство, составленное, по возможности, изъ лицъ одинаковыхъ политическихъ убѣжденій, должно еще приложить всѣ старанія, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всѣхъ агентовъ власти отъ высшихъ до низшихъ. Заботой правительства должно быть практическое водвореніе въ жизнь главныхъ стимуловъ гражданской свободы. Положеніе дѣла требуетъ отъ власти приѣмовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній. Съ этой цѣлью Правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ Государственную Думу и, между прочимъ, искреннее стремленіе къ осуществленію мѣръ, предрѣшенныхъ Указомъ 12-го декабря.

Въ отношеніи къ будущей Государственной Думѣ заботой Правительства должно быть поддержаніе ея престижа, довѣрія къ ея работамъ и обезпеченіе подобающаго сему учрежденію значенія. Правительство не должно явиться элементомъ противодѣйствія рѣшеніямъ Думы, поскольку эти рѣшенія не будутъ, что невѣроятно, кореннымъ образомъ расходиться съ величіемъ Россіи, достигнутымъ тысячелѣтней ея исторіей. Правительство должно слѣдовать мысли, высказанной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ Манифестѣ объ образованіи Государственной Думы, что Положеніе о Думѣ подлежитъ дальнѣйшему развитію въ зависимости отъ выяснившихся несовершенствъ и запросовъ времени. Правительству надлежитъ выяснять и установить эти запросы, руководствуясь, конечно, господствующей въ большинствѣ общества идеей, а не отголосками хотя бы и рѣзко выраженныхъ требованій отдѣльныхъ кружковъ, удовлетвореніе

которых невозможно уже потому, что они постоянно мѣняются. Но удовлетвореніе желаній широкихъ слоевъ общества путемъ той или иной формулировки гарантій гражданскаго правопорядка необходимо.

Весьма важно сдѣлать реформу Государственнаго Совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборнаго элемента, ибо только при этомъ условіи можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и Государственной Думой.

Не перечисляя дальнѣйшихъ мѣропріятій, которыя должны находиться въ зависимости отъ обстоятельствъ, я полагаю, что дѣятельность власти на всѣхъ ступеняхъ должна быть охвачена слѣдующими руководящими принципами:

1. Прямота и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы.

2. Стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній.

3. Согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ Правительства.

4. Устраненіе репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно не угрожающихъ обществу и государству,

и 5. Противодѣйствіе дѣйствіямъ, явно угрожающимъ обществу и государству, опираясь на законъ и въ духовномъ единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества.

Само собою разумѣется, что осуществленіе поставленныхъ выше задачъ возможно лишь при широкомъ и дѣятельномъ содѣйствіи общества и при соотвѣтствующемъ спокойствіи, которое позволило бы направить силы къ плодотворной работѣ. Слѣдуетъ вѣрить въ политическій тактъ русскаго общества. Не можетъ быть, чтобы русское общество желало анархіи, угрожающей, помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ государства“.

19-го октября подписанъ Высочайшій указъ Прав. Сенату о преобразованіи Совѣта Министровъ. Приводимъ главныя его постановленія:

„На Совѣтъ Министровъ возлагается направленіе и объединеніе дѣйствій главныхъ начальниковъ вѣдомствъ по предметамъ какъ законодательства, такъ и высшаго государственнаго управленія.

Совѣтъ Министровъ состоитъ изъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, принадлежащими къ общему министерскому устройству. Главные начальники прочихъ вѣдомствъ участвуютъ въ Совѣтѣ лишь по предметамъ своего вѣдомства.

Совѣтъ Министровъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ министровъ, по избранію Государя Императора, или особаго, призываемаго къ тому Монаршимъ довѣріемъ; лица.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ, хотя бы онъ и не завѣдывалъ отдѣльною частью государственнаго управленія, можетъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ министры, участвовать по дѣламъ всѣхъ вѣдомствъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ и заступать cadaго изъ главныхъ начальниковъ вѣдомствъ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ по тѣмъ, подлежащимъ вѣдѣнію Совѣта, дѣламъ, кои требуютъ Высочайшаго разрѣшенія, входитъ со

всеподданнѣйшими докладами къ Императорскому Величеству, а о прочихъ предметахъ повергаетъ на Высочайшее благовозрѣніе въ случаяхъ, заслуживающихъ Монаршаго вниманія.

Предсѣдателю Совѣта Министровъ предоставляется обращаться къ начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ и частей управленія о доставленіи необходимыхъ ему свѣдѣній и объясненій.

Совѣтъ Министровъ не рѣшаетъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Государственной Думы и Государственного Совѣта.

Предположенія главныхъ начальниковъ вѣдомствъ, равно какъ особыхъ совѣщаній, комитетовъ и комиссій, по предметамъ законодательства, а также инымъ, подлежащимъ вѣдѣнію Государственной Думы и Государственного Совѣта, не могутъ быть вносимы въ сіе установленія безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ Совѣтъ Министровъ главныхъ основаній этихъ предположеній и существенныхъ ихъ частей.

Никакая, имѣющая общее значеніе, мѣра управленія не можетъ быть принята главными начальниками вѣдомствъ помимо Совѣта Министровъ. Предсѣдателю Совѣта доставляются министрами и главноуправляющими отдѣльными частями безотлагательно свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся, происходящихъ въ государственной жизни, событіяхъ и вызванныхъ ими мѣрахъ и распоряженіяхъ. Таковыя мѣры и распоряженія предсѣдатель Совѣта, если признаетъ нужнымъ, предлагаетъ на обсужденіе Совѣта.

Дѣла, относящіяся до вѣдомства Императорскаго Двора и Удѣловъ, государственной обороны и внѣшней политики, вносятся въ Совѣтъ Министровъ, когда послѣдуетъ на то Высочайшее повелѣніе, или когда начальники подлежащихъ вѣдомствъ признаютъ сіе необходимымъ, или же когда упомянутыя дѣла касаются другихъ вѣдомствъ.

Предположенія начальниковъ вѣдомствъ, принадлежащихъ къ общему министерскому устройству, о замѣщеніи главныхъ должностей высшаго и мѣстнаго управленія, поступаютъ на обсужденіе Совѣта Министровъ. Правило сіе не распространяется на должности по вѣдомству Императорскаго Двора и Удѣловъ и по управленію арміею и флотомъ, а также на должности дипломатическія.

Если по дѣламъ, разсмотрѣннымъ въ Совѣтъ Министровъ, не состоялось единогласнаго заключенія, то на дальнѣйшее направленіе ихъ предсѣдатель Совѣта испрашиваетъ указаній Императорскаго Величества.

Главными начальниками вѣдомствъ сообщаются предсѣдателю Совѣта Министровъ предварительно всѣ, подлежащія представленію на Высочайшее благоусмотрѣніе, всеподданнѣйшіе доклады, имѣющіе общее значеніе или касающіеся другихъ вѣдомствъ. Такіе всеподданнѣйшіе доклады вносятся на разсмотрѣніе Совѣта его предсѣдателемъ или же, по соглашенію его съ подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью, докладываются сими послѣдними непосредственно Государю Императору, при томъ, въ случаѣ надобности, въ присутствіи предсѣдателя Совѣта Министровъ“.

21-го октября воспослѣдовалъ другой указъ Правительствующему Сенату, имѣющій предметомъ амнистію за политическія преступленія:

„Манифестомъ 14 - го октября“ — сказано въ этомъ указѣ“, — Мы возложили на обязанность правительства выполнение непреклонной Нашей воли даровать населенію неизблемыя основы гражданской свободы.

Въ соотвѣтствіе съ симъ государственнымъ событіемъ, Мы признали за благо прежде всего облегчить участь лицъ, впадшихъ до воспослѣдованія сего манифеста въ преступныя дѣянія государственныя, а посему Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1) Освободить отъ преслѣдованія, суда, наказанія и прочихъ послѣдствій и даровать полное помилованіе всѣмъ совершившимъ до 17 октября 1905 года преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя статьями 103, 104, 106, 107, 121, 125, 126 (ч. 1), 127, 128, 129, 130, 131, 132, 134 (ч. 1 п. 3), 163, 164, 166 (ч. 2), 168 (3 ч.) и 173 (ч. 4, въ отношеніи преступнаго дѣянія, учиненнаго безъ насилія), Высочайше утвержденного 22 марта 1903 года уголовного уложенія, а также принимавшимъ участіе въ стачкахъ и нарушеніяхъ условій найма, предусмотрѣнныхъ статьями 1358, 1358¹, 1358² и 1358³ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, по прод. 1902 года, и статью 51⁴ (ч. 1) устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по тому же продолженію.

Милость сію распространить на всѣхъ, какъ осужденныхъ и отбывающихъ наказанія за извѣщенные преступныя дѣянія, такъ и на тѣхъ, противу коихъ по сей день не было возбуждено уголовного преслѣдованія или не послѣдовало судебного приговора.

2) Для отбывающихъ наказанія за учиненныя свыше десяти лѣтъ тому назадъ преступныя дѣянія государственныя и тѣ преступныя посягательства иного рода, за кои виновные были преданы военному суду на основаніи статей 17 и 31 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прилож. 1 къ ст. 1, прим. 2, Св. зак. т. XIV, уст. пред. прест., изд. 1890 г.) и статьи 17 правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи (прилож. къ ст. 23, Св. зак. т. II общ. губ. учр., изд. 1892 г.), отъ наказаній исправительныхъ освободить, а ссыльно-каторжныхъ перевести на поселеніе, сосланнымъ же на поселеніе, равно и перешедшимъ понынѣ изъ каторжныхъ работъ на поселеніе и имѣющимъ быть переведенными изъ каторги въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ разрѣшить, по истеченіи четырехъ лѣтъ пребыванія въ ссылкѣ, избраніе мѣстожительства, съ воспрещеніемъ имъ, въ теченіе трехъ лѣтъ жительства въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, съ отдачею ихъ на тотъ же срокъ подъ надзоръ полиціи и съ признаніемъ ихъ, взаменъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными по статьѣ 43 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ.

3) Лицамъ, кои не подойдутъ подъ дѣйствіе п. 1 и 2, присужденнымъ до 17 октября 1905 года къ наказаніямъ за преступныя дѣянія государственныя и тѣ преступныя посягательства иного рода, за кои виновные были преданы военному суду на основаніи статей 17 и 31 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прил. 1 къ ст. 1 прим. 2, Св. зак. т. 14 уст.

о пред. прест. изд. 1890 г.) и статьи 17 правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи (прил. къ ст. 23 Св. зак. т. 2 общ. губ. учр. изд. 1892 г.), сократить на половину срокъ назначеннаго имъ лишенія свободы, а присужденнымъ къ безсрочной каторгѣ — замѣнить таковую каторгою на 15 лѣтъ, сосланнымъ же на поселеніе, равно и перешедшимъ понинѣ изъ каторжныхъ работъ на поселеніе, а также имѣющимъ быть переведенными изъ каторги въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ разрѣшить, по истеченіи четырехъ лѣтъ пребыванія въ ссылкѣ, избраніе мѣстожителства съ соотвѣтствующимъ примѣненіемъ ограниченій и послѣдствій, въ п. 2 указанныхъ. Въ отношеніи лицъ, указанныхъ въ настоящемъ пунктѣ, повелѣваемъ министрамъ военному, морскому и юстиціи, по принадлежности чрезъ Совѣтъ Министровъ, входить къ Намъ съ особыми всеподданнѣйшими докладами о дальнѣйшемъ облегченіи участи осужденныхъ въ случаѣ, если они не были присуждены къ наказанію за смертоубійство и по обстоятельствамъ дѣла заслуживаютъ особаго снисхожденія.

4) Милости, даруемыя пп. 2 и 3, распространить на лицъ, кои будутъ присуждены къ наказаніямъ за указанныя въ этихъ пунктахъ преступныя дѣянія, учиненныя до 17 октября 1905 г.

5) Милости, даруемыя пп. 1, 2 и 3, распространить на лицъ, воспользовавшихся льготами по предшествующимъ Всемиловитѣйшимъ манифестамъ, а равно и на тѣхъ, коимъ наказанія за указанныя въ этихъ пунктахъ преступныя дѣянія были смягчены до 17 октября 1905 г. по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

6) Лицъ, подвергнутыхъ до 17 октября 1905 г. въ административномъ порядкѣ (ст. 1035 и слѣд. уст. угол. суд., Св. зак. т. XIV ч. I изд. 1892 г.) за преступныя дѣянія государственныя, на основаніи Высочайшихъ повелѣній, административнымъ взысканіямъ, равно тѣхъ, кои подвергнуты такимъ же взысканіямъ согласно статьямъ 16 (п. 4) и 32—36 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прил. I къ ст. 1 (прим. 2) Св. зак. т. XIV, уст. пред. прест., изд. 1890 г.), освободить отъ дальнѣйшаго отбыванія сихъ взысканій.

Въ отношеніи лицъ, подвергнутыхъ административнымъ взысканіямъ въ предѣлахъ Кавказскаго края, милости, въ семь пунктѣ указанныя, примѣняются намѣстникомъ Нашимъ на Кавказѣ, по мѣрѣ умиротворенія сего края.

7) Всѣмъ, присужденнымъ до 17 октября 1905 г. къ смертной казни, а равно подлежащимъ этому наказанію за учиненныя до этого дня преступныя дѣянія, замѣнить смертную казнь ссылкой въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ“.

19-го октября состоялось циркулярное распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати, существенная часть котораго заключается въ слѣдующемъ:

„Высочайшій Манифестъ 17-го октября вызоветъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ изданіе новаго закона въ измѣненіе дѣйствующ-

шаго нынѣ устава о цензурѣ. Впредь до изданія этого закона всѣ законоположенія, опредѣляющія дѣятельность учрежденій и лицъ цензурнаго вѣдомства, остаются въ полной силѣ; самое же отношеніе цензуры къ произведеніямъ печати должно кореннымъ образомъ измѣниться, сообразуясь съ ясно и опредѣленно выраженной въ Манифестѣ волею Государя Императора.

Такъ какъ ни въ одномъ государствѣ не существуетъ такой свободы печатнаго слова, которая не была бы ограничена опредѣленными карательными законами, а потому и у насъ эти законы будутъ всегда ограничивать свободу печати, то цензурному вѣдомству въ настоящее время надлежитъ прежде всего принять въ основу своей дѣятельности къ руководству наше уголовное законодательство, предусматривающее цѣлый рядъ преступленій, которыя могутъ быть совершаемы посредствомъ печати, а также согласованныя съ уголовными законами статьи цензурнаго устава.

Въ отношеніи преступленій государственныхъ, въ числѣ коихъ имѣется цѣлый рядъ преступныхъ дѣяній, которыя могутъ быть совершаемы посредствомъ печати, въ настоящее время дѣйствуетъ уже Уголовное Уложеніе 1903 года, а именно—статьи: 103, 104, 106, 107, 111, 128, 129, 132 и 133, прочія же преступленія печати предсмотрымы въ соответствующихъ статьяхъ уложенія о наказаніяхъ.

Руководствуясь, впредь до измѣненія цензурнаго устава, изложенными въ этомъ уставѣ правилами для цензуры (ст. 93 и посл.), цензора должны сообразоваться съ новыми условіями, въ которыя поставлена печать, и личнымъ тактомъ и полнымъ устраненіемъ какихъ-либо требованій, не основанныхъ на законѣ, избѣгать возможности всякаго рода справедливыхъ нареканій.

Въ случаѣ появленія въ повременныхъ изданіяхъ, выходящихъ нынѣ безъ предварительной цензуры, такихъ статей, которыя заключаютъ въ себѣ признаки преступленій, а также въ случаѣ помѣщенія такихъ статей въ подцензурныхъ изданіяхъ безъ разрѣшенія или вопреки запрещенію цензуры, отдѣльные цензора и другія лица, цензирующія повременныя изданія, независимо отъ сообщенія о семъ въ порядкѣ 1213 ст. уст. угол. суд. главному управленію по дѣламъ печати, имѣютъ безотлагательно доводить о томъ же до свѣдѣнія мѣстнаго прокурорскаго надзора, отъ котораго будетъ зависѣть возбужденіе противъ виновныхъ уголовного преслѣдованія“.

Одновременно съ этимъ отмѣнены всѣ распоряженія, объявленные на основаніи ст. 140-ой уст. о ценз. и печ. (т.-е. запрещенія касаться въ печати того или другого вопроса), всѣ запрещенія розничной продажи и всѣ мѣры, принятые на основаніи прим. къ ст. 144-ой (т.-е. подчинявшія періодическія изданія послѣ трехъ предостереженій извѣстному виду предварительной цензуры).

Въ то же самое время собраніе делегатовъ повременной печати, представленной въ Союзъ для защиты свободы слова, единогласно постановило: сообщить правительству справку о мѣрахъ по вопросамъ объ амнистіи и о свободѣ печати:

I. Въ отношеніи предѣловъ и видовъ амнистіи присоединиться къ резолюціи, представленной графу С. Ю. Витте петербургской группой Союза писателей ¹⁾.

II. Въ отношеніи свободы печати Союзъ признаетъ необходимымъ изданіе новаго закона на слѣдующихъ общихъ основаніяхъ: 1) явочный порядокъ для возникновенія изданій и отмѣна залоговъ; 2) отмѣна предварительной (т.-е. до напечатанія) и запретительной (т.-е. до выхода въ свѣтъ) цензуры; 3) отвѣтственность за общія преступленія, совершенныя путемъ печати, исключительно по суду, съ подсудностью суду присяжныхъ.

III. Для того, чтобы печать могла въ настоящее время, въ рамкахъ нынѣ дѣйствующихъ условий, правомѣрно осуществлять ту свободу, которую Союзъ во всякомъ случаѣ будетъ фактически осуществлять теперь же, необходимо немедленно, впредь до изданія указанного выше общаго закона, установить: 1) отмѣну предварительной цензуры всѣхъ видовъ для всѣхъ повременныхъ изданій, книгъ и брошюръ на всѣхъ языкахъ; 2) отмѣну требованія предъявлять въ цензуру номера повременныхъ изданій ранѣе сдачи ихъ на почту, а книгъ и брошюръ ранѣе выпуска ихъ въ свѣтъ; 3) отмѣну наложенія взысканій въ административномъ порядкѣ, а равно и задержанія и воспрещенія книгъ въ томъ же порядкѣ; 4) сложеніе всѣхъ нынѣ наложенныхъ взысканій со всѣми ихъ послѣдствіями; 5) отмѣну права администраціи изымать изъ обсужденія тѣ или иные вопросы.

IV. Союзъ въ защиту слова находитъ, что отмѣна нынѣ дѣйствующей концессионной системы разрѣшенія изданій не можетъ быть отложена до изданія новаго общаго закона о печати, и что система явочная должна быть введена въ самомъ непродолжительномъ времени.

V. Впредь до пересмотра уголовныхъ законовъ о печати признать, что никто не можетъ подлежать отвѣтственности за самое содержаніе высказываемыхъ имъ мнѣній, если только этимъ не совершается какого-либо общаго преступленія (оскорбленія, нарушенія правъ третьихъ лицъ, призыва къ преступленію, нарушенія общественной нравственности и т. п.).

На основаніи этого постановленія періодическія изданія послѣ прекращенія (21-го октября) забастовки наборщиковъ, выходятъ въ свѣтъ безъ представленія въ цензуру.

За нѣсколько дней до манифеста 17-го октября были обнародованы Высочайше утвержденныя временныя правила относительно публичныхъ собраній по вопросамъ государственнымъ, общественнымъ и экономическимъ. Вотъ важнѣйшія изъ нихъ:

1) Желаящій устроить собраніе обязанъ письменно заявить о томъ начальнику мѣстной полиціи — градоначальнику, оберъ-полицеймейстеру либо полиціеймейстеру или же исправнику, либо соотвѣтствующему ему должностному лицу — не позднѣе, какъ за трое сутокъ до

¹⁾ Въ этой резолюціи заявлено было требованіе полной и безусловной амнистіи по всѣмъ преступленіямъ противъ политическаго и церковнаго строя, въ которомъ до сихъ поръ жила Россія.

открытія собранія, а если о времени и мѣстѣ онаго предполагается огласить во всеобщее свѣдѣніе, то не позднѣе, какъ за трое сутокъ до такого оглашенія. Если собраніе созывается не въ мѣстѣ постоянного пребыванія начальника полиціи, то заявленіе должно быть подано не позднѣе, какъ за семь сутокъ до открытія собранія или оглашенія о немъ.

2) Въ заявленіи должны быть точно означены день, часть, мѣсто и предметъ занятій собранія, а также имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства устроителя или устроителей собранія. Если въ собраніи назначено выслушаніе доклада, сообщенія или рѣчи заранѣе опредѣленнаго лица, то его имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства должны быть указаны въ заявленіи.

3) Собранія, цѣль или предметъ занятій которыхъ противны закону или устройству которыхъ угрожаетъ общественнымъ спокойствію и безопасности, воспрещаются начальникомъ полиціи. О такомъ воспрещеніи, съ указаніемъ, по какому изъ сихъ основаній оно послѣдовало, устроители извѣщаются за однѣ сутки до предполагаемаго открытія собранія или оглашенія о немъ во всеобщее свѣдѣніе, а если собраніе созывалось не въ мѣстѣ постоянного пребыванія начальника полиціи, то за двое до того сутокъ.

4) Собранія могутъ происходить лишь въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

5) На собранія не допускаются: лица вооруженныя, за исключеніемъ тѣхъ, коимъ ношеніе оружія присвоено закономъ, состоящіе на дѣйствительной службѣ нижніе воинскіе чины, учащіеся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще малолѣтніе.

6) Надзоръ за соблюденіемъ порядка въ собраніи и за тѣмъ, чтобы оно не уклонялось отъ предмета занятій, возлагается на устроителей собранія. Для исполненія этихъ обязанностей устроители могутъ избрать изъ своей среды одного или нѣсколькихъ распорядителей, о чемъ должны быть извѣщены, до открытія собранія, начальникъ мѣстной полиціи или назначенное для присутствія въ собраніи должностное лицо. Если собраніемъ избранъ предсѣдатель, то на него переходить обязанности по указанному выше надзору.

7) Лицо, на которое возлагается надзоръ за порядкомъ въ собраніи, обязано устранять всякія противозаконныя проявленія со стороны находящихся въ собраніи лицъ и немедленно принимать соотвѣтственныя мѣры къ восстановленію порядка. Если послѣ двукратнаго предупрежденія порядокъ въ собраніи не будетъ восстановленъ, то надзирающій за порядкомъ въ немъ обязанъ распорядиться закрытіемъ собранія: а) когда оно явно отклонится отъ предмета его занятій; б) когда въ собраніи высказываются сужденія, возбуждающія вражду одной части населенія противъ другой; в) когда въ собраніи производятся неразрѣшенные денежныя сборы; г) когда въ немъ оказываются лица, въ собранія не допускаемыя, и эти лица не покинутъ собранія или не будутъ изъ него удалены, и д) когда нарушенъ порядокъ собранія мятежными возгласами либо заявленіями, восхваленіемъ либо оправданіемъ преступленій, возбужденіемъ къ насилию либо неповиновенію властямъ, или же распространеніемъ преступныхъ воззваній либо изданій и, вслѣдствіе того, собраніе приняло характеръ, угрожающій общественнымъ спокойствію и безопасности.

8) Губернатору или начальнику мѣстной полиціи предоставляется назначать, для присутствія въ собраніи, должностное лицо, коему отводится мѣсто, по его указанію, надзирающимъ за порядкомъ въ собраніи. По требованію назначеннаго для присутствія въ собраніи должностного лица, надзирающій за порядкомъ въ собраніи сообщаетъ сему лицу имя, отчество и фамилію принимавшихъ участіе въ сужденіяхъ.

9) При наличности условій, въ статьѣ 7 указанныхъ, назначенному для присутствія въ собраніи должностному лицу предоставляется потребовать закрытія онаго. Если надзирающій за порядкомъ въ собраніи не исполнитъ такого требованія, то, послѣ двукратнаго предупрежденія, означенное должностное лицо закрываетъ собраніе своею властью.

10) Собраніе, состоявшееся безъ предварительнаго заявленія или вопреки воспрещенію, закрывается полиціею.

11) По объявленіи собранія закрытымъ, участники его обязаны разойтись. Въ случаѣ неисполненія сего, они удаляются мѣрами полиціи.

12) Жалобы на распоряженія и дѣйствія должностныхъ лицъ, упомянутыя въ статьяхъ 1, 3 и 8—11, приносятся въ общеустановленномъ порядкѣ.

Собранія всякаго рода подъ открытымъ небомъ по вопросамъ государственнымъ, общественнымъ или экономическимъ допускаются, съ соблюденіемъ вышеизложенныхъ правилъ, не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія губернатора или градоначальника.

Дѣйствію вышеизложенныхъ правилъ подчинены публичныя собранія учрежденныхъ въ установленномъ порядкѣ обществъ, съ тѣмъ однако, что если предметъ собранія такого общества разрѣшенъ его уставомъ, то собраніе не можетъ быть воспрещено въ порядкѣ, ст. 3 упомянутыхъ правилъ указанномъ.

Разрѣшеніе съѣздовъ, въ томъ числѣ и съѣздовъ лицъ опредѣленныхъ званій или занятій, если порядокъ созыва сихъ съѣздовъ не установленъ закономъ или Высочайше утвержденнымъ уставомъ, предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы къ публичнымъ собраніямъ съѣздовъ по вопросамъ государственнымъ, общественнымъ или экономическимъ примѣнялись правила, установленныя выше.

Дѣйствіе правилъ о публичныхъ собраніяхъ не распространяется на частныя всякаго рода собранія, съ тѣмъ, однако, чтобы вышеупомянутыя правила примѣнялись къ такимъ частнымъ собраніямъ по вопросамъ государственнымъ, общественнымъ или экономическимъ, приглашеніе къ участію въ коихъ совершается безыменными извѣщеніями или объявленіями въ повременныхъ изданіяхъ.

Въ подробномъ циркулярѣ, разосланномъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, заведующимъ полиціею, вслѣдъ за обнародованіемъ правилъ о публичныхъ собраніяхъ, встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее ихъ разъясненіе:

„Разъ Высочайшею властью признано соотвѣтственнымъ даровать населенію новое право, пользованіе послѣднимъ не должно быть стѣсняемо какими-либо излишними мѣрами, а ограниченіе самого права можетъ послѣдовать лишь въ случаяхъ, въ самомъ законѣ указанныхъ. Сочраженія эти въ особенности надо имѣть въ виду по вопросамъ о закрытіи допущеннаго уже собранія. Въ законѣ установлены признаки, наличность которыхъ даетъ право признавать, что подобное собраніе приняло угрожающій общественнымъ спокойствію и безопасности характеръ. Признакамъ этимъ отнюдь, однако, не должно быть придаваемо того значенія, что разъ на собраніи произошелъ тотъ или иной фактъ, признакамъ этимъ соотвѣтствующій—собраніе должно быть немедленно же закрыто. Единичный мятѣжный возгласъ или заявленіе, временное отклоненіе собранія отъ предмета занятій, высказанное гѣмъ-либо сужденіе, не нашедшее себѣ отклика, не остановленный тотчасъ же предсѣдателемъ сборъ денегъ, разброска или передача какихъ-либо листовъ и воззваній, содержаніе которыхъ не подвергнуто немедленному обсужденію, и т. п. обстоятельства,—въ особенности при непривычкѣ населенія къ публичной дѣятельности,—должны служить лишь къ усиленію вниманія присутствующаго на собраніи должностнаго лица, въ крайнемъ случаѣ, къ обращенію его къ надзирающему за порядкомъ предсѣдателю или распорядителю съ заявленіемъ о необходимости возстановить порядокъ. Лишь исчерпавъ всѣ мѣры предупрежденія и въ томъ случаѣ, когда собраніе уже дѣйствительно приняло характеръ мятѣжнаго или шумнаго сходбища, намѣревающагося отъ словъ перейти къ какимъ-либо, въ особенности насильственнымъ, дѣйствіямъ, присутствующій на немъ представитель власти обязанъ распорядиться его закрытіемъ „порядкомъ, въ правилахъ указанныхъ“.

Къ тѣмъ же памятнымъ октябрьскимъ днямъ относится выработка нижеслѣдующей „Программы конституціонно-демократической партіи“, выработанной учредительнымъ съѣздомъ партіи --- 12 — 18 октября сего года:

І. Основныя права гражданъ.

1. Всѣ россійскіе граждане, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности, равны передъ закономъ. Всякія сословныя различія и всякія ограниченія личныхъ и имущественныхъ правъ поляковъ, евреевъ и всѣхъ безъ исключенія другихъ отдѣльныхъ группъ населенія должны быть отмѣнены.

2. Каждому гражданину обезпечивается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія. Никакія преслѣдованія за исповѣдуемые вѣрованія и убѣжденія, за перемѣну или отказъ отъ вѣроученія не допускаются. Отправленіе религіозныхъ и богослужебныхъ обрядовъ и распространеніе вѣроученій свободно, если только совершаемыя при этомъ дѣйствія не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо общихъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ уголовными законами. Православная церковь и другія исповѣданія должны быть освобождены отъ государственной опеки.

3. Каждый воленъ высказывать изустно и письменпо свои мысли,

а равно обнародовать ихъ и распространять путемъ печати или иныиъ способомъ. Цензура, какъ общая, такъ и специальная, какъ бы она ни называлась, упраздняется и не можетъ быть восстановлена. За преступленія и проступки, совершенные путемъ устнаго и печатнаго слова, виновный отвѣчаетъ только передъ судомъ.

4. Всѣмъ россійскимъ гражданамъ предоставляется право устраивать публичныя собранія какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ для обсужденія всякаго рода вопросовъ.

5. Всѣ россійскіе граждане имѣютъ право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрѣшенія.

6. Право петиціи предоставляется, какъ отдѣльнымъ гражданамъ, такъ и всякаго рода группамъ, союзамъ, собраніямъ и т. п.

7. Личность и жилище каждого должны быть неприкосновенны. Входъ въ частное жилище, обыскъ, выемка въ немъ и вскрытіе частной переписки допускается только въ случаяхъ, установленныхъ закономъ, и не иначе какъ по постановленію суда. Всякое задержанное лицо въ городахъ и другихъ мѣстахъ пребыванія судебной власти въ теченіе 24-хъ часовъ, а въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи не позднѣе, какъ въ теченіе 3-хъ сутокъ со времени задержанія, должно быть или освобождено, или представлено судебной власти. Всякое задержаніе, произведенное безъ достаточнаго основанія или продолженное сверхъ законнаго срока, даетъ право пострадавшему на возмѣщеніе государствомъ понесенныхъ имъ убытковъ.

8. Никто не можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію и наказанію иначе, какъ на основаніи закона — судебной властью и установленнымъ закономъ судомъ. Никакіе чрезвычайные суды не допускаются.

9. Каждый гражданинъ пользуется свободой передвиженія и выѣзда за границу. Паспортная система упраздняется.

10. Всѣ вышеозначенныя права гражданъ должны быть введены въ основной законъ Россійской имперіи и обезпечены судебной защитой.

11. Основной законъ Россійской имперіи долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ имперію народностямъ помимо полной гражданской и политической равноправности всѣхъ гражданъ право свободного культурнаго самоопредѣленія, какъ-то: полную свободу употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ публичной жизни, свободу основанія и содержанія учебныхъ заведеній и всякаго рода собраній, союзовъ и учрежденій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе языка, литературы и культуры каждой народности и т. п.

12. Русскій языкъ долженъ быть языкомъ центральныхъ учреждений, арміи и флота. Употребленіе на-ряду съ общегосударственнымъ мѣстныхъ языковъ въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на средства государства или органовъ самоуправления, регулируется общими и мѣстными законами, а въ предѣлахъ ихъ — самими управленіями. Населенію каждой мѣстности должно быть обезпечено полученіе начальнаго, а по возможности и дальнѣйшаго образованія на родномъ языкѣ.

II. Государственный строй.

13. Конституционное устройство Россійскаго государства опредѣляется основнымъ закономъ.

14. Народные представители избираются всеобщю, равною, прямою и тайною подачей голосовъ, безъ различія вѣроисповѣданія, національности и пола ¹⁾.

Партія допускаетъ въ своей средѣ различіе мнѣній по вопросу объ организаціи народнаго представительства, въ видѣ одной или двухъ палатъ, изъ которыхъ вторая палата должна состоять изъ представителей отъ органовъ мѣстнаго самоуправления, реорганизованныхъ на началахъ всеобщаго голосованія и распространенныхъ на всю Россію.

15. Народное представительство участвуетъ въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью и цѣлесообразностью дѣйствій высшей и низшей администраціи.

16. Ни одно постановленіе, распоряженіе, указъ, приказъ и тому подобный актъ, не основанный на постановленіи народнаго представительства, какъ бы онъ ни назывался и отъ кого бы ни исходилъ, не можетъ имѣть силы закона.

17. Государственная роспись, въ которую должны быть вносимы всѣ доходы и расходы государства, устанавливается не болѣе какъ на одинъ годъ законодательнымъ порядкомъ. Никакіе налоги, пошлины и сборы въ пользу государства, а равно и государственные займы не могутъ быть устанавливаемы иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ.

18. Членамъ собранія народныхъ представителей принадлежить право законодательной инициативы.

19. Министры отвѣтственны передъ собраніемъ народныхъ представителей, членамъ котораго принадлежить право запроса и интерпелляціи.

III. Мѣстное самоуправленіе и автономія.

20. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на все руссійское государство.

21. Представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправления, приближенное къ населенію путемъ учрежденія мелкихъ самоуправляющихся единицъ, должно быть основано на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и закрытомъ голосованіи безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національностей, причемъ собранія высшихъ самоуправляющихся союзовъ могутъ быть образованы путемъ избранія собраніями низшихъ такихъ же союзовъ. Губернскимъ земствамъ должно быть предоставлено право вступать во временные и постоянные союзы между собою.

¹⁾ *Примѣчаніе.* По вопросу о немедленномъ распространеніи избирательнаго права на женщинъ меньшинство осталось по практическимъ соображеніямъ при особомъ мнѣніи, въ силу чего сѣздъ призналъ рѣшеніе партіи по данному вопросу необязательнымъ для меньшинства.

22. Кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ простирается на всю область мѣстнаго управленія, включая полицію безопасности и благочинія и за исключеніемъ лишь тѣхъ отраслей управленія, которыя въ условіяхъ современной государственной жизни необходимо должны быть сосредоточены въ рукахъ центральной власти, съ предоставленіемъ въ пользу органовъ мѣстнаго самоуправления части средствъ, поступающихъ въ настоящее время въ государственный бюджетъ.

23. Дѣятельность мѣстныхъ представителей центральной власти должна сводиться къ надзору за законностью дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправления, причемъ окончательное рѣшеніе по возникающимъ въ этомъ отношеніи спорамъ и сомнѣніямъ должно принадлежать судебнымъ учрежденіямъ.

24. Послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго представительства съ конституціонными правами для всего Россійскаго государства долженъ быть открытъ правомѣрный путь, въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства, для установленія мѣстной автономіи и областныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ, соотвѣтственно потребности населенія.

25. Немедленно по установленіи общеимперскаго демократическаго представительства съ конституціонными правами въ царствѣ Польскомъ вводится автономное устройство съ сеймомъ, избираемымъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и общегосударственное представительство, при условіи сохраненія государственнаго единства и участія въ центральномъ представительствѣ на одинаковыхъ съ прочими частями имперіи основаніяхъ. Границы между царствомъ Польскимъ и сосѣдними губерніями могутъ быть исправлены въ соотвѣтствіи съ племеннымъ составомъ и желаніемъ мѣстнаго населенія, причемъ въ царствѣ Польскомъ должны дѣйствовать общегосударственныя гарантіи гражданской свободы и права національности на культурное самоопредѣленіе и должны быть обезпечены права меньшинства.

26. Финляндія. Конституція Финляндіи, обезпечивающая ея особенное государственное положеніе, должна быть всецѣло возстановлена. Всякія дальнѣйшія мѣропріятія, общія имперіи и великому княжеству Финляндскому, должны быть впредь дѣломъ соглашенія между законодательными органами имперіи и великаго княжества.

IV. Судъ.

27. Всѣ отступленія отъ началъ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 года, устанавливающихъ отдѣленіе судебной власти отъ административной (несмѣняемость, независимость и гласность суда и равенство всѣхъ передъ судомъ), какъ внесенныя позднѣйшими новеллами, такъ и допущенныя при самомъ составленіи Уставовъ, упраздняются. Въ этихъ видахъ прежде всего: а) не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ правило о томъ, что никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію безъ вошедшаго въ силу приговора компетентнаго суда; б) всякое вмѣшательство министра юстиціи въ назначеніе на судебскія должности или перемѣщеніе судей, а тѣмъ болѣе въ производство судебныхъ дѣлъ, устраняется. Судьи наградъ не получаютъ;

с) отвѣтственность должностныхъ лицъ опредѣляется на общемъ основаніи; d) компетенція суда присяжныхъ опредѣляется исключительно тяжестью наказанія, назначеннаго въ законѣ безотносительно къ роду дѣлъ, причемъ, однако, этой компетенціи во всякомъ случаѣ подлежатъ всѣ преступленія государственныя и противъ законовъ о печати. Судъ съ сословными представителями упраздняется. Компетенція выборнаго мирового суда подчиняются и дѣла волостной юстиціи. Волостной судъ и институтъ земскихъ начальниковъ упраздняются. Требованіе имущественнаго ценза какъ для замѣщенія должности мирового судьи, такъ и для отправленія обязанностей присяжнаго застѣдателя отмѣняется; е) возстановляется принципъ единства кассаціоннаго суда. Адвокатура организуется на началахъ истиннаго самоуправленія.

28. Независимо отъ этого въ осуществленіе наиболѣе назрѣвшихъ и безспорныхъ требованій уголовной политики процесса: а) смертная казнь отмѣняется безусловно и навсегда; б) вводится условное осужденіе; с) устанавливается защита на предварительномъ слѣдствіи; d) въ обрядъ преданія суду вводится состязательное начало.

29. Ближайшей задачей является полный пересмотръ Уголовнаго Уложенія, отмѣна постановленій, противорѣчащихъ началамъ политической свободы, и переработка проекта Гражданскаго Уложенія.

V. Финансовая и экономическая политика.

30. Пересмотръ государственнаго расходнаго бюджета въ цѣляхъ уничтоженія непроизводительныхъ по своему назначенію или своимъ размѣрамъ расходовъ и соотвѣтственнаго увеличенія затратъ государства на дѣйствительныя нужды народа.

31. Отмѣна выкупныхъ платежей.

32. Развѣтленіе прямого обложенія на счетъ косвеннаго; общее пониженіе косвеннаго обложенія и постепенная отмѣна косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія народныхъ массъ.

33. Реформа прямыхъ налоговъ на основѣ прогрессивнаго подоходнаго и поимущественнаго обложенія; введеніе прогрессивнаго налога на наслѣдство.

34. Соотвѣтствующее положенію отдѣльныхъ производствъ пониженіе таможенныхъ пошлинъ въ видахъ удешевленія предметовъ народнаго потребленія и техническаго подъема промышленности и земледѣлія.

35. Обращеніе средствъ сберегательныхъ кассъ на развитіе мелкаго кредита.

VI. Аграрное законодательство.

36. Увеличеніе площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ, какъ-то: безземельныхъ и мало-земельныхъ крестьянъ, а также и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ, государственными, удѣльными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путемъ отчужденія для той же цѣли за счетъ государства въ потребныхъ размѣрахъ частновладѣльческихъ

земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ.

37. Отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный фондъ. Начала, на которыхъ земли этого фонда подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію (владѣніе или пользование личное или общинное и т. д.), должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользования въ различныхъ областяхъ Россіи.

38. Широкая организація государственной помощи для переселенія, расселенія и устройства хозяйственного быта крестьянъ. Ре-организація межевого дѣла, окончаніе размежеванія и другія мѣры для подъема благосостоянія сельскаго населенія и улучшенія сельскаго хозяйства.

39. Упорядоченіе закономъ арендныхъ отношеній путемъ обезпеченія права возобновленія аренды, права арендатора, въ случаѣ передачи аренды, на вознагражденіе за произведенныя, но неиспользованныя къ сроку затраты на улучшенія, и учрежденіе примирительныхъ камеръ для регулированія арендной платы и для разбора споровъ и несогласій между арендаторами и землевладѣльцами. Открытіе законнаго пути въ судебномъ порядкѣ для пониженія непомерно высокихъ арендныхъ цѣнъ и уничтоженія носящихъ гибельный характеръ сдѣлокъ въ области земельныхъ отношеній.

40. Отмѣна дѣйствующихъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и распространеніе рабочаго законодательства на земледѣльческихъ рабочихъ, примѣнительно къ техническимъ особенностямъ земледѣлія. Учрежденіе сельско-хозяйственной инспекціи для наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ законодательства по охранѣ труда въ этой области и введеніе уголовной отвѣтственности сельскихъ хозяевъ за нарушеніе ими законодательныхъ нормъ по охранѣ труда.

VII. Рабочее законодательство.

41. Свобода рабочихъ союзовъ и собраній.

42. Право стачекъ. Наказуемость правонарушеній, совершаемыхъ во время или по поводу стачекъ, опредѣляется на общемъ основаніи и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть увеличиваема.

43. Распространеніе рабочаго законодательства и независимой инспекціи труда на всѣ виды наемнаго труда; участіе выборныхъ отъ рабочихъ въ надзорѣ инспекціи за исполненіемъ законовъ, охраняющихъ интересы трудящихся.

44. Введеніе законодательнымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня. Немедленное осуществленіе этой нормы всюду, гдѣ она въ данное время возможна, и постепенное ея введеніе въ остальныхъ производствахъ. Запрещеніе ночныхъ и сверхурочныхъ работъ кромѣ технически- и общественно-необходимыхъ.

45. Развитие охраны труда женщинъ и дѣтей и установленіе особыхъ мѣръ охраны труда мужчинъ во вредныхъ производствахъ.

46. Учрежденіе примирительныхъ камеръ изъ равнаго числа представителей труда и капитала для нормировки всѣхъ отношеній найма, не урегулированныхъ рабочимъ законодательствомъ, и разбора споровъ и несогласій, возникающихъ между рабочими и предпринимателями.

47. Обязательное при посредствѣ государства страхованіе отъ болѣзни (въ теченіе опредѣленнаго срока), несчастныхъ случаевъ и профессиональных заболѣваній, съ отнесеніемъ издержекъ на счетъ предпринимателей.

48. Государственное страхованіе на случай старости и неспособности къ труду для всѣхъ лицъ, живущихъ личнымъ трудомъ.

49. Установленіе уголовной отвѣтственности за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда.

VIII. По вопросамъ просвѣщенія.

Народное просвѣщеніе должно быть организовано на началахъ свободы, демократизаціи и децентрализаціи его, понимая подъ этимъ осуществленіе слѣдующихъ началъ:

50. Уничтоженіе всѣхъ стѣсненій къ поступленію въ школу, связанныхъ съ поломъ, происхожденіемъ и религіей.

51. Свобода частной и общественной инициативы въ открытіи и организаціи учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и въ области внѣшкольнаго просвѣщенія; свобода преподаванія.

52. Между различными ступенями школъ всѣхъ разрядовъ должна быть установлена прямая связь для облегченія перехода отъ низшей ступени къ высшей.

53. Полная автономія и свобода преподаванія въ университетахъ и другихъ высшихъ школахъ. Увеличеніе ихъ числа. Уменьшеніе платы за слушаніе лекцій. Организація просвѣтительной работы высшей школы для широкихъ круговъ населенія. Свободная организація студенчества.

54. Количество среднихъ учебныхъ заведеній должно быть увеличено соотвѣтственно общественной потребности; плата въ нихъ должна быть понижена. Мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ должно быть предоставлено широкое участіе въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла.

55. Введеніе всеобщаго, бесплатнаго и обязательнаго обученія въ начальной школѣ. Передача начального образованія въ завѣдываніе органовъ мѣстнаго самоуправленія. Организація органами самоуправления матеріальной помощи нуждающимся учащимся.

56. Устройство органами мѣстнаго самоуправления образовательныхъ учреждений для взрослого населенія, элементарныхъ школъ для взрослыхъ, народныхъ библіотекъ, народныхъ университетовъ.

57. Развѣтленіе профессиональнаго образованія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1905.

Высочайшій манифестъ 17-го октября.—Почему онъ не положилъ конецъ тревожному настроенію?—Возможное отношеніе къ Государственной Думѣ.—Значеніе учредительнаго собранія.—„Либеральные элементы“ и пролетаріатъ.—Трагизмъ переживаемой минуты.—Программа конституціонно-демократической партіи.—Положеніе о совѣтѣ министровъ.—Амнистія.—Правила о публичныхъ собраніяхъ.—Кн. С. Н. Трубецкой †.—Post-scriptum.

Велико было впечатлѣніе, произведенное манифестомъ 17-го октября но онъ не положилъ конецъ смутному настроенію, охватившему, въ первой половинѣ октября, почти всю Россію и выразившемуся съ особенною яркостью въ колоссальной забастовкѣ, какой до сихъ поръ не бывало не только у насъ, но и на Западѣ. Подобно предъидущимъ перемѣнамъ, слѣдовавшимъ одна за другою въ теченіе года, необходимый шагъ впередъ слишкомъ долго заставлялъ себя ждать—и когда онъ, наконецъ, совершился, самая его поспѣшность сдѣлала его недостаточно широкимъ и опредѣленнымъ. Манифестъ не столько даетъ, сколько общаетъ—а общаніями, въ критическіе моменты народной жизни, не можетъ быть прекращена доведенная до крайней напряженности тревога. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на самомъ дѣлѣ манифестъ знаменуетъ собою переходъ къ конституціонному строю—но съ формальной стороны этотъ переходъ является еще какъ бы задачей будущаго: правительству вмѣняется въ обязанность „установить, какъ неизбѣжное правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы“. Въ будущее отодвинуто и „обеспеченіе за выборными отъ народа возможности дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій власти“; вовсе не указаны формы и виды этого надзора, не предрѣшено распространеніе его на *цѣлесообразность* правитель-

ственной дѣятельности. Неизмѣненнымъ осталось отношеніе Государственнаго Совѣта къ Государственной Думѣ, совершенно ненормально поставленное въ Положеніи 6-го августа; да и въ докладѣ гр. Витте упомянуто лишь о преобразованіи Государственнаго Совѣта „на началахъ *виднаго участія* въ немъ выборнаго элемента“, между тѣмъ какъ въ правильной конституціонной системѣ роль второй палаты можетъ принадлежать только учрежденію, не имѣющему ничего общаго съ вышѣшнимъ Государственнымъ Совѣтомъ. Не установлены съ точностью тѣ перемѣны, которыя должны быть внесены теперь же въ положеніе о выборахъ въ Государственную Думу; не намѣчено даже въ общихъ чертахъ содержаніе „незыблемыхъ основъ гражданской свободы“. Вовсе не упомянуто въ манифестѣ, наконецъ, объ амнистіи, которую общественное мнѣніе давно уже признало необходимымъ условіемъ истинно-новаго политическаго режима... Къ пополненію оставленныхъ такимъ образомъ пробѣловъ было приступлено вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста—но совершенно инымъ было бы его дѣйствіе, если бы въ немъ самомъ заключались отвѣты на всѣ давно наболѣвшіе вопросы. Особенно тяжело отвѣтственность за послѣдствія поспѣшности упадаетъ, впрочемъ, на виновниковъ столь долго продолжавшейся медленности. Намъ вспоминаются, по этому поводу, слова, сказанныя Маколеемъ въ одной изъ знаменитыхъ его рѣчей о парламентской реформѣ: I allow that hasty legislation is an evil. But reformers are compelled to legislate fast just because bigots will not legislate early. Reformers are compelled to legislate in times of excitement. because bigots will not legislate in times of tranquillity ¹⁾).

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, намъ еще неизвѣстно, на какіе именно классы населенія—или, лучше сказать, на какія категоріи лицъ—предполагается распространить теперь же избирательное право. Всего проще, быть можетъ, было бы ввести теперь же всеобщую подачу голосовъ, манифестомъ, повидимому, допускаемую въ ближайшемъ будущемъ. Мы думаемъ, что эта мѣра могла бы быть принята безъ отсрочки выборовъ—отсрочки, и въ нашихъ глазахъ крайне нежелательной. Списки избирателей могли бы быть пополнены быстро, а избирательные округа приурочены, въ большинствѣ случаевъ, къ существующему дѣленію на уѣзды. Съ излишнею многочисленностью членовъ Думы, почти неизбѣжною при такомъ порядкѣ, можно было бы примириться въ виду временнаго характера самой Думы, задача которой могла бы быть сведена къ изданію постоян-

¹⁾ „Я признаю торопливое изданіе законовъ зломъ; но преобразователи вынуждены торопиться, потому что фанатики застою не хотѣли дѣйствовать во-время. Первые вынуждены издавать законы среди всеобщаго возбужденія, потому что вторые не хотѣли исполнить эту обязанность въ спокойную эпоху“.

наго избирательнаго закона и немногимъ другимъ мѣрамъ, не терпящимъ отлагательства. Въ крайнемъ случаѣ, если бы введеніе всеобщей подачи голосовъ встрѣтило какія-либо непреодолимые затрудненія, только-что указанная задача оказалась бы по силамъ и Думѣ, пополненной согласно съ манифестомъ, т.-е. усиленной представителями рабочихъ и интеллигенціи и выбранной при господствѣ свободы печати и собраній. Именно такъ отнеслась къ данному вопросу конституціонно-демократическая партія, въ постановленіи, которымъ закончилъ свои засѣданія—18-го октября, въ Москвѣ,—ея учредительный съѣздъ ¹⁾. Высказываясь за немедленный созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго избирательнаго права, конституціонно-демократическая партія готова, однако, воспользоваться и реформированной, согласно съ манифестомъ, Государственной Думой, какъ однимъ изъ средствъ на пути къ осуществленію главной, неизмѣнно преслѣдуемой партіею цѣли. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, конституціонно-демократическая партія идетъ рука объ руку съ обще-земскимъ и городскимъ съѣздомъ, отклонившимъ бойкотъ Государственной Думы даже въ первоначальномъ ея видѣ. Замѣчательно, что такого же взгляда на бойкотъ Думы держится—судя по бесѣдѣ его съ г. Ж., напечатанной въ № 2 „Руси“,—и одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ эмигрантовъ, Г. В. Плехановъ. Дума—говоритъ онъ—„даетъ новое орудіе для агитаціи. Надо использовать это орудіе наилучшимъ способомъ... Я считаю Думу деревяннымъ конемъ, на которомъ далеко не уѣдешь; но деревянный конь можетъ пригодиться для того, чтобы спрятать въ немъ нѣсколько болѣе или менѣе удобныхъ намъ воиновъ, которые такимъ образомъ проберутся въ стѣны непріятельской Трои“. Это сравненіе грѣшитъ только тѣмъ, что воины проникнуть въ Трою не спрятанными, а совершенно открыто. Что ихъ будетъ немало—это г. Плехановъ считалъ вѣроятнымъ даже тогда, когда составъ Думы не былъ еще измѣненъ манифестомъ 17-го октября: тѣмъ меньше это подлежитъ сомнѣнію теперь, при существенно новыхъ условіяхъ.

Вопросъ о созывѣ собранія, учредительнаго если не по имени, то на самомъ дѣлѣ, является, такимъ образомъ, только вопросомъ времени. Явится ли оно на сцену прямо, безъ промежуточной ступени, или ему приготовить путь Государственная Дума—это покажетъ ближайшее будущее. Необходимо, поэтому, дать себѣ ясный отчетъ въ значеніи и назначеніи учредительнаго собранія. Именно потому, что

¹⁾ Программа этой партіи, къ которой мы еще возвратимся, напечатана **выше**.

оно — *учредительное*, цѣли и результаты его дѣятельности не могут и не должны быть предопредѣляемы заранее. Именно потому, что оно представляет собою народъ, оно только одно уполномочено говорить отъ имени народа. Между тѣмъ, въ печати оглашено постановленіе одной изъ организованныхъ группъ населенія, призывающее къ борьбѣ за созывъ учредительнаго собранія „для учрежденія демократической республики“. Такое предрѣшеніе задачи собранія представляется явнымъ посягательствомъ на его свободу. Никто не можетъ предвидѣть, къ чему придетъ, на чемъ остановится большинство правильно выбранныхъ представителей народа. Попытка руководить имъ со стороны, готовить рѣшенія, которые ему оставалось бы только оформить, была бы нравственнымъ насилиемъ, все равно, откуда бы она ни исходила — а отъ нравственного насилия только одинъ шагъ до физическаго, предупрежденіе котораго именно теперь должно быть предметомъ общей, дружной заботы... Не менѣе велика другая опасность, признаки которой также становятся замѣтными — опасность розни между общественными группами, которыми, по крайвей мѣрѣ въ настоящую минуту, слѣдовало бы думать скорѣе о союзѣ, чѣмъ о борьбѣ. Вотъ, на примѣръ, текстъ резолюціи, принятой на дняхъ, въ Москвѣ, митингомъ типографскихъ рабочихъ и служащихъ: „въ виду выяснившейся роли городскихъ и земскихъ дѣятелей, а также и представителей другихъ либеральныхъ элементовъ общества въ освободительномъ движеніи и отношенія ихъ къ манифесту 17-го октября, мы, какъ представители труда, заявляемъ о своемъ полномъ антагонизмѣ съ либеральной буржуазіей“. Не говоря уже объ отсутствіи основаній для отождествленія „либеральныхъ элементовъ общества“ съ „буржуазіей“, мы не можемъ не вспомнить, что въ „освободительномъ движеніи“ земскимъ и городскимъ дѣятелямъ принадлежала *иниціатива*. Земскій съѣздъ 6-го ноября 1904-го года сохранилъ свое мѣсто въ исторіи русскаго освобожденія, какіе бы ни были его позднѣйшіе фазисы.

Спѣшимъ отмѣтить, что отношеніе къ „либеральнымъ элементамъ общества“, выразившееся въ вышеприведенной резолюціи, раздѣляется далеко не всѣми передовыми представителями рабочаго класса. Въ послѣднемъ засѣданіи учредительнаго съѣзда конституціонно-демократической партіи одинъ изъ рабочихъ, входящихъ въ составъ центрального стачечнаго комитета, произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: „рабочему люду отъ интеллигенціи нужна не только матеріальная помощь, но еще болѣе знанія и реальное умѣнье разобраться въ окружающихъ обстоятельствахъ. До сихъ поръ работа шла отдѣльно: интеллигенція замыкалась въ свои политическія партіи со слишкомъ узкими подчасъ тактическими пріемами и не всегда понимавшія народную психо-

логію. Поэтому и теперь обращаюсь не къ опредѣленнымъ какимъ-либо партіямъ, а ко всей интеллигенціи вообще. Мы представляемъ изъ себя физическую силу. Когда же она соединяется съ вашими званіями, то получается такая мощь, противъ которой не устоитъ никакая враждебная народу сила"... Противъ обособленія общества и пролетариата, какъ непримиримо-враждебныхъ между собою элементовъ, возстаетъ и Г. В. Плехановъ, въ бесѣдѣ, упомянутой нами выше. Въ обновленіи русскаго строя заинтересованы, по его словамъ, „и общество, и пролетаріатъ; они оба играютъ рѣшающую роль въ происходящихъ событіяхъ. Было бы крайней ошибкой умалять цѣнность одного или другого фактора... Либеральное движеніе (если только его пылу и энергіи хватить на большую дистанцію) и гигантское пролетарное броженіе при правильномъ ходѣ дѣла должны дополнять другъ друга, и только при ихъ одновременномъ взаимодействіи возможно полное обновленіе политическаго строя Россіи“. Чтобы понять все значеніе этихъ словъ, необходимо имѣть въ виду, что Г. В. Плехановъ и теперь остается вѣрнымъ мысли, выраженной имъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ: „русское освободительное движеніе восторжествуетъ какъ рабочее движеніе, или вовсе не восторжествуетъ“. Его-то ужъ конечно нельзя заподозрить въ отрицательномъ отношеніи къ рабочему классу — а между тѣмъ онъ прямо и рѣшительно возстаетъ противъ „полнаго антагонизма“ между обществомъ и пролетариатомъ.

Усилія всѣхъ тѣхъ, кто не одержимъ краснымъ или чернымъ фанатизмомъ, должны быть направлены къ предупрежденію насилія, въ настоящую минуту слишкомъ легко принимающаго колоссальныя размѣры и жестокія формы. Сначала оно больше проповѣдывалось на словахъ, съ одной стороны—на митингахъ крайнихъ партій, съ другой — въ листовкахъ столь же крайнихъ реакціонеровъ; но во второй половинѣ октября оно переходитъ въ дѣйствіе, при чемъ его инициативу почти вездѣ принимаетъ на себя такъ называемая „черная сотня“. Происходитъ цѣлый рядъ еврейскихъ погромовъ, превосходящихъ, по своей экстенсивности и интенсивности, всѣ предыдущіе; совершаются по истинѣ ужасающія событія въ Твери, Томскѣ, Θεοδοσίи, въ послѣднее время—и въ Москвѣ. Очевидно, что такое положеніе вещей долго продолжаться не можетъ. Необходимы, прежде всего, рѣшительныя перемѣны въ личномъ составѣ администраціи, какъ центральной, такъ и мѣстной. Не могутъ оставаться на своихъ постахъ губернаторы, допускающіе поджогъ обитаемыхъ зданій и систематическое избіеніе ни въ чемъ неповинныхъ, безоружныхъ людей. Не могутъ руководить обновляющимся управленіемъ министры, до по-

слѣдней минуты отстаивавшіе традиціи старины. Въ настоящую минуту уполномочены министры народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, но временными—нужно надѣяться, кратковременными—замѣстителями ихъ являются недавніе участники ихъ распоряженій. Отставка оберъ-прокурора св. синода имѣетъ болѣе нравственное, чѣмъ политическое значеніе, такъ какъ на самомъ дѣлѣ его вліянію былъ положенъ конецъ еще 17-го апрѣля. Отъ общей оцѣнки дѣятельности К. П. Побѣдоносцева мы можемъ теперь воздержаться: она дана нами давно, въ цѣломъ рядѣ обзрѣній, посвященныхъ отчетамъ оберъ-прокурора св. синода... Возвращаясь къ потрясающему зрѣлищу, представляемому нашей провинціей, замѣтимъ, что однимъ удаленіемъ должностныхъ лицъ, виновныхъ въ систематическомъ бездѣйствіи власти, ограничиться нельзя: нужны подробныя и безпристрастныя разслѣдованія, къ участию въ которыхъ—какъ это отчасти сдѣлано въ Москвѣ—должны быть привлечены представители общественныхъ учреждений. Последнее слово должно, конечно, принадлежать независимому суду.

Отличительныя черты текущихъ событій неточно отразились въ правительственномъ сообщеніи, обнародованномъ 24-го октября. Признавая, что „общая причина тяжелыхъ явленій лежитъ въ томъ раздраженіи, которое проявляется нынѣ повсюду въ отношеніяхъ между отдѣльными частями населенія“, сообщеніе обращается къ группамъ, которыхъ не удовлетворилъ манифестъ 17-го октября, съ увѣщаніемъ „сохранять умѣренность въ дѣйствіяхъ, чтобы не возстановить противъ себя сильнѣе спокойную часть населенія“. Соответствующаго увѣщанія по адресу группъ, довольныхъ манифестомъ или недовольныхъ имъ по соображеніямъ прямо противоположнымъ, мы въ сообщеніи не находимъ: имъ напоминаетъ только о „вѣрнопопавническомъ долгѣ, требующемъ стремленія къ поддержанію порядка и устраненію всякихъ насилій“. Между тѣмъ, наименѣе спокойной и сдержанной въ своихъ дѣйствіяхъ является, съ половины октября, именно послѣдняя часть населенія; отъ нея исходилъ починъ кровавыхъ сценъ, разыгравшихся въ цѣлыхъ десяткахъ городовъ. Если гдѣ-либо онѣ и были отвѣтомъ на вызовъ, то вызовъ, болѣею частью, не шелъ дальше словъ или поступковъ, ничьей жизни и ничьему здоровью не угрожавшихъ—а весьма часто (какъ на примѣръ въ Твери) не было даже ничего похожаго на вызовъ. Повторяемъ еще разъ: мы говоримъ только о событіяхъ послѣднихъ дней—но вѣдь только о нихъ идетъ рѣчь и въ правительственномъ сообщеніи 24-го октября. Возстановленіе внутренняго мира и мы считаемъ цѣлью, къ которой слѣдуетъ стремиться правительству и обществу; но первымъ къ ней шагомъ должна быть охрана личной безопасности гражданъ, какова бы образа мыслей они ни держались и къ какой бы общественной группѣ ни принадлежали.

Программа конституціонно-демократической партіи, напечатанная нами выше, обнимаетъ собою всѣ существенно-важные очередные вопросы и разрѣшаетъ ихъ, болѣею частью, именно такъ, какъ этого требуетъ благо Россіи. Мы жалѣемъ только объ одномъ: что по отношенію къ *способу* избранія—двухстепенному или прямому—членамъ партіи не предоставлена такая же свобода дѣйствій, какъ по отношенію къ политической равноправности женщинъ. Мы продолжаемъ думать, что двухстепенные выборы, по крайней мѣрѣ на первое время и въ городовъ, въ болѣею мѣрѣ, чѣмъ прямые, служили бы гарантіей сознательнаго, правильнаго избранія. Слишкомъ трудно будетъ избирателямъ, разбросаннымъ на пространствѣ цѣлаго уѣзда—а иногда и въсколькихъ уѣздовъ—столковаться между собою, обмѣняться мнѣніями относительно кандидатовъ и остановиться на томъ или другомъ изъ нихъ, ясно отдавъ себѣ отчетъ въ мотивахъ такого предпочтенія. Рѣшающее значеніе слишкомъ легко можетъ получить случайность—лучшая организація одной изъ партій, удачный подборъ избирательныхъ агентовъ, поддержка вліятельныхъ лицъ или группъ, не встрѣтившія отпора угрозы или общанія. Все это менѣе опасно теперь, когда завоевана свобода печати и свобода собраній—но уменьшеніе опасности еще не равносильно ея устраненію. Выборщики, достаточно многочисленные и огражденные отъ всякихъ внѣшнихъ давленій, были бы поставлены въ иныя, болѣе благопріятныя условія: ихъ избранниками, въ большинствѣ случаевъ, явились бы лица, дѣйствительно пользующіяся довѣріемъ населенія... Несмотря на это частное разногласіе, мы становимся безъ колебаній на сторону конституціонно-демократической партіи. Не такое теперь время, чтобы раздробляться и разъединяться; необходимо образованіе компактныхъ группъ, связанныхъ однимъ руководящимъ началомъ. Въ данномъ случаѣ это начало—мирное развитіе демократической идеи, на почвѣ широкой личной свободы и столь же широкаго служенія общему, т.-е. народному благу. Правѣ конституціонно-демократической партіи мы не видимъ ни готовности вступить на путь крупныхъ реформъ въ области рабочаго и аграрнаго законодательства, ни готовности допустить мѣстныхъ автономій; лѣвѣе ея мы не видимъ рѣшимости дѣйствовать исключительно мирными средствами.

Изъ государственныхъ актовъ, изданныхъ въ дополненіе къ манифесту 17-го октября, сравнительно меньшее значеніе имѣетъ положеніе о совѣтѣ министровъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что оно составлено еще до послѣдней перемѣны въ настроеніи правительственныхъ сферъ. Объединеніе министровъ—другими словами, созданіе министер-

ства или кабинета въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова — сдѣлалось неизбѣжнымъ, какъ только состоялись государственные акты 6-го августа. При существованіи Государственной Думы, еслибы она и была призвана къ жизни въ первоначально предположенномъ видѣ и составѣ, министры не могли бы оставаться только представителями отдѣльных вѣдомствъ, органически не связанными между собою. Совѣщаніе, предсѣдательствуемое гр. Сольскимъ, весьма скоро приступило къ пересмотру, съ этой точки зрѣнія, дѣйствующихъ законовъ — и результатомъ его работы явились, повидимому, правила 19-го октября. Новымъ условіямъ они уже не вполне отвѣчаютъ. При истинно-конституціонномъ строѣ не должно быть мѣста для того исключительнаго положенія, которое отведено министерствамъ военному, морскому и иностранныхъ дѣлъ. Дѣла этихъ министерствъ, а также назначенія по ихъ вѣдомствамъ, должны подлежать разсмотрѣнію совѣта министровъ на общемъ основаніи; внѣ его вѣдѣнія можетъ оставаться развѣ министерство императорскаго двора, въ той мѣрѣ, въ какой оно служитъ органомъ придворнаго хозяйства, т.-е. имѣетъ частный, а не государственный характеръ. Всякій иной порядокъ неминуемо повлечетъ за собою отсутствіе согласованности между различными отраслями управленія и затруднитъ тотъ надзоръ за законностью дѣйствій власти, который, за силою манифеста 17-го октября, составляетъ уже теперь безспорное право народнаго представительства.

Недостаточно гармонируетъ съ общимъ положеніемъ вещей и амнистія, составляющая предметъ правилъ 21-го октября. Совершившійся, послѣ манифеста 17-го октября, разрывъ съ прошлымъ настолько рѣшителенъ и полонъ, что онъ въ значительно болѣе мѣрѣ долженъ былъ отозваться на участи тѣхъ, кто пострадалъ за активное противодѣйствіе павшему порядку. Нельзя примириться съ мыслью, что лица, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ отбывающія наказанія за государственныя преступленія, надолго еще должны остаться ссыльно-поселенцами или даже ссыльно-каторжными; нельзя упускать изъ виду, что нѣкоторые изъ нихъ были судимы, въ отступленіе отъ общихъ законовъ, военнымъ судомъ, не представляющимъ достаточныхъ гарантій правосудія. Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ и чрезвычайныхъ мѣръ; для возстановленія спокойствія и довѣрія можно поступиться обычными соображеніями уголовной политики. Если присяжные оправдываютъ иногда несомнѣнныхъ нарушителей закона, и эти оправдательные вердикты не колеблутъ основъ общественнаго строя, то съ болѣе еще правомъ могутъ быть расширены предѣлы амнистіи, исходной точкой которой служить не отвлеченная справедливость, а государственная мудрость...

До крайности несвоевременнымъ представляется также распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати, совпавшее съ фактической эманципацией періодическихъ изданій. Къ такимъ мѣрамъ, какъ отиѣна циркуляровъ, запрещавшихъ касаться тѣхъ или другихъ вопросовъ, и административныхъ каръ, тяготѣвшихъ надъ отдѣльными органами печати, незачѣмъ было присоединять обращеніе къ такту цензоровъ и напоминаніе о законахъ, на самомъ дѣлѣ потерявшихъ свою силу.

Если слишкомъ многого оставляютъ желать постановленія, состоявшія послѣ 17-го октября, то еще менѣе удовлетворительны правила о публичныхъ собраніяхъ, утвержденныя нѣсколькими днями раньше. Подходя нѣкоторыми своими сторонами довольно близко къ французскому закону о собраніяхъ, эти правила отличаются отъ него не только сравнительною длиною промежутка времени, который долженъ пройти между заявленіемъ о созывѣ собранія и его открытіемъ (вмѣсто двадцати четырехъ часовъ—3 или даже 7 сутокъ), но и тѣмъ, что устанавливаемый ими порядокъ оказывается явочнымъ только по видимости ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, велика ли разница между необходимостью предварительнаго разрѣшенія собранія и возможностью его воспрещенія, предоставляемаго усмотрѣнію администраціи? Не сводится ли она лишь къ нѣкоторому ускоренію процедуры, предшествующей открытію собранія? Представимъ себѣ, что при разрѣшительной системѣ администрація была бы обязана дать отвѣтъ на каждое ходатайство не позже какъ въ теченіе двухъ сутокъ; чѣмъ эта система отличалась бы тогда отъ намѣчаемой правилами 12-го октября?.. Дискреціонное право запретить совершенно равносильно праву отказать, не разрѣшить. Между тѣмъ, право, которымъ обладалъ администрацію указъ 12-го октября, имѣетъ именно дискреціонный характеръ. Неопредѣленны уже выраженія: „цѣль или предметъ занятій, противные закону“—но еще болѣе неопредѣленно и широко понятіе объ „опасности, угрожающей общественному спокойствію и безопасности“. Собранію, съ точки зрѣнія администраціи нежелательному, она всегда могла бы противопоставить ссылку на доступныя только ей одной и никакой провѣркѣ не подлежащія свѣдѣнія о тревожномъ настроеніи умовъ или о готовящемся нарушеніи порядка. Дѣйствительно явочною представляется только та система устройства публичныхъ собраній, при которой ни одно изъ нихъ запрещенію, основанному на догадкахъ, подлежать не можетъ. Да и къ чему такое

¹⁾ Для собраній подъ открытымъ небомъ правила 12-го октября прямо требуютъ предварительнаго разрѣшенія администраціи.

запрещеніе, разъ что администраціи принадлежитъ право закрыть собраніе въ случаѣ дѣйствительнаго наступленія обстоятельствъ, при которыхъ оно, безъ явной опасности для общественнаго спокойствія, продолжаться не можетъ? Не напоминаютъ ли правила 12-го октября, въ этомъ отношеніи, дѣйствовавшего у насъ до сихъ поръ закона о печати, устанавливавшего концессионный способъ основанія періодическихъ изданій—и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинявавшего ихъ административнымъ карамъ?

Причинъ закрытія собраний, законно состоявшихся, правила 12-го октября устанавливали очень много, относя къ нимъ не только нарушеніе порядка, грозящее спокойствію и безопасности, но и нахожденіе въ собраніи не допускаемыхъ къ участию въ немъ лицъ, и производство неразрѣшенныхъ денежныхъ сборовъ, и даже простое уклоненіе отъ предмета занятій. Право закрыть собраніе предоставлялось какъ отвѣтственнымъ его участникамъ (устроителямъ, распорядителямъ, предсѣдателямъ), такъ и представителю администраціи. Что правила 12-го октября открывали слишкомъ большой просторъ административному произволу—это подтверждается рестриктивнымъ толкованіемъ, которое даетъ имъ циркуляръ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Но развѣ можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что отдѣльныя административныя власти съумѣютъ воздержаться отъ пользованія правами, которыя имъ даетъ буква закона?..

Правилами 12-го октября возвышалось расширеніе одного изъ видовъ общественной дѣятельности; между тѣмъ, нѣкоторыя ихъ постановленія шли прямо въ разрѣзъ съ этою цѣлью. Сюда относится, прежде всего, тотъ параграфъ правилъ, который распространялъ ихъ дѣйствіе на публичныя собранія учрежденныхъ въ установленномъ порядкѣ обществъ. Правда, такія собранія, разъ что ихъ предметъ предусмотрѣнъ уставомъ общества, не могли быть заранѣе воспрещены—но они подлежали закрытію на томъ же основаніи, какъ и всякія другія, т.-е. не только властью предсѣдательствующаго, но и властью должностнаго лица, командированнаго для присутствованія въ собраніи. Командировка такихъ лицъ въ засѣданія правильно организованныхъ обществъ не могла бы быть названа иначе, какъ новымъ стѣсненіемъ гражданской свободы. Стѣснительнымъ должно быть названо и постановленіе, касающееся съѣздовъ. Разъ что публичныя ихъ собранія подводились подъ дѣйствіе общихъ правилъ, не было никакой надобности обуславливать ихъ особымъ каждый разъ разрѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Всѣ указанныя нами слабыя стороны правилъ 12-го октября будутъ, конечно, устранены новою временною мѣрой и, тѣмъ болѣе, постояннымъ закономъ о публичныхъ собраніяхъ. Одинъ только ихъ

недостатокъ остается, къ сожалѣнію, неисправимымъ: это—ихъ запаздалость. Въ продолженіе полутора мѣсяца мы были свидѣтелями поразительно страннаго явленія. Въ университетахъ и другихъ высшихъ школахъ безпрепятственно происходили многочисленныя собранія, съ участіемъ массы постороннихъ лицъ—собранія, ставившія самыя жгучіе вопросы и разрѣшавшія ихъ, болѣею частью, въ самомъ радикальномъ смыслѣ. Въ то же самое время насильственно разгонялись или подвергались разнымъ стѣсненіямъ собранія несравненно болѣе скромныя и по количеству участниковъ, и по предметамъ занятій—разгонялись не только въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ такой образъ дѣйствій можно было объяснить недоразумѣніемъ, но и въ столицахъ. Въ Черниговѣ полиція, по приказанію губернатора, старалась помѣшать собранію въ квартирѣ бывшаго губернскаго предводителя дворянства А. А. Муханова, созванному для обсужденія результатовъ московскаго общеземскаго съѣзда. Угрозы употребить силу не были приведены въ исполненіе, „дабы не доставить уличной толпѣ соблазнительнаго зрѣлища насильственнаго удаленія лицъ, занимающихъ въ губерніи высокое общественное и служебное положеніе“; но полиціймейстеръ остался, до окончанія собранія, въ квартирѣ г. Муханова, и всѣмъ присутствующимъ былъ составленъ поименный списокъ, въ видахъ возбужденія противъ нихъ судебного преслѣдованія. Чрезвычайно характерны размышленія, внушенныя этимъ эпизодомъ одному изъ участниковъ собранія, мѣстному крестьянину. „Постоянно“—сказалъ онъ—„я вижу у себя въ селѣ, какъ неизвѣстныя личности гдѣ-либо на задворкахъ собираютъ вокругъ себя кружокъ слушателей и подстрекаютъ невѣжественный людъ къ убійствамъ, насиліямъ, грабежу и поджогамъ. Эта пагубная, разрушительная проповѣдь не встрѣчаетъ никакого сопротивленія со стороны уѣздной и сельской полиціи; а вотъ здѣсь, когда собрались всѣмъ извѣстные и почтенные дѣятели и толкуютъ о томъ, какъ лучше выполнить Царскую волю, намъ грозятъ употребленіемъ силы, судебнымъ преслѣдованіемъ, на насъ составляются протоколы, какъ будто мы воры или бунтари и дѣлаемъ что-либо худое“... Въ Москвѣ администрація оказалась еще болѣе рѣшительной, чѣмъ въ Черниговѣ: она прямо прибѣгла къ силѣ, чтобы прервать засѣданія адвокатскаго съѣзда, собравшагося въ помѣщеніи совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, и затѣмъ упорно преслѣдовала его по частнымъ квартирамъ. Въ концѣ концовъ, однако, съѣздъ успѣлъ окончить свои занятія.

Положить конецъ съ одной стороны безцѣльному и безплодному отрицанію самаго права собраній, съ другой стороны—явно ненормальному факту созыва политическихъ митинговъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, могло только одно: узаконеніе собраній, при условіяхъ не стѣснительныхъ для ихъ свободы. На этотъ исходъ

указывалось съ самаго начала и въ печати, и въ постановленіяхъ автономныхъ высшихъ школъ; о немъ пріѣзжалъ хлопотать покойный князь С. Н. Трубецкой, о немъ же ходатайствовали нѣсколькими днями позже ректоръ с.-петербургскаго университета. Ничто не мѣшало разрѣшить наболѣвшій вопросъ однимъ почеркомъ пера, подобно тому, какъ былъ разрѣшенъ гораздо болѣе сложный вопросъ объ университетской автономіи. Опасность промедленія была такъ велика, что не было даже надобности ожидать изданія формальныхъ правилъ; можно было удовольствоваться административной мѣрой, которая, открывъ для собраній тѣ или другія достаточно обширныя помѣщенія—напримѣръ, манежи,—позволила бы освободить отъ нихъ высшія школы. Положеніе дѣлъ слишкомъ долго, однако, оставалось ненормальнымъ. Почему не было уважено ходатайство с.-петербургскаго университета—это видно изъ бесѣды, которую имѣлъ съ с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ сотрудникъ „Петербургской Газеты“. „Высшія учебныя заведенія“—сказалъ генералъ Д. О. Треповъ—„получили теперь автономію, и все, что творится въ ихъ стѣнахъ, находится на отвѣтственности совѣтовъ этихъ заведеній. Автономія дала имъ самостоятельность, но и взвалила на нихъ тяжелую отвѣтственность. Митинги, кромѣ другихъ отрицательныхъ сторонъ, мѣшаютъ правильному теченію академической жизни, что видно изъ ходатайства университетскаго совѣта отвести подъ нихъ какія-либо другія помѣщенія. На это ходатайство я отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, заявивъ, что законъ не разрѣшаетъ никакихъ митинговъ, а поэтому и давать для нихъ спеціальныя помѣщенія будетъ нарушеніемъ закона. Комmissія графа Сольскаго занята разработкой вопроса объ общественныхъ собраніяхъ, и когда этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ и получить законодательную санкцію, тогда конечно будетъ совсѣмъ другой разговоръ“. Читая эти слова, можно подумать, что автономныя школы и высшая полицейская власть—два враждующія между собою государства, изъ которыхъ послѣднее заинтересовано въ томъ, чтобы на долю перваго выпала полнѣйшая неудача. Только при такихъ условіяхъ было бы понятно желаніе доказать, что за самостоятельность нужно расплачиваться отвѣтственностью,—и нежеланіе направить дѣло такъ, чтобы отвѣтственность вовсе не возникла. Высшія учебныя заведенія, получивъ автономію, выдѣлились тѣмъ самымъ изъ всего ихъ окружавшаго; ихъ право оказалось какъ бы небольшимъ островкомъ среди моря безправія, оазисомъ среди пустыни. Вывести ихъ изъ этого положенія было очень легко: стоило лишь увеличить общую сумму свободы, не приурочивая ее искусственно къ одному уголку государственнаго организма. Изъ признанія митинговъ, собирающихся не на основаніи точно установленныхъ правилъ,

опасными для общественнаго порядка, логически вытекала необходимость создать другую, болѣе нормальную обстановку для публичныхъ собраний и порвать, тѣмъ самымъ, неестественную связь между ними и высшими школами. Отъ самихъ автономныхъ совѣтовъ зависѣло, правда, закрыть ввѣренныя имъ школы, впродѣ до измѣненія обстоятельствъ. Прибѣгнуть къ этому средству было, однако, не легко: слишкомъ великъ былъ рискъ, что перерывъ занятій обратится въ прекращеніе ихъ на цѣлый семестръ или даже на весь учебный годъ, т.-е. въ возобновленіе забастовки учащихся и учащихся, столь тяжело отзывающейся на судьбахъ высшаго образованія. Чтобы рѣшиться на крайнюю мѣру, нужно было обладать несокрушимой энергіей и беззаветнымъ самоотверженіемъ кн. С. Н. Трубецкого. Примѣръ, имъ данный, нашелъ мало подражателей. Совѣты университетовъ и другихъ высшихъ школъ ожидали, очевидно, со дня на день такой правительственной мѣры, которая позволила бы имъ возстановить, безъ потрясеній, обычное теченіе студенческой жизни—но ожиданіе ихъ долго, очень долго оставалось напраснымъ. Еслибы распоряженіе с.-петербургскаго генералъ-губернатора, открывшее (15-го октября) возможность публичныхъ собраний внѣ помѣщеній высшихъ школъ, состоялось нѣсколькими недѣлями раньше, инымъ, во многихъ отношеніяхъ, былъ бы ходъ событій, меньше была бы сумма испытаній, пережитыхъ Россіей.

Мы только-что упомянули о кн. С. Н. Трубецкомъ. Его безвременная смерть была оплакана всей Россіей. За нѣсколько дней передъ тѣмъ его популярность казалась поколебленною; на университетскихъ сходкахъ его имя вызывало, рядомъ съ рукоплесканіями, рѣзкія выраженія несочувствія; такимъ же двойственнымъ характеромъ отличался приѣмъ, который онъ лично встрѣчалъ въ аудиторияхъ. Съ его кончиной настроеніе быстро и рѣшительно измѣнилось. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ во главѣ чествовавшихъ его память стояла учащаяся молодежь. Поздно, но единодушно была отдана справедливость его высокимъ качествамъ—цѣльности его натуры, вѣрности однажды избранному пути, неустрашимости передъ напаками и угрозами, все равно, откуда бы онѣ ни исходили. Оберегая свой родной университетъ, охраняя истинную академическую свободу, онъ твердо и спокойно шелъ на встрѣчу непониманію, враждѣ, быть можетъ оскорбленіямъ. Его знаменитая рѣчь 6-го іюня сдѣлала его имя извѣстнымъ и дорогимъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи. Не легко рисковать такою славой—но кн. Трубецкой безъ колебаній поставилъ ее на карту, какъ только того потребовалъ гражданскій

долгъ. Онъ рисковалъ и другимъ—здоровьемъ, жизнью; онъ не могъ не знать, что съ его больнымъ сердцемъ опасно идти, въ критическую минуту, на постъ выборнаго ректора въ автономномъ университетѣ. Онъ палъ на этомъ посту, но палъ съ честью, достойно завершивъ самую смертью дѣло всей своей жизни.

Разносторонній ученый, оригинальный мыслитель, авторъ замѣчательной книги о Логосѣ, кн. С. Н. Трубецкой не могъ замкнуться всецѣло въ область науки, хотя бы и сближаемой съ жизнью путемъ университетскаго преподаванія. Торжество регресса, высоко поднявшаго голову въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, пробудило въ немъ, какъ и въ его другѣ, Влад. Серг. Соловьевѣ, публицистическое дарованіе. Начавъ съ острѣйшей критики крайняго обскурантизма, воплотившагося въ ученіи „разочарованнаго славянофила“¹⁾—К. Н. Леонтьева,—онъ скоро перешелъ къ борьбѣ съ активными представителями того же направленія. Почти десять лѣтъ тому назадъ онъ высказался не только за восстановление профессорской корпораціи, уничтоженной реакціей, но и за правильную академическую организацію студенчества, отсутствіе которой было главнымъ недостаткомъ устава 1863-го года. Въ 1899 г. всеобщее вниманіе обратилъ на себя его обвинительный актъ противъ ретроградной печати, какофонію которой онъ, говоря словами пророка Исаи, уподобилъ „завыванью шакаловъ и цырканию коршуновъ, крикамъ филиновъ и дикихъ кошекъ, карканью воронъ, переключанью лѣшихъ и змѣиному шипѣнію“. Отвѣчая кн. Цертелеву, выступившему апологетомъ „звѣрей пустыни“, кн. Трубецкой напомнилъ, что „шакалы и коршуны существуютъ всюду, но нигдѣ изъ нихъ не дѣлаютъ заповѣдную дичь, нигдѣ печать не обращается въ бѣловѣжскую пущу для привилегированныхъ животныхъ“... Когда осенью 1904-го года началась эпоха „довѣрія“, и въ печати впервые былъ прямо поставленъ вопросъ о необходимости коренной государственной реформы, кн. С. Н., вслѣдъ за своимъ братомъ, Евгеніемъ, принялъ выдающееся участіе въ блестящей кампаніи, веденной „Правомъ“ за политическую свободу. Роль его на майскомъ общеземскомъ съѣздѣ и въ депутаціи, выбранной съѣздомъ, была логическимъ выводомъ изъ всей его прежней дѣятельности.

Завѣтъ, оставленный кн. Трубецкимъ въ сферѣ высшаго образованія, не исчезнетъ безслѣдно. Его усвоилъ себѣ преемникъ князя въ званіи ректора, профессоръ А. А. Мануиловъ. „Всѣ мы“ — сказали

¹⁾ Статья подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1892 г.; дополненіемъ къ ней служить статья: „Противорѣчія нашей культуры“ („Вѣстн. Европы“ 1894 г. № 8). Кроме того въ нашемъ журналѣ (1900 г., № 9) кн. Трубецкой помѣстилъ статью: „Смерть Вл. С. Соловьева“.

онъ въ своей вступительной рѣчи—„стоимъ на томъ, чтобы университетъ былъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ, *и только имъ*, не только для молодежи, но и для всей страны. Совѣтъ уже постановилъ открыть университетъ для публики путемъ устройства публичныхъ лекцій, используя для того всѣ свои силы. Но одновременно съ этимъ необходимо настаивать на томъ, что университетъ не можетъ и не долженъ служить ни ареной, ни орудіемъ политической борьбы. Мы—не поборники репрессіи, мы не прибѣгали къ репрессивнымъ мѣрамъ и не прибѣгнемъ къ нимъ, но мы будемъ защищать всѣми силами моральнаго вліянія основной принципъ академіи. И этимъ мы будемъ служить не только университету, но и дѣлу обновленія Россіи“. Теперь, когда провозглашена свобода публичныхъ собраний и, слѣдовательно, открыта возможность ихъ созыва внѣ стѣнъ высшей школы, ничто не мѣшаетъ осуществленію программы, унаслѣдованной А. А. Мануиловымъ отъ кн. С. Н. Трубецкого—осуществленію ея вездѣ, во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тогда, наконецъ, начнется новая эпоха въ исторіи нашего многострадальнаго высшего образованія.

PS.—Наше обозрѣніе было уже отдано въ печать, когда появились два манифеста 22 октября (4 ноября), вновь водворяющіе правовой порядокъ въ Финляндіи и обѣщающіе дальнѣйшее развитіе ея политическаго строя. Приостановлено дѣйствіе манифеста 3-го февраля 1899 года; отмененъ рядъ постановленій, нарушившихъ правильное теченіе финляндской жизни. Финляндскому Сенату поручено: 1) составить проектъ новаго сеймоваго устава, въ смыслѣ современнаго преобразованія организаціи финскаго народнаго представительства, съ примѣненіемъ началъ всеобщаго и равнаго права подачи голосовъ при избраніи народныхъ представителей; 2) выработать проекты основныхъ законоположеній, предоставляющихъ народному представительству право повѣрять закономѣрность служебныхъ распоряженій членовъ правительства и обезпечивающихъ гражданамъ края свободу слова, собраний и союзовъ, и 3) составить проекты закона о свободѣ печати и немедленно издать объявленіе о прекращеніи дѣятельности предварительной цензуры. Для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ законопроектовъ созванъ на 7 (20) декабря чрезвычайный сеймъ.—Отъ души привѣтствуемъ официальное признаніе правъ, защита которыхъ навлекла на нашъ журналъ, въ февралѣ 1899-го года, административную кару. Пожелаемъ, чтобы въ предѣлахъ имперіи внутренній миръ возстановился такъ же полно и быстро, какъ въ Финляндіи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1905.

Портсмутскій мирный договоръ.—„Заслуги“ графа Ламдорфа.—Разоблаченія военныхъ порядковъ.—Значеніе войны для нашихъ внутреннихъ дѣлъ.—Международныя послѣдствія нашей мирной революціи.—Политика Вильгельма II.—Новая попытка оправданія манчжурской затѣи.

„Миръ и дружба пребудутъ отнынѣ“ между Россією и Японією, какъ сказано въ первой статьѣ Портсмутскаго мирнаго договора, ратификація котораго состоялась 1 октября. По поводу этого событія обнародованъ 5 октября въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Въ 23 день августа сего года, съ соизволенія Нашего, заключенъ Нашими уполномоченными въ Портсмутъ и въ 1 день текущаго октября утвержденъ Нами окончательный мирный договоръ между Россією и Японією.

„Въ неисповѣдимыхъ путяхъ Господнихъ, отечеству Нашему ниспосланы были тяжелыя испытанія и бѣдствія кровопролитной войны, обильной многими подвигами самоотверженной храбрости и беззаветной преданности Нашихъ славныхъ войскъ въ ихъ упорной борьбѣ съ отважнымъ и сильнымъ противникомъ. Нынѣ эта столь тяжкая для всѣхъ борьба прекращена, и Востокъ Державы Нашей снова обращается къ мирному преуспѣянію въ добромъ сосѣдствѣ съ отнынѣ вновь дружественной Намъ Имперією Японскою.

„Возвѣщая любезнымъ подданнымъ Нашимъ о восстановленіи мира, Мы увѣрены, что они соединятъ молитвы свои съ Нашими и съ непоколебимою вѣрою въ помощь Всевышняго призовутъ благословеніе Божіе на предстоящіе Намъ, совместно съ избранными отъ населенія людьми, обширные труды, направленные къ утвержденію и совершенствованію внутренняго благоустройства Россіи“.

Главныя постановленія мирнаго трактата были уже извѣстны въ общихъ чертахъ со дня его подписанія, и вновь разбирать ихъ нѣтъ надобности. Окончательный текстъ договора состоитъ изъ 15 статей и двухъ дополнительныхъ къ нимъ параграфовъ. Относительно Кореи установлено, что русскіе подданные будутъ пользоваться въ ней совершенно такимъ же положеніемъ и такими же правами, какъ и подданные наиболѣе благопріятствуемой державы, и что, во избѣжаніе

всякаго повода къ недоразумѣнiямъ, обѣ стороны „воздержатся отъ принятiя на русско-корейской границѣ какихъ-либо военныхъ мѣръ, могущихъ угрожать безопасности русской или корейской территорiи“ (ст. II). Манчжурiя будетъ совершенно и одновременно очищена отъ русскихъ и японскихъ войскъ, за исключенiемъ арендной территорiи Ляодунскаго полуострова, и затѣмъ должна быть всецѣло возвращена Китаю; при этомъ русское правительство объявляетъ, что оно „не обладаетъ въ Манчжурiи земельными преимуществами либо преференціальными или исключительными концессiями, могущими затронуть верховныя права Китая или несовмѣстимыми съ принципомъ равноправности“ (ст. III). Вмѣстѣ съ передачею Японiи всѣхъ правъ, преимуществъ и концессiй, принадлежавшихъ Россiи на Ляодунскомъ полуостровѣ по арендному договору съ Китаемъ, а также всѣхъ общественныхъ сооружений и имуществъ въ предѣлахъ этой территорiи, признается и подтверждается готовность Японiи уважать права частной собственности русскихъ подданныхъ въ этихъ бывшихъ русскихъ владѣнiяхъ (ст. V). Россiя уступаетъ Японiи, безъ вознагражденiя, желѣзную дорогу между Чанчунъ (Куанченцзы) и Портъ-Артуромъ и ея развѣтвленiя, со всѣми принадлежащими ей правами, привилегiями и имуществами, а также каменноугольныя копи въ этой мѣстности (ст. VI), причемъ обѣ стороны обязываются эксплуатировать свои желѣзнодорожныя линiи въ Манчжурiи исключительно въ цѣляхъ коммерческихъ и промышленныхъ, но отнюдь не стратегическихъ (ст. VII). Въ видахъ поощренiя и облегченiя сношенiй и торговли обѣ державы заключать, въ скорѣйшемъ по возможности времени, отдѣльную конвенцiю для опредѣленiя условiй обслуживанiя соединенныхъ желѣзнодорожныхъ линiй въ Манчжурiи (ст. VIII). Русское правительство передаетъ Японскому „въ вѣчное и полное владѣнiе“ южную часть острова Сахалина (до 50-й параллели сѣверной широты) и прилежащiе къ ней острова, равно какъ и всѣ находящiяся тамъ общественныя сооружения и имущества; обѣ стороны взаимно соглашаются при этомъ не возводить въ своихъ владѣнiяхъ на островѣ никакихъ укрѣпленiй и не принимать никакихъ военныхъ мѣръ, которыя могли бы препятствовать свободному плаванiю въ проливахъ Лаперузовомъ и Татарскомъ (ст. IX). Русскимъ подданнымъ, жителямъ уступленной Японiи территорiи, предоставляется продавать свое недвижимое имущество и удалиться въ свою страну; но если они предпочтутъ остаться, за ними будутъ сохранены и обезпечены въ полной мѣрѣ ихъ промышленная дѣятельность и права собственности, при условiи подчиненiя японскимъ законамъ и юрисдикции. Въ то же время „Японiя будетъ вполнѣ свободна лишить права пребыванiя въ этой территорiи всѣхъ жителей, не обладаю-

шихъ политическою или административною правоспособностью, или же выселить ихъ изъ этой территоріи; она обязуется, однако, исполнѣть обезпечить за этими жителями ихъ имущественныя права“ (ст. X). Россія обязывается войти съ Японіею [въ соглашеніе въ видахъ предоставленія японскимъ подданнымъ правъ по рыбной ловлѣ вдоль береговъ русскихъ владѣній въ моряхъ Японскомъ, Охотскомъ и Беринговомъ (ст. XI). Въ дѣлахъ торговли и мореплаванія установлена система взаимности на началахъ наибольшаго благопріятствованія, впредь до заключенія новаго торговаго договора на тѣхъ же основаніяхъ, какія дѣйствовали передъ войною (ст. XII). Двѣ слѣдующія затѣмъ статьи говорятъ о возвращеніи плѣнныхъ и о ратификаціи; расходы по содержанію плѣнныхъ будутъ возмѣщены соответственно взаимно представленнымъ счетамъ, оправданнымъ документами. Въ двухъ дополнительныхъ статьяхъ установлены правила о выводѣ войскъ изъ Манчжуріи и о разграниченіи территорій на Сахалинѣ; войска обѣихъ сторонъ должны быть одновременно удалены изъ манчжурскихъ предѣловъ, въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ, а для охраны желѣзныхъ дорогъ оставляется стража по обоюдному соглашенію, въ количествѣ не менѣе пятнадцати человѣкъ на километръ.

Одновременно съ опубликованіемъ трактата, окончательно формулировавшаго результаты японскихъ побѣдъ, напечатанъ въ газетахъ благодарственный рескриптъ на имя нашего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Ламздорфа. „Плодотворные труды“ его, какъ сказано въ рескриптѣ, „по многочисленнымъ и сложнымъ вопросамъ, возникавшимъ въ теченіе минувшей войны съ Японіею, способствовали правильному и успѣшному ихъ разрѣшенію“; когда же признано было возможнымъ принять дружеское предложеніе президента Рузвельта, то онъ же, графъ Ламздорфъ, „приложилъ всю свойственную ему опытность и дипломатическое искусство для достиженія, согласно предначертаніямъ, условій мира, отвѣчающихъ достоинству Россіи“. Въ дѣйствительности, конечно, мало основаній благодарить кого бы то ни было за политику, приведшую къ несчастной войнѣ и завершившуюся Портсмутскимъ миромъ, и намъ трудно назвать „правильнымъ и успѣшнымъ“ то разрѣшеніе спорныхъ международныхъ вопросовъ, на которое вынуждена была согласиться Россія послѣ тяжкихъ военныхъ пораженій. „Плодотворные труды“, упоминаемые въ рескриптѣ, имѣли такой характеръ и такія послѣдствія, что могли дать поводъ къ возбужденію вопроса о законной отвѣтственности и должны были по меньшей мѣрѣ вызвать отставку министра, съ замѣною его другимъ, болѣе способнымъ и подходящимъ дѣятелемъ. Графъ Ламздорфъ, будучи руководителемъ нашей дипломатіи, не только не сумѣлъ предупредить обостреніе конфликта съ Японіею, но и самъ

способствовалъ этому обостренію своими неумѣстными, оскорбительными для противника приѣмами въ веденіи переговоровъ; притомъ онъ же допустилъ вмѣшательство въ завѣдываніе иностранною политикою совершенно некомпетентныхъ постороннихъ лицъ, въ родѣ адмирала Алексѣева, контръ-адмирала Абазы и статсъ-секретаря Безобразова. Такъ какъ это вмѣшательство завѣдомыхъ приверженцевъ войны несомнѣнно противорѣчило его официальнымъ миролюбивымъ заявленіямъ, то онъ имѣлъ бы полное право сложить съ себя званіе министра послѣ того какъ существенная часть его функцій была передана названнымъ некомпетентнымъ лицамъ; между тѣмъ онъ оставался на мѣстѣ и прикрывалъ фирмою своего министерства зловредныя закулисныя мѣропріятія и рѣшенія, которыя, какъ онъ не могъ не сознавать, должны были причинить непоправимый вредъ государству. Отвѣтственность за весь этотъ неправильный ходъ дипломатическихъ переговоровъ съ Японіею не можетъ быть снята съ графа Ламздорфа, и его „плодотворные труды“ по дѣламъ Дальняго Востока займутъ одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи нашей иностранной политики.

Тяжелый кошмаръ войны и послѣдовавшихъ за нею волненій изъ-за вопроса объ условіяхъ мира слишкомъ наглядно и рѣзко убѣдиль русское общество и русскій народъ, что для спасенія всей будущности страны необходимо кореннымъ образомъ преобразовать весь государственный строй, отдающій Россію въ безконтрольное распоряженіе небольшой горсти придворныхъ интригановъ. Страшно дорогой цѣною досталась намъ реформа устарѣлаго политическаго быта, основаннаго на всемогуществѣ бюрократіи и на полномъ безправіи населенія. Грозныя военныя неудачи раскрыли глаза даже представителямъ арміи, которые увидѣли на опытѣ несостоятельность и безсиліе военной организаціи, казавшейся прежде столь могущественною. Напечатанное недавно въ газетѣ „Русь“ письмо командира десятаго корпуса, дѣйствовавшаго въ Манчжуріи, генерала Церпицкаго, представляетъ собою ярко и сильно сформулированный обвинительный актъ противъ всей господствующей у насъ системы военнаго управленія и хозяйничанія. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ этотъ заслуженный боевой генералъ писалъ намъ по поводу одной статьи, помѣщенной въ нашемъ журналѣ: „Вы совершенно вѣрно говорите, что за цѣлый годъ войны не выдвинулось ни одного имени. Но спрашивается, откуда могли бы явиться въ нашей арміи эти имена? Генералы не валяются съ неба; они—продуктъ арміи, плоть и кровь ея. Наша армія, благодаря установившемуся въ ней совершенно бессмысленному и вредному для дѣла бюрократическому режиму, сдѣла-

лась въ этомъ отношеніи непроизводительна; она перестала давать хорошихъ полевыхъ генераловъ, но за то давала нъ изобиліи такихъ, съ которыми побѣждать непріятеля нельзя. На почвѣ бюрократизма въ нашей арміи прочно свили себѣ гнѣздо протекціонизмъ и фаворитизмъ. Бывшіе кавалергарды, конногвардейцы, преображенцы и проч. всегда могли получить высшія отвѣтственные должности, несмотря на свою дряхлость, неспособность и полную отсталость. Наряду съ категорическимъ закономъ о возрастномъ цензѣ въ арміи допущены были для высшаго командованія и руководства войсками такіе дряхлые или совершенно неспособные люди, какъ "... (дальше приводится цѣлый рядъ именъ съ соответственными характеристиками). Одинъ. 78-лѣтній старикъ, десять лѣтъ не садившійся верхомъ, придворный генералъ, самъ говорилъ автору письма, что онъ „никогда въ своей жизни не имѣлъ терпѣнія прочитать ни одного военного сочиненія“; „въ пониманіи военного дѣла былъ совершеннѣйшій младенецъ, смотрѣвшій на всѣхъ своихъ подчиненныхъ въ округѣ, какъ на своихъ крѣпостныхъ“. Другой „своимъ обращеніемъ, въ высшей степени презрительнымъ и надменнымъ, стремился къ тому, чтобы обратить своихъ подчиненныхъ въ рабовъ“. Въ третьемъ военномъ округѣ очень долго стоялъ во главѣ „старый, дряхлый человѣкъ, вовсе не интересовавшійся арміей“, а за него распоряжался помощникъ, „лѣтний, распушенный человѣкъ, занимавшійся только флиртомъ съ женами своихъ подчиненныхъ“; въ четвертомъ округѣ командуетъ 80-лѣтній старикъ, который такъ слабъ физически, что еще въ 1900 году ввѣренную К. Ф. Церпицкому бригаду смотрѣлъ изъ экипажа. „Такихъ же старыхъ, неспособныхъ и дряхлыхъ много корпусныхъ командировъ и даже начальниковъ дивизій. Нѣкоторые изъ числа такихъ корпусныхъ командировъ и начальниковъ дивизій прибыли на театръ войны. Разумѣется, отъ нихъ нельзя ожидать никакой пользы. Присутствуя разъ на ученіи, которое производилъ Н.,—пишетъ почтенный генералъ,—и, видя, какъ онъ, находясь въ нетрезвомъ видѣ, грубо и дерзко обращался со своими подчиненными, я тогда же сказалъ ему, что плохи тѣ войска, которыя позволяютъ съ собою такъ обращаться. Наша армія, благодаря установившемуся въ ней бюрократическому режиму, обратилась въ огромную толпу рабовъ, а извѣстно, что изъ рабовъ не выходитъ львовъ и героев. Военская дисциплина въ нашей арміи замѣнилась подлымъ угодничествомъ. Независимо отъ этого, всѣ наши неуспѣхи въ настоящей войнѣ зависятъ отъ результатовъ военного воспитанія и обученія арміи въ мирное время. Наша армія невѣжественна, безграмотна и непатріотична. Въ военной службѣ, народа, за отсутствіемъ школъ, грамотѣ не учили, а военное министерство, „въ непрестанной заботливости о развитіи грамотности“,

отпускало отъ своихъ щедротъ на обученіе грамотъ солдатъ по 10 коп. въ годъ на человѣка... На всѣ вопросы, предлагаемые офицерамъ и солдатамъ нашей арміи, всегда получается одинъ отвѣтъ: „не могу знать“. Отвѣтъ этотъ есть результатъ невѣжества, тупоумія и полнаго равнодушія къ дѣлу. Нашъ голодный, обнищавшій, забитый народъ, веденный въ полной темнотѣ, не можетъ быть народомъ патриотичнымъ, такъ какъ всѣ его интересы поглощаются желаніемъ имѣть хлѣбъ, чтобы не подохнуть съ голода. Что касается до войны, то она глубоко непопулярна среди народа, понимающаго всю несправедливость того, что мы ворвались въ край, куда насъ никто не звалъ и не просилъ, и притомъ въ то время, когда у насъ самихъ было много своего дѣла. Народъ понимаетъ, что мы бросили въ этотъ край миллионы народныхъ денегъ въ то время, когда русскій народъ постоянно почти голодаетъ, когда онъ невѣжествененъ, неграмотенъ и нищъ, отъ недостатка средствъ для его образованія, отъ неудовлетворительности дорогъ, отъ большихъ пошлинъ на предметы первой необходимости. Я пережилъ здѣсь китайскую войну, и я лично предвидѣлъ настоящую катастрофу, о чемъ неоднократно доносилъ по начальству, но легкомысленный А. ничему не вѣрилъ и устраивалъ въ Портъ-Артурѣ вторую „Панаму“. „Армія наша, — продолжаетъ генералъ Церпицкій въ другомъ письмѣ, — со времени освободительнаго движенія 60-хъ годовъ пошла не впередъ, а назадъ, и обратилась въ толпу рабовъ, управляемыхъ бюрократами. Верхи арміи, начиная съ старшихъ, занимались устройствомъ себя хищеніями“. Когда въ одномъ изъ мѣстныхъ лазаретовъ экстренно понадобился лишній расходъ на триста рублей въ годъ, то представленіе объ этомъ, сдѣланное въ мартѣ 1904 года, удостоилось утвержденія только въ іюнѣ 1905 года; а когда генералъ К. вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ, то для него былъ выбранъ и черезъ нѣсколько дней послѣ осмотра купленъ домъ на Мойкѣ, обошедшійся казнѣ около миллиона рублей, а на содержаніе его и отопленіе расходовалось ежегодно отъ 40 до 60 тысячъ рублей; между тѣмъ существовалъ уже казенный домъ для военного министра, но онъ былъ оставленъ въ пожизненное пользованіе Ванновскому, съ приплатой на содержаніе дома до 60 тысячъ рублей въ годъ. Вздумалось военному министру имѣть дачу близъ Ялты, и тотчасъ же наняли тамъ цѣлое имѣніе, обходившееся казнѣ общимъ счетомъ до 25 тысячъ ежегодно. Всѣ эти расходы не проходили черезъ военный совѣтъ и не утверждались въ законномъ порядкѣ. Понадобилось военному министру прогуливаться по Невѣ на своемъ пароходикѣ, и тотчасъ же купленъ былъ пароходъ, сформирована команда, назначенъ шкиперъ, а содержаніе ихъ обходилось около трехъ тысячъ рублей въ годъ (собственно два-три

мѣсяца въ году). Получая 32 тысячи содержанія при всемъ готовомъ, генералъ К. приказалъ еще выдавать себѣ восемь тысячъ въ годъ за заѣдываніе финляндскими войсками, которыя уже были уничтожены. Начальникъ его главнаго штаба получилъ въ пять лѣтъ пять большихъ наградъ и при жалованьи въ 18 тысячъ, при готовой квартирѣ, экипажѣ, обстановкѣ, до 50 тысячъ пособія. Извѣстно, что Сипягинъ, сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, прежде всего началъ перестраивать казенный домъ для своей квартиры по своимъ рисункамъ, и эта затѣя обошлась въ 500 тысячъ рублей. „Съ такими порядками далеко не уйдешь. Почему это въ другихъ государствахъ министры живутъ какъ частные люди? Я самъ былъ нѣсколько разъ у графа Каприви; онъ жилъ на Лейпцигской улицѣ, въ третьемъ этажѣ, въ шести комнатахъ, со своей старушкой сестрой, ѣздилъ на извозчикахъ, и имѣлъ престижъ, и его всѣ уважали. Почему же въ самой бѣдной странѣ, въ которой половина населенія умираетъ ежегодно съ голоду, необходимо министрамъ и прочимъ высокопоставленнымъ жить по-царски во дворцахъ?“

Общіе государственные и зависящіе отъ нихъ спеціально-военные недуги, о которыхъ говоритъ генералъ Церпицкій, могутъ быть устранены только коренными *общими* реформами, отчасти уже возвыщенными манифестомъ 17 октября. Нельзя считать случайнымъ то обстоятельство, что великое дѣло переустройства всего государственнаго быта Россіи возложено на бывшаго министра финансовъ, удачно исполнившаго роль перваго русскаго дипломата въ Портсмутѣ и объѣхавшаго по этому поводу нѣкоторые изъ передовыхъ заграничныхъ государствъ. Несмотря на то, что необходимость коренныхъ преобразованій стала очевидною для самыхъ скромныхъ обывателей послѣ пережитыхъ ужасовъ безсмысленной и позорной войны, бюрократія долго не рѣшалась разстаться съ своими исключительными полномочіями и думала ограничиться обманчивыми канцелярскими полумѣрами, которыя только раздражали общественное мнѣніе. Высшая власть, постоянно колеблемая въ разныя стороны взаимно борющимися между собою закулисными вліяніями, никогда не сдѣлала бы окончательнаго шага въ пользу конституціи, еслибы тревожныя заграничныя извѣстія не напоминали о чрезвычайно важномъ элементѣ нашего общаго политическаго положенія — о вѣншемъ государственномъ кредитѣ Россіи. Наши финансы зависятъ во многомъ отъ степени довѣрія иностранныхъ націй къ прочности существующаго у насъ правительства, и продолжающаяся внутренняя борьба между приверженцами самовласти и сторонниками народной свободы, въ связи съ непрерывными кровавыми

волненіями въ разныхъ мѣстахъ имперіи, возбуждала понятное безпокойство въ массѣ владѣльцевъ нашихъ государственныхъ бумагъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Рескриптъ 18 февраля, общавшій введеніе народнаго представительства, появился вслѣдъ за изданіемъ манифеста отъ того же числа объ искорененіи крамолы, и это странное противорѣчіе объяснялось только тѣмъ, что изъ Парижа получены были телеграммы о неблагопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ манифестомъ за границей среди биржевыхъ и финансовыхъ сферъ; такъ же точно на изданіе манифеста 17 октября повліяли сообщенія изъ Берлина о неизбѣжномъ паденіи курса всѣхъ русскихъ цѣнностей, въ виду водворившейся анархіи въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Намъ грозилъ опасный финансовый крахъ какъ разъ въ такой моментъ, когда велись переговоры о способахъ и срокѣ выпуска новаго займа въ 500 милліоновъ рублей, и представители иностранныхъ фирмъ, находившіеся для этой цѣли въ Петербургѣ, должны были убѣдиться, что время для переговоровъ было выбрано крайне неудачно. Переговоры были прерваны, и это непріятное обстоятельство было однимъ изъ послѣднихъ виѣшнихъ толчковъ къ принятію конституціонной программы гр. Витте. Не будь этихъ заграничныхъ финансовыхъ опасеній и заботъ, побѣда и на этотъ разъ могла бы остаться за представителями высокопоставленной „черной сотни“.

Иностранная печать съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила и продолжаетъ слѣдить за ходомъ нашей внутренней борьбы, которая, можно сказать, представляетъ крупнѣйшее явленіе современной міровой исторіи. Привѣтствуя торжество мирной революціи, принявшей новую, нигдѣ не испытанную еще форму всеобщей политической забастовки—истинной революціи двадцатаго вѣка, газеты всего культурнаго міра съ полнымъ ужаса недоумѣніемъ останавливаются передъ внезапными взрывами звѣрства и опустошенія, охватившими значительную часть Россіи тотчасъ же послѣ изданія необыкновенно либеральнаго манифеста 17 октября. Иностранцы, привыкшіе руководствоваться установившимися политическими понятіями, видятъ въ этомъ жестокомъ народномъ движеніи простую контръ-революцію консервативной массы населенія противъ передовыхъ, прогрессивныхъ элементовъ общества; подобныя контръ-революціи бывали въ разныхъ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ одни классы населенія возставали противъ другихъ, добившихся власти для своихъ специальныхъ выгодъ и для обезпеченія своихъ сословныхъ или классовыхъ интересовъ. Но у насъ дѣло шло о завоеваніи общихъ политическихъ правъ, одинаково важныхъ и цѣнныхъ для всего народа; низшіе классы еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ высшіе, заинтересованы въ томъ, чтобы ими не распоряжались органы произвола и насилія, чтобы податное бремя было распредѣ-

лено болѣе равномерно, чтобы прекратилось хищническое швыряніе народныхъ средствъ на нелѣпыя фантазіи и чтобы не могли затѣваться безсмысленныя войны въ угоду придворнымъ честолюбцамъ. Наша интеллигенція не только не добивалась для себя никакихъ особыхъ правъ и привилегій, но, напротивъ, требовала устраненія всякихъ исключительныхъ правъ и преимуществъ и домогалась только того, что было необходимо и полезно для трудящихся народныхъ массъ. Что же побуждало бы эти массы подняться противъ виновниковъ такихъ перемѣнъ и нововведеній, которыя направлены къ очевидному реальному благу всего народа? Иностранные публицисты не понимаютъ и не могутъ понять, что здѣсь играли роль обычные представители и защитники стараго режима: одновременныя и однородныя дѣйствія толпы въ разныхъ мѣстахъ имперіи имѣли повсюду характеръ „патріотическихъ“ манифестацій, устроенныхъ систематически по одному общему плану и съ одною и тою же цѣлью—доказать необходимость сохраненія „исконныхъ началъ“ для избѣжанія великихъ опасностей, угрожающихъ престолу и отечеству со стороны внутреннихъ враговъ. Другими словами, это была контръ-революція многочисленныхъ мѣстныхъ органовъ самовластной администраціи, привыкшей эксплуатировать въ свою пользу невѣжество и суевѣріе темнаго большинства населенія. Не зная искусственныхъ пружинъ, создающихъ стихійное народное движеніе противъ интеллигенціи, посторонніе наблюдатели говорятъ о междоусобной войнѣ племенъ и классовъ, о страшныхъ проявленіяхъ взаимной вражды и ненависти, какъ о симптомахъ предстоящаго или возможнаго распаденія Россіи. Между тѣмъ въ дѣйствительности злобныя инстинкты толпы съ одинаковымъ успѣхомъ и съ одинаковою легкостью возбуждаются у насъ какъ противъ инородцевъ, такъ и противъ чистокровныхъ русскихъ, противъ врачей, студентовъ, курсистокъ, земскихъ либераловъ: для этого достаточно только пустить слухъ о японскихъ или англійскихъ подкулахъ, объ умышленномъ распространеніи какой-нибудь заразы, о зловредной крамолѣ, о связи съ нечистой силою. На почвѣ народной тѣмы вырастаютъ и распространяются съ необычайною быстротою самыя фантастическія предположенія, толкающія на путь безумныхъ насилій, и однако такого рода факты не даютъ еще ни малѣйшаго основанія заключать о характерѣ взаимныхъ нормальныхъ отношеній между различными народностями или классами населенія. Невѣжество и суевѣріе народныхъ массъ были и остаются главными опорами стараго режима, и эти опоры исчезнутъ или потеряютъ свое значеніе вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія въ народѣ. Для политической будущности страны эти темныя силы могутъ считаться опасными только до тѣхъ поръ, пока на нихъ будутъ опираться органы государствен-

ной власти; но эта опасность устраняется введеніемъ разумнаго конституціоннаго правленія, обѣщаннаго манифестомъ 17 октября.

Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ внутренній кризисъ непосредственно отражается на международномъ положеніи Россіи и можетъ имѣть огромное вліяніе на роль и мѣсто ея въ ряду великихъ державъ. Нѣкоторые иностранныя газеты намекали на то, что Финляндія, достигнувъ фактической свободы дѣйствій, могла бы вступить въ личную унію съ Швеціею, отъ которой недавно окончательно отдѣлилась Норвегія, и разумѣется само собою, что такое отпаденіе отъ насъ великаго княжества, какъ логическое послѣдствіе грубой обрусительной политики послѣднихъ лѣтъ, нанесло бы сильный ударъ государственнымъ интересамъ Россіи. Вооруженное возстаніе Финляндіи при данныхъ обстоятельствахъ было бы для насъ не только „сквернымъ дѣломъ“, но и крайне опаснымъ и почти непосильнымъ; и едва ли нашлись бы у насъ серьезные государственные люди, которые рѣшились бы затѣять вооруженную борьбу для насильственнаго подчиненія финляндскаго народа ненавистному ему режиму. Наши усердные патриоты, способствовавшіе по мѣрѣ силъ достиженію такого результата, продолжаютъ попрежнему возлагать всѣ свои надежды на мѣры крутого насилія и принужденія, и даже въ тѣ критическіе дни, когда русская власть перестала существовать въ Финляндіи, публицисты „Новаго Времени“, по старой привычкѣ, жаловались кому-то на „дерзкія“ финляндскія требованія, обвиняли генераль-губернатора въ бездѣйствіи и грозили непокорнымъ суровыми репрессаліями, въ родѣ блокады побережья остатками нашего флота и закрытія финляндской границы;—и еслибы это зависѣло отъ „Новаго Времени“, то мы въ самомъ дѣлѣ имѣли бы передъ собою совершившійся фактъ отпаденія Финляндіи, съ перспективою „дружественнаго“ вмѣшательства Швеціи и другихъ морскихъ державъ. Событія получили здѣсь иную развязку, несогласную съ идеями нашихъ націоналистовъ, и только формальнымъ отреченіемъ отъ прошлыхъ ошибокъ мы могли сохранить Финляндію.

Несравненно болѣе щекотливые и сложные политическіе вопросы возникаютъ въ связи съ положеніемъ Царства Польскаго, гдѣ кризисъ доводится до послѣдней крайности раздражающими мѣрами мѣстныхъ военныхъ властей. У границъ польской территоріи бодрствуетъ дѣятельный и могущественный сосѣдь, располагающій свободною арміею и очень расположенный помочь намъ въ нашей „неслыханной смутѣ“. Что мы сдѣлаемъ, если императоръ Вильгельмъ II, озабоченный волненіями нашей Польши, окажетъ намъ дружественное содѣйствіе за-

натіемъ ея прусскими войсками? А къ этому ведутъ дѣло наши націоналисты, упорно не понимающіе другихъ способовъ успокоенія, кромѣ грубой системы насилія. Пруссія, имѣющая также свои польскія провинціи, крайне заинтересована въ томъ, чтобы въ пограничной русской Польшѣ водворился мирный и прочный порядокъ жизни, чтобы прекратилось, наконецъ, скрытое или явное революціонное состояніе этого края, могущее вызвать соотвѣтственное тревожное настроеніе въ Познани. Въ февралѣ 1863 года, по поводу тогдашняго польскаго возстанія, Пруссія заключила съ Россією военную конвенцію, въ силу которой она имѣетъ право, при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, ввести свои войска въ предѣлы русской Польши, для оказанія намъ помощи въ дѣлѣ подавленія беспорядковъ, и это международное соглашеніе, называемое иногда конвенціей Альвенслебена—по имени подписавшаго ее въ Петербургѣ прусскаго генерала, могло бы легко получить неожиданное практическое истолкованіе и примѣненіе въ настоящее время. Какъ объясняетъ князь Бисмаркъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, эта конвенція имѣла болѣе политической, чѣмъ военной цѣль: она должна была показать всѣмъ сторонникамъ польской автономіи среди великихъ державъ и въ составѣ самого русскаго правительства, что Пруссія не желаетъ возрожденія польской національности и твердо стоитъ за прежнюю русскую политику, въ духъ строгаго внѣшняго административнаго объединенія. Конечно, для того, чтобы вступленіе прусскихъ войскъ въ русскіе предѣлы сохранило характеръ дружественнаго акта, необходимо было бы формальное согласіе нашего правительства; но всѣмъ хорошо извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ добыть это согласіе подъ предлогомъ истинной дружбы и преданности, при тѣхъ традиціонныхъ интимныхъ отношеніяхъ, какія существуютъ между дворами Пруссіи и Россіи. Наша внѣшняя политика давно уже въ сущности имѣетъ не государственный и не національный, а фамиліный характеръ, и самыя важныя рѣшенія, какъ, напр., и въ несчастномъ японскомъ конфликтѣ, принимались по побужденіямъ и мотивамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ интересами государства и съ обязанностями отвѣтственнаго правительства. Императоръ Вильгельмъ II, привыкшій, напротивъ, служить только интересамъ Германіи, отлично умѣетъ пользоваться обстоятельствами для достиженія своихъ сознательныхъ патріотическихъ цѣлей, не поддаваясь никакимъ случайнымъ или сентиментальнымъ внушеніямъ. Въ этомъ смыслѣ настойчивое ухаживаніе его за официальною Россією и за ея дворомъ въ послѣдніе мѣсяцы и для приобрѣтаетъ чрезвычайно важное значеніе и заслуживаетъ особеннаго вниманія русскаго общества.

Намъ кажется, что все дипломатическое искусство Вильгельма II,

въ связи съ его неустаннымъ стремленіемъ дѣйствовать на пользу Германіи, обнаруживается именно въ его тонкой и смѣлой международной политикѣ за послѣдніе мѣсяцы: онъ сдѣлался теперь центральной фигурой въ Европѣ, главнымъ распорядителемъ ея политическихъ судебъ, и притомъ безъ всякаго риска для себя, исключительно въ видахъ заботливой охраны германскихъ интересовъ. Иностранныя газеты очень много и долго разсуждали объ его мнимыхъ планахъ нападенія на Францію изъ-за Марокко, о попыткѣ бывшаго французскаго министра Делькассэ заключить формальный оборонительный союзъ съ Англіей и о мнимомъ предложеніи британскаго правительства послать свой флотъ въ Киль и высадить тамъ стотысячное войско для оказанія помощи французамъ; эти опасныя воинственные проекты, раскрытые или придуманные недавно газетою „*Matin*“, потерпѣли неудачу, будто бы, только благодаря своевременному удаленію Делькассэ. Западно-европейская печать, не исключая и оффиціозной, съ большою горячностью занялась этими необыкновенно жгучими разоблаченіями; самъ германскій канцлеръ, князь Бюловъ, говорилъ по этому поводу о своихъ намѣреніяхъ и чувствахъ относительно Франціи, и до сихъ поръ еще многіе вѣрятъ, что предстояли или готовились какія-то крупнѣйшія политическія событія, которыхъ удалось избѣжать только подъ вліяніемъ разныхъ счастливыхъ случайностей. Между тѣмъ, самыя комбинаціи и секретныя свѣдѣнія, сообщенныя въ газетахъ, оказывались совершенно неправдоподобными при ближайшемъ разсмотрѣніи: никакая держава не станетъ предлагать другой военную помощь, которой та не проситъ, и никакое правительство въ Англіи не возьметъ на себя подобнаго безсмысленнаго рѣшенія, не вызываемаго крайностью и способнаго не предупредить, а, напротивъ, возбудить или ускорить катастрофу. Страстные и шумные толки о планахъ и опасеніяхъ Англіи, Франціи и Германіи волновали заграничную публику какъ разъ въ то время, когда Россія переживала острый политическій кризисъ, отъ исхода котораго зависѣло и направленіе заботъ Вильгельма II. Очень можетъ быть, что безсодержательная дипломатическая кампанія на Западѣ имѣла цѣлью отвлечь вниманіе общественнаго жи́внiя отъ замысловъ и расчетовъ, относящихся къ восточной Европѣ.

Взгляды и настроенія нашей бюрократіи въ сферѣ иностранной политики такъ же мало поддаются „постороннему“ воздѣйствію общественнаго мнѣнія и печати, какъ и въ области внутреннихъ вопросовъ. Даже послѣ всѣхъ пережитыхъ ужасовъ и разочарованій манчурской войны у насъ выступаютъ въ печати защитники этой пре-

ступной затѣи, и мы считаемъ не лишнимъ остановиться здѣсь на новой попыткѣ такого рода, сдѣланной г. А. Гиппиусомъ въ книгѣ подъ заглавіемъ: „О причинахъ нашей войны съ Японіей“ (Спб., 1905. Стр. 56 + XXX + 230, in 4°. Ц. 3 р.).

Роскошно изданная книга г. А. Гиппиуса заключаетъ въ себѣ, сверхъ вступительной статьи автора, полный переводъ англійской „синей“ и японской „бѣлой“ книгъ по манчжурско-китайскому и корейскому вопросамъ, съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ и комментаріевъ М. П. Федорова относительно торговли Англіи, Японіи и нѣкоторыхъ другихъ державъ на Дальнемъ Востокѣ. Во главѣ своихъ разсужденій г. А. Гиппиусъ выставляетъ слѣдующіе тезисы: „Первоначальною причиною войны является завоевательная политика Японіи. На этомъ пути Японія столкнулась съ военно-политическими территоріальными интересами Россіи и съ торгово-политическими интересами Англіи. Политика Россіи опредѣляется соображеніями самозащиты отъ посягательствъ Японіи. Политика Англіи опредѣляется расчетомъ ослабить Японію черезъ войну съ Россією, хотя, впрочемъ, и ослабленіе Россіи соответствуетъ видамъ Англіи, но только не на Дальнемъ, а на среднемъ и ближнемъ Востокѣ“.

Насколько мы могли понять запутанную аргументацію автора, дѣло сводится, по его мнѣнію, къ тому, что Японія имѣла скрытые завоевательные планы, которыхъ она не успѣла ясно обнаружить; Россія же безъ всякаго завоевательнаго умысла заняла Портъ-Артуръ, построила желѣзную дорогу на китайской территоріи и водворила свое владычество въ Манчжуріи, не имѣя вовсе въ виду вызывать этимъ неудовольствіе другихъ заинтересованныхъ державъ. Между тѣмъ Англія, съ присущимъ ей коварствомъ, повела тонкую и сложную дипломатическую интригу противъ нашихъ совершенно безобидныхъ и миролюбивыхъ наступательныхъ мѣропріятій на Дальнемъ Востокѣ, съ явнымъ намѣреніемъ втравить японцевъ въ разорительную и опасную для нихъ войну, чтобы надолго ослабить ихъ, какъ главныхъ своихъ торгово-промышленныхъ соперниковъ въ Китаѣ и въ сопредѣльныхъ странахъ. А такъ какъ съ весны 1902 г. Англія находилась уже въ формальномъ военно-политическомъ союзѣ съ Японією и была обязана въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовать съ нею заодно,—о чемъ забываетъ при этомъ г. А. Гиппиусъ,—то выходитъ, что англичане желали посредствомъ войны подорвать силы своихъ собственныхъ союзниковъ и косвенно причинить вредъ самимъ себѣ, подвергнувъ опасности свое собственное международное положеніе и свои крупные восточно-азиатскіе интересы. Военное торжество Россіи надъ Японією—по крайней мѣрѣ на сушѣ—представлялось вполне возможнымъ, и многіе считали его даже неизбежнымъ,

не только у насъ, но и въ западной Европѣ и между прочимъ въ самой Англіи; этотъ результатъ войны дѣйствительно обезпечилъ бы для Россіи господство надъ Китаемъ и надъ всѣмъ побережьемъ Азіи у Тихаго океана, если не „въ долготу вѣковъ“, какъ говорилось въ одномъ изъ нашихъ манифестовъ, то на многіе годы. Пораженіе Японіи было бы въ то же время несомнѣннымъ пораженіемъ союзной и солидарной съ нею Великобританіи. Какой же смыслъ имѣла бы коварная англійская политика, если она могла привести къ подобному результату? Японія была бы, правда, ослаблена, но вмѣстѣ съ нею пострадала бы и Англія, которая лишилась бы такимъ образомъ своей первенствующей роли на Дальнемъ Востокѣ. Если же предположить, что англичане были заранѣе твердо увѣрены въ окончательной побѣдѣ Японіи, то они рисковали вовсе не ослабить, а напротивъ, чрезмѣрно усилить положеніе своихъ союзниковъ, что также едва ли входило въ интересы и намѣренія Англіи.

Очевидно, основные тезисы г. Гиппиуса хромаютъ не только въ смыслѣ логики, но и съ точки зрѣнія фактовъ. Нельзя въ серьезномъ разсужденіи утверждать, что занятіе Портъ - Артура и военная оккупация Манчжуріи не имѣли характера наступательныхъ дѣйствій, а политика Японіи, не выражавшаяся съ 1896 года ни въ какихъ завоеваніяхъ или нападеніяхъ, должна называться завоевательною.

Обозначать одни и тѣ же факты разными именами, смотря по тому, къ какой державѣ они относятся и кѣмъ они совершаются,—это приѣмъ слишкомъ наивный. Странно доказывать, что Японія не могла имѣть основательныхъ причинъ къ самозащитѣ противъ агрессивной предпримчивости Россіи, и что только мы одни обладали безспорнымъ правомъ думать о самозащитѣ отъ чужихъ возможныхъ посягательствъ. Идея объ искусственномъ возбужденіи войны англичанами для какихъ-то непонятныхъ и противорѣчивыхъ цѣлей есть не что иное, какъ продуктъ политиканскаго фантазерства, къ которому склонны у насъ многіе доморощенные патриоты. Догадки и предположенія г. Гиппиуса только напрасно запутываютъ и затемняютъ вопросъ о причинахъ русско-японской войны. Отвергая разныя существующія у насъ объясненія мотивовъ этой войны, авторъ, между прочимъ, совершенно неожиданно и безъ всякой оговорки, замѣчаетъ, что „гораздо понятнѣе указаніе на содѣйствіе японцамъ со стороны масонства (?) и еврейскихъ капиталовъ“ (?). При чемъ тутъ „масонство“ и какимъ образомъ могли подвинуть японцевъ на войну „еврейскіе капиталы“—сообразить невозможно. Авторъ не понимаетъ такой простой вещи, что Японія—самостоятельная держава, съ своими особыми вѣковыми традиціями, понятіями, интересами и стремленіями, и что она способна поэтому имѣть свою собственную вѣдущую по-

литику, свободную отъ постороннихъ произвольныхъ вліяній и внушеній, хотя бы и англійскихъ, или масонскихъ, или еврейскихъ. Японія, подобно другимъ государствамъ, управляется людьми, которымъ никакъ нельзя приписывать роль слѣпыхъ орудій въ рукахъ иноземцевъ, и если она рѣшилась начать крайне рискованную и тяжелую войну, то безъ сомнѣнія она считала себя вынужденною прибѣгнуть къ этому способу для охраны своихъ жизненныхъ національных и политическихъ интересовъ. Г. Гиппиусъ придаетъ большое значеніе тому факту, что „Японія стала готовиться къ войнѣ не только задолго до начала русско-японскихъ переговоровъ, но даже еще до занятія нами Портъ-Артура,—именно съ 1896 года“. Въ сущности всѣ державы одинаково всегда приготавливаются къ войнѣ и стремятся быть готовыми къ ней въ каждый данный моментъ; такія же постоянныя вооруженія были вполне естественны и законны со стороны Японіи. Но авторъ самъ опровергаетъ свое мнѣніе о японскихъ приготавленіяхъ къ войнѣ противъ Россіи съ 1896 года; по его же словамъ, „можно считать несомнѣннымъ, что въ 1896 году Японія искала союза съ нами“. По этому поводу г. А. Гиппиусъ пускается въ глубокомысленныя дипломатическія комбинаціи и догадки, построенныя на идеѣ о всесильной и вездѣсущей англійской интригѣ. Коварные англичане, заправляющіе не только своею собственною политикою, но и политикою всѣхъ другихъ державъ, располагали по своему рѣшеніямъ Россіи и думали заставить ее воевать сначала съ одной Турціею, а потомъ также съ Германіею; для этого они еще съ 1894 года выдумали турецкія звѣрства надъ армянами и „разжигали армянскую смуту“. Россія, конечно, всегда готова была бы играть роль безсмысленной и пассивной пѣшки въ рукахъ англичанъ, и она съ неизмѣнною покорностью исполняла бы всѣ враждебныя предначертанія Англіи; но на этотъ разъ мы счастливо избѣгли опасной ловушки. „Заклучи мы въ 1896 году союзный договоръ съ Японіею,—въ противовѣсъ ему, мы ко времени окончанія японскихъ вооруженій несомнѣнно имѣли бы войну съ Турціею и Германіею, а въ это время Англія могла бы безпрепятственно расправляться съ Японіею“. Мы „несомнѣнно“ воевали бы съ Германіею, хотя никто у насъ не могъ бы сознательно, въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, рѣшиться на подобную нелѣпость; но такъ угодно было бы англичанамъ, и противъ этого мы были бы безсильны. Та же коварная Англія, стремившаяся къ расправѣ съ Японіею, заставляла изъ-за этого всѣ великія державы усиленно заниматься непрерывными вооруженіями, причины которыхъ были совершенно непонятны и загадочны для самихъ распоряжавшихся правительствъ; оттого и Гаагская конференція не могла достигнуть цѣли, и всеобщія вооруженія все-таки продолжа-

лись, ибо „источникъ волненія находился вовсе не въ Европѣ“. Этотъ источникъ „возникалъ изъ глухой борьбы двухъ интригующихъ одна противъ другой политикъ — Англіи и Японіи. Кончилось тѣмъ, что обѣ эти державы заключили между собою союзъ“. Удивительныя чудеса совершаются въ политикѣ! Въ 1896 году „японскіе государственные дѣятели еще колебались, заключить ли союзъ съ Россіей противъ Англіи или союзъ съ Англіей противъ Россіи“. Отъ выбора той или другой комбинаціи зависѣлъ весь ходъ послѣдующихъ мировыхъ событій. „Война съ Англіей вела бы, въ случаѣ успѣха, прямоте къ цѣли“; но вмѣсто того, чтобы вступить между собою въ войну, японцы и англичане внезапно отбросили свое соперничество и сдѣлались союзниками и друзьями. Японцамъ непремѣнно нужно было устроить союзъ или съ Россією, или съ Англією, и затѣмъ вступить въ борьбу или съ Англією, или съ Россією,—и если въ дѣйствительности произошла не англо-японская, а русско-японская война, то наша политика тутъ рѣшительно ни приче́мъ. Мы нисколько не повинны въ манчжурскихъ бѣдствіяхъ; японцы имѣли какіе-то счеты съ англичанами и вели съ ними „глухую борьбу“, а мы только случайно подвернулись, въ видѣ громоотвода. Намъ пришлось, помимо нашей воли и безъ всякой съ нашей стороны отвѣтственности, бороться съ японцами, по желанію Англіи, для удовлетворенія ея интересовъ, и мы, съ свойственнымъ намъ смиреніемъ, исполнили предназначенную намъ миссію. Здѣсь, какъ и повсюду и во всемъ мірѣ, „гадитъ англичанинъ“, и это „простое объясненіе“ г. Гиппіуса, предусмотрѣнное еще Гоголемъ, дѣлаетъ всякіе дальнѣйшіе вопросы излишними.

Что касается русской военно-политической дипломатіи, то, по мнѣнію г. Гиппіуса, она дѣйствовала правильно и даже чересчуръ корректно, почему и потеряла неудачу въ борьбѣ съ коварными противниками. Мы взяли Портъ-Артуръ по той причинѣ, что, „сознавая свою слабость (на Дальнемъ Востокѣ), мы рѣшили выдвинуть линію своей обороны впередъ, но, не стремясь къ захвату чужой территоріи, желали примирить интересы другихъ державъ съ вынужденнымъ обстоятельствами сохраненіемъ своего положенія въ Манчжуріи“... „И событія показали бы (sic) совершенную правильность такого рѣшенія (занять Портъ-Артуръ), еслибы (sic) подъ Лаояномъ, гдѣ мы успѣли сосредоточить силы, приблизительно равныя японцамъ, мы одержали побѣду и выручили Портъ-Артуръ“. Японія же, вздумавшая отобрать эту крѣпость у китайцевъ въ 1895 году, могла руководствоваться лишь коварными наступательными цѣлями относительно Россіи, ибо „Японія не имѣетъ надобности въ лишнемъ военномъ портѣ, въ особенности такомъ, какъ Портъ-Артуръ, съ его небольшою

гаванью и недостатками входа въ нее". Концессія на Ялу была предпріятіемъ „государственнымъ“; „мы приобрѣли эту концессію съ вольнаго торгу, на законномъ основаніи, руководствуясь исключительно интересами государственной самозащиты“; всѣ сообщенія объ участіи въ этомъ дѣлѣ разныхъ придворныхъ предпринимателей, гг. Безобразова, Алексѣева и другихъ повыше ихъ, совершенно неосновательны, такъ какъ они „идутъ изъ враждебной намъ части заграничной печати“. Вопросъ объ этой концессіи „былъ у насъ (?) обсужденъ вторично“ въ концѣ 1902 года, и „дѣло велось настолько корректно и такъ осторожно“, что сама Японія одобрила это предпріятіе. Теперь,—какъ увѣрять г. Гиппіусъ, — „слѣдуетъ признать, что принятое у насъ въ концѣ 1902 года рѣшеніе не упускать изъ своихъ рукъ концессію на Ялу оказалось совершенно правильнымъ (II) и соотвѣтствовало политической обстановкѣ“, ибо въ противномъ случаѣ Японія еще скорѣе и сильнѣе разбила бы насъ при Тюренченѣ и въ разныхъ другихъ сраженіяхъ, кончая Мукденомъ и Цусимой. Словомъ, „все, что нами было сдѣлано послѣ 1895 года, въ видахъ своей самозащиты, ... все содѣйствовало нашему усиленію на Дальнемъ Востокѣ“; ослабило же насъ только добросовѣстное выполненіе нѣкоторой части взятаго на себя обязательства очистить Манчжурію: не слѣдовало выводить войска изъ южной части этой провинціи, а надо было просто, безъ всякихъ церемоній, остаться въ предѣлахъ Китая, не обращая вниманія на протесты и домогательства Сѣверной Америки, Англіи и Японіи. Дѣйствовать такимъ образомъ—значило „вести мирную политику и надѣяться на то, что въ области международныхъ отношеній голосъ разума, справедливости и чувства примиренія возьметъ верхъ надъ всѣми иными побужденіями“. Не такъ чистосердечно поступали наши противники: хотя наступательная политика Японіи наиболѣе опасна для Англіи, тѣмъ не менѣе за послѣднее десятилѣтіе англичане настойчиво поддерживали эту японскую политику, возбуждали заодно съ нею „тревожные вопросы, связанные съ очищеніемъ Манчжуріи“, и даже заключили съ Японіею союзъ, чтобы облегчить для нея рѣшимость воевать съ Россіею. „Столь коварная политика можетъ показаться невѣроятною, — замѣчаетъ съ удивленіемъ г. Гиппіусъ,—потому что она требовала бы слишкомъ большой смѣлости и увѣренности въ расчетахъ“. Впрочемъ, Англія имѣетъ огромные торговые интересы въ восточной Азіи и занимаетъ тамъ въ этомъ отношеніи первенствующее мѣсто; за нею идутъ Америка, Японія и Германія, и противъ нихъ всѣхъ выступала Россія, не допуская свободной иностранной торговли или политики открытыхъ дверей въ Манчжуріи. А между тѣмъ, какъ говорить въ своихъ таблицахъ М. П. Федоровъ, „торговые интересы Россіи въ Азіи незначительны, на Даль-

немъ же Востокъ, т.-е. въ Японіи, Корей и Китаѣ,—ничтожны". О чемъ же хлопотала русская дипломатія въ своей упорной борьбѣ противъ свободы торговли въ китайскихъ провинціяхъ—неизвѣстно. Но г. Гиппиусъ утверждаетъ, что съ нашей стороны все дѣлалось разумно и справедливо, и ему, какъ знатоку предмета, надо вѣрить. Даже то обстоятельство, что во время долгихъ переговоровъ съ Россіею японскій министръ постоянно повторялъ свою просьбу отвѣтить „какъ можно скорѣе“, а мы нарочно отмалчивались и тянули дѣло безъ конца, подъ разными предлогами,—даже это обстоятельство убѣждаетъ г. Гиппиуса въ томъ, что японцы поступали недобросовѣстно, что они съ самаго начала не имѣли вовсе въ виду достигнуть мирнаго соглашенія, а думали впослѣдствіи оборвать переговоры; между тѣмъ „крайняя медлительность съ нашей стороны“ доказывала лишь нашу корректность и чистосердечіе. „Представлявшіяся нами объясненія причинъ замедленій въ отвѣтахъ,—по словамъ г. Гиппиуса,—какъ-то: наступавшіе праздники, когда будто бы невозможно работать въ нашихъ канцеляріяхъ; установленные для всеподданнѣйшихъ докладовъ дни, измѣнять которые будто бы ни въ какомъ случаѣ не разрѣшается; болѣзнь Государыни Императрицы, будто бы мѣшавшая нашему министру иностранныхъ дѣлъ явиться съ докладомъ къ Государю Императору, и т. д.,—всѣ эти объясненія можно, конечно, понимать лишь: 1) какъ весьма вѣжливыя (!) отговорки въ отвѣтъ на досажденія, которыя, вѣроятно, казались намъ простыми запугиваніями, и 2) какъ наглядное доказательство, что мы вступили въ переговоры безъ всякой задней мысли, совершенно чистосердечно, нисколько не предполагая въ японцахъ такого коварства, чтобы неуспѣхъ переговоровъ входилъ въ расчетъ задуманнаго противъ насъ нападенія“, и чтобы — добавимъ мы—они осмѣлились думать о серьезной борьбѣ съ Россіею и причинить намъ, сверхъ дипломатическихъ, еще болѣе чувствительныя военно-морскія „досажденія“.

Отъ такихъ оправдательныхъ доводовъ едва ли выиграютъ виновники и зачинщики убійственной манчжурской эпопеи, столь неловко защищаемые г. Гиппиусомъ. Единственно цѣнное въ его книгѣ — собраніе дипломатическихъ документовъ, заключающихъ въ себѣ очень много матеріала для суроваго обвинительнаго акта противъ графа Ламздорфа, какъ отвѣтственного руководителя нашей дипломатіи. И несмотря на все случившееся, графъ Ламздорфъ могъ оставаться министромъ иностранныхъ дѣлъ Россійской имперіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1905 г.

I.

— Павелъ Россіевъ. „Общіе знакомые“ и „Безъ героев“. Очерки и рассказы. Москва. 1903.

Дѣѣ книжки подѣ этими заглавіями принадлежать къ тому роду легкой беллетристики, произведеніями котораго была запружена до послѣдняго года наша литература. Скучная содержаніемъ и маленькая по объему фантазія автора облечена въ рядъ очерковъ, составляющихъ пеструю смѣсь подражаній преимущественно Боборыкину, Горькому и Буренину,—подражаній вполнѣ неудачныхъ и чисто формальныхъ, оставляющихъ въ читателѣ одно исключительное впечатлѣніе—впечатлѣніе напрасно потраченнаго на чтеніе времени. Въ этихъ очеркахъ описаны и дѣйствуютъ не живые, хотя бы уже давно знакомые, образы, а явно придуманныя фигуры, нарисованныя притомъ по одному шаблону. Каждая изъ нихъ выдвигается передъ читателемъ прежде всего съ описаніемъ ея костюма и наружности, дѣлаемымъ съ попытками на своеобразное остроуміе и на яркость красокъ, достойную забытой кисти Марлинскаго. Такъ: у цыганки Заиры („Блажь“) „бездонные, чертовски очаровательные, жгучіе, какъ песокъ Сахары, глаза“;—старая баба („Савоська“) „безпрестанно морщитъ уголокъ рта“, а ея сынъ слушаетъ, „ослабившись и хрюкая“;—у „деревенскаго жителя“ фізіономія „съ застывшимъ выраженіемъ плутовства“, а у священника, отца Евтіхія „сосредоточенное морщинистое лицо“; у орловской богомолки („Въ обители“) „одутловатое лицо съ выраженіемъ овечьей тупости и толстымъ носомъ, который ухитрился

сморщиться, какъ лопнувшій пузырь, а въ голосѣ заунывность, точь въ точь, какъ у удода, когда онъ оглашаетъ лѣсъ“; у управляющаго имѣніемъ („Конецъ Лукича“) „голыя, какъ у фазана, бородавчатая щеки и носъ большой согнутый, какъ клювъ тѣхъ дронтовъ, которые, говорятъ, лѣтъ около 300 тому назадъ водились на островъ (?) Ильде-Франсъ; его, какъ бы смѣющіеся, глаза, оторочены ярко-красной кожицей, какъ у холмійскаго фазана“;—„лицо госпожи Куличенко („Около любви“) „не имѣло выраженія ни тупого самодовольства, ни отвратительной, у женщины дѣловитой, сухости; это было мягкое во всѣхъ отношеніяхъ лицо съ плотно-сидящимъ *нетолстымъ носомъ*. Костюмъ ея отличался простотой: гладкая черная юбка и палевый корсажъ съ змѣйками русскихъ кружевъ по сторонамъ, а на сѣдоватыхъ волосахъ искусственный фіалки. Ея племянница—Валя—была миниатюрна, изящна и подвижна. Она любила порхать и на миловидномъ худошавомъ личикѣ выдѣлялся кокетливо *вздернутый носикъ*, а сѣрые глазки просто улыбались подъ изгибами большихъ бровей. Чесунчевый костюмъ и шляпка въ видѣ лодочки со спускающеюся золотистой вуалью очень шли къ ней“. „Темно-сѣрый пиджакъ плотно облегалъ широкую грудь, спину и широкія съ покатою плечи Марка Воротникова, изъ подъ соломенной шляпы котораго выбивались темныя пряди влажныхъ волосъ надъ лицомъ, обрамленнымъ *русой бородкой*“ и т. д.

Эти фигуры носятъ вычурныя имена и прозвища, повидимому аллегорическаго значенія. Такъ, богатый купецъ называется *Шилохвостомъ*; неудачникъ, живущій на третьемъ дворѣ, въ четвертомъ этажѣ, „гдѣ кошками пахнетъ“—носитъ имя *Фусика Ротова*;—выгнанный за взятки становой именуется *Лампадъ Благодатскій*; уволенный за растрату штатскій генералъ названъ *Флавіемъ Лампионовымъ* (ср. у Буренина: Лампадъ Фарисеевичъ и Фарисей Лампадовичъ); нѣмецъ-управляющій называется Карлъ Богдановичъ *Ундзвейтеръ* и носить брюки „цвѣта потемнѣваго неба“. Всѣ дѣйствующія лица въ разсказахъ автора ведутъ ничего не значащіе разговоры или пускаются въ книжныя разсужденія, чуждыя жизни и пестрящія цитатами изъ Шопенгауера, Гёте, Вольтера и др., часто свидѣтельствующими о неясномъ пониманіи, какъ ими, такъ и авторомъ, дѣйствительнаго значенія приводимыхъ словъ и мыслей.

При этомъ не обходится и безъ *тенденціозности* весьма сомнительнаго качества. Мошенникъ, присвоившій себѣ чужую фамилію („Около любви“) и укравшій у тетки обманутой имъ дѣвушки 1.000 франковъ, изображенъ послѣдователемъ и проповѣдникомъ теоріи *марксизма*, а иностранцы характеризуются въ выраженіяхъ, по меньшей мѣрѣ, не дѣлающихъ чести безпристрастію автора: „Съ нѣмцемъ не спорь“—

воскликаетъ онъ—„кто выдумалъ обезьяну, что угодно можетъ придумать! Соглашаясь, молчи, а если не согласенъ—также молчи, ибо нѣмецъ упрямѣ гусака“ („Уолокъ Парижа“). „Картофель, надо отдать ему справедливость, вскормилъ много хорошихъ нѣмцевъ („Коллежъ Дукича“), которые, ставъ взрослыми, или удачно разрѣшали головоломные вопросы философіи и психологіи, или пріѣзжали въ Россію и не менѣе удачно торговали колбасой“. „Шарлотенбургскій мавзолей пятака мѣднаго не стоитъ! Что за мизерное сооруженіе: четыре гробницы всего, а гдѣ же остальныхъ хоронять? Нашъ кремлевскій Архангельскій соборъ или соборъ Петропавловской крѣпости—это настоящія царскія усыпальницы. Всю *тысячелѣтнюю* Русь видишь, какъ на ладони. А въ мавзолеѣ что? Фридрихъ, да Луиза, да Вильгельмъ и обчелся“.—„Англичане вездѣсущи“—объясняетъ г. Россіевъ,—„какъ Фигаро... Бритта съ рыжими бакенбардами, съ биноклемъ или подозрнкой трубой, въ своеобразномъ костюмѣ, сухую, какъ треска, миссъ съ золотыми пластинками между зубовъ, затянутую въ рюмочку, можно встрѣтить всюду. Эти *костлявыя животныя* всюду и вездѣ, во всякое время года. И отвратительны, какъ англичане!“ Въ Саардамѣ передъ каминомъ „на первомъ планѣ, разумѣется, англичане, ихъ трое: поджарая, какъ борзая собака, миссъ и двое мужчинъ, одного изъ которыхъ тронула моль, а другой, вытянувъ впередъ синеватыя губы, находится въ созерцательномъ состояніи, которое по русски называется столбнякомъ“. Устами одного изъ своихъ героевъ авторъ прилагаетъ къ англичанамъ эпитетъ „*свиномордыхъ британцевъ*“.

Изъ всѣхъ 22 разсказовъ и очерковъ могутъ, несмотря на свою растанутость и анекдотичность, остановить на себѣ нѣкоторое вниманіе лишь четыре: „Въ обителѣ“, „Хозяинъ“, „Иванъ Саввичъ и Бычекъ“ и „Заморыши“. Въ первыхъ двухъ есть намеки на психологическій апализъ—душевнаго состоянія монаха, ушедшаго отъ міра и случайно встрѣтившаго, въ качествѣ исповѣдника, женщину, когда-то разбившую его сердце,—и постепеннаго раскрытія передъ смущенною душою ребенка горькой житейской правды, тщетно заслоняемой рутинными приѣмами воспитанія. Въ третьемъ разсказѣ, чрезмѣрно длинномъ и многословномъ, есть, однако, трогательный образъ загнаннаго судьбою карлика, который самъ привыкъ считать себя за ничто и вдругъ узнаетъ, что у него прекрасный голосъ, удивившій всѣхъ слушателей импровизированнаго церковнаго хора. Въ четвертомъ довольно тепло изображено великодушное рѣшеніе бѣдной швеи—„заморыша“—отказать любимому человѣку въ рукѣ, чтобы не портить его будущей блестящей карьеры неравнымъ бракомъ. Къ сожалѣнію, однако, эти проблески литературнаго творчества тонуть въ массѣ

всякаго рода ненужности, неправдоподобности и явной дѣланности въ связи съ небрежностью языка и непровѣренностью отдѣльных выражений. Вслѣдствіе этого, крестьяне, изображаемые авторомъ, совершенно лишены тѣхъ печальныхъ чертъ, которыми ихъ надѣлила горькая чеховская правда, но зато снабжены совершенно несвойственно русскому человѣку трусливою глупостью, а старый „дворовой съ худошавымъ лицомъ, крохотными свинными глазками и миниатюрнымъ носикомъ, который безъ труда можно упрятать въ наперстокъ“, выражается слѣдующимъ невозможнымъ языкомъ: „аглицкая королева Викторія—дама, такъ говоря-сь, очень привлекательная, но изъ-за коварства ихнихъ министровъ турецкія злодѣйства не скоро еще снизойдутъ съ егронейскаго горизонта, а что касаемо троинственнаго союза, то, такъ говоря-сь,—это одна паутина“ и т. д. Управляющій же Ундзвейтеръ, прожившій съ русскимъ народомъ 30 лѣтъ, выражается такъ: „такъ завсимъ не можно бабушки, какъ вы продѣливайте работъ; меня вамъ не проводить: я не барашка, я знай русски пословицы: тихо поѣхалъ не скоро придешь, а я не могу допускать у насъ, какъ стольпотворень на вавилонска башня“ и т. д. Можно еще отмѣтить и такія неправдоподобности, какъ полученная героемъ разсказа „Около любви“ въ Берлинѣ *русская* телеграмма приказчика Никиты: „пріѣзжайте скорѣе, Маркъ Семеновичъ, батюшка, градъ и саранча и иное какое ужасное бѣдствіе“,—или какъ описаніе „обычнаго гостя Голландіи—дожда, льющагося серебряными нитями на *фаянсовые* тротуары“. Частое употребленіе—въ качествѣ Deus ex machina—самоубійствъ и смерти отъ чахотки едва ли искупаютъ скудость содержанія и замысла разсказовъ г. Россіева, какъ не искупаютъ ихъ ни неточныя цитаты изъ Шекспира („Великій Цезарь—нынѣ прахъ и имъ замазываютъ *стѣны*“—вмѣсто *щели*), ни подозрительнаго достоинства французскій языкъ („Ваня, *мнѣ* скучно“= „Jean, il m'ennuie!“—„знаю, знаю“= „sais, sais“), ни избыточная тарбарщина цыганскаго жаргона въ разсказѣ „Блажь“, ни описаніе того, какъ „береза взбѣгаетъ на пригорокъ въ то время, какъ другая извивается, какъ ужъ, а рѣчка, змѣясь между деревьями, блеститъ неподвижной поверхностью“ и т. п.—Z.

II.

— Луначарскій, А. Этюды критическіе и полемическіе. Изданіе журнала „Правда“. М. 1905.

Этюды г. Луначарскаго представляютъ собою большое разнообразіе по темамъ, но они тѣсно связаны по проникающему ихъ единству

философскаго мышленія и общественнаго направленія. Въ спорѣ общественно-философскихъ теченій, которыя оживили старые термины „идеалистовъ“ и „реалистовъ“ новымъ интеллектуальнымъ содержаніемъ, г. Луначарскій занялъ опредѣленную и въ извѣстномъ отношеніи боевую позицію, при защитѣ которой онъ проявилъ большую стойкость, силу убѣжденія и мѣткость и остроту критической мысли. Г. Луначарскій самъ рассказываетъ въ этой книгѣ, какъ сложилось его міросозерцаніе. Еще въ началѣ девяностыхъ годовъ онъ познакомился съ марксизмомъ, который сталъ для него не только опредѣленной общественной доктриной, но цѣлымъ міросозерцаніемъ. Онъ цѣнилъ г. Луначарскаго тѣмъ, что съ нимъ естественно и гармонично сочеталось эволюціонное и монистическое научное міровоззрѣніе, которое онъ же и осмысливалъ, приближая къ вопросамъ жизненной практики. Однако марксизмъ не могъ дать отвѣта на всѣ вопросы, разрѣшенія которыхъ требовала цѣлостность міровоззрѣнія, и въ этомъ отношеніи, въ особенности по вопросамъ изъ области теоріи познанія, на помощь автору пришли доктрины Рихарда Авенариуса и Эрнста Маха. Г. Луначарскій и извѣстенъ, какъ убѣжденный и талантливый послѣдователь и популяризаторъ въ Россіи идей этихъ мыслителей. Основные принципы своего міросозерцанія г. Луначарскій характеризуетъ такимъ образомъ: „примыкая къ исторіи развитія міра и, въ частности, земного шара, беря человѣка изъ рукъ біологической науки, неразрывно сплетаясь своими низшими корнями съ высшими вѣтвями дарвинизма, марксизмъ раскрывалъ передо мною картину исторіи человѣческихъ обществъ, указывая въ борьбѣ за существованіе и за господство надъ природой основной двигатель и главный смыслъ этой исторіи, а въ борьбѣ классовъ—ея механизмъ. Прошлое, настоящее и будущее человѣчества были въ моихъ глазахъ залиты потоками свѣта. Но въ анализѣ, который давала мнѣ наука, я, само собою разумѣется, всюду встрѣчалъ человѣка, какъ внѣшній объектъ, какъ своего рода передаточный пунктъ. При достаточной освѣдомленности весь человѣкъ со всѣми его проявленіями могъ быть выведенъ изъ детерминирующихъ его условій среды. Всѣ его силы и направленія его силъ опредѣлялись условіями, такъ что онъ являлся только вполне обусловленной формой передачи энергіи. Ни на одну минуту не сомнѣваюсь я и теперь, что идеаломъ науки должно быть разсмотрѣніе человѣческой жизни, какъ закономѣрнаго энергетическаго процесса. Однако вмѣстѣ съ картиною силъ, производящихъ человѣка, двигающихъ имъ и имъ развиваемыхъ, намъ дано какъ несомнѣнный фактъ также и сознание“.

Наряду съ вопросомъ о познаніи, авторъ удѣлилъ большое вниманіе вопросу объ „оцѣнкѣ“. „Я довольно скоро пришелъ къ убѣ-

жденію,—говоритъ онъ,—что обыденная рѣчь, называя прекрасными или безобразными тѣ или другіе поступки, называя красивымъ то или другое рѣшеніе задачи или теоретическое построеніе, выражаетъ нѣчто гораздо болѣе глубокое, чѣмъ простую аналогію. Стараясь разрѣшить въ терминахъ біологическихъ вопросъ о красотѣ, я пришелъ къ увѣренности, что біологическія явленія, лежащія въ основѣ эстетической эмоціи, лежатъ также въ основѣ рѣшительно всѣхъ оцѣнокъ; всѣ человѣческія оцѣнки предстали предо мною какъ развитія и варіаціи одной основной оцѣнки, корнемъ которой является—жажда жизни*.

Чтобы дать болѣе наглядное и вмѣстѣ съ тѣмъ конкретное понятіе основной стороны міросозерцанія г. Луначарскаго, мы должны остановиться еще на одной цитатѣ. Полемизируя съ „идеалистами“ по вопросу о конечной цѣли и цѣнности жизни, г. Луначарскій настаиваетъ на томъ, что смыслъ жизни заключается въ ея процессѣ, а не въ томъ или иномъ воззрѣніи на ея конецъ. „Но я слышу, какъ несчастный человекъ возражаетъ: „Хорошо вамъ говорить о жизне-радостности: но вотъ я, несчастный, моя жизнь чѣмъ оправдывается?“— Если вы страдаете тѣломъ и душою, и не умѣете или не можете уравновѣсить эти страданія любованіемъ, мышленіемъ, творчествомъ, борьбою, протестомъ, то ваша жизнь не оправдывается ничѣмъ. Если вамъ не можетъ помочь врачъ, то обратитесь къ идеалистамъ и церкви, если можете. А если нѣтъ... Природа жестока къ слабымъ, потому что любитъ силу... А жизни мучительной, вялой и бесполезной не слѣдуетъ влечить, по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію... А впрочемъ... дѣло вкуса. Такихъ кліентовъ или пациентовъ мы у идеалистовъ отымать не намѣрены“. Жизнь требуетъ здоровья и силы; она сложна, страшна, но тѣмъ и интересна, что зоветъ человѣка на борьбу, требуетъ отъ него громадной выдержки и ума, чтобы обезпечить ему побѣду въ стремленіи къ счастью и успѣхъ въ стремленіи къ красотѣ. Для личности, которая является судьей при выборѣ жизненныхъ цѣлей и средствъ, не надо никакихъ путей, никакихъ моральныхъ предписаній—„застывшія правила годны только тѣмъ, кто никогда не выходитъ за порогъ своей душевной кельи“. Жизнь есть вѣчное стремленіе, вѣчно манящая любовь. Съ самаго зарожденія жизни ей стало присуще стремленіе къ полнотѣ, самоутвержденію, роскошному развитію, къ красотѣ, и это стремленіе выражается какъ въ героическихъ порывахъ, такъ и въ борьбѣ группами, партіями, гдѣ обыкновенные, средніе люди соединяются въ классы и точно также борются за полноту жизни, за культуру и просвѣщеніе. Эта господствующая точка зрѣнія міросозерцанія г. Луначарскаго служить исходной точкой его критическихъ сужденій о литературныхъ явленіяхъ.

Въ очеркѣ о В. Г. Короленкѣ г. Луначарскій останавливается на

присущей этому „художнику-созерцателю“ способности истолковывать гармонію изъ фрагментовъ красоты въ природѣ, а въ человѣкѣ, что еще важнѣе,—красоту порыва къ лучшему. „И если В. Г. Короленко, какъ эллинь, любитъ гармоніей природы и, изображая ее, учить любить насъ вселенную и нашъ прекрасный шаръ земной, и всю жизнь въ ея *элементарной прелести*, то онъ, какъ романтикъ, восторгается, часто съ болью, со слезами на глазахъ, трагической красотой человѣческихъ порываній, и тѣмъ самымъ учить любить человѣка, любить жизнь въ ея *духовной красотѣ*“.

Въ этюдѣ о Метерлинкѣ естественно ожидать отъ автора отрицательнаго отношенія къ тому первому періоду творческой дѣятельности Метерлинка, когда художникъ тяготѣлъ къ мистицизму и декадентству. На послѣднее явленіе г. Луначарскій смотритъ, какъ на естественный продуктъ перепроизводства интеллигентнаго пролетаріата. Это—искусство неудачниковъ, замѣняющихъ отсутствіе славы надутымъ самоувѣреніемъ, отсутствіе счастья — алкоголемъ и дешевымъ распутствомъ. Признавая положительной стороной модернизма высокую оцѣнку роли чистаго искусства въ жизни, полную свободу творчества и глубокий лиризмъ, авторъ характеризуетъ ихъ взглядъ на искусство, какъ на „искупленіе, какъ на бѣгство отъ живой жизни; модернисты украшаютъ жизнь такъ, чтобы она казалась мягче и печальнѣе и убаюкивала бы насъ: это лучшее, чего достигаютъ декаденты, и было бы ужасно, еслибы они могли влить свой усыпительный и сладкій ядъ во все европейское общество, но до этого, къ счастью, еще очень далеко“.

До 1899 года, т.-е. до обнародованія своей книги „La sagesse et la destinée“, Метерлинкъ отрицательно относился къ реальной жизни, устремлялъ свою мысль въ мистическія дали и убаюкивалъ усталыхъ и слабыхъ людей своими печальными рѣчами о призрачности видимаго существованія. Г. Луначарскій дѣлаетъ разборъ относящихся сюда пьесъ Метерлинка („Незванная гостья“, „Слѣпыя“, „Семь принцессъ“, „Внутри дома“) и спрашиваетъ по поводу всѣхъ этихъ неизвѣстностей, мистическихъ страховъ и роковыхъ ужасовъ, наполняющихъ названныя пьесы: „неужели можно жить съ такими убѣжденіями?—вотъ вопросъ, который почти пугаетъ насъ. Если Метерлинкъ, если декаденты вѣрятъ, что жизнь такова, неужели они настолько рабы, чтобы толковать еще о ея красотахъ и объ улыбкахъ самой смиренной доброты? Правда, они будто бы утѣшаются какою-то другою жизнью какого-то нашего двойника души; но отчего же ея такъ и нѣтъ въ драмахъ Метерлинка? Потому что искусство правдиво, что художественный геній не можетъ, не смѣетъ лгать; жизнь казалась страшною бѣдному Метерлинку, придавленному къ землѣ

тягостными предчувствіями—и вотъ онъ придумалъ себѣ лекарство, наркотику — вѣру въ потусторонній міръ; но, какъ художникъ, онъ далъ только изображеніе дѣйствительности, какою она ему казалась: это—могила, кости, тлѣніе! Какъ щедро ни сыпалъ онъ въ эту могилу блѣдныя цвѣты своей грустной поэзіи, онъ не заглушилъ впечатлѣнія ужаса. Хорошо, что жизнь непохожа на этотъ склепъ. Кто живетъ въ такомъ склепѣ, какъ не мечтать тому о потустороннемъ мірѣ? Но въ склепѣ живетъ только тотъ, кто не умѣетъ изъ него выйти, у кого нѣтъ къ тому энергіи и силы воли. Пусть же они лежатъ на гробахъ и стараются украшать свой склепъ увядающими асфоделіями, пусть утѣшаются своими больными снами, если могутъ". Но зато „Монна Ванна“ вызываетъ у г. Луначарскаго восторженный отзывъ. Въ этой пьесѣ, по словамъ г. Луначарскаго, Метерлинкъ показалъ всю огромную сложность моральныхъ проблемъ, встрѣчающихся въ жизни. Въ Метерлинкѣ автора поражаетъ чудесное соединеніе философскаго глубокомыслія, горячаго чувства и поэтическаго дарованія. „Теперь,—говоритъ онъ,—когда онъ (Метерлинкъ) вступилъ на путь гуманизма и творческаго реализма, мы вправѣ ожидать отъ него все болѣе и болѣе крупныхъ и прекрасныхъ произведеній. Этотъ перебѣжчикъ изъ лагеря декадентовъ служитъ яркимъ показателемъ того, сколько живыхъ силъ таитъ въ себѣ Западъ... Большая часть общества на время овладѣла общимъ вниманіемъ, благодаря экстравагантности своего вычурнаго, траурнаго искусства, но плеяда художниковъ, выдвинутая эстетическими потребностями, проснувшимися у болѣзненныхъ эпигоновъ буржуазіи, ненадолго останется вѣрной своимъ хилымъ и хворымъ меценатамъ; все, что есть въ ней истинно талантливаго, ищетъ свѣжаго воздуха, жаждетъ солнца и плодородной почвы, которые она найдетъ въ общественныхъ силахъ, мощно потянувшихся снизу къ свѣту познанія и свободы, къ общественной гармоніи, къ роскошному и разумному счастью“.

Бодрый взглядъ на жизнь, красивый призывъ къ сознательной, радостной работѣ — качества очень цѣнныя въ міросозерцаніи, подобномъ тому, представителемъ котораго является г. Луначарскій. И они весьма нужны нашимъ поколѣніямъ, воспитавшимся въ болѣзненныхъ условіяхъ нашей невѣроятно усложнившейся дѣйствительности. Излишне было бы требовать, чтобы это „позитивно-идеалистическое“ міросозерцаніе могло дать отвѣты на всѣ вопросы, выдвигаемые жизнью, но великая заслуга его уже въ томъ, что оно поддерживаетъ вѣру въ мощь человѣческой мысли и научнаго знанія. Оно научаетъ любить жизнь, а въ жизни — полноту самосознанія и самоощущенія, любить все свободное, сильное и прекрасное. Отметая все, по мнѣнію его представителей, болѣзненное, искус-

ственное и лживое, это міросозерцаніе все вниманіе сосредоточиваетъ на самомъ процессѣ жизни, въ которомъ все — красота, порывъ и борьба; оно призываетъ къ протесту и борьбѣ противъ всего, что задерживаетъ жизнь въ ея свободномъ, естественномъ теченіи; какъ извѣстнаго рода внушеніе, оно жизнерадостно и цѣлостно. Вотъ почему намъ представляется весьма знаменательнымъ именно въ настоящее время противопоставленіе ученіямъ, отвлекающимъ мысль отъ задачъ непосредственной реальной жизни въ сферы метафизическихъ построеній, міросозерцаніе, построенное на біологической основѣ, культивирующее идеалы жизненной мощи и сознательныхъ культурныхъ стремленій.

III.

— Овсяннико-Куликовский, Д. Н., проф. — Л. Н. Толстой какъ художникъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1905 г.

Настоящее изданіе книги Д. Н. Овсяннико-Куликовского значительно полнѣе перваго: изъ двѣнадцати главъ только первыя семь принадлежали предыдущему изданію, изъ остальныхъ пяти главъ три были напечатаны въ „Жизни“, а двѣ написаны вновь. „Авторъ не задавался цѣлью, — читаемъ мы въ предисловіи, — обозрѣть всю художественную дѣятельность Толстого и остановился на тѣхъ ея сторонахъ, которыя онъ считаетъ наиболѣе характерными для художественнаго генія Толстого. Моральныя исканія и ученія великаго писателя затронуты постольку, поскольку это необходимо для пониманія его художественнаго творчества вообще и для характеристики его пріемовъ въ произведеніяхъ „тенденціозныхъ“, какъ „Власть тьмы“, „Смерть Ивана Ильича“ и др.“ Позволимъ себѣ напомнить основную задачу автора, какъ она была уже намѣчена и разработана въ первомъ изданіи книги, въ свое время оцѣненной и читателями, и критикой, отиѣтившей присущій автору даръ тонкаго психологическаго анализа, эстетическую чуткость, изящество и благородную простоту изложенія.

Исходя изъ различія между мемуаристомъ-художникомъ и „настоящимъ“ художникомъ, авторъ изслѣдуетъ особую разновидность художественнаго генія, въ которой совмѣщаются оба творчества — и свободное и „связанное“, или эмпирическое, въ которой стремленіе къ Wahrheit сливается съ Dichtung. Художникъ обладаетъ даромъ создавать новые образы и въ то же время не отрывается отъ почвы дѣйствительности, и онъ въ одно и то же время въ извѣстномъ смыслѣ — мемуаристъ и въ полной мѣрѣ художникъ-творецъ. Таковъ, по убѣжденію автора, Л. Н. Толстой.

Ставъ на эту точку зрѣнія, г. Овсяннико-Куликовскій предпринимаетъ въ высокой степени любопытное и цѣнное изслѣдованіе, имѣющее цѣлью выдѣлить совмѣщающіеся въ талантѣ Толстого элементы эмпиризма и свободного творчества и дать имъ соотвѣтственную оцѣнку. Въ зависимости отъ этой цѣли авторъ разсматриваетъ: 1) ту сторону въ произведеніяхъ Толстого, которая можетъ быть названа художественными „мемуарами“ и „семейной хроникой“; 2) ту, которая, хотя и не подводится подъ первую рубрику, но роднится съ нею въ томъ отношеніи, что основана на данныхъ субъективнаго опыта: сюда относятся всѣ тѣ образы, для созданія которыхъ Толстой черпалъ матеріалъ изъ богатой сокровищницы своей собственной натуры; 3) образы, основанные на наблюденіи и представляющіе продуктъ свободного творчества. Затѣмъ авторъ анализируетъ и характеризуетъ присущіе художественной дѣятельности Толстого разные виды творчества субъективнаго; въ ней авторъ опредѣляетъ и воспроизведеніе „себя самого“, и натуръ, родственныхъ натурѣ художника, разработанныхъ при помощи самоанализа, и изображеніе лицъ своей семьи, своего круга. Эти переходы изъ одного круга творчества въ другой, болѣе широкой, совершались у Толстого съ большимъ трудомъ, продолжительной внутренней работой.

Г. Овсяннико-Куликовскій предполагаетъ въ Толстомъ рядъ опытовъ, выражавшихъ его внутреннюю потребность раздвинуть рамки творчества и изъ круга семейной хроники, какъ бы отдѣлившись отъ самого себя, подняться въ болѣе широкую сферу новыхъ явленій жизни. Въ то время, какъ Тургеневъ, разработавъ одинъ кругъ явленій, переходилъ къ другому единственно лишь по влеченіямъ своей художнической пытливости, у Толстого эти переходы—„всегда принимали,—говоритъ авторъ,—характеръ какъ бы реакціи, являлись въ видѣ умственнаго или вообще душевнаго кризиса и сводились не къ простой перемѣнѣ сюжета, а къ исканію чего-то въ родѣ стихій, населенной своеобразными явленіями духа, принципиально-противоположными тѣмъ, съ которыми художникъ до сихъ поръ имѣлъ дѣло—у себя, въ своемъ кругу. Разъ такой кризисъ наступилъ,—Толстой уже не удовлетворится простымъ, спокойнымъ наблюденіемъ людей другой сферы: ему нуженъ народъ, какъ стихія, какъ часть природы, стихійное движеніе массъ, война съ ея ужасами, съ ея своеобразной психологіей, историческіе процессы, въ которыхъ безсильна воля человѣка,—вообще, все грандіозное, могучее, великое, величавое въ своей простотѣ, безыскусственное, наивное въ своей грубой правдѣ, прямо противоположное той искусственности, условности, утонченности, которыя свойственны высшимъ слоямъ общества и вошли въ плоть и кровь его представителей, въ томъ числѣ—и самого художника“. Вызывая въ

памяти читателя рядъ образовъ, выходящихъ за предѣлы субъективной сферы творчества Толстого и явившихся результатомъ его наблюдений надъ чуждой ему жизнью, авторъ видитъ въ нихъ не только художественныя обобщенія, но и настоящія художественныя открытія, приравняаемыя имъ къ тѣмъ гениальнымъ гипотезамъ, на которыхъ лежитъ печать оригинальной, глубокой и смѣлой интуиціи. И Толстой является творческимъ гениемъ именно въ этихъ „художественныхъ гипотезахъ“, которыя и суть истинныя плоды вдохновенной мысли. Авторъ усматриваетъ внутреннюю связь между этими вдохновеніями и тѣми душевными кризисами, которые переживалъ Толстой. Последний — не спокойный созерцатель жизни, но всегда умъ ищущій и мятущійся. Образы, въ родѣ дяди Ерошки, Лукашки, Маріанки, Платона Каратаева, Кутузова, — „и были блестящимъ результатомъ этихъ страстныхъ исканій, счастливыми находками взволнованной мысли, рвущейся изъ оковъ привычныхъ впечатлѣній къ новымъ чарамъ невѣдомой жизни“. И авторъ посвящаетъ характеристикѣ этихъ типовъ поистинѣ блестящія страницы, отмѣченныя любовнымъ отношеніемъ къ писателю и вдумчивымъ и проникновеннымъ анализомъ основъ, лежащихъ въ глубинѣ творческой натуры Толстого. Какъ много, на примѣръ, объясняетъ въ творествѣ Толстого пониманіе одного душевнаго процесса, который былъ подмѣченъ и истолкованъ авторомъ. „Въ своихъ постоянныхъ исканіяхъ высшей нравственной правды, — говоритъ онъ, — Толстой всегда руководился не то сознаніемъ, не то предчувствіемъ, что эта искомая правда погребена гдѣ-то глубоко въ нѣдрахъ его собственнаго духа, засыпанная и придавленная наносными пластами другихъ психологическихъ наслоеній, отложенныхъ „цивилизацией“ вообще и культурою высшаго, аристократическаго класса въ частности. Чтобы увидѣть свѣтъ истины, нужно какъ-нибудь пробиться сквозь эту толщу, нужно приподнять и сдвинуть эти наслоенія. Слѣдующее простое соображеніе является на помощь этому трудному предпріятію: въ мужикѣ, который такъ мало причастенъ „цивилизаци“, въ душѣ котораго такъ незначительны ея наслоенія, всечеловѣческая правда должна лежать не такъ глубоко, а гораздо ближе къ поверхности, и мужику, ищущему этой правды, стоить только немножко порасчистить верхній слой, чтобы найти ее или по крайней мѣрѣ близко къ ней подойти. Отсюда обращеніе къ народу съ цѣлью подслушать это прозябаніе высшей правды сквозь исторически-отложившіеся, вѣковые, но а priori предполагаемые слабыми, непрочными наносы культуры и быта. Пожалуй, удастся даже подмѣтить кое-гдѣ, какъ этотъ свѣтъ пробивается самъ собою, независимо отъ сознательныхъ усилій человѣка. Поскольку Толстой подходилъ къ народу съ этой стороны, руководимый этой точкой зрѣнія,

постольку онъ шелъ путемъ субъективнаго творчества. Субъективность была въ самомъ замыслѣ. Въ процессъ же творчества она частью ограничивалась, частью совсѣмъ устранялась объективными наблюдениями и вновь появлялась тамъ, гдѣ дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ оправдывала въ извѣстной мѣрѣ надежды Толстого и давала ему въ руки хотя бы намеки, которые какъ бы уполномочивали его воплощать въ народныхъ образахъ столь знакомый ему, по собственному внутреннему опыту, процессъ исканія высшей правды внутри себя,—добыванія истины собственнымъ умомъ, освобожденія духа отъ ограничивающихъ и искажающихъ его воздѣйствій культуры“.

Не менѣе любопытны выводы, къ которымъ пришелъ авторъ относительно Каратаева, породившаго цѣлую литературу самыхъ разнообразныхъ объясненій. Группируя черты, изъ которыхъ складывается синтетическое представленіе о Каратаевѣ, г. Овсяннико-Куликовскій не нашелъ въ немъ ни „русской подопки“, ни элемента сектантскихъ исканій, ни „дохожденія собственнымъ умомъ“. Въмѣсто этого авторъ подмѣтилъ въ немъ особую черту, которую очень мѣтко назвалъ цементомъ, сплавляющимъ всѣ элементы психики Каратаева въ одинъ живой и яркій образъ. Подыскивая соотвѣтствующія опредѣленія психики Каратаева, авторъ предлагаетъ назвать ее лингвистической, въ которой главное—языкъ и мысль Каратаева. Авторъ цитируетъ выраженіе Толстого, по которому у Каратаева „слова какъ будто всегда готовы были во рту и нечаянно вылетали изъ него“.—„Эта легкость рѣчи,—замѣчаетъ г. Овсяннико-Куликовскій, эта, если можно такъ выразиться, юркость слова, всегда бодрствующаго и какъ бы ждущаго сигнала мысли, чтобы вылетѣть изо рта, есть одна изъ самыхъ важныхъ, самыхъ характерныхъ чертъ, которыми отмѣчена представляемая Каратаевымъ ступень развитія языка и мысли. Это, можно сказать, почти та же ступень, на которой стоятъ гомеровскіе герои, представляющіе себѣ слова „крылатыми“ и вылетающими изъ-за „ограды (или преграды) зубовъ“. Слово всегда тутъ, къ услугамъ мысли, потому что разстояніе между ними сравнительно не велико; мысль, еще не изощренная въ отвлеченіяхъ, не высоко еще поднялась надъ языкомъ, т.-е. надъ тѣми процессами мысли, которые заключены въ самихъ категоріяхъ рѣчи, въ грамматическихъ формахъ“. Преемникъ философа-языковѣда Потебни живо чувствуется въ этихъ наблюденияхъ, лишній разъ подчеркивающихъ громадное значеніе философіи языка для объясненія средствъ и путей художественнаго творчества. Уже давнымъ давно высказана мысль, что языкъ человѣка—это самъ человѣкъ съ его природой, психикой, характеромъ, умомъ, съ его прошлымъ и настоящимъ, но далеко еще не стали ясными тѣ пути, при посредствѣ которыхъ языкъ выполняетъ свои

многообразныя и таинственныя функціи по отношенію къ различнымъ сторонамъ человѣческой природы и духа. Одинъ изъ конкретныхъ примѣровъ, представляющій богатое поприще для изслѣдователя, авторъ раскрылъ въ Платонѣ Каратаевѣ. „Такой укладъ языка, мысли и творчества сопряженъ съ особымъ самочувствіемъ человѣка: ему представляется, что эти процессы какъ будто сами собою въ немъ совершаются, безъ его личной инициативы, независимо отъ его воли. Это словно общая, національная умственная атмосфера, которою онъ дышитъ непринужденно и вмѣстѣ съ другими“. Таковъ Каратаевъ.

Главы седьмая, восьмая и девятая посвящены характеристикѣ великосвѣтскихъ типовъ; здѣсь данъ разборъ Пьера Безухова, романа Анны Карениной, характеристика Вронскаго; въ нихъ получаетъ высшее развитіе „великосвѣтская психологическая форма“, которая затѣмъ начинаетъ разлагаться въ направленіи общедворянскаго (Стива Облонскій) и бюрократическаго (Каренинъ) уклада. Въ одиннадцатой главѣ авторъ подвергаетъ изученію душевную драму Левина и характеризуетъ переходъ Толстого отъ наблюдательнаго творчества къ экспериментальному. Въ послѣдней главѣ авторъ даетъ краткій обзоръ важнѣйшихъ художественныхъ экспериментовъ Толстого. Здѣсь останавливается на себѣ вниманіе характерная и въ своемъ родѣ мастерская защита Ивана Ильича отъ самого Толстого, предъявлявшаго къ Ивану Ильичу суровыя моральныя требованія, которымъ не могъ удовлетворить этотъ самый простой и обыкновеннѣйшій изъ смертныхъ.

Конечно, изслѣдуя наиболѣе, можетъ быть, тайныя пружины творчества Толстого, опредѣляя его художественно-психологическую цѣнность и доказывая его органичность, до известной степени „алгеброй проверяя гармонію“, авторъ вскрылъ одну изъ наиболѣе любопытныхъ и важныхъ сторонъ великаго художественнаго достоянія. Но по отношенію къ Толстому выраженіе „одна изъ сторонъ“ имѣетъ особое значеніе, и въ этомъ отношеніи великая заслуга автора въ томъ смыслѣ, что онъ не беретъ на себя задачи все объяснить, рѣшить всѣ вопросы, возникающіе при его изслѣдованіи. Такъ, авторъ нигдѣ не уклонился отъ поставленной имъ цѣли и не взялся ни за соблазнительное перо историка, ни за многотрудную роль истолкователя многихъ, попутно необходимыхъ чертъ жизни и личности писателя. Поэтому то, что представлялось иногда яснымъ въ объясненіи процесса творчества Толстого, можетъ поставить передъ читателемъ вопросъ, требующій другихъ элементовъ для своего объясненія. Пережитыя, совершавшіяся въ Толстомъ на протяженіи всей его жизни, сопровождались несомнѣнно глубокими внутренними кризисами, но кризисы эти, въ своемъ нарастаніи и разрѣшеніи, не могли не отражать воздѣйствій внѣшней среды, въ которой жилъ Толстой и которая

сама мѣнялась. Мѣнялся не только наблюдающій и экспериментирующий аппаратъ, но мѣнялся и объектъ наблюденія. И на каждый изъ крупныхъ моментовъ въ моральномъ и умственномъ развитіи общества Толстой далъ свой откликъ; изученіе ихъ, въ послѣдовательномъ сопоставленіи, легко можетъ дать поводъ къ созданію своеобразной исторіи общественныхъ отношеній въ отраженіи единственного въ своемъ родѣ пытливаго духа и стихійно-прозорливаго ума. Какъ ни общечеловѣченъ Толстой въ своихъ моральныхъ исканіяхъ, какъ художникъ онъ менѣе всего можетъ быть оторванъ отъ русской дѣйствительности и почвы. Дума о современности не покидаетъ его никогда, и вопросъ о томъ, какъ эта дума, эта забота о современномъ живомъ человѣчествѣ, и въ частности о русскихъ людяхъ, претворялась, на протяженіи долгихъ лѣтъ, въ его творчествѣ, составляетъ пока еще открытый вопросъ, рѣшенію котораго книга Д. Н. Овсяннико - Куликовскаго окажетъ великую существенную пользу. Историкъ эпохи найдетъ въ ней драгоценныя указанія, какъ и будущій біографъ, передъ которымъ откроется задача представить полныя, оправдательныя документы ко всему, что нашло себѣ отраженіе и выраженіе въ творчествѣ Толстого.

IV.

— Сибирскіе Вопросы. Периодическій сборникъ, издаваемый В. П. Сукачовымъ подъ редакціей прив.-доц. П. М. Головачева № 1. Спб. 1905.

Периодическому сборнику, вышедшему подъ этимъ заглавіемъ, предстоитъ занять, несомнѣнно, видное мѣсто среди изданій современной сибирской печати. Организованный при участіи лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей края, онъ, какъ это видно изъ заявленія редакціи, имѣетъ въ виду привлечь вниманіе активныхъ элементовъ сибирскаго общества къ кореннымъ вопросамъ предстоящей мѣстной реформы, освѣтитъ ихъ, поставитъ въ связь съ „контролирующей силой общественнаго мнѣнія“ и мѣстной печатью, которая возьметъ на себя задачу широкой популяризаціи взглядовъ и положеній специалистовъ. При достиженіи этихъ задачъ изданіе пріобрѣтетъ, можно думать, не только свое мѣстное, но и общерусское значеніе, такъ какъ событія новѣйшаго времени обнаружили до очевидности торжественность основныхъ условій надвинувшейся реформы, безъ которыхъ не можетъ существовать политическая жизнь страны ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Политическое освобожденіе является необходимо для Сибири не менѣе, чѣмъ для Финляндіи, Польши, центральныхъ губерній и столицъ: въ

нѣтъ — ключъ къ развитію мѣстной жизни; внѣ вдохновенія, порождаемаго имъ, мѣстная общественная работа въ моменты, подобные нашему, не можетъ не быть тускла и для современниковъ бесполезна, — лучшая часть ея, при своемъ зарожденіи, уже попадаетъ въ архивъ. Мысль о политическомъ освобожденіи Сибири красной нитью проходить и „по сибирскимъ вопросамъ“ — это придаетъ имъ общественный интересъ, жизненность и силу. Нельзя не отвести подобающаго мѣста голосу громадной страны, пережившей въ теченіе какихъ-нибудь десяти—пятнадцати лѣтъ колоссальную эволюцію въ сферѣ экономической жизни, выразившуюся въ быстромъ и рѣзкомъ переходѣ отъ натурального къ денежному хозяйству. Сибирь жила сырьемъ, добывавшимся ею до извѣстной степени первобытными способами и техническими приемами. Развитие пароходства и желѣзная дорога, втягивая Сибирь въ оборотъ мірового хозяйства, передвинули на отдаленные рынки всѣ сбереженія сырья, сдѣланныя сибирской деревней, и самое извлеченіе сдѣлалось болѣе напряженнымъ, тогда какъ способы и приемы его и самый строй внутреннего уклада жизни остались на прежнемъ уровнѣ. Прежнія формы жизни изветшали, а выработка новыхъ все время встрѣчала препятствія въ причинахъ общаго свойства.

Исслѣдователи отмѣчаютъ и новѣйшія явленія, сдѣлавшія сибирскую жизнь ненормальной: неурожай, мобилизація 1900 г., война съ Японіей, обрушившаяся непосильной тяжестью на населеніе и оторвавшая отъ нея массу лучшихъ рабочихъ силъ — все это явилось новыми показателями того невозможнаго положенія, изъ котораго Сибирь не можетъ выйти безъ немедленныхъ и коренныхъ реформъ.

Опытъ Европейской Россіи не прошелъ даромъ для Сибири. Онъ показалъ, что, какъ это сказано въ редакціонной статьѣ „Сибирскихъ Вопросовъ“, — безъ общаго подъема — умственного и общественно-правового положенія сельскаго населенія невозможны никакія улучшения земледѣльской и промышленной техники, невозможенъ подъемъ хозяйственнаго благосостоянія страны. Между тѣмъ Сибирь далеко отстала даже отъ Европейской Россіи во всемъ, что касается тѣхъ условій общественной жизни, которыя могли бы создать прочные устои для ея экономического благосостоянія. Народное образованіе и медицинская часть поставлены въ ней весьма неудовлетворительно; она принуждена пользоваться несовершенными и устарѣвшими формами суда; она сверху до низу подчинена бюрократическому усмотрѣнію и канцелярской опека, потому что не имѣетъ даже и тѣхъ ограниченныхъ формъ земскаго самоуправленія, которыми пользуется Европейская Россія; наконецъ, отраженіе жизни каждаго нормально организованнаго общества, ея необходимое зеркало — печать поставлена

въ Сибири въ невозможныя, вѣтъ извѣстныя условія. Для благополучнаго разрѣшенія того небывалаго кризиса, который переживаетъ теперь Сибирь, долженъ быть немедленно произведенъ цѣлый рядъ коренныхъ реформъ, изъ которыхъ важнѣйшей является земская. Если эта реформа будетъ широка и послѣдовательна, она создастъ для сибирскаго населенія условія прочнаго и быстраго прогресса: подъемъ народнаго образованія, заботы о народномъ здравіи, кредитѣ, сельскохозяйственныхъ улучшеніяхъ и т. п. поднимутъ хозяйственный уровень сибирской деревни, а широкое участіе въ самоуправленіи создастъ ту инициативу, личную предприимчивость, безъ которой немислимъ никакой дѣйствительный общественный прогрессъ“.

Редакціонная статья указываетъ далѣе, насколько важна для хозяйственнаго благополучія страны нормальная организація ея общественно-политическаго строя. Безспорно справедливо утвержденіе, что если учрежденія плохи, то они портятъ людей и отдѣльно, и вмѣстѣ, и приводятъ страну на край гибели, и обратно, учрежденія, удовлетворительно выполняющія свои функціи въ соотвѣтствіи съ культурными запросами жизни, если не „улучшаютъ людей“, то создаютъ благоприятныя условія для ихъ улучшенія, условія во всякомъ случаѣ нормальнаго человѣческаго существованія. Контрастъ Европы и Россіи въ этомъ отношеніи можетъ послужить прекрасной иллюстраціей этой мысли.

Переходя къ опредѣленію роли сибирской печати для настоящаго момента, упоминаемая статья продолжаетъ:

„При отсутствіи въ Сибири организованной общественной силы, которая могла бы имѣть направляющее значеніе, печать можетъ сыграть теперь весьма важную и полезную роль. Къ сожалѣнію, односторонняя, невѣжественная и подчиненная худшимъ мѣстнымъ вліяніямъ сибирская цензура совершенно парализуетъ мѣстную печать; поэтому давно уже обнаружилась потребность въ самостоятельномъ сибирскомъ органѣ, который бы стоялъ внѣ пагубнаго вліянія сибирской цензуры. Но „Восточное Обозрѣніе“ и „Сибирь“, издаваемые въ Петербургѣ покойными Н. М. Ядринцевымъ и К. П. Михайловымъ, пали въ борьбѣ съ вліятельными жалобами сибирскихъ администраторовъ, которымъ эти газеты были крайне непріятны своими обличеніями. Въ настоящее время стало ясно, что злоупотребленія отдѣльныхъ представителей администраціи, будь то становой приставъ или губернаторъ, должны разсматриваться лишь какъ факты, иллюстрирующіе негодность всей системы. Если эти злоупотребленія имѣютъ только личный, индивидуальный характеръ, то они представляютъ лишь мѣстный, ограниченный интересъ; если же они являются симптоматическими признаками общаго разложенія всей системы, то ихъ

можно демонстрировать только какъ иллюстраціи этого въ изданіи, имѣющемъ характеръ обобщающій, каковымъ должны быть „Сибирскіе Вопросы“.

„Въ періодъ тяжелаго кризиса, который теперь переживаетъ Сибирь, „Сибирскіе Вопросы“ имѣютъ въ виду предложить рядъ статей программнаго характера, написанныхъ специалистами. Не надѣясь сказать чего-либо совершенно новаго, „Сибирскіе Вопросы“ будутъ стремиться къ тому, чтобы ихъ читатели въ сжатомъ изложеніи познакомились съ выводами и важнѣйшими фактами по каждому данному пункту, имѣющему для Сибири въ настоящее время особенно серьезное значеніе. Такъ какъ для Сибири теперь на первомъ планѣ стоятъ вопросы экономическіе и общественно-правовые, то естественно, что въ первыхъ выпускахъ сборниковъ имъ и будетъ пока отдаваться преимущество“.

Большинство статей приводитъ неопровержимое доказательство того общаго положенія, что административная практика, въ цѣломъ и частностяхъ, оказывается несостоятельной въ Сибири. Особенно наглядно выступаетъ это въ переселенческомъ вопросѣ и въ области колонизаціи Сибири вообще. А. А. Кауфманъ въ статьѣ—„Сибирскіе вопросы въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ 1902 г.“ опровергаетъ, между прочимъ, ходячія представленія о специфической дикости, некультурности и нехозяйственности сибиряка, которымъ противопоставляются особые культуртрегерскіе таланты „россійскаго“ переселенца и которыя, будто бы, могли бы сдѣлать преждевременнымъ введеніе въ Сибирь широко развитыхъ земскихъ учреждений. М. Н. Соболевъ въ статьѣ—„Къ вопросу о реформѣ крестьянскаго управленія въ Сибири“ указываетъ на великій вредъ, вытекающій изъ современнаго положенія института крестьянскихъ начальниковъ, назначаемыхъ изъ министерства и чуждыхъ интересамъ мѣстной жизни. „Широкія полномочія, отсутствіе контроля, общественнаго мнѣнія и гласности, недостатокъ надзора высшихъ властей влекутъ за собой,—говоритъ г. Соболевъ,—чрезвычайное развитіе произвола крестьянскихъ начальниковъ“. Авторъ приводитъ далѣе любопытное признаніе тобольскаго губернатора, гласящее, что—„нѣкоторые крестьянскіе начальники Тобольской губ. приобрѣли грустную славу своими беззаконіями и даже хищеніями“. П. П. Михайловъ представилъ интересный очеркъ колонизаторской дѣятельности старовѣровъ въ Уссурійскомъ краѣ. Они проявили при этомъ столько предпримчивости, трудолюбія и прочихъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы преодолѣть тяжелыя условія разработки новыхъ мѣстъ для благополучнаго существованія, что были признаны общимъ голосомъ заинтересованныхъ лицъ „колонизаціоннымъ элементомъ, наиболѣе желательнымъ для Уссурійскаго края“.

Въ этомъ смыслѣ была составлена резолюція IV Хабаровскаго съѣзда, имѣвшая, между прочимъ, цѣлью „хоть нѣсколько оградить старовѣровъ отъ колонизаціонныхъ фантазій переселенческихъ чиновниковъ“.

Ярко обрисовано положеніе современной сибирской печати въ статьѣ Н. Н. Розина. За сибирскаго читателя больше всего читала цензура, захвативъ въ свое вѣдѣніе наиболѣе жгучіе вопросы, интересовать которыми составляетъ не только право, но обязанность русскаго читателя. Какъ ни привыкли мы къ разнымъ подвигамъ цензуры, особенно провинціальной, но статья г. Розина рисуеъ совершенно исключительное положеніе сибирской печати.

Хочется вѣрить, что теперь—послѣдніе дни владычества всякихъ цензуръ, своего рода—пиръ, если не во время, то наканунѣ цензурной чумы. Очертивъ рѣшительныя дѣйствія „военнаго цензора“, болѣе, впрочемъ, умѣстны на полѣ битвы, чѣмъ въ сферѣ мирной культурной работы, не пропускавшаго статей и даже перепечатокъ о войнѣ, авторъ продолжаетъ: „Но не одна война насъ теперь волнуетъ,—событія нашей *текущей* общественной жизни захватываютъ насъ еще болѣе. Можетъ ли молчать о нихъ текущая пресса, хотя бы и провинціальная? Не можетъ, но *должна* молчать... Въ Петербургѣ 9 января происходитъ актъ насилія надъ безоружной толпой,—объ этомъ писать нельзя. Во всѣхъ городахъ Россіи люди собираются, чтобы высказать свои наболѣвшія нужды, свои затаенныя пожеланія,—знать объ этомъ нельзя. Дворянскія и земскія собранія, съѣзды различныхъ специалистовъ по разнообразѣйшимъ вопросамъ нашей общественной жизни высказываются съ неожиданной смѣлостью и прямою, ихъ резолюціи съ требованіями политической и гражданской свободы попадаютъ въ періодическую прессу большихъ городовъ, нумера газеты „Право“ пестрятъ этими резолюціями,—но мѣстная газета сообщать объ этомъ не можетъ. Латинское агентство разсылаеъ повсюду свою телеграмму о подкупѣ иностранными деньгами нашихъ рабочихъ; эта телеграмма расклеивается на уличныхъ заборахъ, священники читаютъ проповѣди на эту тему, темная старуха является гдѣ-то къ начальству за „пособіемъ“, потому что ея сынъ на фабрикѣ забунтовалъ, а батюшка въ церкви читалъ, что за бунтъ платять деньги,—но о томъ гнѣвъ, той скорби, которая закипаетъ въ каждомъ изъ насъ по поводу этой клеветы на русскій народъ, газета должна молчать... Выходятъ невѣжественные листки Энгельгардта, появляется въ „Новомъ Времени“ пресловутая статья сына Толстого и энергично повсюду распространяется,—возмущаться этимъ нельзя. Нельзя говорить о томъ, что „студенческія волненія коренятся во всей совокупности условій нашего общественнаго и государственнаго строя“, что „истинная законность неразрывно связана съ политической свободой“, что „твердая

власть есть принадлежность государства, а вовсе не цезаризма“... И всякое слово, въ которомъ звучитъ вѣковая мечта изстрадавшагося русскаго общества, русскаго человѣка, мечта объ освобожденіи отъ рабскаго ярма,—будь это вѣское слово ученаго, маститаго общественнаго дѣятеля, будь это сатира публициста, будь это созданіе фантазіи и вдохновенія поэта,—всякое свободное слово преслѣдуется“...

Т. И. Тихоновъ останавливается на тяжеломъ положеніи сибирскихъ евреевъ. Авторъ настаиваетъ на необходимости снять съ русскаго еврея тяжелыя цѣпи безправія и справедливо указываетъ, что онѣ, эти цѣпи, унижаютъ не только евреевъ, онѣ оскорбляютъ весь русскій народъ, великодушный и справедливый. П. А. Голубевъ приводитъ проектъ основныхъ началъ „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ Сибири“, выработанный редакціонной комиссіей томскаго юридическаго общества; г. Голубевъ подчеркиваетъ его общую важность и подвергаетъ критическому разсмотрѣнію. Кромѣ упомянутыхъ, въ книгѣ находимъ статьи и очерки В. Ю. Григорьева, С. П. Швецова, Д. М. Головачева, С. В. Востротина, Н. В. Кирилова и др.

Пожелаемъ новому изданію успѣха и возможно большаго простора для выполненія намѣченныхъ культурно-общественныхъ и освободительныхъ задачъ.

V.

— В. Горленко. Отблески. Забѣтки по словесности и искусству. Спб. (1905).

Читая эту книжку, чувствуешь себя точно въ свѣтскомъ литературномъ салонѣ, гдѣ непринужденно и живо ведется бесѣда обо всемъ вообще и ни о чемъ специально. Разнообразіе и выборъ темъ обнаруживаютъ въ авторѣ широко развитой литературный интересъ, художественную чуткость, мѣстами остроуміе, въ той мѣрѣ, чтобы задержать вниманіе читателя на нѣсколько минутъ и затѣмъ испариться, не вызвавъ въ немъ ни нетерпѣнія, ни скуки. Здѣсь и „литературные очерки“ и—„кое-что изъ области морали“ и подобное же „кое-что“ изъ другихъ разнообразныхъ областей—въ отдѣлахъ „Малороссія“, „искусство“, „дѣла франко-русска“ и др. Въ очеркѣ о Гоголѣ г. Горленко останавливается на томъ обстоятельстве, что, если судить по количеству иностранныхъ переводовъ Гоголя, послѣдній цѣнится въ европейской публикѣ (исключая, впрочемъ, нѣмецкой) преимущественно среди тонкихъ знатоковъ, не проникая въ „толщу“, отличающуюся, какъ извѣстно, своими особыми требованіями и вкусами. Авторъ отмѣчаетъ главнѣйшіе изъ критическихъ отзывовъ, начиная съ Сентъ-Бева, затѣмъ переходитъ къ Мериме,

Дюкюи, Цабелю, Валишевскому (которому удѣляетъ много незаслуженнаго вниманія) и Вогюе; кончается очеркъ небезынтереснымъ разборомъ „франко-болгарской“ книги о Гоголѣ г-жи Тырновой. „Статьи и изслѣдованія—дѣло полезное, замѣчаетъ авторъ,—но болѣе всего нужны хорошіе переводы“. Сентъ-Бевъ упомянулъ въ своемъ очеркѣ о Гоголѣ имя итальянскаго поэта Белли, котораго, въ разговорѣ съ французскимъ критикомъ очень хвалили Гоголь, и въ одной изъ послѣдующихъ замѣтокъ г. Горленко приводитъ справку о Белли, на основаніи работы о немъ проф. Гагенена (Haguenin). „Помимо художественнаго чутія и вкуса,—говоритъ г. Горленко,—Гоголю, поклоннику и почти старожилу Рима, оцѣнить Белли помогло знаніе римскаго или транстеверинскаго нарѣчія, на которомъ писалъ Белли—одного изъ двѣнадцати областныхъ итальянскихъ говоровъ, знаніе римской жизни, глубокій интересъ къ простонародью, ко всему непосредственному, самородному, и тѣ многочисленныя созвучныя ноты, какія отзывались въ униссонъ его музѣ въ строкахъ итальянскаго народнаго пѣвца“. Любопытно, что имя этого поэта, „открытаго Гоголемъ“, выплыло изъ забвенія только полъ-вѣка спустя послѣ его дѣятельности.

Въ очеркѣ „къ біографіи гр. А. К. Толстого“ приводится нѣсколько данныхъ и писемъ къ Н. М. Жемчужникову. Въ одномъ изъ писемъ дана шутилая, но типичная характеристика одного изъ „дворянскихъ гнѣздъ“ конца пятидесятихъ годовъ. Характеристика эта состоитъ изъ перечисленій того, что увидитъ корреспондентъ Толстого, приѣхавъ въ Погорѣльцы. Въ безконечномъ, остроумно сдѣланномъ подборѣ встрѣчаются и „мебели изъ корельской березы“, и „семеро дѣтей малъ-мала меньше“, и „діаконъ *bon vivant*“, и „конторщики съ усами разныхъ цвѣтовъ“, и „злая управительница въ терему“, и „болѣе или менѣе плутоватыя приказчики“,—„колоколь въ два пуда, обои, представляющіе Венеру на синемъ фонѣ со звѣздами, баня, павлины, индѣйки, знахари, старухи, слывшія вѣдьмами, кладбище въ сосновомъ лѣсу съ ледяными сосульками, утромъ солнце, печи, съ трескомъ освѣщающія комнату, старый истопникъ Павелъ, бывшій прежде молодымъ человѣкомъ, кобзари, слѣпые, старый настройщикъ фортепьяновъ, поющій „хвала, хвала тебѣ, герой“ и „Слався симъ, Екатерина“ и „*Mon coeur n'est pas pour vous, car il est pour un autre*“, экипажъ, называющійся „бѣда на колесахъ“, и т. д., и т. д. Не лишены значенія для біографіи А. Толстого и другія письма, приводимыя авторомъ очерка.

Нѣсколько болѣе или менѣе мелкихъ замѣтокъ посвящено Бальзаку (исторія романа съ Ганской), Шекспиру („Легенда о Гамлетѣ“), Эдгару Поэ (по поводу изслѣдованія Эмиля Ловриера—*Edgar Poe, Sa*

vie et son oeuvre, Paris, 1904), Сенкевичу и др. Въ жиденкой замѣткѣ о Фурье, авторъ приглашаетъ отдать этому „провидцу“ дань признательности за то, что введено его мышлю въ жизнь здравого и полезнаго. „А многіе ли знаютъ,—спрашиваетъ авторъ,—что ему мы обязаны возникновеніемъ безчисленныхъ теперь кооперативныхъ обществъ и спасительной идеей страхованія въ разнообразныхъ ея примѣненіяхъ? Изъ мыслей его, такъ или иначе примѣняемыхъ къ дѣлу современнымъ людемъ, отмѣтимъ еще идею децентрализаціи и расширенія правъ женщинъ. Онъ былъ однимъ изъ пламенныхъ сторонниковъ идеи мира. Вегетаріанцы и общества покровительства животнымъ обязаны своимъ существованіемъ также этому странному челоуку, носившему въ себѣ мысли глубокія и благородныя, на ряду съ самыми рѣзкими увлеченіями, съ предположеніями самыми дикими и неосуществимыми“. Дѣлая эту нѣсколько рискованно-обобщающую характеристику, авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился, однако, о громадномъ влияніи Фурье на замѣчательнѣйшихъ изъ русскихъ писателей 40-хъ—70-хъ гг.

Въ отдѣлѣ „дѣла франко-русскія“ г. Горленко даетъ нѣсколько характерныхъ образчиковъ дѣятельности „переводчиковъ - обрусителей“, забывающихъ элементарное правило, что для перевода, особенно художественнаго произведенія, необходимо владѣть въ совершенствѣ обоими языками. Пользуясь брошюрой „On rascommode tout à Paris, légende franco-russe“ (Arras, 1903), авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ курьезнаго искаженія языка. Еще больше курьезовъ въ фабулѣ и частностяхъ романа De Chonski—„Nitchevol“, гдѣ встрѣчаются и „de consombres, dont on fera les ogourtzi“, и „kitichi“, (кислые щи) и, какъ водится, „troïka“ и барышня „Илья Михайловна“. Въ концѣ г. Горленко дѣлаетъ такой выводъ о французской печати въ ея отношеніяхъ къ русской литературѣ: „Она (французская печать) удѣляетъ слишкомъ мало вниманія явленіямъ русской жизни и литературы. Въ то время, какъ всякое любопытное явленіе итальянской, англійской и другихъ литературъ находитъ оцѣнку во французскихъ журналахъ, пересказывается и комментируется ими, ознакомленіе съ русскими литературными новинками происходитъ случайно и несистематично. Появленіе переводовъ тѣхъ или иныхъ произведеній нашихъ писателей обязано главнымъ образомъ любви къ дѣлу и убѣжденной энергіи нѣкоторыхъ писателей-переводчиковъ. Большее знакомство съ русской литературой внесло бы во Францію болѣе правильныя представленія и понятія о Россіи и сдѣлало бы невозможнымъ появленіе литературныхъ уродовъ“.

Въ концѣ книжечки г. Горленка помѣщено музыкальное прило-

женіе—„гимнъ хозяину“, музыка М. И. Глинки, слова—Н. А. Марковича. Онъ извлеченъ изъ собранія рукописей Черниговскаго земскаго музея имени В. В. Тарновскаго.

VI.

— Подъячевъ, С. Среди рабочихъ. Изд. редакціи журнала „Русское Богатство“. Спб. 1905.

Мы имѣли уже случай отмѣтить въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣй книгѣ г. Подъячева „Мытарства“. Намъ пришлось уже говорить о томъ, какое глубокое жизненное впечатлѣніе произвела она реальной правдой своихъ образовъ, безотрадностью общаго фона и рядомъ печальныхъ выводовъ, которые сами собой напрашиваются при ея чтеніи. Почти то же впечатлѣніе производитъ и его книга „Среди рабочихъ“, съ тою лишь разницею, что авторъ какъ будто раздвинулъ здѣсь рамки своего изображенія и сдѣлалъ попытку очертить нѣсколько типовъ, оставивъ въ нѣкоторой тѣни собственное „я“. Эти типы, взятые порознь, какъ и личность автора, отъ имени котораго ведется разсказъ, сами по себѣ блѣдноваты, очерчены расплывчато, однотонными мазками, пейзажу недостаетъ колоритности и поэзіи, описаніямъ пластичности и красокъ, но сила его разсказа не въ художественныхъ приѣмахъ, а въ непосредственно ощущаемой подлинности изображаемаго, въ жизненной правдѣ не только образовъ, но и того тона, въ которомъ ведется разсказъ, справедливо могущій быть названнымъ безхитростной исповѣдью рабочаго человѣка. Рабочій человѣкъ заговорилъ самъ у г. Подъячева, какъ у Горькаго заговорилъ босаякъ, у Чехова томившійся интеллигентъ. И прежде рабочій человѣкъ нерѣдко мелькалъ въ литературѣ, но его большею частью изображали со стороны: его жалѣли, о немъ печаловались, его идеализировали, и онъ не всегда производилъ впечатлѣніе подлинности, являясь болѣе крестьяниномъ, мужичкомъ, типомъ, любопытнымъ то своей психологіей, то своимъ міросозерцаніемъ. И въ тѣхъ и другихъ случаяхъ „человѣкъ изъ народа“ изображался въ своемъ, если такъ можно выразиться, статическомъ состояніи; тѣ обстоятельства и условія, при которыхъ онъ являлся рабочей силой, служили предметомъ научныхъ изысканій и трактатовъ, въ литературномъ изображеніи воздѣйствіе этихъ обстоятельствъ на живую личность стало появляться сравнительно недавно, съ тѣхъ поръ какъ рабочій вопросъ изъ области отвлеченныхъ разсужденій такъ неожиданно вышелъ на арену живой практической дѣйствительности и неотразимо остановилъ на себѣ вниманіе общества. Книги г. Подъячева служатъ до извѣстной степени

беллетристической иллюстраціей этого новаго момента въ развитіи рабочаго вопроса. Въ этомъ ихъ интересъ и значеніе для современнаго читателя.

Г. Подъячевъ не идеализируетъ однако тотъ кругъ рабочихъ, изъ котораго онъ беретъ свои типы. Это—простые, сѣрые мужики, среди которыхъ есть и умные, и глупые, и честные, и подлые, и черствые, и чуткіе люди, и безхитростные, и то, что называется „себѣ на умѣ“. Инстинкты добра и правды таятся въ ихъ средѣ, но далеко не у всѣхъ они пробиваются наружу и становятся яснымъ элементомъ самосознанія. Всѣ эти свойства авторъ обнаруживаетъ по большей части на ихъ отношеніи къ работѣ, которая является для нихъ и единственнымъ средствомъ къ существованію, и основнымъ условіемъ осмысленія ихъ жизни. Но работаютъ его герои не на себя, а на чужихъ людей; нужда выгнала ихъ изъ родныхъ деревень, и они странствуютъ по свѣту предлагая свой трудъ и сталкиваясь въ своихъ мытарствахъ съ самыми разнообразными условіями работы. Знакомство съ этими условіями невольно наводитъ читателя на самыя невеселыя мысли о той общей обстановкѣ, въ которую еще во многихъ случаяхъ заключенъ у насъ наемный крестьянскій трудъ. Въ этой обстановкѣ такъ много еще осталось отъ эпохи рабства, много унижающаго человѣческое достоинство, напоминающаго о высшихъ принципахъ гуманности и справедливости, которые остаются все еще такъ далеки отъ своего воплощенія въ жизни.

Разсказы автора—очерки съ натуры. Свои поиски работы онъ началъ съ конторы барскаго имѣнія, куда онъ долго ходилъ безъ всякаго результата,—и, наконецъ, получилъ работу. Управляющій, „маленькая, точно надутый пузырь, фигурка“, презрительно перебивая свою рѣчь къ дѣлу не идущими словечками, положилъ ему десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, на хозяйскихъ харчахъ, но пригрозилъ въ случаѣ пьянства прогнать безъ разсчета. Работа была тяжелой, часто бессмысленная, помѣщеніе для ночлега дурное, пища такая, что, по выраженію одного изъ рабочихъ, „годились только свиньямъ да рабочимъ“. За работами наблюдалъ „нарядчикъ“, злобный и ехидный мужикъ по отношенію къ подчиненнымъ и подло-угодливый и лстивый съ управляющимъ. Жизнь рабочихъ протекала впроголодь, среди оскорбленій въ затхлой атмосферѣ униженія, гнета и темноты. Намаившись отъ работы за недѣлю, они естественно не выдерживали томительнаго однообразія впечатлѣній, и ихъ неотразимо тянуло къ водкѣ, какъ единственному доступному для нихъ источнику временнаго забвенія и веселья. Пили всѣ — невоздержно, дико, нелѣпо, возникали недоразумѣнія и ссоры, и праздники заканчивался дракой, а на завтра начиналась та же утомительная работа,

оживляемая изрѣдка думой о томъ, какъ тамъ, въ деревнѣ, гдѣ остались жены, старики и дѣти, обрадуются, получивъ къ празднику нѣсколько рублей отъ своего кормильца...

Въ этомъ кругу складывалась своеобразная скептическая философія: нѣтъ правды на землѣ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ становится все хуже и хуже. „Въ грамотѣ-то что проку, — разсуждаетъ Устинъ: — учать, учать, а правды все нѣтъ... грѣха не прохлебаешь. Возьмемъ, къ примѣру сказать, волость, судъ тоись нашъ... Каки порядки? Кто дѣломъ править?... Писарь... человѣкъ грамотный, ученый... Ладно!.. а-а-тлично! — а что толку? Опять председателей взять... ворочають, какъ имъ вздумается... Кто виноваты, — а по ихнему выходитъ правъ... сухъ изъ воды выльзеть... Сдѣлалъ угощенье, задобрилъ судей-то праведныхъ... залилъ имъ глотки — неправда на правду и перекинулась“... Далѣе Устинъ объясняетъ, что основная бѣда въ томъ, что людишекъ больно много стало, а земли не хватаетъ, и пошла по землѣ тѣснота, а отъ тѣсноты и грѣхъ пошелъ. И кажется Устину, — а такихъ Устиновъ на Руси видимо-невидимо, — что одной грамоты недостаточно для тѣхъ, у кого ртовъ много, а хлѣба мало, и что до тѣхъ поръ не перестанетъ распространяться грѣхъ, пока однимъ людямъ жить на землѣ слишкомъ просторно, а другимъ слишкомъ тѣсно... Просторно было жить и тому князю, въ усадьбѣ котораго работалъ, вмѣстѣ съ другими двуногими рабочими скотами, и нашъ авторъ. Этотъ князь — фигура изъ тѣхъ, которая еще не повывелись на святой Руси, — отвратительный типъ съ крѣпостническими замашками, надменный и черствый. Къ животнымъ онъ проявлялъ гораздо больше вниманія и участія, чѣмъ къ людямъ, которые работали на него; въ послѣднихъ онъ не цѣнилъ ни усердія, ни многолѣтнихъ заслугъ. Онъ считалъ, что оказываетъ рабочимъ величайшее благодѣяніе тѣмъ, что платилъ имъ нищенское жалованье, изнурялъ трудомъ и кормилъ тухлой пищей; пріѣзжая въ имѣніе, онъ привыкъ встрѣчать толпу подобострастныхъ съ виду крестьянъ, которыхъ заставляли цѣловать у него ручку — и онъ считалъ это нормальнымъ явленіемъ. Словомъ, эта фигура слишкомъ хорошо знакомая читателямъ повѣстей и романовъ среднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка, и разсказъ г. Подъячева даетъ право констатировать только, до какой степени рабовладѣльческіе инстинкты вѣдряются въ кровь потомкомъ завязтыхъ крѣпостниковъ, если подобные типы могутъ существовать еще въ наше время. У князя жить стало не втерпѣжъ, и авторъ, соединившись съ тремя товарищами, отправился искать работы въ другихъ мѣстахъ. Рабочіи руки были вездѣ нужны, а между тѣмъ они то-и-дѣло встрѣчались съ необходимостью вступать въ сдѣлки съ людьми, которые пользовались ихъ неопытностью и брали на себя роль посредниковъ между предложе-

ніемъ и спросомъ. Съ простымъ людомъ имъ было легче разговариваться и сжитья, но и здѣсь они должны были считаться съ возможностью недобросовѣстнаго отношенія къ нимъ, недоплаты, обсчета. Съ своей стороны и они, гдѣ можно было, старались отлынуть отъ работы и урвать часть-другой отдыха внѣ хозяйскаго глаза. Въ этомъ случаѣ автора менѣе всего можно обвинять въ тенденціозности: онъ не подбираетъ красокъ и записываетъ, можно сказать, съ протокольною точностью. Не вездѣ было и тяжело работать этимъ „перехожимъ людямъ“: кое-гдѣ они разставались съ хозяевами дружелюбно, работали и рассчитывались „по-божески“, но чаще всего они встрѣчали къ себѣ отношеніе грубо-пренебрежительное, грубо эксплуатирующее ихъ работоспособность, безъ малѣйшей заботы о нихъ, какъ о живыхъ людяхъ.

Съ особеннымъ любопытствомъ читаются страницы, гдѣ авторъ рассказываетъ о своей рабочей жизни въ монастырѣ. Въ нихъ выступаетъ обыкновенно скрытая отъ глазъ наблюдателя внутренняя, хозяйственная сторона монастырской жизни и рисуются разнообразные типы монаховъ въ неприкрашенномъ видѣ, внѣ ихъ наружнаго смиренія и елейности. И здѣсь мало заботы проявлялось къ рабочему люду и проглядывала тенденція при всякомъ удобномъ случаѣ стянуть съ мужичка, что можно, но въ общемъ, благодаря зажиточности монастыря, жилось имъ здѣсь недурно и они „подкормились“. Отецъ Зосима, завѣдывавшій работами, взыскалъ съ нихъ при расчетѣ на „половину“ („а ты ужъ, о. Зосима, того... не обижайся... половину тебѣ въ зубы... Господь съ тобой... грабы! не ты, такъ другой... Гдѣ наше не пропадало...“) и отпустилъ ихъ съ миромъ бродить по свѣту, искать новой работы.

Въ очеркахъ г. Подъячева фигурируютъ крестьяне, только-что оторвавшіеся отъ земли. Они могутъ работать только около земли, на которой сосредоточены всѣ ихъ помыслы и интересы. Но роковымъ обстоятельствомъ для нихъ является то, что эта земля не ихъ, а чужая, и что, отдавая ей всѣ свои силы, они не увидятъ плодовъ своего труда. Сильные своей связью съ землею, они еще очень слабы сознаніемъ своихъ рабочихъ правъ, вытекающихъ изъ круга болѣе сложныхъ понятій, чѣмъ тотъ, въ которомъ они выросли подъ властью земли. Они сами выросли среди преданій безправія и рабства, въ нихъ нѣтъ еще и тѣни протеста противъ тѣхъ общихъ условій, которыми обставленъ ихъ трудъ. Много придется имъ пережить, испытать и передумать прежде, чѣмъ придетъ къ сознанію своихъ правъ сначала общечеловѣческихъ, а затѣмъ и специальныхъ, какъ частицъ огромнаго трудящагося класса своей родины.—Евг. Л.

VII.

— Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 г. Подъ редакціей Н. А. Тройницкаго. Общій сводъ по Имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населенія. СПб. 1905 г. Ц. 4 р. — Распределение рабочихъ и прислуги по группамъ занятій и по мѣсту рожденія на основаніи данныхъ первой всеобщей переписи Россійской Имперіи. СПб. 1905 г. Ц. 1 р.

Первая всероссійская народная перепись произведена была, какъ извѣстно, въ январѣ мѣсяцѣ 1897 года, а разработка ея данныхъ закончена и результаты опубликованы во всеобщее вѣдѣніе лишь лѣтомъ настоящаго года, т.-е. черезъ 8½ лѣтъ послѣ переписи. Печатныя изданія разработанныхъ данныхъ состоятъ главнымъ образомъ, во-первыхъ, изъ погубернскихъ сводокъ, по числу губерній и областей; во-вторыхъ, изъ четырехъ томовъ „Распределения населенія по видамъ главныхъ занятій и возрастнымъ группамъ по отдѣльнымъ территоріальнымъ районамъ“ (табл. XX полного состава таблицъ для отдѣльныхъ губерній, выдѣленная въ особое изданіе); въ-третьихъ, изъ брошюры „Распределение рабочихъ и прислуги по группамъ занятій и по мѣсту рожденія“ и, наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ двухъ большихъ томовъ „Общаго свода по имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи“, составляющаго спеціальныи предметъ настоящей замѣтки. Всѣ изданія переписи составляютъ въ совокупности болѣе 120 томовъ.

Излишнее распространяться о принципиальной важности переписи и результатовъ ея разработки. Только послѣ производства такой переписи мы получили бы возможность имѣть болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о числѣ хозяйствъ и жителей во всей имперіи и въ различныхъ ея районахъ, о распределеніи жителей по поламъ, возрастамъ, національностямъ и т. д., о распространеніи грамотности, о занятіяхъ всего населенія и т. п. Всѣ переписи, производившіяся до настоящаго времени, или обнимали только такъ называемые податные классы и имѣли задачей установить число, главнымъ образомъ, мужского населенія (ревизіи), или производились по обширной программѣ, но касались только ограниченныхъ районовъ (переписи городовъ) или даже одного крестьянскаго населенія (большая часть земскихъ переписей). Но если не представляется возможнымъ сомнѣваться въ принципиальной важности всеобщей переписи населенія, то нельзя того же сказать о порядкѣ производства нашей переписи и разработки ея данныхъ. Дѣло это отъ начала до конца находилось въ рукахъ бюрократіи, при чемъ разработка ея данныхъ была поручена учрежденію, извѣстному одинаково и многочисленностью, и ненаучностью

своихъ статистическихъ изданій и пріобрѣвшему, кромѣ того, спеціальную извѣстность преслѣдованіемъ лучшаго у насъ типа экономическихъ изслѣдованій, такъ называемой земской статистики. О томъ, какъ производилась разработка данныхъ переписи и какіе непростительные промахи при этомъ допускались, пусть расскажутъ лица, близко знакомыя съ дѣломъ и уже выступающія печатно съ требуемыми разъясненіями. Мы же, съ своей стороны, укажемъ лишь на то, что формализмъ отношеній къ дѣлу со стороны центрального статистическаго комитета виденъ уже изъ того, что въ его публикаціяхъ, касающихся переписи, не имѣется никакихъ разъясненій относительно порядка ея производства, ея программы, пріемовъ разработки и т. п., и читатель не знаетъ, какимъ образомъ объяснить недоумѣнія, возникающія при пользованіи этими публикаціями. Укажемъ одинъ примѣръ.

Въ рядѣ таблицъ изданій переписи населеніе Россійской имперіи и отдѣльныхъ ея районовъ распределено по группамъ его главныхъ занятій, т. е. занятій, дающихъ ему главные средства существованія. Въ каждой такой группѣ указывается число самостоятельныхъ, т. е. принимающихъ участіе въ работѣ, и число членовъ ихъ семей. Перепись отмѣчала и побочныя занятія при главномъ, но разработка соотвѣствующихъ данныхъ произведена лишь для населенія, имѣющаго главнымъ занятіемъ сельское хозяйство, охоту, рыболовство и т. п. Теперь спрашивается: къ какой группѣ по главному занятію относился фабричный рабочій, живущій въ своей земледѣльской семьѣ, кустарь, земледѣлемъ не занимающійся, но состоящій тоже членомъ земледѣльской семьи, или плотникъ, землекопъ, грузчикъ, занимающійся дѣломъ исключительно названнымъ дѣломъ, а въ моментъ переписи, зимою, находившійся въ деревнѣ, въ своей семьѣ, живущей сельскимъ хозяйствомъ? Выдѣлялись ли такія лица изъ своихъ семей и помѣщались въ отдѣлъ, сообразно своему спеціальному занятію, или ихъ промыселъ считался побочнымъ занятіемъ земледѣльцевъ и они попали въ графу членовъ земледѣльческихъ семей, имѣющихъ такія-то побочныя занятія? Если примѣнялся первый пріемъ—въ такомъ случаѣ таблицы главныхъ занятій даютъ правильное понятіе о числѣ лицъ разныхъ профессій; если же многіе фабричные рабочіе, кустари, строительные рабочіе и т. п., будучи въ дѣйствительности специалистами своего дѣла, и имѣя почти исключительно занимающіеся, зачислены въ составъ земледѣльческихъ семей и тамъ сосчитаны, какъ имѣющія побочныя фабричныя, строительныя и другія занятія, то данныя переписи даютъ неправильное понятіе о дифференціаціи занятій въ нашемъ населеніи. Не разъясняютъ изданія переписи нашихъ недоумѣній и по слѣдующему вопросу.

Для каждой группы занятій изданія переписи указываютъ число самостоятельныхъ, т.-е. лицъ, занимающихся даннымъ дѣломъ, и число членовъ ихъ семей. Но спрашивается, какъ было поступлено въ томъ случаѣ, когда, напр., мужъ и жена, имѣющіе дѣтей, живя вмѣстѣ, работаютъ въ совершенно различныхъ производствахъ: размѣщены ли они въ разныя группы по занятіямъ—въ такомъ случаѣ куда относились ихъ дѣти и какъ они между ними распредѣлялись, или въ таблицу главныхъ занятій помѣщался одинъ супругъ, а другой числился имѣющимъ побочное занятіе? Если примѣнялся послѣдній приѣмъ, то, имѣя въ виду, что данныя о побочныхъ занятіяхъ разработаны лишь для земледѣльческаго населенія—нужно будетъ признать, что въ опубликованныхъ изданіяхъ переписи не учтены массы лицъ, имѣющихъ различныя главныя занятія, но условно отнесенныхъ въ категорію, обнимающую побочные промыслы. Мы впрочемъ можемъ быть увѣрены, что по подобнымъ вопросамъ въ учрежденіи, разрабатывавшемъ переписный матеріалъ, было принято опредѣленное рѣшеніе: судя по сообщеніямъ свѣдущихъ лицъ, дѣло тамъ велось крайне безпорядочно и вершителями многихъ вопросовъ зачастую бывали полуневѣжественные счетчики.

Пропускъ многихъ „самостоятельныхъ“ признанъ, по отношенію къ земледѣлію, и самимъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, и первая наша всенародная перепись не даетъ поэтому полныхъ свѣдѣній о занятіи даже главнымъ промысломъ нашей страны. Какъ это ни странно, но это—такъ. Правда, въ сводкѣ данныхъ этой переписи графы „самостоятельныхъ“ по сельскому хозяйству заполнены такъ же, какъ и по другимъ категоріямъ занятій; но тогда какъ въ послѣднихъ „понятіе „самостоятельности“ имѣетъ совершенно реальное значеніе непосредственнаго участія въ занятіи“, въ первомъ „самостоятельными“ признавались не лица, принимавшія участіе въ занятіи, а хозяева двора или надѣла, хотя бы малолѣтніе, а также лица, заявившія, что главнымъ ихъ занятіемъ служить наемный земледѣльческій трудъ. Всѣ члены семей „хозяина“-земледѣльца, „хотя и участвовавшіе въ земледѣльческомъ трудѣ, считались лицами несамостоятельными“. Это, однако, не оговорено въ брошюрѣ о наемныхъ рабочихъ и прислугѣ, и указываемыя въ этомъ изданіи отношенія наемнаго персонала ко всему числу самостоятельныхъ представляются, поэтому, преувеличенными.

Въ виду такихъ фактовъ совершенно естественно возникаетъ вопросъ: что представляютъ собой изданные своды переписи въ смыслѣ матеріала для научныхъ и практическихъ заключеній? Въ какой части они заслуживаютъ и какого именно довѣрія? Желательно, чтобы соотвѣтствующія разъясненія даны были и редакціей, завѣды-

вающей разработкой данных переписи. Наибольшими дефектами отличается, нужно полагать, отдѣлъ переписи, касающійся занятій; а между тѣмъ перепись представляет единственный источникъ для полнаго учета послѣднихъ. И если, какъ это указано выше, такой учетъ невозможенъ по отношенію къ земледѣльцамъ, по свойству матеріала переписи, то было бы желательно воспользоваться данными переписи для установленія числа лицъ, занятыхъ другими промыслами и профессіями. Быть можетъ, въ интересъ дѣла слѣдовало бы заново переработать матеріалъ, касающійся этого предмета. Переработка матеріаловъ переписи по тѣмъ или другимъ вопросамъ или районамъ, и помимо этого, будетъ вѣроятно производиться отдѣльными учрежденіями; въ газетахъ, напримѣръ, появлялись извѣстія о желаніи нѣкоторыхъ земствъ воспользоваться этими матеріалами, о ходатайствахъ даже изъ Финляндіи о томъ же самомъ. Но, къ нашему удивленію, газеты сообщаютъ, что центральный статистическій комитетъ не имѣетъ намѣренія сохранить первоначальный переписный матеріалъ и пускаетъ его уже въ продажу на вѣсь. Мы полагаемъ, что распорядиться такимъ образомъ съ этимъ—единственнымъ пока у насъ—статистическимъ матеріаломъ, обнимающимъ реальное населеніе всей имперіи, невозможно уже потому, что даже въ переполненныхъ дѣлами архивахъ многочисленныхъ казенныхъ учреждений, не имѣющихъ никакого отношенія къ статистикѣ, самыя старыя даже „дѣла“, если они содержатъ статистическіе матеріалы, не предаются уничтоженію, хотя въ данный моментъ они даже недоступны изслѣдователямъ. Такое правило принято въ виду того простаго соображенія, что цѣнные матеріалы настоящаго и прошлаго суть достояніе и будущаго. достояніе исторіи, которая, пользуясь этими матеріалами, возстановитъ картины прошлой жизни въ цифрахъ, въ мѣрѣ и вѣсѣ. Не можетъ не признать силы этого соображенія то учрежденіе, которое призвано стоять во главѣ статистическаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Нельзя, встати, не указать на высокую цѣну изданій переписи, которымъ, казалось бы, слѣдовало желать возможно широкаго распространенія. Полный комплектъ этихъ изданій стоитъ около 200 рублей, а за брошюрку о наемныхъ рабочихъ и прислугѣ, заключающую 50 страницъ, берется цѣлый рубль. Но и за эту цѣну приобрести разсматриваемыя изданія нелегко, такъ какъ они не отданы для продажи въ книжныя магазины.

VIII.

— В. Норовъ. Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Часть II. Финансовые результаты винной монополіи. Организациа виннаго хозяйства. Спб. 1905.

Ц. 1. руб.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ нашемъ журналѣ помѣщенъ былъ отзывъ о первой части изслѣдованія г. Норова касательно винной монополіи, разсматривавшей вопросъ о вліяніи монополіи на потребление народомъ вина и объ участіи общества въ борьбѣ съ пьянствомъ. Настоящая замѣтка посвящена второй части этого изслѣдованія, трактующей о финансовыхъ результатахъ монополіи и о причинахъ тѣхъ, а не другихъ ея финансовыхъ итоговъ,—причинахъ, кроющихся въ организации виннаго хозяйства. Разсмотрѣніе этого вопроса имѣетъ значеніе не только потому, что указаніе на недостатки въ организации даннаго дѣла можетъ повести къ ихъ исправленію, которое благотворно отразится на доходахъ государства. Критическое разсмотрѣніе данной отрасли государственнаго хозяйства важно еще потому, что есть основаніе ожидать распространенія государственной монополіи на другія отрасли хозяйственной дѣятельности. Нашей странѣ, — по ея освобожденіи отъ путъ бюрократическаго самовластія, задержавшаго на много лѣтъ ея культурное развитіе, — предстоитъ такая кипучая дѣятельность въ различныхъ областяхъ частнаго и общественнаго благоустройства, успѣшныя результаты этой дѣятельности такъ много будутъ зависеть отъ суммы средствъ, которыя могутъ ассигновать на дѣло государство и муниципалитеты, а плательщикъ налоговъ такъ разоренъ многочисленными неустройствами нашего быта, что будущее правительство естественно станетъ останавливаться на мысли о пополненіи государственной или мѣстной казны обращеніемъ въ общественное завѣдываніе нѣкоторыхъ отраслей производства и торговли, какъ останавливалось на мысли о нефтяной или табачной монополіи нынѣшнее правительство. Въ виду этого, тщательное изслѣдованіе организации и результатовъ произведеннаго уже опыта государственнаго завѣдыванія обширнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ, каковымъ является винная монополія, можетъ доставить поучительный—въ отрицательномъ или положительномъ смыслѣ — матеріалъ для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ.

Произвести точный учетъ финансовыхъ результатовъ винной монополіи представляется. однако, дѣломъ далеко не легкимъ. Правда, учрежденіе, завѣдующее монополіей, въ ежегодныхъ печатныхъ отчетахъ о своей дѣятельности сообщаетъ о доходахъ, расходахъ и

чистой выручкѣ казенной продажи питей; но эти его вычисления въ значительной мѣрѣ условны. Такъ, въ счетъ расходовъ предпріятія не вносятся ни погашеніе стоимости капитальныхъ затратъ на это дѣло, ни проценты на оборотный капиталъ, ни траты на пополненіе движимаго имущества. Тѣмъ менѣе придается значенія потерямъ казны отъ того, что монополія повела къ сокращенію государственныхъ доходовъ отъ патентнаго сбора съ частныхъ питейныхъ заведеній, замѣщенныхъ казенными лавками, отъ акциза съ водочныхъ заводовъ, пивоваренныхъ (развитіе пивоваренія стѣсняется монополіей) и т. п., равно какъ и приращеніе расходовъ на усиленіе, благодаря введенію монополіи, личнаго состава центральныхъ органовъ министерства финансовъ, мѣстныхъ акцизныхъ управленій, контрольных палатъ, казначействъ и т. п. Частное лицо не имѣетъ данныхъ, необходимыхъ для исчисленія всѣхъ этихъ расходовъ, и г. Норову, взявшему на себя трудъ опредѣленія дѣйствительной высоты дохода винной монополіи, пришлось нѣкоторыя статьи расхода устанавливать приблизительно, а нѣкоторыя исключать вовсе изъ своего разсмотрѣнія. Тѣмъ не менѣе, и при такомъ неполномъ учетѣ расходовъ, заключенія автора значительно отклоняются отъ официальныхъ цифръ доходности даннаго предпріятія. Чистый доходъ монополіи (безъ акциза) въ 1901 г. министерство финансовъ опредѣляетъ въ 52 милліона рублей: г. Норовъ исчисляетъ его въ 38 милл. руб., а, за вычетомъ потери различныхъ поступленій, связанныхъ съ прежними порядками продажи питей, чистый доходъ винной монополіи сократится до 18 милл. руб. Ради этой суммы, пріобрѣтенной государственнымъ казначействомъ, общество потеряло не менѣе того, во-первыхъ, въ лицѣ сельскихъ обществъ, получавшихъ съ прежнихъ кабатчиковъ 15 милл. руб. въ годъ за разрѣшеніе открытія винной торговли, во-вторыхъ—въ лицѣ земскихъ и городскихъ учреждений, получавшихъ сборы съ питейныхъ патентовъ и т. п. Винная монополія поэтому имѣла лишь тотъ финансовый результатъ, что тѣ доходы, которые получали мѣстныя общественныя учрежденія, перемѣстились въ казначейство. Общество, въ цѣломъ, съ финансовой стороны ничего не выиграло. Но гдѣ же, спрашивается, тѣ суммы, которыя составляли чистый доходъ частной торговли виномъ и ради обращенія которыхъ въ государственное казначейство, отчасти, и была введена монополія? Такихъ суммъ въ рукахъ казны, какъ видимъ, не оказалось. Чистая прибыль прежней торговли была вся израсходована на организацію и веденіе дѣла. Но и этотъ результатъ,—при которомъ отъ монополіи не оказалось, по крайней мѣрѣ, видимыхъ убытковъ,—былъ послѣдствіемъ того, что правительство отпускало изъ своихъ лавокъ вино дороже,

чѣмъ оно продавалось при частной торговлѣ. По этому вопросу, впрочемъ, среди писателей существуетъ разногласіе. Гг. Ходскій, Пѣшеховъ и др. принимаютъ, что до введенія монополіи вино продавалось, въ среднемъ, по 6 р. ведро, т.-е. на одинъ рубль дешевле той цѣны; какая сначала была назначена за казенное вино, и потребителямъ пришлось поэтому переплачивать за послѣднее десятки миллионъ рублей. Г. Норовъ полагаетъ, что цѣна частнаго вина была, въ среднемъ, 7 р. ведро (не слѣдуетъ въ тому же забывать, что подъ видомъ водки въ прежнее время потребителямъ продавалось значительное количество воды, которою оно разводилось) и что казенное вино стало продаться дороже частнаго лишь съ ноября мѣсяца 1900 г., когда его цѣна назначена была выше указанной цифры. Это возвышеніе цѣны, за вычетомъ надбавки за акцизъ, принесло государственному казначейству около 10 милл. р. Безъ такого возвышенія—и если бы сельскія общества, городскія и земскія учрежденія и сама казна получили изъ доходовъ монополіи возмѣщеніе тѣхъ потерь, которыя они понесли отъ прекращенія частной торговли виномъ,—оказалось бы, что казенная продажа этого предмета общаго потребленія приноситъ убытокъ, и что расходы по организаціи и веденію даннаго предпріятія поглощаютъ всю ту огромную выручку, какую получала частная виноторговля и которую думало было захватить въ свои руки правительство.

Чѣмъ же объясняется столь неожиданный, повидимому, фактъ обращенія весьма доходнаго предпріятія въ рукахъ казны въ убыточное? „Надъ этимъ стоило бы призадуматься какъ руководителямъ финансовой политики государства, такъ и защитникамъ бюрократическаго начала, считающимъ его единственно-надежнымъ средствомъ не только въ сферѣ административнаго устроенія, но и въ области финансово-экономической политики“—замѣчаетъ авторъ. „До монополіи акцизное вѣдомство выполняло задачи чисто фискальнаго свойства... Этой роли вполне отвѣчалъ бюрократическій характеръ акцизныхъ управленій. Каждое дѣйствіе чиновника нормировалось опредѣленными правилами, инструкціями, отъ которыхъ не полагалось дѣлать никакихъ отступленій. Крупное значеніе для фиска акцизныхъ поступленій требовало введенія въ сферу надзора за акцизнымъ дѣломъ суровой и строгой дисциплины. Начальническій престижъ былъ поставленъ высоко; отъ подчиненныхъ требовалась полувоенная выправка... И вотъ такую бюрократическую машину заставили работать въ другомъ направленіи, безъ всякихъ поправокъ въ ея механизмъ. Помимо финансовыхъ задачъ, ей поставили задачи общественнаго и хозяйственнаго значенія. Чиновника чистой воды заставили думать о поднятіи народной нравственности; потребовали,

чтобы онъ, по мановенію волшебника, сдѣлался и инженеръ-строителемъ, и агрономомъ, и образцовымъ хозяиномъ, который, помимо практической сноровки, долженъ былъ имѣть и солидную теоретическую подготовку для осуществленія цѣлей монополіи крупнаго экономическаго значенія для государства". Наличность перечисленныхъ знаній требовалась отъ акцизныхъ чиновниковъ потому, что на нихъ лежала обязанность ежегодно производить учетъ расходовъ производства спирта для провѣрки назначенной цѣны, по которой онъ долженъ былъ приобретаться у заводчиковъ. Лишенный такихъ знаній и поставленный лицомъ къ лицу съ ловкимъ заводчикомъ, чиновникъ, конечно, опредѣлялъ эти расходы въ цифрѣ, соответствующей больше интересамъ заводчика, нежели казны. Само финансовое вѣдомство, по давнишней традиціи, благосклонно относилось ко всему, что могло служить для поддержанія нашей промышленности, и склонно было покупать у заводчиковъ спиртъ скорѣе по высшимъ, нежели по низшимъ цѣнамъ. Отсутствие хозяйственности и бюрократическая волокита удорожали и всякій другой, крупный и мелкій расходъ, который нужно было произвести въ винномъ складѣ, въ лавкѣ и т. д. Для устраненія этихъ недостатковъ и для превращенія винной монополіи изъ бездоходнаго предпріятія въ доходное, авторъ предлагаетъ привлечь къ участію въ организаціи виноторговли мѣстныя общественныя учрежденія.—В. В.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

- Амертъ, Э.*—Геологическая карта Зейскаго золотоноснаго района. Спб. 905.
Анненская, А. Н.—Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 906. Ц. 50 к.
Арнольди, С. С.—Историческія письма. Изд. 2-е. Спб. 905.
Башкинъ, В. В.—Стихотворенія. Спб. 906. Ц. 20 к.
Бороздинъ, А. К.—Очерки русскаго религіознаго равномыслія. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.
Бухнеръ, Г.—Смерть Дантона. Драма. Съ нѣм. Спб. 906. Ц. 10 к.
Бьлосерскій, Н.—А. И. Герценъ, славянофилы и западники. Спб. 905. Цѣна 25 коп.
Васильевъ, А. К.—Друзьямъ, товарищамъ, любителямъ стиховъ. Спб. 905. Цѣна 60 коп.
Вашкевичъ, Н.—Діонисово дѣйство современности. Эскизъ о слияніи искусствъ. М. 906. Ц. 30 к.
Вейнбергъ, Л. О.—Новая русская хрестоматія. Ч. I: Для учениковъ I и II классовъ. Ч. II: Для учениковъ III и IV классовъ. Изд. 2-е. М. 905. Цѣна по 1 р. 25 к.
Володкевичъ, Н.—Задачи педагогической дѣятельности. О принципахъ, ко-

торые должны быть положены въ основу естествознанія въ средней школѣ. Спб. 905.

Вяземскій, кн. Н. В.—О психической жизни человѣчества. Спб. 905. Цѣна 1 р. 50 к.

—— О половой зрѣлости, съ педагогической точки зрѣнія. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Гильдичъ, П. П.—Песни мухи. Изъ записокъ моего сосѣда Скалопендрова. Т. I. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Давыдовъ, I.—Историческій матеріализмъ и критическая философія. Сборникъ статей. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Дерюжинскій, В. О.—Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 906. Ц. 2 р.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И.—Декабристы въ Западной Сибири. Полярная Звѣзда. 25 іюля 1826 года. Историческій очеркъ по официальнымъ документамъ. Съ 35 фотогравюрами (29 портретовъ и 6 видовъ). Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Дьяконова, Елисавета.—Дневники: 1886 — 1895. Литературные этюды — статьи. Спб. 905. Ц. 2 р.

Замѣтскій, В. Ф.—Гражданская практика казанскихъ судебныхъ установленій начала XIX-го вѣка. 905. Ц. 1 р.

Зворыкинъ, Н. Н.—Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа въ Россіи. Спб. 905. Ц. 1 р.

Юзя, Эм.—Штурмъ мельницы. Съ франц. Н.-Новг. 905. Ц. 10 к.

Зыковъ, Иванъ.—Стихотворенія крестьянъ вятской губ., орловскаго уѣзда, истобенской волости, дерев. Пѣликовы, съ біограф. оч. автора. Юрьевъ, 905. Цѣна 25 коп.

Кантъ, И.—Вѣчный миръ. Философскій очеркъ (Библіотека для самообразованія, VI). М. 905. Ц. 40 к.

Картевъ, Н.—Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Вып. 1. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

—— Историческое міросозерпаніе Т. Н. Грановскаго. 3-е изд., съ портр. Спб. 905. Ц. 50 к.

—— Учебная книга всеобщей исторіи. Съ историческими картами. Изд. 6-е. Ц. 1 р. 45 к.

Кинани, Л. Д.—Думы и пѣсни. Спб. 905. Ц. 50 к.

Лавриновичъ, Ю.—Рабочіе союзы. Спб. 905. Ц. 50 к.

Ляниццао.—Лихунгжанъ, или политическая исторія Китая за послѣднія 40 лѣтъ. Перев. съ китайскаго А. Вознесенскій и Чжанчитунъ. Спб. 905. Цѣна 2 рубля.

Луговой, А.—„Цѣль нашей жизни“. Повѣсти и рассказы. Спб. 905. Цѣна 1 р. 75 к.

Львовъ, В.—Всѣобщее избирательное право. Спб. 905. Ц. 8 к.

Максутаго, кн. В. П.—Исторія древняго Востока, культурно-политическая и военная, съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Ассири-Халдея и Персія. Т. II: кн. V—VIII. Спб. 905. Ц. 5 р.

Мартыновъ, С. В.—Печорскій край. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Медемъ, Б. Г.—Вліяніе наслѣдственности, семьи и школы на состояніе зрѣнія учащихся, какъ признакъ угрожающаго нашему юношеству вырожденія. Полтава, 905.

Моръ, Томасъ.—Утопія. Съ латин. А. Г. Генкель, при участіи Н. А. Машеевой. Съ біографич. очеркомъ Т. Мора и съ портретомъ автора. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 75 к.

Мытарь, Иуда. — Два очерка: Что такое приказчикъ? Какъ обезпечить старость приказчиковъ? Томскъ, 905.

Надинскій, А. (Воеводкинъ).—Стихотворенія. Пермь, 905. Ц. 85 к.

Охотскій, С.—Гимназистка. Спб. 905. Ц. 15 к.

Перцовъ, П.—Венеція. Спб. 905. Ц. 1 р.

Пири, Р. Е.—По большому льду къ Сѣверу. Разсказъ о жизни и работѣ вдоль береговъ и на внутреннемъ ледяномъ покровѣ сѣверной Гренландіи въ 1887 и 1891—97 г.г. Съ англ. п. р. П. Беркоса. Спб. 906. Ц. 3 р.

Поповъ, М., свщ. — Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Ст. 4-мя рис. Спб. 905. Ц. 2 р.

Рожковъ, Н.—Историческіе и соціологическіе очерки. Ч. 1. М. 906. Цѣна 1 р. 50 к.

Саккетти, Л.—Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Т. I. Спб. 905.

Сикорскій, И. А.—Психологическія основы воспитанія. Кіевъ, 905. Ц. 30 к.

Смоленскій, Илья.—Исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія. Переоцѣнка историческихъ знаній. Историко-методологическій этюдъ. Вып. 1. Од. 906. Ц. 1 р.

Сокальскій, Л. П.—У подножья агрономическаго перевала. Разгромъ южно-русскаго скотоводства зерновымъ экспортомъ и значеніе его въ агрономическомъ переломѣ нашихъ хозяйствъ. Од. 905.

Соколова, С.—Критика этики Спенсера. Спб. 905. Ц. 1 р.

Столповская, Ан.—Современное значеніе и національный характеръ японцевъ. М. 905. Ц. 25 к.

Тимковскій, К.—Повѣсти и разсказы. Т. III. М. 905. Ц. 50 к.

Трусевицъ, Х. Н.—Къ реформамъ въ Россіи. I. Новая схема высшихъ государственныхъ учреждений. II. Новая форма законодательнаго учрежденія. М. 905.

Тузанъ-Барановскій, М.—Земельная реформа. Спб. 905. Ц. 60 к.

—— Теоретическія основы марксизма. Спб. 905. Ц. 1 р.

Халатовъ, Борисъ.—Стихотворенія. М. 905.

Чешингизъ, Всеволодъ. — Исторія русской оперы съ 1764 по 1903 г. 2-е исправл. и дополн. изданіе. Спб. 905. Ц. 4 р.

Шершневичъ, Г. Ф. — Герои Максима Горькаго передъ лицомъ юриспруденціи. Каз. 904. Ц. 40 к.

Ярошъ, А.—До университета. Изъ жизни средней школы. Спб. 905. Цѣна 1 рубль.

— Библіотека И. Горбунова-Посадова: 1) Для крошечныхъ людей, съ разск. и стих., ц. 85 к. 2) Для маленькихъ людей, съ разск. и стих., ц. 1 р. 20 к. 3) Бѣлое перо и другія легенды, ц. 1 р. 15 к. 4) Другъ животныхъ, ч. I: Для младшаго возраста, ц. 85 к. 5) Обзоръ пастѣчнаго хозяйства, А. Буткевичъ. М. 905.

— Бумаги Кабинета министровъ имп. Анны Іоанновны. 1731—1740 г.г. Собраны и изданы п. р. А. Н. Филиппова. Т. VII (1738): Январь — Іюнь. Юрьевъ, 905. Ц. 3 р.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Амурско-Приморскій золотоносный районъ. Вып. V. Спб. 905.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Ленскій районъ. Вып. III. Спб. 905.

— Изданія „Посредника“: 1) Разсказы объ инквизиціи, Н. Гусева, ц. 30 к. 2) Утренники, О. Рунова, ц. 1 р. 50 к. 3) Пѣснь о матери, сборн. стиховъ,

п. 12 к. 4) Во что вѣрують японцы, А. Хирьяковъ. 5) Въ стѣнахъ, повѣсть И. Наживина. 6) Несчастныя. Сборн. стих., п. 5 к. 7) Къ свѣту, разск.з. Ив. Франка, п. 1 к. 8) Преступность бѣдности, Г. Джорджъ, п. 3 к. 9) Счастливый день Дудкина, разск. К. Омушкина. М. 905. Ц. 10 к.

— Засѣданіе Педагогическаго отдѣла Истор.-филол. Общества при Имп. Новороссійскомъ университетѣ, 2 апрѣля 1905 г.: По вопросу о реформѣ средней школы. Од. 905.

— Матеріалы по изданію закона 2 іюня 1897 года, объ ограниченіи и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности. Спб. 905.

— Книгоиздательство „Буревѣстникъ“: 1) А. Бебель, Женщина и социализмъ. Съ нѣм. Ц. 1 р. 2) О „Проблемахъ идеализма“, Л. Аксельродъ. Ц. 20 к. 3) О сущности конституцій, Ф. Лассаль. 4) Крестьянскій вопросъ во Франціи и въ Германіи, Ф. Энгельсъ. 5) Социализмъ въ Японіи, Ж. Лонгэ. 6) В. Либкнехтъ, его жизнь и дѣятельность, К. Эйслера. 7) О программѣ работниковъ, Ф. Лассаль. 8) Гласный отвѣтъ, его же. 9) Каутскій, Воспоминанія. 10) Золотая свадьба международнаго социализма, Э. Вандервельдъ. 11) Коллективизмъ, Ж. Гэдъ. 12) Мертвецъ коммуны, А. Арну. 13) Нормальный рабочий день, Р. Зейдель. 14) Два міра, В. Либкнехта. 15) Воспоминанія о Марксѣ, В. Либкнехта. 16) Гражданская война во Франціи, К. Маркса. 17) О коммунизмѣ, К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. 18) Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ. 19) Профессиональный союзъ рабочихъ. М. Шиппель. Одесса, 905.

— Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Съ портр. и биогр. очеркомъ Н. Денисюка. Вып. 4. (1882 — 88). М. 905. Цѣна 1 рубль.

— Къ вопросу о реформѣ общеобразовательной школы въ царствѣ Польскомъ. М. 905.

— Отчетъ Коммисіи по изученію доннаго льда объ ея работахъ въ 1904 г. Спб. 905.

— Очерки, размышленія. Наканунѣ выборнаго начала. Киевъ, 905. Ц. 25 к.

— Памятная книжка Тенишевскаго училища въ С.-Петербургѣ за 1901—1903 учебн. г. Т. II и III. Спб. 905. Ц. 75 к.

— Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. III. Повременное изданіе Коммисіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Спб. 905.

— Пятнадцатилѣтіе (1889—1904 г.г.) Историко-филологическаго Общества при Имп. Новороссійскомъ университетѣ. Од. 905.

— Русская Высшая Школа обществ. наукъ въ Парижѣ. Лекція профессоровъ, п. р. проф. Е. де-Роберти, Ю. Гамбарова и М. М. Ковалевскаго. Спб. 905. Ц. 3 р.

— Сибирскіе Вопросы. Периодическій сборникъ, изд. В. П. Сукачевымъ, п. р. П. Головачева. № 1—1905 г. Спб. 905. Ц. 3 р.

— Таблица современныхъ конституцій. Повторительный курсъ госуд. права иностр. державъ, составленный по Даресту, Мейеру, Градовскому, Коркунову, Гессену и бар. Нольде. Спб. 905. Ц. 20 к.

— Школьная Библіотека. — Ломоносовъ, оч. А. Кизеветтера, п. 10 к. — Какъ живутъ пчелы, оч. Вл. Львова, п. 10 к. — „Русскимъ дѣтямъ“. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рис. М. 905. Ц. 15 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

H. Sudermann. Stein unter Steinen. Schauspiel. Berlin, 1905 (Cotta'sche Buchhandlung)).

Новая пьеса Зудермана—„Камень среди камней“—задумана символически. Пользуясь приемами символизма для большей нарядности своих пьесъ, Зудерманъ часто приурочиваетъ дѣйствіе къ какому-нибудь внѣшнему образу или факту, опредѣляющему смыслъ переживаній и событій, изображенныхъ въ драмѣ. Такъ, слѣпныя стихійныя страсти, торжествующія надъ волей и духомъ, уподоблены языческимъ кострамъ въ Иванову ночь; погоня за миражемъ радости въ мелкой мѣщанской средѣ названа „боемъ бабочекъ“. „Гибель Содомы“. „Родина“, „Честь“ и т. д.—все это символическія заглавія драмъ, въ которыхъ мысль, связанная съ символомъ, демонстрируется съ почти назойливой настойчивостью. Но все это, однако, дѣлаетъ драмы Зудермана не символическими, а только аллегорическими, такъ какъ психологическое содержаніе его пьесъ вовсе не нуждается въ символахъ. Символы умѣстны только тогда, когда идейный замыселъ художественнаго произведенія не исчерпывается его психологическимъ содержаніемъ. У Зудермана этого никогда не бываетъ. Даже лучшія его драмы и комедіи сводятся всецѣло къ сатирѣ нравовъ; ихъ интересъ—въ жизненности выведенныхъ характеровъ и типовъ. Но попытки отразить въ житейскомъ „вѣчныя идеи“—а только это и составляетъ сущность символизма—Зудерману не удаются. Идеи его пьесъ всегда гораздо ниже психологическаго и чисто драматическаго содержанія. Вотъ почему, при несомнѣнномъ сценическомъ талантѣ Зудермана и его значеніи какъ изобразителя и обличителя нравовъ современнаго нѣмецкаго общества, онъ тщетно претендуетъ на роль судьи жизни во имя высшей правды, и отдѣленъ пропастью отъ такихъ идеалистовъ-художниковъ, какъ Гауптманъ, который дѣйствительно цѣнитъ жизнь только какъ тиготѣніе къ высшимъ нормамъ бытія. Гауптманъ—мыслитель, думающій о цѣляхъ жизни, а Зудерманъ—талантливый драматургъ, для котораго жизнь сводится къ быту, а не къ идеѣ. Таково неизмѣнное соотношеніе между этими двумя художниками, пользующимися оба большой славой: Зудерманъ—

у толпы, наводняющей театры ради развлечения, Гауптманъ—у мыслящаго меньшинства публики.

Новая пьеса Зудермана не измѣняетъ этого соотношенія. Напротивъ того, оно еще рѣзче обозначается въ виду большихъ приязаній автора. Въ драмѣ „Камень среди камней“ изображены жертвы тюрьмы. люди, не находящіе себѣ пріюта въ жизни, выйдя на волю,—и какъ психологическій этюдъ драма представляетъ интересъ. Но Зудерманъ хочетъ придать болѣе широкое значеніе своему замыслу, а между тѣмъ, именно идея его драмы является пережиткомъ очень устарѣлыхъ понятій, признаніемъ власти условныхъ представлений о чести и позорѣ надъ жизнью и душами людей. Трагическая судьба каторжника, который не можетъ найти себѣ пріюта среди людей послѣ отбытія наказанія — излюбленный сюжетъ романтическихъ драмъ стараго времени. Въ старой нѣмецкой мелодрамѣ, „Die Tochter des Herrn Fabricius“, использованы всѣ эффекты, пригодные для разработки подобнаго сюжета: и судебная ошибка, и злобная травля людей противъ жертвы правосудія. Точно такъ же всѣ драмы Рихарда Фосса построены на психологіи бывшихъ каторжниковъ, которые возвращаются къ людямъ съ тяжелымъ бременемъ на совѣсти, съ мыслями объ искупленіи, съ злобой или раскаяніемъ—словомъ, съ проблемами больной совѣсти. Во французской драматической литературѣ тоже можно найти достаточно уголовныхъ драмъ приблизительно такого же содержанія, такъ что пьеса Зудермана является вариацией на старую, использованную на всевозможные лады тему. Столь же мало новизны въ поученіи, которое Зудерманъ извлекаетъ изъ своей психологической проблемы. Устами двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, затравленныхъ жестокостью окружающихъ ихъ людей, Зудерманъ высказываетъ свой пессимистическій взглядъ на жизнь, какъ на цѣпь страданій, убивающихъ душу. Судьбу страдающихъ людей онъ сравниваетъ—въ этомъ внѣшній символизмъ или, вѣрнѣе, аллегоричность драмы—съ камнями. „Камень образуется давленіемъ“, объясняетъ молодая, но уже испытывавшая много горя дѣвушка своему товарищу по судьбѣ. „Нужно, чтобы цѣлыя сотни тысячъ и милліоны лѣтъ лежащіе сверху пласты давили землю для того, чтобы живая земля превратилась въ камень. Человѣку не нужно такъ много времени. Я это испытала на себѣ. Нѣсколько лѣтъ давленія—одинаковаго давленія, и этого достаточно. Послѣ того смѣешься и плачешь, спишь и работаешь—бываешь даже веселъ. Продолжаешь какъ будто быть человѣкомъ какъ другіе, а между тѣмъ ты ужъ давно не человѣкъ... Внутри жизнь исчезла... Дѣлаешься безволенъ какъ камень... Тебя могутъ толкнуть ногой, какъ камень. Становишься равнодушнымъ ко всему какъ камень“. Вотъ

пессимистическій выводъ Зудермана; впрочемъ онъ даже самъ смягчаетъ его тѣмъ, что его „ставшіе камнями“ герои воскресаютъ для живой жизни, полюбивъ другъ друга и забывъ о преслѣдованіяхъ злобствующихъ людей. Противъ пессимистической идеи драмы можно, однако, возразить, что вся она вытекаетъ изъ совершенно условныхъ понятій; трагизмъ судьбы героя—въ значительной степени только слѣдствіе устарѣлыхъ предразсудковъ, и если онъ чувствуетъ себя камнемъ, то не въ силу дѣйствительныхъ законовъ жизни и роковыхъ столкновений воли и чувствъ, а по своей же винѣ—по отсутствію свободы духа. Все дѣло въ томъ, что герой Зудермана боится не внутренняго голоса совѣсти, а суда людей. Передъ самимъ собою онъ чувствуетъ себя совершенно оправданнымъ, и всѣ его муки происходятъ оттого, что онъ дичится людей, боясь ихъ нареканій, и страдаетъ отъ ихъ несправедливой злобы. Это по существу драма раба толпы; идейно она кажется уже чѣмъ-то превзойденнымъ, отшедшимъ въ область нравственныхъ заблужденій, хотя житейское психологическое значеніе ея еще этимъ не уничтожается. Можно по-человѣчески жалѣть человѣка, который скрываетъ свою условно позорную тайну, чтобы не лишиться отношенія къ себѣ какъ къ равноправному члену своей среды. Но такой человѣкъ не можетъ быть изображенъ въ художественномъ произведеніи нашего времени какъ носитель внутренней правды; въ его пониманіи позора для насъ нѣтъ пагуба, нѣтъ правды, дѣлающей его страданія неизбежными и трагическими. Тутъ-то и сказывается внутренняя несостоятельность Зудермана. Взявъ чисто бытовую тему, онъ хочетъ углубить ее до символическаго отраженія трагедіи личности и судьбы, но не можетъ при этомъ подняться выше житейскаго пессимизма, сѣтованій на людскую злобу и состраданія къ ея жертвамъ.

Какъ чисто психологическая драма, „Камень среди камней“ интересенъ благодаря нѣсколькимъ живо очерченнымъ фигурамъ и колоритному изображенію среды. Зудерманъ мастеръ сцены и сумѣлъ воспользоваться своимъ бытовымъ матеріаломъ. Драма, разыгрывающаяся въ домѣ и въ мастерской каменотеса Царнке, между его рабочими, должна представлять со сцены зрѣлище интересное хотя бы своими внѣшними эффектами. Психологія дѣйствующихъ лицъ тоже интересна своей жизненностью, своей характерностью для слѣпоты человѣческихъ страданій, безысходныхъ только какъ слѣдствіе вѣкового рабства духа.

Драма, изображенная въ пьесѣ Зудермана, становится возможной благодаря нѣсколько фантастичной фигурѣ хозяина каменотесной мастерской. Онъ взятъ условно, нѣсколько сказочно, какъ воплоще-

ніе доброты, безплодной въ жизни, потому что она не исправляетъ порочныхъ и не помогаетъ невиннымъ. Царнке такъ любвеобиленъ, что измышляетъ всяческіе способы помочь людямъ. У него развилась особая слабость къ жертвамъ правосудія, къ сидѣвшимъ въ тюрьмахъ. Онъ знаетъ, что это самые жалкіе люди, и всей душой готовъ содѣйствовать тому, чтобы они воспряли духомъ, почувствовали себя равными другимъ. Царнке состоитъ въ сношеніяхъ съ благотворительнымъ обществомъ, которое заботится о выпущенныхъ на волю заключенныхъ, и онъ принимаетъ въ свою мастерскую работниковъ по рекомендаціи общества. При этомъ онъ старается, чтобы никто не зналъ о тюремномъ прошломъ новыхъ работниковъ, чтобы товарищи не попрекали ихъ тюрьмой. Его доброта, какъ всегда въ жизни, плохо вознаграждается; одинъ его протежѣ безсовѣстно его же обкрадываетъ. Онъ даетъ зарокъ никогда больше не покровительствовать преступникамъ, но не можетъ устоять, когда получаетъ опять письмо съ просьбой принять отпущеннаго на волю каторжника, нуждающагося въ работѣ и нравственной поддержкѣ. „Тутъ цѣлая судьба человѣка“, говоритъ онъ, вертя въ рукахъ письмо, — и рѣшаетъ принять рекомендованнаго новаго рабочаго. Вакансія какъ разъ оказывается: наканунѣ случилась кража въ кладовыхъ. Царнке далъ знать полиціи, но расканывается въ этомъ, такъ какъ увѣренъ, что воръ—его же протежѣ, котораго надолго запрячутъ въ тюрьму, какъ рецидивиста, если накроютъ на этотъ разъ. Царнке думаетъ только о томъ, какъ бы спасти вора, въ виновности котораго не будетъ сомнѣваться ни полиція, ни рабочіе въ мастерской. Вина въ происшедшей кражѣ падаетъ также и на ночного сторожа, который долженъ былъ охранять кладовую. Но сторожъ Эйхгольцъ прослужилъ уже тридцать лѣтъ на своемъ мѣстѣ; онъ старъ, глухъ и къ тому же сильно выпиваетъ; вмѣсто того, чтобы сторожить кладовыя, онъ спалъ на своей скамьѣ въ ночь, когда произошла кража. Царнке знаетъ, что старикъ негоденъ къ службѣ, и хочетъ его замѣстить, щадя, однако, его самолюбіе и сохраняя его содержаніе; и онъ только деликатно предлагаетъ ему отдохнуть побольше. На его мѣсто онъ и думаетъ взять Биглера — человѣка, присланнаго благотворительнымъ обществомъ. Биглера принимаетъ въ отсутствіи самого Царнке его дочь, Марія, добрая дѣвушка, съ печальной душой: она калѣка и знаетъ, что должна отказаться отъ единственнаго счастья, которое считаетъ желаннымъ—отъ счастья любви и материнства. Свою жажду любви она старается удовлетворить привязанностью къ другимъ и содѣйствіемъ ихъ благополучію. Она дружна съ дочерью старика Эйхгольца, Лорой, и беретъ на себя всѣ попеченія о маленькой незаконной дочери ея.

Она также заступает за Лору передъ бросившимъ ее отцомъ маленькой Ленхенъ, талантливымъ, но безсовѣстнымъ въ житейскихъ отношеніяхъ, гранильщикомъ Гетлингомъ, и старается воздѣйствовать на него, чтобы заставить его жениться на Лорѣ. Она дѣйствуетъ черезъ отца, потому что сама внутренно не довѣряетъ искренности своихъ безкорыстныхъ попеченій о счастьи Лоры. Гетлингъ ей правится, хотя она это старается скрыть отъ самой себя. Биглера она встрѣчаетъ радушно; но онъ такъ напуганъ, что когда она называетъ его по имени—онъ видитъ въ этомъ знакъ, что она знаетъ о его позорѣ. Вся затравленность Биглера сказывается въ его первомъ объясненіи съ хозяиномъ. Онъ не въ силахъ самъ назвать свое преступленіе и указываетъ Царнке на бумагу, по которой видно, что онъ былъ осужденъ за убійство. Преступленіе было совершено изъ-за женщины—онъ убилъ человѣка, съ которымъ она его обманывала, и за это претерпѣлъ долгое тюремное заключеніе. Это свое прошлое онъ считаетъ величайшимъ позоромъ, и несчастіе его—въ томъ, что, не выходя изъ тюрьмы, онъ не можетъ найти себѣ пристанища и работы: куда бы онъ ни поступилъ—черезъ нѣсколько дней узнаютъ, кто онъ, и выживаютъ его. Стыдъ не столько за совершенное имъ преступленіе, какъ за кару, представляющую безчестіе въ глазахъ толпы, и составляетъ этическую ложь, которая лежитъ въ основѣ драмы Зудермана. Биглеръ, будь у него свободная душа, не стыдился бы своей судьбы. Убійство подъ вліяніемъ страсти—тяжелое бремя на совѣсти; но отношеніе къ нему какъ къ позорной тайнѣ, которую нужно скрыть отъ другихъ, превращаетъ трагедію души въ мѣщанскую борьбу предразсудковъ, житейскихъ интересовъ, компромиссовъ съ обстоятельствами и т. д. Въ этомъ духѣ и разыгрывается драма съ того момента, какъ выступаетъ Биглеръ, дрожащій за свою тайну. Онъ объясняетъ Царнке, что всѣ его попытки пристроиться были до сихъ поръ неудачны, что онъ прожилъ всѣ деньги, скопленные въ тюрьмѣ работой. Его послѣдняя надежда—на Царнке, къ которому его направило благотворительное общество. Ему къ тому же чрезвычайно хотѣлось поступить снова въ каменотесную мастерскую. Онъ былъ въ прежнее время искуснымъ гранильщикомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ камнемъ же въ мастерской убилъ своего соперника, онъ не смѣетъ мечтать о возвращеніи къ своей любимой работѣ. Онъ только хотѣлъ бы исполнять хоть черную работу при мастерской, такъ какъ въ этой должности онъ менѣе всего подвергается разспросамъ товарищей и можетъ легче скрыть свое прошлое.

Но ожиданія хозяина и самого Биглера не оправдываются. Рабочіе узнаютъ о томъ, кто такой Биглеръ, благодаря появленію полиціи для слѣдствія о совершенной кражѣ изъ кладовой. Хозяинъ

самъ не радъ, что сдѣлалъ заявленіе полиціи, и не знаетъ, какъ выгородить вора. А тотъ — циничный каторжникъ въ противоположность совѣстливому Биглеру — говоритъ нагло Царнке, что онъ самъ виноватъ, если его мучить совѣсть: зачѣмъ было доносить полиціи? До появленія полиціи воръ ведетъ себя вызывающимъ образомъ, рассказываетъ товарищамъ о своей жизни въ тюрьмѣ, какъ о чемъ-то почетномъ, о своей привилегіи надъ толпой. Хозяину, который убѣждаетъ его приготовить себѣ оправданіе къ приходу слѣдователя, онъ съ полнымъ цинизмомъ заявляетъ, что у него нѣтъ достаточно денегъ для подкупа лжесвидѣтелей, которые установили бы его alibi. Этотъ цинизмъ располагаетъ въ его пользу окружающихъ, и всѣ товарищи по мастерской относятся къ нему дружески, въ то время какъ молчаливый Биглеръ вызываетъ общую подозрительность. Чтобы все-таки спасти вора, которому предстояла бы долготѣнная тюрьма въ случаѣ доказаннаго рецидива, Царнке рѣшается на нѣчто чрезвычайно рискованное. Онъ доказываетъ полиціи свое полное довѣріе къ подозрѣваемому вору тѣмъ, что при всѣхъ вручаетъ ему ключи отъ кладовой, гдѣ хранятся алмазы для шлифовки камней. Этотъ актъ довѣрія обезоруживаетъ полицію, и слѣдователь уходитъ взбѣшенный. Чтобы отомстить за насмѣшку надъ собой, онъ попрекаетъ Царнке тѣмъ, что онъ пріютилъ у себя убійцу. Онъ узналъ Биглера и выдаетъ его тайну. Несмотря на протесты Царнке, вѣсть о прошломъ Биглера разносится по мастерской, гдѣ у новаго ночного сторожа уже много враговъ. Къ нему относится со злобой смѣщенный имъ старикъ Эйхгольцъ, а также Гетлингъ, который чувствуетъ въ немъ талантливаго конкуррента; онъ всячески преслѣдуетъ его и старается унижить его. На сторонѣ Биглера только Лора — тоже жертва людской злобы и жестокости въ своихъ отношеніяхъ съ Гетлингомъ. Слова полицейскаго объ убійцѣ, скрытомъ у Царнке, сейчасъ же производятъ свое дѣйствіе. Биглера только что было приласкали товарищи, угостили его табакомъ; онъ растроганъ, готовъ даже повѣрить, что на этотъ разъ его не выживутъ. Но пока онъ ходилъ покупать сигары, чтобы угостить въ свою очередь товарищей, уже возникло подозрѣніе противъ него: никто не принимаетъ отъ него сигаръ, всѣ отворачиваются отъ него. Его мытарства начинаются съизнова.

Въ возникающей борьбѣ съ враждой товарищей у Биглера одна только союзница — Лора. Она убѣждаетъ его не сдаваться сразу, не подкрѣплять подозрѣній своимъ подавленнымъ видомъ, а напротивъ того, держаться смѣло, предупреждая всякія обвиненія. Ему хотѣлось бы, напротивъ того, сразу уйти, такъ какъ онъ знаетъ по опыту, что только этимъ, все равно, дѣло кончится; но Лора заставляетъ

его не чуждаться товарищей, а спокойно продолжать пить кофе, когда и другіе придутъ въ столовую. Биглеръ довѣряется Лорѣ и предсказываетъ ей, какъ разыграются отношенія товарищей къ нему, какъ его выживутъ изъ мастерской. Лора все-таки надѣется на благополучный исходъ для Биглера, находясь сама въ приподнятомъ душевномъ состояніи. Она надѣется, что Гетлингъ женится на ней послѣ его разговора съ Маріей. А между тѣмъ, этотъ разговоръ имѣетъ какъ разъ обратное дѣйствіе. Гетлингъ понялъ по обращенію Маріи, что онъ ей нравится, и съ полной наглостью рѣшилъ добыться ея руки—ея физическое уродство не останавливаетъ его,—чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ хозяиномъ мастерской, гдѣ онъ пока царитъ, благодаря своему нравственному престижу надъ товарищами. Изъ-за этого и выходитъ столкновение. Рабочіе начинаютъ дразнить Биглера намеками, какъ онъ и предполагалъ, и травля все болѣе усиливается, когда въ столовой появляется Гетлингъ. Онъ выступаетъ съ особенной самоувѣренностью, третируетъ Биглера съ полнымъ презрѣніемъ и прозрачно намекаетъ товарищамъ о своихъ шапсахъ стать хозяиномъ въ домѣ. Это преисполняетъ мѣру терпѣнія Биглера. Онъ бросается на Гетлинга съ крикомъ „негодяй“, говоритъ ему во всеуслышаніе о его нравственномъ долгѣ относительно Лоры и ея ребенка, поднимаетъ на него камень и открыто заявляетъ всѣмъ, что такимъ камнемъ онъ убилъ человѣка. Гетлингъ уступаетъ силѣ, пѣтится къ дверямъ и уходитъ съ угрозой мести обидчику.

Въ послѣднемъ актѣ пьесы разыгрывается исторія этой мести. Гетлингъ дѣлаетъ видъ, что примирился съ Лорой, и готовъ жениться на ней, а Марія признается отцу, что подавала надежды Гетлингу и что стыдится теперь своей слабости. Отецъ успокаиваетъ ее, говоря о необходимости страданій и разочарованій. Марія тоже—„камень между камнями“: ея чувства затапываются въ грязь какъ только она перестаетъ скрывать ихъ на днѣ души, какъ только ихъ касается пошлость жизни въ лицѣ грубаго карьериста Гетлинга. Она это понимаетъ, покоряется своей судьбѣ камня и вся уходитъ въ попеченія о судьбѣ Лоры. Но Гетлингъ приходитъ къ Лорѣ не для того, чтобы выполнить наконецъ свои обязательства, а для того, чтобы столковаться съ ея отцомъ о мести Биглеру. Они рѣшаютъ оба вмѣстѣ устроить искусственную катастрофу, слабо прикрѣпить на блокѣ огромную глыбу камня, такъ, чтобы во время ночного дозора камень непременно упалъ на Биглера. Въ послѣднюю минуту, однако, мѣсть предотвращается благодаря Лорѣ. Въ разговорѣ между нею и Биглеромъ выясняется, что Гетлингъ ей не милъ, такъ какъ она его вполне поняла, и что она только не считаетъ себя вправѣ—изъ-за ребенка—отказать ему теперь. Она сознается въ этомъ Биглеру

и просить у него помощи. Биглеръ настроенъ крайне пессимистично, собирается уйти изъ мастерской на слѣдующее же утро, не дожидаясь, чтобы его прогнали. Но когда онъ узнаетъ отъ Лоры, что товарищи, напротивъ того, настаиваютъ, чтобы онъ остался, и, кромѣ того, заключаетъ изъ ея словъ, что онъ ей дороже Гетлинга, его чувства мѣняются, въ немъ снова просыпаются надежды на мирный трудъ и счастье. Лора, которая боится замысловъ Гетлинга, не отходить отъ Биглера, предлагаетъ ему совершать вмѣстѣ съ нимъ ночной дозоръ. Они идутъ вмѣстѣ мимо опаснаго мѣста—и камень срывается уже тогда, когда Биглеръ прошелъ мимо. Биглеръ спасенъ. Гетлингъ убѣгаетъ, а объ участіи старика въ заговорѣ Биглеръ и Лора молчатъ, чтобы не подводить его подъ бѣду. Они счастливы, что нашли другъ друга и перестали быть „каменьями межъ камней“, проснувшись для живого счастья любви. Таковъ благополучный конецъ пессимистической драмы Зудермана о людской злобѣ и ея жертвахъ.

II.

André Beaunier. Le Roi Tobol. Стр. 364. Paris, 1905 (Eug. Fasquelle, éditeur).

Андрэ Бонье—молодой французскій писатель, болѣе замѣтный своими критическими и публицистическими работами, чѣмъ беллетристическими произведеніями. Его книга „*La Poésie Nouvelle*“ свидѣтельствуетъ о близости его къ идеаламъ символическаго искусства. „*Notes sur la Russie*“ выдѣляются изъ обычной корреспондентской литературы интуитивнымъ пониманіемъ чуждой жизни и самобытностью сужденій. Въ послѣдніе годы Андрэ Бонье ведетъ обзоръ печати въ „*Figaro*“.

Беллетристика Андрэ Бонье преимущественно сатирическая, отражающая такіа злобы дня, какъ дѣло Дрейфуса и т. п. Новая его книга „*Le Roi Tobol*“ въ томъ же родѣ. Она написана подъ непосредственнымъ влияніемъ Анатоля Франса, въ его манерѣ, съ спокойнымъ сарказмомъ скептика, который принимаетъ все существующее какъ фактъ, отмѣчаетъ всю безысходность зла и уродства и покорствуется фактамъ. Идейный замыселъ книги тоже совершенно соответствуетъ философіи Анатоля Франса: это—признаніе правоты жизни вопреки всему, что возмущаетъ душу и умъ, вопреки всѣмъ непостижимымъ страданіямъ людей. Въ основѣ этой философской „акцентаціи“ у Бонье, такъ же какъ и у его учителя, лежитъ не идеализмъ, не признаніе высшихъ оправданій жизни, что вносило бы пагубу въ его критику существующихъ нормъ жизни. Напротивъ

того, Андре Бонье—и этот упрек относится главнымъ образомъ къ его вдохновителю Франсу—исходитъ изъ одинаковаго отрицанія всѣхъ стремленій духа. Все одинаково признается правымъ, потому что истинно праваго нѣтъ нигдѣ и ни въ чемъ. Въ этомъ примирительномъ отношеніи къ жизни скрывается такимъ образомъ безнадежный пессимизмъ и отсутствіе идеаловъ, во имя которыхъ оправдывается одно и отвергается другое. Въ книгѣ Бонье идетъ поэтому огульное обличеніе всѣхъ сторонъ жизни; на ряду съ сатирой на шарлатанство католической церкви, на тупость и произволъ бюрократіи, идетъ вышучиваніе философовъ, науки и радикальныхъ политическихъ партій. Тонъ этой всеразрушающей сатиры—благодушно примирительный; она проповѣдуетъ, что все одинаково приемлемо, такъ же какъ одинаково заслуживаетъ отрицанія. Единственное лицо, къ которому расположенъ авторъ, это—самъ герой, старый король Тоболь. Онъ полонъ слабостей, всяческихъ недостатковъ и пороковъ, но тѣмъ самымъ является воплощеніемъ челоѣчества—слабого, открытаго всѣмъ впечатлѣніямъ, наивно жаждущаго счастья и въ силу инстинкта жизни мирашагося со всѣмъ. Онъ придумываетъ всевозможные философіи и софизмы, призываетъ на помощь законы логики, или же, напротивъ того, довольствуется сентиментальными доводами тамъ, гдѣ логика безсильна,—все для того, чтобы оправдать въ себѣ любовь къ жизни, не ослабѣвающую вопреки разочарованіямъ и насмѣшкамъ, вопреки физическимъ и нравственнымъ страданіямъ. Таковъ и король Тоболь въ романѣ Бонье; онъ представленъ мудрымъ въ своей искренности и въ своемъ пренебреженіи къ показнымъ благамъ, къ прерогативамъ власти; онъ жаждетъ реального благополучія, счастья, понимаемаго какъ земныя радости. Челоѣчество, вопрошающее о счастьѣ и фатально мирищееся со всѣмъ, что противорѣчитъ счастью въ силу неизбѣжныхъ законовъ жизни,—таковъ замыселъ романа, воплощенный въ начинаніяхъ и судьбѣ короля Тоболя. Онъ очень напоминаетъ героевъ Анатоли Франса, его аббата Куаньяра, смиренно циничнаго апологета жизни, благороднаго профессора Бержере съ его примирительно пессимистической философійей, и другихъ. Въ художественномъ отношеніи „Король Тоболь“ уступаетъ, конечно, перламъ ироніи Франса, виртуозности его поэтического стиля въ философскихъ сказкахъ, его мощному захвату въ изображеніи комедій и трагедій жизни, какъ, напримѣръ, въ исторіи уличнаго торговца Кренкебиля. Но и романъ Бонье имѣетъ несомнѣнные достоинства; въ немъ много удачныхъ сатирическихъ сценъ, мѣткихъ сопоставленій, яркихъ каррикатуръ. Чисто поэтический элементъ, описаніе просыпающихся чувствъ невиннаго юноши, постепенное приобщеніе его къ жизни, и страницы, посвященныя молодой

любви, впечатлѣніямъ природы,—гораздо слабѣе; въ нихъ слишкомъ много сентиментальности. Но такова судьба сатириковъ. Они часто теряютъ всякую остроту стиля, когда переходятъ въ идиллическій тонъ.

Идейное содержаніе книги Бонье сводится къ вопросу о счастіи. Въ чемъ оно, и какъ его достичь, уничтоживъ всѣ тормазы и препятствія на пути,—вотъ задача, которой задается король Тоболь, испытывавъ превратности въ личной судьбѣ. Ему измѣнила его молодая жена и убѣжала съ красивымъ капитаномъ гвардіи. Король уже старъ, и конечно поступилъ опрометчиво, соблазнившись хорошенькимъ личикомъ молодой графини и возведя ее на королевскій престолъ. Но онъ разрѣшилъ себѣ этотъ капризъ сердца и вначалѣ испыталъ краткую пору счастья, достигнувшаго апогея, когда родился наслѣдникъ престола. Это и было, однако, началомъ несчастій короля. Едва оправившись послѣ рожденія сына, маленькая королева исчезла вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ. Подъ вліяніемъ острыхъ страданій, тоски объ утраченной любимой женщинѣ, чувства горькой обиды отъ измѣны и томительнаго чувства одиночества, у короля Тоболи и развивается его философія: она состоитъ въ признаніи цѣлью жизни—земного счастья. Прежде чѣмъ придти къ своему неоэпикурейству на почвѣ скептицизма совершенно по формулѣ Анатоля Франса—король ищетъ утѣшеній на старыхъ путяхъ. Побѣгъ королевы сопряженъ для короля съ еще однимъ тяжкимъ разочарованіемъ, заставивъ его сильно сомнѣваться въ отцовскихъ правахъ на родившагося наслѣдника. Король ищетъ сначала средства примириться со всѣмъ случившимся, т.-е. идетъ по пути отрицанія счастья какъ цѣли жизни, по пути, ведущему къ смиренію и урѣзванію потребностей ради душевнаго спокойствія. Онъ призываетъ къ себѣ придворнаго капеллана и требуетъ отъ него убѣдительныхъ утѣшеній. Капелланъ совѣтуетъ ему искать опоры въ законѣ, помнить, что по римскому праву *pater est, quem nuptiae demonstrant*, и признать сына своимъ. Эта готовая формула кажется королю удобной, какъ избавленіе отъ индивидуальной психологіи съ ея жадной дѣйствительной, а не формальной правды, и онъ рѣшаетъ подчиниться закону. По закону сынъ королевы тѣмъ самымъ сынъ короля—таковымъ онъ и будетъ. Утилитарность законовъ и несоразмѣримость ихъ цѣлей съ истиной, какъ цѣлью душевныхъ исканій, тонко намѣчена въ этомъ рѣшеніи короля относительно ребенка. Но духовнаго утѣшенія капелланъ не можетъ дать королю, который не поддается его неопредѣленнымъ обѣщаніямъ награды въ будущей жизни. Онъ видитъ въ увѣщаніяхъ священника банкротство человѣческихъ надеждъ и не мирится съ этимъ. Прогнавъ духовника и

оставшись наединѣ, король задумывается надъ своей жизнью и приходитъ къ убѣжденію, что вся она прошла даромъ только потому, что онъ ставилъ долгъ выше наслажденія. Занятый государственными дѣлами, иди войной на врага, онъ работалъ безъ устали, откладывая радости жизни на будущее время. Онъ думалъ, что не слѣдуетъ торопиться быть счастливымъ, а сдѣлать сначала дѣло, чтобы лучше насладиться досугомъ. А тѣмъ временемъ онъ состарился и счастье стало невозможнымъ. Онъ согрѣшилъ передъ своимъ счастьемъ и теперь горько раскаивается. Вспомнивъ обѣщанія капеллана, говорившаго о вознагражденіи на томъ свѣтѣ, онъ громко произноситъ: отъезываюсь! Онъ понялъ, что цѣль жизни—осязательное земное счастье, и отнынѣ посвящаетъ свою жизнь осуществленію счастья на землѣ. Исполнить это относительно всего человечества невозможно, но для того, чтобы провѣрить свой идеалъ счастья, ему достаточно осчастливить одно существо—своего сына, т.-е. ребенка, котораго онъ рѣшилъ признать сыномъ на основаніи римской формулы. Въ ней есть какая-то достовѣрность, и потому онъ принимаетъ ее. Онъ рѣшаетъ, что сынъ его, которому онъ даетъ эмблематическое имя Эйдемона (счастливаго), будетъ счастливъ благодаря его стараніямъ. Это и послужитъ изобличеніемъ въ обманѣ пессимиста-духовника, который сулитъ загробныя блага въ виду недостижимости блаженства на землѣ. Осуществленіе счастья—весь смыслъ жизни, и откладывать ее на проблематичную иную жизнь—безуміе и шарлатанство. Король надѣется доказать это, искусственно устроивъ своему сыну безоблачно счастливую жизнь, которая станетъ образцомъ выполненія человѣкомъ своего назначенія.

Шаги, которые предпринимаетъ король Тоболь для того, чтобы изслѣдовать сущность счастья и выискать способы осуществить его, даютъ автору обильный матеріалъ для рѣзкихъ насмѣшекъ надъ „благодѣтелями человечества“ въ разныхъ областяхъ. Очень зло изображена сцена съ философами, которыхъ призываетъ король Тоболь для опроса о счастьѣ и о способахъ его достиженія. Споры философовъ между собой слишкомъ напоминаютъ, однако, молюеровскихъ философовъ и выдержаны въ тонѣ фарса, нарушающемъ жизненность сатиры, но преобладаніе діалектики надъ идейной содержательностью у доктринеровъ передано очень остроумно и колоритно. Король въ ужасѣ узнаетъ отъ своего министра, что двадцать философовъ, субсидируемыхъ правительствомъ, проповѣдуютъ каждый свое ученіе и враждуютъ между собой. Несмотря на то, что этимъ мыслителямъ выплачивается до двухъ милліоновъ пенсіи, нельзя знать, правъ ли хоть одинъ. Это кажется королю возмутительнымъ.

Даже два пессимиста, которыхъ называетъ министръ, тоже принципиально расходятся, такъ какъ одинъ требуетъ уничтоженія рода людского черезъ посредство динамита, а другой стоитъ за проповѣдь цѣломудрія съ той же разрушительной цѣлью. Король отказывается опрашивать пессимистовъ. Онъ призываетъ черезъ министра троихъ философовъ оптимистовъ, изъ которыхъ одинъ—теоретикъ счастья, другой—наслажденія, а третій нашелъ возможность объединить ихъ ученія. Но и они разочаровываютъ короля своей мрачностью. Проповѣдникъ счастья доказываетъ, что оптимистъ въ силу своихъ принциповъ долженъ быть угрюмѣе пессимиста, потому что, считая счастье возможнымъ, онъ тѣмъ больше страдаетъ отъ отсутствія его въ жизни: пессимистъ же, не ожидающій ничего хорошаго, благодаренъ судьбѣ за всякую пріятность. Проповѣдникъ удовольствія тоже имѣетъ страдальческій видъ: онъ учитъ, что путь къ наслажденію ведетъ черезъ мученичество, потому что на его фонѣ малѣйшая пріятность кажется блаженствомъ. А третій философъ, будто бы объединяющій другихъ, на самомъ дѣлѣ составилъ себѣ ученіе изъ отрицаній философовъ разныхъ школъ, находя, что всѣ ученія правы въ своихъ отрицаніяхъ; но ничего положительнаго онъ не даетъ. Король выгоняетъ философовъ и уничтожаетъ разъ навсегда выдаваемыя имъ пенсіи. Разочаровавшись въ исканіяхъ мысли, король рѣшаетъ обратиться къ народу съ вопросомъ: „въ чемъ счастье?“. Герольды читаютъ на улицахъ его воззваніе и обѣщаніе сокровищъ тому, кто укажетъ вѣрный путь къ счастью. Но тутъ-то короля ждетъ второе разочарованіе. Онъ считалъ свой народъ счастливымъ, а его вопросъ показался всѣмъ оскорбительнымъ; революціонная партія устраиваетъ, въ отвѣтъ на запросъ короля, символическія процессіи, изображающія страданія народа отъ холода, голода и страха. Король ходитъ переодѣтый по городу и убѣждается самъ въ правотѣ жалобъ народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понимаетъ, что при всемъ желаніи онъ не могъ бы осуществить свой идеалъ счастья въ примѣненіи ко всему человѣчеству. Онъ убѣждаетъ себя въ этомъ даже ссылкой на Библію, на то, что Богъ сдѣлалъ счастливымъ только перваго человѣка; когда же Адаму и Евѣ данъ былъ завѣтъ множиться, Богъ отказался отъ дальнѣйшихъ заботъ и предоставилъ потомкамъ первой пары трудиться въ потѣ лица. Такъ король Тоболь приходитъ къ индивидуалистической концепціи счастья. Для него самое важное—осуществить счастье, и онъ тѣмъ болѣе укрѣпляется въ своемъ рѣшеніи посвятить всѣ силы счастью Эйдемона. Питая добрыя чувства къ народу, онъ хочетъ по возможности помочь и ему—и выбираетъ, казалось бы, вѣр-

ное средство, ставя во главѣ управленія страной анархиста-демагога, который и велъ главнымъ образомъ кампанію противъ него. Исторія превращенія анархиста въ очень деспотичнаго правителя подѣ влияніемъ выгодъ, сопряженныхъ съ властью, изображена въ романѣ очень зло, забавно, но несправедливо по своей каррикатурности: защитники народнаго дѣла едва ли бываютъ похожи на анархиста Фугаса, изображеннаго у Бонье.

Экспериментъ созданія искусственнаго счастья изображенъ въ исторіи дѣтства Эйдемона. Король Тоболь устраиваетъ ему вдали отъ города „дворецъ радостей“, откуда удалено все, что можетъ напомнить о страданіяхъ, о разрушительномъ дѣйствіи времени, о смерти и о безконечности пространства, рождающихъ тоску. Ребенокъ не видитъ неба, знаетъ только сады своего дворца и вырастаетъ въ этомъ своеобразномъ Ватиканѣ, видя вокругъ себя только красоту. Чтобы не напоминать ему о смерти, въ саду уничтожаютъ всѣ вянущіе цвѣты, а старикъ отецъ рѣшается навсегда не видѣться съ сыномъ, чтобы не показать ему пугающей маску старости. У мальчика возникаютъ вопросы о причинахъ видимаго имъ міра, но его успокаиваютъ религіозными поученіями, имѣя въ виду только пользу, а не истину. Смыслъ книги Бонье заключается, однако, въ томъ, чтобы развѣнчать это зданіе искусственнаго счастья и противопоставить ему дѣйствительное, добытое путемъ страданія. Эйдемонъ познаетъ любовь сначала только въ видѣ влеченія къ нѣсколькимъ красивымъ дѣвушкамъ, введеннымъ въ его дворецъ предусмотрительнымъ отцомъ. Но потомъ одну изъ этихъ дѣвушекъ онъ начинаетъ любить исключительной любовью, и она открываетъ ему правду жизни, лежащую за предѣлами его искусственнаго рая. Онъ бѣжитъ съ ней, испытываетъ много лишеній и непривычныхъ страданій, знакомится со страшными язвами жизни: старостью, болѣзною и смертью, и приходитъ въ отчаяніе. Это рассказано въ книгѣ Бонье совершенно по легендѣ о Буддѣ, являясь прямымъ литературнымъ подражаніемъ. Эйдемонъ возвращается на родину со своей возлюбленной и попадаетъ въ моментъ революціи противъ короля Тоболя; увидавъ вышедшаго къ народу старика, онъ самъ кричитъ „долой его“, не подозревая, что это его отецъ, и считая преступленіемъ его старое лицо. Въ концѣ концовъ отецъ и сынъ снова видятся, потому что Эйдемонъ возвращается въ свой дворецъ, превратившійся тѣмъ временемъ изъ дворца радостей въ жилище скорби; тамъ поселился старикъ-король, отказавшись отъ престола. Тамъ, передъ смертью, король Тоболь даетъ послѣдній урокъ сыну, говоритъ ему о превратностяхъ жизни и о томъ, что, вопреки имъ, счастье жизни

велико. Онъ увѣренъ, что Эйдемонъ самъ это почувствуетъ и вернется къ жизни послѣ минутнаго отчаянія, потому что никакой опытъ стариковъ не разочаровываетъ молодости, потому что всѣ пророки нирваны никогда не убѣждали человѣчества. И дѣйствительно. когда король умираетъ, Эйдемонъ глядитъ на корабль, стоящій у пристани, и ясно чувствуетъ, что скоро уѣдетъ на немъ вдаль.

Этой апологіей жизни на фонѣ пессимизма и заканчивается романъ Бонье. Въ немъ очень много заимствованнаго какъ изъ философіи Франса, такъ и изъ обычныхъ представленій о буддизмѣ и изъ легенды о Сакья-Муни. Но все это воссоздано очень литературно, и самый сарказмъ Бонье—подробности въ разработкѣ сюжета—самобытенъ и талантливъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1905.

Подъ первыми впечатлѣніями манифеста 17-го октября.—Забастовки.—Митинги.—Какъ назвать забастовочные дни: преддверіе революціи или революція въ настоящемъ?—Опасная сторона политическихъ забастовокъ въ интересахъ освободительнаго движенія.—Что означаютъ погромы черной сотни?—Новыя задачи общества и печати.—Сорокалѣтіе дѣятельности А. О. Кони.—М. И. Драгомировъ †.

Манифестъ о дарованіи населенію незыблемыхъ основъ гражданской свободы, о расширеніи избирательныхъ правъ и объ обращеніи Государственной Думы въ представительное учрежденіе конституціоннаго типа—сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ вечеромъ 17-го октября, часа черезъ три послѣ подписанія. Едва ли не первымъ общественнымъ собраніемъ, гдѣ онъ былъ прочитанъ, явилось засѣданіе представителей ежедневной и еженедѣльной политической прессы. Засѣданіе происходило въ редакціи „Слова“. Собрались для окончательнаго установленія единства дѣйствій въ цѣляхъ фактическаго достиженія, если не свободы печати, то освобожденія отъ административно-цензурныхъ путъ. Уже при входѣ всѣмъ сообщалось, что сейчасъ будетъ привезенъ официальный текстъ манифеста. Въ томительномъ ожиданіи прошло около получаса. Наконецъ, манифестъ привезли. Мигомъ онъ былъ прочтенъ.

Послѣ ужаснаго нервнаго напряженія забастовочныхъ дней, у всѣхъ присутствующихъ вырвался вздохъ облегченія. Гражданская свобода въ Россіи и конституціонное правленіе—отнынѣ фактъ. Да, было отчего придти въ повышенное настроеніе! Достигнуто давножданное, давно желанное. Достигнуто необходимое. Достигнуто то, что одно можетъ спасти страну, доведенную пережившимъ себя режимомъ до исторической пропасти. И характерно: особенно бурно выражали радостныя чувства представители тѣхъ органовъ, которые до послѣднихъ дней отстаивали принципъ абсолютизма и совѣщательное представительство. Не для упрёка имъ мы это отмѣчаемъ. Ихъ первое впечатлѣніе о манифестѣ намъ важно, какъ показатель неизмѣримо болѣе широкаго проникновенія въ общество идеаловъ истинной обезпеченной гражданской свободы, нежели это отражала на себѣ придавленная цензурою печать.

Представители радикальныхъ органовъ были гораздо сдержаннѣе. Прошлое—и отдаленное, и недавнее—сдѣлало ихъ крайними скептиками. Оно разучило ихъ вѣрить словамъ, хотя бы слова заключали

въ себѣ торжественное признаніе дорогихъ имъ началъ. Начала эти они выстрадали долгой, неравной борьбой недоговоренной и намѣренно затемненной мысли съ грубой силой запрещеній и каръ. Въ первую минуту естественно было усомниться. Раздались голоса: не рано ли радоваться, надо вчитаться въ текстъ манифеста, надо подождать, что скажутъ не слова, а дѣйствія принявшаго новый курсъ правительства.

На вопросъ: какъ отнестись къ манифесту?—всѣ единодушно рѣшили настойчиво требовать въ первомъ же номерѣ газетъ амнистіи для пострадавшихъ во имя идей, ставшихъ основой государственнаго строя. Дѣйствительно, манифестъ съ логической неизбежностью навелъ мысль на амнистію. Болѣе чѣмъ странно оставлять въ тюрьмахъ, послѣ признанія религіозной и гражданской свободы и послѣ дарованія населенію права участія въ законодательной власти, тѣхъ, чьи поступки и дѣйствія манифестъ обратилъ изъ политическихъ преступленій въ политическій долгъ—поскольку всякое публичное право составляетъ обязанность. Столь же единодушно представители печати рѣшили принять всѣ мѣры къ тому, чтобы наборщики прекратили забастовку, и чтобы на утро газеты могли выйти.

Ночью главныя улицы Петербурга представляли необычное зрѣлище. На полуосвѣщенномъ Невскомъ проспектѣ, съ фонарями, горящими черезъ одинъ, черезъ два или черезъ пять, то тамъ, то тутъ попадались кучки людей, тѣснымъ кольцомъ охватившихъ читающаго рукопись или печатный оттискъ. Проходили небольшія группы манифестантовъ. Раздавалось „ура“. Вмѣстѣ со студентами и рабочими внимательно слушали чтеніе солдаты и городовые. Извозчики спрашивали: „что случилось?“—и когда имъ отвѣчали: „объявлена конституція“, то оказывалось, что этотъ запретный еще наканунѣ терминъ для нихъ не требуетъ поясненія.

Убѣдить наборщиковъ немедленно приступить къ работѣ издателямъ, редакторамъ и сотрудникамъ газетъ не удалось. Наборщики твердо стояли на томъ, что безъ дозволенія стачечнаго комитета они начать работу не могутъ. Представители же комитета категорично заявили, что они должны предварительно обсудить создавшееся положеніе. Газеты 18-го октября не вышли.

Несмотря на это, къ полудню уже весь городъ зналъ о манифестѣ, который съ ранняго утра былъ расклеенъ на углахъ улицъ. Дома украсились флагами. Двери университета вновь раскрылись, и тысячи людей заполнили актовъ залъ и аудиторіи. Прерванные на два дня митинги возобновились. Въ четыре часа вся площадь передъ Казанскимъ соборомъ была сплошь устлана народомъ. Глазу, привыкшему видѣть, что едва появится на улицѣ два-три десятка людей съ крас-

нымъ флагомъ,—на нихъ въ ту же минуту бросается пѣшая и конная полиція, было дико смотрѣть на сотни не флаговъ, а знаменъ ярко-краснаго цвѣта съ „преступными“ надписями. Сознаніе отказывалось вѣрить въ реальность картины, которая наканунѣ была абсолютно невозможна. Не вѣрилось, видимо, и самимъ демонстрантамъ. Чувствовалось, что они пришли, принесли такую массу флаговъ и говорить рѣчи именно для того, чтобы убѣдиться въ своемъ правѣ собираться и открыто обнаруживать свои политическія симпатіи и убѣжденія. Такъ выпущенный изъ тюрьмы не вѣритъ своей свободѣ и ходитъ безъ цѣли, безъ надобности, дабы испытать и убѣдиться, что онъ дѣйствительно свободенъ. Мысль и слова русскаго обывателя и его влеченіе къ общенію съ себѣ подобными вѣка томились за тюремной стѣной. Наконецъ-то стѣна рухнула. Наконецъ-то разсѣялся миражъ, изъ-за котораго людей давили и мучили...

На Невскомъ войска отсутствовали, полиція не вмѣшивалась, и грандіозная первая манифестація прошла безъ жертвъ. Но на Гороховой, Загородномъ и въ другихъ мѣстахъ попрежнему били, рубили и стрѣляли. Опять была кровь. Опять были раненые, убитые...

Въ Москвѣ всеобщая забастовка немедленно по опубликованіи манифеста стала прекращаться. Въ Петербургѣ же она продолжалась до 24 октября. Такъ же точно и повсемѣстная забастовка желѣзныхъ дорогъ еще затянулась на нѣсколько дней.

Забастовка, подобная той, которую мы пережили, представляетъ собою несомнѣнно явленіе новое не только для Россіи, но и для Европы. Никакихъ экономическихъ требованій забастовавшіе рабочіе не предъявляли—это первая ея характерная черта. Она охватила всѣ отрасли промышленности, значительную часть формъ приложенія интеллигентнаго труда и стала даже захватывать нѣкоторыя области правительственной дѣятельности—это вторая черта, не менѣе характерная. Не преслѣдуя никакихъ непосредственныхъ цѣлей и исключительно въ интересахъ отдаленнаго будущаго, тысячи людей обрекали себя и свои семьи на голодъ и дѣйствительно голодали. Вмѣстѣ съ рабочими фабрикъ и заводовъ бастовали ремесленники, газеты, аптеки, желѣзнодорожные служащіе, адвокаты, мировые судьи, чиновники государственнаго банка, педагоги и гимназисты, и, какъ говорили, цѣлые департаменты. Почтовые сношенія прекратились, товарный обмѣнъ и личное передвиженіе—также, электричество не дѣйствовало, учащіеся не ходили въ школу и т. д., и т. д. Казалось, что вотъ-вотъ совершится невѣроятное: остановится общественная жизнь, люди лишатся взаимныхъ услугъ и окажутся всѣ въ положеніи

Робинзона. Невѣроятное, конечно, наступить не могло, но частичная остановка произошла, біеніе пульса общественной жизни замедлилось.

Еще характерная черта: забастовочные дни протекали совершенно мирно. Если и были эксцессы со стороны забастовщиковъ, то только въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Это дѣлаетъ честь организационной сторонѣ дѣла. Но относить мирное теченіе забастовки полностью на счетъ умѣлой и правильно поставленной организациі было бы ошибочно. Нервное настроеніе массъ не было лишено исхода—и въ этомъ главная причина. Исходъ давали безчисленныя засѣданія, собранія и митинги, привлекавшіе къ себѣ, въ значительной мѣрѣ ихъ новизною, сотни тысячъ людей. Въ одномъ университетѣ каждый день собиралось болѣе десяти тысячъ человѣкъ, и число приходившихъ все росло и росло. Головы людей были заняты, вниманіе приковано. Идти на митингъ—было дѣломъ, заполнявшимъ пустоту свободного времени. И какихъ только не было митинговъ! Въ одинъ и тотъ же вечеръ, помнимъ, въ университетѣ происходили собранія: общедоступное социаль-демократическое, желѣзнодорожныхъ служащихъ, часовщиковъ, чиновниковъ, зубныхъ врачей, педагоговъ, воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, предполагалось даже собраніе городскихъ... Опасеніе вызывало неудержимое стремленіе къ собраніямъ и митингамъ. Страшила возможность случайной вспышки инстинктовъ толпы, всегда сопровождаемой паникой и катастрофой.

Какъ назвать забастовочные дни? Чтò это было: преддверіе революціи или революція въ настоящемъ? По нашему мнѣнію, революція въ полномъ смыслѣ слова. Она не готовилась только, а была.

Идейная революція существуетъ въ Россіи уже цѣлый годъ. Ея показатель—безудержность развитія общественной мысли и безраздѣльное господство яркихъ идей. Сегодня впервые высказанная, та или другая яркая идея завтра дѣлается общимъ достояніемъ и требованіемъ, а еще черезъ два-три дня она уже трактуется какъ нѣчто абсолютно вѣрное, легко и просто осуществимое и необходимое. Такъ было съ теоріей всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, съ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ, съ политической равноправностью женщинъ, съ переходомъ отъ автономіи окраинъ къ автономіи провинціальной вообще и еще далѣе—къ федеративному расчлененію всего государства. Такъ происходитъ въ нынѣшнюю минуту съ идеей образованія народной милиціи, при условіи немедленнаго упраздненія полиціи, увода войскъ изъ большихъ городовъ и раздачи оружія населенію. Какъ можно влить идеалъ въ данныя условія времени и пространства, насколько возможно сочетать предлагаемое съ остающимся сейчасъ безъ измѣненія, насколько фактический результатъ можетъ оказаться обратнымъ ожидаемому—все это

объявляется подробностью, мелочью, на всестороннюю оцѣнку которой не стоитъ тратить ни труда, ни времени.

При такомъ настроеніи общественной мысли, съ одной стороны, и при стремленіи органовъ власти сохранить изжитое старое во что бы то ни стало, то неумѣло прикрывавшемся готовностью идти на уступки, то обнаруживавшемся во всей наготѣ прежнихъ приѣмовъ—съ другой, естественно было задумываться надъ вопросомъ: въ какихъ формахъ революціонная мысль проявить себя въ дѣйствіи? Невольно приходило въ голову, что повтореніе событій конца XVIII и первой половины IX вв. немыслимо. Тогда оружіе было технически просто и несовершенно. Тогда десять гражданъ съ ружьями представляли силу, равную если не десяти, то ужъ навѣрное пяти солдатъ. Тогда въ распоряженіи правительства были только тысячи штыковъ. Теперь—ихъ милліоны. Теперь сто солдатъ сильнѣе многихъ тысячъ гражданъ, хотя бы вооруженныхъ. Теперь мало взять въ руки ружье—надо учиться имъ дѣйствовать. Теперь никакія баррикады не укроютъ отъ пулемета и шрапнели. Теперь безразсудно вступать въ бой съ войсками. Техника, правда, дала въ руки революціонному движенію иное разрушительное средство—бомбы, террористическая сила которыхъ несомнѣнно громадна. Но мысль не допускала, что бросать бомбы станетъ масса, толпа, всегда ищущая открытыхъ способовъ дѣйствія. Бомба, бросаемаемая незамѣтно, въ опредѣленное лицо, есть средство убійства, въ этическомъ смыслѣ понятія, а не вооруженной борьбы, при которой убійство, составляя неизбѣжный, но нежелательный и печальный результатъ, никогда не является цѣлью.

Баррикады, ружья и бомбы замѣнила политическая забастовка. Ея внѣшняя пассивность отняла отъ правительства возможность активнаго противодѣйствія и вырвала у него изъ подъ ногъ почву, на которой оно стояло незыблемо твердо. Противъ ружей оно поставило бы тоже ружья, неизмѣримо сильнѣйшія. Противъ бомбъ—висѣлицу и тюрьму. Но противъ отказа работать поставить нечего. Нельзя усмирять того, кто не нарушаетъ порядка. Отсутствіе актовъ физическаго насилія—вотъ въ чемъ могущество впервые нами пережитой формы революціи. Союзникомъ власти при ней является голодъ. Но ждать, когда въ человѣкѣ заговоритъ голодный звѣрь—какая власть на это рѣшится?

Нельзя во время революціи писать ея исторію. Представляли ли собою октябрьскіе дни общей политической забастовки послѣдній фазисъ движенія, перешедшаго въ дѣйствіе, или только первый—вопросъ открытый. Равнымъ образомъ, лишь въ будущемъ возможно всестороннее освѣщеніе значенія этой новой революціонной формы. Пока

что, можно констатировать одно: при известномъ настроеніи общества, забастовка является могущественнымъ орудіемъ воздѣйствія на правительство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно догадываться, что она есть орудіе обоюдоострое и заключаетъ въ себѣ элементы, для самого общественнаго движенія чрезвычайно опасные.

На кого падаетъ расплата за забастовку? Прежде всего, конечно, на самихъ бастующихъ рабочихъ—людей дневного заработка. Сбереженій и запасовъ они не имѣютъ, а ѣсть, кормить семью и платить за квартиру надо. Нужда для нихъ наступаетъ непосредственно, они неизбѣжно входятъ въ долги и продаютъ скромный инвентарь—одежду, инструменты и проч., надолго разстраивая тѣмъ свое экономическое положеніе. Люди эти, однако, отказываются работать сознательно, цѣль приносимой жертвы имъ понятна, они совершаютъ подвигъ, и психическій подъемъ духа даетъ имъ силы переносить лишения. Затѣмъ, непосредственно же расплачиваются за забастовку хозяева предпріятій и другіе состоятельные классы забастовавшихъ центровъ. Первые терпятъ убытки. Вторые испытываютъ разнообразныя неудобства въ удовлетвореніи потребностей. Но ни тѣ, ни другіе, въ общемъ правилѣ, до полнаго разоренія не доходятъ. Къ тому же, эти классы населенія, опять-таки въ общемъ правилѣ, не стоятъ въ сторонѣ отъ движенія, а тѣ, кто принципиально его отрицаютъ, вообще мало склонны къ бурному выраженію протеста.

Остаются—въ городахъ—чернорабочіе и, наконецъ, деревенскія массы. Изъ чернорабочихъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, каменщики, мостовщики, разгрузчики барокъ, дворники и т. п. работъ не прерывали. Забастовка, слѣдовательно, коснулась ихъ не какъ людей труда, а какъ обывателей города. Но другія категоріи чернорабочихъ—лозовые извозчики и вообще всѣ, обслуживающіе своимъ трудомъ желѣзнодорожныя станціи, пригонъ и убой скота, и т. д., и т. д.,—оказались помимо воли безъ работы. Забастовка естественно должна была вызывать въ нихъ чувство озлобленія противъ прямыхъ виновниковъ искусственной безработицы. Идеиная сторона политической забастовки имъ мало понятна. По своему культурному уровню они не могутъ отличать слѣдствія отъ причины и всегда готовы реагировать на видимое и реально ошутимое слѣдствіе.

Культурный уровень крестьянъ еще ниже. Деревня живетъ исключительно сегодняшнимъ днемъ. Жертвовать полуголоднымъ „сегодня“ во имя лучшаго „завтра“ крестьянство абсолютно не можетъ. Оно болѣзненно ждет и желаетъ скорѣйшаго наступленія этого „завтра“, но жертвовать рѣшительно ничѣмъ не въ состояніи. Крестьянству нечѣмъ жертвовать. А между тѣмъ расплачиваться за забастовку пришлось и ему, и расплачиваться жестоко, какъ разъ въ тотъ мо-

ментъ, когда деревня особенно нуждается въ приливѣ денегъ. Осень— и именно октябрь—время взноса платежей, призыва новобранцевъ и свадебъ. Въ октябрѣ деревня везетъ въ городъ хлѣбъ, ленъ, сѣно, картофель—продукты годового труда. Продать необходимо во что бы то ни стало—гулянье призывныхъ и свадебныхъ угощенія, въ глазахъ крестьянъ, обычаи ненарушимые и расходы на нихъ безотлагательны. Цѣна же вдругъ упала. Товарный обмѣнъ остановился и стоимѣе недѣлю назадъ рубль отдается за четвертакъ.

А въ мѣстностяхъ, охваченныхъ неурожаемъ? Тамъ какъ разъ наоборотъ, но опять-таки за счетъ мужика. Въ дни желѣзнодорожной забастовки онъ продавалъ во много разъ дешевле, покупалъ— во много разъ дороже. Было бы странно, если бы въ его головѣ не всталъ роковой вопросъ: изъ-за кого онъ не дополучилъ и изъ-за кого переплатилъ, кто взялъ у него, полуголоднаго, рубль? И нельзя надѣяться, чтобы онъ для отвѣта раскрылъ внутреннюю причину явленія и обнаружилъ реакцію на нее, а не на самое явленіе въ его фактическомъ выраженіи... Движеніе уже и раньше тяжело было переносить крестьянству: за послѣдній годъ сократился итогъ заработка городскихъ рабочихъ, которыхъ крестьяне ни на минуту не перестаютъ считать ушедшими изъ деревни на время, дабы поддерживать „домъ“.

Мы отъ всей души желали бы ошибаться. Но опасенія, что октябрьская забастовка создала, частью въ городахъ, главнымъ же образомъ въ деревнѣ, условия, при которыхъ можетъ замедлиться конечное торжество свободы, права и мирнаго труда,—насъ неотступно преслѣдуютъ.

„Черная сотня“ поднялась. На югѣ еврейскіе погромы, въ Твери черпъ въ теченіе четырехъ часовъ осаждала земскую управу, подожгла зданіе и избила служащихъ, въ Томскѣ сотни людей погибли въ огнѣ, въ Москвѣ, въ Уфѣ, въ Харьковѣ, въ Минскѣ бьютъ, убиваютъ, топятъ въ водѣ. Въ саратовской губ. опять громятъ помѣщичьи усадьбы...

Что это? Неужели начало ужасовъ пугачевщины? Газеты настойчиво утверждаютъ, что всѣ погромы и возмутительныя насилія—дѣло рукъ черныхъ сотенъ, организованныхъ и поддерживаемыхъ администраціей. Факты, только теперь получившіе возможность быть оглашенными, дѣйствительно показываютъ, что были и циркуляры центральной власти, призывавшіе укрѣплять въ народѣ вѣрность старому режиму, что были и поученія съ церковныхъ кафедръ, что низшіе агенты полиціи не гнушаются раздавать полтинники, что при возстановленіи порядка усмирители иной разъ переходятъ въ враждующую сторону. Противъ фактовъ не споримъ. Допускаемъ даже, что вездѣ

успѣхъ образованія и дѣйствій черныхъ сотенъ обезпечивается полиціей. Остается, все-таки, сомнѣніе: вслѣдствіе чего черныя сотни появились, нѣтъ ли болѣе глубокой причины? Мы скажемъ: дай Богъ, чтобы вся насильственная реакція противъ освободительнаго движенія была дѣломъ рукъ полиціи. Мѣстная администрація и полиція, во всякомъ случаѣ, подлежатъ воздѣйствію. Снѣнилось министерство, въ управленіе вступаютъ лица, которыя поставятъ на своемъ знамени: „гражданская свобода и правовой порядокъ“—и нѣсколько энергичныхъ мѣръ—увольненій, преданія суду—быстро измѣнятъ направленіе полицейской дѣятельности. Хорошо, если діагнозъ—по существу возмутительный и безобразный—поставленъ печатью вѣрно...

Какъ уличные демонстранты испытывали, видимо, 18-го октября свое право собираться на площадяхъ съ красными знаменами, такъ и газеты, появившіяся впервые послѣ перерыва 22 октября, испытывали свободу печати. Столбцы, особенно въ первый день, пестрѣли словами, встрѣтить которыя раньше можно было только въ подпольныхъ прокламаціяхъ: „комитетъ социальнo-демократической рабочей партіи“, „соціаль-революціонеры“, „стачечный комитетъ“, „революція“, „демократическая республика“ и т. п. Чуть не цѣлыя страницы заполняли собою резолюціи и программы, одно упоминаніе о которыхъ неизбѣжно повлекло бы, по прежнимъ правиламъ, арестъ нумера. Газеты, отвергающія принципы социализма, печатали воззванія и обращенія социаль-демократовъ и ихъ пѣсни.

Отмѣчаемое характерно, какъ фактъ, и несомнѣнно стоитъ въ прямой связи съ суровыми запретами, тяготѣвшими до послѣдней минуты надъ печатнымъ словомъ. Съ другой стороны, оно отражаетъ также основной лозунгъ отношенія русскаго общества къ правительству и къ правительственной дѣятельности, воспитаннаго политикою устраненія населенія отъ участія въ направленіи хода государственной жизни. Но заключать отсюда, что вся русская самостоятельная печать сплошь таила до сихъ поръ революціонные въ социальномъ смыслѣ идеалы—было бы, само собою разумѣется, ошибочно. Уже появились объявленія о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ социаль-демократическихъ органовъ. Недалеко время, когда между самостоятельными газетами произойдетъ нормальное размежеваніе.

Пока это время еще не наступило. Во-первыхъ, съ 17-го октября не прошло и двухъ недѣль. Во-вторыхъ, положеніе печати остается неопредѣленнымъ и будетъ такимъ до формальной отмены цензурнаго устава и замѣны его другимъ кодексомъ. Въ-третьихъ, нѣтъ увѣренности въ прочности дарованныхъ правъ. Конфискація одного нумера

„Русской Газеты“ и распоряженіе варшавскаго генералъ-губернатора, чтобы всѣ газеты края выходили по прежнему порядку, не могли не произвести впечатлѣнія. Общество вообще и печать въ частности слишкомъ извѣрились и потому не торопятся сойти съ боевой позиціи.

Размежеваніе должно произойти на положительныхъ идеалахъ—политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ, изъ которыхъ яркое выраженіе имѣли до настоящаго времени одни крайніе, поскольку они служили наиболѣе рѣзкимъ отрицаніемъ существующаго—мы хотѣли бы сказать—существовавшаго. Теперь передъ обществомъ встала задача созидательной работы. Обыватель, лишенный правъ, былъ свободенъ отъ обязанности участвовать въ творческой работѣ государственной жизни. Полноправный гражданинъ, вмѣстѣ съ правами, принялъ на себя эту колоссальную обязанность и отнынѣ сталъ отвѣтственнымъ за судьбы родины. Какъ ни какъ, 17-го октября произошелъ историческій переломъ. Режимъ, который довелъ психику мыслящей части общества до послѣдней степени напряженія, а благосостояніе страны до разоренія и нищеты, созналъ свое безсиліе. Справиться съ кризисомъ онъ предоставилъ самому населенію, которое для этого снабдилъ правами гражданской свободы и прямого активнаго участія въ главномъ регуляторѣ жизни государства—въ законодательствѣ. Общество показало себя, въ низверженіи режима, сильнымъ, окрѣпшимъ борцомъ. Готово ли оно для творческой дѣятельности?

Мы думаемъ—да.

30-го сентября исполнилось сорокалѣтіе судебной дѣятельности Анатолія Федоровича Кони. Имя знаменитаго оратора пользуется такой широкой популярностью, что при другихъ обстоятельствахъ его юбилей навѣрное надолго приковалъ бы къ себѣ общественное вниманіе. Но онъ совпалъ съ такимъ моментомъ, когда невозможны никакія чествованія, когда все, имѣющее личный характеръ, не можетъ на себѣ останавливаться. Поэтому только памятный день прошелъ мало замѣтно и былъ отмѣченъ привѣтствіями однихъ наиболѣе близкихъ А. О. лицъ и учреждений.

А. О. прошелъ всѣ ступени судебной іерархіи. Его служба была сплошнымъ, въ теченіе сорока лѣтъ, служеніемъ праву, правдѣ и милости. Объ этомъ блестяще свидѣлствуетъ каждая страница его „Судебныхъ рѣчей“, вышедшихъ нынѣ четвертымъ изданіемъ. И въ роли прокурора-обвинителя, и какъ напущенный присяжныхъ предсѣдатель суда, и какъ кассаторъ, А. О. ни на минуту не переставалъ быть человекомъ. Въ его лицѣ живой человекъ судилъ живыхъ людей. Онъ подводилъ конкретные факты и дѣйствія подъ бездушныя формулы закона—въ этомъ была его задача, но подводилъ не

механически, а раскрывая внутренній смыслъ данной нарушенной правовой нормы и пытаюсь всякій разъ разгадать роковую загадку человеческой жизни — субъективную сторону преступнаго дѣянія. Эти же черты вдумчивости, мягкости и гуманности — составляютъ основной тонъ профессорскихъ лекцій Анатолія Ѳедоровича и его научныхъ докладовъ по вопросамъ уголовного права и процесса.

Названная книга раскрыла завѣсу, которая непроницаемо закрывала одну изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ нашего прошлаго, всего полгода назадъ бывшаго настоящимъ — религіозныя преслѣдованія. А. Ѳ. впервые напечаталъ рядъ своихъ докладовъ въ сенатѣ по сектантскимъ и раскольничьимъ дѣламъ, а въ предисловіи изложилъ исторію возникновенія и теченія этихъ дѣлъ. Будущій изслѣдователь увидитъ, какого убѣжденнаго идейнаго противника встрѣчала въ А. Ѳ. Кони политика подавленія свободы духа и совѣсти, какъ трудно было А. Ѳ. бороться, какъ онъ былъ одинокъ и какъ страдалъ...

На страницахъ нашего журнала нѣтъ надобности говорить объ А. Ѳ. Кони, какъ писателѣ-критикѣ и публицистѣ. Его обширная эрудиція, выточенная фраза, художественная образность изложенія, тонкость психологическаго анализа, его благодарная память о почившихъ свѣтлыхъ дѣятеляхъ — читателямъ извѣстны не менѣе, чѣмъ намъ. Мы кончимъ горячимъ пожеланіемъ силъ и здоровья Анатолію Ѳедоровичу. Въ раскрывающуюся свѣтлую эпоху обновленія и созиданія правового строя такіе люди необходимы, какъ никогда. А много ли ихъ?..

Смерть Михаила Ивановича Драгомирова, скончавшагося 15-го октября, не была неожиданностью. Въ теченіе всего лѣта изъ Конопта приходили вѣсти объ угасаніи покойнаго. Не разъ сообщалось о начавшейся агоніи. Но крѣпкій организмъ долго не поддавался разрушительному дѣйствію болѣзни. Проходили острые приступы, и М. И. возвращался къ жизни. Голова становилась свѣжей, онъ продолжалъ мыслить и диктовалъ свои обычныя замѣтки для „Развѣдчика“.

Драгомировъ былъ, несомнѣнно, крупной умственной силой. Богато одаренный отъ природы, онъ имѣлъ широкое разностороннее образованіе, слѣдилъ до послѣднихъ дней за наукой и литературой, а въ области своей специальности — въ военномъ дѣлѣ — еще въ шестидесятихъ годахъ явился новаторомъ. Уже тогда, начиная профессорскую дѣятельность, онъ выставилъ рядъ положеній, формулировавшихъ новыя начала воинской дисциплины и воспитанія солдата, какъ необходимое слѣдствіе измѣнившихся техническихъ условій боя, съ одной стороны, и измѣнившагося строя государственной и общественной жизни — съ другой.

„Въ бою, какъ и во всякой другой дѣятельности, человекъ дѣлаетъ собственно всегда одно и то же: приводитъ въ исполненіе свои умозаключенія“. Отсюда М. И. приходилъ къ рѣзкому отрицанію солдата-автомата и всего того, что подавляетъ его сознательную активность. А отсюда, въ свою очередь, — къ строгой законности отношеній между начальниками и подчиненными. Произволъ, говорилъ онъ, имѣетъ одинъ результатъ: развитіе въ подчиненномъ боязни и страха. „А что въ военномъ можетъ быть презрительнѣе страха, который парализуетъ и умъ, и волю“? „Солдатъ долженъ быть веденъ такъ, чтобы чувство страха возникало въ его душѣ возможно рѣже, ибо кто приученъ бояться своего, тотъ уже тѣмъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ приученъ бояться и непріятеля“.

Для современнаго теоретика военнаго дѣла приведенныя положенія—аксіомы, но въ практику жизни онѣ не вошли и до сихъ поръ. А въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ ихъ принимали какъ парадоксъ, основанный на полномъ незнаніи и непониманіи обстановки и условій строевой службы. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что самъ Драгомировъ въ роли активнаго администратора далеко не всегда былъ строгимъ послѣдователемъ имъ же столь ярко опредѣленныхъ принциповъ.

Извѣстенъ его приказъ по войскамъ кievскаго военнаго округа, начинавшійся словами: „въ нѣкоторыхъ частяхъ дерутся“—и напавшій офицерамъ, что кулачная расправа есть преступное дѣяніе. Извѣстенъ другой его приказъ, сурово осуждавшій возложеніе на солдатъ обязанностей палачей при экзекуціяхъ. Извѣстно также его отрицательное отношеніе къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ арміи. Но рядъ другихъ приказовъ и распоряженій Драгомирова вызывалъ полное недоумѣніе ихъ явной произвольностью. Требуя законности въ дѣйствіяхъ другихъ, М. И. себя нерѣдко ставилъ внѣ закона.

Съ 1878 по 1889 гг. покойный былъ начальникомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Его назначеніе на этотъ постъ послѣ того, какъ онъ въ теченіе пяти лѣтъ командовалъ дивизіей, которую подготавливалъ къ войнѣ и съ которой переправлялся черезъ Дунай и потомъ оборонялъ Шипку, давало надежду, что академическое преподаваніе поднимется на должную научную высоту. Этого, однако, не случилось. Драгомировъ не въ силахъ оказался побороть общее реакціонное направленіе, съ исключительной рѣшительностью отразившееся, послѣ замѣны гр. Д. А. Милютина П. С. Ванновскимъ, на военно-учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ кадетскихъ корпусовъ и кончая академіями. Наука при немъ постепенно смѣнялась практическими занятіями—задачами, черченіемъ и верховой ѣздой. Главнымъ

предметомъ заботъ постепенно же дѣлалась внѣшняя выправка офицеровъ. Мелочная придирчивость къ длиннымъ волосамъ и штрипкамъ заставляла забывать о наукѣ. Лично въ Драгомировѣ и въ это время ученый не умиралъ. Онъ только не проявлялся въ Драгомировѣ-администраторѣ, который шелъ по теченію.

Въ 1898 г. М. И. былъ назначенъ кievскимъ генераль-губернаторомъ. Его дѣятельность въ этой должности оставила по себѣ самую лучшую память. По его инициативѣ былъ возбужденъ вопросъ о введеніи земства въ юго-западномъ краѣ. Онъ потребовалъ введенія земства выборнаго, и когда на мѣстѣ „земства“ въ проектѣ Д. С. Сипягина оказалось „земское управленіе“ съ гласными по назначенію, Драгомировъ одинъ громко поднялъ голосъ противъ проекта. Онъ энергично настаивалъ, что „земское управленіе“ не „земство“, и разсѣивалъ фантастическую опасность предоставленія полякамъ права выборовъ.

Послѣдняя японская война застала М. И. уже на покоѣ. Но его нѣсколько разъ вызывали въ Петербургъ въ тяжелыя минуты. Потомъ изъ устъ въ уста переходили его остроумныя и злыя словечки о совершающемся и о лицахъ, руководившихъ войною. Словечки не оставляли сомнѣнія въ томъ, что Драгомировъ не надѣялся на успѣхъ.

Миръ праху покойнаго!

Крупный онъ былъ русскій человѣкъ. Именно—русскій, и въ этомъ, пожалуй, разгадка его противорѣчій.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Общества вспомошествованія студентамъ имп. университета св. Владиміра.

Общество вспомошествованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежных средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполне матеріально обеспеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполне увѣрена, что должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*олашенію въ печати соответствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомошествованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

II.—Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Мала-ревскаго и Е. П. Радина.

Учрежденіе имѣетъ цѣлю практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность учрежденія направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

Въ основѣ практической дѣятельности учрежденія положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, лечение, примѣненіе специальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соотвѣтствуютъ потребностямъ каждаго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ — для развитія интеллектуальныхъ силъ и сообщенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ) къ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами — для дѣтей, одаренныхъ частичными способностями; 4) лѣтомъ — занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству; 5) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей; 6) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; гимнастика.

Согласно съ своей задачей, учрежденіе организуетъ амбулаторный пріемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими.

Дѣти, поступающія въ учрежденіе, подраздѣляются — въ зависимости отъ индивидуальности и пола — на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ.

*С.-Петербургъ, Вас. Остр., 12 линія, д. 19; четвергъ и воскресенье
11—12 дня и 6—7 веч.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ИЗДАНИЯ

ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ
ТИПОГРАФІИ Ж. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В.-О., 5 лин., д. № 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на комиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателями, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку.

Ноябрь, 1905 г.

АБАЗА, К. К. Завоеваніе Туркестана. Съ рисунками, картами и планомъ текинской крѣпости Деонгиль-Тепе. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

АННЕНКОВЪ, К. Н. Система русскаго гражданскаго права. Т. I: Введеніе и общая часть. 2-е изданіе. Спб. Ц. 4 р. Т. II: Права пещинны. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 4 р. Т. III: Права обязательственныя. 2-е изд. Спб. 1901. Ц. 3 р. Т. IV: Отдѣльныя обязательства. Спб. 1904 г. Ц. 4 р. Т. V: Права семейныя и опека. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. Т. VI: Право наследованія. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. Т. IV. Рѣшеніе и способы его обжалованія. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р. 50 к. Т. VI. Мировой уставъ и третейскій судъ. Спб. Ц. 2 р.

Задачи губернскаго земства. Спб. Ц. 75 к.

АРТАМОНОВЪ, Л. К. Повореніе туркменъ-текинцевъ русскими войсками подъ начальствомъ генерала Скобелева. Въ 1880—81 гг. Съ портретомъ Скобелева и рисунками. Спб. Ц. 30 к.

БѢЛИНСКІЙ, В. Г. Седьмой томъ Полнаго Собранія сочиненій, въ 12-ти томахъ, изданіе С. А. Венгерова. Съ выходомъ VII тома подписка на все изданіе прекращена. Каждый изъ вышедшихъ томовъ продается отдѣльно по 1 р. 25 к. За справками по изданію остальныхъ томовъ слѣдуетъ обращаться лично къ издателю по адресу: г. С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 39. Семену Аванасьевичу Венгеру.

ВЕБЕРЪ, ГЕОРГЪ. Всеобщая исторія. Въ 15-ти томахъ, 16-ти книгахъ. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Перевелъ Андреевъ. Москва. Цѣна книгъ въ переплетѣ 100 р.

ГРАДОВСКІЙ, А. Д., проф. Собраніе сочиненій въ 9-ти томахъ. При девятомъ томѣ помѣщенъ біографическій очеркъ съ портретомъ автора. Цѣна полнаго собранія—20 рублей. Пересылка по почтовой стоимости взимается наложеніемъ платежа, при высылкѣ всего изданія или отдѣльныхъ томовъ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ: т. I-го—2 р. 50 к.; т. II-го—3 р.; т. III-го—3 р.; т. IV-го—4 р.; т. V-го—3 р.; т. VI-го—3 р.; т. VII, ч. I—2 р.; т. VIII, ч. I—3 р.; т. IX, ч. III—4 р.

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ. Книга пятая. Обязательства. Проектъ Высочайше учрежденной Редакціонной Комиссіи по составленію Гражданскаго Уложенія. Въ пяти томахъ. Съ

Вѣстникъ Европы.—1905.

А

объясненіями. Слб. Т. I: ст. 1—276; т. II: ст. 277—504; т. III: ст. 506—718; т. IV: ст. 719—936; т. V: ст. 937—1106. Слб. 1900 г. Цѣна всѣхъ пяти томовъ—5 руб. Проектъ безъ объясненій. Слб. Цѣна 1 р.

ДЕРЮЖИНСКІЙ, В. Ѳ., проф. Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Слб. 1903 г. Ц. 3 р.

Набеас Corporis. Актъ и его вріюстановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія. Юрьевъ. Ц. 2 р. 50 к.

ДРЕПЭРЪ, Джонъ-Вилльямъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Пыпина. Два тома. Изданіе пятое. Слб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 р.

ЖЕМЧУЖНИКОВЪ, А. М. Пѣсни старости. Изд. 2-е. Слб. 1900 г. Ц. 1 р.; въ изданіи переплетъ 1 р. 75 к. Стихотворенія. 2 тома. Изд. 3-е. Съ портретомъ и автобиографическимъ очеркомъ. Слб. 1901 г. Ц. 3 р., въ изданіи перепл. 3 р. 75 к.

ЖИРКЕВИЧЪ, А. В. Разсказы (1892—1899 гг.). Наказъ. Случай. Около великаго. Розги. У стѣнь тюрьмы. Сподобилась В госпиталѣ. Слб. 1900 г. Ц. 2 р.

„Друзьямъ“. Сборникъ стихотвореній. Ч. I и II. Слб. Цѣна каждой части 1 р.; за обѣ части 1 р. 40 к.

ЗОТОВЪ, А. Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Слб. 1902 г. Цѣна 2 р. 50 к.

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Средніе вѣка. Переходное время (IX—XV столѣтія). Составлено по Demogeot, Aubertin'y, Gidel'ю, Littré, Lenient и другимъ. Слб. Ц. 1 р. 50 к.

КАРЕНИНЪ, ВЛАДИМИРЪ. Жоржъ-Сандъ. Ея жизнь и произведенія (1804—1838). Т. I. Слб. Ц. 3 р. 50 к.

КАРѢВЪ, Н. И., проф. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изд. 4-е. Слб. 1903 г. Ц. 1 р. 30 к.

Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изданіе 4-е, въ перепл. Слб. 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.

Учебная книга древней исторіи. Изд. 4-е, въ перепл. Слб. 1905 г. Ц. 1 р. 35 к.

Философія культурной и социальной исторіи новаго времени (1800—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. (Основные понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII в.в.). Изд. 2. Слб. 1902. Ц. 60 к.

Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. (Романо-германскій міръ въ VI—XV вѣкахъ). Слб. Цѣна 35 коп.

Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Слб. 1900 г. Ц. 50 к.

Исторія Западной Европы въ новое время. Въ пяти томахъ. Цѣна 17 р. 50 к. Въ отдѣльной продажѣ: т. I—ц. 2 р.; т. II—ц. 3 р. 50 к.; т. III—ц. 3 р. 50 к.; т. IV—ц. 3 р. 50 к.; т. V—ц. 5 р.

Идеалы общаго образованія. Слб. 1901 г. Ц. 50 к.

Основные вопросы философіи исторіи. 3-е (сокращ.) изд. Слб. Ц. 2 р. 50 к.

Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Слб. Ц. 1 р.

Мысли о сущности общественной дѣятельности. 2-ое изд., дополненное. Слб. 1901 г. Цѣна 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Слб. Ц. 40 к.

Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. Ц. 2 р.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Варшава. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Отзывъ о сочиненіи проф. Корелина подъ заглавіемъ: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія“. Слб. Ц. 80 к.

Введеніе въ изученіе социологіи. Слб. Ц. 2 р.

Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Вып. I. Слб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Историческое міросозерцаніе Т. Н. Грановскаго. Изд. 3-е (съ портретомъ). Слб. 1905 г. Ц. 50 к.

Отзывъ о сочиненіи профессора Любвича подъ заглавіемъ: „Начало католической реакціи и упадокъ реформации въ Польшѣ“. Спб. Ц. 20 к.

Выборъ факультета. Руководство для учениковъ высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. 3-е (передѣланное) изданіе. Спб. 1905 г. Ц. 50 к.

Polonica. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ (1881 — 1905). Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. Продолженіе „Философіи культурной и социальной исторіи новаго времени“. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособие для средняго образованія. Съ историческими картами. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 80 к.

Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и социальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ двумя историческими картами. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Монархія древняго Востока и греко-римскаго міра. Съ картографической таблицей. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

КОТЛЯРЕВСКИЙ, Н. Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Второе исправленное изданіе. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

ЛЯЦКИЙ, ЕВГ. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Съ портретомъ-фототипіей и факсимиле И. А. Гончарова. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.

МАРКОВЪ, ЕВГЕНІЙ. Путешествіе по Святой землѣ. Иерусалимъ и Палестина, Самарія, Галилея и берега Малой Азіи. Спб. Ц. 2 р. 25 к.

Россія въ Средней Азіи. Очерки путешествія. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 р.

Учебные годы стараго барчука. (Разсказы изъ прошлаго). Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Путешествіе по Греціи. Путевые очерки. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Путешествіе по Сербіи и Черногоріи. Путевые очерки. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

НОВИКОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ. Записки земскаго начальника. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Записки о сельской школѣ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Сборникъ разсказовъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Пьесы: 1) „Трутни“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. 2) „Одна изъ многихъ“. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. 3) „Иностранецъ“. Сцена изъ китайской жизни. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Записки о городскомъ самоуправленіи. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Записки городского головы. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

ОРЖЕШКО, ЭД. Аргонавты. Повѣсть. Изданіе автора. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ПРУТКОВЪ, КОЗЬМА. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, facsimile и біографич. свѣдѣніями. Изд. 9-ое. Спб. Ц. въ пяти 2 руб.

ПЫШИНЪ, А. Н. Исторія русской литературы. Изданіе второе. Цѣна 4-хъ томовъ 10 руб. безъ пересылки.

Исторія русской этнографіи. 4 тома. Ц. 10 р.; каждый томъ отдѣльно 3 р.

М. Е. Салтыковъ. Идеализмъ Салтыкова. Журнальная дѣятельность 1863—1864. Библиографическая замѣтка. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Сводный старообрядческій синодикъ. Спб. Ц. 1 р.

Для любителей книжной старини. Москва. Ц. 1 р.

Изъ исторіи народной повѣсти. Спб. Ц. 75 к.

Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки. Изд. 3-е, съ дополненіями. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

Н. А. Некрасовъ. (Нѣсколько воспоминаній. Историко-литературныя справки. Письмо Некрасова къ И. С. Тургеневу, 1847—1861. Новѣйшая литература о Некрасовѣ). Съ тремя портретами. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

СЕРГѢЕНКО, П. Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. Москва. Цѣна 2 р. 50 к.

СТАСЮЛЕВИЧЪ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Историческій очеркъ. 2-ое изданіе. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Т. I. Періодъ первый: Отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго. 476—771 г. Изд. 3-е. Спб. Ц. 2 р.

ТОЛСТОЙ, гр. Л. Н. Полное собраніе сочиненій въ 14 томахъ. Цѣна 14 р. въ 14 переплетахъ цѣна 24 р. 50 к. Тоже, роскошное изданіе 1893 г., въ 14 большихъ томахъ, цѣна безъ перепл. 25 руб.
Подписка съ разсрочкой не принимается.

ТРАЧЕВСКІЙ, АЛЕКСАНДРЪ, проф. Учебникъ древней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 52 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Учебникъ средней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 111 рисунками. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Новая исторія. Т. I (1500—1750 гг.). Реформация и возрожденіе католицизма (1500—1600). Реакція и абсолютизмъ (1600—1750). 2-ое исправленное и дополненное изданіе. Спб. Ц. 3 р., въ изящномъ перепл. 3 р. 75 к.

Учебникъ Русской исторіи. Въ двухъ частяхъ. Ч. I. Древняя Россія. Съ 25-ю рис. Ч. II. Новая Россія. Съ 47-ю рис. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Главн. Управл. военно-учебн. завед. рекомендовано для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки кадетскихъ корпусовъ. Спб. Цѣна 2 р. 50 к. Въ изящномъ переплетѣ 3 р. 25 к. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.

УТИНЪ, ЕВГ. И. Письма изъ Болгаріи. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историч. очерки. Спб. Ц. 2 р.
Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки. Съ портретами автора. Въ 2 томахъ. Спб. Ц. 3 р.

ШЕПЕЛЕВИЧЪ, Л. Ю., проф. „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса. Опытъ литературной монографіи. Съ портретомъ Сервантеса. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.
Историко-литературные этюды. Серія I-я. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 70 к. Серія II-я. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 70 к.

ЩЕРБАТОВЪ, князь М. М. Исторія російская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. I—II. Изданіе кн. Б. С. Щербатова. Редакція И. П. Хрушова и А. Г. Воронова. Спб. 1901 г. Ц. 6 р. Т. III. 1902 г. Ц. 4 р. Т. IV, часть 1-я. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к. Т. IV, части 2-я и 3-я. Спб. 1903 г. Ц. 5 руб. Т. V, часть 1-я. Спб. 1903 г. Ц. 4 руб. Т. V, части 2-я, 3-я и 4-я. Спб. 1903 г. Ц. 5 р. Т. VI. Спб. 1904 г. Ц. 4 р. Т. VII, часть 1-я. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к. Т. VII, части 2-я, 3-я и 4-я (неоконченная). Спб. 1904 г. Ц. 4 р. Тамъ же продаются: Сочиненія князя М. М. Щербатова, въ двухъ томахъ. Томъ I: Политическія сочиненія. Подъ редакціей И. П. Хрушова. Съ портретами. Спб. Ц. 4 р. Томъ II: Статьи историко-политическія и философскія. Подъ редакціей И. П. Хрушова и А. Г. Воронова. Спб. Цѣна 4 руб.

ЯНЖУЛЬ, И. И. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Четвертое изданіе, измѣненное и дополненное. Спб. 1904 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Часы досуга. Очерки и картинки по экономическимъ, общественнымъ и литературнымъ вопросамъ. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, экономической политики и общественной жизни. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

ЯНЖУЛЬ, Е. А. Американская школа. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 2 р.

КНИЖНАГО СКЛАДА ТИПОГРАФІИ

М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на комиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателемъ, и высыластъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовымъ расходамъ на ея пересылку *).

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ.

Вагнеръ, К. Простая жизнь. Переводъ съ франц. С. Леонтьевой. Спб. 1 р.
Велосатовъ, И. М. Какова цѣнность научнаго знанія? Урокъ теоріи познания. Спб. 1906 г. Ц. 1 р. 7250

Красносельскій, А. Н. Мировоззрѣніе гуманиста нашего времени. Основныя ученія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1900 г. Ц. 60 к. 501

Крумахеръ, Ф. А. Притчи. Полное собраніе. Съ нѣм. переводъ В. Алексѣевъ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. Въ изыщномъ коленкоромъ переплетѣ 2 р. 75 к.

Ларъ, Луи (L. Liard). Французскіе университеты наканунѣ великой революціи. Переводъ, предисловіе и примѣчанія А. Т. Готлиба. Спб. 1905 г. Ц. 50 к.

Лосскій, Н. О. Основныя ученія психологівъ съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Менштровъ, М., священникъ. Единое на потребу. Бесѣды о небесномъ и земномъ. Спб. 1905 г. Ц. 40 к. 7269

Стасюлевичъ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

❧ Фишеръ, Куно. Введеніе въ исторію новой философіи. Въ двухъ выпускахъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія В. А. Попова. Вып. II. М. 1901 г. Ц. 70 к. 7276

Шопенгауеръ, Артуръ. Новыя афоризмы. О философіи и методѣ ея. Къ исторіи философіи. Къ логикѣ и диалектикѣ. Объ интеллектѣ. О вещи въ себѣ и явленіи. Къ философіи природы. Къ этикѣ. Къ теоріи права и политикѣ. О безсмертіи. Перевелъ съ нѣмецкаго Р. Кресинъ. Харьковъ. Ц. 1 р.

— Эристикъ или искусство спорить. Переводъ съ предисловіемъ кн. Д. Цертелева. Изд. 4-е. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Введенская, Е. В. Ради дѣтей. Разсказы. Спб. Ц. 1 р.

Весинъ, С. Бѣлое. Изъ русской жизни и литературы 40—60-хъ годовъ. Житомиръ. Ц. 1 р.

Виноградовъ, П. Г. Борьба за школу на Скандинавскомъ сѣверѣ. Публичная лекція, читанная въ Москвѣ 2-го ноября 1901 года, въ пользу „Московск. Педагогическаго О—ва“. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

Вѣстовой (И. С. П — въ). Струны сердца. Стихотворенія. Вся прибыль въ пользу больныхъ и раненныхъ воиновъ нашей доблестной арміи. Спб. 1905 г. Ц. 80 к.

Вяземскій, князь П. А. Полное собраніе сочиненій. Томы 4, 6, 8, 9, 10, 11 и 12-й, по 2 р. каждый.

❧ Гейне, Г. Книга пѣсенъ. (Избранныя стихотворенія). Въ переводѣ В. А. Попова. Москва. 1904 г. Ц. 30 к. 7276

*) Книжки, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны: ❧

Голенищевъ - Нутузовъ, гр. А. Стихотворенія. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Голыковъ, В. Г. Рассказы. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Гредескулъ, Н. А. На темы дня. Двѣ рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Харьковскаго Юридическаго Общества 19-го марта 1905 года. Харьков. 1905 г. Цѣна 40 коп. 6680

Гусляниъ, Л. Елисей Разбѣгаевъ. Романъ въ стихахъ. Спб. Ц. 1 р.

Дериюминскій, В. Ф. Общественное призрѣніе у крестьянъ. Изъ журнала „Трудовая помощь“. Іюнь, 1899 г. Спб. Цѣна 25 к. 6985

Жирновичъ, А. В. Рассказы (1892—1899 гг.). Наѣздъ. Случай. Около великаго. Розги. У стѣнъ тюрьмы. Сподобилась! Въ госпиталѣ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

„Друзьямъ“. Сборникъ стихотвореній. Ч. I и II. Спб. Цѣна каждой части 1 р.; за обѣ части 1 р. 40 к.

Лавриченко, К. Вѣра въ жизнь. Шестидесятие годы. Романъ въ двухъ частяхъ. Содержаніе: Письмо къ автору М. Салтыкова. Изъ письма къ автору И. Аксакова. Юбилей нашего рѣчаго слова. Общаніе К. Кавелина. Общаніе А. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Либровичъ, Сигизмундъ. Гроза гимназіи. Рассказы для юношества изъ школьной и не-школьной жизни. Изд. 2-е. Спб. Ц. 75 к.

Семнадцать дочерей. 17 рассказовъ для юныхъ читателей всѣхъ возрастовъ. Изд. 2-е. Съ рис. Спб. Ц. 60 к.

Хочу быть студентомъ! Рассказы. Спб. Ц. 15 к. 7230

Литературный сборникъ. Въ память женщины-врача Евгенія Павловны Серебренниковой. Съ портретомъ Е. П. Серебренниковой. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лохвицкая, М. А. (Жлберъ). Стихотворенія. Томъ IV. 1900—1902. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. Томъ V. 1902—1904. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 40 к.

Надинскій, А. (Воеводкинъ). Стихотворенія. Пермь. 1905 г. Ц. 85 к. 7282

Ницше, Фридрихъ. Такъ говорилъ Заратустра. Переводъ Ю. М. Антоновскаго. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оптимистъ (Чюмина). Въ ожиданіи. Фельетоны въ стихахъ. („Наша Жизнь“, „Сынъ Отечества“, „Новости“, „Театральная Россія“). Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Острогорскій, В. Первое знакомство съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Избранныя стихотворенія и отрывки изъ сказокъ, поэмъ, повѣстей и драмъ, съ біографіей, портретами и поясненіями и съ иллюстраціями. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи. Спб. Ц. 60 к.

Позинковъ, Н. И. Въ лучшіе годы. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р. въ перепл.

Рымчинскій, Н. Ф. Собраніе сочиненій. Томъ II. Стихотворенія разныхъ годовъ съ предисловіемъ: нѣсколько словъ о значеніи поэтическаго творчества вообще, о значеніи стихотворнаго творчества въ особенности, о значеніи книги и газеты. Варшава. 1905 г. Ц. 1 р. 7151

Сенюловъ, Н. М. Второй сборникъ стихотвореній. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7271

Танъ. Очерки и рассказы. Т. V, изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. Т. VI, изд. 2-е. Спб. Ц. 1 руб. 7075

Толстой, гр. А. Е. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Цѣна 7 р., въ роскошномъ переплетѣ—9 р. 25 к. Отдѣльно: Томъ I и II. Собраніе стихотвореній 3 р. Т. III. Драматическая трилогія 2 р. 50 к. Томъ IV. Князь Серебряный 1 р. 50 к. Переплетъ по 75 к.

Толстой, гр. Л. Н. Избранные отрывки изъ соч.: Дѣтство. Севастополь. Три смерти. Война и Миръ. Рассказы для дѣтей. Басня. Анна Каренина. Спб. Ц. въ перепл. 1 р.

Толстой, гр. Л. Н. Воскресеніе. Романъ. Съ портретомъ автора. Спб. 1905 г. Ц. 50 к. 7279

Шапиръ, Ольга. Не повѣрили. Повѣсть. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 6951

Шенченко, Т. Г. Кобзарь. Гайдамаки. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ. Къ малороссійскому тексту приложенъ перев. Н. В. Гербеда. Спб. Ц. 5 р. 50 к.

Шляпкинъ, И. А., проф. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Шницлеръ, Артуръ. Трилогія. I. Похруста жизни. Переводъ З. Венгеровой. II. Зеленый попугай. Переводъ З. Венгеровой. III. Парапелзій. Переводъ О. Н. Чюминой. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Юмаковъ, С. Н. Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты. — Реформа средней школы. — Системы и задачи высшаго образованія. — Гимназическіе учебники. — Вопросъ всенароднаго обученія. — Женщины и просвѣщеніе. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ, А. М. На востокъ. Очерки. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к. 7175

III. ИСТОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ — ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Анненковъ, П. В. Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ. 1849—1868 г. Т. II и III. Спб. Цѣна каждого тома 1 р. 50 к.

А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху 1799—1826 гг. Ц. 1 р. 75 к.

Буличъ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Т. II. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Венгерова, З. Литературныя характеристики. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Книга вторая. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7183

Погодинъ, А. Основной курсъ общаго языковеденія. Спб. Ц. 80 к.

Порфирьевъ, И. Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. Изд. 4-е (безъ перемѣнъ). Казань. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра Великаго. Изд. 7-е (съ 5-го безъ перемѣнъ). Казань. 1904 г. Ц. 2 р.

Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Отъ Петра Великаго до Екатерины II. Изд. 4-е. Казань. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. Отдѣлъ 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Изд. 3-е. Казань. 1898 г. Ц. 2 р. Отдѣлъ 3. Литература въ царствованіе Александра I. Изд. 3-е (безъ перемѣнъ). Казань. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к. 6830

Прессъ, Аркадій. Писатели XIX в. (Характеристики). Книга первая. Съ пятью портретами. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шепелевичъ, Л. Кудруна. Историко-литературный этюдъ. Харьковъ. Ц. 1 р. 50 к.

Кудруна. Переводъ II-й части поэмы (Гильда) и опытъ ея изслѣдованія. Харьковъ. Ц. 1 р.

Этюды о Данте. I. Апокрифическое „Видѣніе св. Павла“. 2 части. Харьковъ. Ц. 2 р.

Кафедра исторіи всеобщей литературы въ имп. харьковскомъ университетѣ. Историческая записка. Харьковъ. Ц. 50 к.

IV. ПЕДАГОГИКА.

Аргамановъ, А. П. Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. Полодцъ. Ц. 1 р.

Методъ „Чистаго опыта“ Аверариуса въ примѣненіи къ изслѣдованію вопроса объ умственномъ утомленіи учениковъ. Приложение къ сочиненію „Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи“. Спб. 1900 г. Ц. 40 к.

Аргаманова, С. Красота, ея значеніе въ жизни людей и общества. Спб. Ц. 50 коп.

Слабая борьба съ сильными заблужденіями въ современномъ воспитаніи. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Къ вопросамъ этики въ современномъ бракѣ. Полодцъ. Ц. 60 к.

Дѣйствительность, мечты и разсужденія провинціалки. Ц. 75 к.

Каптеревъ, П. О. Педагогическій процессъ. Спб. 1905 г. Ц. 75 к.

Компаре. Ж. Ж. Руссо и воспитаніе естественное. Перевелъ П. Д. Первовъ. М. 1903 г. 7280

Монополь, В. Введеніе въ методику грамоты. Спб. 1905 г. Ц. 20 к.

Лавриченко, К. Г. Родителямъ и учителямъ. Вопросы воспитанія. Спб. Ц. 50 к.

Миниуевъ, П. Г. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи. Спб. 1905 г. Ц. 60 к.

Стариновъ, И. Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб. Ц. 2 р.

Стоюничъ, В. Педагогическія сочиненія. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 75 к.

Чевассъ, П., д-ръ. Уходъ за дѣтми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. Пер. съ англійск. Е. Д. Ильиной. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

V. УЧЕБНИКИ.

Барацъ, С. М. Курсъ двойной бухгалтеріи. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Билибинъ, Н. Алгебра для гимназій. Изд. 4-е. Спб. 1905 г. Цѣна въ переплетѣ—2 руб.

Bobrystoheff - Fouschkine. M. Cours théorique et pratique de la langue française à l'usage de la jeunesse. Спб. Ц. 2 р.

Cours pratique de grammaire et de dictées françaises augmenté d'un appendice contenant des dictées et des exercices supplémentaires sur: l'histoire, l'orthographe et la syntaxe de la langue française. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 30 к.

Весинъ, Л. П. Курсъ общей географіи въ объемѣ гимназической программы. Составлено по Гельвальду, Даниелю, Кледену, Реклю, Супану и др. источникамъ. Азія, Африка, Америка и Австралія (100 рисунковъ въ текстѣ). Изд. 2-е, исправленное. Спб. 1905 г. Ц. 80 к.

Дерюгинъ, М. Е. Начала механики. Курсъ средн. учебн. заведеній. Изд. 8-е. Спб. Ц. 1 р. 268

Дьяконова, П. И. Краткая русская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е, вновь пересмотрѣнное. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

І. Ф. Ш. Учебникъ желѣзнодорожной телеграфіи. Изд. 2-е (дополненное). Екатеринбургъ. 1904 г. Ц. 50 к. 7270

Сомовъ, I. Начертательная геометрія. Издание 6-е. Спб. Ц. текста съ чертежами 2 руб.

Тростниковъ, М. А. Обученіе грамотѣ. Спб. 1905 г. Ц. 20 к.

VI. НАРОДНЫЯ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Абаза, К. Отечественные героическіе рассказы. Съ рисунками, картами и планами. Ц. 2 р. въ переплетѣ.

Героическіе рассказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Цѣна 2 р. въ переплетѣ; въ бумажѣ 1 р. 50 к.

Анненская, А. Н. Зимніе вечера. Рассказы для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Свѣтъ и тѣни. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мои двѣ племянницы. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 1906 г. Ц. 50 к.

Братъ и сестра. Рассказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Фритіофъ Хансенъ и его путешествія. Съ портретомъ и 40 рисунками. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Маленькій оборвышъ. Романъ Д. Гринвуда. Перев. съ англійскаго А. Н. Анненской. Изд. 5-е. Спб. Ц. 1 р.

Своимъ путемъ. Рассказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Бутиничъ, С. Дневникъ дѣвочки. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Иллюстраціи П. А. Ассатурова. Приложение: съ картинъ С. Зейденберга. Рисунокъ обложки Г. Шварца. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 1 р. 10 к.

Григорова, Е. Н. Вилліамъ Шекспиръ, для юношескаго возраста, съ портретомъ и рисунками. Москва. Ц. 75 к.

Т. Г. Шевченко. Біографія. Для юношества. Съ 4 рис. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Рассказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е, дополн. Москва. Цѣна 1 р. 25 к.

Магометъ. Для юношескаго возраста. Москва. Ц. 25 к.

Некрасовъ, Н. А. Русскимъ дѣтямъ. Иллюстрированное изданіе, съ 16 картинками работы барона М. П. Кюдта, рѣзанными на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ, у Брокгауза. Спб. Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ, тисненномъ золотомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Олькотъ, I. Маленькія женщины уже взрослые. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Перев. съ англ. Ольги Кларкъ. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

Семь братьевъ и сестра. Пер. съ англ. О. Бутеневой. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Юность Розы. Продолженіе повѣсти „Семь братьевъ и сестра“. Пер. О. Бутеневой. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Подъ сиренями. Пер. Бутеневой. Изд. 2-е. Спб. 1 р. 50 к.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Повѣсть для дѣтей. Переводъ съ англійскаго. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

П. В. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Спб. 1873 г. Ц. 20 к.

Перовъ, П. Д. Изъ исторіи Геродота. Персы. Египтяне. Скифы. Чтеніе для юношества и для самообразованія. М. 1905 г. Ц. 60 к. 7280

Семеничъ, Г. Къ свѣту. Рассказы для юношества. Переводъ Н. Васина. М. Ц. 50 к. 7284

Толстой, графъ Лев. Ник. Дѣтство. отрочество и юность. Москва. 1899 г. Ц. 1 р.

Тоже, иллюстрированное изданіе. Москва. 1900 г. Ц. 2 р.

Казани. Москва. 1886 г. Ц. 45 к.

Севастопольскіе рассказы. Москва. 1901 г. Ц. 50 к.

Избранные отрывки изъ сочиненій, въ переплетѣ ц. 1 р.

Туръ, Е. Борьба испанцевъ съ маврами и завоеваніе Гренады. Изд. 2-е. 1899 г. Ц. 1 р.

Дѣти короля Людовика XVI. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства, съ англійскаго. Изд. 10-е. Москва. 1901 г. Ц. 1 р.

Мученики Коллея. Историческій рассказъ для дѣтей. Изд. 4-е. Москва. 1900 г. Ц. 1 р.

Послѣдніе дни Помпеи, переводъ для отроческ. возраста, изд. 5-е. Спб. 1898 г. Цѣна 1 р.

Профессоръ Кудрявцевъ. Ц. 40 к.

Мавры въ Испаніи. Ц. 1 р.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р.

Клужна Дубровина. Повѣсть изъ трехъ частей. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Сергій Боръ-Раменскій. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. третье. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Черезъ край. Рассказъ. Изданіе 2-е. Москва. Ц. 40 к.

Три рассказа для дѣтей: 1) Жемчужное ожерелье. 2) Звѣздочка. 3) Хрустальное сердце. Изд. 5-е. Москва. 1901 г. Ц. 1 р.

VII. ИСТОРИЯ—БЮГРАФИЯ—
ПУТЕШЕСТВИЯ.

Барсовъ, Н. И., профессоръ. Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современности. Спб. Ц. 2 р.

Берсъ, А. А. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ III. Спб. 1900 г. Цѣна 50 коп.

Гаммъ, Э. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. II. Римская императорская власть отъ Галба до Марка Аврелія. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Грушевскій, Михайло. Исторія України—Руси. Томъ I. До початку XI вѣка. Виданіе друге, розширене. Львовъ, 1904 г. Ц. 3 р. 75 к. Томъ II. XI—XIII вѣк. Виданіе друге, розширене. Львовъ, 1905 г. Ц. 3 р. 75 к. Томъ III. До року 1340. Львовъ, 1900 г. Ц. 2 р. 50 к. Томъ IV. XIV—XVI вѣки—відносини політичні. Львовъ, 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. 7226

Дебидуръ, А., проф. Политическая исторія XIX вѣка. Исторія внѣшнихъ сношеній европейскыхъ державъ съ 1814 по 1878 г. Томъ I. Священный Союзъ. Переводъ съ фр. студентомъ Имп. Спб. ун-ва, подъ ред. прив.-доц. Ал. Пиленка. Изданіе Библиотеки Общественныхъ Знаній. Выходъ I. Спб.: 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дорошницкій, В. О., проф. Издающиеся англійскіе дѣятели XIX вѣка. Характеристики Брайса. Спб. 1904 г. Ц. 60 к. 7209

Дамашевъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки. Изд. 9-е, дополненное. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к. 7206

Ермоловъ, Н. Черты изъ жизни императора Николая Павловича по рассказамъ современниковъ. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Златинскій, О., проф. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. II. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Древній міръ въ мн. Лекціи, читанныя ученикамъ выпускныхъ классовъ весной 1903 г. Ц. 80 к.

Либровичъ, Сигизмундъ. Царь въ плѣну. Историческій очеркъ. Изданіе 2-е. Съ 46-ю снимками съ портретовъ, картинъ, рисунковъ, гравюръ, медалей, видовъ, плановъ и пр. Спб. 1 р. 7280

Литовъ, М. М. Жизнь и труды Глбона. Съ портретомъ и fac-simile. Изд. 2-е. Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр. для фундамент. библ., гимн. и реальн. учил. и допущена въ безплатныя народныя читальни и библ. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Левинъ—Пуль, Станли. Мусульманскія и генеалогическія таблицы, съ историче-

скими введеніями. Переводъ съ англійскаго, съ примѣчаніями и дополненіями, В. Бартольда. Спб. Ц. 2 р.

Мордовцевъ, Д. Л. Новыя историческія повѣсти и разсказы. Т. XII. Изд. первое. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Повѣдка къ пирамидамъ (Чудеса въ странѣ фараоновъ). Т. XI. Кн. I-я. Спб. Ц. 1 р. 7080

Наносная бѣда. Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р. 7080

Семевскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Томъ I, изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к. Томъ II. Спб. 1901 г. Цѣна 5 руб.

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе. Т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г. Спб. Цѣна каждого тома 3 р.

Сенкевичъ, Г. На полѣ славы. Историческій романъ изъ временъ Яна Собскаго. Часть I. М. Ц. 1 р. 7284

Тураевъ, Б. Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эеюши. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Тамъ, И. Происхождение общественнаго строя современной Франціи. Переводъ съ 3-го франц. изданія. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

VIII. ГЕОГРАФИЯ—ЭТНОГРАФИЯ—
СТАТИСТИКА.

Крамеръ. Сибирь и значеніе великаго Сибирскаго пути. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Левитовъ, И. Желтая Россія. Докладъ. Китайскія желѣзнодорожныя концессіи. Спб. 1901 г. Ц. 30 к.

Желтая раса. 1. Триумфальное шествіе китайцевъ въ Россію. 2. Эмиграція китайскихъ чернорабочихъ (кули) въ Новыя Свѣтъ. 3. Что дѣлать? Спб. 1901 г. Цѣна 30 к.

Левитовъ, И. Желтороссія, какъ буферная колонія. Спб. 1905 г. Ц. 75 к. 7261

Ядринцевъ, Н. М. Сибирь, какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Спб. 1882 г. Ц. 3 р.

IX. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—
МЕТЕОРОЛОГІЯ.

Веребрюсовъ, А. С. Объ уравненіи $x^5 + y^5 = Az^5$. Москва. 1905 г. Ц. 10 к. 6640

Общее рѣшеніе уравненія $x^3 +$

$+y^3 = x^3 \pm y^3$. Москва. 1906 г. Ц. 30 к. 6640

Волковъ, М. Эволюція понятія о числѣ. Спб. Ц. 80 к.

Ковалевскій, С. Двойной ноніусъ, его теорія и примѣненіе. Спб. Ц. 30 к.

Литвинскій, П. А. Кусочки небеснаго свода. Наблюденія звѣздъ изъ окна и на открытомъ воздухѣ. Зима и весна. Изд. Ал. Альмедингена. Спб. Ц. 40 к.

Поссе, К., проф. Курсъ дифференціального и интегральнаго исчисленій. Спб. 1903 г. Ц. 4 р.

Сомовъ, І. Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 26 к.

Рациональная механика. Введеніе въ статику и динамику и статика. Ч. II. Вып. I. Спб. Ц. 2 р. Часть II. Вып. II. Спб. Ц. 2 р.

Начертательная геометрія. Изданіе 3-е. Спб. Ц. текста съ чертежами 2 р.

Х. ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ—ФИЗИКА—ХИМИЯ.

Абегъ, Р., д-ръ, и **Герцъ, д-ръ**. Практическія занятія по химіи. Работы по аналитической химіи и приготовленію препаратовъ, основанныя на законахъ физической химіи. Перев. подъ ред. В. А. Ковалевскаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Богдановичъ, К. И., проф. Горнаго Института. Ученіе о рудныхъ мѣсторожденіяхъ. Курсъ, читанный въ Горномъ Институтѣ. Вып. I. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 85 к.

Everett. Единичныя физическія постоянныя, со 2-го англійскаго изданія перевели Вербицкій и Жеребятъевъ. Спб. Ц. 2 р.

Индриксонъ, Ф. Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. Спб. 1906 г. Ц. 70 к. 7165

Иностранцевъ, А. А., проф. Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студентамъ Спб. университета. Т. I. Современныя геологическія явленія (динамическая геологія). Петрографія и стратиграфія. Съ 341 политипажемъ въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб. 1906 г. Ц. 4 р. 50 к.—Т. II. Историческая геологія. Петрографія и стратиграфія въ текстѣ. Изд. 3-е, значительно дополненное. Спб. 1903 г. Ц. 4 р. 50 к.

Кребсъ, Г. Превращеніе энергіи. Очеркъ теоріи современной физики. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 60 рис. въ текстѣ. Спб. Ц. 1 р.

Куриловъ, В. В., профессоръ. Краткій учебникъ химіи для гимназій и реальныхъ училищъ. Съ предисловіемъ академика Н. Н.

Бекетова. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Екатеринославъ. 1904 г. Ц. 50 к. 7270

Лефевръ, Ж., проф. Сжиженіе газовъ и ихъ примѣненія. Переводъ съ французскаго С. И. Ламанскаго. (Съ 38 рис. въ текстѣ). Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Мушкетовъ, И. В., проф. Физическая геологія. Т. I. Общія свойства и составъ земли. 2-ое изд., значительно передѣланное. Съ 4 картами и 708 политипажамъ въ текстѣ. Спб. Ц. 6 р. 615

Физическая геологія. Т. II. Денудационные процессы. Вып. I. (Геологическая дѣятельность атмосферы и подземной воды). Второе изданіе, значительно передѣланное, съ 4 картами и 229 политипажамъ въ текстѣ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Краткій курсъ петрографіи для студентовъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I. Съ 112 политипажамъ въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 777

Негелъ, W. Теоретическая химія съ точки зрѣнія закона Avogadro и термодинамики. Переводъ В. Бурдакова, съ 3-го нѣмецкаго изданія. Съ 36-ю рисунками. Спб. 1904 г. Ц. 4 р.

Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изданный друзьями и учениками И. В. Мушкетова подъ редакціей К. И. Богдановича и А. П. Герасимова. Весь сборъ отъ продажи настоящаго изданія поступаетъ въ „Мушкетовскій капиталъ“ при Горномъ Институтѣ Императрицы Екатерины II. Спб. 1906 г. Ц. 3 р. 50 к.

Петрово-Соловово, М. Приложенія къ переводу сочиненія Ф. Подмора „Спиритизмъ“. I. Замѣчанія по поводу критическихъ приѣмовъ г. Подмора. II. Очерки изъ исторіи спиритическаго движенія въ Россіи. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 7221

Подморъ, Франкъ. Спиритизмъ. Историческое и критическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго М. Петрово-Солововой, съ добавленіями переводчика. Т. I. Спб. 1904 г. Т. II. 1905 г. Цѣна за оба т. 4 руб. 7221

Проложеніе перваго телеграфа черезъ океанъ. По книгѣ Фонвіеля изложилъ П. Д. Первовъ. 7230

Рубиневъ, К. Н. Основныя данныя практической алкоолюметріи и ихъ примѣненіе. По научнымъ изслѣдованіямъ удѣльныхъ вѣсовъ растворовъ спирта Л. Н. Менделѣева. Спб. Ц. 2 р.

Соме, Э. Современная физика. Обьединеніе физическихъ явленій. Спб. Ц. 75 к.

Соуданъ, Ф., проф. Радиоактивность. Заментарное изложеніе съ точки зрѣнія теоріи распада атомовъ. (Съ 38 рисунками)

Переводъ съ англійскаго Ф. Н. Индриксона. Сб. 1905 г. Ц. 2 р. 7165

Тайлоръ, Э. Б. Антропология. Введение въ изученіе челоука и цивилизаціи. Переводъ съ англійскаго д-ра И. С. Иванова. Съ 78 рисунк. въ текстъ, второе изданіе И. И. Балибина. Сб. Ц. 2 р.

Тимдаль, Дж. Вещества, носящіяся въ воздухъ, и отношенія ихъ къ гніенію и развѣ. Ц. 2 р.

XI. ЮРИДИЧЕСКІЯ И СОЦІАЛЬНЫЯ НАУКИ.

Анастасъ, З. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Политическое изслѣдованіе. Сб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Барацъ, С. М. Задачи вексельной реформы въ Россіи. (По поводу проекта устава вексельнаго 1893 г.). Сб. Ц. 1 р. 50 коп.

Курсъ вексельнаго права, въ связи съ ученіемъ о векселяхъ и вексельныхъ операціяхъ. Сб. Ц. 5 р.

Борсъ, Е. О причинахъ разоренія земледѣльской Россіи. Сб. Ц. 50 к.

Бомъ - Базоръ, проф. Теорія Карла Маркса и ея критика. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. П. И. Георгиевскаго. Сб. Ц. 80 к.

Гагенъ, В. А. Безработица въ Германіи и борьба съ нею (соціально-политическій этюдъ). Сб. 1904 г. Ц. 70 к. 7255

Гантоверъ, Л. В. О происхожденіи и сущности вѣчно - чиншевого владѣнія. Вып. I. Сб. Ц. 1 р.

Гельбъ, Адольфъ. Развѣіе крупной промышленности въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. С. Т—ва. Сб. Ц. 1 р. 75 к.

Гревсъ, И. М. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. (Преимущественно во время Имперіи). Т. I. Сб. Ц. 4 р.

Григорьевъ, Владиміръ. Избирательное право и организація выборовъ. Сб. 1906 г. Ц. 40 к. 7278

Гриниъ, Д. Д. Основы ученія о юридической сдѣлкѣ въ современной нѣмецкой доктринѣ пандектнаго права. Прологомены къ общей теоріи гражданского права. Т. I. Сб. 1900 г. Ц. 2 р.

Дювернуа, Н. Л., проф. Чтенія по гражданскому праву. Томъ I. Введеніе и часть общая. (Вып. 1-й). Изд. 4-е. Сб. 1901 г. Ц. 1 р. 60 к.

Чтенія по гражданскому праву. Томъ I. Введеніе и часть общая. (Выпускъ 2-й. Дѣла. Вещи). Изд. 4-е. Сб. 1902 г. Ц. 2 р. 60 к.

Чтенія по гражданскому праву.

Т. I. Введеніе и часть общая. Вып. III. (Измѣненіе юридическихъ отношеній. Ученіе о юридическихъ сдѣлкѣ). Изд. 4-е. Сб. 1905 г. Ц. 1 р. 60 к.

Пособіе къ лекціямъ по гражданскому праву. Вып. 2-й. Обязательства. Часть общая. (Отд. 1). Въ связи съ замѣчаніями на проектъ книги V Гражданскаго Уложенія. Сб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

Нартовъ, Ф. И. Инспекція труда (фабричная инспекція) и охрана рабочихъ на Западѣ. Часть I — фактическая. Сб. 1906 г. Ц. 70 к. 7287

Новалевскій, С. Покровительственная пошлина, что она даетъ населенію и что у него беретъ. Цифры и факты. Сб. Ц. 50 к.

Мартенсъ, Ф., проф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. I. Изд. 6-е. Сб. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к.

Т. II. Изд. 6-е. Сб. 1905 г. Ц. 4 р. 6779

Мигулинъ, П. П., проф. Война и наши финансы. Харьковъ. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7216

Муравьевъ, Н. В. Изъ прошлой дѣятельности. Томъ первый. Статьи по судебнымъ вопросамъ. Томъ второй: Рѣчи и сообщенія. Сб. Ц. за оба тома 6 р.

Наказъ министра юстиціи, генералъ-прокурора, чинамъ прокурорскаго надзора судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ. Сб. Ц. 1 р.

Молде, бар. Б. Э. Постоянно нейтральное государство. Юридическое изслѣдованіе. Сб. 1905 г. Ц. 3 р. 50 к.

Объяснительная записка къ проекту новой редакціи положенія о нотаріальной части. 2 части. Сб. 1904 г. Ц. 3 р. 7168

Пиленко, А. Право изобрѣтателя. (Привилегіи на изобрѣтенія и ихъ защита въ русскомъ и международномъ правѣ). Историко-догматическое изслѣдованіе. Т. I. Сб. 1902 г. Ц. 3 р. Т. II. Сб. 1903 г. Ц. 2 р.

Привилегіи на изобрѣтенія (Практическое руководство, съ приложеніемъ текста закона 20 мая 1896 г., позднѣйшихъ дополненій, формъ дѣловыхъ бумагъ и краткихъ свѣдѣній объ иностранныхъ законахъ). Второе, исправленное и дополненное изданіе. Сб. 1903 г. Ц. 85 к.

Проектъ новой редакціи положенія о нотаріальной части. Сб. 1904 г. Ц. 1 р.

Сергѣевичъ, В. И., профессоръ. Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Изд. 2-е, съ перемѣнами и дополненіями. Сб. 1902 г. Ц. 3 р.

Русскія юридическія древности. Томъ II. Вѣче и князь. Совѣтники князя. Изд. 2-е, съ поправками. Сб. 1900 г. Ц. 3 руб.

Древности русскаго права. Томъ

III. Землевладѣніе. Тягло.—Порядокъ обложения. Спб. 1908 г. Ц. 2 р.

Лекція и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Изд. 3-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русская правда. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

Сергѣевскій, Н. Д., профессоръ. Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общаѣ. Изд. 6-е. Спб. 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.

Казуистика. Сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву. Изд. 3-е. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Случевскій, В., проф. Учебникъ русскаго уголовного процесса. Судостроительство—судопроизводство. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Спб. Ц. 5 р.

Добавленіе къ учебнику русскаго уголовного процесса. Спб. 1900 г. Ц. 35 к. Покупателямъ „Учебникъ“ добавленіе выдается безплатно.

Суходольскій, А. А. Значеніе для государства торгово-промышленнаго счетоводства. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Толстой, графъ Сергій. О составѣ крестьянскаго сословія. Москва. 1904 г. Ц. 50 к. 7097

Труды комиссіи, учрежденной г. московскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ В. А. Долгоруковымъ, для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ. Англійское фабричное законодательство. Подъ ред. члена комиссіи проф. И. И. Янжула. Москва. 1880 г. Ц. 2 р.

Вып. III. Англійское и швейцарское законодательство объ ответственности хозяевъ за несчастія съ рабочими. Подъ ред. члена комиссіи проф. И. И. Янжула. Москва. 1882 г. Ц. 65 к.

Филипповъ, Ю. Д. Торговое мореплаваніе. Выпускъ первый. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 7256

Шиловскій, П. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Янжулъ, И. И. Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизы. Москва. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.

Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкуренціи и началъ государственнаго вмѣшательства. Вып. II. Періодъ свободной торговли. Москва. 1882 г. Ц. 3 р.

Очеркъ историческаго развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Московскаго унив. 12-го января 1887 г. Москва. 1887 г. Ц. 75 к.

XII. МЕДИЦИНА—ГИГИЕНА—ВЕТЕРИНАРІЯ.

Алексѣевъ, С. Н. Болѣзни вѣка: сифилисъ и перелой мужичья и женщинъ. Предупрежденіе (какъ уберечь себя отъ зараженія), распознаваніе и леченіе по лучшимъ современнымъ отечественнымъ и иностраннымъ клиницистамъ (проф. Писляковъ, Тарновскому, Фишеру и др.). (Популярное общепонятное изложеніе). Москва. Ц. 50 к.

Бенарюновъ, Д. Д., д-ръ. Основы начала школьной гигиены. Москва. 1906 г. Ц. 2 р. 7287

Виземскій, кн. Н. В. Измѣненія организма въ періодѣ сформированія. (Возрасты отъ 10—20 лѣтъ). Въ 3-хъ томахъ. Томъ I, часть 1-я. Томъ II, часть 2-я и 3-я. Томъ III, часть 1-я и 2-я. Спб. 1901 г. Ц. за три тома—7 р. 50 к. 7286

Деваль, Д., ветеринарный врачъ. Технологія пищевыхъ продуктовъ. „Мясо“. Руководство для слушателей интендантскаго курса, командировъ отдѣльныхъ частей, дежурныхъ офицеровъ, врачей и другихъ лицъ, интересующихся мяснымъ дѣломъ. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. 7286

Деловъ, Ж., д-ръ. Школьная гигиена. Переводъ подъ редакціею д-ра мед. А. Виреніуса. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Мукомскій, В. П., д-ръ. Дѣтнія желудочно-кишечныя заболѣванія и холера у дѣтей (ихъ предупрежденіе и леченіе). Изд. 2-е, дополненное. Спб. Ц. 30 к.

Луницъ, В. Л., д-ръ мед. Какъ поступать при холерѣ? Спб. Ц. 20 к. 7254

Подъяпольскій, П. О высокомъ влрѣтніи проявленія внушеній, заданныхъ родителями, у дѣтей. Саратовъ. 1905 г. Ц. 30 к.

Волдырь отъ мнимаго сна. Причиненный словеснымъ внушеніемъ въ состояніи искусственнаго сна. Съ авто-типией. Саратовъ. 1905 г. Ц. 35 к. 7283

Писновскій, Н., д-ръ мед. Этюдъ въ гигиенѣ и леченію болѣзней безъ лекарствъ, при помощи однихъ только мысленныхъ упражненій. Москва. 1905 г. Ц. 35 к. 7079

Трионъ—Хеленіусъ, Алли и Хеленіусъ, Матвѣй. Вліяніе алкоголя. Спб. 1905 г. Ц. 20 к. 949

XIII. ТЕХНОЛОГІЯ—СТРОИТЕЛЬНОЕ И ИНЖЕНЕРНОЕ ДѢЛО—РЕМЕСЛА.

Бобылевъ, Д., проф. Прибавленіе къ курсу аналитической механики. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Курсъ аналитической механики. Ч. II, кинетическая. Вып. I. Механика матеріальной точки. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Вып. II. Механика системъ, состав-

лений изъ материальныхъ точекъ. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Очеркъ теоріи водяныхъ теченій, разработанной Буссинескомъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Руководство къ курсу теоретической механики. Съ 6-ю листами чертежей. Спб. Ц. 4 р. 40 к. 6397

Курсъ аналитической механики. (Теоретической механики) I часть кинематическая. (Изд. 3-е.) Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

Курсъ аналитической механики. (Теоретической механики) Гидростатика и уравненія гидродинамики. Спб. 1904 г. Ц. 50 коп.

XIV. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Абаза, К. К. Завоеваніе Туркестана. Съ рисунками, картами и планомъ текинско-кѣрѣнскіхъ крѣпостей Деонгиль-Тепе. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны. Вып. XVI. Спб. 1905 г. Ц. 60 к. 7198

Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны. Вып. XVII. Спб. 1905 г. Цѣна 40 к. 7198

Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны. Вып. XVIII. Спб. 1905 г. Ц. 35 к. 7198

XV. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Гагенъ, В. А. Земство и общественныя работы. Спб. 1905 г. Ц. 25 к. 7255

Носоротовъ, Ѳ. И., агрономъ. Какъ и чѣмъ улучшить лѣсные покосы. (Для хозяевъ-практиковъ). Спб. Ц. 8 к. 7254

Костычевъ, П. А., проф. Почва, ея обработка и удобреніе. Практическое руководство. Съ предисловіемъ проф. московскаго сельско-хозяйственнаго института Д. Н. Прянишникова. Изд. 2-е. Москва. 1905 г. Ц. 1 р. 7101

Малиновъ, Б. П. Бесѣды по вопросамъ гигиены въ плодовомъ саду. (Изъ замѣтокъ по поѣздкѣ въ заграничныя „станціи для защиты растений“). Астрахань. 1903 г. Ц. 85 к. 7009

Шварцманъ - де - Косминъ. Земледѣльческая гидравлика (руководство къ орошенію), пер. А. И. Подольскій. Спб. Ц. 6 р.

XVI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Булгановъ, Ѳ. И. В. В. Верещагинъ и его произведенія. Съ автографическими портретами и репродукціями съ картинъ и рисунковъ В. В. Верещагина. 2-е дополненное изданіе. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к. 7198

Вальтеръ, В. Г. Въ защиту искусства. Мысли музыканта по поводу статьи Л. Н. Толстого: „Что такое искусство“. Спб. Ц. 40 к.

Какъ учить игръ на скрипкѣ. Практическое пособіе для учителей и учащихся. Спб. Ц. 50 к.

Музыкальное образованіе любителя. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Вольный. Вл. Дорогой цѣной. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. Ц. 60 к. 7254

Метерлинь, М. Жуазель. Пьеса въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго М. Марикъ и В. Попова. Москва. Ц. 60 к. 7276

Самнетти, Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Т. I. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Самнетти, Л., проф. Краткое руководство къ теоріи музыки. Элементарная теорія, гармонія, контрапунктъ, формы инструментальной и вокальной музыки. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Краткая историческая музыкальная хрестоматія съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включительно, съ приложеніемъ испанской школы. 2-е дополненное изданіе. Спб. 1900 г. Ц. 3 р. 50 к.

Тепловъ, А. „Въ погонѣ за Горькимъ“. („Вверхъ дномъ“). Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Тверь. 1904 г. Ц. 75 к. 7220

XVII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Альбовъ, П. И. Правила игры „Винтъ“, принятія въ Благородномъ Собраніи и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Винтъ классическій. Винтъ съ прикупомъ. Винтъ съ прикупомъ, присыпкой и гвоздежъ. Винтъ гусарскій и другіе. Третье дополненное изданіе подробно и понятно изложенное. Спб. 1905 г. Цѣна 50 коп. 7259

Бычковъ, Александръ. Систематическій указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ. 1905 г. Ц. 40 к. 7260

Шмидтъ, Ф., проф. Практическая фотографія. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 7268

НОВЫЯ КНИГИ,

отпечатанныя въ типографіи М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

въ октябрѣ 1905 г.:

- АННЕНСКАЯ, А.** Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 1906 г. Ц. 50 к.
- ВЯЗЕМСКИЙ, ин. Н. В.** О психической жизни человѣчества. Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.
— О половой зрѣлости съ педагогической точки зрѣнія. Спб. 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ДЕРЮЖИНСКИЙ, В. Ѳ., проф.** Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 1906 г. Ц. 2 р.
- КАРЪЕВЪ, Н. И., проф.** Помѣстье-государство и сословная монархія средних вѣковъ. Вып. I. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Историческое міросозерцаніе Т. Н. Грановскаго. Изд. 3-е (съ портретомъ). Спб. 1905 г. Ц. 50 к.
- КАРЪЕВА, С. А.** Школьный историческій словарь. Спб. 1906 г. Ц. 2 р.
- КОНДРАТЬЕВЪ, А. И.** Краткій курсъ военной гигиены. Съ 167 рисунками и текстомъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.
- МАРТЫНОВЪ, С. В.** Печорскій край. Очерки природы и быта. Населеніе, культура, промышленность. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ПИРИ, Р.** По большому льду къ сѣверу. Съ 8 картами и 357 рисунками. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей П. Беркеса. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1906 г. Ц. 3 р.

Находятся въ печати:

- Анненская, А.**—Мои двѣ племянницы. Изд. 3-е.
- Весинъ, Л. П.**—Сборникъ темъ. Изд. 7-е.
- Елпатьевскій, К. В.**—Учебникъ русской исторіи. Изд. 10-е.
- Игнатъева-Александрова, П. П.**—Курсъ кулинарнаго искусства. Изд. 4-е.
- Исторія факультета восточныхъ языковъ при Спб. унив. Т. II.**
- Коркуновъ, Н. М., проф.**—Русское государственное право. Т. I, изд. 6-е.
- Костомаровъ, Н. И.**—Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. 8-я.
- Лосскій, Н. О.**—Обоснованіе интуитивизма.
- Малышевъ, К.**—Гражданскіе законы Калифорніи. Т. I. Изд. К. Риккера.
- Моревъ, Д. Д.**—Коммерческая географія. Часть II. Изд. 8-е.
- Мушкетовъ, Н. В., проф.**—Туркестанъ. Т. II.
- Орловъ, Н.**—Физика. Изд. К. Л. Риккера.
- Петровъ, М. Н.**—Сочиненія.
- Письма и бумаги Суворова.**
- Прохановъ, И. С.**—Стихотворенія.
- Пыпинъ, А. Н.**—Характеристики литературныхъ мнѣній. Изд. 6-е.
- Соколовъ, Арк.**—Краткій учебникъ географіи. Изд. 2-е. Изд. Ильина.
- Серре.**—Арифметика. Изд. М. В. Пирожкова.
- Стасюлевичъ, М. М.**—Исторія среднихъ вѣковъ. Т. II. Изд. 3-е.
- Ходскій, Л. В.**—Основы государственнаго хозяйства. Изд. 3-е.

Въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича
(С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 л., 28)

вышла и поступила въ продажу новая книга

С. В. МАРТЫНОВА:

„Печорскій край“

Очерки природы и быта. Населеніе, культура, промышленность.

Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

НОВАЯ КНИГА:

ВЪ ОЖИДАНИИ.

Оптимиста (О. Чюминой-Михайловой).

Общественно-сатирическіе фельетоны въ стихахъ.

(„Наша Жизнь“, „Сынъ Отечества“, „Новости“, „Театральная
Россія“).

Цѣна 1 рубль.

Книжные магазины: „Трудъ“, Невскій, № 60; М. М. Стасюлевича, Вас. Остр.
5 л., № 28; Попова; „Новаго Времени“.

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

КНИГА СЕДЬМАЯ

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА

издаваемого Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ
и ученымъ (Литературнымъ Фондомъ).

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

С.-Петербургъ, 1905 года. Цѣна — 3 р. 50 к. безъ перес.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича, въ С.-Петербургѣ,
Вас. Остр., 5-я линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается по почтовой стоимости при
доставкѣ книгъ.

ИЗДАНІЯ

Литературнаго Фонда,

ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

ВЪЛОГОВЫЙ, Н. А. Воспоминанія и другія статьи. Ц. 1 р. 50 к.

ГАРШИНЪ, В. М. Разказы. Ц. 2 р.

ДЖАНШЕВЪ, Г. А. Изъ эпохи великихъ реформъ. Ц. 2 р. 50 к.

ЕФИМЕНКО, А. Этнографическія изслѣдованія. Ц. 2 р.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Собраніе сочиненій. (Историческія монографіи и
изслѣдованія). Цѣна по подпискѣ (до выхода послѣдней книги) 20 р., отдѣльно — 4 к.
7 кн. по 3 р. 50 к., 2, 4, 5 и 6 кн. по 4 р., 3 кн. 2 р. 50 к. и 8 кн. 4 р. 50 к.

НАДСОНЪ, С. Стихотворенія. Ц. 2 р.

ЕГО ЖЕ. Недожитыя пѣсни. Ц. 1 р.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас.-Остр., 5 л., 28.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Русская Высшая Школа общественных наукъ въ Парижѣ. Лекціи ея профессоръ. Сиб. 1905. Стр. 595. Ц. 3 р.

Появленіе въ печати сборника лекцій „Русской Высшей Школы“, основанной года четыре тому назадъ въ Парижѣ, — весьма полезно и вѣ томъ отношеніи, что въ Москвѣ не только предполагается основаніе тамъ „вольнаго университета“, каковымъ собственно является и та Высшая Школа общественных наукъ въ Парижѣ, но и ищутся на то средства. Сборникъ изложить насъ уже не съ идеею о подобной высшей школѣ, но и съ осуществленіемъ ея на практикѣ, и притомъ въ относительно тяжелыхъ условіяхъ: русская школа, но не въ Россіи! Въ „Предисловіи“ къ сборнику, одинъ изъ ея профессоръ, М. М. Ковалевскій, объясняетъ весьма обстоятельно цѣль русской высшей школы въ Парижѣ, основанной горстью русскихъ писателей, „заброшенныхъ судьбою на берега Сены“ и французскихъ собратьевъ. Настоящій сборникъ, по словамъ М. М. Ковалевскаго, преслѣдуетъ не золотую или законченность, а ставить свою цѣль — „познакомить широкіе круги русскаго общества съ тою образовательною дѣятельностью, которой профессоръ посвятили себя на пользу русскихъ людей, ищущихъ за-границею отвѣта на важнѣе вопросы, которые признава была поднимать несуществующая пока у насъ школа общественныхъ и политическихъ наукъ“. Вроде, наступать теперь время, когда подобная школа сдѣлается легко возможною и у насъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 120-й. Юрьевъ (Дерптъ). 1905. Ц. 3 р.

Въ настоящемъ, новомъ выпускѣ (томъ VII: 1738 г.) помѣщены бумаги „Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны“, отъ 1731 до 1740 г., собранныя и изданныя подъ редакціею проф. А. Н. Филиппова, — только за одну первую половину 1738 г. При всемъ разнообразіи содержанія этихъ бумагъ, выдающееся мѣсто между ними занимаютъ бумаги, касающіяся военныхъ дѣлъ, что и понятно, такъ какъ въ 1737—38 гг. Миннихъ и Ласси вели тяжелую войну съ турками. Кабинету приходилось потому послать рядъ указовъ и объявить Высочайшія повелѣнія по снабженію арміи необходимыми матеріалами, озабочиться устраненіемъ препятствій въ тому и преодолевать трудности самаго дѣла. Изъ указовъ, относящихся къ внутреннему управленію, преобладаютъ указы о строеніи города Петербурга, объ устройствѣ „домовыхъ домовъ“, казармъ, кладбищъ и проч. Въ этомъ же самоѣ 1738 году кабинетъ-министровъ былъ назначенъ извѣстный А. П. Волынский, игравшій большую роль въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Для историка этой эпохи въ бумагахъ Кабинета министровъ заключается богатый матеріалъ, который снабдитъ иллюстраціями и характеристиками того времени, а потому весьма не пожелать этому изданію успѣха въ дѣятѣльнѣйшихъ его работахъ.

Давыдовъ-Мамонтовъ, А. П. Декабристы въ Западной Сибири. Историческій очеркъ по официальнымъ документамъ. Сиб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящій историческій очеркъ былъ напечатанъ въ первый разъ въ 1895 г. въ „Чте-

ніяхъ Имп. Общества исторіи и древностей русскіе при московскомъ университетѣ“, сверхъ того, въ томъ же году этотъ очеркъ былъ изданъ и особою книгой. Въ ней явились собранными многія данныя, полученные изъ различныхъ архивовъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ тобольской и томской губерній и алмайдской области. Главнѣйшіе образцы, были обследованы архивы тѣхъ волостныхъ правленій, гдѣ декабристы жили какъ ссылки, и въ полицейскихъ управленіяхъ городовъ Березовѣ, Ишимѣ, Тюмени и др. Но главнѣйшимъ источникомъ послужилъ архивъ бывшаго главнаго управленія Западной Сибири въ г. Омскѣ. Читатель, такимъ образомъ, встрѣтитъ въ этомъ интересномъ изданіи не только подробное описаніе бытовыхъ условій 39 декабристовъ, проживавшихъ на мѣстахъ ссылки въ теченіе тридцати лѣтъ (1826—1856 гг.), но также и сибирскіе административные нравы и обычай первой половины прошедшаго вѣка, во многомъ улучшившіеся подъ просвѣтительнымъ вліяніемъ декабристовъ на населеніе Сибири. Изданіе украшено 35 фотографіями, изъ нихъ 29 портретовъ и 6 видовъ.

Максуповъ, кн. В. Л. Исторія древняго Востока, культурно-политическая и военная, съ древнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Т. II, кн. V-VIII. Ассиро-Халдея и Персія. Сиб. 1905. Ц. 5 р.

Авторъ не ограничивается въ своемъ изложеніи одною фактическою стороною и даетъ широкое мѣсто очеркамъ религіи, письменности, науки, искусства, а также домашнему быту древняго Востока, до паденія персидской монархіи въ IV-мъ вѣкѣ до нашей эры. Въ своемъ заключеніи, авторъ усматриваетъ, что древній Востокъ, нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, былъ наставникомъ Запада и затѣмъ „погрузился въ тотъ кривой всепоглощающій сонъ, который уже на нашихъ глазахъ нарушенъ громомъ пушекъ у Портъ-Артура и Ляояна, разбудившихъ колоссальныя залежи желтой расы“. Но въ дѣйствительности авторъ могъ бы справедливо сказать, что Японія проснулася задолго до грома пушекъ у Портъ-Артура, и если кого этотъ громъ разбудилъ, то, конечно, насъ, а не желтую расу.

Проф. Г. Ѳ. Симоненко. Основныя вопросы статистики, экономической науки, исторіи, социологіи и этики. Варшава, 1905 года.

Скончавшійся недавно профессоръ Симоненко принадлежалъ къ числу самыхъ убѣжденныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдователей въ области политической экономіи и статистики; его труды, проникнутые глубокою вѣрою въ науку и искреннимъ стремленіемъ къ правдѣ, отличаются богатствомъ литературно-научнаго содержанія и серьезною самостоятельностью мысли, — и такіе же достоинства характеризуютъ его послѣднюю обширную работу, вышедшую въ свѣтъ уже послѣ его смерти. Книга эта, какъ говорить самъ авторъ въ предисловіи, нѣтъ мало общего съ обычными учебниками или курсами статистики, по способу изложенія и по своимъ задачамъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1906 г.

(Сорокъ-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по шестимѣсячнымъ: въ январѣ и въ іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюль и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Римшельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книги. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ тѣхъ же учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Переписка адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе, — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію въ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Жалобы* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.

БЕЛЫЙ 26 1905

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ПЯТАЯ.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — КНИГА 12.

ДЕКАВРЬ, 1905.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1905.

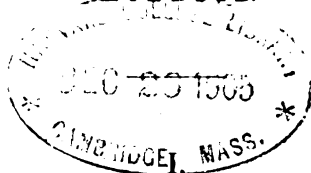
стр.

I.—ФИЛИППЪ ИВАНОВИЧЪ КАСАТКИНЪ.—Повесть.—В. И. Дмитриевой . . .	467
II.—КРЕСТЬЯНСКИЙ БАНКЪ И ЕГО НАЧАЛО.—Изъ личныхъ воспоминаній — О. О. Воропонова . . .	507
III.—РУССКАЯ ОБЩИНА НА КАВКАЗСКО-ЧЕРНОМОРСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬИ. —С. Васюкова . . .	560
IV.—ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—Шестидесятие годы.—И. Красноперова . . .	584
V.—ХРИСТИАНСКИЙ ЕПИСКОПЪ НА ГРАНИЦѢ IV-V ВѢКОВЪ.—Августинъ, кальскій епископъ.—II.—Окончаніе.—В. И. Герье . . .	600
VI.—ЧЕРНАЯ ЗМІЯ.—Романъ.—Paul Adam, „Le Serpent noir“.—VI-IX.—Оконча- ніе.—Съ франц. З. В. . .	640
VII.—ГОГОЛЬ ВЪ ОПТИННОЙ ПУСТЫНѢ.—Матеріалы для біографіи Гоголя.— Григ. Георгиевскаго . . .	710
VIII.—ЖАТВА.—Романъ изъ современной итальянской жизни въ деревнѣ.—Im Zeichen der Ernte, Rom. von Friede Frein v. Bulow.—Съ нѣм. О. Ч. . .	719
IX.—ХРОНИКА.—Изъ деревни.—Письмо въ Редакцію.—Кн. Д. В. Друцкого- Соколинскаго . . .	760
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Быстрая смѣна тревожныхъ событій.— Инструкція генераль-адъютантамъ, посланнымъ въ волнующіяся губерніи.— Манифестъ 3-го ноябля.—Необходимость широкой аграрной реформы.— Военное положеніе въ царствѣ польскомъ.—Резолюція ноябрьскаго обще- земскаго съѣзда.—Новыя формы гнета и непереносимости . . .	782
XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Военныя дѣйствія внутри страны и возмож- ное обсужденіе ихъ на Гаагской конференціи.—Несвоевременная диплома- тическая кампанія противъ Турціи.—Политическія реформы и событія въ Австро-Венгрии.—Французскія дѣла.—Новый король . . .	796
XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Дмитриевъ-Мамоновъ, Декабристы въ За- падной Сибири.—II. Луговой, А., „Цѣль вашей жизни?“, повѣи и разсказы.— III. Петръ и Алексѣй, Д. С. Мережковскаго.—IV. Дерюжинскій, В. О., Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи.—Евг. Л.—V. Чер- венковъ, Н. Н., Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства.—В. В.— Новыя книги и брошюры . . .	810
XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Richard Dehmel, Ausge- wählte Gedichte.—II. H. G. Wells, A modern Utopia.—З. В.	837
XIV.—ЗАМѢТКА.—По поводу книги: „Das Alter der wirtschaftlichen Kultur“, von Ed. Hahn.—Дм. Клеменца	851
XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Ноябрьскія забастовки.—Забастовка почты и телеграфа.—Равноправны ли чиновники съ обывателями?—„Рево- люціонное“ движеніе въ средней школѣ.—Событія въ арміи и во флотѣ.— Земскій и крестьянскій съѣзды въ Москвѣ.—Циркуляры и законопослушность.— Курьезы изъ газетъ.—И. М. Ступовъ, В. В. Лесевичъ и А. М. Шанявскій † . . .	860
XVI.—МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1905 году	880
XVII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ въ 1905 году	882
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.—Де-Волланъ, Григ., Въ странѣ „Восхо- дшаго Солнца“.—Новомбергскій, Н., Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи.—Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышев- скаго, т. VII.—Воганевскій, П., Красный Крестъ.—Коркуновъ, Н. М., Рус- ское государственное право . . .	
XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI . . .	

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1906-го года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ФИЛИППЪ ИВАНОВИЧЪ КАСАТКИНЪ

ПОВѢСТЬ.

Съ нѣкоторыхъ поръ Филиппъ Ивановичъ Касаткинъ сталъ слышать какіе-то странные крики. Сначала это были даже не крики, а тонкій, тонкій пискъ, похожій не то на жужжаніе комара, не то—на предсмертные стоны мухи, умирающей въ лапахъ паука. Случалось это обыкновенно тогда, когда кругомъ была тишина, и Филиппъ Ивановичъ оставался одинъ; поэтому странный пискъ его не особенно беспокоилъ. Ну, что же такое: муха такъ муха, комаръ такъ комаръ... можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ комаръ или муха, и ничего въ этомъ удивительнаго нѣтъ, и пусть себѣ пищать, если это имъ нравится. Но мало-по-малу звуки стали крѣпнуть, расширяться, перешли въ визгъ поросенка, котораго рѣжутъ, потомъ въ завываніе голоднаго волка, одиноко бродящаго по степи, и Филиппъ Ивановичъ началъ уже слышать ихъ на улицѣ, сквозь грохотъ колесъ, людской говоръ, крики разносчиковъ, звонки конки. Однако Филиппъ Ивановичъ и тогда еще не понялъ, откуда идутъ эти звуки, и отнесся къ нимъ равнодушно.

Когда же, наконецъ, мухи, комары, поросята и волки перестали визжать и выть, когда начались уже настоящіе, человѣческіе крики,—Филиппъ Ивановичъ испугался и сталъ прислушиваться... Кто кричалъ?

Неизвестно... Но кричалъ такъ отчаянно, съ такимъ надрывомъ, съ такою безысходною тоской, не находящей участія, что вся душа Филиппа Ивановича холодѣла и свертывалась въ клу-

бокъ, а по тѣлу, съ ногъ до головы, проступала гусинная кожа. Онъ даже началъ явственно различать слова... Сначала: „Ой-ой, ба-а-а-тюшки!“... потомъ: „Караулъ, помощи-ите!“... и все ближе-ближе, все громче-громче и, наконецъ, такъ, какъ будто бы кричали не извнѣ гдѣ-нибудь, а въ самомъ Филиппѣ Ивановичѣ.

II.

Въ первый разъ это произошло ночью. Какъ всегда, Филиппъ Ивановичъ вернулся изъ казенной палаты съ вечернихъ занятій, поужиналъ съ Катериной Ивановной, завелъ на ночь часы и легъ спать.

Отъ усталости онъ скоро заснулъ и проспалъ крѣпко, безъ всякихъ сновъ, часа два. И вдругъ надъ самымъ ухомъ вонль: „Ой, ой, батюшки!.. Караулъ, помогите!“... Филиппъ Ивановичъ вскочилъ и въ ужасѣ началъ будить жену.

— Катерина Ивановна! Катерина! Катя!.. Катя!..

Катерина Ивановна проснулась и поднялась, ничего не понимая спросонья.

— Слышишь? слышишь? — говорилъ Филиппъ Ивановичъ, весь колотясь въ припадкѣ нервной дрожи. — Слышишь, — „караулъ“ кричать?

— Гдѣ?

— Да тутъ гдѣ-то... не знаю... Около насъ... На улицѣ, что-ли...

Катерина Ивановна послушала, потомъ шумно почесалась, зѣвнула и начала ругаться.

— Что ужъ это, Господи, и ночью покою нѣту! Какой тамъ черный кричить? Никто не кричить... Самъ ты кричишь на весь домъ, вотъ тебѣ и чудится бо-звать что! Ложись, спи... нечего съ ума-то сходить.

Въ самомъ дѣлѣ, никто нигдѣ не кричалъ, все было тихо, и Филиппу Ивановичу стало стыдно и въ то же время легко и пріятно.

Должно быть, и вправду во снѣ приснилось; это бываетъ, особенно когда на ночь плотно поѣшь. Онъ хотѣлъ-было побесѣдовать на эту тему съ Катериной Ивановной, но она опять прикрикнула на него и, повернувшись къ стѣнѣ, тотчасъ же заснула.

Жизнь ея тоже была нелегкая: въ хозяйствѣ приходилось все дѣлать самой, она уставала до смерти и, дорвавшись до

постели, крѣпко спала по ночамъ. И когда она заснула, Филиппу Ивановичу снова стало и страшно, и обидно... обидно, что онъ такъ одинокъ въ своей жизни, что нѣтъ у него близкаго друга и что даже дома не съ кѣмъ ему поговорить по душѣ. Ахъ, какъ скверно онъ устроилъ свою жизнь!..

III.

Въ ту же минуту раздирающіе крики пронзили сонную тишину: — Ой-ой, батюшки, помогите!..

Филиппъ Ивановичъ уже не сталъ будить жену. Онъ поднялся, поспѣшно подбѣжалъ къ окну и распахнулъ его настежь. Яркая, мѣсячная, безстыдно-обнаженная ночь вошла въ темную, душную комнату и наполнила свѣтомъ всѣ потаенные углы спальни, обнаруживъ ея бѣдность и тѣсноту. Но Филиппъ Ивановичъ ничего не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть; онъ высунулся въ окно и всей грудью тянулъ въ себя свѣжій ночной воздухъ. На улицѣ было странно и необычно-красиво... мостовая блестѣла подъ лунными лучами, и каждый камешекъ на ней, каждое стеклышко сверкали, точно алмазы. Невдалекѣ бѣлѣла стройная колокольня Богоявленской церкви, и прорѣзы оконъ ея зіяли, какъ большіе черные глаза привидѣнія. Невысокіе тополи и кусты акацій въ тѣни домовъ казались молчаливыми, неуклюжими, притаившимися чудовищами... и жуткая тишина стояла надъ спящимъ городомъ. Вотъ гдѣ-то далеко прогремѣла пролетка ночного извозчика, — словно горохъ просыпался въ рѣшето... На желѣзной дорогѣ нерѣшительно гукнулъ паровозный свистокъ... и затѣмъ опять тишина, тишина, тишина...

— Господи мой, Боже мой!..—прошепталъ Филиппъ Ивановичъ, прислушиваясь и тяжело дыша.—Что же это? Гдѣ? Кто кричалъ? Вѣдь не я же кричалъ? А, можетъ, и я... Можетъ... я съ ума схожу... Можетъ быть, я уже давно сумасшедшій!

Онъ вспомнилъ слова Катерины Ивановны: „Что ты съ ума то сходишь!“ — и снова его всего обсыпало противной, холодной дрожью. „Замѣчаетъ! — подумалъ Касаткинъ съ тупымъ отчаяніемъ.—Вотъ уже и жена замѣчаетъ!.. А потомъ и другіе замѣтятъ. Можетъ быть, уже и замѣтили... и пожалуйста вонъ изъ палаты... и въ больницу... и смирительную рубашку... За что? За то, что двадцать лѣтъ служилъ вѣрой-правдой... всю жизнь свою въ службу положилъ... честно, благородно... и за это, какъ щенка, на улицу... въ канаву, пинкомъ, безъ куска хлѣба“...

IV.

Филиппъ Ивановичъ заплакалъ, вытирая слезы подоломъ ночной рубахи, обнажая грудь, которую обвѣвало ночнымъ, прохладнымъ вѣтеркомъ, врывавшимся въ окно. Это нѣжное и освѣжающее прикосновеніе успокоило его и возвратило къ дѣйствительности. Чтѣ такое случилось? Ничего не случилось. Вотъ онъ стоитъ у окна и все видитъ, все понимаетъ, и голова его работаетъ, какъ всегда, и память ясна, и нигдѣ ничего не болитъ. Развѣ такіе бываютъ сумасшедшіе? Онъ даже отлично помнитъ содержаніе послѣдней бумажки, которую онъ вносилъ въ реестръ, и нумеръ ея помнитъ, и подпись подъ ней,—все, все...

— Нумеръ двѣ-тысячи-пятнадцатый!—громко произнесъ онъ. — „О взысканіи гербоваго штрафа съ крестьянъ села Неумытова, Ѳаддея Долгихъ и Петра Будякина, по долговой роспискѣ на проданную лошадь“...

Филиппъ Ивановичъ тихонько хихикнулъ, потирая руки. Нѣтъ, это ужъ извините, онъ совсѣмъ не сумасшедшій! Вѣдь можетъ же придти въ голову такая глупѣйшая мысль! Такъ просто люди съ ума не сходятъ...

„Др-рамъ!.. Да-амъ!“ — прозвонили на колокольнѣ, и воздухъ долго дрожалъ отъ звона, какъ туго натянутая струна. Два часа! Филиппъ Ивановичъ съ облегченіемъ вздохнулъ и повеселѣлъ отъ этихъ живыхъ, привычныхъ звуковъ, въ которыхъ не было ничего сверхъестественнаго, непонятнаго и потому страшнаго. Еслибы въ эту минуту на улицѣ дѣйствительно кто-нибудь кричалъ „бараулъ“, еслибы, вотъ сейчасъ, подъ окномъ произошла драка и кого-нибудь били, даже убили,—Филиппу Ивановичу стало бы еще веселѣе отъ этого. Все-таки, это была бы настоящая жизнь, были бы настоящіе крики, а не *то*... изъ какого-то другого міра... страшное, чужое, отвратительное... „А, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ кричали?“—продолжалъ думать Филиппъ Ивановичъ.—Мало ли тутъ народу ходить. Вонъ тамъ, за церковью, въ грязномъ переулкѣ, живетъ мастеровщина, народъ дикій, необразованный, пьяный... Кстати, и монополія на углу. Года два тому назадъ, въ этомъ же переулкѣ мороженщика убили. Возвращался ночью изъ городского сада, а его молоткомъ по головѣ—и концы въ воду. До сихъ поръ неизвѣстно, кто убилъ. Конечно, и сегодня тамъ кричали. Полиція ничего не дѣлаетъ, ночные сторожа дрыхнуть, а тутъ, подъ окнами, всякая хулиганщина безобразничаетъ“. Филиппу Ивановичу вдругъ

вспомнилось, какъ одинъ городской, къ которому онъ обратился съ какою-то просьбой, отвѣчалъ съ достоинствомъ: „Это не въ моемъ правительствѣ; ступайте къ слѣдующему постовому!“ Это воспоминаніе его разсмѣшило. „Вѣдь скажетъ же: „не въ моемъ правительствѣ“! Правительство какое, подумаешь!“ Потомъ его мысли перешли почему-то къ ихъ начальнику отдѣленія, который тоже любилъ говорить: „мы, правительство... и, уже совершенно успокоенный этими житейскими, мелочными воспомина- ніями, Филиппъ Ивановичъ затворилъ окно и легъ въ постель. Но какъ только свѣтлая, безстыжая ночь ушла изъ комнаты, онъ снова почувствовалъ свое одиночество, и сердце его стѣсни- лось. „Вотъ вѣдь, никого у меня нѣтъ, съ кѣмъ бы поговорить по душѣ,—рѣшительно никого! Ну, Расскажи я кому-нибудь ны- нѣшній случай, да вѣдь меня сейчасъ же за сумасшедшаго со- чтутъ, пальцами будутъ показывать, это ужъ такъ... А жена? Ей и говорить нечего... перепугается, ничего не пойметъ, къ со- сѣдкамъ побѣжить... И на другой же день всѣ знакомые будутъ говорить:—А слышали: Филиппъ-то Иванычъ?..—Что такое?..— Да того... свихнулся!.. Неужели?..—Брр... Но нѣтъ, лучше объ этомъ не думать, Затѣмъ, не надо. Спать нужно“. Филиппъ Ивановичъ закрылся одѣяломъ съ головой, голову втиснулъ по- служе въ подушку и закрылъ глаза, стараясь ни о чемъ не думать. Послѣ ночной свѣжести пріятная теплота обволокла его тѣло; легкій туманъ вступилъ въ усталый мозгъ, онъ сталъ за- сыпать...

...И вдругъ откуда-то издалека, потомъ все ближе, ближе, донесся рыдающій вопль: „Ой-ой-ой, помогите... Погибаю, по- мо- ги- те“...

V.

Филиппъ Ивановичъ понялъ. Онъ понялъ, что это не масте- ровщина безобразничаетъ, что не безстыдная, свѣтлая ночь кри- чить, а кричить что-то въ немъ самомъ, въ тѣлѣ его, въ его жилахъ, въ мозгу, и что ни уйти, ни спрятаться отъ этого ни- куда нельзя, потому что отъ самого себя не уйдешь. И когда онъ это понялъ, онъ сейчасъ же пересталъ бояться, потому что всѣ усилія своей воли направилъ на то, чтобы скрыть это отъ всѣхъ. Онъ удвоилъ свою старательность на службѣ и, какъ всегда, молчаливый, корректный, съ дѣловито-вѣжливой улыбкой являлся въ казенную палату, садился на свое регистраторское мѣсто, тщательно вписывалъ въ реестръ всякія входящія и ис-

полненія по нимъ, занумеровывалъ, подшивалъ и дѣлалъ видъ, что онъ такой же, какъ и прежде, что ничего особеннаго съ нимъ не случилось. Когда входилъ начальникъ отдѣленія, Филиппъ Ивановичъ такъ же, какъ и всѣ, почтительно подымался ему навстрѣчу; такъ же, какъ и всѣ, обвинялся разными пустыми замѣчаніями съ своими сослуживцами; одѣваясь, снисходительно шутилъ со сторожемъ, возвращался домой, обѣдалъ, ложился отдыхать, по вечерамъ кое-чѣмъ занимался,—однимъ словомъ, велъ себя, какъ всякій порядочный чиновникъ, на хорошемъ счету у начальства. И только оставаясь одинъ, онъ сбрасывалъ съ себя этотъ показной чиновничій чехолъ, и все лицо его искажалось мучительной тоской, когда изъ нѣдръ его души доносились въ нему призывные вопли невѣдомаго, погибавшаго *никто*.

VI.

Впрочемъ, иногда бывали минуты замѣшательства, доставлявшія Филиппу Ивановичу немало хлопотъ и беспокойства. Чаше всего его тревожила мысль: а что, не проговорился ли онъ когда-нибудь и кому-нибудь раньше о своей тайнѣ? Онъ начиналъ вспоминать и дѣйствительно вспоминалъ, какъ однажды жаловался помощнику столоначальника, Агаѳонику Петровичу, что у него въ ушахъ точно мухи жужжатъ. Тогда еще Агаѳоникъ Петровичъ, почтенный старичокъ съ огромной шишкой на лбу, сочувственно къ этому отнесся и сказалъ, что это ничего, просто сѣбра кипитъ въ ушахъ къ перемѣнѣ погоды, а впрочемъ посоветовалъ взять на всякій случай ватки отъ Митрофанія, завернуть въ нее кусочекъ камфоры и на ночь закладывать въ уши. Помнится, Филиппъ Ивановичъ все это сдѣлалъ, но такъ какъ ни ватка, ни камфора не помогли, то онъ скоро ихъ оставилъ, а потомъ, вскорѣ, вмѣсто мухъ, начали визжать поросята, и онъ уже никому объ этомъ не говорилъ. Но теперь Агаѳоникъ Петровичъ его беспокоилъ: хорошо, если онъ уже забылъ про мухъ, ну, а если нѣтъ? И Филиппъ Ивановичъ подозрительно поглядывалъ на помощника столоначальника, когда тотъ съ старомодной вѣжливостью освѣдомлялся о его здоровьи.

Потомъ былъ еще одинъ случай. Обыкновенно, Филиппъ Ивановичъ на службѣ никакихъ звуковъ не слышалъ,—не до того было,—но разъ, какъ-то, онъ забылся, задумался... и тотчасъ же знакомый вопль зазвенѣлъ въ его ушахъ. И тутъ произошло нѣчто странное, что сильно поразило тогда всѣхъ присутствующихъ.

щихъ и получило объясненіе только долго спустя послѣ того. Филиппъ Ивановичъ Касаткинъ, этотъ молчаливый, застѣнчивый, робкій регистраторъ, этотъ крошечный чиновничекъ съ смиреннымъ, незначительнымъ лицомъ и почтительно-склоненною спиной, ходившій всегда на-цыпочкахъ, говорившій шепоткомъ, съ придыханіями и уродливыми тѣлодвиженіями,—этотъ самый Филиппъ Ивановичъ вдругъ шумно вскочилъ съ своего просиженного стула, выпрямилъ согнутую спину и съ преобразившимся, странно просвѣтлѣвшимъ лицомъ закричалъ:

— Господа, что же это мы дѣлаемъ? Почему молчимъ? Вѣдь нельзя же такъ... вѣдь онъ кричитъ, кричитъ... Надо же ему помочь...

Всѣ перья сразу перестали скрипѣть, всѣ глаза съ испугомъ устремились на Филиппа Ивановича, а начальникъ отдѣленія, который только-что вынулъ платокъ, чтобы высморкаться, нахмурился и спросилъ:

— Что такое?.. Какъ?

Но Филиппъ Ивановичъ былъ уже опять Филиппомъ Ивановичемъ и, сконфуженно изгибая спину, держась за щеку, отвѣчалъ едва слышно:

— Извините, Викторъ Павловичъ... ужасно зубъ болитъ... то-есть, такъ ноетъ, такъ ноетъ... хоть на стѣну...

Перья опять заскрипѣли, глаза утонулись въ бумаги, а Викторъ Павловичъ высморкался и успокоительно сказалъ:

— А-а... какъ же это вы такъ... запустили?.. Надо того... что-нибудь, дѣйствительно... Зубная боль—это адски-непріятная вещь. А?

А помощникъ столоначальника послѣ занятій подошелъ къ Филиппу Ивановичу и опять посовѣтовалъ взять, съ позволенія сказать, гусиного помету, потомъ немножко роснаго ладаана, потомъ сѣры и еще чего-то, настоять все это на спирту и на водкѣ—въ дупло...—Помогаетъ! Удивительно помогаетъ!—тайно говорилъ онъ, держа Филиппа Ивановича за пуговицу. —У меня въ свое время тоже зубы болѣли,—только этимъ и спасся.

И въ доказательство онъ показывалъ Филиппу Ивановичу свои беззубыя десны, изъ которыхъ давно уже выкрошились остатки корней.

Филиппъ Ивановичъ поблагодарилъ за совѣтъ и общалъ попробовать.

VII.

Съ этого дня Касаткинъ началъ еще бдительнѣе слѣдить за собою и сдѣлался удивительно хитеръ и изворотливъ. Онъ сталъ какъ будто еще ниже ростомъ, спина его приобрѣла еще болѣе крутой изгибъ, въ голосѣ, когда онъ говорилъ съ начальствомъ, прибавились новыя, нѣжно-почтительныя ноты, и, глядя на него, никто не подозрѣвалъ, что этотъ исполнительный, аккуратный чиновникъ, съ точностью машины дѣлавшій свое незамѣтное, но необходимое дѣло, переживаетъ какія-нибудь необыкновенныя, сверхъестественныя впечатлѣнія въ тиши безсонныхъ ночей или въ минуты одиночества.

Даже Катерина Ивановна ничего не замѣчала, и только удивлялась, что Филиппъ Ивановичъ сталъ мало ѣсть и отказывался ходить въ гости. Прежде послѣ каждаго „20-го числа“, а изрѣдка и по праздникамъ, у нихъ или у сослуживцевъ собирались выпить, закусить, поиграть въ карты, попѣть, а теперь ни онъ ни къ кому, ни къ себѣ никого не приглашаетъ. Это было немножко странно.

— Послушай, Филиппъ Ивановичъ,—говорила она.—Да что это съ тобою, право? А? Боленъ ты что-ли?

— А что?

— Какъ что? Смотри, пожалуйста, всѣ дуговицы я тебѣ на кальсонахъ перешила,—такъ похудѣлъ. Развѣ это можно? Ты хоть бы къ доктору сходилъ что-ли!

Филиппъ Ивановичъ блѣднѣлъ, но выдавливалъ на лицѣ безпечную улыбку и возражалъ:

— Это зачѣмъ? Выдумаетъ тоже! Причемъ тутъ докторъ, когда я совершенно здоровъ.

— Здоровъ, а ничего не ѣшь. Вчера твой любимый пирогъ съ морковью пекла, а ты хоть бы дотронулся. А потомъ нигде не ходишь, все дома сидишь, все молчишь...

— А о чемъ намъ съ тобой говорить-то?—язвительно спрашивалъ Филиппъ Ивановичъ.

— Какъ о чемъ? Вѣдь говорили же прежде!

— Да о чемъ? О чемъ говорили-то?

— Мало ли о чемъ! Все, бывало, придешь, расскажешь, что у васъ въ палатѣ, анекдотъ какой-нибудь про чиновниковъ или про начальника отдѣленія, то-сѣ... Интересно!

Филиппъ Ивановичъ смотрѣлъ на жену съ невыразимымъ презрѣніемъ и махалъ рукой.

— Дрова—сѣно, сѣно—дрова...—бормоталъ онъ и уходилъ къ себѣ въ комнату. Тамъ онъ ложился на диванъ, поворачивался лицомъ къ стѣнѣ и начиналъ слушать голосъ изъ того невѣдомаго міра, гдѣ не было ни входящихъ, ни исходящихъ, ни начальника отдѣленія, ни 20-го числа, гдѣ кто-то, не страшась за свою участь, не стѣсняемый никакими циркулярами и предписаніями, свободно кричалъ о своемъ страданіи.

VIII.

А потомъ появился и онъ.

Сначала онъ вошелъ чрезвычайно робко и былъ весь какой-то мутно-сѣрый, почти безцвѣтный, какъ будто пустой внутри, съ неопредѣленнымъ обликомъ, похожимъ на стертый пятналтынный, давно уже потерявшій всякую цѣнность. Онъ вошелъ безшумно, осторожно, точно боясь распасться, усѣлся на краешекъ дивана въ ногахъ у Филиппа Ивановича и сталъ глядѣть на него своими тусклыми глазами испуганно и жалостно, растягивая дряблый ротъ свой до ушей въ жалкую улыбку, какъ бы просящую снисхожденія за этотъ неожиданный визитъ. Но Филиппъ Ивановичъ не разсердился и даже не удивился; напротивъ, онъ почувствовалъ какъ бы нѣкоторое удовольствіе оттого, что этотъ сѣрый господинъ пришелъ, наконецъ.

— Ну вотъ!—сказалъ онъ спокойно. Вотъ, вѣдь, я такъ и зналъ, что это будетъ. И зачѣмъ было такъ долго прятаться?

И Филиппъ Ивановичъ строго обратился къ пришедшему:

— Это вы кричите постоянно у меня надъ ушами?

Онъ оттянулъ ротъ еще больше и беззвучно зашевелилъ дряблыми губами, потомъ исчезъ такъ же внезапно, какъ и появился.

— Ну вотъ, ну вотъ!—повторилъ Филиппъ Ивановичъ.— Конечно, это онъ кричалъ „караулъ“ и прочее.

Это открытіе его успокоило и развеселило. Въ этотъ день онъ даже много ѣлъ за ужиномъ, выпилъ три рюмки водки и долго разсматривалъ жену, какъ будто давно ее не видѣлъ. Съ грустнымъ удивленіемъ онъ смотрѣлъ на ея сѣрое съ красными пятнами лицо, выцвѣтшіе глаза въ припухлыхъ вѣкахъ, жидкіе волосики, небрежно свернутые узелкомъ на макушкѣ, отвислыя, какъ у лягавой собаки, щеки... Катерина Ивановна замѣтила его пристальный взглядъ и спросила:

— Что ты на меня смотришь, Филиппъ Ивановичъ?

— Такъ...—отвѣчалъ Касаткинъ и, помолчавъ немного, сказалъ:—А сколько уже лѣтъ, какъ мы съ тобой поженились?

— Сколько?—съ недоумѣніемъ переспросила Катерина Ивановна.—Постой... Да... пятнадцать лѣтъ ужъ, кажется.

— Пятнадцать лѣтъ!—повторилъ Филиппъ Ивановичъ, самъ съ удивленіемъ прислушиваясь къ этимъ словамъ.—Уже пятнадцать лѣтъ... а въ палатѣ, значить, восемнадцать... Поступилъ двадцати лѣтъ,—значить, ужъ тридцать-восемь лѣтъ мнѣ. Хо-хо... порядочно! А какъ прошли эти тридцать-восемь лѣтъ? Какъ одинъ день... и вспомнить даже нечѣмъ. Здорово!

Онъ сидѣлъ, нахмурившись, и что-то вспоминалъ.

IX.

— А помнишь...—началъ онъ снова, медленно, какъ бы съ усиленіемъ.—Помнишь, какъ мы съ тобой познакомились въ первый разъ?

Катерина Ивановна оживилась.

— Конечно, помню!—смѣясь, отвѣчала она.—Вы съ Гребенкинымъ тогда рядомъ квартировали, у Голубинскихъ, и къ намъ въ садъ вишни воровать лазали. А папаша васъ тогда обоихъ поймалъ и чай пить пригласилъ. А вы сидѣли за столомъ ни живы, ни мертвы, красные, какъ раки, и еще у тебя панталоны были изорваны, и ты боялся повернуться. Ужасно смѣшно было!

Она смѣялась, показывая рѣдкіе, испорченные зубы, и Филиппъ Ивановичъ искалъ въ ея дрябломъ лицѣ той свѣжести и тѣхъ яркихъ красокъ здоровой молодости, которыя когда-то увлекли его въ ней. Въ памяти Филиппа Ивановича смутно воскресалъ какой-то умершій образъ... образъ хорошенькой, розовой дѣвушки, съ вкусными ямочками на круглыхъ щекахъ, съ пышными волосами и быстрымъ взглядомъ карихъ глазъ. Какая проказница была и хохотушка... гдѣ она теперь? Куда ушла? Куда исчезло все... молодость, веселье, беззаботный смѣхъ?... Да и были ли они когда-нибудь? Должно быть, нѣтъ... и ярко вспоминались только голыя стѣны палаты, шкафы съ „дѣлами“, продавленный регистраторскій стулъ, сѣрые лица, сѣрые разговоры, книга для записи бумагъ — и больше ничего. И это одно было, и есть, и будетъ... будетъ и завтра, и послѣ-завтра, и всегда... до самой смерти.

Филиппъ Ивановичъ вдругъ разсмѣялся рѣзко, сухо, почти

злобно, и всталъ. Катерина Ивановна, оживленная воспомина-
ніями юности, остановилась на полусловѣ и съ удивленіемъ по-
смотрѣла на мужа.

— Ты чего?—спросила она.

— Ничего...

Онъ потянулся и гнусливо пропѣлъ: „Все это было когда-то...
да только не помню, когда!“

Катерина Ивановна замолчала, и съ обиженнымъ видомъ стала
собирать со стола. Филиппъ Ивановичъ глядѣлъ на ея распыл-
вшуюся фигуру въ неуклюжемъ капотѣ, и что-то ѣдвое подыма-
лось въ его душѣ.

„А что, еслибы я сейчасъ сказалъ ей про *него*?—подумалъ
онъ.—Не поняла бы... ничегошенько бы не поняла... а пятна-
дцать лѣтъ живемъ вмѣстѣ! Разорванные штаны,—это она по-
мнить, это ей интересно; а вотъ что меня мучить, отчего я то-
скую,—объ этомъ съ ней нельзя говорить. Пойду лучше къ
нему“...

И тяжело шаркая ногами, Филиппъ Ивановичъ пошелъ на
свой диванъ.

Х.

Онъ пришелъ опять и на этотъ разъ былъ гораздо смѣлѣе
и развязнѣе. Появившись, онъ помѣстился на томъ же мѣстѣ,
въ ногахъ, и, потирая руки, дружелюбно, какъ старому знако-
мому, подмигнувъ Филиппу Ивановичу.

— Ну, вотъ и я!—шепоткомъ сказалъ онъ и хихикнулъ.

Филиппъ Ивановичъ долго смотрѣлъ на него съ презритель-
нымъ любопытствомъ, и черты его лица казались ему странно-
знакомыми. Гдѣ онъ его видѣлъ?

— Ну, что же, вы все кричите?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Нельзя-съ... — прошепталъ онъ. — Знаете, надоѣло уже
молчать...

— Надоѣло?

— Помилуйте!—отвѣчалъ онъ и опять хихикнулъ, растягивая
ротъ до ушей.—Невозможно-съ!.. Я двадцать лѣтъ молчу, а, между
прочимъ, человѣкъ созданъ для того, чтобы говорить, выражать,
такъ сказать, свои мысли, не правда ли-съ? Помните, мы съ
вами еще въ гимназіи учили: „человѣкъ отличается отъ живот-
ныхъ тѣмъ, что обладаетъ даромъ слова“...

— Учили...—задумчиво согласился Филиппъ Ивановичъ.

— Ну, вотъ-съ! — радостно сказалъ онъ, кивая головою.—

Даръ слова, — вѣдь это что такое? Вы только подумайте-съ... Вѣдь это сила, это рычагъ жизни... а между тѣмъ, мы съ вами молчимъ-съ... Двадцать лѣтъ молчимъ... и даже, если правду говорить, совсѣмъ разучились человѣческія слова употреблять...

— Ну, какъ это отвыкли? — возразилъ Филиппъ Ивановичъ. — Что вы такое говорите? Каждый день встрѣчаемся съ людьми, разные дѣла ведемъ, — что же мы хрюкаемъ, что-ли, или по-коровьи мычимъ? Это уже даже странно... ерунда какая-то! Разговариваемъ, какъ всѣ, и слова у насъ самыя обыкновенныя.

— Помилуйте! — хихикнулъ онъ весело. — Какія же это слова-съ! Рыбьи слова, а не человѣческія!

Это наглое хихиканье разсердило Филиппа Ивановича, и онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе къ своему собесѣднику. Но тотъ уже исчезъ, и Филиппъ Ивановичъ остался одинъ, недоумѣвающій, разстроенный и оскорбленный. „Чортъ знаетъ что такое! — думалъ онъ. — Какія „рыбьи слова“? И чего онъ во мнѣ лѣзетъ, этотъ господинъ? Ну, хочетъ кричать, и кричалъ бы себѣ тамъ гдѣ-нибудь, а зачѣмъ же непременно лѣзть къ другимъ? Я, можетъ быть, вовсе не желаю слушать его разговоры. Скажите, умникъ какой нашелся! Пришелъ неизвѣстно откуда, разсѣлся тутъ и туда же... критиковать“...

XI.

Однако, несмотря на свою досаду, Филиппъ Ивановичъ уже съ нетерпѣніемъ началъ ожидать посѣщеній таинственнаго незнакомца, и каждый разъ, послѣ бесѣды съ нимъ, голова его была полна новыхъ мыслей и лихорадочно работала надъ множествомъ вопросовъ, которые возбуждалъ въ немъ его собесѣдникъ. Онъ сердился, кипѣлъ, горѣлъ, придумывалъ разные возраженія и замѣчанія и, найдя какое-нибудь особенно удачное, остроумное словцо, весело потиралъ руки и хихикалъ совершенно такъ же, какъ и незнакомецъ.

„Рыбьи слова! — думалъ онъ. — Какъ-такъ „рыбьи слова“? Нѣтъ, погоди, я тебѣ докажу, что мы не одни рыбьи слова умѣемъ говорить! Ты думаешь, что кричишь, стало быть, и правъ? Нѣтъ, извините, тутъ дѣло вовсе не въ крикѣ. Кричать-то всякій сумѣетъ, а я вотъ хоть и не кричу, а все понимаю и свои мысли какими-угодно словами выразить могу. Пожалуйста, сдѣлайте ваше одолженіе, я вамъ покажу, какія-такія у насъ „рыбьи“ слова!

Но когда онъ приходилъ и начиналъ свои хихикающія, ядо-

витыя рѣчи, Филиппъ Ивановичъ терялся, забывалъ нужныя слова и чувствовалъ, къ ужасу своему, что дѣйствительно разучился говорить. Съ ненавистью смотрѣлъ онъ на своего собесѣдника, а тотъ сидѣлъ себѣ по обыкновенію на крайшкѣ дивана и, потирая руки, говорилъ:

— Нѣтъ-съ, Филиппъ Ивановичъ, это ужъ позвольте-съ! Это вы напрасно горячитесь, а извольте хорошенько на себя поглядѣть, вотъ и увидите, что ничего, кромѣ рыбьихъ словъ, у васъ не осталось. Нельзя-съ, многоуважаемый мой, двадцать лѣтъ сидѣть на одномъ стулѣ и молчать! Мозги высохнутъ!

— Какъ высохнутъ?

— А такъ и высохнутъ! Вы загляните-ка въ себя, чтò у васъ тамъ? Пусто, многоуважаемый, хе-хе-хе... Ничего нѣтъ-съ, вѣрьте слову! А вѣдь было, было-съ! Вспомните-ка хорошенько! Вѣдь вы въ гимназіи учились, книжки разныя читали, Шиллера наизусть знали, мечтали, то же, небось, героемъ себя воображали — хе-хе-хе!.. Вѣдь правда-съ? А теперь какъ? Много ли вы книгъ-то прочли въ эти двадцать лѣтъ, а? Да и Шиллера-то, поди, ужъ давно позабыли?

— Забылъ... Пойдите, вспомню!.. „Если грудь виномъ согрѣта, и въ устахъ вино кипитъ“... Нѣтъ, не то... „На Посидоновъ пиръ веселый, куда стекались чада Гелы“... И это не то... Чортъ знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, забылъ...

Отвратительный сѣрый человѣчекъ заливался смѣхомъ.

— То-то и оно-то! — шипѣлъ онъ, подпрыгивая и кривляясь. — Выдохлось! Умерло-съ, и поросло травой забвенья! Ахъ, Филиппъ Ивановичъ, Филиппъ Ивановичъ! А помните, бывало, на чердачкѣ-то, на чердачкѣ-то? Ась? Лунныя ночи, сердце горитъ, голова кружится... мечты-то, мечты-то какія! И вдругъ — шлёпъ! Прямо въ болото... Продавленный стулъ, тишина и молчаніе, исходящія и входящія, рыбьи мысли, рыбьи слова-съ...

— Да пойдите вы... чортъ!.. — стоналъ Филиппъ Ивановичъ. — Дайте же и мнѣ сказать, наконецъ... Ну, чтò же, по вашему, мнѣ нужно было дѣлать? Вѣдь гимназію я не могъ кончить, чортъ васъ возьми, вѣдь у меня мать больная была на рукахъ, двѣ сестренки, — нужно же было чѣмъ-нибудь кормиться? Ну, и того... поступилъ въ палату на десять рублей жалованья сначала... Потомъ прибавили... а потомъ, черезъ два года, женился... Какой ужъ тутъ Шиллеръ!

— Вотъ именно, именно-съ, какой ужъ тутъ Шиллеръ! — чему-то радуясь, хихикалъ онъ. — Про это-то я и говорю-съ... Вѣдь я и не упрекаю... я вѣдь ни-ни... ни Боже мой, за-

чѣмъ же-съ! Я только говорю: былъ человѣкъ—и нѣтъ человека... только-съ, только и всего-съ!

— То-есть, позвольте... Какъ это нѣтъ человека?

— Да такъ и нѣтъ-съ! Вы поглядите-ка себѣ во внутрь-то, въ самую внутреннюю свою,—что тамъ у васъ? Труха, гнилье-съ... а человека давно нѣтъ,—онъ умеръ, разложился, распался въ прахъ... А вы все еще думаете, что вы человекъ? Хе-хе-хе... иллюзія-съ! Не болѣе, какъ сладкая иллюзія!..

— Ну, а кто же я по вашему?

— Вы-съ?—съ злобной радостью повторилъ человѣчекъ.— Вы-съ — ходячая мумія, манекенъ въ мундирѣ, канцелярская шкура безъ потроховъ, — вотъ-съ! Снаружи оно какъ будто и ничего-съ, все приличненько, все въ порядкѣ, кокардочка на фуражечкѣ, пуговочки всѣ на мѣстѣ, ходите, говорите, что-то какъ-будто дѣлаете, но это только одна видимость, больше ничего-съ! Человекъ нѣтъ-съ!

— Но однако же, послушайте... Вѣдь я служу, жалованье получаю, значить, нуженъ же я кому-нибудь?

— Кому-съ?

— Ну, какъ это кому? Учрежденію, гдѣ я служу, государству, которое мнѣ жалованье платить... народу, наконецъ...

Человѣчекъ начиналъ такъ корчиться отъ беззвучнаго смѣха, что, казалось, онъ вотъ-вотъ рассыплется въ прахъ.

— Народу-съ?.. Хе-хе-хе... Это вы нужны народу? А вы спрашивали его объ этомъ? Онъ васъ знаетъ-съ? Кто-нибудь вамъ говорилъ это? Нѣтъ-съ! Вы лжете, Филиппъ Ивановичъ, самого себя обманываете, я вамъ это говорю-съ! Такихъ, какъ мы съ вами, народъ называетъ „красивое сѣмя“... А что такое—красива-съ? Сорная трава, паразитъ, больше ничего-съ... И никому мы съ вами не нужны-съ! И давно пора выдернуть насъ изъ жизни, какъ крапиву изъ огорода, и выбросить въ помойную яму-съ... Вотъ-съ!

— Но я не хочу... я не хочу этого!—раздраженно кричалъ Филиппъ Ивановичъ.

— Да вѣдь и я не хочу... Отчего же я кричу-то? Отъ отчаянія кричу, отъ боли-съ, оттого что въ мертвомъ тѣлѣ своемъ ощутилъ живого человека, и человекъ этотъ не хочетъ влечь за собою гнилой трупъ, онъ хочетъ освободиться отъ него; онъ хочетъ жить, жить, жить...

— Такъ что же, и мнѣ что-ли кричать по вашему?—насмѣшливо спрашивалъ Филиппъ Ивановичъ.

Но, къ ужасу Филиппа Ивановича, сѣрый человѣчекъ вдругъ

вытягивался, выросталъ до потолка и съ искаженнымъ лицомъ, съ перекошеннымъ ртомъ, изъ котораго, казалось, сейчасъ выйдутся наружу всѣ внутренности, начиналъ неистово кричать...

XII.

Въ дверь просовывалась испуганная фізіономія Катерины Ивановны.

— Филиппъ Ивановичъ! Филиппъ Ивановичъ! — дрожащимъ голосомъ говорила она. — Ты чего это кричишь?

Филиппъ Ивановичъ вскакивалъ съ дивана и дико смотрѣлъ на жену.

— Чтѣ? Развѣ я кричу?

— Да какъ же, прямо на весь домъ сейчасъ крикнулъ: „Караулъ, помогите!“... Я ужъ думала, бо-звать чтѣ... Не лежи ты на лѣвомъ боку, Филиппъ Ивановичъ, это у тебя кошмаръ...

— А въ самомъ дѣлѣ, должно быть, кошмаръ, — соглашался Касаткинъ и хитро прибавлялъ: — То-то, я, знаешь, тяжесть въ желудкѣ чувствую. Дай-ко мнѣ кваску.

Катерина Ивановна, шлепая туфлями, уходила за квасомъ, а Филиппъ Ивановичъ ложился опять на диванъ и думалъ: „Чортъ знаетъ чтѣ... стало-быть, и я уже кричать началъ? Непріятно... А, можетъ, у меня и вправду кошмаръ? Вѣдь нѣтъ же „его“ въ самомъ дѣлѣ, вѣдь кажется мнѣ это только... а вотъ вѣдь ходитъ, разговариваетъ, смѣется... Этакая противная рожа, и чего „онъ“ ко мнѣ привязался? Гм... Надо бы къ доктору сходить, посоветоваться. Такъ и такъ, молъ, нервы разстроены, бессонница, кошмары... А ну, какъ вдругъ докторъ возьметъ, да въ желтый домъ засадить? Хе-хе-хе... нѣтъ, это ужъ извините-сь, ни за что! Не хочу въ желтый домъ...”

Онъ произносилъ эти слова такъ похоже на своего таинственнаго посѣтителя, что самъ пугался и оглядывался робко по угламъ, — кто это говорить, онъ или *тотъ*? Но въ углахъ таилось молчаніе, и успокоенный Филиппъ Ивановичъ продолжалъ думать свою одинокую думу: „Нѣтъ, никому не надо говорить, ни слова, ни намека! Скрывать надо, скрывать“...

И онъ скрывалъ.

А въ палатѣ все шло попрежнему: скрипѣли перья, шуршали подшиваемые листы бумаги, слышались обычные разговоры, въ которыхъ Филиппъ Ивановичъ принималъ участіе. Онъ только сталъ немного разсѣяннѣе и иногда не сразу отвѣчалъ на обра-

ценные къ нему вопросы, но по привычкѣ дѣло свое исполнялъ такъ же аккуратно и точно.

Кромѣ него, въ ихъ столѣ сидѣло пять человекъ: столоначальникъ, Митрофанъ Гаврилычъ, толстый, молчаливый господинъ, котораго почему-то всѣ недолюбливали и боялись; помощникъ его, Агаѳоникъ Петровичъ; чиновникъ, завѣдующій гербовымъ дѣломъ, и два писца. Столоначальникъ держался въ сторонѣ отъ всѣхъ и ни съ кѣмъ особенно не сходилъ, ограничиваясь одними служебными отношеніями, но всѣ остальные находились между собою въ тѣсномъ знакомствѣ и знали другъ про друга всю подноготную. Встрѣчаясь каждый день за однимъ и тѣмъ же столомъ, у одного и того же дѣла, они, несмотря на разницу лѣтъ и положенія, чувствовали себя какъ бы членами одной семьи и рассказывали другъ другу всѣ свои маленькія домашнія радости и горести. Ихъ личная жизнь до того переплелась съ жизнью палаты, что они не знали, гдѣ кончается одна и гдѣ начинается другая. Весь міръ заключался для нихъ въ стѣнахъ палаты, и то, что происходило за этими стѣнами, интересовало ихъ настолько, насколько имѣло отношеніе не къ учрежденію даже, а къ ихъ столу. Чины, кресты, награды, жалованье, повышенія, перемѣщенія, — вотъ былъ кругъ, въ которомъ вращались всѣ ихъ помыслы, надежды и разочарованія. Наиболѣе типичнымъ представителемъ этого тѣснаго мірка былъ Агаѳоникъ Петровичъ. Сынъ и внукъ цѣлаго поколѣнія чиновниковъ, самъ чиновникъ чуть не съ пятнадцати лѣтъ, онъ вспомнилъ и вскормилъ казеннымъ жалованьемъ огромное семейство, члены котораго сдѣлались тоже чиновниками или женами чиновниковъ. Поэтому казенная служба была для него альфой и омегой человѣческаго существованія, и онъ зналъ рѣшительно все, что дѣлалось и дѣлается въ казенной палатѣ. Онъ зналъ, когда, кто и на какое жалованье поступилъ, кому какой чинъ предстоитъ получить въ текущемъ году, какіе сроки полагаются для выслуги пенсіи, казая награда какому чину соответствуетъ, и если нужно было что-нибудь узнать, обращались къ Агаѳонику Петровичу. Это былъ живой архивъ, и его голова, кромѣ рецептовъ отъ разныхъ болѣзней, хранила въ себѣ множество другихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ чиновничьемъ быту.

XIII.

Изъ двухъ писцовъ, служившихъ въ ихъ столѣ, одинъ былъ уже старикъ, немного моложе Агафоника Петровича; другой—среднихъ лѣтъ. Оба они не получили никакого образованія и потому не имѣли въ будущемъ никакой надежды подняться на высшую іерархическую ступень. Старика звали просто Еремѣевымъ и относились къ нему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, потому что онъ былъ человѣкъ пьяный, грязный, неаккуратный и терпѣлся на службѣ только изъ снисхожденія къ его бѣдности. Въ трезвомъ видѣ Еремѣевъ былъ исполнительъ, тихъ и искателевъ, но когда напивался, то дѣлался положительно невыносимъ. Являлся на службу весь растерзанный, грубилъ, дерзилъ, рассказывалъ невѣроятныя сальныя анекдоты и ко всѣмъ приставалъ, требуя денегъ на выпивку. Чтобы отвязаться, ему давали пятаки, и онъ исчезалъ на день, на два, потомъ приходилъ снова, весь оборванный, въ грязи, со слѣдами изверженій на платьѣ, съ синяками подъ глазами, пропахнувшій насквозь перегорѣлой водкой. Такъ продолжалось недѣлю, двѣ, иногда мѣсяцъ; затѣмъ запой проходилъ, и Еремѣевъ возвращался къ своему столу, тихій, умытый и причесанный. Только огромный красный носъ съ синими жилками свидѣтельствовалъ о бурно проведенномъ времени, да руки долго дрожали при перепискѣ бумагъ.

Другой писецъ, Иванъ Евлампіевичъ, былъ въ другомъ родѣ. Толстенькій, коротенькій, съ большой головой и плоскимъ, какъ блинъ, лицомъ, на которомъ удивленно таращились круглые, рачьи глаза, онъ, несмотря на свое ничтожное положеніе въ палатѣ, былъ преисполненъ необычайнаго величія и сознанія собственнаго достоинства. Говорилъ онъ всегда авторитетно, носилъ фуражку съ кокардой, голову держалъ кверху, чтобы казаться выше ростомъ, и чрезвычайно гордился тѣмъ, что онъ дворянинъ. Втайнѣ онъ лелѣялъ завѣтную мечту дослужиться когда-нибудь до становаго пристава и два раза держалъ экзаменъ на первый чинъ, но по неспособности проваливался и, къ огорченію своему, продолжалъ копѣть въ званіи писца. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему среди своихъ знакомыхъ разыгрывать важную птицу и пускать имъ пыль въ глаза разсказами о томъ, какъ онъ любимъ начальствомъ и какія широкія перспективы ожидаютъ его въ будущемъ.

Совершенно особнякомъ въ этомъ міркѣ стоялъ чиновникъ, завѣдующій гербовымъ дѣломъ. Это былъ еще совсѣмъ молодой

человѣкъ, поступившій на службу всего два года тому назадъ по особой протекціи управляющаго палатой. Въ свое время его назначеніе вызвало большую смуту въ умахъ, и до сихъ поръ еще многіе недоброжелательно косились на „выскочку“ и „любимчика“, незаслуженно занявшаго неподобающее ему мѣсто. Даже добродушный Агаѳоникъ Петровичъ становился сухъ и холодеѣлъ, когда ему приходилось обращаться къ новому сослуживцу; у Ивана же Евлампіевича просто сердце обливалось кровью отъ зависти и оскорбленнаго самолюбія. Фамилія молодого человѣка была Ругинскій, но такъ какъ онъ постоянно говорилъ о живописи, о картинахъ и выставкахъ, то его прозвали „художникомъ“, и это прозвище такъ и осталось за нимъ навсегда. Онъ, дѣйствительно, былъ художникъ, собирався поступить въ академію, но почему-то это ему не удалось, и вмѣсто живописи онъ принужденъ былъ корпѣть надъ гербовымъ уставомъ, къ которому чувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Къ службѣ Ругинскій относился болѣе, чѣмъ равнодушно, постоянно путалъ бумаги, палату, къ ужасу Агаѳоника Петровича, называлъ „помойной ямой“ и такимъ образомъ дѣйствій еще болѣе возбуждалъ противъ себя своихъ сослуживцевъ. Наружность онъ тоже имѣлъ исключительную, носилъ длинные волосы и шляпу съ огромными полями и былъ похожъ больше на итальянца, чѣмъ на чиновника. „Ну, ужъ и послалъ намъ Господь-Богъ этакое дитятко!“ ворчалъ Агаѳоникъ Петровичъ, исподлобья посматривая на художника, когда тотъ вмѣсто дѣловой бумаги безпечно рисовалъ какую-нибудь головку. „Сколько лѣтъ служу въ палатѣ, сроду у насъ такого разврата не было... Ему бы не бумаги писать, а съ шарманкой по улицѣ ходить,—вотъ самое подходящее дѣло. И этакого-то, прости Господи, молодца приставили къ гербовому уставу! Какое позорище!“...

XIV.

Занятія въ палатѣ начинались съ десяти часовъ. Раньше всѣхъ приходилъ Агаѳоникъ Петровичъ и тихонько, какъ крыса, принимался рыться въ бумагахъ. По его собственнымъ словамъ, дома онъ скучалъ, а въ праздники такъ просто даже не звалъ, что ему дѣлать. „Служба—это моя жизнь!“—говорилъ онъ. Потомъ мало-по-малу собирались всѣ, кромѣ начальника отдѣленія, который являлся часамъ къ двѣнадцати. До его прихода чиновники держали себя свободно, между дѣломъ разговаривали,

передавали разные слухи и сплетни, дѣлились впечатлѣніями вчерашняго дня. Еремѣевъ, если былъ выпивши, сквернословилъ, ко всѣмъ придирался и, поощряемый общимъ смѣхомъ, становился очень остроуменъ. Особенно доставалось отъ него Ивану Евлампіевичу, который третировалъ Еремѣева, когда тотъ былъ трезвъ, и, напротивъ, побаивался его въ пьяномъ видѣ. Въ этихъ случаяхъ Еремѣевъ, положительно, не давалъ ему сказать слова.

— Вчера я гулялъ съ губернаторскимъ чиновникомъ, — говорилъ Иванъ Евлампіевичъ. — Вотъ, идемъ мы съ нимъ по Дворянской, онъ мнѣ и говорить...

— Вреть! все вреть! — перебивалъ его Еремѣевъ, — Ей Богу, врешь, Иванъ Евлампіевичъ! Ну, какой тамъ губернаторскій чиновникъ? Никакого чиновника у тебя нѣтъ! Можетъ, губернаторскій дворникъ? Это тебѣ по рылу! А еще вѣрнѣе — губернаторская кухарка...

— Какая кухарка? — съ обиженнымъ лицомъ спрашивалъ Иванъ Евлампіевичъ.

— Ну, какая, — самая обыкновенная! Мало ихъ у тебя перебывало? Вѣдь ты ухаждёръ, наружность у тебя провзительная! Не то что губернаторская кухарка, а, пожалуй, и горничная съ тобой по Дворянской пройдетъ.

Всѣ смѣялись, а Иванъ Евлампіевичъ, весь красный отъ досады, умолкалъ и дѣлалъ видъ, что ему страшно некогда. Но, улучивъ минуту, когда Еремѣевъ куда-то исчезалъ, онъ поднималъ голову отъ бумагъ, и снова его авторитетный голосъ раздавался по палатѣ:

— Я, знаете, теперь чаю совсѣмъ не пью, бросилъ, — говорилъ онъ. — Представьте, какая исторія: отъ чаю клопы заводятся!

— Да что вы?

— Ей Богу! Теперь я по утрамъ вмѣсто чаю пью водку, и можете себѣ представить, — ни одного клопа! Всѣ перевелись.

— Это удивительно! — глубокомысленно говорилъ собесѣдникъ. — Стало быть, водка имъ во вредъ? А у меня клоповъ до пропасти, никакія средства не дѣйствуютъ. Попробую тоже водку пить, а чай брошу!

Иногда и столоначальникъ снисходилъ съ высоты своего величія и медленно, съ одышкой, рассказывалъ Агаѣонику Петровичу, что вчера у губернатора былъ балъ, что у управляющаго контрольной палатой больна жена, и что полиціймейстеръ выѣзжаетъ теперь не на вороняхъ, а на сѣрыхъ лошадяхъ. Агаѣоникъ Петровичъ при этомъ сочувственно поддакивалъ и съ большимъ интересомъ спрашивалъ, много ли было народу на

губернаторскомъ балу, чѣмъ больна жена управляющаго контрольной палатой и кто ее лечитъ, и почему полиціѣмейстеръ перемѣнилъ вороныхъ лошадей на сѣрыхъ. Было время, когда все это интересовало и Филиппа Ивановича, но теперь онъ съ страннымъ удивленіемъ прислушивался къ разговорамъ своихъ сослуживцевъ и думалъ:

„А вѣдь и вправду „рыбы слова“... Какъ это я прежде не замѣчалъ? Вѣрно, вѣрно... „рыбы слова“, „рыбы мысли“, „рыбы чувства“... Зачѣмъ же тогда Шиллеръ? Для кого онъ жилъ, для кого писалъ? Странно, нелѣпо, непонятно“...—И вдругъ у него явилось непреодолимое желаніе встать... и закричать на всю палату, на всю улицу, на весь городъ: „Караулъ, помогите!“...

Но, взглянувъ на жирное, безмятежное лицо столоначальника, на аккуратнаго и исполнительнаго Агаѳонива Петровича, онъ пугался, душилъ въ себѣ безумное желаніе и еще глубже погружался въ работу. А потомъ приходилъ начальникъ отдѣленія, и все вокругъ затихало, какъ въ гробу,—только скрипѣли перья и шуршала бумага.

XV.

Когда въ три часа занятія кончались, и чиновники оживленно гурьбой выходили на улицу, Филиппъ Ивановичъ старался отстать отъ всѣхъ и съ туманомъ въ головѣ удивленно осматривался. Послѣ сѣрыхъ палатскихъ стѣнъ ему казались дикі, чужды и непонятны голоса улицы, трескъ экипажей, говоръ людей, запахъ деревьевъ, свѣжій вѣтеръ, гвавшій по мостовой вихри пыли. Медленно шелъ онъ по троттуару и думалъ, что вотъ есть же какая-то совсѣмъ другая жизнь, текущая мимо него, жизнь, которой нѣтъ никакого дѣла до входящихъ и исходящихъ, которая идетъ сама по себѣ и сама себѣ довлѣетъ. Куда и зачѣмъ идутъ и ѣдутъ всѣ эти люди, — рабочіе, модистки, дамы, торговцы, солдаты? Зачѣмъ вѣтеръ бѣшено носится по городу и пылитъ въ глаза? Почему такъ весело скачетъ мальчуганъ въ изорванной рубашонкѣ и звонко кричитъ что-то другому мальчугану на той сторонѣ улицы? Вотъ прошли навстрѣчу плотники, грубые, загорѣлые, дюжіе, съ топорами и пилами за спиной. Они о чемъ-то говорятъ и хохочутъ громко, грубо, открывая большіе рты съ бѣлыми зубами; запахъ пота, чернаго хлѣба, свѣжаго дерева, несется отъ нихъ,—здоровый запахъ труда, силы и земли. Чего они хохочутъ, какъ смѣютъ хохотать, когда они тамъ, въ палатѣ, сидятъ, согнувшись, и

шепчутся потихоньку надъ своими бумагами, точно издыхающіе въ рѣшетѣ раки? Филиппъ Ивановичъ съ жаднымъ любопытствомъ всматривается въ кирпичныя лица плотниковъ, какъ бы ища въ этихъ лицахъ отвѣта на свои вопросы, но плотники уже прошли, и на смѣну имъ идутъ другіе... Это мастеровые идутъ. Оборванные, грязные, подвыпившіе, съ гармошкой, они тоже хохочутъ, перекидываются скверными словами и поютъ бессмысленную пѣсню:

Продай, миленькій, жилетку,
Купи Машенькѣ конфетку!

Хочоветъ и мечется дикая пѣсня, хочоветъ гармоника, хочоветъ пьяные мастеровые, и этотъ разгульный, безшабашный хохотъ волнуется кровь и зажигаетъ въ ней странныя желанія. У Филиппа Ивановича кружится голова, и ему хочется вотъ такъ же, какъ и эти мастеровые, идти по улицѣ съ гармоникой, пѣть, ругаться, хохотать, открывая ротъ во всю ширь. Или уйти бы въ степь, мчаться куда-нибудь вмѣстѣ съ буйнымъ вѣтромъ, кричать, скакать, валяться по землѣ, вдыхать въ себя ея горячій, сытный запахъ,—запахъ труда, силы и здоровья.

Отъ этихъ мыслей Филиппъ Ивановичъ останавливался и съ испугомъ глядѣлъ на своихъ спутниковъ. Ему казалось, что онъ уже кричалъ, и что всѣ слышали его крики. Но чиновники шли мимо него, не оборачиваясь, и вели какой-то тягучій разговоръ о палатскихъ дѣлахъ, и ихъ сѣрыя лица были, какъ всегда, спокойно-дѣловиты, и фуражки съ кокардами дѣлали ихъ похожими другъ на друга, какъ лѣсные орѣхи похожи между собою.

— Нѣтъ, представьте себѣ, какая у насъ вышла сегодня исторія,—говорилъ одинъ изъ нихъ. — Получается въ нашемъ столѣ отъ Управленія Государственными Имуществами за № 4015...

„Все то же, все то же... отношенія, предписанія, рапорты, доклады, а жизнь идетъ мимо“... И Филиппъ Ивановичъ думалъ, что вотъ онъ уже двадцать лѣтъ просидѣлъ надъ этими отношеніями и предписаніями, что теперь ему тридцать-восемь лѣтъ, что осталось прожить, можетъ быть, еще лѣтъ двадцать, а онъ все такъ же будетъ сидѣть въ палатѣ, на продавленномъ стулѣ, и такъ же будутъ идти дни, и такъ же онъ будетъ ходить изъ палаты домой, обѣдать, пить чай, разъ въ годъ справлять именины, на Пасху печь куличи и красить яйца, на Рождество ждать награды „на гуся“, играть въ карты, слушать одни и тѣ же разговоры... А когда же жить?“

— „Поздно, поздно“... — шепталъ ему въ уши знакомый насмѣшливый голосъ.

— Да неужели поздно? — воскликнулъ Филиппъ Ивановичъ вслухъ.

XVI.

— Чтò вы сказали?—проговорилъ кто-то около него.

Филиппъ Ивановичъ съ ужасомъ оглянулся, думая, что это онъ. Но передъ нимъ стоялъ „художникъ“ въ своей широкополой шляпѣ, изъ-подъ которой крупными кольцами падали длинные волосы, и смѣющимися глазами смотрѣлъ на Касаткина.

— Вы что-то сказали сейчасъ,—повторилъ онъ.—Я думалъ, вы мнѣ.

— Нѣтъ, я ничего не говорилъ,—угрюмо отвѣчалъ Филиппъ Ивановичъ, подозрительно косясь на художника.

— А, ну такъ это мнѣ показалось! — безпечно согласился художникъ, шагая рядомъ съ нимъ. — Чортъ знаетъ, скучища ужасная! Сидишь-сидишь въ этой помойной ямѣ, и голова сдѣлается, точно котелъ.

— Котелъ? Какой котелъ? — враждебно спросилъ Филиппъ Ивановичъ.

— Ну, какой, самый обыкновенный, чугунный, въ которомъ кашу варять! — смѣясь, сказалъ художникъ. — И тамъ гудить что-то—гу-у! гу-у! Чертовщина! Съ вами этого не бываетъ?

— Нѣтъ-съ, не бываетъ! — сухо отвѣтилъ Филиппъ Ивановичъ.

— Стало быть, вы привыкли. А я, знаете, никакъ не могу привыкнуть. Вѣдь мнѣ только двадцать-три года, я еще жить хочу, я люблю живопись, литературу, музыку, мнѣ нужно общество интересныхъ, живыхъ людей, а вмѣсто всего этого—помойная яма! Скука! Даже поговорить не съ кѣмъ. Вотъ я на дняхъ прочелъ Ницше—о Заратустрѣ. Хочется поговорить, подѣлиться впечатлѣніями—и не съ кѣмъ! Вѣдь это пытка...

— Надо зарабатывать свой хлѣбъ-съ!

— Хлѣбъ? Да... надо!—съ грустью сказалъ молодой человекъ. — Но развѣ нельзя такъ, чтобы трудъ былъ не пыткой, а удовольствіемъ? Вѣдь можно же это, какъ вы думаете? Вотъ, напримѣръ, я,—по призванію я художникъ. Заставьте меня написать стѣны нашей палаты,—я день и ночь буду работать, я не оторвусь отъ кисти, я... не знаю, чтò я сдѣлаю, но сдѣлаю все съ жаромъ, съ восторгомъ, съ наслажденіемъ! И вдругъ

меня посадили за гербовый уставъ... брр!.. Ненавижу его! Проклинаю!

— Гербовый уставъ,—тоже дѣло необходимое-съ! — возразилъ Филиппъ Ивановичъ.

— Кому необходимое? Зачѣмъ? Для чего?

— Для государства.

— Для государства! А что такое государство? Вѣдь это я, вы, мы, всѣ... А насъ спрашивали, нуженъ ли намъ гербовый уставъ? Вамъ онъ нуженъ? Мнѣ нуженъ? Кто-нибудь говорилъ вамъ, что онъ не можетъ жить безъ гербоваго устава? Вздоръ все это, бессмыслица, никому не нуженъ гербовый уставъ, а стало быть, и моя работа не нужна, и ваша, и всѣ мы корпимъ зря... Только такой трудъ и пріятенъ, который нуженъ, а нашъ трудъ никому не нуженъ, поэтому онъ отвратителенъ. Къ чорту гербовый уставъ!

— Если вы такъ смотрите, лучше бросить и уйти,—возразилъ Филиппъ Ивановичъ снова.

— И уйду! Чортъ съ вами, со всѣми... Пойду дрова рубить, навозъ копать, тѣсто мѣсить... А впрочемъ... можетъ, и не уйду! Эхъ, проклятая жизнь! Проклятая палата! Скука! Скука!...—завричалъ художникъ, простирая впередъ руки, и его молодое, свѣжее лицо, обросшее пушистой бородкой, искажилось отъ злобы и отчаянія.

Филиппъ Ивановичъ дико на него смотрѣлъ, не зная, шутить ли онъ, или серьезно говорить. Но художникъ вдругъ оборвалъ свой крикъ, засмѣялся и протянулъ Касаткину руку.

— Ну, мнѣ надо сюда. Прощайте. Что это у васъ такое лицо? Я, кажется, васъ напугалъ? Вы такой тихій всегда... Но я не знаю, въ меня точно бѣсъ какой-то вдругъ вошелъ,—такъ бы и перевернулъ вверхъ дномъ всю эту помойную яму. Извините... А насчетъ того, что уйду, это не безпокойтесь. Никуда я не уйду, потому что мамаша будетъ плакать...

И онъ свернулъ въ переулокъ, развѣвая по вѣтру полами своей крылатки.

„Что это съ нимъ?—думалъ Филиппъ Ивановичъ.—Никогда онъ со мной не разговаривалъ... Не нарочно ли? Можетъ быть, замѣтили что-нибудь и научили,—дескать, выпытай у него, какъ онъ... Надо принять мѣры. Можетъ быть, у меня уже на лицѣ отражается? Недаромъ онъ сказалъ: вы, говорить, такой тихій“... Легкій ознобъ прошелъ по тѣлу Филиппа Ивановича, и вдругъ его осявила новая мысль.—„А что, если ничего этого не было и никто со мною не говорилъ, и художникъ былъ не художникъ,

а тотъ? Вѣдь это уже, значить, онъ вездѣ будетъ со мною ходить, во всякихъ образахъ и при всякихъ обстоятельствахъ? Не можетъ быть, не можетъ быть“...

XVII.

На другой день, придя въ палату и со всѣми поздоровавшись, Филиппъ Ивановичъ съ особымъ вниманіемъ, хотя и исподтишка, посмотрѣлъ на художника. Тотъ замѣтилъ его взглядъ и отвѣчалъ дружелюбною усмѣшкой, — у Касаткина отлегло на душѣ. Значить, то, что было вчера — дѣйствительно было, и не тотъ, изъ невѣдомаго міра, а жив_{ой}, настоящій человекъ говорилъ съ нимъ.

Послѣ занятій, въ прихожей, художникъ подошелъ къ Филиппу Ивановичу.

— А я, должно быть, здорово вамъ вчера наболталъ! — сказалъ онъ весело, помахивая тросточкой. — Ужасно глупо... Но, видите ли, какая исторія, — хочется поговорить иногда, а никого нѣтъ.

— А развѣ у васъ нѣтъ товарищей-сверстниковъ?

— То-то и есть, что нѣтъ! Товарищи мои всѣ разѣхались, — кто въ университетъ, кто въ академію, — одинъ я остался.

— Почему же? — осторожно спросилъ Филиппъ Ивановичъ.

— Вы сами вчера сказали: надо зарабатывать хлѣбъ. Вотъ я и зарабатываю... съ натугой, съ отвращеніемъ, но зарабатываю. Душа рвется на просторъ, въ „гущу жизни“, а мамаша говоритъ: „служи, работай, я тебя кормила, теперь ты меня корми!“... Правильно?

— Совершенно-съ! — подтвердилъ Филиппъ Ивановичъ, но въ душѣ его шевельнулось что-то вродѣ жалости къ этому юношѣ, въ которомъ ему чудился давно умершій образъ другого юноши, вотъ такъ же рвавшагося душой на просторъ и волю жизни.

— Стало быть, и говорить нечего, — продолжалъ художникъ. — Буду корпѣть въ палатѣ. Но иногда что-то подымается тамъ, внутри, и кричитъ: „не хочу!“.. Въ такія минуты мнѣ все дѣлается противно до безконечности. Этотъ самодовольный шутъ, начальникъ отдѣленія, воображающій, что безъ него весь міръ развалится, эта жирная свотина, столоначальникъ, священнодѣйствующій старецъ-Агаѳоникъ, пьяный Еремѣевъ, пошлый Евлампіевичъ... всѣхъ бы ихъ я истолокъ въ порошокъ и развѣ-

ялѣ по вѣтру! Вотъ и вчера было... Вижу, вы идете одинъ и сами съ собой разговариваете...

— Я не разговаривалъ...

— Ну, все равно! Но мнѣ это понравилось, и я къ вамъ подошелъ. Вы все-таки какъ будто не такой, какъ всѣ. Я часто на васъ смотрѣлъ... у васъ даже лицо особенное...

Филиппъ Ивановичъ подобрался, и готовая открыться душа его снова замкнулась на всѣ замки.

— Какое лицо?—холодно спросилъ онъ.

— Да такъ... что-то такое странное... Вы тамъ сидите, пишете, а душа ваша какъ будто гуляетъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. И потомъ иногда у васъ такая ядовитая улыбка является...

— Очень пріятно-съ! — язвительно перебилъ его Филиппъ Ивановичъ.—Я и не подозрѣвалъ, что за мною такъ хорошо шпионять!

— Чтò? — съ изумленіемъ воскликнулъ художникъ. — Кто шпионить? Послушайте, чтò вы говорите?

— Ничего-съ! Прощайте!..—отрывисто прошипѣлъ Филиппъ Ивановичъ и зашагалъ въ сторону.—Художникъ закричалъ ему вслѣдъ что-то вродѣ „болванъ“ или „идіотъ“, но Касаткинъ не оборачивался и шелъ впередъ, очень довольный, что отдѣлался отъ молодого человѣка. „Подослали! подослали!“—думалъ онъ на ходу.—„Высмотрѣть, вывѣдать—и потомъ въ шею! Это все проклятая лисица, начальникъ отдѣленія! Онъ давно уже имѣетъ противъ меня зубъ, я это вижу. Но вамъ не удастся меня спихнуть, будьте спокойны. Я перехитрю... Теперь уже ни съ кѣмъ ни гу-гу, ни-ни,—ни съ художникомъ, ни съ чортомъ, ни съ дьяволомъ! Вотъ сижу на своемъ мѣстѣ и буду сидѣть и никуда не уйду и умру въ палатѣ“...

Какое-то слабое дуновение коснулось его уха, и Филиппъ Ивановичъ явственно уловилъ въ немъ отзвуки знакомаго хихиканья. „А жить-то когда же“?

— Жить? Еще успѣю!

„Поздно, поздно!“—отвѣчалъ хихикающій голосъ.

XVIII.

— Такъ вы думаете, что уже поздно? — сердито спросилъ Филиппъ Ивановичъ, когда онъ, по обыкновенію, явился къ нему сумерничать.

Вмѣсто отвѣта, отвратительный человѣчекъ беззвучно захо-

хоталъ и началъ корчиться въ припадкѣ неистовой веселости. Вообще онъ становился съ каждымъ днемъ все нахальнѣе и нахальнѣе, садился уже не на крайшкѣ дивана, а во всю ширину его, держалъ себя вызывающе, фамиллярно подмигивалъ, говорилъ дерзости и совершенно измѣнилъ свой прежній тусклый видъ. Теперь онъ былъ уже не сѣрый и пустой внутри, а темный, разбухшій и какъ будто налитой густой, черной кровью. И Филиппъ Ивановичъ начиналъ бояться этого выходца изъ невѣдомаго міра, который все болѣе и болѣе внѣдрялся въ его жизнь и заставлялъ его мыслить своими мыслями, чувствовать своими чувствами, говорить своими словами.

— Что вы смѣтаетесь? — снова заговорилъ Филиппъ Ивановичъ. — Я васъ спрашиваю: вы серьезно думаете, что уже поздно?

— А вы еще думаете, — нѣтъ? — отвѣчалъ человѣчекъ, не переставая смѣяться. — Хе-хе-хе, какой же вы наивный!.. Да вы поглядите на себя, куда же вы теперь ходите? Вѣдь у васъ и геморрой, и печенка не въ порядкѣ, лысина во всю голову, а зубовъ, поди, половины уже нѣту... Хе-хе-хе! Но главное, нѣтъ у васъ души, души нѣту, пусто здѣсь, пусто!.. Развѣ можно начинать новую жизнь безъ души?

Онъ постучалъ пальцемъ въ грудь Филиппа Ивановича и извлекъ оттуда такой странный, пустой звукъ, какъ будто бы тамъ, дѣйствительно, ничего не было. Филиппъ Ивановичъ вздрогнулъ.

— Пустите... — хрипло прошепталъ онъ. — Оставьте меня! Это вы высосали изъ меня душу...

Онъ съ отвращеніемъ оттолкнулъ отъ себя насмѣшливое чудовище и подошелъ къ зеркалу. Оттуда выглянуло на него сѣрое лицо съ тусклыми глазами и морщинами на щекахъ; во рту не хватало многихъ зубовъ; на головѣ бѣлѣла малокровная, голая кожа. Было что-то жалкое и гадкое въ этомъ дрябломъ лицѣ, и Филиппъ Ивановичъ съ ужасомъ замѣтилъ въ немъ странное сходство съ его таинственнымъ посѣтителемъ. Онъ яростно обернулся назадъ, — тотъ стоялъ у него за спиною и корчился отъ смѣха.

— Ну что? Видѣли? Хорошъ? — шепталъ онъ.

— Замолчите вы! — крикнулъ Филиппъ Ивановичъ, сжимая кулаки. — Нечего смѣяться... Подождите еще отпѣвать. Вотъ возьму и, вамъ на зло, завтра же...

Онъ умолекъ, самъ не зная, что такое сдѣлаетъ завтра. А тотъ злорадно подхватилъ:

— Что? Что завтра?

И такъ какъ Филиппъ Ивановичъ молчалъ, онъ продолжалъ:

— И завтра, и послѣ-завтра, и всегда вы будете сидѣть на своемъ продавленномъ стулѣ въ палатѣ, возвращаться въ три часа домой, обѣдать, чай пить, лежать на диванѣ—и только... Мало-по-малу волосы у васъ выпадутъ всѣ, зубы тоже выпадутъ; потомъ начнутся боли, усталость, одряхлѣніе; пропадетъ память, ослабѣетъ зрѣніе и, наконецъ, наступитъ „кранкенъ“, какъ говорятъ Еремѣевъ... Оттащатъ васъ на кладбище съ кутьей, жена справитъ поминки, товарищи выпьютъ за упокой вашей души, а на вашемъ мѣстѣ сидеть другой Филиппъ Ивановичъ, и черезъ годъ-другой никто во всемъ мірѣ не будетъ помнить о васъ...

Онъ говорилъ, говорилъ, говорилъ, и вмѣстѣ съ его словами передъ Филиппомъ Ивановичемъ нарисовалась такая яркая картина его будущей жизни, потомъ смерти, похоронъ, поминокъ и забвенія, что онъ не выдержалъ и закричалъ на весь домъ: „Караулъ, помогите!“...

XIX.

— Послушай, Филиппъ Ивановичъ, да ты серьезно боленъ!— сказала Катерина Ивановна, стоя передъ диваномъ со свѣчой въ рукахъ.—Худѣешь, во свѣ кричишь, самъ съ собою разговариваешь, глаза какіе-то дикіе...

Филиппъ Ивановичъ притаился и молчалъ. Но когда Катерина Ивановна опять упомянула о томъ, что надо бы посоветоваться съ докторомъ, онъ не вытерпѣлъ, вскочилъ и, ударивъ кулакомъ по столу, закричалъ:

— Убирайся ты съ докторомъ!.. Къ чорту! Что ты ко мнѣ лѣзешь? Дура!.. Я знаю, ты рада меня упечь... Я знаю, знаю, знаю!..

Катерина Ивановна горестно всплеснула руками и заплакала.

Филиппъ Ивановичъ притихъ, дрожащими руками надѣлъ на себя пальто и фуражку и ушелъ изъ дома.

„Господи, что же это?—думалъ онъ, шагая по пустыннымъ улицамъ. — Вѣдь жилъ же я, жилъ до сихъ поръ, какъ всѣ люди живутъ, и ничего, и хорошо было,—что же такое случилось со мной теперь? Откуда это? Кому понадобилось испортить мнѣ жизнь?“

Кто-то тихо засмѣялся въ отвѣтъ на его мысли, и, оглянувшись, Филиппъ Ивановичъ увидѣлъ, что онъ уже идетъ рядомъ съ нимъ. Этого еще никогда не бывало, чтобы онъ появлялся на

улицѣ, но Филиппъ Ивановичъ не удивился, не испугался и не разсердился,—теперь ему было все равно...

— Ахъ, это вы? — усталымъ голосомъ сказалъ онъ. — Ну, что же вы мнѣ теперь скажете? И долго вы еще будете меня мучить?

— А вы мучаетесь? Мучаетесь? — весело спросилъ спутникъ, заглядывая Филиппу Ивановичу въ лицо любопытными глазами.

— Ахъ, ужасно! — простоналъ Филиппъ Ивановичъ. — Да развѣ вы не видите? Я не сплю по ночамъ... я худѣю, я кричать уже началъ... у меня въ головѣ все путается. Я скоро перестану заниматься. Что вы со мной дѣлаете? Когда васъ не было,—я жилъ спокойно, я работалъ, я былъ счастливъ...

— Вы были счастливы? — повторилъ спутникъ, извиваясь и подпрыгивая отъ смѣха.

— Ну, да... счастливъ! — со злостью сказалъ Филиппъ Ивановичъ. — Я ни о чемъ не думалъ и ничего мнѣ не нужно было, а вы пришли, напештали тутъ что-то, разворочали мнѣ всю душу... Да, да, это все вы надѣлали, проклятый дьяволъ, вы, вы!

Онъ весь расплылся въ отвратительную гримасу и подмигнулъ Филиппу Ивановичу.

— Но вѣдь это хорошо... Это хорошо! — шепталъ онъ, потирая руки.

— Хорошо?

— Великолѣпно!.. Вы мучаетесь,—значить, вы еще живы, ваша душа жива,—она борется, она кричать!.. И мучайтесь! И кричите! Это хорошо! Это возвышенно! Вы не трупъ, вы не рабъ,—вы живой, свободный человѣкъ... Вы — *человѣкъ*, понимаете? Что можетъ быть выше?

— Но вѣдь мнѣ больно... больно! Я страдаю...

— Страдаете? Вамъ больно? О, да вѣдь это и есть жизнь!.. „Чѣмъ больше скорбь, тѣмъ выше человѣкъ“... Помните? Вы это помните?

— Пойдите... Кто это сказалъ? Это, кажется, Мюссэ сказалъ...

— Мюссэ? Ха-ха-ха... Вотъ видите, вы даже Мюссэ вспомнили... Значить, вы и Мюссэ читали, а? Вспомните-ка, вспомните хорошенько. Давно это было, но было... Тогда у васъ не было ни лысины, ни геморроя, и вы еще не знали, что такое 20-е число, и счастье міра вамъ представлялось не въ видѣ регистраторскаго мѣста на просиженномъ стулѣ, не въ видѣ праздничныхъ наградныхъ, а какъ-то иначе, да? Вспомните это, Филиппъ Ивановичъ!

— Да, я вспоминаю...—медленно проговорилъ Касатеинъ.— Это было... это было, кажется, въ шестомъ классѣ гимназіи... Да! Мы держали экзаменъ по физикѣ, а потомъ я ѣздилъ съ Давыдовымъ на лодкѣ. И Давыдовъ тогда читалъ эти стихи, а послѣ мы пѣли... Что мы пѣли? Дайте вспомнить... Ахъ, да, да... „Выпьемъ мы за того, кто „Что дѣлать“ писалъ, за героевъ его, за его идеалъ“!.. И мы поклялись всю свою жизнь отдать за счастье народа... Какая яркая заря была тогда!

— Яркая? Ха-ха-ха... Да, Филиппъ Ивановичъ, вы уже больше никогда не видали такой зари!

— Никогда!—согласился Филиппъ Ивановичъ, растроганный воспоминаніями.—И не пѣлъ уже этой пѣсни. Все пошло какъ-то не такъ...

— А ваша клятва? А „счастье народа“-то какъ же?

— Я уже не думалъ объ этомъ... Когда же мнѣ было думать?

— Да, да... „входящія“ и „исходящія“? Хе-хе-хе... Ну, а Давыдовъ? Гдѣ же вашъ другъ Давыдовъ?

— Давыдовъ? Да вѣдь онъ вскорѣ вышелъ изъ гимназіи, попался въ чемъ-то и былъ сосланъ въ Сибирь. А теперь... Теперь не знаю, гдѣ.

— Вы врете! Онъ вамъ писалъ, а вы ему не отвѣчали. Потомъ, когда онъ вернулся изъ Сибири и пришелъ къ вамъ, къ своему старому другу, вы его не приняли и спрятались отъ него въ чуланъ. Вы боялись потерять мѣсто. Вы помните, это а?

Филиппъ Ивановичъ помнилъ... Краска стыда залила его лицо, и онъ съ бѣшенствомъ обернулся къ своему ужасному спутнику.

— Уйди! Уйди ты отъ меня, проклятый мучитель!—крикнулъ онъ, сжимая кулаки.

XX.

Но на улицѣ никого не было, и только электрическій фонарь покачивался на проволокахъ, отбрасывая на мостовую огромный свѣтлый кругъ. Какіе-то длинные заборы тянулись по обѣ стороны улицы, и въ ихъ густой тѣни мелькали живыя тѣни, вспыхивалъ и угасалъ огонекъ папиросы. По временамъ оттуда доносились хриплые голоса, хриплый смѣхъ, хриплые ругательства.

„Куда это я зашелъ?“—подумалъ Филиппъ Ивановичъ.

Въ ту же минуту на него надвинулась черная, мрачная тѣнь.

— Господинъ, пойдите со мной!—услышалъ онъ жуткій шопотъ, и запахъ водки и табаку ударилъ ему въ носъ.

Филиппъ Ивановичъ остановился и тупо поглядѣлъ на су-

мрачную тѣнь. Это была женщина, высокая, толстая, въ платочкѣ; она вызывающе смотрѣла ему въ глаза. При голубоватомъ свѣтѣ электричества ея грубо накрашенные щеки казались окровавленными; большіе глаза сверкали жаднымъ блескомъ; завитая чолка дыбомъ стояла надъ низкимъ лбомъ. И дикое желаніе погрузиться въ самую глубь грязи, откуда вышла эта женщина съ окровавленными щеками, пѣть, орать и ругаться, напиться, какъ тѣ мастеровые, которымъ онъ завидовалъ, охватило вдругъ Филиппа Ивановича...

— Пойдемъ!—сказалъ онъ.

Женщина подхватила его подъ-руку, и они пошли. Противный запахъ пота, водки, сырой, затхлой квартиры, неопрятнаго бѣлья шель отъ женщины, и Филиппъ Ивановичъ брезгливо отвернулъ-было отъ нея лицо. Но тутъ же ему пришла въ голову мысль, что она можетъ обидѣться, и, преодолевая свое отвращеніе, Касаткинъ снова повернулся къ ней. Она крѣпко прижималась къ нему всѣмъ своимъ теплымъ, мягкимъ тѣломъ, и Филиппъ Ивановичъ почувствовалъ къ ней нѣжную жалость, какъ къ безпомощному, ничего не понимающему животному, которое выбросило на улицу ночью, въ стужу и ужасъ одиночества.

— Какъ васъ зовутъ?—ласково спросилъ онъ.

— Меня-то? Маруськой.

— Ма-ру-ся... — повторилъ Филиппъ Ивановичъ. — Какое славное имя! А сколько же вамъ лѣтъ?

Женщина не отвѣчала, и, пройдя нѣсколько шаговъ, спросила нетерпѣливо:

— Ну, что-жъ, мы въ номера что-ли пойдемъ?

— Въ номера?—съ удивленіемъ сказалъ Филиппъ Ивановичъ, но сейчасъ же вспомнилъ, зачѣмъ онъ идетъ, и прибавилъ поспѣшно:—Да, да... Въ номера... Конечно!

— Тутъ недалеко есть. Вотъ пройтись сады, а тамъ за уголъ—и номера. Угостите папирской!

Филиппъ Ивановичъ торопливо досталъ портсигаръ. Женщина съ наслажденіемъ закурила, и при свѣтѣ спички лицо ея показалось Касаткину усталымъ и больнымъ, несмотря на накрашенные щеки.

— И давно ужъ это... вы?—спросилъ онъ, когда они опять пошли.

— Что? Курю-то?

— Нѣтъ, не то... По номерамъ-то ходите?

Женщина рванулась отъ него, и когда заговорила, то въ голосъ ея слышалась досада.

— Да вамъ-то что? Сколько лѣтъ, да то, да сѣ... что вы пристали? Совсѣмъ это ни въ чему. Получите свое, такъ незачѣмъ и спрашивать. Терпѣть этого не люблю!

— Да я васъ вовсе не хотѣлъ обидѣть,—кротко вымолвилъ Филиппъ Ивановичъ.—Я только потому, что... мнѣ васъ жаль. Очень жаль!

— А на кой чортъ мнѣ ваша жалость!—грубо крикнула женщина.—Вотъ еще какой... Жалѣльщикъ тоже! Идешь въ номера, и иди, и разговаривать нечего.

— Но вѣдь, послушайте, Маруся...—растерянно забормоталъ Филиппъ Ивановичъ, снимая фуражку и вытирая выступившій на лбу потъ.—Что же вы ругаетесь? Я вѣдь того... я вовсе не затѣмъ въ номера иду. Я...

— Какъ не затѣмъ?—захохотала женщина.—А затѣмъ же еще? Нешто въ номера-то акаѳисты читать ходятъ? Эхъ, ты!..—съ презрѣніемъ прибавила она, рассматривая Филиппа Ивановича.—Старый, лысый, а глупости болтаешь... Ну, идемъ, что-ли!

— Я не пойду...—сказалъ Филиппъ Ивановичъ, силясь выдернуть у нея свою руку.—Пустите меня, пожалуйста, мнѣ это непріятно...

Но женщина вцѣпилась въ него обѣими руками и закричала:

— Какъ не пойдешь? Что же это ты насмѣшки надо мной строишь? Я, можетъ, изъ-за тебя, лысаго чорта, сколько кавалеровъ упустила, а ты хочешь увильнуть... Ахъ! ты, дьяволъ!..

— Пустите меня...—шептала Филиппъ Ивановичъ.—Я вамъ заплачу, только пустите...

— Караулъ!—завизжала вдругъ женщина пронзительнымъ голосомъ.—Митька!.. Караулъ!..

Сзади послышался торопливый топотъ, потомъ черный мракъ выбросилъ изъ себя что-то черное, огромное, сыплю дышащее, и страшный ударъ въ лицо оглушилъ и ослѣпилъ Филиппа Ивановича.

— Что вы дѣлаете?—крикнулъ онъ, но другой ударъ свалилъ его съ ногъ, и Филиппъ Ивановичъ погрузился въ тьму небытія.

XXI.

Когда онъ очнулся, кругомъ было темно и тихо, и гдѣ-то высоко деревья шептали глухо и жалобно. Филиппъ Ивановичъ приподнялся и сталъ шарить вокругъ себя. Онъ лежалъ въ глубокой канавѣ, и сухіе листья шуршали у него подъ руками. Онъ ощущалъ себѣ голову и лицо: фуражки не было, но что-то

клейкое и вязкое, какъ деготь, облѣпило ему пальцы. Противная, тупая боль мозжила гдѣ-то глубоко подѣ черепомъ, и Филиппу Ивановичу показалось, что голова у него стала огромная и тяжелая, какъ гиря. Съ трудомъ онъ всталъ на ноги, поискалъ фуражку, не нашелъ и, шатаясь, выбрался изъ канавы. Сознаніе еще не совсѣмъ вернулось къ нему, и мысли, смутныя и разрозненныя, какъ клочья осенняго тумана, метались безпорядочно въ его мозгу. Чтѣ такое произошло? Зачѣмъ онъ здѣсь? Отчего такъ темно и глухо? Но мало-по-малу онъ вспомнилъ все, и ему стало больно и стыдно, и деревья глухого сада за канавой жалобно шептали надъ нимъ какія-то ласковыя слова: „Жалкій! жалкій и несчастный“...

Садъ кончился, зачернѣли строенія, яркій свѣтъ электрическаго фонаря блеснулъ среди мрака. Филиппъ Ивановичъ пошелъ на фонарь, и когда очутился въ голубомъ кругѣ, колышавшемся на мостовой, то машинально полѣзъ въ карманъ, чтобы посмотрѣть на часы. Но часовъ не было, — они исчезли вмѣстѣ съ цѣпочкой. Онъ поискалъ кошелька, — его тоже не было. „Обокрали!“ — подумалъ Филиппъ Ивановичъ и засмѣялся. — „Избили и обокрали“...

— Дуракъ! — сказалъ кто-то сзади рѣзко и насмѣшливо.

Филиппъ Ивановичъ оглянулся, — онъ былъ одинъ. А между тѣмъ, тутъ близко, за его спиной, или даже какъ будто въ немъ самомъ, слышался раскатистый, оглушительный хохотъ, и густая ночная тьма повторяла его. Филиппъ Ивановичъ поднялъ руку, чтобы по привычкѣ поправить фуражку, но вспомнилъ, что фуражку украли, и, выйдя изъ свѣтлаго круга, поспѣшно зашагалъ впередъ. Хохочущая тьма провожала его, кидая ему вслѣдъ взрывы злого смѣха, которые стегали его, точно удары кнута. Это было нестерпимо, и Филиппъ Ивановичъ пустился бѣжать, чтобы скорѣе выйти въ людное мѣсто, но на бѣгу грудь съ грудью столкнулся съ какимъ-то прохожимъ, и оба чуть-чуть не упали...

— Эй вы! Полегче, господинъ! — сердито закричалъ прохожій. — Чортъ знаетъ... Претъ! Насосался... — презрительно крикнулъ онъ, исчезая во тьмѣ.

Катерина Ивановна еще не спала, встревоженная долгимъ отсутствіемъ мужа, и отперла ему сама. Она было-заворчала, но, увидѣвъ Филиппа Ивановича безъ фуражки, съ блѣднымъ, странно улыбающимся лицомъ, на которомъ чернѣла запекшаяся кровь, испугалась и ахнула.

— Батюшки мои, Филиппъ Ивановичъ, да чтѣ это съ тобой?

— Обокрали!.. — отвѣчалъ Филиппъ Ивановичъ, все такъ же нелѣпо улыбаясь. — Избили... и обокрали...

Катерина Ивановна дико на него смотрѣла. Она подумала, ужъ не пьянъ ли онъ, но, удостовѣрившись, что отъ него и не пахнетъ водкой, подвела крикъ на весь домъ.

XXII.

На утро Филиппъ Ивановичъ съ опухшимъ лицомъ и съ громаднымъ кровоподтекомъ надъ переносицей, но съ какимъ-то умиротвореннымъ выраженіемъ въ глазахъ, явился въ палату. Швейцаръ, снимая пальто, поглядѣлъ на Филиппа Ивановича пристально, но ничего не сказалъ, предполагая, что наканунѣ онъ, должно быть, зашибъ „здоровую муху“. Но Филиппъ Ивановичъ сдѣлалъ страдальческое лицо и сказалъ:

— Обокрали... чуть не убили! Вчера около сквера напали двое... и часы вытащили... и деньги... Всю ночь безъ памяти пролежалъ...

— Да что вы? То-то, я смотрю... Ахъ, подлецы, что дѣлаютъ! — воскликнулъ швейцаръ съ негодованіемъ.

Филиппъ Ивановичъ болѣзненно улыбнулся, хотя ему вовсе не было больно, и прошелъ въ свое отдѣленіе. Уловивъ изумленные взгляды сослуживцевъ, онъ и тамъ повторилъ:

— Обокрали!.. Чуть не убили...

Всѣ побросали свои дѣла и сочувственной толпой собрались вокругъ Филиппа Ивановича. Ахали, негодовали, ругали полицію, разсматривали кровоподтеки, и Филиппъ Ивановичъ, болѣзненно морщась, всѣмъ рассказывалъ свое приключеніе, умалчивая о его первоначальной причинѣ. Агаѳоникъ Петровичъ при этомъ вспомнилъ подходящій случай изъ своего далекаго прошлаго и посоветовалъ Филиппу Ивановичу прикладывавъ къ синяку мѣдный пятакъ; Иванъ Евлампіевичъ рекомендовалъ подать заявленіе въ полицію и обѣщалъ дать записку какому-то своему знакомому околоточному, „знаменитому сыщику“; даже начальникъ отдѣленія снизшелъ съ своего Олимпа и благосклонно выслушалъ рассказъ Филиппа Ивановича. Филиппъ Ивановичъ положительно сдѣлался героемъ дня: въ палатѣ только и разговору было, что о немъ; изъ другихъ отдѣленій, изъ пробирной палатки приходили на него посмотреть; всюду проникъ какой-то бѣсъ смятенія и безпорядка; дѣла были забыты, обычный строй дня нарушился, точно шумная улица, съ ея подонками, съ ея

грязью, развратомъ и нищетой, ворвалась вдругъ въ это капище бумажнаго бога, кощунственно разметала и ниспровергла всѣ его святыни, зажгла безуміе въ умахъ его жрецовъ... Многія бумаги въ этотъ день не были переписаны и отправлены по назначенію; самъ Филиппъ Ивановичъ перепуталъ въ реестрѣ нумера, а Агаѳоникъ Петровичъ, аккуратнѣйшій, исполнительнѣйшій Агаѳоникъ Петровичъ, въ важной бумагѣ губернатору, вмѣсто слова „донесеніе“, къ ужасу своему, написалъ: „предложеніе“, и вспомнилъ объ этомъ только тогда, когда бумага была уже отправлена...

— Затменіе нашло!—жаловался онъ послѣ всѣмъ и каждому. Истинно скажу, навожденіе дьявольское! Сорокъ лѣтъ служу,—и въ первый разъ въ жизни этакую пулю отлилъ! Ну-ка-сь, самому его превосходительству „предложеніе“ закатилъ! А? Да за это нашего брата кофѣнкой въ задъ напутствуютъ—и то мало! И ей Богу мало...

XXIII.

Въ то время, какъ вся палата волновалась, обсуждая на разные лады Филиппъ-Иванычево приключеніе, „художникъ“ сидѣлъ съ своимъ обычнымъ равнодушно-скучающимъ видомъ и, не принимая участія въ общемъ разговорѣ, чертилъ на бумагѣ причудливыя фигурки и головки. Изрѣдка онъ поднималъ голову, всматривался то въ одного, то въ другого чиновника, и тогда его красивые глаза чуть-чуть улыбались. Филиппъ Ивановичъ подмѣтилъ этотъ улыбающійся взглядъ и принялъ его на свой счетъ.

— Странно!—сказалъ онъ обиженнымъ голосомъ.—Человѣка обокрали, чуть не убили, и находятся люди, которымъ это кажется смѣшно. Не понимаю, чему тутъ смѣяться?

— Кто смѣется?—спросилъ Иванъ Евлампіевичъ, поводя носомъ во всѣ стороны.

— Да вонъ господинъ художникъ! Человѣкъ, можно сказать, только чудомъ отъ смерти спасся, деньги послѣднія вытащили, часы серебряныя вытащили, а они изволятъ улыбаться!

Художникъ съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на Филиппа Ивановича, и лицо его стало серьезнымъ.

— Развѣ я улыбаюсь?—спросилъ онъ.

Филиппъ Ивановичъ не удостоилъ его отвѣта и, сохраняя на лицѣ обиженное и удрученное выраженіе, началъ перебирать бумаги.

— Это нехорошо, молодой человѣкъ! — вступился Агаѳоникъ Петровичъ. — Несчастію ближнихъ надо сочувствовать, а не смѣяться надъ нимъ!

Тутъ уже художникъ, дѣйствительно, улынулся.

— Да, ей Богу, я не смѣюсь, Агаѳоникъ Петровичъ! — возражалъ онъ. — Хотя, по правдѣ сказать, не особенно и сочувствую. Чему тутъ сочувствовать, скажите, пожалуйста?

— Какъ чему? Человѣка ограбили, избили, могли даже совсѣмъ убить, а вы говорите, чему сочувствовать?

— Да вѣдь такіе случаи каждый день бываютъ. Почитайте газеты: въ „хроникѣ происшествій“ объ этомъ постоянно пишутъ. Грабежи, убійства, нападенія, кражи, — и не пересчитаешь, сколько ихъ! Почему же это васъ не волнуетъ, а случай съ Филиппомъ Иванычемъ взволновалъ?

— Какъ почему? Странно вы разсуждаете, молодой человѣкъ! Тамъ, въ газетахъ вашихъ, Богъ знаетъ, про кого пишутъ, мы ихъ не знаемъ, кто, гдѣ, кого убили, — это не наше дѣло! А здѣсь вѣдь нашъ сослуживецъ пострадалъ, чиновникъ, это намъ близко, это насъ всѣхъ касается! Помилуйте, до чего дошла дерзость? Начали уже на чиновниковъ нападать! Этакъ завтра меня ограбятъ, послѣ завтра — Виктора Павлыча, а тамъ, страшно сказать, и... еще кого-нибудь повыше. Какъ же не волноваться?

— Конечно! — сказалъ художникъ съ усмѣшкой. — Всякому свою шкуру жалко.

— Что-съ? Какъ вы сказали? шкуру?

— Ну да, шкуру!

— А вы, молодой человѣкъ, поосторожнѣе! — внушительно сказалъ Агаѳоникъ Петровичъ. — Нельзя ли безъ выраженій?

— Да что же тутъ особеннаго, Агаѳоникъ Петровичъ? Я сказалъ то, что есть. Вонъ, на дняхъ я читалъ, въ донецкихъ шахтахъ сорокъ человѣкъ углемъ задавило, и никто здѣсь объ этомъ ни слова не сказалъ, будто это такъ и надо. А у Филиппа Иваныча часы украли и фонарь подъ глазомъ посадили, — батюшки, какой шумъ! А отчего? Оттого, что это, вы сами сейчасъ сказали, можетъ съ каждымъ изъ насъ случиться. Причемъ же тутъ сочувствіе? Просто, шкура заговорила, а сочувствія никакого нѣтъ!

Агаѳоникъ Петровичъ ничего не отвѣчалъ и сердито сопѣлъ; за столомъ водворилось неловкое молчаніе. Но черезъ нѣсколько минутъ, покончивъ какую-то бумагу и похлопывая по ней кляксъ-папиромъ, онъ снова обратился къ Филиппу Ивановичу.

— А вы все-таки заявите въ полицію, — этого дѣла никоимъ

образомъ нельзя оставлять безъ законнаго возмездія. Конечно, нынче, какъ слышно по газетамъ, это въ модѣ поощрять всякихъ воровъ и проходимцевъ,—ну, а мы ужъ будемъ дѣйствовать не по модному, а по старинному, т.-е. ежели воръ, такъ онъ воръ и есть, и тащи его въ кутузку, а не сажай рядомъ съ собой за столъ. Такъ-то!

— Я, Агаѳоникъ Петровичъ, обращусь! — съ покорно-удрученнымъ видомъ сказалъ Филиппъ Ивановичъ и злорадно посмотрѣлъ на художника. — Часы-то они хоть и старыя, а все-таки на худой конецъ двѣнадцать съ полтиною заплачены, — мнѣ ихъ терять не расцѣтъ, а главное — голову мнѣ повредили. Такой шумъ въ ушахъ, словно тамъ паровикъ работаетъ. Это тоже не очень пріятно!

— Обязательно вы къ моему околоточному ступайте! — вскочилъ Иванъ Евлампіевичъ. — Онъ найдетъ! Иголку бросьте въ воду — найдетъ! Это, я вамъ доложу, такая голова знаменитая, — гевій по сыскной части, ей Богу! Да вотъ я вамъ расскажу такой случай...

И пошли опять разговоры о сыщикахъ, ворахъ, убійствахъ, грабежахъ...

XXIV.

Такое повышенное настроеніе длилось въ палатѣ цѣлую недѣлю. Филиппъ Ивановичъ заявилъ о своемъ приключеніи въ полицію и ходилъ именованникомъ: всѣ интересовались его дѣломъ, соболѣзновали, спрашивали, а онъ не уставалъ рассказывать, дополняя старую исторію все новыми и новыми подробностями. Теперь уже выходило такъ, что его давно преслѣдовали какіе-то таинственные незнакомцы, что онъ получилъ анонимное письмо съ угрозами убить его, и что украсть у него хотѣли вовсе не часы и деньги, а нѣчто болѣе важное... Здѣсь онъ умолкалъ и дѣлалъ загадочное лицо, которому багровый синякъ надъ переносьемъ придавалъ какую-то зловѣщую значительность. Ему вѣрили, и онъ самъ себя вѣрилъ, и отъ этого его сѣрая, тусклая жизнь приобрѣла вдругъ особенную яркость, сдѣлалась интересной и полной. Филиппъ Ивановичъ какъ будто даже помолодѣлъ и повеселѣлъ, пересталъ слышать крики, и онъ ни разу не приходилъ къ нему въ эти дни.

Но время шло; синякъ надъ переносицей изъ багроваго перешелъ въ фіолетовый, потомъ въ оранжевый цвѣтъ и наконецъ совсѣмъ исчезъ; лицо Филиппа Ивановича снова приняло

свой обычный, будничныи видъ; „знаменитый сыщикъ“ до сихъ поръ не нашелъ никакихъ слѣдовъ тайственныхъ грабителей, и интересъ къ этому дѣлу началъ ослабѣвать. Всѣ почувствовали усталость и уже неохотно выслушивали рассказы Филиппа Ивановича. Часто его прерывали на полусловѣ и уходили къ своему дѣлу или начинали какой-нибудь другой разговоръ; однажды Филиппъ Ивановичъ явственно слышалъ, какъ Еремѣевъ при его входѣ сказалъ Ивану Евлампіевичу: „ну, теперь опять начнетъ брехать!“ — и наконецъ, что было обиднѣ всего, начальникъ отдѣленія при всѣхъ сдѣлалъ ему строгое замѣчаніе, что реестръ у него запущенъ и что на государственной службѣ надо заниматься дѣломъ, а не уголовными романами. Все было кончено... Филиппъ Ивановичъ понялъ, что роль его сыграна, что ему пора сойти со сцены, и въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что медленно-медленно погружается въ глубокую, вязкую тину, — она забивается ему въ ротъ, въ нозь, мѣшаетъ дышать, ослѣпляетъ глаза... и отчаянный вопль „помогите!“ снова донесся до него.

Филиппъ Ивановичъ оглянулся кругомъ. Скрипѣли перья, шуршала бумага, у всѣхъ лица были тупыя, сонныя, покорныя, похожія другъ на друга, какъ стертые пятіалтынные. Агаѳоникъ Петровичъ священнодѣйствовалъ; столоначальникъ автоматически подписывалъ бумаги; Еремѣевъ, склонивъ надъ столомъ тяжелый, багровый носъ, тщательно выводилъ буквы, а Иванъ Евлампіевичъ, перегнувшись черезъ столъ, шепталъ ему на ухо:

— Послушай, „земскій начальникъ“ съ большой буквы надо писать или съ маленькой? Я забылъ...

Глубокая, вязкая тина сомкнулась надъ головой Филиппа Ивановича и поглотила его.

XXV.

А вечеромъ пришелъ онъ.

Онъ пришелъ, весь сотрясаясь отъ неистоваго смѣха, и тысячи торжествующихъ гримасъ, какъ молніи, бороздили его лицо. Сѣлъ передъ Филиппомъ Ивановичемъ, фамильярно похлопалъ его по плечу и вопзилъ въ него свои острые глаза.

— Опять? — угрюмо спросилъ Филиппъ Ивановичъ, отталкивая отъ себя его руку, холодное прикосновеніе которой было нестерпимо.

— Опять!... опять, милѣйшій мой! — отвѣчалъ онъ, гри-

масничая.—А вы что же... думали, конецъ? Хотѣли отдѣлаться отъ меня... часиками откупиться? Ахъ, вы... шалуны! Часы отдашь,—да и не самъ отдашь, а отняли... и воображаетъ—подвигъ совершилъ. Шуму-то, шуму-то сколько, ха-ха-ха!.. Самъ Викторъ Павловичъ, начальникъ отдѣленія, изволили милостиво разговаривать,—вонъ оно куда пошло! Подумаешь, человѣкъ жизнь свою отдашь за правду, а оно только и всего, что благородная фizioномія немножко пострадала. Какое событіе! Какая величественная драма!..

Но тутъ онъ вдругъ пересталъ смѣяться, острый взглядъ его налился злобой и презрѣніемъ, и, близко наклонившись къ Филиппу Ивановичу, онъ прошипѣлъ ядовито:

— И въ полицію заявляли?

— Заявляли...

— Все-таки, стало быть, часовъ было жалко? Двѣнадцать съ полтиной хотѣли вернуть?

Филиппъ Ивановичъ молчалъ.

— То-то!—съ торжествомъ продолжалъ онъ, впиваясь все глубже и глубже къ нему въ душу своими всевидящими глазами.—А Марусю, небось, не жалко? Маруся-то вѣдь, все-таки, тамъ осталась? Да и не одна Маруся... тамъ ихъ тысячи... сотни тысячъ... а вы что сдѣлали? Въ полицію побѣжали, хныкали, синяками своими хвастались... Эхъ, вы! Ничтожество, слякоть, бумажная душа! Вѣдь передъ вами бездна жизни открывалась, а вы трусили, за свою жалкую шкуру испугались, въ полицейскомъ участіи отъ нея спрятались...

— Знаю!.. будетъ! Не надо...—простоналъ Филиппъ Ивановичъ и, отвернувшись къ стѣнѣ, закрылъ глаза, чтобы ничего не видѣть и не слышать. Но назойливый голосъ продолжалъ жужжать ему въ уши:

— Отворачиваешься? Убѣжать хочешь? Нѣтъ, братъ, отъ меня не уйдешь! Тутъ ужъ никакіе околоточные, никакіе сыщики не помогутъ! Я вездѣ тебя найду, въ кости залѣзу, въ мозгъ проползу, буду кричать, вопить, выть...

Филиппъ Ивановичъ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать... но въ ту же минуту почувствовалъ, что его существо слилось съ существомъ страшнаго гостя, и неистовый вопль прозвиль вечернюю тишину.

XXVI.

Филиппъ Ивановичъ пришелъ въ себя уже ночью, и прежде всего увидѣлъ надъ собою блѣдное лицо Катерины Ивановны, странно освѣщенное желтымъ свѣтомъ лампы. Этотъ свѣтъ и это блѣдное лицо были ему непріятны; онъ хотѣлъ подняться, но почувствовалъ сильную слабость и что-то тяжелое, холодное на головѣ.

— Что такое?—спросилъ онъ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ.

— Лежи, лежи!..—торопливо зашептала Катерина Ивановна. —Тебѣ очень дурно было... я за докторомъ послала. Онъ чего-то впрыскивалъ, сказалъ, что сильное нервное расстройство... лекарство прописалъ.

— Это еще зачѣмъ! Кто тебя просилъ? Никакого расстройства нѣтъ, и лекарства твоего я принимать не буду.

— Ну, что ты, Филиппъ Ивановичъ, вѣдь съ тобой Бо-звать что было! Я перепугалась до смерти!

— И пугаться было нечего. Глупая бабья привычка! А онъ ушелъ?

— Кто? Докторъ? Давно ушелъ.

— Какой докторъ? Не докторъ... этотъ... который кричить!

— Господи, опять бредить!—съ отчаяніемъ прошептала Катерина Ивановна, и на глазахъ ея выступили слезы.

Но Филиппъ Ивановичъ уже сообразилъ свое положеніе и всталъ, сердито сбросивъ съ головы мокрые компрессы.

— Глупо! Какъ это глупо!—ворчалъ онъ.—Человѣкъ здоровъ, а ему доктора навязываютъ. Удивительное дѣло!

Но хотя онъ и храбрился, ноги у него дрожали, голова кружилась и во всемъ тѣлѣ ощущалась страшная усталость. Сдѣлавъ два-три шага по комнатѣ, онъ опять легъ.

— Ужасно спать хочу,—объявилъ онъ женѣ.—Унеси лампу.

И сейчасъ же заснулъ, какъ убитый.

XXVII.

Всталъ онъ совершенно здоровый, бодрый, и съ удовольствіемъ почувствовалъ, что голова его ясна, а въ душѣ ощущается необычайная легкость, какъ, бывало, въ ранней молодости, когда каждый день встрѣчался съ радостнымъ трепетомъ

ожиданія, что онъ принесетъ съ собою нѣчто новое, неизвѣданное и прекрасное. Филиппъ Ивановичъ отворилъ окно и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя свѣжій воздухъ ранняго августовскаго утра, пропитаннаго ароматомъ увядающихъ листьевъ. Воробьи задорно скакали по вѣтвямъ еще зеленыхъ тополей и перекликались— „чивикъ, чивикъ!“ — Мужикъ съ чернымъ лицомъ проѣхалъ мимо, крича уныло: „Угльвъ, угльвъ!“ — Куча маленькихъ гимназистиковъ, съ тяжелыми ранцами за спиной, спѣша, протоптала по улицѣ. Филиппъ Ивановичъ смотрѣлъ на этихъ пискливыхъ, вертлявыхъ человѣчковъ въ форменныхъ фуражкахъ и вспомнилъ, какъ и онъ когда-то вотъ такъ же каждое утро спѣшилъ въ гимназію и трепеталъ передъ грознымъ чехомъ. Это воспоминаніе немножко кольнуло его и возбудило въ душѣ непріятное чувство. „Вѣчная боязнь и трепеть!.. Въ дѣтствѣ— чехъ, латынь и единицы; теперь—начальникъ отдѣленія, выговоры, потеря мѣста... Погодите, милашки мои, вотъ вы скачете и чирикаете, какъ воробьи, а когда-нибудь тоже будете прикованы къ просиженному стулу, и вашимъ удѣломъ будетъ молчаливое исполненіе приказаній и предписаній начальства. Неужели только?“...

Вошла Катерина Ивановна и съ безпокойствомъ поглядѣла на мужа. Но, увидѣвъ его лицо, она просіяла.

— Ну, что, Филиппъ Ивановичъ? Какъ ты себя чувствуешь?

— Да ничего, какъ всегда. Охота изъ мухи слона дѣлать!

— Ну, Филиппъ Ивановичъ, какая же муха? Я просто не знала, что дѣлать, какъ съ тобой это случилось! До сихъ поръ вся трясусь.

— А что со мной было?—пастораживаясь, спросилъ Филиппъ Ивановичъ.

— И вспомнить страшно! Вдругъ закричалъ не своимъ голосомъ,—я прибѣжала, смотрю, а ты, весь, какъ мертвецъ, бѣлый, посередѣ комнаты стоишь и руками кого-то отъ себя отпихиваешь. Потомъ грохнулся на полъ и замѣлъ... Я ужъ думала, померъ.

— Угорѣлъ, должно быть, за чаемъ. У тебя вѣчно самоваръ съ угаромъ!

— И что ты, Филиппъ Ивановичъ, выдумываешь, никогда съ угаромъ не подаю! Докторъ говоритъ,—утомленіе нервовъ.

— Дуракъ твой докторъ! Ему только бы за визитъ получить,—онъ еще и не то скажетъ. Небось, цѣлковый отвалила?

— Два, — созналась Катерина Ивановна — Нелзя: онъ больше часу съ тобой возился,—какъ же ему меньше дать.

— Ну вотъ,—два цѣлковыхъ! Много у насъ капиталовъ-то, чтобы на пустяки деньги бросать?

— Здоровье дороже денегъ, Филиппъ Ивановичъ. Ну, иди кофе пить...

XXVIII.

Они мирно напились кофе, и Филиппъ Ивановичъ разговаривалъ съ женой о самыхъ обыденныхъ вещахъ. Вспомнили, что давно бы пора заборчикъ въ саду поправить, а то сосѣдскіе мальчишки всѣ яблоки обтрусил; потомъ долго толковали о томъ,—шить ли Филиппу Ивановичу новое осеннее пальто, или передѣлать старое. Рѣшили передѣлать, и, покончивъ съ этими домашними дѣлами, Филиппъ Ивановичъ все съ тою же легкостью и ясностью въ душѣ и въ мысляхъ отправился на службу. Только когда вдали показалось знакомое сѣрое зданіе казенной палаты, что-то холодное и липкое снова вползло въ грудь Филиппа Ивановича и вызвало приступъ знакомаго отвращенія. Но онъ подавилъ его и вошелъ въ палату съ видомъ чловѣка, дѣлающаго серьезное дѣло и не желающаго опоздать.

Было еще рано, но Агаѳоникъ Петровичъ и оба писца были уже на своихъ мѣстахъ. Они почему-то покосились на Филиппа Ивановича, но ничего не сказали ему и продолжали разговаривать. Еремѣевъ вотъ уже цѣлую недѣлю не пилъ и рассказывалъ о томъ, что его лечитъ отъ запоя священникъ Троицкой церкви, который уже многихъ вылечилъ и направилъ на путь истинный. Агаѳоникъ Петровичъ очень сочувствовалъ этому и интересовался знать, какими средствами лечитъ священникъ.

— А средствами очень простыми,—говорилъ Еремѣевъ.—Надо къ нему каждый день ходить послѣ вечерень и вмѣстѣ съ нимъ читать молитву Господню до трехъ разъ. Потомъ онъ пишетъ на бумажкѣ какія-то слова, жжетъ ихъ на свѣчѣ и пепель даетъ выпить на отварной водѣ. Чудесно помогаетъ! Я уже и теперь духу водочнаго слышать не могу,—честнѣйшее слово!

— А какія слова пишетъ? — любопытствовалъ Агаѳоникъ Петровичъ.

— Ужъ это онъ не сказываетъ, въ потайности держитъ. По вѣрѣ, говорить, дается, а не по знанію.

— Правильныя слова!—вздыхнулъ Агаѳоникъ Петровичъ.—А сколько взимаетъ?

— Кто сколько можетъ,—таксы не полагается. Святой чловѣкъ!—умиленно сказалъ Еремѣевъ.—По окончаніи леченія, я

обязательно у Митрофанія молебень съ акаѳистомъ отслужу и просфору за здравіе батюшки выну.

— Прекрасное дѣло!—согласился Агаѳоникъ Петровичъ.— Это я, пожалуй, своего зятя къ нему свожу. Онъ хоть и не запоемъ пьетъ, а каждое двадцатое число аккуратъ половину жалованья въ ресторанъ оставляетъ. Молодой человѣкъ,—долго ли такъ карьеру испортить?

— А какой интересный анекдотъ мнѣ вчера въ „Баварія“ рассказывали!—смѣясь, сказалъ Иванъ Евлампіевичъ.— Знаете, за что о. Мастошовъ камилавку получилъ? Крестилъ онъ жиды...

И близко наклонившись къ собесѣдникамъ, онъ началъ вполголоса рассказывать невѣроятно грязную и неприличную исторію, въ которой фигурировали и попъ, и жидъ, и какая-то Маргаритка съ коннаго рынка... При этомъ всѣ трое смѣялись каждый по своему: Агаѳоникъ Петровичъ—дробнымъ, гаденымъ смѣшкомъ, какимъ смѣются старички-любители фривольныхъ анекдотовъ, Иванъ Евлампіевичъ—сдержаннымъ хихиканьемъ, а Еремѣевъ—заливистымъ, хриплымъ ржаньемъ, кашляя и отхаркиваясь, отчего его багровый носъ до того наливался кровью, что, кажется, вотъ-вотъ, готовъ былъ лопнуть. И отъ этого смѣха, отъ этихъ всегдашнихъ разговоровъ и анекдотовъ становилось нестерпимо душно, и какой-то могильный запахъ плѣсени и тлѣнія разливался въ воздухѣ, и было трудно дышать и думать...

XXIX.

Пришелъ „художникъ“ и, молча кивнувъ всѣмъ головою, сѣлъ на свое мѣсто. Онъ былъ блѣденъ и угрюмъ, и его красивое лицо было искажено какой-то внутренней болью, которую онъ не могъ скрыть. Агаѳоникъ Петровичъ пересталъ смѣяться и, пристально посмотрѣвъ на художника, принявъ строго-дѣловитый видъ.

— Поздненько являетесь, г. Ругинскій!—сказалъ онъ оффиціальнымъ тономъ.—Двѣнадцатый часъ, а вы только удостоили прибыть!

— А вамъ какое дѣло?—неожиданно грубо возразилъ художникъ.—Когда хочу, тогда и прихожу!

— Невозможно-съ! На всякое хотѣніе есть терпѣніе! Викторъ Павловичъ сердятся... Службой пренебрегать нельзя-съ: ежели такъ всѣ мы будемъ манкировать, что же произойдетъ?

— А что произойдетъ?— насмѣшливо спросилъ художникъ.— Земной шаръ что-ли отъ этого треснетъ?

— Не знаю-съ, треснетъ или не треснетъ, мнѣ до земного шара никакого интереса нѣтъ. А вотъ что у насъ въ столѣ завелись непорядки,—это мой прямой интересъ, потому что отъ этого ущербъ казнѣ и государству, коимъ мы съ вами, молодой человекъ, служимъ! Примите это на будущее время во вниманіе!

Художникъ хотѣлъ-было что-то возразить, но раздумалъ, и лицо его исказилось еще болѣе отъ мучительной внутренней боли.

Появленіе столоначальника и начальника отдѣленія сразу прекратило всѣ пререканія и разговоры. Чиновники разсыпались по своимъ столамъ; закрипѣли перья; казенная машина пошла полнымъ ходомъ, и стало еще душнѣе и мертвеннѣе. Но Филиппу Ивановичу плохо работалось, и онъ никакъ не могъ сосредоточиться надъ своимъ дѣломъ. Цифры, нумера бумагъ, заголовки— все это ускользало изъ его глазъ, и онъ съ страннымъ вниманіемъ слѣдилъ не за тѣмъ, что ему надо было дѣлать, а за тѣмъ, что происходило вокругъ него. И странныя мысли возникали въ его головѣ... Ему чудилось, что онъ сидитъ въ громадной черной ямѣ, откуда нѣтъ выхода, и вокругъ него копошатся давно сгнившіе мертвецы съ пустыми черепами, и эти мертвецы дѣлаютъ какое-то мертвое дѣло. А тамъ, наверху, далеко, шумитъ и несется яркая жизнь, ходятъ живые люди, звучатъ живые голоса, и никому нѣтъ дѣла до этихъ мертвецовъ съ пустыми черепами, какъ и мертвецамъ нѣтъ дѣла до того, что выпить, поеть, рыдаетъ высоко, наверху...

— Филиппъ Иванычъ! Филиппъ Иванычъ! — кричалъ ему кто-то на ухо.—Что вы, спите что-ли?

Филиппъ Ивановичъ поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою круглую физіономію Ивана Евлампіевича, который что-то ему говорилъ съ крайне возбужденнымъ и испуганнымъ видомъ.

— Идите, васъ управляющій требуетъ...— разслышалъ наконецъ Филиппъ Ивановичъ.

Управляющій требовалъ къ себѣ маленькихъ чиновниковъ только въ особо важныхъ случаяхъ, и потому Филиппъ Ивановичъ сразу овладѣлъ всѣми своими чувствами. Онъ растерянно поглядѣлъ на своихъ сослуживцевъ и, встрѣтивъ со всѣхъ сторонъ любопытное или испуганные взгляды, понялъ, что произошло вѣчто необычайное. Криво улыбнувшись, онъ положилъ перо, вытеръ зачѣмъ-то руки носовымъ платкомъ и особеннымъ, скользящимъ шагомъ, усвоеннымъ всѣми маленькими чиновниками для появленія передъ большими, пошелъ въ кабинетъ управляющаго.

Всѣ провожали его тѣми же любопытными и испуганными взглядами, а Еремѣевъ, ни къ кому особенно не обращаясь, пробормоталъ: „Гонка будетъ!“

И представивъ себѣ, что бы было съ ними, еслибы они очутились на мѣстѣ Филиппа Ивановича, всѣ почувствовали священный трепетъ и съ удвоеннымъ усердіемъ погрузились въ работу.

Войдя на цыпочкахъ въ кабинетъ управляющаго, Филиппъ Ивановичъ сейчасъ же сообразилъ, что у его превосходительства, по выраженію чиновниковъ, „лопнула струна“. Обыкновенно корректный и величаво-важный, онъ теперь быстро носился по комнатѣ, заложивъ большіе пальцы рукъ въ жилетные карманы, и брови его были высоко подняты въ знакъ недоумѣнія и досады. Филиппъ Ивановичъ остановился у двери и ждалъ, стараясь наскоро сообразить, въ чемъ онъ провинился. Управляющій раза два промчался мимо него, не замѣчая или не желая замѣчать, потомъ вдругъ сразу остановился и вперилъ ему въ лицо свои большіе, выпуклые, близорукіе глаза.

— Касаткинъ?—спросилъ онъ отрывисто.

Филиппъ Ивановичъ почтительно склонился.

— Послушайте...—продолжалъ его превосходительство.—На васъ тамъ жалуются... Вы реестры запустили... многія важныя бумаги не внесены... все перепутано... Такъ нельзя-съ!

Филиппъ Ивановичъ молчалъ, не поднимая головы и потрагивая себя за галстухъ, который его душилъ. Ему казалось, что онъ попалъ въ какой-то вихрь, и этотъ вихрь бурно несетъ его все выше-выше, дальше-дальше отъ привычныхъ нормъ жизни.

— Что это такое, я васъ спрашиваю?—гремѣлъ управляющій.—Что-съ? Преступная небрежность или... какъ это назвать? Вы двадцать лѣтъ служите, а поступаете, какъ мальчишка... Понимаете, какъ маль-чиш-ка! Такъ невозможно! Здѣсь не въ бирюльки играютъ; здѣсь надо дѣло дѣлать, а не мечтать,—слышите? Дѣло! Дѣло! А мечтать вы можете въ другомъ мѣстѣ. Стыдитесь, г. Касаткинъ... Надѣюсь, это въ послѣдній разъ. Идите!

И, повернувшись на каблукахъ, онъ снова забѣгалъ по кабинету, самъ, видимо, подавленный тяжкимъ бременемъ того „важнаго дѣла“, которому онъ служилъ.

Филиппъ Ивановичъ съ блѣдной улыбкой, все такъ же трогая себя за галстухъ и присѣдая, вышелъ.

XXX.

Въ отдѣленіи была тишина, всё съ особеннымъ усердіемъ занимались своимъ дѣломъ и, взглянувъ искоса на Филиппа Ивановича, поспѣшили снова углубиться въ бумаги, оробѣвъ подъ дуновеніемъ отдаленной грозы, разразившейся въ кабинетѣ начальства. Филиппъ Ивановичъ, продолжая блѣдно улыбаться, на цыпочкахъ прокрался къ своему стулу и сѣлъ. Беспорядочные обрывки мыслей крутились у него въ головѣ, какъ пыль, подвѣваемая вѣтромъ, и онъ никакъ не могъ ихъ собрать и оформить. „Кто на него нажаловался?.. Должно быть, Агаѳоникъ Петровичъ... Вотъ тебѣ и благообразный старичокъ! Онъ давно уже подъ него подкапывается,—у него одинъ зять безъ мѣста... А можетъ быть, столоначальникъ... Онъ все молчитъ, а ужъ извѣстно, кто молчитъ, тотъ Кайну родной братъ. Шиллеръ сказалъ... что сказалъ Шиллеръ? „Братъ, пощада злодѣя раскаянью, цѣпи долой навсегда“... Развѣ это Шиллеръ?.. Давно, давно было, все забылъ, а это помню... Но къ чему? зачѣмъ это? Да, да. „Цѣпи долой навсегда!“...

Филиппъ Ивановичъ поднялъ глаза и пристально поглядѣлъ на своихъ сосѣдей. Съ какимъ-то особенно-острымъ вниманіемъ онъ остановился на широкой, гладкой плѣши Агаѳоника Петровича, потомъ перевелъ взглядъ на багровый носъ Еремѣева, на серьезно-оттопыренную нижнюю губу столоначальника, на бѣлый проборъ Ивана Евлампіевича, — и вдругъ ему стало необыкновенно смѣшно. Онъ ощутилъ въ себѣ давешнюю ясность и легкость, и неожиданно для самого себя громко разсмѣялся.

— А меня обокрали!—сказалъ онъ вслухъ и обвелъ всѣхъ смѣющимися глазами.

За столомъ произошло движеніе. Столоначальникъ посмотрѣлъ на Филиппа Ивановича строго и неодобрительно; писцы сдержанно фыркнули, а Агаѳоникъ Петровичъ заложилъ за ухо перо и, доставая изъ кармана платокъ, сказалъ съ скучающимъ видомъ:

— Ну, ужъ это старо, Филиппъ Ивановичъ! Пора бы что-нибудь новенькое выдумать.

Но, къ общему удивленію, Филиппъ Ивановичъ засмѣялся еще громче и продолжалъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ:

— Да-съ, обокрали! Вы думаете, я про часы? Фю-ю! Не часы, — часы что, чортъ съ ними, съ часами,—жизнь у меня украли, вотъ что-съ! Самую настоящую жизнь, ни болѣе и ни

менѣе. Вы думаете, мы всѣ здѣсь люди,—живые люди съ живой кровью, съ нервами, съ душой? Нѣтъ-съ, голубчики мои, мы мертвецы! Чтѣ вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ? Не удивляйтесь,—мертвые срама не имутъ! Викторъ Павлычъ, не дѣлайте грознаго лица,—вы тоже мертвецъ! И вы, Митрофанъ Гаврилычъ, и Агаѳоникъ Петровичъ, и художникъ, и ты, Еремѣевъ, — всѣ мы давно умерли и сгнили, и черепа наши пустые, какъ горшки, и вмѣсто сердца—червоточина, вмѣсто души—бумажная жвачка! Ха-ха-ха!.. И вотъ мы сидимъ въ гнилой ямѣ и жуемъ свою жвачку, а жизнь-то идетъ, идетъ, и для нея мы—дрянь, плѣсень, пшикъ, тьфу!—больше ничего...

Столоначальникъ обмѣнялся тревожнымъ взглядомъ съ начальникомъ отдѣленія и весь красный привсталъ.

— Э-э... но послушайте...—съ достоинствомъ началъ онъ.

Филиппъ Ивановичъ ничего не слышалъ. Онъ уже не говорилъ, а кричалъ, и голосъ его гремѣлъ, какъ труба, и самъ онъ сталъ какъ будто выше ростомъ, и лицо его преобразилось, исчезла мертвенная, тупая и жалкая улыбка, глаза горѣли острымъ огнемъ, движенія приобрѣли твердость и самоувѣренность. Столоначальникъ снова переглянулся съ Викторомъ Павловичемъ, и на лицѣ его разлился безмолвный ужасъ; писцы перестали хихикать и, раскрывъ рты, смотрѣли на Филиппа Ивановича; Агаѳоникъ Петровичъ такъ и застылъ съ перомъ за ухомъ и съ платкомъ въ растопыренныхъ пальцахъ, а художникъ какъ впился глазами въ Филиппа Ивановича, такъ уже и не отрывался больше, и въ его красивыхъ глазахъ вспыхивали и разгорались странные огоньки.

XXXI.

— Двадцать лѣтъ я задыхаюсь здѣсь на этомъ стулѣ!—гремѣлъ между тѣмъ Филиппъ Ивановичъ.—Двадцать лѣтъ, лучшихъ лѣтъ моей жизни, похоронены въ этой смрадной, мертвой могилѣ! А вѣдь я тоже человѣкъ былъ когда-то... я Шиллера читалъ, Гёте, Мюссе, Чернышевскаго, Писарева... я народу хотѣлъ служить, понимаете, народу, а не бессмысленному, бездушному болвану, которому мы всѣ служимъ! Куда же все это дѣлось? Гдѣ человѣкъ? Вы, мертвые люди съ пустыми черепами, отдайте мнѣ мою жизнь, мою живую душу!.. Не можете? О, нѣтъ, вы не можете, никто не можетъ, даже вы, великолѣпный Викторъ Павлычъ, несмотря на все ваше величіе. Вы—куклы... вы—рабы, вы—ядовитые паразиты на тѣлѣ народа! Мы про-

дали душу за чечевичную похлебку двадцатаго числа; мы испугались голода и за кусокъ обезпеченнаго хлѣба превратились въ подлыхъ, лстивыхъ собакъ, прикованныхъ къ хозяйской конурѣ... Трусъ! Жалкіе, преврънныя трусы!..

Дверь кабинета пріотворилась, и оттуда показалась разгнѣванная и недоумѣвающая фізіономія его превосходительства. Изъ корридора и изъ другихъ отдѣленій тоже выглядывали испуганныя и любопытныя лица.

— Что такое? Что это за шумъ?—спросилъ его превосходительство.

Съ заискивающимъ лицомъ къ нему подскочилъ столоначальникъ и попытался что-то объяснить. Но его объясненія затерялись въ потокѣ словъ, которыя бурно неслись изъ устъ Филиппа Ивановича, прорвавъ плотину долгаго молчанія.

— Вотъ я уже старъ, лсъ и боленъ, я двадцать лѣтъ, какъ цѣпной песь, служилъ своему хозяину, а вотъ сейчасъ, за всю мою службу, меня назвали „мальчишкой“ и пригрозили выгнать на улицу—за что? За то, что я никому не нужную, можетъ быть, даже вредную бумагу записалъ не на ту страницу или совсѣмъ не записалъ,—только за это!.. И я смолчалъ... я низко кланялся и дрожалъ, какъ жалкая собачонка,—почему? Потому что я забылъ, что я человѣкъ... потому что бездушный и бессмысленный болванъ вытравилъ изъ меня все мое человѣческое достоинство, превратилъ меня въ пресмыкающуюся гадину, заставилъ меня лгать, дѣлать никому не нужное дѣло, холопски охранять его покой и безопасность... Но я не могу больше! Я не хочу... Я двадцать лѣтъ молчалъ и пресмыкался, а теперь кричу во весь голосъ вмѣстѣ съ божественнымъ, свободнымъ Шиллеромъ: „Цѣпи долой! Цѣпи долой навсегда!“...

— Послушайте, да уведите его, наконецъ! — вскрикнулъ начальникъ отдѣленія, вставая.—Гдѣ сторожа? Позовите сторожей... Онъ съ ума сошелъ!

По комнатѣ пронесся сдержанный гулъ, но никто не тронулся съ мѣста. Филиппъ Ивановичъ горящимъ взглядомъ впился въ начальника отдѣленія, выпрямился и торжествующе захохоталъ.

— Ага, вы думаете, я сошелъ съ ума? Это теперь, когда я ожилъ и заговорилъ человѣческимъ языкомъ? Жалкіе мертвецы! Это не я, это вы—сумасшедшіе! Кому вы служите? Гдѣ ваши дѣла? Кто помянетъ васъ словомъ любви и благодарности? Никто! никто! Ибо вы—плѣсень, вы—гной, вы—болѣзнь! Проклятіе и ненависть будутъ вашимъ удѣломъ!

Явились сторожа и, оробѣвшіе, стали за спиной Филиппа

Ивановича. Столоначальникъ суетливо дѣлалъ имъ знаки, — они не рѣшались, топчась на мѣстѣ, но при последнемъ возгласѣ Филиппа Ивановича вдругъ всѣ разомъ ринулись на него, подхватили подъ руки и повели. Филиппъ Ивановичъ не сопротивлялся, но на порогѣ еще разъ обернулся, и лицо его озарилось восторгомъ.

— Цѣпи долой! — закричалъ онъ. — Я ухожу, но погодите, придуть другіе и разрушатъ до основанія вашу гнилую храниву, гдѣ вы служите своему мертвому богу... А вы, молодые и старые, въ комъ еще не угасла искра жизни, — бѣгите, бѣгите отсюда, идите въ жизнь, дѣлайте жизнь, — часъ насталъ, цѣпи долой навсегда... Будьте гражданами вселенной, — вы...

Сторожа толкнули его колѣнкой въ спину, произошла короткая борьба, и звукъ его голоса замеръ въ корридорѣ. Нѣкоторое время была тишина... Потомъ всѣ пришли въ себя, и смущенное жужжаніе наполнило корридоры, отдѣленія, кабинеты, точно въ мирный пчелиный улей вдругъ влетѣлъ рогатый жукъ и нарушилъ обычный трудовой порядокъ. Начальникъ отдѣленія скрылся въ кабинетѣ его превосходительства; столоначальникъ пилъ воду, и стаканъ трясся въ его рукѣ; Агаѳоникъ Петровичъ, наконецъ, высморкался, и всѣ разомъ заговорили.

— Сошелъ съ ума... Я давно замѣчалъ странности!.. Помните, какъ онъ закричалъ однажды?... Да, да... это видно было... Жаль, жаль... несчастный человѣкъ... Такой исполнительный, аккуратный... И отчего это случилось? Не пьяница, не кутила...

— Глаза-то у него, положимъ, всегда были дикіе, — сказалъ Иванъ Евлампіевичъ. — Какъ посмотреть, бывало, невзначай, даже жутко становится. Что-то такое, знаете, спиритическое...

— Совершенно такой же случай былъ тридцать лѣтъ тому назадъ... — началъ Агаѳоникъ Петровичъ. — Пріятель у меня былъ, — смирный такой человѣкъ, трезвый, серьезный, и, представьте, вдругъ вообразилъ себѣ, что онъ — левъ! Станетъ, бывало, на четвереньки и реветъ, на всѣхъ бросается, потомъ живыхъ голубей сталъ ѣсть. Такъ львомъ и померъ... а былъ надворный совѣтникъ, Станислава имѣлъ въ петлицѣ...

XXXII.

Мало-по-малу волненіе улеглось, всѣ разберлись по своимъ мѣстамъ, но что-то еще осталось въ воздухѣ и нашептывало въ уши вольнодумныя, дерзкія слова. Дѣло какъ-то не налажива-

люсь; на всѣхъ лицахъ замѣчалось оживленіе; глаза блестя, слышались разговоры вполголоса; повторялись отдѣльныя выраженія Филиппа Ивановича. „Художникъ“ молчалъ, но по лицу его видно было, что онъ весь взвинченъ и о чемъ-то глубоко и серьезно думаетъ. Только Агаѳоникъ Петровичъ сохранялъ свой спокойно-благодушный видъ и подъ шумокъ писалъ прошеніе о принятіи на вакантное мѣсто Филиппа Ивановича своего зятя.

Вернулся начальникъ отдѣленія, очень долго пробывшій въ кабинетѣ его превосходительства, и, замѣтивъ безпорядокъ, сказалъ озабоченно и строго:

— Ну, господа, довольно, довольно... Пора за дѣло! Агаѳоникъ Петровичъ, готово у васъ постановленіе о взысканіи гербового штрафа съ дѣминскихъ крестьянъ?

Захваченный врасплохъ, Агаѳоникъ Петровичъ засуетился, спряталъ черновикъ прошенія подъ бумаги и обратился къ художнику:

— Господинъ Ругинскій, это у васъ... О дѣминскихъ крестьянахъ... Потрудитесь передать! Вы уже написали?

Художникъ поднялъ голову и долго смотрѣлъ на Агаѳоника Петровича, какъ бы не понимая, о чемъ у него спрашиваютъ.

— Написали вы постановленіе о дѣминскихъ крестьянахъ?— повторилъ Агаѳоникъ Петровичъ.

— Нѣтъ, не написалъ, — отвѣтилъ наконецъ художникъ.

— Какъ же такъ? Викторъ Павлычъ спрашиваютъ. Вы ужъ того... потрудитесь поскорѣ составить.

Но, къ ужасу Агаѳоника Петровича, художникъ отодвинулъ отъ себя бумаги и съ видомъ человѣка, рѣшившагося на все, заявилъ:

— Потрудитесь ужъ сами составить, Агаѳоникъ Петровичъ! Я сегодня же подаю въ отставку. Будьте здоровы!

И съ этими словами онъ вышелъ.

— Что это раненько уходитъ изволите?—сказалъ швейцаръ, подавая ему пальто.

— Совсѣмъ, братъ, ухожу!—весело отвѣтилъ художникъ.— Сегодня подаю въ отставку.

— Да чтò вы? Напрасно изволите! Посидѣли бы еще годика три-четыре,—дослужились бы до большихъ чиновъ!

— Нѣтъ ужъ, довольно!.. Вонъ одинъ дослужился. Въ сумасшедшій домъ повезли. А поглядѣть хорошенько, — сумасшедшій-то не онъ, а мы, — это онъ давеча вѣрно сказалъ... Ну, прощай!

Онъ вышелъ на подъѣздъ и всей грудью вдохнулъ въ себя бодрящую свѣжесть осенняго дня. „Ну, вотъ и конецъ!“ — думалъ онъ, шагая по улицѣ, которая казалась ему сегодня особенно широкой и просторной. „Всѣ пути отрѣзаны, и какъ это все просто и легко! Завтра же поѣду въ Питеръ, поступлю въ академію, буду картины писать... Авось не издохну съ голоду! А мамаша поплачетъ-поплачетъ и перестанетъ. Главное сдѣлано, — я свободенъ!“

Угрюмое сѣрое зданіе мутно смотрѣло ему вслѣдъ всѣми своими наглухо закрытыми окнами, и мертвое молчаніе окружало его старыя, облупленныя стѣны. А тамъ, внутри, все такъ же скрипѣли перья, шуршала бумага, склоненные за столами люди серьезно дѣлали свое обычное дѣло, и Еремѣевъ угрюмо шепталъ Ивану Евлампіевичу:

— Нѣтъ, ну его къ чорту!.. Не пойду я нынче къ своему попу! Не все равно нѣшто, — пить — умереть, и не пить — умереть? А меня и заживо давно ужъ черви съѣли... Эхъ, скучно что-то!.. Ужъ и напьюсь я нынче... какъ сапожникъ!..

В. І. ДМИТРИЕВА.

КРЕСТЬЯНСКІЙ БАНКЪ

и

ЕГО НАЧАЛО

Изъ личныхъ воспоминаній.

I.

Возникновеніе земельного вопроса.

Въ концѣ 1882 года я перешелъ изъ министерства путей сообщенія въ министерство финансовъ, гдѣ занялъ должность члена совѣта вновь учрежденнаго крестьянскаго поземельнаго банка, какъ объ этомъ упомянуто было мною въ статьѣ: „Моя петербургская служба“ ¹⁾.

Крестьянскій банкъ былъ учрежденіе совсѣмъ новое и по формѣ, и по цѣлямъ, и по духу. Возникло оно благодаря появленію въ ту пору новыхъ правительственныхъ „вѣяній“, направленныхъ, между прочимъ, въ пользу крестьянства и продержавшихся довольно короткое время, послѣ чего опять начались разные виды подтягиванія, введеніе земскихъ начальниковъ и т. д. Цѣлью этого банка было ослабленіе крестьянскаго малоземелья и безземелья, хотя въ этомъ отношеніи онъ являлся только слабымъ палліативомъ уже потому, что могъ приходить на помощь

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1904 г., ноябрь.

не вездѣ, гдѣ нужно, а только тамъ, гдѣ оказывались подходящія продажныя земли; да и въ этихъ случаяхъ самая выгодность для крестьянъ земельныхъ покупокъ много зависѣла отъ условій, ставимыхъ продавцами, почти всегда очень требовательными.

Тѣ же вѣянiя подвинули еще три крупныхъ крестьянскихъ вопроса—объ отмѣнѣ старинной подушной подати, о пониженiи выкупныхъ платежей и о крестьянскихъ переселенiяхъ, хотя судьба этихъ послѣднихъ вопросовъ вышла неодинаковою. Такъ, эпоха рожденiя крестьянскаго банка обозначилась въ качествѣ эпохи активной участливости правительства къ положенiю крестьянъ, трудность котораго выражалась уже довольно внушительными симптомами. Исторiя новаго банка, между прочимъ, замѣчательна въ томъ отношенiи, что представила одинъ изъ вѣрѣдкихъ образцовъ того, какъ у насъ начинанiя, проникнутыя сперва лучшими цѣлями, обезцвѣчиваются или извращаются подъ влiянiемъ послѣдующихъ реакціонныхъ вѣяній, воскресанiя мотивовъ давняго прошлаго и вторженiя рутинны. Но если любопытна судьба крестьянскаго банка во время его существованiя, то характеренъ былъ и процессъ подготовленiя этого новаго учрежденiя. Даже слабый паллиативъ—и тотъ зарождался среди массы различныхъ препонъ и попытокъ или отвратить его появленiе, или—если это не удастся—по крайней мѣрѣ обставить его дѣйствiя такими условiями, какiя затрудняютъ достиженiе истинныхъ его цѣлей.

Этой-то подготовки надо коснуться прежде, чѣмъ дѣятельности самаго банка.

Инициатива въ дѣлѣ обнаруженiя крестьянскаго малоземелья и возбужденiя вопроса о способахъ ослабленiя этого зла принадлежала, главнымъ образомъ, нашей печати. Здѣсь этотъ вопросъ возникъ, здѣсь разрабатывался, отсюда и въ дѣло пошелъ. Мнѣ лично пришлось принимать въ немъ немалое участiе съ самаго начала, и много лѣтъ онъ занималъ меня настолько сильно, что я старался отзываться на всѣ потребности его выясненiя и проведенiя въ жизнь. Поэтому, въ своихъ личныхъ воспоминанiяхъ, я долженъ, волею-неволею, нѣсколько распространиться о своей собственной дѣятельности, говоря преимущественно о томъ, какъ дѣло шло около меня.

Малоземелье стало обрисовываться при завершенiи главной массы работъ по земельному устройству крестьянъ, когда получилась возможность подведенiя приблизительныхъ итоговъ этого устройства по отдѣльнымъ мѣстностямъ и болѣе широкимъ районамъ. Частью малоземелье образовывалось вслѣдствiе неудовле-

творительности самыхъ „Положеній“, опредѣлявшихъ размѣры надѣловъ, частью же—вслѣдствіе односторонности примѣненія „Положеній“, доходившей нерѣдко до прямыхъ злоупотребленій. При такихъ условіяхъ широко практиковались отрѣзки отъ прежняго крестьянскаго пользованія, распространялись уменьшенные и противъ „Положеній“ надѣлы и много крестьянъ оставалось при даровой четверти надѣла. Пока шелъ самый процессъ поземельнаго устройства, обращали на себя вниманіе только случайно выдававшіеся примѣры подобныхъ ненормальностей, но трудно было еще заключать, насколько крупное значеніе получить ихъ совокупность въ общей массѣ создававшагося крестьянскаго устройства. А при первыхъ опытахъ подведенія итоговъ стало уже ясно обнаруживаться, что рождается крупный экономическій вопросъ. Тутъ и заговорила о немъ печать, а потомъ стали затрогивать его земства, тогда какъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ долго онъ не пользовался никакимъ вниманіемъ.

Помню, какъ мнѣ пришлось почувствовать этотъ вопросъ еще при моемъ участіи въ веденіи крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ. Какъ ни старались мировые съѣзды этого края въ шестидесятыхъ годахъ отстаивать крестьянскія права на земли, все же было видно, что одно укрѣпленіе, на основаніи мѣстнаго „Положенія“, за крестьянами того ихъ земельного пользованія, какое было въ 1847 году, т.-е. за двадцать лѣтъ раньше, далеко не соответствовало потребности наличнаго, значительно увеличившагося сельскаго населенія; а разнообразіе величины надѣловъ по деревнямъ мѣстами еще обостряло эту нужду въ землѣ. Во многихъ селеніяхъ крестьянамъ досталось ея очень мало; существовала масса владѣвшихъ однѣми усадьбами безъ полей и встрѣчалось уже значительное число безземельныхъ. Вдобавокъ, новымъ закономъ обезземелено было въ краѣ больше половины цѣлаго земледѣльческаго сословія — однодворцевъ (чиншевники). Все это, при продолжавшемся ростѣ населенія, показывало, что образовался уже и возрастаетъ крупный элементъ сельскаго люда, которому нуженъ какой-нибудь серьезный выходъ, которому надо придти на помощь, чтобы его устроить и вмѣстѣ предотвратить какія-либо опасныя стихійныя движенія. А такъ какъ не представлялось шансовъ ни быстрого успѣха агрономическихъ улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ, ни такого же роста видовъ обрабатывающей промышленности, то и способы выхода могли видѣться въ одномъ расширеніи площади крестьянскаго землевладѣнія. Поэтому мысль невольно обращалась къ пріобрѣтенію крестьянами сосѣднихъ земель и къ переселеніямъ изъ густонасе-

ленныхъ въ болѣе просторныя мѣстности, гдѣ крестьяне могли бы еще покупать землю дешево и находить лучшую оплату своего труда. Въ такомъ смыслѣ, будучи еще въ юго-западномъ краѣ и пользуясь ограниченнымъ полемъ наблюденія, помѣщалъ я статьи въ газетѣ „Кіевлянинъ“ и въ Аксаковской газетѣ „День“ (при концѣ ея изданія).

Съ переѣздомъ моимъ въ Петербургъ (въ 1872 году) и полученіемъ возможности болѣе широкаго наблюденія при помощи новыхъ источниковъ данныхъ, мнѣ пришлось убѣждаться, что вопросъ о малоземельи имѣетъ не какое-либо мѣстное, а очень обширное значеніе. Результаты погрѣшностей примѣненія крестьянскихъ „Положеній“ оказывались крупными во многихъ губерніяхъ. Свѣдѣнія о выкупной операціи, раскладки государственнаго поземельнаго налога, земскіе сборники, данныя „Трудовъ“ Валувеской комиссіи о состояніи сельскаго хозяйства, масса сообщавшихся текущею печатью свѣдѣній изъ губерній, устные сообщенія провинціальныхъ наблюдателей, собственныя личныя наблюденія при поѣздкахъ внутрь Россіи и т. п.—все это показывало, что крестьянское малоземелье распространилось всюду и что центральныя губерніи въ этомъ отношеніи находятся вовсе не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ какія-либо окраинныя. Особенно отпѣнялось положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, надѣленныхъ хуже и обложенныхъ высшими платежами, чѣмъ государственные, считавшіеся при своемъ устройствѣ не съ помѣщичьимъ классомъ, а съ казною. Подобное положеніе, въ связи съ тягостнѣйшею податною системою и чрезмѣрною оцѣнкою надѣловъ, угнетало сельское населеніе, порождая рядъ ненормальныхъ явленій, напримѣръ—обременительныя для крестьянъ условія сѣма сосѣднихъ земель, запродажу будущаго труда за безцѣнокъ и т. п. Подъ впечатлѣніемъ такихъ явленій, я считалъ необходимымъ выдвигать въ печати рождавшійся вопросъ о малоземельи и крестьянскихъ переселеніяхъ, насколько позволяли имѣвшіяся подъ рукою неполныя данныя. Статьи по этому предмету еще въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ я помѣщалъ въ московскомъ журналѣ „Бесѣда“ и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (Коршевской редакціи), а когда эта послѣдняя газета была министерствами отнята отъ Корша — въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, издававшихся В. А. Полетикомъ. Но въ ту пору голоса объ этомъ вопросѣ звучали еще одинокимъ и требовалось немало усилій для привлеченія къ нему сколько-нибудь достаточнаго правительственнаго и общественнаго вниманія. Администрація и цензура относились къ нему неблагово-

лительно, а въ литературной сферѣ этотъ вопросъ былъ еще очень новъ.

Разъ, В. Θ. Коршъ передавалъ мнѣ, какъ послѣ одной моей статьи о малоземельи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ ему пришлось объясняться съ тогдашнимъ начальникомъ цензуры М. Н. Лонгиновымъ. — „Къ чему вы занимаетесь такимъ вопросомъ?—внушалъ ему Лонгиновъ;—вѣдь это совсѣмъ бесплодное дѣло. Будьте увѣрены, что никто изъ правительственныхъ лицъ ни о чемъ подобномъ не думаетъ. Крестьяне получили свои надѣлы; этимъ правительство разъ навсегда все покончило и, разумѣется, возвращаться къ крестьянскому устройству ужъ не станетъ; значить, всѣ разговоры о какомъ-то недостаткѣ земли—одно пустое умствование, изъ котораго ничего не выйдетъ и которое вредно уже тѣмъ, что отвлекаетъ мысли, куда не слѣдуетъ“.—И этотъ Лонгиновскій отзывъ былъ въ дѣйствительности отраженіемъ тогдашнихъ административно-законодательныхъ сферъ. Что же касается общественно-литературной сферы, то въ ней хотя и начинало чувствоваться, что въ сельскомъ устройствѣ обстоитъ неладно и есть крупныя прорѣхи, но до установленія яснаго представленія о существѣ дѣла и размѣрѣ этихъ прорѣхъ было еще не совсѣмъ близко, такъ какъ многія фактическія данныя требовали еще собранія и внимательнаго анализа. По этому поводу приведу одинъ эпизодъ, относящійся къ осени 1875 года.

Въ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній“, издававшемся академикомъ В. П. Безобразовымъ, появилась статья одного изъ нашихъ экономическихъ изслѣдователей, В. И. Чаславскаго, о крестьянскихъ земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ. Статья эта представляла интересныя свѣдѣнія о движеніяхъ крестьянъ въ отдаленныя и мало населенныя мѣстности (на Донъ, Кубань, въ Новороссію, на востокъ), для отысканія заработковъ при уборкѣ тамошнихъ покосовъ, хлѣбныхъ полей и т. под. Тутъ неизбѣжно рѣчь касалась и причинъ усиленнаго исканія заработковъ, т.-е. сельской бѣдности, недостатковъ земельного устройства, обремененія платежами, а попутно приводились примѣры фактическихъ попытокъ крестьянъ къ выходу изъ подобнаго положенія, между прочимъ—путемъ разрѣшеннаго и самовольнаго переселенія съ родины на новыя мѣста; но главное содержаніе статьи все-таки состояло въ изображеніи дѣла отхожаго земледѣльческаго промысла. Разбирая эту статью въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, я, между прочимъ, указалъ на нѣкоторыя ея неполноты: неосвѣщеніе положенія мѣстностей, находящихся не въ лучшемъ поло-

женіи, чѣмъ указанныя Чаславскимъ, преувеличенность представленія о заводскихъ заработкахъ въ юго-западномъ краѣ, упущеніе изъ виду обезземеленія тамошнихъ однодворцевъ и т. под. Все это касалось только опредѣленія фактическихъ данныхъ, но при этомъ я высказывалъ, что какъ ни важно для крестьянъ подспорье отхожихъ промысловъ, однако сами по себѣ они не выручаютъ, а болѣе коренной способъ исхода представляется въ переселеніяхъ изъ густо населенныхъ мѣстностей въ просторныя.

Чаславскій отвѣтилъ на мои замѣчанія; я снова возразилъ ему, но тутъ онъ обидѣлся однимъ мѣстомъ моей статьи, гдѣ заподозрилъ предположеніе въ немъ несимпатичной односторонности. Будучи человѣкомъ очень щекотливымъ, онъ, узнавъ въ редакціи мой адресъ, однажды вечеромъ явился ко мнѣ, взволнованный, и началъ горячо объясняться. Наши объясненія затянулись на нѣсколько часовъ; успокоить Чаславскаго однимъ указаніемъ на возможность разясненія спорныхъ пунктовъ въ печати было нельзя, и онъ предложилъ мнѣ нѣчто въ родѣ товарищескаго суда. Я говорилъ ему, что судъ пригоденъ только въ вопросахъ чести, когда отъ сторонъ требуются тѣ или другія внѣшнія дѣйствія, но совсѣмъ нецѣлесообразенъ въ дѣлѣ опредѣленія экономическихъ данныхъ, потому что къ какому бы заключенію судъ ни пришелъ, ни я, ни Чаславскій не можемъ отказаться отъ тѣхъ свѣдѣній, которыя намъ извѣстны и останутся неопровергнутыми; для опроверженія же фактовъ нужны не чужіе взгляды, а надежные источники; вѣдь нашъ споръ возникъ главнымъ образомъ изъ-за вопросовъ — какія мѣстности нуждаются больше и какія — меньше, а мнѣніи объ этомъ, безъ новыхъ фактовъ, никакой судъ диктовать не можетъ. Толковали мы долго, но кончилось тѣмъ, что согласились допустить устное участіе въ нашемъ спорѣ избранныхъ постороннихъ лицъ, которыя, какъ говорилъ Чаславскій, помогутъ намъ разобраться въ нашемъ разномысліи. По обоюдному соглашенію мы избрали: профессора Янсона, Д. Л. Мордовцева и бывшаго директора Лѣсного института, Синявскаго. Собрались мы потомъ въ квартирѣ Синявскаго, поспорили еще, но тутъ наконецъ выяснилось, что никакихъ принципиальныхъ разномысліи у насъ нѣтъ, и оба мы одинаково относимся какъ къ крестьянскому вопросу вообще, такъ и къ необходимости помощи крестьянамъ всѣхъ тѣхъ мѣстностей, на которыя оба мы указывали. Согласились всѣ и съ необходимостью широкихъ переселеній въ просторныя мѣстности. По общему соглашенію, полемика наша завершилась обоюднымъ заявленіемъ въ той же газетѣ, и мы съ Чаславскимъ окончательно

примирились, послѣ чего много разъ дружно бесѣдовали объ интересовавшихъ насъ вопросахъ.

Споръ этотъ былъ, въ сущности, разъясненіемъ второстепенныхъ недоразумѣній, но представилъ интересъ въ томъ отношеніи, что при немъ очень почувствовалась недостаточность общедоступныхъ статистическихъ свѣдѣній. При всемъ нашемъ интересѣ къ дѣлу, мы были затрудняемы чисто фактическими неясностями. Намъ приходилось ссылаться на такіе источники, какіе добывались личными усиліями, болѣе или менѣе случайно. Напримѣръ, объ обезземеленныхъ западныхъ однодворцахъ я могъ говорить по своему личному знакомству съ краемъ и на основаніи сохранившихся у меня отрывочныхъ свѣдѣній, тогда какъ прочіе участники бесѣды у Сивявскаго не имѣли объ этомъ никакого представленія. Съ другой стороны, и Чаславскій могъ добыть вѣкоторыя свѣдѣнія по своей службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, изъ его дѣлъ. Существенные пробѣлы чувствовались въ отношеніи къ разнымъ частямъ вопроса. Это привело къ разговору о необходимости новыхъ, специальныхъ усилій къ систематическому освѣщенію крестьянскаго устройства точными данными и къ выясненію зарождавшихся въ этой области серьезныхъ вопросовъ, путемъ печати. При этомъ я обращался къ Янсону:—Вотъ, вы—дѣятель статистическаго отдѣленія „Географическаго Общества“; отчего бы вамъ не заняться собраніемъ статистическихъ свѣдѣній о крестьянскихъ надѣлахъ? Каждый изъ насъ, дѣйствуя лично, безсиленъ добывать многое, и на свои просьбы о свѣдѣніяхъ часто будетъ встрѣчать отказы или невниманіе, тогда какъ при авторитетѣ „Общества“ вы получите изъ разныхъ губерній много цѣннаго матеріала, который останется только систематизировать. А то, что же теперь выходитъ? Придешь къ вамъ въ засѣданіе „Географическаго Общества“ и слышишь сообщенія то о Средней Азіи, то о какомъ-нибудь горномъ хребтѣ въ Сибири, между тѣмъ какъ крайне важныя свѣдѣнія о положеніи главной массы русскаго населенія остаются въ пренебреженіи. Крупная работа крестьянскаго поземельнаго устройства заканчивается, большой матеріалъ уже готовъ,—пора же привести въ ясность, какой именно экономическій порядокъ складывается у насъ въ сельской жизни. Неужели предпочитать интересы Средней Азіи огромному интересу Европейской Россіи?

Не могу сказать навѣрное, послужила ли эта бесѣда какимъ-либо толчкомъ для Янсона, но только вслѣдъ затѣмъ онъ, дѣйствительно, принялся за матеріалы о крестьянскомъ землевладѣ-

ни, и въ 1877 году издалъ свой „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“. Хотя этотъ „опытъ“, какъ первый, неизбежно оставлялъ еще желать немало въ смыслѣ полноты, но онъ былъ уже серьезнымъ шагомъ въ систематизированіи свѣдѣній о фактическомъ крестьянскомъ устройствѣ и пролилъ на послѣднее немало свѣта, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ ожесточенныя обвиненія со стороны противниковъ крестьянской экономической самостоятельности. Я же, во время описаннаго спора, написалъ статью „Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ“, которая была помѣщена въ первой книжкѣ „Вѣстника Европы“ 1876 года. Статья эта—сколько помню—была первою журнальною статьею, вводившею въ нашу публицистику переселенческій вопросъ, какъ рѣшительно сложившійся въ жизни и неотложный, безучастіе къ которому вредно и опасно. Въ ней массою цифръ и другихъ фактическихъ данныхъ, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ, выяснялись земельная тѣснота въ однѣхъ мѣстностяхъ и значительность малонаселенныхъ пространствъ въ другихъ краяхъ Россіи, съ вытекающими изъ такого различія экономическими послѣдствіями. Крестьянское поземельное устройство представлялось установившимся на самыхъ разнообразныхъ основаніяхъ, причемъ, въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, одна часть крестьянства—бывшіе государственные—оказывалась получившею довольно значительныя надѣлы, тогда какъ другая—бывшіе крѣпостные—осталась при гораздо меньшихъ и, въ огромномъ числѣ случаевъ, при ничтожныхъ клочкахъ или даже совсѣмъ безъ земли. Отъ такой неравномѣрности въ однѣхъ мѣстахъ сельское населеніе испытывало большую нужду, не находя достаточнаго спроса на трудъ, а въ другихъ—широкія площади не находили рукъ для своей обработки, масса земель оставалась въ запустѣніи, страдала производительность страны, и уровень рабочей платы отличался крайнимъ непостоянствомъ, то падая до невозможности прокормить приходившихъ наугадъ рабочихъ, то поднимаясь до немѣрной высоты. Тамъ страдали рабочіе, а здѣсь несли потери хозяева. Выходъ изъ подобныхъ ненормальностей представлялся частью въ дополненіи надѣловъ покупкою крестьянами соседнихъ земель, а главнымъ образомъ—въ широкихъ переселеніяхъ изъ тѣсныхъ районовъ въ малонаселенныя губерніи и области; но этому препятствовали многочисленныя законодательныя и административныя препоны, дѣлавшія переселеніе доступнымъ не тѣмъ, кто больше въ немъ нуждался, а только наиболѣе зажиточнымъ или богатымъ крестьянамъ, которымъ недурно

жилось и на родинѣ. Не входя въ подробныя проектированія и лишь слегка еще касаясь помощи для крестьянъ кредитомъ, означенная статья главнымъ образомъ выставяла на видъ крайнюю необходимость замѣны дѣйствовавшей въ отношеніи къ переселеніямъ запретительной системы—другою: облегчительною и содѣйствующею.

Спустя около года, интересъ къ крестьянскому земельному устройству получилъ новый толчокъ. Появилось объемистое, двухтомное сочиненіе кн. А. И. Васильчикова: „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ“. Почтенный авторъ, приобрѣвшій уже извѣстность своимъ прежнимъ сочиненіемъ о самоуправленіи, собралъ въ этой новой книгѣ много данныхъ по исторіи образованія землевладѣнія у насъ и на Западѣ, а также—объ установившейся въ различныхъ странахъ фізіономіи землевладѣнія и о тѣхъ разнообразныхъ условіяхъ, въ какія тамъ и здѣсь поставлены земледѣліе и земледѣльческое населеніе. Кн. Васильчиковъ старался освѣтить возникавшіе изъ существующаго положенія вопросы и высказывалъ по нимъ свои сентенціи. Книга обратила на себя большое вниманіе. Выступили рецензіи, причемъ одни критики сосредоточивались главнымъ образомъ на исторіи западнаго землевладѣнія, а другіе—на изображеніи судебъ и наличнаго положенія земельного дѣла въ Россіи; но при этомъ сразу посыпались указанія на серьезныя ошибки и особенно—невѣрность взгляда на русское положеніе.

Дѣйствительно, кн. Васильчиковъ давалъ большіе поводы къ подобнымъ укорамъ. Не могъ онъ не коснуться уже начинавшаго тогда сознаваться крестьянскаго малоземелья, но, при всей добросовѣстности своего отношенія къ дѣлу, недостаточно заботливо разобрался въ данныхъ именно о Россіи, довѣрился ненадежнымъ источникамъ и, въ результатѣ, выставилъ нѣсколько ошибочныхъ, сбивчивыхъ и взаимно-противорѣчивыхъ заключеній очень серьезнаго характера, что, въ свою очередь, показывало, какъ слабо еще распространены были у насъ положительныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ даже между людьми, спеціально интересовавшимися земельнымъ дѣломъ. Въ дѣлѣ достаточности или недостаточности крестьянскаго владѣнія первый вопросъ—какой же именно размѣръ его необходимъ? Поставивъ этотъ вопросъ о *необходимомъ*, кн. Васильчиковъ принялъ въ основу его положеніе, по которому для крестьянской семьи нужно не то количество земли, какое обезпечиваетъ ея содержаніе, а то, какое она можетъ обработать своими собственными силами. Отсюда дѣ-

лался выводъ, что гдѣ земля *лучше*, т.-е. требуетъ меньше труда, и гдѣ нужный для земледѣлія лѣтній періодъ длиннѣе, тамъ мужику надо имѣть земли *больше*, потому что онъ успѣетъ справиться съ большимъ ея количествомъ; а гдѣ земля *хуже* и лѣтній періодъ короче—тамъ мужику нужно ея *меньше*, потому что иначе онъ справиться со своимъ владѣніемъ будетъ не въ состояніи. Съ перваго взгляда, основное положеніе кн. Васильчикова какъ будто предъявляло, относительно надѣловъ, даже болѣе высокія требованія, чѣмъ обращавшіяся въ тогдашней публицистикѣ,—такъ какъ, конечно, крестьянская семья всегда можетъ обработать больше, чѣмъ нужно на ея содержаніе;—однако практическіе выводы у него получились какъ-разъ обратные.

Перейдя къ болѣе конкретному опредѣленію необходимаго крестьянскаго землевладѣнія, кн. Васильчиковъ высказалъ, что на Западѣ опытомъ уже выработаны для этого извѣстныя нормы, съ которыми можно сообразоваться и намъ. Эти нормы составляютъ въ Германіи отъ 7¹/₂ до 15 десятинъ на дворъ, въ Англіи—около 11 десятинъ, въ нашемъ Остзейскомъ краѣ—отъ 15 до 20 десятинъ и т. д.; а такъ какъ лѣто у насъ вообще короче западнаго, то намъ можно довольствоваться и нѣсколько меньшимъ противъ западнаго крестьянскимъ подворнымъ владѣніемъ, причемъ ограниченіе послѣдняго послужитъ даже побужденіемъ для крестьянъ къ переходу отъ экстенсивнаго земледѣлія къ интенсивному. Но удовлетворяетъ ли наличный русскій крестьянскій надѣлъ и указаннымъ выше нормамъ? Кн. Васильчиковъ, руководствуясь *средними* по губерніямъ выводами (по которымъ у него выходило, будто лишь въ шести губерніяхъ на дворъ приходилось меньше 11 десятинъ и даже въ самыхъ многочисленныхъ, какъ курская и орловская, 10 и 11 десятинъ), а также какими-то еще другими неясными свѣдѣніями, пришелъ къ неожиданному заключенію, что малоземелье у насъ—не болѣе какъ рѣдкое *исключеніе*, не способное имѣть вреднаго вліянія на общее благосостояніе крестьянскаго сословія. Напротивъ, для массы нашего земледѣльческаго класса существующій надѣлъ слѣдуетъ признать „совершенно достаточнымъ“, и распространяющееся мнѣніе о его недостаточности—*ошибочно*. „Наше крестьянство,—высказалъ онъ,—надѣлено такимъ пространствомъ угодій, какое вполне соотвѣтствуетъ рабочей силѣ этого сословія и *едва ли* ея не превышаетъ“.

Столь благопріятный для современнаго положенія выводъ слишкомъ ужъ расходился съ дѣйствительностью, хотя и тутъ кн. Васильчиковъ все-таки высказывался за необходимость пере-

селеній и особой попечительности о правильномъ ихъ ходѣ. Заключенія его, конечно, вызвали большія недоумѣнія и цѣлый рядъ возраженій. Обзоръ ихъ потребовалъ бы слишкомъ много мѣста, и потому ограничусь здѣсь лишь нѣкоторыми изъ тѣхъ, какія пришлось мнѣ самому высказать въ „Недѣлѣ“ противъ фактической основы отрицанія малоземелья. Кн. Васильчиковъ утверждалъ, что нормы необходимаго владѣнія земледѣльческаго двора уже выработаны на Западѣ, и приводилъ относящіеся къ этому цифровыя данныя; но что же слѣдуетъ изъ этихъ данныхъ? Если размѣръ означеннаго владѣнія до того разнообразенъ, что составляетъ и $7\frac{1}{2}$, и 11, и 15, и 20 десятинъ, то самое это разнообразіе показываетъ, что, въ сущности, никакой общей нормы не выработалось, и каждая мѣстность — на свой образецъ. Чѣмъ же тутъ намъ воспользоваться, какой авторитетъ для насъ можетъ имѣть примѣръ подобной розни? Въ душевомъ выводѣ, кн. Васильчиковъ высказывался за надѣлы около 5 десятинъ на душу; однако, такого надѣла, даже въ среднемъ выводѣ, не имѣетъ ни одна губернія во всей южной, болѣе плодородной и населенной половинѣ Россіи; все бывшее крѣпостное населеніе Россіи не имѣетъ и 4 десятинъ на душу. Наконецъ — главное — развѣ можно строить столь рѣшительныя заключенія на *среднихъ* губернскихъ выводахъ, когда по степени надѣленія одна половина крестьянъ (бывшіе государственные) рѣзко отличается отъ другой (бывшіе помѣщичьи), такъ какъ первой даны довольно значительныя, а послѣдней — гораздо меньшія надѣлы? Вѣдь надѣлы одной части населенія могутъ только подкрашивать средніе выводы, но нисколько не поднимаютъ благосостоянія и не измѣняютъ нужды другой. Напротивъ, именно бывшіе помѣщичьи и составляютъ главную массу страдающаго отъ малоземелья крестьянства, и изъ ея среды уже выдѣляется сельскій пролетаріатъ безземельныхъ и бездомныхъ. Какимъ же образомъ подобные крестьяне, въ одно и то же время, и не имѣютъ необходимаго, по мнѣнію самого кн. Васильчикова, количества земли, и надѣлены, по его же мнѣнію, „совершенно достаточно“? Лишена основанія и своеобразная теорія, по которой мужику нужно лучшей земли больше, а худшей — меньше; вся она выведена изъ соображеній о посильности для крестьянъ обработки того или другого количества десятинъ, но посильность тутъ совсѣмъ ни при чемъ. Вѣдь въ лучшихъ, плодородныхъ мѣстностяхъ мужикъ обрабатываетъ всю свою землю, а въ худшихъ — далеко не всю, такъ какъ здѣсь значительная часть земли подобной затраты труда не требуетъ, идя подъ пастбище, размѣръ котораго не зависитъ

ни отъ рабочей силы семьи, ни отъ продолжительности лѣтнаго періода. Напротивъ, тутъ выходитъ такая цѣпь условій: гдѣ почва плоха, тамъ ей нужно удобреніе; для полученія удобрения нуженъ скотъ; чтобы содержать скотъ, надо имѣть пастбище; а чтобы было пастбище—нуженъ большій надѣлъ. Стало быть, какъ ни мудрить, а худшей земли надо не меньше, а больше, чѣмъ лучшей, какъ принято было и „Положеніями“ о крестьянахъ.

Кн. Васильчиковъ отвѣчалъ на первыя замѣчанія своихъ критиковъ, но его мнѣнія о надѣлахъ рѣшительно не имѣли успѣха, продолжая встрѣчать отрицанія интересовавшихся дѣломъ и опроверженія со стороны новыхъ входившихъ въ печать свѣдѣній. Пришло наконецъ къ тому, что и самъ кн. Васильчиковъ добросовѣстно призналъ ошибочность своихъ представлений. Въ слѣдующемъ изданіи своего „Землевладѣнія и Земледѣлія“ онъ уже прямо выразилъ, что былъ введенъ въ заблужденіе заимствованіемъ свѣдѣній изъ сбивчивыхъ и неполныхъ источниковъ, относившихся еще къ шестидесятымъ годамъ, главнымъ образомъ—изъ трудовъ податной комиссіи. „Мы должны откровенно сознаться,—высказалъ онъ,—что и самое наше мнѣніе о крестьянскихъ надѣлахъ измѣнилось по существу, въ силу новыхъ данныхъ, изданныхъ правительственными учрежденіями, земствомъ и частными лицами.... Теперь мы убѣдились, что такое возрѣніе (достаточность надѣловъ и отсутствіе вліянія ихъ размѣра на благосостояніе)—ошибочно. Малоземелье нельзя теперь признать исключеніемъ: съ приращеніемъ народонаселенія оно принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Нельзя также не признать, что недостатокъ земли въ большей части черноземныхъ центральныхъ губерній вліяетъ вредно на благосостояніе многихъ крестьянъ въ этой полосѣ; поэтому мы должны были измѣнить нашъ взглядъ на значеніе и объемъ малоземелья и признать справедливость возраженій, сдѣланныхъ намъ нашими критиками“.

Такъ, существенныя ошибки, пущенныя въ обращеніе солиднымъ авторомъ, вызвавъ полемику, содѣйствовали большому выясненію важной стороны экономической жизни и укрѣпленію мнѣнія о злѣ малоземелья.

Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ крестьянскій земельный вопросъ завоевывалъ себѣ большее и большее мѣсто въ нашей публицистикѣ, двигались въ ней и тѣсно связанные съ нимъ вопросы о пониженіи выкупныхъ платежей и объ отмѣнѣ подушной подати. Обременительность выкупныхъ платежей была слѣдствіемъ

преувеличенной оцѣнки надѣловъ при совершеніи крестьянской реформы (когда въ увеличеніи оброковъ и выкупныхъ суммъ искали вознагражденія помѣщиковъ и за утрату права на крестьянскую личность), и потому представлялась вопросомъ сравнительно новымъ; а подушная система податей была даже официально осуждена правительствомъ, только отмѣна ея нисколько не подвигалась на дѣлѣ. Еще во время той же самой крестьянской реформы, преобразование податной системы было поставлено на очередь; но комиссіи сочиняли безплодные проекты, одинъ за другимъ, и эти проекты главнымъ образомъ выражали одну и ту же тенденцію: взыскивать такія же суммы и съ той же части населенія, лишь въ слегка измѣненной формѣ. Такъ тянулось слишкомъ двадцать лѣтъ. Правительственное творчество по народнымъ и общественнымъ вопросамъ въ семидесятыхъ годахъ совсѣмъ заснуло; духъ недавнихъ реформъ отлетѣлъ, болѣе и болѣе вытѣсняясь противоположнымъ, а потому новые проекты являлись чѣмъ-то въ родѣ канцелярской отписки отъ требованій наличныхъ существенныхъ нуждъ и жизненные вопросы монотонно переваливались изъ одного года въ другой. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ сочиненъ былъ проектъ замѣны подушной подати—подворною, т. е. немного измѣнявшій лишь распредѣленіе податной тягости между крестьянами. Этотъ проектъ передавъ былъ даже въ 1871 году на обсужденіе земствъ, большая часть которыхъ высказалась за болѣе глубокую реформу, но изъ всего этого опять ничего не вышло, и дѣло заснуло еще на нѣсколько лѣтъ. Потомъ придумали подать поразрядную, заглядѣвшись на прусскій образецъ,—только и тутъ выходило „тѣхъ же шей, да пожиге влей“, и въ результатѣ получилась прежняя безплодность. Между тѣмъ, пока мудрили комиссіи, подушная подать продолжала угнетать населеніе какъ своею массою,—болѣе пятидесяти милліоновъ рублей въ годъ,—такъ еще больше самыми способами взысканія, часто доходившими до положительно варварскихъ пріемовъ—истязаній, продажи самой необходимой движимости, строеній, даже ворѣтъ у дворовъ и т. под. Жестокость вынуждала крестьянъ, ради податей, продавать за безцѣнокъ будущій трудъ, и вслѣдствіе того часто мужикъ терялъ втрое больше, чѣмъ получала отъ него казна. Преувеличенный размѣръ выкупныхъ платежей составлялъ добавочную тягость, вызывавшую такія же послѣдствія. Особенно страдали малоземельные, у которыхъ на ничтожные участки земли падало столько же подушной подати, сколько у другихъ на болѣе значительную площадь.

Разумѣется, печать занималась податнымъ вопросомъ на-

стойчиво, отзываясь на всѣ фазисы его хода и высказываясь за необходимость безусловно покончить съ подушною системою. Дѣло видимо тормазилось не только правительственною вялостью, но и тѣмъ, что для исключенія изъ государственнаго бюджета слишкомъ пятидесяти милліоновъ даваемого податью годового дохода требовалась замѣна его другими равносильными источниками, а такихъ источниковъ правительство все не отыскивало. Если находились менѣе значительные источники, то ихъ на полную податную реформу не хватало и они уходили на что-нибудь другое; стало быть, при задачѣ порѣшить подушную систему вдругъ, приходилось, въ тщетномъ ожиданіи появленія разомъ большихъ финансовыхъ средствъ, оставаться при затыкѣ дѣла на самое неопредѣленное время. Нужно было скорѣе *начать* дѣло, и потому практичнѣе представлялось рѣшать податной вопросъ хоть по частямъ, утилизируя каждый появляющійся большой и малый ресурсъ, т.-е. дѣйствуя по такому плану: по мѣрѣ отысканія источниковъ, сперва освобождать отъ подушной подати одну группу населенія, потомъ другую, третью и т. д., начиная, разумѣется, съ самыхъ обездоленныхъ — безземельныхъ и малоземельныхъ — и переходя послѣдовательно къ устроеннымъ сравнительно лучше — полнонадѣльнымъ, бывшимъ государственными крестьянамъ и колонистамъ. Подобный способъ обѣщаль скорѣйшій реальный результатъ. Статью именно въ этомъ смыслѣ помѣстилъ я весною 1879 года въ журналѣ „Слово“. Приѣмъ отмѣны подушной подати по частямъ и былъ въ послѣдствіи примѣненъ, но это произошло уже въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда министромъ финансовъ былъ Н. Х. Бунге, а директоромъ департамента, завѣдывавшаго податями, А. А. Рихтеръ. Тогда крестьянъ раздѣлили на группы по степенямъ ихъ нужды, освобождали одну группу за другою, и дѣло, казавшееся прежде неодолимымъ, покончено было въ три приѣма на протяженіи четырехъ лѣтъ. Словомъ, нужны были только серьезная правительственная рѣшимость и соотвѣтствующіе люди, а ихъ-то въ семидесятыхъ годахъ и не доставало, отчего, какъ сказано было выше, самые существенные вопросы русской жизни не шли дальше переписки.

Наиболѣе полное освѣщеніе крестьянское поземельное устройство получило уже въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ. Центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, предпринявъ обследованіе состоянія землевладѣнія въ различныхъ полосахъ Россіи, собралъ съ мѣстою огромную массу цифрового матеріала и издалъ „Статистику поземельной соб-

ственности" по восьми внутреннимъ губерніямъ (за этимъ послѣдовали выпуски такой же статистики и по другимъ районамъ). Тутъ картина получилась уже цѣльная и тѣмъ болѣе интересная, что данныя были разработаны подробно, разгруппированы по сословіямъ, по отдѣламъ крестьянъ различныхъ наименованій, съ распредѣленіемъ по самымъ размѣрамъ владѣнія и съ приведеніемъ сравнительной численности населенія во время послѣдней народной переписи (1857 — 1858 гг.) и во время собиранія свѣдѣній для означенной статистики. Стало видно, сколько въ каждомъ уѣздѣ крестьянъ, имѣющихъ то или другое количество десятинъ на душу, и каковъ былъ приростъ населенія со времени народной переписи въ каждой группѣ. На такомъ краснорѣчивомъ матеріалѣ можно уже было строить наиболѣе твердыя и полныя заключенія.

Малоземелье обрисовалось вполне ясными, рѣзкими чертами. У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ среднемъ выводѣ по семи губерніямъ оказывалось около $2\frac{1}{2}$ десятинъ на душу и только въ одной, худшей, немножко больше трехъ десятинъ, но по отдѣльнымъ губерніямъ и уѣздамъ выходило значительно меньше. Въ трехъ изъ восьми губерній третья часть крестьянъ имѣла меньше двухъ десятинъ на душу, а въ нѣсколькихъ уѣздахъ процентъ крестьянъ, имѣвшихъ даже меньше, чѣмъ по одной десятинѣ, колебался отъ 35% до 39%. Но и статистика поземельной собственности могла учитывать владѣвшихъ хоть какими-нибудь клочками земли, тогда какъ еще значительное число крестьянъ оставалось совсѣмъ безъ земли, и они въ эту статистику не попали. — Подробный разборъ этой статистики съ надлежащими выводами помѣщенъ былъ мною осенью 1880 года въ журналѣ „Слово“ („Наше землевладѣніе“).

Означенная статистика представила еще одно замѣчательное явленіе, рельефно обрисовывавшее вліяніе земельного владѣнія на крестьянское благосостояніе. Во всѣхъ мѣстностяхъ, — при мелко́мъ размѣрѣ надѣла самый приростъ населенія со времени переписи, т.-е. за двадцать лѣтъ, оказывался гораздо меньше, чѣмъ при болѣе значительныхъ надѣлахъ. Почти каждый отгѣнокъ въ уменьшеніи и увеличеніи надѣла совпадалъ съ такимъ же отгѣнкомъ прироста крестьянскаго населенія. Напримѣръ, при надѣлѣ меньше одной десятины на душу, средній приростъ по восьми губерніямъ составлялъ 16 процентовъ, при двухъ-трехъ десятинахъ уже 19, при четырехъ - пяти десятинахъ $25\frac{1}{2}$, а при высшихъ надѣлахъ доходилъ и до 30-ти процентовъ. Явленіе это вездѣ выступало съ такимъ постоян-

ствомъ и правильностью, что ясно указывало на глубокую связь между земельнымъ обезпеченіемъ и ростомъ населенія. Тутъ неизбежно возникалъ вопросъ, — какимъ же именно способомъ уменьшеніе этого обезпеченія, т.-е. степени зажиточности, сокращаетъ населеніе: пониженіемъ ли у малоземельныхъ числа браковъ, и слѣдовательно рождаемости, или увеличеніемъ смертности? И сопоставленіе со статистическими свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ приводило къ заключенію, что браки и рождаемость тутъ ни при чемъ, а дѣйствуетъ именно возрастаніе смертности, легко объясняемое у малоземельныхъ, не имѣющихъ „необходимаго“, худшимъ питаніемъ, происходящему отсюда хлѣбностью организмовъ и большею трудностью поддержанія здороваго роста дѣтей. Статья объ этомъ была мною помѣщена въ „Вѣстникъ Европы“ (ноябрь, 1880 г.).

Между тѣмъ, въ печати, въ обществѣ и земствѣ болѣе и болѣе усиливались сужденія о помощи крестьянамъ кредитомъ. Сперва идея кредита примѣнялась къ образованію мелкихъ учрежденій для выдачи крестьянамъ краткосрочныхъ ссудъ на ихъ текущія, хозяйственныя надобности, причемъ пошли въ ходъ извѣстныя ссудо-сберегательныя товарищества; но потомъ идея помощи кредитомъ стала сливаться съ мыслью о помощи землею въ проектахъ крестьянскаго земельного кредита. Пошли рѣчи о выдачѣ крестьянамъ ссудъ на земельныя покупки. Въ газетахъ и журналахъ появлялось немало статей по этому предмету. Обратила на себя вниманіе специальная брошюра кн. Васильчикова и Яковлева „Мелкій земельный кредитъ“, гдѣ предлагалась общественная организація кредита подъ руководствомъ комитета ссудо-сберегательныхъ товариществъ; а далѣе выступилъ проектъ этого самаго комитета, предлагавшій устройство по губерніямъ, на принципѣ взаимнаго кредита, товариществъ, выдающихъ мелкимъ покупателямъ земли ссуды, размѣромъ до полуторы тысячи рублей на сроки до двадцати лѣтъ и не выше трехъ четвертей стоимости покупаемыхъ участковъ; но кредитъ этотъ выходилъ очень дорогимъ, обставленнымъ неудобствами, и обѣщалъ небольшой размѣръ операций. Было ясно, что требуется нѣчто другое, болѣе сильное и широкое.

Земства стали откликаться по этому вопросу тоже со второй половины семидесятыхъ годовъ. Первымъ выступило тверское, которое ассигновало десять тысячъ рублей на выдачу крестьянамъ ссудъ для дополнительной прикупки земли къ ихъ надѣламъ. Таврическое — высказалось за отпускъ пятидесяти тысячъ и сверхъ того за земскую гарантію уплатъ покупателей до ста пятидесяти

тысячъ рублей; харьковское проектировало свой уставъ земельного кредита, ярославское — „выкупной банкъ“; заговорили также земцы московскіе, черниговскіе, псковскіе, новгородскіе, тамбовскіе, полтавскіе, херсонскіе, костромскіе, воронежскіе, смоленскіе; одни обсуждали вопросъ въ принципѣ, другіе выступали съ обработанными предложеніями, а кое-гдѣ собранія ассигновали даже болѣе или менѣе значительныя суммы; выступили еще съ своими проектами московское общество сельскаго хозяйства и одесскій сельскохозяйственный сѣздъ.

Общественное движеніе показывало, что идея земельной помощи крестьянству распространялась очень успѣшно и сочувствіе ей росло, но въ то же время инициаторы мѣстами встрѣчали еще сильную оппозицію представителей противоположныхъ тенденцій, которые кое-гдѣ и проваливали возникавшія предложенія. Особенно замѣчательны были проявленія оппозиціи въ Москвѣ и Тамбовѣ. „Не первая, не вторая и даже не третья“ въ крестьянскомъ дѣлѣ, московская губернія отличилась тѣмъ, что въ губернскомъ земскомъ собраніи оппозиція, подъ руководствомъ Д. Θ. Самарина (братъ извѣстнаго почтеннаго дѣятеля крестьянской реформы, Юрія Ѳедоровича), называя вопросъ о земельной помощи крестьянамъ „вздорнымъ“, „раздутымъ литературою“, — добилась обращенія земскаго рѣшенія въ другую сторону: вмѣсто земельныхъ добавокъ, заняться неопредѣленными агрономическими опытами на нѣсколькихъ крестьянскихъ надѣлахъ — авось они, дескать, наведутъ на какой-нибудь новый выходъ! Разумѣется, изъ этихъ опытовъ ничего не вышло, но вѣдь оппозиціи только и нужно было отдѣлаться отъ опасности принятія собраніемъ рѣшенія, сколько-нибудь практически полезнаго для крестьянства. Тотъ же Д. Θ. Самаринъ разразился еще эффектною статьею въ новой Аксаковской газетѣ „Русь“ (1880 г.), гдѣ высокомерно травилъ признававшихъ малоземелье, особенно нападая на упоминавшійся выше трудъ проф. Янсона, какъ на лживое и вредное умствование (я отвѣтилъ на это въ „Вѣстникѣ Европы“ статьею: „Теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ“, февраль, 1881 г.). Въ Тамбовѣ же, руководителемъ проваливанія крестьянскаго земельного вопроса явился бывший профессоръ Б. Чичеринъ.

Вообще, дѣло впередъ подвигалось, но предвидѣлось еще немало борьбы, а съ другой стороны также было ясно, что разрозненныя усилія отдѣльныхъ земствъ, при финансовой слабости послѣднихъ, слишкомъ недостаточны для удовлетворенія такой

общей и крупной нужды, какъ пополненіе крестьянскаго землевладѣнія въ государствѣ. Надо было выступить самому государству.

Выходитъ, что вопросъ о кредитѣ для покупки земли крестьянами, вмѣстѣ съ переселенческимъ и податнымъ, выдвигался и разрабатывался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, включительно до 1880 года, одною общественною инициативою. Безучастно же или неблагопріятно относились къ этимъ вопросамъ высшія правительственныя сферы, гдѣ въ ту пору господствовали люди или влившіе, или равнодушные къ крестьянскому положенію, или ретроградные, или просто ничтожныя,—Валуевъ, Тимашевъ, Рейтернъ, гр. Д. А. Толстой, Грейгъ, Маковъ и т. п. Живое отвѣстись къ народной нуждѣ было некому. Земскія начинанія по этимъ вопросамъ не находили поддержки, а печать подавлялась цензурою. Переселенческій вопросъ одно время считался почти запретнымъ. Долго ли бы такъ протянулось безъ участія чрезвычайныхъ вліяній—сказать трудно, но дѣло подвинулось именно наступленіемъ новыхъ, исключительныхъ обстоятельствъ, создавшихъ на непродолжительное время нѣкоторый благопріятный поворотъ въ нашей внутренней политикѣ.

II.

Законодательный исходъ.

Поворотъ этотъ пришелъ весною 1880 года, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тягостнѣйшаго политическаго состоянія страны, начавшагося около середины семидесятыхъ годовъ. Періодъ этотъ памятенъ непрерывными политическими преслѣдованіями, многочисленными уголовными политическими процессами, множествомъ административныхъ ссылокъ, арестовъ и обысковъ, волненіями въ различныхъ общественныхъ и народныхъ сферахъ, убійствами высшихъ административныхъ лицъ и покушеніями на нихъ, смертными казнями и т. д. Вниманіе высшей администраціи тогда совсѣмъ отвлеклось отъ упорядоченія полного настоятельными вопросами внутреннего быта, сосредоточившись на всякаго рода репрессіяхъ, всюду удручавшихъ ежедневную жизнь. Ограничивалось самоуправленіе, подавлялась печать, возрастала гнетъ администраторовъ, сильно чувствовалось отсутствіе личной безопасности, подвергались преслѣдованіямъ или не выходили изъ опасенія ихъ даже вполнѣ спокойные люди, а приволье было однимъ дѣятелямъ доноса и политической травли, въ томъ числѣ

репильнымъ изданіямъ. Но цѣль напряженной репрессіи все-таки не достигалась. Вмѣсто искомаго прекращенія смуты или хотя бы наружнаго замиренія, увеличивалась питавшая эту самую смуту численность недовольныхъ, а разнузданность административнаго произвола порождала и развивала въ разныхъ сферахъ злоупотребленія, доходившія до большой смѣлости. Волненія и покушенія не прекращались, указывая на ошибочность и безсиліе безоглядной репрессивной политики, и дошло до того, что въ февралѣ 1880 года произведенъ былъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Тогда вверху начала складываться мысль о необходимости измѣнить политику, ослабить безграничную репрессію, обезпечить положеніе спокойныхъ общественныхъ элементовъ и искать общаго замиренія въ энергическомъ улучшеніи внутреннихъ жизненныхъ условій, въ удовлетвореніи назрѣвшихъ нуждъ и устраненіи административныхъ злоупотребленій, чтобы этимъ подѣйствовать на главный источникъ смуты—распространеніе недовольства. Пришла жуткая пора—и вспомнились народные и общественные интересы, также какъ и достоинства либеральной политики. Понадобилось дать обществу почувствовать благоприятную перемѣну, а для этого нужны были энергическія дѣйствія въ новомъ направленіи. Такъ сложилось рѣшеніе—вернуться на покинутый путь прогресса, т.-е. къ началамъ первыхъ Александровскихъ реформъ. Для руководства новою политикою призванъ былъ кавказскій генералъ гр. Лорисъ-Меликовъ, выступившій сначала въ роли предсѣдателя спеціальной верховной коммиссіи, а потомъ—министра внутреннихъ дѣлъ.

Эти новыя вѣянія, какъ извѣстно, продержались не долго, смѣнившіеся новою реакціею, но и за наступленіемъ послѣдней часть ихъ, какъ бы по инерціи, продолжала еще нѣкоторое время отражаться на русской жизни и совсѣмъ ступевалась уже въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Эпоху этихъ вѣяній теперь часто называютъ эпохою „диктатуры сердца“, а въ то время иные называли ее также „бабимъ лѣтомъ“, примѣняя къ ней народное названіе случающейся иногда осенью кратковременной жаркой поры: будто и лѣто, однако не настоящее, а „бабье“, за которымъ надвигается зима. Дѣло въ томъ, что современники неодинаково довѣряли прочности измѣнившагося положенія; если были въ обществѣ надѣявшіеся на рѣшительность и искренность возврата къ духу прежнихъ реформъ, то немало встрѣчалось и очень сомнѣвавшихся въ томъ, частью въ виду случайнаго характера причины перемѣны, частью по недостатку

историческихъ примѣровъ установленія твердой прогрессивной политики въ концѣ царствованія и послѣ пережитія уже въ немъ тяжелаго реакціоннаго періода.

Однако, какъ бы то ни было, во время Лорисъ-Меликовской гегемоніи порывы къ движенію впередъ были значительны. Измѣнился министерскій составъ, причемъ въ обществѣ особенно привѣтствовалось удаленіе гр. Д. А. Толстого отъ управленія вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія; въ интересахъ устраненія недостатковъ и злоупотребленій мѣстной администраціи назначены были для нѣсколькихъ губерній сенаторскія ревизіи; начались работы по улучшенію положенія печати, получилъ движеніе вопросъ о реформѣ вообще мѣстнаго управленія, двинулись народныя экономическіе вопросы и т. д., и т. д. Но такъ какъ рѣчь идетъ здѣсь не объ исторіи упоминаемой эпохи, то приходится касаться тогдашней политики лишь въ мѣру связи ея съ дѣломъ улучшенія экономическаго быта крестьянъ и, въ частности, съ поземельнымъ вопросомъ.

Экономическихъ народныхъ вопросовъ разомъ выдвинуто было нѣсколько. Прежде всего поспѣла отмѣна тягостнаго налога на соль, состоявшаяся даже безъ обычнаго процесса законодательнаго порядка. Затѣмъ выступили на очередь: вопросъ переселенческой, пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати и устройство спеціальнаго государственнаго кредита для помощи крестьянамъ въ покупкѣ земель, т.-е. для ослабленія малоземелья. Но четыре послѣднихъ вопроса въ своемъ разрѣшеніи не поспѣли въ періодъ „бабьяго лѣта“, которое было прервано катастрофою 1 марта 1881 года. Главную разработку эти вопросы получили уже въ новое царствованіе, послѣ паденія Лорисъ-Меликова, когда, несмотря на появленіе симптомовъ возврата къ реакціи, движеніе предшествовавшей поры отчасти еще сохранялось.

Въ принципѣ, пониженіе выкупныхъ платежей, помощь переселеніямъ и устройство крестьянскаго кредита предрѣшены были Высочайшимъ повелѣніемъ 20-го мая 1881 года. Оставалось перейти къ практическому осуществленію.

Для совѣщанія о самыхъ способахъ пониженія выкупныхъ платежей созвано было въ Петербургѣ нѣсколько такъ называемыхъ „свѣдущихъ людей“, взятыхъ изъ разныхъ губерній по административному выбору, и вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ въ два приѣма, причемъ первый относился къ самому концу 1881 года. Переселенческой вопросъ расшевелилъ въ томъ же 1881 году даже мертвенное министерство государственныхъ

иуществъ, и въ послѣднемъ составленъ былъ проектъ отвода части казенныхъ земель подъ устройство переселенцевъ. Запретительная система смѣнилась снисходительною, увеличилось движеніе крестьянъ въ восточныя губерніи и въ Сибирь, а кромѣ того министерство предоставило крестьянамъ нѣкоторыя льготы по арендованію казенныхъ земель. Для совѣщанія о дальнѣйшемъ направленіи дѣла созвана была другая партія „свѣдущихъ людей“. Весною 1882 года совершился первый актъ отмены подушной подати, причемъ освобождены были отъ нея крестьяне безземельные и получившіе даровую четверть надѣла. И къ тому же времени разрѣшился вопросъ о государственномъ кредитѣ для покупки крестьянами земель.

Однако этотъ послѣдній вопросъ прошелъ не безъ затрудненій, и проектамъ, прежде окончательнаго исхода, пришлось испытать немало пертурбацій и противодѣйствій. Дѣло въ томъ, что въ верхнихъ сферахъ, по причинѣ тогдашнихъ особенностей ихъ возрѣній, пугала мысль, — какъ бы земельная помощь крестьянамъ не вызвала опасныхъ толковъ и движеній. Въ этомъ смыслѣ, кромѣ словесныхъ разсужденій, выступали и записки разныхъ официальныхъ лицъ.

Сначала кредитъ для крестьянъ предположено было устроить при „Главномъ Выкупномъ Учрежденіи“, — что обѣщало сразу установленіе господства бумажнаго формализма въ живомъ дѣлѣ, требовавшемъ наиболѣе осмысленной участливости; но потомъ этотъ проектъ былъ оставленъ и рѣшено образовать отдѣльное учрежденіе подъ названіемъ „Крестьянскаго Поземельнаго Банка“. Конечно, такая перемѣна была обращеніемъ къ лучшему, но замѣчательно, что главнымъ поводомъ къ ней явилось не столько предпочтеніе по существу, сколько боязнь, чтобы не возникло у крестьянъ надеждъ на новое обязательное надѣленіе ихъ землею изъ частной собственности или не укрѣплялись мечты о даровой раздачѣ земли. Разсуждали, что вѣдь Выкупное Учрежденіе утверждало за крестьянами надѣлы по „Положеніямъ“ 19-го февреля, значить—если отдать ему же и новое дѣло, то мужики подумаютъ, что и теперь предстоитъ примѣненіе того же принципа 19-го февреля! И вотъ въ силу такихъ опасеній рѣшили, что ужъ лучше образовать новое, спеціальное учрежденіе.

Предполагали вначалѣ, при оцѣнкѣ покупаемыхъ крестьянами земель, выдавать въ ссуду четыре-пятыхъ этой оцѣнки, но потомъ предпочли давать только три-четверти, чтобы новыя ссуды не были похожи на выдававшіяся при выкупѣ надѣловъ, которыя тоже составляли четыре-пятыхъ. Правда, это сокращеніе

являлось стѣсненіемъ для покупателей, но зато достигалось наружное отличіе отъ прежней выкупной операціи!—Задумано было поставить кредитную помощь въ зависимость отъ наличнаго землевладѣнія покупающихъ крестьянъ, такъ чтобы самымъ малоземельнымъ помогать больше, другимъ—меньше, а сытымъ землею вовсе ссудъ не давать,—идя такимъ образомъ прямо къ цѣли ослабленія малоземелья,—но и эта мысль была повинута изъ опасенія, чтобы крестьяне, видя принятіе въ расчетъ величины надѣловъ, не приписали правительству намѣренія доводить всѣ надѣлы до опредѣленной нормы, т.-е. опять не сочли себя „въ правѣ“ на добавку земли. И въ результатѣ рѣшено не вводить въ правила никакого различія между малоземельными и многоземельными, а допускать ссуды тѣмъ и другимъ, т.-е. какъ для удовлетворенія дѣйствительной земельной нужды, такъ и для расширенія существующаго избытка владѣній. Основаніемъ права на кредитную помощь принималось такимъ образомъ одно званіе крестьянина, кто бы его ни носилъ—бѣдный ли мужикъ или значительный землевладѣлецъ, т.-е. кредитъ обращался въ формальную сословную принадлежность.—Далѣе, выступило соображеніе, что новый банкъ не долженъ вмѣшиваться и въ разборъ условій между крестьянами-покупщиками и продавцами-землевладѣльцами, ограничиваясь только вопросомъ о размѣрѣ ссуды, тогда какъ отъ этихъ условій часто зависятъ не одніи выгоды и невыгоды крестьянъ, но и самая состоятельность сдѣлокъ и даже интересъ банка, потому что—какъ показалъ послѣдствіи и опытъ—иныя условія бывають до того обременительны, что, вмѣсто какой-нибудь пользы отъ покупки, только запутываютъ крестьянъ въ разорительное дѣло. Наваливая на нихъ тяжелыя обязательства, эти условія истощаютъ ихъ платежныя силы, а дѣлая крестьянъ неисправными въ платежахъ банку—лишаютъ ихъ тѣмъ возможности удержать купленную землю, такъ какъ банкъ вынуждается продавать послѣднюю за недонимки, съ рискомъ невыручки выданной ссуды. То-есть, при полномъ устраненіи банка отъ критики продажныхъ условій, многія сдѣлки грозили обратиться въ новый способъ эксплуатаціи крестьянства, а кстати—и банка.

Словомъ, опасеній было — море, и изъ-за всѣхъ ихъ мѣнялись и ломались предположенія. Во всѣхъ этихъ страхахъ предъ призраками народныхъ требованій и другими подобными сказывался большой недостатокъ знакомства съ народомъ, потому что дѣйствительное удовлетвореніе нуждъ способно только успокаивать населеніе, тогда какъ наружныя, бумажныя отличія по-

выхъ мѣропріятій отъ „Положеній“ 19 февраля не только ровно никого ни въ чемъ не убѣждали, но остались даже незамѣченными народомъ, какъ не примѣтилъ бы онъ и сходства съ означенными „Положеніями“. Если же въ народѣ имѣются своеобразные взгляды относительно правъ на землю вообще, то подобные взгляды и инстинкты, разумѣется, коренятся настолько глубоко, что до нихъ не доставутъ самые хитроумные редакціонные и иные приемы законопроектвъ; и уступить эти инстинкты могутъ развѣ культурнымъ измѣненіямъ, требующимъ большого времени. Между тѣмъ, съ подобными произвольными фикціями проектамъ, волею-неволею, приходилось считаться и изъ-за нихъ жертвовали даже сущностью дѣла, впадая въ заботливость объ очевидныхъ мелочахъ.

Послѣ соображенія съ разными личными записками (Стояновскаго, Неболсина, Мансурова, Бреверна), послѣ ряда передѣлокъ, проекту придавался такой наружный видъ, какъ будто дѣло идетъ вовсе не о поправкѣ крестьянскаго поземельнаго устройства, но — о помощи всякимъ крестьянскимъ покупкамъ, безразличной къ положенію покупателей, словно содѣйствіе одному передвиженію земельной собственности — хотя бы въ руки людей, носящихъ крестьянское званіе — могло представлять какой-нибудь государственный интересъ, а не являться задачею безцѣльною, напрасною тратою силы кредита, соединенною притомъ съ значительнымъ рискомъ. И хорошо еще, что излишне пугливыя соображенія, оставаясь въ журналахъ официальныхъ засѣданій, не проникли въ самый текстъ банковаго „Положенія“, т.-е. не приняли императивнаго характера, мѣшающаго практическому успѣху дѣла. Вотъ до чего велика была въ верхней административной сферѣ опасливость вреднаго дѣйствія на крестьянъ отъ полезной для нихъ мѣры!

Когда измѣненный уже проектъ крестьянскаго банка поступилъ наконецъ въ государственный совѣтъ — здѣсь дана была ему еще послѣдняя битва. Противъ этого проекта рѣшительно выступили два члена государственнаго совѣта — графъ Шуваловъ и Мансуровъ, которые, не ограпичиваясь одностороннею критикою, ставили дѣло еще на политическую почву и опять раздували страхи, стремились доказывать, что предполагаемый банкъ и не нуженъ, и строится на неудачныхъ основаніяхъ, и очень опасенъ.

По словамъ графа Шувалова и Мансурова, малоземелье въ различной степени ощущала едва пятая доля крестьянъ, да и изъ этой доли не больше пятой части могли нуждаться въ по-

мощи скорой; а для столь ограниченной потребности не стоитъ создавать государственнаго кредитнаго учрежденія и достаточны частныя мѣры меньшаго значенія. Между тѣмъ, созданіе банка для цѣлой Россіи, при наличной трудности финансоваго положенія, идя дальше дѣйствительной нужды, грозитъ казнію новыми убытками и способно породить еще болѣшя опасности другого рода. Въ массѣ населенія появятся злоумышленныя толкованія; крестьяне предадутся преувеличеннымъ надеждамъ; недовольство ихъ тѣми помѣщиками, которые не расположены продавать свои земли, явится для этихъ помѣщиковъ косвеннымъ принужденіемъ къ продажѣ во что бы то ни стало, и, такимъ образомъ, банкъ окажется для всей Россіи средствомъ къ превращенію крупной земельной собственности въ мелкую. По подлиннымъ выраженіямъ этихъ оппонентовъ, развитіе операцій крестьянскаго банка равносильно „принципіальному разрѣшенію государственнаго вопроса о нендобности существованія въ Россіи всякой крупной собственности“ и вообще дѣло идетъ о томъ— „быть или не быть въ Россіи крупной поземельной не-крестьянской собственности“! Въ итогъ — государственная опасность, *Patria in periculo! Caveant consules, ne quid respublica detrimenti capiat!* Цицероновскій духъ обширнаго мнѣнія гр. Шувалова и Мансурова сводился къ тому, что новые *Patres Patriae* предлагали—не приступать къ окончательному разсмотрѣнію проекта, а вмѣсто того передать не только его, но и весь вопросъ о поземельномъ кредитѣ для крестьянъ—на новое обсужденіе земскихъ учреждений, причемъ сами они склонялись къ тому, что если даже допустить подобный кредитъ, то онъ долженъ устраниваться отдѣльными земствами, въ зависимости отъ ихъ желаній, по губерніямъ, лишь съ финансовою помощію государства. Въ такой перспективѣ ясно сквозила надежда если не похоронить дѣло сразу, то затянуть его *ad calendas graecas*. Теперь со смѣхомъ читаются приведенныя мрачныя пророчества, а тогда они были своего рода силою.

Большинство государственнаго совѣта, однако, не поддалось пущеннымъ въ дѣло страхамъ и, отразивъ, одинъ за другимъ, аргументы гр. Шувалова и Мансурова, разбило мысль о передачѣ дѣла земствамъ тѣмъ соображеніемъ, что нельзя ставить столь важное и общее дѣло въ зависимость отъ измѣнчиваго состава и направленія отдѣльныхъ земскихъ учреждений. Въ качествѣ убѣдительнаго примѣра приведенъ былъ фактъ отклоненія самаго принципа крестьянскаго кредита тамбовскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, которое тутъ разошлось съ желаніями

другихъ земствъ. Неужели возможно было бы, на основаніи подобнаго факта, лишить населеніе цѣлой тамбовской губерніи возможности пользоваться тѣмъ, что дается прочимъ губерніямъ Россіи?—Проектъ былъ государственнымъ совѣтомъ принятъ.

Окончательное утвержденіе „Положенія“ о крестьянскомъ банкѣ состоялось 18 мая 1882 года. Это былъ коротенькій законодательный актъ въ 32 статьи, намѣчавшій дѣятельность новаго учрежденія общими, поверхностными чертами и лишенный такихъ дѣловыхъ частей, безъ которыхъ новое дѣло не могло даже начаться на практикѣ. По этому „Положенію“, для содѣйствія крестьянскимъ земельнымъ покупкамъ, банку предоставлялось выдавать ссуды сельскимъ обществамъ, товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ, въ размѣрѣ не свыше 125 рублей на душу при общинномъ владѣніи и 500 рублей на домохозяйство при подворномъ владѣніи. При покупкѣ особенно цѣнныхъ земель требовалась специальная оцѣнка ихъ, съ допущеніемъ ссудъ въ размѣрѣ трехъ-четвертей этой оцѣнки, каждый разъ съ особаго разрѣшенія министра финансовъ. Сроки ссудъ назначались въ $24\frac{1}{2}$ и $34\frac{1}{2}$ года; для полученія средствъ на ссуды устанавливался выпускъ специальныхъ процентныхъ бумагъ, а для оплаты полученныхъ ссудъ крестьяне обязывались вносить ежегодно $7\frac{1}{2}$ или $8\frac{1}{2}$ процентовъ, въ зависимости отъ избранныхъ ими сроковъ. Общій размѣръ операцій ограничивался пятью милліонами рублей въ годъ, съ тѣмъ, что если потребуется больше, то на увеличеніе означенной суммы должно быть испрашиваемо каждый разъ законодательное разрѣшеніе. Управление банкомъ возлагалось на совѣтъ, состоящій изъ управляющаго и трехъ членовъ. Для дѣятельности же на мѣстахъ, въ губерніяхъ (принятія просьбъ о ссудахъ, собиранія необходимыхъ документовъ и свѣдѣній, представленій въ совѣтъ о разрѣшеніи ссудъ, самой выдачи разрѣшенныхъ уже ссудъ и т. под.), учреждались мѣстныя отдѣленія банка, состоящія каждое изъ управляющаго, двухъ членовъ отъ земства и одного по назначенію губернатора. Отдѣленія эти разрѣшалось учреждать или при учрежденіяхъ государственнаго банка, или при казенныхъ палатахъ.

Совокупность этихъ чертъ ясно показывала, какъ многого еще недоставало для введенія новаго кредита въ жизнь и съ формальной стороны, и для сколько-нибудь дѣйствительнаго успѣха по существу его задачи. Для осуществленія земельныхъ покупокъ, кромѣ назначенія ссудъ, нуженъ былъ еще особый порядокъ совершенія крѣпостныхъ актовъ на приобретаемыя земли, такъ какъ существующій общій порядокъ оказывался непримѣнимымъ

уже потому, что при немъ деньги за землю уплачиваются продавцамъ одновременно съ совершеніемъ кѣпчихъ крѣпостей, а ссудныя деньги изъ банка могли выдаваться не иначе, какъ уже *послѣ* совершенія кѣпчихъ, служившихъ удостовѣреніемъ, что покупки дѣйствительно состоялись, а не разстроились со времени разрѣшенія ссуды. При обыкновенныхъ случаяхъ продажи имѣній, цѣна послѣднихъ передается покупателями продавцамъ непосредственно, изъ рукъ въ руки, тогда какъ при сдѣлкахъ съ помощью банка ссуды хотя разрѣшались на имя крестьянъ, но имъ въ руки не давались, а подлежали выдачѣ изъ отдѣленій банка прямо продавцамъ или тѣмъ ихъ кредиторамъ, у которыхъ проданная земля состояла въ залогѣ. Надо было также обезпечивать выданныя банкомъ ссуды наложеніемъ запрещеній на ту же землю. Сверхъ того, требовалась выработка правилъ о способахъ взысканія ссудъ въ случаѣ платежной неисправности крестьянъ-заемщиковъ, т.-е. правилъ о продажѣ купленной ими земли за недоимки, выходящія изъ предѣловъ допускаемыхъ льготъ. Словомъ, съ формальной стороны необходимы были добавочные законы, соглашенные съ судебными и нотаріальными порядками, что неизбѣжно вызывало значительную отсрочку для начатія дѣла.

Но изданіе такихъ законовъ требовало только времени, а гораздо болѣе важную сторону дѣла представляло установленіе опредѣленной системы дѣйствій банка, иначе сказать—его внутренняя политика, для которой короткое „Положеніе“ составляло только наружную рамку. Эту рамку можно было наполнить самымъ различнымъ содержаніемъ, полезнымъ или вреднымъ, подходящимъ къ цѣли и не подходящимъ, вообще—способнымъ придать новому учрежденію ту или другую фізіономію, тотъ или другой духъ, ту или другую степень жизненности. Содержаніе же это зависѣло главнымъ образомъ отъ личнаго состава банка и руководящаго имъ министра, почему новое учрежденіе предъявляло значительный спросъ на человѣческую участливость къ интересамъ крестьянства, знаніе положенія послѣдняго и соотвѣтствующую нуждамъ дѣла инициативу. Мудрено было обойтись тутъ рядовымъ, безличнымъ чиновничествомъ.

Не лишними будутъ нѣсколько объясненій. Вѣдь въ прошломъ для дѣятельности крестьянскаго банка не встрѣчалось рѣшительно никакихъ подходящихъ прецедентовъ. Чиновникъ дѣйствовавшій при крѣпостномъ правѣ опекунскаго совѣта, какъ „дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый“, спокойно зрѣлъ на судьбы дѣльныхъ и разорявшихся помѣщиковъ, зная только

формальность, считаясь исключительно съ бумагами и имѣя на все руководство готовые, установленныя нормы. Онъ соображалъ лишь—сколько въ имѣніи просящаго ссуды помѣщика ревизскихъ душъ крестьянъ, сколько рублей полагается на душу въ данной мѣстности и достаточно ли исправны представленные документы; а что выйдетъ въ результатъ выдачи ссуды—исправный ли платежъ или аукціонная продажа имѣнія за недоимки съ разореніемъ владѣльца—въ этомъ для него не было ни малѣйшаго интереса. Ничему не поучалъ и опытъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, потому что у нихъ главною цѣлью была получка возможно большаго дивиденда, т.-е. нажива, а не какія-либо судьбы землевладѣнія. Эти банки выдавали не больше 60-ти процентвъ оцѣнки, и правильный расчетъ ихъ состоялъ лишь въ томъ, чтобы не зарываться въ оцѣнкахъ для избѣжанія такихъ преувеличенныхъ ссудъ, которыя не могли быть выручены на торгахъ, въ случаѣ продажи заложенныхъ имѣній за недоимки. Не доцѣнить или перецѣнить имѣніе на 10—20 процентвъ акціонерному банку было не важно, коль скоро въ ссуду дается не больше трехъ-пятыхъ оцѣнки. Дѣла имѣли эти банки съ единичными владѣльцами болѣе или менѣе значительной собственности, и къ переходу ея путемъ торговъ отъ одного владѣльца къ другому такой банкъ могъ быть совершенно равнодушнымъ, зная, что самъ онъ одинаково получить свое отъ того или другого, а больше ему ничего не нужно. Но совсѣмъ въ иномъ положеніи оказывался крестьянскій банкъ, имѣвшій задачею не наживу и не формализмъ, а по основной цѣли своей—устраненіе или ослабленіе крестьянскаго мало-земелья, и потому заинтересованный, чтобы земля попадала именно въ надлежащія руки, насколько можно удерживалась въ этихъ рукахъ и содѣйствовала укрѣпленію хозяйственности и благосостоянію крестьянъ.

Такая задача выходила гораздо сложнѣе прежнихъ. Если, гоняясь за усиленіемъ обезпеченности ссудъ, сокращать ихъ размѣръ, на манеръ акціонерныхъ банковъ, то многія покупки окажутся фактически невозможными, а другія потребуютъ отъ крестьянъ большихъ приплатъ къ ссудамъ, которыя или посильны навмѣнѣ нуждающимся, или заставятъ многихъ прибѣгать къ постороннимъ обременительнымъ займамъ, способнымъ запутать ихъ сильнѣе прежняго; при постороннихъ долгахъ, не будучи въ состояніи исправно платить банку, крестьяне потеряютъ и купленную землю. Съ другой стороны, допуская излишне широкія ссуды, пришлось бы рисковать превышеніемъ ими дѣйствительной

стоимости земли, значить—превышеніемъ платежами ея доходности, а слѣдовательно—парализованіемъ въ крестьянахъ интереса къ ея удержанію и лишеніемъ ихъ выгоды покупки. Сверхъ того, возникала здѣсь еще опасность особыхъ злоупотребленій; напримѣръ, владѣлецъ, желающій сбыть свою землю дороже ея стоимости, могъ подбирать для покупки ея такіа крестьянскія „товарищества“, которыя вовсе и не думаютъ объ удержаніи земли за собою, а только помогаютъ его затѣѣ; они испросили бы преувеличенную ссуду, продавецъ воспользовался бы высокою цѣною, а затѣмъ покупщики, повладѣвъ землею годъ безъ всякаго платежа, вынудили бы банкъ продавать эту землю съ чувствительнымъ убыткомъ. То-есть, вышла бы эксплуатація банковской снисходительности.

Такъ банку предстояло одновременно и достигать ссудами наибольшей доступности покупокъ нуждающимся, и избѣгать преувеличенности ссудъ, и по возможности устранять обременительныя для покупщиковъ условія, и остерегаться злоупотребленій. Наконецъ, существовала еще потребность отличенія нуждающихся покупщиковъ отъ такихъ, которые, будучи сыты землею, покупаютъ для увеличенія своего избытка, а тутъ одноношеніе крестьянскаго званія было далеко не достаточнымъ признакомъ. Полученныя же банкомъ тридцать-двѣ статьи „Положенія“ составляли такую безразличную рамку, въ которую легко могло вмѣститься какое угодно отношеніе къ объясненной задачѣ. Можно было ввести и чрезмѣрно скупыя ссуды, и достаточныя, и неосторожныя. Можно было открыть помощь только самымъ богатымъ крестьянамъ, и—обратить ее преимущественно въ пользу наиболѣе нуждающихся; можно было дѣйствовать чисто формально, по шаблону, съ существенными и опасными недоглядами жизненной сути дѣла, и можно было также оживлять дѣло участливѣйшею заботливостью о достиженіи лучшихъ цѣлей на самой практикѣ. Ни тому, ни другому, ни третьему „Положеніе“ формально не препятствовало. Однако, въ этомъ безразличіи была и хорошая сторона: оно въ значительной степени развязывало руки, тогда какъ—войди „Положеніе“ въ болѣе подробное регламентированіе—навѣрное, возникли бы вредныя стѣсненія при тѣхъ условіяхъ, какія окружали выработку этого „Положенія“. Оставалось, значить, искать болѣе подходящихъ къ настоящей цѣли способовъ дѣйствія и нужны были люди.

Счастливымъ для крестьянскаго банка условіемъ было то, что при открытіи его дѣятельности постъ министра финансовъ занималъ Николай Христіановичъ Бунге. Это былъ человѣкъ и

по своимъ стремленіямъ, и по своему прошлому, и по личнымъ свойствамъ значительно отличавшійся отъ большинства того персонала, изъ котораго обыкновенно пополняется составъ нашихъ высшихъ администраторовъ. Не имѣя связей въ высшихъ сферахъ и чуждый карьернымъ искательствамъ, онъ, за три года предъ тѣмъ, призванъ былъ въ должности товарища министра со скромнаго поста ректора кievскаго университета, одновременно съ занятіемъ котораго управлялъ кievскою конторою государственнаго банка. Наибольшую часть жизни провелъ онъ въ Кіевѣ какъ профессоръ и мѣстный общественный дѣятель. Принимавшій участіе еще въ выработкѣ „Положеній“ 19-го февраля, преданный интересамъ науки, искренно отзывчивый нуждамъ государства, общества и народа, при широкомъ и просвѣщенномъ пониманіи этихъ нуждъ, Н. Х. Бунге вполне сознавалъ, что и благосостояніе государства, и финансовая его состоятельность, зависятъ отъ хорошаго экономическаго положенія крестьянской массы населенія, которая вызвала въ немъ живое сочувствіе и сама по себѣ, независимо отъ государственнаго интереса.

По своимъ личнымъ качествамъ Бунге былъ глубоко симпатичный человѣкъ. Истинно добрый, скромный, участливый къ людямъ, абсолютно честный, равнодушный къ своимъ личнымъ выгодамъ и чуждый всякимъ интригамъ или властолюбію, онъ и въ личныхъ отношеніяхъ привлекалъ своею любезностью и деликатностью. Ставъ министромъ, онъ и этимъ постомъ дорожилъ, главнымъ образомъ, какъ возможностью сдѣлать что-нибудь полезное въ общихъ интересахъ страны, хотя, разумѣется, понималъ, что при окружающихъ условіяхъ очень многого добиться ему нельзя, особенно тамъ, гдѣ приходится сталкиваться со стремленіями вліятельныхъ людей иного типа, съ пріемами интриги, подсиживанія, наговоровъ и т. под. Можно сказать, что это вообще былъ исключительный министръ, находившійся въ исключительномъ положеніи. Ему было ясно, что при отсутствіи солидныхъ связей вверху и при его направленіи онъ не можетъ быть прочнымъ на министерскомъ посту и удобнымъ для другихъ, а потому онъ постоянно пребывалъ въ готовности покинуть этотъ постъ, что и высказывалъ, не смущаясь такимъ положеніемъ. Видимымъ же недостаткомъ Н. Х. Бунге представлялось неимѣніе твердой воли, выражаемой настойчивостью дѣйствій, почему, даже обладая значительною инициативою, онъ иногда не могъ усиленно отстаивать свои намѣренія. Впрочемъ, и это въ значительной степени объяснялось сознаніемъ недо-

статка силы, такъ какъ гораздо легче было достигать настойчивостью успѣха въ томъ, что проводили его реакціонные сотоварищи и противники, чѣмъ въ тѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ, какія желалъ проводить самъ Бунге.

Изъ объясненныхъ свойствъ Н. Х. Бунге исходила особенная участливость его къ крестьянскому банку. Видя въ послѣднемъ одно изъ серьезныхъ средствъ помощи крестьянству, онъ хотѣлъ обставить его дѣятельность какъ можно лучше, чтобы придать банку наиболѣе живой характеръ, и самъ внимательно слѣдилъ за ходомъ его организаціи и за дальнѣйшимъ движеніемъ его жизни. Заботясь объ образованіи подходящаго личнаго состава банка, Бунге не торопился замѣщеніемъ новыхъ должностей, желая подбирать на эти должности людей съ извѣстнымъ отношеніемъ къ крестьянскимъ интересамъ и о пригодности которыхъ для такого дѣла самъ онъ могъ имѣть болѣе или менѣе ясное представленіе. Да и впослѣдствіи, когда банкъ уже дѣйствовалъ, Бунге вникалъ въ его частные вопросы, нерѣдко разсматривалъ отдѣльныя дѣла и вообще относился къ банку, какъ къ любимой отрасли своего управленія.

Совсѣмъ иного рода ауспиціи выступали со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ банку, какъ области, касающейся крестьянъ, неизбѣжно предстояло считаться. Одновременно съ учрежденіемъ крестьянскаго банка, на постъ министра внутреннихъ дѣлъ вступилъ гр. Д. А. Толстой, всего два года назадъ эффектно удаленный изъ высшаго государственнаго управленія, а теперь возвращенный въ него съ новою силою, которую давало ему вновь обозначавшееся въ правительственной сферѣ реакціонное направленіе. Гр. Толстого Россія знала, какъ создателя губительной мнимо-классической системы образованія, которую страна оплатила многими человѣческими жертвами, и обезжизненіемъ вообще дѣла русскаго просвѣщенія, вызывавшими всюду общія жалобы. Извѣстенъ онъ былъ также стойкою приверженностью къ ультра-дворянскимъ интересамъ и враждебною односторонностью отношенія къ крестьянскому дѣлу, причежъ въ обществѣ распространены были сказанія объ обидномъ устройствѣ крестьянъ, во время реформы, въ собственныхъ рязанскихъ имѣніяхъ Толстого и о бѣдственномъ положеніи этихъ крестьянъ. А такъ какъ къ тому же Толстой, во время своего долгаго управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, успѣлъ приобрѣсти репутацію чловѣка настойчиваго до упрямства въ проведеніи своихъ желаній, то въ его вторичномъ восходѣ на министерскій горизонтъ многіе увидѣли восходъ большой ретро-

градной силы, способной вызывать сочувствіе развѣ въ крѣпостникахъ и вообще приверженцахъ самовластиа и стремленія назадъ, къ старымъ порядкамъ. Особенно неблагопріятнымъ было это знаменіе для крестьянства и всего, касавшагося его пользы, такъ какъ Толстой получилъ въ свои руки именно то самое вѣдомство, которое завѣдываетъ крестьянами и начальствуетъ надъ оказывающею ближайшее вліяніе на ихъ судьбы мѣстною администраціею. Можно ли было крестьянскому банку возлагать добрыя надежды на вліяніе съ этой стороны, когда придется съ нимъ встрѣчаться?

Вышло, что идеѣ кредитной помощи крестьянамъ, зародившейся въ общественной средѣ при правительственномъ неблаговоленіи и получившей потомъ въ правительственныхъ сферахъ серьезное движеніе въ короткій періодъ разсвѣта, созданный исключительными обстоятельствами, пришлось осуществляться при новомъ поворотѣ назадъ, среди смѣшенія различныхъ вѣяній и ожиданій. Съ одной стороны надвигались ретроградныя тучи, а съ другой—продолжалось еще слабѣвшее недавнее движеніе къ улучшеніямъ въ народной жизни. И въ самой правительственной средѣ одновременно дѣйствовали разнородные элементы, благопріятствовавшіе и неблагопріятствовавшіе крестьянскимъ интересамъ. Будущность крестьянскаго банка, при такомъ положеніи, представлялась неясною. Что возьметъ верхъ? Хорошо ли наладится новое дѣло и принесетъ ожидаемую пользу, или станетъ затрудняться и извращаться новѣйшими вѣяніями, да если и пойдетъ сначала успѣшно, то надолго ли этого хватитъ? Обо всемъ этомъ можно было гадать, руководствуясь примѣрами прошлой правительственной дѣятельности. Однако, несмотря на подобныя сомнѣнія, новое дѣло, во всякомъ случаѣ, представляло большой интересъ, вызывая мысль о необходимости извлечь изъ открывшагося источника помощи всю ту пользу, какая возможна.

III.

Организація крестьянскаго банка.

Когда „Положеніе“ о крестьянскомъ банкѣ появилось въ печати, я сначала отнесся къ нему только съ интересомъ участливаго къ крестьянскому дѣлу читателя и, притомъ, довольно скептически. Новая мѣра помощи крестьянству показалась очень палліативною. Много ли можно сдѣлать на 5 милліоновъ рублей

въ годъ, когда итогъ операціи по выкупу надѣловъ доходилъ уже до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ? Да и земельныя цѣны стали гораздо выше старыхъ выкупныхъ оцѣнокъ, почему за эти 5 милліоновъ можно накупить значительно меньше земли, чѣмъ на ту же сумму выкупалось прежде при помощи „Главнаго Выкупнаго Учрежденія“. Поэтому не окажутся ли предполагаемыя земельныя покупки прибавкою только небольшой капли въ общей массѣ крестьянскаго надѣльнаго владѣнія и въ состояніи ли подобная капля сколько-нибудь чувствительно поправить положеніе даже въ отдѣльных мѣстностяхъ? При такихъ расчетахъ, смущали еще современные правительственныя вѣянія, возбуждавшія вопросъ: какъ еще поведется дѣло, въ ту ли сторону его направлять, въ какую нужно? Подъ дѣйствіемъ такихъ сомнѣній, у меня въ первое время не возникало относительно банка никакихъ личныхъ намѣреній.

Но чѣмъ больше я вдумывался въ дѣло, тѣмъ больше увеличивался интересъ къ нему и у меня появлялось расположеніе стать къ нему поближе. Пусть банкъ—думалъ я—поможетъ даже только ограниченной группѣ крестьянъ, пусть эта помощь получить даже случайный характеръ, завися отъ появленія тамъ или здѣсь продажныхъ земель, но вѣдь и къ этому можно не безъ пользы приложить свою руку. Въ другихъ мѣстахъ и того не сдѣлаешь, что возможно здѣсь. Притомъ, занимавшее меня крестьянское дѣло такъ долго пренебрегалось, что нельзя было не дорожить открывшеюся возможностью внести въ него хотя какое-нибудь улучшеніе. И неужели мнѣ, почти всю жизнь интересовавшемуся судьбами крестьянства, надо оставаться въ сторонѣ отъ этой возможности, продолжая заниматься менѣе симпатичнымъ служебнымъ дѣломъ?

Въ результатѣ такого раздумья стада у меня складываться мысль, не попытаться ли мнѣ самому войти въ составъ центральнаго управленія банка. Конечно, предвидѣлись существенныя затрудненія. Прежде всего, среди вліятельныхъ чиновъ министерства финансовъ у меня почти не было тогда никакихъ знакомствъ, а самого Н. Х. Бунге я даже никогда лично не встрѣчалъ. Съ другой стороны, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что на вновь открывшіяся должности выступило уже много искателей, почему приходилось думать, что избранные кандидаты давно намѣчены и ждутъ только приказовъ о своемъ назначеніи. Однако, появлявшіеся приказы этого не подтверждали. Состоялось назначеніе только управляющаго банкомъ, да и оно нѣсколько удивило своею особенностью: на это „генеральское“

мѣсто назначенъ былъ Е. Картавцовъ, человѣкъ совсѣмъ молодой и по чину — только коллежскій ассесоръ, значить — въ изъятіе изъ общаго закона и вопреки существующимъ іерархическимъ обычаямъ. Это показывало, что Н. Х. Бунге выбираетъ людей по-своему, и объяснялось тѣмъ, что онъ хорошо зналъ Картавцова и довѣрялъ ему. Вакансіи же членовъ совѣта банка долго оставались незамѣщенными. Это послѣднее обстоятельство побудило меня наконецъ къ дѣйствию на удачу. Проживая въ то время на дачѣ въ Царскомъ-Селѣ, я въ половинѣ іюля послалъ оттуда Бунге по почтѣ частное письмо, въ которомъ, сказавъ о своей восьмилѣтней дѣятельности по крестьянскому дѣлу въ юго-западномъ краѣ, выразилъ готовность занять въ крестьянскомъ банкѣ должность члена совѣта, а въ видѣ добавочной рекомендаціи сослался на рядъ журнальныхъ и газетныхъ статей своихъ по крестьянскому дѣлу и др. экономическимъ вопросамъ. Разумѣется, я больше всего могъ ожидать, что письмо это потонетъ въ массѣ другихъ обращеній со стороны извѣстныхъ и неизвѣстныхъ министру людей, почему очень немного рассчитывалъ на успѣхъ письма, но вышло не такъ.

Дня черезъ три послѣ отсылки письма, заѣхавъ съ дачи на свою городскую квартиру, я нашелъ тамъ записку отъ секретаря министра финансовъ, извѣщавшую, что министръ приглашаетъ меня въ такой-то день и часъ въ министерство для личныхъ объясненій. Назначенное для пріема время приходилось всего черезъ часъ или полтора послѣ моего пріѣзда, и потому я, наскоро переодѣвшись, поспѣшилъ отправиться согласно приглашенію. Въ министерской пріемной обратился я къ секретарю министра, который сейчасъ пошелъ доложить обо мнѣ въ кабинетъ и, вернувшись, попросилъ немного подождать, такъ какъ у министра происходилъ чей-то докладъ. Пришлось нѣкоторое время посвятить разсматриванію развѣшанныхъ по стѣнамъ пріемной портретовъ всѣхъ прежнихъ министровъ финансовъ, отъ гр. Васильева до Грейга. Наконецъ, докладчикъ вышелъ изъ кабинета, и вслѣдъ затѣмъ курьеръ пригласилъ туда меня.

Бунге встрѣтилъ меня очень привѣтливо, усадилъ противъ себя, и мы начали разговаривать. Предо мною былъ человѣкъ небольшого роста, на видъ лѣтъ около шестидесяти, сѣдой, нѣсколько сутуловатый и говорившій очень тихимъ голосомъ. Онъ началъ съ того, что радъ моему предложенію, такъ какъ, хотя мы никогда не встрѣчались, но онъ знаетъ меня по моимъ литературнымъ работамъ, помнитъ даже мое участіе въ „Кіевлянинѣ“, а кромѣ того у насъ были общіе знакомые: покойный

кіевскій профессоръ и редакторъ „Кіевлянина“ Шульгинъ и тамошній же дѣятель по крестьянскому дѣлу Воронинъ (о немъ сообщалось въ моихъ воспоминаніяхъ о крестьянскомъ дѣлѣ юго-западнаго края, „Вѣстн. Европы“ 1900—1902 гг.). Бунге высказалъ, что на основаніи составившагося у него представленія онъ находитъ меня желательнымъ кандидатомъ и съ удовольствіемъ готовъ предоставить мнѣ должность члена совѣта, только и тутъ есть своего рода „но“. Дѣло въ томъ, что, въ силу сложившихся гдѣ-то требованій, для замѣщенія подобной должности нуженъ еще отзывъ административнаго вѣдомства объ отсутствіи къ тому препятствій съ точки зрѣнія политической. Положимъ, я уже давно состоялъ на государственной службѣ, но относительно дѣятельности въ учрежденіи, касающемся крестьянства, какъ оказывалось, существуютъ особые взгляды, по которымъ аттестація требуется не отъ наличнаго мѣста службы, а именно отъ вѣдомства, имѣющаго дѣло съ политикою, и избѣжать этого невозможно. Бунге почему-то предполагалъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ выскажется противъ меня, и вслѣдствіе того рѣшилъ обратиться не къ нему, а къ кіевскому генералъ-губернатору Дрентельну, имѣя въ виду, что послѣдній — тоже представитель высшей администраціи, а моя дѣятельность по крестьянскому дѣлу происходила въ районѣ его управленія. Такой обходъ, конечно, выражалъ извѣстную участливость ко мнѣ, хотя на дѣлѣ привелъ только къ напрасной затяжкѣ. Моя аудіенція закончилась такими словами Бунге:—Какъ видите, вамъ придется нѣкоторое время обождать; вѣроятно, изъ Кіева скоро получится удовлетворительный отвѣтъ, я васъ объ этомъ извѣщу, и тогда все окончательно рѣшится.

Вышелъ я удовлетвореннымъ, но досадовалъ на встрѣчу совсѣмъ неожиданнаго осложненія. Немедленно написалъ я въ Кіевъ Воронину, прося поторопить генералъ-губернаторскій отвѣтъ, и сталъ ждать. Однако прошелъ мѣсяцъ и другой, а отъ Бунге—никакихъ вѣстей, да и Воронинъ не отвѣчаетъ. Въ концѣ сентября навѣдался я еще разъ къ Бунге и услышалъ отъ него, что Дрентельнъ все не присылаетъ отвѣта, а между тѣмъ оставлять дольше вакансію члена совѣта незамѣщенной невозможно. Тогда я совсѣмъ махнулъ рукою на это дѣло, сочтя свою попытку провалившеюся. Около того же времени, путемъ переписки, удалось мнѣ выяснитъ, что всему причиною была ординарнѣйшая канцелярская волокита. Запросъ Бунге полежалъ въ Кіевѣ у генералъ-губернатора, потомъ послѣдній обратился за свѣдѣніями къ подольскому губернатору (такъ какъ я прежде

служилъ въ подольской губерніи), а этотъ, по истеченіи тоже изряднаго времени, отвѣтилъ, что такъ какъ въ губерніи не отыскалось моихъ „современниковъ“, то онъ не можетъ сообщить обо мнѣ ничего опредѣленнаго. Тогда отъѣвъ въ такомъ же смыслѣ Дрентельнъ далъ и Бунге. Цѣлыхъ три мѣсяца понадобилось только для того, чтобы сказать „ни да, ни нѣтъ“. Письмо же мое къ Воронину пролежало напрасно въ Кіевѣ, потому что Воронинъ жилъ дѣто въ имѣніи и могъ отвѣтить мнѣ уже осенью.

Пришелъ уже конецъ ноября. Я начиналъ забывать о неудачѣ, какъ вдругъ, однажды вечеромъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ управляющій крестьянскимъ банкомъ и, по порученію Бунге, задаетъ вопросъ: не измѣнились ли мои желанія относительно поступленія въ крестьянскій банкъ? Когда я отвѣтилъ, что не измѣнились, онъ сказалъ:—Въ такомъ случаѣ все улажено; сегодня была сдѣлана справка въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ,—оно ничего не имѣетъ противъ вашего назначенія, и завтра будетъ полученъ объ этомъ отъ него формальный отвѣтъ. Теперь вамъ надо явиться въ Николаю Христіановичу, а затѣмъ приступайте къ ознакомленію съ нѣличнымъ положеніемъ дѣлъ, потому что процедура назначенія возьметъ не больше нѣсколькихъ дней. Потребуется только сношеніе съ вашимъ министерствомъ путемъ сообщенія о немѣніи съ его стороны препятствій къ переводу, а объ ускореніи его отвѣта вы, конечно, уже сами позаботитесь.

При новомъ моемъ представленіи, Н. Х. Бунге рассказалъ мнѣ о состоявшейся перемѣнѣ такъ:—Когда изъ сношенія съ кіевскимъ генераль-губернаторомъ ничего не вышло, я рѣшился обратиться прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ и приберегъ для васъ послѣднюю вакансію, но не сообщалъ вамъ объ этомъ ничего на случай неудачи, чтобы васъ не тревожить напрасно. Теперь же поздравляю васъ съ успѣшнымъ окончаніемъ дѣла.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, я уже обратился изъ путейскаго чиновника опять въ работника по устройству крестьянъ, т.-е. вернулся въ свою стихію. Надо было знакомиться съ положеніемъ дѣла въ банкѣ и съ обстановкою его дѣятельности. Положеніе было еще вполне подготовительное. Ссудная дѣятельность еще не открывалась и не могла открыться, потому что законопроекты о порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ на покупаемыя крестьянами земли и о продажѣ этихъ земель въ случаѣ платежной несправности заемщиковъ хотя были подготовлены, но должны были еще ожидать разрѣшенія въ государственномъ совѣтѣ. Въ ожиданіи же этого, приходилось главнымъ образомъ составлять земельныя оцѣнки по губерніямъ,

раздѣляя послѣднія на мѣстности, и подготавливать „Правила дѣйствій“ банка, опредѣляющія частности пріемовъ этихъ дѣйствій, въ дополненіе къ „Положенію“, имѣвшему, какъ объяснено было выше, слишкомъ общій, поверхностный характеръ. Эти правила подлежали утвержденію по соглашенію министерствъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. На первую очередь, дѣятельность банка предположено было открыть въ 11-ти губерніяхъ, избранныхъ въ различныхъ краяхъ Россіи: тверской, могилевской, уфимской, саратовской, кievской, волынской, подольской, черниговской, полтавской, херсонской и екатеринославской, съ тѣмъ чтобы потомъ постепенно распространять ту же дѣятельность на группы другихъ губерній, одну за другою. По этому безотлагательнымъ дѣломъ являлась организація отдѣленій банка въ означенныхъ 11-ти губерніяхъ. Вообще, подготовительныхъ работъ требовалось такъ много, что заниматься ими приходилось ежедневно не только въ казенномъ зданіи, но и по домамъ, вечерами.

Вѣдѣнная обстановка крестьянскаго банка была самая скромная. Намъ отведено было въ зданіи министерства всего четыре или пять комнатъ небольшого размѣра: одна управляющему, другая, побольше, членамъ совѣта, а остальные—канцеляріи, бухгалтеріи и кассѣ. Личный составъ тоже былъ очень невеликъ. Члены совѣта назначены были уже всѣ три, но дѣлопроизводителей пока было только два съ небольшою группою писцовъ, а затѣмъ—бухгалтеръ и кассиръ. Съ такими силами начинали мы большое дѣло. Но этотъ численный недостатокъ возмѣщался интенсивностью работоспособности, внутреннею инициативою и искреннею заботливостію объ интересахъ самаго „дѣла“. Особенно благопріятное впечатлѣніе произвелъ на меня подобранный Н. Х. Бунге составъ совѣта, являвшася правящею коллегіею банка. Кромѣ управляющаго Картавцова, засталъ и въ этомъ составѣ К. Н. Пасхалова и П. П. Храповицкаго. Картавцовъ хотя былъ еще молодъ и до того времени съ крестьянскимъ дѣломъ не соприкасался на практикѣ, но зналъ его теоретически и, при своей живости и административныхъ способностяхъ, очень сочувственно относился къ крестьянству. Пасхаловъ давно уже служилъ въ министерствѣ, знакомъ былъ съ кредитнымъ и промышленнымъ дѣломъ и, не подходи къ чиновничьему шаблону, имѣлъ самостоятельные взгляды на дѣло крестьянскаго банка. А Храповицкій, будучи новгородскимъ помѣщикомъ, еще въ эпоху крестьянской реформы былъ однимъ изъ мѣстныхъ ея дѣятелей въ своей губерніи, потомъ работалъ по земству, а въ послѣднее

время принималъ участіе въ трудахъ сенаторской ревизіи Ковалевскаго, дѣйствовавшей въ казанской и уфимской губерніяхъ.

Объединяющимъ всѣхъ элементомъ было живое стремленіе оказать крестьянству наибольшую помощь, направляя ее такъ, чтобы она возможно удачнѣе попадала въ настоящую цѣль и взвѣсивая для этого всѣ практическія условія крестьянской жизни и обстановки. Если не во всемъ мы были людьми одинаковыхъ взглядовъ, то всѣ одинаково желали сдѣлать изъ банка наиболѣе дѣйствительное орудіе существенной поправки крестьянскаго хозяйственного устройства для возможно большей массы населенія. Въ составѣ совѣта сразу установились не только хорошія взаимныя отношенія, но и вполне дружная, солидарная работа, много отличавшаяся отъ обычной чиновничьей, такъ какъ формализмъ, вмѣсто господства, отведенъ былъ въ предѣлы крайней необходимости и постороннихъ служебныхъ мотивовъ въ нашей дѣятельности не чувствовалось. Всякій частный вопросъ и каждую третьестепенную подробность мы обсуждали сообща. Это, конечно, не значило, чтобы между нами не случалось разнорѣчій. Напротивъ, при общемъ горячемъ отношеніи къ интересамъ дѣла, у насъ не разъ возникали и велись по цѣлымъ часамъ яростные споры, причемъ особенно часто и горячо приходилось спорить мнѣ съ Храповицкимъ, а это отчасти происходило потому, что наша предыдущая дѣятельность и наблюденія по крестьянскому дѣлу имѣли мѣсто въ различныхъ областяхъ съ неодинаковыми хозяйственными условіями и этнографическими особенностями: его — на сѣверѣ, а мои — на югѣ Россіи. Но подобные споры не оставляли ни тѣни взаимнаго неудовольствія, такъ какъ каждый чувствовалъ, что цѣль у всѣхъ — одна, ни у кого не было побужденій упрямства непремѣнно поставить на своемъ, и все разномысліе происходило изъ-за того — какъ лучше, какъ удобнѣе подойти къ этой общей цѣли. Споры приводили къ тому или другому соглашенію, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше мы цѣнили другъ друга. Сколько я помню, ни прежде, ни послѣ не приходилось мнѣ дѣйствовать на службѣ въ такомъ дружномъ, ободряющемъ обществѣ, и когда потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, Храповицкій умеръ, а прочіе должны были оставить дѣятельность въ банкѣ и разойтись въ разныя стороны, у насъ сохранились къ бывшимъ товарищамъ или добрыя отношенія, или добрая память.

При такихъ условіяхъ и при сознаніи, что въ рукахъ у насъ серьезное, симпатичное дѣло, служба ощущалась не столько службою, сколько пріятнымъ и интереснымъ занятіемъ. Засиживаясь подолгу въ казенномъ зданіи, казалось, будто сидишь у себя

дома, въ кабинетѣ, занимаясь не обязательнымъ, а добровольно избраннымъ увлекательнымъ дѣломъ; по этому поводу разъ у меня вырвалось такое обращеніе къ одному изъ товарищей, на образецъ евангельскаго сказанія о Преображеніи:—Добро намъ здѣ быти, сотворимъ себѣ по сѣни и будемъ пребывать тутъ съ утра до ночи!—Посидимъ, бывало, сначала каждый порознь за кучею матеріаловъ и за внимательною работою, потомъ потолкуемъ и поспоримъ въ общемъ совѣщаніи, а расходясь, каждый беретъ себѣ бумаги еще на домъ, гдѣ тоже засиживается до глубокой ночи, съ интересомъ ожидая завтрашняго возобновленія труда. Почти всякую мало-мальски существенную работу управляющій и члены совѣта брали на себя, рѣдко предоставляя проектированіе дѣлопроизводителямъ, такъ что послѣднимъ приходилось заниматься лишь въ тѣсномъ смыслѣ канцелярскимъ трудомъ. Только впослѣдствіи, когда дѣла стало прибывать ужъ слишкомъ много, дѣлопроизводители умпожались и хорошо вырабатывались, да притомъ главные приемы дѣла установились—стала увеличиваться и роль этихъ дѣлопроизводителей.

Надобно сказать, что и Н. Х. Бунге, при всей участливости къ нашей работѣ, воздерживался отъ оказыванія на нее начальственного давленія. Стремясь къ той же цѣли наилучшей помощи крестьянству, онъ во все вникалъ, обо всемъ разспрашивалъ, но у него было такое соединеніе заботливости о дѣлѣ съ деликатностью и тактомъ, что въ его руководствѣ мы вовсе не чувствовали какого-либо стѣсненія. Довѣряя банковому управленію, онъ давалъ его мнѣніямъ достаточный просторъ, да и въ тѣхъ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда доходили до него наши разнорѣчія, онъ высказывался въ томъ смыслѣ, что этимъ разнорѣчіямъ слѣдовало бы разрѣшиться нашимъ же дальнѣйшимъ соглашеніемъ. Поэтому, въ лицѣ Бунге, приходилось чувствовать скорѣе попечительнаго и авторитетнаго наставника, чѣмъ вышшаго начальника, имѣющаго власть рѣшать все повелительно.

Водворявшійся въ банкѣ духъ отражался и въ составѣ прочихъ служащихъ. Обыкновенно, когда возникаетъ въ министерствѣ новое учрежденіе, то для образованія его канцелярской силы переводятся туда разные чиповники изъ другихъ департаментовъ, причемъ начальства послѣднихъ стараются сбывать отъ себя людей поплоче; но у насъ на дѣлопроизводительскія должности брали людей по выбору, на основаніи личнаго знанія ихъ или по чьей-либо надежной рекомендаціи и даже преимущественно со стороны. Ихъ набирали не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ роста дѣла, по одному и по два, что значительно облег-

чало удачный подборъ. Большею частью принимались молодые люди съ образованіемъ, причемъ нѣкоторые въ банкѣ только начинали свою государственную службу. Отыскивать подходящихъ людей особенно удавалось Картавцову и Храповицкому, и дѣлопроизводители, за немногими исключеніями, представляли свѣжій элементъ, не успѣвшій проникнуться канцелярскими преданіями, а взамѣнъ того проявлявшій больше инициативы. Такъ и въ этой средѣ стали преобладать люди съ искренними симпатіями къ крестьянскому дѣлу, дорожившіе успѣхомъ банковской дѣятельности и настолько способные, что изъ нихъ потомъ вырабатывались хорошіе предсѣдатели или члены мѣстныхъ отдѣленій банка. На такихъ, разумѣется, больше можно было полагаться. Физіономія центральнаго управленія вообще скоро начала обозначаться довольно опредѣленно.

Больше трудностей представляло замѣщеніе должностей предсѣдателей мѣстныхъ отдѣленій банка, тогда какъ требованія отъ нихъ были довольно велики. Такъ какъ члены отдѣленій назначались помимо центральнаго управленія, земствомъ или губернаторами, то предсѣдатель въ отдѣленіи являлся не только главною его силою, но и единственнымъ представителемъ центральнаго управленія, которому предстояли очень сложныя обязанности и довольно самостоятельное положеніе. Руководя дѣломъ въ губерніи, онъ долженъ былъ давать указанія крестьянамъ, объясняться съ продавцами земель, собирать и провѣрять много документовъ, входить въ критику сущности и выгодности совершаемыхъ сдѣлокъ, добывать возможно удовлетворительнѣйшія оцѣночныя данныя, разрѣшая въ случаѣ надобности по губерніи для осмотра покупаемыхъ земель на мѣстѣ, чтобы вѣрнѣе судить объ ихъ цѣнности, выяснять также составъ самихъ покупателей для опредѣленія степени ихъ нужды, и вообще своими условіями достигать возможности представлять дѣла совѣту въ такомъ ясномъ видѣ, при которомъ устранялись бы сомнѣнія—слѣдуетъ ли разрѣшать ссуды и въ какомъ именно размѣрѣ. И послѣ совершенія купчей крѣпости отдѣленію необходимо было еще провѣрять, исполнѣ ли она согласна съ условіями предварительной сдѣлки и разрѣшенія ссуды, не вкинуто ли что-нибудь новое, правильно ли оформленъ порядокъ взноса доплатъ, производить расчеты и т. под. Кромѣ того, черезъ руки предсѣдателя неизбѣжно должны были проходить большія деньги, такъ какъ ссудныя суммы по цѣлой губерніи подлежали поступленію въ распоряженіе отдѣленія, которое затѣмъ должно было выдавать изъ нихъ чтó слѣдуетъ—продавцамъ, чтó слѣдуетъ—ихъ

кредиторамъ, для освобожденія купленныхъ земель отъ прежнихъ залоговъ и запрещеній и т. д. Вообще, предсѣдатель отдѣленія являлся до извѣстной степени хозяиномъ дѣла крестьянскаго банка въ губерніи и ему оказывалось большое довѣріе, а отсюда исходили требованія какъ на участливость къ крестьянскому положенію, такъ и на хорошее пониманіе задачъ банка, на личную дѣловитость и большую аккуратность. Трудность подысканія людей, удовлетворяющихъ совокупности подобныхъ требованій, особенно при ограниченности размѣра жалованья, еще не такъ сильно давала себя чувствовать въ первое время, когда надо было открыть всего одиннадцать отдѣленій; но впослѣдствіи, при распространеніи дѣятельности банка на новыя и новыя группы губерній, она болѣе и болѣе увеличивалась; доля пригодныхъ видимо сокращалась въ общей массѣ искателей, и оттого поневолѣ приходилось допускать менѣе строгую разборчивость въ выборѣ, а это усиливало необходимость надзора совѣта за дѣятельностью отдѣленій.

Однако и образованіе первыхъ одиннадцати отдѣленій, при новизнѣ дѣла, производилось не безъ особыхъ заботъ и сомнѣній. Въ предсѣдатели ихъ избирались лица или извѣстныя банковому управленію, или по указаніямъ самого Бунге, или на основаніи вѣскихъ вѣдѣній аттестацій. При всемъ томъ, сначала предпочтено было образовать пять отдѣленій, т.-е. почти половину, (Кіевъ, Подолія, Волинь, Херсонъ и Саратовъ), при мѣстныхъ учрежденіяхъ государственнаго банка, и только шесть—самостоятельно (въ Твери, Уфѣ, Могилевѣ, Полтавѣ, Черниговѣ и Екатеринославѣ). Конечно, присоединеніе въ пяти губерніяхъ отдѣленій крестьянскаго банка къ отдѣленіямъ государственнаго представляло большія неудобства, такъ какъ оно взваливало предсѣдательскія обязанности на наличнаго представителя государственнаго банка, уже имѣющаго свое прямое дѣло и потому выдающаго въ своихъ добавочныхъ обязанностяхъ предметъ побочнаго, второстепеннаго интереса; такому предсѣдателю трудно было отрывать изъ губернскаго города на мѣста сдѣлокъ и относиться къ крестьянскому дѣлу не съ формальной только точки зрѣнія; да притомъ и характеръ дѣятельности обоихъ банковъ настолько различенъ, что требуетъ разнаго рода людей. Однако, соединеніе это предполагалось только на первое время, чтобы сразу меньше искать новыхъ людей, т.-е. являлось отчасти слѣдствіемъ большей строгости перваго выбора. Впослѣдствіи же, согласно первоначальной мысли и по указаніямъ опыта, самостоятельныя отдѣленія вытѣснили соединенныя. Что же касается

степени удачности назначенія предсѣдателей самостоятельныхъ отдѣленій, то она въ свою очередь не вездѣ была одинакова. Хотя участливость къ крестьянскимъ интересамъ была у нихъ общемою чертою, но не всѣ одинаково умѣло справлялись со сложностью дѣла или обнаруживали достаточную находчивость среди встрѣчавшихся практическихъ обстоятельствъ. Въ лучшемъ смыслѣ выдѣлялись между ними двое: полтавскій предсѣдатель Квитка, отличавшійся необыкновенною энергіею при большой умѣлости, и могилевскій предсѣдатель Эйлеръ, старый членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, хорошо знавшій свою губернію и относившійся къ дѣлу, особенно къ опѣчной части, съ большою и благоразумною осторожностью. Это были, такъ сказать, орлы нашего дѣла на мѣстахъ. Не могу не упомянуть добромъ и екатеринославскаго предсѣдателя Метлицкаго, работавшаго прежде по устройству государственныхъ крестьянъ, который съ особенною искренностью заботился о крестьянахъ, только по старости нерѣдко впадалъ въ недогляды и недоумѣнія, вызывая необходимость частыхъ указаній сверху и поправокъ; впрочемъ, послѣднее отчасти происходило и оттого, что дѣло въ его губерніи сразу стало разрастаться выше ожиданій. Однако все это было уже впоследствии, а въ описываемую пору дѣло не шло дальше подбора людей и ихъ подготовки.

Вотъ въ какомъ видѣ представлялось дѣло въ первое время послѣ моего поступленія въ банкъ. Все находилось въ ожиданіи, все готовилось къ будущему, вся работа сосредоточивалась въ министерскомъ зданіи на Мойкѣ, между тѣмъ какъ въ провинціи не только ничего еще не начиналось, но тамъ не видѣли пока ни одного представителя крестьянскаго банка, такъ какъ избраные на предсѣдательскія должности кандидаты занимались въ Петербургѣ, въ томъ же зданіи, изучая дѣло, знакомясь съ руководящими соображеніями или исполняя тѣ или другія отдѣльныя работы. Провинція доставляла только массу затребованныхъ мѣстныхъ свѣдѣній, которыя присылались и земскими управами, и губернаторами, и казенными палатами, и учрежденіями государственнаго банка, и т. д., и т. д.

А пока центральное управленіе озабочивалось предотвращеніемъ возможныхъ промаховъ организаціи, — въ публикѣ, столичной и провинціальной, возникало немало очень своеобразныхъ понятій о будущности и самомъ назначеніи крестьянскаго банка, что и выражалось въ разговорахъ. Иные говорили: „Да, раздавать деньги на покупку мужикамъ земли будетъ легко, а что выйдетъ потомъ? Платить они не захотятъ и взять отъ нихъ

землю назадъ вамъ не удастся; мужику надо разъ только завладѣть землею—ужь у него не вырвете!“ Отъ другихъ слышалось: „Раздавайте, раздавайте ссуды пошире, это будетъ намъ кстати; мы постараемся всякую земельную дрянь сбывать за хорошую цѣну“. Нѣкоторые съ видимою убѣжденностью высказывали, что крестьянскій банкъ учреждается для оказанія помощи не крестьянству, а дворянству, именно—чтобы дворяне могли находить большее число покупателей и продавать свои земли дороже прежняго. Даже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ открытія дѣятельности банка, мнѣ иногда, при объясненіяхъ съ продавцами относительно высоты требуемыхъ ими цѣнъ, случалось слышать: „Да вѣдь банкъ—это милость дворянству, какъ же вы можете ограничивать эту милость!“ И то же мѣстами выслушивали предсѣдатели отдѣленій банка. Пусть высказывались такъ простоватые продавцы, однако и между менѣе откровенными, болѣе понятливыми и умѣвшими говорить иначе, встрѣчалось много надѣявшихся фактически поставить дѣло именно такъ, какъ говорили ихъ экспансивные сотоварищи.—Нетрудно было предвидѣть, съ чѣмъ придется считаться на практикѣ.

IV.

Подготовка и открытіе ссудъ.

Подготовительныя работы шли въ банкѣ всю зиму и большую часть весны 1883 года. Нелишнимъ будетъ остановиться нѣсколько подробнѣе на томъ, чѣмъ занимались мы сами.

Особенно занимали насъ работы оцѣночныя и составленіе инструкціи (правилъ) о порядкѣ дѣйствій банка и его отдѣленій по разрѣшенію и выдачѣ ссудъ, по документальной части, наблюденію за платежами и т. п. Изъ одиннадцати губерній первой очереди, по девяти оцѣнку земель приняли на себя лично члены совѣта, и только по двумъ эта оцѣнка предоставлена была дѣлопроизводителю подъ нашимъ же наблюденіемъ. А работа эта, при тогдашней новизнѣ дѣла, отличалась немалою сложностью и трудностью.

Составлять нормальныя оцѣнки, доискиваясь возможно большаго приближенія къ дѣйствительнымъ цѣпамъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, помимо формальныхъ требованій, надо было особенно потому, что намъ вначалѣ неясно было, въ состояніи ли окажутся мѣстныя отдѣленія получать удовлетворительныя свѣдѣ-

нія о цѣнности земель въ каждомъ углу губерній уже въ самое время совершенія покупокъ, или—смогутъ ли они даже часто осматривать на мѣстѣ покупаемыя крестьянами имѣнія. При затрудненіяхъ же въ этомъ отношеніи, опорой для соображеній о возможномъ размѣрѣ ссудъ могли быть только заранее подготовленныя оцѣнки по мѣстностямъ. Полагаться на оцѣнки самихъ продавцовъ и крестьянъ, по ихъ сдѣлкамъ, было явно опасно, въ виду требовательности землевладѣльцевъ и общеизвѣстной готовности крестьянъ соглашаться на самыя высокія продажныя цѣны, лишь бы только пріобрѣсти землю. Крестьянская уступчивость при покупкахъ за банковыя суммы была еще вѣроятнѣе, чѣмъ при покупкахъ за собственные деньги. Если въ особыхъ случаяхъ,—напримѣръ, пріобрѣтенія земель исключительной цѣнности,—можно было рассчитывать на установленныя закономъ спеціальныя оцѣнки, производимыя земскими управами, то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, за отсутствіемъ подобной опоры, обойтись безъ нормальныхъ подесятинныхъ оцѣнокъ представлялось невозможнымъ.

Но составленіе ихъ требовало особой предусмотрительности. Тутъ, съ одной стороны, выступали опасенія, какъ бы не превеличить размѣра ссудъ до превышенія ими дѣйствительной стоимости земель, а съ другой—какъ бы не ограничить ихъ до вызова необходимости для крестьянъ дѣлать обременительныя доплаты къ ссудамъ изъ своихъ собственныхъ или занятыхъ на сторонѣ денегъ, что ослабляло бы фактическую помощь банка. Дѣленіе губернскихъ территорій на оцѣночныя мѣстности требовалось возможно точное, какъ для устраненія недоразумѣній, такъ и потому, что губерніи наши, за немногими исключеніями, отличаются крайнимъ разнообразіемъ достоинства земли, причемъ часто не только въ одной и той же губерніи, но даже въ одномъ уѣздѣ встрѣчаются площади и очень дорогой, и очень мало стоящей земли. Въ этомъ отношеніи, между губерніями первой очереди особенно выдавались—кіевская, черниговская, волынская и тверская. Однако, преобладающею заботою въ первое время было у насъ соблюденіе усиленной осторожности, чтобы не распустить цѣнъ, высота которыхъ способна парализовать всю выгоду покупочныхъ сдѣлокъ.

Говоря о стремленіи къ объясненнымъ цѣлямъ, нельзя не вспомнить о томъ хаотическомъ состояніи земельно-оцѣночнаго дѣла, съ какимъ приходилось тогда считаться. Если это дѣло и теперь еще очень далеко отъ удовлетворительности и постоянно запутывается, то въ описываемую пору оно, можно сказать, едва

начинало выходить изъ полной темноты. Оцѣнки „Положеній“ 19-го февраля, будучи не очень удачными и вначалѣ, слишкомъ ужъ устарѣли, а въ протекшія со времени крестьянской реформы два десятилѣтія на улучшение этого дѣла не предъявлялось даже достаточно серьезнаго спроса. Для раскладки земскихъ сборовъ цѣны земель грубо преуменьшались и, въ лучшемъ случаѣ, годились только для опредѣленія относительной стоимости земель внутри губерній, а не абсолютной. Правда, новыя и подробныя земскія изслѣдованія уже производились въ разныхъ губерніяхъ, но эта работа была еще въ ходу и хотя давала большой матеріалъ, но, помнится, нигдѣ еще не завершилась установленіемъ окончательныхъ цѣнъ для мѣстностей. Государственный же поземельный налогъ былъ такъ невеликъ, что къ правильности распределенія его тоже относились довольно беззаботно. Былъ, конечно, интересъ къ оцѣнкамъ у частныхъ земельныхъ банковъ, — однако, при той ограниченности ссудъ, о которой сказано было выше, и при взаимной конкуренціи банковъ — не очень большой. Между тѣмъ, извѣстно было, что на практикѣ во весь періодъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ какъ арендныя, такъ и продажныя земельныя цѣны быстро возвышались, причемъ особенный толчокъ этому дало удешевленіе денегъ, произведенное неумѣренными выпусками кредитныхъ билетовъ изъ-за турецкой войны 1877 года. Кромѣ общаго повышенія, шло еще неравномѣрное измѣненіе мѣстныхъ цѣнъ подъ вліяніемъ такихъ причинъ, какъ, напримѣръ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ. Такъ всѣ существовавшія формальныя оцѣнки потеряли почти всякую связь съ дѣйствительными цѣнами, и руководствоваться ими въ сколько-нибудь серьезномъ дѣлѣ стало рѣшительно невозможно.

При такомъ положеніи, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ вдругъ выросъ крупный спросъ на правильный оцѣночный матеріалъ. Для поправки финансовъ, рѣшено было преобразовать нѣсколько важныхъ налоговъ. Крѣпостныя пошлыны съ купли-продажи имѣній, вычислявшіяся прежде въ процентномъ отношеніи съ фиктивныхъ, преуменьшенныхъ суммъ, произвольно представляемыхъ участниками сдѣлокъ, потребовалось вычислять ужъ съ настоящей стоимости имѣній, а для этого нужны стали законныя подесятинныя оцѣнки, согласованныя съ дѣйствительными современными цѣнами. Въ связи съ этимъ находилось и опредѣленіе размѣра гербовыхъ сборовъ, тоже поставленныхъ въ зависимость отъ стоимости сдѣлокъ. Вводился налогъ съ наслѣдствъ, требовавшій въ свою очередь соразмѣренія съ дѣйствительною, а не мнимую цѣнностью наслѣдственныхъ имѣній. Той же болѣе

вѣрной оцѣнки земель требовалъ и начавшійся ходъ податной реформы, такъ какъ при отмѣнѣ подушной подати часть доставлявшейся ею суммы подлежала обращенію въ общій поземельный налогъ. Наконецъ, подобныя же оцѣнки понадобились и для крестьянскаго банка. Словомъ, выросшая разомъ острая нужда въ вѣрныхъ земельно-оцѣночныхъ данныхъ потребовала пробивки новаго пути среди господствовавшаго хаоса, чтобы важные интересы не рѣшались попрежнему зря.

Въ министерствѣ финансовъ стали собираться всѣ имѣвшіеся пригодныя къ оцѣнкѣ матеріалы и затребованы были новыя отъ разныхъ мѣстныхъ учреждений. Скоро набралась ихъ большая масса, и, на этомъ основаніи, оцѣнки стали вырабатываться параллельно въ двухъ мѣстахъ: въ департаментѣ окладныхъ сборовъ, подъ руководствомъ директора А. А. Рихтера, и у насъ въ крестьянскомъ банкѣ. Трудясь надъ этою задачею, мы имѣли подъ рукою: подробныя карты губерній и отдѣльныхъ мѣстностей; почвенную карту; свѣдѣнія о густотѣ населенности; періодическіе выпуски сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній вѣдомства государственныхъ имуществъ, гдѣ приводились, между прочимъ, примѣры арендныхъ цѣнъ по мѣстностямъ; сводъ свѣдѣній о ссудахъ, выданныхъ подъ залогъ имѣній „Обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита“; отзывы о существующихъ цѣнахъ, полученные отъ земскихъ управъ, губернаторовъ, казенныхъ палатъ и отдѣленій государственнаго банка; добывавшіяся нами частнымъ образомъ, по личному знакомству, свѣдѣнія изъ разныхъ губерній и наконецъ случайные источники. По всему этому матеріалу надо было различать территоріи разной цѣнности земель и, сообразно тому, дѣлить губерніи на мѣстности, образуя ихъ нерѣдко по нѣскольку въ одномъ уѣздѣ, обозначая границы рѣчками, дорогами и т. п., и назначать для каждой мѣстности определенную подесятинную цѣну. А такъ какъ оцѣнки подлежали утвержденію по соглашенію трехъ министерствъ, то приходилось и составлять по каждой губерніи объяснительную записку. Неудивительно поэтому, что оцѣнка одной губерніи требовала около трехъ недѣль внимательнаго труда.

По вѣшнему объему нашего оцѣночнаго матеріала могло казаться, что тутъ — „*embarras de richesses*“ искомымъ свѣдѣній; однако, при разборѣ его по качеству, нерѣдко оказывалось совсѣмъ другого рода „*embarras*“, соединенное съ недостаткомъ самаго необходимаго. Это особенно чувствовалось въ мѣстныхъ отзывахъ, часто отличавшихся характеромъ обычной у насъ „отписки“. Показанія о цѣнахъ бывали сбивчивы и взаимно

противорѣчивы, и дѣленія на мѣстности предлагались несходныя. Губернаторскія сообщенія состояли преимущественно изъ поверхностныхъ замѣчаній, показывавшихъ, что они основаны на какихъ-либо случайныхъ отзывахъ, а казенныя палаты и отдѣленія государственнаго банка давали хотя и болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, но тоже часто не согласовавшіяся между собою и, видимо, не столько заимствованныя изъ фактовъ продажи и аренды, сколько полученные по наслышкѣ. Много ли можно было, напримѣръ, попользоваться общими отзывами о цѣнахъ въ уѣздѣ, когда послѣдній состоялъ изъ площадей самаго разнообразнаго достоинства? Все это показывало, что выясненіемъ достоинства земель въ то время на мѣстахъ еще мало интересовались и собираніе фактовъ экономической жизни было дѣломъ случайнымъ. Далеки были отъ желательной полноты и ясности даже земскія сообщенія, въ которыхъ притомъ нерѣдко сквозила преобладающая тенденція преувеличивать земельныя цѣны.

Впрочемъ, черты эти замѣчались долго еще и впослѣдствіи, когда, съ распространеніемъ дѣятельности банка на новыя группы губерній, приходилось разбирать и новый оцѣночный матеріалъ. Помимо недостатка вниманія и вѣрныхъ свѣдѣній, у мѣстныхъ людей иногда особыя сомнѣнія возбуждались тѣмъ, что свѣдѣнія эти требовались для различныхъ надобностей и потому способны были неоднаково отражаться на земледѣльческихъ интересахъ. Перспективы выступали такія: если земельныя цѣны опредѣлятся высоко, то это способно привести къ повышенію земельного налога, увеличенію обложенія наслѣдствъ, подъему крѣпостныхъ пошлинъ, и все это падетъ на мѣстныхъ землевладѣльцевъ; но, съ другой стороны, если принижать земельную цѣнность — затруднится возможность сбывать крестьянамъ земли по высокой цѣнѣ съ помощью крестьянскаго банка, явится опасность ограниченія ссудъ помѣщикамъ изъ государственнаго банка подъ соло-векселя и еще чувствительнѣе можетъ оказаться уменьшеніе ссудъ при залогѣ имѣній дворянскому банку, который хотя учрежденъ былъ въ 1885 году, но ожидался уже значительно раньше. Борьба такихъ взаимно-противорѣчивыхъ опасеній, при одновременности затребованія данныхъ въ разныя учрежденія, не могла оставаться безъ вліянія на доставляемый оцѣночный матеріалъ, но склонность къ повышенію оцѣнокъ пересиливала чаще.

Случалось даже такъ, что изъ одного мѣста приходили несходныя оцѣнки одной и той же земли. Припоминаю характерный въ этомъ отношеніи разговоръ съ земцемъ одной изъ при-

волжскихъ губерній, готовившимся поступить въ число банковыхъ дѣятелей. — Не можете ли вы разъяснить мнѣ, — спрашивалъ я его, — какъ это по такой-то мѣстности вашей губерніи земская управа показала такіа-то десятинные цѣны, а между тѣмъ она же показала тамъ департаменту окладныхъ сборовъ другія, меньшія цѣны; которымъ показаніямъ слѣдуетъ вѣрить? — „Да что же тутъ удивительнаго? — отвѣтилъ мой собесѣдникъ; — вѣдь теперь оцѣнки доставляются для ссудъ, а тогда доставлялись для налога!“ — И сказано было это съ такимъ видомъ убѣдительности, что больше объ этомъ и распространяться было нечего. Да, если и теперь, послѣ долголѣтнихъ работъ, земельно-оцѣночное дѣло затормазилось у насъ больше многихъ другихъ вопросовъ, то тутъ не безъ вліянія остатка стараго столкновенія разнообразныхъ мотивовъ, т.-е. не безъ смѣшенія вольныхъ и невольныхъ грѣховъ.

Какъ бы то ни было, то разбираясь среди неясностей, то по необходимости разрубая Гордіевы узлы, съ оцѣнкою одиннадцати губерній мы успѣли покончить, и оставалось ждать, насколько она будетъ оправдываться практикою. А чтобы предотвратить возможные съ этой стороны стѣсненія — проектировано было разрѣшеніе въ особыхъ случаяхъ допускать повышеніе ссудъ противъ нормальныхъ цѣнъ даже до 50-ти процентовъ.

Инструкція (правила) о порядкѣ дѣйствій банка представляла, какъ сказано выше, другое сложное дѣло. Если это былъ трудъ не особенно крупный по объему, то во всякомъ случаѣ требовавшій немалой обдуманности, такъ какъ тутъ предстояло предусмотрѣть всѣ существенные акты той длинной процедуры, какую должны были проходить сдѣлки отъ первоначальныхъ покупочныхъ условій до установленія полного владѣнія крестьянъ купленною землею. Проектъ покупочныхъ условій, выдача задатка, собраніе и провѣрка ряда необходимыхъ документовъ (о составѣ покупателей, общественные приговоры и обязательства, планы съ удостовѣреніями и т. д.), собраніе оцѣночныхъ свѣдѣній, разрѣшеніе ссуды и выдача удостовѣреній о томъ, совершеніе купчей крѣпости, ассигнованіе ссудныхъ денегъ, уплата изъ нихъ кредиторамъ лежавшихъ на купленной землѣ долговъ, выдача остатка продавцу, сношенія о вводѣ во владѣніе, о наложеніи и снятіи запрещеній, посылка крестьянамъ окладного листа на платежи банку, наблюденіе за взносомъ послѣднихъ, оказаніе платежныхъ льготъ, счета съ отдѣленіями государственнаго банка и казначействами и т. д. — все это составляло такую цѣпь дѣйствій, въ которой надо было прослѣдить каждое звено, чтобы въ общемъ ходѣ дѣла предупредить указаніями всякую запинку или

возможную ошибку. Для нѣкоторыхъ требуемыхъ документовъ пришлось составлять и образцы. Поэтому, хотя инструкція въ окончательномъ видѣ составила лишь съ небольшимъ полсотни статей, но ее приходилось вырабатывать и обсуждать въ совѣтскихъ засѣданіяхъ довольно долго, не разъ передѣлывая отдѣльныя части и составляя объяснительныя мотивировки къ статьямъ для облегченія разсмотрѣнія инструкціи тремя министерствами. А кромѣ этой инструкціи нужны были еще правила, касающіяся собственно порядка передвиженія суммъ между банками и казначействами, и потому подлежавшія утвержденію одного министра финансовъ. И всѣ инструктивные указанія могли охватывать лишь ограниченный кругъ вопросовъ, доступныхъ предвидѣнію заранее, тогда какъ практика уже готовила цѣлый рядъ новыхъ, которые приходилось впослѣдствіи разрѣшать путемъ между-министерскихъ сношеній или отдѣльныхъ циркуляровъ. Впрочемъ, вдаваться глубже въ техническую сторону дѣла здѣсь нѣтъ надобности.

Процессъ разсмотрѣнія упомянутой выше инструкціи могъ грозить дѣлу большою затяжкой, потому что до утвержденія ея банкъ не могъ начать ссудной дѣятельности, а утвержденіе это зависѣло отъ согласія чужихъ министерствъ. Такъ какъ возраженій или хотъ маловажныхъ замѣчаній можно было ждать по различнымъ пунктамъ, то еслибы дѣло поведено было путемъ канцелярской переписки—перспектива могла представиться такая: два министерства заспорятъ по какому-нибудь пункту и приходятъ къ соглашенію только послѣ взаимнаго обмѣна бумагами, а тогда окажется, что на условленную переѣзку не согласно третье министерство, предлагающее свою комбинацію, которая тоже вызываетъ возраженія со стороны одного изъ первыхъ двухъ, и опять бумаги и бумаги, да потеря времени, и т. д. Въ лучшемъ случаѣ тутъ получился бы изрядный тормазъ, но при значительности числа спорныхъ пунктовъ или при намѣренной оппозиціи—даже нѣчто худшее. Къ счастью, дѣло поведено было иначе. Для обсужденія инструкціи образована была коммиссія изъ представителей министерствъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Она успѣла въ нѣсколькихъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, засѣданіяхъ покончить съ разномысліями и прошла всю инструкцію, оставивъ ее безъ существенныхъ перемѣнъ. Первый опытъ между-министерскихъ соглашеній прошелъ такимъ образомъ удачно, и оппозиціи не проявилось даже со стороны вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, хотя ея опасались. Затѣмъ уже и министры не затруднились изъяснить

согласіе на все то, что было принято ихъ представителями. 7 апрѣля состоялось окончательное утвержденіе какъ инструкціи, такъ и нормальныхъ земельныхъ оцѣнокъ.

Между тѣмъ, потеря времени чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Дѣло подходило уже къ Пасхѣ. Отъ утвержденія возбужившаго много надеждъ „Положенія о крестьянскомъ банкѣ“ прошло безъ малаго одиннадцать мѣсяцевъ, но не было еще выдано ни одного ссуднаго рубля и нигдѣ не наладилась еще окончательно ни одна сдѣлка о крестьянской покупкѣ земли. Со многихъ сторонъ появлялись признаки нетерпѣнія. Въ банкѣ получались изъ разныхъ губерній просьбы объ оказаніи помощи задуманнымъ покупателямъ, хотя не удовлетворявшія документальнымъ требованіямъ, но, во всякомъ случаѣ, показывавшія, что вѣсти о банкѣ проникли уже въ деревенскіе углы и не остаются тамъ безъ послѣдствій. Появлялись и крестьяне-ходаки, разузнававшіе, на что имъ можно надѣяться. Навѣдывались временами также ходатаи по дѣламъ, и нѣкоторые изъ нихъ сообщали столь точныя и полныя свѣдѣнія объ ожидаемыхъ покупкахъ, что ихъ кліенты представлялись несомнѣнно будущими кліентами банка, какъ это впоследствии и подтверждалось. Все показывало, что въ провинціи успѣло уже назрѣть немало земельныхъ сдѣлокъ; инныя давно даже почти осуществились, такъ какъ крестьяне стали фактически пользоваться землею, обязавшись выплатить условленную цѣну ея въ разсрочку, и, только встрѣтивъ къ тому практическія затрудненія, обратили свои надежды къ банку; въ другихъ же случаяхъ крестьяне съ помѣщиками успѣли торговаться и ждали открытія дѣйствій банка, чтобы покончить все формально.

Въ то же время съ напоминаніями о скорѣйшемъ началіи дѣла выступала печать, которая, не будучи въ курсѣ дѣловыхъ затрудненій къ такому началію, не находила объясненій видимому замедленію. Печать подавала и свои совѣты, причемъ особенно настаивала на устраненіи крестьянскихъ доплатъ къ ссудамъ, которое, однако, при всей желательности своей, оказывалось далеко не всегда осуществимымъ и по формальнымъ причинамъ, и по самому существу дѣла. Напримѣръ, такъ какъ законъ ставилъ размѣръ ссуды въ зависимость отъ личнаго состава крестьянъ-покупщиковъ (125 р. на душу и 500 р. на дворъ), то вездѣ, гдѣ крестьяне покупали земли на большую сумму, чѣмъ на какую имѣли право по своему составу, для нихъ было неизбежно платить разницу изъ собственныхъ средствъ; при нахожденіи въ составѣ покупки значительной цѣнности лѣса—подъ

эту цѣнность нельзя было выдавать долгосрочной ссуды, въ виду доступности лѣса произвольной вырубкѣ даже безъ вѣдома банка, — значить, и тутъ недоданное банкомъ неизбѣжно обращалось въ крестьянскую доплату; а кромѣ того, слишкомъ опасно было бы выдавать полную, опредѣленную договоромъ продавцовъ съ покупателями сумму, если она, по мнѣнію банка, превышала дѣйствительную цѣну земли.

Возможность начатія ссудной дѣятельности открылась для банка только съ утвержденіемъ объясненной выше инструкции и нормальныхъ цѣнъ. Въ это время, хотя не вся еще подготовительная работа была окончена, но сошли уже тѣ части ея, которыя требовали наибольшаго напряженія труда и которыя безусловно нужны были для первоначальнаго движенія дѣлъ о покупкахъ. Изъ новыхъ законовъ одинъ (о принудительной продажѣ земель за недоимки) не получилъ еще окончательнаго утвержденія, но былъ уже извѣстенъ текстъ его, принятый департаментами государственнаго совѣта. Самый же существенный недостатокъ представлялся въ томъ, что у банка не было еще ни одного рубля денегъ на фактическую выдачу ссудъ. Съ самаго начала своего существованія, т.-е. уже около года, крестьянскій банкъ жилъ въ долгъ, на суммы, позаймствованныя изъ государственнаго банка, которыя предстояло впослѣдствіи возвратить. Всѣ ресурсы крестьянскаго банка по закону состояли въ выпускѣ процентныхъ бумагъ, называвшихся „государственными свидѣтельствами“ этого банка, но такихъ свидѣтельствъ хотя изготовлено было на пять милліоновъ рублей, а въ обращеніе не выпущено еще ни одного. Ни публичной подписки на эти бумаги не объявлялось, ни продажи ихъ по частямъ не производилось, — слѣдовательно, и выручки за эти бумаги поступать не могло. Да значительный выпускъ ихъ былъ и неудобенъ прежде выдачи ссудъ, потому что по бумагамъ, пущеннымъ въ публику, надо платить проценты, тогда какъ при отсутствіи еще заемщиковъ — некому было дѣлать денежные взносы на уплату этихъ процентовъ. Размѣръ выпуска „свидѣтельствъ“ считалось нужнымъ держать въ строгомъ соотвѣтствіи съ текущими итогами выданныхъ ссудъ. — Однако, какъ ни серьезны казались эти обстоятельства съ виду, фактическое значеніе представляемыхъ ими препятствій сильно умялось тѣмъ, что они могли затруднять не начальные, а лишь послѣдніе акты процедуры земельныхъ сдѣлокъ. Фактическая выдача ссудныхъ суммъ требовалась уже послѣ совершенія купчихъ крѣпостей, которому въ каждомъ дѣлѣ предшествовалъ, по крайней мѣрѣ, мѣсячный

процессъ предварительныхъ дѣйствій (разсмотрѣніе условій, оцѣнка, разрѣшеніе ссуды и т. под.). Стало быть, начать пріемъ и движеніе сдѣлокъ можно было немедленно, съ тѣмъ, чтобы потомъ выработать порядокъ выдачи ссудныхъ денегъ къ моменту первыхъ купчихъ крѣпостей. А съ опозданіемъ закона о продажѣ земель за недоимки и вовсе не было надобности считаться, такъ какъ примѣненіе этого закона могло потребоваться не раньше, какъ черезъ годъ, когда недоимки по будущимъ ссудамъ успѣютъ уже образоваться и выйти изъ предѣловъ терпимости. На мѣстахъ же, къ пріему и движенію сдѣлокъ затрудненій не видѣлось: предсѣдатели банковыхъ отдѣленій, работавшіе при совѣтѣ, были отпущены въ свои губерніи, для устройства отдѣленіямъ помѣщеній, для образованія состава служащихъ и т. под., и томились въ ожиданіи появленія кліентовъ со сдѣлками.

Въ виду такого положенія состоялось наконецъ рѣшеніе—объявить открытіе ссудной дѣятельности банка съ 10-го апрѣля 1883 года, т.-е. черезъ три дня послѣ утвержденія инструкціи. Мѣстнымъ отдѣленіямъ поручено было принимать съ этого дня отъ крестьянъ сдѣлки о покупкѣ земли и давать имъ дальнѣйшее движеніе. Порядокъ же самой выдачи ссудныхъ денегъ послѣ того установленъ былъ такой: по совершеніи купчихъ крѣпостей, эти деньги, по требованіямъ крестьянскаго банка, выдаются изъ учрежденій государственнаго банка, а послѣдній возвращаетъ ихъ себѣ путемъ продажи на соответствующія суммы хранящихся у него „государственныхъ свидѣтельствъ“ крестьянскаго банка.

Итакъ, все было налажено и наступилъ періодъ нѣкотораго затишья. Намъ оставалось ждать — какъ отвѣтитъ на нашу работу сама жизнь: пойдетъ ли новое въ Россіи дѣло широко, или не оправдаетъ ожиданій, двинутся ли земельныя покупки гладко, успѣшно, или станутъ еще тормазиться чѣмъ-нибудь непредусмотрѣннымъ?

Наконецъ, пришла въ совѣтъ и первая земельная сдѣлка. Помню, что это была покупка земли крестьянами дер. Столбовахи, полтавской губерніи, кременчугскаго уѣзда. Съ полученіемъ этого дѣла, мы всѣ вмѣстѣ и каждый порознь принялись разсматривать его съ особеннымъ интересомъ, какъ пріятную и давно желанную новинку, какъ первую весеннюю ласточку. Почувствовалось нѣчто въ родѣ торжества отъ сознанія, что вотъ дѣло, о которомъ десятки лѣтъ приходилось только гадать,—стало осязательнымъ, жизненнымъ фактомъ и нашъ трудъ по устройству банка началъ дѣйствительно служить народной массѣ. Среди

нашихъ довольныхъ лицъ, у одного только нашего товарища Паскалова, помню, сорвалось, между прочимъ, вскользь, выраженіе досады: „Эхъ! пришло первое дѣло *тринадцатаго* числа, да еще *мая* мѣсяца и притомъ въ *пятницу*, — плохая примѣта для начала!“

За первымъ дѣломъ не замедлили другія, хотя не всѣ одинаково удачныя, и работа у насъ стала возрастать такъ чувствительно, что очень скоро понадобилось увеличеніе канцелярскихъ и счетныхъ силъ, которое потомъ шло уже изъ года въ годъ. Если члены совѣта еще нѣкоторое время усиливались входить во всѣ мелочи — до того, что сами лично составляли доклады совѣту по каждой отдѣльной покупкѣ, надѣясь при этомъ зорче подмѣчать тѣ или другія явленія, — то это въ томъ же году оказалось уже непосильнымъ, почему пришлось возложить часть прежнихъ членскихъ функцій на дѣлопроизводителей: Руководствованіе ссудными дѣлами захватывало наши силы болѣе и болѣе, такъ какъ сдѣлки почти вездѣ множились и каждый годъ къ району дѣятельности банка прибавлялось по нѣскольку новыхъ губерній. Кромѣ того, со второго года нашей дѣятельности введенъ былъ у насъ новый обычай: чтобы больше соображаться съ требованіями жизни, ежегодно, каждый изъ насъ отправлялся въ двѣ-три губерніи и тамъ навѣщалъ мѣста состоявшихся крестьянскихъ покупокъ, разузнавая: какъ устанавливается земельно-общественное дѣло, въ чемъ оно встрѣчаетъ затрудненія и что еще нужно для содѣйствія его успѣху? Въ результатъ вырабатывались соотвѣтствующіе законопроекты и распоряженія. — Интересы въ новомъ дѣлѣ вообще отыскивались столько, что можно было въ него погружаться.

Такъ началось въ Россіи дѣло, не имѣвшее примѣра въ прошломъ, мотивированное интересами народа, постепенно разросшееся въ огромную операцію, оказавшее чувствительное вліяніе на судьбы землевладѣнія и само подвергавшееся смѣнамъ различныхъ вліяній въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ. Въ основу этого дѣла положено было немало искренности, доброжелательныхъ усилій и добрыхъ надеждъ, и первые годы его жизни вообще обставлены были довольно благопріятно. Лично у меня осталось объ этомъ немало хорошихъ воспоминаній. Тогдашняя работа наша давала въ значительной мѣрѣ возможность отвлекаться отъ прочихъ современныхъ условій жизни. Хотя вокругъ уже господствовалъ тяжелый реакціонный духъ, но у насъ

можно было до известной степени чувствовать себя какъ бы на особомъ островѣ, отдѣленномъ отъ другихъ сферъ. Хорошее и интересное дѣло, просторъ инициативъ, согласная и энергичная работа внутри нашего учрежденія, а надъ нами — авторитетъ Бунге, отъ котораго всегда ожидалось живое участіе къ нашему дѣлу и пріятливое слово,—все это создавало такую обстановку, среди которой трудъ казался пріятнымъ занятіемъ, и не разъ случалось задавать себѣ вопросъ — да точно ли это казенная служба? Если въ другихъ сферахъ и совершается антипатичное — думалось иногда въ первые годы,—то авось хоть намъ удастся провести въ жизнь нѣчто дѣйствительно полезное, способное помочь той или другой численности нуждающихся людей, къ чему стѣять приложить свои руки!

Только и среди такихъ мыслей тревожили другого рода вопросы: а долго ли можетъ у насъ продержаться и такое островное положеніе? Не основывается ли оно только на случайной, преходящей комбинаціи обстоятельствъ? Вѣдь наше дѣло—такое, что если наладить его можно лишь при особой заботливости, то куда легче его разстроить, обезжизнить или даже такъ вывернуть на иной манеръ, что доминирующее значеніе получить вовсе не помощь крестьянству. Для этого стѣять только власти перейти въ иной рода руки, стѣять только открыть просторъ другимъ мотивамъ. Если у насъ теперь чувствуется довольно хорошо, то не придется ли за это потомъ дорого расплатиться? И внутреннее чувство, выработавшееся подъ вліяніемъ видѣннаго въ прежніе годы, подсказывало: да, нынѣшнее положеніе нельзя прожить безнаказанно, и чѣмъ оно кажется лучше, тѣмъ чувствительнѣе должна быть будущая расплата; общая волна докатится до насъ.

Такъ говорило предчувствіе, а фактическій отвѣтъ былъ впереди.

Ө. Воропоновъ.

РУССКАЯ ОБЩИНА

НА

КАВКАЗСКО-ЧЕРНОМОРСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬЕ

I.

Кавказско-черноморское побережье мы знаемъ по курортнымъ мѣстамъ и посадамъ Туапсе, Сочи, Гагры и проч., но не знаемъ трудовыхъ центровъ побережья, не знаемъ, какъ живетъ поселенный русскій народъ—и въ чемъ его будущее?

Побережье пережило культуры: греческую, римскую, черкесскую и въ настоящее время переживаетъ русскую. Еще въ глубокой древности побережье считалось лакомымъ кусочкомъ для народовъ, страной не только пріятной по климату и роскошной растительности для дачнаго пребыванія извѣженныхъ патриціевъ, но и страной богатой и сильной по производительности и всякимъ естественнымъ богатствамъ. Сколько остатковъ прежняго, отжитаго величія, слѣдовъ заселенности и жизни осталось и теперь еще!..

Но приступимъ къ русской общинѣ и культурѣ.

Мѣстная война кончилась. Кавказъ, а вмѣстѣ съ нимъ и побережье покорены русскими. Черкесы ушли въ Турцію, оставшіеся переселены въ кубанскія степи подъ надзоръ казаковъ. Покончили свою культуру горцы, и съ 60-хъ годовъ побережье начало заселяться русскими. Интересны первые шаги поселенцевъ въ странѣ для нихъ новой, въ совершенно незнакомыхъ

условіяхъ. Они не имѣли понятія о мѣстахъ, куда ѣхали, одни неволею, другіе охотою, не знали, какъ и тѣ, которые ихъ посылали, какъ не знаютъ до сихъ поръ мѣстъ тѣ, „кому вѣдать надлежитъ“. Первые поселенцы были казаки-степняки тогда упраздненнаго шапсугскаго батальона, переведеннаго въ гражданское состояніе. Положеніе 18-го октября 1870 года предоставляло огромныя льготы для поселившихся: при общинномъ земельномъ устройствѣ на каждую душу мужского пола, родившуюся до 1870 г., полагалось въ юрту ¹⁾ по 20 десятинъ, кромѣ одной десятины, отведенной въ полную ихъ собственность (§ 55); общинная же земля была отрѣзана на правахъ крестьянъ-собственниковъ. Въ теченіе 15-ти-лѣтняго срока, считая съ 10-го марта 1866 года, поселенцы освобождались отъ воинскаго постоя, отъ всякихъ гербовыхъ и канцелярскихъ пошлинъ, торговать могли по однимъ льготнымъ свидѣтельствамъ безъ платежа пошлинъ, могли устраивать фабрики и заводы, не подвергаясь никакимъ денежнымъ сборамъ въ казну, и наконецъ освобождались отъ платежа податей и отправления денежной и натуральной повинности.

Вотъ какими льготами пользовались въ новомъ, благодатномъ краѣ первые поселенцы-казаки, которыхъ, если они шли охотою, надѣляли кромѣ всего еще десяти-десятиными „потомственными“ (въ частную собственность) участками. Но этихъ охотниковъ, какъ видно изъ нарѣзаннаго числа участковъ, было не особенно много,—пришлось селить силою, причемъ не пренебрегали порочными по приговорамъ столичныхъ обществъ членами. Такимъ образомъ организовалось 12 большихъ станицъ съ двумя поселками.

Впрочемъ, заселеніе или, вѣрнѣе, *раздача земель* производилась не только простымъ казакамъ, но и офицерамъ упраздненнаго шапсугскаго батальона, которые получили бесплатно въ полную собственность участки земли: штабъ-офицеры по 400, а оберъ-офицеры по 200 десятинъ. Полковники и генералы верстались по 1.000 десятинъ. Но всѣ эти крупные землевладѣльцы рѣшительно никакой сельско-хозяйственной дѣятельности не проявили; нѣкоторые продали задешево жалованныя земли, а другіе, повидимому, ждутъ цѣнъ и владѣютъ огромными лѣсными и береговыми площадями земель, не имѣя на нихъ не только какого-нибудь хозяйства, но даже турлучной хаты для сторожа, ибо эти вельможи предоставляютъ охрану своихъ владѣній мѣстнымъ

¹⁾ Юрту—мірская земля.

лавочникамъ, платя имъ по 100 и даже по 50 руб. жалованья въ годъ.

Мнѣ приходилось дѣлать десятки верстъ пѣшкомъ по берегу моря. Идешь, идешь—скалы да лѣсъ, и нѣтъ ни жилья, ни человѣка. Потомъ спросишь:—Чьи эти земли?—„Такого-то генерала или князя!“—Отчего же пустуютъ такіа прекрасныя береговья угодья?—„Да такъ,—отвѣчаютъ мѣстные жители:—прежде греки потихоньку табакомъ занимались, а теперь никого нѣтъ!..“ Не мало земель принадлежитъ министерству государственныхъ имуществъ: въ горахъ такіа земли тоже пустыньны, а по берегу нарѣзаны культурные участки въ размѣрѣ около 10 и болѣе десятинъ, сдаваемые на льготныхъ условіяхъ частнымъ лицамъ подъ высшіа культуры. Но слабо прививается и двигается эта высшая культура, вслѣдствіе отсутствія дорогъ и, потому, дороговизны на самыя необходимыя предметы потребленія и строительные и другіе матеріалы. Морской путь почти не эксплуатируется для сельско-хозяйственныхъ потребностей, пароходы идутъ мимо селеній и культурныхъ участковъ и, точно издѣваясь надъ несчастными хозяевами, идутъ близко, въ какой-нибудь верстѣ отъ берега! Кромѣ того, дорогъ перпендикулярныхъ новороссійско-сухумскому шоссе нѣтъ, хотя прежде, при черкесахъ, таковыя были и содержались въ прочномъ порядкѣ. Я лично въ горахъ на охотѣ находилъ совершенно сохранившіеся каменные мосты, которые такъ заросли, что нельзя и подозрѣвать было о ихъ существованіи, еслибы не старый, мѣстный охотникъ, который мнѣ указалъ эти мосты въ непроходимой теперь горной глуши. Вообще, черкесы свои многочисленныя горныя дороги содержали хорошо, объ источникахъ заботились чрезвычайно и лѣсоисстребленіемъ не занимались. Русскіе первые поселенцы не только не поддерживали черкесской культуры, для нихъ полезной и прямо необходимой, но уничтожили даже слѣды жилищъ и дорогъ непріятеля.

Что же дѣлали на первыхъ порахъ поселенцы? Первые четыре года—ничего. Высадили ихъ по береговымъ „щелямъ“, указали имъ „рукой“ земли и, прибавивъ, что все это—ваше, живите, молъ, работайте и будетъ вамъ хорошо! Ни указаній, ни совѣтовъ, о какихъ бы то ни было инструкторахъ не было ни рѣчи, „ни думки“. Съ ними вмѣстѣ поселились священники и фельдшера, да еще начальники изъ бывшихъ офицеровъ. Кругомъ—горы, дремучій лѣсъ и море, все незнакомыя картины для степняковъ. Что имъ дѣлать? Стали они „робить“ хаты и балаганы по низменностямъ около рѣчекъ, гдѣ никогда не се-

лились черкесы, занимая жилищами своими возвышенности надъ низинами, въ которыхъ они разводили сады и разрабатывали поля. Русскіе, напротивъ, поставили хаты въ самыхъ низкихъ мѣстахъ, ниже даже уровня моря, и, разумѣется, en masse заболѣли лихорадками. Священники и фельдшера пригодились, дѣйствительно, очень скоро: одни лечили, другіе хоронили, ибо лихорадки при такихъ условіяхъ выражались осложненіями, которыя вели въ могилу. „Много насъ тогда перемерло, охъ, много!“ — рассказывали мнѣ оставшіеся въ живыхъ поселенцы. — „Повѣрите ли, бывало, всѣ лежимъ, подняться нѣтъ силъ и воды некому подать... Чтѣ дѣтей похоронили,—такъ и валились ребята!.. Послѣ—ничего, обтерпѣлись!“

Но я долженъ прибавить, что и теперь отъ лихорадокъ страдаютъ главнымъ образомъ первые поселенцы, старожилы, которыхъ усадьбы находятся въ ямахъ, между возвышенностями, среди густой, непроходимой чащи фруктовыхъ деревьевъ и непремѣнно около рѣчки. Кое-гдѣ еще оставались черкесы, которые уводили скоть у переселенцевъ. На первыхъ порахъ бывшимъ казакамъ пришлось обороняться отъ горцевъ, имѣть съ ними враждебныя столкновенія въ горахъ, разыскивать еще существовавшіе аулы. Вотъ во время этихъ экспедицій поселенцы находили нѣкоторые запасы зерна, оставленные невольными эмигрантами-горцами, и цвѣтущіе, великолѣпные фруктовые ихъ сады.

— Чтѣ было фруктовъ,—рассказывали мнѣ старожилы,—и, Боже мой! По 25 пудовъ и болѣе яблокъ и бергамотъ съ дерева брали... Некуда фруктовъ было дѣвать!.. Возить стали въ городъ... Это, впрочемъ, послѣ, когда провіантъ перестали выдавать.

Первые поселенцы въ теченіе четырехъ лѣтъ получали солдатскій паекъ по 1 п. 32 ф. муки и по 8½ фунтовъ крупы на человѣка, причемъ полный паекъ считался отъ семилѣтняго возраста, а до тѣхъ поръ дѣти все-таки получали полъ-пая. Для перевозки изъ Кубанской области многочисленнаго провіанта въ построенные склады была организована береговая флотилія на казенныя средства, существующая и понынѣ на ту же субсидію, но рѣшительно ничего для населенія не работающая, а служащая интересамъ богатѣйшаго акціонернаго „Русскаго Общества пароходства и торговли“, очень извѣстнаго, какъ въ текущей прессѣ, такъ и мѣстнымъ береговымъ жителямъ Чернаго моря, своими отрицательными отношеніями. Другими словами, это Общество существуетъ исключительно для своихъ акціонеровъ, ихъ интересовъ, но не для развитія края, причемъ оно—монопольное.

Итакъ, поселенцы были обеспечены мукой, крупой, превосходными фруктами и рыбой, въ изобиліи живущей въ морѣ и рѣчкахъ.

— Я былъ грамотный,—разсказывалъ мнѣ казакъ-переселенецъ, завѣдывающій раздачей провіанта въ одной изъ станицъ, и потому былъ назначенъ по выдачѣ пайковъ. Дѣла было много... разные счета и расчеты... Бывало, въ семьѣ родится хлопецъ, сейчасъ же его батько бѣжитъ ко мнѣ: „Пиши,—говорить,—вноси въ списки ѣдока!“—дня, вѣдь, не пропуститъ, бисовъ сынъ!

— А что, хватало пайковъ? не голодали поселенцы?..

— И, что вы!.. не тільки хватало, оставалось дюже... Скільки тѣхъ пайковъ пропивалось... Квитки можно было мѣнять на что угодно, въ магазинѣ всякаго товара было!.. горілка тоже!..

— А что, отъ лихорадки въ вашей станицѣ добре помирали?

— Изъ 888 человѣкъ въ нашей станицѣ за два, кажется, года померло около 200 человѣкъ. Это взрослыхъ, а дѣтей—пропастъ!..

— Много садовъ оставили черкесы?

— Много... хо-оррошіе сады... Если бы не порубили, я по сіе время фруктовъ хватило бы на всѣхъ!.. Теперь пооставалось мало, которые послѣ запрета...

— Зачѣмъ же было рубить фруктовыхъ деревья, когда кругомъ лѣса сколько угодно!?

— Зачѣмъ?!—усмѣхаясь, отвѣчалъ мнѣ старожилъ.—А за тѣмъ, что не хотѣлось „лѣзти“ на дерево, чтобы сымать фрукты; а срубилъ, значитъ и собралъ съ лежакаго дерева прямо на фуру, да и айда!.. Многіе такъ дѣлали!.. Послѣ, когда перестала казна паекъ выдавать, когда на свои средства кормиться стали, вотъ тогда и взялись за умъ, и запретъ положили, и штрафъ...

— Какой запретъ?

— Мірской!..—приговоръ, значитъ! Всѣ черкесскіе, какіе ближніе, сады по дворамъ надѣльными подѣлили, и кто у кого фрукту чужую сниметъ, съ того 10 р. въ общество штрафъ... Еще бы, когда послѣ казеннаго пайка насъ черкесская фрукта кормить стала, и мы стали ее беречь!

— Какимъ же это образомъ?

— Очень просто! Стали возить, да и теперь возимъ яблоки и бергамоты въ Екатеринодаръ и мѣняемъ на муку, пудъ на пудъ выходить... Когда на фрукту урожай, мы всегда съ хлѣбомъ, который у насъ въ лавкахъ продается по 1 р. 60 к. пудъ... А какой хлѣбъ? сами видѣли!..

— Да, мука не важная! — согласился я.

— Вотъ изъ-за хлѣба-то мы и бьемся, и вспоминаемъ наши кубанскія степи. Въ горахъ пшеница если и родить, — то мышъ ее поѣсть, то ливнемъ весной снесетъ... Трудно надѣяться на здѣшніе урожан хлѣба!..

— А хлѣбъ всѣ сѣютъ?

— А какъ же!?. Извѣстно, — всѣ жители...

— А сады не разводятъ?

— Мало кто!.. Почти можно сказать, что этимъ не занимаются.

Считаю нелишнимъ для характеристики первыхъ поселенцевъ-казаковъ привести довольно оригинальный фактъ. Когда наступило время поселенцамъ стать на свои хозяйскія ноги, когда пришла пора окончанія выдачи казенной помощи натурой, то остроумные казаки заявили по начальству, что пшеница на горной землѣ совершенно не родить, а имъ безъ хлѣба жить невозможно. Тогда посланъ былъ чиновникъ, при которомъ поселенцы должны были посѣять выданную имъ пшеницу. Чтѣ же они сдѣлали?.. Предварительно обварили зерно въ кипяткѣ, а затѣмъ посѣяли. Пшеница, конечно, не родила, чтѣ имъ дало возможность еще годъ прожить на казенныхъ хлѣбахъ, хотя ихъ хитроумная продѣлка была узнана властями впослѣдствіи. Съ тѣхъ поръ началась самостоятельная жизнь первыхъ поселенцевъ, жизнь, по правдѣ сказать, трудная, безъ дорогъ, безъ близкихъ рынковъ; выручали одни только черкесскіе фрукты, когда по осени поселенскія фуры изъ новороссійскаго (нынѣшняго) округа тянулись въ Новороссійскъ, а изъ туапсинскаго въ Еватеринодаръ черезъ горные перевалы по труднымъ дорогамъ.

Такъ прошло время до проведенія такъ называемаго голоднаго шоссе (отъ Новороссійска до Сухума) въ 1891 году и до прибытія изъ Россіи новыхъ поселенцевъ, которые извѣстны на побережьи подъ именемъ новоселовъ. Еще черноморская губернія не организовалась, и побережье принадлежало къ Кубанской области, какъ черноморскій округъ. Губернія же объявилась только въ 1896 году. Въ то время были назначены попечители, изъ которыхъ проявилъ нѣкоторую дѣятельность М. Ф. Пенчулъ. Онъ раздѣлывалъ по станицамъ, раздавалъ для посадки деревья, но, къ сожалѣнію, изъ этого почти ничего не вышло, — поселяне расчищали лѣсъ и сѣяли пшеницу. Фруктовыя деревья садили немногіе, хотя самые тонкіе французскіе сорта принимались и шли прекрасно безъ всякаго со стороны поселенцевъ ухода.

II.

Конецъ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ ознаменовались приливомъ новыхъ поселенцевъ, которыхъ при самомъ ихъ первомъ появленіи принимали въ свое общество старые жители по приговорамъ, взимая съ каждой семьи по 25 рублей. Затѣмъ мѣстное начальство селило пришлыхъ изъ Россіи людей по приказу, селило въ тѣ же станицы казаковъ-старожиловъ.

Но эти новые поселенцы селились уже на другихъ условіяхъ, а именно на основаніи „Положенія“, Высочайше утвержденного, 10 марта 1866 года, причемъ надѣлъ производился не на душу, а на дворъ или семью по 30 десятинъ болѣе или менѣе удобной земли, какъ пахотной, такъ и сѣнокосной. Но этихъ подворныхъ надѣловъ новоселамъ не отрѣзали, а они, поступивъ въ общество, получали одну, двѣ десятины подъ расчиску земли изъ-подъ лѣса. Прежде чѣмъ обдѣлать землю подъ пашни, нужно было корчевать лѣсъ, а корчевка въ горахъ—трудная, ибо на побережьѣ крѣпка и почва, и растительность.

Новоселамъ подъ ихъ усадебныя мѣста обществомъ указывалась земля въ количествѣ 800 кв. сажень около жилищъ старо-селовъ. Такимъ образомъ росли станицы, застраивались, и старо-и новожилы составляли одно общество, платя одинаковыя мірскія, но различныя казенныя подати. Около этого времени начальникъ черноморскаго округа, грекъ Никифораки, выписывалъ изъ Малой Азіи и селилъ на побережьѣ грековъ, какъ и русскихъ новоселовъ, на основаніи „Положенія“ 10 марта 1866 г. Кромѣ грековъ, въ половинѣ 80-хъ годовъ были поселены чехи, поляки и эстонцы. Послѣдніе, надѣленные также тридцатидесятиными надѣлами на семью, были поселены отдѣльно, составляя самостоятельныя земледѣльческія колоніи, но также на условіяхъ общиннаго землевладѣнія.

Чтобы лучше уяснить читателю характеръ русской общины на побережьѣ, я возьму одну изъ большихъ станицъ туапсинскаго округа, которую я изучилъ детально. Тогда легко понять ту земельную неурядицу, которая ведетъ русскую культуру на побережьѣ къ отрицательнымъ результатамъ и при которой невозможно ждать производительнаго труда и болѣе или менѣе стройнаго хозяйства, согласно мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ.

Станица или селеніе, которое я теперь буду описывать.

большое—болѣе 200 дворовъ,—съ населеніемъ вмѣстѣ съ иногородними насчитываетъ болѣе 1.400 душъ обоюго пола, причемъ старожиловъ 548 душъ, а новожиловъ 730 душъ, остальное число жителей приходится на посторонній общиннѣ элементъ: на дачниковъ, рабочихъ, духовенство, полицію, лавочниковъ и проч. Какъ я уже упоминалъ, старожилы живутъ въ самыхъ низкихъ мѣстахъ станицы, новожилы—ближе къ морю, тоже около рѣчки; лишь нѣкоторые изъ нихъ поставили хаты по возвышеннымъ мѣстамъ, гдѣ сравнительно сухо и видъ на море великолѣпный, чѣмъ, впрочемъ, интересуется развѣ рѣдкій житель селенія. Степняки не любятъ моря и горъ, причемъ расчищенные въ горахъ мѣста подъ посѣвы они называютъ *степью*.

— Гдѣ твой батько!—спросишь мальчика около хаты.

— На степу!—отвѣчаетъ малый или жена поселеннина.

Вокругъ старожильскихъ хатъ растутъ сильныя черкесскія яблони и груши, которыя такъ разрослись, что переплетаются вѣтвями другъ съ другомъ; нѣкоторыя вѣтви засохли, но хозяева не обрѣзаютъ ихъ и фруктовыхъ деревьевъ не окапываютъ. Но удивительно: растутъ и даютъ изобильные урожаи прекрасныхъ плодовъ эти полудикія черкесскія деревья. Изрѣдка встрѣтятся груша французскаго происхожденія, тоже урожайная безъ ухода. Откуда? Раздавалъ попечитель Пенчулъ, посадили и растутъ, и „рясно“ даетъ плоды! Однимъ словомъ, при самомъ бѣгломъ осмотрѣ совершенно ясно, что сама природа создала это мѣсто для высшихъ культуръ плодоводства и виноградарства, но поселяне совершенно глухи къ этому и многолѣтними культурами не занимаются, сосредоточивъ всѣ свои интересы „въ степи“, гдѣ пшеница и ихъ баштаны. Вы не думайте, что это происходитъ отъ невѣжества и ихъ полного непониманія собственныхъ интересовъ; нѣтъ, здѣсь другія причины, исключительно земельныя, о которыхъ будетъ рѣчь впереди.

Итакъ, разнородная, разнохарактерная община работаетъ „на степи“, высшими культурами не занимается. Какъ же распределены ихъ земли? участками? поровну? по передѣлу?—Рѣшительно никакого порядка въ этомъ общинномъ владѣніи нѣтъ, нѣтъ ничего похожаго на великорусское равненіе общинное, и нѣтъ ничего хоть сколько-нибудь похожаго на земельную справедливость.

Старожилы владѣютъ участками большею частью близкими къ селенію, хотя таковыя имѣются и у новожиловъ, пришедшихъ раньше: такъ что старо- и новожилы „въ степи“ владѣютъ смежно, да и тамъ дальше вмѣстѣ съ новожилами работаютъ и

старожила, однимъ словомъ, владѣніе земель мірской—смѣшанное, безъ раздѣленія старыхъ поселенцевъ отъ новыхъ. Конечно, у всякаго старожила въ юрту имѣется участокъ, у одного по размѣрамъ больше, у другого меньше; владѣтъ каждый тѣмъ количествомъ, которое онъ занялъ и расчистилъ изъ-подъ тѣса, когда земли было много вольной и когда новожиловъ было немного или они еще вовсе не приходили. Такимъ образомъ, у одного въ пользованіи 5 десятинъ, у другого—10 и болѣе, а у третьяго—3 и даже одна десятина. Это у старожиловъ. А у новожиловъ и того хуже: одни имѣютъ въ пользованіи нѣсколько десятинъ, другіе съ грѣхомъ пополамъ владѣютъ по одной и по полторы десятины, а нѣкоторые, и немало такихъ, не имѣютъ вовсе надѣльной земли, хотя всѣ подати сполна платятъ наравнѣ съ пользующимися землею. Можете себѣ представить мірское согласіе въ такой общинѣ при такихъ земельныхъ условіяхъ, и если къ этому еще прибавить, что община составлялась по времени разноплеменная: членами ея и казаки-кубанцы, и крестьяне-хохлы кievской, херсонской, черниговской губерній, и великороссы орловской, курской и др., и все это вмѣстѣ, одни съ землей, другіе безъ земли, хотя по „Положенію“ всѣмъ полагается. Но что дѣлать, когда болѣе или менѣе удобные участки заняты и остаются горы высокія, да скалы, да земля каменистая (известковая), годная для виноградниковъ, но не для посѣва пшеницы.

Надо помнить, что въ горномъ побережьи ведется хозяйство степное,—въ этомъ-то и состоитъ хозяйственная трагикомедія, причемъ такое положеніе вещей до тѣхъ поръ будетъ составлять земельную характеристику побережья, пока будетъ существовать *въ горномъ краѣ степная* и притомъ смѣшанная община!

Въ общинѣ, которую я взялъ, какъ представительницу остальныхъ русскихъ селеній и притомъ безъ греческаго населенія,—что, конечно, подбавляетъ путаницы и несогласія,—въ этой общинѣ всѣхъ старожиловъ 548 душъ обоого пола и новожиловъ 730 душъ. Старожила, какъ крестьяне-собственники, съ 1881 года платятъ подати: а) земельной государственной подати и б) казеннаго земскаго (земства въ черноморской губ. нѣтъ) по 3 р. 39 к. съ надѣльной души, да мірскаго сбора 3 р. 49, итого 6 р. 88 к. Новожила съ каждаго двора мірскаго сбора—такую же цифру 3 р. 49 к., земскаго и оброчной подати 4 р. 46 к., итого 7 р. 95 к. въ годъ. Въ это же общество входятъ двѣ небольшія колоніи чеховъ и поляковъ, о которыхъ я долженъ, спустя немного, сказать нѣсколько словъ. Колонисты поселены тоже на 30-ти-десятинномъ надѣлѣ, какъ и новожила,

но податей платить больше: оброчной подати и земскаго сбора съ двора по 7 р. 96 к. и мірскаго сбора 2 р. 55 к., слѣдовательно, всего въ годъ—10 р. 51.

Такимъ образомъ, выходитъ, что подати казенныя съ членовъ одного и того же общества берутся неравныя, и какъ это ни странно, — съ тѣхъ меньше, кто пользуется землей больше. Ошибка, конечно, была въ томъ, что старо- и новожиловъ селили въ одну общину, а нужно было ихъ выдѣлять порознь, съ нарѣзомъ на каждую по отдѣльному юрту. Немудрено, что въ такой странной, разнохарактерной общинѣ при земельныхъ притязаніяхъ и притомъ вполне законныхъ, какъ со стороны старо-, такъ и новожиловъ, между ними происходятъ постоянныя несогласія рѣшительно по каждому вопросу, даже не касающемуся земельныхъ надѣловъ, ибо неравенство въ пользованіи послѣднихъ составляетъ тотъ тяжелый кошмаръ, который *всегда* виситъ надъ русской общиной на побережьи. Раздѣлить ихъ теперь на два юрта, разрубить пополамъ это хотя и нелѣпое, но живое тѣло, врядъ ли цѣлесообразно, но дѣлать все-таки что-нибудь нужно: такую общину оставлять на побережьи нельзя. Мѣстная администрація, повидимому, пришла къ такому же выводу, ибо въ прошедшемъ (1904) году лѣтомъ были попытки раздѣлить въ земельномъ отношеніи старожиловъ отъ новожиловъ, раздѣлить чертой на правую и лѣвую сторону: по одной сторонѣ будутъ жить и работать старо-, а по другой новожила. Попытки эти въ общемъ потерпѣли неудачу, да и въ самомъ дѣлѣ какой это раздѣлъ, который долженъ повести за собой многочисленные раздѣлы, передѣлы, обмѣны, замѣны земельными участками между всѣми членами общины, короче сказать—*коренной* передѣлъ *всего* юрта, всей земли, какъ старо-, такъ и новожительской. Однѣ общины отъ такого раздѣла отказались; другія, раздѣлившись направо и налево (по рѣчѣ), вступили въ еще болѣе враждебныя отношенія, нежели были прежде, стали требовать выкупа обработанныхъ участковъ, которые перешли отъ обработавшихъ къ неработавшимъ, причемъ первымъ достались участки дѣвственные, которые нужно корчевать, т. е. тянуть мочалу опять сначала! Прибавьте ко всему, что эти земельныя „Монтекки и Капулетти“ между собой породнились посредствомъ браковъ, что они составляютъ и будутъ составлять *одинъ* міръ, *одинъ* приходъ, что всѣ другіе, кромѣ земельныхъ, интересы у нихъ общіе, и что въ неравныхъ земельныхъ правахъ старо- и новожила связаны между собою на всю жизнь крѣпкими узами. Не это ли удивительно?

— Какъ же вы теперь раздѣлитесь?—спрашиваю я у члена удивительной общины.—Что же? у васъ выгонъ и прогонъ будутъ общіе?

— Какое!!—отвѣтилъ общинникъ.—Разные выгоны будутъ... на-чистую надо раздѣлиться, потому—безъ этого нельзя намъ!..

— Какъ же раздѣлиться-то, когда участки ваши перемѣшаны, какъ въ беспорядкѣ пашки, — говорю я. — Вотъ у тебя обработанный участокъ, а ты получишь хмирѣче ¹⁾!..

— Пускай!—отвѣчаетъ мой собесѣдникъ съ отчаяніемъ.— Пускай, лишь бы мой участокъ былъ, какой онъ ни на есть... Я бы, можетъ, фрукты тамъ посадилъ, или виноградъ, когда земля подъ хлѣбъ не годится... Раздѣлиться надо... Сколько годовъ ждемъ земли своей!..

Это говорилъ мнѣ новожилъ. Теперь послушаемъ, что говорить старожилъ.

— У меня участокъ—какъ-разъ для сада... хорошій былъ бы садъ, о, какой хорошій, и я охотникъ заняться бы имъ, не для себя, а для дѣтей выростилъ бы... Какой участокъ! и отъ вѣтра-оста защищенный, а вотъ приходится картофель, кукурузу сажать!..

— Почему?

— Какъ почему?—отвѣтилъ онъ съ удивленіемъ.—При раздѣлѣ, можетъ, мой участокъ отойдетъ къ другому, которому и садикъ мой достанется... Это не дѣло!.. Еслибы семьѣ моей пошелъ, тогда отчего не постараться!..

— Стало-быть вы желали бы, чтобы вашъ юртовой участокъ поступилъ въ вашу полную собственность, и по смерти вашей перешелъ бы къ дѣтямъ по наслѣдству?..

Старикъ совсѣмъ оживился.

— Еще бы не желать!.. Тогда все, и садикъ, и виноградничекъ, все можно обладать... Пускай десять, хоть пять десятинъ удобной земли, остальная будетъ неудобная, но своя, собственная, тогда—совсѣмъ другое дѣло!..

Другой, третій, четвертый старожители говорятъ то же, однимъ словомъ, такъ: „Пусть отдадутъ намъ по двадцати десятинъ ровной земли, удобной и неудобной вмѣстѣ, пусть нарѣжутъ двадцати-десятинные участки—мы сами раздѣлимъ, сами и подъ выпасъ, и подъ прогоны отведемъ, и больше намъ ничего не нужно!.. А теперь сами знаете, какое можетъ быть хозяйство?!.. Самое

¹⁾ Хмирѣче—мѣстное названіе мелкоколѣса съ колючимъ непролазнымъ кустарникомъ.

невѣрное... Вотъ, еслибы не напали къ намъ этихъ новожителей... тогда—еще бы! "... Но уже при послѣднихъ словахъ тонъ благодушнаго мечтателя быстро, при одномъ имени новожителя, переходитъ сразу въ озлобленный.

Что касается новожителей, то они гораздо сговорчивѣе первыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, очень многіе изъ нихъ не имѣютъ ни клочка земли въ юрту и живутъ многіе годы въ ожиданіи, прирабатывая на сторонѣ, занимаясь плотничьимъ дѣломъ, пилкой лѣса и проч.

— Отчего же не похлопочешь объ участіи въ юрту?—спрашиваю я такого новожителя.

— Удобныхъ, говорятъ, земель нѣтъ; указываютъ, вонъ, на тѣ горы, да что я тамъ буду робить?!..

— Отчего же?.. далеко? земля негодная что-ли?..

— Да нѣтъ, земля хорошая!.. Оно, конечно, не близко... Трудная тамъ раскорчевка!..

— Стало быть и прекрасно!.. Взять и работать!..

— Ничего бы! Вода тамъ родниковая, хату можно поставить... Какой баштанъ будетъ!..

Вы слушаете и дивитесь.

— Въ чемъ же дѣло, наконецъ?!

— Раздѣлъ скоро будетъ, тогда мои труды пропадутъ даромъ... Тамъ хоть и далеко, а раскорчеванную землю всякій возьметъ... Надо правду сказать, добрая земля... и вода хорошая!

Дайте такому новоселу участокъ въ полное владѣніе, — онъ не на такой горѣ возьметъ, не посмотритъ на всю тяжесть разработки земли, онъ рукъ не положитъ, пока не вычиститъ все „хмирѣчье“, не повалитъ крѣпкихъ кавказскихъ деревьевъ, пока вполне не устроится на *своемъ мѣстѣ*. А теперь болтается, прирабатываетъ и ждетъ своего надѣла, своей земли, которая отъ него не отойдетъ и которая никакому передѣлу подлежать не будетъ. Что тогда онъ будетъ робить на своемъ участкѣ—это покажетъ будущее, покажутъ его способности и хозяйственные соображенія, хотя степняка трудно оторвать отъ зернового хозяйства и поставить на другую культуру, но время и мѣстные условія сдѣлаютъ свое дѣло, а въ способностяхъ русскаго чело-вѣка природа не обидѣла. Во всякомъ случаѣ будущее крестьянскаго хозяйства на побережьѣ, въ смыслѣ прогресса и устойчивости, никоимъ образомъ не можетъ выразиться при условіи общиннаго землевладѣнія, а тѣмъ болѣе такого, которое роковымъ образомъ создалось на побережьѣ и которое на многіе, многіе годы несомнѣнно будетъ тормозить развитіе края и даже вредно

отражаться на его будущемъ, что мы сейчасъ и постараемся доказать.

III.

Мнѣ возразятъ, что чехи, поляки, эстонцы и вообще колонисты живутъ и устроились на побережьѣ недурно, и ихъ хозяйства, если не процвѣтаютъ, все-таки поставлены хорошо,—а они поселены на томъ же юртовомъ (общинномъ) „Положеніи“ 10 марта 1866 года, какъ и русскіе поселенцы-новожили.

Такъ-то оно такъ, да разница огромная. Начать съ того, что колонисты не внесли съ собой ни малѣйшаго понятія о юртовомъ землепользованіи. Они пришли; положимъ, ихъ было тридцать семей, и они получили, по „Положенію“, юртъ—ровно девятьсотъ десятинъ удобной и неудобной земли. Что же они сдѣлали на первыхъ порахъ? Очень просто,—раздѣлили землю подворно, поровну, отвели подъ выпасъ, кое-что оставили подъ общественнымъ лѣсомъ и начали работать, работать крѣпко, не покладая рукъ своихъ. Развѣ что-либо подобное сдѣлали первые поселенцы, развѣ они подѣлили между собой участки, когда земли было много? Правда, начальство ихъ кормило, о нихъ заботилось, но что изъ этого вышло?! Чехамъ отвели землю и оставили ихъ совершенно въ покоѣ, лишь бы платили подати. Дѣйствительно, за колонистами *никогда* не бываетъ недоимокъ, и всѣ подати они *всегда* вносятъ ранѣе срока, а за русскими поселенцами, старо- и новожилами, почти всегда недоимки казенныя, а изъ мірскихъ они никогда не выходятъ, и ничтожное жалованье писарю (20 рублей въ мѣсяцъ) выплачиваютъ съ натугой. Чехи культивировали землю, приравливаясь къ мѣстнымъ условіямъ, и отлично доказали, что хозяйствовать на побережьѣ можно, да еще какъ, а русскіе устраивались да устраивались и, кромѣ вырубки лѣсовъ на продажу, ровно ни въ чемъ себя не проявили, кромѣ земельныхъ неурядицъ, а вѣдь и тѣ и другіе—въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ; а чехи, принадлежащіе, внѣшнимъ образомъ, къ тому селенію, которое я имѣю въ виду въ этомъ очеркѣ,—даже въ худшихъ условіяхъ, ибо ихъ колоніи въ горахъ, далеко отъ моря—и виноградная культура недоступна, да и фруктовая страдаетъ отъ весеннихъ заморозковъ, а у русскихъ этого нѣтъ—все благопріятно и для виноградарства, и плодородства.

Но послушайте, что говорилъ мнѣ чехъ одной изъ этихъ колоній.

— Мы и нѣсколько польскихъ семей пришли сюда, на побережье, изъ Австріи въ 1884 году, когда трудное житье было здѣсь; шоссе еще не было построено, дороги—плохія, хлѣба достать и за деньги было трудно!.. Пришли мы съ какими достатками?! Капиталовъ никакихъ не было, даже одѣжныя недоставало; кромѣ крѣпкихъ рабочихъ рукъ, да сильнаго желанія свободно хозяйствовать—ничего у насъ не было... Ну, и бѣдствовали по первоначально, сильно бѣдствовали!.. Стали расчищать землю, пшеницу посѣяли, скотину завели, траву на сѣмена выписали, ну, дѣла и пошли—и стало теперь хорошо. Вы видѣли мое хозяйство?.. Лошади добрыя, скота довольно, все есть и денегъ сотъ семь, восемь въ запасѣ всегда найдется. Теперь табакѣмъ почти всѣ занимаемся—дѣло выгодное!..

— Стало-быть, здѣсь выгодно хозяйничать, землей кормиться?..

— Еще бы,—отвѣчалъ колонистъ,—и чѣмъ дальше, тѣмъ выгоднѣе будетъ.

— Отчего же русскіе плохо живутъ?

— Несогласія, земли своей не знаютъ, все дѣлятся, спорять... какъ это можно?! При хозяйствѣ спокойствіе нужно, надо думать, много думать!—прибавилъ серьезно колонистъ.

Дѣйствительно, колонисты—прекрасные, разумные и вполне самостоятельные работники. Въ этомъ я убѣдился при подворномъ изслѣдованіи нѣкоторыхъ колоній. Они довольно скоро приспособились къ мѣстнымъ условіямъ, и хозяйство ведутъ разное: гдѣ виноградная культура, тамъ они занимаются винодѣліемъ, гдѣ фрукты родятъ, тамъ плодоводствомъ, а въ лѣсныхъ мѣстахъ—скотоводствомъ и производствомъ молочныхъ продуктовъ. На черноморскомъ побережьи лучше чешскаго (вообще колонистовъ, которыхъ называютъ чехами) масла не найти, также молока, сметаны и проч.

Въ селеніи русскомъ трудно найти бутылку хорошаго молока, а масла положительно нѣтъ, и немудрено—скотъ худой, заморенный, безъ всякаго ухода и постоянно на подножномъ корму. У чеховъ—наоборотъ, скотъ содержится не только хорошо, но со вниманіемъ и несомнѣннымъ знаніемъ скотоводства. Помѣщенія—просторныя, свѣтлыя, полъ деревянный—такихъ скотныхъ построекъ не имѣется ни въ одной русской станицѣ даже у самаго богатаго поселенина. Стойловое содержаніе скота въ колоніяхъ продолжается въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и навозъ, накопившійся въ помѣщеніяхъ, увозится на поля. Кормится во время зимняго содержанія скотъ отличнымъ сѣномъ изъ сѣянныхъ травъ клевера, люцерны.

Понятно, молочные продукты превосходны.

Кромѣ того, чехи занимаются культурой табака, который считается лучшимъ и на рынкѣ цѣнится (рубля на два пуда) выше поселянскаго табака. Но какая разница въ количествѣ производимаго табака колонистами и русскими? Всѣхъ плантаторовъ-поселянъ въ селеніи, которое я описываю, при наличности болѣе 200 дворовъ, 19 человѣкъ, обрабатывающихъ подъ табакъ земли около 12 десятинъ, а первая колонія при 15 дворахъ и 15 плантаторахъ обрабатываетъ 11 десятинъ, а вторая колонія при 14 дворахъ и 13-ти плантаторахъ обрабатываетъ 8 десятинъ и 1.800 кв. саж. Разница огромная, если принять во вниманіе принадлежащія площади земель: русскіе поселенцы имѣютъ во владѣніи болѣе 7.000 десятинъ, а каждая колонія чеховъ 420—450 десятинъ.

Въ этомъ большомъ прибрежномъ русскомъ селеніи, какъ уже по опыту доказано, виноградъ и фрукты родятся самаго тонкаго, высокаго качества. Но, спрашивается, сколько хозяевъ этимъ дѣломъ занимаются, и какое количество земли подъ означенными культурами находится? Виноградниками — 8 человѣкъ, у которыхъ всего заложено виноградными лозами одна десятина 1.400 кв. саж., причемъ культура ведется самымъ примитивнымъ образомъ, такъ какъ крестьяне о виноградарствѣ, а тѣмъ болѣе о винодѣліи понятія никакого не имѣютъ и научить ихъ некому. Что касается разныхъ инструкторовъ-чиновниковъ, то, живя въ теченіе двухъ лѣтъ въ этомъ самомъ селеніи, я ни разу не видалъ ни одного, хотя слышалъ, что какой-то специалистъ по плодоводству или виноградарству проѣхалъ чрезъ селеніе, черезъ которое, впрочемъ, проходитъ шоссе.

Поселяне отчасти кормятся оставшимися черкесскими садами, которые до сихъ поръ даютъ чудные фрукты, *всегда* имѣющіе сбытъ въ Новороссійскѣ и Екатеринодарѣ. Прекрасно, но сколько завели эти поселяне въ теченіе сорокалѣтняго хозяйства своихъ собственныхъ садовъ въ описываемомъ мною типичномъ русскомъ селеніи побережья? Всего 15 садовъ, занимающихъ площадь 3 десятины 1.650 кв. саж. Но къ этому надо прибавить, что большинство деревьевъ въ означенныхъ садахъ — *старыя черкесскія*. Еще прибавлю, что преобладающими фруктами въ садочкахъ (если не черкесское яблоко и груша) являются сливы и притомъ мелкій, плохой сортъ, такъ какъ черкесскія крупныя, сочныя сливы уже вывелись и имѣются два дерева у одного поселянина-старожила.

Но чтѣ за виноградники у нѣкоторыхъ старожиловъ? По-

кончило свое существованіе столѣтнее дерево орѣха недалеко отъ хаты хозяина, отъ гиганта осталась нижняя часть ствола съ нѣсколькими засохшими вѣтвями, по которымъ пущена „изабелла“. Ну, не оригинальный ли виноградникъ?!..

Но чѣмъ же живутъ русскіе поселенцы на побережьѣ?—спросить читатель.—Вы говорите, хлѣба у нихъ нѣтъ, а если хватаеть, то, слава Богу, до новаго года; табакомъ занимаются немногіе, о плодоводствѣ и виноградарствѣ и говорить нечего; остаются черкесскіе фрукты, которые русскіе мѣняють на хлѣбъ... Ну, а если эти благодѣтельные фрукты не уродаются, тогда что?

Вотъ на этотъ вопросъ я и постараюсь отвѣтить обстоятельно.

Русскіе поселяне побережья или черноморской губерніи занимаются продажей лѣса, притомъ въ весьма солидныхъ размѣрахъ. Торговля эта въ послѣдніе годы вполне организована и лѣсоистребленіе идетъ, что называется, „во всю“. Въ результатѣ горныя рѣки мельчаютъ, а малыя и совсѣмъ пропадаютъ; великолѣпныя родники горныя, что такъ берегли и чѣмъ гордились черкесы, отходятъ въ область преданія; климатъ, измѣняясь, становится болѣе суровымъ зимой, ибо уничтоженіе лѣсовъ даетъ полный просторъ сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, которые безъ поддержки теперь падаютъ въ долины и проч. Истребленіемъ и продажей лѣса поселяне кормятся, уплачивають подати и живутъ сравнительно не дурно, нисколько не думая о разведеніи высшихъ культуръ и вообще о приспособленномъ къ мѣстнымъ условіямъ хозяйствѣ. Чтѣ думать?! Лѣса въ горахъ общественнаго много, на нашъ вѣкъ хватить, а послѣ... а послѣ хоть трава не расти! Когда-то еще раздѣлятся, да передѣлятся, лѣсъ не принадлежитъ ни Ивану, ни Степану, руби его; изводи и давай наживаться мѣстнымъ своимъ кулакамъ и заѣзжимъ скупщикамъ, которые поселились въ русскихъ станицахъ подъ флагомъ мелочныхъ лавочниковъ.

Мнѣ возразятъ: но какъ же рубятъ въ такомъ количествѣ поселяне общественный лѣсъ и кто имъ на это даетъ разрѣшеніе? Какъ кто? Конечно, мѣстное начальство, къ которому поселяне обращаются со слезными просьбами, что хлѣбъ не уродилъ, что нечѣмъ кормиться и нечѣмъ подати платить. Начальство разрѣшаетъ вырубку лѣса по $\frac{1}{8}$ и менѣе десятины на хозяина; чтѣ же, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать, какъ отказать, когда, дѣйствительно, пшеницу мышь съѣла, когда отъ засухи травы не родились и проч.? Чтѣ дѣлать!.. рубите, православные!.. И православные рубятъ, рубятъ и возятъ и день, и ночь, и считаютъ

дрова кубическими саженьями, продавая каждую по 12 рублей. Все это дровяное богатство, среди котораго, да и по большей части, великолѣпные строевые дубовые экземпляры свозятся на морской берегъ, гдѣ складываются въ штабели и приходящими парусными судами и грузовыми пароходами грузятся и увозятся въ Керчь, Мариуполь, Бердянскъ и другіе города. Съ тѣхъ поръ, какъ организовалась правильная лѣсная торговля на побережьи, нѣкоторые поселяне прибрежныхъ станицъ обзавелись фелюгами ¹⁾, посредствомъ которыхъ зарабатываютъ „добре“. Кто же эти лѣсопромышленники и какая почва ихъ создала? Неустойчивость общиннаго хозяйства на побережьи и постоянная нужда въ хлѣбѣ, который притомъ дорогъ, такъ какъ пароходы для экономическихъ надобностей селеній въ ихъ бухты не заходятъ, а всѣ жизненные и хозяйственные продукты доставляются гужевымъ способомъ изъ Кубанской области, Екатеринодара, Керчи черезъ Новороссійскъ.

При крайне ограниченныхъ потребностяхъ въ нашемъ селеніи существуютъ три мелочныхъ лавки, которыя между собой не конкурируютъ и цѣны держатъ высоко. Почему? Да собственно специальная ихъ торговля не въ мелочи, а въ лѣсѣ. Для мелочной торговли въ такомъ селеніи совершенно достаточно одной лавки, но ихъ три. Хитрая механика состоитъ въ томъ, что главный предметъ торговли такого мелочнаго торговца—лѣсъ, подъ который лавочникъ отпускаетъ поселянамъ крупу, муку, разные товары въ долгъ. О цѣнѣ и добротности товара при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи: во-первыхъ—кредитъ, а во-вторыхъ—нужда. Такимъ образомъ, прибрежные общинники мало-по-малу очутились въ рукахъ скупщиковъ лѣса. Лѣсъ—вся надежда русскаго поселянина на побережьи, лѣсъ—вѣрное средство добыть всегда и муки, и чаю, и сахару, и даже одѣжину. Конечно, для такого промысла нужно имѣть пару воловъ или лошадей, пилу, топоръ и только. При такомъ положеніи огромное количество лѣса увозится съ побережья. Лѣтомъ сразу по нѣскольку судовъ приходятъ въ каждое береговое селеніе для погрузки лѣса. Поселяне возятъ, возятъ и вѣтъ конца этому лѣсоистребленію.

Рубятъ лѣсъ сплошь, не молодой, но старый, дубовый, рубятъ, оставляя мелочь, пни и кустарникъ, не корчуя, не раздѣлывая землю подъ пашню. Черезъ нѣсколько лѣтъ, а то и на другой годъ, на мѣстѣ величавыхъ дубовъ образовывается сплошная

¹⁾ Морская лодка, поднимающая до 300 пудовъ груза.

колючка, непролазная, мелкая чаща, через которую ни пройти, ни проѣхать невозможно. Вотъ вамъ и культура!

Но много еще лѣса на побережьѣ: когда-то его еще весь вырубить! Постоянной, непрерывной рубкѣ лѣса въ большой степени помогаютъ наслѣдственные, собственные участки, о которыхъ я упоминалъ выше. Когда запрещено рубить общественный лѣсъ на продажу, то взять лѣсъ съ потомственныхъ участковъ, а поди разбери, гдѣ срублено дерево? Нужно для этого имѣть особый надзоръ, цѣлый пожалуй штатъ надсмотрщиковъ! Кромѣ того, для своей надобности, для постройки, ремонта, наконецъ для отопленія рубить лѣсъ во всякое время можно... И рубить... Рубить и брать часто не по обыкновенной дорогѣ, но черезъ кусты и рѣчки, вокругъ станицы и притомъ ночью. Нѣкоторое время, и довольно продолжительное, я наблюдалъ за однимъ сравнительно зажиточнымъ поселяниномъ, который вмѣстѣ съ сыномъ, на тройкѣ лошадей при двухъ подводахъ, буквально и день и ночь, возилъ окольными дорогами лѣсъ. Я удивлялся и думалъ, когда же, наконецъ, спать эти люди? Станица, неправильно разбросанная по низинамъ и возвышенностямъ, представляетъ любопытную и характерную картину.

Буквально, у cadaго двора хаты близъ воротъ на улицѣ сложены или солидныя бревна, или напиленные дрова, у одного больше, у другого—меньше, но непременно какой-нибудь лѣсъ да сложенъ, конечно, въ ожиданіи отправки къ морю. Если заглянете во внутрь двора, то увидите тоже спиленныя деревья дуба, ольхи, береста и другія. Пойдемте къ морю. На пространствѣ болѣе версты берега—дрова и дрова, помѣченныя, кому принадлежать. Еслибы Калхасъ заглянулъ въ нашу станицу, то сказалъ бы: „Все дрова, дрова!.. слишкомъ много дровъ!“

Но, между тѣмъ, здѣсь все растеть, и производительность почвы въ высокой степени интенсивна и разнообразна. Какая-нибудь одна десятина безусловно можетъ прокормить цѣлое семейство, но для этого хозяинъ-работникъ долженъ обладать нѣкоторыми сельско-хозяйственными знаніями и опытомъ, а бережный поселянинъ, выросшій на административной опека, въ большинствѣ случаевъ вполне безграмотенъ и къ просвѣщенію даже не стремится, несмотря на то, что въ станицѣ два училища: одно двухъ-классное, министерское, другое—церковно-приходское. Въ первомъ учатся мальчики, во второмъ—дѣвочки. Отцы отдають въ школу только маленькихъ, а едва хлопцы подрастають и нѣсколько крѣпнуть, берутъ въ работы или пасти козъ, овецъ,—вообще, дѣло найдется. Да и на что ему грамота,

когда его настоящее и будущее заключаются въ рублѣ и возлѣ лѣса съ горъ на берегъ моря. Льготы по воинской повинности и тѣ не привлекаютъ: въ нашей станицѣ еще ни одинъ ученикъ не выдержалъ экзамена, дающаго право на такую льготу.

IV.

Повторяю, производительность и естественное богатство узкой приморской полосы, куда входитъ черноморская губернія, вѣ всякаго сомнѣнія. Но что же дѣлать? Какъ эксплуатировать благородную природу?

Назадъ тому два года, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія на берегу моря поселился швейцарецъ М. Онъ взялъ въ аренду у частнаго владѣльца землю и сталъ хозяйничать. Уже черезъ годъ пустынный уголокъ сдѣлался цвѣтущимъ. Опытный садоводъ чего-чего только не развелъ на своемъ участкѣ: лучшіе фруктовые сорта плодовъ, декоративные, до семидесяти видовъ розъ и проч. Разводя школу и, внимательно наблюдая, г. М. пришелъ къ заключенію, что лучшаго мѣста для плодоводства, какъ побережье черноморской губерніи, едва ли можно найти въ южной Европѣ.

— Мои двухлѣтніе опыты блестящи,—говорилъ онъ мнѣ:—посмотрите, какъ все растетъ сильно и крѣпко, безыскусственно, такъ какъ я поливки не допускаю. Я долго работалъ въ южной Франціи и Крыму, но такой сильной почвы, такой производительности не встрѣчалъ еще... Здѣсь пріятно работать!

И дѣйствительно, работаетъ человекъ, и люди видятъ это и начинаютъ понимать. За дешевую цѣну у швейцарца можно купить однолѣтнихъ и двухлѣтнихъ фруктовыхъ посадокъ, за совершенные пустыки можно развести роскошный промышленный садъ.

Развелъ небольшой садъ я: всѣ деревья, выдержавъ довольно суровую зиму, принялись превосходно. Какой ростъ и стройность, и сила! Поселяне знали, у кого я приобрѣлъ посадки, и что же? Они стали покупать деревья, чтобы садить около хатъ, однимъ словомъ, разводить на усадебной садовчкѣ.

— Отчего бы вамъ не попробовать заняться садами на надѣльныхъ участкахъ? Я знаю тамъ мѣста прекрасныя...

— Да и мы знаемъ мѣста,—соглашались они,—да Богъ ее знаетъ, разведешь оадъ, а земля отъ тебя отойдетъ... земля-то общественная, сегодня моя, завтра—твоя...

— Можно и общественную землю по приговору общества передѣлить участками надолго, на двѣнадцать лѣтъ, напримѣръ.

— Нѣтъ, такое дѣло не подойдетъ... Табакомъ, вакурузой еще можно заниматься, да и то трудно, а садами и совсѣмъ невозможно...

— А еслибы куртовой участокъ совсѣмъ не отошелъ бы, если онъ обработанъ подъ садъ, виноградникъ?..

— И тогда намъ не съ руки этимъ дѣломъ заниматься... Около дома можно, можно и присмотрѣть, и оберегать, потому мы живемъ въ станицѣ...

— Отчего же не жить тамъ, если будетъ большой садъ?.. Кстати, у васъ тамъ все хозяйство, и посѣвы, и баштанъ...

— Это на „степу“—то жить?!—замѣтилъ еще молодой хозяинъ.—Ой, было бы хорошо, да начальство не позволяетъ!.. Жить надо въ станицѣ, чтобы повинности справлять разные!..

— Развѣ нельзя жить на надѣльныхъ участкахъ?

— Воспрещено! А развѣ садъ безъ надзора можно оставить: сколько тамъ всякаго звѣрья, и медвѣдей, и дикихъ козъ... и зиму и лѣто будутъ хозяйствовать по-своему!..

Приходится задуматься надъ такими обстоятельствами, задуматься и придти къ заключенію о полной недостаточности нашего общиннаго землевладѣнія на побережьи, совершенно не пригодномъ для зерновыхъ культуръ, которыми уже сорокъ лѣтъ пробавляются русскіе поселенцы. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ они по степной привычкѣ колупаютъ одну, двѣ десятины подъ пшеницу, могъ бы расти прекрасный садъ, а тамъ выше, на земляхъ, теперь считающихся безусловно неудобными, развивалась бы тонкая виноградная лоза...

Бѣгло очертивъ русскую общину на побережьи, тяжелыя, запутанныя условія, въ которыхъ эта община пребываетъ въ настоящее время, мы невольно приходимъ къ печальному выводу: только слишкомъ поверхностные наблюдатели не могутъ замѣтить, что сами поселяне тяготеютъ такой формой землевладѣнія и хозяйственный выходъ и свое будущее устойчивое хозяйство видятъ въ подворномъ наслѣдственномъ правѣ владѣнія, притомъ при совершенно свободномъ земледѣльческомъ трудѣ, безъ всякой административной опеки, которая, какъ мы видимъ, до добра не довела и общинное поселенческое хозяйство. Во время моего трехлѣтняго пребыванія и скитанія по русскимъ поселеннымъ центрамъ побережья, во время бесѣдъ съ сельскими жителями, я ни отъ одного русскаго не слышалъ ничего въ защиту общиннаго владѣнія,—рѣшительно всѣ поселяне желаютъ имѣть соб-

ственные участки. На такомъ только принципѣ и возможенъ раздѣлъ переселенцевъ. Правда, нѣкоторые поселенцы на первыхъ порахъ продадутъ свои участки и уйдутъ въ Россію. Можетъ быть, что ихъ скупятъ кулаки и земля такихъ участковъ станетъ предметомъ спекуляціи, будетъ продаваться. Но я не думаю, чтобы такая спекуляція имѣла прочную почву среди трудового элемента, вдали отъ морского берега, за которымъ собственно и гонятся дачники и наѣзжіе культурные люди. Напротивъ, намъ кажется, что трудовые поселки привлекутъ въ свою среду свойственные имъ элементы, которые на своей землѣ, при благопріятномъ климатѣ, потрудятся дѣйствительно надъ высшими культурами. Можетъ быть, культурно-трудовое піонерство внесетъ новый духъ, новую струю, освѣжающую атмосферу косного поселенскаго хозяйства, создавагоса въ новомъ краѣ, благодаря неблагопріятнымъ условіямъ, вслѣдствіе того, что этотъ край не былъ изученъ не только систематически, но даже и поверхностно.

Указывая на полную непригодность на побережьѣ общиннаго землевладѣнія, я долженъ прибавить, что въ принципѣ я не противникъ этой русской исторической формы землевладѣнія. Я совершенно понимаю такую форму въ степныхъ полосахъ при зерновомъ хозяйствѣ и сравнительно однородной по качеству землѣ. Я прекрасно знаю, насколько приспособились наши крестьяне къ совершенно справедливому, точному и сложному (по клинѣмъ) равненію полей и сѣнокосовъ во время передѣловъ, когда принимаются во вниманіе и качество, и отдаленность земель отъ усадебныхъ мѣстъ, и даже топографическія условія надѣловъ. Но попробуйте передѣлать справедливо на основаніи принципа общиннаго землевладѣнія горныя и приморскія земли побережья, гдѣ каждая пядь, каждый кусокъ нѣсколькихъ квадратныхъ сажень представляетъ собой разницу и весьма часто рѣзкую,—напримѣръ, одна и другая полоса, совершенно равныя по количеству, одинаковыя по качеству почвы, находящіяся подъ равными углами наклона, но первая полоса на югъ, а вторая на сѣверъ, и что же? Первая—дорогое для винограднака мѣсто, а вторая рѣшительно ничего не стоитъ: это безусловно неудобная земля. Съ лѣсомъ—наоборотъ: на сѣверныхъ склонахъ растетъ сильный, могучій лѣсъ, а на южныхъ—слабѣ древесная растительность, кустарники богаче, разрастается больше лознякъ, колючка, къ сѣверу же лѣсъ почти чистый.

Вотъ условія для хозяйства, разнообразныя, еще не изслѣдованныя, не изученныя. Въ самомъ дѣлѣ, прошло сорокъ лѣтъ,

а мы не имѣемъ даже простого статистическаго изслѣдованія побережья, края сравнительно небольшого, съ населеніемъ сто тысячъ душъ. Не говоря о томъ, что такой статистическій матеріалъ давалъ бы больше возможности ориентироваться въ тѣхъ вопросахъ, которые я затрагиваю, но свѣдѣнія эти были бы важны для исторіи русской культуры на побережьѣ. Вопросъ о статистическомъ изслѣдованіи былъ затронутъ въ текущей прессѣ; въ февралѣ 1903 г. мною въ статистической комиссіи при „Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ“ былъ прочитанъ докладъ о необходимости экономическаго изслѣдованія черноморскаго побережья, причемъ была представлена программа работы. Но къ такому изслѣдованію, безусловно необходимому, ни мѣстная, ни общая администрація приступить, повидимому, не желаетъ, а земства, какъ извѣстно, въ молодой черноморской губерніи не имѣется. А между тѣмъ въ такой небольшой, но крайне разнообразной по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ губерніи одно только земство и могло бы разрѣшить многочисленные, теперь назрѣвшіе сельско-хозяйственные и экономическіе вопросы. Побережье богато, но оно еще не эксплуатировано русскими по недоразумѣнію и невѣжеству, и его будущее впереди, близкомъ или далекомъ—покажутъ обстоятельства, но что это будущее можетъ быть блестящимъ, и губернія (и все побережье) богатой, дающей, слѣдовательно, государству значительный доходъ—въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь. Но теперь спитъ это знаменитое побережье; пустынно и тихо и въ горахъ, и на морѣ; развѣ въ лѣсу стукъ топора да визгъ пилы нарушаютъ покой дремлющаго царства. Сто тысячъ населенія теперь, да и то голодное, а когда разовьются въ этомъ дивномъ краѣ жизнь и культура, тогда будутъ миллионы людей, которымъ не будетъ тѣсно, ибо они всѣ поглотятся работой. Складъ и особенность сельско-хозяйственныхъ работъ на побережьѣ оригинальны: каждый хозяинъ участка долженъ быть въ то же время и работникомъ, конечно главнымъ, ибо на немъ лежитъ инициатива. Эти условія уже начинаютъ мало-по-малу складываться, а при болѣе благоприятныхъ для свободнаго хозяйства условіяхъ и при наличности земскаго самоуправленія, все живое, съ инициативой, полезной для края, выдвинется на арену общественной дѣятельности. Не бойтесь, и теперь для земства найдутся на побережьѣ люди, а настоящее (не спекулятивное, какъ было до сихъ поръ) оживленіе побережья привлечетъ изъ Россіи настоящихъ культурныхъ работниковъ; откройте, наконецъ, доступъ иностранцамъ, если они знающіе и полезные люди; пусть живутъ

и богатѣютъ и показываютъ русскимъ вѣрные пути эксплуатаціи и процвѣтанія побережья, которое не уйдетъ изъ рукъ русскихъ, особенно когда оно будетъ населенное и цвѣтущее.

Задачи земства на черноморскомъ побережьѣ ясны, какъ божій день: всестороннее изслѣдованіе края въ сельско-хозяйственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, удешевленіе на первыхъ порахъ хлѣба для крестьянъ путемъ устройства земскихъ складовъ для продажи муки (мѣстные лавочники и кулаки продаютъ пудъ муки по 1 р. 60 к., покупая ее въ Екатеринодарѣ 90 к. пудъ). Нужда въ хлѣбѣ такая, что поселяне сами ѣздятъ по непроходимымъ почти горнымъ дорогамъ въ Екатеринодаръ за мукой, теряя при этомъ двѣ недѣли на поѣздки.

По сіе время русскіе поселяне не знаютъ, куда имъ обратиться за сѣменами (травъ) для посѣва, гдѣ купить дешевле и лучше плуги на наличныя деньги. Коммиссіонерами въ нашихъ мѣстахъ являются псаломщики и дьячки, забирая себѣ за коммиссію лихіе проценты. Для разведенія плодовыхъ садовъ и виноградниковъ крестьяне не знаютъ, куда обратиться за саженцами и чубуками (хорошо, что въ нашей округѣ поселился садоводъ-швейцарецъ!). Далѣе, имъ нужно на первыхъ порахъ получить разныя свѣдѣнія и указанія, что можетъ сдѣлать земскій агрономъ, которому работы на побережьѣ будутъ очень много. Далѣе, табачное производство и сбытъ, — который всецѣло теперь находится въ рукахъ скупщиковъ и перекупщиковъ, которые зарабатываютъ болѣе 50⁰/о.

Земство могло бы устроить табачные склады и войти въ непосредственныя сношенія съ фабрикантами, и этотъ огромный % отъ перекупки табака распредѣлился бы между земствомъ и производителями. Земству на побережьѣ много, очень много работы, задачи земства благородныя и крайне реальныя: каждый годъ станеть показывать результаты, видимыя даже для близорукихъ. Въ самомъ дѣлѣ, дороги, необходимость которыхъ сознается ярко и населеніемъ, и администраціей, медицинская помощь, которая поставлена на побережьѣ ниже всякой критики — при одномъ врачѣ на цѣлый округъ. Возможно ли это? Укажите мнѣ такую губернію, гдѣ бы врачъ въ большомъ селеніи (напр., въ нашемъ) могъ бывать одинъ разъ въ годъ, гдѣ нѣтъ ни фельдшерскаго пункта, ни аптеки и гдѣ поселяне сами лечатся, своими средствами!? И это на блестящемъ черноморскомъ побережьѣ, гдѣ чуть не рѣшено было провести страшно дорогую (стоимостью болѣе 200 милліоновъ) желѣзную дорогу, чтобы удовлетворить алчные аппетиты спекуляторовъ! Не напомнила бы

эта желѣзная дорога человѣка голоднаго и въ рубищѣ, но въ блестящемъ фракѣ лучшаго петербургскаго портного!?

Дороги (а не дорога!) дѣйствительно нужны только хозяйственныя, перпендикулярныя къ морю и пути по морю. Земство всецѣло можетъ этимъ заняться и освѣтить всѣ нужды края, давая въ то же время средства вырабатывать ту сельско-хозяйственную единицу, которая вполнѣ бы подходила къ условіямъ той или другой мѣстности побережья. Я не стану говорить объ артельномъ винодѣліи (подвалахъ и орудіяхъ производства), о сбереженіи фруктовъ и проч., — все придетъ въ свое время, только при всѣхъ этихъ экономическихъ и хозяйственныхъ задачахъ не нужно забывать народной школы, которая въ такомъ оригинальномъ краѣ должна имѣть свою фізіономію, должна ближе стоять и выражать жизнь и интересы насущныхъ потребностей населенія. Школа въ высокой степени поможетъ культурѣ побережья, а земство должно выработать ея будущую организацію.

Пора взглянуть на побережье, какъ на богатѣйшую, производительную губернію, при условіяхъ мелкаго культурнаго хозяйства во главѣ съ трудовымъ населеніемъ. Время не ждетъ и Россія должна работать внутри себя и для себя.

С. Васюковъ.

с. Архипоосиповка.

1904 г.

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ

ВОСПОМИНАНІЙ

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ.

I.

...Еще будучи ученикомъ вятской духовной семинаріи, въ философскомъ классѣ, я сгоралъ желаніемъ поступить въ университетъ. И вотъ, въ концѣ августа 1862 года, съ четырьмя рублями въ карманѣ, я отправился на буксирномъ пароходѣ по рѣкѣ Вяткѣ вмѣстѣ съ двумя студентами, Князевымъ и Орловымъ, въ городъ Казань. Въ Казань мы пріѣхали утромъ 6-го сентября и остановились у татарина въ татарской слободѣ, тянущейся вдоль озера Кабана. Мои новые товарищи, студенты, цѣлыхъ два дня ходили искать квартиру какого-то знакомаго имъ чиновника Камкова. На третій день мы наняли ломового извозчика, на котораго взвалили багажъ, а сами пошли пѣшкомъ въ Старую-Горшечную улицу, гдѣ жилъ Камковъ. Квартира наша помѣщалась во флигелѣ, на дворѣ, въ нижнемъ этажѣ, и состояла изъ одной продолговатой комнаты съ однимъ окномъ, на половину спускавшимся ниже уровня земли; поэтому, когда люди шли по двору, намъ видны были только ихъ ноги. Въ комнатѣ стояли два крашеныхъ сурикомъ стула и столъ; ни кроватей для сна, ни какихъ-либо другихъ приспособленій для помѣ-

щенія бѣлья и книгъ не было. Товарищи мои сложили бѣлье и книги на окно, а я весь свой скарбъ сложилъ въ углу, на полу. Изъ книгъ я привезъ съ собой только Шлоссера „Исторію XVIII столѣтія“, подаренную мнѣ А. А. Красовскимъ, и рукописное сочиненіе Фейербаха: „Существо христіанства“. Шлоссера я читалъ и перечитывалъ отъ доски до доски нѣсколько разъ. Спали мы на полу, въ повалку. Въ головы клали всѣ принадлежности остального верхняго туалета. Въ первое время, вмѣсто обѣда, мы ограничивались однимъ чаемъ съ булкой, или же ѣли колбасу съ чернымъ хлѣбомъ. Денегъ у всѣхъ у насъ было мало; я, по крайней мѣрѣ, пріѣхалъ въ Казань, какъ сказано, всего съ четырьмя рублями въ карманѣ.

Мнѣ хотѣлось скорѣе видѣть университетъ. Университетъ притягивалъ меня къ себѣ своей наукой, книгами, которыхъ въ библіотекѣ, какъ мнѣ говорили, было нѣсколько тысячъ. Товарищи мои были второкурсниками, поэтому они знали всѣ университетскіе порядки. Когда я спрашивалъ ихъ, скоро ли мы пойдѣмъ въ университетъ, они отвѣчали: „Успѣемъ еще, — вотъ немножко поустроимся и пойдѣмъ“. Когда я въ первый разъ шелъ къ этому святилищу со своими товарищами, дыханіе у меня сперло отъ волненія, въ душу мою проникалъ какой-то священный, благоговѣйный трепетъ. Занятій еще не было, и мнѣ показали все: библіотеку, анатомическій театръ, аудиторію, физическій кабинетъ. Во дворѣ я увидѣлъ памятникъ Державину съ лирой въ рукѣ и поднятымъ вверхъ челомъ. Въ студенты я, однако, не попалъ, потому что не держалъ экзамена: въ то время семинаристовъ не стали уже принимать прямо въ университетъ съ однимъ повѣрочнымъ экзаменомъ при университетѣ; надо было держать въ гимназій. Но все равно, меня приняли вольнослушателемъ. Деньги за первое полугодіе — двадцать рублей — мнѣ собрали грошами студенты, и я сталъ слушать лекціи по историко-филологическому факультету. Всѣ лекціи я посѣщалъ очень аккуратно, по крайней мѣрѣ въ первое время. Кажется, только за годъ до моего поступленія въ университетъ студенческая форма была совсѣмъ отиѣнена, и студентамъ было предоставлено право одѣваться во что кому угодно. Въ первое время меня крайне поразила пестрота студенческихъ костюмовъ: по корридорамъ и аудиторіямъ пестрили глаза сюртуки, пиджаки, пальто и кучерскія поддѣвки съ плюсовыми шараварами всевозможныхъ цвѣтовъ; изъ-за воротниковъ этихъ костюмовъ выглядывали крахмаленныя рубашки и просто кумачныя и ситцевыя косоворотки.

Изъ профессоровъ филологическаго факультета особенной извѣстностью пользовались Буличъ и Григоровичъ. Буличъ читалъ намъ на первомъ курсѣ исторію „освободительной литературы XVIII столѣтія“. Лекціи отличались живостью, содержательностью и художественностью изложенія; поэтому его аудиторія всегда была полна студентами разныхъ факультетовъ. Интересны были лекціи профессора Фирсова, читавшаго намъ общую исторію, помнится—древнюю; но онъ являлся къ намъ рѣдкимъ гостемъ, поэтому и лекціи его не оставили въ насъ почти никакого слѣда. Онъ чувствовалъ особенное влеченіе къ Бахусу. Бывало, передъ началомъ его лекціи кто-нибудь изъ студентовъ громко объявлялъ въ аудиторіи: „Господа, Фирсовъ сегодня пьянъ и на лекціи не будетъ!“... Мы хохотали и расходились. Въ теченіе трехъ осеннихъ мѣсяцевъ мы только три раза видѣли его на лекціяхъ. Древнюю исторію Греціи читалъ проф. Угянский, скорѣе не читалъ, а рассказывалъ изъ древне-греческой жизни шутливые анекдоты. У меня остались въ памяти нѣсколько игривыхъ выходковъ его о современномъ прогрессѣ, въ который онъ нимало не вѣрилъ. Движеніе впередъ представлялось ему толченіемъ людей на одномъ мѣстѣ, на подобіе вертящейся въ колесѣ бѣлки, воображающей, что она, сидя въ колесѣ и передвигая ногами, бѣжитъ впередъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, стоитъ все на одномъ мѣстѣ.

Щаповская исторія повліяла на профессоровъ въ томъ отношеніи, что они присмирѣли и со студентами стали въ болѣе сдержанные отношенія. Прежде у нѣкоторыхъ изъ профессоровъ бывали еженедѣльно журфиксы, на которые являлись и студенты. Къ Буличу приглашались только избранные изъ студентовъ; напр., аккуратно посѣщалъ его вечера студентъ Осокинъ, впоследствии профессоръ, прославившійся столь незавидной репутаціей; Фирсовъ совсѣмъ пересталъ принимать у себя студентовъ. Начавшіяся послѣ Щаповскаго погрома изолированность и отчужденность между профессорами и студентами продолжали развиваться все сильнѣе и сильнѣе, вслѣдствіе чего студенты каждаго факультета составили свои отдѣльные кружки. Нравственная связь между профессорами и студентами какъ будто порвалась. Душою и центромъ студенческихъ сборищъ былъ кружокъ историко-филологическій, привлекавшій къ себѣ студентовъ изъ другихъ факультетовъ: медицинскаго, юридическаго, естественнаго. У кружка была своя большая библіотека, состоявшая изъ книгъ научнаго и беллетристическаго содержанія. Члены кружка собирались разъ въ недѣлю, по четвергамъ. Здѣсь обсуждались всевозможные во-

просы, касающіеся науки, студенческой жизни, вопросы общественные и политическіе, иногда читались сочиненія научнаго содержанія. Въ бібліотеку выписывались журналы: „Современникъ“, „Русскій Вѣстникъ“, „Атеней“; изъ газетъ: „Петербургскія Вѣдомости“, „Искра“ (Курочкина). Подпольной литературы тогда не существовало, да въ ней не было надобности; единственно, что читалось въ кружкѣ, въ качествѣ полузапрещеннаго изданія,—это „Колоколъ“ Герцена. Студенты тогда еще не были лишены права творить свой собственный судъ и расправу надъ своими виновными товарищами. Пользованіе этимъ правомъ не вело за собой нарушенія общественнаго порядка, тишины и спокойствія обывателей. Всякаго рода предосудительные со стороны студентовъ поступки подвергались обсужденію на собраніи кружка, собиравшагося большею частью въ стѣнахъ же университета, въ курительной комнатѣ; на эти собранія допускались всѣ студенты. Виновный по приговору суда обязывался иногда извиниться въ присутствіи товарищей передъ тѣмъ, кого онъ оскорбилъ; за болѣе крупныя поступки подвергался публичному выговору, временному удаленію изъ университета или даже исключенію изъ него навсегда, о чемъ и сообщалось студентами коллегіи профессоровъ или ректору. При мнѣ былъ только одинъ случай удаленія студента изъ университета за публичное и вторичное оскорбленіе студентомъ одной дѣвушки.

Между студентами я нашелъ себѣ очень хорошихъ друзей въ лицѣ К. В. Лаврскаго и Бирюкова, которые, „въ минуту жизни трудную“, помогали мнѣ всѣмъ, чѣмъ могли, готовы были дѣлиться со мной даже послѣдней рубашкой. Помню, К. В. Лаврскій послалъ свою статейку въ только-что появившуюся тогда газету „Очерки“, издававшуюся Елисеевымъ. Статью напечатали и прислали 29 рублей гонорара въ конвертѣ съ сургучной печатью, на которой рельефно отпечатлѣлись слова: „Вѣрь и надѣйся“. Почти всѣ эти деньги онъ передалъ мнѣ... хотя самъ сильно нуждался въ нихъ; но ему помогалъ братъ, профессоръ семинаріи, Валеріанъ Викторовичъ, нынѣ протоіерей кафедральнаго собора въ г. Самарѣ. Бирюковъ, сынъ дьячка, въ пермской губерніи, былъ сущій бѣднякъ. По фізіономіи, по манерамъ, образу жизни и даже по оборотамъ рѣчи это былъ типъ мужика-пермяка, котораго такъ прекрасно обрисовалъ Рѣшетниковъ въ своихъ очеркахъ. Онъ пробавлялся ничтожнымъ урокомъ, оплачиваемымъ 10 или 15 рублями въ мѣсяцъ; но и этими деньгами онъ дѣлился съ нуждающимися студентами. Люди очень развитые, безпредѣльно добрые ко всѣмъ нуждающимся, во всемъ

искавшіе прекраснаго, даже въ самомъ отверженномъ существѣ искавшіе искры Божіей,—это были ученики Щапова. Нравственное обаяніе личности Щапова, его огненная рѣчь къ студентамъ о необходимости изученія русскаго мужика, его нужды, его утвеннаго просвѣщенія сдѣлали изъ нихъ истыхъ демократовъ, борцовъ за права угнетенныхъ и униженныхъ. Они жили, думали идеями Щапова. Такихъ, впрочемъ, было немного. Большинство, т.-е. тѣ, которые увлекались идеями, лекціями Щапова, послали его чуть ли не на рукахъ; но теперь, когда надъ нимъ стряслось несчастье, отвернулись отъ него, даже избѣгали говорить о немъ, сдѣлались карьеристами, хотя и остались либералами. Бирюковъ въ послѣдствіи (спустя пять лѣтъ) сдѣлался жертвой алкоголизма, страшной, неизлечимой болѣзни. Онъ пилъ и пилъ, пилъ до того, что спустилъ съ себя все... Ходилъ въ отрепьяхъ, почти полуголый, выключивая у своихъ знакомыхъ и пріятелей „пятачокъ“ на водку. Въ Казани же пьяный, на улицѣ, такъ и умеръ этотъ несчастный, котораго никакъ не могъ спасти его другъ, К. В. Лаврскій, много разъ напрасно пытавшійся обратить его на истинный путь, поддержать его доставленіемъ ему работы и пр. Въ началѣ 1863 года я неожиданно получилъ изъ вятской семинаріи отъ товарищей письмо со вложеніемъ двадцати рублей и посылку съ бѣльемъ. Они извѣщали меня, что, узнавъ о моемъ положеніи, „мигомъ устроили между собой подписку и собрали прилагаемое при семъ“; бѣлье тоже собрали по подпискѣ, такъ какъ узнали, что все бѣлье свое я оставилъ въ повозкѣ при переѣздѣ на квартиру А. А. Красовскаго ¹⁾; его кто-то взялъ. Это вниманіе моихъ товарищей по семинаріи глубоко растрогало меня... А. А. Красовскій, съ своей стороны, тоже не забывалъ меня своими письмами и деньгами. Въ каждомъ своемъ письмѣ онъ ободрялъ меня, совѣтовалъ стремиться впередъ, рисовалъ мнѣ свѣтлое будущее...

Съ 17 марта 1863 года университетская жизнь моя неожиданно прерывается...

Пріѣхавшая изъ Петербурга слѣдственная коммиссія ²⁾ обвинила насъ, 15—17 человѣкъ студентовъ, ни больше, ни меньше, какъ въ вооруженномъ возстаніи въ городѣ Казани. Такъ, по крайней мѣрѣ, значилось въ заголовкѣ огромнаго бумажнаго

¹⁾ Преподаватель вятской духовной семинаріи. Объ А. А. Красовскомъ см. въ „Моихъ Воспоминаніяхъ“, напечатанныхъ въ „Мірѣ Божьемъ“, 1896 года, въ IX и X кн.

²⁾ Коммиссія состояла изъ слѣдующихъ лицъ: тайнаго совѣтника Жданова (предсѣдателя), полковника Слудскаго и чиновниковъ—Анненскаго и Превлоскаго.

дѣла о насъ въ нѣсколько сотъ листовъ, созданнаго комиссіей. Правда, на студенческихъ сходкахъ мы толковали о свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ, о широкомъ просвѣщеніи народа, о надѣленіи помѣщичьихъ крестьянъ большимъ количествомъ земли, чѣмъ сколько имъ было отведено по уставнымъ грамотамъ; но какъ всего этого достигнуть на практикѣ, мы хорошенько себѣ этого не представляли. Всѣ наши разсужденія носили чисто теоретическій характеръ и никогда въ дѣло не переходили. Это мы говорили и на допросѣ слѣдственной комиссіи.

— Никакого вооруженнаго возстанія вѣдь не было,—говорили мы,—даже не было къ этому и попытокъ. Мы только думали и говорили въ своемъ кружкѣ, что, пожалуй-моль, безъ революціоннаго движенія дѣло не обойдется.

— А развѣ вы не помните, что ходили зимой учиться стрѣльбѣ въ цѣль на мельницу?—возражали намъ.—Что это, по вашему мнѣнію—игрушка что ли?

— Но вѣдь ни одного оружія у насъ не найдено?

— Что за важность! Все равно, ходили на мельницу стрѣлять...

Такъ какъ эта исторія съ ученіемъ стрѣльбѣ въ цѣль сама по себѣ довольно курьезна, то я и попытаюсь передать здѣсь нѣсколько фактовъ изъ того времени.

Не знаю, по чьей инициативѣ, въ нашемъ кружкѣ, состоящемъ, какъ я сказалъ выше, изъ пятнадцати человѣкъ студентовъ, дѣйствительно было рѣшено каждому запастись ружьемъ, все равно какимъ. Я купилъ для себя старое, ржавое ружье на толкучемъ рынкѣ за 1 р. 50 коп. Такъ какъ дуло ружья свободно отдѣлялось отъ ложа, то я и привязалъ его въ двухъ мѣстахъ бичевкой. Какія были ружья у моихъ товарищей—не помню. Зимой 1863 года, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, кажется, въ январѣ, мы собрались, помнится, въ числѣ десяти человѣкъ, съ ружьями на плечахъ, среди бѣла дня и переважно пошли по главной, Воскресенской, улицѣ, въ концѣ которой, передъ крѣпостью, спустились подъ гору и направились къ мельницѣ на рѣкѣ Казанкѣ. Никто на насъ изъ прохожихъ не обратилъ серьезнаго вниманія. Тамъ, на обледенѣлой рѣкѣ любезный мельникъ поставилъ большую, высокую льдину, а къ ней прислонилъ доску, въ которую мы и должны были палить изъ ружей. У меня сильно билось сердце, когда дошла очередь до моей стрѣльбы. Мнѣ зарядили ружье. Не помню, что со мной было, когда я выстрѣлилъ. Я долго лежалъ, оглушенный, на снѣгу; въ ушахъ

и головѣ у меня звенѣло и шумѣло. Дуло ружья было отброшено въ одну сторону, ложе, уже изломанное,—въ другую. Остатковъ ружья я такъ и не подбиралъ, и ушелъ домой съ пустыми руками. „Хорошо, что хоть живъ остался“, думалъ я. Съ тѣхъ поръ мы ни разу не ходили учиться стрѣльбѣ, такъ какъ ни у кого изъ товарищей ружей больше не было. Вотъ этотъ-то эпизодъ изъ нашей жизни и послужилъ поводомъ къ тому, что дѣло наше было окрещено „вооруженнымъ возстаніемъ“.

Члены слѣдственной комиссіи, производившіе слѣдствіе въ теченіе цѣлаго года, многозначительно говорили знатымъ обывателямъ:

— Ну, батенька, хорошо, что мы въ-время предупредили...

— А что?

— Быть бы бѣдѣ...

— Да что же такое?

— Какъ же... предполагалось вооруженное возстаніе... Казань была бы взята... Революція... — при этомъ члены хватали себя за голову.

— У-ж-е-е-л-и?

— Да... самъ Богъ спасъ...

И пошелъ по Казани слухъ о вооруженномъ возстаніи... Помнится, что кто-то изъ профессоровъ казанскаго университета, или бывшій попечитель учебнаго округа, г. Шестаковъ, напечаталъ объ этомъ времени воспоминанія въ „Русской Старинѣ“, въ которыхъ упомянулъ о томъ, что „Казань была объята въ это время ужасомъ“. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду то обстоятельство, что по этому дѣлу о „вооруженномъ возстаніи“ не было арестовано ни одного крестьянина...

II.

Какъ бы то ни было, а 17 марта 1863 года я долженъ былъ разстаться съ университетомъ на цѣлыхъ пять лѣтъ; цѣлыхъ пять лѣтъ мнѣ пришлось сидѣть, вмѣстѣ съ другими семнадцатью моими товарищами, въ четырехъ стѣнахъ. Это было для насъ большимъ горемъ. Но и тамъ, за высокими каменными стѣнами, мы не были лишены возможности продолжать занятіе наукой. Шестидесятые годы были временемъ, когда, случалось, и имѣющіе власть люди жили общечеловѣческими идеалами... Насъ помѣстили въ большую, двухъ-этажную башню, отдѣленную отъ прочихъ тюремныхъ зданій особеннымъ дворомъ, огорожен-

нымъ вбитыми въ землю и заостренными вверху бревнами. Весь свой дворъ мы украсили цвѣточными клумбами, между ними устроили усыпанныя желтымъ пескомъ дорожки, по сторонамъ усадили кустами сирени, акаціи, бузины, крыжовника. Цвѣты росли роскошно и наполняли небольшое дворовое пространство благоуханіемъ; кусты разрослись такъ, что давали густую тѣнь и защиту отъ лѣтняго полуденнаго зноя; тутъ мы сидѣли и коротали длинные лѣтніе дни въ бесѣдѣ о „злобахъ дня“. Только однажды нарушилъ наше мирное житіе генераль Семака, назначенный губернаторомъ въ Казань и вздумавшій посѣтить насъ. Во дворѣ ему очень понравились наши заботы о цвѣтахъ и кустахъ. Стоявшая въ углу кадка съ водой обратила его вниманіе, и онъ спросилъ:

— Зачѣмъ кадка? Зачѣмъ вода?

— Для поливки цвѣтовъ, ваше превосходительство.

— А-а-а!..—Однако, въ головѣ его мелькнула странная мысль: а что, если кусты разростутся со временемъ высоко-высоко, до самой вершины окружающей дворъ каменной ограды, и тогда мы возьмемъ да и перескочимъ по нимъ черезъ ограду... Онъ сейчасъ же велѣлъ всѣ кусты срубить. Тѣни въ нашемъ дворѣ больше не стало, и намъ уже негдѣ стало скрываться отъ палящаго зноя. Но сама природа стала протестовать противъ такого варварства: на будущій годъ лѣтомъ всѣ срубленные, но не искорененные кусты дали отростки и къ концу лѣта опять сильно разрослись и стали давать нѣкоторую тѣнь; къ счастью, и генераль уже больше къ намъ не являлся. Опять мы зажили мирно. Кажется, въ 1865 году къ намъ являлся проѣздомъ изъ Сибири въ Петербургъ баронъ Веліо, вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ Давыдовымъ. Баронъ быстро подбѣгалъ къ нашимъ столамъ, на которыхъ лежали наши книги, схватывалъ и перелистывалъ ихъ, но ничего не сказалъ. Помнится, у меня на столикѣ у кровати лежала англійская книга Милля „On Liberty“, которую баронъ Веліо тоже перелисталъ и положилъ опять на столъ; но на эту книгу почему-то обратилъ особое вниманіе вице-губернаторъ Давыдовъ и взялъ ее съ собою „посмотрѣть“, да такъ и зажилъ. Я дважды писалъ ему прошеніе о возвратѣ книги,—отвѣта не было.

Бѣда была только въ томъ, что мы хотя и могли ежедневно другъ съ другомъ сообщаться, но по временамъ страшно ску-чали, даже и разговоры у насъ не клеились... не хотѣлось даже видѣться другъ съ другомъ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей прекрасно играли на роялѣ, и вотъ однажды намъ пришла

мысль—обратиться къ прокурору Ольдекопу (къ тому самому, который когда-то составилъ русско-французскій словарь), съ ходатайствомъ передъ губернаторомъ,—кажется, Нарышкинымъ,—о томъ, чтобы онъ разрѣшилъ привезти къ намъ въ тюрьму рояль.

— Я былъ, господа, у губернатора, и онъ удивился вашей просьбѣ,—сообщилъ намъ прокуроръ.

— Почему?

— Тюрьма, говорить, не увеселительное заведеніе; на то она и тюрьма, чтобы вы чувствовали нѣкоторое лишеніе.

— А вы бы хорошенько попросили его. Вѣдь въ нашей просьбѣ нѣтъ ничего предосудительнаго.

— Все говорилъ... Не могу я, господа; долженъ подчиняться, будь то хоть палка...

Впрочемъ, изъ затруднительнаго положенія вывелъ насъ прекрасный нашъ знакомый офицеръ Ермолинъ. Каждый вечеръ въ тюрьму являлся новый составъ караульныхъ солдатъ съ офицеромъ для наблюденія за арестантами. Ермолинъ всегда, бывало, по приходѣ въ караулъ, являлся къ намъ въ камеры и проводилъ время въ бесѣдѣ съ нами чуть ли не всю ночь. Это былъ человѣкъ вполнѣ интеллигентный, идеальный, симпатичный, до мозга и костей погруженный въ науку, интересовавшійся всѣми общественными вопросами, всѣми „злобами дня“, волновавшими тогдашнюю лучшую молодежь. Онъ узналъ о нашемъ желаніи достать рояль и сильно задумался надъ этимъ вопросомъ.

— Да, вотъ чтò, господа: въ мое дежурство и валий!—везите рояль.

— Да какъ? Узнаетъ смотритель, губернаторъ...

— Ничуть не бывало. Завтра же въ семь часовъ утра пусть привозятъ рояль на телѣгѣ къ тюремнымъ воротамъ.

— Ну? Не пустятъ провезти... смотритель...

— Я скажу, что рояль привезли въ тюрьму для починки. Вѣдь арестантамъ не запрещены ремесла, даже и столярное.

Дѣйствительно, утромъ на другой день слышимъ у воротъ раздается команда: „Отворяй!—въ починку“. И растворились всѣ трое воротъ.

Музыка у насъ играла большею частью по вечерамъ, такъ какъ днемъ внезапно могло нагрянуть начальство. Во время музыки арестанты выходили изъ своихъ камеръ, садились въ рядъ у воротъ нашего двора и со вниманіемъ слушали мелодическіе звуки...

Мы были распределены по пяти комнатамъ, расположеннымъ въ двухъ этажахъ каменной башни. Со второго этажа изъ

свѣней можно было влѣзть на подволоку въ третій этажъ, гдѣ складывался всякій хламъ: старые, обтрепанные арестантскіе халаты, разбитые горшки, угли и пр. Два оконца, загороженные толстой деревянной рѣшеткой, выходили на одну сторону нашего двора. Такъ какъ башня была выше окружающей тюрьмы стѣны, то изъ верхнихъ оконъ сквозь рѣшетки можно было видѣть половину города Казани, по теченію рѣки Казанки. Въ лѣтнюю пору мы подолгу сидѣли по очереди у этихъ рѣшетокъ и смотрѣли на развертывающуюся передъ нашими глазами панораму городской жизни. Мы слышали стукъ экипажей и говоръ людей, и мысленно переносились воображеніемъ въ эту людскую толпу.

Разумѣется, въ теченіе этихъ пяти лѣтъ, проведенныхъ нами въ башнѣ, много воды утекло. Но и въ нашей башнѣ была ключомъ бурная, кипучая, юношеская жизнь. Мы продолжали тамъ развиваться умственно и нравственно, знакомиться по книгамъ съ тѣми философскими, соціально-экономическими и политическими вопросами, которые волновали насъ внѣ стѣнъ. Прежде, въ стѣнахъ университета, мы воспринимали разныя ученія и теоріи больше юношескимъ сердцемъ и чувствомъ, чѣмъ умомъ; недавно выпущенные изъ средне-учебныхъ заведеній, мы не успѣли еще основательно передумать, переварить въ собственной головѣ и затѣмъ претворить въ кровь и плоть ученія великихъ европейскихъ мыслителей. Мы беззавѣтно вѣрили въ наступающее царство свѣта и свободы и всецѣло отдались этому теченію... Здѣсь въ теченіе пяти лѣтъ мы много пережили, много передумали и перечитали массу книгъ. Тюрьма имѣла для насъ значеніе университета, подобно тому, какъ для многихъ нѣмецкихъ дѣятелей въ ранній періодъ ихъ дѣятельности.

Университетская фундаментальная библіотека была богата книгами по всѣмъ отраслямъ знанія. Благодаря дружескому расположенію къ намъ молодого помощника библіотекаря, г. Третьякова, мы могли получать изъ библіотеки всякія книги—и русскія, и иностранныя. Я зналъ только одинъ французскій языкъ и чувствовалъ, что знанія одного языка недостаточно для того, чтобы быть вполне образованнымъ человекомъ. Въ эти пять лѣтъ я довольно-таки хорошо, изучилъ кромѣ французскаго, нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки. Я досталъ Евангелія на этихъ языкахъ и началъ ихъ штудировать и долбить... Не имѣя въ рукахъ грамматики, я изучалъ формы языковъ и обороты рѣчи по Евангелію. И въ концѣ концовъ одолѣлъ. Такъ изучали языки двое другихъ моихъ товарищей. Здѣсь впервые мы при-

шлось прочесть въ подлинникъ сочиненія Гольбаха („Système de la nature“), Кабэ („Voyage en Ucarie“), Фурье, Прудона („Système de contradictions économiques“), Луи Блана („Organisation du travail“), Энгельса („Die Lage der arbeitenden Classen in England“), тогда же переведенную мной на русский языкъ для моихъ товарищей), Бёрне („Briefe aus Paris“, въ шести томикахъ на толстой сѣрой бумагѣ, и другія его сочиненія). Сочиненій Лассалья въ университетской библіотекѣ пока еще не было; но я ихъ досталъ въ единственномъ, существовавшемъ тогда въ Казани иностранномъ книжномъ магазинѣ. Изъ всѣхъ моихъ товарищей одинъ я остался исключительнымъ книгоѣдомъ. Чтеніе какой-либо интересной книги или статьи въ журналѣ практиковалось у насъ по вечерамъ, для чего всѣ собирались въ одну большую камеру. Днемъ нѣкоторые изъ товарищей занимались какими-либо ремеслами, въ которыхъ они, практикуясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, достигли совершенства. Полиновскій научился прекрасно шить штіблеты и женскіе полусапожки и получалъ много заказовъ отъ городскихъ обывателей; Н. В. Лаврскій въ совершенствѣ изучилъ портняжное ремесло, Бирюковъ—переплетное. Послѣднему постоянно приносили для переплета книги изъ духовной академіи. Дерновъ усовершенствовался въ вырѣзываніи печатей на металлѣ и камнѣ.

Каждому изъ насъ отпускалось на содержаніе по 30 коп. въ сутки, которыя получалъ смотритель тюрьмы, Зерновъ, человѣкъ пожилой, лысый и скаредный. Онъ ежедневно приходилъ къ намъ по утрамъ въ камеры и записывалъ въ свою книжку, кому что нужно купить на рынкѣ или въ магазинѣ. Между прочимъ, онъ ежемѣсячно вычиталъ у каждаго изъ насъ по 70 коп. на покупку углей на самовары, такъ что на этотъ предметъ онъ ежемѣсячно получалъ со всѣхъ насъ до 5 рублей. Мы страшно возмущались такой безсовѣстной эксплуатаціей, но до поры до времени молчали. Наконецъ, терпѣніе наше лопнуло, и мы написали коллективную жалобу губернатору Нарышкину на эксплуатацію насъ смотрителемъ тюрьмы. Губернаторъ, повидимому, тоже возмутился и сдѣлалъ на нашемъ прошеніи надпись: „Объ угляхъ передать для разслѣдованія г. Войнову“ (чиновнику особыхъ порученій).—Въ одно прекрасное утро мы всѣ были приглашены въ верхнюю большую комнату, налѣво отъ входа; туда же вскорѣ прибылъ и губернаторскій чиновникъ,—молодой человѣкъ, изящный франтикъ съ закрученными усиками. Сюда же пригласили и смотрителя тюрьмы, Зернова. Начался допросъ смотрителя объ угляхъ въ нашемъ присутствіи.

Тотъ спутался и ничего не могъ сказать въ свое оправданіе.

— Знаете ли вы, г. Зерновъ, что я васъ могу уволить по третьему пункту?!—закричалъ на него чиновникъ, грозя въ пространство пальцемъ.

— Я ничего... Угли здѣсь дороги... Они много самоваровъ на дню ставятъ...

— Молчите, г. Зерновъ, вы кради! Я еще не знаю, чѣмъ это можетъ кончиться; но во всякомъ случаѣ вы не будете больше пользоваться ихъ деньгами,—говорилъ чиновникъ, указывая на насъ пальцемъ.

Мы, было, пригласили этого любезнаго чиновника выпить съ нами стаканъ чаю, но онъ рѣшительно отказался, сказавъ, что, „можетъ быть, подумаютъ, что я съ вами заодно и взятку еще съ васъ получилъ“. Черезъ нѣсколько дней мы получаемъ отъ губернатора бумагу, въ которой намъ циркулярно объявляется, что отнынѣ мы будемъ получать суточные деньги на руки и сами же лично можемъ отправляться на рынокъ для закупокъ провизіи и всего, что намъ нужно, поочередно, подъ конвоемъ одного солдата со штыкомъ. Это было въ 1865 году. Въ то же время и прокуроръ Ольдекопъ выхлопоталъ для насъ у губернатора позволеніе ходить два раза въ мѣсяцъ для мытья въ городскія бани Батурина (близъ озера Кабана), разумѣется, подъ конвоемъ солдатъ, съ унтеръ-офицеромъ во главѣ. Въ субботу или пятницу мы всѣ въ числѣ семнадцати человекъ ходили въ бани подъ конвоемъ 22 солдатъ по улицамъ Казани. По дорогѣ встрѣчались наши знакомые: студенты или обыватели, мужчины и женщины, шли съ нами вмѣстѣ, разговаривали, шутили, смѣялись, кричали; къ концу нашего шествія мы образовывали изъ себя вмѣстѣ съ пристававшими къ намъ знакомыми большую толпу. Въ первое время сторонняя публика останавливалась на улицѣ и смотрѣла на такое необычайное зрѣлище; нѣкоторые выходили поглазѣть на насъ изъ домовъ на улицу, но потомъ всѣ привыкли къ нашему обычному шествію, которое ни въ комъ уже не возбуждало удивленія. Въ банѣ мы мылись по нумерамъ отдѣльно, солдаты стояли на улицѣ,—а затѣмъ одѣвались, поднимались кверху въ гостиницу, пить чай, на который часто приглашали и нашего главнокомандующаго унтеръ-офицера. Назадъ шли въ тюрьму опять тѣмъ же порядкомъ.

Смотритель тюрьмы выдавалъ намъ кормовыя деньги не ежедневно, а въ три приѣма въ мѣсяцъ, черезъ каждые десять дней, что дало намъ возможность купить разныя кухонныя принадлежности и устроить въ нижнихъ сѣняхъ чугунную плиту.

Въ тюрьмѣ сидѣлъ бывшій поваръ вице-губернатора, посаженный сюда за какую-то кражу въ пьяномъ видѣ. Онъ согласился готовить намъ обѣдъ за 3 рубля въ мѣсяцъ. На провизію ежедневно выходило по 10 коп. съ человѣка и на булки—отъ 3-хъ до 5 коп. Иногда, въ „праздничные дни“, когда въ караулъ приходилъ Ермолинъ и нѣсколько человѣкъ стороннихъ гостей—студентовъ, дамъ,—поваръ ухитрился приготовить мороженое или какое-либо пирожное и угощалъ нашихъ гостей на славу.

Мнѣ страшно хотѣлось приобрести сочиненія Лассалья на нѣмецкомъ языкѣ и Луи Блана: „Histoire de dix ans“. Достигнуть этого можно было только сбереженіемъ получаемыхъ кормовыхъ денегъ. Такъ я и сдѣлалъ. Ежедневно откладывалъ въ купленную для этой цѣли жестяную копилку по 10—15 коп. Такимъ образомъ въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ мнѣ удалось скопить 17 рублей. Въ одинъ изъ будничныхъ зимнихъ дней мнѣ дали двухъ солдатъ со штыками (одинъ сзади, другой спереди), и я отправился въ иностранный книжный магазинъ, находившійся на главной, Воскресенской улицѣ. Въ магазинъ моему приходу съ конвоемъ приказчика и хозяина магазина нѣсколько удивились и даже испугались, вѣроятно предполагая, ужъ не для обыска ли я пришелъ въ ихъ магазинъ съ солдатами. Хозяинъ-нѣмецъ, ни слова не говоря, досталъ съ полки требуемыя мною книги, завернулъ ихъ въ бумагу и перевязалъ бичевкой. Пять томовъ Луи Блана (8-е иллюстрированное изданіе 1848 года) на прекрасной веленовой бумагѣ стояли мнѣ 12 рублей; изъ Лассалья мною были приобретены за 3 рубля: „Arbeiterprogramm“, „Offenes Antwortschreiben“, „Arbeiter Lesebuch“, „Die Wissenschaft und die Arbeiter“, „Der Lassallesche Criminalprozess“, „Die indirecte Steuer und die Lage der arbeitenden Classen“, и наконецъ: „Schulze-Delisch oder der economische Julian“.

Съ этой драгоценной ношей я быстро направился восвояси, боясь, какъ бы меня не нагнали и не вернули книги обратно. Солдаты едва поспѣвали за мной слѣдовать. Товарищи встрѣтили меня оваціями. Съ жадностью принялись мы за чтеніе этихъ книгъ. „Программу рабочихъ“, „Наука и рабочіе“ перевели мы на русскій языкъ для пользованія тѣмъ изъ товарищей, которые не знали нѣмецкаго языка. Съ „Исторіей десяти лѣтъ“ Луи Блана мы познакомились отчасти ранѣе по статьямъ въ „Современникѣ“ подъ заглавіемъ: „Іюльская Монархія“, составленнымъ, какъ говорили, Н. Г. Чернышевскимъ. Шумнымъ преніемъ не было конца; мы дѣлились на партіи. Въ преніяхъ при-

нимали участіе и приходившіе къ намъ „гости“: Ермолинъ, Бродовскій (другой караульный офицеръ, прекрасно знавшій физику и химию), студенты и разные знакомыя барышни. Нерѣдко приходила къ намъ со своею матерью и сестрой Александра Викторвна Лаврская, впоследствии жена Г. Н. Потанина. Она раза два, три въ году прїѣзжала съ матерью и младшей сестрой, Антониной В., нанимала на мѣсяцъ маленькую квартиру близъ острога и чуть-ли не ежедневно приходила въ острогъ къ своему брату Константину В. Это была барышня образованная, много читавшая, и всякій разъ принимала участіе въ нашихъ преніяхъ и бесѣдахъ о тогдашнихъ „злобахъ дня“.

Это была та же университетская аудиторія, въ которой мы доканчивали курсъ по соціально-экономическимъ наукамъ. Правда, изученіе наукъ не отличалось строгой систематичностью, но, благодаря чтенію и почти постояннымъ дебатамъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, мы пріучались къ строгому, логическому мышленію и болѣе сознательному отношенію къ тѣмъ ученіямъ, которыя мы прежде принимали скорѣе на вѣру, чѣмъ по глубокому убѣжденію.

Меня чрезвычайно интересовали судьбы Италіи. Ея цвѣтущая литература и искусство въ XIII и XIV вѣкахъ, борьба итальянскихъ коммунъ съ аристократіей за свою независимость—сильно меня занимали. Эпоха Данта, Боккачіо, Петрарки, когда уже борьба буржуазіи съ народомъ и гиббеллинами была въ полномъ ходу; изгнаніе изъ Флоренціи Данта, борьба Сіомпі съ буржуазіей (popolani grassi) во Флоренціи побудили меня заняться въ тюрьмѣ же изученіемъ эпохи Данта и Боккачіо.

Изъ университетской библіотеки я досталъ массу сочиненій по занимавшему меня вопросу. Въ концѣ 1866 года я составилъ часть монографіи подъ заглавіемъ: „Флоренція въ XIV вѣкѣ“, и прочелъ своимъ товарищамъ въ присутствіи нѣкоторыхъ стороннихъ лицъ. Впоследствии, по выходѣ изъ тюрьмы, я докончилъ это сочиненіе, воспользовавшись новыми источниками, вышедшими въ свѣтъ въ 70-хъ годахъ. Въ 1879 году статья эта была напечатана въ двухъ книжкахъ „Исторической Библіотеки“ (январь и февраль), издаваемой Полежаевымъ.

Матери моей я собрался написать письмо только въ началѣ 1865 года, сообщая ей о своемъ здоровьи и прося ее не горевать о моемъ положеніи. Для успокоенія ея, я увѣрялъ ее, что скоро прїѣду къ ней. Увѣренность эта, по правдѣ сказать, была очень проблематична. Черезъ мѣсяцъ я получилъ отъ нея письмо, которое, повидимому, было написано наугадъ (дьякономъ, моимъ

двоюроднымъ братомъ, съ которымъ я когда-то ѣздилъ въ семинарію), адресъ на конвертѣ былъ довольно странный: „Въ г. Казань, господину Полицъ-Маіору острога (это нашъ-то смотритель Зерновъ!) для передачи сыну несчастной матери такому-то“. Мать извѣщала меня, что она считала меня уже умершимъ, и потому „много слезъ обо мнѣ выплакала, два раза служила по мнѣ панихиды и одинъ разъ заказывала даже заупокойную обѣдню по мнѣ съ вынудіемъ частицы изъ просфоры за упокой раба божія Ивана“. Только она ужасно боится теперь: „не послужить ли въ худу для меня ея служеніе панихиды“? Между прочимъ сообщала, что брата моего Петра исключили изъ семинаріи „изъ-за меня“. Инспекторъ семинаріи сказалъ, будто бы: „Красноперовскіе плевелы нужно искоренить“. Нѣтъ надежды получить ему мѣсто дьячка въ вятской губерніи. „Петя хочеть ѣхать въ г. Уфу и тамъ у преосвященнаго просить мѣста. Ты знаешь мои достатки—жить мнѣ нечѣмъ, а Петю жалъ. Я продала свой домъ за 40 рублей и отдала ему эти деньги. Сама переселилась жить въ казенную (церковную) избу. Спасибо священнику нашему, отцу Василию: далъ мнѣ мѣсто просвири“.

Братъ мой Петръ былъ даровитый мальчикъ. Онъ много и до страсти любилъ читать. По всей вѣроятности, онъ могъ бы имѣть болѣе свѣтлое будущее, но, благодаря мстительности инспектора (протоіерея), его судьба была несчастна. Онъ получилъ мѣсто дьякона сначала въ уфимской, а затѣмъ въ оренбургской губерніи и, женившись, спился изъ-за непутной жены.

Тутъ произошелъ въ нашей мирной жизни одинъ весьма важный инцидентъ, который было совсѣмъ ухудшилъ наше привилегированное положеніе. Дѣло въ томъ, что долговременное сидѣніе наше въ четырехъ стѣнахъ показалось нѣкоторымъ изъ товарищей безконечно длиннымъ, и они замыслили бѣжать изъ стѣнъ тюрьмы. Нашъ пріятель Ермолинъ, коротая съ нами дни и ночи, уговаривалъ насъ даже всѣхъ бѣжать.—„Да и я съ вами убѣгу, господа. Чего вамъ сидѣть тутъ? Можетъ быть, и до старости будете киснуть здѣсь“.—Но куда убѣжимъ?—возражали мы ему:—гдѣ найдемъ пріютъ безъ денегъ?—„Проживете какъ-нибудь за границей уроками, переводами. Вѣдь нѣкоторые изъ васъ ремесла знаютъ. Съ голоду не умрете“.

Мы предпочли, однако, остаться, а двое изъ нашихъ все-таки бѣжали за границу. Сначала бѣжалъ одинъ Элпидинъ изъ пересыльной арестантской тюрьмы, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, другой—Жемановъ, медикъ-студентъ III курса, жившій въ одной небольшой камерѣ съ другимъ студентомъ III курса того же фа-

культета—Щербаковымъ. Бѣжать было очень легко, не подвергаясь никакому риску. По праздникамъ и буднямъ къ намъ приходили изъ города гости, которыхъ впускали караульные солдаты безъ счета. Въ одно изъ воскресеній вечеромъ Жемановъ ушелъ изъ тюрьмы вмѣстѣ съ гостями. Его хватились только на другой день въ 7 часовъ утра, когда обыкновенно происходила повѣрка всѣхъ арестантовъ. Впрочемъ, караульные сначала не знали, изъ какой камеры бѣжалъ арестантъ, и первое время думали, что арестантъ ушелъ, вѣроятно, на другой дворъ, къ другимъ арестантамъ, и потому стали искать Жеманова по всѣмъ камерамъ другого двора. Когда караульный офицеръ окончательно убѣдился въ исчезновеніи арестанта изъ политическихъ, онъ далъ знать о бѣгствѣ властямъ, а тѣ сообразили, что бѣжавшій арестантъ, хотя и политическій, съ радости непременно долженъ будетъ отправиться для выпивки въ кабакъ или трактиръ,—значитъ, надо его искать въ кабакахъ. Тамъ солдаты и искали Жеманова. Жемановъ долго жилъ въ Казани у кого-то изъ своихъ знакомыхъ, прежде нежели рѣшился уѣхать за границу, въ Швейцарію. Для насъ наступили тяжелые дни. Во-первыхъ, насъ всѣхъ заперли въ камерахъ снаружи на замокъ, а во-вторыхъ, отъ насъ отобрали наше штатское платье и облекли въ сѣрые арестантскіе халаты съ красными и желтыми тузами на спинѣ; въ-третьихъ, караульные солдаты съ офицеромъ во главѣ нерѣдко по ночамъ отпирали наши камеры и врывались къ намъ съ обыскомъ. Шарили въ печахъ, выгребали оттуда на полъ всю золу, стучали прикладами по кирпичнымъ стѣнамъ, потолоку, рылись подъ матрацами и проч.

— Зачѣмъ это вы дѣлаете, господа?—въ недоумѣніи спрашивали мы, бывало, офицера и солдатъ.

— Подкопа или пролома гдѣ-нибудь въ стѣнѣ не сдѣлано ли, чтобы вамъ бѣжать.

Помню, у меня подъ матрацемъ офицеръ нашелъ двѣ географическія карты, бережно свернулъ ихъ и спряталъ себѣ въ боковой карманъ.

— Для чего вы взяли карты-то мои?—обратился я къ офицеру.—Мнѣ онѣ нужны для занятій по исторіи и географіи.

— Рассказывайте! знаемъ мы ваши занятія! Это вы планы составляете, какъ лучше бѣжать.

Такія глупости продѣлывались караульными офицерами и солдатами мѣсяца два. Затѣмъ насъ по-одиночкѣ стали водить въ арестантскихъ халатахъ по городу къ судебному слѣдователю для допросовъ: „Съ вѣдома или безъ вѣдома нашего бѣжалъ

Жемановъ? Не знаемъ ли мы, какъ онъ убѣжалъ, и не помогли ли ему кто-либо въ бѣгствѣ? Не слышали ли мы—можетъ быть, не думаетъ ли еще кто-нибудь бѣжать изъ нашихъ товарищей?“—На всѣ эти наивные вопросы слѣдователи мы, конечно, отвѣчали отрицательно. Толку изъ всего этого никакого не вышло, такъ какъ мы заранѣе всѣ сговорились, что отвѣчать на допросъ.

Изъ нашего двора сбоку стѣны вела каменная лѣстница въ острожную церковь, расположенную надъ общими входными воротами. По праздникамъ мы ходили въ церковь и становились въ особое отдѣленіе, отгороженное отъ публики рѣшеткой только съ одной стороны до половины, а съ другой оно ничѣмъ не было отгорожено, и потому весьма естественно городская публика свободно переходила въ наше отдѣленіе. Послѣ бѣгства Жеманова, тюремный смотритель распорядился въ церковь насъ не пускать. Знакомыхъ нашихъ, конечно, тоже никого не пускали. Мы рѣшили написать прошеніе губернатору, въ которомъ доказывали, что „даже самый закоренѣлый преступникъ и убійца не лишень послѣдняго религіознаго утѣшенія. Насъ теперь не пускаютъ въ церковь; намъ не даютъ возможности слушать Божественную литургію“ и т. д. Губернаторъ въ этомъ вопросѣ сталъ на нашу точку зрѣнія и сдѣлалъ смотрителю строгій выговоръ, говоря, что этакъ — „недопущеніемъ насъ въ церковь для молитвы можно сдѣлать изъ насъ неисправимыхъ, нераскаянныхъ преступниковъ и атеистовъ, а между тѣмъ хожденіе въ церковь можетъ поддержать въ насъ бодрость духа и направить насъ на путь истины“... И намъ опять разрѣшили ходить по праздникамъ въ церковь, опять мы стали видѣться тамъ со своими знакомыми. А въ концѣ концовъ, черезъ полгода, намъ возвратили наше платье, отперли камеры и разрѣшили даже ходить съ конвоемъ въ городъ для покупокъ провизіи.

Въ 1867 году, кажется, 14-го августа, насъ всѣхъ повели, въ 10 часовъ утра, по обыкновенію съ конвоемъ, въ уголовную палату, для объявленія приговора. Намъ еще наканунѣ вечеромъ смотритель объявилъ „по секрету“ по камерамъ, что завтра насъ выпустятъ на волю. Это извѣстіе сильно взбудоражило наши нервы. Мы всю ночь напролетъ не спали, зажгли свѣчи и разставили ихъ по окнамъ, точно въ пасхальную ночь. Мы строили одинъ другого смѣлые планы относительно будущей нашей дѣятельности; но, странно сказать, намъ въ то же время, какъ будто, и жаль стало разставаться съ насѣженнымъ мѣстомъ, особенно съ цвѣточными клумбами и кустами, нами всхолонными, взлелѣянными. Рано утромъ мы пошли всѣ въ свой садикъ и

тамъ пили чай, полили въ послѣдній разъ цвѣты... Уже недѣлю спустя послѣ нашего освобожденія, мы зашли „въ нашъ“ дворъ и не нашли тамъ ни одного кустика, ни одного цвѣточка: тюремное начальство сочло излишней эту роскошь для простыхъ арестантовъ и все вырвало съ корнемъ... Изъ палаты насъ выпустили, однако, не вдругъ. Оказалось, что секретарь палаты пришелъ на службу, какъ и всегда, въ простомъ скюртукѣ или пиджакѣ; а такъ какъ объявленіе намъ приговора послѣдовало отъ Высочайшаго имени, то и пришлось секретарю посылать домой сторожа за мундиромъ, на что потребовалось, вмѣстѣ съ переодѣваніемъ, около часа. Намъ торжественно объявили всѣ наши вины, за которыя мы по закону подвергались самымъ тяжкимъ наказаніямъ: каждому изъ насъ грозили, *minimum*, 4-хлѣтнія каторжныя работы, а тяжесть моей вины, какъ значилось въ объявленіи приговора, могла искупиться только 8-ю годами каторжной работы въ крѣпостяхъ; но въ концѣ концовъ были приняты во вниманіе „молодость лѣтъ“, „увлеченіе“ и долговременное наше сидѣніе въ тюрьмѣ, — и насъ простили. Прощеніе всѣхъ нашихъ винъ не было, впрочемъ, полное: мы должны были находиться въ теченіе трехъ лѣтъ подъ надзоромъ полиціи. — Выйдя изъ палаты на улицу, мы толпой остановились и обсуждали планъ нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ городѣ никого почти не было знакомыхъ; студенты-товарищи всѣ уже кончили курсъ и разбрелись по мѣстамъ, а между тѣмъ надо было куда-нибудь направиться для отысканія себѣ, во-первыхъ, пристанища, а во-вторыхъ, и средствъ существованія. Сборище наше замѣтилъ полиціймейстеръ Мосоловъ и подошелъ къ намъ:

— Господа, нельзя ли вамъ разойтись?.. Собираться скопомъ нехорошо.

— Мы сейчасъ уйдемъ, только обсудимъ, куда идти.

— Ну, хорошо, только недолго.

— Да зайдите, пожалуйста, въ полицію, ну хоть на дняхъ, видѣть на жительство получить. Или кого-нибудь одного пошлите, — я выдамъ всѣмъ.

— Зайдемъ.

Всѣмъ кагаломъ направились мы въ Старую Горшечную улицу и наняли общую квартиру, которую назвали главнымъ штабомъ. Черезъ два дня получаемъ отъ полиціймейстера записку слѣдующаго содержанія:

„Г. начальникъ губерніи покорнѣйше проситъ г. Полинскаго съ товарищами пожаловать къ нему завтра въ часъ дня“. Начальникъ губерніи былъ тотъ самый Скарятинъ, который, какъ

мы узнали изъ газетъ того времени, прославился потомъ поркой татаръ за „самовольный переходъ ихъ изъ православія въ магометанство“, а затѣмъ, благодаря этой вразумительной мѣрѣ,—обратно изъ магометанства въ православіе.—Скарятинъ принялъ насъ въ залѣ и сказалъ слѣдующую фразу, такъ и оставшуюся для насъ непонятной:

— Надѣюсь, господа, что синяго пороку между нами не будетъ? Да?

— Конечно, не будетъ,—сказали мы наобумъ.

— Такъ до свиданья.

— До свиданья.

Одинъ по одному мы всѣ разбрелись по разнымъ мѣстамъ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей сошли уже теперь въ могилу...

И. Красноперовъ.

Могилевъ губ.

1904 г.

ХРИСТИАНСКІЙ ЕПИСКОПЪ

НА

ГРАНИЦЪ IV-V ВѢКОВЪ

АВГУСТИНЪ, КАКЪ ЕПИСКОПЪ.

Окончаніе.

II *).

Тѣ письма Августина, съ которыми мы познакомились, изображаютъ намъ его какъ *правителя* церкви; въ письмахъ, къ которымъ мы теперь перейдемъ, онъ выступаетъ предъ нами какъ *пастырь*, ежедневно озабоченный своей паствой; онъ даетъ наставленія и разрѣшаетъ недоумѣнія, утѣшаетъ постигнутыхъ горемъ, выручаетъ попавшихъ въ бѣду, вступаясь передъ властями за нуждающихся въ защитѣ, не оставляя безъ отвѣта и привѣта никого изъ обратившихся къ нему. И здѣсь приходится указать на то, что, погруженный въ свои богословскія размышленія и сочиненія, удрученный своей административной дѣятельностью, Августинъ нерѣдко жалуется на недостатокъ времени или оправдывается имъ въ своихъ отвѣтахъ. Много времени поглощала у него и его официальная переписка; то приходилось рекомендовать кого-нибудь высокопоставленному лицу, то самому привѣтствовать важнаго сановника.

*) См. выше: ноябрь, стр. 5.

Въ примѣръ того приведемъ письмо Августина къ графу, т.-е. главнокомандующему въ Африкѣ, Валерію.

„Всякій разъ, когда у меня просятъ, чтобы я рекомендовалъ кого-нибудь твоему благорасположенію, мнѣ вѣжется, что если я этого не сдѣлаю, точно я недостаточно цѣню твое милосердіе къ нуждающимся въ помощи, или твое ко мнѣ благоволеніе. Поэтому я и обращаюсь такъ часто къ тебѣ, и въ особенности охотно рекомендую тебѣ слугъ Христа, завѣдующихъ дѣлами церкви, сыномъ и сонаслѣдникомъ коей я радъ тебя считать. Такъ и теперь я рекомендую тебѣ епископа Феликса, нуждающагося въ помощи высокопоставленнаго лица; сдѣлай для него, что можешь, ибо Господь предоставилъ тебѣ большую власть, и я знаю, что ты принимаешь близко къ сердцу дѣла Его“.

А вотъ письмо, судя по слогу, къ весьма важному сановнику, Оронцію, извѣстившему Августина о своемъ предстоящемъ приѣздѣ и пожелавшему получить отвѣтъ. Соблюдая всѣ формы тогдашняго оффиціального языка, по необходимости сглаженныя въ переводѣ, Августинъ не забываетъ, что онъ епископъ, и пользуется обращенной къ нему лестью для религіознаго наставленія: „Благодарю тебя за то, что ты изволилъ предупредить меня письмомъ о твоёмъ приѣздѣ и еще до свиданія доставилъ мнѣ возможность бесѣды, такъ что я, предвкушая въ письмѣ удовольствіе давножелаемаго знакомства, ожидаю его съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ. Отвѣчая должнымъ образомъ и по заслугамъ на твою любезность, я радуюсь твоему благополучію и желаю, чтобы оно продолжалось. Требуя моего отвѣта, ты съ отмѣченнымъ мною благоволеніемъ къ моей скромной особѣ прибавилъ: „если только мы достойны получить письмо отъ такой святой особы“; это даетъ мнѣ надежду, что твоему благоразумію станетъ дорогъ тотъ источникъ святости, черпая изъ котораго по моимъ силамъ, я что-нибудь значу, и что ты станешь не только восхвалять его, но и раздѣлять со мною; да ниспослетъ тебѣ Господь въ своей несравненной и неизмѣнной милости, такъ хорошо наставившій тебя своимъ всемогуществомъ,—свою благодать для полнаго твоего возстановленія“.

Но не одни только важныя лица обращались къ Августину, чтобы удостоиться письма отъ такого „святого“ человѣка и великаго богослова. То же самое дѣлали люди самые различные по своему положенію, образованію и требованіямъ. Вотъ что отвѣчаетъ онъ человѣку, религіознымъ рвеніемъ котораго онъ недоволенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вѣжливо уклоняясь отъ послышки ему своихъ сочиненій, считая это бесполезнымъ:

„Изъ твоего письма я усматриваю, что ты желаешь получить письмо отъ меня, и братъ Яковъ явился краснорѣчивымъ ходатаемъ въ пользу этого твоего желанія, засвидѣтельствовавшій мнѣ твою доброту, имъ самимъ испытанную, болѣе, чѣмъ могла сдѣлать твоя необъемистая грамота. Привѣтствую тебя за такое благорасположеніе и возношу за твое христіанское сердце благодарность Господу Богу, ибо это—Его благодѣяніе. Ты желаешь, чтобы я посылалъ тебѣ письма, а я посылаю тебѣ мою любовь, которая превышаетъ всякаго писанія, и я знаю, что ты понимаешь, для чего. Что же касается твоего желанія читать мои писанія, то я опасаюсь, что ты найдешь у меня больше многословія, чѣмъ краснорѣчія. Ограничусь краткимъ замѣчаніемъ, значеніе котораго ты усвоишь, если согласишься въ продолжительномъ размышленіи. Кто на пути, ведущемъ къ Богу, избѣгаетъ въ трудливомъ малодушіи того, что нетрудно и плодотворно, тому приходится на тернистомъ пути міра сего переносить то, что болѣе тяжело и притомъ бесплодно“.

А вотъ другой, навязчивый корреспондентъ, притомъ весьма проникательный, письмо котораго можетъ послужить образчикомъ тогдашняго напыщеннаго слога, отъ сравненія съ которымъ языкъ Августина еще болѣе выигрываетъ.

Нѣкто Аудаксъ благодаритъ Августина за то, что онъ любезно принялъ его „попытку писанія“; смѣлая искренность сына возрастаетъ, когда ее орошаетъ струя изъ отцовскаго водоема (fons).—Но онъ недоволенъ отвѣтомъ Августина. „Я обратился къ тебѣ, дорогой святитель, не для того, чтобы получить малую лепту отъ твоего любвеобильнаго сердца, но чтобы свободно черпать изъ этого могучаго и широкаго потока. Я желалъ получить сокровище мудрости, а получилъ меньше, чѣмъ желалъ, и это меньше — все же *даръ* ¹⁾, посланный мнѣ *Августиномъ*, оракуломъ закона, святителемъ праведности, установителемъ духовной славы, вершителемъ вѣчнаго спасенія. Ты столь же хорошо знаешь весь міръ, какъ и все въ немъ постигаешь; и ты столь же извѣстенъ всему міру, какъ высоко имъ цѣнимъ. Я желаю пасть на покрытомъ цвѣтами лугу мудрости и утолять жажду изъ источника живой воды. Дай же жаждущему то, что во всякомъ случаѣ пойдетъ ему въ прокъ. Поэтому я не только письменно общаю, что приѣду къ тебѣ, но даю въ томъ обѣтъ, а „писаніемъ твоимъ буду зачитываться“; здѣсь въ рукописи неразборчивое слово.

¹⁾ Игра словами: *minus* и *munus*.

Письмо заканчивается еще болѣе высокопарнымъ стихотвореніемъ. Какъ же отвѣтилъ на это письмо Августинъ?— „Меня не разсердило, но даже порадовало твое короткое письмо, столь настойчиво требовавшее обстоятельнаго письма съ моей стороны: не то, чтобы мнѣ было легко удовлетворить твоей пылкости, но я привѣтствую твое благочестіе; хотя ты и обратился не къ тому, къ кому бы слѣдовало, но то, чего ты желаешь, достойно одобренія. Для длиннаго письма мнѣ недостаетъ не столько способности написать его, сколько досуга. Я очень занятъ церковными дѣлами, и у меня остаются лишь немногія крохи времени для размышленія или для писанія о томъ, что мнѣ представляется особенно настоятельнымъ и полезнымъ для многихъ; нѣтъ времени и для отдыха, и для необходимаго въ моемъ служеніи возстановленія тѣлесныхъ силъ. Слово въ моемъ распоряженіи, правда, довольно, и я могъ бы наполнить ими немало листовъ, но я неспособенъ дать тебѣ то, чего ты добиваешься въ многословномъ письмѣ. Ты говоришь, что желалъ получить сокровище мудрости, но получилъ меньше, чѣмъ хотѣлъ; я же самъ, какъ нищій, вымаливаю изъ этого сокровища ежедневное подаваніе и едва его получаю“.

Разбирая титулы, которые ему надавалъ Аудаксъ, Августинъ пишетъ: „Какой же я оракулъ закона (божественнаго), въ тайнахъ котораго я скорѣе несвѣдущъ, чѣмъ свѣдущъ, и въ разнообразныя изгибы и темныя ходы котораго я менѣе способенъ проникать, чѣмъ бы желалъ,— и, признаюсь, мало достоинъ проникать. И какой же я святитель праведности, когда я уже и то высоко цѣню, что ей посвящено мое служеніе? А что ты называешь меня „установителемъ духовной славы“, то извини, ты не знаешь, съ кѣмъ говоришь: я самъ такъ мало успѣваю въ этой духовной славѣ, что изо дня въ день не вѣдаю, сколько я въ ней успѣлъ; или успѣваю ли въ ней вообще. Конечно я вершитель вѣчнаго спасенія, но вмѣстѣ съ прочими безчисленными моими сослужителями.

„И такъ, любезный братъ, пусть лучше самъ Господь пасетъ тебя на цвѣтнхъ лугахъ мудрости и утоляетъ твою жажду глотками живой воды. Если же ты думаешь, что моя помощь можетъ содѣйствовать твоему успѣху въ благочестіи,—я понимаю, что ты способенъ къ этому, и чувствую, что ты усердно этого желаешь,—то лучше тебѣ обратиться къ моимъ сочиненіямъ, которыя занимаютъ много томовъ, чѣмъ разсчитывать, что твое желаніе можетъ быть удовлетворено моими письмами; или же пріѣзжай и самъ лично воспользуйся тѣмъ, что я могу дать;

твое отсутствіе я объясняю твоимъ нежеланіемъ быть съ нами: ибо развѣ трудно тебѣ, человѣку не несущему никакой мѣстной обязанности, пріѣхать къ намъ на продолжительное или хотя бы на короткое время?"

Заканчивая письмо, Августинъ воспользовался стихами Аудакса, чтобъ потрунить надъ нимъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ подмѣтилъ ошибку противъ метра и спрашиваетъ Аудакса, ввелъ ли его въ заблужденіе его слухъ, или онъ желалъ испытать, сохранилъ ли онъ, Августинъ, способность замѣчать такіа ошибки,—ибо люди, вѣкогда этимъ занимавшіеся, забываютъ это по мѣрѣ того, какъ преуспѣваютъ въ церковной литературѣ.

Въ заключеніе, Августинъ отрицаетъ, чтобы онъ переводилъ псалмы съ еврейскаго на латинскій; онъ лишь исправилъ нѣкоторыя латинскія рукописи по еврейскому оригиналу и теперь еще при чтеніи исправляетъ незамѣченныя раньше ошибки. Но хотя они отъ этого стали, можетъ быть, и лучше, все же еще переводъ ихъ не таковъ, какимъ бы ему слѣдовало быть.

Пріятный контрастъ съ этимъ заносчивымъ литераторомъ, который оправдалъ свое имя, представляетъ одна молодая дѣвушка; она также желала получать письма отъ Августина, но по робости не рѣшалась его объ этомъ просить. И какъ различно отнесся и самъ Августинъ къ самодовольному грамотѣю, который желалъ съ нимъ переписываться, чтобы блеснуть своей цвѣтистой прозой и своими виршами—и къ „любопытной дѣвушкѣ“ (*studiosa puella*) Флорентинѣ, искренно желавшей научиться божественной мудрости! — Узнавъ отъ ея матери о ея желаніи получить отъ него письмо, чтобы потомъ обратиться къ нему за совѣтомъ, Августинъ пишетъ Флорентинѣ, что считаетъ себя добровольно обязаннымъ послужить почтенному рвенію ея и всѣхъ ей подобныхъ по мѣрѣ своихъ силъ. „Вотъ я и исполнилъ то, чего ты хотѣла; теперь остается тебѣ высказаться, если хочешь меня о чемъ-нибудь спросить. Если я знаю то, о чемъ ты меня спросишь, тогда не откажусь тебѣ отвѣтить; если же я этого не знаю, но мое невѣдѣніе не будетъ въ ущербъ вѣрѣ и спасенію нашему, тогда объясню тебѣ это и успокою тебя, насколько мнѣ это будетъ возможно. Или же, если невѣдомое мнѣ необходимо знать для спасенія, я стану молить Господа, чтобы Онъ помогъ мнѣ удовлетворить тебя; или, наконецъ, ты изъ моего отвѣта узнаешь, къ кому тебѣ постучаться по дѣлу, которое намъ одинаково невѣдомо.

„Я предуведомилъ тебя объ этомъ для того, чтобы ты не рассчитывала навѣрное получить отвѣтъ на все, о чемъ бы ты

меня ни спросила, и чтобы ты, если я твоихъ надеждъ не оправдаю, не считала меня болѣе смѣлымъ, чѣмъ благоразумнымъ за мое приглашеніе спрашивать меня, о чемъ хочешь. Я предлагаю себя, не какъ совершеннаго ученаго (*doctor perfectus*), но какъ человѣка, который долженъ совершенствоваться вмѣстѣ съ тѣми, кого онъ наставляетъ. Даже въ тѣхъ вещахъ, въ коиъ я нѣсколько свѣдущъ, я предпочелъ бы видѣть тебя знающей, чѣмъ нуждающейся въ моемъ знаніи. Намъ не слѣдуетъ желать невѣдѣнія другихъ для того, чтобы научить ихъ нашему знанію; гораздо лучше, чтобы самъ Господь наставлялъ насъ всѣхъ“.

Желаніе получить отъ Августина письмо весьма часто сопровождается выраженіемъ желанія лично видѣть его, или сѣтованіемъ на невозможность этого. Не всѣ были такъ счастливы, какъ Аудаксъ, развизно извѣстившій Августина о своемъ предстоящемъ пріѣздѣ. Какъ скромно и деликатно утѣшаетъ въ такихъ случаяхъ Августинъ людей, огорченныхъ невозможностью видѣться съ нимъ!

„Есть люди,—пишетъ Августинъ Консенцію, которыхъ мы видимъ очами тѣла, но не знаемъ, ибо намъ неизвѣстенъ ни образъ мысли ихъ, ни ихъ образъ жизни; нѣкоторыхъ же мы знаемъ, не видѣвши ихъ; это тѣ, любовь которыхъ и настроеніе намъ стали извѣстными. Къ числу таковыхъ я и тебя причисляю, и потому я еще болѣе желалъ бы тебя видѣть, чтобы ты принадлежалъ къ числу тѣхъ, кого я и вижу, и знаю. Ибо тѣ невѣдомые, которые навязываются нашимъ глазамъ, намъ не только не желанны, но мы едва ихъ выносимъ, если намъ не раскрывается въ нихъ по какимъ-либо признакамъ ихъ внутренняя красота. Что же касается тѣхъ, кого мы познали, какъ я тебя, духовно, хотя и не видѣли тѣлесно, мы знаемъ ихъ, но потому и желаемъ ихъ видѣть, чтобы посредствомъ лицезрѣнія ближе и лучше наслаждаться душой того, кого мы уже признали какъ друга... Можетъ быть, Господь и пошлетъ намъ свиданіе съ тобою, когда настанетъ время большаго спокойствія и безопасности въ человѣческихъ дѣлахъ, но мы желаемъ, чтобы это свиданіе скорѣе обусловилось чистымъ влеченіемъ дружбы, чѣмъ тяжелыми обстоятельствами“.

Въ томъ же духѣ, но еще задушевнѣе письма Августина къ Фабіолѣ, дѣвушкѣ изъ знаменитаго рода Фабіевъ, которой пришлось, по разореніи ея родного города, скитаться по міру.

„Хотя твое письмо лишь отвѣтъ, я считаю долгомъ на него отвѣтить. Ты сожалѣешь, что скитаніе въ здѣшней жизни не всегда дозволяетъ наслаждаться обществомъ святыхъ, и ты права, что предпочитаешь небесное отечество, гдѣ мы не будемъ раз-

лучены земными разстояніями, но будемъ всегда вмѣстѣ ликовать въ одномъ общемъ созерцаніи. Ты счастлива тѣмъ, что такъ думаешь; еще счастливѣе тѣмъ, что тебѣ дорога эта мысль; а потому достигнешь высшаго счастья по осуществленіи ея. Но и теперь вдумайся внимательнѣе въ то, что считать отсутствіемъ: въ томъ ли оно заключается, что мы не видимъ другъ друга, или въ томъ, что души наши не вступаютъ въ тотъ обмѣнъ мыслей и чувствъ, который мы называемъ бесѣдой. Я полагаю, что если бы мы, хотя и въ разлукѣ и на самыхъ далекихъ разстояніяхъ, могли взаимно знать наши мысли, мы были бы ближе другъ къ другу, чѣмъ если бы молча сидѣли вмѣстѣ, глядя другъ на друга, но не проявляя ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ тѣла того, что происходитъ въ душѣ. Отсюда ты поймешь, что всякій себѣ ближе, чѣмъ другому, потому что знаетъ себя самого больше, чѣмъ другого, — созерцая не наружность свою (*gestatur et latet*), которая не видна намъ безъ зеркала, а совѣсть, которую мы зримъ и съ закрытыми глазами“.

Августинъ не безъ основанія предупреждалъ Флорентину, что, можетъ быть, не въ состояніи будетъ отвѣчать на всѣ ея вопросы. На самомъ дѣлѣ къ нему нерѣдко обращались за разрѣшеніемъ самыхъ затруднительныхъ проблемъ. Особенно охотно спрашивали его о душѣ человѣка и о послѣднихъ дняхъ міра: происходятъ ли души людскія отъ того духа (*flatus*), который Богъ вдохнулъ въ Адама; облекается ли душа покойника въ какой-нибудь тѣлесный покровъ, который даетъ ей возможность перемѣщаться и являться людямъ; о томъ, какое будетъ тѣло у человѣка по воскресеніи изъ мертвыхъ?

Вѣра въ загробную жизнь составляла самый животрепещущій интересъ тогдашняго общества, и нѣкоторые изъ вытекавшихъ отсюда вопросовъ глубоко тревожили его своими практическими послѣдствіями, какъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, обречены ли на вѣчную гибель младенцы, умершіе до крещенія, — вопросъ, возбужденный полемикой Августина съ пелагианцами о первородномъ грѣхѣ. Нѣкоторые изъ поднимавшихся вопросовъ касались воззрѣній, унаслѣдованныхъ отъ языческаго общества.

Августинъ искалъ и самъ для себя наставленій и совѣтовъ; конечно, число тѣхъ, къ кому онъ могъ обращаться съ этою цѣлью, было невелико; но сохранилось одно изъ такихъ писемъ къ извѣстному Паулину ¹⁾, приобрѣвшему славу особаго

¹⁾ О немъ см. „Вѣстн. Европы“, 1905 г., янв.

благочестія еще въ дни Августина. Письмо это интересно потому, что Августинъ изображаетъ въ немъ свое душевное состояніе и описываетъ разладъ въ душѣ человѣка, живущаго мыслью о небѣ и принужденнаго, въ качествѣ пастыря, постоянно погружаться ради другихъ въ мірскія заботы и дрязги.

„Простая это истина и не подлежащая никакимъ колебаніямъ сомнѣнія, что въ этой бременной жизни слѣдуетъ жить такъ, чтобы она служила подготовленіемъ къ жизни безсмертной. Но вопросъ, смущающій людей дѣйствующихъ и созерцающихъ, какъ я, заключается въ томъ, какъ слѣдуетъ жить среди тѣхъ и ради тѣхъ, кто еще не позналъ, какъ умирать при жизни, умирать не разложеніемъ тѣла, но отвращаясь отъ плотскихъ соблазновъ духовнымъ настроеніемъ. Мнѣ часто кажется, что если мы не войдемъ съ ними въ нѣкоторое соглашеніе относительно того самаго, отъ чего мы желаемъ ихъ отвлечь, то не будемъ въ состояніи принести имъ какой-нибудь пользы. Но если мы это дѣлаемъ, то нѣкоторый интересъ къ этому вкрадывается и въ насъ, такъ что часто и пустословіе доставляетъ намъ удовольствіе, и мы не только улыбаемся, но даже поддаемся смѣху, вслѣдствіе чего душа наша, отягощенная не только ничтожными, но и низкими чувствами, менѣе охотно и съ большимъ трудомъ возвышается къ Богу, чтобы жить евангельской жизнью и умирать евангельской смертью. Если же это намъ нѣсколько удастся, намъ тотчасъ что-то нашептываетъ: „прекрасно“, „прекрасно“! Этотъ голосъ идетъ не отъ людей, ибо никто изъ людей не чувствуетъ въ другомъ такого самопревознесенія, но среди какого-то внутренняго безмолвія слышится нашептываніе: „прекрасно“, „прекрасно“! За соблазнъ этого рода, по признанію нашего великаго апостола (II Кор., XII, 7), онъ былъ „удручаемъ ангеломъ, чтобы не превозносился“. Вотъ почему вся жизнь человѣка на землѣ—одно сплошное искушеніе. Человѣкъ подвергается искушенію даже тогда, когда сильно устремляется сподобить себя жизни небесной“.

Открывши Паулину свою душу, Августинъ проситъ у него наставленія его въ томъ, подвергать ли или не подвергать наказанію съ цѣлью, чтобы это шло во спасеніе наказуемыхъ. „Какъ глубоко и запутанъ вопросъ, какой держаться мѣры въ наказаніяхъ, сообразуясь не только съ свойствомъ и степенью преступленія, съ силами перенести наказаніе такъ, чтобы оно содѣйствовало исправленію, а не принесло ухудшенія! Не знаю, больше ли было исправившихся или погибшихъ отъ страха людскаго наказанія? Какъ часто случается, что если кого накажешь,

онъ погибнетъ; если оставишь безнаказаннымъ—другой погибнетъ. Я признаю, что ежедневно въ этомъ грѣшю и совершенно не знаю, какъ соблюсти слова Писанія: „согрѣшающихъ обличай предъ всѣми, чтобы и прочіе страхъ имѣли“ (I Тим., V, 20). И опять, сколько заботъ вызываетъ страхъ, чтобы не случилось того, противъ чего предостерегаетъ апостолъ (I Кор. V, 12, 13), совѣтуя „простить, дабы виновный не былъ поглощенъ чрезмѣрною печалью“. Приведа еще рядъ разныхъ текстовъ, касающихся наказаній, Августинъ восклицаетъ: „Какъ все это страшно, о Паулинъ, святой Божій человекъ, какъ страшно и какъ темно!“

Изъ этого видно, какъ тревожила добросовѣстнаго, хотя уже и опытнаго епископа (письмо написано въ 408 г.) лежащая на немъ отвѣтственность судьи. Правда, налагаемая имъ кары были духовныя и не выходили изъ области церковнаго покаянія, но и онѣ могли вызывать огорченія, упреки въ несправедливости и ожесточеніе сердца, вмѣсто его исправленія. Но къ этому присоединялось другое затрудненіе. Руководствомъ при всѣхъ недомѣвнѣхъ должно было служить епископу Св. Писаніе, а оно не всегда давало на нихъ ясный отвѣтъ. И вотъ великій знатокъ священныхъ книгъ, столько разъ разрѣшавшій другимъ самые трудные вопросы, откровенно признается съ замѣчательной скромностью въ трудностяхъ, которыя ему представляетъ ихъ истолкованіе. „Не правда ли, что мы болѣе блуждаемъ по поверхности Св. Писанія, чѣмъ вникаемъ въ него, и что въ большей части случаевъ мы скорѣе ищемъ, какъ слѣдуетъ его понимать, чѣмъ опредѣленно и ясно понимаемъ его смыслъ? И такое осторожное къ нему отношеніе, хотя оно и полно тревогъ, все-таки лучше, чѣмъ смѣлое утвержденіе. Развѣ мало такихъ случаевъ, когда истолкованіе текста не въ плотскомъ смыслѣ, который апостолъ (Къ Рим. VIII, 5—6) называетъ смертью, становится великимъ соблазномъ для того, кто еще „помышляетъ по плоти“; когда очень опасно говорить, что думаешь, не говорить тяжело, а говорить иначе, чѣмъ думаешь, пагубно! И что же? Когда мы не одобряемъ чего-либо въ рѣчахъ или писаніяхъ людей церкви и думаемъ, что чувство братской любви обязываетъ насъ не скрывать нашего сужденія, а это объясняютъ не благорасположеніемъ, но завистью, то какъ грѣшатъ противъ насъ! А если мы подобнымъ образомъ подозрѣваемъ тѣхъ, кто наши мнѣнія осуждаютъ, что они болѣе желаютъ повредить намъ, чѣмъ исправить насъ, то какъ грѣшимъ мы противъ другихъ!“

„Отсюда происходитъ вражда часто между самыми близкими

и дорогими другъ другу лицами по словамъ Писанія, когда одинъ превозносится передъ другимъ и приходится „беречься, какъ бы они, угрызая и съѣдая другъ друга (Гал., V, 15), не истребили другъ друга“. И потому ли, что опасность, въ которой находишься, тѣмъ страшнѣе, чѣмъ неосмысленнѣе, или на самомъ дѣлѣ это такъ, но мнѣ кажется, что жуткость и непогода пустыни менѣе тягостны, чѣмъ то, что мы испытываемъ или чего опасаемся среди людской толпы“. И вотъ при такомъ невѣдѣніи и затрудненіяхъ, обусловленныхъ разнообразіемъ нравовъ и лицъ съ скрытыми наклонностями и слабостями, ему приходится блюсти дѣло народа—по отношенію не къ земному или римскому царству, а небесному Іерусалиму!—потому онъ и обращается за поддержкой къ Паулину.

Но гораздо чаще, конечно, чѣмъ искать наставленія у другихъ, Августину приходилось самому быть наставникомъ современнаго общества, разрѣшать его недоумѣнія и разсѣивать его заблужденія. Въ примѣръ подобнаго наставленія приведемъ письмо Августина къ нѣкоему Лампридію, который, какъ замѣтилъ Августинъ, изъ бесѣды съ нимъ и въ особенности изъ обращеннаго къ нему письма, приписывалъ судьбѣ, т. е. „фатуму и фортунѣ“, большое вліяніе на человѣческіе поступки. Августинъ признавалъ этотъ вопросъ чрезвычайно важнымъ для спасенія, такъ что считалъ себя обязаннымъ дать обстоятельный отвѣтъ. Ибо онъ видѣлъ, „немалое зло въ такомъ заблужденіи, которое не только прельщаетъ человѣка къ грѣху, но и отвращаетъ его отъ признанія грѣха, оправдывая его“.

Но не имѣя времени для обширнаго отвѣта, Августинъ „кратко и безотлагательно“ внушаетъ Лампридію, что если не признавать *волю* источникомъ грѣха, то всѣ законы и всѣ средства къ упорядоченію жизни—похвала и осужденіе, увѣщанія и угрозы, награды и кары и все, чѣмъ родъ человѣческій управляется и сдерживается—будутъ сокрушены и ниспровергнуты. „Насколько же для насъ лучше и справедливѣе осуждать заблужденія астрологовъ, чѣмъ божественные законы, и чѣмъ пренебрегать благополучіемъ нашей собственной семьи—чего не дѣлаютъ и сами астрологи? Ибо, какъ скоро кто-нибудь изъ нихъ, давъ за деньги богатому человѣку нелѣпое истолкованіе судьбы (*fatua fata*), подниметъ взоръ свой отъ дощечекъ изъ слоновой кости и обратитъ свое вниманіе на благоустройство своего дома, онъ станетъ не только словами, но побоями исправлять жеву, если она слишкомъ предалась веселію, или хотя бы, какъ ему показалось, стала часто въ окно глядѣть. А что, если она ему

будетъ говорить: „за что ты меня бьешь? Венеру побей, если можешь; она меня къ тому понуждаетъ!“ тогда астрологъ забудетъ пустыя слова (*vana verba*), которыми онъ обманываетъ постороннихъ, заботясь лишь о справедливыхъ побояхъ (*verbera*) для исправленія своихъ домашнихъ.

„Поэтому,—продолжаетъ Августинъ,—если кто-либо на обращенные къ нему упреки станетъ вивить судьбу, пусть примѣнитъ это къ своимъ; пусть не наказываетъ раба-вора, пусть не жалуется на обиды сына, пусть не грозитъ нечестному сосѣду. Если же онъ по праву хозяина и по обязанности отца семейства наставляетъ къ добру зависящихъ отъ него людей, отвлекаетъ угрозами отъ зла, требуетъ отъ нихъ повинoveniя, отличаетъ тѣхъ, которые ему послушны, караетъ непокорныхъ, воздаетъ благодарность за оказанныя ему благодѣянiя, осуждаетъ неблагодарныхъ,—то нужно ли мнѣ будетъ спорить съ нимъ о влiянii судьбы, когда онъ съ полной очевидностью не словами, а самыми поступками, такъ сказать, собственноручно подрываетъ всѣ бредни астрологовъ“.

На ряду съ этимъ наставленiемъ, столь характернымъ для этики Августина, поставимъ другое, еще болѣе характерное, ибо оно освѣщаетъ не только его этическiя воззрѣнiя, но и его личность. Это—его воззванiе къ любви и религiозному миру въ письмѣ къ діакону Реституту... Оно тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманiя, что Августинъ, въ пылу успѣшной борьбы съ доватистами увѣровалъ въ спасительность религiознаго понужденiя. Отъ письма къ Реституту вѣетъ совсѣмъ инымъ настроенiемъ; къ сожалѣнiю оно не поддается хронологическому опредѣленiю. Августинъ совѣтуетъ Реституту читать книгу Тихонiя, который, будучи самъ доватистомъ, осуждалъ во многомъ эту секту, но проповѣдывалъ, что праведникамъ слѣдуетъ ради мира жить въ единенiи съ неправедными. Августинъ хвалитъ за это Тихонiя, но сожалѣетъ, „что онъ при этомъ недостаточно ссыался на слова Св. Писанiя, которое такъ полно свидѣтельствъ и фактовъ въ пользу мира, что пришлось бы его въ этомъ случаѣ выписать цѣликомъ; ибо едва ли не каждая его страница наставляетъ насъ быть миролюбивыми съ тѣми, кто ненавидитъ миръ—пока не окончится наше продолжительное паломничество и мы не будемъ наслаждаться полнѣйшимъ миромъ подъ сѣнью вѣчной матери Иерусалима. Ты видишь поэтому, гдѣ настоящiй источникъ мира,—ибо ни близость отношенiй, ни духовное согласiе, не обезпечиваютъ полнаго и совершеннаго мира“.

Наставленiя, которыя разсылалъ Августинъ на обращенные

къ нему запросы и просьбы, по обстоятельствамъ принимали болѣе строгій тонъ и становились обличеніями. Замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо Августина къ Корнелію, товарищу его дѣтства, который просилъ его написать ему „обширное посланіе“ въ утѣшеніе отъ „тяжкаго горя“ по случаю смерти его добродѣтельной супруги—посланіе подобное письму св. Паулина къ Макарію по тому же поводу. Отвѣтъ Августина интересенъ, помимо содержанія, еще тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ нѣкоторые автобіографическія подробности, столь рѣдкія въ письмахъ Августина и потому особенно драгоцѣнныя. „Душа твоей жены,—пишетъ Августинъ,—принятая въ сонмъ правовѣрныхъ и цѣломудренныхъ, не цѣнитъ людскихъ похвалъ и не ищетъ ихъ. Но такъ какъ похвальное слово произносится ради *живущихъ*, то прежде всего надлежитъ тебѣ, желающему найти утѣшеніе въ ея похвалѣ, жить такъ, чтобъ заслужить быть тамъ, гдѣ находится она. Вѣдь ты, безъ сомнѣнія, не полагаешь, что она находится съ тѣми, кто осквернилъ супружеское ложе или въ безбрачїи велъ разнузданную жизнь. Поэтому ея похвалами изгонять горе мужа, такъ мало на нее похожего, было бы местию, а не утѣшеніемъ. Ибо если бы ты ее любилъ такъ, какъ она тебя любила, то сохранилъ бы по отношенію къ ней то, что она тебѣ сохраняла. И такъ какъ ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобъ она, если бы ты раньше умеръ, вышла за кого-нибудь вторымъ бракомъ, то не правда ли и ты, — еслибы на самомъ дѣлѣ горевалъ о ея смерти и искалъ бы утѣшенія въ ея похвалахъ,—не сталъ бы думать о новомъ бракѣ, хотя бы съ законной женой?

„Ты мнѣ скажешь: „почему ты такъ строгъ ко мнѣ? почему такъ жестко упрекаешь? развѣ я не состарился среди такихъ наставленій и развѣ жизнь не обрывается раньше чѣмъ исправляется?“ Стало быть ты хочешь, чтобъ я извинилъ твою гибельную безпечность! такъ уже лучше извини *ты* мою заботу о тебѣ полную любви къ тебѣ, но и печали для меня!

„Цицеронъ, нападая на *противника* и, въ отличіе отъ меня, руководясь заботою объ управленіи *земнымъ* государствомъ, заявилъ: „Я желаю, отцы сенаторы, быть снисходительнымъ; но среди такой опасности для государства я желаю также не казаться равнодушнымъ“. Насколько справедливѣе я могу тебѣ сказать: — вѣдь ты знаешь, какъ я къ тебѣ дружески расположенъ и что я состою служителемъ божественнаго слова и таинствъ во славу вѣчнаго града, — я желаю, братъ мой, Корнелій, быть къ тебѣ снисходителемъ, но и я тоже не желаю не

казаться равнодушнымъ въ такой великой опасности для тебя и для меня!

„Подонки женщинъ тебя окружаютъ, съ каждымъ днемъ растетъ ихъ число—и мнѣ ли терпѣливо выслушивать ихъ господина,—нѣтъ, ненасытнаго раба этой толпы, требующаго отъ епископа по праву дружбы, восхваленія покойной жены какъ будто бы для утѣшенія его скорби? Будучи юношей и пребывая вмѣстѣ со мною, хотя и моложе меня, въ опаснѣйшемъ увлеченіи, ты силою воли совершенно исправился отъ этого порока; вскорѣ, однако, ты еще глубже въ немъ погрязъ, и хотя и принялъ крещеніе въ опасный для жизни часъ, до сихъ поръ не исправился, ставъ, можно сказать, старикомъ. И я сталъ старикомъ и епископомъ, и ты теперь хочешь, чтобы я утѣшилъ тебя въ смерти твоей доброй жены! но кто утѣшитъ меня въ болѣе истинной смерти тебя самого? если я и не въ состояніи забыть оказанныя мнѣ тобою великія услуги, то неужели же я долженъ за это мучиться изъ-за тебя и выносить отъ тебя пренебреженіе, когда я молю тебя за тебя?

„Теперь воснусь похвальнаго слова Ципріанъ, котораго ты отъ меня требуешь. Если бы я еще сѣстоялъ въ школѣ риторовъ и продавалъ ученикамъ красноречіе, я бы взялъ съ нихъ за это плату впередъ. Я готовъ и тебѣ продать похвалу твоей цѣломудренной супругѣ, но сначала заплати мнѣ—твоимъ цѣломудріемъ; дай и получи. Я говорю съ тобой по-человѣчески въ виду твоей слабости. Мнѣ кажется, что въ твоихъ глазахъ Ципріана не стѣдуетъ того, чтобы предпочесть ея похвалу ласкамъ твоихъ приживалокъ: ты оправдаешь мои слова, если будешь продолжать пользоваться этими ласками вмѣсто того, чтобы получить отъ меня ея похвальное слово. Но зачѣмъ тебѣ униженно просить у меня то, чего ты могъ бы *потребовать* отъ меня—исправившись? Такъ принесемъ же твоей супругѣ духовные дары: ты—слѣдуя ея примѣру, я—восхваляя ее. Конечно, какъ я сказалъ, людская похвала ей не нужна; но чтобы ты подражалъ ей, покойница желаетъ этого такъ же сильно, какъ любила тебя при жизни, хотя ты и не походилъ на нее“.

Не съ простымъ гражданиномъ и другомъ дѣтства, которому было безопасно высказывать горькія истины, а съ самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ тогдашней Африкѣ имѣлъ дѣло Августинъ, когда писалъ подобное же наставленіе Бонифацію. Этотъ Бонифацій, сыгравшій потомъ такую роковую роль въ исторіи Африки, призвавши туда вандаловъ, былъ *графомъ*, т.-е. главнокомандующимъ въ Африкѣ. Августинъ находился съ нимъ

въ сношеніяхъ еще раньше, когда Бонифацій былъ военнымъ трибуномъ и, усмиривъ варварскія племена Африки, умиротворилъ эту провинцію. Военныя заботы не помѣшали тогда Бонифацію интересоваться религіозными вопросами, какъ видно изъ письма къ нему Августина, который и посвятилъ ему свою книгу „объ исправленіи донатистовъ“, и успокаивалъ его относительно совмѣстимости военной службы съ званіемъ христіанина. По смерти своей жены, Бонифацій былъ такъ безутѣшенъ, что собирався посвятить себя монашеству; но во время поѣздки въ Италію женился вторично—на аріанкѣ, и хотя настоялъ, чтобы она приняла католичество, однако допустилъ крещеніе своей дочери по аріанскому обряду. Кромѣ того, до Августина дошли слухи о несоблюденіи Бонифаціемъ супружеской вѣрности. Всѣмъ этимъ объясняется грозный тонъ посланія Августина къ нему, написаннаго въ 427 году: „Я не могъ бы найти человѣка болѣе вѣрнаго и имѣющаго болѣе легкій къ тебѣ доступъ, чѣмъ діаволъ Павелъ, намъ обоимъ дорогой,—чтобы побесѣдовать съ тобою не о власти и почестяхъ, тебѣ доставшихся въ этомъ зломъ вѣкѣ, и не о благополучіи твоей брэнной плоти,—ибо она преходящая и долго ли будетъ существовать, неизвѣстно,—но о томъ спасеніи, которое намъ обѣщаль Христосъ, именно для того подвергнувшій себя оскорбленіямъ и распятію на крестѣ, чтобы на крестѣ научить насъ болѣе презирать, чѣмъ любить блага сего міра“... Августину стало извѣстно, какъ пишетъ онъ далѣе, что вокругъ Бонифація много людей, привязанныхъ къ нему мірскими интересами и дающихъ ему совѣты по отношенію къ мірской жизни то полезныя, то безполезныя; ибо они люди и не вѣдаютъ того, что можетъ случиться на слѣдующій же день. Но что должно дѣлать, чтобы не погубить души, на это едва ли найдутся совѣтники, не потому, чтобы такихъ людей не было, но потому, что нелегко найти случай объ этомъ заговорить. Августинъ давно этого желалъ, но не находилъ времени и мѣста для бесѣды съ нимъ. Когда Бонифацій былъ въ Гиппонѣ и „удостоилъ“ Августина своимъ посѣщеніемъ, послѣдній былъ такъ боленъ, что едва могъ произнести слово. „Нынѣ же, сынъ мой, послушай меня, хотя я и говорю съ тобой черезъ посредство письма, которое я, несмотря на твое опасное положеніе, никакъ не могъ раньше тебѣ послать, зная опасность, которой подвернется вѣстникъ, и опасаясь, чтобы мое письмо не попало въ руки нежелательныя. Поэтому прошу тебя простить меня, если полагаешь, что мои опасенія были преувеличены.

„Послушай же меня,—иѣтъ, послушай Господа, Бога нашего

чрезъ посредство меня, грѣшнаго. Вспомни, какимъ ты былъ, когда еще была жива покойная первая супруга твоя, какъ по неожиданной кончинѣ ея тебѣ опостыла суета сего міра и какъ ты желалъ служить Господу. Мы были наединѣ съ тобою, я и братъ Алипій; мы знаемъ, мы были свидѣтелями того, что ты намъ говорилъ тогда въ Тубунѣ о своемъ настроеніи и намѣреніи. Не думаю, чтобы земныя заботы, которыхъ ты полонъ, такъ сильны, чтобы могли все это изгладить изъ твоей памяти. Ты хотѣлъ оставить всѣ государственныя дѣла, которыми былъ тогда занятъ, и предаться святому досугу, живя той жизнью, которую ведутъ рабы Божіи, монахи“.

Если Бонифацій поступилъ иначе, то это случилось потому, что онъ принялъ во вниманіе, по словамъ Августина, ту пользу, которую онъ могъ оказать церквамъ Христовымъ, защищая страну отъ варварскихъ вторженій. Но, оставаясь въ мірѣ, Бонифацій намѣревался жить, по словамъ апостола, „во всякомъ благочестіи и чистотѣ“, ничего не ища въ этомъ мірѣ, какъ только самага необходимаго для себя и для семьи. Но вышло иначе. Поѣхавъ ко двору императора, онъ вступилъ во второй бракъ. Поѣздка въ Италію, замѣчаетъ по этому поводу Августинъ, была вынуждена послушаніемъ „высшимъ властямъ“, о которомъ говоритъ апостолъ, но вступленіе въ бракъ обозначало торжество страстей. Августинъ былъ утѣшенъ извѣстіемъ, что Бонифацій поставилъ условіемъ брака переходъ невѣсты изъ аріанства въ католичество; но его сокрушаетъ вліяніе въ домѣ Бонифація еретиковъ, отрицающихъ Сына Божія, вліяніе настолько сильное, что они окрестили его дочь въ аріанство. Августинъ упоминаетъ и о „слухѣ“, которому онъ желалъ бы не вѣрить, что аріанами перекрещены даже посвятившія себя Богу дѣвственницы, и о томъ, что образъ жизни самага Бонифація не соотвѣтствуетъ брачнымъ законамъ,—но, „можетъ быть, уста людей и лгутъ“. Тяжелое положеніе, въ которомъ находился въ то время Бонифацій, угрожаемый немилостью императорскаго двора и непокорностью туземныхъ племенъ, Августинъ приводитъ въ связь съ его поведеніемъ послѣ второго брака. Поэтому онъ не хочетъ высказываться объ этомъ положеніи: „Ты христіанинъ, у тебя есть сердце и страхъ Божій; ты самъ поразмысли о томъ, о чемъ мнѣ не хочется говорить, и тогда ты поймешь, во сколькихъ дурныхъ поступкахъ тебѣ надлежитъ принести покаяніе, въ виду котораго, я полагаю, тебя Господь и щадитъ и отъ всѣхъ опасностей избавляетъ“.

Августинъ не желаетъ также входить въ разбирательство

распри между Бонифаціемъ и императорскимъ правительствомъ: ... „ты говоришь, что твое дѣло правое; я не судья въ этомъ, потому что не могу выслушать обѣ стороны. Но какое бы ни было твое дѣло, обсуждать и разслѣдовать которое нѣтъ надобности, — развѣ ты можешь предъ лицомъ Бога отрицать, что ты бы не попалъ въ такую бѣду, еслибы не твоя любовь къ благамъ міра сего, которыя однако, какъ рабъ Божій, какимъ мы тебя знали, ты долженъ былъ бы презирать и считать ни во что?“

Августинъ не щадитъ Бонифація, раскрывая безвыходность его положенія и доказывая, что средства, которыми онъ его поддерживаетъ, только ухудшатъ его. У него, правда, многочисленныя приверженцы, за него толпа вооруженныхъ служителей; но всѣ они, даже и тѣ, которые ему вѣрны, добиваются черезъ него благъ мірскихъ, и потому онъ, вмѣсто того, чтобы бороться съ своими страстями, принужденъ удовлетворять чужія страсти и для этого совершать многое, неугодное Богу. А удовлетворить всѣ страсти все-таки нельзя, ибо легче искоренить ихъ совсѣмъ въ тѣхъ, кто Бога любитъ, чѣмъ насытить тѣхъ, кто любитъ міръ. Поэтому совершается такъ много хищеній, что трудно найти даже что-либо малоцѣнное для хищенія. Занятый своимъ личнымъ дѣломъ, Бонифацій губитъ провинцію. „Что сказать — восклицаетъ Августинъ — объ опустошеніи Африки туземными варварами, которымъ никто не сопротивляется, такъ какъ ты поглощенъ своими бѣдами и ничего не предпринимаешь, чтобы предотвратить это бѣдствіе? Кто повѣрилъ бы, кто сталъ бы опасаться, при назначеніи Бонифація графомъ Африки съ такими полномочіями и съ такимъ войскомъ, того самаго Бонифація, который въ качествѣ трибуна съ немногими мѣстными ополченіями усмирилъ всѣ эти народы мечомъ и страхомъ, — что варвары станутъ такъ дерзки, такой будутъ имѣть успѣхъ, произведутъ такія опустошенія и превратятъ въ пустыню такъ много мѣстъ, которыя кишѣли обитателями? Кто не говорилъ тогда, что африканскіе варвары не только будутъ разбиты, но превращены въ данниковъ римскаго государства? А теперь ты видишь, въ какой степени все вышло противоположно тому, на что надѣялись люди! Но дальше съ тобой объ этомъ не приходится говорить, ибо у тебя объ этомъ можетъ быть больше мыслей, чѣмъ у меня словъ!“ Августинъ не хочетъ знать оправданія, которое могъ бы привести въ свою пользу Бонифацій, а именно, что бѣдствія Африки должны быть приписаны его обидчикамъ, не признававшимъ его заслугъ; пусть Бонифацій обратитъ болѣе вниманія на свое отношеніе къ Богу, чѣмъ къ людямъ. Онъ же,

Августинъ, предпочитаетъ объяснять событія причинами болѣе высокаго свойства; если Африка подвергается такимъ бѣдствіямъ, то люди должны это приписывать своимъ грѣхамъ. Онъ не желалъ бы, чтобъ Бонифацій принадлежалъ къ числу людей, за нечестія которыхъ Господь бичуетъ мірскими карами, кого захочетъ. Но и по отношенію къ врагамъ своимъ Бонифацій долженъ помнить завітъ Христа: „Если римская имперія оказала тебѣ добро, хотя и земное, преходящее, — ибо вѣдь и она земное, а не небесное царство и не можетъ предоставить того, чѣмъ не обладаетъ, — то ты не плати зломъ за добро; если же тебѣ оказано зло, то не плати зломъ за зло. Чтѣ именно изъ двухъ, не хочу обсуждать и не могу объ этомъ судить; но я говорю съ христіаниномъ. Ты меня однако, можешь быть, спросишь: чтѣ же ты хочешь, чтобы я дѣлалъ въ моей бѣдѣ? — Если ты требуешь отъ меня совѣта мірскаго, какъ обезпечить это твое преходящее благоденствіе, какъ сохранить могущество и богатство, которыми теперь обладаешь, или даже увеличить его, то я не буду знать, чтѣ тебѣ отвѣтить: все это, само по себѣ не вѣрное, не можетъ быть обезпечено хорошимъ совѣтомъ. Если же ты, по божески, ищешь совѣта, для предотвращенія гибели души, то вотъ мой совѣтъ; прійми его и дѣйствуй. Пусть тутъ проявится, что ты мужественный человѣкъ: побѣди свои страсти, ради которыхъ любишь здѣшній міръ, покайся въ прежнихъ дурныхъ дѣяніяхъ, въ которыя тебя вовлекали дурныя, непобѣжденные тобою страсти.

„Кто не вѣдаетъ, кто такъ ограниченъ, что не видитъ, что благоденствіе этого брэннаго тѣла, превосходство тѣльныхъ органовъ, побѣда надъ врагами, почетъ и земное могущество, что всѣ эти земныя блага достаются и дурнымъ, и праведнымъ, и также отнимаются какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ. Спасеніе же души и безсмертіе тѣла, и превосходство въ благочестіи (justitiae), и побѣда надъ враждебными страстями, и слава и честь и миръ во вѣки вѣковъ даются только праведнымъ. Поэтому вотъ чтѣ люби, вотъ чѣго желай, вотъ чѣго ищи. Чтобы добиться этого, подавай милостыню, молись, постись, насколько можешь безъ вреда тѣлу“.

Августинъ снова выражаетъ сожалѣніе, что Бонифацій вопреки своему общанію женился; еслибы этого не случилось, онъ посовѣтовалъ бы ему теперь то, чего тогда не разрѣшалъ; но возможно и теперь отказаться отъ дѣла и жить жизнью святыхъ. „Во всякомъ случаѣ, любить Бога и не любить міра; даже на войнѣ, если она неизбѣжна, соблюдать вѣрность и искать

мира; съ помощью благъ земныхъ творить добрыя дѣла, и ради благъ земныхъ не творить дурныхъ дѣлъ; въ этомъ и жена не можетъ или не должна мѣшать“.

Карая, грознымъ языкомъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, пороки своихъ современниковъ, Августинъ находилъ въ то же время самыя задушевные и убѣдительные обороты рѣчи, когда приносилъ другимъ современникамъ слова *утѣшенія*. Писемъ, написанныхъ Августиномъ въ утѣшеніе, весьма немало: его время было таково, что обычные неудачи и невгоды человѣческой жизни блѣднѣли передъ общественными катастрофами, поглощавшими въ свои пучины тысячи мирныхъ и счастливыхъ существованій; къ потрясеніямъ, вызваннымъ ересями и политическими переворотами, присоединилась страшная, надвигавшаяся гроза варварскихъ вторженій, которыя вскорѣ разрушили весь строй римской имперіи и подъ развалинами римскихъ городовъ погребли на Западѣ античную цивилизацію. Поэтому и письма частнаго содержанія представляютъ у Августина значительный историческій и культурный интересъ; частное горе вплетается въ крушеніе цѣлаго міра, и на этомъ зловѣщемъ фонѣ проповѣдь презрѣнія къ міру и предпочтенія небесныхъ надеждъ земнымъ благамъ получаетъ мрачную реальность и заманчивую убѣдительность.

„До меня дошелъ слухъ (дай Богъ, чтобы это было не такъ), что ты совершенно сокрушенъ духомъ,—пишетъ Августинъ Хризиму,—и я очень удивленъ тѣмъ, что ты, при твоёмъ благоразуміи и христіанскомъ настроеніи, такъ мало думаешь о томъ, что земныя дѣла нельзя ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ небесными, которымъ должно быть предано наше сердце и на которыхъ основаны наши упованія. Ты человѣкъ разумный,—такъ скажи, неужели же все твое счастье заключалось въ томъ, что ты теперь утратилъ? Или ты придавалъ ему такое значеніе, что утрата его настолько помрачила горемъ твой умъ, что оъищеть свѣта не въ Богѣ, а въ земномъ? Ибо я слышалъ—повторяю, дай Богъ, чтобы это былъ невѣрный слухъ,—что ты даже руку хотѣлъ на себя наложить; полагаю, что было бы лучше, еслибы такая мысль не входила въ сердце твое или не выходила изъ устъ твоихъ. Но такъ какъ ты настолько смущенъ, что подобное могли про тебя сказать, я, сильно тобою огорченный, рѣшилъ этимъ письмомъ утѣшить тебя; хотя не сомнѣваюсь, что Господь нашъ внушитъ сердцу твоему то, что всего

лучше, ибо я знаю, съ какимъ усердіемъ ты всегда слушалъ слово Его. Воспринявъ же духомъ, дорогой братъ во Христѣ, Господь нашъ не покидаетъ своихъ и не погубить своихъ, но хочетъ показать, какъ хрупко и невѣрно все то, что люди слишкомъ любятъ. Онъ дѣлаетъ это для того, чтобы мы порвали узы, которыми насъ опутали страсти, влекущія насъ за собою, и чтобы мы всю нашу любовь привыкли сосредоточивать на Томъ, отъ Кого не можемъ испытать ущерба. Онъ самъ увѣщаетъ тебя, черезъ меня, чтобы ты твердо помнилъ, что ты вѣрующій христіанинъ и искупленъ кровью Того, Кто училъ насъ не только своею вѣчною мудростью, но и своею земною жизнью презирать счастье міра сего и твердо переносить несчастье, обѣщая въ награду то блаженство, которое никто не можетъ отнять у насъ.

Я написалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ графу; предоставляю тебѣ рѣшить, передавать ли ему мое письмо?

Подобнымъ образомъ Августинъ утѣшаетъ Фелицитату и Рустика въ ихъ частномъ горѣ указаніемъ на милосердіе Божіе, повсюду обнаруживающееся. Однимъ изъ признаковъ этого милосердія для людей вѣрующихъ и надѣющихся на Бога Августинъ видитъ въ счастьѣ, которое Господь ниспосылаетъ на землю нечестивымъ. „Кто можетъ вычислить, сколько благодѣній и даровъ получаютъ въ этой жизни нечестивые отъ Того, Кѣмъ они пренебрегаютъ? Между этими благодѣніями надлежитъ особенно цѣнить невзгоды, которыя Господь примѣшиваетъ, какъ добрый врачъ, къ сладостямъ этого міра. Въ этихъ невзгодахъ слѣдуетъ видѣть увѣщанія спастись отъ грядущаго гнѣва Господня и, пока человекъ еще состоитъ путникомъ на землѣ, въ сей жизни сообразоваться съ словомъ Господа, Котораго онъ прогнѣвалъ дурнымъ образомъ жизни. И такъ, все, что ниспосылаетъ людямъ Господь, проистекаетъ изъ Его милосердія, ибо даже бѣдствія становятся благодѣніемъ! Счастье есть даръ Господа, когда Онъ утѣшаетъ, несчастье—Его даръ, когда Онъ увѣщаетъ; и если таково Его милосердіе по отношенію къ нечестивымъ, то тѣмъ выше утѣшеніе, предуготовленное Имъ для тѣхъ, кто держится указаннаго Имъ пути“.

Болѣе общее значеніе имѣютъ другія письма „утѣшенія“. Себастьяну Августинъ пишетъ: „Изъ твоего письма я позналъ, какой ужасъ овладѣлъ тобою при видѣ грѣшниковъ, забывающихъ законъ Господень (Пс. 118, 53); ты можешь сказать, какъ псалмопѣвецъ: „Я видѣлъ безумныхъ и измучился отъ нихъ“.

„Это благочестивая скорбь и, если такъ можно сказать, блажен-

ное горе — сокрушаться чужими пороками, не поддаваясь имъ; горевать о нихъ, не впадая въ нихъ, содрогаться отъ нихъ, не вовлекаясь въ нихъ. Это то гоненіе, которое претерпѣваютъ всѣ, желающіе жить благочестиво въ Христѣ — по горькому, но правдивому слову апостола (II Т., III, 12). Ибо что здѣсь болѣе тревожить жизнь благочестивыхъ, какъ не жизнь нечестивыхъ? Часто бываетъ, что свѣтскія власти долго падаютъ нечестивыхъ, воздерживаясь отъ какихъ-либо каръ; нечестивые же своимъ поведеніемъ никогда не падаютъ сердца праведныхъ и не будутъ падать до скончанія вѣка“.

Въ слѣдующихъ двухъ письмахъ передъ нами ярко выступаютъ два бича того времени: усобицы, вызывавшіяся ересями, и опустошенія варваровъ... Августину приходится утѣшать Максиму, искавшую у него убѣжища въ горѣ, которое ей причиняютъ „вредныя и гибельныя заблужденія, распространившіяся въ ея провинціи — вѣроятно, Испаніи. Въ отвѣтъ Августина мысль о пользѣ нечестивыхъ въ мірѣ снова служитъ исходной точкой для его теодицеи. Еслибы существованіе нечестивыхъ не было полезно для избранныхъ Господа, Онъ могъ бы не дозволить имъ родиться, предвидя, что они будутъ нечестивы, или же истребить ихъ въ самомъ началѣ ихъ злодѣяній; но Онъ дозволяетъ имъ существовать, насколько по Его всевѣдѣнію это нужно или полезно для назиданія и упражненія слугъ Его. Это должно утѣшать насъ въ нашей скорби, самая же скорбь наша о нихъ насъ возвышаетъ, а ихъ вину, если они пребываютъ въ своемъ нечестіи, отягощаетъ. Радость же, которую мы испытываемъ, когда кто-либо изъ нихъ исправляется и причисляется къ сонму праведныхъ, не можетъ сравниться ни съ какой иной радостью въ этой жизни.

А въ письмѣ Августина къ испанскому пресвитеру Викториану предъ нами занимается зарево того пожара, который на слѣдующій годъ запылалъ надъ Римомъ, а двадцать лѣтъ спустя, на глазахъ умирающаго Августина, подступилъ и къ Гиппону. „Письмо твое исполнило мое сердце глубокимъ горемъ: ты просилъ, чтобъ я отвѣтилъ на него пространнымъ письмомъ; но на такіа бѣдствія слѣдуетъ отвѣчать не пространными письмами, а безконечными рыданіями и слезами; ибо міръ удручается такими невзгодами, что почти нѣтъ мѣста, гдѣ не совершается и не оплакивается то, о чемъ ты пишешь. Такъ, еще недавно въ самыхъ пустыняхъ Египта, гдѣ пріютились монастыри вдали отъ мірскаго шума и въ безопасности — монахи погибали отъ рукъ варваровъ. А то, что недавно происходило въ областяхъ Италіи,

и преступленія, совершенныя въ Галліи, вамъ вѣроятно не безвѣстны. Теперь уже изъ всѣхъ провинцій Испаніи, которыя долго казались обезпеченными отъ этого зла, приходятъ вѣсти о томъ же. Но зачѣмъ идти далеко! Въ самой нашей Гиппонской области, которой варвары еще не коснулись, грабительства донаристскаго духовенства и циркумцелліоновъ такъ опустошаютъ церкви, что злодѣянія самихъ варваровъ, можетъ быть, не столь жестоки“. Августинъ рассказываетъ, какъ донаристы вливали въ глаза католическихъ священниковъ уксусъ съ известью и подъ влияніемъ страха въ одной только деревнѣ перекрестили 48 душъ въ донаризмъ.

„Ты, дорогой мой,—продолжаетъ Августинъ,—не въ состояніи переносить жалобъ тѣхъ, кто говоритъ:—если мы, грѣшники, это заслужили, то почему служители Бога убиты мечомъ варваровъ и святые инокини уведены въ плѣнъ?—я на это смиренно, но правдиво отвѣчу: какими мы бы ни были служителями правды, какое бы послушаніе мы ни оказали Господу, развѣ мы можемъ быть лучше тѣхъ трехъ мужей, которые были брошены въ огненную печь, за соблюденіе закона Господня?.. Если же кто возмнитъ, что тѣ Божьи рабы, которые убиты варварами, должны были бы быть спасены отъ смерти, подобно тѣмъ тремъ мужамъ—то пусть тотъ вѣдаетъ, что это чудо было совершено ради того, чтобы цари, подвергнувшіе ихъ казни, познали, что они чтутъ истиннаго Бога“. Подтвердивъ эту мысль историческимъ примѣромъ и текстами, Августинъ восклицаетъ: „вотъ что самъ читай, вотъ что проповѣдуй, вотъ чего остерегайся и учи, чтобы другіе остерегались, для того, чтобы никто не ропталъ противъ Господа среди искушеній и испытаній. Ты говоришь, что вѣрные и святые рабы Божіи убиты мечомъ варваровъ! Какая же въ томъ разница, горячка ли или мечъ освободить ихъ отъ брэннаго тѣла? Господь не взираетъ на то, по какому случаю, или *какимъ* способомъ рабы его оставляютъ міръ; впрочемъ долгое предсмертное томленіе представляетъ худшую кару, чѣмъ быстрая смерть...“

„Правда, плѣненіе чистыхъ и святыхъ инокинь весьма прискорбно, но вѣдь ихъ *Господь* не въ плѣну и Онъ не оставляетъ своихъ плѣнницъ, если знаетъ, что они *Его*. Почему мы знаемъ, какія чудеса всемогущій и милосердый Господь желаетъ сотворить черезъ нихъ въ самой странѣ варваровъ?“—И Августинъ рассказываетъ въ назиданіе случай, бывший съ племянницей епископа Севера въ Ситифѣ... Когда, по похищеніи ея, она была приведена въ домъ варваровъ, всѣ хозяева дома, три или больше братьевъ опасно заболѣли; мать ихъ упросила дѣвушку молиться

за ихъ выздоровленіе, общая ей свободу. Дѣвушка постылась и молилась; молитва ея была услышана, и ее съ большимъ почтомъ препроводили къ родителямъ.

Мы заключимъ этотъ рядъ писемъ, написанныхъ въ утѣшеніе, самымъ трогательнымъ изъ нихъ. Письмо Августина къ Сапидѣ показываетъ, что этотъ ученый богословъ, этотъ грозный пастырь церкви ввухалъ къ себѣ не только почтеніе, но и преданность, и что страждущія души искали утѣшенія не только въ его краснорѣчивыхъ наставленіяхъ, но и въ своемъ чувствѣ къ нему. Дѣвственница Сапида, утратившая любимаго брата, діакона, просила Августина принять и носить одежду, которую она соткала для своего покойнаго брата. Вотъ отвѣтъ Августина:

„Я принялъ то, что ты пожелала подарить мнѣ отъ трудовъ твоихъ благочестивыхъ рукъ, принялъ, чтобы не огорчить тебя еще болѣе, чѣмъ я желалъ бы тебя утѣшить; для тебя же, по твоимъ словамъ, было бы немалымъ утѣшеніемъ, еслибы я сталъ носить одежду, которую ты соткала для родного твоего брата, благочестиваго служителя Божьяго; вѣдь онъ, разставшись съ землей, гдѣ царствуетъ смерть, уже не нуждается ни въ какихъ тѣнныхъ предметахъ. Поэтому я исполнилъ твое желаніе и уже началъ носить твою туніку раньше, чѣмъ тебѣ объ этомъ пишу.

„Ободришься же, но ищи себѣ болѣе и лучшихъ утѣшеній, чтобы твое сердце, омраченное человѣческой немощью, просвѣтлѣло божественнымъ велѣніемъ, и живи такъ, чтобы твоя жизнь была жизнью съ братомъ, ибо смерть твоего брата была такова, что стала для него жизнью.

„Конечно достойно слезъ, что ты не увидишь болѣе брата, котораго ты такъ любила и который тебя такъ почиталъ за твой образъ жизни и обѣтъ святой дѣвственности, не увидишь его входящимъ и выходящимъ изъ карфагенской церкви и усердно исполняющимъ при ней свою обязанность діакона; не услышишь обращенныхъ къ тебѣ словъ его, полныхъ преданности и благочестивой заботы. Когда вспомнишь объ этомъ и сила привычки охватитъ мысль, сердце начнетъ болѣть и изъ него польются какъ бы кровяныя слезы. Но пусть твое сердце устремится въ высь, тогда и слезы высохнутъ въ твоихъ очахъ. Вѣдь оттого что миновало по ходу дѣлъ человѣческихъ то, что ты оплакиваешь, не прекратилась любовь, которою Тимошей любилъ Сапиду и еще ее любить; она хранится въ своей сокровищницѣ, т.-е. въ Господѣ. Развѣ тѣ, кто любятъ золото, теряютъ его, когда его прячутъ? Развѣ они не становятся, напротивъ, спокойнѣе, насколько это возможно, когда, удаливъ его съ глазъ

своихъ, сохраняютъ его въ болѣе безопасномъ мѣстѣ? а небесная любовь развѣ станетъ скорбѣть, какъ объ утраченномъ, о томъ, что она помѣстила въ небесное хранилище?“

Напоминая Сапидѣ смыслъ даннаго ей имени, Августинъ со-вѣтуетъ ей вникать въ таинство смерти Христа, совершившейся ради того, чтобы „мы были живы, хотя бы и умирали“.

„Не слѣдуетъ упрекать людей,—заявляетъ Августинъ,—если они скорбятъ о дорогихъ имъ покойникахъ“. Августинъ указываетъ, что и апостолъ Павелъ не воспрепятствовалъ оплакивать покойниковъ.

„И самъ Христосъ, оплакавъ Лазаря, если не предписалъ, то показалъ примѣръ, чтобы и мы оплакивали тѣхъ покойниковъ, относительно которыхъ мы вѣримъ, что они воскреснутъ къ вѣчной жизни.“

„Но скорбь вѣрующихъ не должна быть продолжительна. Поэтому,—пишетъ онъ Сапидѣ,—положи теперь конецъ твоему горю и не скорби подобно язычникамъ, не имѣющимъ надежды.“

„Твой братъ, дочь моя, живъ духомъ и почиваетъ въ плоти, но развѣ тотъ, кто почиваетъ, не слегъ для того, чтобы встать (Пс. 40, 9). Господь, принявшій его духъ, воскреситъ и его тѣло. Поэтому у тебя нѣтъ причины для продолжительной скорби, а скорбе есть причина для вѣчной радости. Вѣдь даже брэнная часть твоего брата, которая похоронена въ землѣ, не погибла для тебя; та часть его я, которая представлялась твоимъ глазамъ, которая бесѣдовала съ тобою; чей голосъ былъ тебѣ столь знакомый, что гдѣ бы ты его ни услышала, ты узнавала о его присутствіи и не видя его“.

Ссылаясь на евангельскій текстъ: „и волосъ съ головы вашей не падеть“, Августинъ успокаиваетъ Сапиду, что тѣла людскія не погибнуть, но преобразятся къ лучшему. „Этой надежды лишены язычники, не знающіе Писанія, ни силы Божіей, которая можетъ утраченное возвратить, мертвое оживить, испорченное возстановить, разлученное соединить. Сдѣлать это обѣщаль Тотъ, Кому слѣдуетъ вѣрить потому, что обѣщанное Имъ Онъ уже исполнилъ. Объ этомъ подумай; въ этомъ найди болѣе обильное и истинное утѣшеніе. Если тебя сколько-нибудь утѣшаетъ то, что я ношу одежду, сотканную тобою для брата, то насколько сильнѣе и прочнѣе должно тебя утѣшить, что тотъ, для кого она была приготовлена, не нуждаясь ни въ какомъ преходящемъ одѣяніи, облаченъ нетлѣнностью и безсмертіемъ!“

Августинъ утѣшалъ однако несчастныхъ не однимъ только упованіемъ на Божье милосердіе и будущую жизнь, а оказывалъ имъ дѣятельную помощь вездѣ, гдѣ имѣлъ на то возможность. Тогдашніе епископы располагали для этого большими средствами, если не всегда матеріальными, то духовными, благодаря личному вліянію и той роли въ свѣтскихъ дѣлахъ, которую признавало за ними свѣтское государство. Легче всего было епископу оказывать помощь нуждающимся въ ней, черпая для этого средства изъ имуществъ церкви.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о церковной благотворительности въ епархіи Августина, но въ его перепискѣ сохранился документъ, свидѣтельствующій о его сердечномъ участіи въ этомъ дѣлѣ. Это—письмо, написанное около 410 г.—годъ разрушенія Рима—„къ клиру и народу Гиппона“ изъ Карфагена, гдѣ Августинъ находился для участія въ соборѣ. Онъ проситъ не огорчаться его „тѣлеснымъ“ отсутствіемъ, увѣренный, что они не сомнѣваются, что духомъ и сердцемъ онъ не можетъ съ ними разлучиться.

Онъ добавляетъ, что его самого огорчаетъ и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ ихъ, то, что онъ не въ состояніи по своей слабости удовлетворить всѣмъ обязанностямъ, которыя на него возлагаетъ паства Христова. Онъ ставитъ на видъ, что его отсутствіе никогда не вызывалось своеволіемъ, а всегда неотложной повинностью, ради которой его товарищи-епископы предпринимали даже морскія и заморскія путешествія, ему непосильныя по слабости его здоровья.

Увѣщевая свою паству радѣть къ добрымъ дѣламъ, Августинъ продолжаетъ: „до моего свѣдѣнія дошло, что вы забыли свой обычай одѣвать бѣдныхъ; къ этой милостыни я призываю васъ, будучи съ вами, и теперь призываю для того, чтобы разореніе сего міра не удручало васъ и не дѣлало равнодушными, ибо эти бѣдствія предсказаны нашимъ Спасителемъ. Поэтому вы не только не должны теперь творить менѣе благотѣній, но болѣе, чѣмъ вы привыкли. И какъ люди, предвидящіе разрушеніе своего дома отъ сотрясенія стѣнъ, спѣшно удаляются въ болѣе безопасныя мѣста, такъ и христіане: чѣмъ явственнѣе они предчувствуютъ среди учащающихся потрясеній крушеніе міра, должны тѣмъ усерднѣе переносить свои сокровища, которыя они прежде прятали въ землѣ, въ складъ небесный, съ тѣмъ, что еслибы кому-нибудь изъ нихъ приключилось людское бѣдствіе, онъ могъ бы радоваться подобно тому, кто удалился изъ опаснаго мѣста.

Среди лицъ, состоявшихъ на попеченіи церкви, особенной

заботой духовенства пользовались вдовы и сироты. Изъ надписей видно, что даже при языческихъ храмахъ выдавались женщинамъ и дѣвушкамъ пособія за счетъ пожертвованій, сдѣланныхъ съ этою цѣлью поименованными въ надписяхъ лицами ¹⁾. Въ христіанскихъ общинахъ поддержка вдовъ и сиротъ составляла важную статью церковныхъ расходовъ. Къ этой заботѣ о содержаніи бѣдныхъ вдовъ и сиротъ присоединялось попеченіе епископа объ имуществѣ тѣхъ, которыя имѣли нѣкоторый достатокъ. Такая опека епископа включала въ себѣ и право его располагать личной судьбою вѣренной ему дѣвушки въ вопросѣ о ея замужествѣ. Именно такой случай извѣстенъ намъ изъ жизни Августина. Дѣвушка, находившаяся на его попеченіи, вѣроятно, была со средствами, потому что за нее начали свататься, когда она была еще „не на возрастъ“. Достоинно вниманія, что великій апостолъ аскетическаго міровоззрѣнія не пользуется своимъ вліяніемъ, чтобы удержать дѣвушку отъ замужества, предоставляетъ ей свободу, но заботится о томъ, чтобы устранить неподходящее сватовство. Интересно, что ходатаемъ въ этомъ сватовствѣ является другой епископъ — Бененатъ. Въ письмѣ къ нему Августинъ не скрываетъ своего неудовольствія противъ его плановъ: „я слышалъ, что ты собираешься устроить это сватовство; если это вѣрно (я удивился бы, еслибы это было такъ), то ты знаешь, что твое положеніе епископа обязываетъ тебя заботиться объ интересахъ католической церкви и выдать дѣвушку не за кого бы то ни было (если вѣренъ дошедшій до меня слухъ), но въ семью католическую и въ такую, которая не только не будетъ противникомъ церкви, но будетъ служить ей вѣрною опорой“.

Большой интересъ представляетъ второе письмо Августина къ Бененату, дающаго рѣшительный отпоръ сватолубивымъ наклонностямъ своего товарища. „Дѣвушка, про которую мнѣ пишетъ твое преосвященство, не расположена выходить замужъ, даже еслибы это позволялъ ея возрастъ. Но она еще въ такомъ возрастѣ, что если бы даже и хотѣла выйти замужъ, то ее никому нельзя было бы отдать или обѣщать. Къ тому же Господь поставилъ ее подъ покровительство церкви для защиты отъ неблагонамѣренныхъ — и не для того, чтобы ее выдать замужъ, а для того, чтобы ее не могъ похитить тотъ, кому не слѣдовало бы ее отдавать.“

„Условія, которыя ты предлагаешь, я считаю подходящими на случай, если она вышла замужъ; но захочетъ ли она идти

¹⁾ См. Hatch, Die Gesellschaftsverf. d. chr. Kirchen..., p. 36.

замужъ, мнѣ неизвѣстно, хотя я бы предпочелъ то, что она теперь твердитъ; но она въ такихъ еще годахъ, что ея желаніе сдѣлаться инокиней можно скорѣе принять за игру ребенка, чѣмъ за обѣщаніе взрослой дѣвушки“. Августинъ далѣе пишетъ, что у нея есть тетя по матери. „Можетъ быть появится еще и мать, которая пока не показывалась,—воля которой въ дѣлѣ замужества дочери должна по естественному закону прежде всего быть спрошена, если дѣвушка не войдетъ въ тотъ возрастъ, когда получить болѣе свободы выбирать, кого захочетъ“. Августинъ проситъ епископа все это хорошенько обдумать, такъ какъ, если бы ему, Августину, была предоставлена полная власть распорядиться ея судьбой и она сама, достигнувши зрѣлаго возраста и желая выйти замужъ, предоставила бы ему рѣшеніе, согласно съ волею Божіей (*sub Deo iudice*), за кого ей выйти, „то по истинѣ говорю,—твои условія мнѣ бы нравились, но въ виду Божьяго суда я не могу отвергнуть лучшихъ; однако представляются ли такія, еще неизвѣстно. Вотъ сколько набралось соображеній,—заключаетъ Августинъ,—почему теперь я никому ее обѣщать не могу“.

Намъ извѣстно и самое лицо, въ интересахъ котораго хлопоталъ Бененатъ—это нѣкто Рустикъ, который былъ еще язычникомъ. Онъ сватался за своего сына, также язычника. Въ письмѣ къ Рустикѣ Августинъ желаетъ ему и его семьѣ всевозможныхъ благъ, не только въ здѣшней жизни, но и въ жизни грядущей и вѣчной, „въ необходимости увѣровать въ которую ты еще не убѣдился“. „Относительно дѣвушки, за которую ты сватаешься, я ничего еще не дерзаю обѣщать; причины, меня къ этому побуждающія, я высказалъ, насколько мнѣ это казалось нужнымъ, въ моемъ отвѣтѣ святому брату Бененату. Тебѣ хорошо извѣстно, что хотя я вполнѣ обладаю властью выдать замужъ дѣвицу, я не могу выдать христіанку иначе какъ за христіанина; ты мнѣ однако ничего не пожелалъ обѣщать относительно твоего сына, который, какъ я слышалъ, еще язычникъ. Тѣмъ менѣе могу я дать какія-либо обѣщанія относительно замужества дѣвушки—по причинамъ, о которыхъ ты можешь узнать изъ письма къ моему брату—и не только въ томъ случаѣ, если бы я уже имѣлъ твое обѣщаніе относительно сына твоего, но и могъ бы радоваться его исполненію“.

Были въ то время еще и другіе разряды людей, находившихся на попеченіи церкви и усложнявшихъ дѣятельность епископовъ. Сюда относятся лица, искавшія убѣжища въ церквахъ отъ преслѣдованія за долги или совершенные ими проступки.

Изъ жизни Августина мы знаемъ два такихъ случая, при-

чинившихъ ему немало хлопотъ и показывающихъ, что онъ не жалѣлъ себя, когда являлась возможность или необходимость вступить за лицо, попавшее въ бѣду.

Нѣкто Фасцій задолжалъ семнадцать солидовъ (золотыхъ) и, опасаясь насилій со стороны поручителей своего долга, наставившихъ на его уплатѣ, воспользовался правомъ искать убѣжища въ церкви: а такъ какъ поручители должны были уѣхать изъ города, то они не соглашались дать Фасцію отсрочку и приступили къ Августину съ жалобами и докучными требованіями, чтобы онъ имъ выдалъ Фасцію или бы удовлетворилъ ихъ. Августинъ предложилъ Фасцію заявить о его нуждѣ въ церкви прихожанамъ, но тотъ, устыдясь просить помощи, умолялъ его не дѣлать этого. Тогда Августинъ самъ занялъ деньги и заплатилъ долгъ Фасцію, взявъ съ него обѣщаніе, что если ему не удастся въ срокъ возвратить деньги, то онъ не станетъ противиться обращенію къ прихожанамъ. Срокъ прошелъ, Фасцій не вернулся въ Гиппонъ, и Августину, чтобы исполнить взятое на себя денежное обязательство, пришлось обратиться къ народу. А такъ какъ онъ не успѣлъ этого сдѣлать въ день Св. Троицы, „когда церковь была полнѣе“, то онъ обратился къ паствѣ съ особымъ посланіемъ, убѣждая ее оказать „брату состраданіе, какъ это у нихъ въ обычаѣ“.

Въ посланіи Августинъ, между прочимъ, заявляетъ, что онъ поручилъ пресвитеру, если сборъ окажется недостаточнымъ, дополнить недостающее изъ средствъ церкви: „лишь бы вы всѣ охотно дали, сколько всякій желаетъ, ибо изъ вашихъ ли средствъ или изъ церковныхъ будетъ дано, все это Божье, но ваше подаваніе дороже сокровищъ церкви“.

Интересно, что въ этомъ письмѣ не упоминается о „старостахъ“ (*seniores laici*)¹⁾, которые помогали епископамъ африканскихъ церквей въ IV—V в. въ управленіи церковными имуществами,—а говорится лишь о пресвитерѣ.

Изъ дѣла Фасція мы познаемъ личную доброту Августина и его готовность вліять въ этомъ отношеніи и на свою паству. Въ другомъ подобномъ дѣлѣ онъ, вступаясь за жертву, является смѣлымъ блюстителемъ законовъ и правъ церкви передъ государственными властями. Нѣкій Фавенцій, арендаторъ большого помѣстья, опасаясь, какъ видно изъ письма Августина, непріятностей со стороны владѣльца имѣнія, бѣжалъ въ гиппонскую церковь и оставался тамъ, въ ожиданіи, что его дѣло будетъ ула-

¹⁾ См. Hist. Zeitschr. 1904, стр. 526.

жено заступничествомъ епископа. Становясь, „какъ это бываетъ, изо дня въ день все безпечнѣе“, онъ отправился однажды объѣзжать къ знакомому и, возвращаясь оттуда, былъ захваченъ и куда-то уведенъ толпою вооруженныхъ людей. Когда объ этомъ былъ извѣщенъ Августинъ, онъ немедленно обратился къ военному трибуну Кресконію, командовавшему береговой стражей: тотъ выслалъ дозоръ разыскать Фавенція, но его не нашли. На другое утро Августинъ узналъ, въ какой домъ его повели, и что его уже увели оттуда „послѣ пѣвня пѣтуховъ“; онъ узналъ также, что арестомъ и уводомъ распоряжался полицейскій приставъ Флорентинъ. Августинъ отправилъ къ Флорентину священника, но тотъ не допустилъ его свиданія съ арестованнымъ. Тогда Августинъ послалъ Флорентину письмо съ приложеніемъ императорскаго указа, въ силу котораго всякій заарестованный человѣкъ имѣлъ право требовать, чтобы его отвели въ городское управленіе (*ad Gesta* или *Acta municipalia*) для составленія протокола и спросили, желаетъ ли онъ воспользоваться льготой, предоставлявшей ему возможность оставаться въ городѣ тридцать дней въ „легкомъ заключеніи“, для пріисканія средствъ содержанія и приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Августинъ рассчитывалъ, что въ теченіе этихъ тридцати дней ему удастся уладить дѣло. По этому дѣлу до насъ дошло четыре письма Августина, свидѣтельствующія о горячемъ участіи его къ заключенному и весьма различныя по тону. Флорентину Августинъ пишетъ: „по чьему приказанію ты захватилъ Фавенція, *тебѣ* знать; но и то знай, что всякая власть подвластная должна руководиться законами императора“; объяснивъ содержаніе упомянутаго выше указа, Августинъ пишетъ: „поэтому, не грози тебѣ, а лишь вступаясь за человѣка по человѣчески (*humane*) и по епископскому милосердію, я прошу тебя, господинъ и сынъ мой, чтобы ты принялъ во вниманіе и достоинство свое и просьбу мою, и не затруднился исполнить то, что приказываетъ законъ императора, на службѣ котораго ты состоишь,—согласно моему заступничеству и ходатайству“.

Въ то же время Августинъ пишетъ трибуну Кресконію: „Если я въ этомъ дѣлѣ, о которомъ вторично обращаюсь къ твоей добротѣ, поступилъ несогласно съ религіей, то не только твое превосходительство, но и тотъ, въ чьихъ интересахъ Фавенцій арестованъ, вы могли бы меня вполне заслуженно винить и справедливо осуждать; имѣя въ виду, что если бы онъ самъ прибѣгнулъ къ помощи церкви и съ нимъ что-нибудь подобное случилось, я отнесся бы точно также равнодушно къ его бѣдѣ“.

и тревогъ. Но если и надлежитъ пренебрегать мнѣніемъ людей, то что же скажу я Господу Богу моему и какъ дамъ Ему отвѣтъ, если не сдѣлаю всего возможнаго для спасенія того, кто отдалъ себя подъ охрану и защиту церкви, которой я служу?”

Узнавъ затѣмъ, что Фавенцій отправленъ съ Флорентиномъ въ Цирту, главный городъ Нумидіи, къ консулару Генерозу, Августинъ пишетъ ему, прося его поступить такъ, какъ подобаетъ не только честному, но и христіанскому судѣ. Въ то же время, опасаясь, чтобы съ Фавенціемъ не случилось тамъ чего-нибудь „недобраго“, онъ обращается съ просьбою о заступничествѣ за Фавенція къ епископу Цирты: „ибо онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ чрезвычайно богатымъ, хотя о честности судьи идетъ добрая слава. Но чтобы деньги не превозобладали въ канцеляріи, я прошу твое преосвященство передать консулару письмо мое и прочесть письмо къ тебѣ“. Августинъ желалъ добиться, чтобы консуляръ отложилъ слушаніе дѣла, настаивалъ, чтобы Генерозъ обратилъ вниманіе на нарушеніе императорскаго закона относительно тридцатидневной льготы и далъ бы этимъ возможность Августину кончить дѣло миромъ.

Право предоставлять убѣжище перешло къ христіанскимъ церквамъ, какъ выше упомянуто, отъ языческихъ храмовъ. Но христіанское государство, преклоняясь предъ великимъ призваніемъ христіанской церкви, пошло гораздо дальше языческаго въ предоставленіи священнымъ мѣстамъ и служителямъ религіи права заступничества за угнетенныхъ. Во время язычества это право предоставлялось въ видѣ исключенія нѣкоторымъ особенно чтимымъ храмамъ, и право прибѣгать къ ихъ защитѣ распространялось лишь на тѣхъ счастливицевъ, которымъ удавалось въ критическую минуту найти убѣжище у алтаря. Христіанскіе императоры, предоставивъ епископамъ, какъ мы упоминали, обширную юрисдикцію по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ въ отведенной имъ сферѣ, допускали кромѣ того вмѣшательство епископовъ въ уголовное судопроизводство государственныхъ органовъ для защиты подсудимыхъ и отмѣны или смягченія наказанія. Зачатки такой привилегіи можно и въ этомъ случаѣ указать въ глубокой римской древности, въ правѣ весталокъ миловать встрѣтившихся имъ преступниковъ, ведомыхъ на казнь. Но самое сопоставленіе этихъ фактовъ указываетъ на громадное различіе ихъ значенія. Защита весталки была дѣломъ случайнымъ и обуславливалась почетомъ, которымъ она пользовалась; заступничество епископовъ могло проявляться повсемѣстно, постоянно и по отношенію ко всѣмъ подсудимымъ и приговорен-

нымъ. А еще существоваѣ различіе въ мотивахъ, изъ-за которыхъ допускалось заступничество. Вмѣшательство церковныхъ служителей допускалось потому, что они намѣревались религіозными и нравственными средствами содѣйствовать торжеству правды въ судахъ, приводить людей къ *сознанію* своей неправоты и къ исправленію—особенно—въ случаѣ приговора преступниковъ къ казни. Древній римскій судъ зналъ только принципъ строгости; заступничество епископовъ должно было дать въ немъ мѣсто принципу *милости*. Передъ церковью отрывалась въ этомъ отношеніи благодарная и великая культурная задача; она могла сдѣлаться проводникомъ принципа гуманности въ обществѣ и въ судѣ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало свѣдѣній объ ея дѣятельности въ этомъ отношеніи. Тѣмъ болѣе интереса представляютъ два письма, которыми обмѣнялись по этому вопросу Августинъ и Мацедоній, котораго Августинъ называетъ „презаннымъ государственными дѣлами человекомъ, внимательнымъ не только къ своимъ, но и къ чужимъ нуждамъ“. Мацедоній, несмотря на свои дружескія отношенія къ Августину—онъ снабдилъ его деньгами для уплаты долга Фасція—представилъ ему свои возраженія противъ вмѣшательства церкви въ уголовное судопроизводство.

Мы имѣемъ передъ собою такимъ образомъ діалогъ между представителями тогдашней государственной и церковной точки зрѣнія на отношеніе къ подсудимымъ и преступникамъ. Первый становится на чисто практическую точку зрѣнія, Августинъ—на высоко идеальную. Насколько его идеалистическому воззрѣнію на призваніе церкви соотвѣтствовало ея дѣйствительное воздѣйствіе, мы судить не можемъ, но программа, развиваемая въ данномъ случаѣ Августиномъ, дѣлаетъ высокую честь его идеализму и представляетъ собою замѣчательный памятникъ въ исторіи средневѣкового міровоззрѣнія и культуры человѣчества. Мацедоній формулируетъ весьма ясно и опредѣленно свои недоумѣнія.

„Вы утверждаете,—пишетъ онъ,—что заступничество за подсудимыхъ входитъ въ обязанность духовенства, и оскорбляетесь, если оно остается тщетнымъ, усматривая въ этомъ какъ бы ущербъ вашему сану. Я весьма сомнѣваюсь, вытекаетъ ли такой взглядъ изъ религіи?“ Мацедоній основываетъ свое сомнѣніе на обычаяхъ древней церкви допускать грѣшника къ покаянію только *однажды* въ жизни. „Если,—заключаетъ онъ,—Господь относится такъ строго къ грѣхамъ, что послѣ перваго покаянія грѣшнику уже не предоставляется возможность вторичнаго, то

оставить преступленіе безнаказаннымъ—значило бы оправдывать его. Къ этому Македоній присоединяетъ соображеніе, по его словамъ, еще болѣе вѣское. „Всѣ преступленія представляются болѣе извинительными, если виновный обѣщаетъ исправиться: однако при нашихъ нравахъ люди стараются добиться уменьшенія кары за свое преступленіе и въ то же время сохранить то, изъ-за чего оно ими совершено. Ваше же духовенство считаетъ нужнымъ вступаться и за тѣхъ, относительно исправленія которыхъ нѣтъ надежды въ будущемъ, такъ какъ они и въ настоящемъ пребываютъ въ томъ же преступномъ умствѣ. Ибо тотъ, кто упорно держится за то, ради чего онъ совершилъ преступленіе, доказываетъ, что онъ, когда представится возможность, совершитъ подобное же“.

Македоній проситъ Августина устранить эти недоумѣнія—при чемъ увѣряетъ его, что будетъ относиться даже съ благодарностью къ заступникамъ, особенно въ такой степени этого заслуживающимъ, какъ Августинъ. „Ибо очень часто, когда я не хочу самъ отъ себя смягчать наказанія для того, чтобы отступление отъ строгости не ободрило другихъ къ преступленію, я желаю имѣть добрыхъ заступниковъ для того, чтобы моя добровольная снисходительность при исполненіи приговора казалась вынужденною у меня заслугами другого лица. Въ своемъ отвѣтѣ Августинъ беретъ точкою отправленія для своей аргументаціи слова самого Македонія — „всѣ преступленія кажутся болѣе извинительными, когда виновный въ нихъ обѣщаетъ исправиться“. „Я принимаю то, что ты даешь, и воспользуюсь этою уступкой, чтобы устранить тяжесть обвиненія, которою ты хочешь сокрушить наше заступничество. Именно потому, насколько это возможно, заступаемся мы за всякихъ преступниковъ, что всѣ преступленія кажутся болѣе извинительными, когда виновный въ нихъ обѣщаетъ исправиться. Такъ думаешь ты, такъ думаю и я. Поэтому мы отнюдь не *оправдываемъ* той вины, которую желаемъ исправить, и мы отнюдь не желаемъ оставлять безнаказаннымъ злое дѣяніе *потому*, будто мы его одобряли; но мы жалѣемъ человѣка, злодѣяніе же или преступленіе его осуждаемъ; и чѣмъ болѣе мы ненавидимъ порокъ, тѣмъ менѣе мы хотимъ, чтобы порочный погибъ, не исправившись. Легко и естественно ненавидѣть злодѣевъ; благочестиво же любить ихъ,—хотя это и рѣдко бываетъ,—какъ людей, такъ, чтобы въ одномъ лицѣ цѣнить человѣка и осуждать вину, тѣмъ справедливѣе осуждая ее, что ею оскверняется природа человѣка, которая намъ дорога. Поэтому не становится участникомъ въ неправдѣ, а руко-

водится челоѣколюбіемъ тотъ, кто, преслѣдуя преступленія, добивается избавленія отъ кары преступника, какъ *человѣкъ*. Къ тому же для исправленія нравовъ нѣтъ другого случая помимо этой жизни; ибо послѣ нея всякій останется съ тѣмъ, что себѣ припасъ *здесь*. И такъ, любовь къ челоѣчеству побуждаетъ насъ къ заступничеству за подсудимыхъ, для того, чтобы здѣшняя жизнь ихъ не закончилась казнью и по ея окончаніи не наступила для нихъ безконечная казнь.

Отвѣчая на сомнѣніе, возможно ли вывести обязанность заступничества изъ религіи, Августинъ выводитъ ее изъ христіанскаго представленія о Богѣ, въ Которомъ „нѣтъ неправды и Которому присуще всевѣдѣніе, Который видитъ всякаго не только какъ онъ теперь, но и предвидитъ, какимъ онъ станетъ въ будущемъ; Который одинъ можетъ быть непогрѣшимымъ судьей, потому что одинъ не можетъ быть введенъ въ заблужденіе—и въ то же время, согласно евангелію, приказываетъ любить враговъ нашихъ и благотворить ненавидящимъ насъ.

„Развѣ изъ-за того, что злобно упорствуютъ въ своей неправдѣ, Господь не упорствуетъ въ своемъ долготерпѣніи? Онъ караетъ лишь немного въ этомъ мірѣ—для того, чтобы не отрицалось божественное провидѣніе,—и предоставляетъ многое будущему для того, чтобы была жива вѣра въ грядущій судъ“.

Августинъ напоминаетъ Македонію, что церковь, если ей удастся избавить отъ строгости свѣтскаго суда завѣдомыхъ преступниковъ, отлучаетъ ихъ отъ алтаря, для того, чтобы они могли своимъ поканіемъ умиловить Того, Кого они оскорбили своимъ преступленіемъ, и сами наложить на себя кару.

Конечно, люди въ своей неправдѣ доходятъ иногда до того, что послѣ поканія и допущенія къ алтарю совершаютъ подобныя же преступленія и даже худшія,—однако же и надъ ними восходитъ солнце Божіе и Господь ниспосылаетъ имъ не менѣе, чѣмъ прежде, щедрый даръ жизни и здоровья, и хотя церковь такихъ уже не допускаетъ къ мѣсту, отведенному въ церкви для кающихся грѣшниковъ, Господь въ своемъ долготерпѣніи и ихъ не забываетъ.

Коснувшись этого обычая древней церкви, изъ котораго Македоній сдѣлалъ такой нежелательный для него выводъ,—Августинъ оправдываетъ недопущеніе къ вторичному торжественному поканію и признаетъ его „благоразумно и цѣлесообразно установленнымъ для того, чтобы лекарство, сдѣлавшись обычнымъ, не утратило своей полезности для больныхъ. Но въ глазахъ Августина это недопущеніе публично покаившихся грѣш-

никовъ къ вторичному покаянію, уже не имѣть прежняго значенія, которое ему придавалъ Македоній, и не лишаетъ грѣшника надежды на новое отпущеніе грѣховъ. „Кто дерзнетъ,—воскликаетъ Августинъ,—сказать Господу: зачѣмъ Ты снова пощадишь этого человѣка, который послѣ своего покаянія снова запутался въ сѣтяхъ неправды?“

Но если безгранично милосердіе Божіе къ грѣшникамъ, то какъ же людямъ, которые всѣ грѣшны, относиться безпощадно другъ къ другу? Съ патетическимъ краснорѣчіемъ изображаетъ Августинъ безнравственныя послѣдствія ригоризма, отнимающаго у покаившихся и снова падшихъ грѣшниковъ всякую надежду на снисхожденіе. Одному изъ такихъ несчастныхъ онъ влагасть въ уста слѣдующее требованіе: „или дайте мнѣ еще разъ мѣсто среди кающихся, или разрѣшите мнѣ съ отчаянія дѣлать все, что я хочу и могу, и что разрѣшаютъ мнѣ гражданскіе законы; разрѣшите мнѣ всякаго рода распутство, Богу неуродное, но большинствомъ людей прославляемое; если же вы меня отговариваете отъ такого нечестія, то скажите, принесетъ ли мнѣ пользу для будущей жизни, если я въ этой жизни стану пренебрегать всѣми приманками наслажденія, если я обуздаю всѣ страсти, если для усмиренія тѣла я даже откажусь отъ многого мнѣ дозволеннаго, если ради покаянія я стану истязать себя больше прежняго, если я буду громче стонать и обильнѣе проливать слезы о моихъ грѣхахъ, если я буду вести лучшій образъ жизни, щедрѣ буду одарять бѣдныхъ, если я сильнѣе буду пламенѣть тою любовью, которая покрываетъ обиліе грѣховъ?“ „Кто же изъ насъ,—спрашиваетъ Августинъ,—будетъ настолько безумецъ, чтобы сказать такому человѣку: все это не принесетъ тебѣ никакой пользы для будущаго вѣка; иди, пользуйся и наслаждайся здѣшной жизнью!—Сохрани насъ Господь,—заключаетъ Августинъ,—отъ такого чудовищнаго отвѣта!“

Переходя отъ защиты къ наступленію, Августинъ примѣняетъ сдѣланный имъ выводъ къ самой свѣтской власти и требуетъ отъ нея самой снисходительности къ подсудимымъ. Конечно, говоритъ онъ, иное дѣло обязанность обвинителя, иное—защитника; иное опять-таки заступника, иное—судьи; различать ихъ обязанности здѣсь было бы слишкомъ долго и излишне, но божественное слово предписываетъ судьямъ, карающимъ преступленіе, чтобы они не поддавались гнѣву, а были служителями закона, чтобы они карали по должному разбору дѣла не за свои, а за чужія обиды; они должны помнить, что милосердіе Божье и имъ самимъ необходимо, и потому не должны считать

упущеніемъ по должности всякое милосердіе по отношенію къ тѣмъ, надъ жизнью и смертію которыхъ имъ предоставлена законная власть.

Среди этихъ разсужденій, Августинъ приводитъ евангельскій разсказъ о судѣ надъ блудной женой, весьма внушительно призывая къ римскому судѣ слова Христа—„кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ пусть подниметъ первый камень на нее“. По объясненію Августина, Христосъ не осудилъ закона, повелѣвающаго убивать виновныхъ въ такомъ преступленіи, но, устрашая тѣхъ, по суду которыхъ преступница могла быть убита, призывалъ судей къ милосердію. „Я полагаю,—прибавляетъ Августинъ,—что самъ мужъ, требовавшій отмщенія за оскорбленіе своего ложа, еслибъ услышалъ эти слова, устранился бы и вмѣсто жажды мщенія исполнился бы желаніемъ прощенія... Такъ пусть же этимъ словамъ внимаетъ благочестивый христіанинъ, которымъ вняли невѣрующіе іудеи. Щади злодѣевъ, добрый человѣкъ; чѣмъ лучше ты самъ, тѣмъ болѣе будь кротокъ; чѣмъ выше твоя власть, тѣмъ смиреннѣе становись въ своемъ благочестіи“.

„Но если,—обращается Августинъ, далѣе, къ Македонію,—подъ вліяніемъ мысли, что всѣ люди грѣшны, остываетъ даже пылъ обвинителя и слабѣетъ даже строгость судьи, то какіе ты полагаешь предѣлы обязанности защитника или заступника? вѣдь и вы, добрые люди, теперь занимающіе мѣста судей, когда-то вращались на форумѣ, выступая въ процессахъ, и хорошо помните, насколько охотнѣе вы брали на себя защиту, чѣмъ обвиненіе. И однако, обязанность заступника простирается еще далѣе обязанности защитника; ибо первый прилагаетъ свои старанія къ тому, чтобы прикрыть или облить преступленіе,—заступникъ же, даже когда вина очевидна, заботится о томъ, чтобы устроить или смягчить наказаніе“.

Затѣмъ, Августинъ указываетъ Македонію, съ удивительнымъ знаніемъ человѣческаго сердца, на то, какъ всякій человѣкъ бываетъ гуманнѣе въ чужомъ дѣлѣ, чѣмъ въ такомъ, въ которомъ лично заинтересованъ. То, что всякій у себя дома не оставилъ бы безъ наказанія, онъ склоненъ оставить безнаказаннымъ въ домѣ другого. Того, кто не вступится за слугу, на котораго въ его присутствіи разгнѣвался его другъ, мы не назовемъ справедливымъ, а сочтемъ жестокимъ. Августинъ напоминаетъ Македонію, какъ онъ самъ съ друзьями когда-то въ карфагенской церкви вступился за клерика, на котораго подѣломъ разсердился епископъ; и хотя церковная дисциплина не допускаетъ пролитія крови, и поэтому не было основанія опасаться

за жизнь виновнаго, „вы пожелали оставить безнаказаннымъ то, чего сами не одобряли; мы же не сочли это потаканіемъ преступленію, а выслушали васъ, какъ гуманнѣйшихъ заступниковъ. Если же вамъ дозволено вашимъ вмѣшательствомъ смягчить церковную кару, то насколько болѣе надлежитъ епископу останавливать вашъ мечъ, который изымлется изъ ноженъ, чтобы прекратить жизнь, тогда какъ наша кара прилагается для того, чтобы спасти ее“.

Отстаивая такимъ образомъ для духовенства право заступничества въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, Августинъ успокаиваетъ блюстителя свѣтскаго правосудія, что не напрасно, однако, установлена держава царей, право судей казнить, орудія палачей, оружіе стражи, власть господина, строгость добраго отца. Все это имѣетъ свою причину, свои предѣлы, свое разумное основаніе, свою пользу. Страхъ всего этого сдерживаетъ злодѣевъ и даетъ возможность праведнымъ спокойно жить среди нихъ. Такому порядку человѣческихъ дѣлъ не противорѣчитъ, однако, право заступничества со стороны епископовъ—напротивъ, если бы не было карающихъ учрежденій, то не было бы поводовъ и случая къ заступничеству. И чѣмъ справедливѣе наказаніе преступниковъ, тѣмъ болѣе цѣнна благотѣльность заступничества и пощады.

Важно, однако, то, по какимъ побужденіямъ происходитъ заступничество. Подобно тому, какъ кара можетъ проистекать изъ милосердія, такъ пощада можетъ быть слѣдствіемъ жестокости. Августинъ поясняетъ это примѣромъ: милосерднымъ нужно считать того, кто запретить мальчику играть со змѣями и за непослушаніе наказать его, а жестоко было бы поступить въ этомъ случаѣ иначе. По этому поводу Августинъ заводитъ рѣчь о томъ, что весьма различны и преступленія въ зависимости отъ повода къ нимъ, какъ напр.: правильно ли убійство по злобѣ враговъ или ради грабежа разбойникомъ; совершено ли оно судьей ради наказанія, или палачомъ—по приказанію; совершено ли оно въ самозащитѣ отъ разбойника или въ сраженіи. Иногда тотъ, кто былъ поводомъ къ смерти, виновнѣе того, кто ее причинилъ. Но не всякій виновенъ, заключаетъ Августинъ, кто былъ поводомъ къ смерти другого; напримѣръ, въ томъ случаѣ, если кто-либо лишить себя жизни изъ-за отверженной любви, или изъ страха заслуженнаго отеческаго наказанія.

Но заступничество, признается Августинъ, имѣетъ иногда послѣдствія, которыхъ не желали заступники. Случается, что отпущенный на свободу, благодаря заступничеству духовенства,

исполняется, вслѣдствіе безнаказанности, худшею дерзостью, поддается жадности, забываетъ объ оказанномъ ему милосердіи и, самъ избавленный отъ смерти, другихъ предастъ смерти. Случается также, что хотя отпущенный на свободу и исправляется, но черезъ него другой погибаетъ, совершившій, въ упованіи на его безнаказанность, худшія дѣла. Но не это зло, заявляетъ Августинъ, должно быть приписано заступничеству духовенства, а то благо, которое оно имѣетъ въ виду, т.-е. проповѣдь кротости для того, чтобы къ правдѣ присоединилась любовь и чтобы избавленные отъ земной смерти могли жить, не подвергаясь вѣчной смерти, отъ которой нѣтъ избавленія.

„И такъ,—заключаетъ Августинъ,—приносить свою пользу и ваша строгость, обезпечивающая нашъ покой; приносить пользу и наше заступничество, умѣряющее вашу строгость“.

Оставалось однако еще одно вѣское возраженіе противъ заступничества духовенства—современные нравы, на которые жаловался Мацедоній,—стремленіе людей избавиться отъ наказаній и сохранить вмѣстѣ съ тѣмъ плоды своихъ преступленій. Августинъ признается, что таковъ худшій разрядъ людей, что покаяніе не приноситъ имъ врачеванія. Ибо если чужое имущество, ради котораго совершено преступленіе, можетъ быть возвращено преступникомъ, но не возвращается имъ, то это не покаяніе, а притворство. Но Августинъ подчеркиваетъ слова — „если присвоенное имъ имущество можетъ быть возвращено“. Большею же частью тотъ, кто присвоиваетъ себѣ чужое, самъ скоро утрачиваетъ его, потерпѣвъ то же самое отъ другихъ или проживъ отнятое имъ, и потому ему и нечего отдавать. Такому человѣку мы не можемъ сказать: отдай то, что ты себѣ присвоилъ; или мы должны быть увѣрены, что оно у него есть и что онъ это отрицаетъ“. Заслуживаетъ вниманія, какъ по этому поводу высказывается Августинъ о тогдашнемъ судопроизводствѣ, прибѣгавшемъ къ пыткамъ, чтобы побудить вора или грабителя возвратить присвоенное имъ чужое имущество. Онъ допускаетъ, что эту мѣру „нельзя считать несправедливою,—ибо если у виновнаго и нѣтъ того, чѣмъ онъ могъ бы возмѣстить похищенное, онъ, претерпѣвая тѣлесныя мученія, несетъ кару за совершенный имъ грѣхъ“. Но Августинъ не сдается и на этотъ аргументъ Мацедонія и настаиваетъ на правѣ заступничества, „гуманно (поп inhumanum) вступаться и за такихъ людей, не для того, чтобы чужое добро осталось невозвращеннымъ, но чтобы человѣкъ не свирѣпствовалъ противъ человѣка (ne homo in hominem saeviat) — въ особенности тотъ, кто вину простилъ, но

деньги свои желаетъ вернуть и, боясь потерпѣть ущербъ, не хочетъ быть мстительнымъ“. Иногда и сами истцы настолько жалостливы, что не хотятъ въ своемъ недоумѣніи изъ-за сомнительнаго успѣха подвергать человѣка вѣрнымъ мученіямъ. „Къ такой-то жалостливости намъ слѣдуетъ призывать и увѣщевать и васъ, судей“.

Августинъ, правда, соглашается, что тотъ, кто своимъ заступничествомъ содѣйствуетъ укрятію чужой собственности, самъ становится участникомъ въ обманѣ и преступленіи. Отказать въ такомъ заступничествѣ милосердіе, чѣмъ оказать его, ибо содѣйствовать совершенію грѣха не значитъ придти на помощь. Но развѣ духовенство можетъ или должно вымогать неправильно присвоенное или выдавать людей, виновныхъ въ похищеніи чужого, властямъ? Нѣтъ! духовенство борется противъ грѣха духовными средствами.

И Августинъ развертываетъ по этому поводу передъ нами широкую картину дѣятельности тогдашнихъ епископовъ въ помощь свѣтскому правосудію: они угрожаютъ виновнымъ человѣческимъ, а въ особенности и во всякомъ случаѣ—Божескимъ судомъ. „Нежелающихъ возвратить то, что они завѣдомо себѣ присвоили и имѣютъ возможность возвратить, мы осуждаемъ, укоряемъ и отвергаемъ отъ себя однихъ тайно, другихъ—публично, примѣняя различные способы леченія, сообразно съ различіемъ лицъ, для того, чтобы не ввергать ихъ въ большее безуміе. Иногда же къ нимъ примѣняется крайнее средство—отлученіе отъ алтаря“.

Августинъ признается, что епископы нерѣдко становятся въ этихъ случаяхъ жертвою обмана, — „но часто и вы ошибаетесь, полагая, что мы не настаиваемъ на возвращеніи похищеннаго, или возможно возмѣщеніе; вѣдь всѣ мы, или почти всѣ, любимъ выдавать наши подозрѣнія за достовѣрное или считать ихъ таковымъ, руководясь одною вѣроятностью, хотя вѣроятное иногда бываетъ невѣрно, а иногда, наоборотъ, невѣроятное — достовѣрно“.

Но противъ упрека духовенства, что вслѣдствіе его заступничества преступно присвоенное имущество оставалось бы невозвращеннымъ, Августинъ выступаетъ съ еще болѣе сильнымъ оружіемъ — съ обвиненіемъ противъ всего тогдашняго судопроизводства. Онъ заявляетъ, что не все, что взыскивается съ человѣка вопреки его желанію, взыскивается несправедливо; вѣдь очень многіе, поясняетъ Августинъ, не отдають врачу гонораръ, а рабочему плату; было бы несправедливостью не взы-

скивать этого съ должниковъ, хотя бы насильно. Но какъ быть съ платою, которую беретъ судья за приговоръ, а свидѣтель за свое показаніе? Если не слѣдуетъ брать денегъ за справедливый приговоръ и за вѣрное показаніе то тѣмъ преступнѣе брать ихъ за несправедливый приговоръ и за ложное показаніе даже съ тѣхъ, которые ихъ охотно платятъ. И однако бываетъ, что тотъ, кто далъ деньги за справедливый приговоръ, требуетъ ихъ назадъ, такъ какъ судебный приговоръ не долженъ продаваться; но тотъ, кто далъ деньги за несправедливый приговоръ, охотно бы ихъ взыскалъ, если бы не боялся или не стыдился признать, что получилъ приговоръ подкупомъ.

Мы узнаемъ отъ Августина, что чиновники въ канцеляріяхъ берутъ съ обѣихъ сторонъ. Если эти поборы не превышаютъ того, что установилъ обычай, ихъ не взыскиваютъ; если они „исторгнуты съ чрезмѣрной нечестностью, то взыскиваются“. Августинъ замѣчаетъ, что мы болѣе осуждаемъ тѣхъ, кто вопреки обычаю взыскиваетъ умѣренные поборы (*de more*), чѣмъ тѣхъ, кто ихъ бралъ ибо этими выгодами привлекаются къ службѣ или поддерживаются на ней многіе необходимыя для общества люди. Но все-таки Августинъ ставитъ такихъ людей на одинъ уровень съ мытникомъ и возбуждаетъ вопросъ, какъ имъ слѣдовало бы поступить съ неправильно нажитымъ имуществомъ.

Если, говоритъ онъ, такія лица измѣняютъ свой образъ жизни или поднимаются на болѣе высокую ступень благочестія, они скорѣе отдадутъ бѣднымъ то, что приобрѣли этимъ способомъ, чѣмъ возвращаютъ тѣмъ, отъ кого получили, забывъ, что это — *чужое* добро. Но то, что приобрѣтено вопреки законамъ человѣческаго общества воровствомъ, грабежомъ, вѣззами, гнетомъ, насиліемъ, не должно, по примѣру Закхея (Лук., 19, 8), быть роздано нищимъ, а возвращено настоящимъ владѣльцамъ.

Осуждая поборы въ судебномъ вѣдомствѣ, Августинъ относится съ особенною строгостью къ тогдашнимъ адвокатамъ и обрушивается со всею силою своего папирскаго краснорѣчія на этихъ баловней древняго Рима, воспитанныхъ въ школѣ языческой диалектики.

„Если искреннѣе отнестись къ справедливости, — заявляетъ Августинъ Македонію, — было бы всего справедливѣе сказать и адвокату: возврати, что ты получилъ, когда стоялъ противъ истины, былъ пособникомъ неправды, ввелъ въ обманъ судью, сгубилъ правое дѣло, ложью одержалъ побѣду (что на твоихъ глазахъ (т.-е. Македоніи) многіе почтенные и краснорѣчивые люди не только безнаказанно совершаютъ, но еще вмѣняютъ себѣ въ славу), — чѣмъ ка-

кому-нибудь судебному приставу: отдай, что ты получилъ, когда по приказанію судьи задержалъ человѣка необходимаго въ какомъ-нибудь процессѣ, связалъ его, чтобы онъ не сопротивлялся, заключилъ его, чтобы онъ не бѣжалъ, а затѣмъ, по окончаніи процесса, выпустилъ на свободу. Но понятно, почему этого не говорятъ адвокату: потому что кліентъ не хочетъ получить назадъ то, что онъ ему заплатилъ за недобросовѣстное веденіе дѣла—какъ тотъ не хочетъ возвратить и того, что получилъ съ отвѣтника, по недобросовѣстно выигранному дѣлу. Но гдѣ найдется адвокатъ, или вышедшій изъ адвокатуры видный человѣкъ, который сказалъ бы своему кліенту: возьми назадъ, что ты мнѣ далъ, если я плохо тебя защищалъ, и возврати твоему противнику то, что ты, при моей помощи, несправедливо у него отнял! И однакоже тотъ, кто искренно раскаивается въ своей прежней неправедной жизни, долженъ былъ бы такъ поступить;—ибо хотя бы тотъ, кто велъ несправедливую тяжбу, не захотѣлъ исправить свою неправду, адвокатъ не долженъ бы сохранять вознагражденіе, полученное за эту неправду; тогда не слѣдовало бы требовать и возвращенія того, что тайно унесено воровъ—если не возвращаютъ того, что на самомъ форумѣ, гдѣ караются преступленія, похищено посредствомъ обмана судьи и обхода закона“!

„А что же сказать о лихвенныхъ процентахъ,—восклицаетъ Августинъ,—которые должны быть возвращены въ силу самого закона и по требованію судей? Развѣ тотъ, кто обманомъ или насиліемъ обираетъ богатаго, хуже, чѣмъ тотъ, кто губитъ бѣдняка? Въ этомъ и въ подобныхъ случаяхъ имущество приобрѣтено дурнымъ способомъ, и я желалъ бы, чтобы оно возвращалось—но нѣтъ суда для его возвращенія“. Такъ, обличая несостоятельность человѣческаго судопроизводства и открывая обширную область гражданской неправды, недоступной свѣтскому суду, Августинъ отстаиваетъ моральное воздѣйствіе духовенства въ области суда. Но съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ вообще смотрѣть на всѣ эти тяжбы среди людей и связанную съ ними неправду—на собственность? Вдохновенный проповѣдникъ Божьяго царства, апостолъ аскетическаго міровоззрѣнія, не могъ не держаться въ данномъ вопросѣ—при всей своей пастырской трезвости—высокаго идеализма, какъ и другіе подвижники аскетизма, слѣдовавшіе за нимъ по этому пути. Путеводной звѣздой могъ служить Августину священный текстъ, который онъ нѣсколько разъ приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ; приводитъ его два раза и его современникъ, монашествующій Іеронимъ; приводитъ его и могучій реформаторъ средневѣковаго монашества, св. Бернардъ.

Вотъ эти слова: „праведному человѣку принадлежать всѣ сокровища міра, неправедному—ни одинъ оболъ“¹⁾. „Вникая разумно въ эти слова Писанія, — восклицаетъ Августинъ, — развѣ мы не должны обличать всѣхъ, кто наслаждается имуществомъ, по ихъ мнѣнію, законно пріобрѣтеннымъ — въ обладаніи *чужой* собственности, если они не умѣютъ пользоваться ею? Конечно то, чѣмъ владѣютъ по праву, не можетъ считаться чужимъ; но *по праву* владѣютъ только тѣмъ, чѣмъ праведно владѣютъ (*juste*), а праведно—тѣмъ, чѣмъ хорошо (*bene*) владѣютъ. Поэтому все то, чѣмъ дурно владѣютъ, есть чужое добро, а дурно владѣть тотъ, кто дурно пользуется владѣніемъ“.

Мѣсто въ высшей степени замѣчательное, не только для даннаго вопроса и для Августина вообще, но и для всего средне-вѣкового міровоззрѣнія. Иносказательное употребленіе словъ *juste* и *justitia* — *справедливость* у Августина въ смыслѣ *праведно* и *праведность* (благочестіе)—составляетъ, такъ сказать, водораздѣлъ между антично-римскимъ и римско-христіанскимъ, средне-вѣковымъ міровоззрѣніемъ, между бытомъ, основаннымъ на *гражданскихъ* законахъ, и бытомъ, искавшимъ свою основу въ *божескомъ* законѣ. Въ этой высокой сферѣ праведности, если не исчезаютъ, то стихаютъ гражданскіе споры. „Ты видишь,—говоритъ Августинъ Македонію,—сколь многимъ слѣдовало бы возвратить чужое имущество, еслибы только нашлись тѣ немногіе, которымъ его можно было бы возвратить. Но теперь пока еще терпится несправедливость неправедно владѣющихъ, и ради нихъ устанавливаются законы, называемые гражданскими: отсюда не слѣдуетъ, что они праведно владѣютъ, но что, владѣя неправедно, они при такихъ условіяхъ приносятъ менѣе вреда. Такой порядокъ вещей будетъ существовать, пока праведные и благочестивые, которымъ все принадлежитъ—и которые, проживая нѣкоторое время среди неправедныхъ, ихъ примѣромъ не соблазняются, а научаются—не достигнуть царства, составляющаго ихъ вѣчное достояніе; царства, гдѣ богатъ лишь праведный, обладаетъ властью лишь мудрый, гдѣ всѣ, кто тамъ будетъ, будутъ владѣть тѣмъ, что по истинѣ имъ принадлежитъ“.

Вступаясь за виновныхъ, осужденныхъ по закону законными властями, Августинъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ угнетенію невинныхъ, страдавшихъ противозаконно и отъ частнаго произвола. Памятникомъ благороднаго рвенія гиппонскаго епи-

¹⁾ Fidelis hominis totus mundus divisiarum est, infidelis autem nec obolus. Слова эти въ Септуагинтѣ, въ Притч. Солом. 17, 6 sq.

скопа въ этомъ отношеніи служить его письмо къ нѣкому Ромулу, въ защиту его „колоновъ“. Среди обличеній мірской неправды, которыми такъ богата церковная литература, это посланіе Августина выдается рѣдкимъ соединеніемъ дѣловитости, напоминающей искуснаго адвоката, съ грознымъ краснорѣчіемъ пастыря, призывающаго къ Божьему суду мощнаго человѣка за обиду беззащитныхъ подчиненныхъ.

Обстоятельство дѣла извѣстно намъ изъ самаго письма Августина. Колоны Ромула уплатили обычный оброкъ его сборщику, Понтикану: но Ромулъ, утверждавшій, что онъ не приказывалъ имъ этого дѣлать, требовалъ отъ нихъ вторичной уплаты оброка. На это ему Августинъ справедливо возражаетъ: „Но ты приказалъ имъ слушаться Понтикана, они же не могли знать, насколько имъ надо было слушаться его и насколько не слушаться, въ особенности когда онъ требовалъ того, что, какъ они прекрасно знали, имъ надлежало уплатить. Они должны были бы имѣть отъ тебя письмо, чтобы предъявить его сборщику, если онъ требовалъ оброка вопреки твоему желанію. Ибо если ты и сказалъ когда-либо на словахъ, чтобы они сборщику ничего не платили, они могли этого не помнить: да и ты самъ можешь не помнить, на самомъ ли дѣлѣ ты далъ подобное приказаніе имъ, или другимъ колонамъ, или всѣмъ,—тѣмъ болѣе, что, какъ тебѣ извѣстно, они дали деньги и другому сборщику, и деньги эти цѣлы, и ты не выражалъ неудовольствія на то, что они ихъ уплатили. И когда я тебя спросилъ:—„а еслибы и этотъ сборщикъ присвоилъ себѣ деньги, ты также потребовалъ бы ихъ во второй разъ“—тебѣ это не понравилось. Ты мнѣ также часто говорилъ, что никогда не давалъ полномочій Валерію и Агинеzu; но однажды у насъ зашла рѣчь о винѣ, которое у тебя начало скисаться, и забывъ о томъ, что такъ часто мнѣ говорилъ объ Агинеzѣ, ты сказалъ, что крестьяне должны были бы увѣдомить объ этомъ Агинеzu и поступать согласно съ его распоряженіями. Когда же я напомнилъ тебѣ, что ты никогда не давалъ этимъ приказчикамъ полномочій—ты мнѣ отвѣтилъ: „но у Агинеzu было письмо отъ меня“—какъ будто твои приказчики должны прочитывать деревенскому люду твои письма, чтобы убѣдить ихъ, что ихъ приказаніе исходитъ отъ тебя. Но вѣдь эти люди, вида, что тѣ занимаютъ твоими дѣлами, не считаютъ возможнымъ, чтобъ они посмѣли дѣлать что-нибудь зря, не имѣя на то твоихъ приказаній“. Изъ этого изложенія дѣла видно, что Августинъ лично и, можетъ быть, не одинъ разъ убѣждалъ Ромула не прибѣгать къ крючкотворству и произволу власти и не разорять

своихъ колоновъ. Бесѣды эти ни къ чему не привели; и Августинъ узналъ, что Ромулъ собирается выѣхать изъ Гиппона. Тогда онъ послалъ сказать ему—это было въ субботу,—чтобы онъ не уѣзжалъ, не повидавшись съ нимъ; на что Ромулъ отвѣтилъ согласіемъ. Но хотя онъ въ воскресенье дѣйствительно отправился въ церковь, гдѣ находился Августинъ, однако повидаться съ нимъ не захотѣлъ, и уѣхалъ. Тогда послѣдовала слѣдующая внушительная отвѣдь Августина:

„Правда бываетъ и сладка, и горька; когда она падитъ, она сладка; когда же бываетъ горька, она полезна. Ты испытываешь это, если не откажешься отвѣдать того, что я тебѣ подношу. Дай Богъ, чтобы оскорбленія, которыя ты мнѣ наносишь, были для тебя такъ же безвредны, какъ они не повредили мнѣ; и дай Богъ, чтобы неправда, которую ты творишь по отношенію къ слабымъ и бѣднымъ, не оказалась для тебя болѣе тяжелою, чѣмъ для нихъ. Они вѣдь страдаютъ временно; ты же подумай о томъ, что ты для себя накопилаешь ко дню гнѣва и объявленія справедливаго суда Божьяго, который воздастъ всякому по дѣламъ его. Къ Его милосердію я взываю, чтобы Онъ лучше здѣсь исправилъ тебя, какъ знаетъ, чѣмъ пощадилъ до того дня, когда уже не будетъ мѣста исправленію; чтобы Онъ, давъ тебѣ страхъ Божій, ради котораго я не отчаиваюсь въ тебѣ, раскрылъ твой умъ, и чтобы ты, узрѣвъ что дѣлаешь, пришелъ бы въ ужасъ и исправился. Тебѣ представляется пустымъ и почти ничтожнымъ зло настолько великое, что когда укрощенная въ тебѣ жадность позволить тебѣ его понять, ты слезами будешь орошать землю, чтобы Господь тебя помиловалъ. Если я несправедливъ, настаивая передъ тобою, чтобы бѣдные и нищіе люди не уплачивали по два раза свой долгъ, отдавши его сборщику, по его приказанію,—чего онъ не можетъ отрицать;—если я несправедливъ, считая несправедливымъ, чтобы они заплатили два раза то, что они и въ одинъ-то разъ едва въ состояніи уплатить,—то дѣлай, что хочешь! Если же ты понимаешь, что это несправедливо, то дѣлай, что тебѣ надлежитъ, что Богъ велитъ и о чемъ я прошу. Не о нихъ, а о тебѣ самомъ я молю тебя: хотя тебя слѣдовало бы не просить, а уворять по словамъ Писанія. Если бы мнѣ пришлось просить у тебя чего-нибудь для меня, я бы вѣроятно не сталъ просить; но такъ какъ приходится тебя просить ради тебя самого, то я прошу тебя въ твоемъ гнѣвѣ пощадить себя, умиловать себя, чтобы былъ къ тебѣ милостивъ Тотъ, къ Кому ты обращаешься съ молитвой“.

Упомянувъ о томъ, что Ромулъ не сдержалъ своего обѣ-

щанія и уѣхалъ, не повидавшись съ Августинѣмъ, послѣдній продолжаетъ. „Да проститъ тебя Богъ за это. Чтѣ мнѣ еще сказать, кромѣ того, что Богу извѣстно, какъ сильно я этого желаю; но знаю я и то, что Онъ будетъ справедливъ, если ты не исправишься. Но если ты себя пожалѣешь, то пожалѣешь и меня; ибо я не такъ уже чуждъ любви Христовой, чтобы не испытывать тяжелой раны въ сердцѣ моемъ, когда такъ поступаетъ тотъ, кого я считаю своимъ сыномъ по Евангелію.

„Однако къ чему мнѣ такъ долго съ тобой спорить, — оканчиваетъ свое письмо Августинъ, — и обременять такого занятого человека. Разсердившись на слова мои, пожалуй ты станешь хуже свирѣпствовать противъ бѣдныхъ людей! Но вѣдь имъ зачтется въ заслугу то, чтѣ они претерпятъ отъ твоего гнѣва, вызваннаго словами, сказанными ради твоего спасенія; впрочемъ, я болѣе ничего не скажу тебѣ, чтобы ты не подумалъ, что я руковожусь не страхомъ за тебя, а недоброжелательствомъ къ тебѣ. Опасайся Бога, если не хочешь испытать горькаго разочарованія. Его я призываю въ свидѣтели, что я больше боюсь за тебя, чѣмъ за тѣхъ, за кого вступаюсь“.

Отъ картинъ борьбы Августина со зломъ и неправдой обратимся къ двумъ письмамъ его, рисующимъ мирную пристань его внутренней жизни. Эти письма написаны въ разное время и къ весьма различнымъ лицамъ, но связаны содержаніемъ, касаясь двухъ видовъ взаимнаго влеченія людей другъ къ другу — дружбы и любви. Первое изъ этихъ началъ было высоко прославлено классической древностью, второе — въ его всеобъемлющемъ смыслѣ любви къ *ближнему* — было провозглашено христіанствомъ. Поэтому первое письмо озарено свѣтомъ классическаго просвѣщенія, которое Августинъ съ такимъ успѣхомъ усвоилъ себѣ во дни своей юности; второе проникнуто духомъ Евангелія; въ первомъ онъ взываетъ къ авторитету Цицерона, во второмъ — исходитъ изъ словъ того апостола, который формулировалъ въ его всемірномъ значеніи начало христіанской любви. Эти два письма отражаютъ такимъ образомъ на себѣ два фазиса эволюціи, пережитые Августинѣмъ: мы видимъ въ первомъ изъ нихъ, какъ Августинъ изъ опредѣленія дружбы у классиковъ выводитъ, что истинная дружба можетъ существовать лишь между христіанами; мы видимъ во второмъ, какъ глубоко онъ усвоилъ себѣ духъ того апостола, благодаря проповѣди котораго „эллинскій“ міръ былъ приобщенъ къ благой вѣсти о ближнемъ.

Въ первомъ изъ этихъ писемъ, написанномъ подъ старость, Августинъ обращается къ другу своей юности Мартіану, который до преклонныхъ лѣтъ все еще находился подъ обаяніемъ языческаго просвѣщенія. „Я оторвался или, вѣрнѣе, урвался, тайкомъ отъ моихъ многочисленныхъ занятій, чтобы писать тебѣ, старѣйшему другу, который впрочемъ мнѣ не былъ другомъ, пока я не обладалъ имъ во Христѣ“. Августинъ напоминаетъ Мартіану опредѣленіе, которое далъ дружбѣ Туллій, *величайшій*, какъ кто-то замѣтилъ ¹⁾, *учитель римскаго краснорѣчія*. „Онъ сказалъ, и чрезвычайно вѣрно сказалъ: „дружба есть согласіе въ человѣческихъ и божественныхъ дѣлахъ, соединенное съ благо-расположеніемъ и любовью“. Ты, мой любезнѣйшій, вполне раздѣлялъ мой взглядъ на человѣческія отношенія, пока я желалъ ими пользоваться по обычаю людскому, и содѣйствовалъ мнѣ въ достиженіи ихъ,—въ чемъ я теперь раскаяваюсь—и вмѣстѣ съ другими тогдашними моими друзьями и даже преимущественно передъ ними раздувалъ мои страсти шумнымъ восхваленіемъ. Но меня тогда еще не просвѣтила божественная истина, существенно входящая въ составъ дружбы, и въ этомъ отношеніи наша дружба хромала!“

Теперь же это измѣнилось къ лучшему; Мартіанъ самъ позналъ истину, и Августинъ выражаетъ по этому поводу величайшую радость. „Когда же я пересталъ желать земныхъ благъ, ты, пребывая въ своемъ расположеніи ко мнѣ, продолжалъ желать мнѣ здоровья и счастья въ томъ смыслѣ, какъ міръ ихъ обычно желаетъ. Такимъ образомъ, между нами продолжалось дружелюбное согласіе относительно человѣческихъ благъ. Теперь же я не нахожу словъ, чтобы выразить тебѣ мою радость по поводу того, что мой давнишній другъ сталъ мнѣ уже истиннымъ другомъ. Ибо наступило между нами согласіе и относительно божественнаго; весело проводя нѣкогда со мною мірскую жизнь въ пріятельскихъ сношеніяхъ, ты теперь соединился со мною въ надеждѣ на вѣчную жизнь. Но между нами нѣтъ разногласія и относительно человѣческихъ дѣлъ; ибо, познавши божественное, мы цѣнимъ ихъ такъ, что не придаемъ имъ большаго значенія, чѣмъ слѣдуетъ по справедливой мѣрѣ; но и не отвергаемъ ихъ съ пренебреженіемъ, чтобы не оскорблять Создателя ихъ, Господа всего небеснаго и земного. Такимъ образомъ, гдѣ между друзьями нѣтъ согласія въ божественномъ, тамъ не можетъ быть полного и истиннаго согласія и въ земномъ. Ибо

¹⁾ Луканъ въ VII кн. своей поэмы.

неизбѣжно тотъ, кто пренебрегаетъ божественнымъ, цѣнить земное иначе, чѣмъ слѣдуетъ, и не сумѣетъ правильно любить человека тотъ, у кого нѣтъ любви къ его Творцу. Поэтому я не скажу, что ты мнѣ теперь сталъ полнымъ другомъ, а прежде былъ имъ только наполовину; ибо логика указываетъ, что ты и наполовину мнѣ не былъ другомъ, пока между нами не было истинной дружбы“. Августинъ проситъ Мартіана не сердиться за то, что онъ отрицаетъ существованіе между ними дружбы, несмотря на выказанное имъ большое расположеніе—такъ какъ онъ самъ былъ себѣ не другомъ, а недругомъ, ибо любилъ неправду. Но теперь Августинъ благодаритъ Бога за то, что онъ наконецъ его сдѣлалъ ему другомъ и, напомнивъ Мартіану слова Писанія о любви къ Богу и къ ближнему, Августинъ заключаетъ: „Если ты будешь со мною крѣпко соблюдать эти двѣ заповѣди, между нами будетъ истинная и прочная дружба, и она не только соединитъ насъ взаимно, но и съ самымъ Богомъ“.

Но оставалось сдѣлать еще одинъ, важнѣйшій шагъ. Мартіанъ причислялъ себя къ христіанамъ, но еще не принялъ крещенія. Къ таинствамъ вѣрующихъ и призываетъ его Августинъ: „Это подобаетъ твоему возрасту и, какъ мнѣ кажется, согласно и съ твоимъ образомъ жизни“. И чтобы повліять на стараго пріятеля той эпохи, когда они оба наслаждались языческой литературой, Августинъ прибѣгаетъ къ ея авторитету, чтобы увлечь друга въ чуждое ему мировоззрѣніе. Августинъ напоминаетъ Мартіану стихъ, приведенный этимъ классикомъ „при отъѣздѣ“ Августина, съ намекомъ на совершившійся съ Мартіаномъ переворотъ. Это былъ стихъ изъ комедіи Теренція, но „весьма полезный и пригодный въ этомъ случаѣ“: „Новую жизнь ведетъ за собой этотъ день, новыхъ требуетъ нравовъ“.

„Съ новою жизнью получаютъ новый смыслъ старые классическіе идеалы. Если ты это и сказалъ искренно, въ чемъ я не долженъ сомнѣваться, ты уже ведешь на самомъ дѣлѣ такую жизнь, чтобы удостоиться отпущенія прежнихъ грѣховъ чрезъ спасительное крещеніе. Ибо не къ кому иному, какъ къ Господу Христу можетъ обратиться родъ человѣческій съ словами:

„Подъ Твоимъ знаменемъ, если гдѣ остались слѣды нашихъ преступленій, они навсегда исчезнутъ и міръ избавятъ отъ страха“.

„Виргилій признается, что почерпнулъ этотъ стихъ у Кумской Сибиллы; ибо возможно, что эта пророчица духовно прослышала нѣчто о единомъ Спасителѣ и почувствовала побужденіе заявить объ этомъ.

„Таково,—заключаетъ Августинъ,—то немногое,—а можетъ

быть это и немало, — что я успѣлъ, будучи весьма занятъ, тебѣ написать“. Онъ выражаетъ желаніе получить отвѣтъ и узнать, записался ли уже Мартіанъ, и скоро ли запишется въ число чающихъ крещенія. „Господь Богъ, въ Котораго ты увѣровалъ, да хранить тебя въ этой и будущей жизни“.

Второе изъ сопоставляемыхъ нами писемъ — одно изъ лучшихъ наставленій Августина, и вмѣстѣ краснорѣчивое и глубокое развитіе словъ апостола Павла (Римл., XIII, 8): „не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви“; эти слова вылились изъ души Августина, можно сказать, по случайному поводу.

Получивъ письмо отъ римскаго діакона Целестина, сдѣлавшагося, четыре года спустя, папою, Августинъ благодаритъ его за письмо; но простое выраженіе вѣжливости становится для него поводомъ къ восхваленію *любви* (*charitas*). Августинъ пишетъ, что онъ отдаетъ Целестину привѣтъ (*salutationem*), и продолжаетъ считать себя его должникомъ въ любви, ибо любовь, даже получивъ воздаяніе, навсегда обязываетъ должника. „И когда она воздается, она не утрачивается, но отъ воздаянія увеличивается. Чтобы воздать ее, нужно ею обладать, но обладать ею нельзя, если не воздавать ее; ибо по мѣрѣ того, какъ она воздается, она растетъ въ человѣкѣ; и она пріобрѣтается тѣмъ больше, чѣмъ большому числу воздается. А какъ же въ ней отказать друзьямъ, если мы обязаны питать ее и къ недругамъ? Недругамъ она воздается съ осторожностью, друзьямъ же отдается безъ всякой сдержки. Но насколько возможно, она стремится и отъ тѣхъ, кому воздаетъ добромъ за зло, получить то, что она даетъ имъ. Ибо мы желаемъ превратить въ друга того недруга, котораго мы искренно любимъ; мы любимъ его лишь потому, что желаемъ, чтобы онъ сталъ добрымъ, а сдѣлаться таковымъ онъ не можетъ, пока не откажется отъ зла недружелюбія. Любовь не истрачивается на подобіе денегъ. Помимо того, что эти уменьшаются, когда ихъ расходуютъ, а любовь отъ этого увеличивается, — между ними еще то различіе, что наше расположеніе къ тѣмъ, кому мы дали денегъ, тѣмъ больше, чѣмъ меньше мы желаемъ получить ихъ назадъ; въ любви же только тотъ настоящимъ образомъ даетъ, кто желаетъ возврата. Ибо деньги поступаютъ къ тому, кому онѣ даны, и уходятъ отъ того, кто ихъ далъ; любовь же возрастаетъ не только у того, кто ее требуетъ отъ того, кого любить, хотя бы онъ ея не добился; но и тотъ, отъ кого мы желаемъ ее получить, начинаетъ лишь тогда любить, когда даритъ свою любовь“...

В. Герье.

ЧЕРНАЯ ЗМѢЯ

РОМАНЪ.

Paul Adam. Le Serpent noir. Roman. Paris. 1905 (Librairie Ollendorf).

Окончаніе.

VI *).

Жильберта сдѣлалась очень нервной подѣ влияніемъ морского воздуха, слишкомъ рѣзкаго для ея малокровія. Это стало беспокоить прежде всего ея бабушку. Докторъ, который въ іюнѣ говорилъ о возможномъ вредѣ моря для дѣвочки, теперь отмалчивался. М-мъ Ла-Ревельеръ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ напомнила ему о его первоначальномъ діагнозѣ и сказала, что необходимо сократить пребываніе въ Белилѣ. При этихъ словахъ м-мъ Елена вся вспыхнула, а потомъ поблѣднѣла. Ей, видимо, было тяжело разстаться съ докторомъ, и она стала доказывать, что нездоровье дочери—случайное.

Разговоръ происходилъ въ отсутствіе м-мъ Гульвенъ, и я поспѣшилъ передать ей, какъ только увидѣлъ ее, о рѣшеніи м-мъ Ла-Ревельеръ. При этомъ я зорко поглядѣлъ ей въ лицо, стараясь узнать, что въ ней говоритъ сильнѣе: боязнь лишиться выгодныхъ пансіонерокъ, или же радость при извѣстіи о возможномъ отѣздѣ поклонницы ея мужа.

— Елена, кажется, не собирается уѣзжать,—отвѣтила она мнѣ безъ всякаго колебанія.—Ей здѣсь нравится. Не думаю, что климатъ такъ вреденъ Жильбертѣ. Это, вѣроятно, ошибка... Простите, я должна васъ оставить и позаботиться о моихъ гостяхъ.

*) См. выше: ноябрь, стр. 229 и слѣд.

Въ слѣдующіе дни разговоры о здоровьи Жильберты не возобновлялись; у дѣвочки былъ хорошій видъ. Она безъ усталы бѣгала и прыгала въ сопровожденіи своей собаки Домино, шалила, гналась за докторомъ, когда онъ садился на велосипедъ. Чтобы сдѣлать удовольствіе м-мъ Еленѣ, я сталъ восторгаться здоровымъ видомъ Жильберты и даже утверждать, что морской воздухъ особенно полезенъ для дѣвочки ея возраста. Елена очень обрадовалась моимъ словамъ.

— Я рада, что и вы того же мнѣнія,—сказала она торжествующимъ тономъ.—Если мы останемся здѣсь до конца осени, Жильберта будетъ неузнаваема зимой въ Парижѣ.

— Чтò вы, опомнитесь!—возразила м-мъ Ла-Ревельеръ, пожимая плечами. — Вы положительно ослѣплены, Елена. Вѣдь дѣвочка становится совсѣмъ ненормальной. Она по цѣлымъ ночамъ глазъ не смыкаетъ. Вы только не замѣчаете ея состоянія, увлекаясь разговорами съ докторомъ. Вы забываете, что у васъ есть дочь, и что вы мать.

— Ну, чтò за пустяки! — пренебрежительно отвѣтила м-мъ Елена, останавливая расходившуюся старую даму.

Я улыбнулся, показывая, что не придаю значенія этой маленькой ссорѣ, но внутренно былъ радъ тому, чтò слышалъ. Значить, м-мъ Ла-Ревельеръ раздѣляетъ мои подозрѣнія. Она стала нарочно попрекать невѣстку въ моемъ присутствіи, чтобы сильнѣе задѣть ее.

Мнѣ въ послѣднее время удалось завоевать симпатіи м-мъ Ла-Ревельеръ, и она стала выказывать мнѣ довѣріе. Я достигъ этого тѣмъ, что льстил двумъ ея слабостямъ. Прежде всего, у нея былъ настоящій культъ памяти сына, и я всячески выхвалялъ покойнаго депутата и выслушивалъ ея нескончаемыя воспоминанія о немъ. Во-вторыхъ, она была необыкновенно любопытна, а между тѣмъ, когда приходила почта, никто не сообщалъ ей содержанія писемъ. Я же читалъ ей всегда свои письма, дѣлая видъ, что нуждаюсь въ ея совѣтахъ. Кромѣ того, я баловалъ ее лакомствами, до которыхъ она была большая охотница, угощалъ ее конфетами, спеціально выписанными изъ Парижа. Тронутая моимъ вниманіемъ, она стала откровенничать со мной, рассказала мнѣ всю свою жизнь, говорила о томъ, какъ ее измучили дочери, какъ она счастлива, что онѣ наконецъ вышли замужъ и избавили ее отъ рабства. Однажды, когда м-мъ Елена вернулась домой съ прогулки съ докторомъ и Жильбертой, и когда они разошлись по своимъ комнатамъ, я заговорилъ о возможности второго замужества молодой вдовы и сталъ жалѣть

и-мъ Ла-Ревельеръ, которая останется тогда совсѣмъ одна. Она возмущилась моими неумѣстными сожалѣніями и открыла мнѣ съ рѣзкостью, доходящей до цинизма, всю правду своей жизни.

— Меня жалѣть нечего, — сказала она. — Напротивъ того, я теперь только начинаю пользоваться жизнью. Для женщины старость — начало свободы. Я очень люблю моихъ дочерей, но должна вамъ сознаться, что вовсе не скучаю въ ихъ отсутствіе. Имъ живется хорошо, а мнѣ безъ нихъ наполовину меньше заботъ. Не нужно больше слѣдить за ихъ знакомствами, провожать ихъ на лекціи, на вечера, бороться со сномъ, въ то время какъ онѣ кружатся со всякими шалопаями. Конечно: — мнѣ теперь нѣтъ дѣла до ихъ флиртовъ, до ихъ слишкомъ развязныхъ манеръ и слишкомъ декольтированныхъ платьевъ. Я не должна выслушивать замѣчаній о скупости въ отвѣтъ на просьбу сократить чрезмѣрные расходы. Пусть мужья слѣдятъ за ними, оплачиваютъ ихъ портнихъ, прогоняютъ ухаживателей, дѣлаютъ имъ сцены и выслушиваютъ въ свою очередь ихъ грубости. Я умываю себѣ руки... Какое счастье! Увѣряю васъ, что я въ первое время едва вѣрила моей свободѣ. Значить, это дѣйствительно правда: Жермена не будетъ кричать: „мама, не говорите глупостей!“ — каждый разъ, когда я останавливаю ея неприличныя выходки. Я могу спокойно завтракать, читая газету, и не должна отрываться отъ ѣды, чтобы выбирать образчики матерій для старшей дочери. Младшая дочь не будетъ больше выбѣгать изъ-за стола къ телефону на зовъ своихъ подругъ, столь возвышенныхъ созданій, что мнѣ не понять ихъ вкусовъ и желаній. Маргарита не будетъ пѣть во весь голосъ арію Маснэ, заглушая мои просьбы явиться къ столу, по крайней мѣрѣ, до десерта. Повѣрите ли, послѣ десяти лѣтъ мученичества и впервые могла спокойно съѣсть цыпленка за обѣдомъ и почувствовала себя хозяйкой въ домѣ. Горничная не отвѣчала мнѣ на каждое мое приказаніе: „мнѣ некогда — меня ждетъ барышня: нужно ее причесать, застегнуть ей ботинки... зашнуровать корсетъ“. Теперь меня причесываютъ, шнуруютъ, одѣваютъ. Надоѣло мнѣ наконецъ приносить себя въ жертву и отказываться отъ всего ради дочерей. Нѣтъ, нѣтъ... Старость не такъ плоха, какъ говорятъ: она приноситъ съ собой много драгоценныхъ удобствъ жизни. Вотъ, напримѣръ, когда я была молода и красива, и никогда не могла пройти одна по улицѣ безъ того, чтобы какіе-нибудь наглецы не оглядывали грубымъ животнымъ взоромъ всѣ подробности моей фигуры. Боже, до чего это бѣсило меня! Мнѣ такъ и хотѣлось крикнуть имъ: „Да нѣтъ же, у меня есть мужъ, и я

не согласна продѣлывать всю ложь адюльтера, создавать негѣпныя драмы или уродливыя водевили для того, чтобы доставить вамъ грубое удовольствіе. Довольно, что я мирюсь съ этимъ въ супружеской жизни“... Эти мысли можно было ясно прочесть на моемъ лицѣ, но мои преслѣдователи не унывали. Стоило мнѣ остановиться у витрины какого-нибудь магазина—и кто-нибудь непременно становился рядомъ и начиналъ шептать мнѣ на ухо всякія пошлости. Мнѣ всегда хотѣлось отвѣтить пощечиной на ихъ гнусности. Если я садилась въ омнибусъ, преслѣдовавшій меня нахаль усаживался насупротивъ и глядѣлъ мнѣ въ лицо омерзительно—молящимъ взглядомъ. И всюду-то же самое. Когда я выбирала кружева въ магазинѣ, говорила съ торговкой на рынкѣ, или разсматривала картины на выставкѣ, слушала музыку въ оперѣ—вѣчно между міромъ и мною становилась мужская страсть со своей маніакальной настойчивостью. Мнѣ казалось, что я сдѣлаюсь истеричкой или сойду съ ума. Всевозможные типы: холодные дэнди, насмѣшливые гимназисты, старички съ отвратительно-врадчивой улыбкой, сентиментальные эфебы, восторженные поэты—всѣ они осаждали меня. Можно было бы подумать, что жизнь не имѣетъ другой цѣли, кромѣ мимолетнаго чувственнаго наслажденія... Я не могу говорить спокойно... Я тридцать лѣтъ страдала отъ этого. У меня былъ ревнивый и подозрительный мужъ, и я вѣчно дрожала, чтобы онъ не встрѣтилъ меня въ ту секунду, когда меня преслѣдовалъ какой-нибудь наглець. Это было бы концомъ нашей честной дружбы, основанной на взаимномъ уваженіи и духовномъ общеніи. Къ счастью, небо меня охраняло, и такихъ встрѣчъ не произошло. А то вѣдь это повело бы къ разводу, къ одиночеству, къ нищетѣ—у меня собственныхъ средствъ не было—все изъ-за того, что какому-нибудь идіоту хотѣлось заговорить со мной на бульварѣ. Я уже перестала выходить пѣшкомъ, а между тѣмъ, какъ настоящая парижанка, я очень люблю ходить. Затѣмъ, я люблю путешествовать. Мой мужъ долженъ былъ оставаться весь годъ въ Парижѣ, занятый политикой, и мнѣ пришлось бы ѣздить одной, а это было невозможно. Приходилось жить взаперти, скучая до смерти. А теперь, когда я состарилась, когда у меня лицо въ морщинахъ, тройной подбородокъ, толстая талія и сѣдые волосы, я могу ходить одна сколько угодно, останавливаться у витринъ, бывать на выставкахъ, могу медленно ходить по бульварамъ, не производя впечатлѣнія ко-вотки, могу сѣсть на имперіаль конки, не подвергаясь корыстной любезности сосѣда, не рискуя выслушать предложеніе удѣ-

лечь ему часокъ наединѣ. Выдавъ замужъ моихъ дочерей, я сдѣлала путешествіе въ Римъ, въ Константинополь, въ Каиръ; могу похвалиться хоть въ Японію, такъ какъ я наконецъ совершенно свободна. Я пріѣхала сюда съ невѣсткой и Жильбертой только потому, что мнѣ этого хотѣлось. Поймите, послѣ сорока лѣтъ рабства я наконецъ свободна какъ мужчина и не должна бояться приставаній, не должна опасаться, что каждый знакомый пытается одержать надо мной легкую побѣду и потомъ похвалиться ею въ клубѣ и сплетничать о моей развращенности. Теперь я сама себѣ госпожа и совершенно счастлива. Я съ утра бѣгу дышать воздухомъ, прикалываю къ корсажу букетъ фіалокъ, и это не имѣетъ вызывающаго вида. Я имѣю право наслаждаться запахами цвѣтовъ. Я бываю на скачкахъ, играю, и за моей спиной не стоятъ молодые люди, оцѣнивающіе меня со специально-мужской точки зрѣнія. Я спокойно иду обѣдать въ хорошій ресторанъ, и на меня не смотрятъ какъ на особу сомнительнаго поведенія. Я теперь—элегантная старая дама, столь же почтенная, какъ всякій мужчина съ независимыми средствами. Я не должна больше сопровождать дочерей, и потому порвала отношенія со множествомъ скучныхъ людей, съ которыми приходилось знаться только потому, что у нихъ бываютъ вечера и можно встрѣтить жениховъ. Какое наслажденіе!.. Я могу вздохнуть свободно... Кончился кошмаръ. Наконецъ-то я стара, наконецъ я уродлива — и принадлежу сама себѣ. А вѣдь какъ знать: можетъ быть, я буду пользоваться еще лѣтъ двадцать пріобрѣтенной наконецъ свободой.

М-мъ Ла-Ревельеръ ходила по комнатамъ большими шагами и казалась рѣшительнымъ мужчиной, самоувѣреннымъ и жаждущимъ активной дѣятельности. Она ѣла конфеты и говорила съ глубокимъ убѣжденіемъ, дѣйствительно радуясь тому, что избавилась отъ молодости и ея мученій.

Черезъ нѣсколько дней, когда мы поѣхали осматривать одну изъ мѣстныхъ достопримѣчательностей—пещеру въ скалахъ, я сѣла въ кабриолетъ рядомъ съ м-мъ Ла-Ревельеръ и занималась ее разсказами о своей жизни, передавая безъ стѣсненія разныя пикантныя подробности моихъ любовныхъ похожденій. Ей нравилась моя откровенность, и она весело хохотала въ отвѣтъ на мои скабрѣзности. М-мъ Елена не слушала меня и даже, чтобы подчеркнуть свое безучастіе, стала перелистывать книгу, полученную утромъ изъ Парижа. М-мъ Ла-Ревельеръ предпочла бы, чтобы ея невѣстка занялась Жильбертой, и отвлекла ея вниманіе отъ неподходящаго для дѣвочки разговора.

Она стала поэтому подшучивать надъ необыкновенной любовью къ книгамъ, вдругъ охватившей м-мъ Елену, намекая на вліяніе доктора. М-мъ Елена отнеслась очень равнодушно къ этимъ намекамъ; она спокойно созналась, что благодарна доктору, который дѣйствительно просвѣщаетъ ее и рекомендуетъ ей интересные книги для чтенія.

Мы вѣхали въ деревушку, гдѣ нашу коляску окружила толпа грязныхъ ребятишекъ, и остановились подлѣ гостиницы; тамъ насъ уже поджидалъ докторъ, пріѣхавшій на велосипедѣ. Я сразу замѣтилъ, что м-мъ Елена увидѣла его; но она ничего не сказала, и эта осторожность еще болѣе выдавала ее. Жильберта же, завидѣвъ своего друга, радостно захопала въ ладоши и, выскочивъ изъ коляски, бросилась ему на шею. М-мъ Ла-Ревельеръ попросила доктора пощупать пульсъ дѣвочки, возбужденность которой казалась ей подозрительной. Докторъ мягко отстранилъ обнимавшую его Жильберту, пощупалъ ей пульсъ и заявилъ, что температура у нея нормальная, но пульсъ нѣсколько возбужденный. М-мъ Ла-Ревельеръ опять стала говорить о необходимости уѣхать, о явномъ вредѣ морского воздуха. Но докторъ отрицательно покачалъ головой. — Я не вижу опасности, — сказалъ онъ, и прибавилъ, помолчавъ, грустнымъ голосомъ:

— Неужели вы собираетесь уѣхать всѣ втроемъ?

М-мъ Елена и Жильберта поспѣшили увѣрить его, что онѣ ни на секунду не думали уѣзжать. Дѣвочка увѣряла, что чувствуетъ себя отлично, и что ни за что не покинетъ Белия, Гульвенъ и очаровательный Созонскій портъ съ его рыбацкой флотиліей.

Мы отправили коляску обратно въ Керьяникъ за м-мъ Гульвенъ и Анной-Маріей. Онѣ должны были поѣхать въ Портъ Донанъ и ждать насъ тамъ съ чаемъ.

Докторъ повелъ насъ къ гроту по ступенькамъ въ скалахъ, и по дорогѣ сталъ опять увѣрять, что ничто не угрожаетъ здоровью Жильберты. Ея возбужденность объяснялась, по его словамъ, именно укрѣпляющимъ дѣйствіемъ морского воздуха. М-мъ Елена первая сказала, что, вѣроятно, можно бороться противъ этой нервности какими-нибудь препаратами брома. Гульвенъ ухватился за ея слова, и сталъ усиленно рекомендовать бромъ. Чтобы покончить на этомъ разговоръ и спастись отъ ворчаній старой м-мъ Ла-Ревельеръ, онъ побѣжалъ впередъ съ Жильбертой, быстро спускаясь по крутымъ дорожкамъ внизъ къ волнамъ. Я со своими спутницами отсталъ отъ быстрого авангарда; медленно пробираясь въ гроту, я объяснялъ имъ

свойства разныхъ лекарственныхъ средствъ, которыя могутъ принести пользу Жильбертѣ. Наконецъ мы нагнали доктора и Жильберту и всѣ вмѣстѣ вошли въ гротъ—огромный, прохладный, гулкій. Жильберта испугалась. Ей представилось, что мы очутились въ пасти страшнаго людоеда, и она съ ужасомъ спрашивала, что будетъ, если пасть сомкнется и проглотитъ всѣхъ насъ. Мы стали говорить о доисторическомъ прошломъ этой и другихъ окружающихъ пещеръ; въ нихъ туземцы прятались отъ сказочныхъ чудовищъ, выходившихъ будто бы изъ глубинъ океана. М-мъ Елена стала припоминать старыя преданія на этотъ сюжетъ, въ томъ числѣ, конечно, мифъ объ Андромедѣ, и художественно передала словами картину Густава Моро, изображающую плѣненную Андромеду на фонѣ бушующихъ волнъ и непоколебимыхъ гранитныхъ скалъ. Гульвентъ слушалъ ее какъ внимательный школьникъ, видимо загипнотизированный пѣвучимъ голосомъ молодой женщины въ траурѣ. Она ораторствовала, подбирая самыя изысканныя выраженія—очевидно для него, такъ какъ знала, что я совершенно равнодушенъ къ ея литературности. М-мъ Ла-Ревельеръ стала бояться сырости для Жильберты, а также того, что у нея можетъ закружиться голова, что она поскользнется на мокрыхъ камняхъ и упадетъ. Все это гораздо больше занимало ея мысли, чѣмъ бесѣда объ Андромедѣ, чѣмъ видъ, открывавшійся изъ глубины пещеры, чѣмъ озеро среди скалъ и прозрачныя полины на немъ. Жильберта, дѣйствительно, стала нервничать и повторять свое опасеніе, что чудовище закроетъ пасть и проглотитъ насъ. Боясь нервнаго припадка, м-мъ Ла-Ревельеръ увела дѣвочку, покидая насъ, однако, съ видимой неохотой.

Я предполагалъ, что, съ уходомъ цербера въ лицѣ старой дамы, докторъ и его пріятельница перестанутъ скрывать свои взаимныя чувства. Гульвентъ все-таки считалъ меня прітелемъ, который не выдастъ его тайны, а съ м-мъ Еленой у насъ установились откровенныя пріятельскія отношенія послѣ того, какъ она застала меня въ нѣжной бесѣдѣ со служанкою и при всякомъ удобномъ случаѣ дразнила меня этимъ. Но къ моему удивленію она и послѣ ухода м-мъ Ла-Ревельеръ продолжала литературную бесѣду, описывая въ художественныхъ выраженіяхъ первобытныхъ обитателей пещеръ, а Гульвентъ, скрестивъ руки, слушалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ. Я счелъ этотъ моментъ удобнымъ для того, чтобы процитировать слѣдующее изреченіе Ницше:

— „Мужчины до сихъ поръ смотрѣли на женщинъ какъ на

птицъ, слетѣвшихъ съ какой-то высоты и заблудившихся среди нихъ—какъ на нѣжныя, хрупкія, дикія, странныя, очаровательныя созданія... но считали, однако, долгомъ сажать ихъ въ клѣтки, чтобы онѣ не улетѣли..." Кажется, докторъ тоже собирается смастерить такую клѣтку.

Вмѣсто того, чтобы улыбнуться и сдѣлать меня тѣмъ самымъ сообщникомъ своей тайны, они взглянули другъ на друга, онъ съ изумленіемъ, она со смущеніемъ. Оба они сначала покраснѣли, потомъ сильно поблѣднѣли.

— Я не собирался никого сажать въ клѣтку, — отрывисто сказалъ докторъ, потомъ отошелъ отъ насъ и, поднявъ два камня съ земли, бросилъ ихъ далеко въ воду. М-мъ Елена еще болѣе опредѣленно напала на меня.

— Не всѣ дерзости Ницше заслуживаютъ того, чтобы ихъ повторять, — сказала она очень рѣзкимъ тономъ.

Я отвѣсилъ ей вѣжливый поклонъ, но не сдался. Напротивъ того, я отвѣтилъ ей новой цитатой изъ Ницше:

— То, что вызываетъ въ насъ уваженіе и часто даже страхъ передъ женщиной—это непостижимая сила ея страсти и ея нравственного чувства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она возбуждаетъ нашу жалость, главнымъ образомъ, своей способностью страдать. Она больше всѣхъ другихъ существъ жаждетъ любви, и потому больше всѣхъ осуждена на разочарованія.

М-мъ Елена такъ вспыхнула отъ моихъ словъ, точно я нанесъ ей прямое оскорбленіе. Она подошла ко мнѣ съ дрожащими губами и грозно сдвинутыми бровями, но во-время сдержалась и только презрительно разсмѣялась. Однако, я все-таки былъ доволенъ моею побѣдой. Я дерзко изобличилъ ихъ чувства, и теперь съ удовольствіемъ наблюдалъ за ихъ смущеніемъ и растерянностью. Они для виду продолжали глядѣть на приливъ волнъ къ скаламъ, но очень скоро докторъ заявилъ, что пора уходить, и вышелъ изъ грота первый, не поворачивая головы къ м-мъ Еленѣ. Она шла за нимъ, опустивъ глаза, съ поблѣдѣвшимъ, горящимъ страстью лицомъ. Я ожидалъ, что докторъ на возвратномъ пути станетъ объясняться со мной, но этого не случилось. Онъ быстро поднялся наверхъ, взялъ оставленный тамъ велосипедъ и повелъ его, увлекая за собой Жильберту, которая ждала насъ на утесѣ вмѣстѣ съ бабушкой. Гульвену, повидимому, хотѣлось поскорѣе убѣжать отъ м-мъ Елены. Онъ какъ будто сердился на нее за мою догадливость. Его тактика, однако, была, по моему мнѣнію, крайне неудачна. М-мъ Елена тоже надѣялась, кажется, обмануть меня притворствомъ, и всю дорогу

до мѣста, гдѣ мы должны были встрѣтиться съ м-мъ Гульвентъ и Анной-Маріей, продолжала краснорѣчиво описывать свои впечатлѣнія и придумывать необычайныя сравненія, дѣлая видъ, что она заботится о красотѣ выраженій не только въ присутствіи доктора. Началъ накрапывать дождь, и м-мъ Ла-Ревельеръ, беспокоясь за дѣвочку, отозвала ее отъ доктора. М-мъ Елена защитила ее своимъ плащомъ, но какъ только черезъ короткое время дождь прошелъ и снова выглянуло солнце, Жильберта убѣжала впередъ, граціозно прыгая по узкой дорожкѣ. М-мъ Елена ускорила шаги, чтобы нагнать дочь, и какъ-то случайно присоединилась вмѣстѣ съ нею въ доктору. Я остался съ м-мъ Ла-Ревельеръ, помогъ ей спуститься по крутой дорожкѣ съ утеса и сошелъ вмѣстѣ съ нею на дюну, покрытую чахлой травой и блѣдными цвѣтами. Издали мы увидѣли доктора и его спутницу. Они разговаривали и рвали цвѣты, не обращая вниманія на дѣвочку, которая бѣгала со своей собакой по мокрой травѣ. М-мъ Ла-Ревельеръ пришла въ ужасъ, и, не будучи въ силахъ сдержатъ свое негодованіе, стала жаловаться мнѣ на свою невѣстку.

— Это положительно неприлично, — сказала она. — Елена забываетъ свои материнскія обязанности, рисуясь передъ докторомъ своимъ дешевымъ краснорѣчіемъ.

Въ дальнѣйшій разговоръ на эту тему она не пустилась, несмотря на всѣ мои старанія. Она не хотѣла компрометировать свою невѣстку. Но я узналъ все, что хотѣлъ. Уже если это замѣчаетъ м-мъ Ла-Ревельеръ, то нельзя сомнѣваться, что ея невѣстка любитъ доктора. И отлично. Она, значить, согласится дать Гульвену сумму, необходимую для завершения его опытовъ, и наше общество сможетъ, почти безъ всякихъ предварительныхъ затратъ, пріобрѣсти въ надлежащій моментъ право собственности на его сыворотку. Всѣ у насъ будутъ чрезвычайно довольны: я укрѣплю свое положеніе, оборудовавъ столь выгодную сдѣлку, и буду имѣть право требовать тридцать-три процента со всей прибыли отъ продажи сыворотки.

Вотъ о чемъ я думалъ, направляясь съ м-мъ Ла-Ревельеръ въ мѣсто, гдѣ насъ ждала м-мъ Гульвентъ съ чаемъ. Мы застали ее среди открытыхъ корзинокъ. Анна-Марія раскупоривала бутылку съ ромомъ и украдкой улыбнулась мнѣ. М-мъ Ла-Ревельеръ пощупала пульсъ внучки и опять стала спрашивать доктора о томъ, не повредитъ ли ей морской воздухъ. Онъ уклонился отъ прямого отвѣта, и она стала настаивать на необходимости отъѣзда. Дѣвочка и ея мать запротестовали, но бабушка

настаивала на своемъ, говоря, что Жильберта становится страшно нервной, что у нея появляются красныя пятна на кожѣ. М-мъ Гульвенъ стала поддерживать ее, говоря, что солёный воздухъ дѣйствительно вреденъ для нервныхъ, страдающихъ артритомъ дѣтей. М-мъ Елена злобно засмѣялась надъ медицинскими приговорами своей кузины, а докторъ возразилъ женѣ, что она слишкомъ пессимистична въ своемъ діагнозѣ, и постарался замѣть разговоръ. Онъ легъ на песокъ и потребовалъ, чтобы Анна-Марія разрёзала наконецъ бретонскій пирогъ, приготовленный къ чаю. Мы принялись за ѣду, которая была прекрасно приготовлена. Я съ удовольствіемъ съѣлъ рыбную котлетку, потомъ выпилъ чай съ пирогомъ, который пришелся мнѣ очень по вкусу. Въ этотъ день я ничего больше не узналъ относительно доктора и м-мъ Елены. Поведеніе доктора меня слегка сбивало съ толку. Когда мы сѣли въ коляску, онъ даже не помогъ дамамъ, а устроился самъ рядомъ съ кучеромъ и помѣстилъ около себя свой велосипедъ, совершенно не обращая вниманія на всѣхъ сидящихъ въ коляскахъ. На первомъ перекресткѣ онъ сошелъ съ козелъ, распрощался съ нами и сѣлъ на велосипедъ, говоря, что ему нужно заѣхать къ одной больной на ближайшей фермѣ. Онъ, очевидно, былъ теперь на-сторожѣ, боялся выдать себя и предпочелъ спастись бѣгствомъ. Но бѣжалъ ли онъ отъ искушенія, или хотѣлъ скрыться отъ нашего бдительнаго взора—этого я не могъ установить. Въ одномъ только я убѣдился: м-мъ Ла-Ревельеръ подозрѣвала свою невѣстку въ желаніи увлечь доктора. Кромѣ того, на моихъ глазахъ м-мъ Гульвенъ, несмотря на свою нужду въ деньгахъ, рѣшилась, подъ угрозой потери трехъ платныхъ пансіонерокъ, высказаться за вредъ морского воздуха. Значить, ужъ очень она боялась дружбы кузины съ мужемъ, если поступилась матеріальными интересами. Она спасала, какъ могла, свое шаткое счастье. Я рѣшилъ вызвать ее на полную откровенность.

На слѣдующій день мы трое продолжали слѣдить за докторомъ и молодой вдовой—каждый по собственнымъ соображеніямъ. Одна оберегала свое будущее и свою надежду на привязанность мужа; другая заботилась о томъ, чтобы имя ея умершаго сына не попало въ скандальную исторію; я же слѣдилъ за ходомъ дѣлъ изъ дѣловыхъ соображеній.

VII.

Нѣсколько дней прошло безъ всякихъ новыхъ подтвержденій нашихъ догадокъ. Докторъ и м-мъ Елена были холодны другъ съ другомъ, но это не имѣло вида ссоры влюбленныхъ. Напротивъ того, у нихъ были простыя товарищескія отношенія, и мнѣ уже казалось, что всѣ наши подозрѣнія неосновательны.

Я началъ скучать. Анна-Марія мнѣ немножко надоѣла своей наивной нѣжностью, но я не рѣшался оттолкнуть ее: она бы плакала; м-мъ Гульвенъ узнала бы о нашей тайнѣ по ея разстроенному виду, стала бы дурно ко мнѣ относиться, а между тѣмъ мнѣ было необходимо завоевать ея довѣріе.

Когда Анну-Марію отпускали навѣстить мать, она назначала мнѣ свиданіе гдѣ-нибудь по дорогѣ; несмотря на все мое нежеланіе, я сопровождалъ ее, во избѣжаніе непріятностей, и продолжалъ такимъ образомъ играть роль соблазнителя, уже порядкомъ надоѣвшую мнѣ. Мы шли по пустынной дорогѣ, и я долженъ былъ цѣлый часъ выслушивать страшныя исторіи, которыя она любила рассказывать, чтобы будить въ себѣ чувство страха, и потомъ прижиматься ко мнѣ для успокоенія. Очевидно, послѣ легкаго страха, она съ большой остротой чувствовала удовольствіе отъ поцѣлуевъ. Отправляясь на ферму ея матери, мы проходили мимо гавани и по полямъ; Анна-Марія давала мнѣ разныя фактическія справки, называла владѣльцевъ разныхъ участковъ земли, рассказывала о знакомыхъ рыбакахъ. Потомъ мы проходили по дугамъ, гдѣ паслись стада коровъ, и тамъ сидѣли отдыхать. Я просилъ ее рассказывать мнѣ еще исторіи о герояхъ бретонскихъ легендъ, и она съ наслажденіемъ исполняла мою просьбу, гордась тѣмъ, что меня занимаютъ ея разговоры. Она, конечно, не могла предположить, что во время ея нескончаемыхъ рассказовъ я мысленно подготавливалъ мою корреспонденцію на слѣдующій день, составлялъ письма къ аптекарямъ и врачамъ, въ администрацію „Фармацевтическаго Общества“, къ управляющему фабрики іода. Я не прерывалъ Анну-Марію и не говорилъ ей ничего, потому что былъ занятъ подсчитываніемъ процентовъ за комиссію. Чтобы маскировать свое безучастіе, я отъ времени до времени касался губами смуглаго затылка Анны-Маріи, и она принимала это какъ знакъ влюбленности съ моей стороны. Когда мы доходили до развалившагося небольшого домика наверху пригорка, она оставляла меня и отправлялась къ матери. Я былъ радъ остаться одинъ, развер-

тывалъ мои медицинскія изданія и принимался читать въ тѣни до ея возвращенія. Она заставляла меня обыкновенно погруженнымъ въ какія-нибудь выкладки, и я съ неохотой отрывался отъ нихъ. Въ глубинѣ души я предпочиталъ чтеніе поцѣлуямъ хорошенькой бретонки. Я былъ слишкомъ занятъ обдумываніемъ выгодной аферы, чтобы съ жаромъ отвѣчать на нѣжность наивной и любопытной служанки. Она не понимала, почему одиночество среди развалинъ не настраиваетъ меня болѣе экспансивно. Я же, въ сущности, относился къ ней эстетически. Мнѣ пріятно было глядѣть на нее, любоваться ея граціозностью, когда она ходила по комнатѣ въ своемъ черномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ красномъ передникѣ. Мнѣ нравилось, когда она смѣялась, потрихивая головой, которая красиво выступала изъ широваго, туго накрахмаленнаго воротничка, спускавшагося до половины спины. Я любовался ею какъ фигуркой на картинкѣ—очень подходящей для афиши, рекламирующей іодъ Гишардо. Но для того, чтобы возбуждать во мнѣ страсть, она была слишкомъ невинна. Я соблазнилъ ее, чтобы доказать себѣ самому свою силу,—а продолжать игру въ любовь мнѣ было скучно. Стараясь, поэтому, отстранить приливы ея нѣжности, я выпрашивалъ ее о дружбѣ м-мъ Елены и доктора. Она не была достаточно наблюдательна, чтобы догадаться объ ихъ скрытой взаимной любви. Она увѣрила, что докторъ интересуется главнымъ образомъ воспитаніемъ Жильберты, которую онъ пріохотилъ къ чтенію и къ научнымъ занятіямъ, превращая прогулки въ интересные научныя бесѣды. За это мать и бабушка Жильберты и были такъ безконечно благодарны доктору. Анна-Марія преклонялась передъ докторомъ и не могла допустить, что онъ способенъ причинить горе своей женѣ, ухаживая за другой женщиной. Она съ возмущеніемъ отвергала мои подозрѣнія. М-мъ Гульвенъ казалась ей святой, и она была увѣрена, что никто не рѣшился бы обидѣть ее,—въ особенности же ея мужъ, котораго она окружала любовью и заботами. Анна-Марія обожала свою госпожу. Она и была собственно спасительницей молодой бретонки. Она явилась послѣ доктора къ Аннѣ-Маріи, которая лежала въ агоніи,—ея мать уже зажгла свѣчи и положила распятіе на столъ,—увезла ее въ каретѣ въ Керьяникъ, и тамъ ее стали лечить сывороткой доктора. Когда она выздоровѣла, м-мъ Гульвенъ приняла ее къ себѣ, научила ее шить, работать по хозяйству и убирать комнаты; она назначила ей сейчасъ же хорошее жалованье, чтобы избавить отъ необходимости поступить на фабрику консервовъ, гдѣ легко простудиться,

работая въ сыромъ помѣщеніи. Она покровительствовала ея роману съ матросомъ на томъ условіи, чтобы они поженились, когда онъ кончитъ службу во флотѣ, и обѣщала помочь имъ деньгами для обзаведенія лавкой послѣ свадьбы.

Заговоривъ объ этомъ, Анна-Марія стала плакать, выражая раскаяніе въ томъ, что уступила моимъ ухаживаніямъ; слезы ея были рассчитаны, очевидно, на то, что я поспѣшу ее приласкать. Это была такая же инстинктивная жажда контрастовъ ощущеній, какъ въ ея любви къ жуткимъ рассказамъ, послѣ которыхъ она искала защиты въ моихъ объятіяхъ. Молоденькая бретонка сама создавала себѣ небольшія страданія, чтобы усилить контрастомъ смѣнявшія ихъ удовольствія. Любовь была для нея исканіемъ опоры въ силѣ другого человѣка, когда всякіе страхи овладѣвали ея трусливымъ воображеніемъ. Ея чувства къ Гульвену и его женѣ вытекали изъ того же принципа. Какъ существо слабое, она отдавала себя во власть своимъ покровителямъ. Въ душѣ ея постоянно жилъ страхъ. Объ океанѣ она говорила съ ужасомъ, и вся дрожала, вспоминая о буряхъ; видъ на волны съ высоты утеса приводилъ ее въ грустное настроеніе. Веселость возвращалась къ ней въ защищенныхъ долинахъ, на улицахъ деревушекъ и города. Какъ всѣ бретонцы, она пряталась отъ враждебныхъ стихій, становилась спиной къ вѣтру. М-мъ Гульвенъ тоже обращалась за защитой отъ несчастій къ Христу и святымъ, и чтобы обрѣсти душевный покой, искала опоры въ преданіяхъ бретонской старины. Наблюдая за географическими и климатическими вліяніями на характеръ двухъ бретонскъ различныхъ классовъ, я задумался надъ составленіемъ эликсира, который противодействовалъ бы упадку духа и пассивному смиренію расы, слишкомъ увѣренной въ своей чужлости. Я рассчиталъ, что въ странѣ съ тремя миллионами населенія, изъ которыхъ триста тысячъ достаточно разумны, чтобы желать исцѣленія отъ своего недуга, а пятьдесятъ тысячъ достаточно богаты, чтобы заплатить за лекарство, найдутся ежегодно двадцать тысячъ человѣкъ, которые купятъ по флакону эликсира. Сдѣлавъ быстро въ умѣ всѣ подсчеты, сообразивъ, что изготовленіе каждаго флакона, продаваемого за три съ половиной франка, обойдется себѣ въ сорокъ сантимовъ, прибавивъ къ этому огромную уступку аптекарямъ и большіе расходы на рекламу, я считалъ, что все-таки мы сможемъ заработать по пятидесяти сантимовъ чистыхъ на флаконъ, что составитъ — при сбытѣ въ десять тысячъ флаконовъ въ годъ — пять тысячъ франковъ. Въ нашихъ фабрикахъ есть все нужное для изготовленія эли-

ксира. Мнѣ стоитъ только написать рапортъ въ общество, изготовить нѣсколько рекламныхъ статей въ научные журналы, составить текстъ циркуляра, дать инструкціи служащимъ—и дѣло готово. Я разсчиталъ, что смогу безъ малѣйшей затраты труда заработать на этомъ дѣлѣ двѣ тысячи комиссіонныхъ, и окончательно рѣшилъ пустить въ продажу „Эликсиръ Гишардо № 3“.

Оказалось въ послѣдствіи, что я заработалъ на этомъ дѣлѣ не двѣ тысячи, а семнадцать тысячъ. Буржуазія и мелкая бретонская знать набросились на мое лекарство. Я не утверждаю, что, благодаря этому, душа бретонскаго народа измѣнится въ ближайшихъ поколѣніяхъ. Но несомнѣнно, что я пробудилъ во многихъ спящую энергію, поднялъ жизненные силы мечтательныхъ мистическихъ натуръ, обратилъ въ медицину и науки умы, жившіе до того въ религіозномъ туманѣ. Это—побѣда прогресса, побѣда республиканскаго строя мыслей. Я помогъ воспрянуть духомъ многочисленнымъ представителямъ расы, слишкомъ поддавшейся страху передъ силами природы, слишкомъ преданной старинѣ. Я пробудилъ въ нихъ жажду духовнаго здоровья, вызвалъ опьяненіе положительнымъ знаніемъ и его побѣдами.

Вотъ какія мысли занимали меня въ то время, когда Анна-Марія, въ порывѣ нѣжности, цѣловала мнѣ руки. Но даже въ первую пору юности любовь теряла всякую силу надо мной, какъ только являлась надежда устроить серьезное дѣло. Какъ бы мнѣ ни нравилась женщина, въ обществѣ которой я находился, я не могъ и не могу совладать съ искушеніемъ, которое представляютъ для меня дѣловые выкладки или діалектика. Всякая страсть остываетъ, когда представляется надежда властвовать надъ людьми богатствомъ или же силой логики. Это предпочтеніе умственной работы чувственнымъ удовольствіямъ—единственная слабость, съ которой я не умѣю бороться.

Анна-Марія считала мою холодность только признакомъ холоднаго воспитанія и никогда не сердилась на меня за нее. Она была для меня образцовой служанкой, которая гордилась моимъ вниманіемъ и огорчалась моимъ неудовольствіемъ, и въ то же время—нѣжной подругой, которая старалась разсѣять своего повелителя и друга, когда ему грустно. Она была вѣрна и покорна мнѣ до того часа, когда, въ силу жестокаго и неумолимаго закона выбора, я пожертвовалъ ею ради своей выгоды.

М-мъ Ла-Ревельеръ спросила доктора, полезны ли развлеченія для здоровья нервныхъ молодыхъ дѣвушекъ. Онъ отвѣтилъ утвердительно, и я тогда предложилъ нанять яхту и совершить плаваніе вдоль береговъ Бретани, отъ Киберона до Бреста.

Жильберта пришла въ полный восторгъ отъ моего предложенія. Ея мать сначала омрачилась, очевидно боясь разлуки съ докторомъ, но успокоилась, найдя предлогъ пригласить въ экскурсію и Гульвеновъ. Доктору наканунѣ сдѣлалось дурно въ лабораторіи отъ переутомленія, и ему, очевидно, слѣдовало отдохнуть. Жена его поэтому не рѣшалась отвѣтить отказомъ на приглашеніе кузины, но во взглядѣ ея, обращенномъ на м-мъ Елену, я увидѣлъ тревожное желаніе разгадать намѣренія молодой вдовы.

Черезъ день прибыла вызванная изъ Лоріана яхта, и мы собрались въ дорогу. Анна-Марія снесла на бортъ пледы; глаза ея были полны слезъ. М-мъ Гульвенъ что-то шепнула ей на ухо и поцѣловала ее. По нѣсколько суровому тону со мной я сталъ побаиваться, что м-мъ Гульвенъ догадывается о моихъ отношеніяхъ къ служанкѣ. Я старался вызвать ее на разговоръ, говорилъ о томъ, какъ красивъ Белиль, когда глядѣть на берегъ съ яхты, но она не отвѣчала мнѣ, подъ предлогомъ заботъ о доставкѣ на яхту съѣстныхъ припасовъ, пледовъ и теплаго платья. Я шелъ слѣдомъ за нею, спрашивая, захватила ли она мой окоробъ, мой специальный хлѣбъ, мой мальць-экстрактъ, и смягчая, по обыкновенію, мою требовательность комплиментами ея хозяйственнымъ способностямъ. Своей настойчивостью я добился наконецъ того, что она стала мнѣ отвѣчать. Когда мы вышли въ море, она подошла вмѣстѣ со мной на палубу подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Стоя рядомъ съ нею, я видѣлъ, что она слѣдитъ за стоявшими поодаль отъ насъ мужемъ и кузиной. Глядя на ея озабоченное лицо, я навелъ разговоръ на тему, которая всѣхъ насъ больше всего интересовала въ эту минуту. Я спросилъ ея мнѣніе о здоровьи Жильберты, и м-мъ Гульвенъ отвѣтила, что для такой нервной дѣвочки морской воздухъ несомнѣнно вреденъ. Я возразилъ, что мужъ ея, повидимому, не раздѣляетъ ея взгляда. Гульвенъ, на котораго мы смотрѣли въ упоръ, говоря о немъ, подошелъ къ намъ, покинувъ свою пріятельницу. Мы сказали ему, о чемъ идетъ рѣчь, и онъ несомнѣнно увѣреннымъ тономъ подтвердилъ, что, дѣйствительно, былъ сначала противъ морского воздуха для Жильберты, но теперь, ознакомившись съ новѣйшими клиническими наблюденіями по медицинскимъ журналамъ, перемѣнилъ свои убѣжденія. М-мъ Гульвенъ сдѣлала насмѣшливую гримасу, которая, видимо, раздосадовала Гульвена.

— Почему ты сдѣлалась такой подозрительной, Ивонна?— спросилъ онъ.— Неужели ты считаешь меня способнымъ жерт-

зовать здоровьемъ Жильберты, чтобы сохранить трехъ пансіонерокъ въ Керьяникѣ? До этого моя жадность не доходитъ.

— Это нечестно, другъ мой,—спокойно отвѣтила м-мъ Гувенъ.—Ты стараешься хитрить... это недостойно тебя. Ты отлично знаешь мои мысли. Вѣдь ты не умѣешь притворяться и скрытничать, и въ твоей душѣ легко читать.

Онъ посмотрѣлъ на меня, стараясь дать мнѣ понять взглядомъ, чтобы я оставилъ ихъ вдвоемъ. Но я упорно дѣлалъ видъ, что не понимаю, и оставался. Тогда онъ, по обыкновенію, тогда же примирился съ моимъ присутствіемъ.

— Объяснись, милая,—сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ и придерживая рукой шляпу, которая слетала съ головы отъ вѣтра.—Я не понимаю тебя.

— Не притворяйся,—сказала она, пробуя говорить шутливымъ тономъ, чтобы скрыть серьезность своихъ упрековъ.—Послушайте и вы, господинъ Гишардо. Я могу сказать все, что нужно, и въ вашемъ присутствіи,—въ сущности, вѣдь все это пустяки. Дѣло въ томъ, что прежде ты былъ внимательнѣе ко мнѣ... Ты звалъ меня въ лабораторію, дѣлился со мной малѣйшей удачей... Какая это была для меня всегда радость!... А теперь ты сидишь у себя взаперти, а послѣ работы отдыхаешь—въ обществѣ другихъ... Прежде ты гулялъ со мной, мы поднимались на утесы, ты говорилъ со мной о древнихъ религіяхъ, указывалъ на остатки языческихъ вѣрованій въ христіанствѣ... Какъ мы спорили, какъ это все было интересно! А теперь я перестала быть для него отдохновеніемъ,—я только лишнее напоминаніе о его несчастіяхъ.

Послѣднія слова ея были обращены ко мнѣ, и потому я сдѣлалъ видъ, что хочу ее успокоить.

— Напрасно вы создаете себѣ ненужныя страданія,—сказалъ я.—Все это вамъ только кажется.

Докторъ сталъ поддерживать меня и успокаивать жену, доказывая, что вся его жизнь посвящена ей, что онъ работаетъ только для нея. Но она продолжала свое, и наконецъ подошла къ главному пункту.

— Ты мнѣ удѣляешь отдѣльныя минуты—вотъ и все,—сказала она.—Ты отдаешь мнѣ время досуга, какъ Жильбертъ, и даже посвящаешь мнѣ меньше времени, чѣмъ нашимъ гостямъ... Это, конечно, не упрекъ,—продолжала она, слегка покраснѣвъ.—Я вѣдь сама пригласила кузину съ ея дѣвочкой. Елена очень интересна, она образована, умѣетъ красиво рассказывать, описывать картины, играетъ на роялѣ. Она, дѣйствительно, внесла

оживленіе въ нашу компанію, — какъ я и надѣялась, — и я рада, что она развлекаетъ тебя.

Докторъ отвѣтилъ уклончиво, и мнѣ начали надоедать ихъ дипломатическіе приемы въ разговорѣ. Почему они не говорили откровенно, когда она вся горѣла желаніемъ сказать ему правду въ лицо, а ему хотѣлось оправдаться передъ нею? Я отвернулся отъ нихъ и сталъ смотрѣть на м-мъ Елену; она стояла вмѣстѣ съ матерью возлѣ капитана, объяснявшаго имъ принципы пароходства. Молодая вдова была такъ красива въ эту минуту, что, глядя на нее, я забылъ на нѣсколько минутъ рѣчи разсерженной супруги; но вскорѣ я опять услышалъ ея голосъ.

— Я ничуть не ревную... ничуть, — доказывала она. — Когда я видѣла тебя мрачнымъ, озабоченнымъ мыслями о деньгахъ, мнѣ хотѣлось знать, одна ли только я неспособна тебя развлечь? Я пригласила Елену, — и дѣйствительно оказалось, что тебѣ съ нею весело. Это только говоритъ противъ меня... Ты былъ мраченъ, потому что я не умѣю развлекать тебя. Теперь ты повеселѣлъ въ обществѣ Елены.

— Что за глупости! Вѣдь долженъ же я быть любезенъ съ твоими родственницами, которыя такъ милы къ намъ.

— Не прерывай меня, дай договорить! — возбужденно крикнула м-мъ Гульвенъ. — Когда съ террасы я вижу, какъ вы идете вдвоемъ по берегу...

— Вмѣстѣ съ м-мъ Ла-Ревельеръ и Жильбертой...

— М-мъ Ла-Ревельеръ и Жильберта идутъ позади, а вы мчитесь впередъ вдвоемъ.

— Это вѣрно, совершенно вѣрно, милый мой, — прибавилъ я, чтобы ускорить развязку.

— Что же вы собственно хотите оба сказать?.. Вы предполагаете, что я пристаю къ м-мъ Еленѣ со своими ухаживаніями? — спросилъ докторъ довольно суровымъ тономъ.

— А если бы и такъ... Что тутъ невозможно? — спросилъ я и прибавилъ, обращаясь къ женѣ доктора:

— Вѣдь правда, что онъ ухаживаетъ?

Я добродушно разсмѣялся и хлопнулъ доктора по плечу. М-мъ Гульвенъ, однако, не поддержала меня и сказала, что обвинять мужа въ ухаживаніи за кузиной она не имѣетъ основанія. Несомнѣнно только, что ему веселѣе и пріятнѣе въ ея обществѣ, чѣмъ съ женой. — Боже, какъ мнѣ хотѣлось бы быть на мѣстѣ Елены! — воскликнула м-мъ Гульвенъ съ отчаяніемъ въ голосѣ. — У нея есть все, чего мнѣ недостаетъ: богатство, нужное для нашихъ опытовъ, красота, связи, столь полезныя для Жана... все, все!

Доктору сдѣлалось неловко отъ ея самоуничиженія, и онъ отошелъ, дѣлая видъ, что разглядываетъ отдаляющійся берегъ Белиля. А жена его продолжала жаловаться мнѣ на судьбу и доказывала, что ея кузина равнодушна къ доктору, приводя убѣдительныя, по ея мнѣнію, доказательства.

— Однако вы не на шутку ревнуете,—сказалъ я полуплутиво, но все-таки показывая ей, что въ сущности раздѣляю ея опасенія. Она отвѣтила, что я ошибаюсь.

— Я слишкомъ хорошо знаю Жана,—сказала она,—чтобы подозрѣвать его. У него добрая, благородная душа, и онъ не измѣнитъ мнѣ, зная, что все счастье моей жизни — въ его рукахъ.

— Ну, вотъ видишь!—воскликнулъ Гульвенъ, снова подошедшій къ намъ.—Ты сама знаешь, что твои опасенія совершенно неосновательны... Вѣдь я живу только для нея,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Съ тѣхъ поръ какъ я женился, я разошелся со всѣми друзьями.

— Зачѣмъ тебѣ друзья?—возразила она.—Твои друзья—твой умъ и твой благородный характеръ; передъ ними я преклоняюсь.

Она, видимо, сдавалась, боясь разсердить его своими чрезвычайными нападениями.

— Ну, и отлично. Значить, я по суду оправданъ... Какъ по твоему, Гишардо?

— Казалось бы.

Я думалъ, однако, какъ разъ противоположное. М-мъ Гульвенъ имѣла, очевидно, совершенно опредѣленную цѣль: она посвятила меня въ свои отношенія съ мужемъ не для того, чтобы я разсудилъ ихъ, а чтобы пристыдить мужа и заставить его исправиться. Это было очень ловко подстроено. Я окончательно убѣдился, что м-мъ Елена любитъ доктора, и мнѣ оставалось теперь убѣдить ее дать деньги для опыта. Слава и самая жизнь ея друга зависѣли отъ нея, и я не сомнѣвался въ ея согласіи помочь ему матеріально. Мы такимъ образомъ сможемъ пріобрѣсти сыворотку безъ малѣйшихъ затратъ.

Теперь всѣ недоразумѣнія исчезли. Положеніе каждаго изъ участниковъ готовящейся семейной драмы выяснилось. У всѣхъ было тяжело на душѣ, а я былъ общимъ другомъ, совѣтникомъ, и могъ говорить со всѣми безъ малѣйшихъ стѣсненій. Сдѣлавшись общимъ довѣреннымъ лицомъ, я могъ управлять событіями, какъ хотѣлъ, такъ какъ всѣ возлагали надежды только на меня. Прежде всего нужно было твердо установить факты. Мнѣ было важно, чтобы м-мъ Елена созналась мнѣ въ своей связи съ до-

второмъ и согласилась по моему предложенію дать пятьдесятъ тысячъ франковъ своей кузинѣ для расходовъ по лабораторіи. Я только боялся, что не смогу заставить Гульвена принять эти деньги, если, какъ я предполагалъ, красивая молодая вдова дарить его своей любовью. Честный морякъ непременно откажется подъ какимъ-нибудь предлогомъ отъ денегъ своей возлюбленной—и вся задуманная мною афера рухнетъ. Нужно было поэтому дѣйствовать крайне осторожно,—какъ нашъ капитанъ, который ловко провелъ нашу яхту среди флотиліи рыбацкихъ барокъ, когда мы проѣзжали по загроможденному рейду Киберона.

На слѣдующій день я продолжалъ свои психологическія наблюденія на равнинѣ близъ Карнака, куда мы отправились разсматривать длинные ряды менгировъ, памятниковъ бретонской старины. Докторъ давалъ археологическія свѣдѣнія о камняхъ, а м-мъ Елена на этотъ разъ не распространялась о своихъ впечатлѣніяхъ и не дѣлала картинныхъ сравненій. Она, очевидно, боялась, что ее опять обвинять въ желаніи блистать своимъ умомъ передъ докторомъ. Мы поднялись на возвышеніе, гдѣ стоялъ древній алтарь. Докторъ разсказалъ намъ о подробностяхъ друидическихъ жертвоприношеній, а м-мъ Ла-Ревельеръ стала утверждать, что культура вовсе не смягчила нравы, и что въ поступкахъ даже самыхъ образованныхъ и передовыхъ людей сказываются попрежнему кровожадные инстинкты. Говоря это, она взглянула на свою невестку, которая сдѣлала видъ, что не понимаетъ ея намека. Тѣмъ временемъ Жильберта, о которой всѣ забыли среди оживленныхъ разговоровъ, пыталась подняться на алтарь, гдѣ уже усѣлась ея собака; но безъ посторонней помощи она не могла этого сдѣлать. Я видѣлъ ея неудачныя попытки, но нарочно не помогъ ей. Я предпочиталъ, чтобы она разнервничалась отъ досады и чтобы по этому поводу поднялся опять разговоръ объ отъѣздѣ. Дѣвочка, дѣйствительно, разрыдалась. М-мъ Елена сначала раздраженно прикривнула на нее, но это только ухудшило дѣло. Плачъ Жильберты усилился, всѣ бросились успокаивать ее. Докторъ взялъ ее на руки и поднялъ на верхушку священнаго камня. Собака стала гладить ее лапой, и она успокоилась. Затѣмъ мы направились разсматривать могильный курганъ по близости. Я пошелъ впередъ вмѣстѣ съ двумя кузинами, и несмотря на всѣ старанія м-мъ Елены перемѣнить тему разговора, я продолжалъ говорить о здоровьи ея дочери. Ей пришлось сознаться, что у Жильберты, дѣйствительно, портится кожа.

— Мнѣ Жанъ говорилъ объ этомъ, — сказала жена до-

ктора. — Онъ теперь убѣдился, что здѣшній климатъ вреденъ для Жильберты.

И она стали разяснять, не щадя свою кузину, что пропитанный солью и іодомъ морской воздухъ оказываетъ пагубное вліяніе на кровь въ юномъ возрастѣ, и что слишкомъ долгое пребываніе у моря можетъ вызвать серьезную болѣзнь кожи.

— Вѣдь м-мъ Ла-Ревельеръ предлагала вамъ сократить пребываніе здѣсь, — сказалъ я, подливая масла въ огонь этими словами.

— Но я вовсе не желаю уѣзжать, — горячо возразила мнѣ м-мъ Елена. — Моя *belle-mère*, какъ всѣ старые люди, волнуется изъ-за пустяковъ. А мнѣ не хочется уѣзжать. Мнѣ было бы грустно такъ скоро разстаться съ тобой, Ивонна. И странно, — мнѣ докторъ ни слова не говорилъ о необходимости отъѣзда.

— Конечно. Мы изъ эгоизма хотѣли бы удержать васъ здѣсь. Но чтѣ же дѣлать? Нашъ долгъ — предупредить тебя, что Жильбертъ вредно здѣсь оставаться. Ты должна это знать, — какъ мнѣ ни тяжело говорить.

М-мъ Елена ничего не отвѣтила, но по лицу ея видно было, какъ ей тяжело. Она только рѣшительно покачала головой въ знакъ того, что ни за что не согласится уѣхать. Жена доктора продолжала убѣждать ее. М-мъ Елена въ отчаяніи стала ссылаться на то, что Жильберта не захочетъ уѣхать и разстаться съ докторомъ, къ которому такъ привязалась. Возражая ей, я холодно напомнилъ м-мъ Еленѣ, что мужъ ея былъ человѣкъ очень больной, что у Жильберты плохая наслѣдственность, и потому слѣдуетъ соблюдать крайнюю осторожность относительно ея здоровья.

— Зачѣмъ вы оба нарочно пугаете меня? — раздраженно спросила м-мъ Елена.

Придумывая новые доводы противъ отъѣзда, она намекнула на пользу ея пребыванія для скромнаго бюджета Гульвеновъ, а затѣмъ дала понять, что Жильберта могла бы уѣхать съ бабушкой. М-мъ Гульвенъ запротестовала, ссылаясь на старость м-мъ Ла-Ревельеръ, на ея привычку спать послѣ обѣда, на невозможность поручить ей уходъ за дѣвочкой. М-мъ Елена, напротивъ того, выхваливала преданность своей *belle-mère* ея внучкѣ. Жена доктора стала тогда доказывать, что Жильберта будетъ страдать отъ разлуки съ матерью, и что это вредно отзовется на ея здоровье. Она сослалась на авторитетъ доктора, говоря это.

— Ты увѣрена, что онъ посоветуетъ мнѣ уѣхать? — спросила м-мъ Елена.

— Его долгъ сдѣлать это.

Обѣ женщины плохо умѣли скрывать свои истинныя чувства, и взгляды ихъ ясно выражали то, о чемъ онѣ не говорили вслухъ: „Я знаю, что ты любишь Жана,—читалъ я во взглядѣ Ивонны Гульвенъ.—Да и какъ его не любить? Я тебя не виню. Но только уѣзжай ради нашего общаго блага“. А взглядъ м-мъ Елены отвѣчалъ: „Ты гонишь меня, чтобы спасти остатки своего счастья. Но что станетъ съ тѣмъ, кого я полюбила?“

Отъ меня зависѣло теперь ускорить развязку. По моимъ расчетамъ страхъ разлуки долженъ былъ разжечь любовь къ молодой, красивой женщинѣ. Теперь мнѣ, вѣроятно, удастся вырвать у нея признаніе. Она должна довѣряться мнѣ, такъ какъ изъ всѣхъ окружавшихъ ее я одинъ не былъ ея естественнымъ врагомъ. Она, дѣйствительно, въ теченіе всего дня не отходила отъ меня. Боясь выдать себя, она сторонилась отъ доктора. Я нѣсколько разъ пробовалъ дѣлать намеки на ея любовь, но она рѣзко обрывала меня, не давая возможности продолжать. Въ Карнакѣ мы посѣтили церковь, и все время, пока мы осматривали ее, м-мъ Гульвенъ стояла на колѣннхъ передъ рѣшеткой главнаго алтаря и горячо молилась, очевидно взывая къ небу помочь ей въ ея горѣ.

Стоя рядомъ съ докторомъ, въ то время какъ м-мъ Елена отошла въ сторону и разсматривала бюстъ какого-то епископа, я ему сказалъ, что нахожу кузину его жены сильно осунувшеюся,—очевидно, она очень разстроена предстоящей разлукой. Онъ ничего не отвѣтилъ, и я сталъ ему доказывать, говоря въ полголоса, что молодая вдова его несомнѣнно любитъ. Я сказалъ, что мы всѣ это замѣчаемъ, и что онъ напрасно скрываетъ отъ меня ихъ взаимныя симпатіи, столь очевидныя для меня.

— Ты ошибаешься,—взволнованно проговорилъ онъ.—Развѣ такая женщина, какъ она, можетъ питать хоть малѣйшую привязанность ко мнѣ? Ужъ не смѣешься ли ты надо мной?

Но, говоря это; онъ схватилъ меня за руку и увлекъ изъ церкви. На воздухѣ онъ, задыхаясь, спросилъ:

— Она тебѣ сказала, что уѣзжаетъ? Ты въ этомъ увѣренъ?

У него появились темные круги подъ глазами и на лбу выступили капли пота. Я рассказалъ ему, какъ жена его уговорила кузину уѣхать изъ Бретани. Онъ ничего не отвѣтилъ, и мы молча подошли къ нашему отелю, передъ которымъ стояло нѣсколько желѣзныхъ стульевъ. Онъ, видимо, старался изо всѣхъ силъ не обнаружить волненія, но не могъ совладать съ собой и въ изнеможеніи опустился на стулъ. Я посоветовалъ ему вы-

пить коньяку, чтобы успокоиться отъ извѣстія объ отъѣздѣ м-мъ Елены.

— Да ты съ ума сошелъ!—кривнулъ онъ.—Развѣ я похожъ на Донъ-Жуана? Взгляни на меня.

— Ты нервный человѣкъ съ нѣжной душой и можешь нравиться женщинамъ. Твое знаніе и умъ увлекли эту красавицу, которая любитъ литературу и искусство больше всего. Она тебя боготворитъ, ты ее любишь... Тебѣ вотъ чуть дурно не сдѣлалось отъ извѣстія объ ея отъѣздѣ. Все это совершенно естественно. Вы провели лѣто вмѣстѣ. Своей наружностью ты какъ разъ подходишь къ болѣзненному типу красоты, который теперь въ модѣ у эстетовъ... Поэтическая обстановка Бретани способствовала вашему взаимному влеченію. Ты не можешь отрицать, что любишь ее... Выпей же рюмку коньяку.

Я прибавилъ, что даже жена его не скрываетъ своей ревности, а м-мъ Ла-Ревельеръ—своего возмущенія, и что мнѣ хотѣлось бы только окончательно удостовѣриться въ основательности нашихъ подозрѣній.

— Никогда, — сказалъ онъ, — ни м-мъ Елена, ни я не говорили ни о чемъ подобномъ... Не ей же было начинать... А мнѣ она не давала повода ухаживать.

— Но вѣдь тебѣ она нравится... И развѣ она можетъ не понравиться кому бы то ни было? Или, можетъ быть, ты считаешь себя неподвластнымъ законамъ природы?

— Я только стараюсь побороть свои инстинкты.

— Зачѣмъ?—сказалъ я, закуривая сигару.—Не нужно бороться противъ инстинктовъ, если удовлетвореніе ихъ обогащаетъ нашу жизнь... Любовь такой женщины, какъ м-мъ Елена, несомнѣнно только подниметъ твои духовныя силы.

— А моя жена?

— Она очень милая, кроткая женщина, и я ее чрезвычайно уважаю. Но она не можетъ повести тебя впередъ, она не научитъ тебя превзойти самого себя. Все, что она могла дать тебѣ, она дала... и теперь ты прозябаешь подлѣ нея.

Бросивъ первое сѣмя мятѣжа въ его душу, я помолчалъ, давъ ему время внутренне согласиться со мной и сознаться передъ самимъ собой, что онъ, дѣйствительно, пресытился обществомъ жены. Потомъ я ему сталъ доказывать, что онъ долженъ сдѣлать выборъ, рѣшить, что важнѣе: спасать ли безконечное количество человѣческихъ жизней, или посвятить себя благополучію одной только м-мъ Гульвенъ? Я доказывалъ ему, что для подъема его духовныхъ силъ, т.-е. для его творческой работы,

необходимо, чтобы онъ думалъ только о себѣ и побѣдилъ свою жалость въ женѣ. Я даже доказывалъ, что жалость въ данномъ случаѣ—только маска тщеславія, только бессознательное желаніе рисоваться передъ самимъ собой своимъ благородствомъ, наперекоръ требованіямъ творческихъ силъ души. Дѣйствительный долгъ заключается въ томъ, чтобы повиноваться призыву духа и довести до конца трудъ, который облагодѣтельствуетъ все человѣчество.

— Я не могу понять, какимъ образомъ измѣна женѣ интригой съ ея кузиной можетъ быть нравственнымъ долгомъ. Это нелѣпый софізмъ. И какимъ образомъ любовная интрига съ м-мъ Еленой повліяетъ на завершеніе моего открытія? Ты считаешь меня дуракомъ, если думаешь убѣдить такими парадоксами.

Я прервалъ разговоръ при видѣ дамъ, выходящихъ изъ церкви. Въ этотъ день одинъ только я обѣдалъ съ аппетитомъ. М-мъ Елена и докторъ старались не выдать свою душевную боль, но оба не могли заставить себя ѣсть. Вечеромъ, когда взошла луна, мы пошли осматривать поляну, сплошь покрытую менгирами. Нашимъ гидомъ была бретонская крестьянка. Докторъ шелъ рядомъ съ ней, разспрашивая ее о свойствахъ травъ, которыя она собирала по дорогѣ. Я отсталъ съ м-мъ Еленой, и, глядя на идущаго рядомъ съ бретонкой доктора, подумалъ о томъ, до чего онъ всѣмъ своимъ существомъ связанъ съ своей родиной; при всемъ своемъ духовномъ превосходствѣ, онъ въ эту минуту казался роднымъ братомъ этой бретонской крестьянки.

— Вы должны теперь понять,—сказалъ я м-мъ Еленѣ, подѣлившись съ ней моей мыслью о докторѣ и его спутницѣ,—почему мнѣ захотѣлось соблазнить служанку въ Керьяникѣ и тѣмъ самымъ глубже проникнуть въ особенности бретонской расы. Вы должны понять любознательность духа, желаніе какъ можно полнѣе ознакомиться съ этой страной, сохранившей юность, несмотря на долгіе вѣка своей исторической жизни... Вѣдь я увлеченъ желаніемъ узнать бретонскую душу,—хотя бы даже за это знакомство пришлось платить любовью.

— Вы полагаете?

— Будемъ же говорить откровенно—я не умѣю идти окольными путями. Неужели, по вашему, я одинъ не вижу, что вы интересуетесь Жаномъ Гульвеномъ? Я въ этомъ не нахожу ничего дурного,—удивляюсь только, что вы оба такъ пассивны въ своихъ чувствахъ, такъ лишены всякой предпримчивости. Гульвенъ васъ любитъ... Это—фактъ. Когда я ему сообщилъ о возможности вашего отъѣзда по настоянію его ревнивой жены, онъ чуть не лишился чувствъ.

— Какія глупости!—сказала м-мъ Елена и перестала отвѣчать на всѣ мои обличенія ея чувствъ къ доктору. Она молча осматривала камни мертваго города.

— Какъ люди ошибаются!—проговорила она со вздохомъ.— Вѣдь докторъ Гульвенъ ни разу, даже въ шутку, не говорилъ мнѣ о любви, а вы всѣ тутъ создаете цѣлый романъ. На меня нападаетъ моя belle-mère, и даже вы, съ вашимъ психологическимъ чутьемъ, такъ же близоруки, какъ эта буржуазка, помѣшанная на приличіи.

Чтобы вызвать довѣріе м-мъ Елены, я отозвался пренебрежительно о м-мъ Ла-Ревельеръ, и былъ вознагражденъ за свою хитрость. М-мъ Елена рассказала мнѣ о преслѣдованіяхъ своей belle-mère. Послѣдняя ничего бы не имѣла противъ вторичнаго замужества своей невѣстки, но возмущалась при мысли о любовной интригѣ, компрометирующей честное имя ея сына и внука...

— Но если м-мъ Ла-Ревельеръ,—возразилъ я,—ничего не имѣетъ противъ вашего второго брака, то вы можете стать женой Гульвена, если бы онъ развелся? Отвѣйте мнѣ... вотъ видите, вы не отвѣчаете, не отрицаете, что вышли бы за него замужъ... Я считаю это формальнымъ признаніемъ.

М-мъ Елена остановилась, и на лицѣ ея отразилась величайшая мука. Ея прекрасное трагическое лицо поражало при лунномъ освѣщеніи. Перемѣна была такъ поразительна, что я даже заподозрилъ ее въ комедіанствѣ, и напомнилъ ей о томъ, какъ она говорила мнѣ прежде о ненужности любви, о хрустальной прозрачности своей жизни.

— Эта хрустальность теперь какъ будто бы потускнѣла,—сказалъ я съ иронической улыбкой. Но она прервала меня:

— Не шутите, прошу васъ!—съ истиннымъ отчаяніемъ сказала она.—Я вѣдь только теперь поняла себя. Это ужасно! Я не принадлежу больше себѣ. Что-то постороннее завладѣло мной. Какъ я была счастлива прежде, когда просто могла бесѣдовать съ нимъ о Жильбертѣ, о другихъ! Но онъ постепенно завладѣлъ всѣми моими мыслями. Мы проводили почти все время вмѣстѣ. А въ его отсутствіе о немъ постоянно говорила Жильберта. Къ тому же меня беспокоило его слабое здоровье. Мнѣ хотѣлось ухаживать за нимъ вмѣстѣ съ Ивонной, изъ благодарности за его заботы о моемъ покойномъ мужѣ. Все это было такъ чисто, такъ просто. А сегодня все сразу измѣнилось. Я поняла, что Ивонна хочетъ меня удалить, что она знаетъ правду, которую я скрывала отъ самой себя... Непонятная гордая сила побѣдила меня. Я совершенно растерялась... Вотъ видите,—я плачу.

Она быстро провела платкомъ по глазамъ и опять пошла впередъ быстрыми шагами.

— А онъ? — спросилъ я.

— Онъ? Онъ ничего не подозрѣваетъ, — вамъ это кажется негѣлымъ, не правда ли? — а между тѣмъ, это правда. Онъ никогда не выказывалъ мнѣ никакого исключительнаго вниманія. Мое общество ему не непріятно — вотъ и все. Къ тому же, онъ такъ преклоняется передъ Ивонной... передъ святой Ивонной, что не задумается пожертвовать мною ради нея. А вы еще говорите о разводѣ!

Въ голосѣ ея прозвучало негодованіе, и, совершенно не помня себя, она стала почти кричать:

— Онъ даетъ мнѣ примѣръ благородства... и мнѣ остается только поскорѣе уѣхать отсюда. Онъ поступаетъ честно. А я... Не говорите мнѣ, что я смѣшна: я сама это знаю. Что можетъ быть смѣшнѣе, чѣмъ испытывать невообразимыя муки и сознавать свое безсиліе!... А вѣдь онъ меня любитъ, — я знаю, я увѣрена, что онъ меня любитъ.

— Конечно, любить. Я въ этомъ тоже не сомнѣваюсь. Знаете, что я вамъ скажу: вы оба — настоящія дѣти, не понимающія жизни... Я вамъ помогу, дорогая... Мы все это устроимъ къ лучшему...

Мимо насъ пробѣжала Жильберта со своей собакой. Она спѣшила вскарабкаться на камень, служившій алтаремъ. У него стоялъ, прислонившись, Гульвенъ съ измученнымъ, утомленнымъ видомъ, въ то время, какъ бретонка собирала лекарственныя травы.

VIII.

На слѣдующій день печаль м-мъ Елены ясно отражалась на ея лицѣ. Гульвенъ избѣгалъ ея, притворялся нездоровымъ, и сидѣлъ все время на палубѣ, глядя на море. Когда мы заѣхали въ маленький портъ Локмариакеръ, только Жильберта и м-мъ Гульвенъ выказали дѣйствительный интересъ къ деревушкѣ и ея живописному населенію. Мы пошли осматривать друидическія памятники, и м-мъ Елена пробовала ораторствовать попрежнему, но ей не удалось пересилить себя, и она замолчала. За завтракомъ опять я одинъ только поддерживалъ оживленіе своимъ прекраснымъ аппетитомъ и шутками съ Жильбертой. Съ докторомъ я не заговаривалъ, чувствуя, что теперь трудно повліять на него, и сосредоточилъ все свое стараніе на томъ, чтобы склонить къ

моимъ планамъ м-мъ Елену. Послѣ завтрака, мы съ нею отделились отъ другихъ и, глядя на море, возобновили разговоръ на интересующую насъ обоихъ тему.

— Если вы уйдете, то и я послѣдую за вами, — сказалъ я. — Бѣдные Гульвены останутся одни.

Она грустно покачала головой, потомъ задумалась и поспѣшно спросила меня:

— Надѣюсь, однако, что вы оставляете доктору надежду на удачу?

— Очень слабую, — твердо отвѣтилъ я, уничтожая всякую иллюзію своимъ тономъ, и объяснилъ ей, что наше „Общество“ не рѣшится поддержать доктора раньше, чѣмъ года черезъ два, когда его опыты будутъ болѣе доказательны.

— А что же будетъ до того?

— Я самъ думаю объ этомъ съ ужасомъ... У нихъ ничего больше нѣтъ. А бѣдный Гульвенъ хирѣетъ все больше и больше... Я не говорю объ этомъ, чтобы не пугать жену, но все-таки...

У м-мъ Елены покраснѣли вѣки, и въ глазахъ появилось испуганное выраженіе. Я же ей спокойно объяснилъ, что страховныя общества отказались бы страховать наши расходы на случай смерти доктора. Я сказалъ, что уже при посредствѣ нашихъ агентовъ наводилъ нужныя справки, и знаю, что коллеги Гульвена не считаютъ его здоровье достаточно крѣпкимъ для завершения его трудовъ. Силы его окончательно истощены, и, чтобы возстановить ихъ, ему необходимо бросить работу и прожить годъ на альпійскихъ высотахъ, — что, конечно, немислимо въ его обстоятельствахъ.

М-мъ Елена съ трудомъ удерживала слезы. Она вся дрожала и глядѣла мнѣ въ глаза тревожнымъ, выжидательнымъ взглядомъ. Я медленно закурилъ трубку и замолчалъ, чѣмъ окончательно привелъ ее въ отчаяніе.

— Нужно его спасти во что бы то ни стало! — крикнула она. — У васъ вѣдь есть деньги... Поддержите его!

Я объяснилъ ей, что всѣ свои небольшіе капиталы я вложилъ въ строительныя предпріятія, и что я самъ теперь нуждаюсь въ свободныхъ деньгахъ. Она сказала мнѣ, чтобы я взялъ гдѣ-нибудь въ долгъ, но я объяснилъ, что, не имѣя достаточныхъ гарантій, я не могу достать денегъ. Тысячи двѣ франковъ я бы, конечно, самъ могъ ссудить нашему другу, но этого мало. Ему нужно тысячъ пятнадцать-двадцать, чтобы выбраться изъ Керьяника, заплативъ главнѣйшіе долги, и поселиться на годъ въ Энгадинѣ съ женой. Съ женой!..

Я съ особымъ удареніемъ повторилъ это слово, давая понять, что жизнь доктора испорчена главнымъ образомъ его нелѣпой женитьбой. М-мъ Елена сдѣлала видъ, что не слышитъ моихъ словъ. Оглянувшись, чтобы убѣдиться, что никто насъ не слышитъ, она тихо сказала мнѣ, что она мнѣ дастъ эти двадцать тысячъ съ тѣмъ, чтобы я передалъ ихъ Гульвенамъ отъ имени „Фармацевтическаго Общества“. Я, конечно, легко доказалъ ей неосуществимость ея плана. Гульвенъ не преминулъ бы написать благодарственное письмо администраціи „Общества“, и наша хитрость сейчасъ же открылась бы. Я долженъ, значить, отъ своего имени предложить доктору эти деньги. Но я такъ часто говорилъ ему о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, когда онъ обращался ко мнѣ, что моя внезапная щедрость удивила бы его, и онъ догадался бы, откуда явились деньги.

— Помните,—доказывалъ я м-мъ Еленѣ,—докторъ питаетъ къ вамъ иѣжныя чувства. Вы тоже къ нему равнодушны—и даже въ этомъ сознаетесь,—и поэтому именно Гульвенъ не можетъ принять отъ васъ денегъ. Вѣдь объ этомъ бы узнали. У него много враговъ, которые слѣдятъ за нимъ. Стали бы удивляться, какъ это онъ вдругъ бросилъ практику и живетъ въ Энгадинѣ... Онъ бы никогда не простилъ мнѣ, что я впуталъ его помимо его вѣдома въ позорную исторію.

— Вы нарочно придумываете всякія препятствія... Вы—противъ его успѣха... скажите прямо—это болѣе подходитъ къ вашему природному цинизму.

М-мъ Елена отвернулась отъ меня съ негодованіемъ, выкрикивая свои обвиненія навстрѣчу стихіямъ. Отъ волненія она проводила рукой по лицу, не думая о томъ, что черныя перчатки оставлять слѣдъ на лицѣ, которое она, для предохраненія отъ загара, покрыла вазелиномъ и пудрой. Обычная забота о наружности покинула ее въ эти минуты крайняго волненія, и по ея истерзанному лицу съ растрепавшимися по вѣтру волосами, по едва сдерживаемымъ рыданіямъ видно было, до чего искренно она страдаетъ.

Я ей объяснилъ, что мои отношенія съ докторомъ—далеко не дружескія, что онъ выноситъ мое присутствіе въ Керьяниѣ только въ надеждѣ на поддержку „Фармацевтическаго Общества“ и въ виду моей высокой платы за пансіонъ. При его недоверіи ко мнѣ, онъ навѣрное догадается о нашемъ соглашеніи. А въ вопросахъ чести этотъ внукъ адмирала Гульвена очень строгъ... Я не хочу играть роль посредника въ такомъ дѣлѣ... Меня и такъ считаютъ безнравственнымъ человѣкомъ, а когда узнаютъ, что деньги доктору передавалъ я, то сплетнямъ не будетъ конца.

— Какъ хотите... Я не настаиваю.

Я былъ ей ненавистенъ въ эту минуту, и она отошла, чтобы не видѣть меня. Но кого избрать въ посредники? Вставши, она прошла по палубѣ и потомъ опять сѣла. У нея явилось новое рѣшеніе—предложить самой эти деньги кузинѣ, хотя та одинъ разъ уже рѣшительно отказалась принять ихъ, какъ м-мъ Елена призналась мнѣ.

— У Ивонны очень строгіе нравственные принципы,—сказала она съ горечью.—Она такъ деликатна, что убѣтъ своей деликатностью мужа... Это святая женщина!

— Конечно, м-мъ Гульвенъ не приметъ денегъ отъ васъ,—сказалъ я.—Она подумаетъ, что вы хотите подкупить ее, и откажется еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ первый разъ... Все несчастіе Гульвена въ этой добродѣтельной святой, которая его обожаетъ. Не будь ея, онъ бы отдалъ кредиторамъ все, что у него здѣсь имѣется, и отправился бы въ санаторію въ Сентъ-Морисъ, гдѣ его, какъ флотскаго врача, приняли бы, конечно даромъ. Но онъ не можетъ покинуть свою жену, оставивъ ее здѣсь безъ денегъ... Она настоитъ на томъ, чтобы сопровождать его, ухаживать за нимъ на правахъ любящей жены. Она его любитъ, и потому убиваетъ его своей любовью. Это вполне логично... Единственное спасеніе Гульвена—развестись съ нею...

М-мъ Елена совершенно растерялась... Я же былъ вполне доволенъ результатами моей дипломатіи: мысль о разводѣ была внушена,—большаго я пока не хотѣлъ достичь.

— Они не могутъ развестись,—сказала м-мъ Елена, помолчавъ, и глубоко вздохнула.

— Разводъ вернулъ бы ему полную свободу,—продолжалъ я.—Его могла бы полюбить женщина со средствами, выйти за него замужъ, доставить ему счастье и славу, которой онъ заслуживаетъ.

— Но какъ ему развестись?.. у него нѣтъ никакихъ поводовъ.

— Поводовъ, дѣйствительно, нѣтъ...

— Такъ, по-вашему, онъ долженъ погибнуть?

— Какъ видно.

М-мъ Елена взглянула мнѣ въ лицо. Она не понимала, какъ это я, зная объ ея любви къ Гульвену, такъ холодно мучу ее жестокими предположеніями. Она молчала, не будучи въ состояніи разобраться въ своихъ мысляхъ. Мысль о разводѣ казалась ей, однако, допустимой, и она возобновила разговоръ послѣ короткой паузы:

— Вѣдь эта женщина убьетъ его,—сказала она.—Вы сами это знаете.

— На это ей даетъ право ея любовь и преданность ему,—подтвердилъ я, держа трубку въ зубахъ.

— И васъ это не возмущаетъ?

— Мало ли видишь возмутительнаго въ жизни... Но я понимаю, что васъ эта нелѣпость волнуетъ больше всѣхъ другихъ.

Мое чрезмѣрное спокойствіе не обманывало м-мъ Елену. Она поняла, что я нарочно хочу довести ее до отчаянія, чтобы подчинить ее своимъ планамъ. Она видѣла, что больше уже нечего играть въ прятки, и готова была теперь повиноваться мнѣ во всемъ, какое крайнее средство я бы ни предложилъ.

— Какъ вы думаете, —спросила она почти шопотомъ,—могу ли я хоть что-нибудь предпринять?

— Вы-то едва ли,—медленно началъ я,—но вотъ что: не можетъ ли кто-нибудь другой убѣдить м-мъ Гульвенъ, что судьба ея мужа въ ея рукахъ, что, согласившись на разводъ, она его спасетъ, а оставаясь съ нимъ — убьетъ его. Вѣдь это ясно, и нѣтъ ничего легче, чѣмъ доказать это... Но, конечно, она едва ли сдастся на самые логичные доводы.. Любовь эгоистична. Она завладѣваетъ другимъ существомъ, дѣлаетъ его своей собственностью и отдаетъ его только одной смерти...

— Да, она отдастъ его только смерти!

— Этого не будетъ, если мы склонимъ м-мъ Гульвенъ на разводъ. Но развѣ можно требовать отъ нея, чтобы она разбила свои жалкія надежды и обрекла себя на бѣдность и одиночество?

М-мъ Елена отрицательно покачала головой. Я отошелъ отъ нея. Наша яхта вошла въ рѣку Ваннъ, мутную и не представлявшую никакихъ красотъ. Я рѣшилъ предоставить м-мъ Елену ея сердечнымъ страданіямъ, зная, что она не сможетъ съ ними справиться и вернется ко мнѣ за совѣтами, которымъ вполне покорится.

Въ мои планы входило, чтобы она дѣйствительно вышла замужъ за доктора Гульвена, и я готовъ былъ содѣйствовать разводу доктора съ его женой. Мнѣ не казалось невозможнымъ склонить м-мъ Гульвенъ на разводъ. Такая идеалистка, какъ она, способна дойти до крайнихъ предѣловъ самоотверженности для спасенія мужа. Нужно только убѣдить ее, что она должна оставить мужа для его же блага. Это трудно, — но для такой цѣли стоитъ поработать. „Превзойди самого себя—въ себѣ и даже въ твоёмъ ближнемъ“, —сказалъ Ницше, и мнѣ захотѣлось истолковать по-своему изреченіе учителя.

Когда мы всей компаніей пошли ходить по улицамъ Ванна, я не отходилъ отъ м-мъ Гульвенъ. Я расспрашивалъ ее объ историческомъ прошломъ города, застроеннаго старыми бретонскими домами и сохраняющаго во всемъ средневѣковый видъ. М-мъ Гульвенъ отвѣчала пѣхотя и была со мной крайне холодна. Можетъ быть, она догадывалась, о чемъ я долго говорилъ съ ея соперницей. Можетъ быть, впрочемъ, она сердилась на меня за Анну-Марію. Какъ бы то ни было, мнѣ никакъ не удавалось заговорить съ ней о томъ, что меня больше всего интересовало. Она очень ловко ускользала изъ всѣхъ сѣтей, которыя я ей разставлялъ. Я даже сталъ бояться, что она начнетъ читать мнѣ наставленія, и перевелъ разговоръ на памятники бретонской старины.

Въ это время мимо насъ прошли три монахини въ черномъ, маленькія, коренастыя, съ синими шнурами вокругъ пояса. Онѣ поздоровались съ моей спутницей, остановились и стали весело и оживленно говорить съ ней, рассказывая всякаго рода событія монастырской жизни и обсуждая религіозные вопросы въ строго догматическомъ духѣ. М-мъ Гульвенъ удивила ихъ своимъ строгимъ отзывомъ о новой книгѣ, объясняющей библейскія чудеса. Проникнутая апостольскимъ жаромъ, она горячо убѣждала монахинь, очень внимательно слушавшихъ ее, и группа этихъ женщинъ, занятыхъ религіозной бесѣдой на улицѣ стариннаго города, производила полную иллюзію средневѣковой жизни. Когда монахини ушли, я сказалъ м-мъ Гульвенъ, что она показалась мнѣ совершенно похожей на своихъ пріятельницъ, и что я отлично могу представить ее себѣ въ монашескомъ платьѣ. Она призналась мнѣ, что когда ея мужъ бывалъ въ плаваніи, она всегда жила въ монастырѣ и носила—по особому разрѣшенію—одежду монахинь того ордена, который принималъ ее у себя.

— Держу пари,—сказалъ я, рѣшивъ заговорить, наконецъ, о главномъ,— что жизнь въ монастырѣ, вдали отъ міра, отъ человѣческой суеты и злобы, въ атмосферѣ мирныхъ, сладостныхъ молитвъ, кажется вамъ блаженствомъ.

— Да... Было бы такъ хорошо довѣрить Провидѣнію заботу о своей жизни.

— Будъ вы не замужемъ, или еслибы вы овдовѣли, вы бы ушли въ монастырь?

— Несомнѣнно.

— И вамъ этотъ крайній исходъ не казался бы катастрофой?

— Еслибы я имѣла несчастье потерять мужа въ плаваніи...

монастырь сталъ бы для меня единственнымъ желаннымъ убѣжищемъ въ ожиданіи конца... Монастырская жизнь кажется мнѣ самой отрадной.

Я поспѣшилъ сказать, что я самъ считаю монастырскую жизнь очень привлекательной. Мы стали говорить о монастыряхъ, о мистическомъ экстазѣ, о радостяхъ тихой, чистой, простой монашеской жизни. Я внимательно запоминалъ всѣ ея доводы, чтобы въ надлежащій моментъ напомнить ихъ ей. Съ искренностью глубоко вѣрующей натуры, она заранѣе высказывала готовность дать обѣтъ безбрачія, еслибы церковь приняла ее въ свое лоно. Я пока не заговаривалъ о грозящемъ ей одиночествѣ, но, поддерживая ее въ жалобахъ на несправедливость судьбы, я добился того, что она стала слегка обвинять мужа въ эгоизмѣ. Я сталъ тогда хвалить мудрость церкви, которая отстаиваетъ идеалъ безбрачія для спасенія отъ разочарованій семейной жизни и создаетъ религіозныя общины для избавленія отъ грусти одиночества. М-мъ Гульвенъ поняла по моимъ словамъ, что я знаю объ ея тайной драмѣ. Ей сдѣлалось непріятно, и чтобы переменить разговоръ, она обратила мое вниманіе на интересный фасадъ ратуши. Я съ готовностью заговорилъ объ архитектурѣ эпохи Возрожденія; но въ дальнѣйшей бесѣдѣ далъ ей ясно понять, подъ предлогомъ дружескаго желанія утѣшить ее, что считаю разрывъ ея съ мужемъ неизбежнымъ, и полагаю, что разводъ предпочтительнѣе теперешняго положенія дѣла. Моя твердость и пренебреженіе ко всякимъ сентиментальностямъ придавали особую значительность моимъ словамъ. Я всегда подготавливаю всякое дѣло издалека, а потомъ, въ надлежащій моментъ, веду атаку твердо и настойчиво до момента полной удачи или окончательнаго пораженія. Въ эти дни я вступилъ въ періодъ рѣшительныхъ дѣйствій по дѣлу о сывороткѣ Гульвена. Нужно было теперь же, до возвращенія въ Беляль послѣ нашей экскурсіи, спасти доктора отъ бѣдности и болѣзни, для того, чтобы его открытіе обогатило „Фармацевтическое Общество“, а главное, агента этого „Общества“ — и для того, конечно, чтобы талантъ доктора спасъ тысячи человѣческихъ жизней, „тысячи тысячъ жизней“, какъ говорила его жена. И у меня было въ рукахъ средство одержать побѣду: нужно было только воспользоваться м-мъ Еленой, которая сдѣлалась пассивнымъ орудіемъ въ моихъ рукахъ. Я, конечно, не вѣрилъ тому, что они не открывали другъ другу своихъ чувствъ. Однако, неправдоподобное бываетъ иногда правдой, и я рѣшилъ изслѣдовать дѣло.

На слѣдующій день, когда наша яхта неслась по гладкому голубому морю въ Конкарно, я подошелъ вмѣстѣ съ молодой вдовой къ доктору, который, стоя на палубѣ, смотрѣлъ на волны. Онъ вздрогнулъ, когда мы окликнули его, и обернулся къ намъ съ поблѣднѣвшимъ отъ волненія лицомъ. Онъ, видимо, боялся, чтобы мы не вымогали у него опасныхъ признаній, и бормоталъ какія-то непонятныя слова, когда я заговорилъ для начала о погодѣ. Издали мы услышали голосъ Жильберты, которая раздраженно спорила о чемъ-то со своей бабушкой, и я насмѣшливо замѣтилъ доктору, что онъ еще не вполне исправилъ строптивый характеръ своей ученицы, какъ можно было судить по обрывкамъ ея дерзкихъ отвѣтовъ, долетавшихъ до насъ. М-мъ Елена ловко воспользовалась удобнымъ предлогомъ, чтобы дать разговору желательный для нея оборотъ.

— Ахъ, — сказала она со вздохомъ, — какой ужасъ, когда рано умираетъ мужъ! Дѣвочкѣ моей недостаетъ воспитателя съ твердой волей. Я безсильна вліять на ея характеръ. Какъ бы я хотѣла, чтобы около нея былъ такой человѣкъ, какъ вы! — сказала она, обращаясь къ доктору: — такой честный, благородный и ученый!

— А вы увѣрены, что мнѣ удалось бы воспитать ее какъ слѣдуетъ? — спросилъ онъ, относясь къ ея похваламъ больше съ ироніей, чѣмъ съ благодарностью, какъ человѣкъ, котораго сердятъ женскія бредни. Онъ, дѣйствительно, обращался съ ней вовсе не какъ влюбленный, и она, повидимому, привыкла къ этому, такъ какъ не выказывала удивленія. Я положительно не понималъ, какъ эта очаровательная, умная, изящная женщина могла полюбить этого болѣзненнаго увальня.

Она стала намъ жаловаться на стѣсненную жизнь честной женщины, которая не можетъ идти противъ требованій семьи и должна отказаться отъ многихъ личныхъ надеждъ. Поэтому-то ей и хотѣлось бы обезпечить хоть своей дочери болѣе свободную и счастливую жизнь и воспитать ее для такой жизни. Это было бы утѣшеніемъ для нея въ старости.

— Значить, вы готовы довѣрить доктору все ваше будущее, — сказалъ я. — Онъ долженъ чувствовать себя польщеннымъ.

— Я больше всего на свѣтѣ желала бы, чтобы Жильберта въ будущемъ походила характеромъ на васъ, — сказала Елена доктору, и голосъ ея задрожалъ отъ волненія.

Онъ съ своей стороны понялъ, что притворяться равнодушнымъ къ ея словамъ было бы просто грубо.

— Вы стали вдругъ приписывать мнѣ слишкомъ много качествъ, — сказалъ онъ послѣ легкаго колебанія.

— Вдругъ? — воскликнула она. — Я всегда была высокаго мѣнія о васъ. Вы это хорошо знаете.

Я подтвердилъ, что м-мъ Елена отзывалась о немъ всегда очень горячо, и, чтобы ускорить теченіе событій, прямо спросилъ его, дѣйствительно ли онъ не замѣчаетъ всю серьезность ея отношеній къ нему? Услышавъ мой вопросъ, м-мъ Елена поблѣднѣла и взглянула въ лицо доктору съ выраженіемъ мучительнаго ожиданія, изученнымъ ею въ музеяхъ, передъ классическими картинами. Но искусственная кокетливость была красивымъ, вышнимъ выраженіемъ неподдѣльной страсти, которая свѣтилась въ ея глазахъ. Онъ былъ совершенно ошеломленъ, понявъ, наконецъ, что эта обаятельная женщина полюбила его настолько, что призвала на помощь мою дерзость для того, чтобы вырвать у него признаніе.

— Другъ мой,—проговорила м-мъ Елена своимъ звучнымъ голосомъ,—позвольте мнѣ надѣяться, что я для васъ не случайная гостя, пріѣхавшая провести лѣто у моря... Вы для меня другое...

— Слышишь, Гульвентъ? — сказалъ я и взялъ его за руку.

Онъ нервно оттолкнулъ меня, оглянулся, чтобы узнать, не слѣдятъ ли за нимъ, и протянулъ м-мъ Еленѣ руку, которую она крѣпко сжала въ своей. Докторъ покраснѣлъ и проговорилъ, вздрогнувъ:

— То, что я вообразилъ себѣ теперь, дерзко и безумно...

— Нѣтъ, — сказала м-мъ Елена, — я знаю, что вы прочли въ моемъ сердцѣ. И вы не ошиблись.

На глазахъ ея показались слезы, а лицо озарилось торжествующей улыбкой. Я прикрывалъ ихъ отчасти моей плотной фигурой отъ постороннихъ взглядовъ, и они крѣпко пожали руки другъ другу. Нечего было, впрочемъ, опасаться постороннихъ свидѣтелей, такъ какъ м-мъ Гульвентъ занята была приготовленіями къ обѣду, а м-мъ Ла-Ревельеръ давала Жильбертѣ урокъ англійскаго языка. Я былъ истинно пораженъ. Значить, дѣйствительно, они были такъ наивны, такъ глупы, что теперь только впервые признались другъ другу въ любви, а до того довольствовались красивыми фразами на общія темы. Я и не подозревалъ, что такіе люди существуютъ... Теперь они молча глядѣли вдаль, точно судьба ихъ была написана на облакахъ, несущихся по небу.

— Простите меня,—сказалъ я имъ,—за то, что я не ухажу: я оберегаю васъ.

— Онъ нашъ другъ,—сказала м-мъ Елена доктору, и протянула мнѣ руку.

Я покровительственно засмѣялся и пожурить ихъ за то, что они напрасно таились другъ отъ друга столько времени.

— Слишкомъ опасно было признаваться, — возразила она. — Вмѣстѣ съ нашимъ счастьемъ родилась и новая скорбь. Сколько теперь придется страдать бѣдной Ивоннѣ! Это вѣдь дѣлаетъ наше счастье преступнымъ.

— Какъ я вамъ благодаренъ за то, что вы сейчасъ же подумали о моей женѣ! — сказалъ докторъ.

— Вѣдь и вы о ней думаете, — а у меня тѣ же мысли, что у васъ.

Они продолжали обмѣниваться пустыми, кокетливыми фразами, и эта болтовня начинала меня раздражать. Въ отвѣтъ на повторяющіяся нѣсколько разъ слова м-мъ Елены о страданіяхъ несчастной жертвы, я вмѣшался въ разговоръ и объяснилъ, что слово „жертва“ въ данномъ случаѣ преувеличено. Можно вѣдь скрыть отъ жены доктора ихъ любовь. Но въ отвѣтъ на это м-мъ Елена и Гувльенъ возразили, что имъ тяжело лгать, и что нѣтъ ничего отвратительнѣе, чѣмъ адюльтеръ.

— Однако, — замѣтилъ я, — если вы любите, то должны принять на себя все, что связано съ вашей любовью. Или, быть можетъ, вамъ удастся уѣхать вмѣстѣ?

— Да, Елена, если вы уѣдете, я вѣдь могу послѣдовать за вами, — сказалъ докторъ, и сталъ развивать этотъ планъ. Онъ сказалъ, что можетъ уѣхать, какъ бы отправляясь въ плаваніе, а затѣмъ, вмѣсто того, чтобы возобновить флотскую службу, поселиться съ м-мъ Еленой гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Парижа.

— Нѣтъ, мой другъ, — грустно возразила молодая вдова, — это немисливо. Подумайте, какъ бы про насъ злословили! А я не хочу дать дурной примѣръ моей дочери. Я хочу, чтобы жизнь ея была гордой и чистой, и поэтому она не должна видѣть примѣръ лжи въ жизни своей матери.

Она долго еще развивала банальныя мысли о нравственности, и я видѣлъ, что это производитъ впечатлѣніе на робкую душу доктора, который въ сущности радъ былъ предлогу отъязаться отъ счастья любви, купленного цѣной семейной драмы и разрыва съ женой. Я же готовъ былъ раздавить въ эту минуту, какъ червяка, этого жалкаго человѣка, который бѣжалъ отъ живой борьбы страстей, заранее объявлялъ себя побѣжденнымъ и спѣшилъ вернуться къ своей мелкой, сонной жизни, къ однообразнымъ заботамъ и къ пустымъ мечтамъ. Я былъ въ бѣшенствѣ, хотя съ практической стороны все это было мнѣ на руку. Отказываясь, въ силу своихъ предразсудковъ, отъ тайной любви, м-мъ

Елена становилась сторонницей развода. Замужество больше привлекало ее, чѣмъ адюльтеръ, и я отъ этого только выигрывалъ. Поэтому, когда докторъ сталъ говорить о крушеніи всѣхъ надеждъ, я запротестовалъ противъ его малодушія. М-мъ Елена продолжала съ негодованіемъ отвергать всякіе компромиссы. Ея поведеніе меня удивляло. Даже страсть не побѣдила въ ней потребности рисоваться благородными чувствами. Мнѣ даже показалось на минуту, что она играла комедію, признавшись въ любви, что ей хотѣлось только показать доктору всю силу своей добродѣтели, преодоляющей любовь. Но, заботясь объ успѣхѣхъ моего практическаго предпріятія, я указалъ имъ на возможность благополучнаго исхода безъ нравственныхъ компромиссовъ—на разводъ и бракъ.

— Нѣтъ,—со вздохомъ сказалъ докторъ,—Ивонна не согласится на разводъ: она меня любитъ.

— Ты въ этомъ убѣжденъ? А какъ знать?—можетъ быть, въ глубинѣ души, она рада была бы свободѣ и возможности посвятить себя Богу. Возможно вѣдь, что она не покидаетъ тебя только по долгу христіанской супруги, зная, какъ ты слабъ и безпомощенъ. Монашество ей кажется, навѣрное, болѣе желаннымъ, чѣмъ семейная жизнь. Церковь ей больше общается, чѣмъ можешь общаться ты... Зачѣмъ же, изъ ложно понятой жалости, отягчать ее цѣпями, которыя она сама была бы счастлива разбить, для спасенія своей души?

М-мъ Елена поддержала меня въ моихъ доводахъ, но докторъ продолжалъ утверждать, что мы ошибаемся, и что при всей своей скромности, онъ не сомнѣвается въ глубокой любви Ивонны, въ томъ, что она будетъ безумно страдать при первомъ подозрѣніи серьезной измѣны съ его стороны.

М-мъ Елена, задѣтая его горячей защитой интересовъ жены, и тѣмъ, что онъ слишкомъ легко сдался на ея доводы и готовъ былъ отказаться отъ нея, стала упрекать его въ фатовствѣ, въ чрезмѣрной самонадѣянности.—Конечно, вамъ лучше знать Ивонну и всѣ тайники ея сердца,—насмѣшливо закончила она.

Онъ, видимо, испугался ея разсерженного тона. Лицо его осунулось, глаза потемнѣли, у рта показалась горькая складка.

— Умоляю васъ,—пробормоталъ онъ съ поблѣднѣвшими губами,—не будемте говорить сегодня о всѣхъ этихъ печальныхъ вещахъ. Помолчимъ другъ подлѣ друга.

Онъ не могъ больше говорить. У него захватило дыханіе. Молодой женщинѣ сдѣлалось жаль его. Она замолчала. Мы подѣзжали къ Конкарно. Море пѣнилось вокругъ нашей яхты и

брызги долетали до насъ. Жильберта крикнула намъ издали, что насъ зовутъ къ столу.

IX.

Конкарно—тихий, строгій городъ, не утратившій ни въ чемъ своего средневѣковаго характера, и среди старыхъ домовъ и церквей, медленно движутся тихіе люди. У всѣхъ грустные и почти мертвыя лица,—точно имъ и теперь, какъ нѣкогда, угрожаютъ болѣзни и голодъ. Мимо насъ по улицамъ проходили группы блѣдныхъ школьницъ; на берегу босоногіе рыбаки вытаскивали сѣти; торговцы продавали въ корзинахъ рыбу женщинамъ, сидѣвшимъ у дверей низенькихъ домиковъ. М-мъ Гульвенъ спросила, какъ пройти въ церковь, у маленькихъ дѣвочекъ, которыя разглядывали раскрашенныя картинки въ окнѣ книжной лавки. Исхудалое блѣдное лицо жены доктора было такое же сѣрое и невыразительное, какъ лица бѣдныхъ голодныхъ дѣтей... Въ этой женщинѣ аскетическая воля несомнѣнно торжествовала надъ всѣми желаніями, и она съ полнымъ равнодушіемъ относилась къ благамъ призрачнаго для нея міра. Въ жизни она чувствовала только ея печаль, страданія и страхъ за близкихъ людей, и спасенія отъ этихъ страховъ она искала въ своихъ представленіяхъ о всемогущемъ и сострадательномъ Богѣ. Въ каждомъ новомъ мѣстѣ, куда она прѣзжала, она прежде всего направлялась въ храмъ, чтобы отдохнуть въ молитвенной тишинѣ отъ оскорбительнаго для нея шума толпы. И теперь она повела насъ всѣхъ въ церковь, но двери оказались закрыты. Какая-то женщина сказала, что священникъ ушелъ въ городъ, а служба ловить креветокъ. М-мъ Гульвенъ была очень огорчена такимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ религіи въ ея благочестивой Бретани.

— Слава Христа затемнена тѣнью отъ колоссальныхъ изваяній порока,—сказала она, и дважды повторила эту фразу, вычитанную въ какой-нибудь проповѣди. Повидимому, красивая молодая вдова казалась ей именно такой зловредной тѣнью мірскихъ пороковъ.

— Значить, вы осуждаете нашу любознательность, наши болѣзненные, но смѣлые исканія новыхъ ощущений?—спросилъ я у набожной бретонки.

— Да, потому что все это отвергаетъ болѣе высокія истины вѣчнаго міра. Земныя знанія ограничиваютъ вселенную, измѣряя блага жизни своими мимолетными, капризными желаніями... Пе-

чально, что этому соблазну поддаются даже самые благородныя души. А между тѣмъ представленіе о Богѣ болѣе широко, чѣмъ понятіе о кратковременной, преисполненной страданій человѣческой жизни...

— Конечно, — сказалъ я, — намъ, положительнымъ людямъ, не понять вашей жажды безконечности. Спорить съ вами я не рѣшаюсь, — ваши богословскія знанія и вашъ ораторскій талантъ меня пугаютъ. Но я только не понимаю, какъ, при вашей твердой вѣрѣ въ радости грядущаго рая, вы соглашаетесь жить среди невѣрующихъ? Какъ вы побѣждаете въ себѣ потребность жить созерцательной монашеской жизнью?

— А чувство жалости? Я хочу спасти дорогихъ мнѣ людей, обращая ихъ къ Богу...

— Ну, ужъ если бы я была вѣрующей, — сказала м-мъ Елена, — я была бы нетерпима. Всякій, кто сталъ бы на пути моей вѣры, былъ бы мнѣ ненавистенъ. Я ненавижу мою *belle-mère* и мою дочь, когда онѣ меня отрываютъ отъ интересной книги. А какъ же ты, погруженная въ мысли о Богѣ, переносишь все, что отвлекаетъ отъ небесныхъ помысловъ въ семейной жизни... Вѣдь въ вопросахъ религіи Жанъ Гульвенъ, кажется, очень равнодушенъ?

Я былъ въ восторгѣ отъ коварства м-мъ Елены, и приготовился быть свидѣтелемъ интересной дуэли между двумя женщинами. Жильберта, ея бабушка и докторъ заняты были фотографированіемъ любопытныхъ угловъ улицъ и группъ бретонокъ. Гульвенъ, изъ трусости, боялся присутствовать при завязавшейся бесѣдѣ и ушелъ отъ насъ съ Жильбертой — будто бы искать новые интересные пункты для фотографій.

М-мъ Гульвенъ не сообразила, что ее хотятъ поймать въ ловушку, и продолжала разговоръ. Мы медленно шли впередъ, и я съ большимъ интересомъ слушалъ споръ, завязавшійся между двумя соперницами. М-мъ Гульвенъ стала объяснять намъ, что хочетъ вернуть своего мужа въ лоно церкви, спасти его отъ скептицизма и привести къ блаженству вѣры. Она сообщила, что въ этомъ году, на Пасхѣ, ея мужъ, впервые послѣ семнадцати лѣтъ, былъ у исповѣди. Въ отвѣтъ м-мъ Елены, предположившей, что онъ сдѣлалъ это только изъ любезности къ женѣ, м-мъ Гульвенъ почувствовала скрытое недоброжелательство. Она оставила свой порывъ откровенности и только сказала намъ дѣловитымъ, спокойнымъ тономъ, что дала обѣтъ обратить его къ вѣрѣ, если онъ выздоровѣетъ отъ тифа въ Мексикѣ. По ея словамъ, обѣтъ этотъ ей удалось выполнить. Пасху мужъ ея провелъ какъ истый христіанинъ. — Къ тому же, — прибавила она, —

онъ обладаетъ главной христіанской добродѣтелью — состраданіемъ къ бѣднымъ, и это одно искупаетъ всѣ его грѣхи.

— Словомъ, ты его любишь; это для меня ясно, — заключила м-мъ Елена съ жестокой насмѣшливостью въ голосъ.

— Да, мы очень любимъ другъ друга, — поправила жена доктора.

Я поспѣшилъ замять вспышку раздраженія, и сталъ доказывать примирительнымъ тономъ м-мъ Гүльвенъ, что мужъ ея, дѣйствительно, достоинъ величайшей любви, и что она должна все выше и выше подниматься въ своей преданности ему и превзойти самое себя въ самопожертвованіи... пожертвовать даже самой своей любовью. М-мъ Елена, конечно, поддерживала меня въ проповѣди самоотверженной любви; м-мъ Гүльвенъ возразила, что не понимаетъ такихъ тонкостей, но я ей пояснилъ на примѣрѣ свою мысль: я ее спросилъ, какъ бы она поступила, если бы явилась какая-нибудь американская милліонерша и предложила свои богатства, свою молодость и красоту Гүльвену? Уступила ли бы она своего мужа американкѣ для того, чтобы обезпечить ему здоровье, возможность работать и наслаждаться жизнью? Согласилась ли бы она на разводъ?

М-мъ Гүльвенъ остановилась и взглянула на насъ, стараясь улыбнуться, но ничего кромѣ гримасы не вышло. Она поняла теперь, куда мы клонимъ разговоръ, и, вздрогнувъ, отвѣтила сначала уклончиво, говоря, что католическая церковь запрещаетъ разводъ, а это рѣшаетъ для нея вопросъ.

— А помимо церковныхъ препятствій? — спросилъ я: — если бы вы были равнодушны къ вопросамъ вѣры, уступили бы вы мужа другой жевщинѣ, чтобы избавить его отъ бѣдности, болѣзни, неудачъ и отчаянія? Или же вы предпочли бы обречь его на всѣ эти несчастія и не терять его?

— Не знаю... Мнѣ трудно отвѣтить... Это зависѣло бы и отъ него.

— Ты, значитъ, не согласна поступиться своимъ самолюбіемъ, ты любишь его только для себя? — возбужденно нападала м-мъ Елена на кузину, едва сдерживая рыданія.

— Разводъ запрещается церковью, — повторяла м-мъ Гүльвенъ, — и я не могу возстать противъ ея законовъ.

Мы продолжали доказывать ей, что милосердіе Господне простило бы ей этотъ грѣхъ, свершенный для спасенія милліоновъ жизней, что, взявъ на себя муку во имя человѣчества и во имя любви къ мужу, она можетъ быть увѣрена въ прощеніи, такъ что протестъ ея исходить только изъ эгоизма. Видя, въ какое

глубокое отчаяніе мы повергли несчастную женщину, я остановилъ разговоръ, начинавшій становиться опаснымъ. Для перваго раза было довольно. Я былъ увѣренъ, что м-мъ Гульвенъ не забудетъ наше замаскированное требованіе. Неподвижная, погруженная въ мысли, съ безконечно скорбнымъ выраженіемъ въ глазахъ, она похожа была на мученицу, готовую идти на пытку. Я обрадовался, когда къ намъ подошли остальные, и мы вернулись на яхту, чтобы тотчасъ же уѣхать изъ Коннарно съ его средневѣковыми улицами. М-мъ Гульвенъ стояла на палубѣ и глядѣла на этотъ оплотъ старины, гдѣ она такъ плохо защищала завѣты вѣры и добродѣтели. М-мъ Елена не рѣшалась возобновить еще разъ разговоръ на эту тему, и стала по обыкновенію красиво говорить объ окружающихъ видахъ природы. Гульвенъ слушалъ ее, хотя изъ осторожности почти не отходилъ отъ жены, стараясь успокоить ее дружескими словами. Я не слышалъ, что онъ говорилъ женѣ, но видѣлъ, какъ онъ бралъ ея руку и долго держалъ въ своей, а она съ грустной улыбкой качала головой и смотрѣла вдаль.

Вечеромъ, оставшись наединѣ съ докторомъ, я заговорилъ о его женѣ, и сталъ доказывать, что если она его любитъ, то должна превзойти себя въ своей любви, поднять свое чувство на высоту сверхчеловѣческаго идеала.

— Если твоя жена искренно тебя любитъ, то она должна положить конецъ вашимъ теперешнимъ тягостнымъ отношеніямъ. Пусть она уйдетъ въ монастырь,—этого вѣдь и жаждетъ ея душа. А ты обязанъ, побѣдивъ въ себѣ жалость, отдаться весь своему открытію. Въ глубинѣ души ты вѣдь согласиенъ со мной. Человѣкъ долженъ превзойти самого себя. Если ты хочешь спасти будущія поколѣнія отъ тифа, ты долженъ преодолѣть свою жалость къ слабому и никому ненужному существу; спокойствіе твоей жены математически менѣе цѣнно, чѣмъ спасеніе всего человѣчества, подверженнаго болѣзнямъ.

— Можетъ быть, это такъ. Но цѣлебность сыворотки—дѣло будущаго. Страданія же Ивонны—это настоящее. То—только надежда, это—несомнѣнное.

— Ничуть. Ты вполне увѣренъ въ результатахъ, иначе ты не обратился бы ко мнѣ за субсидіей. Въ этомъ я не сомнѣваюсь—ты честенъ и не обманешь. А жена твоя совершенно успокоится въ тиши монастыря,—это тоже несомнѣнно. Добейся развода.

— Но какъ?

— Найти предлогъ не трудно. Противъ тебя можно возбу-

дить множество обвиненій. Во-первыхъ, ты растратилъ приданое своей жены и ваше общее состояніе. Затѣмъ, во время твоихъ плаваній, ты едва-ли былъ всегда вѣренъ женѣ, а въ глазахъ м-мъ Гульвенъ малѣйшее уклоненіе отъ супружеской вѣрности преступно. Хочешь, я выступлю свидѣтелемъ твоихъ прегрѣшеній? А то вѣдь можно воспользоваться и вашей хорошенькой служанкой Анной-Маріей. Соблазнилъ же я ее,—такъ противъ тебя она, навѣрное, не устоитъ. А измѣна подъ супружескимъ кровомъ—достаточный поводъ для развода.

— Какъ, неужели ты соблазнилъ несчастную дѣвочку?

— Дѣвушки ея возраста мечтаютъ о томъ, чтобы ихъ соблазнили. Я исполнилъ только желаніе, которое она ясно выражала своими взглядами и заигрываніями. Къ тому же я—не первый ея соблазнитель.

— Ты—положительно опасный человѣкъ.

— Ничуть, я только предприимчивъ—вотъ и все.

— Въ какое ложное положеніе ты поставилъ меня и Елену, внушая намъ мысли объ адюльтерѣ, недопустимомъ для нашей совѣсти!

Я ему возразилъ, что вовсе не стою за обманъ и тайную любовь, а напротивъ того, совѣтую ему развестись и жениться на м-мъ Еленѣ. Я объяснилъ ему важность этого для него, говоря, что на помощь „Фармацевтическаго Общества“ разсчитывать трудно. Я безъ всякой пощады выяснилъ ему положеніе дѣлъ, напомнилъ ему о его болѣзни и полномъ безденежьи, и доказалъ, что онъ долженъ сдѣлать выборъ: или подвергнуть себя и жену всѣмъ этимъ несчастіямъ—или же предпочесть счастье и удачу, т.-е. бракъ съ Еленой. Рѣшеніе нужно было принять тотчасъ же. Онъ, однако, ничего мнѣ не отвѣтилъ, неспособный, какъ всегда, предпринять что-нибудь рѣшительное. Онъ готовъ былъ жалѣть себя, иронизировать надъ своей судьбой—лишь бы ничего не мѣнять въ своей жизни.

Поздно вечеромъ мы пришли въ городъ, откуда должны были на автомобилѣ отправиться къ бухтѣ Дуарненезъ, на знаменитое богомолье въ Сентъ-Аннъ Ла-Палю.

На слѣдующее же утро мы выѣхали, и мнѣ уже некогда было заниматься психологіей моихъ спутниковъ, такъ какъ пришлось зорко слѣдить, чтобы автомобиль не задавилъ по дорогѣ разряженныхъ бретонцевъ и бретенокъ, отправляющихся на богомолье. По желанію м-мъ Гульвенъ, мы поѣхали черезъ Локронанъ—нѣкогда богатый городъ, гдѣ теперь населеніе живетъ ткацкимъ промысломъ. М-мъ Гульвенъ повела насъ въ церковь

св. Ронана, мѣстнаго чудотворца, и долго молилась у могилы святого, пока мы осматривали церковь. При выходѣ изъ церкви, м-мъ Гульвенъ, оставъ вмѣстѣ со мной отъ другихъ, спросила:

— Знаете вы, почему я хотѣла остановиться въ Локронанѣ?

— Очевидно, чтобы показать намъ этотъ странный городъ, любопытную архитектуру церкви и живописное населеніе.

— Конечно, но главнымъ образомъ потому, что Анна-Маріа поручила мнѣ помолиться за нее у могилы святого.

М-мъ Гульвенъ сообщила мнѣ, что въ ближайшее воскресенье за Анной-Маріей приѣдетъ ея мать и увезетъ ее, — къ ужасу несчастной дѣвушки, которая больше всего на свѣтѣ боялась, что отецъ пошлетъ ее работать на фабрику консервовъ.

Я высказалъ, что очень жалѣю ее, хотя, въ сущности, навивная бретонка мнѣ надоѣла, и я радъ былъ избавиться отъ нея.

— Анну-Марію увозятъ домой изъ-за васъ, — строго объявила мнѣ м-мъ Гульвенъ.

Оказалось, что ея родители подсмотрѣли, какъ я цѣловалъ Анну-Марію, провожая ее къ нимъ, — и подняли тревогу.

— Неужели же я такъ отвратителенъ, что мои поцѣлуи кажутся противными этой мужицкой семьѣ?

М-мъ Гульвенъ нашла мой шутливый тонъ неумѣстнымъ и довольно рѣзко оборвала меня. Она сообщила мнѣ, что ожидаетъ теперь бѣдную дѣвушку. Изъ чистенькой, изящной полу-барышни въ крахмаленныхъ передничкахъ и чепчикахъ она превратится въ жалкую труженицу въ лохмотьяхъ и деревянныхъ башмакахъ, будетъ работать по тринадцать часовъ въ день на фабрикѣ, вырывая машинальнымъ движеніемъ внутренности изъ семи- или восьми-сотъ сардинокъ въ день. Отъ постоянного стоянія въ водѣ она будетъ вѣчно простужена, — и такъ будетъ продолжаться, пока чахотка не избавитъ ее отъ каторжной жизни. И спасти ее теперь ужъ нельзя. Отецъ имѣетъ право распоряжаться ею до ея совершеннолѣтія, и если она убѣжитъ, онъ ее вернетъ при помощи жандармовъ и опять засадитъ на фабрику, чтобы получать за нее жалованье. Да она, къ тому же, безъ ропота подчинится его тиранніи, потому что у нея покорная, пугливая душа.

Я опять пожалѣлъ ее... но свалилъ всю причину ея несчастія на любовь, противъ которой могутъ бороться только люди, не знающіе страсти.

— Добродѣтель — не что иное, какъ холодность, — сказалъ я.

— Очень удобная философія для того, кто позволяетъ себѣ всякія низости, отклоняя всякую отвѣтственность, — возразила м-мъ Гульвенъ съ сильнымъ раздраженіемъ.

Но я вовсе не желалъ выслушивать ея дерзости и прервалъ ее: — Оставимъ лучше этотъ разговоръ, — сказалъ я. — Затѣмъ намъ ссориться? Если вы хотите, чтобы мы прибыли въ Сентъ-Аннъ до обѣдни, то пора ѣхать.

Я поспѣшилъ къ автомобилю, къ которому уже подходила вся остальная наша компанія, и сѣлъ на свое мѣсто. Когда подошла и м-мъ Гульвенъ и сѣла въ коляску, я помчалъ автомобиль съ головокружительной быстротой, отъ которой, вѣроятно, порядкомъ порастрясло мою добродѣтельную проповѣдницу нравственности. Это была моя месть за ея упреки. Мнѣ хотѣлось показать ей свою силу — какъ въ разсужденіяхъ, такъ и на дѣлѣ, въ дѣйствительной жизни. Мой автомобиль, который мчался по тихой, мирной Бретани, мимо разряженныхъ, стекавшихъ на богомолье, задумчивыхъ бретонцевъ, казался мнѣ символичнымъ. И я, какъ мой автомобиль, долженъ пронестись по этому уголку провинціи ослѣпительной молніей и пробудить всѣ души. Мое слово должно освѣтить глубокой мракъ сердецъ всѣхъ этихъ Гульвеновъ и Ла-Ревельеровъ. Я открою имъ глаза на ихъ печаль, научу ихъ превозмочь самихъ себя, стать господами своей воли, отказавшись отъ сонныхъ принциповъ добродѣтели.

Я мчалъ вдаль моихъ учениковъ по пыльной дорогѣ, и по мѣрѣ приближенія къ цѣли намъ встрѣчались деревенскіе священники со своими паствами и группы поселянъ въ живописныхъ костюмахъ. Всѣ они довольно равнодушно глядѣли на насъ и нашъ автомобиль, — ихъ пассивныя натуры не загорались даже любопытствомъ.

Наконецъ, мы въѣхали въ Ла-Палю и очутились на главной площади, гдѣ устроено было большое гулянье со всѣми обычными приманками и развлеченіями деревенскихъ ярмарокъ, съ каруселями, фокусниками, шарманками, лавками со сладостями и т. д. Молодежь веселилась; дѣвушки и молодые парни шли непринужденно обнявшись, — нравы были, видимо, не очень строгіе. Во всемъ чувствовалась властная и грубая жизнерадостность, представлявшая любопытный контрастъ съ пассивностью богомольной Бретани. Я съ особымъ удовольствіемъ указалъ моимъ друзьямъ на эту Бретань, которая нравилась мнѣ своей приверженностью къ дѣйствительнымъ радостямъ бытія.

М-мъ Гульвенъ, однако, прежде всего устремилась къ церкви, и мы вступили вслѣдъ за ней въ обширный храмъ, уже переполненный богомольцами; они стояли рядами на колѣняхъ передъ часовней святого, увѣшанной всевозможными ex-voto — дарами исцѣленныхъ и жаждущихъ исцѣленія.

Выйдя изъ церкви, м-мъ Гульвенъ опять завладѣла мною, и я тщетно пытался спастись отъ нея, примкнувъ къ доктору и Жильбертѣ. Одержимые маніей фотографированія, они высматривали живописные пункты для снимковъ и покинули насъ. М-мъ Елена о чемъ-то ссорилась съ матерью, и я, изъ деликатности, долженъ былъ оставить ихъ вдвоемъ. Пришлось, поэтому, отдать себя на съѣденіе м-мъ Гульвенъ. Она стала опять упрекать меня въ томъ, что я соблазнилъ ея служанку. Въ отвѣтъ на мои увѣренія, что Анна-Марія сама поощряла меня, она еще больше возмутилась моей клеветой, стала мнѣ доказывать, что я погубилъ наивную дѣвушку, и долженъ поэтому взять на себя попененіе о ней, отобрать ее у родителей, воспитать въ какомъ-нибудь монастырѣ.

— Чтѣ вы, чтѣ вы, опомнитесь!—прервалъ я ея наставленія.—Вы предлагаете мнѣ взять вашу служанку чуть ли не въ пріемныя дочери? Какъ вамъ можетъ придти въ голову что-либо подобное? Все, что я могу вамъ предложить,—это пятьсотъ франковъ; помѣстите ихъ на ея имя въ сберегательную кассу. Столько я еще никогда не давалъ женщинѣ. Наша любовная шалость доставила одинаковое удовольствіе и ей, и мнѣ, и у меня нѣтъ никакихъ обязательствъ относительно нея, кромѣ развѣ маленькаго подарка.

Мое денежное предложеніе не удовлетворило м-мъ Гульвенъ, а только еще болѣе разсердило ее, и она продолжала описывать мнѣ несчастное положеніе Анны-Маріи.

— Женихъ теперь откажется отъ нея,—доказывала она.—Жизнь ея загублена. А я вѣдь взяла на себя отвѣтственность за нее. Вы дѣйствуете и противъ меня своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ ней.

— Какая чрезмѣрная строгость!—возразилъ я.—Развѣ вы не знаете, что въ любви все дозволено?

— Развѣ это любовь—все брать и ничего не давать?

— Простите, я предлагаю пятьсотъ франковъ.

М-мъ Гульвенъ съ негодованіемъ отвернулась отъ меня. Мы замолчали и ускорили шаги, чтобы нагнать Жильберту и доктора, которые фотографировали группы отдыхающихъ бретонковъ съ дѣтьми. Съ ними и съ присоединившимися къ намъ вскорѣ м-мъ Еленой съ матерью мы прошли у моря, причемъ я старался не отходить отъ м-мъ Елены, во избѣжаніе дальнѣйшихъ попрековъ и наставленій м-мъ Гульвенъ. Я даже предпочиталъ краснорѣчіе м-мъ Елены, которая сравнивала волны залива съ волнами человѣческаго моря на ярмаркѣ. Наступилъ

часть завтрака, и мы расположились на травѣ. Мой chauffeur принесъ корзинку съ съѣстными припасами изъ автомобиля, и всѣ непріятности послѣднихъ часовъ исчезли изъ моей памяти, когда я принялся ѣсть великолѣпный паштетъ изъ рыбы и запилъ его прекраснымъ сотерномъ. М-мъ Елена тоже выпила вина и была очень оживлена; она говорила объ оттѣнкахъ морскихъ волнъ, о ясности воздуха, о движеніи толпы и отъ времени до времени нѣжно смотрѣла на доктора. Отдохнувъ послѣ обильнаго завтрака, мы снова пошли на ярмарку, гдѣ веселье было въ полномъ разгарѣ. М-мъ Елена восторгалась языческими переживаниями въ нравахъ христіанской Бретани. Жена доктора и м-мъ Ла-Ревельеръ, напротивъ того, были возмущены, первая — примѣсю грубыхъ развлеченій къ религіозному празднику, вторая, какъ вольтеріанка, негодовала на смѣсь вольности нравовъ и религіознаго фанатизма. Докторъ опредѣленно не высказывался, и только я болѣе горячо восторгался толпой, которая мнѣ нравилась своей стихійной грубостью инстинктовъ...

Звонъ колоколовъ отвлекъ насъ отъ зрѣлищъ ярмарки, и мы направились вмѣстѣ со всей толпой къ дверямъ часовни, изъ которой выходила торжественная процессія съ изображеніями Богоматери, святого Іосифа и другихъ святыхъ, съ хоругвями, которыя носили разряженные бретонки. За ними шесть женщинъ несли статую святой Анны подъ балдахиномъ; святая какъ бы благословляла съ высоты толпу богомольцевъ, въ которой было также немало любопытствующихъ туристовъ и туристовъ. За группой, которая несла статую, тянулись еще длинные ряды духовенства и монаховъ разныхъ орденовъ, потомъ группы молодыхъ дѣвушекъ и пестрая толпа богомольцевъ. Процессія раскинулась на далекомъ пространствѣ, пошла вверхъ на холмы и поднялась наконецъ на вершину дюны, откуда открывался видъ на море. Идя вмѣстѣ съ толпой, все наше общество — за исключеніемъ меня — проникалось общимъ настроеніемъ экстаза. Докторъ прижалъ шляпу къ сердцу и имѣлъ взволнованный видъ; его стройный силуэтъ красиво вырисовывался въ ясномъ воздухѣ. М-мъ Елена была тоже возбуждена; я видѣлъ, какъ дрожали ея руки, какъ вздрагивало все ея тѣло, и какъ лицо попеременно то вспыхивало, то блѣднѣло. Когда съ высоты дюны мы увидѣли фіолетовыя волны, я пришелъ въ восторгъ передъ этимъ зрѣлищемъ моря и пришедшей къ нему энергичной толпы, которая изъ любви къ своему Мессии старается превесить себя и стремится впередъ, стелевая съ пути слабыхъ и больныхъ, опьяняясь видомъ священной статуи и видомъ моря съ высоты,

такъ же, какъ они опьянялись на ярмаркѣ, отдаваясь радостямъ своихъ грубыхъ инстинктовъ.

— Да,—отвѣтила она, прерывисто дыша отъ восторга,— такая радость слиться со стихійной жизнью цѣлаго народа! Цѣль моей жизни—чувствовать какъ можно сильнѣе полноту бытія. А съ тѣхъ поръ какъ я въ Бретани, жизнь моя удвоилась. Я здѣсь живо чувствую прошлое, также какъ въ Парижѣ чувствую современность. Все историческое прошлое становится здѣсь осязательнымъ, дѣйствительнымъ. Душа доктора Гульвена тоже принадлежитъ не только современности. По свойствамъ своей расы онъ принадлежитъ прошлому. Своими знаніями и своими духовными исканіями онъ относится къ будущему. Онъ—внѣ времени. Онъ не прикованъ, какъ большинство людей, къ какой-нибудь определенной эпохѣ. Вы, напримѣръ, принадлежите своему поколѣнію, онъ же относится ко всѣмъ временамъ. Онъ—человѣкъ прежней эпохи, когда имъ овладѣваютъ религіозныя ощущенія, какъ вотъ теперь. Онъ—человѣкъ грядущей эпохи, когда гений готовитъ новыя научныя истины. Онъ какъ бы вѣченъ...

Всѣ эти сумасбродныя мысли она произносила властнымъ, не терпящимъ возраженій тономъ. Я только улыбался въ отвѣтъ и помогалъ ей пробираться среди толпы, которая спускалась обратно съ вершины дюны къ часовнѣ. Вдругъ она воскликнула:

— Гдѣ же онъ? Я его не вижу... Ахъ да, вотъ онъ! Жена снова имъ завладѣла. Боже, какъ я боюсь потерять его! Помогите мнѣ сохранить его!

Она чуть не рыдала, и чтобы успокоить ее, я обѣщалъ помочь ей. Тѣмъ временемъ процессія возвращалась въ часовню, и среди богомольцевъ мы увидѣли Гульвена съ женой. Они тоже, какъ другіе, приложились къ балдахину, когда статую святой пронесли мимо нихъ, потомъ перекрестились и исчезли въ темнотѣ церкви, откуда доносилось пѣніе.

— Вотъ видите,—проговорила м-мъ Елена,—она снова имъ завладѣла.

— Кто?—спросила Жильберта.

Она думала, что мать объясняетъ мнѣ какую-нибудь символическую подробность процессіи. Съ этой минуты дѣвочка не отставала отъ насъ. Ея шалости приводили въ восторгъ бабушку, и мы тоже должны были хвалить ее. Наконецъ Гульвены вернулись изъ церкви, и мы всѣ усѣлись въ автомобиль.

X.

Мы поѣхали опять очень быстрымъ ходомъ—нужно было пріѣхать какъ можно скорѣе къ мысу въ концѣ острова, откуда мы собирались созерцать давно уже подготавливавшуюся бурю. Пріѣхавъ туда, мы очутились въ дикой, угрюмой мѣстности, среди каменныхъ глыбъ. Нужно было спуститься пѣшкомъ внизъ; мы шли медленно и казались себѣ жалкими и безпомощными среди этой величественной, грозной природы, среди рева волнъ, доносившихся снизу. У насъ былъ съ собой проводникъ, который рассказывалъ м-мъ Еленѣ легенды, связанныя съ этими мѣстами. Жильберта съ докторомъ, по обыкновенію, дѣлала фотографическіе снимки. Опять я очутился наединѣ съ м-мъ Гульенъ, которая продолжала корить меня изъ-за Анны-Маріи, требовала, чтобы я взялъ на себя заботы о ней, и обвиняла меня въ эгоизмѣ. Имѣя въ виду свои спеціальныя цѣли, я сталъ ей доказывать, что любовь эгоистична и чужда благородства. Она не догадывалась, что всѣ мои разсужденія обратятся противъ нея, и внимательно слушала меня, полагая, что я хочу оправдать себя. Я доказывалъ ей, что общество санкціонируетъ эгоизмъ любви. Оно безпощадно обвиняетъ несчастнаго, совершившаго преступленіе подъ вліяніемъ голода, но оправдываетъ убійство изъ ревности, то-есть, изъ самаго эгоистичнаго побужденія въ любви. Я привелъ ей много примѣровъ безнаказанныхъ убійствъ изъ ревности, и когда она стала опровергать меня, доказывая, что въ приведенныхъ мною случаяхъ любовь была настоящей, я взглянулъ ей прямо въ глаза и сказалъ:

— Вотъ вѣдь вы сами думаете, что любите вашего мужа, не правда ли?

— Несомнѣнно... И развѣ вы рѣшитесь утверждать, что я эгоистична въ своей любви?

— Да, да.

Она выпрямилась и стала смѣяться, показывая испорченные зубы.

— Въ смѣлости вамъ нельзя отказать.

Она вдругъ поняла, что я подступаю къ самому страшному для нея вопросу, и безпомощно оглянулась, ища опоры въ комъ-нибудь. Но все общество было далеко, и къ тому же она знала, что всѣ, кромѣ м-мъ Ла-Ревельеръ—противъ нея. А я продолжалъ, заставляя ее внимать моимъ словамъ:

— Вотъ вѣдь вы считаете Жана Гульвена большой умствен-

ной силой, почти гениемъ, вѣрите, что онъ можетъ облагодѣтельствовать человечество... Чтобы закончить свои опыты, ему недостаетъ здоровья. Тифъ оставилъ роковые слѣды въ его организмѣ. Онъ съ каждымъ днемъ хирѣетъ. Онъ начинаетъ злоупотреблять стрихниномъ для укрѣпленія сердца... А вы знаете, какъ это средство пагубно.

— Откуда вы знаете, что онъ боленъ? — воскликнула она, глядя на меня съ ужасомъ.

— Отъ него самого, — сказалъ я. — Онъ мнѣ жаловался на свое здоровье. Но неужели онъ скрывалъ отъ васъ состояніе своего здоровья? Въ такомъ случаѣ, простите, — я думалъ, что вы знаете.

— Я только догадывалась, — проговорила она, устремляя взоръ на бушующій океанъ.

Мнѣ показалось лишней жестокостью терроризировать еще больше бѣдную женщину, и я сталъ ее успокаивать, сказалъ, что ея мужъ можетъ выздороветь, — только чтобъ онъ оставилъ работу на годъ и поселился въ горахъ.

— И вы меня считаете эгоисткой, — съ горечью проговорила она, — потому что я не могу достать нужныхъ для леченія денегъ.

Я запротестовалъ, но сказалъ ей объ отказѣ „Общества“ оказать поддержку — въ виду болѣзненнаго состоянія Гувьена. Затѣмъ я невиннымъ тономъ посоветовалъ ей обратиться за помощью къ кузинѣ, которая навѣрное охотно поможетъ доктору, такъ какъ она высоко цѣнитъ его работы и, кромѣ того, рада будетъ закрѣпить взаимную дружбу услугой и продлить такимъ образомъ благотворное вліяніе доктора на Жильберту. Я далъ понять, что м-мъ Елена сама просила меня сдѣлать это предложеніе.

— Какъ, она васъ объ этомъ просила? Какая низость! — возмутилась м-мъ Гувьенъ. — Жанъ откажется отъ ея денегъ. Онъ пойметъ ея цѣль, и не приметъ ея денегъ... Ни онъ, ни я не примемъ. Въ концѣ концовъ, честь важнѣе жизни, — убѣжденно кричала она.

— Ну, это еще вопросъ, — презрительно отвѣтилъ я. — Это старый предрасудокъ. Не забывайте, что вашей кузиной руководитъ материнское чувство. Я не отрицаю, конечно, что у нея есть и другой мотивъ. Но она заботится прежде всего о своей дочери. Она вѣритъ въ открытіе доктора, и, давая теперь деньги, надѣется на большія выгоды въ будущемъ. Жильберта вѣдь ваша наслѣдница. А затѣмъ, если бы вы случайно умерли раньше мужа... Предположите это... Они вѣдь могли бы пожениться.

— Что-жъ, вы требуете, чтобъ я сейчасъ умерла? Нѣтъ?...

И за то спасибо! Я не хочу умирать и больше не видать его. Я люблю его уже десять, двадцать лѣтъ. Онъ—мой.

— Ну да, любовь эгоистична; это то, что я хотѣлъ доказать,—спокойно сказалъ я, дѣлая подготовленный мною выводъ.

— Ну да, я знаю!—крикнула она.—Если я не дамъ развода, то я эгоистка. Дать разводъ!.. Слыханное ли дѣло, чтобы женщина, любящая своего мужа, уступила его другой, — даже если она этимъ обезпечить его счастье? Ни одна женщина на это неспособна!

Она уже вступила въ открытую борьбу и отбивалась всѣми силами. Эта воинственность возвысила ее въ моихъ глазахъ. Все-таки у нея сказывался сильный характеръ — не то, что у доктора.

— И зачѣмъ я ввела эту женщину въ мой домъ! — съ отчаяніемъ воскликнула она.

Я не мѣшалъ ей излить все свое возмущеніе на кухню, которую она обвиняла въ измѣнѣ, въ жадности, въ порочности и въ безуміи. Ея гнѣвные крики сливались съ гнѣвнымъ роютомъ волнъ, и мнѣ казалось, что я слышу общую бурную жалобу стихій, бретонской почвы и дочери этой почвы. Я хотѣлъ вырвать изъ этой души старую мораль, и на защиту стараго поднимались волны и буря и вторили крикамъ и проклятіямъ измученной женщины, чтобы воспрепятствовать моему дѣлу обновленія. Эта дуэль мнѣ нравилась. Я чувствовалъ себя способнымъ побѣдить. Умъ мой быстро придумывалъ слова, способныя убѣдить мою жертву въ необходимости превысить себя и принести свою обыденную любовь на алтарь лучшей, болѣе высокой любви.

Я сдѣлалъ видъ, что и по-моему нельзя отъ нея требовать отказа отъ своей личности, отъ своего права на существованіе. Она не видѣла, къ чему я все это клоню, и подумала, что я дѣйствительно побѣжденъ ея доводами. Ненависть ея къ м-нѣ Еленѣ была безгранична, и она даже забыла, что это я первый говорилъ ей о разводѣ. Она считала меня теперь своимъ союзникомъ:

— Чего она хочетъ отъ меня? — кричала она. — Чтобы я, любя моего мужа, принесла въ жертву мою земную и мою будущую жизнь? Это невозможно! Это возмутительно!

— Конечно, — спокойно сказалъ я.—Она витаетъ въ облакахъ и не видитъ дѣйствительности, простой, смиренной человеческой правды... той, которую я объяснялъ вамъ, когда вы навязывали мнѣ заботы о вашей служанкѣ. Нельзя вѣдь жертвовать своей жизнью... для счастья другого человѣка... Не правда ли?

М-мъ Гульвенъ отъ изумленія не поняла сначала моихъ словъ. Но по моей саркастической улыбкѣ она увидѣла, что передъ нею врагъ, а не союзникъ. Я повторилъ, обращая ихъ противъ нея, всѣ ея прежнія обвиненія противъ меня. Чтобы заставить ее дѣйствительно побѣдить всѣ свои чувства во имя болѣе высокаго идеала любви, я не поддался жалости, которую она возбуждала въ эту минуту своимъ потеряннымъ, обезсиленнымъ видомъ. Я со спокойной улыбкой настаивалъ на аналогичности ея поведенія съ мужемъ и моего отношенія къ Аннѣ-Маріи, столь сильно возмущавшаго ее. Я говорилъ ей, что, конечно, м-мъ Елена можетъ обвинить ее въ эгоизмѣ, которому она приносить въ жертву здоровье и будущее своего мужа, но иронически прибавилъ, что съ своей стороны совершенно оправдываю ее, и понимаю, что она отстаиваетъ себя и такъ же не жалѣетъ Гульвена, какъ я не жалѣю Анны-Маріи...—Вы видите,—сказалъ я въ заключеніе,—что насъ обоихъ освѣщаетъ на нашихъ столь различныхъ путяхъ одинъ и тотъ же свѣтъ позитивной истины.

Это утвержденіе нашей солидарности, какъ бы нашего духовнаго родства, возмутило ее больше всего. Этого упрека она не могла выдержать:

— Такъ, значить, я, какъ вы, стараюсь уклониться отъ моей истинной обязанности! — кричала она. — Вѣдь если я на васъ похожа, значить я недостойна самой себя. А если я недостойна самой себя, то, значить, Елена права.

— Возможно.

Я чувствовалъ, что начинаю одерживать нравственную побѣду, и прекратилъ разговоръ, считая, что теперь лучше повременить. Я поспѣшилъ присоединиться къ остальной компаніи, и видѣлъ только, съ какимъ измученнымъ видомъ м-мъ Гульвенъ глядѣла на свою кузину, оцѣнивая всю силу ея красоты. Мнѣ хотѣлось поговорить съ докторомъ, освѣдомиться о его нравственномъ состояніи, но я боялся еще болѣе разсердить его жену. Я поэтому держался около м-мъ Ла-Ревельеръ и занималъ ее разговорами о ея внучкѣ. М-мъ Елена говорила о величественности волнъ, о безконечномъ многообразіи ихъ движеній, вызывающемъ жажду творчества, столь же многообразнаго и гармоничнаго въ своей цѣльности, какъ движеніе водъ въ природѣ.—Нужно творить безъ конца,—говорила она.—Или, по крайней мѣрѣ, нужно постоянно мѣняться... Вы правы,—сказала она, обращаясь ко мнѣ:—нужно преодолѣть самихъ себя.

— Если можешь,—отвѣтилъ я грустнымъ голосомъ.

— Если хочешь,—возразила м-мъ Елена...

— Да, но хотѣть чрезвычайно трудно.

У м-мъ Гульвенъ вырвался глухой стонъ. Я смотрѣлъ на этихъ трехъ людей, въ которыхъ глухо, мучительно и страстно выросло то, что я посѣялъ своими словами. Я несомнѣнно измѣнилъ направленіе этихъ трехъ умовъ, чувства этихъ трехъ сердецъ. Я создалъ въ нихъ новыя освободительныя и разрушительныя силы, превратилъ неопредѣленныя движенія ихъ мыслей и чувствъ въ страстныя и упорныя желанія, въ плодотворное отчаяніе. Значить, я не напрасно созерцалъ хаосъ на землѣ, движеніе моря, непостоянство душъ. Благодаря моему знанію людей, нѣсколько людей съ слабой волей стали сильными.

Мы вернулись къ вечеру въ Кимперъ, и послѣ обѣда м-мъ Ла-Ревельеръ и ея дочь, очень уставшія отъ ѣзды и ходьбы, ушли къ себѣ въ комнату. Я хотѣлъ удержать доктора въ курительной комнатѣ подлѣ предлогомъ разспросовъ о магнетизмѣ крови. Противъ моихъ ожиданій, м-мъ Гульвенъ не ушла къ себѣ, а приняла участіе въ нашемъ разговорѣ, и стала настаивать на томъ, что ея мужъ долженъ беречься и не работать. Онъ увѣрялъ насъ, что совершенно здоровъ, но она очень твердо заявила, что запретить ему работать въ лабораторіи и посѣщать больныхъ. Она говорила очень увѣренно и спокойно, и я понялъ, что она дѣйствуетъ по вполнѣ опредѣленному плану и рѣшила ни за что не уступать мнѣ. Чтобы прекратить непріятный разговоръ, докторъ предложилъ разойтись по комнатамъ.

— Я знаю,—шепнулъ онъ мнѣ на лѣстницѣ,—что ты защищалъ мои интересы, но все-таки не слѣдовало говорить женѣ. Она теперь плачетъ и умоляетъ меня не покидать ее. Она понимаетъ твои парадоксы буквально и считаетъ меня твоимъ сообщникомъ. Мнѣ ее жаль.

— Ну, что-жъ,—пророчалъ я,—пожертвуй тысячами жизней, которыя спасла бы твоя сыворотка, слезамъ твоей жены... Могу только сказать, что это недостойно тебя. Я умываю себѣ руки—насколько это возможно, когда наугѣ и твоимъ друзьямъ грозить такое несчастіе, какъ твоя гибель. Вѣдь ты самъ знаешь, какъ опасна атонія сердца для переутомленнаго организма.

Къ намъ подошла м-мъ Гульвенъ, и мы условились осматривать Кимперъ на слѣдующее утро, послѣ ранней обѣдни. Къ десяти часамъ она собиралась къ мѣстному викарію, который славился своими богословскими знаніями. По серьезному тону, которымъ она заявила о намѣреніи посѣтить богослова, я понялъ, что она будетъ совѣтоваться съ нимъ о своей семейной драмѣ,

и пожелалъ, чтобы она обрѣла въ религіи силу, нужную ей для ея мученическаго подвига.

На слѣдующее утро, увидавъ ее послѣ обѣдни, я опять говорилъ съ ней объ идеалѣ высшей любви и высшаго благочестія, которое можетъ для нея заключаться въ томъ, чтобы рисковать даже спасеніемъ своей души для блага тѣхъ тысячъ жизней, которыя будутъ спасены сиворотвой Гульвена. Я проводилъ ее въ дому епископа, и сказалъ, что очень хотѣлъ бы узнать мнѣніе викарія, и попросилъ ее поставить въ бесѣдѣ съ нимъ вопросъ именно такъ—какъ проблему высшаго благочестія, жертвы собственнымъ спасеніемъ души для другихъ.

Въ отсутствіе м-мъ Гульвенъ я успѣлъ поговорить съ ея мужемъ, и опять сталъ пугать его слабостью здоровья. Онъ злобно пожаловался на несправедливость судьбы, которая разрушаетъ творческій умъ до завершенія начатаго труда. Онъ говорилъ о томъ, сколько драгоценныхъ открытій не сдѣлано только потому, что болѣзнь и бѣдность подкосили силы изобрѣтателей. Я отвѣтилъ ему, что долгъ всякаго изобрѣтателя—сохранять свое здоровье и благосостояніе всѣми способами.

— Теоретически ты правъ, конечно,—возразилъ онъ.—Но что же дѣлать,—въ насъ говорятъ традиція, мы безсильны передъ чувствомъ жалости.

Я повторилъ ему, что жалость—только тщеславіе, рисовка своимъ героизмомъ передъ собой же, гордость и непониманіе законовъ природы, которые требуютъ во имя гармоніи міра торжества сильныхъ—они приносятъ всѣмъ пользу своимъ творчествомъ, и пораженія слабыхъ—безплодныхъ и ненужныхъ для жизни.

— Ты долженъ сохранить для міра свою жизнь и свою творческую мысль,—настаивалъ я,—и принести въ жертву року безплодную слабость твоей жены. Вѣдь не случайно ты встрѣтился съ м-мъ Еленой. Если ты оттолкнешь ее, она будетъ жестоко страдать, потому что ея страстный духъ ждетъ отъ тебя возрожденія къ новой жизни. И неужели ты думаешь, что поступишь хорошо, если перенесешь на нее страданія, отъ которыхъ освободишь жену? Ты переѣмнишь сосудъ скорби... а самая скорбь, самое зло жизни останется, вопреки твоей борьбѣ противъ законовъ природы, которые указываютъ тебѣ на путь спасенія, толкая въ объятія этой влюбленной красавицы... А щадя свою жену, ты потворствуешь только своему тщеславію, рисуешься передъ зеркаломъ въ героической позѣ...

Онъ сталъ протестовать, но доводы его были ничтожны. Мы

вернулись въ отель; онъ поднялся къ себѣ, а я сталъ поджидать въ вестибюлѣ м-мъ Гульвенъ. Она вскорѣ вернулась, очень грустная и задумчивая.

— Ну что, — поспѣшно спросилъ я, идя къ ней навстрѣчу. — Убѣдилъ васъ вашъ викарій въ полномъ тождествѣ нашихъ эгоистическихъ побужденій въ любви? Впрочемъ, я увѣренъ, что онъ, напротивъ того, поддержалъ васъ въ вашихъ заблужденіяхъ.

Мы прошли къ ней въ пріемную, гдѣ въ этотъ часъ никого не было, и она подробно передала мнѣ разговоръ съ ученымъ богословомъ. Такъ какъ ей приходилось выбирать между существованіемъ мужа и строгимъ слѣдованіемъ законамъ церкви, то онъ совѣтовалъ ей держаться пассивно, не вмѣшиваться въ вопросъ о разводѣ, уклоняться отъ суда и предоставить инициативу другимъ. Для нея, какъ для католички, разводъ все равно не существуетъ, и спасеніемъ души она поэтому не рискуетъ, и будетъ считать себя брошенной женой, если мужъ уйдетъ отъ нея.

— Ну вотъ, — отвѣтилъ я веселымъ тономъ, — вы теперь совершенно равны мнѣ. Какой уронъ для васъ!.. Если бы въ васъ не говорилъ естественный эгоизмъ любви, вы бы предоставили вашему мужу вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ церкви, богатство м-мъ Елены, здоровье, славу... также какъ я, если бы не дѣйствовалъ подъ вліяніемъ естественнаго эгоизма любви, то раздѣлилъ бы съ вашей Анной-Маріей всѣ блага моего собственнаго существованія. Моя и ваша души — сестры; согласитесь, что это смѣшно. Добродѣтельная м-мъ Гульвенъ, святая м-мъ Гульвенъ солидарна съ нравственными принципами Гишардо! Вотъ какіе бываютъ сюрпризы на свѣтѣ.

— Я ничего не понимаю, — отвѣтила она. — Все затуманилось въ моемъ сознаніи... А гдѣ Жанъ — онъ не былъ съ вами?

— Онъ быстро ушелъ отъ меня, — вѣроятно, спѣшилъ принять пилюлю стрихнина. Ему, кажется, не совѣмъ по себѣ. Впрочемъ, это только одно предположеніе.

— Боже мой, откуда мнѣ взять силы, чтобы выполнить мой долгъ, отказаться отъ всего, что составляло смыслъ моей жизни! — сказала она тихимъ, но твердымъ голосомъ.

— Вы съ ума сошли? Не принимайте, ради Бога, въ серіозъ наши разговоры о любви. Это было бы огромной ошибкой.

Она поднялась, подошла къ окну и, глядя на море, безпомощно повторяла вслухъ свои растерянные мысли:

— Развѣ это было бы ошибкой? Но вѣдь Жанъ боленъ, онъ можетъ умереть — вотъ истина. Я ничѣмъ не могу ему по-

мочь, не могу достать ему денегъ, доставить возможность отдохнуть, жить безъ заботъ. Я безсильна, мертва... ненужна какъ трупъ. А съ другой стороны—эта женщина... богатая, способная своей любовью спасти его отъ смерти. Она можетъ, а я не могу... Когда же я говорю вамъ, что готова пожертвовать собой для его спасенія, вы считаете это ошибкой... Нѣтъ, въ томъ-то и ужасъ, что это не ошибка!

Она обернулась ко мнѣ, требуя опредѣленнаго отвѣта, а я повторилъ, пожимая плечами:

— Ошибка, м-мъ Гульвенъ, увѣряю васъ. Вѣдь не жертвовалъ же я своими удобствами для спасенія вашей хорошенькой служанки?

— Вотъ самое лучшее доказательство того, что истина—въ моемъ рѣшеніи, противоположномъ вашимъ дѣйствіямъ, которыя я абсолютно осуждаю,—твердо сказала она.

— Вы слишкомъ нервны, дорогая моя,—отвѣтилъ я. Ея осужденія меня не трогали, а ея рѣшеніе знаменовало мою полную побѣду. Посѣянные мною сѣмена выросли пышнымъ цвѣткомъ въ этой хрупкой, покорной душѣ. Она вздохнула.

— Я пойду къ Жану; посмотрю, не нужно ли ему что-нибудь,—сказала она.

— Только не говорите съ нимъ объ этихъ глупостяхъ.

Она ничего не отвѣтила и вышла изъ комнаты.

XI.

На слѣдующій день мы видѣли еще одну процессію въ Пенмаркѣ, и опять м-мъ Гульвенъ стояла на колѣнахъ рядомъ съ молящимися бретонками и казалась самой вѣрующей изъ нихъ. Докторъ не отходилъ отъ нея. Онъ, видимо, измѣрялъ силу ея душевныхъ мукъ жаромъ ея молитвъ и страдалъ за нее. Когда процессія кончилась, мы всѣ поднялись на маякъ, чтобы посмотреть съ высоты на окрестности и на морскую даль. Мы поднялись по круглой лѣстницѣ съ мѣдными перилами, которая вращалась въ свѣтломъ цилиндрѣ изъ голубого гранита. Видъ сверху былъ очень красивый, но, кромѣ м-мъ Ла-Ревельеръ и Жильберты, никто изъ насъ не былъ достаточно спокоенъ, чтобы любоваться имъ. М-мъ Елена держалась подлѣ меня, а Гульвены не отходили другъ отъ друга, мрачные и молчаливые. По волненію м-мъ Елены я понялъ, что она уже говорила съ докторомъ, узнала нѣчто пріятное для себя и теперь ожидаетъ съ

большимъ напряженіемъ окончанія его переговоровъ съ женой. Мое предположеніе оказалось вѣрнымъ, — м-мъ Елена поспѣшила сама сообщить мнѣ объ этомъ.

— Онъ послушался меня, — сказала она мнѣ въ полголоса, въ то время какъ мы обходили кругомъ галерея маяка, подъ предлогомъ осмотра мѣстности со всѣхъ сторонъ. — Онъ послушался меня. Сегодня ночью онъ подтвердилъ ей, что опасно болѣнь, и что возможна скорая катастрофа, если онъ во-время не переимѣнитъ образа жизни и не будетъ серьезно лечиться. Онъ надѣется, что она сама ему предложитъ...

М-мъ Гульвенъ подошла къ намъ, и м-мъ Елена поспѣшила во-время переимѣнить разговоръ, указывая мнѣ на дымокъ парохода, показавшагося на горизонтѣ. Но, при всей своей сдержанности, она не могла скрыть торжествующаго выраженія лица, — и въ эту минуту, самъ не знаю почему, я почувствовалъ къ ней презрѣніе. Мнѣ показалось, что она любитъ Жана Гульвена не духовно, а только инстинктомъ, и что она — самая пошлая интригантка. Черезъ нѣсколько минутъ я, конечно, понялъ, что былъ несправедливъ къ ней, ставя ей въ упрекъ именно ту энергію, которой я требовалъ отъ доктора. Чтò дурного въ томъ, что она повинуется своимъ жизненнымъ инстинктамъ — вѣдь Гульвена я обвинялъ въ трусости именно за то, что онъ имъ не повиновался. По этой спутанности своихъ сужденій я увидалъ, до чего глупость окружавшихъ меня людей притупила мое трезвое отношеніе къ фактамъ. Мѣсяцемъ раньше я бы восторгался этой силой страсти, обнаруженной молодой вдовой, и видѣлъ бы въ этомъ доказательство ея нравственного здоровья. Теперь, подъ влияніемъ болѣзненной психологіи окружающихъ, я почти осуждалъ ея благородную искренность. Неужели воздухъ Бретани, ревъ грознаго океана, видъ старинныхъ домовъ уподобили мени малодушнымъ бретонцамъ? Я почти испугался этой измѣны самому себѣ. Неужели я превращусь въ такого же безвольнаго, жалкаго человѣка, какъ Гульвенъ? Нѣтъ, этого я не допущу. Нужно скорѣе уѣхать отсюда — нужно пожить или въ бодрящемъ воздухѣ горъ, или въ отравленной, но возбуждающей активность воли атмосферѣ столицы.

Мнѣ захотѣлось сейчасъ же уѣхать. Внизу жужжалъ мой автомобиль, какъ большое наѣкомое, остановленное среди дороги. Я позвалъ всѣхъ остальныхъ, крикнулъ, что уже поздно, и мы направились къ лѣстницѣ. Снизу раздавались громкіе дѣтскіе голоса; солнечный свѣтъ, отраженный на мѣдныхъ перилахъ, слѣпилъ глаза... Такъ страшно было опускаться въ этотъ

сверкающій колодезь свѣта, который представляла изъ себя въ эту минуту круглая лѣстница!

— Боже, я ни за что не рѣшусь опуститься въ эту бездну свѣта и шума!—сказала дрожащимъ голосомъ м-мъ Гульвенъ.— Елена, пройди впередъ!

— Какъ же я пройду до тебя? Я не посмѣю, если ты не отважишься указать мнѣ путь.

М-мъ Елена произнесла эту фразу „по-ибсеновски“, придавая ей символическій смыслъ. Она хотѣла сказать, что ея кузина должна сначала согласиться на разводъ, а потомъ только она сможетъ спасти Гульвена. И всѣ трое, понявъ смыслъ ея словъ, улыбнулись печальной улыбкой.

— Я еще не рѣшаюсь,—со вздохомъ сказала м-мъ Гульвенъ.

— Такъ позвольте мнѣ указать вамъ всѣмъ дорогу,—сказалъ я, быстро направляясь къ лѣстницѣ.—Пустите меня, такъ какъ я одинъ не боюсь яркаго свѣта въ жизни.

Обмѣнявшись этими иносказательными фразами, мы спустились наконецъ внизъ, и вскорѣ автомобиль умчалъ насъ въ даль.

Черезъ два дня, въ Локмаріакерѣ, мы снова сѣли на нашу яхту. Я никакъ не могъ понять, приняла ли м-мъ Гульвенъ окончательное рѣшеніе. И она, и докторъ, и даже м-мъ Елена уклонялись отъ разговора со мной—они боялись строгости и настоятельности моихъ требованій.

На одной изъ ближайшихъ пристаней намъ пришлось принять на бортъ цѣлый транспортъ жнецовъ и жницъ, направлявшихся въ Белиль. Отказаться взять ихъ нельзя было, такъ какъ, по контракту съ префектомъ, всякій пароходъ—даже частный—обязанъ былъ перевозить полевыхъ рабочихъ. Этотъ наплывъ шумныхъ, не совсѣмъ трезвыхъ пассажировъ, расположившихся на палубѣ, былъ довольно непріятенъ, но черезъ нѣсколько времени они успокоились и перестали намъ мѣшать. Напротивъ того, мы всѣ съ интересомъ наблюдали за ними, любовались ихъ живописными костюмами и веселостью ихъ молодыхъ лицъ. Потомъ они стали развлекать насъ пѣніемъ. Раздались звуки національнаго инструмента, похожаго на флейту, „бинью“, и женскій голосъ запѣлъ:

Скажи ты мнѣ, красотея,
О чемъ ты слезы льешь?

Мелодія пѣсни была грустная и протяжная, и ей соответствовалъ почти похоронный аккомпаниментъ флейты. Но грубые голоса подвыпившихъ жнецовъ отвѣчали болѣе веселымъ припѣвомъ:

Люрон-люрон-люреть,
Люрон-люрон-люре.

И снова раздался тотъ же грустный мотивъ съ унылымъ аккомпаниментомъ бинью и врывающимся веселымъ припѣвомъ:

Я друга потеряла,
Онъ въ волнахъ смерть нашелъ.
Люрон-люрон-люреть,
Люрон-люрон-люре.

Слѣдующій куплетъ пропѣлъ весь хоръ угрюмо-насмѣшливымъ тономъ:

Онъ плавать не умѣлъ,
И поглотила его смерть.

Возлѣ насъ докторъ сталъ вторить припѣву пѣсни такимъ трагическимъ голосомъ, что я переглянулся съ его женой. Онъ, видимо, примѣнялъ къ себѣ слова пѣсни. И онъ не умѣлъ плавать въ грозной стихіи жизни, гдѣ борцы давятъ слабыхъ, какъ морскія волны придавливаютъ и топятъ потерпѣвшихъ крушеніе.

М-мъ Гульвенъ поняла всю глубину отчаянія, овладѣвшего ею мужемъ. Глаза ея сдѣлались влажны, насколько я могъ видѣть въ надвигающихся сумеркахъ. Не стѣсняясь моимъ присутствіемъ—мы только вдвоемъ стояли на концѣ палубы,—она обратилась къ мужу, вся дрожа отъ волненія:

— Послушай, Жанъ... ты несчастенъ, ты боленъ... Общай мнѣ отдохнуть, вернувшись домой. Перестань работать на время!

— Я не имѣю права перестать,—прервалъ онъ ее.—Можетъ быть, я скоро доведу до конца мое открытіе... я не могу оставить трудъ, который долженъ спасти тысячи людей.

— Но развѣ можетъ быть для тебя болѣе настоятельный долгъ, чѣмъ спасеніе нашихъ двухъ жизней?

— Можетъ,—рѣзко сказалъ онъ.

У м-мъ Гульвенъ, закутанной въ пелерину отъ холода, былъ такой жалкій, потерянный, измученный видъ, что когда она снова заговорила, мнѣ казалось, что кровь выступитъ у нея на губахъ,—до того мучительно разрывалась ея грудь отъ сдержанныхъ мукъ.

— Ради этихъ тысячъ жизней, которыя ты спасешь въ будущемъ, нужно сберечь твою жизнь,—сказала она.—Я сдѣлаю все для твоего успокоенія. Я отстраняю всѣ нравственныя и религіозныя соображенія... я пойду до конца въ моей любви, Жанъ... Я отдаю тебѣ свободу.

Она сдержала рыданія. Онъ порывисто обернулся къ ней и прислонился къ периламъ. Глаза его потемнѣли, губы дрожали.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— То, о чемъ ты давно думаешь... на что надѣешься... что кажется тебѣ неизъяснимо счастливой грезой... Я согласна на разводъ... на твой бракъ съ Еленой.

Наконецъ-то она рѣшилась! Я восторжествовалъ, побѣдиль эгоизмъ такой сильной любви! И въ то же время я увидѣлъ побѣду надъ чувствомъ жалости. Гульвентъ едва сдерживался отъ радости, и не зналъ, какъ выразить свою благодарность, и какъ утѣшить самоотверженную жену. На меня онъ посмотрѣлъ съ изумленіемъ,—моя побѣда прежде всего удивляла его. Я самъ преисполненъ былъ такого торжества, что съ трудомъ сдерживалъ возбужденіе.

М-мъ Гульвентъ продолжала говорить. Упрекнувъ мужа за то, что она узнала о желательности для него развода не отъ него, а отъ другихъ, она стала повторять доводы, вызвавшіе ея рѣшеніе,—она чувствовала потребность укрѣпиться въ своемъ рѣшеніи. Она клятвенно повторила, что согласна на разводъ и на то, чтобы онъ женился на Еленѣ, такъ какъ знаетъ, что въ этомъ—его спасеніе и такъ какъ она любитъ его больше, чѣмъ себя. Гульвентъ, въ свою очередь, превозносилъ ея геройство, умилялся, жалѣлъ и благодарилъ ее. Я немножко боялся словообилія, сопровождавшаго геройское предложеніе м-мъ Гульвентъ. Она выражала высокія чувства, какъ героиня романтической поэмы,—быть можетъ, въ надеждѣ тронуть сердце доктора, который стоялъ подлѣ нея безвольный, совершенно уничтоженный. Я чувствовалъ, что она предложила разводъ, не будучи вполне увѣрена, что ея мужъ согласится принять его. Но я все-таки довѣрялъ ей.

Онъ бы не устоялъ и даже не боролся бы противъ первыхъ порывовъ жалости, если бы не мысль о сывороткѣ, не надежда облагодѣтельствовать челоуѣчество своимъ открытіемъ. Въ жертву этой надеждѣ онъ готовъ былъ принести все, даже свое христіанское чувство жалости къ женѣ.

Она продолжала говорить чувствительныя слова, сказала, что проводить его, что вѣчно будетъ смотрѣть на дорогу, по которой онъ можетъ вернуться, будетъ ждать, что онъ придетъ поцѣловать ее въ лобъ—въ присутствіи Елены.

— Она будетъ любить тебя для себя, а я—только для тебя,—сказала она.—Это будетъ моя побѣда надъ нею.

Онъ терялъ голову отъ ея подвига и отъ ея жалостныхъ словъ, и говорилъ, что не въ состояніи выразить своего преклоненія передъ такимъ небывалымъ доказательствомъ любви...

Она рыдала отъ полноты чувствъ, а онъ говорилъ ей въ утѣшеніе, что принимаетъ ея жертву только ради научныхъ цѣлей, что онъ вернется, и тогда она будетъ его сестрой, сестрой Елены, ихъ обожаемой святой. Чтобы еще болѣе утѣшить ее, онъ сталъ откровенно говорить объ опасности своей болѣзни, — думая, что забота о здоровьи — единственное дѣйствительное оправданіе для него въ глазахъ его жены.

— Ты тоже воскресишь Лазаря, — сказалъ онъ съ улыбкой.

Она подняла голову, но я не могъ разглядѣть, омочено ли ея лицо слезами. Опять раздался ея голосъ, въ которомъ чувствовались сдерживаемыя рыданія.

— Прежде всего ты будешь теперь лечиться. Это — мое первое условіе. Я скажу это Еленѣ.

Она поднялась и, шатаясь, сдѣлала нѣсколько шаговъ. Но, пересиливъ себя, она даже улыбнулась и сказала мнѣ:

— Теперь я, кажется, уже не похожа на васъ.

— Да, вы преодолѣли себя.

— Это вѣрно. Не правда ли, Жанъ?

— Она совершила сверхчеловѣческое, — подтвердилъ докторъ. — И какъ намъ разстаться послѣ этого? Можетъ быть, все это только испытаніе, которое усилить нашу любовь, — прибавилъ онъ, очевидно только для того, чтобы ее утѣшить. Самъ онъ былъ слишкомъ охваченъ близостью счастья, чтобы желать возврата къ женѣ. Но м-мъ Гульвенъ подхватила его слова:

— Боже, сдѣлай, чтобы это было только испытаніемъ! — молила она.

Мы еще нѣсколько минутъ стояли втроемъ, ничего не говоря. Потомъ м-мъ Гульвенъ опять обратилась къ мужу съ упреками въ томъ, что онъ не подготовилъ ее, а предоставилъ другимъ дѣйствовать за себя. Она перестала сдерживаться, и горько заплакала. Я чувствовалъ, что энергія ея падаетъ, что она можетъ взять обратно свое слово. Гульвенъ ее успокаивалъ и сталъ уже говорить, что еще не рѣшилъ разрыва, что, можетъ быть, нельзя нарушать клятву, данную предъ алтаремъ. М-мъ Гульвенъ настаивала, но уже болѣе слабо, на необходимости разлуки ради его спасенія, но, во всякомъ случаѣ, его колебанія успокаивали ее. Можетъ быть, она уже предвидѣла побѣду надъ чувствительностью мужа. Чувствуя опору въ немъ, она могла настаивать на своемъ священномъ долгѣ, и вскорѣ на моихъ глазахъ произошла метаморфоза, о которой я не могу подуматъ безъ ужаса. Эта маленькая, некрасивая женщина, закутанная въ пелеринку, обнаружила затаенную въ ней необычайную силу и

самоотверженія, и власти надъ другой душой. Въ отвѣтъ на ея убѣжденія въ необходимости разрыва, докторъ вдругъ сталъ разсуждать о томъ, дѣйствуетъ ли онъ дѣйствительно ради научныхъ цѣлей, или изъ эгоистическихъ побужденій и желанія устроить личное счастье. Онъ прежде всего высказалъ сомнѣніе въ цѣлительности своей сыворотки:

— Что, если какое-нибудь новое научное открытіе уничтожить все созданное мною?—спросилъ онъ.—Въ такомъ случаѣ, я напрасно принялъ твою жертву, поставилъ на карту твое дѣйствительное страданіе во имя гадательнаго успѣха...

— Но вѣдь дѣло въ твоемъ здоровьи, въ твоей жизни, которую нужно спасти,—возразила м-мъ Гульвенъ, и я поддержалъ ея настоянія. Но тогда произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное.

— Нѣтъ,—воскликнулъ докторъ;—дѣло совсѣмъ не въ томъ. Я люблю Елену, и лгалъ, говоря о другихъ побужденіяхъ. Я думаю не о своемъ долгѣ, а только о своей страсти. И это дѣлаетъ мое поведеніе относительно тебя, Ивонна, низкимъ. Теперь я это понялъ. Я не хочу принадлежать въ тѣмъ, которые считаютъ, что въ любви все дозволено. Я люблю Елену—я не хочу лгать.

Уничтоженная этимъ признаніемъ, м-мъ Гульвенъ безпомощно глядѣла на мужа и сказала:

— Если ты ее любишь, то уходи, оставь меня!

Я былъ увѣренъ, что она теперь изъ гордости настоятъ на разводѣ,—и внутренне изумился ловкости доктора, который приберегъ прямое признаніе своей страсти къ самому нужному моменту. Онъ еще протестовалъ, но, какъ мнѣ казалось, только для виду и чтобы успокоить несчастную женщину. Но я ошибся. Послѣ того, какъ она нѣсколько разъ повторила ему, что онъ долженъ уйти отъ нея, онъ вдругъ, весь въ слезахъ, взялъ ее за руки и сказалъ.

— Я останусь съ тобой. Понимаешь: я буду преклоняться передъ тобой, какъ передъ святыней. Я люблю тебя больше, чѣмъ можно любить жену... Ты для меня — святая. Я не уйду отъ тебя; мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Энгадинъ, будемъ жить тамъ бѣдняками; тамъ я выздоровѣю... Мы будемъ сильны. Я уже чувствую себя сильнымъ, потому что побѣдилъ свой эгоизмъ и свой инстинктъ...

Лгалъ онъ или нѣтъ? Она бросилась къ нему, схватила его за плечи и крикнула, глядя ему въ глаза:

— Ты думаешь, что побѣдилъ? Ты вѣришь въ свою побѣду?

— Наши души, которыя разъединились на минуту, теперь опять слились,—почти беззвучно проговорилъ онъ.

Тутъ я понялъ, что онъ говорить искренно. Онъ отказался отъ м-мъ Елены. Мой планъ рушился, и я въ бѣшенствѣ сжималъ кулаки. Только тѣмъ, что она предложила — даже не вполнѣ искренно — пожертвовать собой, эта жалкая женщина снова покорила своего мужа — и уже навсегда.

Я хотѣлъ вмѣшаться, протестовать, — но было уже поздно. Мы причаливали къ Белилю, началась суетня высаживания на берегъ. Дулъ сильный вѣтеръ, и м-мъ Ла-Ревельеръ была въ ужасѣ, что Жильберта простудится. М-мъ Гульвенъ подошла къ Еленѣ.

— Послушай,—сказала она:—этотъ вѣтеръ очень опасенъ для горла, и онъ не прекратится цѣлую недѣлю. Совѣтую тебѣ остаться здѣсь въ отелѣ съ дочерью и не ѣхать въ Керьяникъ. Господинъ Гишардо будетъ столь любезенъ и поможетъ тебѣ приготовиться къ отъѣзду въ Парижъ. Морской воздухъ губителенъ для ребенка,—не правда ли, Жанъ?

— Да,—проговорилъ онъ,—я предпочелъ бы, чтобы Жильберта не оставалась теперь здѣсь. Этотъ вѣтеръ ей вреденъ.

— Твоя мать поѣдетъ съ нами за вашимъ багажемъ,—продолжала командовать м-мъ Гульвенъ.—Она вернется завтра сюда за вами. Прощай, Елена, прощай, милая!

Въ нѣсколько секундъ сказаны были непоправимыя слова. Гульвенъ грубо устроили м-мъ Елену и меня. Я оказался въ дуракахъ. Дѣло съ сывороткой не выгорѣло, и единственнымъ моимъ утѣшеніемъ была мысль о завязавшихся дружескихъ отношеніяхъ съ м-мъ Еленой. Изъ нихъ, конечно, я еще надѣялся извлечь пользу. Мы быстро всѣ попрощались, и я все-таки сказалъ Гульвену, расставаясь съ нимъ:

— Если ты приверженъ наукѣ, ты еще передумаешь... Напиши мнѣ черезъ недѣлю въ Парижъ.

— Хорошо, я напишу тебѣ,—сухо отвѣтилъ онъ.

Я мало надѣялся на то, что онъ перемѣнитъ рѣшеніе, но видѣлъ, что лицо его выражаетъ глубокое отчаяніе. Чтобы скорѣе уйти отъ м-мъ Елены и не читать упрека въ ея прекрасныхъ глазахъ, онъ быстро сѣлъ въ коляску съ женой и м-мъ Ла-Ревельеръ, и они умчались отъ насъ.

Я остался одинъ съ м-мъ Еленой и ея дочерью, и мы поглядѣли другъ на друга съ истинной печалью. Ни она съ ея красотой и краснорѣчіемъ, ни я съ своей логикой, не сдвинули со стараго пути этихъ упрямыхъ бретонцевъ, преданныхъ своей религіи смиренія и самопожертвованія. Опять они будутъ

вести сонное существованіе подѣ мѣрное тиканье своей добродѣтели.

М-мъ Елена прошептала въ ужасѣ:

— Чтѣ, если онъ умереть?

— Что-жъ подѣлаешь!—онъ долженъ былъ знать, что нельзя жить, не умѣя заставлять страдать.

И я напомнилъ ей о черной змѣѣ, которая грызла горло пастуху, встрѣченному Заратустрой. Гульвенъ, несмотря на всѣ мои окрики, не сумѣлъ откусить голову чудовища и выплюнуть ее.

Жильберта еще сильнѣе закашляла, и мы поспѣшили въ отель. По дорогѣ она сказала мнѣ:

— Онъ не обнаружилъ недостатка мужества. Напротивъ того, у него хватило мужества побороть себя и предпочесть торжеству любви благородство смерти, не омраченной сознаниемъ измѣны женщинѣ, довѣрившейся ему... Можетъ быть, онъ и есть тотъ сверхчеловѣкъ, о которомъ вы говорили.

— Можетъ быть,—согласился я, чтобы не доводить до отчаянія женщину, обезумѣвшую отъ горя и стыда.

Но я иронически напѣвалъ бретонскую пѣсенку:

Онъ плавать не умѣлъ,
И поглотила его смерть.

Вѣтеръ понесъ эти звуки по пустынному и трагичному острову, окруженному бушующей стихіей, осажденному полчищами водяныхъ призраковъ, которые карабкаются на гранитныя стѣны, потомъ падаютъ съ ревомъ въ пучины и снова, вѣчно торжествуя, бросаются впередъ и разбиваются о мощныя стѣны утесовъ,—твердыхъ, какъ смиреніе живущихъ здѣсь людей,—сильныхъ правдой смиренія.

Съ франц. З. В.

ГОГОЛЬ

ВЪ

ОПТИНОЙ ПУСТЫНѢ

МАТЕРІАЛЪ ДЛѢ БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ.

Письмо Гоголя къ о. Макарію.

Еще одно слово, душѣ и сердцу близкой отецъ Макарій.

Послѣ перваго рѣшенія, которое имѣлъ я въ душѣ, подъѣзжая къ обители, было на сердцѣ спокойно и тишина. Послѣ второго какъ-то неловко, и смутно, и душа неспокойна.

Отъ чего вы, прощаясь со мной, сказали: „въ послѣдній разъ“?

Можетъ быть, все это происходитъ отъ того, что нервы мои взволнованы; въ такомъ случаѣ боюсь сильно, чтобы дорога меня не расколебала. Очутиться больнымъ посреди далекой дороги—меня нѣсколько страшитъ. Особенно когда будетъ съѣдать мысль, что оставилъ Москву, гдѣ бы меня не оставили въ хандрѣ.

Вашъ весь.

Скажите, не говорить ли вамъ сердце, что мнѣ бы лучше было не выѣзжать изъ Москвы?

Отвѣтъ о. Макарія.

Мнѣ очень жаль васъ, что вы находитесь въ такой нерѣшимости и волненіи. Конечно, когда бы знать это, то лучше бы не выѣзжать изъ Москвы.

Вчерашнее слово о мирѣ при взглядѣ на Москву было мнѣ по сердцу, и я мирно вамъ сказалъ о обращеніи туда, но какъ вы паки волновались, то уже и недоумѣвалъ о семъ.

Теперь вы должны сами рѣшить свой вояжъ, при мысли о возвращеніи въ Москву когда ощутите спокойствіе, то будетъ знакомъ воли Божіей на сіе.

Примите отъ меня образокъ нынѣ празднуемаго угодника Божія Сергія; молитвами Его да подастъ Господь вамъ здравіе и миръ.—Многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

25 сентября 1851 г.

Письмо Н. В. Гоголя и отвѣтъ отца Макарія, оптинскаго старца, относятся къ довольно загадочному случаю, происшедшему уже въ послѣдній годъ жизни Гоголя.

Въ концѣ сентября мѣсяца 1851 года Гоголь отправился изъ Москвы въ полтавскую губернію, на свадьбу своей сестры; но доѣхалъ только до Калуги, пробылъ нѣсколько дней въ Оптиной пустынѣ и оттуда вернулся снова въ Москву, неожиданно для всѣхъ, встревоженный, взволнованный и болѣзненный.

Какъ и почему все это произошло? Почему Гоголь заѣхалъ въ Оптину пустынь, которая не лежала на его прямомъ пути, и почему оттуда вернулся обратно въ Москву, а не продолжалъ своего путешествія на родину? Какое вліяніе имѣла пустынь на перемѣну въ намѣреніи Гоголя? Съ кѣмъ онъ тамъ видѣлся? И кто имѣлъ рѣшающее вліяніе на перемѣну его намѣренія?

Вопросы эти являются сами собою при изученіи послѣдняго года жизни Гоголя, и возможность обнаружить подробности поѣздки его на свадьбу сестры требуетъ вниманія.

Биографы Гоголя разнорѣчиво рассказываютъ объ этомъ случаѣ. Такъ, въ „Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя“ приведены слѣдующія подробности:

„Гоголь скучалъ въ Москвѣ лѣтомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ его знакомые жили по дачамъ; наконецъ, получивъ извѣстіе о выходѣ замужъ одной изъ своихъ сестеръ, рѣшился ѣхать къ ней на свадьбу. Вышло, однакожъ, не такъ. Миновавъ Калугу, онъ почувствовалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ грусти, которые помрачали для него всѣ радости жизни и лишали его власти надъ его силами. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно прибѣгалъ къ молитвѣ, и молитва всегда укрѣпляла его. Такъ поступилъ онъ и теперь: заѣхавъ въ Оптину пустынь, онъ провелъ въ ней нѣсколько дней посреди смиренной братіи, и уже не поѣхалъ на свадьбу, а воротился въ Москву. Первый визитъ

онъ сдѣлалъ О. М. Бодянскому, который не выѣзжалъ на дачу, и на вопросъ его: зачѣмъ онъ воротился? отвѣчалъ: „Такъ: мнѣ сдѣлалось какъ-то грустно“, и больше ни слова. Между тѣмъ онъ писалъ въ матери (отъ 3-го октября, 1851): „Добравшись до Калуги, я заболѣлъ и долженъ былъ возвратиться. Нервы мои отъ всякихъ тревогъ и колебаній дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна“ ¹⁾.

С. Т. Аксаковъ кратко рассказываетъ объ этомъ случаѣ:

„Въ 1851 году Гоголь былъ у насъ въ деревнѣ три раза: въ июнѣ, въ половинѣ сентября, когда онъ собирался на свадьбу сестры своей въ Васильевку, откуда хотѣлъ проѣхать на зиму опять въ Одессу, и, наконецъ, въ третій разъ 30-го сентября, когда онъ уже воротился съ дороги, изъ Оптиной пустыни. Онъ былъ постоянно грустенъ и говорилъ, что въ Оптиной пустынѣ почувствовалъ себя очень дурно и, опасаясь расхвораться, пріѣхать на свадьбу больнымъ и всѣхъ разстроить, рѣшился воротиться“ ²⁾.

Болѣе подробное изложеніе того же рассказа записано въ слѣдующихъ выраженіяхъ, приписываемыхъ С. Т. Аксакову:

„Въ половинѣ сентября Гоголь пріѣхалъ къ намъ къ подмосковную; онъ былъ необыкновенно со мною вѣженъ и нѣсколько разъ, взявъ меня за руки, смотрѣлъ на меня съ такимъ выраженіемъ, котораго ни описать, ни забыть невозможно. Онъ хотѣлъ пріѣхать 20 сентября, то-есть въ день моего рожденія, но не могъ, потому что далъ обѣщаніе быть на свадьбѣ у сестры своей въ полтавской губерніи, назначенной 29 сентября или 1 октября. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 21 сентября, написалъ ко мнѣ два письма, самыя вѣжныя и дружескія: одно 20 сентября, а другое въ самый день отъѣзда, и все очень тревожился, что не провелъ со мною день моего рожденія. Пробывъ осень въ деревнѣ у матери, Гоголь намѣревался уѣхать на зиму въ Одессу, гдѣ провелъ онъ предыдущую зиму очень хорошо, въ отношеніи къ своему здоровью и успѣшной работѣ надъ „Мертвыми Душами“. Онъ поѣхалъ очень грустенъ, что не успѣлъ еще повидаться со мною и проститься, какъ слѣдуетъ. По не-

¹⁾ „Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя“, томъ второй, стр. 250—251. Спб. 1856.

²⁾ „Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя“, томъ второй, стр. 254, Спб. 1856. Ср. „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, С. Т. Аксакова, въ „Русскомъ Архивѣ“, 1890, кн. 8, стр. 194—195; „Жизнь и труды М. П. Погодина“, Н. Барсукова, кн. 11, стр. 521, Спб., 1897.

ожиданной надобности я прїѣхалъ въ Москву 24 сентября и на другой день, къ удивленію моему, узналъ, что Гоголь воротился. 30-го я увезъ его съ собой въ деревню, гдѣ его появленіе, никѣмъ не ожидаемое, всѣхъ изумило и обрадовало. По какимъ причинамъ воротился Гоголь—положительно сказать не могу: онъ говорилъ, что въ Оптиной пустынѣ почувствовалъ нервное разстройство, прибавилъ, смѣясь, что „къ тому же нехорошо со мной простился“. Онъ улыбался, но глаза его были влажные и въ смѣхѣ слышалось что-то особенное... Замѣтно было, что Гоголь смущался своимъ возвращеніемъ безъ достаточной причины повидимому, и еще болѣе тѣмъ, что мать и сестры будутъ огорчены, обманувшись въ надеждѣ его увидѣть“¹⁾.

Такимъ образомъ, фактъ появленія Гоголя въ Оптиной пустынѣ и фактъ возвращенія его въ Москву ясно и опредѣленно не объяснены. П. А. Кулишъ говоритъ, что Гоголя заставилъ заѣхать изъ Калуги въ Оптину пустынь „припадокъ грусти“, отъ котораго Гоголь желалъ избавиться молитвою. С. Т. Аксаковъ утверждаетъ, что Гоголь „почувствовалъ себя очень дурно“ („почувствовалъ нервное разстройство“) уже въ Оптиной пустынѣ. Самъ Гоголь, въ письмѣ къ матери, умалчиваетъ о своей поездкѣ въ Оптину пустынь.

Какъ на причину возвращенія Гоголя изъ Оптиной пустыни въ Москву, Кулишъ указываетъ на переменѣ настроенія, происшедшую въ немъ „посреди смиренной братіи“. Самъ Гоголь, а съ его словъ и Аксаковъ, винятъ въ этомъ „нервы“, причемъ Аксаковъ не даетъ положительнаго объясненія неожиданному возвращенію Гоголя, такъ какъ, по его словамъ, и самъ „Гоголь смущался своимъ возвращеніемъ безъ достаточной причины повидимому“.

Письмо Гоголя и отвѣтъ отца Макарія вносятъ нѣкоторое освѣщеніе въ этотъ загадочный случай.

Прежде всего изъ заявленія Гоголя о томъ, что онъ съ первымъ рѣшеніемъ подѣвжалъ къ обители и, имѣя въ душѣ это рѣшеніе продолжать свое путешествіе на свадьбу сестры, ощущалъ на сердцѣ спокойствіе и тишину,—ясно слѣдуетъ, что соображенія Кулиша о „припадкѣ грусти“ не имѣютъ дѣйствительнаго основанія. Наоборотъ, собственные слова Гоголя съ несомнѣнностью свидѣлствуютъ, что онъ ѣхалъ въ Оптину пустынь совершенно здоровымъ и физически, и морально, и по-

¹⁾ „Матеріалы для біографіи Гоголя“, В. И. Шенрока, томъ четвертый, стр. 813—814, М. 1898.

тому не несъ туда въ душѣ никакихъ сомнѣній и колебаній относительно главной цѣли всего путешествія. Очевидно, его поѣздка въ пустынь не была случайнымъ результатомъ неожиданнаго рѣшенія, принятаго имъ подъ вліяніемъ случайнаго приступа недуга. Нѣтъ, Гоголь заѣхалъ въ Оптину не размыкать грусть, которой не было, а въ здоровомъ и непомраченномъ состояніи тѣла и духа. Оптина пустынь, очевидно, входила въ предварительный планъ всего его путешествія. Гоголя влекло туда что-то другое, и для объясненія его желанія воспользоваться случаемъ и не миновать пустыни необходимо вспомнить слѣдующіе два факта изъ его біографіи.

10-го іюля 1850 года, за годъ съ небольшимъ до поѣздки на свадьбу сестры, Гоголь, пріѣхавъ въ полтавскую губернію, писалъ графу А. П. Толстому:

„Я заѣзжалъ на дорогѣ въ Оптинскую пустынь и навсегда унесъ о ней воспоминаніе. Я думаю, на самой Афонской горѣ не лучше. Благодать видимо тамъ присутствуетъ. Это слышится въ самомъ наружномъ служеніи, хотя и не можемъ объяснить себѣ, почему. Нигдѣ я не видалъ такихъ монаховъ. Съ каждымъ изъ нихъ, мнѣ казалось, бесѣдуетъ все небесное. Я не разспрашивалъ, кто изъ нихъ какъ живетъ: ихъ лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили свѣтлой ласковостью ангеловъ, лучезарной простотой обхожденія; самые работники въ монастырѣ, самые крестьяне и жители окрестностей. За нѣсколько верстъ, подъѣзжая къ обители, уже слышишь ея благоуханіе: все становится привѣтливѣе, поклоны ниже и участія къ человѣку больше“¹⁾.

Въ другой разъ Гоголь вмѣстѣ съ Л. Арнольди отправился въ имѣнье къ его сестрѣ. Во время пути „Гоголь заговорилъ о монастыряхъ, о ихъ общественномъ значеніи въ прошедшемъ и настоящемъ. Онъ говорилъ прекрасно о монастырской жизни, о той простотѣ, въ какой живутъ истинные монахи, о томъ счастіи, какое находятъ они въ молитвѣ, среди прекрасной природы, въ глуши, въ дремучихъ лѣсахъ! „Вотъ, напримѣръ,—сказалъ онъ,—вы были въ Калугѣ, а ѣздили ли вы въ Оптину пустынь, что подлѣ Козельска?“—Какъ же, отвѣчалъ я, былъ.—„Ну, не правда ли, что за прелесть! Какая тишина, какая простота!“—Я знаю, что вы бывали тамъ часто, Николай Васильевичъ, и въ послѣдній разъ, когда хотѣли ѣхать въ Малороссію, не доѣхали, и

¹⁾ „Письма И. В. Гоголя“, томъ четвертый. стр. 332—333, С.-Пб., изданіе А. Ф. Маркса.

остановились въ Оптиной пустынѣ, кажется, на нѣсколько дней. — „Да, я на перепутьи всегда заѣзжаю въ эту пустынь, и отдыхаю душой. Тамъ у меня въ монастырѣ есть человѣкъ, котораго я очень люблю... Я хорошо знаю и настоятеля, отца Моисея“. — Кто же этотъ другъ вашъ? — „Нѣкто Григорьевъ ¹⁾, дворянинъ, который былъ прежде артиллерійскимъ офицеромъ, а теперь сдѣлался усерднымъ и благочестивымъ монахомъ, и говоритъ, что никогда въ свѣтѣ не былъ такъ счастливъ, какъ въ монастырѣ. Онъ славный человѣкъ и настоящій христіанинъ; душа его такая дѣтская, свѣтлая, прозрачная! Онъ вовсе не пасмурный монахъ, бѣгающій отъ людей, не любящій бесѣды. Нѣтъ, онъ, напротивъ того, любить всѣхъ людей какъ братьевъ; онъ всегда веселъ, всегда снисходителенъ. Это высшая степень совершенства, до которой только можетъ дойти истинный христіанинъ. Покуда человѣкъ еще не выработался, не совершенно воспиталъ себя, хотя онъ и стремится къ совершенству, въ немъ все еще слишкомъ много строгости, слишкомъ много угловатого и много отталкивающаго. Если же разъ онъ успѣетъ, съ Божьею помощью, уничтожить въ себѣ всѣ сомнѣнія, примириться съ жизнью, и дойдетъ до настоящей любви, то сдѣлается тогда совершенно спокоенъ, веселъ, ко всѣмъ добръ, со всѣми ласковъ. Таковы всѣ эти монахи въ пустыни: отецъ Моисей, отецъ Антоній, отецъ Макарій; таковъ и мой другъ Григорьевъ“ ²⁾.

Вотъ что влекло Гоголя въ Оптину пустынь: „благодать видимо тамъ присутствуетъ“. Вотъ что заставило его изъ Калуги заѣхать туда: „я на перепутьи, говорилъ онъ, всегда заѣзжаю въ эту пустынь и отдыхаю душой“. Гоголь любилъ Оптину пустынь и почиталъ ея знаменитыхъ старцевъ. Люди вѣрующіе и благочестивые предпринимаютъ нарочитыя путешествія по святымъ мѣстамъ и безъ благословенія духовныхъ отцовъ стараются не начинать новаго дѣла. Неудивительно, что Гоголь не проѣзжалъ мимо всѣми православными уважаемой обители, а отправляясь въ далекій путь на родину, рѣшилъ прежде всего получить благословеніе оптинскихъ старцевъ, и именно приснопамятнаго отца Макарія ³⁾. Такое именно настроеніе и желаніе Го-

¹⁾ Объ отцѣ Порфиріѣ (Петрѣ Александровичѣ) Григорьевѣ и сношеніяхъ съ нимъ Гоголя сообщены нѣкоторыя новыя данныя Ив. Л. Щегловымъ, въ „Литературномъ Приложеніи“ къ „Торгово-Промышленной Газетѣ“, 1900, № 46, Воскресенье, 24 декабря.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1862 г., томъ 37: „Мое знакомство съ Гоголемъ“, Льва Арнольди, стр. 87—88.

³⁾ В. И. Шеврокъ называетъ отца Макарія „Боровскимъ“ („Письма Н. В. Го-

голя извѣстно было близкимъ къ нему лицамъ, и А. О. Смирнова, повидимому, совершенно правильно смотрѣла на послѣдній прїѣздъ Гоголя въ Оптину пустынь; по крайней мѣрѣ былъ близокъ къ правдѣ П. А. Плетневъ, съ ея словъ, въ болѣе рѣзкой формѣ рассказывавшій о Гоголѣ, что „онъ дорогою заѣхалъ къ одному монаху, чтобы тотъ далъ ему совѣтъ, въ Москвѣ ли ему остаться, или ѣхать къ своимъ“.

Въ благочестивомъ желаніи подкрѣпить свое намѣреніе молитвою и духовнымъ благословеніемъ, Гоголь прїѣхалъ въ Оптину пустынь, и у него „было на сердцѣ спокойно и тишина“. О томъ, что произошло въ пустынь и что заставило Гоголя вернуться оттуда обратно въ Москву, внезапно прервавъ предпринятое путешествіе въ полтавскую губернію, до сихъ поръ извѣстенъ былъ только рассказъ А. О. Смирновой, переданный П. А. Плетневымъ въ письмѣ къ В. А. Жуковскому. 27 февраля 1852 года, получивъ извѣстіе о кончинѣ Гоголя, Плетневъ писалъ Жуковскому о послѣдней поѣздкѣ его:

„Осенью, отправляясь въ Малороссію на свадьбу сестры, онъ дорогою заѣхалъ къ одному монаху, чтобы тотъ далъ ему совѣтъ, въ Москвѣ ли ему остаться, или ѣхать къ своимъ. Монахъ, выслушавъ рассказъ его, присовѣтовалъ ему послѣднее. На другой день Гоголь опять пришелъ къ нему съ новыми объясненіями, послѣ которыхъ монахъ сказалъ, что лучше рѣшиться на первое. На третій день Гоголь явился къ нему снова за совѣтомъ. Тогда монахъ велѣлъ ему взять образъ—и исполнить то, что при этомъ придетъ ему на мысль. Случай благопріятствовалъ Москвѣ. Но Гоголь въ четвертый разъ пришелъ за новымъ совѣтомъ: тогда, вышедъ изъ терпѣнія, монахъ прогналъ его, сказавъ, что надобно остаться при внушеніи, посланномъ отъ Бога“ ¹⁾.

Письмо Гоголя и отвѣтъ Макарія съ несомнѣнностью доказываютъ, что во всемъ рассказѣ Плетнева мало правды. Если память очевидно измѣнила Аксакову, сократившему все путешествіе Гоголя до трехъ дней, то еще дальше отъ дѣйствительности былъ Плетневъ, растянувшій только хожденіе Гоголя за совѣтомъ на четыре дня. Отвѣтъ отца Макарія говоритъ только объ одной бесѣдѣ съ Гоголемъ, бывшей наканунѣ обшѣна пись-

голя“, томъ четвертый, изданіе А. Ф. Маркса, С.-Пб., стр. 332). Это именованіе не отвѣчаетъ ни мірской фамиліи отца Макарія, ни дѣйству его подвиговъ, и какъ первое употребляемое въ литературѣ—должно быть признано произвольнымъ.

¹⁾ „Сочиненія и переписка П. А. Плетнева“, издалъ Я. Гротъ, томъ третій. Спб., 1885, стр. 730.

мами, то-есть 24-го сентября 1851 года. Надо думать, что это и былъ первый день пребыванія Гоголя въ Оптиной пустынѣ, если вѣрно показаніе Аксакова, что онъ выѣхалъ изъ Москвы 21-го сентября. О неоднократномъ хожденіи Гоголя къ отцу Макарію ихъ переписка ничего не говоритъ и даже даетъ основаніе полагать, что его и совсѣмъ не было. По крайней мѣрѣ послѣ отвѣта отца Макарія Гоголь, повидимому, поторопился возвратиться въ Москву, такъ какъ 30-го сентября онъ былъ уже въ Абрамцевѣ. Такимъ образомъ, всѣ сношенія Гоголя съ отцомъ Макаріемъ приходится ограничить двумя днями, при чемъ 24-го сентября, при личномъ свиданіи, они вели между собой устную бесѣду, а на другой день, 25-го сентября, обмѣнялись письмами.

Содержаніе бесѣды Гоголя съ отцомъ Макаріемъ, въ передачѣ Плетнева, также требуетъ поправокъ. Перваго совѣта— „ѣхать къ своимъ“—отецъ Макарій совсѣмъ не давалъ Гоголю. Съ рѣшеніемъ ѣхать на свадьбу Гоголь „подъѣзжалъ“ къ обители, а въ разговорѣ съ отцомъ Макаріемъ уже обнаружилъ колебаніе и даже говорилъ „о мирѣ при взглядѣ на Москву“, что и дало основаніе отцу Макарію предложить ему обратный путь. Но такое рѣшеніе не успокоило Гоголя, онъ снова волновался, чѣмъ привелъ въ недоумѣніе и отца Макарія. Личная бесѣда ихъ такъ и окончилась нерѣшительностью и волненіемъ со стороны Гоголя, видимо усилившимися впослѣдствіи, когда Гоголь остался одинъ.

Событія слѣдующаго, второго (а по счету Плетнева—третьяго) дня пребыванія Гоголя въ Оптиной пустынѣ невѣрно переданы Плетневымъ. Гоголь не былъ у отца Макарія, и отецъ Макарій не предлагалъ ему въ своемъ родѣ гаданія по образу. Гоголь въ письмѣ изложилъ отцу Макарію свои безпокойства, и отецъ Макарій отвѣтилъ ему письмомъ же, а въ благословеніе ему прислалъ и образокъ преподобнаго Сергія. Отецъ Макарій предложилъ Гоголю самому разобраться въ своемъ настроеніи и самому принять то рѣшеніе, которое наиболѣе отвѣчаетъ его внутреннему призыву, величіемъ таинственнаго голоса, сокрытаго въ тайникахъ души.

Получивъ письменный отвѣтъ отца Макарія, Гоголь, надо думать, болѣе не безпокоилъ его своими вопросами и тревогами. По крайней мѣрѣ, судя по начальнымъ словамъ письма самого Гоголя, именно таково было и его намѣреніе. Во всякомъ случаѣ заключительныя подробности разсказа Плетнева совсѣмъ не отвѣчаютъ характеру оптинскаго старца. Даже болѣе того: онъ

настолько противорѣчать установившейся извѣстности отца Макарія, что одинъ изъ біографовъ Гоголя, Ив. Л. Щегловъ, до-
вѣрившись Плетневу и задавшись вопросомъ: „кто былъ этотъ
фатальный монахъ?“ — не обинуясь, отвѣчаетъ: „отецъ Макарій
и тогдашній игуменъ обители отецъ Моисей, по самому своему
положенію, не могли поступить такъ безцеремонно“ ¹⁾).

Письмо Гоголя и отвѣтъ отца Макарія даютъ достаточное
основаніе устранить необходимость подобной защиты, такъ какъ
она вызывалась измышленнымъ рассказомъ. Данныя этой же пе-
реписки категорически устанавливаютъ личность „монаха“, съ
которымъ Гоголь видѣлся въ Оптиной пустыни и бесѣда съ ко-
торымъ имѣла рѣшающее значеніе на измѣненіе первоначаль-
наго плана его путешествія. Гоголь видѣлся и бесѣдовалъ устно
и письменно съ отцомъ Макаріемъ, и именно отецъ Макарій
благословилъ его вернуться въ Москву, или точнѣе: принять то
рѣшеніе, которое наиболѣе отвѣчало тогдашнему настроенію
Гоголя.

Такимъ образомъ всѣ догадки (остроумныя и правдоподобныя
у Ив. Л. Щеглова) о личности таинственнаго и фатальнаго
„монаха“ разрѣшаются неожиданно въ пользу отца Макарія.

Вышеприведенные письмо Н. В. Гоголя и отвѣтъ отца Ма-
карія въ подлинникѣ хранятся въ Московскомъ Публичномъ и
Румянцовскомъ музеяхъ. Они писаны на полулистѣ бѣлой писчей
бумаги, согнутомъ въ четвертку. Письмо Гоголя занимаетъ первую
страницу полулиста. Отецъ Макарій написалъ отвѣтъ свой на
второй страницѣ, на оборотѣ Гоголевскаго письма. День и годъ
отвѣта подчеркнуты въ подлинникѣ.

Григорій Георгіевскій.

¹⁾ „Гоголь въ Оптиной пустыни“, loc. cit.

ЖАТВА

РОМАНЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

— Im Zeichen der Ernte. Roman von Friede Frein von Bülow.
Dresden. Carl Reissner. 1904.

I.

Въ этотъ день, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, шелъ дождь, и такъ какъ стояла пора сѣнокоса, графъ Порти очень этимъ огорчался, но работавшіе у него двадцать-четыре крестьянина, которымъ полагалась половина сѣна, отнеслись къ дѣлу равнодушнѣе. Дождь полезенъ для зерна, онъ освѣжитъ воздухъ и обмоетъ пыль; въ эту пору дождь не затягивается надолго. Рѣка Минока, несшая къ морю свои свѣтлыя волны, служила сѣверною границею полямъ и виноградникамъ, принадлежавшимъ къ имѣнію Порти. На разстояніи километра отъ ея устья, у самаго моря находилась вилла Порти, старинный домъ съ запущеннымъ садомъ, гдѣ среди влажныхъ лавровыхъ кустовъ распѣвали соловьи. Непосредственно за его стѣною уже начинались каменные дома приморскаго мѣстечка Санъ-Анджело, имѣвшаго ясно выраженный городской характеръ. Крестьяне жили не здѣсь, а далѣе, преимущественно въ отдѣльныхъ небольшихъ усадьбахъ.

Дождь пересталъ и надъ омытою, блиставшею всѣми своими красками, землею сіяло вечернее солнце.

Граждане Санъ-Анджело имѣли обыкновеніе собираться въ этотъ часъ на маленькомъ, лежавшемъ у моря, дебаркадерѣ, для того, чтобы встрѣтить семичасовой скорый поѣздъ, являвшійся

для нихъ воплощеніемъ „большого свѣта“. За неимѣніемъ чего-либо новаго для созерцанія, они могли, въ крайнемъ случаѣ, поболтать между собою. Какъ древніе римляне собирались по вечерамъ на Пинчіо, такъ граждане Санъ-Анджело — на платформѣ станціи. Поѣздъ запоздалъ на сорокъ минутъ, что на этой дорогѣ вовсе не было рѣдкостью; эгоистическое чудовище экспрессъ, везшій возвращавшихся изъ Индіи англичанъ и ихъ пожитки, прокатилъ сегодня безъ остановокъ прямо до Бриндизи по узкоколейной желѣзной дорогѣ. Онъ обладалъ беззащитчивостью, силою и богатствомъ, а потому все должно было уступать ему дорогу. Публика стояла группами на платформѣ, возвышавшейся надъ моремъ подобно террасѣ. Тутъ были всѣ представители мѣстной молодежи: „контини“ Валеріо Порти, Алессандро Канелла и Артуро Този, олицетворявшіе породу, красоту и богатство.

Валеріо былъ единственнымъ сыномъ графа Маріо и наследникомъ древняго знатнаго рода. Рыжеволосый юноша не могъ назваться красивымъ; гораздо болѣе правъ на красоту имѣла его собака — чистокровный сетеръ-гортонъ, по имени Deagu. Одѣтъ онъ былъ совсѣмъ просто: въ высокихъ сапогахъ, желтомъ нанковомъ сюртукѣ и фуражкѣ съ козырькомъ. Зато Артуро Този, сынъ мѣстнаго набоба, и помощникъ начальника станціи Алессандро Канелла были одѣты элегантно и по модѣ, хотя франтовство ихъ носило провинціальный отпечатокъ. Этотъ цвѣтъ молодежи втайнѣ привлекалъ вниманіе дамъ: ради него онѣ щеголяли своими нарядами и модными прическами, кажушаяся безыскусственность которыхъ стоила имъ столько искусства и труда. Тѣмъ не менѣе, обращеніе барышенъ отличалось большою сдержанностью, ихъ миловидныя кукольныя личики улыбались показною улыбкою, а въ тупомъ, нѣсколько грустномъ взорѣ красивыхъ глазъ читалась вѣковая покорность рабыни, ожидающей своего господина.

Сегодня всѣ старанія мѣстныхъ красавицъ пропали даромъ: у Алессандро Канелла, въ котораго онѣ поголовно были влюблены, не оказывалось глазъ ни для кого, исключая Маріи-Граціаллы, „контессины“ Порти. Марія-Граціалла была такъ же некрасива, какъ ея братъ, и плохо одѣвалась, но она была Марія-Граціалла, и всѣ такъ любили веселую контессину, что даже не завидовали ей. Она болтала и смѣялась съ дѣтьми начальника станціи, которыя со сверкающими глазенками спѣшили повѣдать ей о чудесномъ событіи: сегодня явился какой-то человѣкъ, приведшій съ собою верблюда, двоихъ пляшущихъ медвѣдей и пять обезьянъ.

У Маріи-Граціеллы были вьющіеся рыжіе волосы, некрасивыя черты и прекрасныя глаза. Если бы не безобразный корсетъ, ея маленькую фигурку можно было бы назвать безупречно сложенной и во всѣхъ ея движеніяхъ сказывались живой темпераментъ и порода. Нѣсколько поодаль стояла племянница графа—Віоланта Бульгарини, женщина лѣтъ тридцати-шести, привлекавшая не столько своею, все еще замѣчательною, красотою, сколько одухотвореннымъ выраженіемъ лица и всего своего облика. Віоланта была погружена въ созерцаніе моря, въ которомъ переливалось отраженіе цвѣтовъ радуги; вдаль оно принимало уже молочный зеленовато-синій оттѣнокъ и заканчивалось темною полосою. Въ немъ чувствовалось нѣчто тревожное и загадочное. Оно походило на взоръ человѣка, желающаго казаться спокойнымъ, между тѣмъ какъ въ душѣ у него—буря.

— Синьора Віоланта, я долженъ кое-что передать вамъ,—проговорилъ мягкій мужской голосъ.

Передъ нею стоялъ молодой человѣкъ, просто одѣтый, съ блѣднымъ задумчивымъ лицомъ, Андреа Романи, врачъ. Онъ протягивалъ ей письмо.

— Здравствуйте, докторъ, — ласково сказала Віоланта;—вы опять были сегодня у моихъ друзей?

— Я прямо отъ нихъ. У синьора профессора былъ тяжелый припадокъ астмы. Синьора Луиза очень встревожена.

— Благодарю васъ, — проговорила Віоланта и поспѣшила распечатать письмо пріятельницы.

Письмецо было нѣмецкое.

„Милая Віо, прошу тебя, зайди къ намъ. Горе и тревога истомили меня, я скрываю ихъ отъ Манфреда, но передъ тобою я должна выплакаться, иначе я задохнусь. Пріѣзжай, поддержи меня.—Луиза.

„P.S. Романи былъ очень трогателенъ и добръ“.

Віоланта стала соображать, какъ бы ей попасть къ пріятельницѣ? Уже вечерѣло; они ожидали съ поѣздомъ ея сестру Нину съ дѣтьми, а до виллы Романи, гдѣ жила Луиза Канабихъ—часа полтора ходьбы, да ее и не отпустить вечеромъ одну. Можетъ быть, одинъ изъ рабочихъ графа отвезетъ ее въ телѣжку? Давно уже миновала та пора, когда высокородные графы Порти имѣли собственные экипажи и соотвѣтствующій ихъ положенію выѣздъ.

Только теперь она вспомнила о врачѣ, и обернулась, ожидая его увидѣть, но Андреа уже скрылся. Не обидѣлся ли онъ на ея невниманіе? Онъ обладаетъ какою-то особенною способностью ступевываться.

У берега рыбаки вытаскивали огромную сѣть, и общество, которому наскучило ждать поѣзда, спустилось туда. Стоя въ рядъ пестрою линіей, люди отчетливо вырисовывались на темносинемъ фонѣ моря и небесъ. Разстояніе смягчало рѣзкость красокъ; желтый пиджакъ Валеріо и розовая бумазейная блузка Маріа-Граціэлла казались не менѣе живописными пятнами, чѣмъ изящное платье Терезины Този и красная шелковая рубашечка другой барышни. Разстояніе сглаживало различіе между роскошью и бѣдностью; то и другое одинаково ласкало взоръ, и Віоланта, любившая жизнь и людей, ощущала тихое, безмятежное, чуждое желаній счастье.

Протрубилъ рожокъ, и публика поспѣшила къ платформѣ: издали уже слышалось пыхтѣнье паровоза, но вдругъ раздался рѣзкій свистокъ—и поѣздъ внезапно остановился. На желѣзнодорожномъ мосту преспокойно разгуливали два медвѣдя въ сопровожденіи нѣсколькихъ обезьянъ. Служебный персоналъ тщетно старался удалить ихъ,—звѣри отказывались повиноваться властямъ, и среди общаго смѣха и брани пришлось послать за владѣльцемъ звѣринца, который тѣмъ временемъ водилъ на водопой своего верблюда.

Возвратившемуся съ вокзала семейству Порти приходилось каждую минуту останавливаться. Улицы Санъ-Анджело кишѣли народомъ, повозками, скотомъ; всюду бѣгали дѣти, двигались везомыя ослами высокія, пестро раскрашенные телѣжки, нагруженныя корзинами съ коконами. Промчался автомобиль, принадлежавшій маркизу Пассеро.

Горожане почтительно давали дорогу графскому семейству, но встрѣчалось столько знакомыхъ, что ежесекундно приходилось раскланиваться и останавливаться; всѣ выражали свое удовольствіе при видѣ „синьорины Нины“, какъ ее еще называли по старой памяти, и ея дѣтей.

Нина Каресса, сестра Віоланты, была замужемъ за бывшимъ берсальеромъ, нынѣ—синдикомъ ближайшаго епископальнаго города Лермо. На время купальнаго сезона онъ всегда отсылалъ жену съ дѣтьми къ ея роднымъ, которымъ она платила за свое содержаніе.

Съ веселою бѣлокурою Нипой и ея шаловливыми дѣтьми домъ оживлялся и молодѣлъ; особенно радовалась ихъ пріѣзду Марія-Граціэлла, не устававшая тормошить, цѣловать и разспрашивать своихъ племянниковъ.

Віоланта зашла за письмами на почту, помѣшавшуюся въ здавіи магистрата; ей встрѣтился въ дверяхъ маркизъ Пассеро.

худощавый, плохо одѣтый брюнетъ, приподнявшій - было передъ нею шляпу, но тутъ же вспомнившій, что члены семьи Порти уже не кланяются съ нимъ.

Большинство писемъ были дѣловыя, но одно оказалось на имя графини Бульгарини. Віоланта почти ждала его. На губахъ ея заиграла тихая, счастливая улыбка. Привѣтливо поблагодаривъ почтоваго чиновника, она вышла и дорогою пробѣжала глазами письмо.

„Моя обожаемая Віоланта.

„Почему ты колеблешься и сомнѣваешься? Почему такъ холодно относишься къ моей пылкой любви? Повѣрь мнѣ, я сумѣю побѣдить твое сопротивленіе. Никогда я такъ сильно не чувствовалъ, до какой степени ты необходима мнѣ. Я хочу увидать тебя и увижу. Изъ-за тебя я вернулся въ Италію, которая безъ тебя — мертва для меня. Изъ-за тебя я живу въ Лермо въ старомъ домѣ, невыносимомъ для меня, такъ какъ онъ полонъ воспоминаніями о тебѣ, а тебя самой со мною нѣтъ. Я побывалъ и у моихъ родителей въ Роккаричѣ, хотя роль кающагося грѣшника, Танигейзера — совсѣмъ не по мнѣ. Особенно меня возмущаетъ прямолинейная добродѣтель моей *belle-soeur*. Ты — другое дѣло. Ахъ, *saga mia*, скажи мнѣ: почему добродѣтель такъ невыносима? Только не въ тебѣ! Какъ я томился по тебѣ нынѣшнюю безпутною зимой въ Парижѣ! По твоей чистотѣ, по твоей неподдѣльности! Въ этомъ Вавилонѣ — сплошная утонченная извращенность. Сначала она имѣетъ свою остроту, кажется пикантною, но затѣмъ наполняетъ душу отвращеніемъ. Въ природѣ нѣтъ мира, а ты — одухотворенная природа. Я жажду тебя, какъ воздуха, и только вѣра въ твою доброту спасла меня отъ окончательнаго паденія. Не отнимай ее у меня, Віолантина! Я не дерзаю явиться въ домъ твоего дяди, но я сумѣю тебя найти, хотя бы мнѣ пришлось подстергать тебя въ теченіе недѣль.

„Твой вѣрный и преданный слуга

„Бонавентура“.

Віоланта скомкала письмо въ рукѣ; лицо ея стало очень серьезно, губы вздрагивали, а въ движеніяхъ головы и плечъ сказывалось нѣчто, похожее на слабый протестъ. Она не могла радоваться тому, что читала, и сожалѣла о своемъ равнодушіи. Въ данную минуту онъ дѣйствительно такъ чувствовалъ, но его чувства были растеніями безъ корней, и первый встрѣчный вѣтерокъ развѣетъ ихъ безъ слѣда. Можно ли было положиться на подобныя увѣренія? Настроеніе! Одно настроеніе! Бонавентура напоминалъ Эолову арфу, откликающуюся на малѣйшее ду-

новеніе. Горе и слезы научили ее цѣнить по достоинству его клятвы. Теперь ей предстоитъ свиданіе, котораго она вовсе не желаетъ, но она знаетъ, что не можетъ избѣжать его. Положимъ, она завтра же можетъ уѣхать отсюда съ первымъ поѣздомъ, но это вызоветъ общее удивленіе, разспросы, и, наконецъ, что можетъ ей грозить со стороны Бонавентуры? Если онъ такъ настоятельно желаетъ видѣть ее,—она исполнить его желаніе. Когда-то страсть сжигала ее, а теперь этотъ огонь настолько угасъ, что она съ трудомъ могла воскресить его въ памяти.

„Думается, что не переживешь этого, а теперь гдѣ оно?“ — мелькнуло у нея въ мысляхъ.

Она медленно шла съ широко раскрытыми, но ничего не видѣвшими глазами, и машинально остановилась у открытыхъ воротъ виллы. Арриго и Давидъ, сыновья садовника Сакрипанти, смуглые, стройные и прекрасные какъ греческіе боги, таскали багажъ. У подножія каменной лѣстницы, ведшей на террасу верхняго этажа, стоялъ, окруженный внуками и домочадцами, графъ Маріо Порти.

„Настоящая твердыня на скалѣ!“ — подумала Віоланта, очень любившая дядю, бывшаго для нея вторымъ отцомъ.

Графъ Маріо обладалъ выправкою нѣмецкаго солдата; въ немъ чувствовалось нѣчто желѣзное, несокрушимое; чрезмѣрная живость и болтливость итальянцевъ не только были ему чужды, но даже антипатичны. Болѣе всего онъ цѣнилъ твердость характера и энергію. Віолантѣ вспомнилось, что онъ одинъ предостерегалъ ее противъ брака съ Бонавентурою, тогда какъ въ глазахъ прочихъ бракъ этотъ былъ блестящею партіей. Онъ сказалъ ей: — Не совѣтую тебѣ выходить за него,—онъ лишенъ устойчивости характера.

Разумѣется, она не послушала его; если бы самъ Господь Богъ проклялъ Бонавентуру Бульгарини, она все же послѣдовала бы за нимъ. Въ то время она слѣпо любила его.

II.

Телѣжка—подобіе кабріолета, которою воспользовалась Віоланта для поѣздки на виллу Романи,—не имѣла и отдаленнаго сходства съ господскимъ экипажемъ. Лошадь была куплена графомъ, но кормилъ ее садовникъ, и она служила имъ обоимъ для хозяйственныхъ цѣлей.

— Давидъ и Арриго подрались между собою изъ-за того, кто

повезетъ тебя,—сказалъ, ухмыляясь, Сакрипанти, занявъ мѣсто рядомъ съ Віолантою на узкомъ и жесткомъ сидѣннѣ:—оба добивались этой чести; ну, вотъ я и разрѣшилъ ихъ споръ. „Дѣти мои“, сказалъ я имъ, „каждый изъ васъ хочетъ везти синьору, а такъ какъ это невозможно, то повезу ее я самъ“.

— Ты настоящій, Соломонъ, Кирики,—отвѣтила, смѣясь, Віоланта. Садовника всѣ звали этимъ именемъ, хотя никто и даже онъ самъ не знали, почему онъ сталъ такъ называться?

Луна высоко стояла на небѣ, заливая своимъ кроткимъ блѣднымъ сіяніемъ дремлющую землю. Чудная іюньская ночь была насыщена благоуханіемъ сѣна и зрѣющихъ колосьевъ; на изгородяхъ и въ кустахъ сверкали свѣтляки. Телѣжка подвигалась медленно, лошадь не принадлежала къ числу рысаковъ; дорога шла вдоль берега моря; черное, неподвижное—оно словно повисло въ глубокомъ снѣ, и на поверхности его трепетала сѣтъ изъ лунныхъ лучей. Направо возвышалась скала, очертанія которой напоминали гигантскій профиль Данте. По временамъ изъ нея падалъ въ сумракъ ночи исполинскій снопъ красныхъ или зеленыхъ свѣтовыхъ лучей. Это былъ вращающійся фонарь маяка. Позади башни маяка съ профилемъ Данте, среди живописной гористой мѣстности, находилась знаменитая когда-то вилла Романи, принадлежавшая знатной, теперь окончательно разорившейся семьѣ. Графъ Джироламо, спустившій остатки отцовскаго достоянія, служилъ теперь въ кучерахъ въ Туринѣ, а младшій братъ его Андреа, изучившій медицину, былъ скромнымъ деревенскимъ врачомъ. Таковъ былъ конецъ не одной фамиліи Романи, но и многихъ знатныхъ фамилій въ окрестностяхъ. Вилла Романи была назначена къ продажѣ, но покупателей не находилось, и когда Віоланта узнала, что мужу ея подруги, профессору Канабиху, врачи предписали провести нѣсколько мѣсяцевъ на югѣ, она предложила имъ нанять эту виллу.

— Твоя лошадь такъ плетется, Кирики, что заснуть можно,—сказала Віоланта.

— Что-жъ? И засни!—благодарно отозвался Сакрипанти:—сонъ—даръ Пресвятой Мадонны, нельзя хулить его.

Они подъѣхали къ красивому дому во вкусѣ рококо, служившему въ прежнія времена жилищемъ привратнику; во дворѣ слышалось журчаніе фонтана, падавшего въ живописный каменный бассейнъ. Днемъ тутъ замѣчались грязь и запустѣніе; почва была изрыта копытами ословъ и лошадей, которыхъ водили сюда на водопой, но при лунномъ свѣтѣ, окруженный пиніями и кипарисами, этотъ фонтанъ казался волшебною грезой.

Сакрипанти вызвалъ жену садовника, которая предложила проводить графиню по кипарисовой аллеѣ къ замку; въ нѣкоторыхъ окнахъ его еще свѣтился огонь. Луиза Канабихъ сама отворила имъ. Она стояла въ дверяхъ, заслоня лѣвою рукою колеблющееся пламя стариннаго римскаго свѣтильника съ тремя рожками, который она держала въ правой рукѣ. Этотъ свѣтильникъ гармонировалъ со всѣмъ обликомъ Луизы, одѣтой въ мягкую бѣлую шерстяную ткань, ниспадавшую вокругъ нея свободными складками. Освѣщеніе было невыгодно для ея лица, но заслонившая пламя тонкая рука казалась прозрачно-розовой.

— Какъ ты добра! — тихо произнесла Луиза, цѣлуя пріятельницу. Когда, пройдя по узкой галереѣ, онѣ остановились въ освѣщенной лампою комнатѣ, Віоланта замѣтила, что глаза Луизы распухли и покраснѣли отъ слезъ.

— Какъ ты тревожишься, саріна! — проговорила она.

— Сердце мое разрывается, — отвѣтила Луиза дрожащимъ голосомъ.

— При видѣ его страданій?

— Отъ страха его потерять, и потерять — по моей винѣ. Ты знаешь, какъ долго я не рѣшалась выйти за него! Я люблю его, но я слишкомъ цѣнила мою свободу и мою музыку; я не подозрѣвала, какъ мои колебанія дѣйствуютъ на него, покуда другъ его, врачъ, не открылъ мнѣ, что я убиваю Манфреда. Уже тогда страдавшаго болѣзнью сердца. И онъ самъ зналъ это. зналъ и молчалъ, скрывая отъ меня правду. А теперь, Віо, я отдала бы все на свѣтъ для того, чтобы вернуть ему здоровье. Вообще, я никогда не думала, что я способна на такую любовь.

Она говорила возбужденно, но упавшимъ отъ утомленія голосомъ.

— Онъ спитъ?

— Да, послѣ впрыскиванія морфіемъ.

Віоланта и Луиза цѣлые годы прожили вмѣстѣ заграницею, главнымъ образомъ — въ Германіи, и Віоланта вернулась домой уже послѣ того какъ пріятельница ея отдала свое сердце молодому ученому.

Въ эту ночь Луиза не уставала говорить о счастіи и мукахъ своей любви; это была старая, хорошо знакомая Віолантѣ пѣсня о вѣчной тревогѣ, постоянный переходъ отъ восторга къ тоскѣ, но теперь она звучала въ ея ушахъ какъ шорохъ лѣса; сама она уже не стремилась ни къ чему подобному: оно скорѣе пугало ее. Порою обѣ онѣ смолкали, и тогда въ обширномъ покоѣ наступала жуткая тишина. Двери длинной амфилады комнатъ

были отворены, и лунные лучи играли на мозаичномъ полу и расписномъ потолкѣ. Изъ оконъ вливалось благоуханіе цвѣтовъ и запахъ сѣна, но, тѣмъ не менѣе, отъ старыхъ стѣнъ Casa Romani вѣяло сыростью и могильнымъ запустѣніемъ. Издали донесся крикъ совы; Луиза вздрогнула и поднялась.

— Уже поздно. Пойду взглянуть на Манфреда, а затѣмъ позабочусь о твоёмъ ночлегѣ.

Луиза двинулась къ двери; она не шла, а словно скользила въ своей легкой одеждѣ, не стѣснявшей ея движеній, походка ея была совершенно безшумна, такъ какъ лѣтомъ она ходила въ домѣ и въ саду босикомъ.

Вторичный рѣзкій крикъ совы разбудилъ Віоланту, уже начинавшую дремать въ своёмъ креслѣ; она потянулась и зѣвнула, но вдругъ въ концѣ амфилады ей почудилась чья-то бѣлая фигура. Віоланта вскочила. Не былъ ли это призракъ кого-нибудь изъ Романи? Таинственная фигура приближалась, и теперь можно было убѣдиться, что она далеко не безтѣлесна. Это была полная маленькая женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, съ густыми, распушенными по плечамъ бѣлокурыми волосами и краснымъ лицомъ сѣвернаго типа. Ея сѣро-голубые глазки, буквально, искрились и впивались въ лицо Віоланты.

— Vous parlez vous français? — освѣдомилась она на плохомъ французскомъ языкѣ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжала:

— Madame, я не знаю—кто вы, но, судя по вашему лицу, вы должны быть особою хорошаго происхожденія и воспитанія. Я никогда не ошибаюсь. Меня зовутъ Анастасія Канкринъ: я—та несчастная, преслѣдуемая, оклеветанная женщина, о которой вы, конечно, слышали?

Г-жа Канкринъ схватила Віоланту за руку; стеаринъ свѣчи, которую она криво держала, капалъ на ея платье и мозаичный полъ.

— Скажите мнѣ правду: проходилъ черезъ эту комнату мужчина?

— Нѣтъ.

— Но онъ долженъ былъ пройти! Неужели вы, дѣйствительно, ничего не видали? Или вы спали?

— Кажется, я задремала на нѣсколько минутъ, — созналась Віоланта.

— Вотъ видите! Я никогда не ошибаюсь.

— Но въ домѣ нѣтъ никакихъ мужчинъ, за исключеніемъ Николо, управляющаго, и профессора Канабиха, который лежитъ больной.

Анастасія рѣзко разсмѣялась.

— Это былъ онъ—мой преслѣдователь! Онъ всюду преслѣдуетъ меня,—нигдѣ нѣтъ мнѣ отъ него спасенія...

— Но за что же?

— И сама не знаю. Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, я бѣдна и никому на свѣтѣ не сдѣлала зла. Не понимаю: чѣмъ вызвано подобное преслѣдованіе? Никто не можетъ мнѣ этого объяснить.

— Это все нервы, вамъ слѣдовало бы полечиться,—сострадательно промолвила Віоланта.

Въ сѣрыхъ глазахъ Анастасіи немедленно появилось недовѣрчивое выраженіе; она сразу замкнулась въ себѣ и сухо проговорила:

— Благодарю васъ.. Дѣло не въ леченіи. Но такъ относятся ко мнѣ уже не впервые: дѣлаютъ видъ, что не вѣрятъ мнѣ... Оказывается, что деньгами всѣхъ можно подкупить... И ты допускаешь это, о справедливый Боже!

Несчастная отвернулась отъ Віоланты и убижала такъ же поспѣшно, какъ и явилась. Віоланта со страхомъ глядѣла ей вслѣдъ, и вздрогнула, когда Луиза положила ей руку на плече.

— Она напугала тебя?

— Да, она вродѣ помѣшанной.

— Я забыла предупредить тебя,—я думала, что она уже давно спитъ. Тетя Анастасія страдаетъ маніей преслѣдованія, и я пригласила ее на лѣто къ себѣ, такъ какъ никто не хочетъ брать ее. Мнѣ казалось,—прибавила она со слабою улыбкою,—что это принесетъ намъ счастье. Ну, а теперь, бѣдняжка Віо, пора тебѣ въ постель.

III.

Когда на слѣдующее утро солнце выплыло изъ-за волнъ Адриатикѣ, оно застало народъ за работою. Рыбаки уже выѣхали на ловлю, прачки колотили бѣлье валькомъ на берегу Миноки, крестьяне ворошили сѣно.

Контессина Марія-Граціелла отплыла далеко отъ берега въ своемъ черномъ, болѣе цѣломудренномъ, нежели элегантномъ купальномъ костюмѣ; Нина съ дѣтьми еще покоилась глубокимъ сномъ, а графъ Порти, сидя въ своей конторѣ въ нижнемъ этажѣ, окна которой были снабжены художественной работы рѣшетками, высчитывалъ барыши отъ продажи лавровыхъ листьевъ. Доходъ оказывался больше прошлагодняго, и глаза его сверкали удовольствіемъ. Графъ взвалилъ на свои старыя плечи по истинѣ Геркулесовъ трудъ, взявъ на себя управленіе имѣніемъ. Не имѣя

ни нужной для этого подготовки, ни хозяйственного опыта, онъ положился исключительно на свою энергію и дрожалъ при мысли о возможности неудачи. Если бы ему удалось, несмотря на бремя долговъ и высокіе проценты, спасти, удержать за собою старый домъ—ихъ родовое владѣніе!

Около восьми часовъ утра Віоланта Бульгарини направилась домой. Луиза провожала ее. На профессоршѣ была широкополая кружевная шляпа, на ногахъ—свѣтлосѣрыя лакированныя сандалии, и она могла назваться по истинѣ очаровательнымъ созданіемъ, но ея внѣшность была столь необычайна въ этой странѣ, что прохожіе останавливались при встрѣчѣ съ нею, и Віоланта краснѣла отъ ихъ замѣчаній.

Свѣжій вѣтерокъ подулъ съ моря, смѣшиваясь съ благоуханіями, несшимися съ полей. Віоланта восхищалась свѣжестью утра.

— Но это не даетъ понятія о божественной свѣжести утра на сѣверѣ,—сказала Луиза.

— У тебя тоска по родинѣ?

— Иногда, но я скрываю ее отъ Манфреда.

Профессоръ хорошо провелъ ночь и чувствовалъ себя поутру гораздо лучше. Ночью Луиза ни о чемъ не могла думать, кромѣ своего мужа; сегодня она съ полнымъ сочувствіемъ слушала свою пріятельницу, рассказывавшую ей о томъ, что Бонавентура ежедневно пишетъ ей и умоляетъ ее о свиданіи. Онъ ѣздилъ къ своимъ родителямъ въ Монтальтино.

— Это вашъ герцогскій замокъ въ Абрुццахъ, не такъ ли?

Віоланта улыбнулась.—Нашъ, говоришь ты? Я не имѣю къ нему никакого отношенія, даже Бонавентура не наследуетъ ни титула, ни замка,—они переходятъ къ старшему его брату.

— Ты все еще ему не простила?

— Давно. Мы обмѣнялись множествомъ писемъ; я для него—самый вѣрный, самый преданный другъ, сестра, если хочешь...—Она оборвала, дивясь своему волненію.

— Ты не желаешь только быть его женою?

— Нѣтъ, и онъ самъ не захотѣлъ бы этого. Его измѣна, принесшая мнѣ столько горя, изгнавшая меня изъ дому,—не была единственной. Я поняла, что это порханіе отъ одной женщины къ другой—потребность его натуры. Для него вся прелесть—въ новизнѣ. Но видѣть это собственными глазами? Нѣтъ! Лучше—монастырь, лучше—смерть...

— Но ты не умерла и не пошла въ монастырь, что дѣлаетъ тебѣ честь.

— Я съ теченіемъ времени успокоилась и наслаждаюсь жизнью—быть можетъ, въ болѣе чистомъ и лучшемъ смыслѣ слова, чѣмъ прежде. Меня уже не тянетъ въ „бурю страсти“. Все это осталось далеко позади. Скажу болѣе: меня страшитъ моя собственная холодность. Между тѣмъ его письма становятся все настоятельнѣе...

— Ты должна съ нимъ повидаться, — съ живостью сказала Луиза.—Радуйся, что жизнь призываетъ тебя. Быть можетъ, ты еще будешь счастлива.

— Какъ это возможно?—Виоланта покачала головою: — онъ приносить всѣмъ одно несчастье. Я купила душевный миръ дорогою цѣною, и боюсь рисковать имъ.

— Значить, ты не довѣряешь этому миру?

Виоланта нервно играла вѣеромъ, висѣвшимъ у нея на пѣпочкѣ; она смотрѣла внизъ, на свои ботинки изъ свѣтло-желтой лакированной кожи. Луиза ее не понимала, да и она сама не понимала себя. Она хотѣла и не хотѣла, и къ смутному влеченію примѣшивался тайный ужасъ. Самое лучшее—отдаться во власть самой жизни, какъ во время купанья отдаешься волнѣ: куда-нибудь да вынесетъ.

Когда пріятельницы уже подходили къ границѣ графскихъ владѣній, Виоланта замѣтила слѣдовавшую за ними толстую блѣдую фигуру, и Луиза объяснила, что тетя Анастасія постоянно сопровождаетъ ее: она увѣрена, что все происходящее вокругъ имѣетъ прямое или косвенное къ ней отношеніе, и потому ей слѣдуетъ быть постоянно насторожѣ.

— Она боится преслѣдованія, и выходитъ въ концѣ концовъ, что она сама всѣхъ преслѣдуетъ,—замѣтила Виоланта, прощаясь съ пріятельницею.

Семейство Порти уже сидѣло за завтракомъ въ громадной восьмиугольной, выходящей на террасу, залѣ, когда-то блиставшей роскошнымъ убранствомъ, а теперь — голой и обобранной. Скатерть была изъ грубаго холста, приборы оловянные съ деревянными ручками, а за столомъ прислуживала дочь Сакрипанти, неряшливая дѣвица въ веснушкахъ, со спутанными рыжими косами.

Старый графъ сидѣлъ между своими племянницами: Ниною Каресса и Виолантою Бульгарини; рядомъ съ капелланомъ донъ-Антоніо помѣщалась сестра графа, тетка Аврора, далѣе — Валеріо, Марія-Граціалла, дѣти Нины. За стуломъ Валеріо лежала Деагу; по обѣимъ сторонамъ его сестры сидѣли два черныхъ кота, которымъ она потихоньку бросала кусочки.

Графъ казался очень усталымъ,—онъ съ утра наблюдалъ за

уборкою сѣна, и мысли его вращались вокругъ прессовки, различныхъ способовъ осушенія и орошенія, качества травъ, а главное — безконечныхъ вычисленій. Правда, онъ охотно подѣлился бы своими соображеніями съ сыномъ, но тотъ не только не интересовался ими, но относился къ нимъ прямо враждебно. Валеріо, въ качествѣ наслѣдника знатнаго имени, чувствовалъ себя созданнымъ для широкой барской жизни, и видъ отца, трудящагося какъ простой поденщикъ, — оскорблялъ его аристократическое чувство. Графъ Маріо желалъ въ свою очередь, чтобы сынъ помогалъ ему управлять имѣніемъ, и для того, чтобы принудить его къ этому, онъ не давалъ ему на руки никакихъ денегъ. Ихъ отношенія были такъ натянуты, что они даже не обращались непосредственно другъ къ другу.

— Марія-Граціэлла, скажи графу, что я ѣду сегодня въ городъ, — сказалъ Валеріо, и сестра повторила его слова, хотя отецъ самъ могъ слышать ихъ, но сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на нихъ вниманія. Про себя же онъ подумалъ, что Валеріо навѣрное выманилъ деньги у слабохарактерной Нины и ѣдетъ въ городъ, чтобы растратить ихъ.

Всегда такая веселая и разговорчивая, Марія-Граціэлла сидѣла сегодня блѣдная и нѣмая. Молодая дѣвушка пережила утромъ цѣлую драму. Братъ ея въ самыхъ высокомерныхъ выраженіяхъ отказалъ отъ дому Алессандро Канеллѣ, узнавъ о его намѣреніи сдѣлать предложеніе контессинѣ Порти. Марія-Граціэлла подошла къ концу ихъ объясненія; она ничего не подозревала, но при видѣ блѣднаго лица своего поклонника, съ ледяною холодною приподнявшаго передъ нею шляпу, она сама поблѣднѣла и какъ-то съежилась, подобно молодой почкѣ, которуюхватило морозомъ. Бывшая съ нею Нина спросила Валеріо: что случилось? И тотъ отвѣтилъ съ побѣдоноснымъ видомъ, что онъ указалъ „зазнавшемуся плебею“ его мѣсто. Сама Нина давно утратила сознание различія между патриціями и плебеями, но съ обычною рабскою покорностью итальянской женщины она не рѣшилась высказать своихъ соображеній. И Марія-Граціэлла, изъ чувства той же покорности, смѣшанной съ гордостью, не позволявшей ей показывать свои ощущенія, постаралась принять беззаботный видъ и даже вбѣжала въ столовую, напѣвая пѣсенку. Но тутъ она почувствовала, что не можетъ проглотить ни куска, и обращалась исключительно къ дѣтямъ Нины, о которыхъ заботилась, какъ мать.

— Милый дядя, — ласково сказала Віоланта, — вы кажетесь сегодня очень утомленнымъ. Вы слишкомъ много работаете.

— Мы, мужчины, на то и созданы, чтобы работать,—рѣзко отвѣтилъ графъ;—кто ничего не дѣлаетъ, тотъ не имѣетъ права на существованіе.

Валеріо упрямо смотрѣлъ на свою жареную рыбу, понимая, къ кому относится этотъ намекъ.

— А все-таки вы мнѣ общайте отдохнуть часа два послѣ завтрака,—настаивала Віоланта.

— Мнѣ нужно быть сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ,—вздыхнулъ графъ.—Еслибы я былъ лѣтъ на двадцать моложе! Тогда не нужно было бы рассчитывать и беречь свои силы. Я былъ словно изъ стали. Но съ годами старѣешься... Теперь уже не то.

— Я люблю старость,—сказала Віоланта:—человѣкъ становится мудрымъ и спокойнымъ. Онъ смотритъ на жизнь словно съ вершины высокой горы и радуется вѣдру и дождю. Только не нужно работать сверхъ силъ.

— Никто не станетъ работать за меня,—сказалъ графъ, метнувъ въ сторону сына холодный взглядъ.—Я желаю спасти хотя отчасти наслѣдіе моихъ дѣтей, которыя, конечно, не благодарятъ меня.

— Отецъ!—воскликнула съ укоромъ Марія-Граціэлла, натянутые нервы которой не выдержали. Глаза ея наполнились слезами и она вся дрожала отъ волненія.

— Дядя Маріо,—воскликнула Нина,—вы настоящій варваръ! Развѣ Граціэлла—не любящая дочь?

— Таковъ уже законъ природы, что отцы живутъ для дѣтей, а дѣти—для самихъ себя; дочери стремятся уйти изъ дому съ первымъ встрѣчнымъ, а сыновья—поскорѣ наслѣдовать отцу, чтобы зажить на полной своей волѣ.

Валеріо молча пожалъ плечами, а Марія-Граціэлла глотала слезы. Нина поспѣшила произвести диверсію и рассказала нѣсколько новостей изъ городской жизни. Когда рыжая Марія поставила на столъ десертъ, состоявшій изъ вишень и сливъ, молодая дѣвушка молча поднялась и вышла изъ комнаты, провожаемая удивленнымъ взглядомъ строгихъ голубыхъ глазъ отца. Не зная о случившемся, онъ недоумѣвалъ: чѣмъ онъ могъ такъ обидѣть ее?

Віоланта нашла кухню въ ея комнатѣ. Граціэлла обливала слезами портретъ матери въ старенькой рамѣ и цѣловала его дрожащими губами.

— Carina,—ласково проговорила Віоланта, привлекая ее къ себѣ,—carina!

Граціэлла еще сильнѣе расплакалась. Если бы ея мать была жива!

— Въ чемъ дѣло? Вѣдь ты имѣешь ко мнѣ хоть крошечку довѣрія?

— Къ тебѣ, моя красавица? Не знаю, за что ты любишь меня. Чтò я такое? Безобразное упрямое созданіе!

— Ты—настоящая дочь твоего отца.

Віоланта посадила ее къ себѣ на колѣни, какъ маленькаго ребенка, и вытерла своимъ платкомъ ея воспаленные глаза и красный горячій носикъ. Граціэлла продолжала жаловаться на женскую долю. Выйти замужъ—все же лучше, но суть въ томъ—за кого выйти? Хорошо, если мужъ окажется порядочнымъ человекомъ. Ея сестра Венеранда бѣдствуетъ съ дѣтьми, у Анжелины совсѣмъ нѣтъ дѣтей, и потому родные мужа и онъ самъ презираютъ ее.

— А ты никого не любишь?

— Нѣтъ,—она упрямо мотнула головкой;—а еслибы и любила—постаралась бы заглушить эту любовь. Поставить на своемъ? А чѣмъ это кончится? Вотъ бѣдная Маргарита Фіори вышла противъ воли родныхъ за маркиза Пассеро, а теперь онъ ее колотитъ. Нина, наоборотъ, совсѣмъ не была влюблена въ Оттавіо Каресса, но отецъ считалъ его честнымъ человекомъ и оказался правъ: Нина, все-таки, счастливѣе остальныхъ.

— Но у тебя есть женихъ, заслужившій одобреніе дяди.

— Орlando Семираки?—Граціэлла расхохоталась:—онъ похожъ со своею черной бородою и большими глазами на восковую парикмахерскую куклу. Лучше пойти въ монахини.

— Ты не создана для монашеской жизни, Граціэллина,—твои силы пригодятся для жизни.

— А на чтò мы въ сущности употребляемъ эти силы? Повинуемся мужчинамъ, ходимъ за дѣтьми, заказываемъ себѣ платья...

Простота, съ которою Марія-Граціэлла всегда ставила подобные вопросы, порою смущала Віоланту. Могла ли она проповѣдовать борьбу противъ цѣлаго уклада жизни?

Приходъ портнихи, особы очень популярной въ Санъ-Анджело, гдѣ она исполняла кстати обязанности акушерки, прервалъ ихъ бесѣду, и Марія-Граціэлла, забывъ о своей печали, послала за Ниню, прося ее принести модныя картинки.

Віоланта, пройдя амфиладою наполовину пустыхъ комнатъ, поднялась къ себѣ и вышла на балконъ. Въ саду дѣти Нины играли съ собакою, а Валеріо налаживалъ свой велосипедъ. Рядомъ съ нимъ стояла бѣлокурая, черезчуръ стройная Нина, до-

бродою которой онъ злоупотреблялъ и презиралъ ее за это. „У кого рабская душа—съ тѣмъ и надо обращаться какъ съ рабомъ“,—говаривалъ онъ.

Віоланта заглядѣлась на море, отливавшее золотомъ въ полуденныхъ лучахъ. Бѣлый парусъ казался крыломъ чайки; надъ волнами и землею лежали тишина и ослѣпительное сіяніе полудня.

Віоланта не думала ни о пессимизмѣ Граціэллы, ни о слабости Нины и жесткости Валеріо; она думала о Бонавентурѣ Бульгарини.

Нина видѣла его вмѣстѣ съ маркизомъ Пассеро, и это тревожило ее. *Dis moi, qui tu hantes,—je te dirai, qui tu es...* Неужели онъ могъ сойтись съ подобнымъ человѣкомъ? Маркизь пользовался самою дурной репутаціей: онъ былъ пьяница, игрокъ и развратникъ, морившій голодомъ жену, низведенную имъ до степени служанки и страдавшую отъ его побоевъ. Какую цѣну могла она придавать его дружбѣ, если онъ дружилъ съ подобнымъ человѣкомъ?

— Ты ѣдешь въ Лермо?—спросила Віоланта, перегибаясь черезъ рѣшетку.

— Да. А ты?—Онъ поднималъ голову, и по глазамъ его она увидѣла, что онъ *знаетъ*.

— Нѣтъ, мой велосипедъ не въ порядкѣ.

— Опять? Я завтра осматрю его.

— Благодарю. Счастливаго пути.

— Счастливо оставаться!—отвѣтилъ онъ, и въ тонѣ его голоса она опять уловила какую-то затаенную мысль.

IV.

Віоланта осталась вѣрна своему намѣренію—не выходить весь этотъ день изъ дому. На слѣдующій день къ вечеру она рѣшила навѣстить страдавшую ревматизмомъ жену одного изъ арендаторовъ дяди, Паулону, истеричную женщину, всегда бывавшую жертвою различныхъ бѣдствій. Віоланта стала подниматься крутою, шедшею среди виноградниковъ тропинкою; отсюда открывался дивный видъ на море и далекія линіи холмовъ. Она придерживала рукою шлейфъ темнаго платья, и вся она—нѣжная и благородная, съ тонкими, говорившими о страданіи и побѣдѣ надъ собою чертами—словно составляла часть этого задумчиваго и живописнаго ландшафта.

Она шла въ глубокомъ раздумьи. Съ нѣкоторыхъ поръ у нея было такое ощущеніе, какъ будто она стоитъ на поворотѣ. Это было смутное ожиданіе, и она почти боялась озарить его лучомъ размышленія. Она спокойно шла навстрѣчу къ тому, что должно случиться.

Позади нея слышались шаги, на которые она не обратила вниманія. Они ускорились.

— Віоланта! Віолантина!

Это былъ его голосъ.

На секунду она была потрясена, но затѣмъ наступило успокоеніе, и она съ дружескою улыбкою протянула ему руку.

— Я счастливъ, что встрѣтилъ тебя сегодня, но, все равно, это случилось бы завтра или послѣ-завтра,—душа моя такъ звала тебя, что ты должна была придти. Развѣ ты этого не чувствовала каждую минуту?

Она почти не слушала словъ, она не переставала смотрѣть на него. Какъ онъ постарѣлъ! Онъ держалъ шляпу въ рукѣ, и она могла видѣть, какъ онъ облысѣлъ. Это измѣняло его еще болѣе, чѣмъ рѣзкія линіи морщинъ вокругъ рта и глазъ, синева и мѣшки подъ глазами. Ему было сорокъ лѣтъ, и онъ казался даже старше. Она замѣтила это, но не ощутила сожалѣнія.

— Бонавентура!—проговорила она медленно, какъ бы про себя. Ей хотѣлось согласовать знакомое старое имя съ этимъ новымъ для нея обликомъ.

— Ты совсѣмъ не перемѣнилась. Ты все такая же красавица.

Она невольно покраснѣла и подумала: зачѣмъ онъ такъ грубо лжетъ? Но нѣтъ, онъ не лжетъ, онъ просто такъ чувствуетъ въ данную минуту. Голосъ его не утратилъ своей способности—ласкать, а глаза—восхищаться, и подъ обаяніемъ этого голоса и взора исчезло то незнакомое, что поразило ее въ первую минуту, и она увидѣла передъ собою прежняго Бонавентуру.

Онъ заговорилъ о томъ, какъ давно-давно онъ не видалъ ее. Безъ нея онъ блуждалъ въ пустынѣ. Еслибы она не бросила его, онъ, быть можетъ, не сбился бы съ пути. Она была единственнымъ свѣточемъ его жизни, и когда въ душѣ его поднималось глубокое презрѣніе къ людямъ, онъ говорилъ себѣ: „Есть еще на свѣтѣ Віоланта Порти!“

Она, опустивъ голову, шла рядомъ съ нимъ, внимая не словамъ, а мелодіи его голоса, и теперь она поняла свое равнодушіе къ его письмамъ, какъ бы краснорѣчивы ни были они: очарованіе заключалось въ мягкомъ, глубокомъ, полномъ страсти

звукъ его голоса. Но она не была расположена настраивать себя на сентиментальный ладъ, а потому, когда онъ замолокъ, она спросила его: неужели онъ пришелъ сюда изъ Лермо пѣшкомъ?

Онъ былъ нѣсколько пораженъ, но отвѣтилъ въ ея тонѣ, что онъ со вчерашняго дня находится у маркиза Пассеро.

— Ты дружишь съ этимъ негодяемъ?

— Онъ ни хуже, ни лучше другихъ.

— Нѣтъ, онъ негодяй, который дурно обращается съ женою.

— Таковъ бракъ. Или мужъ дурно обращается съ женою, или жена съ мужемъ, а въ общемъ это—отношенія господина и раба.

Виоланта возразила ему, что существуютъ и счастливыя супружества: бракъ ея отца и матери, дяди Маріо, ея сестры Нины, наконецъ.

— Да, но это потому, что женщина совершенно отреклась въ нихъ отъ всякой самостоятельности.

— Я знаю бракъ другого рода: моей пріятельницы Луизы.

— Эта нѣмка, вышедшая за профессора—какъ, бишь, его? Судя по твоимъ письмамъ, у нея сильная душа. Вѣроятно, первенствующая роль принадлежитъ ей.

Она посмотрѣла на него сбоку. Неужели онъ считаетъ невозможнымъ равенство въ бракѣ?

— Кто-нибудь долженъ господствовать. Даже у республики бываетъ лишь одинъ глава.

— Но можно подчиниться только тому, въ кого вѣришь и кого уважаешь.

Онъ отвѣтилъ самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Я и подчиняюсь тамъ, гдѣ вѣрую и уважаю.

Этими словами онъ словно положилъ свою душу къ ея ногамъ. Они растопили образовавшуюся вокругъ ея сердца ледяную броню, и въ ней снова забила ключомъ радость бытія. Она сразу почувствовала себя молодой и счастливой, и эта свѣтлая радость была такъ сильна, что она начала шутить и смѣяться, дразнить его разными прежними его слабостями. Онъ отвѣчалъ ей въ тонѣ. Въ ея веселости было нѣчто особое, почти торжественное; все тяжелое она сбросила съ себя, и духъ ея взвился къ небесамъ, какъ жаворонокъ, привѣтствующій пѣснемъ восходъ солнца. Это—переливалась черезъ край долго подавляемая радость жизни; въ ея глазахъ, на ея устахъ, въ ея душѣ искрился золотой смѣхъ.

Они, какъ влюбленные, говорили о пустякахъ, наслаждаясь

сознаніемъ близости другъ къ другу. Мансовыя колосья шептались съ вечернимъ вѣтеркомъ, въ оливковыхъ рощахъ уже запѣли соловьи подъ тихій аккомпаниментъ кузнечиковъ; позади пивій и виноградниковъ синѣло море, сливавшееся на горизонтѣ съ линіей неба. Догорали послѣдніе лучи заката.

Они никого не встрѣтили, кромѣ крестьянина съ парюю бѣлыхъ быковъ. У часовеньки, подъ защитою дерновой стѣны, отгораживавшей ее отъ дороги, Бонаventura привлекъ Віоланту въ свои объятія, и его поцѣлуй пробудилъ въ ней такое захватывающее ощущеніе счастья, какого она не испытывала въ дни своей молодой любви и красоты.

Онъ шепнулъ ей:—Пріѣзжай завтра въ Лермо! Я пришлю сюда за тобою крытый экипажъ или пріѣду самъ, если позволишь, и отвезу тебя въ нашъ домъ. Нѣтъ? Ты не забыла, что осталась передъ Богомъ моею женою, и насъ разлучаетъ лишь твоя собственная воля? Или я долженъ ухаживать за тобою, какъ за невѣстою?

Она освободилась изъ его объятій.

— Нѣтъ, но мнѣ нужно успокоиться, узнать, чего я хочу. Теперь я ничего не знаю.

— Пошли, сагіна, къ чорту успокоеніе и сознаніе, и послушайся своего сердца!

— Я этого и хочу, — улынулась она, — но мы слишкомъ стары для любовныхъ похаживаній. Я не могу придти къ тебѣ какъ любовница, съ тѣмъ чтобы уйти на слѣдующій день. Мы должны знать, чего хотимъ. Поэтому дай мнѣ время все обдумать, Бонаventura. Если мы ждали столько лѣтъ, то можемъ подождать нѣсколько дней, не такъ ли?

— Какъ хочешь. Ты видишь во мнѣ своего раба.

— Тогда—до свиданія. Я напишу.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ее—нѣжно и почтительно, а затѣмъ она, не оглядываясь, начала спускаться. Проводивъ ее долгимъ взглядомъ, Бонаventura направился въ обратный путь. Онъ надѣлъ шляпу, которую все время держалъ въ рукѣ, и принялся насвистывать изъ „Травіаты“. Онъ былъ такъ музыкаленъ, что даже свистъ его могъ доставить удовольствіе.

Онъ думалъ о Віолантѣ. Конечно, онъ очень виноватъ передъ нею; но можетъ ли онъ покаяться отъ души? Вѣдь онъ былъ вѣренъ своей природѣ, какъ она—своей; не послужилъ ли онъ орудіемъ, приведшимъ ее къ совершенству? Лишь благодаря огромности его вины, ея ангельская доброта и благородство открылись во всей ихъ полнотѣ. Сумѣй онъ въ прошломъ лучше

скрыть свои измѣны, или останься онъ вѣрнымъ ей, ихъ бракъ превратился бы за эти пятнадцать лѣтъ въ нѣчто обыденное, банальное, и никогда не пережить бы имъ такого чуднаго, полнаго поэзіи часа, какъ теперь. Въ ея прощеніи есть нѣчто божественное: ни слова укора; ея благородство дѣйствуетъ почти удручающимъ образомъ: боишься оказаться не на высотѣ... Маленькая доза пошлости сближаетъ людей и облегчаетъ взаимныя сношенія. Въ присутствіи Віоланты чувствуешь себя какъ въ церкви, но церковь—для воскресныхъ дней, а въ будни намъ лучше среди пестрой уличной толпы. Но тѣмъ не менѣе, онъ все загладить; онъ утѣшитъ родителей, сокрушающихся о своей любвицѣ. Никогда не поздно исправиться, и одинъ кающійся грѣшникъ—дороже многихъ праведниковъ...

Погруженный въ такія неустойчивыя размышленія, Бонавентура дошелъ до виллы Пассеро, гдѣ нашелъ у калитки Маргариту съ ея чернымъ пуделемъ Лордомъ. На вопросъ его: не ждетъ ли она Карлино?—маленькая маркиза отвѣтила своимъ жалобнымъ голоскомъ, что напрасно было бы ждать его; она просто боится оставаться одна въ темномъ домѣ. Здѣсь, у калитки, она, все-таки, видитъ людей.

— Еслибы вы не вернулись, я отправилась бы къ Порті; Бадалини проводилъ бы меня.

— Это одинъ изъ вашихъ крестьянъ?

— Да, ближайшій нашъ сосѣдъ. Онъ живетъ у другого конца сада. Если бы не было его, я бы, кажется, умерла. Онъ и Лордъ—мои единственные защитники. Не правда ли, Лордъ?

Она вздохнула и провела своею нѣжною ручкой по черной шерсти пуделя. Она напоминала фигурую и лицомъ хорошенькую фарфоровую куколку съ черными волосами и алымъ, какъ вишня, ротикомъ.

— Гдѣ же Карлино?

— Уѣхалъ въ автомобилъ къ своей матери; онъ всегда уѣзжаетъ къ ней, когда разсердится, и оставляетъ меня безъ всего.

— Кто же убираетъ домъ и стряпаетъ?

— Старая Бадалина и я.

— Такъ обращаться съ такой прелестною женщиной! Я выскажу Карлино мое мнѣніе. А вамъ, маркизина, я сказалъ бы одно: нечего оплакивать человѣка, который отъ васъ бѣгаетъ. Мы и безъ него сумѣемъ устроиться, не такъ ли?

Но бѣдная маленькая женщина была не въ состояніи шутить.

— Я такъ несчастна!—вздохнула она:—все у меня болитъ. Онъ бьетъ меня и когда-нибудь убьетъ до смерти.

— Варваръ!—воскликнулъ искренно возмущенный Бульгарини, но въ душѣ онъ подумалъ: „раба!“ Онъ ощущалъ одновременно сожалѣніе и презрѣніе къ этой безпомощной женщинѣ-ребенку.

Какъ грубы и невоспитанны были молодые дворяне его круга! Онъ чувствовалъ себя безконечно выше ихъ, хотя не гнушался ихъ забавами.

„Странное дѣло—эта культура,—подумалъ онъ:—кажется, теперь она чаще встрѣчается у крестьянъ, чѣмъ у господъ; у верхнихъ же слоевъ сквозъ вѣтшій лоскъ все болѣе и болѣе проглядываетъ первобытная грубость. Не начало ли это чего-то новаго, или просто—начало конца?“

— Вы позволите,—обратился онъ къ маркизѣ,—предложить вамъ на сегодняшній вечеръ мою защиту и услуги? Вы будете королевою, а я—вашимъ камергеромъ.

— Я всегда считала васъ настоящимъ дворяниномъ, Бонавентура, что бы ни говорили о васъ.

— Это очень мило съ вашей стороны. Обо мнѣ мало говорятъ хорошаго, но я все же немножко лучше своей репутаціи.

— Много лучше.

— А теперь я попрошу бы ваше величество разрѣшить мнѣ пройти въ домъ, зажечь лампы и чего-нибудь перекусить. Я голоденъ.

— У меня ничего нѣтъ въ домѣ, рѣшительно ничего, кромѣ кусочка черстваго хлѣба. Козье молоко я отдала ребенку. Нѣтъ даже огня.

— Не безпокойтесь, Маргарита!—онъ весело разсмѣялся: — я бывалъ у сѣвернаго полюса и въ степяхъ Абиссиніи,—и не умеръ съ голоду. Мы начнемъ съ того, что возьмемъ приступомъ домъ Бадалини. Идемте, моя королева!

Десять минутъ спустя, они уже сидѣли въ просторной кухнѣ Бадалини, совмѣщавшей въ себѣ столовую и пріемную, за дымящимся, вкусно приправленнымъ ризотто и плоскою бутылкою вина.

Крестьянка, которой Бонавентура, послѣ первыхъ привѣтствій, заявилъ, что они пришли ужинать, съ степенной вѣжливостью придвинула къ столу два стула, поставила на него лампу и пригласила гостей закусить—чѣмъ Богъ послалъ. Она накрыла на столъ молча, съ тою патріархальною торжественностью, которая свойственна простымъ, неспорченнымъ людямъ, когда имъ случается принимать гостей. Гостямъ полагается подавать лучшее, что есть въ домѣ,—этого требуетъ честь дома.

Дверь была отворена настежь; изъ сада несло благоуханье

и пѣснь соловьевъ. Вошелъ Бадалини и присѣлъ за столъ къ гостямъ. Бонаventura ѣлъ съ аппетитомъ, что не мѣшало ему наблюдать за Маргаритою, которая съ видимымъ принужденіемъ заставила себя проглотить нѣсколько кусковъ.

Два года тому назадъ, онъ видѣлъ Маргариту Фіори въ Неаполѣ. Она была прелестнѣйшею дѣвушкою, какую только можно себя представить, и что сталося теперь съ бѣднымъ созданищемъ! Взглядъ ея хорошенеккихъ глазъ имѣлъ испуганное выраженіе, какъ у побитого ребенка; платье ея было поношено, на блузкѣ недоставало пуговицы, юбка выползла изъ-подъ узкаго кушака, на маленькихъ ногахъ красовались изыщныя, но изношенныя туфельки и на чулкахъ зіяла большая дыра, сквозъ которую просвѣчивала бѣлая кожа. Она относилась ко всему грустно и безучастно, и только какая-нибудь любезность вызывала на ея губы блѣдное подобіе ея прежней дѣвической улыбки.

Бадалини съ гордостью рассказывалъ гостю о своемъ сынѣ, служившемъ въ карабинерахъ, но вскорѣ онъ всталъ изъ-за стола, такъ какъ ему еще надо было заглянуть на конюшню.

Бонаventura, выпившій не одинъ стаканъ мѣстнаго вина, пришелъ въ особое настроеніе. Ему казалось, что Віоланта невидимо здѣсь присутствуетъ, и во имя ея онъ долженъ явиться защитникомъ и рыцаремъ покинутой женщины.

Онъ становился все краснорѣчивѣе, и улыбка все чаще стала появляться на губахъ Маргариты, которую Бонаventura мысленно сравнивалъ съ цвѣточкомъ, нуждающимся въ солнечномъ лучѣ, для того чтобы снова расцвѣсти. Въ то же время онъ со злобою думалъ о Карлино. Пригласить къ себѣ человѣка и ухъать, не оставивъ въ домѣ ни корки хлѣба, и вдобавокъ—поставить его въ необходимость провести ночь подъ одною кровлею съ прелестной молоденькою женщиной! За святого считаетъ онъ его что-ли? Видитъ Богъ, онъ не пользуется такою репутаціей. А можетъ быть онъ просто разставилъ ему эту ловушку, чтобы отдѣлаться отъ надоевшей ему женщины? Карлино способенъ на подобный расчетъ.

— Послушай, Бадалина, — обратился онъ къ женщинѣ: — маркезина нуждается ночью въ охранѣ, но я не могу оставаться съ нею въ домѣ; пойдуť сплетни.

— Правда, синьоръ.

— Вотъ что: приготовь тамъ постель для твоего мужа, а мнѣ позволъ переночевать у тебя.

— Ты—хорошій человѣкъ, синьоръ, я вижу. Я все готовлю.

— Отлично. Мы погуляемъ покуда въ саду, а когда маркиза пройдетъ къ себѣ, я вернусь сюда, и мужъ твой поидетъ въ домъ.

Мнѣнія Маргариты никто не спрашивалъ. Они прошли въ садъ, было темно, и она спотыкнулась о корень дерева. Тогда Бонаventura молча обвилъ рукою ея станъ, и она не противилась.

— Карлино болванъ,—сказалъ онъ тихимъ голосомъ,—онъ не заслуживаетъ имѣть такую прелестную жену.

— Dio mio,—вздохнула она,—я совсѣмъ не прелестна. Что онъ сдѣлалъ со мною!

— Маргарита!

— Что?—Въ ея тонѣ слышалось: говори, приказывай,—вѣдь я привыкла повиноваться.

— У тебя самая плѣнительная улыбка и прелестнѣйшіе глазки въ мірѣ. Я обожаю тебя.

Черезъ часъ онъ вернулся въ домъ Бадалини, насвистывая любовную пѣсенку, и вскорѣ заснулъ сномъ праведника, съ вѣжностью думая о ѡдной маленькой Маргаритѣ и негодяѣ Карлино, которому онъ далъ заслуженный урокъ.

Онъ проснулся ночью на высокой постели Бадалины, и не сразу могъ понять, что случилось? Окно было открыто, луна тускло свѣтила, въ саду вздыхали соловьи. Мысль о Віолантѣ сразу пронизала его мозгъ. Что онъ надѣлалъ? Недолгъ былъ его поворотъ на путь добродѣтели. Что за безуміе было—вообразить, что можно такъ, ни съ того ни съ сего, измѣнить свою жизнь? Развѣ онъ можетъ удержаться на той высотѣ, которой достигла Віоланта? Нѣтъ, легкимъ его души вольнѣ дышется въ низинахъ. И она настолько умна, что сама это пойметъ.

Тѣмъ не менѣе, тревога и недовольство собою продолжали мучить его. Онъ вертѣлся на постели и вздыхалъ:—„О жизнь, о женщины, о Віолантина!“

V.

Віоланта, конечно, ничего не подозрѣвала о перемѣнѣ въ настроеніи Бонаventura, и потому очень удивилась, не получивъ отъ него на слѣдующій день обычнаго письма; когда же оно не пришло и еще черезъ день, удивленіе ея превратилось въ безпокойство. Правда, она сказала ему, что сама напишетъ, но все же въ этомъ молчаніи было что-то непонятное. Въ тотъ же вечеръ она написала:

„Милый Бонавентура!

„Послѣ нашего свиданія все измѣнилось для меня. Я думала, что нашла счастье въ отреченіи отъ жизни, и чувствовала себя хорошо въ моей тихой пристани,—но теперь мнѣ кажется невозможнымъ прожить хотя одинъ день, не получая отъ тебя извѣстія. Когда мы увидимся? Предоставляю тебѣ рѣшить дальнейшее.

„Виоланта“.

Она проходила весь день какъ во снѣ, и уже не ощущала въ себѣ того живого участія ко всему окружающему, которое дѣлало ее общою любимцею. Къ Маріи-Граціэллѣ вернулась, наоборотъ, ея жизнерадостность. Она прибѣжала къ завтраку вся красная, запыхавшаяся, и съ плутовскимъ видомъ разставила пальцы лѣвой руки; на каждомъ изъ нихъ сидѣло по кольцу.

— Откуда у тебя кольца?—съ живостью спросила Нина.

— Джулія отдала мнѣ ихъ на храненіе. Ее позвала Паулона, у которой корова должна отелиться; кажется, съ коровою что-то неладно...

— Ты бѣгала по такой жарѣ на гору?—возмутилась лѣнивая Нина.

Графъ сердито покачалъ головою. Вчера онъ сказалъ этимъ людямъ, что нужно сдѣлать, но они желаютъ поступать по-своему и кончатъ тѣмъ, что загубятъ чудное животное.

Дѣйствительно, во время ужина появился Лунджи Ланчіотто, помощникъ графа, возвѣстившій гробовымъ голосомъ, что корова пала.

— Проклятіе!—пробормоталъ графъ, огорченный неожиданно утратою, и отложилъ ножикъ и вилку, забывъ объ ужинѣ.

Наконецъ Виоланта получила присланное съ пастухомъ Пасеро письмо, очевидно набросанное второпяхъ:

„Дорогая Виоланта, къ сожалѣнію, я принужденъ немедленно уѣхать въ Римъ на неопредѣленное время. Во всякомъ случаѣ—сейчасъ же извѣщу по возвращеніи.

„Вѣчно твой Бонавентура“.

Виоланта смотрѣла на море, и въ ея темныхъ глазахъ виднѣлся тревожный вопросъ. Почему именно теперь онъ пишетъ такъ мало и наскоро? Неужели мы помѣнялись ролями? Или онъ увѣренъ во мнѣ, а потому и не тревожится?

Ее вывели изъ раздумья восклицанія и шумъ. Въ домъ явилась рыдающая Паулона, которая до того обезсилѣла, что, едва переступивъ порогъ, лишилась чувствъ. Дамы усердно хлопотали вокругъ нея; Марія-Граціэлла растирала ей лобъ о-де-колономъ

Віоланти, Нина давала нюхати англійську соль, кухарка Проседа принесла стаканъ лучшаго вина, рыжая Марія расшнуровывала узкій и жесткій корсажъ, причеъ всѣ онѣ наперевыъ успокаивали и утѣшали ее.

— Ну, Анета, будь благоразумна!

— Выпей глотокъ вина, Анета!

— Ну, будетъ, будетъ!

Віоланта побѣжала за докторомъ, и наконецъ Паулону удалось привести въ чувство, но она сейчасъ же отчаянно закатила глаза и простонала:

— Дайте мнѣ умереть!

— А твои дѣти?—воскликнула Марія-Граціэлла.

— А твой бѣдный мужъ?—прибавила Віоланта.

— Dio, Dio mio!—стонала Паулона:—нѣтъ, я этого не переживу! Ни за что не переживу!

— Подумай, если бы умеръ кто-нибудь изъ твоихъ дѣтей!—протестовала Нина.

— Когда умираетъ ребенокъ, на это—воля Божія,—возразила Паулона,—горе большое, что и говорить, но все же его можно перенести. Но корова! корова! Этого я не переживу.

И она откидывалась на спинку кресла съ видомъ *Mater Dolorosa*.

Прошелъ цѣлый часъ, прежде чѣмъ Паулона настолько оправилась, что пришедшій за нею мужъ могъ отвести ее домой. На прощанье она обняла и перецѣловала своихъ утѣшительницъ: Марію-Граціэллу, Нину и Віоланту; всякія соціальныя различія были совершенно забыты.

Когда онѣ провожали Паулону, мимо нихъ промчался на своемъ автомобилѣ Карлино Пассеро.

— Вѣроятно, онъ опять на почту за письмами? Лучше бы онъ отправился къ чорту!—проворчала Марія-Граціэлла.

— Граціэллина, какъ тебѣ не стыдно?—замѣтила Віоланта.

— По крайней мѣрѣ, бѣдная Маргарита освободилась бы отъ него!

— Да, въ самомъ дѣлѣ, со всѣми случаются несчастія, почему же не съ нимъ?—сострадательно вздохнула Нина.

Графъ Маріо, узнавъ на слѣдующій день объ исторіи съ Пауловой, разсердился.

— Что вы носите съ этой истеричкой? Послушайся она меня—и корова, и теленокъ остались бы въ живыхъ.

— Она была въ такомъ отчаяніи, что не могла даже плакать!—возразила Віоланта.

— Если кто долженъ плавать, такъ это я! — сказалъ графъ. — Кто заплатилъ за корову? Я. Кто купитъ другую? Я! Пострадавшимъ оказываюсь я одинъ.

Несмотря на этотъ случай, общее настроеніе было веселое. Трое дѣтей сіяли отъ удовольствія, потому что съ шестичасовымъ поѣздомъ долженъ былъ пріѣхать ихъ отецъ; одна Нина нѣсколько затуманилась: ей предстояло отдать мужу отчетъ въ опрометчиво истраченныхъ деньгахъ, не выдавъ при этомъ Валерію. Правда, она могла попросить денегъ взаймы у Віоланты, но та будетъ „презирать“ ее, и это еще непріятнѣе, чѣмъ брань Оттавіо.

У Віоланты не хватило духу пойти встрѣчать зятя; послѣ свиданія съ Бонавентурою, она чувствовала непреодолимую потребность въ уединеніи, и потому направилась къ берегу, откуда открывался видъ на нѣжныя, тающія очертанія Апеннинъ; невыразимая тишь и мягкость южнаго вечера вливались къ ней въ душу. Тихій ропотъ моря ласкалъ слухъ, откуда-то доносилась пѣсня, и въ чащѣ уже перекликались соловьи. Съ моря повѣялъ легкій вѣтерокъ, освѣжившій лицо Віоланты; окружающая природа пѣла всѣми своими голосами о покорности, о любви. И Віоланта не желала ничего другого. Любить! Забыть все на свѣтѣ, отречься отъ себя во имя этой всепоглощающей любви!

Шестичасовой поѣздъ, съ которымъ долженъ былъ пріѣхать Оттавіо Каресса, давно уже прошелъ. Солнце склонялось къ горизонту. Вдругъ изъ ближайшей улицы послышалась веселая военная пѣсня, — маршъ берсальеровъ:

Oh bella brunettina,
L'Italia è lunga assai,
Ma il bersaglier' cammina
E non si stanca mai...

Траппъ, траппъ, траппъ! — раздавался въ тактъ пѣснѣ топотъ марширующихъ, твердо отбивающихъ тактъ ногъ.

Оттавіо Каресса, въ качествѣ бывшего офицера берсальеровъ, позволилъ дѣтямъ слѣдовать за войскомъ, и они торжественно маршировали: маленькая Мимуччіа — во главѣ, за нею — Марію, а послѣднимъ — старшій изъ троихъ, Нино. Ихъ звонкіе голоса подхватывали припѣвъ:

Il bersaglier' cammina
E non s'arrende mai!

Пробужденная отъ мечтаній, Віоланта, улыбаясь, поднялась съ мѣста; берсальеры уже прошли, но она встрѣтила Нину и

Марію-Граціэлла, которыя объяснили, что идутъ за Маргаритою, — она прислала сказать, что уже второй день сидитъ совершенно одна, Карлино вчера вечеромъ увезъ ребенка — вѣроятно, къ своей матери, настоящему дракону. Онъ не захватилъ съ собою даже никакихъ вещей, необходимыхъ для такого малютки, а взялъ его въ томъ, что было на немъ надѣто въ данную минуту.

— Безсердечный человѣкъ! — сказала Віоланта.

— Скотъ! — подхватила Марія-Граціэлла. — Но почему же она изъ любви къ нему разыгрываетъ такую дуру и все ему позволяетъ?

— Попробовалъ бы кто-нибудь такъ поступить со мною! — воскликнула съ угрозою Нина. Остальныя разсмѣялись.

— Ты такая же раба, какъ и всякая другая, — сказала Віоланта, — ты даже не отучила твоего Оттавіо плевать на полъ.

— Ну, у нея все-таки хорошій мужъ, — сказала Марія-Граціэлла.

Но Нина выпатила свою толстую нижнюю губку, и глаза ея сверкнули.

— Я никому бы не посоветовала попробовать отнять у меня моихъ дѣтей!

Семейство Порти прекратило всякія сношенія съ Пассеро, одинъ Валеріо видался съ нимъ; но когда Карлино бросалъ жену, она всегда находила радушный пріютъ у сосѣдей.

И теперь она сидѣла среди нихъ, какъ улетѣвшая изъ кѣтки птичка, и принимала ихъ дружескія утѣшенія. О посѣщеніи графа Бульгарини она не упомянула. Въ своемъ вылинявшемъ отъ стирки розовомъ лѣтнемъ платьицѣ, еще болѣе отгнѣнявшемъ нѣжный цвѣтъ ея лица, она была поразительно прелестной. На ряду съ ея дѣтской миловидностью Марія Граціэлла казалась еще грубѣе, неправильныя черты Нины — еще неправильнѣе, а красота Віоланты — болѣе поблекшей, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Всѣ старались ободрить и развеселить замученную маленькую женщину, въ томъ числѣ — Валеріо и Оттавіо, не оставшіеся нечувствительными къ ея красотѣ.

Одинъ графъ Марію холодно отнесся къ ней, хотя вообще онъ цѣнилъ прекрасное; но для него неправильное энергичное лицо было красивѣе самаго очаровательнаго безхарактернаго личика. Сначала онъ горячо вступился за Маргариту, но затѣмъ потерялъ къ ней всякое уваженіе.

— Не понимаю, — обратился онъ къ маркезинѣ, — какъ можетъ позволить мать, чтобы у нея отняли ребенка?

— Что же мнѣ дѣлать? Онъ бьетъ меня.

— Что изъ этого? Когда нужно защитить ребенка, мать не думаетъ о побояхъ.

— Но онъ топчетъ меня ногами, онъ убьетъ меня.

— Злодѣй!—воскликнулъ возмущенный Оттавіо Каресса.

— Мать дасть убить себя, защищая ребенка!—настаивалъ графъ:—зайчиха, насѣдка—и тѣ не думаютъ о собственной безопасности, отстаивая своихъ дѣтенышей.

Віоланта посмотрѣла на гордое, энергичное лицо дяди и подумала, что у него не встрѣтилъ бы снисхожденія и Бонавентура Бульгарини. Когда она, къ большому соблазну ихъ круга, убѣжала отъ мужа, онъ одинъ не совѣтовалъ ей „терпѣть“ и возвращаться къ нему. Что-то онъ скажетъ теперь, узнавъ объ ихъ примиреніи?

VI.

Іюнь подходилъ къ концу; крестьяне уже начали снимать съ полей пшеницу и овесъ. Мужчины работали серпами, а женщины вязали снопы, и при этомъ тѣ и другія подкрѣпляли себя кипяченымъ виномъ, предохраняющимъ отъ солнечныхъ ударовъ.

Бонавентура написалъ, наконецъ, изъ Лермо: „Вернулся вчера. Когда и гдѣ мы увидимся?“

Она сейчасъ же отвѣтила: „Буду завтра вечеромъ у часовни, близъ которой мы разстались“.

Въ назначенный часъ она отправилась къ мѣсту свиданія полями, гдѣ среди колосѣвъ оглушительно стрекотали кузнечики, и въ ней самой все пѣло и играло. Несмотря на знойный отъ сирокко воздухъ, она шла съ необычайной легкостью, и все казалось ей залитымъ сказочно-золотистымъ сіяніемъ. Серебряная лента рѣки казалась подобіемъ оксидированнаго серебра и линія горъ вырисовывалась необычайно отчетливо на безоблачномъ небѣ, между тѣмъ какъ лежавшая у ногъ ея долина словно курилась.

Она уже боялась, что пришла слишкомъ рано, но онъ ждалъ ее за поворотомъ и тотчасъ же узналъ: такая осанка и походка могли быть только у нея. Но видъ ея лишь усилилъ въ немъ чувство стѣсненія и сознаніе своей неправоты. Чего, въ сущности, онъ хочетъ отъ нея? Прошлое умерло, и нѣчего пытаться его воскрешать. Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ.

Взволнованная Віоланта ничего не замѣчала; она чувствовала лишь одно: его присутствіе.

Съ выраженіемъ глубокаго счастья она протянула ему обѣ руки, и глаза ея говорили: „я—твоя“. На это у него имѣлся одинъ отвѣтъ: онъ привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ. Но онъ слишкомъ много любилъ и цѣловалъ въ своей жизни, и потому въ сердцѣ его ничего не вспыхнуло; онъ размѣнялъ свое чувство на мелкую монету, между тѣмъ какъ она берегла и накапливала свое годами. И онъ ощущалъ сожалѣніе о томъ, что самъ онъ уже неспособенъ на сильное чувство. Въ первую минуту опьяненія Віоланта не замѣтила его холодности, но вдругъ она освободилась и посмотрѣла на него съ ужасомъ и изумленіемъ.

Что она сдѣлала? Съ ея вновь пробудившейся любовью, съ ея готовностью забыть и простить—она пришла къ нему, и онъ не принялъ ее! Куда же дѣвалась его страсть, его душа?

— Бонавентура,—сказала она послѣ тяжелаго молчанія, и голосъ ея дрогнулъ,—что съ тобою?

Онъ держалъ бѣлую соломенную шляпу въ рукѣ и обтиралъ лобъ.

— Это сирокко,—сказалъ онъ съ принужденной улыбкой,—онъ всегда дѣйствуетъ мнѣ на нервы.

— Это сирокко, — повторила она; ея смертельно раненое сердце ухватилось за это объясненіе. Погода всегда вліяла на него. Только теперь она замѣтила его впалые глаза, тусклую блѣдность, дряблость и одутловатость этого когда-то прекраснаго, любимаго лица, и вмѣсто страсти въ душѣ ея проснулась жалость. Она взяла его руку и нѣжно погладила ее.

— Пройдемся по полямъ. Это оживитъ тебя.

Онъ согласился, но, несмотря на всѣ ея усилія развеселить его, онъ не могъ побѣдить своей апатіи. Если она была разочарована, онъ былъ разочарованъ не менѣе ея. Какъ онъ стремился къ свиданію съ ней! Онъ ждалъ отъ нея обновленія всего своего существа, и вотъ онъ держалъ ее, чистую и гордую, въ своихъ объятіяхъ, и не ощутилъ ничего, рѣшительно ничего! Сердце его состарилось, между тѣмъ какъ ея сердце осталось молодымъ. Его почти злило, что она ожидаетъ отъ него большаго, нежели онъ въ состояніи ей дать. Еслибы она оставалась холодно-дружелюбною, какою она была въ своихъ письмахъ! Правда, это холодное дружелюбіе подзадорило его нарушить ея покой, а теперь онъ не зналъ, что ему дѣлать съ ея вновь пробудившеюся страстью. Ни одно изъ словъ Віоланты не находило въ немъ отклика; онъ походилъ на разстроенный инструментъ, издающій при каждой попыткѣ играть на немъ лишь рѣзкій, не-

гармоническій звукъ. Глаза ея искали въ его лицѣ часть прежняго Бонавентуры, и это удручало его.

— Почему ты все смотришь на меня, Віоланта?—спросилъ онъ нервно:—я этого не выношу.

— Бонавентура! Мы столько лѣтъ не видались.

— Ты все такъ подчеркиваешь. Нужно легче относиться ко всему. Это происходитъ вслѣдствіе твоей близости къ этой нѣмецкой Гипатіи, вышедшей за профессора, какъ, бишь, его?.. Ты слишкомъ много думаешь для женщины. Жизнь утомляетъ насъ, мы ищемъ у женщины отдыха, а не сухихъ разсужденій.

— Ты пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать мнѣ все это?

— Прости... — Онъ сдѣлалъ надъ собою усилие: — это все нервы, не обращай вниманія на мои слова.

— Попробуй раньше ложиться и меньше пить вина,—посоветовала она.

Онъ нетерпѣливо прервалъ ее:

— И такъ далѣе, и такъ далѣе... Старая пѣсня! Такимъ способомъ, конечно, можно дожить до ста лѣтъ, но если отказаться отъ всего, что краситъ жизнь,—остальное, по моему, не будетъ стоить ни гроша.

— Остальное? — съ живостью проговорила Віоланта: — оно скорѣе—главное. Взамѣнъ каждаго мутнаго источника наслажденія найдется чистый; я твердо въ это вѣрю.

— Ну, и сохраняй въ себѣ эту вѣру, *figlia mia!*—воскликнулъ онъ насмѣшливо.

— Наша способность къ наслажденію ограничена,—наставляла Віоланта, — и тотъ, кто не желаетъ держаться въ границахъ, установленныхъ природою, обрекаетъ себя лишеніямъ несравненно болѣе печальнаго свойства: расплатъ за грѣхи.

— Не нужно жить такъ долго... И вообще не хлопочи обо мнѣ, Віоланта. Жизнь моя испорчена безповоротно.

— Но почему же? Почему? Сорокъ лѣтъ—пора полного расцвѣта силъ. Даже въ шестьдесятъ можно начать новую жизнь; посмотри на дядю Маріо.

Онъ усмѣхнулся.

— Ну, изъ меня ты не сдѣлаешь Маріо Порти. Мнѣ недостаетъ устойчивости. Многое я начиналъ, и ничего не могъ довести до конца. Скучно... Благородныя качества моихъ предковъ, очевидно, выродились во мнѣ, и нужно брать меня такимъ, каковъ я есть.

Онъ говорилъ усталымъ, равнодушнымъ тономъ, больно отзывавшимся въ ея сердцѣ. Віоланта напомнила ему его талант-

ливныя попытки въ области литературы, композиціи, его путешествіе къ сѣверному полюсу, куда онъ сопровождалъ принца, его участіе въ абиссинскомъ походѣ и выказанную имъ храбрость, но онъ только качалъ головою, и наконецъ она замолчала. Вдругъ по близости послышалась музыка. Они подходили къ дому крестьянина Скаффа.

— Сегодня свезли хлѣбъ съ полей, и Скаффа, вѣроятно, празднуетъ окончаніе жатвы,—сказала Віоланта на его вопросительный взглядъ.

— Зайдемъ посмотрѣть!—оживился Бонавентура.

Они поднялись вверхъ по тропинкѣ—и предъ ними внезапно открылось красивое зрѣлище. На плотно утрамбованной площадкѣ сыновья, дочери, работники и работницы Скаффы съ увлеченіемъ плясали сальтареллу, между тѣмъ какъ мать и жена его были тутъ же заняты изготовленіемъ вкусно пахнущей „фриттуры“, а хозяинъ откупоривалъ большія, толстобрюхія бутылки съ виномъ.

Віоланту привѣтствовали радостными криками: „Radrona! Radrona!“—Скаффа сіялъ; появленіе госпожи на семейномъ праздникѣ было неожиданной честью. Спутника ея никто не зналъ, но его сочли за родственника и привѣтствовали самымъ радушнымъ образомъ. По просьбѣ его танцы возобновились съ еще большимъ оживленіемъ, и Бонавентура, не отрываясь, слѣдилъ взоромъ за граціозными движеніями одной изъ красивыхъ дѣвушекъ. Видъ веселья, звуки музыки подвинули его упавшіе нервы, но болѣзненно натянутые нервы Віоланты едва были въ состояніи выносить ихъ, и, отвѣдавъ вина, которымъ непремѣнно желали угостить пришедшихъ, она простилась съ Бонавентурою, прося его не провожать ее.

— До свиданія,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руки.

Всю дорогу она оплакивала горькими слезами свой потерянный рай.

VII.

На слѣдующее утро она встала въ тотъ ранній часъ, когда солнце еще только поднималось изъ-за моря, подобно громадному матово-красному шару.

Хотя она мало спала, но утренняя свѣжесть бодрящимъ образомъ подбѣствовала на нее, и событія вчерашняго вечера представлялись ей въ болѣе спокойномъ свѣтѣ.

Бонавентура былъ разстроенъ, утомленъ и ничуть не влюб-

лень въ нее. Но должна ли она этому удивляться? Онъ не зналъ удержа своимъ страстямъ; она была уже немолода, и отъ нея прежней красоты, вѣроятно, мало что осталось. Могла ли она ожидать, что онъ явится передъ нею въ роли пылкого любовника? Быть можетъ, у него были еще и денежные заботы: приходилось унижаться передъ братомъ или работодателемъ. Но съ помощью безконечной любви и терпѣнія не удастся ли ей въ концѣ концовъ направить его на новый путь?

Солнце вселило въ нее мужество и бодрость. Долго простояла она на своей террасѣ, любуясь восходомъ солнца, сіяющимъ моремъ и темными пиніями, казавшимися стражами морского берега. Затѣмъ, присѣвъ къ письменному столу, она написала длинное, любящее письмо Бонавентурѣ, который, вѣроятно, терзается воспоминаніемъ о своемъ вчерашнемъ поведеніи. Надъ нею самою уже совершилось чудо: ея любовь воскресла изъ мертвыхъ; теперь она должна, цѣною величайшей снисходительности и всепрощенія, спасти въ немъ „душу живую“.

Выпивъ чашку чернаго кофе съ сухаремъ, она сама отвесла свое письмо на почту въ Санъ-Анджело. Сборъ шелковичныхъ червей окончился, послѣднія изъ плоскодонныхъ корзинъ были отправлены на фабрики, и теперь наступилъ сезонъ лука. Множество женщинъ расположились у дверей домовъ и усердно напизывали розоватія крупныя луковицы на тонкую бичеву; все вокругъ было завалено этими гирляндами.

Виоланта въ прежнія времена интересовалась этою веселою работою и всегда останавливалась поболтать съ женщинами, но сегодня она машинально отвѣчала на ихъ поклоны; по дорогѣ, она зашла помолиться въ капеллу, гдѣ донъ-Антоніо служилъ ежедневно—больше для самого себя—обѣдя. Преклонивъ колѣни, она горячо молилась о томъ, чтобы Господь возвратилъ ей ея земное счастье.

Вечеромъ Виоланта отправилась на виллу Романи и встретила, увидавъ у подъѣзда экипажъ доктора. Неужели Манфреду хуже?

Но жена управляющаго успокоила ее: синьора повредила себѣ ногу.

„Это все ея фантазія—ходить босикомъ“, — подумала Виоланта.

Она нашла Луизу полулежащею съ перевязанною ногою на кушеткѣ. Пациентка и докторъ оживленно бесѣдовали.

— Моя бѣдная Луизина! Ты зановила себѣ ногу?

Луиза улыбнулась. Ее просто укусилъ сегодня, во время ку-

панья, водяной скорпионъ; было очень больно и нога сильно распухла, но этотъ грубый докторъ увѣряетъ, что все пройдетъ въ завтрашнему дню.

— Какъ же ты добралась сюда?—спросила Віоланта.

— Меня посадили на ослика. Его зовутъ Марко, и у него такіе добрые глаза—много добрѣ, чѣмъ у большинства людей, и даже—краснорѣчивѣе.

— Синьора любитъ парадоксы,—разсмѣялся Романи.

— Нѣтъ, но я люблю ослівъ.

Віоланта опасалась, что Романи повторитъ какую-нибудь избитую шутку о двуногихъ ослахъ, но этого не случилось, и она ощутила къ нему за это признательность.

— Манфредъ уѣхалъ въ Лермо за лекарьствомъ и разными покупками,—продолжала Луиза,—онъ не хотѣлъ оставлять меня одну, но тетя Анастасія поклялась охранять меня. Она провела возлѣ меня цѣлый часъ, а затѣмъ вдругъ укатила въ Лермо на велосипедѣ, въ догонку за Манфредомъ. Если онъ встрѣтитъ ее, то, пожалуй, разсердится.

— Небо послало вамъ самую желанную замѣстительницу,—сказалъ Романи, остановивъ на Віолантѣ пылкій взоръ.

Когда, черезъ нѣкоторое время, докторъ простился, и онѣ слышали стукъ отъѣзжающаго экипажа, Луиза сказала:

— Этотъ молодой человекъ любитъ тебя, Віо.

Не обращая вниманія на ея замѣчаніе, Віоланта съ грустью начала рассказывать ей о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Бонавентурою.

Луиза, приподнявшись на локтѣ и подперевъ голову рукою, слушала ее съ глазами, полными живѣйшаго сочувствія.

— Онъ былъ просто разстроенъ! — воскликнула она: — минутное раздраженіе, которому часто бываютъ подвержены алкоголики. Въ томъ, что онъ любитъ тебя, ты ни на секунду не можешь сомнѣваться.

Ея увѣренность сообщилась Віолантѣ, и она развеселилась. Между прочимъ, у нихъ зашла рѣчь о злополучной Анастасіи, которая, по словамъ Луизы, была кузиною ея матери, полькою по происхожденію, вышедшею восемнадцати лѣтъ замужъ за пожилого русскаго полковника Канерина. Бракъ этотъ устроили ея родные.

— Такъ дѣлается и у насъ,—вставила Віоланта.

— Съ тою разницею, что вы, итальянки, заранѣе относитесь къ вопросу о личномъ счастьи съ полною покорностью судьбѣ, и даже не пытаетесь бороться. Вы начинаете съ того, чѣмъ мы, сѣверяне, въ большинствѣ случаевъ, лишь кончаемъ.

— Бѣть можетъ, потому, что наша культура—очень древняя, и добродѣтели у насъ патріархальныя!

— Возможно. Но тетя Анастасія, бывшая въ то время живымъ, пылкимъ существомъ, не покорилась, хотя и вышла замужъ, повинувась родительской волѣ. Ея мужъ былъ сухой педантъ и слишкомъ старъ для нея. Въ качествѣ полковой командирши и замѣчательной красавицы, она играла первую роль въ городахъ, гдѣ стоялъ ихъ полкъ, и за нею ухаживали очень многіе, но все ограничивалось простымъ flirt'омъ. Тутъ ей встрѣтился человѣкъ, ставшій великою, единственною любовью ея жизни: богатый кавказскій князь. Они сблизились. Она свято вѣрила въ его благородство, поклонялась ему, старалась быть достойной его; онъ, съ своей стороны, любилъ ее, но, вѣроятно, побаивался ея непосредственности и восторженнаго темперамента. Когда умеръ Канкринъ, она была женщиною лѣтъ сорока, но такою свѣжею и красивою, что никто не давалъ ей болѣе двадцативосьми. Она провела годъ въ полномъ уединеніи, какъ полагається въ ихъ кругу, и за это время не получала отъ него извѣстій, чему не особенно удивлялась, цѣня его необычайную деликатность и строгое чувство приличія. Когда же, и по истеченіи этого срока, онъ не явился къ ней, не писалъ и вообще—словно канулъ въ воду, это до такой степени повліяло на нее, что разумъ ея помутился. Она ничѣмъ не могла объяснить себѣ его поведенія, хотя для насъ оно очень ясно: свѣтскій человѣкъ, любящій жизнь и наслажденія, могъ находить удовольствіе въ романѣ съ красивою, окруженною поклоненіемъ замужнею женщиною, но онъ вовсе не желалъ связывать себя женитьбою на сорокадвухлѣтней вдовѣ. Она бѣгала по церквамъ, плакала, безумствовала, поступила въ одну изъ религіозныхъ сектъ, и присутствіе на ихъ радѣніяхъ и обрядахъ окончательно свело ее съ ума, чему способствовали сильныя приливы крови къ головному. Она объясняетъ себѣ исчезновеніе своего возлюбленнаго тѣмъ, что въ него вселился самъ діаволъ, ищущій погибели ея души и тѣла: онъ преслѣдуетъ ее, строитъ ей всевозможныя козни, подкупаетъ ея окружающихъ, но она надѣется, что ей еще удастся вернуть его на путь истинный съ помощью сопутствующихъ ей добрыхъ силъ.

— Какъ это ужасно!—проговорила Віоланта, вздрогнувъ.

— Да,—задумчиво отвѣтила Луиза,—тѣмъ болѣе, что „сумасшествіе отъ любви“—есть, кажется, старинная мелодрама, носящая такое названіе?—встрѣчается въ томъ или другомъ видѣ гораздо чаще, чѣмъ мы это думаемъ. Сильная страсть возвы-

шаетъ женщину, но она не должна быть единственною цѣлью ея жизни,—иначе это можетъ окончиться полнымъ нравственнымъ и умственнымъ банкротствомъ...

Виоланта молчала. Внутри у нея все похолодѣло... передъ нею вдругъ возстала чудовищная, уродливая параллель: любовь этой несчастной, жалкой, смѣшной, помѣшанной женщины—и ея собственная мучительная страсть. Казалось бы: что тутъ можетъ быть общаго? и однако... Ощущеніе ужаса не покидало ее.

Оно еще усилилось на слѣдующій день, также не привесивъ ей ожидаемаго отвѣта отъ Бонавентуры. Сирокко вѣялъ сегодня своимъ наиболѣе жгучимъ и ядовитымъ дыханіемъ, изсушая траву и растенія. Воздухъ давилъ, какъ свинецъ, небо и море сливались въ ослѣпительно-бѣлой дымѣ.

Въ такіе дни большинство людей чувствуютъ себя нездоровыми. Нина страдала нервной головною болью; Оттавіо ворчалъ и былъ не въ духѣ; у дѣтей болѣлъ желудокъ, такъ какъ накануне, помогая людямъ при сборѣ плодовъ, они неумѣренно покушали недозрѣлыхъ персиковъ и яблокъ. Даже графъ Маріо страдалъ отъ сирокко. Утромъ онъ побывалъ на работахъ, лично наблюдая за умоломъ зерна, *trebbiatura*, но теперь ощущалъ такую тяжесть въ головѣ и во всемъ тѣлѣ, что ему трудно было рѣшиться снова выйти изъ дому.

Хозяйство Порти велось на такихъ основаніяхъ: крестьяне арендовали у графа землю, но вмѣсто денегъ они отдавали ему половину зерна, майса, вина и всего, что производила земля. Графъ лично наблюдалъ за выдачею продуктовъ; онъ съ ранняго утра былъ на работѣ и велъ самый точный подсчетъ кулямъ съ хлѣбомъ, отмѣчая въ своей записной книжкѣ ихъ число и вѣсъ. Вечеромъ онъ сводилъ счетъ съ крестьянами, и между нимъ и ими не возникало споровъ. Они вѣрили честности своего господина, *padrone*, и уважали его энергію, трудолюбіе и стойкость. Иногда они сердились на него за то, что онъ требовалъ отъ нихъ большаго прилежанія и укорялъ ихъ въ лѣности и небрежномъ отношеніи къ дѣлу, если жатва не соответствовала его ожиданіямъ.

Валеріо, также страдавшій отъ жары, сидѣлъ тѣмъ временемъ въ лучшей кофейнѣ Санъ-Анджело и игралъ въ карты съ Артуро Този и Алессандро Канелла, съ которыми онъ примирился подъ условіемъ, что тотъ выкинетъ изъ головы мысль о женитбѣ на его сестрѣ. У ногъ Валеріо лежала, уткнувъ голову межъ лапъ, его собака, а за стуломъ его стояла самая красивая дѣвушка въ Санъ-Анджело, Маріетта, дочь рыбака, пользовавшаяся весьма двусмысленной репутаціей. Она походила

на Бѣлоснѣжку изъ сказки: черные какъ смоль волосы, бѣлая кожа, алые губы и синіе, ослѣненные черными рѣсницами глаза. Она была въ траурѣ по сестрѣ, и въ своемъ черномъ платьѣ напоминала монашенку. Всѣ знали, что Валеріо осчастливилъ ее своею любовью, и до сихъ поръ она имѣла на него большее вліяніе, чѣмъ какая-либо другая женщина. Это не мѣшало ей дарить своими милостями Артуро Този, у котораго было больше денегъ, нежели у „контини“. Алессандро Канелла, хорошо знавшій эти отношенія, злорадно рѣшилъ про себя оставить ихъ обоихъ „съ носомъ“, такъ какъ на его сторонѣ были—красота и привлекательность. Началась игра глазами; Маріетта пошла на нее весьма охотно; красавица любила разнообразіе: если такъ называемыя порядочныя женщины презираютъ ее, она вправѣ доставить себѣ маленькое развлеченіе.

Сегодня Валеріо былъ снова при деньгахъ. Онъ выжималъ ихъ добромъ или худомъ изъ бѣдной Нины, не заботясь о томъ, что она проводитъ безсонныя ночи, не зная, какъ оправдаться передъ мужемъ. Тетка Аврора также отдавала ему послѣднее; лишь одна Віоланта оказывалась недоступною для всѣхъ его подходовъ,—въ этомъ она походила на графа Маріо.

Въ комнатѣ Віоланты были заперты ставни; въ ней царилъ удручающая духота, и молодая женщина нигдѣ не находила себѣ мѣста; она не могла ни спать, ни читать, и была въ томъ состояніи тревожнаго ожиданія, когда настоящее не существуетъ. Она бралась за то и за другое, ей казалось, что часовая стрѣлка стоитъ на мѣстѣ, и вдругъ ей пришла на умъ разниа между прежнею Віолантой и нынѣшней. Разниа эта оказывалась такъ велика, что испугала ее. Гдѣ прежнее ея душевное спокойствіе, ясность и равновѣсіе? Ей не приходилось насиловать себя для того, чтобы проявлять свое сочувствіе всѣмъ нуждающимся въ немъ: оно изливалось само собою. А теперь? Лучшая, благороднѣйшая часть ея души словно атрофировалась,—она стала слѣпа и глуха ко всему, за исключеніемъ голоса эгоистической страсти. Центръ тяжести перемѣстился,—она уже не принадлежала себѣ. И эта мучительная душевная болѣзнь зовется любовью! Въ юности она кажется божественнымъ огнемъ, но для того, кто болѣетъ ею въ зрѣлыхъ годахъ, она является губительнымъ пожаромъ.

Віоланта не уставала мысленно бичевать себя, но когда покаяніе достигло своего апогея, наступило успокоеніе. Существуетъ еще иная любовь: святая, всепонимающая, очищенная въ огнѣ страданія, и лишь эта любовь должна отнынѣ связывать ихъ. Она выстрадала свое право на нее.

VIII.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней мучительнаго ожиданія, Віоланта получила письмо, въ которомъ Бонавентура снова просилъ ее пріѣхать къ нему въ Лермо.

Она отвѣтила: „У насъ какъ разъ теперь *trebbiatura*. Каждый день мы обѣдаемъ у кого-нибудь изъ крестьянъ—нашихъ арендаторовъ и сосѣдей. Молотилка переѣзжаетъ отъ двора къ двору, и тамъ, гдѣ она работаетъ, устраивается праздникъ. Всѣ взрослые парни съ сосѣднихъ дворовъ приходятъ помогать, и хозяйка приготовляетъ обильное угощеніе, въ которомъ господа должны также принять участіе,—иначе это сочтутъ большою обидою. Для нашихъ желудковъ *trebbiatura*—опасное время, кормятъ на убой, и отказываться отъ ѣды—невозможно. Крестьяне наши зажиточны, и они умѣютъ соединить работу съ удовольствіемъ.

„Ты видишь, что я все время несвободна, но такъ какъ я жажду тебя видѣть, то хочу сдѣлать тебѣ слѣдующее предложеніе. Послѣ завтра, 14-го, мы пируемъ у Луиджи Ланчіотто, старѣйшаго арендатора дяди; обѣдъ будетъ въ 12 час., а затѣмъ, когда всѣ расположатся для сіесты, я часа въ три пройду вдоль ручья до каменнаго мостика, гдѣ въ тѣни дубовъ стоитъ статуя святого. Ручей впадаетъ въ Минову, и если ты дойдешь по желѣзной дорогѣ до моста черезъ Минову и выйдешь тамъ, то минуть черезъ десять ходьбы ты уже будешь на указанномъ мѣстѣ. Не скрою, что у меня есть страстное желаніе увидѣть тебя въ иномъ настроеніи, чѣмъ прошлый разъ“.

Бонавентура отвѣчалъ, что придетъ, и вмѣстѣ съ его письмомъ къ Віолантѣ возвратились веселость и увѣренность.

Насталъ понедѣльникъ; небеса были безоблачны и солнце сіяло, но сирокко стихъ. Графъ съ ранняго утра отправился къ Ланчіотто, тетка Аврора собиралась съ Оттавіо и дѣтьми въ Лермо къ зубному врачу, а Валеріо — готовился сопровождать маркиза Пассеро и Маргариту, снова примирившихся, въ поѣздку на автомобиль.

Во дворѣ Ланчіотто выпѣла пестрая, веселая и шумная жизнь: солнечное сіяніе, полдневный зной, жужжаніе машинныхъ колесъ, визгъ ремней, золотистая пыль, запахъ зерна, пестрые женскіе наряды, раскраснѣвшіися, почернѣвшія, смѣющіяся лица...

На маломъ разстояніи, вслѣдствіе ослѣпительнаго свѣта и пыли, люди не узнавали другъ друга, а подойдя еще ближе—они

уже ничего не слышали. Въ этомъ ослѣпительномъ, сверкающемъ, жужжащемъ водоворотѣ было нѣчто опьяняющее.

Вымолоченная солома образовала подобіе трехъ гигантскихъ башенъ. На самомъ верху ихъ стояли парни, взобравшіеся туда по веревочной качающейся лѣстницѣ, и одинъ передавалъ другому снопы, которые послѣдній и самый ловкій бросалъ страшно высоко.

Вокругъ машины хлопоталъ черный отъ копоти машинистъ съ помощникомъ; молотили старшіе крестьяне, а подростки тогда дѣло бѣгали къ ручью за водою.

Луиджи Ланчіотто съ братьями и графомъ отмѣчали число сноповъ. На деревянной галереѣ дома показывались время отъ времени красивыя дочери Ланчіотто, которыя, граціозно облокотясь о перила, незамѣтно перемигивались съ молодыми людьми. На дѣвушкахъ были пестрые праздничные наряды, которые удивительно шли къ ихъ чернымъ густымъ волосамъ и чернымъ глазамъ. У каждой былъ среди молодыхъ людей возлюбленный, и они знали, что вслѣдъ за работою настанетъ часъ веселья и поцѣлуевъ.

Виоланта, Нина и Марія-Граціэлла также принарядились въ честь сельскаго праздника; онѣ надѣли свѣтлыя блузки къ своимъ темнымъ юбкамъ изъ альпага; но эти скромные городскіе наряды блѣднѣли передъ яркимъ, живописнымъ костюмомъ крестьянокъ. Дамы были приняты восторженно, но хозяйки держали себя свободно, съ простотою благовоспитанныхъ женщинъ, безъ малѣйшаго подобиства и заискиванья. Лучше всего чувствовала себя среди нихъ Марія-Граціэлла, такъ какъ большая часть дѣвушекъ были подругами ея дѣтства. Гордая сдержанность, вызывающая надменность, съ которыми дочь обдѣлывшаго графа держала себя въ своемъ кругу, — совершенно отпадали здѣсь, и она давала полную волю своей веселости. Шутя и смѣясь, она исчезла съ дочерьми Ланчіотто; дѣвушки побѣжали въ спальню, гдѣ Марія-Граціэлла позволила имъ снять съ нея ея платье и переодѣть ее въ крестьянскій нарядъ. Каждая изъ дѣвушекъ съ торжествомъ подавала „контессинѣ“ какую-нибудь часть туалета, одна — бѣлую плоскую рубашку съ пышными рукавами, другая — юбку съ прошивками и вязаными кружевами, третья — черный, вышитый цвѣтною шерстью ворсажъ, четвертая — передникъ, а пятая — пестрые чулки и деревенскіе башмачки. Въ минуту дочь графа превратилась въ премиленькую крестьяночку, и красивыя черноглазыя дѣвушки сходили съ ума отъ восторга при ея видѣ.

Нина и Віоланта тѣмъ временемъ болтали съ хозяйкою и ея невѣстками на кухнѣ — большой и опрятной, гдѣ на огнѣ кипѣли котлы и кострюли. Все кругомъ имѣло такой свѣтлый, безоблачный видъ, словно работа на солнцѣ и въ пыли и приготовления къ обѣду — были веселою игрою. Молотѣба, начавшаяся до зари, продолжалась еще болѣе часа, но затѣмъ со двора послышался рѣзкій свистокъ, и оглушительный шумъ сразу прекратился.

Работа кончилась, наступало веселье.

Столы были накрыты въ пустомъ амбарѣ; семья Порти и хозяйникъ занимали почетныя мѣста, женщины обносили кушанья. Съ низкаго потолка свѣпывались копченые окорока, на полкахъ были разложены козьи сыры, пахло копченымъ, пылью и зерномъ; эти запахи ничуть не смущали обонянія графской семьи, привыкшей къ нимъ съ дѣтства; зато ихъ аристократическіе желудки, привыкшіе довольствоваться малымъ, нѣсколько страдали отъ изобилія вкусныхъ, но тяжелыхъ яствъ, орошаемыхъ мѣстнымъ виномъ, — но радушнымъ хозяевамъ этого и въ голову не приходило.

Віоланта, бывшая сегодня въ веселомъ настроеніи, начинала, однако, съ нетерпѣніемъ поглядывать на часы; всѣ ея мысли были заняты предстоявшимъ ей свиданіемъ, отъ котораго будетъ зависѣть ея дальнѣйшая судьба.

И глядя на графа Маріо, возсѣдавшего такимъ патріархомъ въ кругу своихъ любимыхъ крестьянъ, довольнаго и счастливаго, она говорила себѣ съ легкою тревогой: „какъ-то онъ приметъ эту вѣсть?“ Теперь ей придется оставить здѣшній мирный уголокъ, ея родину, и поселиться въ Лермо, въ мрачномъ палаццо Бульгарини. Она употребитъ всѣ силы для того, чтобы создать новое счастье для себя и Бонавентуры; вчера она написала въ этомъ духѣ и его матери.

Наконецъ всѣ поднялись изъ-за стола съ тяжелою головою и желудкомъ и стали искать мѣста для отдыха. Наступила странная тишина; люди разбрелись, смѣхъ и разговоры затихли, дворъ сразу словно вымеръ.

Никто не обратилъ вниманія на Віоланту, которая среди безмолвія и звоя прошла къ ручью и, слѣдуя по его теченію, добрела до тѣнистаго мѣстечка, гдѣ подъ развѣсистыми дубами стояло изображеніе святаго.

Она сѣла на траву, отъ которой шелъ сильный запахъ цвѣтущаго тимьяна, между тѣмъ какъ изъ-за обвитыхъ плющомъ изгородей доносилось съ полей стрекотанье кузнечиковъ. Отъ

жары и солнечнаго свѣта мысли путались, но все ея существо словно растворялось въ чувствѣ умиленной нѣжности. Сложивъ руки на колѣняхъ, она сидѣла, не шевелясь, и спокойно ожидала свою судьбу.

IX.

Около полудня Бонавентура Бульгарини собрался на свиданіе. Онъ дѣйствовалъ не столько въ силу внутреннего побужденія, сколько изъ чувства долга, не желая огорчать Віоланту. Положеніе его было неловкое: онъ желалъ повидаться съ нею ради сильныхъ впечатлѣній, которыхъ онъ ждалъ отъ этого свиданія; она же казалась готовою простить ему всѣ его прегрѣшенія и переѣхать къ нему. Во многихъ отношеніяхъ онъ не могъ желать ничего лучшаго. Это возстановило бы его въ глазахъ свѣта и вернуло бы ему расположеніе его высокаго покровителя. У городскихъ воротъ подъ деревьями, побѣлѣвшими отъ пыли, стояли почтовые кареты и экипажи, поддерживавшіе сообщеніе между Лермо и Санъ-Анджело. Бонавентура нанялъ шарабанъ съ бѣлымъ верхомъ, и кучеръ обѣщалъ доставить его къ тремъ часамъ на мѣсто.

— Послушай только, — обратился онъ къ кучеру, — не вздумай брать дорогою другихъ пассажировъ. Вѣдь это — ваше любимое обыкновеніе.

Кучеръ, обладавшій профилемъ римскаго императора, но плутоватыми бѣгающими глазами, поклонился всѣмъ святымъ, что синьоръ графъ останется доволенъ.

Бонавентура велѣлъ поднять съ тѣневой стороны занавѣску; экипажъ тащился по совершенно бѣлой отъ пыли дорогѣ; по одной сторонѣ ея тянулась высокая бѣлая ограда и за нею высились, на подобіе призраковъ, такіе же бѣлые кипарисы. Это было городское кладбище, котораго Бонавентура всегда терпѣть не могъ. Въ концѣ его стояло зданіе женскаго монастыря, и кучеръ внезапно остановился у его воротъ.

— Это чтò такое? — спросилъ Бонавентура.

Возница съ римскимъ профилемъ обернулся къ нему и проговорилъ умоляющимъ голосомъ:

— Ахъ, синьоръ графъ, одинъ изъ моихъ друзей просилъ меня подвезти по дорогѣ его дочь — только до Санъ-Джакомо. Ей нужно поспѣть къ поѣзду.

— Хорошо. Только ты возмешь ее къ себѣ на козлы.

— Разумѣется. Она не обезпоятъ синьора графа.

— Хорошо, но поторопись. Мы должны поспѣть къ тремъ часамъ въ Санъ-Анджело.

Тѣмъ не менѣе, Бонавентура уже начиналъ терять терпѣніе, когда монастырская калитка отворилась и двѣ женщины съ узлами и мѣшками вышли изъ нея, сопровождаемыя нѣсколькими сестрами милосердія. Одна изъ нихъ была безобразна и плохо одѣта, другая—цвѣтущая молодая дѣвушка. Бонавентура взоромъ зватока сразу оцѣнилъ стройность молодой дѣвушки и нѣсколько угловатую грацію ея движеній. Онъ тотчасъ же рѣшилъ, что нельзя посадить это юное существо рядомъ съ кучеромъ. Онъ почтительно поклонился сестрамъ и предложилъ путницамъ занять мѣсто въ экипажѣ. Молодая дѣвушка приняла его приглашеніе безъ всякаго жеманства; за нею послѣдовала и старуха. Экипажъ тронулся.

Дѣвушка сидѣла съ опущенными глазами нѣсколько наискось противъ Бонавентуры, и онъ могъ безпрепятственно наблюдать за нею. Она была одѣта по городскому очень опрятно и прилично, но безъ всякой изысканности. Черты ея овальнаго личика напоминали чистотою своихъ линій одну изъ прерафаэлитскихъ Мадоннъ, но при этомъ цвѣтъ лица былъ очень свѣжій, говорившій о здоровьи.

„Навѣрное, она никогда не цѣловала мужчину, даже не глядѣла на него,—подумалъ Бонавентура,—у нея выраженіе лица настоящей монахини“.

Неужели она дѣйствительно станетъ монахиней, и этимъ розовымъ губамъ суждено цѣловать одно Распятіе? Подъ ея легкую блузку угадывались безупречныя очертанія стана; ноги были стройны и малы.

Вдругъ черныя рѣсницы поднялись, и она поглядѣла своими кроткими темными глазами съ нѣкоторымъ любопытствомъ въ его сторону, но, замѣтивъ его наблюдающій взоръ, густо покраснѣла. Онъ заговорилъ съ нею спокойно и любезно, и спросилъ, любить ли она монастырь?

— Да, больше всего на свѣтѣ,—отвѣтила она убѣжденно.

— Я такъ и думалъ. Но все же вы, навѣрное, помолвлены? Старуха засмѣялась.

— Нѣтъ, я не выйду замужъ. Я сдѣлаюсь монахиней.

— Синьорина—племянница нашего недавно скончавшагося священника, падре Роза,—вмѣшалась старуха.

— Вотъ какъ? Я помню его. Онъ былъ истиннымъ пастыремъ,—замѣтилъ Бонавентура, и по радостному выраженію темныхъ глазъ дѣвушки онъ увидѣлъ, какъ ей была пріятна эта похвала.

— Синьорину зовутъ Феличина Роза,—сказала болтливая старуха.

Женщина эта отличалась отталкивающимъ безобразіемъ, которое казалось не случайнымъ, но гармонирующимъ съ ея душевными качествами, и Бонавентура, несмотря на всю свою любезность по отношенію къ людямъ низшаго сословія, не могъ рѣшиться заговорить съ нею.

Но имя молодой дѣвушки понравилось ему. Феличина Роза! Оно олицетворяло сіяющую молодость, счастье, розы.

— Итакъ, вы хотите сдѣлаться монахиней?—спросилъ онъ съ сожалѣніемъ и неодобреніемъ въ тонѣ.

— Да, монастырская жизнь—самая счастливая, насколько я знаю.

— Милое дитя, ну что вы знаете о жизни?—возразилъ онъ отечески.

— Мнѣ знакома жизнь въ монастырѣ и въ міру. За монастырскою стѣною обитаютъ красота и миръ. Каждая изъ насъ знаетъ, что она должна дѣлать, и исполняетъ свой долгъ. Въ міру—одинъ раздоръ, сомнѣніе и грѣхъ.

Съ послѣднимъ словомъ она опустила свои длинныя рѣсницы.

— Да,—подхватилъ онъ съ выраженіемъ мягкой грусти,—конечно, здѣсь есть бури и битвы, чуждыя вашей тихой обители, но позвольте сказать вамъ и, прошу васъ, повѣрьте мнѣ: миръ и спокойствіе отрадны уже послѣ того, какъ миновали предшествовавшія имъ бури. И они тѣмъ отраднѣе, чѣмъ горячѣе была борьба. Но какъ же праздновать миръ, когда борьба еще не начиналась? Повѣрьте мнѣ, синьорина, безъ страданія не можетъ быть и счастья.

— Но благочестивыя сестры воистину счастливы,—съ разгорѣвшимися щеками настаивала дѣвушка.

— И все же я увѣренъ, что нѣтъ такой Христовой невѣсты, которая не позавидовала бы невѣстѣ земной. Пока мы живемъ на землѣ, и все въ насъ—земное, и безъ сомнѣнія женщина предназначена Богомъ для мужа, а не для монастыря; лишь въ любви мужчины—полный расцвѣтъ для женщины, и та, которая хоть разъ въ жизни не позабыла весь міръ въ объятіяхъ мужчины—не жила въ настоящемъ смыслѣ слова.

Бонавентура продолжалъ развивать свои теоріи, подкрѣпляя ихъ краснорѣчивыми взглядами и вкрадчивою музыкою своего голоса. Ему доставляло удовольствіе „пробуждать къ жизни“ эту монастырскую мечтательницу. Его аристократическая виѣшность, самоувѣренность свѣтскаго человѣка, образованіе и художествен-

ная фантазія — давали ему неоспоримый перевѣсъ. Возраженія дѣвушки дѣлались слабѣе, ея увѣренность поколебалась, она была видимо взволнована, и это имѣло для него особую привлекательность.

Феличина рассказала ему свою простую исторію.

Патеръ Роза далъ ей образованіе въ монастырѣ; мать ея была бѣдна, она вышла замужъ вторично и бѣдствовала съ большою семьей. Теперь Феличина отправлялась, подъ охраною старой Карлотты, родственницы ея матери, въ Пескаро, съ тѣмъ чтобы поступить учительницей въ монастырскую школу. Настоятельница монастыря была ея тетка, сестра падре Роза.

Покуда она простодушно передавала ему эти факты, Бонавентура уже рѣшилъ, что онъ долженъ спасти юное созданіе отъ монастырской тюрьмы. Нервы его были пріятно возбуждены.

Бонавентура поглядѣлъ на сидѣвшую передъ нимъ дуэнью. Завистливая, злобная жадность свѣтилась въ ея острыхъ глазахъ: за деньги она, навѣрное, продастъ свою душу. А Віоланта? Должна же она понять наконецъ, что онъ остался прежнимъ, и то, что раньше разлучило ихъ—ничуть не измѣнилось. Она жила мечтами, онъ—дѣйствительностью, и этой бездны не можетъ заполнить никакая добрая воля. Разумѣется, она будетъ очень разочарована, можетъ быть—поплачетъ, преисполнится къ нему презрѣніемъ... Но лучше порвать все сразу.

Онъ быстро составилъ планъ кампаніи.

Какъ только показались дома Санъ Джіакопо, онъ велѣлъ кучеру ѣхать на вокзалъ, такъ какъ онъ предпочитаетъ отправиться со слѣдующимъ поѣздомъ. На станціи онъ простился со своими спутницами, досталъ изъ кармана визитную карточку и нацарапалъ на ней карандашомъ:

„Дорогая Віоланта!

„Къ сожалѣнію, въ послѣднюю минуту—уже ко дорогѣ къ тебѣ—меня задержали. Итакъ—до слѣдующаго раза. Очень спѣшу.

„Твой Бонавентура“.

Онъ вложилъ карточку въ конвертъ, который досталъ въ буфетѣ, и написалъ адресъ, приказавъ носильщику поторопиться. Ему не пришло въ голову, что письмо пролежитъ нѣсколько часовъ на столѣ Віоланты, покуда она сама будетъ ожидать его подъ дубами.

До отхода поѣзда оставалось двадцать минутъ. Покуда Феличина брала билеты у кассы третьяго класса, онъ приблизился къ дуэньѣ и шепнулъ ей нѣсколько словъ, приведшихъ, какъ онъ и ожидалъ, къ благопріятному для него результату. Когда

подали поѣздъ, онъ подошелъ къ обѣимъ женщинамъ и, любезно предложивъ имъ свои услуги, провелъ ихъ мимо вагоновъ третьяго класса къ первому, въ которомъ открылъ отдѣльное купѣ.

Феличина вспыхнула и поколебалась, но онъ успокоилъ ее: никто ихъ не потревожитъ, а вагоны переполнены публикою разнаго сорта, и можно нарваться на непріятность.

Она была смущена, но взоръ его гипнотизировалъ ее, и она вошла, восхищаясь невиданною ею до сихъ поръ роскошью обстановки; за нею послѣдовала сіяющая Карлотта.

Слѣдующая станція была Санъ-Анджело.

Феличина не замѣтила, какъ графъ и Карлотта обмѣнялись взглядами.

Карлотта вышла, чтобы купить на дорогу абрикосовъ, но для этого ей пришлось отойти довольно далеко отъ ихъ вагона, и вмѣсто того, чтобы поторопиться, она продолжала торговаться съ продавцомъ, покуда не раздалось:—Partenza! Pronti!—и ей уже съ трудомъ удалось вскочить въ одинъ изъ заднихъ вагоновъ.

До сихъ поръ Бонаventura не думалъ ни о чемъ, за исключеніемъ удачи своего плана, и лишь теперь ему вспомнилось, что онъ находится въ Санъ-Анджело.

На разстояніи четверти часа ходьбы отсюда—Віоланта ожидала его подъ сѣнью мелколиственныхъ дубовъ, росшихъ въ изобиліи въ этой скалистой мѣстности у моря. Ее окружали со всѣхъ сторонъ сады и виноградники: золотая пшеница, отягченныя плодами деревья, мерцаніе солнечныхъ лучей—все изобиліе поздняго лѣта. И заслонивъ глаза отъ солнца прекрасною тонкою рукою, она напряженно вглядывалась: не идетъ ли онъ?

Въ эту минуту онъ почувствовалъ, что ему слѣдуетъ соскочить на ходу съ медленно двигавшагося поѣзда и бѣжать туда, къ этому мѣстечку подъ дубами...

Но эта мысль не перешла въ дѣйствіе.

Съ гнѣвцаго О. Ч.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Письмо въ Редакцію.

Давно и весьма извѣстный французскій писатель Монтэнъ сказалъ: „Nul n'est content de sa fortune et mécontent de son esprit“.—Нѣтъ человѣка, который былъ бы доволенъ своимъ состояніемъ и недоволенъ своимъ умомъ!

Стараться улучшить свое состояніе или положеніе не можетъ быть потому признано дѣломъ нежелательнымъ. Въ этомъ стараніи, безспорно, зародышъ, или, пожалуй, основа всякаго прогресса,—который проявляется наиболѣе настойчиво и наглядно тамъ, гдѣ для того существуютъ благоприятныя условія. Въ настоящее время у насъ, въ нашемъ обширномъ отечествѣ, телеграммы ежедневныхъ газетъ преимущественно извѣщаютъ, что въ такихъ-то городахъ и мѣстностяхъ забастовали рабочіе всякаго вида промышленнаго, ремесленнаго и профессиональнаго труда. Затѣмъ идутъ извѣщенія о мирномъ или немирномъ ходѣ забастовокъ и о томъ или другомъ ихъ окончаніи. Причина всѣхъ такого рода явленій всюду одна и та же: желаніе работать меньше и получать за свой трудъ больше. Нельзя не сказать, что такое желаніе вполне естественно, понятно и практично.

Несомнѣнно что забастовки болѣе или менѣе нарушаютъ мирное теченіе общественной жизни въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ онѣ проявляются, особенно если съ ними связаны уличные безпорядки. Несомнѣнно также, что такое нарушеніе приноситъ существенный вредъ, а иногда и убытокъ, такъ сказать, постороннимъ лицамъ, не имѣющимъ ничего общаго ни съ хозяевами, ни съ забастовавшими у нихъ рабочими. Забастовки рабочихъ—дѣло не новое въ промышленныхъ странахъ Западной Европы, и уже давно онѣ привели къ общей организаціи рабочаго класса для такъ называемой борьбы труда съ капиталомъ. Цѣль ея—ограничить власть капитализма и вполне обезпечить положеніе и права рабочихъ. Я нисколько не намѣренъ, съ должной научной окраской, высказаться въ настоящей статьѣ о капитализмѣ и о борьбѣ съ нимъ. Мнѣ хотѣлось бы только вкратцѣ указать на нѣкоторые явленія, которые недостаточно выясняются въ газетныхъ сужденіяхъ о стачкахъ и забастовкахъ, что часто вводитъ въ заблужденіе нашу деревенскую читающую публику.

Только въ XIX-мъ столѣтіи постепенно послѣдовало значительное,

никогда прежде не существовавшее удешевленіе пользованія капиталомъ. Полагаю, нѣтъ надобности указывать, до какого размѣра понизился процентъ, получаемый отъ государственныхъ бумагъ выпускаемыхъ государствами, пользующимися устойчивымъ кредитомъ, а также процентъ учета вѣрныхъ краткосрочныхъ торговыхъ обязательствъ. Обыкновенно нападки на капиталъ соединены съ антисемитизмомъ. Предположимъ, что сказаніе, часто встрѣчаемое въ заграничной печати, о томъ, что деньги—въ рукахъ евреевъ и они полновластные владыки главныхъ европейскихъ денежныхъ биржъ,—безусловно вѣрно. Мнѣ кажется, въ такомъ случаѣ остается только благодарить гг. семитовъ за удешевленіе торговли деньгами. Благодарность эта окажется еще болѣе ими заслуженной, если принять во вниманіе, что въ томъ же XIX-мъ вѣкѣ требованіе на деньги увеличилось въ громадномъ размѣрѣ. Развитіе промышленности, улучшеніе путей и способовъ сообщенія, броненосный металлическій флотъ и всякія небывалыя до того по размѣрамъ постройки и сооруженія потребовали не только массу денегъ, но и массу личнаго человѣческаго труда. Рабочая плата вполне естественно порысилась; а вотъ деньги—подешевѣли. Съ перваго взгляда—довольно странное явленіе. На ряду съ нимъ бросается въ глаза громадное развитіе въ Западной Европѣ капиталовъ сберегательныхъ кассъ, главными, почти исключительными участниками которыхъ—люди, живущіе своимъ трудомъ. Очевидно, капиталъ демократизировался. Человѣкъ, имѣющій сбереженія, безспорно капиталистъ, какова бы ни была сумма этихъ сбереженій. Надо еще прибавить, что нынѣ рабочій въ Европѣ, благодаря улучшеннымъ сообщеніямъ, питается лучше и дешевле прежняго. Продовольственные рынки европейскихъ промышленныхъ странъ въ настоящее время снабжаются не только сѣвернымъ, а также и южнымъ полушаріемъ.

Но стачки не всегда бываютъ устраиваемы рабочими для экономическихъ цѣлей; нерѣдко онѣ имѣютъ чисто политическій характеръ. Въ сентябрѣ прошлаго года я былъ свидѣтелемъ въ Италіи, въ Viareggio, непріятныхъ послѣдствій повсемѣстной двухдневной забастовки всякаго труда—въ видѣ политической манифестаціи протеста. Чтобы дать понятіе объ этихъ непріятностяхъ, скажу только, что одинъ мой знакомый употребилъ на проѣздъ изъ Милана въ Viareggio, вмѣсто обычныхъ семи часовъ, полторы сутокъ. Положимъ, забастовавшимъ рабочимъ дѣла нѣтъ до вреда или убытковъ, причиняемыхъ ихъ забастовкой постороннимъ лицамъ. Напротивъ, они въ нихъ видятъ только содѣйствіе достиженію преслѣдуемой ими цѣли. Несомнѣнно однако, что всякая забастовка рабочихъ, т.-е. временное ихъ лишеніе дневного заработка, представляетъ собою для нихъ болѣе или менѣе крупный убытокъ. Надо еще принять въ соображеніе, что чѣмъ обшир-

нѣе и лучше организація рабочихъ въ Западной Европѣ, тѣмъ дороже она постоянно обходится тѣмъ же рабочимъ, которые участвуютъ въ ней и содержать ее. Можетъ ли эта дорого стоящая организація исполнѣ обеспечить экономическое положеніе рабочихъ? Разумѣется, нѣтъ, и это съ полной убѣдительностью доказываютъ промышленные кризисы, которые неоднократно въ европейскихъ странахъ съ наиболѣе развитой промышленностью прекращали производство на многихъ фабрикахъ. Весьма недавно въ Англіи, вслѣдствіе такого прекращенія, тысячи рабочихъ голодали и голодаютъ, а правительство призвано общественнымъ мнѣніемъ заняться этимъ бѣдствіемъ. Наконецъ, и при нормальныхъ условіяхъ производства и сбыта во всякомъ промышленномъ предпріятіи существуетъ предѣлъ его расходовъ,—въ коихъ рабочая плата играетъ видную роль. Все увеличивающаяся всюду внутренняя и внѣшняя промышленная конкуренція все болѣе обязываетъ на дешевый сбытъ. Будущее не обѣщаетъ улучшенія въ этомъ отношеніи. Европейская промышленность живетъ преимущественно вывозомъ своихъ произведеній въ дальнія страны. Быстрый и всесторонній прогрессъ многолюднаго населенія въ бассейнѣ Тихаго океана не только исключаетъ значительную часть потребителей европейскихъ продуктовъ, но создаетъ для нихъ предпримчивыхъ конкурентовъ производителей, имѣющихъ весьма серьезное преимущество вслѣдствіе баснословной дешевизны мѣстнаго человѣческаго труда. Борьба труда съ капиталомъ въ Европѣ все болѣе затрудняется въ будущемъ, къ несомнѣнному ущербу рабочаго сословія, какъ бы совершенна ни была его организація. Забастовки, стачки рабочихъ уже вызвали и будутъ все болѣе вызывать всякаго рода синдикаты и трѣсты. Наконецъ, капиталъ по своему существу—космополитъ. Онъ нисколько не привязанъ къ данному мѣсту, къ данной странѣ. Не находя у себя выгоднаго и вѣрнаго помѣщенія, онъ весьма легко и скоро перекочевываетъ въ другія мѣста и страны. Несомнѣнно, борьба труда съ капиталомъ въ Европѣ дала первому значительныя политическія преимущества, но въ экономическомъ отношеніи ничего прочнаго не создала для рабочаго сословія, да и не могла создать. Очень вѣроятно, что въ будущемъ, при все увеличивающихся затрудненіяхъ европейской промышленности, не въ борьбѣ труда съ капиталомъ, а въ соглашеніи между ними явится возможность прочнаго устройства европейскаго же рабочаго сословія, не скажу—на почвѣ кооперации, а скорѣе ассоціаціи.

Производство сложныхъ и также крупныхъ предметовъ, а еще болѣе необходимость дешеваго сбыта этихъ предметовъ, вынудили нынѣ всякое промышленное предпріятіе, съ одной стороны, какъ можно болѣе расширить свое производство, а съ другой—открывать кредитъ для

покупателей производимаго и пользоваться самому этимъ кредитомъ, часто въ обѣихъ его формахъ—долгосрочной и краткосрочной. Въ виду риска, связаннаго со всякимъ промышленнымъ предпріятіемъ, наиболѣе подходящимъ способомъ его устройства признается ассоціація въ видѣ товарищества или акціонернаго общества. Извѣстныя европейскія именныя промышленныя фирмы—въ сущности суть юридическія лица, публикующія въ опредѣленные сроки свои балансы, въ коихъ съ точностью указанъ размѣръ основного акціонернаго капитала, а затѣмъ облигаціоннаго, и среди всѣхъ видовъ дѣятельности предпріятія очень важныя отдѣлы кредиторовъ и дебиторовъ. При такомъ положеніи промышленной дѣятельности нѣтъ никакого серьезнаго препятствія, чтобы ею занимались рабочіе не какъ наемники, а какъ хозяева, особенно если они перестанутъ тратить свои сбереженія на непроизводительные расходы. Капиталъ чуждъ какой-либо сентиментальности, онъ ищетъ помѣщенія и навѣрное придетъ на помощь всякому истинно коллективному промышленному предпріятію, если оно, прочно основанное, будетъ правильно вести свое дѣло. Такого рода промышленныя предпріятія, развиваясь и умножаясь, уничтожаютъ современемъ настоящую борьбу труда съ капиталомъ, которая до сихъ поръ ничего прочнаго въ экономическомъ отношеніи не дала рабочему сословію нигдѣ.

Краткое, хотя бы и поверхностное изложеніе западно-европейской борьбы труда съ капиталомъ, полагаю, полезно, когда приходится говорить о нашихъ рабочихъ забастовкахъ, появившихся весьма недавно, но сразу принявшихъ очень серьезную форму. Западно-европейская промышленность родилась и живетъ совершенно самостоятельно, тогда какъ наша отечественная—развивалась и развилась вполнѣ искусственно, благодаря усиленной, постоянной правительственной помощи въ видѣ огражденія ея отъ иностранной конкуренціи, а также и путемъ выгодныхъ правительственныхъ заказовъ. Я не стану говорить, насколько эта помощь принесла существенный вредъ земледѣльческому сословію, составляющему девять-десятыхъ всего населенія російской имперіи. Это неоднократно было вполнѣ убѣдительно выяснено въ печати. Положеніе нашей отечественной промышленности въ высшей степени благопріятно для хозяевъ ея. Если въ Европѣ конкуренція и все увеличивающееся затрудненіе сбыта вынуждаютъ промышленность на постоянную, неусыпную и, если такъ можно выразиться, бдительную дѣятельность—какъ по части производства, такъ и по части сбыта производимаго,—у насъ обезпеченная высокая доходность нисколько не требуетъ отъ промышленнаго предпріятія никакого особаго труда. Если въ Европѣ

рабочая организація служить постоянной угрозой для самаго существованія фабрикъ и заводовъ,—у насъ обезпеченность высокой ихъ доходности даетъ полную возможность хозяевамъ таковыхъ учреждений безъ крупнаго убѣтка удовлетворять разумныя и справедливыя требованія рабочихъ. Этимъ отчасти объясняется сочувствіе общественнаго мнѣнія и даже правительства къ забастовкамъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, несмотря на сопровождавшіе ихъ не разъ безпорядки и насилие. Уличные безпорядки должны быть, несомнѣнно, прекращены; это мы видимъ и въ государствахъ, гдѣ рабочая организація представляетъ собою политическую силу, съ которой мѣстное правительство вынуждено считаться. Такая же организація вводится нынѣ и у насъ, но нельзя не сказать, что это—скорѣе искусственное подражаніе Европѣ, не достигшее той цѣли, для которой оно вводилось. Рабочаго сословія, вполне на европейскій ладъ, у насъ не существуетъ; оно, такъ сказать, еще формируется; а пока, да пожалуй и въ близкомъ будущемъ, его нѣтъ и не будетъ. Громадное большинство фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ—крестьяне, временно оставившіе свою родовую осѣдность, болѣею частью нисколько не разрывая связи съ нею. Такое положеніе до нѣкоторой степени облегчаетъ у насъ рабочія забастовки; но дѣйствительность вынуждаетъ настоящее наше крестьянство дорожить всякимъ отхожимъ промысломъ. Крестьянинъ, работающій на фабрикѣ или заводѣ, все болѣе убѣждается въ необходимости высылать часть, а иногда и большую часть заработанныхъ денегъ семьѣ въ деревню. Все увеличивающееся измѣльчаніе надѣловъ научило крестьянство, что на одномъ надѣлѣ, безъ посторонняго заработка,—прожить нельзя.

Но не однѣ только забастовки фабричныхъ рабочихъ въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ видимъ мы въ послѣднее время у насъ, а также и ремесленныя въ провинціальныхъ городахъ большихъ и малыхъ. Это нарушеніе обычной мирной жизни приносить, пожалуй, городскимъ жителямъ болѣе непріятности и убѣтка, чѣмъ большія фабричныя забастовки. Недовольство ремесленниковъ трудно понять нашему брату, деревенскому жителю. Въ провинціи въ настоящее время специальное ремесленное знаніе значительно увеличилось, и пользованіе имъ стало болѣе прежняго доступнымъ; тѣмъ не менѣе, оно далеко еще не распространилось до того, чтобы можно было указать на избытокъ ремесленнаго знанія и на значительный упадокъ цѣны ремесленнаго труда. Правда, нынче въ деревнѣ, да и въ провинціальныхъ городахъ, меньше слышишь жалобы на „понедѣльники“ рабочихъ и на невозможность точнаго удовлетворенія срочныхъ заказовъ,—все же жалобы такого рода существуютъ. Во всякомъ ремесленномъ и профессиональномъ трудѣ главное основаніе—его качество.

Хорошимъ работникомъ въ этой отрасли настолько дорожить всякій хозяинъ, что не остановится ни передъ какой жертвой, чтобы удержать его у себя; иначе его сманитъ сосѣдъ. На фабрикахъ, гдѣ сотни станковъ требуютъ однообразной работы, общія требованія, общія забастовки вполне понятны и, пожалуй, разумны; далеко не то въ ремеслѣ, гдѣ личныя качества работающаго придаютъ особую цѣнность его работѣ. Тутъ, казалось бы, общія требованія и забастовки положительно неумѣстны и необъяснимы. Поощряя среднее, полуплохое производство, онѣ тѣмъ самымъ устраняютъ побужденіе къ улучшенію труда, что, въ общемъ, вредно для самихъ рабочихъ. Однако, эти мелкія забастовки существуютъ чуть не по всѣмъ специальностямъ ремесленного труда и сопровождаются тѣмъ же насиліемъ большинства надъ рабочими, желающими продолжать свои занятія, и часто уличными беспорядками, какъ въ крупныхъ фабричныхъ забастовкахъ. Первая обязанность всякаго правительства—охранять безопасность жителей государства, коимъ оно управляетъ. Всякое насиліе, кѣмъ бы оно ни производилось, частными лицами или представителями администрации, подлежитъ преслѣдованію судебнымъ порядкомъ, какъ противозаконное нарушеніе личной безопасности. Деспотизмъ толпы—это самый худшій.

Съ нѣкоторой натяжкой можно сказать, что аграрныя недоразумѣнія всегда существовали въ русской деревнѣ, но до 1861-го года онѣ имѣли скорѣе революціонный характеръ: въ оброчныхъ имѣніяхъ—въ видѣ общаго противодѣйствія; въ имѣніяхъ же, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ,—лично противъ него направленное. Помню,—въ пятидесятыхъ годахъ, дворовые люди высѣкли одного помѣщика и сами пошли заявить о своемъ дѣяніи начальству. Потерпѣвшему,—впрочемъ, не очень больно,—стоило немало труда и расходовъ потушить это дѣло. Чуть не съ самаго момента освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости появились аграрныя недоразумѣнія чисто экономическаго характера. Сначала свободный крестьянинъ не шелъ на работу въ землевладѣльческомъ хозяйствѣ, но скоро, убѣдившись, что однимъ своимъ надѣломъ прожить трудно, сталъ входить въ соглашеніе съ сосѣдомъ-землевладѣльцемъ. Я попалъ въ мокшанскій уѣздъ въ 1865 году, когда острое время этого исканія соглашенія приходило къ концу; трудно было, однако, жить въ деревнѣ и хозяйничать въ ней тогда. Наемъ рабочихъ, отдача полей за деньги или изъ части производимаго на нихъ—были въ деревнѣ совершенно новыми экономическими явленіями для обѣихъ сторонъ. Вполнѣ естественно возникали недоразумѣнія какъ при заключеніи условій, такъ и при исполненіи ихъ. Мало-по-малу дѣло стало налаживаться. Отношеніе труда къ землѣ постепенно пріобрѣтало все болѣе нѣкоторую опредѣленность и проч-

ность. Земство немало тому содѣйствовало. Въ земскихъ собраніяхъ, по „Положенію“ 1864 года, крестьянство, сближаясь съ землевладѣльческой интеллигенціей, все болѣе усвоивало понятіе объ общихъ мѣстныхъ нуждахъ и возможности ихъ удовлетворенія. Дѣйствительность все болѣе выясняла общность интересовъ. Въ семидесятыхъ годахъ, какъ крестьянское, такъ и землевладѣльческое полеводство, да и все сельское хозяйство замѣтно улучшалось. Цѣна зерна все росла и тѣмъ давала возможность затратить на обработку земли и на улучшеніе всего сельско-хозяйственного дѣла. Въ зиму 1880—1881 годовъ, вслѣдствіе значительнаго повышенія цѣны на зерно, деревня находилась въ особенно благоприятныхъ экономическихъ условіяхъ. Къ сожалѣнію, это былъ безвозвратный конецъ самостоятельному развитію всего землевладѣнія, достигнутому въ первое двадцатилѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ. Именно въ восьмидесятыхъ годахъ началось второе двадцатилѣтіе обнищанія всего русскаго землевладѣнія, всего нагляднѣе высказавшееся на сельскомъ населеніи русскаго центра. Введеніе якобы патріотическаго усиленнаго покровительства отечественной промышленности привело къ экономической международной борьбѣ. Первый, кто обложилъ пошлиной русское зерно, былъ Бисмаркъ. Его примѣру вскорѣ послѣдовали и другія государства. Вполнѣ естественно, вслѣдствіе этого цѣна зерна на мѣстахъ его производства прочно упала. Этой прочности сначала землевладѣніе не повѣрило; паденіе цѣны считалось случайнымъ, и преобладала увѣренность, что *заграница* безъ нашего хлѣба не обойдется. Нашлись въ печати и утѣшители, которые весьма убѣдительно доказывали, что пошлину на зерно уплатитъ иностранный его потребитель. Пришлось, однако, увѣровать, что зерно настолько прочно подешевѣло, что производство его безвыгодно. Крестьянство, со свойственной ему практичностью, не въ одномъ только мокшанскомъ уѣздѣ, стало бросать надѣлы. Помню одинъ типичный случай въ нашемъ уѣздѣ, надѣлавшій мнѣ много хлопотъ. Я тогда былъ уже предводителемъ. Въ селѣ Муратовѣ очень значительная группа крестьянъ отказалась отъ надѣловъ, сохранивъ за собой только усадьбы и усадебную землю. Муратовское общество находилось въ безвыходномъ положеніи: свободная земля, на которой лежала уплата всѣхъ повинностей, не находила желающихъ ее взять. Общество надумалось и постановило обложить надѣльную землю только выкупными платежами, а мірскіе и волостные сборы взыскивать съ усадебъ. Отказавшіеся отъ надѣльной земли обжаловали этотъ приговоръ въ мокшанское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которое признало его правильнымъ. Обжалованное истцами, это рѣшеніе было утверждено губернскимъ присутствіемъ. На послѣднее постановленіе отказавшіеся отъ земли подали жалобу въ сенатъ. Пра-

вительствующій сенатъ призналъ, что сельскій сходъ имѣетъ полное право, для удовлетворенія мірскихъ и волостныхъ нуждъ, избирать тотъ или другой предметъ обложенія лишь подъ единственнымъ условіемъ общаго и равномѣрнаго его обложенія; а такъ какъ муратовскій сходъ обложилъ одинаково всѣ усадьбы, то приговоръ его правиленъ.

Русское, какъ и всякое землевладѣніе, не имѣющее постороннихъ источниковъ дохода, живетъ и можетъ жить только отъ сбыта своихъ произведеній, и вполне естественно удешевленіемъ ихъ увеличивается размѣръ необходимаго сбыта, что въ свою очередь ведетъ къ еще большому пониженію цѣны производимаго. Расходъ на жизнь земледѣльца — величина скорѣе опредѣленная, которая съ трудомъ можетъ быть уменьшена даже при скромныхъ требованіяхъ всего русскаго сельскаго сословія. На ряду съ пониженіемъ цѣны на произведенія сельско-хозяйственной промышленности стала расти наша государственная смѣта доходовъ и расходовъ съ замѣчательной быстротой и, надо прибавить, съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Увеличившіяся требованія государственнаго казначейства, въ какой бы формѣ они ни проявлялись, вполне естественно отразились на самой многочисленной части населенія російской имперіи, т.-е. на русскомъ сельскомъ населеніи. Къ уменьшенію доходовъ русскаго землевладѣнія прибавлялось постепенное увеличеніе его обязательныхъ расходовъ. Такое положеніе не могло привести ни къ чему другому, какъ къ тому, къ чему оно и привело, а именно къ прочному обѣднѣнію русскаго землевладѣнія. Это положеніе имѣло еще другое послѣдствіе,—пониженіе техники сельскаго хозяйства.

Во всякой промышленности, какъ и въ сельско-хозяйственной, всякое улучшеніе техники требуетъ затратъ и также связано съ рискомъ получить убытокъ, вслѣдствіе случайнаго, непредвидѣннаго затрудненія въ сбытѣ производимаго. Ничего случайнаго и непредвидѣннаго не существуетъ для нашей сельско-хозяйственной промышленности относительно сбыта: онъ прочно и основательно затрудненъ. Есть еще другая особенность сельско-хозяйственной промышленности—невѣрность результатовъ ея дѣятельности. Засуха, а еще болѣе всякіе букашки и червяки могутъ безвозвратно уничтожить оборотный капиталъ, вложенный въ землю ея обработкой и посѣвомъ. Въ прошломъ году засуха надѣлала много вреда полеводству въ Германіи; напр., извѣстно, какъ въ Силезіи картофель засохъ. Нѣтъ надобности говорить, насколько полеводство въ Германіи выше, чѣмъ у насъ; однако и тамъ атмосферическія явленія имѣютъ вліяніе на него. Упоминаю объ этой спеціальной рискованности, присущей сельско-хозяйственной

промышленности, какъ на ея право общественнаго къ ней вниманія, по меньшей мѣрѣ, осторожнаго и вполне обоснованнаго о ней сужденія.

Русское, какъ впрочемъ и всякое другое, землевладѣніе дѣлится на два разряда: одно мелкое, которое обрабатывается самимъ владѣльцемъ и его семьей; другое — которое для своей обработки требуетъ наемныхъ рабочихъ. Последніе, естественно, могутъ быть только изъ сельскаго сословія, какъ единственно подготовленнаго къ земледѣльческому труду. При дешевизнѣ сбыта произведеній земледѣльческаго труда и постоянномъ увеличеніи обязательныхъ расходовъ, связанныхъ со всякимъ землевладѣніемъ, земля, могущая быть обработана одной семьей, недостаточна для удовлетворенія всѣхъ ея нуждъ; требуется изысканіе дополнительныхъ средствъ. Такое положеніе, казалось бы, въ высшей степени благоприятно для землевладѣнія, нуждающагося въ сельскихъ рабочихъ. Усиленное предложеніе земледѣльческаго труда, разумѣется, понизило его цѣну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, породило массовое исканіе его примѣненія. Болѣе или менѣе крупное землевладѣніе, вслѣдствіе удешевленія зерна и присущей полеводству рискованности его веденія, вынуждено было если не вполне уничтожить собственныя запашки, то значительно ихъ сократить. Сдавать землю въ долгосрочную аренду по опредѣленной цѣнѣ, при обѣднѣннѣ крестьянства, рѣдко гдѣ возможно; по необходимости выработалась дробная отдача полей изъ части получаемаго съ нихъ, положительно невыгодная для обѣихъ сторонъ. Крестьянинъ, вслѣдствіе дешевизны зерна, беретъ землю въ болѣе большомъ количествѣ, чѣмъ онъ можетъ ее свободно и легко обработать; сбытъ же зерна, полученнаго на его часть, скудно оплачиваетъ его трудъ. Землевладѣлецъ, при такой отдачѣ земли, нисколько не освобождается отъ расхода на содержаніе многочисленной администраціи. Наблюденіе же за непосильной обработкой земли и уборкой ея произведеній вызываетъ массу недоразумѣній, часто доходящихъ до суда. Отношенія крестьянства къ землевладѣнію рѣдко могутъ быть нормальны и дружественны. Разъ же зародилась вражда между двумя сторонами, въ сущности нуждающимися другъ въ другѣ, отношенія между ними обостряются по малѣйшему поводу. Несомнѣнно, при нѣсколько обезпеченной выгодности полеводства, землевладѣлецъ или самъ бы велъ свое хозяйство, или сдавалъ бы все имѣніе въ денежную аренду, которую крестьяне не находили бы никакого затрудненія уплачивать. Какъ ни убыточна выработанная нуждой форма сельско-хозяйственной промышленности, нельзя, однако, не сказать, что она практична. Вполнѣ естественно, что всюду, гдѣ является къ тому возможность, она болѣе или менѣе измѣняется, — улучшается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и техника полеводства.

Такой крупный, выдающийся фактъ, какъ обѣдѣніе многочисленнаго русскаго сельскаго населенія, не могъ не привлечь вниманія правительства. Основывались спеціальныя коммиссіи, изучалось положеніе этого населенія и принимались мѣры къ улучшенію этого положенія. Къ сожалѣнію, борьба велась съ послѣдствіями обѣдѣнія, а не съ причиной его, т.-е. съ пониженіемъ цѣнъ на произведенія земледѣльческаго труда. Изъ принятыхъ правительствомъ мѣръ нельзя не остановиться на дворянскомъ и крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, основанномъ правительствомъ. Имъ открывался болѣе дешевый и доступный долгосрочный кредитъ для двухъ главныхъ частей русскаго землевладѣнія, т.-е. крестьянскаго и дворянскаго. Такая важная льгота, соединенная съ нѣкоторыми жертвами государственнаго казначейства, нисколько не измѣнила общаго недуга землевладѣнія, да и не могла измѣнить. Въ одномъ дворянскій банкъ принесъ общую и несомнѣнную пользу: понизивъ процентъ, платимый заемщиками за долгосрочныя ссуды, онъ тѣмъ самымъ заставилъ и другіе банки послѣдовать его примѣру. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что такое пониженіе послѣдовало бы само собою, что доказывается самой возможностью частныхъ банковъ вступить на путь, открытый починомъ дворянскаго банка. Въ настоящее время частныя банки успѣшно конкурируютъ съ дворянскимъ, что доказываетъ только трудность веденія земледѣльческаго дѣла. Всякій кредитъ,—если такъ можно выразиться,—это учетъ лучшаго будущаго. Говорю о правильномъ кредитѣ, а не о благотворительномъ, который не кредитъ, а помощь. Это выяснилось на дѣятельности крестьянскаго банка. Приобрѣтеніе крестьянскими обществами и товариществами земли съ пособіемъ этого банка на столько часто оканчивалось—въ первомъ случаѣ—переходомъ этой земли во владѣніе сего кредитнаго учрежденія, что оно было вынуждено затруднить эту операцію. При настоящемъ экономическомъ положеніи, крестьянство—за пользованіе землей, ему необходимой—можетъ легко уплачивать только произведеніями ея, т.-е. натурой; разъ же требуются деньги, то, въ общемъ, это уже для него непосильно. Состоятельное товарищество, находящееся въ благопріятныхъ условіяхъ, крѣпче удерживаетъ землю, приобрѣтенную съ пособіемъ крестьянскаго банка, и случаи отобранія этой земли за невзность срочныхъ платежей крайне рѣдки. Въ моемъ близкомъ сосѣдствѣ общество крестьянъ небольшой деревни Александровскій-Хуторъ купило съ помощью крестьянскаго банка землю у графини Капнистѣ, какъ разъ въ началѣ паденія цѣнъ на зерно. Долго общество билось съ затрудненіями взноса срочныхъ платежей, наконецъ не выдержало, и земля поступила во владѣніе крестьянскаго банка, который только недавно продалъ ее товариществу хохловъ изъ черниговской губерніи.

Кстати, — эти хохлы завели нѣсколько поселковъ въ нашемъ уѣздѣ. Это объясняется очень просто. Земля въ черниговской губерніи стоитъ чуть не втрое дороже, чѣмъ у насъ, и надо отдать полную справедливость дальнимъ къ намъ переселенцамъ — они очень быстро и хорошо устраиваются. Какъ я ни старался узнать, какимъ образомъ устроилось это вполне самостоятельное переселеніе, — мнѣ это не удалось.

Общественное мнѣніе, также какъ и правительство, занималось и все еще занимается вопросомъ объединенія нашего сельскаго населенія. Периодическая печать обратила на него свое вниманіе. Деревня очень доверчиво относится къ печатному слову и часто черпаетъ изъ него готовые сужденія о своихъ же собственныхъ нуждахъ и средствахъ имъ помочь. Одно время деревня такимъ образомъ крѣпко увѣровала, что низкая цѣна русскаго зерна зависитъ отъ массоваго его осенняго выбрасыванія на рынокъ и отъ умышленнаго засоренія зерна евреями. Дѣйствительность поколебала первое убѣжденіе; цѣны зерна въ послѣднее время были выше осенью, чѣмъ зимой и ранней весной, и многіе, выжидавшіе съ продажъ своего зерна, потерпѣли убытокъ. Однако, предубѣжденіе противъ осеннихъ продажъ все же сохранилось, оспаривать его на основаніи точныхъ данныхъ невозможно. Въ декабрѣ на европейскомъ рынкѣ начинается появляться аргентинское зерно, и отъ него зависятъ зимнія цѣны. Можно только одно сказать съ полной увѣренностью: вслѣдствіе постояннаго, чуть не ежедневнаго снабженія европейскихъ хлѣбныхъ рынковъ, крупные запасы на нихъ не существуютъ, а потому торговля зерномъ можетъ быть удачной и выгодной, когда оно можетъ быть доставлено во всякое время точно въ срокъ.

Я не стану оспаривать легенды объ умышленномъ засореніи евреями русскаго зерна, — замѣчу только, что такая операція не можетъ дать выгоду, а невыгоднымъ дѣломъ никто не занимается. Остановлюсь только на чистотѣ зерна, продаваемаго землевладѣнцемъ, — какъ крупнымъ, такъ и мелкимъ, крестьянскимъ.

На хлѣбныхъ биржахъ средняя цѣна зерна, за среднюю также его добротность, выраженную въ установленномъ размѣрѣ золотниковъ, опредѣляется, въ данное время — скажемъ — въ сорокъ копѣекъ. За каждый лишній золотникъ прибавляется полъ-копѣйки, за недостающій — столько же уменьшается. Цѣной, установившейся на биржѣ, руководствуются и базарные, деревенскіе покупатели, опредѣляя добротность зерна обыкновенно пуркой, а иногда на глазъ. Продавецъ-производитель, разумѣется, имѣетъ въ виду только свою выгоду. Несомнѣнно, при низкой цѣнѣ зерна, и полкопѣйка лишняя за пудъ имѣетъ весьма

серьезное значеніе, но она получается не даромъ. Сортировкой зерна уменьшается его вѣсъ, полученный по его отвѣсъ при молотбѣ, и дѣло чистаго расчета—опредѣлить, выгодна ли тщательная сортировка зерна, или нѣтъ. Объясню это примѣромъ: при средней цѣнѣ въ 40 коп. за пудъ зерна, при весьма тщательной его сортировкѣ, получилось значительное, небывалое увеличеніе его добротности—въ восемь золотниковъ, и за пудъ продавецъ получить 44 копѣйки; но при сортировкѣ изъ пуда чистаго и хорошаго зерна получались всего тридцать фунтовъ, слѣдовательно, чтобы дать пудъ, надо было добавить еще десять фунтовъ сортированнаго зерна, а потому 44 копѣйки было получено не за пудъ, а за пудъ десять фунтовъ, стоящихъ по средней цѣнѣ 50 коп. Несортированное зерно пошло бы дешевле 40 коп., но оставшійся въ немъ отбросъ имѣть все же нѣкоторый вѣсъ, и пониженіе его добротности не можетъ превышать половины полученнаго въ первомъ случаѣ повышенія, т.-е. четырехъ золотниковъ, т.-е. 2 коп. съ пуда и 3 коп. съ 1 п. 10 фунтовъ, т.-е. 47 коп., или на 3 копѣйки выгоднѣе продать хлѣбъ несортированнымъ. Правда, слѣдуетъ принять въ расчетъ отбросъ, часть котораго, состоящая изъ легкаго зерна и мякны,—хорошій кормъ для скота. Землевладѣніе, съ такимъ трудомъ добывающее наличныя деньги, по неволѣ ставитъ ихъ выше всего; но если даже для полезной части отброса исключить 2 копѣйки изъ полученнаго барыша, останется копѣйка ¹⁾ выгоды на пудъ, а таковой, даже полукопѣйкой, довольствуются весьма крупныя хлѣботорговныя фирмы, которыя, очень вѣроятно, руководствуются одинаковыми съ землевладѣльцами соображеніями, относительно чистоты и добротности русскаго зерна при продажѣ его на заграничномъ рынкѣ.

Приведенный мною расчетъ, несомнѣнно, измѣняется, вслѣдствіе различныхъ условій цѣны на зерно и урожая его. Очень можетъ быть, что при урожаѣ наливнаго—какъ у насъ говорится—зерна, тщательная его выдѣлка будетъ выгодна. Во всякомъ случаѣ, не въ засоренности русскаго зерна заключается причина пониженія его цѣны. Противъ этого пониженія существенную пользу принесла одна правительственная мѣра именно въ пензенской губерніи, на которую слѣдуетъ указать. Правительственнымъ тарифнымъ комитетомъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ установленъ одинаковый тарифъ на перевозку зерна и муки по желѣзнымъ дорогамъ. Благодаря тому, развилось мукомольное дѣло не только въ пензенской губерніи, но и въ сосѣднихъ съ ней уѣздахъ другихъ губерній. Со-

¹⁾ Я не упоминаю о стоимости труда, необходимаго для сортировки зерна, потому что вычислить ее на пудъ потребовало бы довольно подробнаго объясненія, а размѣръ ея—ничтоженъ.

здались на мѣстѣ болѣе или менѣе крупныя центры покупки зерна, и цѣна его значительно возросла. Года два тому назадъ, наше мѣстное землевладѣніе продавало рожь на 5—6 копѣекъ за пудъ дороже, чѣмъ можно бы было получать за нее по цѣнамъ либавскаго порта, за вычетомъ расхода доставки. Созданіе крупныхъ мѣстныхъ потребительныхъ центровъ зерна—одно изъ дѣйствительныхъ способовъ повышения его цѣны. Къ сожалѣнію, громадныя желѣзнодорожныя залежи прошлой зимы уничтожили это преимущество. На желѣзнодорожныхъ станціяхъ рядомъ съ зерномъ были навалены и мѣшки съ мукой. Очень долго эти станціи были закрыты для пріема какъ зерна, такъ и муки. Весь хлѣбный сбытъ остановился,—ни по какой цѣнѣ нельзя было сбыть зерно.

Желѣзнодорожныя залежи существуютъ у насъ давно,—въ ихъ оправданіе было высказано мнѣніе, что ими устраняется массовое выбрасываніе зерна на рынокъ, а этимъ только понижается его цѣна. Оказывается, что эти залежи, нарушающія какъ будто правильное теченіе хлѣбной торговли, въ сущности для нея полезны и, разумѣется, полезны еще болѣе для производителей предмета этой торговли. Массовое выбрасываніе на рынокъ зерна, да и всякаго продукта—безспорно, явленіе нежелательное; къ сожалѣнію, залежи не устраняютъ его, а только его отсрочиваютъ. Также безспорно,—попавшій на желѣзнодорожную станцію грузъ не будетъ обратно увезенъ его хозяиномъ, а въ свое время, когда будетъ удобно для желѣзной дороги, уйдетъ по ней.—Такое веденіе желѣзнодорожнаго хозяйства безусловно выгодно, но перевозка хлѣбныхъ грузовъ производится не даромъ, и всюду крупныя перевозочныя предпріятія всякаго рода стараются привлекать грузы, а не уменьшать ихъ. Желѣзныя дороги всюду оживляютъ экономическую жизнь, даже порождаютъ ее. Въ началѣ движеніе по нимъ весьма ограниченное—постепенно растетъ и согласно съ этимъ растетъ и увеличивается ихъ провозоспособность, а также и доходность.

На казенной сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ, составляющей, такъ сказать, главную линію великаго сибирскаго пути и которой пользуется мѣстность, въ коей живу, хлѣбныя залежи на станціяхъ были громадны, и сами станціи были чуть не всю зиму закрыты для пріема хлѣбныхъ грузовъ. Это объясняли войной.—Какъ много нынѣ сваливается на эту несчастную войну! Желѣзнодорожное движеніе, вызванное войной, шло на востокъ, тогда какъ хлѣбные грузы, болѣе или менѣе правильно сложенные на станціяхъ сызрано-вяземской желѣзной дороги, назначались на западъ. Казалось бы, постоянная жалоба желѣзнодорожнаго вѣдомства, что главный нашъ грузъ, зерно, идетъ всегда по одному направленію и обратное движеніе пустыхъ

вагоновъ составляетъ значительный убытокъ,—тутъ до нѣкоторой степени устранялся. Только весной началась эвакуація больныхъ и раненыхъ изъ Манчжуріи; до тѣхъ же поръ, именно зимой, по сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ ходили многочисленные товарные поѣзда съ пустыми вагонами на западъ мимо станцій, заполненныхъ хлѣбнымъ грузомъ, назначеннымъ туда же. На тарифномъ сѣздѣ, бывшемъ въ концѣ января с. г. въ Петербургѣ, выяснилось, что такое странное явленіе было послѣдствіемъ громадной задолженности сызрано-вяземской желѣзной дороги другимъ дорогамъ вагоновъ и необходимости уплатить этотъ долгъ. На все свои есть причины.

Изъ вышесказаннаго, полагаю, вполне ясно, что недовольство всего землевладѣнія имѣетъ серьезныя основанія, но также, что улучшенія этого положенія нельзя ожидать въ близкомъ будущемъ. Весьма естественно, наглядное обѣднѣніе крестьянства сосредоточило всего болѣе вниманіе правительства и общественнаго мнѣнія на себя. Предполагается, между прочимъ, увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, что несомнѣнно порадуетъ крестьянство, но врядъ ли это будетъ прочнымъ улучшеніемъ его положенія. Идея о земельномъ надѣлѣ, достаточномъ для самостоятельной, безбѣдной жизни крестьянской семьи, въ высшей степени симпатична, но, достигнутая нынѣ, она черезъ тридцать, даже двадцать лѣтъ окажется недостаточною. Уже теперь въ Сибири, да и нигдѣ, нѣтъ свободной земли не только для массоваго, но и для крупнаго переселенія. Мелкое же самостоятельное всегда было и будетъ. Наконецъ, дѣло не въ количествѣ земли, а въ ея доходности. Постараемся выяснитъ, какъ само крестьянство старалось помочь себѣ въ это злополучное послѣднее двадцатилѣтіе своего постепеннаго обѣднѣнія.

Въ продолженіе двадцатилѣтней моей предводительской службы, я замѣчалъ на призывахъ постоянно увеличивающееся количество въ крестьянствѣ молодыхъ людей, не занимающихся хлѣбопашествомъ. Въ призывныхъ спискахъ обязательно внесеніе свѣдѣній, чѣмъ занимается призываемый. То же требуется и при составленіи формулярнаго списка призваннаго на службу при самомъ приѣмѣ. Замѣчательно, что въ послѣднемъ случаѣ, при вопросѣ:—чѣмъ занимаетесь? отвѣтъ: *ничѣмъ!* значитъ—хлѣбопашествомъ. Прилагаю при семъ табличку о занятіяхъ призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности изъ крестьянскаго сословія за 1884 и 1905 годѣ, составленную по подлиннымъ призывнымъ спискамъ мокшанскаго воинскаго присутствія.

	1884	1905
каменьщики	33	126
плотники	9	48
портные	48	41
сапожники	—	16
кузнецы	—	7
слесари	1	8
малары	—	6
колесники	—	11
бондари	4	—
торговцы	—	43
телеграфисты	—	5
письмоводство	4	13
псаломщики	—	1
учителя	—	1
Итого	99	326
Хлѣбопашество	758	816
Всего призываемыхъ крестьянъ	857	1,142

Свѣдѣнія о занятіяхъ молодыхъ людей, достигшихъ призывнаго возраста, изъ крестьянскаго сословія данной мѣстности, несомнѣнно, не могутъ еще дать исполнѣ вѣрной картины положенія земледѣльческаго и ремесленнаго труда въ ней. Въ этой таблицѣ встрѣчается даже одна рѣшительная несообразность. Въ ней отмѣчено, что въ 1884 г. не было призываемыхъ колесниковъ, тогда какъ въ мокшанскомъ уѣздѣ существуетъ село Солдатское, которое искони занимается этимъ ремесломъ. Очевидно, это—случайность. Съ другой стороны, въ этой же таблицѣ отразилось вполнѣ вѣрно уменьшеніе бондарей, происшедшее вслѣдствіе введенія казенной продажи вина. Винокуренное производство было очень развито издавна въ пензенской губерніи еще до акцизной системы; съ тѣхъ поръ, хотя значительно сокращенное, оно все же производитъ болѣе, чѣмъ требуетъ губернія. Прежде пензенскіе винокуренные заводы ставили спиртъ въ станицы и на Кавказъ; требовалось громадное количество бочекъ; нынѣ же спиртъ доставляется въ мѣстные казенные склады и въ мѣстные также ректификаціонные заводы постепенно, и ничтожное количество бочекъ, быстро возвращаясь на заводъ, вполнѣ удовлетворяетъ потребность въ нихъ. Село Богородское, нашего уѣзда, прежде доставлявшее бондарей не на одну только пензенскую губернію, съ присущей крестьянству практичностью, бросило свое стародавнее производство, и нынѣ въ немъ много каменьщиковъ. Не входя въ дальнѣйшія разъясненія таблицы, скажемъ одно,—что она даетъ понятіе, какъ крестьянство само, безъ всякой помощи, умѣетъ бороться со своимъ печальнымъ,

какъ земледѣльцевъ, положеніемъ. Можно было бы убѣдиться въ томъ еще указаніемъ на крестьянъ обоого пола, которые, не разрывая связи съ землей, вполнѣ успѣшно живутъ заработкомъ въ экономіяхъ и городахъ. Къ сожалѣнію, точными цифрами это не можетъ быть доказано. Близкіе заработки не требуютъ паспортовъ, и потому ихъ учесть, даже черезъ сельское и волостное начальство, — невозможно. Еще болѣе слѣдуетъ указать на быстрое развитіе поселковъ близъ желѣзнодорожныхъ станцій, представляющихъ для заселенія выгодныя условія. Такіе потребительные центрики безусловно полезны въ общемъ экономическомъ отношеніи, и, несомнѣнно, они будутъ болѣе и скорѣе развиваться, если на желѣзныхъ дорогахъ грузовое движеніе будетъ производиться правильно и постоянно. Массовое появленіе на желѣзнодорожныхъ станціяхъ зерна во многомъ зависитъ отъ желанія отправителя имѣть нѣкоторое преимущество въ виду обычной задержки и конечнаго ея послѣдствія, — отказа въ приемъ груза. Одна увѣренность, что желѣзныя дороги будутъ работать правильно, остановитъ переполненіе ихъ станцій. Дѣйствительность укажетъ, что всякіе хлѣбные рынки, большіе и малые, внутренніе и внѣшніе, нуждаются въ постоянномъ снабженіи. Направленная по такому правильному пути, хлѣбная торговля избѣгнетъ тѣхъ скачковъ цѣны на зерно, отъ которыхъ немало она страдаетъ, а еще болѣе—производитель зерна. Не отъ одного только низкаго уровня цѣны на зерно страдаетъ производитель его, но еще болѣе—отъ неустойчивости этой цѣны и, наконецъ, отъ такого положенія,—о которомъ я уже упоминалъ,—когда ни по какой цѣнѣ продать зерно было невозможно.

При устраненіи причинъ, нарушающихъ правильное теченіе общей экономической жизни, несомнѣнно, русское крестьянство сумѣетъ еще лучше бороться съ трудностями своего положенія. Изъ него формируется, какъ я уже говорилъ, промышленное рабочее сословіе. Борьба труда съ капиталомъ, какъ всякая война, не можетъ быть постоянной. Рано или поздно она должна кончиться миромъ. У насъ, въ Россіи, мировое соглашеніе двухъ главныхъ факторовъ всякаго промышленнаго предпріятія, труда и капитала, пожалуй, легче и скорѣе осуществится, чѣмъ въ другихъ странахъ. Правда, у насъ нѣтъ обилія капиталовъ; сравнительно, вклады въ наши сберегательныя кассы—ничтожны; но зато у насъ влеченіе къ ассоціаціи гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ. Именно въ нашемъ крестьянствѣ духъ товарищества явился не вслѣдствіе ученія или наставленія со стороны, а всегда существовалъ и существуетъ. Въ мокшанскій

судебный съѣздъ земскихъ начальниковъ очень часто поступаютъ, въ апелляціонномъ порядкѣ, дѣла по расчетамъ въ средѣ мелкихъ товариществъ, основанныхъ, разумѣется, неофициально, для веденія торговли или какого-либо предпріятія. Дѣла этого рода не легки для разрѣшенія. Стороны, большею частью, или безграмотны, или малограмотны, а потому письменныя ихъ записи весьма сомнительнаго достоинства. Нельзя не замѣтить, что по такого рода дѣламъ рѣдко приходится отмѣнять или измѣнять рѣшенія волостныхъ судовъ. То, что дѣлается въ мокшанскомъ уѣздѣ, не можетъ еще служить доказательствомъ всеобщаго расположенія крестьянства къ товариществамъ: укажу на болѣе убѣдительное, а именно, на биржевыя артели, съ блестящимъ успѣхомъ занимающія столь деликатнымъ дѣломъ, какъ денежное. Теперь не только въ станицахъ, но и въ провинціальныхъ городахъ кассиры въ банкахъ—артельщики; а артели, къ коимъ они принадлежатъ, обладаютъ значительными капиталами, вполне обеспечивающими отвѣтственную дѣятельность ихъ членовъ. Управляются артели выборными изъ своей среды самостоятельно, безъ малѣйшаго контроля со стороны правительственныхъ или общественныхъ учреждений; да никто и не гарантируетъ ихъ дѣятельность, а онѣ живутъ, служатъ безупречно своему дѣлу и благоденствуютъ. Первые артели были основаны крестьянами ярославской губерніи, и только въ самое послѣднее время онѣ начинаютъ терять свой чисто крестьянскій характеръ. Нѣтъ надобности говорить о той пользѣ, которую приносятъ эти учрежденія банковому, да и всякому денежному дѣлу; артельщики служатъ и на желѣзныхъ дорогахъ, и въ акцизномъ вѣдомствѣ. Она и очевидна, и велика. Прибавлю еще, что нигдѣ, кромѣ Россіи, не существуетъ биржевыхъ артелей. Народъ, называемый у насъ темнымъ, — который, однако, сумѣлъ создать и въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ развить такія крупныя, богатые и важныя товарищества,—навѣрное сумѣетъ устроить не только всякое ремесленное заведеніе, но и всякую фабрику или заводъ, одинаково застрахованные отъ забастовокъ. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ темный народъ былъ наконецъ освобожденъ отъ всякой административной опеки и затѣмъ ему было дано, хотя бы на нѣкоторое время, отдохнуть отъ всякихъ попытокъ его устроить и руководить, хотя бы по весьма благонамѣренно выработанному плану...

Землевладѣніе, безспорно, имѣетъ у насъ основаніе быть недовольнымъ настоящимъ своимъ положеніемъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ другія группы населенія російской имперіи; однако, въ немъ, особенно въ такъ

называемомъ центрѣ, безпорядковъ было менѣе; чѣмъ повсюду; а если и были, то они скоро прекращались. Это весьма удивительно. Въ концѣ зимы, въ деревнѣ ежегодно происходитъ наемъ рабочихъ и отдача полей исполу, или иначе. Всегда практичный, нашъ крестьянинъ старается нѣсколько измѣнить въ свою пользу установившіяся условія какъ найма, такъ и отдачи. Нельзя не поторговаться. Такъ уже принято. При общемъ существующемъ въ Россіи броженіи, слѣдовало ожидать нынѣ и у насъ въ уѣздѣ если не крупныхъ, такъ называемыхъ, аграрныхъ недоразумѣній, то повышенія рабочей платы и болѣе выгодныхъ для сѣмщиковъ полей условій. Дѣйствительно, было нѣкоторое повышение кое-гдѣ, но въ общемъ все осталось по старому. Правда, примѣненія труда къ землѣ у насъ можно назвать нормальными, но такое явленіе я объясняю воспитательнымъ вліяніемъ земства. Даже и по настоящему земскому „Положенію“ участіе крестьянъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ воспитало ихъ и расширило ихъ кругозоръ. Несомнѣнно, при открытомъ голосованіи крестьяне стѣснены присутствіемъ полновластныхъ своихъ земскихъ начальниковъ, но при закрытыхъ баллотировкахъ, коими обязательно рѣшаются всѣ личные и денежные вопросы, они прекрасно умѣютъ пользоваться своимъ правомъ. При разномысліи въ собраніи, при обоюдномъ согласіи, крестьянская группа имѣетъ рѣшающее значеніе. Въ настоящее время, когда вся Россія ожидаетъ улучшенія своего положенія отъ рѣшающаго участія своихъ выборныхъ въ общихъ законодательныхъ трудахъ, избраніе таковыхъ—дѣло первостепенной важности. Казалось бы, земство, земскія собранія, особенно при возвращеніи къ „Положенію“ 1864 года, даже нѣсколько расширенному, представляютъ собою вполне подготовленные и подходящіе избирательныя собранія. Мѣстное самоуправленіе, вѣдающее мѣстное хозяйство—наилучшій фундаментъ для центральнаго учрежденія, призваннаго къ участію въ государственномъ хозяйствѣ. Съ точки зрѣнія архитектурной получается гармоническое цѣлое, въ которомъ наилучшимъ образомъ могутъ быть согласованы и удовлетворены мѣстные интересы. Въ разнообразіи ихъ и даже въ ихъ противоположности—нѣтъ никакого сомнѣнія, именно въ Россіи, при ея громадности и разноплеменности. Какъ бы то ни было, въ земство попадаютъ лучшіе люди, отъ которыхъ всего болѣе можно ожидать, что они выберутъ дѣловитыхъ людей, въ каковыхъ и нуждается наше отечество. Наиболѣе проявляющееся по своей дѣятельности общественное мнѣніе предполагало устранить земство отъ прямого избранія членовъ будущаго представительнаго собранія и таковое избраніе произвести посредствомъ специальныхъ избирательныхъ собраній, которыя сначала выберутъ выборщиковъ, а эти, собравшись въ мѣстномъ центрѣ, или опять повторять ту же операцію, или прямо изберутъ

представителей въ центральное собраніе. При настоящемъ обѣдѣніи наиболѣе многочисленнаго сельскаго населенія и наиболѣе имѣющаго право на представительство, расходы на многочисленныя поѣздки при такой сложной операціи были бы положительно непосильны этому населенію. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что участіе его въ избирательныхъ собраніяхъ будетъ очень ограниченное. Это еще съ поль-горя; главное же, такія спеціальныя избирательныя собранія, по моему убѣжденію, нисколько не обезпечать избраніе истинно дѣловитыхъ и лучшихъ людей, въ которыхъ именно нуждается Россія.

Кн. Дм. Друцкой-Соколинскій.

с. Знаменское.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1905.

Быстрая смѣна тревожныхъ событій.—Инструкція генераль-адъютантамъ, посланнымъ въ волнующіяся губерніи.—Манифестъ 3-го ноября.—Необходимость широкой аграрной реформы.—Военное положеніе въ царствѣ польскомъ.—Резолюціи ноябрьскаго общеземскаго сѣзда.—Новыя формы гнета и нетерпимости.

Съ чрезвычайною быстротою слѣдовали одно за другимъ поразительныя событія: бунты въ Кронштадтѣ и Владивостокѣ, объявленіе военнаго положенія въ царствѣ польскомъ, вторая забастовка въ Петербургѣ, аграрные безпорядки, сѣздъ делегатовъ крестьянскаго союза въ Москвѣ, бунтъ въ Севастополѣ, забастовка почтово-телеграфныхъ служащихъ. Все колеблется, все разстраивается или снывается; отовсюду надвигаются новыя усложненія, новыя опасности—а выходъ изъ тяжелаго, невыносимаго положенія по прежнему виднѣется только въ неопредѣленномъ, проблематичномъ будущемъ. Старое, повидимому отжившее и похороненное, пытается возвратиться къ жизни; новое принимаетъ болѣзненные, подчасъ уродливыя формы. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, прошло уже болѣе мѣсяца со времени обнародованія манифеста 17-го октября—а все еще нѣтъ ни правилъ, опредѣляющихъ составъ и полномочія Государственной Думы, ни правилъ, осуществляющихъ основы обѣщанной манифестомъ гражданской свободы. Образованъ новый совѣтъ министровъ, но въ его среду вошли два представителя прежняго режима, и одному изъ нихъ—управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, бывшему директору департамента полиціи—въвѣрена наиболѣе отвѣтственная и важная отрасль государственнаго управленія. Характернымъ результатомъ этой двойственности является посылка въ губерніи, охваченныя аграрными волненіями, генераль-адъютантовъ, облеченныхъ чрезвычайною властью. Размѣры этой власти, совершенно не

совмѣстные съ нормальнымъ правовымъ порядкомъ, напоминаютъ недавнее время, когда укрощеніе и усмиреніе систематически производилось *per fas et nefas*. Генераль-адъютантамъ предоставлено право издавать обязательныя постановленія, пріостанавливать изданіе газетъ, журналовъ, объявленій, брошюръ. подвергать личному задержанію (безъ ограниченія срокомъ) всѣхъ признаваемыхъ опасными для общественнаго порядка и спокойствія. И всѣ эти права даны лицамъ незнакомымъ съ мѣстными условіями, неподготовленнымъ къ административнымъ функціямъ, ничѣмъ, слѣдовательно, не огражденнымъ отъ случайныхъ вліяній! Болѣе чѣмъ сомнительной представляется и цѣлесообразность этой экстраординарной мѣры. На мѣста, гдѣ они должны дѣйствовать, генераль-адъютанты пріѣзжаютъ обыкновенно только тогда, когда безпорядки—рѣдко длящіяся болѣе нѣсколькихъ дней—уже прекратились, и остается только изслѣдовать ихъ причины и обнаружить виновныхъ. Первую задачу всего лучше могутъ исполнить мѣстные общественные дѣятели, вторую—мѣстные судебныя органы; вмѣшательство со стороны и тамъ, и тутъ, бесполезно или вредно. Прошло время, когда имѣли смыслъ *missi dominici*; теперь ихъ роль, въ лучшемъ случаѣ, наводитъ на мысль о пятомъ колесѣ. Ошибочно было бы, наконецъ, приписывать миссіи генераль-адъютантовъ значеніе превентивное, предупредительное; ошибочно было бы думать, что, узнавъ о ней, остановятся народныя массы, собиравшіяся примкнуть къ аграрному движенію. Со времени распубликованія инструкции генераль-адъютантамъ прошло болѣе трехъ недѣль—а въ печати не перестаютъ появляться вѣсти о новыхъ аграрныхъ безпорядкахъ, подвигающихся какъ бы волною на сѣверъ и западъ, изъ губерній саратовской и тамбовской въ губерніи курскую, орловскую и рязанскую.

Если въ правительственныхъ сферахъ не изсякла еще вѣра въ дѣйствительность ультра-репрессивныхъ мѣръ, то рядомъ съ нею все-таки растетъ убѣжденіе въ ихъ недостаточности. Оно выразилось, между прочимъ, въ Высочайшемъ манифестѣ 3-го ноября и Именныхъ указахъ отъ того же числа. Выкупные платежи съ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ рѣшено уменьшить съ 1-го января 1906-го года на половину, а съ 1-го января 1907-го года отмѣнить вовсе. Крестьянскому поземельному банку предоставлено производить реализацію его свидѣтельствъ по мѣрѣ дѣйствительной потребности (т.-е. безъ ограниченія какою-либо заранѣе опредѣленною суммою), не требуя отъ покупателей доплатъ, если ссуды испрашиваются безземельными или малоземельными крестьянами. Все это—не болѣе какъ палліативы. Такъ смотритъ на дѣло, повидимому, и правительство: въ одномъ изъ указовъ сенату гово-

рится о „неотложномъ удовлетвореніи нуждъ малоземельнаго сельскаго населенія въ землеустройствѣ, *впредь до установленія въ законодательномъ порядкѣ общихъ по сему предмету мѣръ* и общаго пересмотра устава крестьянскаго банка“. Подъ именемъ „общихъ мѣръ“ здѣсь слѣдуетъ понимать, несомнѣнно, нѣчто болѣе, чѣмъ распространеніе круга дѣйствій крестьянскаго банка. Какими бы суммами послѣдній ни располагалъ, какія бы льготныя условія онъ ни предоставлялъ своимъ кліентамъ, онъ можетъ способствовать приобрѣтенію крестьянами только тѣхъ земель, которыя предлагаются въ продажу. Такихъ земель можетъ быть много тамъ, гдѣ нужда въ землѣ сравнительно слаба—и мало, слишкомъ мало тамъ, гдѣ она доведена до крайнихъ предѣловъ. Для крестьянъ особенно важно приобрѣтеніе земли, лежащей въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ихъ надѣлами—а между тѣмъ эта земля можетъ вовсе не поступать въ продажу или цѣниться въ такую сумму, которая далеко превышаетъ ея реальную стоимость. Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ цѣны на землю возросли непомерно именно подъ влияніемъ сдѣлокъ, заключаемыхъ при участіи крестьянскаго банка... Условія переживаемаго нами момента настоятельно требуютъ продолженія работы, начатой сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ. Необходимо обязательное отчужденіе частновладѣльческой земли, въ разнѣрахъ, соотвѣтствующихъ земельному голоду крестьянства—необходимо потому, что землями государственными, удѣльными, кабинетскими и монастырскими этотъ голодъ удовлетворить не можетъ: слишкомъ недостаточно ихъ количество, слишкомъ неравномерно распределеніе ихъ между различными частями имперіи. Произведенное—какъ это проектировано въ программѣ конституціонно-демократической партіи ¹⁾—„съ вознагражденіемъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ“, такое отчужденіе не будетъ нарушеніемъ права собственности, какъ не было имъ надѣленіе крестьянъ землею въ 1861-мъ году. Оно предотвратитъ катастрофу, о характерѣ которой можно судить по недавнимъ—и еще не прекратившимся—аграрнымъ безпорядкамъ. Оно возстановитъ спокойствіе и миръ въ нашей многострадальной деревнѣ и создастъ благоприятную почву для преобразовательной работы на мѣстахъ, столь важной для успѣха общегосударственныхъ реформъ. Чѣмъ скорѣе будетъ признана и провозглашена необходимость рѣшительной аграрной политики, тѣмъ лучше; запаздыванье, принесшее уже столь много вреда, именно здѣсь было бы особенно опасно.

Въ аграрномъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, конституціонно-демократическая партія занимаетъ положеніе близкое къ среднему.

¹⁾ Она напечатана въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ (стр. 353—359).

Отвѣтомъ на возраженія, встрѣчаемыя ею справа, служить все сказанное нами до сихъ поръ. Слѣва всего ближе подходитъ къ ней вновь образовавшаяся радикальная партія, считающая необходимымъ образование земельного фонда путемъ экспроприаціи: безъ вознагражденія—земель государственныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и церковныхъ, и за минимальное вознагражденіе—земель частновладѣльческихъ. Изъ числа послѣднихъ подлежащими отчужденію признаются, однако, не всѣ: предполагается установить максимальный предѣлъ частнаго владѣнія землею, съ тѣмъ, чтобы экспроприаціи подлежало все количество земли, превышающее максимумъ. Между вознагражденіемъ „минимальнымъ“ и вознагражденіемъ „справедливымъ“ принципиальнаго различія мы не видимъ; устраняя вознагражденіе по рыночной оцѣнкѣ, конституционно-демократическая партія тѣмъ самымъ уменьшаетъ размѣръ вознагражденія—а предѣлы уменьшенія могутъ быть установлены только тогда, когда начнется процедура оцѣнки. Едва-ли *минимальное* вознагражденіе, проектируемое радикальною партіею, понимается ею какъ вознагражденіе *мнимое*, т.-е. совершенно несоизмѣрное съ цѣнностью отчуждаемой земли. Не возражаемъ мы принципиально и противъ установленія максимальныхъ нормъ земельного владѣнія (различныхъ, конечно, для различныхъ мѣстностей Россіи); это—одинъ изъ способовъ опредѣлить размѣры, въ какихъ должно быть произведено отчужденіе частновладѣльческихъ земель.

Дальше радикальной программы идутъ, по аграрному вопросу, тѣ партіи, которыя стоятъ за полную отмѣну частной поземельной собственности, безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Чтò означалъ бы собою такой, нигдѣ небывалый переворотъ, какія безконечныя осложненія онъ создалъ бы въ потрясенномъ общественномъ организмѣ, какія трудныя и тяжелыя задачи поставилъ бы передъ обновленною правительственною властью—это не требуетъ объясненія. Ничего подобнаго не предлагаютъ, по ту сторону нашей границы, даже такіе прямолинейные и смѣлые теоретики „новаго государства“, какъ Антонъ Менгеръ (авторъ переведенной и на русскій языкъ книги: „*Neue Staatslehre*“). Онъ стоитъ за выкупъ крупнаго владѣнія (*Einpflösung des Grossbesitzes*)—какъ земельного, такъ и всякаго другого,—оговариваясь, что подъ именемъ выкупа не слѣдуетъ понимать экспроприацію въ обычномъ смыслѣ слова, т.-е. вознагражденіе владѣльца суммою, представляющею собою полный эквивалентъ отчуждаемаго имущества; достаточно, по его мнѣнію, назначеніе *умѣренной* пожизненной ренты въ пользу землевладѣльца и его нисходящихъ, состоящихъ на лицо въ моментъ отчужденія. Среднее и мелкое владѣніе Менгеръ оставляетъ неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока долговременнымъ опытомъ не будутъ оправданы и укрѣплены новыя, со-

циалистическія правовыя нормы. Къ воспріятію этихъ нормъ Германія подготовлена, безъ сомнѣнія, въ гораздо болѣе степени, чѣмъ Россія. Культура, въ средѣ германскаго народа, распространена несравненно шире, корни ея глубже, развитіе выше; социаль-демократическіе взгляды въ теченіе многихъ лѣтъ проводятся безпрепятственно и открыто, социаль-демократическая партія располагаетъ относительнымъ большинствомъ избирателей, ея приверженцы привыкли дѣйствовать мирными средствами. Если, тѣмъ не менѣе, осуществленіе социалистическихъ идеаловъ не ставится въ Германіи на ближайшую очередь, если упраздненіе поземельной собственности разсматривается тамъ какъ цѣль, къ которой слѣдуетъ приближаться постепенно, то что же сказать о Россіи, съ ея умственной и матеріальною отсталостью, съ ея громадными массами неорганизованнаго и темнаго земледѣльческаго населенія? Цѣлесообразно ли, въ моментъ перехода къ новому государственному строю, уничтожать на мѣстахъ тѣ небольшіе культурные центры, которыми служили—конечно не всѣ, но довольно многія—помѣщичьи усадьбы? Цѣлесообразно ли лишать мѣстное самоуправленіе, расширяемое въ своемъ составѣ и въ своемъ кругѣ дѣйствій, тѣхъ точекъ опоры, которыя оно могло бы найти въ бывшихъ земскихъ дѣятеляхъ, столь много успѣвшихъ сдѣлать съ скудными средствами и вопреки препятствіямъ всякаго рода? Пускай уменьшится размѣръ имѣній, пускай сократятся источники землевладѣльческаго дохода—но пускай уцѣлѣетъ то разнообразіе формъ владѣнія, которое служить гарантіей хозяйственнаго прогресса, пускай останутся въ деревнѣ тѣ элементы населенія, которые работали до сихъ поръ и долго еще могутъ работать для ея блага.

Сразу удвоить размѣры крестьянскаго землевладѣнія—не значило бы увеличить въ такой же мѣрѣ благосостояніе крестьянъ. Необходимо измѣнить приемы крестьянскаго хозяйства, сдѣлать его болѣе производительнымъ, т. е. болѣе интенсивнымъ—а этому не способствовало бы внезапное повышеніе его экстенсивности, не способствовало бы и исчезновеніе массы хозяйствъ усовершенствованнаго типа. Въ „Рускихъ Вѣдомостяхъ“ появилась недавно статья А. И. Чупрова о мѣрахъ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства. Въ жалкомъ состояніи крестьянской сельскохозяйственной техники всѣми уважаемый авторъ видитъ основную причину ничтожности нашихъ успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ хозяйственной жизни. Единственнымъ надежнымъ способомъ вывести Россію изъ ея нынѣшняго бѣдственнаго экономическаго положенія онъ считаетъ быстрое поднятіе урожаевъ съ крестьянскихъ полей и доходовъ отъ остальныхъ отраслей крестьянскаго хозяйства по крайней мѣрѣ вдвое. Опытъ западно-европейскихъ государствъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми фактами русской жизни, убѣждаетъ А. И. Чупрова въ томъ, что эта

задача можетъ быть съ успѣхомъ разрѣшена, если на ряду съ обезпеченіемъ широкой свободы устнаго и печатнаго слова, собраній и союзовъ и съ преобразованіемъ земствъ на демократическихъ началахъ, государствомъ и обществомъ будутъ приняты необходимыя для того мѣры: устройство опытныхъ полей и станцій, съ цѣлью выработки для каждой мѣстности плана сельско-хозяйственныхъ улучшеній, — широкая организація агрономической помощи народу, — снабженіе населенія улучшенными орудіями, сѣменами, искусственными удобрениями, кормовыми средствами, — содѣйствіе устройству разнаго рода обществъ, товариществъ и союзовъ, — полная система мелкаго и меліоративнаго кредита, — устройство мелкой земской единицы, — образованіе, для осуществленія всѣхъ этихъ задачъ, особаго министерства, съ возложеніемъ на него обязанности значительно увеличить число сельскохозяйственныхъ школъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ. Нѣтъ надобности доказывать, что проведеніе мѣръ, перечисленныхъ А. И. Чупровымъ, было бы до крайности затруднено, еслибы сразу исчезло личное землевладѣніе. Безспорно, при слишкомъ малыхъ надѣлахъ невозможны серьезныя хозяйственныя улучшенія; крестьянское землевладѣніе должно быть увеличено — увеличено, между прочимъ, на счетъ помѣщичьяго, но безъ внезапнаго уничтоженія частной поземельной собственности. Къ ея дальнѣйшему уменьшенію неизбѣжно приведетъ, въ конституціонномъ, демократическомъ государствѣ, нормальный ходъ законодательства — но приведетъ безъ ненужныхъ правонарушеній, безъ толчковъ, болѣзненно отзывающихся на всѣхъ частяхъ общеннаго организма.

Мѣры, направленные къ увеличенію размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, не могли бы успокоить народную массу, еслибы одновременно съ ними не было довершено юридическое освобожденіе крестьянства. Въ появившейся на дняхъ брошюрѣ Г. А. Евреина: „Выходъ изъ анархіи“, выражена мысль, что для достиженія этой цѣли достаточно было бы предоставить каждому совершеннолѣтнему крестьянину ничѣмъ не стѣсненное право выхода изъ сельскаго общества, отмѣнить право сельскихъ обществъ ссылатъ своихъ „порочныхъ“ членовъ, обезпечить за крестьянами право свободнаго передвиженія и лишить земскихъ начальниковъ дискреціонной власти надъ крестьянами. Едва ли, однако, самъ авторъ считаетъ эти мѣры разрѣшающими вопросъ во всей его полнотѣ. Чтобы уничтожить въ корнѣ всякое неравенство между крестьянами и остальнымъ населеніемъ, необходимо совершенно упразднить институтъ земскихъ начальниковъ и связанныя съ нимъ учрежденія (уѣздныя сѣзды, губернскія присутствія), замѣнить крестьянскіе волостные суды общесословными судебными учрежденіями, сохранить за крестьянскими обычаями,

впредь до изданія новаго гражданскаго уложенія, лишь значеніе вспомогательнаго источника права и создать на мѣстахъ управленіе, общее для всѣхъ обитателей деревни. Конечно, столь коренныя перемѣны требуютъ разработки и не могутъ быть осуществлены сразу; но ничто не мѣшало бы объявить уже теперь, что онѣ предрушены въ принципѣ и будутъ предложены, безъ замедленія, на утвержденіе народнаго представительства.

Не менѣе важное значеніе, чѣмъ крестьянскій вопросъ, имѣетъ въ настоящее время вопросъ объ окраинахъ, въ особенности о царствѣ польскомъ. Объявленіе царства польскаго на военномъ положеніи вызвало массу протестовъ не только въ польскомъ, но и въ рускомъ обществѣ. Ноябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, включивъ отміну военнаго положенія въ царствѣ польскомъ въ число тѣхъ мѣръ, которыя, для успокоенія страны, должны быть приняты немедленно, не дожидаясь созыва народныхъ представителей, одобрилъ, громаднымъ большинствомъ голосовъ, слѣдующую резолюцію: „подтверждая въ полномъ объемѣ постановленіе предъидущаго (сентябрьскаго) съѣзда по вопросу объ автономіи царства польскаго и заявляя въ то же время, что указанное въ этомъ постановленіи разрѣшеніе польскаго вопроса не только не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ отдѣленія Польши отъ Россіи, но, напротивъ, представляется необходимымъ для прочнаго обезпеченія цѣлости и могущества имперіи, и что поэтому мотивировка въ правительственномъ сообщеніи введенія военнаго положенія въ царствѣ польскомъ требованіемъ автономіи и объясненіе этого требованія, какъ первой ступени къ отторженію отъ Россіи, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей, съѣздъ постановилъ признать неотложно необходимыми для умиротворенія края слѣдующія мѣры: 1) отміну введеннаго въ царствѣ польскомъ военнаго положенія; 2) формальное включеніе въ кругъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію перваго собранія народныхъ представителей російской имперіи, вопроса о введеніи въ царствѣ польскомъ автономнаго устройства, при условіи сохраненія государственнаго единства имперіи; 3) немедленное изданіе распоряженій о введеніи польскаго или вообще мѣстнаго языка (съ сохраненіемъ правъ меньшинства) въ учебныхъ заведеніяхъ, судѣ и администраціи въ самомъ широкомъ объемѣ, въ какомъ это практически возможно“. Рѣчи ораторовъ, говорившихъ за эту резолюцію, устраниаютъ возможность предполагать, что за автономіей скрывается сепаратизмъ, что конечная ея цѣль — отторженіе Польши отъ Россіи. М. М. Ковалевскій предлагалъ замѣнить слово *автономія* словами: „широкое областное самоуправленіе съ правомъ законодательнаго рѣшенія мѣстныхъ

вопросовъ, изданія мѣсныхъ законовъ". Аналогичная поправка была внесена г. Карауловымъ, находившимъ, что на мѣсто слова *автономія*, мало понятнаго для массъ, слѣдовало бы поставить выраженіе: областное самоуправленіе на началахъ общеимперской конституціи. Эти предложенія не были приняты съѣздомъ, но вѣроятно только потому, что онъ не видѣлъ надобности измѣнять ранѣше установленную имъ терминологію. Ни изъ чего не видно, чтобы понятіе объ автономіи распространялось съѣздомъ дальше предѣловъ, указанныхъ М. М. Ковалевскимъ. По словамъ г. Ледническаго, поляки еще въ самомъ началѣ освободительнаго движенія выставили требованіе *областного самоуправленія, съ особымъ сеймомъ*; отсюда ясно, что и самое слово *сеймъ* не имѣетъ того значенія, которое, въ цѣляхъ запугиванья, стараются придать ему ультра-централисты. П. Н. Милюковъ совершенно правильно подчеркнул существенную разницу между автономіей и уніей, даже реальной. Какъ только сдѣлается яснымъ настоящій смыслъ слова *автономія*, уляжется и волненіе, возбуждаемое имъ среди лицъ мало знакомыхъ съ государственнымъ правомъ, прекратится смѣшеніе понятій, въ силу котораго автономія нѣкоторыхъ областей признается равносильной *расчлененію, раздробленію* государства. Автономія царства польскаго, какъ ее понимаютъ и понимаетъ общеземскій съѣздъ, вполне совмѣстна съ единствомъ имперіи. Оправданіемъ чрезвычайныхъ, экстралегальныхъ мѣръ стремленіе къ автономіи служить, слѣдовательно, не можетъ. Военному положенію царства польскаго долженъ быть положенъ конецъ, тѣмъ болѣе, что оно является преградой на пути преобразованія Россіи въ правовое государство.

Другая резолюція ноябрьскаго общеземскаго съѣзда касается политическаго положенія, созданнаго манифестомъ 17-го октября и послѣдующими событіями. Признавая манифестъ драгоцѣннымъ завоеваніемъ русскаго народа, съѣздъ объявляетъ себя солидарнымъ съ положенными въ основаніе его конституціонными началами, немедленное осуществленіе и полное развитіе которыхъ является необходимымъ условіемъ истиннаго умиротворенія страны. Содѣйствіе этому умиротворенію со стороны общества—читаемъ мы дальше въ резолюціи съѣзда—„могло бы быть болѣе дѣйствительнымъ, если бы само правительство обнаружило надлежащую рѣшимость и послѣдовательность при проведеніи въ жизнь началъ манифеста. При настоящихъ условіяхъ проведеніе манифеста остается на отвѣтственности министерства, съѣздъ же, съ своей стороны, выражаетъ увѣренность, что это министерство можетъ разсчитывать на содѣйствіе и поддержку широкихъ слоевъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, поскольку оно будетъ

проводить конституціонныя начала манифеста правильно и послѣдовательно. Всякое отступленіе отъ этихъ началъ встрѣтитъ въ земскихъ и городскихъ сферахъ рѣшительное противодѣйствіе. Единственнымъ способомъ обезпечить авторитетъ народнаго представительства и опирающейся на него власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ одной изъ дѣйствительныхъ мѣръ водворенія порядка въ странѣ, съѣздъ считаетъ немедленное изданіе акта о возможно скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей, избранныхъ всеобщей, прямой, равной и закрытой подачей голосовъ и о формальной передачѣ первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи російской имперіи и автономнаго устройства царства польскаго (при условіи сохраненія государственнаго единства имперіи), для переустройства на демократическихъ началахъ земскаго и городского самоуправленія и для проведенія иныхъ мѣръ, необходимыхъ при установленіи новаго правопорядка. Кромѣ того, на первое собраніе должно быть возложено установленіе основныхъ началъ земельной реформы и принятіе необходимыхъ мѣръ въ области рабочаго законодательства". При голосованіи этой резолюціи 174 члена съѣзда высказались за прямые выборы, 32—за двухстепенные вездѣ, 28—за прямые выборы въ большихъ городахъ и двухстепенные въ остальныхъ мѣстностяхъ. Предложеніе о созывѣ учредительнаго собранія отклонено большинствомъ 137 голосовъ противъ 80; та часть резолюціи, въ которой говорится о передачѣ первому народному представительству учредительныхъ функцій, принята большинствомъ 204 голосовъ противъ 23.

Изъ двухъ вопросовъ, вызвавшихъ разногласіе на съѣздѣ, одинъ—о прямыхъ или двухстепенныхъ выборахъ—былъ рассмотрѣнъ подробно въ нашихъ прежнихъ обозрѣніяхъ. Замѣтимъ только, что къ большимъ городамъ, составляющимъ особые избирательные округа, соображенія, заставлявшія насъ стоять—на первое время—за не прямые выборы, примѣнимы въ гораздо меньшей степени, чѣмъ къ округамъ, обнимающимъ собою и городскія, и сельскія мѣстности. Другой спорный вопросъ—объ учредительномъ собраніи—разрѣшенъ, какъ намъ кажется, совершенно правильно большинствомъ съѣзда. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что нѣтъ существенной разницы между учредительнымъ собраніемъ, противъ котораго, и народнымъ представительствомъ съ учредительными функціями, за которое высказалось большинство съѣзда. На самомъ дѣлѣ, однако, такая разница несомнѣнна. Съ именемъ учредительнаго собранія соединяется у насъ, въ настоящее время, представленіе о силѣ, не считающейся съ существующими учрежденіями, игнорирующей все коренящееся въ прошедшемъ, дѣйствующей такъ, какъ будто

бы передъ нею была *tabula rasa*, какъ будто бы все, рѣшительно все предстояло создать заново. Наиболѣе послѣдовательные сторонники учредительнаго собранія не случайно стоятъ за вооруженное возстаніе, какъ за необходимую его предпосылку, и за демократическую республику, какъ за единственный логическій его исходъ. Противъ учредительнаго собранія, такимъ образомъ понимаемаго, неизбѣжно должны были подать голосъ всѣ тѣ, кому ненавистно насиліе, кто вѣрить въ достиженіе цѣли мирными средствами. Совершенно другое дѣло — облеченіе народнаго представительства учредительными функциями. Оно расширяетъ кругъ дѣйствій представительства, относя къ нему пересмотръ основныхъ законовъ, установленіе новыхъ началъ государственнаго строя, — но не разрываетъ связь съ прошлымъ и увеличиваетъ, тѣмъ самымъ, шансы спокойнаго будущаго. Съ полною ясностью эта основная мысль резолюціи съѣзда вылилась въ словахъ: съ *утвержденія Государя*. Другая ея сторона нашла выраженіе въ требованіи *формальной передачи* учредительныхъ функций, прямо указывающемъ на то, что въ вопросахъ учредительныхъ, какъ и во всѣхъ другихъ, народному представительству долженъ принадлежать *рѣшающій*, а не совѣщательный голосъ.

Въ пользу резолюціи съѣзда, отклонившей учредительное собраніе, говорить, дальше, ея сравнительная удобоисполнимость. Нѣтъ, въ настоящую минуту, потребности болѣе настоятельной, чѣмъ скорѣйшій созывъ народнаго представительства — а всего легче оно можетъ быть осуществлено въ той формѣ, за которую высказался съѣздъ. Принципіальныя возраженія со стороны правительства эта форма едва ли встрѣтитъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ изъ путей, которыми можетъ пойти дальнѣйшее движеніе, ею закрытъ не будетъ. Выбранное при участіи всего народа, облеченное широкими правами, представительное собраніе сразу станетъ твердой ногой въ успокоенной, умиротворенной странѣ и положить начало новому порядку вещей, не нуждаясь для этого въ громкой кличкѣ. Какъ бы, однако, ни спѣшить съ приговорительными мѣрами, до начала дѣятельности собранія должно пройти еще нѣсколько мѣсяцевъ, опасныхъ и трудныхъ. Большія услуги въ это переходное время могъ бы оказать совѣтъ, составленный изъ представителей общественныхъ учреждений и корпорацій. Нѣчто подобное мы предлагали еще весной нынѣшняго года. Если бы тогда же были созваны выборные отъ губернскихъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, усиленныхъ уполномоченными отъ непредставленныхъ вовсе или слишкомъ слабо представленныхъ классовъ населенія, въ настоящую минуту существовалъ бы, быть можетъ, признанный всѣми временной избирательный законъ и дѣйствовало бы построенное на этой основѣ представительное собраніе. Теперь совѣтъ,

о которомъ говорилось на послѣднемъ общеземскомъ сѣздѣ ¹⁾ и продолжаетъ идти рѣчь въ періодической печати, могъ бы принять участіе въ выработкѣ мѣръ, направленныхъ къ осуществленію всѣхъ видовъ гражданской свободы, и вмѣстѣ съ тѣмъ контролировать дѣятельность министерства, предупреждая уклоненія ея въ сторону старыхъ бюрократическихъ традицій. Аналогичные совѣты, какъ совершенно правильно указалъ на общеземскомъ сѣздѣ г. П. А. Гейдевъ, могли бы быть образованы въ губерніяхъ и уѣздахъ, чтобы предотвратить повтореніе погромовъ и избиеній.

Періодъ освобожденія—освобожденія отъ административнаго произвола, отъ правительственной опеки — совпалъ у насъ, къ несчастію, съ зарожденіемъ новыхъ формъ и видовъ гнета. На мѣсто официальной цензуры пытается стать цензура партійная или групповая. Выходъ въ свѣтъ реакціонныхъ газетъ встрѣчаетъ затрудненія со стороны наборщиковъ; изъ той же среды идетъ veto на программу умѣренно-либеральной партіи, составленную А. И. Гучковымъ и нѣкоторыми другими земскими дѣятелями. Еще недавно духовная цензура пропускала къ печати не вполне удовлетворявшія ее статьи не иначе, какъ подъ условіемъ присоединенія къ нимъ обезвреживающаго ихъ примѣчанія или возраженія; подобное условіе ставится теперь по отношенію къ вышеупомянутой программѣ, ставится не одною типографіей, а нѣсколькими, очевидно—вслѣдствіе распоряженія, напоминающаго собою недавніе циркуляры главнаго управленія по дѣламъ печати. И такіе распоряженія встрѣчаютъ одобреніе, встрѣчаютъ его даже тамъ, гдѣ меньше всего можно было бы ожидать неуваженія къ чужой свободѣ. Съ глубокой грустью мы прочли въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 296), что засѣдавшій въ Москвѣ областной сѣздъ делегатовъ учительскаго союза поручилъ своему бюро обратиться къ союзу типографскихъ рабочихъ съ просьбою рекомендовать членамъ союза отказаться отъ набора такихъ газетъ, какъ „День“, „Кіевлянинъ“ и „Московскія Вѣдомости“. Членамъ учительской корпораціи не слѣдовало бы забывать, что нѣтъ мнѣнія, которому не принадлежало бы право высказаться, и что въ свободномъ государствѣ противъ слова можно дѣйствовать только словомъ... Не менѣе удивительною показалась намъ и аргументація, противопоставленная Е. В. де-Роберти, на общеземскомъ сѣздѣ, сообщенію А. И. Гучкова. „Если г. Гучковъ“—воскликнулъ г. де-Ро-

¹⁾ За совѣтъ, составленный изъ депутатовъ отъ земствъ, городовъ и высшихъ школъ, высказывались на сѣздѣ кн. Е. Н. Трубецкой, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. А. Стаховичъ; г. Юматовъ считалъ необходимымъ ввести, кромѣ того, въ составъ совѣта представителей отъ организованныхъ группъ и союзовъ.

берти—имѣть право отказаться отъ портфеля министра, считая это почему-либо несогласнымъ со своими взглядами, то почему же наборщикъ не имѣетъ права на томъ же основаніи отказаться печатать то, что ему предлагаютъ? Неправильно ссылаться на Европу, будто тамъ ничего подобнаго нѣтъ. Во Франціи въ 1791—92 г., т.-е. еще при королѣ, многія изданія не могли выходить въ свѣтъ потому, что ихъ не хотѣли набирать и печатать. Пусть г. Гучковъ отдастъ свои программы въ „Правительственный Вѣстникъ“; тамъ ихъ съ удовольствіемъ напечатаютъ... Съ отказомъ отъ званія министра отказъ отъ набора можно было бы сравнить,—и то съ большой натяжкой,—въ такомъ лишь случаѣ, еслибы послѣдній исходилъ отъ единичнаго наборщика; но вѣдь отказъ, полученный г. Гучковымъ, былъ коллективный, основанный на *mot d'ordre*, на распоряженіи со стороны. Совѣтъ обратиться въ „Правительственный Вѣстникъ“ имѣетъ смыслъ какъ политическое орудіе—весьма сомнительнаго, впрочемъ, достоинства,—но отнюдь не какъ указаніе выхода изъ труднаго положенія: у г. Гучкова могло быть много причинъ не прибѣгать къ содѣйствію официальной газеты. Ссылка на примѣръ Франціи доказываетъ только старую истину: *es ist schon alles da gewesen* („ничто не ново подъ луной“), но ничуть не оправдываетъ попытку помѣшать, путемъ типографскаго бойкота, распространенію партійной программы. Вѣдь подражанія достойно далеко не все то, что творилось въ революціонной Франціи, хотя бы и раньше 1793-го года... Если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, запретъ, въ концѣ концовъ, остался въ силѣ только для произведеній „черносотенной“ литературы. Если подъ этимъ именемъ разумѣются единственно призывы къ насилию, къ грабежамъ, избиеніямъ и убійствамъ, то запретъ имѣетъ нѣкоторое основаніе: никто не обязанъ становиться сообщникомъ явно преступнаго дѣйствія. Опасной, однако, является возможность—или даже вѣроятность—широко распространительнаго толкованія понятія о „черносотенной“ литературѣ...

Та форма борьбы, которую испыталъ на себѣ А. И. Гучковъ, не идетъ дальше отказа отъ совершенія дѣйствія; ея характеръ — преимущественно пассивный. Другія формы, весьма различныя по степени интенсивности, могутъ быть названы активными. Таково, на примѣръ, „снятіе съ работъ“, въ тѣхъ отрасляхъ промышленности или торговли, гдѣ состоялась стачка; таково принужденіе къ прекращенію занятій, хотя бы въ данной средѣ и не была объявлена забастовка. „Снятіе съ работъ“, если оно не сопровождается ни насиліемъ, ни угрозами, можетъ быть оправдано чувствомъ солидарности, порождаемымъ общностью интересовъ, одинаковостью положенія, необходимостью достигнуть цѣли, существенно важной для цѣлой группы. Нельзя сказать того же самаго о принужденіи къ пре-

кращенію занятій, примѣры котораго мы видѣли недавно въ Петербургѣ. Когда, подъ вліяніемъ давленія извнѣ, останавливалась дѣятельность окружного суда, мирового съѣзда, мировыхъ судей, это не могло быть разсматриваемо ни какъ протестъ — потому что въ основаніи протеста должно лежать свободное рѣшеніе, — ни какъ обостреніе политической борьбы — потому что въ широкихъ общественныхъ сферахъ перерывъ въ отправленіи правосудія становится замѣтнымъ нескоро. Страдали отъ этого перерыва только отдѣльныя лица, потери которыхъ не вознаграждались выигрышемъ для цѣлаго. Нужно надѣяться, что неудача перваго опыта предупредитъ повтореніе явно нецѣлесообразныхъ и вредныхъ приемовъ.

Поразительнымъ проявленіемъ партійной нетерпимости служить постановленіе комитета московской социаль-демократической рабочей партіи, направленное противъ ноябрьскаго общеземскаго съѣзда. Единственнымъ выходомъ изъ настоящаго труднаго положенія это постановленіе признаетъ „низверженіе путемъ вооруженнаго возстанія существующаго правительства и созваніе учредительнаго собранія, для установленія демократической республики и узаконенія политическихъ и экономическихъ требованій пролетаріата. Попытка съѣзда вступить въ переговоры съ правительствомъ для его поддержанія признается комитетомъ за торгъ и сдѣлку буржуазіи съ правительствомъ на счетъ правъ народа. Никто не просилъ буржуазію торговаться съ правительствомъ и продавать права народа. Въ виду этого комитетъ постановляетъ: на всѣхъ митингахъ вести агитацію за право пролетаріата и выступать съ протестомъ противъ сдѣлки либераловъ съ царскимъ правительствомъ, указывать на необходимость продолженія революціи и объявлять стремленія и домогательства либераловъ измѣной народу, избрать депутацію для заявленія съѣзду городскихъ и земскихъ дѣятелей объ этой непреклонной волѣ пролетаріата и о постыдномъ торгѣ съѣзда съ царскимъ правительствомъ“. Замѣтимъ, что это постановленіе было сообщено съѣзду во время перваго его засѣданія, когда еще не было извѣстно, къ какимъ рѣшеніямъ онъ придетъ. Виновость съѣзда не доказывалась, а предполагалась; приговоръ надъ нимъ былъ произнесенъ заранѣе... Резолюціи съѣзда приведены нами выше; излишне было бы доказывать, что въ нихъ нѣтъ ничего похожаго на торгъ съ правительствомъ, на продажу правъ народа. Да, съѣздъ старался склонить правительство къ такому образу дѣйствій, при которомъ было бы возможно спокойное движеніе впередъ; онъ старался предупредить вооруженное возстаніе — но въ этомъ не вина его, а заслуга. Возстаніе, если даже на его сторонѣ всѣ шансы успѣха — прискорбная крайность, требующая громадныхъ жертвъ, надолго вносящая глубокое разстройство во всѣ сферы на-

родной жизни. Оправдать его можетъ только безусловная необходимость, т.-е. закрытіе всѣхъ законныхъ путей, полное отсутствіе мирныхъ средствъ къ достиженію желанной цѣли. Этого условія нѣтъ на лицо въ настоящую минуту: не утрачена еще надежда на созывъ народнаго представительства, способнаго умиротворить страну, создать новыя основы государственнаго и общественнаго строя.

Въ смутное время, которое мы переживаемъ, трудно ожидать безпристрастнаго отношенія къ противникамъ. Есть, однако, черта, за которую не слѣдовало бы переходить и въ моменты крайняго возбужденія. Бывшій редакторъ „Освобожденія“, П. Б. Струве, напечаталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ статью: „Скорѣе за дѣло“, въ которой протестовалъ противъ всякой диктатуры—противъ диктатуры „черной сотни“ точно такъ же, какъ и противъ диктатуры „революціоннаго пролетаріата“. Онъ призывалъ „нести въ массы программу политической демократіи и широкіхъ демократическихъ социальныхъ реформъ, не поддаваясь никакимъ внушеніямъ ни справа, ни слѣва“. На этотъ призывъ газета „Начало“ отвѣтила замѣткой: „Витте—агентъ биржи, Струве—агентъ Витте“. Такое обвиненіе всей своей тяжестью упадаетъ не на обвиняемаго, а на обвинителя. Ни въ прошедшемъ П. Б. Струве, ни въ содержаніи некриминированной его статьи не было никакихъ поводовъ для заподозриванья его намѣреній, никакихъ основаній для предположенія какой-то „сдѣлки“ между нимъ и гр. Витте.

Р. S.—Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда состоялась отмѣна военнаго положенія въ царствѣ польскомъ. Къ сожалѣнію, нѣсколько дней спустя военное положеніе введено въ Кіевѣ и кіевскомъ уѣздѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1906.

Военныя дѣйствія внутри страны и возможное обсужденіе ихъ на Гаагской конференціи.—Несвоевременная дипломатическая кампанія противъ Турціи.—Политическія реформы и событія въ Австро-Венгріи.—Французскія дѣла.—Новый король.

Послѣ заключенія мира между Россією и Японією, возбужденъ былъ вопросъ о созывѣ новой Гаагской конференціи для пересмотра нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ международного права, выдвинутыхъ послѣднею войною. Инициатива на этотъ разъ принадлежала президенту Рузвельту, но онъ уступилъ ее русскому правительству, которое съ своей стороны также выражало желаніе подвергнуть разсмотрѣнію международного трибунала выяснившіеся на практикѣ недостатки и злоупотребленія существующихъ военныхъ обычаевъ. Съ тѣхъ поръ настолько измѣнились обстоятельства, что о скоромъ созывѣ конференціи не можетъ быть и рѣчи; наше правительство оказалось въ такомъ положеніи, что ему уже не до реформъ международного права: оно имѣетъ предъ собою несравненно болѣе близкія и настоятельныя задачи, касающіяся основъ его собственнаго существованія. Намъ уже не до счетовъ съ Японією и съ другими державами, и заботы объ урегулированіи правилъ войны и объ устраненіи злоупотребленій въ этой области отступили для насъ совершенно на задній планъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ печальныя событія послѣдняго времени ставятъ предъ нами новые и очень важные вопросы, которые необходимо было бы включить въ программу будущей международной конференціи. Если для внѣшнихъ войнъ устанавливаются извѣстныя ограничительныя нормы, то не слѣдуетъ ли считать ихъ обязательными и для военныхъ дѣйствій внутри страны, при усмиреніи народныхъ возстаній или при попыткахъ прекращенія безпорядковъ и волненій среди собственнаго народа? Можно ли допустить, чтобы въ этихъ случаяхъ вооруженная сила употреблялась безъ всякихъ регулирующихъ и ограничительныхъ правилъ? Намъ кажется, что и для междоусобной расправы должны существовать какія-нибудь опредѣленныя общія постановленія, не зависящія отъ произвола заинтересованныхъ правительствъ и подлежащія контролю всего культурнаго міра. Гаагская конференція имѣла бы полное основаніе обсудить этотъ вопросъ при разсмотрѣніи началъ и обычаевъ военнаго права, и такое расширеніе ея функций вполне соотвѣтствовало бы не только общему

характеру этого международнаго совѣщанія, но и практическимъ интересамъ участвующихъ въ немъ государствъ. Несомнѣнно, что внутреннія или междоусобныя военныя дѣйствія въ какой-либо изъ крупныхъ европейскихъ странъ прямо или косвенно затрагиваютъ интересы другихъ державъ и не могутъ признаваться безразличными для Европы и даже для человѣчества вообще. По общему правилу, постороннее вмѣшательство въ чужія внутреннія дѣла допускается только въ исключительныхъ случаяхъ, когда мѣстное правительство не въ состояніи справиться съ возникшими волненіями, угрожающими жизни и имуществу иностранныхъ подданныхъ, или когда оно выходитъ за извѣстные предѣлы при подавленіи беспорядковъ и нарушаетъ элементарныя предписанія человѣчности; такъ было, напримѣръ, во время болгарскихъ, кандіотскихъ, армянскихъ и македонскихъ избіеній въ Турціи. Само собою разумѣется, что къ другимъ европейскимъ державамъ непримѣнима специальная точка зрѣнія, издавна установившаяся относительно Турціи; но этотъ примѣръ показываетъ, что внутреннія отношенія и обстоятельства отдѣльныхъ государствъ неизбежно входятъ иногда въ компетенцію международнаго права.

Очевидно, между условіями примѣненія вооруженной силы во внѣшней войнѣ и противъ внутреннихъ беспорядковъ не должно быть прямого противорѣчія: тѣ способы дѣйствій, которые считаются недозволенными относительно внѣшняго врага, не могутъ и не должны практиковаться въ борьбѣ противъ недовольной или возставшей части населенія собственной страны. Если при взятіи непріятельскаго города запрещается избивать мирныхъ жителей и разрушать частныя дома, то тѣмъ болѣе обязательно это запрещеніе при такъ называемомъ возстановленіи порядка въ какомъ-нибудь отечественномъ городѣ. Между тѣмъ мы видимъ, что во время извѣстныхъ событій въ Баку, въ Одессѣ и въ другихъ городахъ не соблюдались начальниками войскъ тѣ общія начала военнаго права, которыхъ придерживались, напр., японцы при занятіи Портъ-Артура и Дальняго; артиллерією разрушались частныя и общественныя зданія, изъ которыхъ производились будто бы отдѣльные выстрѣлы; ружейные залпы направлялись противъ безоружныхъ обывателей, въ числѣ которыхъ были женщины и дѣти,—когда противъ незаконныхъ уличныхъ сборищъ достаточно было въ крайнемъ случаѣ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ; грабежи и погромы совершались нерѣдко подъ прикрытіемъ и охраною военныхъ отрядовъ; цѣлыя толпы людей, собравшихся въ частныхъ домахъ, сожигались въ присутствіи войскъ и полицейскихъ властей, и все это дѣлалось какъ бы по сознательному плану, съ цѣлью истребленія предполагаемыхъ крамольниковъ. Ни въ какой войнѣ не бывало такихъ злоупотребленій военною силою, какъ въ дѣйствіяхъ

войскъ и особенно казаковъ противъ мирныхъ жителей нашихъ городовъ и селъ; никакіе побѣдоносные полководцы не издавали такихъ грозныхъ приказовъ, какъ наши генералы, водворявшіе порядокъ въ губерніяхъ царства польскаго, — и только потому, что для внутреннихъ военныхъ дѣйствій считается излишнимъ соблюденіе какихъ бы то ни было ограничительныхъ правилъ, въ родѣ установленныхъ для вѣдшей войны. Этотъ важный пробѣлъ долженъ быть пополненъ разъ навсегда, и такую задачу можетъ съ авторитетомъ взять на себя только Гагская конференція. Только путемъ международнаго обсужденія можно установить точныя границы для проявленій вооруженной силы какъ въ вѣдшихъ, такъ и во внутреннихъ столкновеніяхъ, и это установленіе общихъ нормъ военнаго права, одинаково обязательныхъ для всѣхъ державъ, не будетъ, конечно, посягательствомъ на независимость отдѣльныхъ государствъ. Въ былое время, особенно во Франціи, примѣнялись такіе крутые способы внутренней борьбы, которые рѣшительно противорѣчатъ и военнымъ обычаямъ культурныхъ народовъ, и общечеловѣческому чувству справедливости; многіе ссылаются на эти факты прошлаго, какъ на оправдательные аргументы, но общественное мнѣніе культурнаго міра должно было бы сдѣлать невозможнымъ на будущее время повтореніе тѣхъ ужасовъ, которые происходили въ Парижѣ въ кровавые іюньскіе дни 1848 года и при расправѣ съ коммунаю 1871 года. Было бы непослѣдовательно и нелогично заботиться объ урегулированіи международныхъ военныхъ обычаевъ и въ то же время мириться съ отрицаніемъ этихъ обычаевъ во внутренней практикѣ различныхъ государствъ. Если предстоящая Гагская конференція будетъ обсуждать новыя ограничительныя правила для вѣдшихъ войнъ, то она должна будетъ заняться также опредѣленіемъ нормъ для внутреннихъ военныхъ дѣйствій, не касаясь вопроса о томъ, въ какой странѣ, при какихъ условіяхъ и по какимъ причинамъ происходили или происходятъ эти военныя дѣйствія. Современныя культурныя націи, великія и малыя, обнаруживаютъ вообще замѣчательную чуткость къ бѣдствіямъ чужихъ народовъ и громко выражаютъ свои чувства по поводу событій, совершающихся гдѣ-нибудь въ другой части свѣта; въ Америкѣ собирались шумные митинги протеста противъ того, что дѣлалось въ восточной Европѣ, и недавно еще устраивались въ Лондонѣ трогательныя молебствія о ниспосланіи мира на нашу злосчастную родину. Официальныя сферы сильно отстали въ этомъ отношеніи отъ общественнаго мнѣнія; онѣ неизмѣнно сохраняютъ традиціи корректнаго равнодушія, и если, напримѣръ, Вильгельмъ II высказываетъ свои сердечныя симпатіи, то только въ весьма одностороннемъ смыслѣ и съ явною надеждою извлечь пользу изъ чужой

бѣды. Старый узко-формальный взглядъ на международныя отношенія не позволяетъ государствамъ, вслѣдъ за народами, проявлять живой человѣческій интересъ къ судьбамъ сосѣднихъ и отдаленныхъ націй, и возбужденіе указаннаго выше вопроса на Гаагской конференціи было бы первымъ серьезнымъ шагомъ на пути къ дѣйствительной международной солидарности, о которой такъ часто и бесплодно говорятъ дипломаты.

Очень некстати предприняты въ послѣднее время коллективныя дипломатическія мѣры противъ Турціи для проведенія извѣстныхъ реформъ въ Македоніи. Европейскіе кабинеты стараются въ этомъ случаѣ показать свою взаимную солидарность и дѣйствуютъ какъ будто сообща по отношенію къ Портѣ: Англія и Австро-Венгрія выступаютъ заодно съ Россією; Германія, Франція и Італія поддерживаютъ ихъ, — а между тѣмъ турецкій султанъ отлично понимаетъ, что нынѣшняя русская дипломатія не можетъ серьезно выѣшиваться въ вопросъ о турецкихъ реформахъ, что Германія далеко не раздѣляетъ взглядовъ Англіи и Франціи и относится къ нимъ вообще несочувственно, и что весь этотъ нѣкогда грозный „европейскій концертъ“ есть только фикція, способная лишь причинить нѣкоторыя временныя непріятности.

Участіе Россіи въ этой странной дипломатической кампаніи даетъ только матеріалъ для злобныхъ насмѣшекъ иностранной печати и для ядовитыхъ протестовъ турецкихъ патріотовъ. Неужели наше министерство иностранныхъ дѣлъ не чувствовало всей неумѣстности и несвоевременности своего участія въ македонскомъ вопросѣ при настоящихъ обстоятельствахъ? Послѣ позорной войны съ Японією наша внѣшняя политика должна была бы кореннымъ образомъ измѣнить свой характеръ, отказаться отъ прежнихъ притязаній, сдѣлаться болѣе скромною и сдержанною — по крайней мѣрѣ на время; необходимо было поэтому избѣгать всякихъ дипломатическихъ предпріятій, хотя бы коллективныхъ, и твердо уклоняться отъ претенціозной роли, не соответствующей положенію нашихъ собственныхъ дѣлъ. Старая рутинная привычка скрывать правду отъ другихъ и отъ самихъ себя создаетъ только рядъ неловкостей и приводитъ къ ненужной фальши, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Турки имѣли безспорное основаніе радоваться нашимъ пораженіямъ; еще болѣе радуются они нашему тяжкому внутреннему кризису, и мы, конечно, не могли рассчитывать на то, что они сохранили прежнее уваженіе къ внѣшнему могуществу Россіи.

Зная печальное положеніе своего главнаго исконнаго врага, Турція категорически отвергала проекты международного финансового контроля

въ Македоніи, и султанъ осмѣлился даже—чего давно уже не бывало—отказать представителямъ великихъ державъ въ просимой ими коллективной аудіенціи по македонскому дѣлу. На этотъ рѣзкій шагъ турецкаго правительства посланники отвѣтили совмѣстной нотой отъ 15 ноября (нов. ст.), въ которой вновь изложили и подтвердили свои требованія, ссылаясь на инструкціи своихъ правительствъ. Они опять напоминаютъ Портѣ, что принятая ею австро-русская программа реформъ не могла быть до сихъ поръ осуществлена генераль-инспекторомъ Македоніи, Хильми-пашою, вслѣдствіе настойчивой оппозиціи турокъ противъ всѣхъ предложеній дипломатіи; такъ, не были установлены способы финансоваго контроля и не могло состояться назначеніе финансовой комиссіи, на которой лежали бы всѣ обязанности по этому контролю. Посланники требовали продленія полномочій иностранныхъ гражданскихъ агентовъ въ Македоніи еще на два года, а также продленія службы Хильми-паши и контрагтовъ съ выписанными изъ-за границы жандармскими офицерами, для того, чтобы дѣло реформы могло быть доведено до конца; международная финансовая комиссія должна состоять изъ гражданскихъ агентовъ шести великихъ державъ, подъ предсѣдательствомъ Хильми-паши; она будетъ слѣдить за правильнымъ поступленіемъ налоговъ, разсматривать и утверждать мѣстный македонскій бюджетъ и наблюдать за преобразованіемъ финансовой администраціи; въ каждый изъ трехъ вилайетовъ провинціи будетъ назначенъ особый финансовый инспекторъ, съ правомъ свободного доступа ко всѣмъ официальнымъ счетамъ и документамъ; къ нему будутъ направляться жалобы на финансовыя злоупотребленія или небрежность мѣстныхъ властей. Посланники выражали надежду, что Порта приметъ эти предложенія въ кратчайшій срокъ и „этимъ избавитъ державы отъ тягостной необходимости прибѣгнуть къ мѣрамъ принужденія“.

Эта откровенная угроза не оказала на Турцію обычнаго дѣйствія, а напротивъ, вызвала сильное раздраженіе даже среди образованныхъ турокъ, искренно стремящихся къ широкимъ реформамъ. По свидѣтельству константинопольскаго корреспондента „Times“, наибольшее негодованіе высказывалось по адресу Россіи, которая, находясь сама въ революціонномъ кризисѣ, вызванномъ вѣками безпопашаго угнетенія, принимаетъ руководящее участіе въ попыткѣ навязать Турціи какія-то внутреннія реформы. Какъ замѣчаютъ турецкіе патріоты, „державы поступили бы гораздо лучше и цѣлесообразнѣе, еслибы послали свои флоты къ Одессѣ и остановили тамъ избіеніе евреевъ, вмѣсто того, чтобы придумывать планы морскихъ демонстрацій въ турецкихъ водахъ“. Въ отвѣтной нотѣ Порты отъ 22 ноября подтверждается съ прежнею категоричностью невозможность „принять пред-

ложевія, находящіяся въ полномъ противорѣчій съ верховными правами султана“ и несогласныя съ „принципомъ независимости и неприкосновенности турецкой имперіи“; подобные проекты только „унизили бы престижъ государства въ глазахъ подданныхъ, и этимъ нарушили бы спокойствіе страны“. Единственное, на что соглашается Порта,—это продлить полномочія гражданскихъ агентовъ на два года, и то подъ условіемъ, чтобы это было „въ послѣдній разъ“. Нота заканчивается весьма краснорѣчивымъ намекомъ на возможные погромы христіанъ и европейцевъ въ Турціи, подъ вліяніемъ враждебной политики державъ. „Если посланники будутъ настаивать на своихъ требованіяхъ и попытаются оказать болѣе чувствительное давленіе въ этомъ смыслѣ, то Порта заранѣе снимаетъ съ себя отвѣтственность за всѣ событія, которыя этимъ могутъ быть вызваны, также какъ и за послѣдствія недовольства турецкаго общественнаго мнѣнія въ виду нарушенія правъ имперіи“. Другими словами, мусульманскіе патріоты устроятъ обычныя патріотическія избіенія иновѣрцевъ, и сравнительно съ этою ужасною перспективою являются довольно невинными предположенныя упражненія соединенной морской эскадры противъ какихъ-нибудь турецкихъ острововъ Архипелага.

Великія державы должны были привести въ исполненіе свою угрозу; онѣ послали нѣсколько военныхъ судовъ для демонстрацій, которыя никого не пугаютъ въ Турціи и не принесутъ ей никакого чувствительнаго ущерба, но зато могутъ возбудить въ населеніи демонстраціи другого рода, хорошо извѣстныя намъ по нашимъ россійскимъ образцамъ. Порта смѣло противопоставляетъ Европѣ свое турецкое общественное мнѣніе, о которомъ раньше ничего не было слышно,—ибо никто не вѣритъ въ серьезное заступничество державъ за Македонію: дипломатія исполняетъ лишь формальную обязанность, возложенную на нее берлинскимъ трактатомъ, и постарается, конечно, не доводить дѣла до чрезмѣрнаго обостренія, которое было бы всего менѣе желательно великимъ державамъ. Одна изъ этихъ державъ, и притомъ едва ли не самая вліятельная, не скрываетъ своей благосклонности къ Турціи, и, принимая участіе въ коллективныхъ переговорахъ съ Портою относительно Македоніи, она подъ благовиднымъ предлогомъ уклонилась, однако, отъ участія въ совместной морской демонстраціи противъ имперіи султана. Пользуясь дружбою и покровительствомъ Германіи, Турція, съ другой стороны, чувствуетъ себя свободною отъ возможнаго воздѣйствія Россіи, и потому турецкіе патріоты съ относительнымъ спокойствіемъ смотрятъ на энергическія мѣры, предпринимаемыя европейскою эскадрою подъ руководствомъ австрійскаго адмирала. Порта не боится и вѣншательства небольшихъ балканскихъ государствъ, такъ какъ они находятся между собою въ постоянномъ

антагонизмъ: сербы соперничаютъ съ болгарами и враждуютъ съ греками, а греки ненавидятъ и тѣхъ, и другихъ; если же Болгарія рѣшилась бы заступиться за своихъ соплеменниковъ въ случаѣ новой повальной рѣзни въ Македоніи, то конфликтъ не представлялся бы особенно опаснымъ для турокъ, которые вообще увѣрены въ своемъ военномъ превосходствѣ надъ предприимчивымъ болгарскимъ княжествомъ. Для Турціи чрезвычайно важно отсутствіе прежней могущественной и вліятельной Россіи среди великихъ державъ; и если русскіе дипломаты по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, хлопочутъ о турецкихъ реформахъ и участвуютъ даже въ посылкѣ военныхъ кораблей противъ Турціи, то это происходитъ лишь вслѣдствіе обыкновеннаго отсутствія политическаго чутья среди представителей высшей бюрократіи. Элементарное чувство международнаго такта и приличій должно было бы подсказать нашему министерству иностранныхъ дѣлъ необходимость воздержанія отъ переговоровъ и демонстрацій, ставящихъ насъ въ фальшивое и комическое положеніе передъ Европою и передъ самими турками. Но дѣлами нашей дипломатіи до сихъ поръ еще заправляютъ люди, не имѣющіе ничего общаго съ политическими дѣятелями въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, и отъ этихъ придворно-канцелярскихъ чиновъ нельзя ожидать пониманія истинныхъ интересовъ и достоинства Россіи.

Неожиданная переимѣна произошла въ положеніи внутреннихъ дѣлъ Австро-Венгріи: давно таявшійся политическій конфликтъ между венгерскимъ парламентомъ и короною разрѣшился обнародованіемъ смѣлой правительственной программы, обещающей народу всеобщее избирательное право и цѣлый рядъ чисто демократическихъ реформъ въ разныхъ сферахъ общественной и экономической жизни. Баронъ Фейервари, которому недавно императоръ Францъ - Іосифъ вторично поручилъ составленіе венгерскаго кабинета, придумалъ очень остроумный и плодотворный способъ борьбы противъ парламентской аристократіи, давно уже привыкшей распоряжаться судьбами Венгріи. Въмѣсто того чтобы искать соглашенія съ разными группами надменныхъ мадьярскихъ дѣятелей, министръ-президентъ обратился къ народнымъ массамъ и взялся удовлетворить ихъ законныя стремленія, имѣвшія до сихъ поръ очень мало шансовъ на успѣхъ; такимъ образомъ достигнется созданіе новаго демократическаго парламента, на основѣ всеобщаго народнаго голосованія, и тѣ элементы, которые почти исключительно дѣйствовали отъ имени мадьярской націи, теряютъ прежнее значеніе. Нынѣшняя избирательная система въ Венгріи устроена такимъ образомъ, что огромное большинство въ

венгерскомъ сеймѣ принадлежить дворянамъ-землевладѣльцамъ; и хотя имущественный или налоговой цензъ въ отдѣльных мѣстностяхъ довольно незначителенъ, тѣмъ не менѣе низшіе классы остаются фактически лишенными представительства, и даже городская буржуазія имѣетъ лишь очень немногихъ депутатовъ въ парламентѣ. Этимъ одностороннимъ составомъ сейма объясняется отчасти и безплодный характеръ мадьярскаго парламентаризма; честолюбивые представители крупнаго землевладѣнія увлекаются болѣе отвлеченными національными идеями, чѣмъ реальными интересами страны; они слишкомъ часто склонны отождествлять свои аграрныя выгоды съ общенародными нуждами; и дѣйствительныя потребности населенія почти не находятъ отклика въ парламентѣ. Венгерскіе аристократы всегда являлись горячими выразителями мадьярскаго патріотическаго чувства, защитниками мадьярской независимости и обособленности, и свое право на руководящую роль и вмѣстѣ съ тѣмъ свое фактическое господство они поддерживали именно этимъ постояннымъ возбужденіемъ національнаго шовинизма, которому легко поддаются всѣ вообще мадьяры. Реформаторскій планъ барона Фейервари сразу повернулъ кризисъ въ другую сторону, противъ существующаго венгерскаго парламента, и возбудилъ общій подъемъ настроенія въ народѣ; непримиримое парламентское большинство, недавно еще отвергавшее всякія сдѣлки съ правительствомъ, внезапно потеряло подъ собою почву и вынуждено было изъ наступательнаго положенія перейти въ оборонительное. Съ шумомъ выступила наружу народная оппозиція противъ привилегированной сословной оппозиціи венгерскаго сейма; оживились надежды населенія на коренное политическое переустройство государства въ духѣ всеобщей равноправности, причемъ и рабочій классъ, и крестьянство, и ремесленники, и мелкіе промышленники получаютъ своихъ представителей въ парламентѣ, на ряду съ поземельной аристократіей. Передъ венгерскимъ народомъ открываются новыя перспективы, и безысходная парламентская борьба, поглощавшая энергію высшаго землевладѣльческаго класса въ теченіе многихъ лѣтъ, уступить наконецъ мѣсто спокойной творческой работѣ истиннаго народнаго представительства. Дѣятели прежней оппозиціи утверждаютъ, что программа министра-президента есть только политическій пріемъ для достиженія извѣстныхъ временныхъ цѣлей, и что она поэтому не заслуживаетъ общественнаго довѣрія; но каковы бы ни были побужденія, которыми руководствовался баронъ Фейервари, его официальные заявленія остаются все-таки заявленіями правительства, обязывающими государственную власть и не подлежащими уже отмѣнѣ. Право всеобщей подачи голосовъ, разъ провозглашенное властью, не можетъ уже быть взято обратно; оно

входить въ общественное сознаніе, какъ приобрѣтенное право, и должно быть осуществлено даже въ томъ случаѣ, еслибы взгляды министровъ по этому предмету измѣнились. Эта крупная реформа, независимо отъ своего общаго политическаго значенія, представляетъ еще особенную важность для Венгріи въ томъ отношеніи, что она уравниваетъ права всѣхъ національностей, населяющихъ территорію Транслейтаніи, и ставитъ извѣстныя границы господству мадьярскаго племени надъ другими, преимущественно славянскими элементами населенія.

Программа Фейервари, предназначенная собственно для Венгріи, получила необыкновенно живой и энергическій откликъ въ другой половинѣ имперіи—въ Цислейтаніи или Австріи. Съ того момента, когда Венгріи было общано всеобщее избирательное право, оно стало лозунгомъ и для австрійскихъ земель, гдѣ народная масса также пользуется лишь весьма ограниченными избирательными правами. Австрійское населеніе распределяется на пять категорій избирателей, изъ которыхъ каждая выбираетъ опредѣленное число депутатовъ: крупное землевладѣніе, города и промышленные центры, торговая и промышленная палаты, сельскія общины и дополнительная курія всеобщаго голосованія. Многочисленный рабочій классъ, входящій въ послѣднюю, пятую курію, обладаетъ сравнительно ничтожною долей представительства, и потому онъ съ наибольшою энергіею добивается всеобщаго избирательнаго права. И здѣсь, какъ и въ Венгріи, стремленія къ политической полноправности перемѣшаны съ разнородными національными интересами; существующая система выборовъ обезпечиваетъ нѣмцамъ большинство во многихъ мѣстностяхъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, и культурный нѣмецкій элементъ, издавна занимающій первенствующее мѣсто въ Австріи, рѣшительно возстаетъ противъ реформы, выгодной лишь для другихъ народностей и для малокультурныхъ низшихъ классовъ общества. Рабочіе устраивали въ Вѣнѣ, въ Прагѣ и въ другихъ мѣстахъ внушительныя манифестаціи въ пользу всеобщаго избирательнаго права, причемъ не обходилось и безъ кровавыхъ столкновеній съ полиціей; такъ, 2 ноября, на вѣнскомъ Рингѣ, нѣсколько тысячъ рабочихъ, вопреки предостереженію полицейскихъ чиновъ, прорвали цѣпь, заграждавшую дорогу къ зданію австрійскаго парламента и къ императорскому дворцу, и подверглись воздѣйствію холоднымъ оружіемъ, отъ котораго болѣе или менѣе серьезно пострадало около сорока человекъ. Это печальное происшествіе горячо обсуждалось во всѣхъ газетахъ, какъ крайне рѣдкій и даже единственный за многіе годы примѣръ кровопролитія на улицахъ Вѣны; на слѣдующій же день, 3 ноября, это событіе было уже предметомъ запроса въ публичномъ засѣданіи провинціального ниже-

австрійскаго сейма, гдѣ намѣстникъ, графъ Кильмансеггъ, долженъ былъ представить подробныя объясненія, подкрѣпленныя официальнымъ полицейскимъ докладомъ. Оказалось, что толпа упорно отгѣсняла полицію и бросала въ нее камнями, вслѣдствіе чего конные полицейскіе чины вынуждены были дѣйствовать шашками; но эти дѣйствія тотчасъ прекратились, какъ только манифестанты отодвинулись назадъ и отчасти разбѣжались; объ употребленіи огнестрѣльнаго оружія не могло быть и рѣчи, такъ какъ стрѣлять въ уличную толпу не принято нигдѣ въ Европѣ, кромѣ развѣ случаевъ настоящихъ вооруженныхъ возстаній, когда случайной публики не бываетъ на улицахъ. Только у насъ стрѣльба на городскихъ улицахъ и площадяхъ для прекращенія чрезмѣрныхъ сборищъ считается чѣмъ-то весьма обыкновеннымъ, особенно въ послѣдніе годы; ибо для нашихъ высшихъ и низшихъ распорядителей жизни обывателя ничего не стоитъ и за нее никто не привлекается къ отвѣту.

Вооруженныя столкновенія между рабочими и полиціею происходили также въ Прагѣ, 5 ноября; толпа нападала на военные отряды и едва не одолѣла ихъ; раздавались отдѣльные выстрѣлы, на которые стража отвѣчала, и съ обѣихъ сторонъ было много раненыхъ, въ томъ числѣ полицейскій оберъ-коммиссаръ. Зато въ образцовомъ порядкѣ прошла грандіозная манифестація рабочихъ въ Вѣнѣ, того же 5 ноября, при участіи около ста тысячъ человекъ; она была организована комитетомъ соціально-демократической партіи и потому избѣгала всякихъ недоразумѣній, не пыталась противодѣйствовать разумнымъ полицейскимъ мѣрамъ и точно придерживалась установленнаго маршрута; рабочіе шли съ красными флагами, остававались огромными массами около университета, городской думы и парламента, съ громкими, періодически повторяемыми возгласами: „Всеобщее избирательное право!“, „Долой камарилью!“. Слышны были также возгласы въ честь русской революціи и крики: „Долой казаковъ!“, особенно при видѣ конныхъ стражниковъ на углахъ улицъ; но полиція ничего не предпринимала, ограничиваясь только наблюденіемъ за правильнымъ ходомъ процессіи, и нигдѣ не было столкновений. Въ тотъ же день была устроена шумная демонстрація польскихъ рабочихъ въ Краковѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго социалиста Дашиинскаго, который произнесъ рѣчь въ пользу всеобщаго избирательнаго права и предложилъ выразить сочувствіе русской революціи; затѣмъ толпа прошла по улицамъ города съ красными флагами и съ обычными возгласами.

Эти заявленія народныхъ массъ нашли себѣ могущественную поддержку въ стачкѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, которые сначала предъявляли только экономическія требованія объ улучшеніи условій труда и объ увеличеніи жалованья, а потомъ присоединили

еще требованіе всеобщаго равнаго избирательнаго права. Эта оригинальная стачка, возникшая на казенныхъ дорогахъ Богеміи и постепенно охватившая всѣ австрійскія, казенныя и частныя желѣзныя дороги, не имѣетъ характера нашей забастовки; она не прекращаетъ движенія, а только задерживаетъ его въ законныхъ предѣлахъ, замедляетъ отправленіе товаровъ и способствуетъ образованію огромныхъ залежей, такъ какъ систематическое запаздываніе поѣздовъ мало-по-малу спутываетъ и парализуетъ все движеніе. Это „пассивное сопротивленіе“, или обструкція, не даетъ основанія ни отказывать служащимъ въ выдачѣ жалованья, ни увольнять кого-либо изъ нихъ, ни привлекать къ отвѣтственности, ибо всѣ исполняютъ тотъ минимумъ обязанностей, который установленъ существующими правилами и инструкціями; они не проявляютъ старанія или, вѣрнѣе, воздерживаются отъ исполненія всего того, что не требуется безусловно, и такимъ образомъ весьма чувствительно доказываютъ правительству и начальству свою громадную пассивную силу, безъ большой опасности разоренія для государства и частныхъ лицъ. Очевидно, это гораздо болѣе культурная форма забастовки, чѣмъ наша прямолинейная всеобщая политическая стачка, останавливающая самую жизнь и равносильная покушенію на существованіе не только всего общества, но и самихъ рабочихъ. Австрійскіе рабочіе стремились къ своей цѣли безъ ущерба для себя и съ возможно меньшимъ ущербомъ для другихъ, тогда какъ у насъ преобладаетъ стремленіе причинить возможность болѣе вреда себѣ и другимъ, чтобы наглядно доказать безчеловѣчность и негодность правительства и возбудить сильнѣйшее сочувствіе къ его жертвамъ. Соображенія цѣлесообразности и расчетливости въ растратѣ силъ и средствъ устраняются у насъ съ восточнымъ фатализмомъ, и общая забастовка становится бѣдствіемъ не столько для правящихъ лицъ, враговъ народа, сколько для самого этого народа и общества, распространяя повсюду горе и нужду. Раздраженіе отдѣльныхъ классовъ населенія направляется уже не противъ безсильнаго и неумѣлаго правительства, а противъ произвола и насилія устроителей забастовки; въ народѣ незамѣтно разгораются страсти и обостряется внутренній классовый антагонизмъ, который внезапно прорывается дикими вспышками и катастрофами, поражая современниковъ своею неожиданностью. Австрійскіе приверженцы всеобщаго избирательнаго права дѣйствовали болѣе разумно и человѣчно, и могли такъ дѣйствовать отчасти и потому, что имѣли предъ собою противника безусловно культурнаго и человѣчнаго, для котораго давно уже немыслимы такіе способы воздѣйствія, какъ башибузуція массовыя избиенія и кроваво-грабительскіе погромы.

Краснорѣчивыя проявленія народной воли въ Австріи, выступившія съ такой энергіею послѣ обнародованія венгерской программы

барона Фейервари, очень скоро достигли желаннаго результата. Австрійское правительство, недавно еще категорически высказывавшееся противъ введенія всеобщаго и равнаго избирательнаго права, какъ опаснаго для культурнаго владычества нѣмцевъ, сразу и съ полною добросовѣстностью признало убѣдительную силу единодушнаго общенароднаго мнѣнія и соотвѣтственно съ этимъ измѣнило свои взгляды; министр-президентъ, баронъ Гаучъ, бывшій противникомъ всеобщей подачи голосовъ въ Австріи и находившій въ этомъ случаѣ опору не только въ старо-нѣмецкой партіи, но и въ вліятельныхъ группахъ польско-галиційскаго шляхетства, откровенно подчинилъ свои личные идеи и симпатіи реальнымъ интересамъ страны и обѣщалъ немедленно заняться подготовкою законопроекта о всеобщемъ избирательномъ правѣ для внесенія въ парламентъ. Несомнѣнно, что цѣль была достигнута здѣсь одними усиліями общественнаго мнѣнія, выразившагося между прочимъ въ рабочихъ манифестаціяхъ, и что желѣзнодорожная забастовка не играла при этомъ замѣтной роли. Въ Австріи, какъ справедливо замѣтила по этому поводу одна изъ нѣмецкихъ газетъ, „не существуетъ государственной власти, которая могла бы въ одинъ день или даже часъ внезапно рѣшить вопросъ о всенародномъ избирательномъ правѣ; австрійское правительство серьезно занялось уже избирательною реформою и сдѣлало въ этомъ отношеніи достаточно ясныя публичныя, обязывающія его заявленія. Но реформа можетъ быть осуществлена только парламентомъ, гдѣ правительство имѣетъ право инициативы и гдѣ управленіи частныхъ желѣзныхъ дорогъ вовсе не обладаютъ правомъ голоса“. Австрійскому парламенту предстоитъ теперь крупная политическая задача, и удовлетворительное разрѣшеніе ея не обойдется безъ горячей партійной и племенной борьбы, которую правительство, быть можетъ, постарается облегчить устройствомъ новыхъ выборовъ; такая же мирная борьба предстоитъ и въ Венгріи. Имперія Габсбурговъ находится теперь наканунѣ демократическаго обновленія своего устарѣлаго государственнаго строя: всеобщее избирательное право очищаетъ путь къ той равноправности племенъ и національностей, которая одна только можетъ служить здоровой и справедливой основой автономно-федеральнаго конституціоннаго режима.

Во Франціи разыгрался частичный министерскій кризисъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ измѣненій въ составѣ парламентскаго большинства, поддерживающаго кабинетъ Рувье. Министерство состоитъ изъ передовыхъ республиканцевъ, радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ; а между тѣмъ въ послѣднее время при голосованіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ значительная часть лѣвой отдѣлилась отъ правительства, тогда какъ центръ и правая высказывали ему свое одобреніе. Чтобы

выйти изъ этого двусмысленнаго положенія и не оказаться „плѣнниками правой“, министры рѣшили вызвать въ палатѣ пренія объ общей политикѣ кабинета и поставить при этомъ вопросъ о довѣріи. Въ засѣданіи 10-го ноября одинъ изъ депутатовъ министерской партіи внесъ соотвѣтственный запросъ объ общей политикѣ, и Рувье готовился уже представить объясненія, способныя удовлетворить крайнюю лѣвую. Но на очереди стоялъ запросъ націоналиста Грожана о биржахъ труда, и Грожанъ потребовалъ, чтобы порядокъ занятій дня не былъ нарушенъ. Президентъ палаты, Поль Думерь, спрашиваетъ, когда правительство намѣрено отвѣчать на интерпелляцію объ общей политикѣ; Рувье предлагаетъ отвѣчать немедленно. Грожанъ и нѣкоторые другіе депутаты протестуютъ; президентъ предоставляетъ высказаться палатѣ, и палата значительнымъ большинствомъ постановляетъ не отступать отъ принятаго порядка преній. Такимъ образомъ правительство совершенно неожиданно потерпѣло неудачу по чисто формальному вопросу, не имѣющему въ сущности никакого значенія; депутаты и министры заволновались, и сильнѣе другихъ волновался военный министръ Берто, принадлежащій къ партіи радикаловъ-соціалистовъ и потому особенно ненавистный консерваторамъ центра. Среди общаго шума Берто вдругъ схватилъ свой портфель и демонстративно покинулъ залу; съ разныхъ сторонъ раздались рукоплесканія и громкіе насмѣшливые возгласы; нѣсколько времени спустя, Берто появляется снова, но занимаетъ уже не министерское, а свое прежнее депутатское мѣсто. Лѣвая требуетъ отсрочки засѣданій; Рувье говоритъ, что правительство остается на своемъ мѣстѣ и готово въ своемъ нынѣшнемъ составѣ давать всякія объясненія, какія понадобятся. Жоресъ спрашиваетъ, находится ли правительство въ своемъ полномъ составѣ, а если нѣтъ, то въ чемъ причина случившейся перемѣны; поэтому онъ настаиваетъ на отсрочкѣ, чтобы дать правительству возможность объясниться или пополнить свой составъ. Возбужденіе палаты доходить до крайней степени; Рувье едва въ состояніи добиться слова,—онъ произноситъ наконецъ рѣчь, въ которой указываетъ на то, что существованіе кабинета не можетъ зависѣть отъ случайнаго рѣшенія отдѣльнаго министра; онъ напомнилъ далѣе, что его министерство успѣло благополучно справиться съ серьезными затрудненіями, внутренними и внѣшними, но должно еще довести до конца двѣ важныя задачи—мирное разрѣшеніе мароккесскаго спора и проведеніе въ сенатѣ одобреннаго уже палатою депутатовъ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, и потому перемѣна кабинета въ данный моментъ представлялась бы несвоевременною и могла бы привести вредъ республикѣ. Послѣ рѣчи Рувье палата вернулась къ запросу Грожана и очень неохотно выслушала его разсужденія о бир-

жакъ труда; Жоресъ опять предложилъ отсрочить засѣданіе, и послѣ оживленныхъ преній, большинствомъ 310 противъ 147 голосовъ, была принята формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающая увѣренность, что правительство будетъ опираться лишь на большинство, подавшее свои голоса за отдѣленіе церкви отъ государства. Бертѣ объяснилъ палатѣ и подтвердилъ въ официальномъ письмѣ на имя Рувье, что онъ не могъ оставаться членомъ кабинета, пока послѣдній не выяснилъ своего положенія относительно различныхъ партій лѣвой, а такъ какъ это выясненіе уже нѣсколько разъ откладывалось, то онъ предпочелъ выйти въ отставку. На мѣсто Бертѣ назначенъ былъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Эттеннъ, и этимъ пока закончился кризисъ, къ великому удовольствію значительнаго большинства республиканцевъ. Очевидно, республика во Франціи, несмотря на свое тридцатипятилѣтнее существованіе, не вышла еще изъ періода борьбы, и враждебныя ей партіи не позволяютъ еще считать всѣхъ французовъ республиканцами, одинаково призванными къ участию въ управленіи дѣлами страны.

Норвегія, отдѣлившись отъ Швеціи, могла свободно выбрать для себя ту или другую форму правленія, и многіе были увѣрены, что она остановитъ свой выборъ на республикѣ. Между тѣмъ, къ общему удивленію, послѣ неудачнаго многолѣтняго опыта съ королемъ Оскаромъ, норвежскій народъ не поколебался отдать себя во власть новой монархіи, въ лицѣ вновь избраннаго короля, принца Карла, внука датскаго короля Христіана. Общее народное голосованіе дало утвердительный отвѣтъ на вопросъ о предложеніи короны принцу Карлу, согласно предварительному рѣшенію норвежскаго сейма, или стортинга; за предложеніе подано было всего 259.563 голоса, а противъ—69.264. Стортингъ, въ засѣданіи 18-го ноября, при участіи ста-шестнадцати членовъ, единогласно назначилъ королемъ принца Карла, о чемъ ему дано было знать по телеграфу въ Копенгагенъ. На содержаніе короля и его семьи ассигновано 700 тысячъ кронъ (около 350 тысячъ рублей) въ годъ на все время его царствованія. Новый король принялъ норвежское имя Гаакона, а сына своего назвалъ Олафомъ.

Норвежцы, какъ народъ разумный и хладнокровный, не соблазнились перспективою свободнаго республиканскаго самоуправленія, которое оставило бы ихъ безъ полезныхъ связей и отношеній въ политическомъ мірѣ Европы; они предпочли имѣть конституціоннаго монарха, связаннаго родствомъ съ династіями могущественныхъ европейскихъ государствъ, и за это удобство имъ придется платить не особенно дорого—по 350 тысячъ рублей въ годъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1905 г.

I.

- Дмитриевъ-Мамоновъ, А. И. Декабристы въ Западной Сибири. Историческій очеркъ по официальнымъ документамъ. Съ 35 фото-типографиями (29 портретовъ и 6 видовъ). Спб. 1905.

Историческій очеркъ г. Дмитриева-Мамонова первоначально былъ напечатанъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей руссійскихъ при Московскомъ университетѣ“ за текущій годъ и появляется, такимъ образомъ, вторымъ изданіемъ. Это свидѣлствуетъ о томъ интересѣ, съ которымъ встрѣчаетъ общество работы и матеріалы, относящіяся къ жизни и дѣятельности декабристовъ. Авторъ остановился въ своей книгѣ преимущественно на фактическихъ данныхъ, явившихся результатомъ его усердныхъ поисковъ въ различныхъ архивахъ тобольской и томской губерній и акмолинской области, составившихъ прежнюю территорію западно-сибирскаго генералъ-губернаторства, при чемъ наибольшее количество матеріаловъ было добыто въ Омскѣ, гдѣ былъ сосредоточенъ высшій административно-полицейскій надзоръ за политическими ссыльными всей Западной Сибири.

Эти фактическія данныя представляютъ сами по себѣ очень цѣнный матеріалъ и служатъ существеннымъ дополненіемъ къ извѣстнымъ уже очеркамъ жизни декабристовъ и ихъ собственноручнымъ запискамъ. Въ этомъ отношеніи обширный и кропотливый трудъ автора, стремившагося къ объективности и точности сообщаемыхъ фактовъ, заслуживаетъ полного сочувствія всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ изученіи исторической стороны жизни и участниковъ знаменитаго

14 декабря. Объективность автора при этомъ поразительная: ровнымъ, учтиво-официальнымъ тономъ повѣствуетъ онъ о такихъ мѣропріятіяхъ и „попеченіяхъ“ правительства, при которыхъ волосы дыбомъ встаютъ и морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. Нѣтъ словъ, чтобы достойно опредѣлить всѣ эти „неограниченныя милосердія“, „благія попеченія“, „монаршія милости“, при которыхъ „мѣропріятія“ большихъ и малыхъ Бенкендорфовъ усиленно направлялись къ тому, чтобы сдѣлать пребываніе декабристовъ въ Сибири возможно болѣе тягостнымъ и лишить возможности жить въ сколько-нибудь человѣческихъ условіяхъ. Такъ, мы имѣемъ достаточно свѣдѣній, какъ была обставлена жизнь той части декабристовъ, которая принадлежала къ знатымъ и состоятельнымъ семьямъ. Но въ иномъ положеніи были декабристы, именуемые авторомъ официальнымъ терминомъ „государственные преступники“, у которыхъ не было своихъ средствъ. „Размѣщенные въ этихъ мѣстностяхъ съ крайне суровыми климатическими условіями, не имѣя никакихъ средствъ для поддержанія своего существованія, не получая пособій отъ родственниковъ, сосланные,—по разсказу автора,—вскорѣ по прибытіи на мѣста поселенія вынуждены были просить выдачи имъ пособія отъ казны. Это пособие, несмотря на то, что въ Западной Сибири административная власть была объединена въ лицѣ генераль-губернатора, на обязанности котораго лежали заботы о вспоможеніи неимущимъ преступникамъ, была различна въ губерніяхъ тобольской и томской. По тобольской губерніи вспоможеніе государственнымъ преступникамъ выдавалось натурою, имъ отпускалось изъ запасныхъ инородческихъ магазиновъ кормовое довольствіе въ размѣрѣ солдатскаго пайка, а затѣмъ выдавалась крестьянская одежда зимняя и лѣтняя по утвержденной генераль-губернаторомъ табели. По томской же губерніи пособие выдавалось не натурою, а деньгами, въ размѣрѣ стоимости солдатскаго пайка и крестьянскаго одѣянія. Кромѣ этого положеннаго отъ казны пособія, мѣстная администрація, по своему усмотрѣнію, оказывала пособие нѣкоторымъ неимущимъ государственнымъ преступникамъ на счетъ обывателей, предоставляя имъ право пользоваться безвозмездно особыми отводными отъ обывателей квартирами. Въ виду незначительности правительственныхъ пособій, едва обеспечивавшихъ дневное пропитаніе, государственные преступники, принадлежавшіе къ семействамъ бѣднымъ, размѣщенные на поселеніе по сѣвернымъ окраинамъ тобольской и томской губерній, естественно, должны были претерпѣвать многія тяжкія лишенія и, за неимѣніемъ заработка, который могъ бы улучшить ихъ положеніе, должны были прибѣгать для поддержанія своего существованія или къ матеріальной помощи мѣстныхъ обывателей, или же къ помощи болѣе обезпеченныхъ товарищей своихъ по

ссылкѣ. Только благодаря этой частной матеріальной помощи, многіе изъ лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, имѣли возможность, при борьбѣ съ нуждою, влечить тяжелую свою жизнь на поселеніи“.

Только въ 1835 году Бенкендорфъ увѣдомилъ генераль-губернатора Западной Сибири, Сулиму, „что государь императоръ, по неограниченному милосердію своему, входя въ бѣдное положеніе преступниковъ и желая показать имъ, что и они не чужды благихъ попеченій его величества, всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ производить ежегодно на необходимыя ихъ надобности по двѣсти рублей ассигнаціями каждому“.

Въ числѣ „заботъ“ правительства объ устроеніи быта сосланныхъ любопытно отмѣтити мѣру надѣленія ихъ пахотною землею,—„дабы предоставить имъ черезъ обработываніе оной средства къ удовлетворенію нуждъ хозяйственныхъ и къ обезпеченію будущей судьбы дѣтей ихъ, прижитыхъ въ Сибири“.

Такъ писалъ сердобольный Бенкендорфъ въ томъ же 1835 году въ Петербургѣ, нисколько, вѣроятно, не сомнѣваясь въ благодѣтельности этого мѣропріятія. На мѣстѣ же послѣднее встрѣтило при своемъ осуществленіи условія, своевременно не предусмотрѣнныя. „Въ дѣйствительности,—разсказываетъ г. Дмитріевъ-Мамоновъ,—надѣленіе пахотною землею нисколько не послужило къ облегченію участи наиболѣе нуждающихся государственныхъ преступниковъ и ихъ семей. Всѣ государственные преступники, сосланные въ Западную Сибирь на поселеніе, водворены были на жительство, съ высочайшаго соизволенія, въ разные города тобольской и томской губерній, и къ надѣленію ихъ свободными участками хлѣбопахотной земли, лежащими въ близкомъ разстояніи отъ мѣстъ ихъ водворенія, встрѣтились затрудненія, и имъ отводились участки за нѣсколько верстъ отъ городовъ. Эта отдаленность полученныхъ въ надѣль участковъ и неимѣніе средствъ для устройства хозяйствъ вынуждали многихъ лицъ, изъ числа надѣленныхъ землею, оставлять свои надѣлы безъ всякой обработки и эксплуатаціи, тѣмъ болѣе, что, благодаря огромному пространству свободныхъ казенныхъ земель въ Сибири, удобныхъ для хлѣбопашества, полученные въ надѣль участки не могли служить, по безцѣнности земли, даже арендными статьями. Причинами, препятствующими государственнымъ преступникамъ заниматься земледѣліемъ, несомнѣнно служили и тѣ мѣры полицейскаго надзора, которыми обусловливалась возможность приложенія ими своего труда къ землепользованію. Съ отводомъ земельныхъ надѣловъ государственнымъ преступникамъ, возбужденъ былъ вопросъ о томъ, при какихъ именно условіяхъ лица, получившія въ надѣль земли, могутъ отлучаться изъ

мѣсть, опредѣленныхъ для постоянного ихъ жительства, какъ для хозяйственныхъ надобностей вообще по веденію предпринимаемаго ими занятія, такъ и на земельные свои участки“.

Въ надзорѣ за государственными преступниками дѣятельное участіе принимала сама верховная власть, входившая во всѣ мелкія подробности ихъ быта и налаживавшая стѣсненія, гдѣ только было возможно. За декабристами наблюдали генераль-губернаторы, губернаторы, начальники областей; городская и земская полиція; объ образѣ жизни и поведеніи „преступниковъ“ доносилось его величеству, при чемъ, такъ какъ не было выработано опредѣленныхъ правилъ надзора, отдѣльныя начальственные лица понимали его по своему и обставляли его по своему усмотрѣнію, вѣрнѣе сказать, произволу.

До чего доходила мелочность и придирчивость надзора властей за кучкой интеллигентныхъ и мирныхъ людей, заброшенныхъ въ пустыни Сибири, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. „Указанія, данныя верховною властью въ отношеніи распространенія надзора за поселенными въ Сибири государственными преступниками, касались до воспрещенія государственнымъ преступникамъ имѣть огнестрѣльное оружіе и снимать съ себя портреты. Въ іюлѣ 1828 г. пелымскій отдѣльный засѣдатель донесъ тобольскому губернатору Нагибину, что онъ отобралъ отъ только что прибывшаго на поселеніе въ Челымъ государственнаго преступника Бриггена принадлежащее ему оружіе, порохъ и дробь. По поводу этого донесенія генераль-губернаторомъ Западной Сибири, И. А. Вельяминовымъ, возбужденъ былъ вопросъ о правѣ вообще государственныхъ преступниковъ имѣть при себѣ огнестрѣльное оружіе для охоты. 26 октября 1828 г. товарищъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества, графъ Чернышевъ, увѣдомилъ генерала Вельяминова, что, по докладу государю императору возбужденнаго имъ вопроса, его императорское величество повелѣтъ соизволилъ: „всѣмъ вообще государственнымъ преступникамъ, на поселеніе сосланнымъ, воспретить имѣть огнестрѣльное оружіе“. Воспрещеніе о снятіи портретовъ съ государственныхъ преступниковъ послѣдовало въ 1845 г.; 18 декабря этого года генераль-адъютантъ графъ Орловъ увѣдомилъ генераль-губернатора Западной Сибири, князя П. Д. Горчакова, что отставной инженеръ поручикъ Давиньонъ, въ проѣздъ свой чрезъ Томскъ, снималъ посредствомъ дагеротипа портреты съ поселенцевъ изъ политическихъ преступниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдалось извѣстнымъ, что нѣкоторые изъ находящихся на поселеніи государственныхъ преступниковъ завели собственные дагеротипы и сами другъ съ друга снимаютъ портреты, предполагая отираивать эти портреты своимъ родственникамъ. По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія государя императора, его императорское величество изволилъ

признать, что такое невниманіе къ тому, что происходитъ между государственными преступниками, заслуживаетъ строгаго письменнаго замѣчанія, высочайше повелѣть соизвоилъ: „воспретить поселенцамъ изъ государственныхъ и политическихъ преступниковъ на будущее время снимать съ себя портреты и отправлять оныя къ родственникамъ ихъ или къ кому бы то ни было“.

Большія, по выраженію автора, невыгоды испытывали поднадзорные отъ установленныхъ выше способовъ контроля надъ частной почтовой корреспонденціей. Досмотръ корреспонденціи возлагался на генераль-губернатора, препровождавшаго ее генераль-губернаторамъ, которые пересылали губернаторамъ, эти пересылали ее уже отъ себя въ остальные инстанціи, на что уходило, при громадныхъ разстояніяхъ Сибири, много времени, и письма получались декабристами съ большимъ замедленіемъ. При этомъ сибирскіе помпадуръ проявляли свои индивидуальныя свойства, направленные къ стѣсненію ссыльных. Къ нимъ предъявлялось требованіе разборчивости почерка, но въ 1847 году гр. Орловъ, шефъ жандармовъ, регламентировалъ это требованіе, найдя, что нѣкоторые изъ ссыльных пишутъ своимъ родственникамъ слишкомъ слитно и блѣдными чернилами, что дѣлало затруднительною ихъ перлюстрацію (это на 21-мъ году ссылки!), и приказалъ всѣмъ политическимъ ссыльнымъ Сибири писать самымъ разборчивымъ почеркомъ, въ противномъ же случаѣ—письма не будутъ отправлены адресатамъ. Нѣсколько позже, князь П. Горчаковъ потребовалъ, чтобы декабристы сопровождали письма надписями на конвертахъ—„отъ государственнаго преступника“, съ обозначеніемъ имени и фамиліи. Но эти надписи даже гр. Орловъ нашелъ неумѣстными и отмѣнилъ распоряженіе Горчакова, бывшаго въ то время генераль-губернаторомъ Западной Сибири.

Въ 1833 году состоялось положеніе комитета министровъ о „правѣ состоянія“ женъ ссыльных и правѣ избранія ими мѣста жительства. По первому пункту „невинныя жены государственныхъ преступниковъ“—„хотя не лишаются права наслѣдовать принадлежащую имъ собственность и вообще располагать своимъ имѣніемъ черезъ довѣренныхъ лицъ, способами, въ законахъ дозволенными, но во все время продолженія жизни мужей, нужная на содержаніе женъ часть изъ доходовъ прежде принадлежавшаго имъ или вновь наслѣдованнаго имѣнія должна быть выдаваема не имъ непосредственно, а въ распоряженіе того начальства, которому поручено заведываніе государственными преступниками, для употребленія въ пользу ихъ по правиламъ, какія на сіе предписаны быть могутъ... По второму пункту—о правѣ избранія мѣста жительства женами ссыльных послѣ смерти ихъ мужей сказано: „на основаніи существующихъ узаконеній, хотя и должны

быть возвращены лично всѣ прежнія ихъ права, вмѣстѣ съ предоставленіемъ въ непосредственное уже распоряженіе ихъ принадлежащихъ имъ имѣній и доходовъ съ оныхъ, но дѣйствіе всѣхъ правилъ сихъ имѣть ограничиваться одними предѣлами Сибири; дозволенія же вдовамъ государственныхъ преступниковъ возврата въ Россію, безусловно или съ извѣстными ограниченіями, зависѣть будетъ отъ особаго усмотрѣнія правительства и не иначе каждой изъ нихъ дано быть можетъ, какъ съ высочайшаго разрѣшенія“.

Однако, по заключенію автора,—„дарованныя права нисколько не улучшали матеріальнаго устройства жизни на поселеніи государственныхъ преступниковъ и ихъ семействъ. Определенная высочайше утвержденными въ 1826 г. правилами норма денежныхъ выдачъ на годовое содержаніе оставалась въ своей силѣ. Дозволеніе же возвращенія въ Россію вдовамъ государственныхъ преступниковъ разрѣшалось съ такою осторожностью, что потерявшая еще въ 1845 г. своего мужа Александра Васильевна Ентальцева, несмотря на неоднократныя просьбы о возвращеніи въ Россію, должна была прожить въ Сибири 12 лѣтъ и возвратилась въ Россію только по воспомощствованіи всемирно-любовнаго манифеста 26-го августа 1856 г.“

Приведа списокъ тридцати девяти лицъ, біографіи которыхъ помѣщены въ этой интересной книгѣ, и переживъ до извѣстной степени вмѣстѣ съ ними грустную исторію ихъ жизней, авторъ посвящаетъ имъ слѣдующія строки:

„Неблагопріятныя, суровыя климатическія условія большинства мѣстностей, избранныхъ для поселенія, тяжелая нужда при едва обезпеченномъ дневномъ пропитаніи, какую претерпѣвали нѣкоторые изъ поселенцевъ, а затѣмъ утраченная надежда на лучшее будущее и сожалѣніе о навсегда потерянной связи съ своею прошлою жизнью, порождавшія какъ физическія, такъ и душевныя страданія, свели многихъ, изъ числа осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, въ могилу въ Сибири. Изъ тридцати девяти государственныхъ преступниковъ, бывшихъ на поселеніи и на жительство въ Западной Сибири, пятнадцать похоронены въ ея предѣлахъ и могилы ихъ разбросаны на огромномъ ея пространствѣ: Сургутъ, Кондинскъ, Туринскъ, Ялуторовскъ, Курганъ, Тобольскъ и Омскъ—мѣста, гдѣ находятся могилы декабристовъ. Многія могилы, частью съ сохранившимися, частью съ разрушающимися уже отъ времени памятниками еще нынѣ существуютъ,—нѣкоторыя же хотя и утрачены, но память объ усопшихъ еще и нынѣ жива: такъ высоко-нравственна и благотѣльна была дѣятельность въ Сибири облышинства декабристовъ на пользу мѣстнаго населенія“.

Въ книгѣ много портретовъ и рисунковъ, дополняющихъ интересъ изданія.

Мы не сомнѣваемся, что книга г. Дмитріева-Мамонова, и во второмъ своемъ изданіи, встрѣтитъ обширный кругъ читателей, которые отдадутъ должное и потраченному на нее обширному труду, и предмету ея, глубоко знаменательному для переживаемаго нами историческаго момента. Нельзя безъ глубокаго волненія читать повѣсти о жизни декабристовъ и не вспоминать въ то же время трогательныхъ строкъ Пушкина, приобретающихъ для насъ особый пророческій смыслъ:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье...

„Скорбный“ трудъ не пропасть даромъ...

II.

— Луговой, А. „Цѣль вашей жизни?“ Повѣсти и рассказы. Спб. 1905.

Есть писатели, которые раскрываются передъ читателемъ сразу, обнаруживаясь на первыхъ же страницахъ основными свойствами своего міросозерцанія и таланта. Нѣсколько первыхъ страницъ уже даютъ читателю подчасъ право сдѣлать заключеніе о томъ, представляетъ ли интересъ для даннаго читателя новый авторъ не тѣмъ или инымъ произведеніемъ, но общимъ складомъ писательской натуры, сердцемъ ли или умомъ слѣдуетъ воспринимать его творенія или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, вчитываясь въ него всѣми фибрами читательскаго мозга и нервовъ, или же, напротивъ, писатель заслуживаетъ не болѣе того, чтобы, перелиставъ, бѣгло ознакомиться съ нимъ, чтобы узнать при встрѣчѣ, какъ узнаютъ сотни чужихъ, далекихъ, но однажды гдѣ-то, когда-то видѣнныхъ людей. Конечно, есть разные читатели, предъявляющіе къ авторамъ самыя разнообразныя требованія, но средняя „равнодѣйствующая“ этихъ требованій, вкусовъ, симпатій и антипатій не есть ничто метафизическое,—она живо ощущается писателемъ и служить взаимно опредѣляющимъ началомъ между писателемъ и извѣстнымъ общественнымъ кругомъ, съ которымъ писатель связанъ невидимыми, но внутренне ощущаемыми связями.

Симпатіи широкаго круга читателей—вещь очень капризная: иногда онѣ неудержимо прорываются при первомъ талантливомъ произведеніи, иногда онѣ заставляютъ ждать своего проявленія очень долго. Последнее время особенно чревато писателями, у которыхъ вся душа нараспашку, которые съ усердіемъ, зачастую достойнымъ лучшей участи, стремятся обнаружить передъ читателемъ все до дна, мало заботясь

о томъ, въ какой степени привлекательны тѣ или иные дары писательской души. Но инымъ бываетъ отношеніе и публики и критики къ авторамъ другого типа, появленіе которыхъ въ печати не сопровождается ни газетной шумихой, ни литературными сраженіями, дипломатически принимаемыми иногда въ расчетъ въ погонѣ за извѣстностью; если они даровиты, умны и серьезно смотрятъ на свое дѣло, они приобретаютъ свою, вначалѣ небольшую, но опредѣленную публику, которая не растетъ по часамъ, но вмѣстѣ съ писателемъ развивается, зрѣетъ и отдаетъ ему свои симпатіи сознательно и прочно.

Обыкновенно и такіе писатели, и эта публика стоятъ въ сторонѣ отъ большого пути; они не отстаютъ, не застываются, но идутъ своей дорогой, не волнуясь, не спѣша, не обгоняя и не толкая другъ друга. Критика не торопится быть посредницей между авторами и ихъ не-экспансивными читателями и почитателями, и на писателяхъ этой категоріи лежитъ нѣкоторая своеобразная печать разочарованнаго одиночества, иногда отравленнаго самолюбія и неудовлетворенной жажды славы.

Г. Луговой, безспорно, принадлежитъ къ числу писателей, одиноко свершающихъ свой тернистый писательскій путь. Наблюдательный, вдумчивый, талантливый, онъ менѣе всего, кажется, стремится быть записаннымъ въ ряды „передовыхъ“ дѣятелей, претендующихъ взять на себя руководство на аренѣ политической и общественной борьбы. Задача такого руководства, которому служило бы беллетристическое дарованіе г. Лугового, шла бы въ разрѣзъ съ основными свойствами его писательской натуры: онъ не легко раскрывается передъ читателемъ, въ его образахъ нѣтъ рѣзкости очертаній, въ его языкѣ нѣтъ огня и силы. Его нельзя перелистывать, просматривать; читатели, которые захотѣли бы познакомиться съ нимъ поверхностно, между дѣломъ, должны оставить надежду: какъ беллетристъ, г. Луговой останется имъ неизвѣстенъ. Но если глубже заинтересоваться его очерками, остановивъ на нихъ пристальное вниманіе мысли и сердца, то не придется жалѣть о потраченномъ времени: постепенно, образъ за образомъ, черта за чертой сообщится читателю обликъ писательской фізіономіи г. Лугового и лучшія стороны его дарованія разбудятъ въ сердцѣ читателя добрыя, симпатичныя чувства, грустное размышленіе, чистую поэзію прошлаго. Мелкими, неслышными шагами подходитъ г. Луговой къ читательской душѣ и наполняетъ ее вечерними сумерками, отзвуками богато кипѣвшей и неудовлетворенно прожитой жизни, грустной улыбкой скептическаго ума, видѣвшаго много облетѣвшихъ цвѣтовъ, помершихъ огней, разрушенныхъ идеаловъ...

Ущербъ жизненнаго чувства замѣчается почти на всемъ, о чемъ

пишетъ г. Луговой въ этой книжкѣ. Жизнь была полная, свѣтлая, исполненная борьбы во имя какихъ-то цѣлей, какихъ-то идеаловъ, стремленіе къ которымъ насыщало потребность и давало силы для борьбы, а затѣмъ... не то, чтобы жизнь сама по себѣ такъ ужъ измѣнилась, не то, чтобы силъ стало немного, но поблѣднѣлъ тотъ ореолъ, въ которомъ рисовалась былая манящая даль будущаго, между возвышенными цѣлями и практикой жизни образовалась зіяющая бездна, и прежніе идеалы потускнѣли, а сердце отказывается все надѣяться и вѣрить. Душа не терпитъ пустоты, и въ ней поселяется тоска по утраченномъ идеалѣ цѣльнаго, полного бытія, за этой тоской вползаетъ сознаніе усталости и скуки... На этомъ общемъ фонѣ рисуетъ г. Луговой нѣсколько образовъ съ явственно выраженнымъ чувствомъ ущерба жизни.

Поваръ Фроловъ—большой мастеръ своего дѣла, „поваръ по происхожденію и по призванію“. Онъ—романтикъ и поэтъ своего мастерства. Когда, послѣ освобожденія крестьянъ, наступили новыя, какъ принято выражаться, общественныя условія, неблагоприятно отразившіяся и на развитіи поварского искусства и приведшія въ разореніе богача помѣщика, Фроловъ не сумѣлъ приспособиться къ новой обстановкѣ на волѣ и остался какъ бы не у дѣлъ. Пробовалъ онъ служить у разныхъ лицъ, но прежней арены для дѣятельности Фролова уже не находилось. Фроловъ понялъ, что у него отнято единственно дорогое, любимое дѣло, внѣ котораго жизнь его теряетъ всякій смыслъ. Онъ затосковалъ, и такъ какъ отъ тоски до водки одинъ шагъ, то и запилъ. Временами онъ отрезвлялся, приходилъ въ себя, пробовалъ начать жизнь по иному, на крестьянскій манеръ, но ничего не выходило.

„Какое-то неискоренимое горькое чувство отравляло теперь душу Фролова,—разсказываетъ г. Луговой вслѣдъ за эпизодомъ неудачной попытки завести харчевню,—и тянуло его напиваться все чаще и чаще. О кушаньяхъ, какія готовилъ бывало, теперь онъ могъ только мечтать; а мечтать—значило идти въ трактиръ и пить. Съ первой же рюмки въ его воображеніи начинали рисоваться знакомые образы. Ему казалось, что онъ рубилъ и мѣсилъ, протиралъ и раскатывалъ, варилъ и жарилъ. И чѣмъ онъ становился пьянѣе, тѣмъ яснѣе дѣлались его видѣнія, доходя почти до галлюцинацій. Одинъ, молча, сидѣлъ онъ гдѣ-нибудь въ углу за графиномъ водки или бутылкой пива и, не обращая ни на кого вниманія, шепталъ самъ съ собой, дѣлалъ жесты руками, щурился и причмокивалъ“.

Но вотъ судьба улыбнулась Фролову. Его искусство понадобилось купцу Четвергову, у котораго долженъ былъ обѣдать „самъ графъ“. обозрѣвавшій провинцію. Роль Фролова выросла до чрезвычайности.

и самъ онъ выросъ въ своихъ глазахъ и сосредоточилъ всю силу своей энергіи на томъ подвигѣ, на которомъ предстояло ему развить во всю ширину свои духовныя силы. И въ ожиданіи торжественнаго дня всѣ въ домѣ сознавали значительность роли Фролова и испытывали нервное напряженіе. „Только самъ Фроловъ былъ, повидимому, совершенно спокоенъ. Но онъ готовился къ обѣду не только внѣшнимъ образомъ,— онъ приступалъ къ своему дѣлу съ вѣрой и молитвой. Онъ хотѣлъ, чтобъ душа его была на это время чужда всякихъ дурныхъ помысловъ: предстояло показать всѣмъ, что онъ не пьяница негодный, что онъ мастеръ великій, что онъ только не въ силахъ былъ терпѣть обиды и неправды людскія,—да и впредь ихъ никогда не потерпитъ! Всѣ эти дни онъ не пилъ ни одной капли. Въ часы отдыха онъ уходилъ въ садъ и, выпросивъ у богомольной хозяйки псалтырь, читалъ псалмы. Особенно трогалъ его теперь одинъ изъ нихъ: „Помилуй мя, Боже, яко попра мя человекъ: весь день боря стужи ми“...

И Фроловъ оказался достойнымъ своего призванія. Онъ горѣлъ вдохновеніемъ, священнодѣйствовалъ и приготовилъ не обѣдъ, а тонкое произведеніе искусства. Но люди не сумѣли оцѣнить его и отнеслись небрежно къ его творчеству. Четверговъ слишкомъ долго водилъ именитаго гостя по усадьбѣ—и обѣдъ пришлось подать позже, болѣе чѣмъ на два часа. Злоба и досада на то, что кушанья могутъ испортиться, охватила его; онъ при этомъ не думалъ ни о графѣ, ни о хозяевахъ,— какъ истый художникъ, онъ былъ самъ свой высшій судъ, и потому въ невниманіи къ обѣду видѣлъ глубочайшее оскорбленіе своимъ творческимъ мечтамъ, а затѣмъ, когда начался обѣдъ, хозяинъ передъ паштетомъ завелъ свою „говорильную машинку“—и паштетъ запоздалъ,... а гости съ аппетитомъ кушали, много пили и, вѣроятно, не замѣчали нѣкоторыхъ изъяновъ, происшедшихъ по ихъ же винѣ. И пока они кушали, пили и говорили, растягивая обѣдъ, душевная драма Фролова достигла высшаго напряженія и разрѣшилась полнымъ банкротствомъ жизненныхъ силъ: поваръ „двухъ аршинъ съ шапкой“, какъ его называли за малый ростъ, повѣсился на сѣновалѣ. Такова иронія судьбы, въ борьбѣ съ которой человѣческая личность безсильна.

Иронія судьбы... Здѣсь, дѣйствительно, была, пожалуй, иронія судьбы, потому что то, отъ чего погибъ человекъ, лежало выше его сознанія и не зависѣло отъ его личной воли. Но русскіе люди слишкомъ часто любятъ сваливать на судьбу и то, въ чемъ повинны сами, что было всецѣло въ ихъ рукахъ, что упущено, не сдѣлано, въ чемъ не хочется лично сознаться и покаяться. Въ другомъ, проникнутомъ задушевымъ лиризмомъ рассказъ („Изъ прошлаго и настоящаго“) изображается средній интеллигентъ, ведущій изложеніе отъ своего

имени. Давно, еще юношей поселился онъ въ Петербургѣ, и душа его груститъ и ноетъ воспоминаніями прежняго „дикаго періода жизни“, когда онъ не былъ писателемъ, а былъ купцомъ. Воспоминанія эти вызываютъ „то здоровое настроеніе, какое обыкновенно испытываешь въ ясный, безвѣтренный, не слишкомъ морозный день, знаешь, что морозомъ скована сила, которая ждетъ только близкой весны, чтобы проявиться благодатнымъ расцвѣтомъ“... Но затѣмъ, какъ только мысль рассказчика переносится отъ прошлаго къ настоящему, ему кажется, что онъ дышитъ какимъ-то отравленнымъ, гнилымъ воздухомъ, зараженнымъ болѣзью „культурныхъ“ обществъ—поголовной трусливостью. И онъ взбирается на высокую трибуну, такую высокую, чтобы съ нея онъ могъ видѣть всю интеллигенцію, все „культурное“ общество, и, считая его слившимся съ собою въ одномъ порывѣ самобичеванія и покаянной тоски, обращаетъ къ нему рѣчь, полную горечи разочарованія и обиды. Для пущей величавости онъ говоритъ отъ имени всей интеллигенціи и въ томъ смыслѣ, что—мы, дескать, направляемъ духовную, общественную и экономическую жизнь сто-миліонной массы,—и мы—труссы! Это—лейтмотивъ рѣчи.

„Мы боимся всего,—продолжаетъ авторъ отъ имени своего героя:—и мороза, и зноя; и темноты, и ярега свѣта; боимся прикоснуться къ старымъ, запыленнымъ кумирамъ, чтобы они не разсыпались,—боимся и всякаго новаго человѣка, выдающагося изъ толпы, крѣпко сплоченной своею трусостью; мы боимся нищеты, боимся и накопленія богатствъ; боимся всякой свѣжей мысли, всякаго новаго начинанія, каждаго нарушенія нашихъ привычекъ и нашей косности“.

И далѣе: „На борьбу мы уже не способны. Мы не только слабы, мы утратили вкусъ къ борьбѣ. Мы всего охотнѣе прислушиваемся къ проповѣди всякаго рода непротивленія, мы стали чрезвычайно склонны ко всякаго рода попустительству. Было время—раны, полученныя на войнѣ, считались одинаково почетными и у побѣдителя, и у побѣжденнаго, и придавали борцамъ своеобразную красоту; приближается, повидимому, другое, когда, живя въ кругу людей молчалинскаго типа, надо будетъ скрывать ихъ“.

„Да, мы „интеллигенція“, „мозгъ страны“,—заключаетъ авторъ,—мы—труссы и слабяки! Вся наша жизнь и всѣ помыслы наши складываются неизмѣнно подъ вліяніемъ этихъ двухъ отрицательныхъ качествъ нашихъ. Тамъ, гдѣ жизнь народа идетъ впередъ, растетъ и крѣпнеть, это дѣлается помимо насъ. Мы же умѣемъ только безплодно сокрушаться или извлекать свои маленькія выгоды, какъ изъ чужихъ успѣховъ, такъ и изъ чужихъ бѣдъ. Ни себѣ, ни другимъ мы не дадимъ счастья. Мы часто фарисейски кричимъ о помощи обездо-

леннымъ; но не потому, что у насъ болить въ самомъ дѣлѣ сердце о нихъ, а потому, что эти грошевыя заботы возвышаютъ насъ и въ чужихъ, и въ нашихъ собственныхъ глазахъ. Мы за гривенникъ охотно покупаемъ индульгенцію въ грѣхъ нашего собственного ничтожества; но на двугривенный мы уже не рискуемъ: это намъ не по силамъ“.

Обвиненіе въ поголовной трусости и слабости—обвиненіе весьма серьезное, доказательство котораго надлежало бы обставить большими аргументами. Но прежде всего обвиненіе это падаетъ само собою, будучи обращено къ пустому пространству, къ массѣ, ко всѣмъ вмѣстѣ и ни къ кому лично. Не вся интеллигенція собралась у трибуны оратора, не всѣ слышали его голосъ, и онъ, какъ бы ни былъ зорокъ его глазъ, многого не различилъ въ этой массѣ. Любопытно, что повѣсть съ этой филиппикой противъ интеллигенціи написана въ 1900 году, въ одинъ изъ самыхъ жестокихъ годовъ мертвеннаго застоя русской общественной жизни, сопровождавшагося тяжелымъ гнетомъ, падавшимъ на все, чтó носило на себѣ отпечатокъ смѣлой интеллигентной личности и русской культурно-общественной мысли. Это сопоставленіе не въ пользу оратора. Онъ не подмѣтилъ въ толпѣ, казавшейся ему однородной, людей, творившихъ осязательную для чуткихъ сердецъ, но не для всякаго наблюдателя видную освободительную работу; онъ не угадалъ грознаго смысла этого свинцоваго затишья передъ бурей, онъ не слышалъ первыхъ подземныхъ толчковъ, предвѣщающихъ великое колебаніе почвы, смятеніе умовъ и низверженіе идоловъ... Въ толпѣ интеллигенціи не всѣ были трусы. Многіе изъ нихъ могли бы отвѣтить оратору такъ, что онъ постыдился бы и высокой трибуны, и своего ораторскаго пафоса,—но уста этихъ интеллигентовъ были заграждены для тѣхъ огненныхъ и сильныхъ словъ, которыми они могли бы отозваться на вызовъ оратора. Они не отвѣтили,—у нихъ было свое, большое дѣло, важнѣе отвѣта на драблныя рѣчи. За нихъ отвѣтила жизнь.

Но характерно, что въ извѣстные моменты, преимущественно тяжкіе для общественной борьбы, обычно возвышается голосъ, громящій интеллигенцію, любовно принявшую „выходца“ въ свои нѣдра, пригрѣвшую и научившую его. И если еще можетъ быть понять и объяснить скачокъ отъ лично неудовлетвореннаго чувства интеллигента, не забывшаго своей Обломовки, къ огульному обвиненію всего „культурнаго“ общества, обвиненію, притомъ, на которое уже легла печать давности, то тѣмъ характернѣе, тѣмъ поразительнѣе эти голословныя и несправедливыя, поистинѣ пошлыя выходки противъ интеллигенціи, которыя дѣлаются въ наши дни со стороны писателей, претендующихъ на роль вождей въ дѣлѣ борьбы за *всеобщее* счастье на-

рода. А кумиры насилія и грубости еще болѣе отвратительны, чѣмъ кумиры Разума въ доброе старое время...

У г. Лугового дѣло обстоитъ не такъ плохо: его интеллигентъ — человѣкъ съ яркими воспоминаніями молодости, но съ развинченной волей, огорченный личными неудачами, разочарованный, можетъ быть — субъектъ, у котораго, по наблюденію врачей, оказалась бы печень не въ порядкѣ. И въ другомъ, большемъ, давшемъ заглавіе книгѣ, разсказы изображены кое-какія черты изъ жизни подобнаго интеллигента, пріѣхавшаго въ Москву учиться и открывшаго свой умъ и сердце всѣмъ впечатлѣніямъ бытія. Если вдуматься въ то, какиѣ впечатлѣніямъ открылось при этомъ его чувствительное сердце, станетъ ясно, при какиѣхъ условіяхъ могутъ создаваться извѣстнаго рода меланхолики и нитики жизни, которые предъявляютъ чрезмѣрные требованія къ обществу и минимальныя къ себѣ.

Судьба сводитъ молодого человѣка, опять-таки ведущаго разсказъ отъ своего имени и какъ бы облегчающаго свою душу исповѣдью, съ нѣкимъ Николаемъ Петровичемъ, человѣкомъ способнымъ, но загубленнымъ постоянной рефлексіей и алкоголемъ. Нервный, съ расшатанной волей, онъ страдаетъ оттого, что въ жизни, какъ ему кажется, нѣтъ ничего положительнаго, истиннаго, чтѣ указало бы человѣку, изъ-за чего стоить жить и въ чемъ настоящее назначеніе жизни. Работая не по призванію, а ради денегъ, презирая и себя, и другихъ, Николай Петровичъ проводитъ жизнь въ постоянномъ резонерствѣ и запояхъ, которые приводятъ его, въ концѣ концовъ, къ бѣлой горячкѣ и преждевременной смерти. Отъ природы умный и размышляющій, съ вѣчной тревогой души, онъ томится „проклятыми вопросами“ и разрѣшаетъ ихъ безконечной цѣпью то банальныхъ, то остроумныхъ софизмовъ, которые, вмѣстѣ съ кахетинскимъ, растлѣвающе дѣйствуютъ на неокрѣпшую мысль и неустановившійся характеръ юноши. Юноша явился въ Петербургъ, чтобы учиться, полный вѣры въ себя и въ жизнь, но въ самомъ началѣ новаго пути встрѣтилъ Николая Петровича и, не будучи стоекъ по природѣ, подпалъ подъ его вліяніе. „Какая цѣль вашей жизни?“—приставалъ ко всѣмъ Николай Петровичъ, и затѣмъ, огорошивъ собесѣдника этимъ вопросомъ, начиналъ доказывать ему, что все на свѣтѣ тлѣнъ и суета, и сама жизнь—тлѣнъ и фата-моргана, надъ которой, въ сущности, задумываться не стоитъ. „И я чувствовалъ,—разсказываетъ молодой человѣкъ,—какъ я—бодрый, здоровый, сильный—вдругъ пошелъ, какъ пойманная на удочку рыбка, за этимъ слабымъ, за этимъ не знающимъ куда идти человѣкомъ. За кружкой севернаго пива въ северной портерной, развертывая предо мной картины всей гадости человѣческаго общежитія, онъ говорилъ вчера, что вся наша жизнь—не

что иное, какъ обманчивая фата-моргана. Сады, дворцы и башни, отражающіеся радужными красками въ нашихъ умахъ и сердцахъ, все это—воздушное отраженіе предметовъ совсѣмъ непрекрасныхъ“.

Понятно, какъ должны были подѣйствовать на молодого человѣка рѣчи Николая Петровича при отсутствіи другихъ благотворныхъ вліяній. Занятія науками не пошли на ладъ, живая товарищеская среда не захватила его своими бодрыми настроеніями жизнерадостнаго труда и беззаботнаго смѣха. Прошло нѣкоторое время, и домашнія дѣла увлекли его на родину, и онъ вернулся туда къ практической дѣятельности уже не прежнимъ беззаботнымъ юношей, а человѣкомъ съ зачатками преждевременной душевной старости, скептикомъ до глубины души. И, мучась противорѣчіями, онъ по достоинству оцѣнилъ ядовитое вліяніе софизмовъ Николая Петровича, унесшихъ съ собою нетронутый запасъ его молодой отваги и воли. Онъ проклиналъ Николая Петровича за то, что тотъ привилъ ему „страсть къ напитку самаго сквернаго и вреднаго сорта, къ напитку, называемому жгучимъ сомнѣніемъ“. Жгучее сомнѣніе—оборотная сторона отсутствія мировоззрѣнія, слабости волевыхъ импульсовъ, разброда мыслей и чувствъ. Молодой человѣкъ—мы называемъ его такъ, хотя онъ рассказываетъ о себѣ лѣтъ двадцать спустя—это типичный чеховскій интеллигентъ, уже обрисовавшійся на фонѣ русской жизни какъ разъ къ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Плыя по теченію, этотъ интеллигентъ (но не интеллигенція, Бога ради!) мучится безконечными [противорѣчіями, сводящимися къ вопросу—„Цѣль вашей жизни?“—и естественно не можетъ примирить два подвѣртывающихся отвѣта: одинъ—„не въ слѣпой покорности судьбѣ, во всякомъ случаѣ!“ и другой—конечная цѣль жизни есть опьяненіе, источникъ забвенія и полета въ міръ призрачныхъ представленій и сознательнаго самообмана.

Примирить эти противорѣчія, дѣйствительно, было невозможно, но въ нихъ уже намѣчались знаменательные прообразы тѣхъ путей, по которымъ вслѣдъ затѣмъ разошлись чеховскіе и не-чеховскіе интеллигенты: путь трезвой реальной борьбы и путь разнаго рода метафизическихъ, символическихъ и иныхъ опьяненій... Но въ превосходно удавшемся изображеніи у г. Лугового образъ отравленнаго „жгучимъ сомнѣніемъ“ интеллигента носитъ на себѣ явные признаки того же ущерба жизни, какой мы отмѣтили выше и въ двухъ приведенныхъ разсказахъ.

Но, можетъ быть, г. Луговой не только даетъ изображеніе извѣстнаго типа, но и ставитъ роковой вопросъ о цѣли нашей жизни, на который самъ онъ, при этомъ, не даетъ отвѣта. О, тогда другое дѣло: наше время есть время именно жгучихъ и безконечныхъ

споровъ о цѣлесообразности жизни, объ ея ближайшихъ и дальнѣйшихъ цѣляхъ. Сознательность отношенія къ этимъ вопросамъ никогда не была такъ животрепещуща и важна. И еслибы современные идеалисты и реалисты захотѣли рѣшить поставленный г. Луговымъ вопросъ, не отрѣшаясь отъ тѣхъ условій, съ которыми онъ связанъ, они, весьма возможно, примирились бы на той немудреной, но существенно важной формулѣ, что цѣль человѣческой жизни заключается прежде всего въ томъ, чтобы эта жизнь не терпѣла ни въ какомъ отношеніи ущерба, чтобы личность развивалась всесторонне и гармонично, и чтобы непремѣннымъ условіемъ ея развитія былъ сознательный и общественно-полезный трудъ, столь же необходимый для радостнаго процесса жизни, какъ и борьба съ тѣми препятствіями, которыя стоятъ на пути къ достиженію этого общаго всему человѣчеству идеала.

III.

— Петръ и Алексѣй. Д. С. Мережковского. Спб. 1905

Романъ Д. С. Мережковского, завершившій его „трилогію“, интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Въ основу его положена большая и вдумчивая работа надъ эпохой, признаваемой одной изъ труднѣйшихъ въ дѣлѣ историческаго изученія. Сами историки далеко не установили безспорнаго отношенія къ самому факту Петровской реформы, ея объему и значенію для послѣдующаго развитія Россіи. Личность царя-преобразователя неотступно стояла между изслѣдователями и фактами реформы и вносила невольный субъективный элементъ въ аналитическую работу. Историки то восторгались этой личностью, сводя значеніе реформы къ источнику ея желѣзной воли и геніальной прозорливости, то, наоборотъ, вскрывали историческую подпочву, на которой реформа должна была вырасти логически-неизбѣжно, и личность царя сводилась къ роли орудія исторической необходимости; западническія и славянофильскія построенія дѣлали то или иное отношеніе къ Петровской реформѣ своего рода оселкомъ, при посредствѣ котораго строилась система опредѣленнаго общественнаго міросозерцанія. Столь же различно относились и біографы Петра къ характеристикѣ его нравственнаго склада: обычные рамки не могли вмѣстить всего поражающаго разнообразія чертъ, изъ которыхъ складывается его образъ. Въ одно и то же время великій и ничтожный, могучій и безсильный, честный и двоедушный, добрый, даже нѣжный и жестокий до свирѣпости, открытый и довѣрчивый и до болѣзненности подозрительный—Петръ заключалъ въ себѣ, повидимому, всю

гамму свойствъ человѣческой природы во всевозможныхъ сочетаніяхъ и противорѣчіяхъ. Самое глубокое изученіе не устраняло значительнаго ирраціональнаго элемента, дѣлавшаго личность Петра загадкой не только для современниковъ, но и для потомства. Загадочность его натуры является главнѣйшей чертой, нашедшей художественное выраженіе въ романѣ и весьма удачно проведенной.

Петръ является одинаково страшной загадкой на праздникъ богини Венусъ, въ мастерски обрисованной сценѣ своего перваго появленія передъ читателемъ при встрѣчѣ съ царевичемъ, въ жуткой обстановкѣ дикости и проблесковъ культурныхъ стремленій, пышности и варварскихъ привычекъ, въ атмосферѣ разгула, раболѣпія и произвола. Жутко-загадоченъ Петръ и въ интимной домашней обстановкѣ своимъ душевнымъ одиночествомъ, подозрительностью и припадками; но всего болѣе загадоченъ онъ въ отношеніяхъ къ царевичу Алексѣю. Художникъ сумѣлъ передать стремительность перехода Петра отъ одной мысли къ другой, неустойчивость въ настроеніяхъ, вѣчныя колебанія и противорѣчія, обличавшія глубокую внутреннюю борьбу. Петръ и любилъ Алексѣя, и ненавидѣлъ его, и какъ будто стѣснялся съ нимъ, наслѣдникомъ своего престола, и презиралъ его за малодушіе и физическую и умственную слабость; онъ и раскрывалъ передъ нимъ душу, и лукавилъ, и приучалъ къ „дѣлу государеву“, и спавалъ на своихъ попойкахъ. Одной опредѣленной черты нельзя было уловить изъ отношеній Петра къ Алексѣю,—они колебались, какъ колебался и самый образъ Петра, волнуемый стихійной борьбой противоположностей его натуры.

Въ изображеніи г. Мережковского этотъ колеблющійся образъ далъ, какъ на фотографической пластинкѣ, нѣкоторую расплывчатость въ одну и въ другую сторону. Можетъ быть, причиною этого было то, что колебаніе было не только въ объектѣ воспроизведенія, но и въ самомъ воспроизводящемъ аппаратѣ, а можетъ быть—большей ясности изображенія помѣшало то настроеніе, та призма зрѣнія, сквозь которую Петръ, какъ и Алексѣй, въ значительной степени, рисуются воображенію читателя изъ романа. Въ большинствѣ главъ, въ которыхъ собственно и развивается художественное дѣйствіе романа, читатель не выходитъ изъ атмосферы чего-то искусственнаго, болѣзненнаго, словно насыщеннаго испареніями алкоголя и ладана; отъ этого кружится голова, въ глазахъ появляются круги и лица, освѣщенные искусственнымъ свѣтомъ, кажутся искаженными, блѣдными, фигуры—вылыми. Искусственность освѣщенія—особенность творческой кисти г. Мережковского. Если искать параллелей въ другихъ видахъ искусства, его можно было бы по колориту сравнить съ извѣстнымъ Пювись-де-Шаваномъ, еслибы его не отличала отъ французскаго худож-

ника любовь къ исключительнымъ эффектамъ и слишкомъ подчеркнутое стремленіе къ параллелизму между событіями людской жизни и явленіями природы.

Въ изображеніи г. Мережковского Петръ менѣе всего „преобразователь“ Россіи: онъ—въ корнѣ ломаетъ устои прежней жизни, попираетъ ногами священныя традиціи предковъ, нарушаетъ благочестіе, словомъ, всячески искажаетъ обликъ стараго житія. Мы видимъ Петра въ домашней жизни, на попойкахъ, за рабочимъ станкомъ, въ адмиралтействѣ, догадываемся, что по его указамъ и эстафетамъ тамъ, въ глубинѣ Россіи, приводятся въ движеніе десятки и сотни тысячъ людей, призванныхъ творить какую-то громадную и неполнѣ для нихъ ясную работу, но какова она въ дѣйствительности, въ чемъ заключается ея значительность и цѣнность,—этого мы не видимъ. Художникъ, можетъ быть, не хочетъ становиться въ положеніе историка и брать на себя трудъ воссоздавать новую группировку государственно-общественныхъ явленій, создававшихся вокругъ царя. Сосредоточивая весь интересъ на личности Петра, онъ естественно не принимаетъ въ расчетъ того состоянія умовъ извѣстной части русскаго общества, которое уже выражало созданную всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ развитія потребность въ коренныхъ преобразованіяхъ государственной и общественной жизни. Въмѣсто этого художникъ предпочитаетъ поставить читателя въ толпу современниковъ и смотрѣть на Петра такъ, какъ смотрѣли на него они, испытывая на себѣ его тяжелую, мозолистую руку, видя лишь вѣщныя приемы его дѣятельности, слыша объ его странномъ нравѣ, по своему объясняя его новшества и не умѣя отличить ничтожнаго отъ великаго, узко личнаго отъ громаднаго по объему мысли и сферѣ практическаго приложенія. Слышитъ читатель—много толкуютъ въ народѣ о Петрѣ, какъ о поругателѣ старины и древняго благочестія, и среди темной суевѣрной массы облекается въ новую форму древній мифъ объ антихристѣ; толкуютъ темные, но объятые мистическимъ страхомъ грядущихъ событий людишки о „звѣриномъ числѣ“, о близкомъ концѣ міра и времени пришествія антихриста,—и ослѣпленная фанатизмомъ и безсильной злобой мысль связываетъ въ народной молвѣ образъ лютаго врага Христова съ образомъ Петра... Слышитъ читатель темные, недобрые слухи о томъ, какъ царь мучитъ народъ, тѣснитъ налогами, губитъ въ непрерывныхъ походахъ да въ нелѣпыхъ затѣяхъ, вроде постройки столицы на болотѣ, у края студенаго моря,—и самъ, поддаваясь увлекательности разсказа, проникается жалостью и болью за народное горе и жуткимъ недоумѣніемъ по поводу всего, что онъ слышитъ отъ царя и о царѣ. И еслибы г. Мережковский удержалъ читателя на этой позиціи, въ его приемѣ можно было бы усмотрѣть по-

сѣдовательный и тонкій художническій расчесть. Но г. Мережковскій повелъ своего читателя гораздо дальше, куда не проникали люди изъ толпы, современники Петра: г. Мережковскій попытался раскрыть предъ читателемъ и сердце, и сокровеннѣйшія думы Петра, и не только дать почувствовать, но и объяснить страшную драму, разывавшуюся въ его душѣ. Могъ ли художникъ брать на себя эту задачу? Безспорно, но здѣсь онъ уже неминуемо становился на другую точку зрѣнія и долженъ былъ пускаться въ дѣло иные приемы. Въ первой половинѣ своей задачи художественный анализъ сосредоточивался на томъ впечатлѣніи, какое производилъ Петръ на своихъ современниковъ, на разнообразіи ихъ мнѣній, на всевозможныхъ комбинаціяхъ сужденій, взглядовъ, предположеній; передъ художникомъ былъ неистощимый матеріалъ, изъ котораго онъ могъ свободно черпать необходимыя черты. Вторая задача была неизмѣримо сложнѣе и глубже: необходимо было заглянуть въ душу *подлиннаго* Петра, того Петра, какимъ, по крайней мѣрѣ, его знаютъ историки. Передъ историками, если отбросить роль историческаго воображенія, образъ Петра распадается на громадное количество большихъ и малыхъ обрывковъ, окаменѣлыхъ мыслей, застывшихъ чувствъ, замершихъ движеній воли; какъ личность, Петръ для историковъ,—прежде всего то, что онъ самъ писалъ, а затѣмъ, что о немъ писали современники и ближайшіе потомки. Чтобы возсоздать изъ всѣхъ этихъ фрагментовъ живой и цѣльный образъ, надлежало неподвижные памятники превратить въ бѣненіе сердца, порывы мысли, звучащія слова, надлежало взять духъ изъ мертвой груды письменъ и одухотворить имъ неподвижный образъ такъ, чтобы онъ весь загорѣлся жизнью, загорѣлся чувствами и волей—и ожилъ...

Этого г. Мережковскому не удалось сдѣлать. Насколько образъ Петра живъ и ярокъ въ тѣхъ сценахъ, гдѣ художникъ его наблюдаетъ *со стороны*, настолько онъ является безжизненнымъ и скучно-блѣднымъ тамъ, гдѣ г. Мережковскій берется изображать внутренній міръ Петра, такъ сказать, съ натуры и заставляетъ его говорить языкомъ писемъ и указовъ. Дневники, подлинныя документы, пространныя выписки—все это представляется въ романѣ грудой историческихъ прозаизмовъ, среди которыхъ расплываются многія истинно великолѣпныя сцены. Эти сцены впадаютъ въ непримиримое внутреннее противорѣчіе съ „историческими матеріалами“. Послѣднее лишаетъ романъ его архитектурной стройности, а первымъ не даютъ ему сдѣлаться исторической хроникой,—отчего мѣстами получается впечатлѣніе чего-то непроработаннаго, спѣшно нагроможденнаго, полусырого...

Душевная драма Петра, нарастающая и развивавшаяся многіе

годы, представлена въ романѣ слишкомъ схематично. Алексѣй становится жертвой служенія Петра отдаленному идеалу преобразованной, сильной и славной Россіи. Г. Мережковскій изображаетъ сцену, которая не очень вяжется съ его же образомъ нечестиваго, даже богохульнаго Петра, гдѣ царь, борясь и рѣшая участь сына, падаетъ ницъ передъ иконою и вызываетъ молитвенно: „да падетъ сія кровь на меня одного! Казни меня, Боже,—помилуй Россію!“ Умѣстныя въ какомъ-нибудь приказѣ, отданномъ войскамъ передъ битвой, слова эти отзываются здѣсь мелодрамой. Техникъ государственной структуры, Петръ менѣе всего былъ теоретикомъ-идеалистомъ, и, судя по всему, что извѣстно объ отношеніяхъ отца и сына, нельзя допустить, чтобы этотъ мотивъ государственнаго служенія не уравнивался элементомъ застарѣлаго личнаго раздраженія и ненависти, усилившихся съ годами. Эта личная сторона, составлявшая по-истинѣ нечеловѣческую драму въ душѣ Петра, недостаточно раскрыта въ романѣ, и художникъ относитъ слишкомъ много на долю загадочности натуры Петра, оставляя скрытыми внутреннія перипетіи борьбы. Вообще, это сюжетъ титаническій, достойный Шекспировой кисти.

Сгущая краски въ изображеніи Петра и окружая его атмосферой тяжелыхъ и мрачныхъ предчувствій, въ которыхъ принимаетъ участіе сама природа, г. Мережковскій допускаетъ извѣстную степень идеализаціи по отношенію къ царевичу Алексѣю. Образъ его очерченъ во многихъ отношеніяхъ съ большимъ искусствомъ и, еслибы не общая растянутасть романа, могъ бы произвести впечатлѣніе цѣлостное и яркое. Царевичъ Алексѣй, въ изображеніи г. Мережковского, чловѣкъ отъ природы вроткій и далеко не глупый, а въ извѣстныхъ случаяхъ проницательный и самоотверженный, только уродливое воспитаніе и неумѣренная и суровая, не считавшаяся съ особенностями натуры царевича, требовательность отца къ дѣламъ воинскимъ и государственнымъ, наложили на него тяжелую печать, озлобили и вызвали тупое, пассивное упорство. Въ то время, какъ Петръ прозрѣвалъ широкія государственныя перспективы, требовавшія неустанныхъ трудовъ и великой рѣшимости и зоркости отъ тѣхъ, кому предстояло продолжать его дѣло, царевичъ Алексѣй тупымъ и враждебнымъ взглядомъ смотрѣлъ на работу отца и не возвышался въ ея оцѣнкѣ надъ суевѣрными толками злорадныхъ поповъ, юродивыхъ да разной придворной челяди. Слабый, обычно полупьяный, онъ, подъ бредни старухъ и суевѣрныя причитанья ослѣпленныхъ фанатиковъ, рисовалъ себѣ идеаль царствованія въ видѣ тихаго и мирнаго усадебнаго житія, въ которомъ ни онъ не посягалъ бы на вѣками установившійся укладъ народной жизни, ни самъ не испытывалъ бы на себѣ бремени обязанностей, подъ тяжестью которыхъ гнулась и же-

лѣзная натура Петра. Картины, въ которыхъ изображаются дѣтство и воспитаніе царевича и позднѣйшій строй его жизни, когда въ отсутствіе батюшки онъ жилъ по своей волѣ, полны настроеніемъ невозмутимаго покоя, доморощенной помѣщицѣй нѣги, библейской мечтательностью, дремотой и застоємъ мысли. Онѣ принадлежать къ лучшимъ въ романѣ, какъ и картины старой Москвы, заброшенной Петромъ и представлявшей послѣ пожаровъ „мерзость запустѣнія“. Царевичъ ясно сознавалъ свои связи со старой, косной, но, какъ ему казалось, благочестивой Москвой; ко всему, на чемъ лежалъ отпечатокъ новизны и критической мысли, онъ относился растерянно и боязливо; въ романѣ есть превосходное сравненіе: слышитъ царевичъ рассказы о теоріяхъ, порожденныхъ въ Европѣ ученіями Коперника, Ньютона, Лейбница, — „и ему казалось, что въ этой бесѣдѣ происходитъ съ мыслями то же, что со свѣгомъ во время петербургской оттепели: все расплзается, таетъ, тлѣетъ, превращается въ слякоть и грязь, подъ влѣяніемъ гнилого западнаго вѣтра“. Такъ реагировалъ Алексѣй на животрепещущіе вопросы просвѣщенія и науки въ то время, какъ Петръ прорубалъ окно въ Европу. Конфликтъ былъ неизбеженъ, но въ этомъ конфликтѣ царевичъ игралъ, по роману, не столько роль фатальной стороны, которой недаромъ боялся Петръ, сколько роль несчастной, загнанной жертвы, павшей подъ влѣяніемъ безумной страсти къ „дворовой дѣвкѣ Афроськѣ“. Эта Афроська очерчена жизненно и мѣтко, какъ и Петръ Андреевичъ Толстой, который такъ и встаетъ передъ читателемъ. Нельзя того же сказать о раскольниковѣмъ элементѣ, искусственно введенномъ въ романъ и мало связанномъ съ нимъ внутреннимъ соотношеніемъ. Интересныя сами по себѣ въ бытовомъ отношеніи, картины изъ раскольниковѣй жизни проникнуты особымъ мистическимъ колоритомъ, который заставляетъ вести рассказъ въ приподнятомъ тонѣ и недостаточно вяжется съ глубокимъ жизненнымъ реализмомъ драмы между отцомъ и сыномъ.

Мы не касаемся здѣсь значенія романа, какъ заключительной части „трилогіи“, — объ этомъ пришлось бы говорить особо. Но и взятое само по себѣ, новое произведеніе Д. С. Мережковского исполнено большого интереса и представляетъ во всякомъ случаѣ выдающееся литературное явленіе послѣдняго времени.

IV.

— Дерюжинскій, В. Ѳ. — Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 1906.

Въ этой книгѣ авторъ собралъ свои статьи, напечатанныя въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ „Вѣстникѣ Европы“. „Написанные въ мрачный періодъ расцвѣта реакціонной политики, задержавшей и извратившей спокойный ходъ нашего общественнаго развитія, очерки эти, — говоритъ г. Дерюжинскій, — при всемъ разнообразіи ихъ темъ и предметовъ, проникнуты единствомъ мысли и стремленій. Авторъ исходилъ изъ твердаго убѣжденія въ томъ, — продолжаетъ г. Дерюжинскій, — что знакомство съ политической исторіею другихъ народовъ составляетъ одну изъ главныхъ потребностей русскаго общества и что изъ области политической исторіи заслуживаетъ развитіе политической свободы въ ея различныхъ видахъ и проявленіяхъ“.

Однѣ изъ этихъ статей уже значительно устарѣли, но другія могутъ быть прочитаны не безъ интереса. Такъ, весьма своевременно перечитать напечатанную въ 1893 году на страницахъ нашего журнала статью — „Публичные митинги въ Англіи“. Авторъ приводитъ исторію митинговъ и выясняетъ ихъ значеніе въ политической жизни Англіи. Это значеніе образовалось не сразу, но въ концѣ концовъ правительство убѣдилось, что — „свободное обсужденіе, изъ котораго познается истина, есть право народа. Ему (авторъ цитируетъ Джефсона — *The Platform; its Rise and Progress, London, 1892*) принадлежитъ право собираться. Если у него есть неудовольствія, онъ имѣетъ право заявить о нихъ, чтобы они сдѣлались извѣстными и могли быть устранены. Если же нѣтъ достаточныхъ поводовъ къ недовольству, здравый смыслъ не замедлитъ явиться на выручку и положить конецъ такимъ митингамъ. Правительствамъ нечего опасаться свободнаго обсуждения, нечего бояться открытаго выраженія общественнаго мнѣнія; бояться приходится тогда, когда люди вынуждаются къ тайнымъ соединеніямъ, — вотъ гдѣ лежитъ опасность, а не въ свободномъ обсужденіи. Статья представляетъ собой преимущественно изложеніе упомянутой книги.

Можетъ имѣть значеніе и справка о свободѣ печати и судѣ присяжныхъ въ Англіи, хотя въ послѣднее время было уже много писано на эту тему. Остановливаясь на основныхъ чертахъ, характеризующихъ положеніе печати въ Англіи, авторъ истинной основой свободы печати въ этой странѣ считаетъ судъ присяжныхъ. Онъ приво-

дѣть мнѣніе лорда Кеніона о томъ, что сущность свободы печати очень проста: всякій можетъ огласить въ печати все, что двѣнадцать его согражданъ не считаютъ предосудительнымъ, но съ другой стороны — подлежитъ наказанію всякій за оглашеніе того, что въ глазахъ присяжныхъ является предосудительнымъ. „Наивно было бы думать,—говоритъ г. Дерюжинскій,—что это убѣжденіе явилось результатомъ спокойнаго и ровнаго развитія, безсознательнаго роста учреждений. Нѣтъ, оно явилось результатомъ долгой борьбы, оно завоевано было трудами и усиліями нѣсколькихъ поколѣній“. Авторъ и беретъ на себя задачу прослѣдить въ краткомъ очеркѣ важнѣйшіе моменты этой борьбы и указать на роль суда присяжныхъ въ исторіи развитія свободы печати въ Англіи. „Со времени изданія Libel Act'a 1792 года, если не считать короткаго періода реакціи въ эпоху французской революціи, — говоритъ г. Дерюжинскій въ заключительныхъ словахъ своего очерка,—англійская печать пользуется самою широкою свободою, которая, однако, не исключаетъ возможности преслѣдованія злоупотребленій этою свободою. На стражѣ какъ этой свободы, такъ и уклоненій отъ справедливаго и законнаго пользованія ею превыше всего стоитъ судъ присяжныхъ, непристрастный и независимый, одинаково заинтересованный какъ въ охраненіи свободы печати отъ покушеній на нее, такъ и въ обереганіи чести, доброй нравственности и общественнаго порядка отъ людей, рѣшающихся употребить во зло великое орудіе печатнаго слова“.

Кромѣ отмѣченныхъ въ книгѣ помѣщены очерки: „Верхняя палата во Франціи“, „Печать во Франціи при Наполеонѣ I“ (на основаніи книги Вельшингера—*La censure sous le premier Empire, avec documents inédits*), „Конституція третьей Республики“, „Шарнель и Ирландія“, „Буланже и буланжизмъ“, „Клемансо“ и др.—Евг. Л.

V.

— Н. Н. Черненко. Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства. Выпускъ I-ый. Москва. 1905.

Эта небольшая, но весьма содержательная книжка составлена изъ статей, помѣщенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ періодическомъ изданіи: „Саратовская Земская Недѣля“. Цѣлью разсматриваемаго труда является изученіе крестьянскаго „двора“ въ его двойственномъ характерѣ — семьи и хозяйства, — причѣмъ для выясненія даннаго предмета Н. Н. Черненко примѣнилъ новый приѣмъ, заключающійся въ изученіи переменъ, коимъ подвергаются однѣ и тѣ же конкретныя

крестьянскія семьи въ теченіе промежутка времени, отдѣляющаго одно изслѣдованіе этихъ семей отъ другого. Въ примѣненіи этого приема нельзя, впрочемъ, не видѣть продолженія того стремленія къ болѣе глубокому уразумѣнію процессовъ экономической жизни Россіи, которое такъ ярко проявляется въ исторіи мѣстныхъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства. Первоначально мѣстныя изслѣдованія деревни ограничивались почти исключительно констатированіемъ различныхъ явленій, которыми характеризуется данная территорія, какъ цѣлая единица. Затѣмъ, изслѣдованія стали проникать въ глубь деревенской жизни, и подъ итогами и средними числами показали намъ живыхъ людей, хотя бы объединенныхъ въ группы по какому-либо важному семейно-хозяйственному признаку. Такія крупныя и пока еще очень слабо опредѣленныя экономическія группы домохозяевъ стали потомъ разбиваться на болѣе мелкія, характеризуемыя уже со многихъ сторонъ, и задача территоріальнаго изученія крестьянскаго хозяйства вообще осложнялась болѣе и болѣе изслѣдованіемъ конкретныхъ типическихъ хозяйственныхъ группъ населенія. Если позволительно примѣнить сюда аналогію съ явленіями развитія естественныхъ наукъ, то можно бы сказать, что, какъ анатомія и физиологія начали изученіе подлежащихъ явленій съ организма животнаго, какъ цѣлаго, и потомъ проникли до мельчайшихъ микроскопическихъ элементовъ, сочетаніемъ коихъ созидаются строеніе и жизнь цѣлаго,—такъ и развитіе экономической науки привело въ концѣ концовъ къ изученію того элементарнаго экономического организма, семьи-хозяйства, которое образуетъ основную ячейку, какъ бы гистологическій элементъ ткани общества. Всѣ эти групповыя и комбинаціонныя таблицы земской статистики имѣютъ задачей возможное приближеніе изслѣдованія къ такимъ основнымъ ячейкамъ общественнаго организма.

Но данная группировка матеріаловъ подворныхъ переписей открываетъ средства изученія гистологическихъ, такъ сказать, элементовъ общества лишь въ одинъ, опредѣленный моментъ ихъ существованія. Когда же подворныя изслѣдованія крестьянскаго хозяйства стали повторяться и открыта была возможность наблюденій того, какія измѣненія претерпѣваетъ народная жизнь и въ какомъ направленіи совершается ея эволюція—земскіе статистики не могли удовлетворяться тѣмъ освѣщеніемъ этихъ вопросовъ, какое можно было сдѣлать, сравнивая состояніе крестьянскаго быта, цѣлой территоріи, въ два момента изслѣдованій. Такое сравненіе знакомитъ насъ лишь съ признаками и поверхностными результатами происходящей эволюціи, но не съ тѣми процессами, которые совершаются въ глубинѣ народной жизни и которые привели къ данному результату. Процессы эти заключаются въ метаморфозѣ тѣхъ основныхъ ячеекъ, семей-хозяйствъ,

которыя составляютъ какъ бы гистологическіе элементы тканей общественнаго организма. Раньше или позже, мѣстные изслѣдователи должны были обратиться къ изученію этихъ метаморфозъ; по отдѣльнымъ вопросамъ кое-когда они даже примѣняли этотъ приемъ; но честь перваго проведенія этого приема по всѣмъ вопросамъ подворнаго изслѣдованія принадлежитъ саратовскому земскому статистику, Н. Н. Черненкову. Тотъ же приемъ былъ примѣненъ затѣмъ при повторныхъ переписяхъ крестьянскаго хозяйства въ вятской губерніи. Примѣненіе даннаго метода требуетъ, какъ это само собою разумѣется, наблюденія за судьбой каждаго хозяйства данной территоріи, дополненнаго изученіемъ новыхъ хозяйствъ, появившихся въ этомъ районѣ. Попытка такого наблюденія была сдѣлана Н. Н. Чернековымъ при переписи въ 1897 г. шести волостей петровскаго уѣзда, саратовской губерніи. Такъ какъ за три года до этого данный районъ былъ уже подвергнутъ подворному описанію, и въ рукахъ г. Черненкова находились карточки отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ переписи 1894 года, то земскимъ статистикамъ не составило затрудненія собрать свѣдѣнія о томъ, что представляли изъ себя эти семьи въ 1897 г., и получить такимъ образомъ матеріалъ, рисующій ихъ положеніе въ два момента времени. Изученіе этого матеріала показало, что, несмотря на краткій срокъ (три года), отдѣлявшій одну перепись отъ другой, — въ жизни семей даннаго района произошли очень крупныя измѣненія, о которыхъ нельзя получить никакого понятія, сравнивая лишь конечные итоги двухъ изслѣдованій. Такое сравненіе, напр., показываетъ, что число наличныхъ домохозяйствъ (7019 въ 1894 г.) возросло къ 1897 г. на 183. А если прослѣдить тѣ процессы, результатомъ коихъ было это приращеніе числа семей, то окажется, что они коснулись 811 семей 1894 г. Процессы эти заключались въ полномъ исчезновеніи 173 домохозяйствъ, въ удаленіи съ мѣста жительства 175 семействъ, въ раздѣленіи 463-хъ семей на 954, въ удаленіи на сторону 68-ми изъ этихъ раздѣлившихся семей, и, наконецъ, въ возвращеніи на родину 108 семей, жившихъ на сторонѣ. Массовыя наблюденія тѣхъ перемѣнъ, какія происходятъ въ конкретныхъ семьяхъ - хозяйствахъ, открываютъ, такимъ образомъ, новую главу въ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства.

Первый выпускъ разсматриваемаго нами труда посвященъ вопросу о крестьянской семьѣ - хозяйствѣ, при чемъ на основаніи земскихъ переписей авторъ изслѣдуетъ вопросъ о численномъ составѣ крестьянскихъ семей и о предполагаемой тенденціи крестьянской семьи къ измельчанію, а затѣмъ, пользуясь данными военно-конскихъ переписей, онъ приступитъ къ разсмотрѣнію вопроса о такъ называемомъ разслоеніи крестьянства, столь запутаннаго новѣйшими трактованіями этого пред-

мета съ предвзятыхъ точекъ зрѣнія. Было время, когда, при отсутствіи точныхъ свѣдѣній о положеніи народа, крестьянская масса рисовалась намъ болѣе или менѣе однороднымъ слоемъ, надъ которымъ выдѣлялись отдѣльные кулаки и міровѣды, ее эксплуатировавшіе. Болѣе точныя наблюденія, однако, разрушили это понятіе и показали, что крестьянская масса состоитъ изъ группъ очень различныхъ въ хозяйственномъ отношеніи. Эта разнородность крестьянской массы первоначально принималась просто какъ фактъ; но въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ широкое распространеніе въ нашей литературѣ „получило представленіе о постепенной дифференціаціи деревни и о значительной ея внутренней неоднородности, какъ результатъ такой дифференціаціи“ (стр. 114). Несмотря на опредѣленность этого заключенія,—новое направленіе нашей общественной мысли, извѣстное подъ именемъ неомарксизма, проявилось въ литературѣ,—прежде всего рѣзкой критикой прежнихъ теченій за ихъ, будто бы, отрицаніе дифференціаціи въ крестьянской средѣ, и стало развивать идею о томъ, что эта дифференціація есть процессъ капиталистическаго разслоенія крестьянства, ведущій къ раздѣленію нѣкогда приблизительно однородной массы земледѣльцевъ на два враждебныхъ класса—сельской буржуазіи и сельскаго пролетаріата,—съ выпаденіемъ типа средняго крестьянина. Это рѣшительное заключеніе относительно *процесса* экономической эволюціи Россіи основывалось, однако, на наблюденіи того, что представляло изъ себя крестьянство въ одинъ опредѣленный моментъ времени. Между тѣмъ какъ, очевидно, что для фактическаго изслѣдованія процесса развитія необходимо имѣть данныя, относящіяся къ различнымъ моментамъ. Заключенія неомарксистовъ о характерѣ разслоенія русскаго крестьянства слѣдуетъ, поэтому, считать не болѣе, какъ освѣщеніемъ даннаго положенія съ точки зрѣнія предвзятой теоріи, освѣщенія, подлежащаго фактической провѣркѣ. Говоря иначе, вопросъ о неоднородности состава крестьянскихъ хозяйствъ ждетъ еще изслѣдователей, которые должны выяснить статику и динамику этого явленія. Авторъ разсматриваемаго нами труда включилъ этотъ вопросъ въ рамки своего изслѣдованія и въ первомъ выпускѣ своей работы,—пользуясь данными военно-конскихъ переписей, —распредѣлил 300 уѣздовъ Россійской имперіи на группы, характеризующіяся различными отношеніями между числомъ малолодныхъ и многолодныхъ домохозяевъ. Здѣсь не мѣсто говорить подробно о содержаніи даннаго изслѣдованія, и мы ограничимся замѣчаніемъ, что, въ общемъ, авторъ не только не усмотрѣлъ параллельнаго распространенія въ крестьянскомъ быту высшихъ и низшихъ (по степени обезпеченности рабочимъ скотомъ) группъ домохозяевъ, характеризующаго то, что называется дифференціаціей,

но замѣтилъ какъ разъ обратное явленіе: „большая численность высшихъ группъ сопровождается въ большинствѣ случаевъ меньшей численностью низшихъ, и наоборотъ, что крайнія группы до известной степени какъ бы исключаютъ другъ друга“ (стр. 136). Въ данномъ выпускѣ авторъ ограничился констатированіемъ различныхъ географическихъ районовъ,—районовъ съ тѣми или иными отношеніями между высшими и низшими группами домохозяевъ; изученіе же причинъ такого распредѣленія районовъ, равно какъ и изслѣдованіе динамики крестьянскаго хозяйства, составитъ предметъ дальнѣйшей работы Н. Н. Черненкова.—Выражая искреннее желаніе скорѣйшаго продолженія интереснаго изслѣдованія, мы, въ заключеніе, напомнимъ, что многія, высказанныя авторомъ, соображенія и примѣненіе его приемовъ изслѣдованія даннаго явленія можно найти въ одной старой журнальной работѣ („Изъ области крестьянскаго хозяйства“ въ журналѣ „Наблюдатель“, 1885 г., № 7—10).—В. В.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Бергъ, Л.—Высыхаетъ ли Средняя Азія? Спб. 905.

Благовидовъ, Ѳ. В. — Къ работѣ общественной мысли по вопросу о церковной реформѣ. Каз. 905. Ц. 50 к.

Бонаевскій, П.—Красный Крестъ въ развитіи международнаго права. Ч. I: Национальныя общества Краснаго Креста и Женевская конвенція 22 августа 1864 года. М. 906. Ц. 3 р.

Борисякъ, А.—Геологическій очеркъ Изюмскаго уѣзда и прилежащей полосы Павлоградскаго и Зміевскаго уѣздовъ. Съ картой. Спб. 905. Ц. 5 р.

Бородаевскій, С. В.—Учрежденіе мелкаго кредита въ 1903 году. Спб. 905. Цѣна 10 к.

Булъ-Полтесъ.—Механико-экономическая перепись. Харьк. 905. Ц. 30 к.

Бушъ, Н. А.—По скаламъ Андійскаго Дагестана. Спб. 905.

Введенскій, Дмитрій.—Тайна смерти малютокъ. Въ утѣшеніе родительской скорби. Св.-Тр. Серг. Лавра. 906. Ц. 30 к.

Ганкебушъ, М. М.—Воскресающій Лазарь. Русско-польскій недугъ. М. 906. Цѣна 1 р.

— Дашковъ, Дм. Дм., какъ общественный дѣятель. Спб. 905. Ц. 35 к.

Де-Волланъ, Грнг.—Въ странѣ Восходящаго Солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. Съ рис. 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 906.

Дерюжинскій, В. Ѳ. — Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 906. Ц. 2 р.

Дружининъ, Н. П.—Избиратели и народные представители. Общедоступный очеркъ конституціоннаго права, съ изложеніемъ предположеній о реформѣ въ Россіи, и закона о Государственной Думѣ. М. 906. Ц. 1 р.

Задѣра, Г. П.—Самостоятельная дѣятельность фельдшеровъ. Спб. 905.

Зибертъ, Фр.—Книга для родителей. I. Матерямъ подростящихъ дочерей. Съ вѣм. д-ръ М. Лионъ. Спб. 905. Ц. 40 к.

Карьева, С.—Школьный историческій словарь. Составл. п. р. Н. И. Карьева. Спб. 906. Ц. 2 р.

Книповичъ, Н.—Очеркъ работъ каспійской экспедиціи 1904 г. Спб. 905.

Коваленко, I. А.—Врачи и общество. Спб. 905. Ц. 40 к.

Кондратьевъ, А. И.—Краткій курсъ военной гигиены, со включеніемъ правилъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и на полѣ сраженія. Съ 167 рис. Изд. 2-е. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Лоріа, А.—Рабочее движеніе. Происхожденіе—Формы—Развитіе. Спб. 905. Цѣна 1 р. 50 к.

Матисенъ, А. А.—Путешествіе въ Персію въ 1904 г. и опись пути отъ Кермана до Бендеръ-Абаса. Спб. 905.

Новикъ, И. Д.—Современная конституція и Положеніе о Государственной Думѣ. М. 906. Ц. 2 р.

Новомбергскій, Н.—Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Пири, Р. Е.—По большому льду къ сѣверу. Съ 8 карт. и 357 рис. Съ англ., и. р. Беркоса. Спб. 906. Ц. 3 р.

Поповъ, А. И.—Отечественная война 1812 года. Т. I: Сношенія Россіи съ иностранными державами предъ войною 1812 года. М. 905. Ц. 4 р.

Пуришкевичъ, В. Т.—Русская печать на зарѣ обновленія. Спб. 905.

Розановъ, В.—Около церковныхъ стѣнъ. Въ 2 том. Т. I. Спб. 906. Ц. 2 р.

Рудановскій, А.—Конституція истинной свободы. М. 905. Ц. 20 к.

Рудольфъ, Н. Θ.—Значеніе начальной школы въ распространеніи доступнаго промышленнаго образованія. Спб. 905.

Скальковский, К.—Воспоминанія молодости. По морю житейскому. 1843—1869 гг. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, гр. Л. Л.—Драматическія сочиненія. Т. I. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Тотоміаницъ, В. Θ.—Сводъ свѣдѣній о дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи вообще и за 1903 годъ въ частности. Спб. 905. Ц. 50 к.

Фоссъ, М.—Морская война. Съ чертежами. Перев. П. Гельмерсенъ. Спб. 906. Ц. 2 р.

Черненко, Н. Н.—Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства. Вып. I. М. 905. Ц. 80 к.

Чернышевскій, Н. Г.—Полное собраніе сочиненій въ 10 томахъ съ 4 портретами. Т. VII: „Современникъ“ 1860—1861 г. Основанія политической экономіи Д. С. Мидля. Перев. съ примѣч. Спб. 905. Подписная цѣна—15 рублей.

Чеховъ, М. П.—Спироты. Повѣсть. Спб. 905. Ц. 20 к.

Шевыревъ, Ив.—Борьба съ короѣдами. 1. Загадка короѣдовъ. Спб. 905.

Шереметевъ, гр. Павелъ.—Замѣтки 1900—1905. М. 906. Ц. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Richard Dehmel. Ausgewählte Gedichte. Berlin, 1905 (Schuster u. Loeffler Verlag).

Поэтъ Рихардъ Демель стоитъ во главѣ современной нѣмецкой лирики, не примыкая, однако, вполне ни къ одному изъ многочисленныхъ направлений современной нѣмецкой поэзіи. Онъ скорѣе объединяетъ то, что породило столь большую разрозненность, и переходитъ отъ лирики отгѣнковъ, отъ дифференціаціи ощущеній къ цѣлостной, синтетической поэзіи мировыхъ чувствъ. Въ лирикѣ Демеля сильно и ярко воплощенъ „последовательный натурализмъ“, представленный, кромѣ него, Арно Гольцемъ и Іоаннесомъ Шлафомъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ Демель создалъ лучшіе образцы современнаго нѣмецкаго неомимпрессионизма, символизма и оргіазма, т.-е. всего славословящаго человѣка и жизнь. Онъ пользуется большой извѣстностью, какъ пѣвецъ на социальныя темы, созерцающій съ глубокой скорбью, какъ угнетенъ трудъ среди людей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воспѣваетъ гордое самочувствіе духа, утверждающаго себя, идущаго по пути саморазвитія, совершающаго свой законъ совершенствующейся личности для себя, а не для непосредственнаго блага другихъ.

Вышедшій недавно сборникъ избранныхъ стихотвореній Демели даетъ ясное представленіе о сложномъ и въ то же время цѣльномъ творчествѣ поэта, и выясняетъ миссію, съ которой онъ идетъ къ людямъ. Всякій глубокій поэтъ возвѣщаетъ свою правду, и „правда“ Демеля выдѣляетъ его изъ рядовъ его нѣмецкихъ современниковъ. Теперь въ Германіи много поэтовъ, но дифференціація въ искусствѣ такъ велика, что каждый замыкается въ опредѣленныхъ настроеніяхъ, видя уголки бытія, а не гармонію цѣлаго. Есть изысканные эстеты, какъ Стефанъ Жоржъ, есть изступленные поэты голоднаго пролетаріата, какъ Людвигъ Шарфъ со своими „Proletarienlieder“,—но какъ поэтъ гармоніи бытія, соединенія индивидуализма съ стихійной цѣлью міра, Демель занимаетъ исключительное положеніе и по содержанію, и по законченности формъ.

Біографія Демеля, рассказанная имъ самимъ, не представляетъ никакихъ яркихъ внѣшнихъ переживаній, но, быть можетъ, именно приобщеніе къ судьбѣ средняго человѣчества, сумма переменныхъ удачъ и неудачъ сдѣлали поэта такимъ вдумчивымъ и чуткимъ къ

страданіямъ и мучительнымъ контрастамъ жизни. Рихардъ Демель родился въ 1863 году въ маленькомъ мѣстечкѣ Бранденбургской марки, учился сначала въ Берлинѣ, но ссорился съ начальствомъ, такъ какъ съ дѣтства отличался мятежнымъ нравомъ, и кончилъ курсъ гимназіи въ Данцигѣ. Студенческіе годы—онъ изучалъ философію и естественныя науки—онъ въ значительной степени долженъ былъ посвятить исканію средствъ къ жизни, редактировалъ, ради заработка, мелкую провинціальную газету и охотничью газету—въ Берлинѣ. Въ 1887 году онъ получилъ докторское званіе, написавъ диссертацию о страхованіи, и послѣ этого, въ теченіе семи лѣтъ, до 1895 года, служилъ секретаремъ въ одномъ страховомъ обществѣ; по его словамъ, сухая канцелярская служба пошла ему на пользу, научивъ его владѣть собой. „Со мной было то, что бываетъ съ пѣвчими птицами,—говоритъ онъ,—которыя, большей частью, только въ клѣткѣ вполнѣ развиваютъ свой голосъ“. За годы службы Демель издалъ свои первые три лирическихъ сборника, „Erlösungen“, „Aber die Liebe“, „Lebensblätter“, и тогда только, чувствуя себя на высотѣ своего художественнаго призванія, пройдя чрезъ искусъ самообладанія, онъ уступилъ охватившей его жаднѣ свободы—глубочайшему стимулу всякаго искусства, пѣнія птицы въ томъ числѣ, какъ онъ самъ говоритъ. Съ тѣхъ поръ онъ занимается исключительно литературой, написалъ нѣсколько сборниковъ стиховъ, двѣ драмы, писалъ дѣтскіе стихи въ сотрудничествѣ со своей первой женой, талантливой поэтессой Паулой Демель. Въ 1899 году онъ съ ней разошелся и женился вторично. Вопросъ о семьѣ, о соотношеніи любви и свободы, игралъ большую роль въ его личной судьбѣ, и потому такъ рѣзко выдвинутъ въ его поэзіи. Со своей второй женой Демель много путешествовалъ. Крупнѣйшее его произведеніе въ послѣдніе годы—романъ въ стихахъ „Zwei Menschen“, въ которомъ онъ стремится создать новую форму эпоса.

Въ поэзіи Демеля ясно намѣчены два, казалось бы, противоположныхъ основныхъ настроенія. Онъ чувствуетъ съ большой напряженностью то, что отдѣляетъ человѣка отъ человѣка, субъективность ощущеній, права души на полноту своихъ индивидуальныхъ переживаній, чувствуетъ таинственный смыслъ подвига, совершаемаго не для другихъ, а для того, чтобы вознестись въ духъ, чтобы пріобщиться къ цѣли, лежащей внѣ осязательныхъ, осуществимыхъ въ явленіяхъ благъ. Но въ то же время душа его открыта для всего, что соединяетъ людей другъ съ другомъ. Онъ живо чувствуетъ всѣ формы единенія: чувство солидарности, которое возстаетъ противъ социальной несправедливости, чувство, влекущее на служеніе людямъ—и всѣ другія нити, связующія человѣка съ человѣкомъ. Паеосъ Демеля состоитъ въ томъ, что онъ стремится объединить субъективное съ человѣч-

нымъ и мировымъ. Путь отъ субъективнаго къ мировому онъ считаетъ путемъ блаженства, составляющаго цѣль человѣческаго существованія. Именно то, что онъ обхватываетъ контрасты духа, жажду отдѣльности и жажду слиянія, Демель и становится оргіастическимъ утвердителемъ жизни, пѣвцомъ блаженства жизни. Въ этихъ аккордахъ, въ паосѣ его исканій гармоніи между „я“ и міромъ, создается мелодія, включающая всю полноту жизненной силы, отзвуки наиболѣе разно звучащихъ струнъ. Высшимъ проявленіемъ этой жажды или этого провидѣнія гармоничной, блаженной человѣческой жизни является отношеніе Демеля къ любви. Его, пѣвца угнетеннаго трудящагося человечества, причисляютъ также къ самымъ крайнимъ декадентамъ, ставя ему въ упрекъ пламенный эротизмъ его пѣсенъ любви. Но основа его славословій любви—не „декадентская“: для эстета цѣль заключается въ самомъ ощущеніи, въ новыхъ оттѣнкахъ чувствъ, въ цѣнности самыхъ переживаній; для Демеля же тайна любви, соединяющей два существа,—самое совершенное воплощеніе мировой гармоніи, символъ пути отъ субъективнаго счастья къ блаженству единенія съ мировой жизнью.

„Пѣсни о другихъ“, въ которыхъ Демель воплощаетъ свою жажду земной справедливости, представляютъ собой по преимуществу картины яркихъ контрастовъ богатства и нищеты. Одно изъ наиболѣе характерныхъ стихотвореній въ этомъ родѣ носитъ названіе „Будущее“ и поражаетъ сочетаніемъ идиллическаго и мятежнаго мотивовъ. Это стихотвореніе ясно показываетъ, какъ поэтъ идеалистическихъ и оргіастическихъ настроеній относится къ рабочему вопросу, волнующему теперь міръ:

„Богатая женщина, благородная женщина, ты носишь подъ сердцемъ надежду и хотѣла бы радоваться, но боишься. Я вижу, какъ ты страдаешь, сидя при свѣтѣ благоуханныхъ свѣчей и вышивая шелковое покрывало для колыбели. Ты считаешь нити, серебристо-сѣрыя, черныя и красныя какъ кровь, и въ твоемъ воображеніи мелькаютъ тысячи рукъ, прядущихъ пряжу, тысячи сѣрыхъ материнскихъ рукъ. Онѣ прядутъ, прядутъ безъ конца. Я вижу, какъ ты мрачно киваешь головой и обводишь комнату темнымъ взглядомъ. Тысячи дѣтей проходятъ передъ твоимъ внутреннимъ взоромъ: они тихо крутятъ веревку, рано состарившись отъ голода и хрупкости. Ты видишь, какъ поднимаются отцы, видишь всѣхъ, которые должны жить въ уродствѣ для того, чтобы осуществилась красота; они нападаютъ на твое разукрашенное гнѣздышко. А знаешь ли, кто соткалъ эту кровавую нить? Ты бы среди смертельныхъ мукъ возрадовалась, еслибы могла видѣть, какъ, готовясь къ кровавому пиру, грязная рука рабочаго сжимаетъ твою бѣлую шею“.

Таково грозное возмездіе, которое рисуется поэту, когда ему становится страшно нередь зрѣлищемъ борьбы интересовъ, и когда онъ чувствуетъ, что справедливость должна быть восстановлена—хотя бы она и явилась подъ маской грознаго, гнѣвнаго насилія. И въ другихъ стихотвореніяхъ Демель становится глашатаемъ несправедливо обойденнаго въ жизни рабочаго и выдвигаетъ самое вопіющее въ отношеніяхъ людей труда и тѣхъ праздныхъ людей, для которыхъ они трудятся. Стихотвореніе „Рабочій“ написано отъ лица труженика: у него есть кровь, есть семья, есть работа; онъ можетъ радоваться солнцу на небѣ—но для того, чтобы свободно, какъ птица, наслаждаться этимъ, ему недостаетъ одного—досуга. Чтобы быть прекрасными какъ птицы, которыхъ онъ видитъ на поляхъ въ воскресенье, ему и его женѣ недостаетъ только—всего того, что создается ихъ руками для другихъ. И въ этомъ стихотвореніи отражается такимъ образомъ жажда справедливости. Въ другихъ, пророчащихъ грядущую гармонію пѣсняхъ Демель свѣтло говоритъ о времени, когда „ни одинъ человѣкъ не будетъ кричать, что онъ голоденъ“.

Правда общественнаго зла, нарушенія гармоніи несправедливымъ распредѣленіемъ благъ, не застилаетъ, однако, отъ взоровъ поэта внутреннюю трагедію жизни, трагедію личности, ея духовной жажды, несоизмѣримой съ требованіями и дарами жизни. Демель, поэтъ обездоленнаго рабочаго,—въ то же время поэтъ свободной личности, исполняющей свой внутренній законъ. Побѣдить трагизмъ жизни—не въ рукахъ человѣческихъ, ибо тутъ сталкиваются вѣчно непримиримыя начала: коренная неосуществимость желаній, неискоренимыхъ въ душѣ человѣческой. Самые глубокія стихотворенія Демеля относятся къ этимъ мотивамъ—къ трагедіи героическаго духа, тщетно рвущагося къ высотамъ. Свое пониманіе таинственной гармоніи между свѣтлой тайной міра и мракомъ индивидуальных и общественныхъ страданій Демель воплощаетъ наиболѣе поэтично и глубоко въ стихотвореніи „Трагическое видѣніе“. Въ немъ воспѣвается красота бесполезнаго, въ утилитарномъ смыслѣ, подвига, который однако нуженъ міру, какъ знакъ идеальнаго самоотверженія. Стихотвореніе написано свободнымъ стихомъ, безъ рима, но внутренняя мелодія преисполнена паюса и художественной красоты:

„Въ пустынь лежало множество людей. Они изнемогали отъ жажды и стонали. Только одна прекрасная дѣвушка съ безпомощными карими глазами переносила муки беззвучно; больше чѣмъ жажда, ее жгла жалость. Вдругъ, выростая на пламенномъ горизонтѣ, появился передъ толпой чужой человѣкъ. Онъ поднялъ вверхъ указательный палецъ. Изъ поднятаго дрожащаго кончика пальца вытекла большая капля крови; она текла, повисла и упала—упала въ песокъ.“

Съ изумленіемъ взглянулъ народъ на чужого человѣка. Онъ долго стоялъ, и капля за каплей падала изъ его пальца въ песокъ. И каждый разъ, когда изливался кровавый источникъ, онъ содрогался и блѣднѣлъ. Они же изумлялись, и нѣкоторые зывали со стономъ: „Онъ смѣется надъ нами!“ Онъ же громко вскрикнулъ въ послѣднемъ огненномъ порывѣ: „Приходите же, пейте! Для васъ я истекаю кровью“. Но дѣвушка сказала, въ то время какъ онъ угасалъ: „Имъ нужна вода“.

И хотя людямъ нужна вода, поэтъ все же зоветъ духъ человѣчскій на тѣ вершины самопознанія, когда въ пониманіи своей силы онъ обрѣтаетъ побѣду. Очень характеренъ и высоко настроенъ его „Горный псаломъ“, въ которомъ противопоставляется въ рѣзкихъ образныхъ контрастахъ скорбь духа, обращеннаго на „вѣчное и далекое“, и осязательныя страданія массы: гармонію поэтъ находитъ не въ подчиненіи одного начала другому, а въ признаніи ихъ равнаго мірового значенія: поэтъ стоитъ на горной вершинѣ въ бурю, слышитъ свистъ вѣтра, и со своей одинокой высоты смотритъ внизъ, на свою далекую родину, и вверхъ, на тучи. И родина, и тучи одинаково влекутъ его къ себѣ: ему хотѣлось бы умчаться вмѣстѣ съ тучами, чтобы утолить въ бурѣ свои безмѣрные, неясныя влеченія, но манять его къ себѣ также серебристое сверканіе рѣки и голубоватая дымка деревьевъ,— а изъ волшебнаго лѣса дѣтскихъ воспоминаній ясно зовутъ его взоръ и голосъ матери. Поэту кажется, что слишкомъ громкимъ становится призывъ земной родины, и что нельзя отдаваться своимъ смутнымъ влеченіямъ, когда цѣлый народъ стонетъ, зывая о ясности — дико и рѣзко. „На твои мечты о чистотѣ падаетъ насмѣшка труда: онъ борется, раздѣаемый грязью“. И на этотъ роковой вопросъ о нравственныхъ правахъ индивидуализма, противопоставленнаго реальному долгу передъ человѣчествомъ, отвѣтъ поэта гласитъ: „Прояви силу, которая дана тебѣ, и ты будешь свободенъ отъ гнета вины“. Сила эта — сила любви; она „преображаетъ чашу пота и обвиваетъ цвѣтами крестъ труда“. Въ любви — единеніе каждаго въ отдѣльности съ цѣлымъ. Любовь „течетъ какъ кровь Спасителя“. „Духъ, стремись ввысь! Сердце, опусти въ низъ, къ людямъ!“ — восклицаетъ онъ, видя въ этомъ сочетаніи гармонію жизни.

Мѣняя образы, Демель часто возвращается къ двойственности души и признаетъ равноцѣнность обоихъ началъ. Въ стихотвореніи „Bastard“ сердце человѣческое кажется ему полу-чудовищнымъ дѣтищемъ вампира въ образѣ прекрасной юной женщины и бога солнца — исчадія тьмы и бога свѣта. Женщина-вампиръ проклинаетъ объятья бога солнца и, родивъ на свѣтъ человѣческую душу, шлетъ ей проклятье, которое звучитъ, однако, и благословеніемъ: „Твое сердце, человѣкъ, будетъ томиться желаніями, какъ томится сѣрая ночь,

ожидаю перваго проблеска солнца Въ твоихъ страстяхъ ты будешь жаждалъ чистоты душевной, какъ крови,—и сердце твое будетъ всегда рваться отъ тупой страсти къ свѣтлому пламени“.

Въ лирикѣ Демеля, вмѣстѣ съ отраженіемъ антиномій жизни, есть много свѣтлыхъ пѣсенъ, посвященныхъ гармоніи бытія. Онъ пламенно вѣритъ въ жизнь и принимаетъ ее въ ея полнотѣ—со всѣмъ, что возбуждаетъ гнѣвъ, и со всѣмъ, что порождаетъ радость. Прекрасны его стихи, отражающіе тихость и проникновенность мирныхъ зрѣлищъ жизни. Таково стихотвореніе „Тихій городъ“:

Въ долину лежитъ городъ. Проходитъ блѣдный день. Еще недолго—и на небѣ не будетъ ни мѣсяца, ни звѣздъ—а одна только ночь.—Со всѣхъ горъ спускаются туманы и даютъ своей тяжестью на городъ. Ни кровель, ни домовъ не видно въ туманѣ. Ни одинъ звукъ не проходитъ сквозь облака,—едва-едва видны башни и мосты. Но когда путнику стало страшно, въ глубинѣ засвѣтился огонь. И сквозь дымъ и туманъ прозвучало тихое славословіе изъ устъ ребенка. Эта „нота-утѣшеніе“ въ мысли о дѣтяхъ очень часто звучитъ у Демеля. Его дѣтскія пѣсни чрезвычайно поэтичны сами по себѣ—и въ его міропониманіи онѣ имѣютъ глубокое значеніе: ребенокъ со своимъ безсознательнымъ душевнымъ равновѣсіемъ является залогомъ міровой гармоніи и связанной съ нею красоты.

Въ поэзіи Демеля мощно звучитъ эротическій мотивъ—прославленіе любви и страсти. Превознося святость всего сущаго, оправдывая человѣка въ его стремленіи къ духовному самоусовершенствованію, также какъ возмашаю о правахъ массъ на справедливость, поэтъ видитъ величайшій знакъ единенія человѣческой души съ міровою въ любви, соединяющей инстинктъ индивидуализма съ жаждой найти себя въ другомъ существѣ. Его отношеніе къ любви—не слѣпо чувственное, какъ въ поэзіи французскихъ эротиковъ: оно поднято на высоту космическаго чувства, проникнуто религіозностью. Въ любви поэтъ видитъ путь къ самопознанію, путь къ свободѣ, соединяющей личное съ общимъ,—и путь къ пониманію міроваго блаженства, отраженнаго въ счастіи двухъ любящихъ существъ. Въ связи съ любовью Демель выдвигаетъ вопросъ о семьѣ, о дѣтяхъ, объ отношеніяхъ, создаваемыхъ узами крови. И во всѣхъ отвѣтахъ на коренные вопросы Демель провозглашаетъ свободу—во имя грядущаго. Дѣти правы передъ отцами: въ своемъ стихотвореніи къ сыну, поэтъ учитъ его быть свободнымъ („Будь собой, будь собой!“... не слушайся стараго отца). И каждый человѣкъ долженъ возлюбить свободу и превозмочь все вчерашнее во имя вѣчнаго „завтра“. Жажда свободы для Демеля священна, потому что въ ней—залогъ побѣды надъ вчерашнимъ и сегодняшнимъ во имя завтрашняго. Въ

этомъ влеченіи къ далекому есть, конечно, сильное вліяніе Ницше съ его проповѣдью „преодолванія себя“, во имя грядущаго совершенства.

Глубже всего Демель подходитъ къ проблемѣ эротизма въ „Zwei Menschen“, романѣ въ стихахъ. Три части этого обширнаго поэтического произведенія состоятъ каждая изъ тридцати-шести канцонъ, въ тридцать-шесть стиховъ; но, несмотря на эту наѣбрѣнную скованность формы, поэма очень поэтична и глубока по замыслу. Основная мысль поэта—воспѣть блаженство на землѣ, которое приводитъ къ блаженству космическому—къ погруженію въ гармонію мірозданія.

II.

H. G. Wells. A modern Utopia (Tauchnitz edition, vol. 3821). Leipzig, 1905.

Творческая мысль идетъ впереди жизни, и въ значительной степени опредѣляетъ ее. Нѣтъ поэтому противорѣчій—какъ полагаютъ близорукіе критики явленій и людей—между „любовью къ далекому“, исканіемъ цѣли бытія, созиданіемъ философіи жизни, и устроеніемъ реальной дѣйствительности, т.-е. воплощеніемъ въ области воли того, что уже существуетъ для мысли, какъ идеальная реальность.

Есть литературная область, въ которой провидящая мысль особенно ясно соприкасается съ реальной дѣйствительностью, — это обширная область такъ называемыхъ утопій. Между утопией и идеаломъ есть, конечно, коренное различіе. Утопія—картина далекаго, но осуществимаго строя жизни; идеаль—нескончаемый путь къ вѣчно желанной, вѣчно уходящей вдаль цѣли. Идеализмъ опредѣляетъ атмосферу жизни; онъ мѣняетъ не цѣли жизни (онъ, слѣдовательно, не отвлекаетъ отъ осуществленія непосредственныхъ реальныхъ задачъ), а отношеніе къ этимъ цѣлямъ, побуждаетъ мыслить высшее и далекое, живя реальнымъ и близкимъ. Утопизмъ же—опредѣленные мысли о возможномъ усовершенствованіи формъ жизни. Утопическая литература поэтому составляетъ переходную ступень между реалистическимъ и идеалистическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности: она ведетъ впередъ и открываетъ далекія перспективы, хотя перспективы эти только далекія, а не безконечныя, и открываются онѣ только въ области воли.

Въ исторіи человѣчества утопіи играютъ значительную роль, какъ показатели желаннаго въ различные періоды исторіи. Многія утопіи имѣютъ опредѣленную теоретическую цѣнность, какъ, напр., та, главіе которой сдѣлалось нарицательнымъ для всего этого рода лите-

ратуры, т.-е. „Утопія“ Томаса Мура, предвозвѣстника социализма въ XVI вѣкѣ. Наиболѣе извѣстныя утопіи послѣдующаго времени, вплоть до нашего, основываются на экономическихъ ученіяхъ, показывая, какъ проводить на практикѣ принципы, признаваемые правильными въ теоріи. Но, помимо научнаго или полу-научнаго значенія утопій, въ нихъ интересна психологическая сторона. Нѣтъ завѣтнаго для человѣка мысли, чѣмъ мечта о возможномъ совершенствѣ жизни; и разъ ему въ области фантазіи предоставлена свобода осуществлять идеалы на землѣ, то въ его картинахъ должно сказываться пониманіе должнаго и желаннаго. Въ утопіи человѣкъ становится на мѣсто творца, устраняетъ все, что не удовлетворяетъ его въ мірозданіи, какъ оно есть, устраиваетъ жизнь на началахъ, отвѣчающихъ его требованіямъ и понятіямъ, и любопытно наблюдать, каковъ міръ, сотворенный руками человѣческими.

Послѣдовательный рядъ утопій отъ древности до нашихъ дней—краснорѣчивая исторія мѣняющихся желаній человѣчества. Во всѣхъ утопіяхъ есть нѣсколько общихъ предпосылокъ. Главнѣйшая изъ нихъ—та, что счастье человѣчества относится къ области достижимаго, что источникъ его—въ условіяхъ жизни, создаваемыхъ самими же людьми, а не въ духовныхъ и душевныхъ переживаніяхъ, не подлежащихъ контролю воли. Вопросъ о счастьи приводитъ всѣхъ созидателей утопій къ основной задачѣ: къ стремленію объединить потребности, стремленія и цѣли отдѣльной личности—съ потребностями, стремленіями и цѣлями общества—или человѣчества какъ цѣлаго. Вопросъ этотъ каждое время рѣшаетъ по своему—и въ наше время переоцѣнка его опять на очереди. Мы переживаемъ яркій волевой моментъ исторіи, и въ литературѣ онъ долженъ создать новое отношеніе къ вопросу о томъ, какъ надо жить, чтобы „стоило жить“, по выраженію американскаго писателя Уэльса, автора новѣйшей „Современной Утопіи“.

Мысли Уэльса о желанномъ—и возможномъ—новомъ строѣ жизни очень характерны не столько по практичности или пріемлемости исповѣдуемыхъ имъ экономическихъ теорій, какъ по новизнѣ его желаній, соответствующихъ психологіи современности. Основной вопросъ для Уэльса—тотъ же, какъ и для авторовъ прежнихъ утопій,—соотношеніе между интересами личности и интересами общественности. Отсюда для него, какъ и для его предшественниковъ, вытекаетъ вопросъ о достижимости счастья. Но на этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ по иному, освѣщая внутреннее содержаніе жизни болѣе вдумчиво, чѣмъ прежніе строители идеальныхъ формъ жизни. Уэльсъ болѣе искушенъ сложностью современныхъ духовныхъ переживаній, и вотъ почему его утопія представляетъ особый интересъ. Прежняя утопическая литература

была позитивна по духу: вопросъ о внутреннемъ содержаніи жизни устранился; правильное функционированіе государства казалось отвѣтомъ на всѣ запросы духа. Кромѣ того, изображая рай на землѣ, авторы прежнихъ утопій отнимали у человѣчества основной стимулъ жизни—стремленіе впередъ, жажду совершенствованія, бѣлье драгоценную, чѣмъ все уже осуществленное. Утопія Уэльса болѣе идеалистична—что не мѣшаетъ ей быть жизненной, рѣшать задачи реальной дѣйствительности, направлять волю къ наилучшему—и въ утилитарномъ, и въ этическомъ смыслѣ—устройству индивидуальной и общественной жизни. Идеализмъ и въ этомъ случаѣ не отвлекаетъ отъ жизни, а только углубляетъ мысли о ней тѣмъ, что въ достижимомъ совершенствѣ каждаго даннаго момента видитъ не конечную цѣль, а только отраженіе цѣли—несоизмѣримой ни съ какимъ опредѣленнымъ моментомъ. Утопіи прежняго времени—картины остановившагося блаженства, непродуманнаго самолюбованія безъ творческихъ желаній; Уэльсъ же видитъ цѣль своего утопическаго государства въ развитіи творческихъ силъ человѣка, — а пограничныхъ столбовъ стремленія онъ не ставитъ. Онъ воображаетъ человѣчество не въ состояніи застывшаго блаженства, а въ вѣчномъ поступательномъ движеніи, среди непрекращающихся подвиговъ воли, сосредоточенной на любви къ далекому совершенству. Уэльсъ самъ называетъ свою утопію кинетической, т.-е. находящейся въ непрерывномъ движеніи, въ противоположность статическимъ — остановившимся — прежнимъ утопіямъ. Но по отношенію къ вопросу о цѣляхъ и о содержаніи жизни его утопія можетъ быть названа идеалистической.

Первый вопросъ для Уэльса, также какъ для авторовъ прежнихъ утопій, заключается въ соотношеніи личности и общества. Рѣшеніе этого вопроса болѣе характерно для психологіи каждой эпохи. Для Платона въ его „Государствѣ“ и въ „Законахъ“ не было никакихъ колебаній. Личность абсолютно поглощалась государствомъ. Это ясно выражено въ описаніи „стражей“, нужныхъ государству для военной охраны. Путемъ искусственнаго подбора брачущихся и, затѣмъ, путемъ особой системы воспитанія, вырабатываются по теоріи Платона нѣчто вродѣ дрессированныхъ сторожевыхъ псовъ, выполняющихъ свое государственное назначеніе, но лишенныхъ всякой самобытной цѣли существованія. „Утопія“ Томаса Мура—тоже коммунистическая, причемъ блаженство обитателей счастливаго острова основано на отсутствіи въ нихъ всякихъ сепаративныхъ стремленій. Уничтоженіе денегъ и частной собственности, полное подчиненіе труда государственнымъ надобностямъ, строго урегулированная жизнь на уровнѣ удовлетворенія насущныхъ потребностей—всѣ эти мечты любопытны, какъ предвидѣніе нѣкоторыхъ экономическихъ нормъ, которымъ суждено было

осуществиться черезъ многіе вѣка. Но отрицаніе правъ личности—категорическое. Источникомъ зла признается индивидуализмъ помысловъ; торжествомъ правды—не слитность частныхъ и общихъ интересовъ, а исчезновеніе самобытнаго инстинкта личности. Идеальное государство предполагаетъ духовно и нравственно идеальныхъ людей, т.-е., въ пониманіи утописта, людей съ отчужденной волей, безъ инициативы. Она и не нужна тамъ, гдѣ идеалъ достигнутъ и никакое движеніе впередъ не предполагается болѣе.

Застывшее блаженство разъ навсегда установленнаго коммунистическаго строя лежитъ въ основѣ и другихъ знаменитыхъ утопій, какъ, напр., „Солнечнаго государства“ (Civitas Solis) аббата Кампанеллы. Онъ уничтожаетъ частную собственность, семью, подчиняетъ государственной регламентаціи весь строй жизни, вплоть до количества рождаемыхъ дѣтей. При этомъ, конечно, предполагается, что всѣ будутъ съ радостью трудиться и исполнять все возложенное на нихъ государствомъ, т.-е., что изъ человѣческой психологіи исчезнетъ лагубный инстинктъ личности. Всѣ эти утописты исходили изъ принципа цѣлесообразности, считая коммунистическій строй единственнымъ средствомъ противъ преступности, губящей общество. Утописты XVIII вѣка, въ особенности главнѣйшіе изъ нихъ, Морелли и Кабе, тоже проповѣдывали коммунизмъ. Въ своемъ „Путешествіи въ Икарію“ Кабе настаивалъ на уничтоженіи частной собственности, на полномъ уравниеніи правъ и обязанностей всѣхъ членовъ общины, подчиняющихся даже въ выборѣ профессій государственной власти. Но онъ руководствовался при этомъ не цѣлесообразностью, а идеей равенства, передъ которой должны исчезнуть всѣ различія между индивидуальностями отдѣльныхъ гражданъ.

Въ XIX вѣкѣ измѣнились взгляды на соотношенія личности и общества; тѣ утопіи, которыя написаны были въ концѣ минувшаго вѣка, проникнуты принципами социализма: орудія производства сосредоточены въ рукахъ государства, причѣмъ, однако, признается частная собственность, допускается владѣніе предметами. Самая знаменитая изъ этихъ утопій, „Взглядъ назадъ“ Беллами, тоже, однако, изображаетъ людей будущаго рая на землѣ какими-то математическими формулами, а не дифференцированными существами. Болѣе индивидуаленъ Моррисъ въ своихъ „Вѣстяхъ ни откуда“; но его утопія—мечта о жизни, въ которой внутреннее содержаніе сводится къ декоративной красотѣ жизненныхъ рамокъ, къ эстетическимъ радостямъ на основѣ справедливаго распредѣленія труда и свободнаго пользованія предметами, изготовляемыми въ достаточномъ для всѣхъ желающихъ количествѣ. Въ книгѣ Морриса интересно только пророчество о томъ, какъ произойдетъ смѣна стараго строя новымъ—путемъ всеобщихъ забастовокъ.

Особенность „Современной Утопії“ Уэльса заключается въ томъ, что онъ рисуетъ страну своихъ мечтаній не какъ міръ совершенныхъ существъ, живущихъ среди идеальныхъ условій; люди у него—такіе же, какъ мы, съ родственной намъ психологіей,—но жизнь ихъ неизмѣримо богаче нашей, потому что они живутъ въ условіяхъ, способствующихъ проявленію всѣхъ силъ человѣческаго разума и человѣческой воли. Разсказчикъ, отъ имени котораго ведется повѣствованіе, вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ ботаникомъ, очень ординарнымъ человѣкомъ, занятымъ мелкими мыслями о личномъ счастьи, находятся въ Люцернѣ. Оттуда они переселяются „путемъ воображенія“ (этотъ способъ передвиженія они никакъ не могутъ разъяснить людямъ того міра, въ который они попали) въ Люцернѣ параллельнаго земному, преобразованнаго утопическаго міра. Тамъ они видятъ людей, подобныхъ людямъ на землѣ (они встрѣчаютъ и своихъ собственныхъ двойниковъ), но строй всей жизни—совершенно иной, предоставляющій индивидуальной волѣ всѣ мыслимыя возможности проявлять себя. Подчиненіе личности общему благу—основу всѣхъ прежнихъ утопій—Уэльсъ замѣняетъ новымъ закономъ жизни, соотвѣтствующимъ современной психологіи: закономъ свободной индивидуальной инициативы, и проповѣдуетъ этотъ законъ тоже во имя общаго блага, т.-е. обогащенія всей жизни. Утопическій міръ Уэльса построенъ на безпредѣльномъ развитіи инициативы отдѣльныхъ людей. Первое благо, которымъ пользуются обитатели преобразенной земной планеты (Уэльсъ настаиваетъ именно на преобразованіи всей земли, вмѣсто созиданія счастливаго островка среди уродства остальнаго міра)—это свобода, и нравственная, и матеріальная. Люди послушны только своей волѣ, а матеріальная свобода знаменуется легкостью способовъ передвиженія, усовершенствованныхъ до неузнаваемости въ мірѣ, гдѣ творчество человѣческаго ума будетъ развиваться вполне безпрепятственно. Новый міръ представляется Уэльсу вселенскимъ государствомъ, въ которомъ исчезли всѣ границы, мѣшающія свободѣ жизни.

Разработанная во всѣхъ деталяхъ экономическая сторона этого государственнаго строя основана на социалистическихъ принципахъ сосредоточенія орудій производства въ рукахъ центральныхъ управленій; они же гарантируютъ каждому необходимое для жизни. Отсюда свобода для воли; она не парализуется, какъ на землѣ, борьбой за пропитаніе, обезпечиваемое минимумомъ труда—столь разнообразнаго, что всякій можетъ найти себѣ подходящую работу въ государственныхъ учрежденіяхъ. Но все дальнѣйшее устройство жизни предоставляется свободной инициативѣ населенія. Задача государства заключается только въ наилучшемъ примѣненіи къ нуждамъ человѣчества того огромнаго, все увеличивающагося количества матеріаль-

ной энергіи, которая создается индивидуальнымъ творчествомъ, расширяющимъ область знаній, открытій и изобрѣтеній.

Съ этой цѣлью государство и предоставляетъ каждому максимумъ свободы, беретъ на себя обязательство обезпечить каждому удовлетвореніе его насущныхъ потребностей;—этотъ минимумъ, обезпеченный для каждаго, конечно все возрастаетъ при общемъ ростѣ благосостоянія, а все дальнѣйшее остается въ прежнихъ условіяхъ человѣческой психологіи съ ея жаждой соревнованія. Она только облагораживается общимъ характеромъ жизни, изъ которой отсутствіе нужды постепенно искореняетъ и злые чувства. Уэльсъ допускаетъ существованіе денегъ, предпочитая, однако, замѣну ихъ инымъ обмѣннымъ знакомъ—единицами энергіи, расходуемой въ каждомъ мѣстѣ въ опредѣленный промежутокъ времени. Но во всякомъ случаѣ каждый можетъ приобрѣтать въ частное владѣніе все, что увеличиваетъ удобства жизни, обезпечиваетъ возможность отдыха, потому что обладаніе большими благами соотвѣтствуетъ проявленію большей инициативы. Государство же только въ этомъ и видитъ свою цѣль,—оно существуетъ для содѣйствія творческой дѣятельности человѣка. Соотношенія такимъ образомъ мѣняются вполне. Государство беретъ въ свои руки все, что не требуетъ проявленія индивидуальной инициативы, исполняетъ всѣ функціи, дѣлающія жизнь удобной и легкой. Но и устроенная наилучшимъ образомъ—для каждаго даннаго момента—жизнь не признается завершенной; напротивъ того, она считается удобной ареной для непрерывныхъ экспериментовъ и перемѣнъ. Міръ существуетъ для свободы инициативы, т.-е. для творческой воли человѣка. Дѣло индивидуальной воли—разбивать законъ предшествующаго момента, нарушать общія формулы и положенія и давать новое направленіе, новые исходы силамъ. Такимъ образомъ, функціи государства и личности и взаимныя ихъ отношенія вполне опредѣленны: государство существуетъ для содѣйствія индивидуальному волевому творчеству, законъ существуетъ для обезпеченія свободы, а міръ существуетъ для непрерывности новыхъ починовъ. Таковъ фундаментъ утопіи Уэльса.

Широтой схемы и сочетаніемъ свободы личности и общихъ интересовъ утопія Уэльса удовлетворяетъ гораздо больше предшествующихъ. У Уэльса нѣтъ насилія надъ человѣческой психологіей. Напротивъ того, онъ, какъ современный человѣкъ, прежде всего вѣритъ въ индивидуальную силу и въ творчество жизни, которое должно безконечно расти, если уничтожить всѣ преграды, стѣсняющія творческую волю на землѣ. Въ дѣйствительности, напримѣръ, погоня за матеріальнымъ обогащеніемъ зловредна, потому что обладаніе благами жизни обозначаетъ несправедливую власть однихъ надъ другими,

стѣсненіе чьей-то свободы. Но если—какъ въ утопіи Уэльса—всѣ обезпечены и всѣ могутъ увеличивать удобства жизни проявленіемъ инициативы,—если съ обладаніемъ приобретенными благами не сопряжена власть, то обогащеніе въ смыслъ увеличенныхъ пріятностей жизни, соответствующихъ болѣе развитымъ требованіямъ, никого не можетъ смущать. Уэльсъ рисуетъ очень привлекательную картину жизни въ преобразованномъ утопическомъ мірѣ; матеріальный трудъ сведенъ до минимума, вся трудная работа производится машинами и механическими приспособленіями, и освобожденная отъ тяжелаго физическаго труда человѣческая воля изощряется въ обогащеніи жизни невообразимыми теперь матеріальными богатствами, удобствами, красотой и всякаго рода благами. Утопическое человѣчество Уэльса—не осѣдлое, а часто мѣняющее мѣсто пребыванія, что тоже развиваетъ и обогащаетъ жизнь. Способы передвиженія, конечно, не идутъ въ сравненіе съ нашими. Дымъ и копоть паровозовъ неизвѣстны—электрическіе поѣзда дѣлаютъ по триста верстъ въ часъ, и переѣзды въ поѣздахъ, ничѣмъ не отличающихся отъ теперешнихъ самыхъ роскошныхъ клубовъ, не представляютъ никакихъ трудностей,—тѣмъ болѣе, что они открыты для всеобщаго пользованія. Жизнь въ общихъ помѣщеніяхъ—клубахъ или отдѣльныхъ домахъ—устроена на тѣхъ же основаніяхъ избавленія отъ лишняго механическаго труда. Подробности разныхъ функций общественной жизни—отношеніе къ преступникамъ, къ больнымъ, затѣмъ устройство семей, воспитаніе дѣтей (его беретъ на себя государство) опредѣляется Уэльсомъ тѣмъ же сочетаніемъ социалистическихъ принциповъ съ условіями наибольшей свободы индивидуальной воли. Въ устроеніи семьи Уэльсъ впадаетъ, однако, въ ошибку большинства прежнихъ утопистовъ,—онъ слишкомъ регламентируетъ. Во имя интересовъ государства, озабоченнаго рожденіемъ здоровыхъ членовъ общества, онъ не допускаетъ насилія надъ индивидуальной волей. Но его основная точка зрѣнія заключается именно въ невозможности придумать совершенный строй. Утопія его сознательно несовершенна, такъ что ему нельзя дѣлать упрековъ относительно деталей устройства. Важенъ основной принципъ—культъ свободной воли, творческой инициативы и вѣра въ созидательность освобожденной человѣческой воли.

Въ противоположность прежнимъ авторамъ утопій, Уэльсъ не только вѣрить въ творческую волю человѣка, но считаетъ основой жизни—высшую напряженность духовныхъ стремленій, волю къ благамъ, превышающимъ все достижимое на землѣ. Если его вселенское государство функционируетъ такъ стройно, если его обитатели окрылены неустаннымъ стремленіемъ къ творческому труду, то все это находится въ зависимости отъ особаго класса людей, стоящихъ во главѣ

всѣхъ государственныхъ учрежденій. Это—самуран, „добровольная знать“, люди, добровольно избравшіе суровый образъ жизни, подвижники съ яснымъ умомъ и свѣтлой душой. Они живутъ часть года въ пустынѣ, въ созерцаніи, въ общеніи съ тайной міра—и возвращаются, готовые служить цѣлямъ жизни съ высоко настроенной душой. У нихъ нѣтъ опредѣленныхъ религіозныхъ вѣрованій, но они—мистики. Этихъ служителей жизни, озабоченныхъ не однимъ только матеріальнымъ процвѣтаніемъ жизни, но и ея духовнымъ содержаніемъ, цѣлями, превышающими непосредственныя жизненныя надобности, Уэльсъ противопоставляетъ Платоновскимъ „стражамъ“, оплоту позитивно-коммунистическаго государства. „Современная Утопія“ созидаетъ общественную жизнь на принципахъ социалистическихъ ученій, но расширяетъ значеніе жизни, включая въ нее чисто духовные помыслы о далекомъ.—З. В.

ЗАМѢТКА.

— По поводу книги: „Das Alter der wirtschaftlichen Kultur, von Ed. Hahn. Ein Rückblick und ein Ausblick“. Heidelberg, 1905.

Исторія хозяйственной культуры является наукой сравнительно новой, но уже приобретающей большое значеніе. Въ качествѣ научнаго знанія, она и не могла появиться раньше, такъ какъ главнѣйшія отрасли ея—изученіе прирученныхъ животныхъ и, затѣмъ, культурныхъ растений—не могли быть обоснованы прежде, чѣмъ былъ поставленъ вопросъ объ измѣняемости видовъ, т.-е. до открытій Дарвина. Благодаря послѣднимъ, явилась возможность прослѣдить исторію многихъ домашнихъ животныхъ, вплоть до ихъ палеонтологическихъ родичей, точно такъ же, какъ и исторію воздѣлываемыхъ растений. Результаты, добытые этими, казалось бы на первый взглядъ, частными изслѣдованіями, приводятъ, однако, къ болѣе общимъ и весьма важнымъ заключеніямъ въ области исторіи и культуры. Такъ, они помогаютъ прослѣдить во многихъ отношеніяхъ связи, сношенія и колонизацію различныхъ народовъ въ такія эпохи, о которыхъ не осталось у насъ никакихъ свѣдѣній. Смѣна міросозерцаній и идеаловъ въ различныя эпохи находитъ свое объясненіе въ сложномъ ходѣ послѣдовательныхъ измѣненій, открываемыхъ исторіей развивающихся хозяйствъ у разныхъ народовъ; она же даетъ ключъ и къ объясненію многихъ обычаевъ и обрядовъ. Въ этомъ отношеніи изученіе хозяйственнаго быта уже дало немало положительныхъ результатовъ, но вопросы, выдвигаемые имъ, требуютъ большой осторожности; не всѣ изслѣдователи могутъ удержаться отъ соблазна придать имъ видъ стройной системы или построить въ видѣ схемы, предназначаемой для урегулированія разнообразныхъ отношеній въ современномъ обществѣ.

Въ этомъ смыслѣ книга Гана представляетъ собой любопытное явленіе, на которомъ стоить остановить вниманіе читателя, тѣмъ болѣе, что его взгляды могутъ получить извѣстное распространеніе и у насъ, въ Россіи. Любопытна книга прежде всего крѣпкомъ вопросомъ, только начинающихъ еще входить въ оборотъ интересовъ средняго читателя.

Авторъ извѣстенъ своей работой о домашнихъ животныхъ и ихъ значеніи для хозяйственной культуры. Въ этомъ же трудѣ онъ сдѣлалъ довольно интересный опытъ культурно-хозяйственной географіи. Онъ обнаружилъ при этомъ большую, но неравномѣрную освѣдомленность

въ различныхъ деталяхъ вопросовъ, затронутыхъ имъ. Такъ, говоря о прирученіи лошади, онъ довольно смѣло коснулся вопроса о лошади Пржевальскаго, и безъ всякихъ основаній рѣшилъ, что она ближе гораздо къ ослу, чѣмъ къ лошади: этимъ онъ обнаружилъ свое полное незнакомство съ дѣломъ, такъ какъ этотъ видъ equid'овъ, несомнѣнно, самый близкій родичъ, хотя, вѣроятно, не прямой, родоначальнику домашнихъ лошадей. Затѣмъ, обнаружилось въ авторѣ и небрежное отношеніе къ источникамъ. Несомнѣнно для всякаго, читавшаго книгу, что авторъ достаточно пользовался трудами о лошади французскаго ученаго Пьетремона; но онъ не цитируетъ ихъ и только вскользь упоминаетъ источникъ. Къ сожалѣнію, не одинъ Ганъ, но и многіе другіе молодые и талантливые писатели, какъ Фиркандъ и Шурцъ, отстаютъ отъ прекрасной старой манеры нѣмецкихъ ученыхъ — аккуратности въ ссылкахъ на источники. Несмотря на эти недостатки, книга Гана встрѣтила хорошій приѣмъ, что сдѣлало автора нѣсколько самоувѣреннымъ и дало поводъ въ разбираемой нами книгѣ не одинъ разъ заявить, что онъ ниспровергъ старую теорію трехъ стадій развитія человѣчества, которая начало культуры видитъ въ звѣроловствѣ и завершеніе — въ земледѣліи, съ промежуточной ступенью кочевого скотоводства. Критика Гана этой схемы встрѣтила сочувственное отношеніе въ Германіи, и у насъ проф. Денъ цѣликомъ примыкаетъ къ этимъ воззрѣніямъ Гана. Эта солидарность г. Дена производитъ тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе, что именно Россія — одна изъ немногихъ странъ, гдѣ имѣются на лицо примѣры всѣхъ переходныхъ формъ хозяйства, и несостоятельность критики нѣмецкаго автора можетъ быть прослѣжена на многихъ примѣрахъ. По мнѣнію Гана, кочевники — просто одичавшіе земледѣльцы, и въ дѣлѣ прирученія животныхъ они не сдѣлали ничего. Всѣхъ нынѣшнихъ домашнихъ животныхъ приручили земледѣльцы; охотники только истребляли, а не приручали дикихъ животныхъ.

Если имѣть въ виду культурно-историческое значеніе теоріи трехъ стадій развитія, то универсальное приложеніе ея подорвано уже тѣмъ, что весь западный континентъ является живымъ протестомъ противъ этой схемы. Русское земледѣліе, „заступная культура“, было распространено въ Новомъ Свѣтѣ довольно значительно; Мексика, Перу, обитатели плоскогорья Тигуанако достигли высокой культуры, не имѣвъ другого домашняго животнаго, кромѣ ламы, хозяйственное значеніе которой было ничтожно, а въ Мексикѣ и ламы не было. Воздѣлываніе съѣдобныхъ растений, ихъ корней и плодовъ, какъ мы видимъ на многихъ примѣрахъ, совмѣстимо съ самой низкой культурой. Оно возможно на той ступени развитія, которую нѣмецкіе систематики обозначаютъ терминомъ Sämmler — собиратели. Въ средней Европѣ чело-

вѣкъ вышелъ изъ этого состоянія уже въ концѣ палеолитическаго періода. Въ настоящее время можно считать абсолютно доказаннымъ, что начало воздѣлыванію растеній положили женщины. Это и должно было быть по естественному порядку вещей. Охота за звѣремъ и птицей, длинныя экскурсіи для выслѣживанія звѣря, опасность борьбы, лишенія въ пути—были не подъ силу женщинамъ. Какъ ни выносливы дикарки, не могли же онѣ, во время ношенія плода, въ періодъ кормленія грудью, странствовать вмѣстѣ съ молодежью по дѣвственнымъ лѣсамъ, горнымъ дебрямъ и степямъ. Женщинамъ нужно было чѣмъ-нибудь кормиться. Птицы, питавшіяся плодами и сѣменами растеній, звѣри, выкапывавшіе корни, указали имъ на пригодные для питанія растительные продукты. Первой ступенью земледѣлія была охрана такихъ растеній, борьба съ четвероногими и крылатыми со-трапезниками.

Переходъ людей отъ охраны дикорастущихъ растеній къ разведенію и воздѣлыванію ихъ могъ произойти различными путями. Ганъ исключительно настаиваетъ на аналогіи возвращенія растеній съ процессомъ зачатія. Заступъ или колъ параллелизируются съ фаллусомъ. Онъ долженъ вскрыть утробу матери-земли, и тогда только она приметъ въ себя сѣмя и возроститъ его. У индусовъ, напримѣръ, существуетъ такое представленіе, что женщина—поле, мужчина—пахарь. Если въ теченіе извѣстнаго времени поле остается безплоднымъ, пахарь можетъ забросить его. Рядомъ съ этимъ стоитъ и другое объясненіе, имѣющее многое за себя въ мифахъ различныхъ народовъ. Какъ только начали погребать или убирать покойниковъ, ихъ стали снабжать пищей и необходимой утварью. Пищевые продукты и вещи умирали вмѣстѣ съ покойникомъ, чтобы начать снова жить, и если не орудія и утварь, то растительные продукты, сѣмена, плоды, клубни, дѣйствительно, оживали, проростали и давали плодъ. Обѣ эти гипотезы, связанныя съ самыми примитивными религіозными представленіями, указываютъ на древность первобытнаго земледѣлія. Долгій періодъ оно было только подсобнымъ и по преимуществу женскимъ занятіемъ. Такіе первобытные полужемледѣльцы-полужвѣроловы могли, конечно, приручать звѣрей и птицъ, даже пресмыкающихся, ради забавы, въ цѣляхъ тотѣмическихъ. Есть свѣдѣнія о томъ, что у карибовъ женщины брали щенятъ для отсасыванія молока, такъ какъ собственныя дѣти не могли потребить всего молока, которое вырабатывалось грудными железами матери; но такое прирученіе не могло имѣть большого хозяйственнаго значенія. Переломъ въ хозяйственной жизни народовъ могъ начаться только съ прирученія травоядныхъ и понынѣ имѣющихъ преобладающее значеніе въ нашихъ хозяйствахъ. Прирученіе такихъ животныхъ было бы только лишнимъ бременемъ

для первобытнаго земледѣльца. Новые члены общества сами знали толкъ въ растительной пищѣ. Отъ нихъ надобно было бы охранять посѣвы и посадки. Прирученіе животныхъ травоядныхъ, а можетъ быть и собаки, очевидно шло инымъ путемъ. Не для земледѣльца, а для охотниковъ оно было нужно. Извѣстенъ всѣмъ охотничій приѣмъ привлекать самца на самку. У сѣверныхъ охотниковъ были прирученные олени, которыхъ русскіе называли „маньщиками“; охотникъ прятался за оленя и незамѣтно подходилъ къ стаду на выстрѣлъ. Только охотникъ, близко знающій повадки и образъ жизни дикихъ животныхъ, могъ овладѣть ими.

Охотники, а не земледѣльцы, имѣли возможность ловить живьемъ молодыхъ животныхъ, какъ для пищи, такъ и для выработки изъ нихъ „маньщиковъ“. Трудно представить себѣ, чтобы съ самаго начала травоядные приручались настолько, какъ коровы или лошади въ нашихъ деревняхъ, и этого мы не видимъ нигдѣ тамъ, гдѣ существуетъ кочевое скотоводство. Поселившіеся въ степяхъ люди заняли, конечно, лучшія пастбищныя мѣста и водопой, необходимые для животныхъ. Хотя человѣкъ и ловилъ и былъ этихъ звѣрей, но за то истреблялъ и хищниковъ, которые охотились за травоядными. Звѣрь инстинктивно держался около тѣхъ мѣстъ, гдѣ было меньше опасности. Могучимъ средствомъ для сближенія и симбіоза, такъ сказать, должна была служить ловля молодыхъ сосуновъ. Мать шла къ своему дѣтенышу, чтобы покормить его. До сихъ поръ корова у кочевника не доится, не даетъ молока, пока къ ней не подведутъ ея теленка. Если мы примемъ во вниманіе, насколько дики до сихъ поръ стада рогатаго скота, табуны лошадей, верблюдовъ и овецъ, насколько они и до сихъ поръ мало покорены, то мы должны будемъ признать, что здѣсь-то мы и видимъ первую стадію прирученія. Широкія степныя равнины, горныя хребты, гдѣ держится большинство травоядныхъ, были мѣстами крайне неудобными для ручного земледѣлія, благодаря сухости почвы; но это была обѣтованная страна для охотника. Цѣлыя стада травоядныхъ бродили тамъ, какъ иногда бизоны по преріямъ Америки. Озера, болота и рѣки кишѣли птицами, главнымъ образомъ, стадными. Еще до прирученія травоядныхъ, человѣкъ уже былъ примитивнымъ кочевникомъ, кочевникомъ-собирателемъ (Sammler), передвигаясь,сообразно сезону, вмѣстѣ съ ищущими новыхъ пастбищъ травоядными, и постепенно изъ цѣлой серіи промысловыхъ животныхъ выдѣлялись наиболѣе важныя для жизни и наиболѣе сподручныя для лова. Нѣкогда и обитатель Старога Свѣта былъ на той же ступени, на которой нашли европейцы американскаго краснокожаго. Жизненные интересы ихъ были связаны тѣсно съ существованіемъ извѣстнаго вида животныхъ, какъ у кочевниковъ сѣвера съ оленемъ, у красно-

кожаго съ бизономъ; но старый континентъ пошелъ въ этомъ отношеніи дальше, онъ сумѣлъ взять нужныхъ ему животныхъ подъ свой контроль, чего не могъ сдѣлать американецъ. Ганъ объясняетъ это тѣмъ, что вообще у нѣкоторыхъ народовъ существуетъ инстинктивное отвращеніе къ молоку, какъ къ болѣзненному, ненормальному выдѣленію; но вѣдь и кромѣ молока полуприрученное дикое животное доставляетъ массу громаднхъ выгодъ. Проще объяснить это явленіе въ данномъ случаѣ дикостью бизона. Это во многихъ отношеніяхъ крайне полезное животное не сумѣла сохранить и современная зоотехнія въ Америкѣ; точно также изъ разныхъ породъ бовидовъ только потомки *bovis primi genii* вынесли прирученіе, а съ зубрами, напри- мѣръ, и до сихъ поръ ничего не могутъ подѣлать. Кафры—отличные скотоводы, однако не сумѣли приручить гну. Точно также и изъ рода *sevus*, только *sevus tarandus* сталъ домашнимъ животнымъ. Если его не приручили въ Америкѣ, то удивляться этому нечего. Америка вообще отсталый во всѣхъ отношеніяхъ континентъ. Самые культурные народы ея, въ эпоху прибытія европейцевъ, стояли на гораздо низшей ступени развитія, чѣмъ культурныя страны стараго континента въ глубокой древности. Въ своихъ „*Hausthiere*“ Ганъ безъ обиняковъ утверждаетъ, что кочевой бытъ не могъ развиваться самостоятельно потому, что кочевникъ не можетъ обходиться безъ растительной пищи. Въ разбираемой нами книгѣ онъ оговаривается уже, что изъ чистыхъ охотниковъ, жившихъ одной охотой, не могли развиваться кочевники.

Эта поправка, однакоже, ничего не исправляетъ. Дѣленіе людей на звѣролововъ, кочевниковъ и земледѣльцевъ, какъ и всякая схема, искусственна. Она характеризуетъ только преобладающій родъ занятій, задающихъ тонъ жизни, но не исключаетъ и другихъ подсобныхъ занятій. Гдѣ, напри- мѣръ, эти „чистые“ охотники на свѣтѣ, питающіеся одной животной пищей? Если растительная пища безусловно нужна для человѣка, а ея негдѣ достать, кромѣ какъ у земледѣльцевъ, то, значить, и охотники, подобно кочевникамъ,—только выродившіеся земледѣльцы. И охотнику, и кочевнику, не заказаны были поля, и луга, и рощи. И онъ могъ собирать съѣдобные корни, ягоды, плоды, рвать на пищу лукъ, щавель и ревень. Морскіе охотники полярныхъ странъ—и тѣ умѣютъ находить растительную пищу въ видѣ водорослей, находимыхъ ими въ желудкахъ убитыхъ морскихъ звѣрей. И теперь еще въ тундрахъ нашего сѣверо-востока, можно найти людей, не имѣющихъ понятія о мучной пищѣ. Настоящій кочевникъ, имѣющій молочные продукты, очень мало нуждается въ растительной пищѣ. Къ ней обращается онъ только въ крайности, во время зимы, когда скотъ не даетъ молока. На старомъ

континентѣ, очевидно, съ незапамятныхъ временъ развитіе хозяйства въ зависимости отъ природныхъ условій пошло разными дорогами. Съ одной стороны, на тучной и влажной почвѣ мало-по-малу воздѣлываніе растений становилось все болѣе и болѣе преобладающимъ источникомъ жизни, съ другой—на открытыхъ степныхъ мѣстахъ, обладающихъ сухой, твердой почвой, но богатой травоядными, возмѣло преобладаніе животноводства.

Исторія намъ достаточно доказала, насколько стойка эта форма быта. Вычеркните изъ нея кочевья племена, и въ ней многое останется совершенно непонятнымъ. Въ концѣ концовъ, какъ мы уже и сказали вначалѣ, переходъ къ осѣдности и земледѣлію отъ первобытнаго звѣроловнаго быта черезъ кочевой не составляетъ общаго правила. Покойный Ядринцевъ, въ своемъ интересномъ этюдѣ: „Лѣса, какъ начало осѣдности“, съ большимъ остроуміемъ и знаніемъ дѣла доказалъ, что лѣсные племена охотнѣе и скорѣе переходятъ къ земледѣлію и прикрѣпляются къ мѣсту, нежели кочевники; но, несмотря на это, нужно все-таки помнить, что въ Европѣ во многихъ мѣстахъ путь развитія былъ таковъ,—и послѣ классическихъ работъ Мейтцена въ этомъ и сомнѣваться невозможно. Для насъ же, русскихъ, и Мейтцена не нужно: по статистическимъ работамъ на югѣ Сибири мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить этотъ процессъ осѣданія, начиная съ таборнаго кочеванія до полной деревенской осѣдности съ передѣлами земли. Факты говорятъ намъ, что если теорія трехъ стадій развитія не охватываетъ всѣхъ видовъ эволюціи, то она все-таки приложима ко многимъ случаямъ. Что же касается до ея схематическаго значенія, то, по нашему мнѣнію, эта схема все-таки стоитъ на вѣрномъ пути. Она не фальшива, но недостаточна: недостатокъ ея въ томъ, что она пытается всѣ формы быта свести къ тремъ типамъ, — правда, очень крупнымъ и широко распространеннымъ, но далеко не охватывающимъ даже основныхъ формъ. Среди нихъ почти нѣтъ мѣста для обрабатывающей промышленности. Самые крупные поселенія давно уже перестали заниматься земледѣліемъ. Населеніе промышленныхъ городовъ уже въ средніе вѣка выработало типъ цехового ремесленника, теперь уже вымирающій, который замѣняется типомъ заводско-фабричнаго рабочаго и т. д. Вообще классификація по занятіямъ и по профессіямъ никогда не можетъ потерять своего значенія, такъ какъ каждая профессія представляетъ собою типъ, имѣющій свои особенности, свою этнографію и даже антропологію.

Итакъ, хотя главные ученныя заслуги, по признанію самого Гана—закрывающіяся въ уничтоженіи схемы трехъ стадій развитія—являются

довольно сомнительными, но его трудъ о домашнихъ животныхъ полонъ интересныхъ фактовъ,—ими можно пользоваться, книга читается съ удовольствіемъ и не безъ пользы. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о разбираемой нами книгѣ. Еслибы Ганъ собралъ только фактический матеріалъ о развитіи хозяйственной культуры въ разныя эпохи, и это было бы заслугой, особенно въ виду того, что авторъ предназначаетъ книгу для широкой публики, которая не имѣетъ возможности знакомиться съ вопросомъ по спеціальнымъ изслѣдованіямъ; но этого нѣтъ!

О культурѣ временъ свайныхъ построекъ Ганъ ничего не говоритъ, а изслѣдованія объ этой эпохѣ, правильнѣе—объ этихъ эпохахъ, составляютъ одно изъ прекраснѣйшихъ завоеваній доисторической археологіи. Перечисляя древнѣйшія культурныя растенія, авторъ, любитель смѣлыхъ гипотезъ, не приводитъ никакихъ соображеній на этотъ счетъ, не даетъ и фактовъ, служащихъ опорой его выводовъ. Несмотря на свою смѣлость, онъ останавливается передъ вопросомъ о происхожденіи обработки земли съ помощью животныхъ (Pflugkultur). Онъ предполагаетъ, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, что сперва было изобрѣтено колесо, потомъ телѣга и послѣ нея уже плугъ. Непонятно, почему это плугу должно было предшествовать изобрѣтеніе колеса? Если въ древнѣйшихъ культурахъ авторъ не находитъ прямого перехода отъ заступа къ плугу, то сравнительный методъ могъ бы помочь усмотрѣть недостающія переходныя звенья. Если плугъ, по собственной же діаграммѣ автора, является обороченной мотыкой, то при чемъ тутъ колесо и телѣга? Плугъ съ запряжкой—одинъ изъ видовъ примѣненія животныхъ для тяги. Чтобы составить себѣ понятіе о происхожденіи плуга, надобно было указать способы перевозки тяжести при помощи животныхъ. Первоначальный способъ, конечно, былъ выюкъ, человекъ самъ носилъ тяжести на спинѣ. При бездорожьи первобытныхъ временъ, онъ и былъ единственно возможнымъ; отъ выюка непосредствененъ переходъ къ тягѣ: перевозка длинныхъ жердей—уже переходъ къ тягѣ; отсюда сама собой получается волокуша, затѣмъ волокуша съ загнутыми полозьями и т. д. Не плугомъ, конечно, пахали землю вначалѣ, прототипомъ была соха, а она и теперь во многихъ мѣстахъ представляетъ собою просто кривой сукъ, у котораго одинъ конецъ заостренъ.

Авторъ крайне недоволенъ нашими оріенталистами,—они мало интересуются, мало даютъ матеріала для исторіи хозяйства. Вѣроятно, это и уполномочило его вторгнуться въ область оріенталистики и измышлять свои собственныя объясненія историческихъ событій. По его домыслу, извѣстный народъ Хунну (у нѣкоторыхъ авторовъ Геонг-ну, у покойнаго Васильева Сюнну), громадный западный Китай во время

династій старшихъ Ханей, покинулъ степи нынѣшней Монголіи и Ордоса и перебрался на западъ оттого, что Китай огородилъ себя стѣной, черезъ которую не могли перелѣзть кочевники. Не могли, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали то, чего дѣлать не могли. И послѣ Хунну цѣлый рядъ кочевыхъ народовъ одни за другими громили Китай и основывали въ немъ свои династіи. Несмотря на эти крупные недостатки, книга Гана все-таки производила бы большее значеніе, еслибы авторъ не впутывалъ въ изложеніе разсужденій, совершенно не подходящихъ къ предмету изслѣдованій и... крайне неудачныхъ. Уже на девятой страницѣ встрѣчаемъ мы, неизвѣстно по какому поводу, начальническій разносъ Жанъ-Жака Руссо, грозные окрики по адресу „пошлаго рационализма невѣжественнаго XVIII в. и французской революціи“. Особенную неприязнь авторъ питаетъ къ равенству, „невозможность котораго въ природѣ доказана Дарвиномъ“. Конечно, очень жалъ, что члены конвента не читали Дарвина и слишкомъ поспѣшили своимъ появленіемъ на свѣтъ; но можно навѣрное сказать, что явись Дарвинъ въ XVIII столѣтіи, его современники, вѣроятно, поняли бы его такъ, какъ его и слѣдуетъ понимать. Идея политическаго равенства вовсе не требуетъ того, чтобы люди были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Для этого достаточно равноправія, вытекающаго изъ сознанія, что каждый человѣкъ, обладающій здравымъ умомъ, имѣетъ одинаковое право съ другими устраивать свою жизнь, и что ранги и положенія не создаютъ ни геніевъ, ни ограниченныхъ людей. Чтобы узнать, какъ смотрѣлъ самъ Дарвинъ на политическое равенство, достаточно вспомнить только немногія строки изъ описанія его путешествія на кораблѣ „Бигль“, гдѣ онъ говоритъ о рабствѣ негровъ. Въ нихъ и душевная скорбь доброй души, и негодованіе человѣка за судьбу своихъ угнетаемыхъ собратьевъ, и стыдъ за варварство націй, стоящихъ во главѣ цивилизаціи. Гавъ враждебно смотреть и на либерализмъ, и на крупную промышленность, и на развитіе международнаго обмѣна товаровъ. По его мнѣнію, надобно бы вернуться къ старой домашней промышленности, которая кормитъ главнымъ образомъ только производителя и только излишки пускаетъ въ обмѣнъ. Совѣтъ можетъ быть и хорошъ, но только онъ запоздалъ на три столѣтія слишкомъ; для выполненія его надобно перевести стрѣлку часовъ исторіи съ цифры XX на XVI. Не стѣняясь въ своихъ отзывкахъ о людяхъ и мысляхъ, высказанныхъ столѣтіе тому назадъ, нашъ авторъ еще развязнѣе по отношенію къ современникамъ. Нѣмецкая соціалдемократія кажется ему скопищемъ глупцовъ. Слова Thorheit, Unsinn—сыплются у него, какъ изъ рога изобилія. Конечно, соціалдемократическая доктрина, какъ и всякая другая, подлежитъ критицѣ,—но подѣ условіемъ пониманія кри-

тикуемаго и знакомства съ дѣломъ; но это авторъ нашъ во многихъ случаяхъ считаетъ излишнимъ. Онъ, напримѣръ, вполне увѣренъ, что, по мнѣнію социалъдемократовъ, при осуществленіи идеи Volkstaat'a наступитъ на землѣ рай. Это заключеніе достойно уличнаго листа, но не серьезной, хотя и популярной книги. Никто изъ писателей этой партіи не думалъ и не думаетъ, что съ Volkstaat'омъ закончится всякій прогрессъ. Всѣ они, наоборотъ, думаютъ, что при новой формѣ государства движеніе пойдетъ быстрѣе и глаже, что при этихъ условіяхъ будетъ болѣе возможно развитіе всего индивидуальнаго и оригинальнаго. Надобно было опровергнуть эту мысль; но автору некогда заниматься такими пустяками. Онъ имѣетъ свою программу для будущаго. Онъ тоже изъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ. О его ненависти къ индустриализму и международному хозяйству мы уже говорили; но онъ недоволенъ и положеніемъ рабочихъ и—horribile dictu!—протестантской религіей и многими другимъ. Доволенъ онъ только современнымъ прусскимъ государственнымъ устройствомъ. Мы, однакоже, не рискуемъ излагать здѣсь мысли автора о спасеніи человѣчества. Мы только пожалѣемъ о томъ, что нашъ авторъ испортилъ свою книгу своими экскурсами въ область политики. Авторъ обѣщаетъ дать намъ въ будущемъ новый трудъ о культурныхъ растеніяхъ. Будемъ надѣяться, что онъ въ немъ постарается избѣжать неумѣстныхъ экскурсовъ въ сторону политики и останется на той почвѣ, которая ему болѣе знакома.

Дм. Клеменцъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1905.

Ноябрьскія забастовки.—Забастовка почты и телеграфа.—Равноправны ли чиновники съ обывателями?—„Революціонное“ движеніе въ средней школѣ.—Событія въ арміи и во флотѣ.—Земскій и крестьянскій сѣзды въ Москвѣ.—Циркуляры и законность.—Курьезы изъ газетъ.—И. М. Сѣменовъ, В. В. Лесевичъ и А. Л. Шанивскій †.

Русская революція растеть неудержимо. Растеть въширь и въглубь. Революція захватила такіе слои, которые всегда были несокрушимымъ оплотомъ павшаго, 17-го октября, режима. Она захватила чиновниковъ—и не чиновниковъ либеральнаго новаго суда, даже не акцизныхъ, а почтово-телеграфныхъ. Революціонерами стали не судьи, не инженеры, не врачи. Ими стали классическіе почтмейстеры и иного ранга чиновники телеграфа и почты, коллежскіе регистраторы, секретари и ассесоры, гордившіеся „благородіемъ“, мундиромъ, орденами въ петличкахъ и медалями. Двадцать лѣтъ назадъ, когда отъ чиновниковъ были отняты погоны (потомъ они снова были даны), въ губернскихъ и уѣздныхъ захолустьяхъ чувствовалось, что вотъ-вотъ поколеблется устои. На этотъ разъ не боязнъ потерять погоны, чины или мундиръ и другія привилегіи создала въ чиновникахъ революціонное настроеніе, нѣтъ—они примкнули къ активному освободительному движенію... Чиновники полиціи еще не бастовали. Но среди околоточныхъ и городскихъ уже кое-гдѣ образуются союзы, они собираются на митинги, пишутъ резолюціи и предъявляютъ требованія.

Начало ноября ознаменовалось въ Петербургѣ попыткой повторить всероссійскую политическую забастовку. Съ 2-го по 7-ое бастовали заводы и фабрики, желѣзныя дороги и газеты. Но того успѣха, какой имѣла забастовка въ октябрѣ, ноябрьская не получила. Она не была общей—Москва, напримѣръ, къ ней вовсе не примкнула—и сочувствія широкихъ слоевъ публики на сторонѣ бастовавшихъ не было. Причинъ неудачи—сказать точнѣе, неполной удаче—много. Главная изъ нихъ—частный характеръ мотивовъ. Ихъ было два: протестъ противъ введенія военнаго положенія въ царствѣ польскомъ и оказаніе поддержки кронштадтскимъ матросамъ, дабы не допустить примѣненія къ нимъ смертной казни. Забастовкѣ предшествовали невѣроятные слухи, повторявшіеся въ газетахъ, что будто бы сотни матросовъ уже приговорены къ разстрѣліанію; наканунѣ говорили даже, что они уже разстрѣлены.

Во всякомъ случаѣ, снова не горѣли фонари на улицахъ и элек-

тричество въ домахъ, не дѣйствовали телефоны, газетчики продавали одинъ „Правительственный Вѣстникъ“. Снова люди голодали. Снова одни отсиживались въ Лугѣ, во Псковѣ, въ Нарвѣ, другіе не могли двинуться изъ Петербурга. Намъ лично пришлось испытать своеобразный способъ путешествія въ Москву. Первый поѣздъ послѣ перерыва былъ отправленъ 4-го ноября. На другой день отошло три—утромъ, днемъ и вечеромъ. Дневной поѣздъ, составленный изъ восемнадцати пассажирскихъ вагоновъ, шелъ до Колпина четыре часа и затѣмъ разорвался; часть пассажировъ изъ оторвавшихся заднихъ вагоновъ вынуждена была пересѣсть въ передніе, часть возвратилась обратно. Вечернему поѣзду болѣе посчастливилось: онъ не разрывался, но шелъ до Москвы двадцать часовъ и останавливался на станціяхъ какъ-то такъ, что приходилось до платформы долго идти по шпаламъ. Отъѣздъ изъ Петербурга совершался поворовски. На вокзалъ впускали черезъ узенькую дверь изъ-подъ воротъ—и поѣзда отходили не отъ обычнаго мѣста отправленія. Сопровождала поѣздъ, въ которомъ мы ѣхали, постоянная кондукторская бригада. Почему она согласилась нарушить забастовку—мы не знаемъ, но ясно было, что она это сдѣлала не безъ смущенія и боязни за судьбу. Главный кондукторъ въ сильномъ волненіи говорилъ, что его только-что записали. На вопросъ: „кто, за что?“—онъ отвѣчалъ: „не знаю, какіе-то люди подошли, спросили фамилію и записали“.

Мелочь—чрезвычайно характерная. Власть, безъ которой государственное общеніе не можетъ существовать ни одного часа, перемѣстилась. „Какіе-то люди“, особенно страшные своей личной неизвѣстностью, а еще болѣе анонимностью стоящаго за ними чего-то огромнаго и сильнаго, въ сознаніи и въ глазахъ низшихъ служащихъ заняли то самое мѣсто, на которомъ они привыкли видѣть официальное начальство. Это начальство приучило ихъ къ произвольности распоряженій и къ непрекословности исполненія. Тѣмъ легче оказалось возможнымъ направлять ихъ мысли и дѣйствія „какимъ-то людямъ“... Нѣсколько дней спустя, намъ случайно довелось присутствовать и видѣть въ Москвѣ, какъ „закрывали“ ресторанъ и „снимали“ официантовъ въ одной изъ самыхъ большихъ гостиницъ. Въ швейцарскую вошли двое молодыхъ людей и потребовали, чтобы къ нимъ вышли официанты. Управляющій самолично побѣжалъ навстрѣчу. Черезъ минуту съ нимъ спустились нѣсколько официантовъ. Молодые люди имъ сказали: „закрѣпить“ ресторанъ. Моментально было потушено электричество, вся прислуга ушла, двери въ обѣденную залу были заперты. Не раздалось ни одного протеста, ни со стороны прислуги, обрекавшейся на лишеніе на неопредѣленное время заработка, ни со стороны управляющаго гостиницей, которая обрекалась на громад-

ные убытки... Столь же покорно отнеслись къ своей участи—потихоньку обѣдать въ душныхъ номерахъ—постояльцы. Организаторы забастовокъ сумѣли вкоренить въ массы сознание ихъ властнаго авторитета—и въ этомъ ихъ сила.

Но если такъ, то организаторы забастовокъ должны сами проникнуться сознаниемъ отвѣтственности за совершаемое и строго взвѣшивать цѣль и средства прежде, чѣмъ рѣшиться на забастовку. Съ этой точки зрѣнія обращаетъ на себя особенное вниманіе начавшаяся 15-го ноября забастовка почты и телеграфа. Поводомъ для нея послужилъ отказъ графа Витте принять депутацію и отмѣнить распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, воспрепятствовавшего образованію союза почтово-телеграфныхъ служащихъ, воспротивившаго делегатамъ ихъ собраться въ Москвѣ и уволившаго нѣсколькихъ чиновниковъ. Причины болѣе глубокія, какъ онѣ формулированы въ цѣломъ рядѣ воззваній и обращеній бастующихъ, заключаются въ безправномъ положеніи служащихъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, въ нищенскомъ жалованьи и въ томъ, что „бываетъ предѣлъ всякому терпѣнію“. „Мы терпѣли—говорится въ обращеніи, напечатанномъ въ газетахъ 20-го ноября,—мы просили, мы ходатайствовали, всѣ наши голоса глохли гдѣ-то въ министерскихъ канцеляріяхъ“. Допустимъ, что отказъ перваго министра принять депутацію отъ почтово-телеграфныхъ служащихъ дѣйствительно былъ „вызовомъ“ и что въ немъ выразилась солидарность гр. Витте съ П. Н. Дурново; допустимъ, что распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ были неправильны, а увольненіе чиновниковъ незаконно и несправедливо; допустимъ, что чиновники въ осуществленіи права союзовъ и собраній не должны ничѣмъ отличаться отъ обывателей; не допустимъ, а признаемъ, какъ несомнѣнный фактъ, что положеніе почтово-телеграфныхъ служащихъ безправно и что ихъ оклады содержанія ограждаютъ лишь отъ голодной смерти. Согласимся, наконецъ, что „истинный“ виновникъ забастовки не служащіе, а правительство, какъ это сказано въ томъ же обращеніи. Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? Неужели можно оправдать возвращеніе, хотя бы на нѣсколько дней, современной общественной и государственной жизни къ условіямъ глубокой древности? Неужели причина равноцѣнна принятой мѣрѣ? Современная лихорадочная жизнь требуетъ непрерывныхъ сношеній. На быстротѣ и недантичной точности почты и телеграфа основана вся торговля, управленіе государствомъ, управленіе каждымъ дѣломъ. Прямо или косвенно, но въ непрерывности почтово-телеграфныхъ сношеній заинтересовано все населеніе. Каждый день забастовки причиняетъ ему неисчислимый ущербъ матеріальный и моральный. Такая забастовка разрушаетъ благосостояніе страны на многіе годы.

Представимъ себѣ, что цѣль забастовки будетъ достигнута. Представимъ себѣ, что министръ внутреннихъ дѣлъ будетъ уволенъ, а уволенные имъ чиновники будутъ возвращены на службу, что безпрепятственно образуется союзъ почтово-телеграфныхъ служащихъ и что содержаніе ихъ будетъ увеличено. Развѣ это искупить тѣ жертвы, которыя понесла страна въ лицѣ всего населенія? Развѣ это искупить утрату довѣрія и кредита на международномъ рынкѣ? Чтò значать четыре-пять чиновниковъ, чтò значить министръ, чтò значить улучшение быта служащихъ въ одномъ изъ вѣдомствъ—сравнительно съ насущными и реальными интересами необъятной страны и сто-милліоннаго населенія? Только въ состояніи психическаго гипноза возможно до такой степени потерять масштабъ. Отправляясь отъ интереса общественнаго, наша революція, въ практическомъ примѣненіи идеаловъ, выдвинула интересъ частный, если не личный, то групповой, и на алтарь этого группового интереса безжалостно несетъ общій, всенародный. Пониманіе мѣры исчезло. Получилось нѣчто подобное тому, когда человѣкъ срубаетъ вѣковую сосну, чтобы воспользоваться шишкой, висящей на вершинѣ, или устраиваетъ крушеніе поѣзда, чтобы похитить товару на нѣсколько рублей. Какъ бы человѣкъ ни былъ обиженъ судьбой, несправедливыми дѣйствіями начальства, какъ бы глубоко ни было нарушено его правосознаніе, но если онъ начнетъ жечь городъ и добиваться возстановленія своихъ правъ путемъ разоренія и разрушенія моральныхъ интересовъ жителей, кто не скажетъ, что онъ или преступникъ, или душевно-больной?.. Въ одной типографіи, когда наборщики потребовали платы за забастовочные дни, и хозяинъ сказалъ имъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ, и вынужденъ будетъ типографію закрыть, наборщики ему отвѣтили: „это насъ не касается, мы для себя работу найдемъ“. Такъ отвѣтили и могли отвѣтить лица, противопоставлявшія два частныхъ интереса. А имѣли ли хотя крупицу нравственнаго права чиновники почты и телеграфа сказать забастовкою всему населенію Россіи: „это насъ не касается, всякому терпѣнію бываетъ предѣлъ“. И сказать, когда—наканунѣ реализаціи обновленія государственнаго строя.

Мы допускали выше, что чиновники въ осуществленіи права союзовъ и собраній не должны ничѣмъ отличаться отъ обывателей. Мы это сдѣлали потому, что для хода дальнѣйшаго разсужденія было безразлично, должны ли они быть равноправны съ обывателями или нѣтъ. Но въ сущности этотъ тезисъ вызываетъ большія сомнѣнія. Между чиновниками и гражданами государства—огромная разница. Чиновникъ, какъ бы скромно ни было его служебное положеніе, есть

органъ власти. Въ гигантскомъ деревѣ системы управленія государствомъ всѣ вѣтви, вѣточки, отростки и листья находятся въ неразрывной преемственной связи, и въ силу того—въ неразрывномъ же и преемственномъ соподчиненіи. Отъ центра на периферію передается власть. Отъ периферіи къ центру должно идти повиновеніе. Подчиненіе низшаго чиновника высшему вытекаетъ не изъ договора, какъ подчиненіе приказчика хозяину, а изъ того сложнаго понятія, которое обозначается малоопредѣленнымъ терминомъ служебнаго долга. И гражданинъ обязанъ повиновеніемъ власти, но между его повиновеніемъ и повиновеніемъ служебнымъ нѣтъ ничего общаго. Служба создаетъ для чиновника право на власть, и отсюда вытекаютъ ограниченія его правъ, какъ гражданина. Въ частности—ограниченіе, по цѣли и задачамъ, права союзовъ и собраній.

Было бы неправильно полагать, что государственная служба, въ идейномъ о ней представленіи, убиваетъ въ чиновникѣ гражданина. Отнюдь нѣтъ. А потому, поскольку то или иное дѣйствіе чиновникъ совершаетъ какъ гражданинъ, никакія ограниченія въ отношеніи его не должны имѣть мѣста. Онъ можетъ входить во всякаго рода общественныя или политическія организаціи и партіи, участвовать въ соотвѣствующихъ его политическому міросозерцанію союзахъ и собраніяхъ и т. д. Но какъ чиновникъ, онъ, во имя своей власти, долженъ подлежать ограниченіямъ. Въ благоустроенномъ государствѣ вполнѣ мыслима твердая профессиональная группировка сапожниковъ, писателей, наборщиковъ, фабрикантовъ. Для нея есть логическое основаніе—экономическая борьба въ области отношеній, обусловливаемыхъ свободною взаимностью услугъ. Для профессиональной же группировки чиновниковъ казначейства, почты и телеграфа, акцизныхъ или вообще любого вѣдомства—такого основанія нѣтъ. Ихъ борьба за увеличеніе жалованья есть борьба съ государствомъ, а не социально-экономическая. Ихъ борьба, на почвѣ силы вмѣсто закона, съ начальствомъ—съ государственно-правовой точки зрѣнія, составляетъ явленіе нетерпимое. Если сапожникъ отказывается мнѣ шить сапоги, я могу обратиться къ другому мастеру, или попробовать такъ или иначе обойтись безъ сапогъ. Но когда казначей отказывается выдать слѣдующія мнѣ изъ казны деньги, или нотаріусъ отказывается засвидѣтельствовать довѣренность, или телеграфистъ не принимаетъ отъ меня депеши, и когда всѣ они ссылаются на несправедливость ихъ начальства или на недостаточный размѣръ получаемого ими содержанія, для меня нѣтъ выбора. Неужели я, какъ гражданинъ, не вправѣ сказать: „ваши счета съ тѣми, кто поставилъ васъ управлять обывательскими интересами, меня не касаются“? Гражданинъ для чиновника—не работодатель, и чиновникъ для гражданина—не рабочій. Между

ними не можетъ существовать экономической борьбы. Забастовка же чиновниковъ причиняетъ вредъ прежде всего и главнымъ образомъ гражданамъ. И такой вредъ, сравнительно съ которымъ забастовки на фабрикахъ и заводахъ имѣютъ ничтожное значеніе.

Только крайней степенью раздраженія противъ отжившаго, но еще не погребеннаго режима можно объяснить сочувственное отношеніе къ почтово-телеграфной забастовкѣ тѣхъ слоевъ общества, для которыхъ анархія не составляетъ цѣли стремленій. Перенесемся мысленно въ будущее и переимѣнимъ роли... Образовалась Дума. Большинство—радикальное. Энергичное министерство изъ большинства. Дума приняла законъ объ отмѣнѣ чиновъ и орденовъ и о сокращеніи штатовъ людей „двадцатаго числа“. Крепко сплоченный союзъ полиціи, земскихъ начальниковъ и губернаторовъ рѣшилъ противодѣйствовать закону и объявилъ забастовку, пока не будетъ свергнуто министерство и не будетъ распущена Дума. Среди чиновниковъ почты и телеграфа произошелъ поворотъ настроенія. Они примкнули къ забастовкѣ. Какъ къ ней отнесется радикально настроенное общество?..

Въ воззваніи, опубликованномъ 22 ноября, почтово-телеграфные чиновники, протестуя противъ добровольцевъ, ставшихъ на работу въ почтамтѣ, говорятъ: „Они идутъ на помощь правительству, они поддерживаютъ гнилое зданіе самодержавія, они становятся въ ряды черной сотни! Чтò дѣлать съ этими преступниками, такъ какъ они совершаютъ политическое преступленіе противъ *народа, борющагося за свои основныя гражданскія права*. Общество должно дать отпоръ этимъ людямъ, не знающимъ чувства порядочности и нравственности. На свѣтъ ихъ!“ Въ томъ-то и дѣло, что чиновники выступили въ данномъ случаѣ не какъ народъ, не какъ граждане, а именно какъ чиновники, въ защиту своихъ служебно-вѣдомственныхъ интересовъ. Въ письмѣ на имя графа Витте „отъ депутатовъ перваго всероссійскаго делегатскаго съѣзда почтово-телеграфныхъ работниковъ“ высказано рѣшеніе „продолжать забастовку до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены слѣдующія наши требованія: 1) отмѣна всякихъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ въ цѣляхъ противодѣйствія организаціи и дѣятельности нашего союза и съѣзда, и 2) прекращеніе всякихъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ союза и немедленное возвращеніе товарищей, уволенныхъ за принадлежность къ союзу“. Газеты сообщали, что среди гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства также возникла мысль объ объединеніи на почвѣ различныхъ требованій. Между прочимъ, на требованіи, кромѣ увеличенія жалованья и образованія корпоративнаго суда и т. п., уравниванія ихъ въ правахъ съ офицерами. Военные чиновники желаютъ, чтобы нижніе чины отдавали имъ честь, какъ офицерамъ, и чтобы за оскорбленіе

ихъ несли тѣ же невѣроятно суровыя кары, какъ за оскорбленіе офицеровъ. Что это—также элементъ борьбы народа за „свои основныя гражданскія права“?..

Еще раньше, чѣмъ чиновниковъ, революція захватила среднія учебныя заведенія. Выразилась она въ ученическихъ сходкахъ, резолюціяхъ и забастовкахъ. Кое-гдѣ инициатива прекращенія занятій принадлежала преподавателямъ. Во всякомъ случаѣ, и дѣти оказались вовлеченными въ политическое движеніе.

Явленіе—глубоко печальное. Его корни несомнѣнно въ ужасномъ, по своей ненормальности, строѣ и положеніи средней школы. Тридцать лѣтъ не только игнорировалась азбука педагогики, но все дѣлалось прямо вопреки ея аксіомамъ. Политику ввело въ школу само правительство. Реформа печальной памяти гр. Д. А. Толстого имѣла главной цѣлью оградить гимназистовъ отъ всего свѣжаго, живого, ибо она несла съ собой „тлетворное“ вліяніе и „вольный духъ“. Не принято было во вниманіе лишь немногое: безсиліе грамматическихъ упражненій въ борьбѣ съ дѣйствительной жизнью и съ внѣшкольными впечатлѣніями. Эти впечатлѣнія стремились регулировать очерками исторіи Иловайскаго, гдѣ безталанно и грубо выдавалась за правду нелѣпая ложь, гдѣ походя опорочивались судъ присяжныхъ, земство и лучшіе авторы, гдѣ историческіе факты оцѣнивались подъ угломъ зрѣнія передовицъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Система развитія краснаго патріотизма называлась „воспитаніемъ въ духѣ истинныхъ русскихъ началъ“. Между школой и жизнью естественно произошелъ разладъ, и жизнь столь же естественно, въ сознаніи даже дѣтей, побѣдила школу. Первый проблескъ революціоннаго взрыва пробудилъ даже въ дѣтяхъ желаніе свергнуть ненавистный своей бессмысленностью школьный режимъ. Скачки послѣднихъ лѣтъ, отъ строгаго классицизма къ фактическому упраздненію изученія древнихъ языковъ и обратно, отъ внѣшней распушенности къ солдатской дисциплинѣ и тоже обратно, внесли въ режимъ полный сумбуръ, окончательно отучили учащихся отъ труда и усилили тонъ ихъ отрицательнаго отношенія къ школѣ.

Развившееся на этой почвѣ движеніе воспитанниковъ, имѣя за собою фонъ общаго освободительнаго движенія, вылилось въ самыя сложныя формы, въ которыхъ дѣтское перемѣшалось съ недѣтскимъ, серьезное съ вызывающимъ грустную улыбку. Изъ гимназій раздались требованія (!!) свободы сходокъ и немедленнаго созыва народныхъ представителей всеобщей, равной и т. д. подачей голосовъ, неприкосновенности личности и увольненія такого-то учителя, отиѣны положенія усиленной охраны и разрѣшенія носить гимназистамъ неформенное платье, политической амнистіи и предоставленія старостамъ-ученикамъ

контролировать оцѣнку преподавателями знанія заданнаго урока. Раздалось: „впредь до удовлетворенія нашихъ требованій, мы не считаемъ возможнымъ“ и т. д. Растерявшееся начальство стало обращаться къ полиціи!..

Какъ относятся къ ученическому движенію тѣ, кого оно всего больше затрагиваетъ—родители? Въ газетахъ писали, что одни родительскія собранія приняли сторону протестующихъ дѣтей, другія—наоборотъ. То собраніе, на которомъ намъ лично случилось присутствовать, принадлежало къ числу послѣднихъ. На приглашеніе обсудить, совмѣстно съ преподавательскимъ персоналомъ, положеніе, создавшееся въ закрытой болѣе недѣли гимназій, отозвалось свыше двухсотъ отцовъ и матерей, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества. Были и чиновники, и торговцы, крупные и мелкіе, и священники, и лица, такъ называемыхъ, свободныхъ профессій. Сыновья, зная о родительскомъ собраніи, пришли просить, чтобы были допущены и заслушаны ихъ депутаты. Когда директоръ объ этомъ сообщилъ, въ отвѣтъ послѣдовало негодующее и шумное: „не пускать, не надо“. Немногимъ отдѣльнымъ лицамъ и въ числѣ ихъ нѣкоторымъ педагогамъ, пытавшимся поддержать просьбу воспитанниковъ, не давали говорить. При баллотировкѣ подавляющее большинство просьбу отвергло. Затѣмъ приступили къ обсужденію вопроса по существу. Общій характеръ рѣчей былъ чрезвычайно суровый: дѣти должны учиться и не смѣютъ вмѣшиваться въ политику; азва, которая завелась въ гимназій, должна быть съ корнемъ вырвана, а для этого надо немедленно исключить бунтовщиковъ. Указанія на то, что причина явленія лежитъ слишкомъ глубоко, чтобы возможно было бороться съ нимъ исключеніемъ воспитанниковъ, звучали слабо и не вызвали сочувствія. Рѣшеніе педагогическаго совѣта возобновить занятія съ предоставленіемъ ученикамъ старшихъ четырехъ классовъ собираться на сходки—во внѣклассное время, безъ допуска постороннихъ и подъ наблюденіемъ преподавателей, было принято съ одобреніемъ только половиной собранія. Со стороны другой половины и эта скромная уступка встрѣтила рѣзкое осужденіе.

Мы далеки отъ мысли обобщать личныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ одного родительскаго собранія. Мы отмѣчаемъ ихъ, какъ фактъ. Родители—люди эгоистичные, не склонные отрѣшаться отъ непосредственныхъ интересовъ ихъ собственныхъ дѣтей. Въ словахъ наиболѣе горячихъ ораторовъ слышалась нота личнаго недовольства и раздраженія: „я“, отдалъ сына въ гимназій, „я“ плачу деньги, „мой“ сынъ примѣрный мальчикъ, какіе-то невѣдомые бунтари, которыхъ „я“ не знаю и знать не хочу, мѣшаютъ ему учиться и готовить изъ него такого же бунтаря. Выводъ ясный и простой: бунтарей

выгнать. А гдѣ же отцы этихъ бунтарей? Ихъ не было. Они навѣрное въ залѣ были, и весьма вѣроятно, что именно изъ ихъ устъ выходили наиболѣе энергичныя и прямолинейныя требованія. Они только не знали, что ихъ „примѣрные мальчики“ дома—въ гимназій имѣютъ совсѣмъ иную репутацію. Разладъ у дѣтей произошелъ не съ одной школой, но и съ семьей—и въ этомъ трагизмъ положенія. Повторилась старая исторія: въ сутолокѣ жизни отцы проглядѣли сыновей... Но мы не хотѣли бы обобщать и этого впечатлѣнія. Многие отцы, очевидно, имѣли въ виду такихъ сыновей, которые по возрасту не могутъ быть активными бунтарями, и ихъ горячее желаніе оставить дѣтей, въ буквальномъ смыслѣ слова, въ сторонѣ отъ политическаго движенія нельзя не признать совершенно основательнымъ. Дѣйствительно, гимназія объединяетъ десятилѣтнихъ мальчиковъ и болѣе взрослыхъ дѣтей. Объединяетъ единствомъ режима, системы преподаванія и воспитанія, единствомъ помѣщенія. Классы распределяются по корридорамъ случайно: восьмой рядомъ со вторымъ, седьмой рядомъ съ первымъ. Въ перерывахъ между уроками въ одной залѣ гуляютъ воспитанники восьмого класса и второго, а воспитанники седьмого и перваго гуляютъ въ другомъ концѣ зданія. Въ билетахъ, съ напечатанными на нихъ правилами, выдаваемыхъ десятилѣтнимъ дѣтямъ, говорится, что имъ воспрещается носить бороду и усы и курить. Ясно, что все это—ненужный и легко устранимый вздоръ, порождающій, однако, далеко не вздорные результаты. Какъ послѣ этого не устроить сходки дѣтямъ перваго или втораго класса, не выбрать старостъ, не сдѣлать скандала учителю, когда на ихъ глазахъ, рядомъ, за стѣной, обсуждаютъ свои нужды, въ связи съ нуждами народа и государства?! Запретное особенно манитъ къ себѣ.

Практическое слѣдствіе движенія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—перерывы занятій, то на три дня, то на недѣлю, то на двѣ недѣли. Полугодіе для воспитанниковъ потеряно. Они провели его въ праздности. Многие десятки дѣтей узнали казацкія нагайки. Для многихъ завершеніе образованія надолго отсрочено, для иныхъ прекращено навсегда. Грустно и печально!..

Не менѣе печально непрерывное продолженіе занятій въ одномъ изъ привилегированныхъ заведеній—въ училищѣ правовѣднія, купленное цѣною увольненія, по инициативѣ товарищей, около двадцати воспитанниковъ и ухода нѣсколькихъ лучшихъ профессоровъ. Товарищи потребовали, чтобы „либеральные“ воспитанники оставили училище, и начальство восхвалило ихъ за это требованіе. Частный самъ по себѣ эпизодъ, но характерный. Неужели начальство думаетъ, что оно сдѣлало благо для вѣрныхъ „долгу“ и „традиціямъ училища“ воспитанниковъ, удовлетворивъ ихъ анти-товарищеское требованіе?

Въ послѣднихъ числахъ октября произошли волненія среди матросовъ и сухопутныхъ солдатъ въ Кронштадтѣ, потомъ былъ бунтъ запасныхъ во Владивостоѣ, затѣмъ разыгрались событія въ Севастополѣ, окончившіяся бомбардировкой города, обстрѣливаніемъ съ батарей стоявшихъ на рейдѣ судовъ и береговыхъ казармъ, атакѣ въ штыки и штурмомъ. Затѣмъ происходила осада воронежскаго дисциплинарнаго баталіона, зданія котораго заключенные, прежде чѣмъ сдаться, сожгли. Наконецъ, послѣднее извѣстіе изъ Кіева: „17-го ноября вновь сформированная при пятомъ понтонномъ баталіонѣ рота отказалась заступать караулъ и, несмотря на принятія командиромъ баталіона мѣры, утромъ 18 ноября вышла, разобравъ ружья, на улицу. Къ взбунтовавшейся ротѣ вскорѣ присоединились и другія части саперной бригады. Бунтовщики направились въ городъ съ цѣлью присоединить къ себѣ и другія части войскъ, квартирующихъ въ городѣ, и поддерживать забастовавшихъ рабочихъ мѣстныхъ заводовъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Противъ взбунтовавшихся командъ были посланы наряды казаковъ, которые были встрѣчены огнемъ. Около казармъ 45-го азовскаго пѣхотнаго полка бунтовщики были встрѣчены залпомъ 168 пѣхотнаго миргородскаго полка, выставленнаго для прегражденія имъ пути; залпомъ убито нѣсколько десятковъ нижнихъ чиновъ, число раненыхъ неизвѣстно“. Мы перечислили только самые крупные факты и не коснулись менѣе важныхъ, въ числѣ которыхъ есть, впрочемъ, и такіе, какъ арестованіе свыше двухсотъ нижнихъ чиновъ военной электротехнической школы въ Петербургѣ.

Соціаль-демократическіе и соціаль-революціонные органы печати нѣсколько переоцѣниваютъ значеніе развившагося движенія въ войскахъ. Кромѣ того, стремясь усилить впечатлѣніе, они печатаютъ непрѣверенные слухи, которые потомъ оказываются сплошнымъ вымысломъ. Такъ, напримѣръ, не имѣли подъ собой никакихъ фактическихъ данныхъ сообщенія объ отказѣ нести службу двухъ полевыхъ батарей въ г. Гродно, о массовыхъ арестахъ въ частяхъ войскъ, расположенныхъ въ Царскомъ-Селѣ, и т. п. Но, во всякомъ случаѣ, происходящее въ войскахъ движеніе составляетъ явленіе, привлекающее къ себѣ вниманіе. Что оно означаетъ? Къ сожалѣнію, почтово-телеграфная забастовка лишила общество возможности знать подробности главнѣйшихъ событій—имѣвшихъ мѣсто въ Севастополѣ, и судить о нихъ приходится на основаніи официальныхъ телеграммъ, заключающихъ въ себѣ болѣе словъ, чѣмъ фактовъ.

По нашему мнѣнію, необходимо раздѣльно оцѣнивать движеніе во флотѣ и въ сухопутной арміи. Во флотѣ оно несомнѣнно пустило глубокіе корни. Флота, въ смыслѣ войска, въ Россіи не существуетъ—это надо признать. Не существуетъ ни въ отношеніи плавучихъ и

боевыхъ средствъ, ни въ отношеніи личнаго состава нижнихъ чиновъ. Это доказали Портъ-Артуръ, Цусима, прошлогоднія волненія въ Либавѣ, „Потемкинъ“, Кронштадтъ и Севастополь. Гдѣ только есть болѣе или менѣе значительное скопленіе матросовъ—вездѣ были безпорядки. Флотъ расплатился за морской цензъ, за педантично скрывавшіяся злоупотребленія начальства, за дворянскія традиціи корпуса офицеровъ, за своеобразное пониманіе дисциплины, за полное обособленіе отъ сухопутныхъ войскъ—и исчезъ. Силою въ рукахъ правящей власти онъ болѣе не будетъ, ни въ морѣ, ни на берегу. Станетъ ли силою въ рукахъ революціи—думаемъ, что тоже нѣтъ. Въ командахъ флотскихъ нижнихъ чиновъ произошло внутреннее разложеніе. Онѣ не способны къ повиновенію; онѣ утратили цементъ, склеивающій вооруженную массу въ компактное цѣлое, могущее служить реальной силой. Нѣкоторые изъ предъявляемыхъ матросами требованій въ этомъ отношеніи весьма характерны: не отдавать чести офицерамъ, курить на улицѣ, свободно выходить изъ казармъ и ночевать на частныхъ квартирахъ. Это—требованія распушенности. Ея они хотятъ, къ ней стремятся и изъ-за нея борются рука объ руку съ революционными элементами. Но когда революція потребуетъ отъ нихъ дѣла, стойкости, повиновенія—они отвѣтятъ тѣми же волненіями, безпорядочной стрѣльбой, грабежомъ и разгуломъ, какіе видѣлъ и испыталъ Кронштадтъ.

Въ оцѣнѣ фактовъ, касающихся сухопутной арміи, также надо проводить нѣсколько различій. Во-первыхъ, надо выдѣлить событія въ Воронежѣ. Дисциплинарный баталіонъ—не войско, а мѣсто отбытія наказанія, закрытая казарма, полутюрьма. Заключенные, хотя и занимаются воинскими упражненіями, но они болѣе арестанты, чѣмъ солдаты. Они и сожгли, какъ арестанты, свои казармы-острогъ. Во-вторыхъ, нельзя строить никакихъ выводовъ и заключеній изъ того, что въ Кронштадтѣ и въ Севастополѣ нѣкоторые отдѣльные нижніе чины и мелкія войсковыя соединенія дѣйствовали вмѣстѣ съ матросами, ибо на соединенія крупнаго движенія не распространялось. В-третьихъ, надо рѣзко различать волненія запасныхъ и состоящихъ на срочной службѣ. Запасные имѣютъ совершенно особый обликъ и не ими опредѣляется физіономія арміи. Война окончилась, они рвутся домой, а ихъ увольненіе замедливается—вотъ доминирующая причина ихъ недовольства. Считаая виновникомъ неувольненія начальство, запасные готовы на самыя рѣзкія противъ него дѣйствія. Если же они увидятъ виновника въ бастующихъ рабочихъ, то направятъ свою силу на нихъ. Въ началѣ ноября, въ Самарѣ, пришлось экстренно дебилизовать восемь тысячъ запасныхъ, дабы предотвратить еврейскій погромъ и избіеніе рабочихъ и студентовъ. Запаснымъ почему-то

пришло въ голову, что ихъ не отпускають вслѣдствіе того, что готовится погромъ со стороны черной сотни, и что ихъ оставляють на службѣ для защиты студентовъ, рабочихъ и евреевъ. Тогда они собрались, рѣшили уничтожить виновниковъ своего неувольненія и назначили для того день. Въ-четвертыхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду различіе строевыхъ воинскихъ командъ и частей отъ нестроевыхъ и исключительность нѣкоторыхъ изъ нихъ, главнымъ образомъ, по комплектованію. Къ числу такихъ исключительныхъ частей относится и рота военной электротехнической школы, слошъ пополняемая слесарями, монтерами и техниками различныхъ специальностей.

Если принять въ соображеніе всѣ приведенныя оговорки, то окажется, что въ сухопутныхъ войскахъ общаго типа крупныхъ случаевъ проявленія революціоннаго настроенія еще не было. Исключеніе, быть можетъ, составляетъ событіе 17-го ноября въ Кіевѣ, но судить о немъ по одной телеграммѣ было бы рискованно. Мы отнюдь не отвергаемъ возможности развитія и бурнаго проявленія революціи въ сухопутныхъ войскахъ; мы только констатируемъ фактъ. И не скроемъ, что констатируемъ его съ чувствомъ удовлетворенія, ибо войско, захваченное въ водоворотъ революціи, столь же опасно для нея самой, сколь опасно оно для строя, на ниспроверженіе котораго революція направляетъ свои усилія. Всякая государственная организація и всякое право, въ концѣ концовъ, опираются на матеріальную силу. Эту конечную силу въ государствѣ представляетъ войско, которое потому должно быть построено на началахъ, соответствующихъ условіямъ успѣшнаго дѣйствія матеріальныхъ силъ вообще. Войско должно управляться и опредѣляться къ дѣйствию волею, внѣ его стоящею и отъ него независимою. Функція войска есть исключительно служебная. Войско самоопредѣляющееся не только составляетъ теоретическій абсурдъ, но оно немислимо ни при какомъ строѣ—ни при самодержавіи монарха, ни при самодержавіи народа, ни при любой смѣшанной формѣ. Способъ комплектованія арміи тутъ не играетъ никакой роли. Смыслъ милиціи, также точно какъ и постоянной регулярной арміи, въ томъ, что она—сила. Пока эта сила послушна управляющей ея волѣ, она—положительный факторъ въ государствѣ. Съ того же момента, когда она вступила на путь самоопредѣленія, она становится факторомъ отрицательнымъ. Государство теряетъ опору. Опора обращается въ самодовлѣющій организмъ. Получается государство въ государствѣ. И кто побѣдитъ: организованная ли сила, или лишенное силы право—сомнѣній быть не можетъ. И куда направить судьбы государства диктатура войска—исторія говоритъ краснорѣчиво. Войску свойственны принципы абсолютизма, подавленія личности и свободы; ему, какъ грубой фактической силѣ, свойственъ произволъ. Горе тому

народу, который путемъ военныхъ возстаній мечтаетъ добиться свободы, равенства и права. Гораздо легче снять узду съ сильной и своенравной лошади, нежели ее снова взнуздать...

Съ 6-го по 13-ое ноября происходили въ Москвѣ засѣданія шестого сѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей. День открытія сѣзда совпалъ съ годовщиной начала занятій въ Петербургѣ частнаго совѣщанія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и нѣкоторыхъ земскихъ гласныхъ.

Мы живо помнимъ 6-ое ноября прошлаго года. Послѣ долгихъ переговоровъ съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, Д. Н. Шипову удалось получить не разрѣшеніе собраться въ частной квартирѣ, безъ допущенія публики и представителей печати, а обѣщаніе, что если земцы соберутся, то полиція ихъ не разгонитъ. Къ назначенному часу въ квартиру И. А. Корсакова стали собираться другъ другу мало извѣстные случайные представители земскихъ губерній. Каждый торопился отпустить извозчика, чтобы не обратить на себя вниманія и незамѣтно войти въ подъѣздъ. Д. Н. Шиповъ открылъ совѣщаніе и, будучи избранъ предсѣдателемъ, изложилъ цѣль созыва и исторію образованія совѣщанія. Собраніе приступило къ обсужденію проекта получившихъ затѣмъ такую широкую извѣстность резолюцій. Резолюціи обсуждались три дня—каждый день въ разныхъ помѣщеніяхъ, дабы не обнаружить существованіе совѣщанія. 8-го ноября резолюціи были подписаны въ квартирѣ В. Д. Набокова ста двумя лицами. Въ преніяхъ шла рѣчь о гражданской свободѣ, о равноправности сословій и національностей, о правовой основѣ государственнаго бытія или этико-соціальной. Слово „конституція“, если и употреблялось, то вскользь; ораторы предпочитали его замѣнять описательными выраженіями. Слово „республика“, „революція“ и въ поминѣ не было. Принятые резолюціи были разосланы по земствамъ въ рукописныхъ копіяхъ; одна-двѣ типографіи ихъ отпечатали, тщательно скрывъ мѣсто печатанія...

Прошелъ всего годъ—и какъ мы безконечно далеки отъ этой картины! Она рисуется, какъ что-то давнымъ-давно прошлое, какъ что-то, чему свидѣтелями были не мы сами, а наши отцы и дѣды. О созывѣ сѣзда на 6-ое ноября 1905 г. было извѣстно задолго до его открытія не только всей Россіи, но Европѣ и Америкѣ. Его ждалъ и въ немъ желалъ найти поддержку предсѣдатель совѣта министровъ. За протекшій годъ сѣздъ изъ земскаго преобразился въ земско-городской. Многіе земства и города имѣли въ немъ официально, въ законныхъ засѣданіяхъ, выбранныхъ представителей. Царство поль-

ское прислало делегатовъ отъ политическихъ партій. Представлены были западныя губерніи, области казачьихъ войскъ, Кавказъ и Сибирь. Присутствовавшей въ засѣданіяхъ публики было больше, чѣмъ членовъ съѣзда. Едва ли не всѣ большія газеты и телеграфныя агентства имѣли специальныхъ корреспондентовъ, разсылавшихъ по телеграфу и телефону отчеты о преніяхъ и воспроизводившихъ даже отдѣльныя рѣчи. Главный предметъ сужденій составляли опредѣленіе отношенія съѣзда къ министерству графа Витте и къ манифесту 17-го октября, вопросъ объ учредительномъ собраніи и объ автономіи Польши. Оспаривалась конституціонная монархія. Говорили, не скрывая: „я социаль-демократъ“, „я республиканецъ“.

На содержаніи рѣшеній съѣзда отразилась, съ одной стороны, неопредѣленность положенія, занятаго правительствомъ, съ другой—невнятность степени развитія активной революціи. Всѣ рѣшенія полны поэтому условныхъ оговорокъ и не исключаютъ различныхъ толкованій. Какъ отнестись къ растущему аграрному и черносопному движенію—осталось безъ отвѣта. Въ немъ желали скорѣе видѣть искусственную руку реакціи, поддержанной мѣстной администраціей, чѣмъ признаки контръ-революціи. Вступить на путь дѣйствій съѣздъ не рискнулъ.

Одновременно съ земско-городскимъ, въ Москвѣ же засѣдалъ съѣздъ крестьянскій. Объ образованіи всероссійскаго союза крестьянъ, кое-какія свѣдѣнія проникали въ печать еще съ лѣта. Но цензурныя условія препятствовали полнотѣ свѣдѣній, и что это за союзъ—дѣйствительно ли обще-крестьянскій, или партійно-политическій—оставалось загадкой.

Между тѣмъ, естественно, что крестьянство—его настроеніе и идеалы—всего болѣе интересуетъ въ переживаемый моментъ мыслящее общество. Крестьянъ болѣе 80% населенія Россіи. Какіе бы выборы въ Думу ни были, они представляютъ собою наибольшую численную силу, и, слѣдовательно, прямо или косвенно опредѣленіе судеб Россіи конституціонной будетъ принадлежать именно имъ. А кто они—общество не знаетъ. Партіи, занимающія самыя крайніе полюсы, видятъ въ нихъ своихъ союзниковъ и одинаково утверждаютъ, что идутъ съ крестьянствомъ и во имя его идеаловъ. Такъ говорятъ сторонники трехчленной формулы: православіе, сомодержавіе и народность—и такъ же точно говорятъ социалисты-революціонеры. Инициатива созыва ноябрьскаго съѣзда принадлежала послѣднимъ и выработанный съѣздомъ постановленія весьма близки къ ихъ партійной программѣ. Высказать, однако, о крестьянскомъ союзѣ наше окончательное сужденіе мы пока воздерживаемся.

Нелегко будетъ русскому обществу перейти къ правовому порядку и проникнуться чувствомъ законности.

Не такъ давно, въ одной мѣстной коллегіи смѣшаннаго состава возникъ споръ о соотношеніи между данной коллегіей и другой, вѣдающей тѣ же дѣла, только въ иномъ порядкѣ и въ иномъ объемѣ. Въ засѣданіи участвовалъ свѣжій человѣкъ, впервые вступившій въ число членовъ коллегіи. Онъ раскрылъ соотвѣтственный законъ и прочелъ двѣ-три статьи, исключаящія всякую возможность возникновенія спора. Онъ недоумѣвалъ, почему люди спорять, какъ могутъ опытные въ дѣлѣ чиновники не знать закона. Оказалось, что присутствовавшіе много разъ законъ читали и отлично его знаютъ, но...

— Этотъ законъ не дѣйствуетъ, отмѣненъ, — уничтожающе отрѣзалъ уѣздный авторитетъ. Въ тонѣ голоса слышалось глубокое презрѣніе къ мнѣшему себя юристомъ профану.

— Когда, кѣмъ?

— Уже годъ назадъ, циркуляромъ его превосходительства такого-то.

И профану показали длинную и, какъ всегда бываетъ, туманную бумагу. Прямо въ ней не говорилось ни да, ни нѣтъ. Но изъ-за красоты канцелярскаго слога ясно сквозило желаніе, чтобы законъ не дѣйствовалъ.

Эпизодъ весьма характерный. Дебри нашего права, за время вѣкового неограниченнаго господства бюрократіи, обросли дремучими лѣсомъ явныхъ, а еще болѣе тайныхъ инструкцій, циркуляровъ, толкованій, разъясненій и т. д. Судья не вдумывается въ законъ. Когда онъ рѣшаетъ казусный случай, то обращается въ ищейку и часами роется въ своей памяти, въ справочныхъ изданіяхъ и въ ворохахъ кассационныхъ рѣшеній, въ надеждѣ найти подходящій номерокъ — опубликованный или неопубликованный. Администраторъ, главная задача котораго нюхать воздухъ, дабы дѣйствовать сообразно поминутно мѣняющимся и трудно осязаемымъ „видамъ правительства“ — этотъ уже прямо боится закона. Нарушишь законъ, но исполнишь волю начальства — начальство заступится и еще въ утѣшеніе за неприятности отъ какого-нибудь клauзника представитъ къ наградѣ. Нарушишь волю начальства или сдѣлаешь вопреки „видамъ правительства“, хотя бы и на точномъ основаніи закона — не жди ни награды, ни повышеній. Еще самъ прослывешь клauзникомъ. „Я вамъ дѣло говорю, а вы мнѣ на законъ тычете“ — было любимой фразой одного умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ администратора, своей безпримѣрно блестящей служебной карьерой доказавшаго житейскую непреложность непонятнаго для иностранца афоризма.

Отвлеченную теоретичность законодательныхъ опредѣленій позналъ и обыватель. Въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ очень

трудно бываетъ доказать правоту своего сужденія ссылкой на законъ или его логическимъ разборомъ. У слушателей всегда копшится сомнѣніе: а нѣтъ ли сенатскихъ рѣшеній, не было ли министерскаго циркуляра. И чрезвычайно рѣдко, при конфликтѣ закона съ разъясненіемъ, постановленіе выносится на основаніи закона, а не на основаніи циркуляра или рѣшенія. Развѣ только по крупнымъ принципиальнымъ вопросамъ, когда земство или городская дума впередъ отваживаются идти на многолѣтнюю волокиту протестовъ и обжалованій.

Единственная цѣль инструкцій или циркуляра изъяснить, въ порядкѣ подчиненнаго управленія, условія примѣненія закона. Единственное оправданіе — въ неясности законодательнаго текста. Бюрократія же въ циркулярахъ и инструкціяхъ нашла легкой и вѣрный способъ, подъ флагомъ „изъясненія“, законъ измѣнять. Любопытный примѣръ изъ времени управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина. Министерство входило съ представленіемъ въ государственный совѣтъ о томъ, чтобы уѣздныя земскія собранія оканчивали свои очередныя сессіи до 1 октября, а губернскія — до 1 декабря. Государственный совѣтъ представленіе видоизмѣнилъ, и въ 1901 году послѣдовало изданіе закона, Высочайшей властью утвержденнаго, согласно коему сессіи уѣздныхъ собраній должны начинаться не позже 1 октября, а губернскихъ — не позже 1 декабря. Казалось бы, что можетъ быть яснѣе? Министерство же, почти одновременно съ опубликованіемъ новаго закона, сочло нужнымъ „въ изъясненіе“ его циркулярно предложить губернаторамъ принять мѣры къ тому, чтобы уѣздныя собранія оканчивали сессіи до 1 октября и губернскія до 1 декабря. Комментировать циркуляръ излишне. Что страннаго, если въ глазахъ уѣзднаго чиновничества циркуляръ начальства всегда съ успѣхомъ конкурируетъ съ опредѣленіями свода законовъ!

Излюбленнымъ дѣтищемъ администраціи вотъ уже 15 лѣтъ неизмѣнно являются земскіе начальники. За это время перемѣнилось шесть министровъ. И хотя всѣ они болѣе или менѣе одинаково любовно относились къ давящему „деревню“ институту, но каждый обязательно вкладывалъ свое „я“ въ обезпеченіе его неприкосновенности и въ упорядоченіе дѣятельности мѣстныхъ судей-администраторовъ. Естественно, что циркуляровъ о земскихъ начальникахъ и для земскихъ начальниковъ накопилось неисчислимое множество. То-щее „Положеніе“ 1889 г., въ изданіи частныхъ предпринимателей, снабдившихъ его подстатейными разъясненіями, обратилось въ огромный, увѣсистый томъ.

Но пока, все-таки, былъ только одинъ томъ. А теперь положено начало второму. Изданъ наказъ земскимъ начальникамъ, заключающій

въ себѣ сотни статей. И не успѣлъ еще никто наказа хорошенько прочесть, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ опубликовалъ циркуляръ (отъ 31 августа 1905 г., № 30) губернаторамъ „о введеніи въ дѣйствіе наказа“. Получилась инструкція объ инструкціи, циркуляръ о циркулярѣ. Яснѣ ли отъ того сталъ законъ?

Циркуляръ, между прочимъ, пытается ввести въ границы произвольныхъ земскихъ начальниковъ. Отправною точкою для разсужденій по этому предмету служить „признаніе ихъ властью правительственной“. „Изъ этого начала непосредственно вытекаетъ обязанность земскихъ начальниковъ слѣдовать въ своихъ дѣйствіяхъ общему порядку и цѣлямъ правительственной дѣятельности, не поставляя, вмѣсто нихъ, ни собственнаго, хотя бы и благожелательнаго, усмотрѣнія, ни безотчетнаго и постоянно мѣняющагося способа дѣйствій“.

Поэтому, — продолжаетъ циркуляръ, — какъ внѣшнія процессуальныя формы дѣятельности земскихъ начальниковъ, „такъ и внутреннее ея содержаніе“, должны быть повсемѣстно однородны, „не завися отъ личныхъ соображеній отдѣльныхъ исполнителей“. „Такому положенію отнюдь не противорѣчатъ предоставленныя земскимъ начальникамъ, согласно дѣйствующему закону, нѣкоторыя дискреціонныя полномочія. Подобнаго рода полномочія являются вообще непремѣнной принадлежностью административной дѣятельности, которая состоитъ, въ известной части, въ приложеніи административныхъ полномочій къ непрерывно мѣняющимся явленіямъ, ускользающимъ по своему свойству отъ точной регламентаціи закона. Примѣненіе такихъ полномочій, однако, только тогда можетъ быть почитаемо законнымъ, когда оно происходитъ въ опредѣленныхъ, указанныхъ закономъ, рамкахъ и цѣляхъ“.

Что представляютъ собой приведенныя слова? Правила для руководства, или теоретическое разсужденіе въ категорической формѣ о болѣе чѣмъ спорныхъ положеніяхъ?

Создать внѣшнія однородныя процессуальныя условія дѣятельности нетрудно, и наказъ это дѣлаетъ. Но какъ сдѣлать, чтобы была однородна дѣятельность земскихъ начальниковъ „и по внутреннему содержанію“, когда опредѣляющимъ его началомъ служить не законъ, а „общій порядокъ и цѣли правительственной дѣятельности“, нигдѣ и никѣмъ не формулированныя — остается такой же неразрѣшимой загадкой, какою были и до циркуляра всѣ соображенія объ ограниченіи произвола земскихъ начальниковъ.

Съ другой стороны, циркуляръ несомнѣнно отступаетъ отъ буквы и духа „Положенія“ 1889 года. „Собственное благожелательное усмотрѣніе“ неразрывно связано съ той степенью дискреціонныхъ полномочій, какими снабжены земскіе начальники. Циркуляръ заблуждается,

прилагая къ земскимъ начальникамъ общія нормы административной дѣятельности. Будучи властными „попечителями“ крестьянъ и обладая дисциплинарными правами надъ лицами, не состоящими на службѣ, они занимаютъ совершенно обособленное положеніе, не допускающее ни сопоставленій, ни обобщеній.

Тотъ же циркуляръ констатируетъ многіе давно извѣстные неприглядные факты дѣятельности земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ сѣздовъ. Послѣдніе, значится въ циркулярѣ, обратились въ учрежденія, огульно утверждающія постановленія земскихъ начальниковъ и огульно же оставляющія безъ уваженія приносимыя на нихъ жалобы. И въ этомъ отношеніи соображенія циркуляра суть отвлеченныя разсужденія. Причина явленія лежитъ слишкомъ глубоко: въ принципахъ, на которыхъ покоятся основы образованія уѣздныхъ сѣздовъ.

То обстоятельство, что циркуляръ отъ 31 августа проникнутъ лучшими желаніями измѣнить законъ 1889 г., въ смыслъ ограниченія висящаго надъ несчастной „деревней“ произвола, отнюдь не располагаетъ въ его пользу. Ближайшимъ его слѣдствіемъ будетъ еще болѣшая путаница и разнъ въ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ. Дефекты закона можно исправлять только закономъ же. Особенно это приложимо къ институту земскихъ начальниковъ. Его исправлять нельзя, его необходимо упразднить. Манифестъ 17 октября рѣшилъ судьбу земскихъ начальниковъ безповоротно.

Два курьеза изъ газетъ.

Одна газета занесла на свои страницы слѣдующую сценку, происходившую на Садовой улицѣ, 27 октября:

„Вокругъ посыльнаго собралась толпа хулигановъ, оживленно о чемъ-то бесѣдовавшихъ. По временамъ изъ толпы раздавался голосъ посыльнаго:

— Господа православные, соединяйтесь, организуйтесь и тому подобное, объединяйтесь, кто какъ можетъ, ибо необходимо вырѣзать всѣхъ студентовъ, курсистокъ и жидовъ. Въ противномъ случаѣ они захватятъ власть и устранятъ православную вѣру.

Объ ораторскихъ талантахъ посыльнаго однимъ изъ свидѣтелей доведено до свѣдѣнія прокурора с.-петербургскаго окружного суда“.

Какъ назвала бы газета свидѣтеля и его поступокъ, если бы посыльный говорилъ наоборотъ?

Въ другой газетѣ, отъ 16 ноября, на первой страницѣ (не въ отдѣлѣ объявленій) было напечатано крупнымъ шрифтомъ: „Группа сознательныхъ матросовъ всѣхъ экипажей, расположенныхъ въ С.-Петербургѣ, объявляетъ бойкотъ кондуктору Шарову“. На слѣдующій

день газета сообщила, что кондукторъ Шаровъ состоитъ рулевымъ на какомъ-то военномъ суднѣ.

Итакъ, читатель, знайте: есть на свѣтѣ кондукторъ Шаровъ (немного больше матроса и много меньше мичмана) и помните, что онъ долженъ почитаться „яко же умре“—группа „сознательныхъ“ матросовъ этого отъ васъ требуетъ... Изъ всего серьезнаго можно сдѣлать смѣшное!

Въ истекшемъ мѣсяцѣ скончались И. М. Сѣченовъ, В. В. Лесевичъ и А. Л. Шанявскій.

И. М. Сѣченовъ былъ въ одно и то же время и ученымъ, двигающимъ впередъ свою науку, и популяризаторомъ, знакомящимъ съ нею широкіе общественные круги ¹⁾. Какъ профессоръ, онъ не разъ встрѣчалъ преграды, заставлявшія его переходить изъ одной высшей школы въ другую. Не свободной отъ препятствій была и его литературная дѣятельность. Его статья: „Попытка ввести фізіологическія основы въ психологическіе процессы“, написанная въ 1863 году, не была допущена къ печати въ „Современникѣ“; цензурное вѣдомство нашло возможнымъ только помѣщеніе ея въ медицинскомъ или другомъ специальномъ журналѣ, и то не иначе, какъ подъ условіемъ измѣненій и сокращеній. Неудобнымъ было найдено, между прочимъ, самое заглавіе статьи, какъ слишкомъ ясно указывающее на конечные ея выводы. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда вступилъ въ дѣйствіе новый законъ о печати, эта статья, слегка измѣненная, была напечатана въ видѣ книги, подъ заглавіемъ: „Рефлексы головного мозга“. Министерство внутреннихъ дѣлъ распорядилось арестованіемъ этой книги и сообщило прокуратурѣ о возбужденіи противъ автора судебного преслѣдованія. Прокуроръ с.-петербургской судебной палаты не нашелъ въ книгѣ Сѣченова ничего противозаконнаго; его поддержалъ министръ юстиціи, и въ концѣ концовъ пересталъ настаивать на преслѣдованіи и министръ внутреннихъ дѣлъ. „Рефлексы головного мозга“ вышли въ свѣтъ послѣ ареста книги, продолжавшагося болѣе года. Нѣсколько лѣтъ спустя ихъ постигла бы, безъ сомнѣнія, иная участь: при дѣйствіи закона 1872-го года они были бы уничтожены комитетомъ министровъ.

¹⁾ Въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатаны слѣдующія статьи И. М. Сѣченова: 1) Фізіологія растительныхъ процессовъ (1870, окт., нояб. и дек.). 2) Замѣчанія на книгу г. Кавелина: „Вопросы психологіи“ (1872, нояб.). 3) Кому и какъ разрабатывать психологію (1873, апр.). 4) Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на „Письма г. Кавелина“ (1874, июль). 5) Элементы мысли (1878, мартъ, апр.). 6) Ученіе о несвободѣ воли, съ практической стороны (1881, янв.). 7) Научная дѣятельность русскихъ университетовъ по естествознанію (1883, нояб.). 8) Впечатлѣнія и дѣятельность (1890, май).

В. В. Лесевичъ, какъ и И. М. Сѣченовъ, оставилъ военную службу, чтобы предаться научнымъ занятіямъ, а сначала, пока это было для него возможно—и общественной дѣятельности. Много лѣтъ сряду онъ провелъ въ вынужденныхъ переездахъ изъ одного города въ другой, уменьшившихъ сумму его труда, но не повліявшихъ на его направление. Онъ много сдѣлалъ для ознакомленія русскаго общества съ тѣми теченіями западно-европейской мысли, которыя могутъ быть объединены подъ именемъ научной философіи. Его уважали и цѣнили даже такіе теоретическіе его противники, какъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

Имя А. Л. Шанявскаго, мало извѣстное при его жизни, займетъ видное мѣсто въ исторіи народнаго образованія въ Россіи. Много сдѣлавъ для сибирскихъ школъ и для женскаго медицинскаго института, онъ закончилъ свою дѣятельность крупнымъ пожертвованіемъ въ пользу свободнаго университета, открытіе котораго, благодаря ему, предстоитъ въ близкомъ будущемъ. На это же дѣло завѣщано имъ и все остальное его состояніе, за исключеніемъ пожизненнаго обезпеченія близкихъ ему людей.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1905 ГОДУ.

Въ 1905-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подлинки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Харьковск..	217	23. Волынская .	59	45. Обл. В. Дон.	48
2. Кіевская. .	184	24. Московская .	59	46. Кубанск. об.	46
3. Херсонск. .	182	25. Тульская . .	58	47. Терская об.	46
4. Екатериносл.	132	26. Воронежск..	58	48. Казанская .	46
5. Саратовск. .	109	27. Бакінская .	56	49. Минская. .	46
6. Тифлисская.	109	28. Закасп. об.	56	50. Сибирская. .	44
7. Варшавск. .	108	29. Рязанская .	56	51. Тобольская .	44
8. Черниговск.	99	30. Томская . .	54	52. Кутаисская. .	42
9. Таврическ. .	98	31. Гродненская	52	53. Псковская .	42
10. Полтавская.	93	32. Самарская .	52	54. Ковенская .	42
11. Тамбовская.	80	33. Владимірска.	52	55. Астраханск.	41
12. Курская. .	78	34. Вятская . .	52	56. Сыръ-Д. об.	40
13. Бессарабск.	70	35. Лифляндск.	52	57. Оренбургск.	40
14. Иркутская .	69	36. Пред. Китая.	52	58. Виленская .	40
15. Смоленская.	64	37. Костромская	49	59. Уфимская .	38
16. Подольская.	63	38. Ярославская	49	60. Пензенская .	36
17. Орловская .	63	39. Калужская .	49	61. Ломжинская.	36
18. Тверская . .	63	40. Витебская .	49	62. Енисейская .	35
19. Новгородск.	63	41. Амурск. об.	49	63. Эстляндская.	30
20. Забайк. об.	62	42. Нижегород.	49	64. Вологодская.	30
21. Пермская. .	62	43. Примор. об.	48	65. Акмол. об.	28
22. С.-Петербург.	62	44. Могилевск. .	48	66. Карская об.	27

67. Люблинская	26	78. Семирѣч. об.	18	89. Кѣлецкая.	12
68. Архангельск.	24	79. Сѣдлецкая .	18	90. Якутск. об.	11
69. Елисаветпол.	23	80. Олонецкая .	18	91. Вазаская .	10
70. Эриванская.	22	81. Радомская .	18	92. Тургайск. об.	8
71. Курляндск.	22	82. Черном. окр.	17	93. С.-Михельск.	8
72. Плоцкая .	21	83. Семипал. об.	16	94. Тавастгусск.	8
73. Самарк. об.	21	84. Ферган. об.	16	95. Або-Бьернеб.	3
74. Ставропольск.	20	85. Выборгская.	16		
75. Петроковск.	20	86. Уральск. об.	15		4.630
76. Сувалкская.	20	87. Нюландская.	14		
77. Дагест. обл.	18	88. Калишская.	12		

II. Въ С.-Петербургѣ 1.090

III. Въ Москвѣ 524

IV. За границей 148

Всего: экз. 6.392

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

ВЪ 1905 ГОДУ.

✕ **АКТЫ**, относящіеся къ памятнымъ октябрьскимъ днямъ (нояб., 342).

✕ **Арсеньевъ, К. К.**, и **Стасюлевичъ, М. М.**—Записка 14 редакцій и отвѣтъ на нее двухъ членовъ Особого Совѣщанія по дѣламъ печати (мартъ, 372).

В—на, В. И.—Махровые лепестки, пов. (окт., 480; нояб., 53).

Воборыкинъ, П. Д. — Минотавръ, пов. (январь, 49).

Вѣлоусовъ, Ив.—Изъ Конопницкой, стих., въ перев. (январь, 349).

✕ **Васюковъ, С.**—Русская община на Кавказско-Черноморскомъ побережьѣ (дек., 560).

В., З. — Стрелатель, ром., съ нѣм. (январь, 212; февраль, 640). Женщина съ вѣромъ, ром., съ англ. (мартъ, 190; апр., 643; май, 198). Пламенные души, ром., съ нѣм. (июнь, 637; июль, 185; августъ, 638). „Одержимые“, эскизъ по ром. „Les Obsédés“ (сентябрь, 155). Черная

змѣя, ром. Le Serpent noir (окт., 630; нояб., 229, дек., 649).

✕ **Веселовскій, Алексѣй.** — Этюды о байронизмѣ. Ч. I: Западная литература (январь, 261). Ч. II: Польская литература (апр., 695). Ч. III: Русская литература (нояб., 174).

✕ **Ворононовъ, Ѳ. Ѳ.** — Крестьянскій банкъ и его начало. Изъ личныхъ воспоминаній (дек., 507).

Газенкампфъ, М. А.—Мой дневникъ на войнѣ 1877 — 78 гг. — 1877-й годъ (апр., 457; май, 5; июнь, 449; июль, 43; августъ, 433; сентябрь, 5).

Гайдебуровъ, П. П. — „Я вѣрю“, стих. (февраль, 807).

Георгіевскій, Г.—Гоголь въ Оптиной пустынѣ (дек., 710).

✕ **Герье, В. И.**—Августинъ въ исторіи монашества и аскетизма (январь, 5; февраль, 551). Изъ прошлаго конституціонныхъ вопросовъ о народовластіи (май, 371). По поводу государственныхъ выборовъ (октябрь, 846). Христіанскій епи-

скомъ на границѣ IV-V вѣковъ (нояб. 5; дек., 603).

Государственные акты 6-го августа (сент., 320).

Гутьяръ, Н.—Творчество И. С. Тур-генева, процессъ его и приемы (окт., 681).

Дмитріева, В. І.—Филиппъ Ивано-вичъ Касаткинъ, пов. (дек., 457).

Друцкой-Сokolьниноскій, кн. Дм.—Брестыянское дѣло. Письмо въ Редакцію (июнь, 855). Изъ деревни (дек., 763).

Дусинскій, Ив.—По поводу статьи Поля Гиро: „О римскомъ империализмѣ“ (сент., 411).

Жемчужниковъ, А. М.—Скерцо на гражданскіе мотивы (окт., 731).

Захарыничъ, Ив. (Якунинъ).—Гра-финя А. А. Толстая (апр., 615).

Зѣлинскій, О. Ф.—Гермесъ Трижды-Великій, „Соперникъ христіанства“ (февр., 696; мартъ, 244).

Ивановскій, В. В.—Совѣщательное народное представительство (сент., 207).

Игуменовъ, С.—Земская медицина (авг., 769).

Катаевъ, Н.—Народная бѣдность и ея причины“ (сент., 266).

К—е, А.—Первый кліентъ, разсказъ (июль, 88).

Клеменцъ, Дм.—Замѣтка (дек., 851).

Костылевъ, Н.—Народное просвѣ-щеніе и католическая реакція во Фран-ціи (июль, 5).

Красноперовъ, И.—Отрывки изъ воспоминаній. Шестидесятые годы (дек., 584).

Крюковъ, Н. А.—Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ. По личнымъ наблюде-ніямъ (мартъ, 318).

Кулябко-Корецкій, Н.—Первый шагъ рабочаго законодательства въ Болгаріи (апр., 814).

Л., Евг.—По поводу книги г. Анич-

кова: „Литературные образы и мнѣ-нія“ (январь, 419).

Лебедевъ, Б.—Изъ „Разсказовъ пра-порщика Столя“, І. Л. Рунеберга. Съ швед. (июнь, 558).

Лубинскій, М. О.—„Вѣрный путь“, разск. (авг., 498; сент., 45).

Ляцкий, Евг. А.—Въ звездную ночь. Изъ поѣздки въ Полѣсье (июнь, 533).

Мартенсъ, О. О.—Александръ І и Наполеонъ І. Последніе годы ихъ дружбы и союза (февр., 609; мартъ, 110; апр., 562).

Межерингеръ, П.—„Теракоя“ или „Деревенская школа“. Японская драма (авг., 578).

Миличъ, Е. М.—Изъ Виктора Гюго: I—III (январь, 172). I. Въ неволѣ; II. Глу-бокою зимой, стих. (февр., 607).

Надинъ, Н.—Пятидесятилѣтніе Амур-скаго края (май, 166; июнь, 496).

Некрологъ.—А. Н. Пыпинъ (январь, 444).

Никольскій, Викторъ.—Мѣдный бунтъ. Іюль 1662 года. Истор. разсказъ (июнь, 601).

Никольскій, Д. П.—Русскій рабочій по отчетамъ фабричной инспекціи (сент., 285).

Новиковъ, А.—По совѣсти, ром. (февр., 510; мартъ, 59; апр., 506; май, 106).

Оболенскій, Л. Е.—Габріель Тардъ и его соціологическая и философская система (авг., 606; сент., 124). Изъ поѣздки въ Саровъ (окт., 588; нояб., 94).
Осиповъ, И.—Избирательное право въ германской имперіи и въ отдѣль-ныхъ ея государствахъ (июнь, 567).

Погодина, В.—Музыкальная ба-рышня, пов. (нояб., 112).

Пустовойтенко, Кс.—Встрѣчи, пов. (сент., 95).

Пыпинъ, А. Н.—Мои замѣтки. Лѣто 1900 г.—Іюнь 1904 г. (февр., 469; мартъ, 5).

✓ **Радловъ, Э.** — Мистицизмъ Вл. С. Соловьева (нояб., 281).

Рускинъ, Л. — Пасха на Капри (окт., 517).

Сер-вицъ, В. И. — Германскіе университеты и наши (май, 55).

Слонимскій, Л. З. — Тяжелые уроки (мартъ, 341). О современном кризисѣ (іюнь, 754). Бюрократія и народное представительство (сент., 310). Народное представительство и правовой порядокъ (окт., 736).

Тверской, П. А. — Президентъ Рузвельтъ и внутренняя его политика (іюль, 283).

Тепляковъ, В. — Записки о Сирин и Палестинѣ (окт., 448).

Тернеръ, Э. Г. — Дворянство и землевладѣніе (авг., 470; сент., 67).

Толстая, гр. А. А. — Поля. Изъ воспоминаній орловскаго помѣщика М. И. Пущинскаго (окт., 559).

Толстой, гр. А. К. — Дневникъ: 1831 годъ (январь, 143). Изъ дружеской его переписки: I. Письма Ивана Аксакова. II. Письма гр. Влад. Соллогуба (окт., 441).

Тотоміанцъ, В. Э. — Кооперативное движеніе въ Россіи, по „Трудамъ мѣстныхъ комитетовъ“ (іюнь, 684).

Тумановъ, Г. М. — Итоги недавняго кавказскаго управленія (февр., 326).

Ч., О. — Гражданская смерть, разск., съ нѣм. (январь, 312). На вѣткѣ, ром., съ франц. (февр., 726; мартъ, 272). Два Эрота, эск. съ франц. (апр., 731). Маркизь-философъ, съ франц. (май, 292; іюнь, 710). Дж. Тальботъ изъ Санта-Урсулы (іюль, 258). Искатели клала, ром., съ англ. (авг., 707; сент., 222). Въ розовомъ цвѣтѣ, разск. W. Weigand (окт., 699). Царекъ, разск. G. Atherton (нояб., 295). Жатва, ром. Frein v. Bellow (дек., 719).

Чарушинъ, Л. — Переселенческое дѣло въ Россіи (іюль, 139; августъ, 529).

Шепелевичъ, Л. Ю. — Трехсотлѣтіе „Донъ Кихота“ (май, 328). Хозе де Перда (нояб., 319).

Юнге, Ек. Э. — Изъ моихъ воспоминаній. 1843—1860 гг. (февр., 767; мартъ, 138; апр., 763; май, 256).

Яроцкій, Александръ. — Природа человека по Мечникову (іюль, 235).

✓ **Ярошевичъ, Д. О.** — Наше земство и экономическія его предпріятія (іюль, 312).

Эриксонъ, Э. В. — Китайцы, какъ самостоятельная раса. По личнымъ наблюденіямъ (январь, 174).

Хроника.

I. Внутреннее Обзорѣніе. — Январь (стр. 352): — Именной Высочайшій указъ 12-го декабря. — „Правительственное сообщеніе“. — Записка С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу. — Тревога, возбужденная ею въ нѣкоторыхъ органахъ печати. — „Духъ сословности“ и мнимосословная льгота. — Проектъ сельскаго устава о наслѣдованіи. — Реформа губернскаго управленія. — Письмо къ редактору Н. А. Зиновьева. — А. А. Книричъ †. — Февраль (стр. 808): — Правительственные сообщенія о событіяхъ 9-го и 10-го января. — Учрежденіе с.-петербургскаго генераль-губернаторства. — Объявленіе министра финансовъ и суб. генераль-губернатора. — Приемъ Государемъ Императоромъ рабочихъ въ Царскомъ Селѣ. — Телеграммы „Agence latine“. — Неразрѣшенныя недоумѣнія. — Комитетъ министровъ объ усиленной охранѣ. — Рабочій вопросъ, какъ часть общаго вопроса о будущемъ Россіи. — Порядокъ осуществленія указа 12-го декабря. — Земскія и дворянскія собранія. — Отставка кн. Святополкъ-Мирскаго. — Мартъ (стр. 353): — Высочайшій манифестъ 4-го февраля. — „Политика довѣрія“ и „политика порядка“. — Газетный призывъ къ репрессіямъ и казнямъ. — Мнимыя послѣдствія „уступокъ“. — Мнимо-счастливая эпоха. — Идея земскаго собора; ея несвоевременность или своевременность, неосуществимость или осуществимость. — Положенія комитета министровъ по вопросамъ о земскомъ и городскомъ самоуправленіи, о печати, о вѣротерпимости. — Комиссія Н. В. Шидловскаго. — Записки по рабочему вопросу. — Апрельъ (стр. 795): — Главный вопросъ дня. — Составъ и задача совѣщанія, образованнаго на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля. — Различныя взгляды на способъ организаціи перваго представительнаго собранія: проекты барона П. Л. Корфа, г. Н. З. и В. Д. Кузьмина-Караваева. — Переходный порядокъ или сразу всеобщая, равная и прямая подача голосовъ? — Будущая судьба фабричной инспекціи. — Законопроекты по рабочему вопросу. — Май (стр. 341): — Упраздненіе Особого Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. — Историческая параллель. — Совѣщаніе И. Л. Горемыкина и вѣроятная судьба

крестьянскаго вопроса. — Оригинальная децентрализація. — Новые проекты организаціи народнаго представительства. — Можно ли считать всеобщую и прямую подачу голосовъ политической панацеей? — Необходимость безотлагательнаго осуществленія Высочайшаго рескрипта 18-го февраля. — Іюнь (стр. 772): — Переѣздна къ лучшему въ положеніи польско-литовскаго населенія Западнаго края. — Упраздненіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. — Совѣщаніе по аграрнымъ вопросамъ. — Мнѣніе М. М. Ковалевскаго о прямыхъ выборахъ и объ ограниченіяхъ избирательнаго права. — Профессоръ Ивановскій о всеобщей подачѣ голосовъ. — Псковское чрезвычайное губернское земское собраніе и совѣщаніе гофмейстера Булыгина. — Странныя противорѣчія. — Іюль (стр. 332): — Историческій день 6-го іюня. — Рѣчь кн. С. Н. Трубецкаго и комментаріи къ ней. — Рефератъ П. А. Некрасова о „Новой Палатѣ“. — Финляндія и государственная дума. — Министерство полиціи. — Характерное дѣло. — „Московская Недѣля“ и тульская брошюра. — Послѣднія положенія комитета министровъ. — Августъ (стр. 748): — Высочайшіе приемы 18-го и 21-го іюня. — Рѣчи членовъ „отечественнаго союза“. — „Бытовая группа“ и „преобладающей голосъ“. — Основные черты официально проектируемой Государственной Думы. — Абсентеизмъ или участіе въ выборахъ? — Военное положеніе и „законный терроръ“. — Законъ, охраняющій законность. — Заявленіе польскихъ національно-демократическихъ группъ въ совѣтъ министровъ. — Сентябрь (стр. 343): — Государственные акты 6-го августа. — Главныя различія между учрежденіемъ Государственной Думы и первоначальнымъ его проектомъ. — Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу; недостаточное число выборщиковъ, обособленность выборщиковъ-крестьянъ. — Условія, безъ которыхъ невозможно правильное производство выборовъ. — Необходимость скорѣйшаго пополненія пробѣловъ, оставшихся въ положеніи о выборахъ. — Отмѣна указа, даннаго 18-го февраля правительствующему сенату. — Неурожай въ тульской губерніи. — Вопросъ о смертной казни несовершеннолѣтнихъ. — Октябрь (стр.

745):—Положеніе русскаго крестьянства по даннымъ официальной „Коммиссіи о центрѣ“. — Д. Рихтера. — Ноябрь (стр. 360):—Высочайшій манифестъ 17-го октября.—Почему онъ не положилъ конецъ тревожному настроенію? —Возможное отношеніе къ Государственной Думѣ. —Значеніе учредительнаго собранія. — „Либеральные элементы“ и пролетаріатъ. —Трагизмъ переживаемой минуты. —Программа конституціонно-демократической партіи. —Положеніе о совѣтѣ министровъ. —Амнистія. —Правила о публичныхъ собраніяхъ. — Кн. С. Н. Трубецкой †. —Post-scriptum. —Декабрь (стр. 782):—Быстрая смѣна тревожныхъ событий —Инструкція генералъ-адъютантамъ, посланнымъ въ волнующіяся губерніи. —Манифестъ 3-го ноября. —Необходимость широкой аграрной реформы. —Военное положеніе въ царствѣ польскомъ. —Резолюція ноябрьскаго общеземскаго съѣзда. —Новыя формы гнета и нетерпимости.

II. Иностранное Обзорѣіе. —Январь (стр. 371):—Политическія событія истекшаго года. —Русско-японская война. —Ходъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ. —Печальная судьба нашего флота. —Балтійская эскадра и патріотическія разъясненія капитана Кладо. —Настроеніе въ Японіи и японскій парламентъ. —Политическія дѣла въ западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ. —Февраль (стр. 834): —Паденіе Портъ-Артура и шансы дальнѣйшей кампаніи. —Причины и условія японскихъ успѣховъ. —Вопросъ о возможномъ мирѣ на Дальнемъ Востоцѣ. —Трудное международное положеніе Россіи. —Стачка горнорабочихъ въ Вестфалии. —Русско-германскій торговый договоръ. —Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи и во Франціи. —Пренія французской палаты депутатовъ и франко-русскія демонстраціи. —Мартъ (стр. 375): —Вопросъ о мирѣ и военныхъ дѣйствіяхъ. —Положеніе дѣлъ на театрѣ войны. —Международная коммиссія по поводу инцидента въ Сѣверномъ морѣ и ея заключительные выводы. —Странныя газетныя сообщенія. —Засѣданія британскаго парламента. —Торговые договоры и русско-германскій протекціонизмъ. —Апрѣль (стр. 829):—Мукденская катастрофа и ея значеніе. —Дѣятельность генерала Куропаткина и его штаба. —Вопросъ о продолженіи войны. —Особенности газетнаго патріотизма. —Сообщенія относительно предпріятій на р. Ялу. —Недоумѣнія и вопросы. —Наши финансы и заграничные кредиторы. —Предложеніе издателю „Times“. —Май, (стр. 359):—Пруссіе и германскіе политическіе порядки, сравнительно съ на-

шими. —Вильгельмъ II, какъ „ограниченный“ правитель. —Марокскій вопросъ и неожиданно новая его постановка. —Вліяніе русскихъ неудачъ на общую политику въ Европѣ. —Внутреннія дѣла во Франціи. —Іюнь (стр. 792): —Отзывы Вильгельма II о причинахъ нашихъ неудачъ. —Разсужденія полковника Гедке. —Недоумѣнія иностранной печати по отношенію къ русскимъ дѣлѣ. —Патріотическія фантазіи и ихъ послѣдствія. —Печальная судьба балтійской эскадры. —Вопросъ объ ответственности и толки о будущемъ мирѣ. —Іюль (стр. 350):—Значеніе и послѣдствія цусимскаго боя. —Запоздавшее крѣпостство. —Газетные толки о войнѣ и мирѣ. —Паденіе франко-русскаго союза и мароккскій конфликтъ. —Политическіе кризисы въ Скандинавіи и Венгріи. —Августъ (стр. 782):—Переговоры о мирѣ. —Новые представители нашей дипломатіи: Н. В. Муравьевъ и С. Ю. Витте. —Вопросъ объ окончаніи войны и о возможныхъ условіяхъ мира. —Воинственныя консервативно-патріотическія заявленія. —Международная дѣятельность Вильгельма II. —Внутреннія дѣла въ Англіи и во Франціи. —Сентябрь (стр. 315):—Заключеніе мира съ Японіею. —Ходъ переговоровъ въ Портсмутѣ. —Спорные вопросы объ условіяхъ мира. —Правительственное сообщеніе. —Особенности японской дипломатіи и причины нашего успѣха. —Роль президента Рузвельта и заслуга статсъ-секретаря Витте. —Политическія перспективы на Дальнемъ Востоцѣ. —Октябрь (стр. 780):—Новый союзный договоръ между Англіею и Японіею. —Общіе результаты мира. —Дипломатическіе успѣхи статсъ-секретаря С. Ю. Витте. —Старые грѣхи нашей международной политики —Ноябрь (стр. 375):—Портсмутскій мирный договоръ. —„Заслуги“ графа Ламздорфа. —Разоблаченія военныхъ порядковъ. —Значеніе войны для нашихъ внутреннихъ дѣлъ. —Международныя послѣдствія нашей мирной революціи. —Политика Вильгельма II. —Новая попытка оправданія манчжурской затѣи. —Декабрь (стр. 796): —Военныя дѣйствія внутри страны и возможное обсужденіе ихъ на Гаагской конференціи. —Несвоевременная дипломатическая кампанія противъ Турціи. —Политическія реформы и событія въ Австро-Венгріи. —Французскія дѣла. —Новый король.

III. Литературное Обзорѣіе. —Январь (стр. 389):—І. Н. Гаринъ, Корейскія сказки. —G. Ducrocq, Pauvre et douce Corée. —А. П. —Н. А. В. Никитенко, Записки и Дневникъ. —III. В. Стояновъ, О преподаваніи русской литературы. —

IV. С. К. Булицъ, Очеркъ исторіи языко-знанія въ Россіи. — V. П. И. Шукинъ, Шукинскій Сборникъ и пр.—VI. Л. Шепелевичъ, Историко-литературные этюды. —VII. На вичу пам'ять Котляревскому. —Евг. Л. —VIII. С. Н. Прокоповичъ, Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. —IX. В. А. Космискій, Къ вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. —X. Очерки по крестьянскому вопросу, п. р. проф. А. Мануилова, вып. II.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Февраль (стр. 850):—I. Лекціи по русской исторіи проф. С. Платонова. —II. Василенко, Н. П., О. М. Бодянский и его заслуги для изученія Малороссіи. —III. Дневникъ Елиз. Дьяковой на высшихъ женскихъ курсахъ; Дневникъ русской женщины, ея же. —IV. Чюмина, О. Н., Драматическія сочиненія и переводы.—V. Зеленый Сборникъ стиховъ и прозы. —Евг. Л. —VI. Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Мартъ (стр. 390): —I. Богдановичъ, Т., Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи.—II. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ, В. Розенберга и В. Якушина.—III. Л. Сулержицкій, Въ Америку съ духоборами. —IV. А. Пановъ, Сахалинъ, какъ колонія. —V. Вс. Чешихинъ, Гамерлингъ, характеристика.—Евг. Л. —VI. И. Озеровъ, Экономическая Россія.—VII. Сочиненія К. Родбертусъ-Ягцеова, вып. I.—В. В.—VIII. Проф. М. Грушевскій, Очеркъ исторіи украинскаго народа.—И. Житецкаго.—Новыя книги и брошюры.—Апрѣль (стр. 843):—Н. П. Загоскинъ, Исторія Имп. Казанскаго Университета, въ 3 том. 1804—1904 г.г.—Его же, За сто лѣтъ. Биограф. Словарь профессоровъ Казан. Университета. 1804—1904 г.г.—II. Д. Нагуевскій, Профессоръ Францъ Броннеръ.—III. Въ защиту слова. Сборникъ.—IV. Сборникъ Товарищества „Знаніе“, кн. III. —V. Сенатскій Архивъ, т. XI. —VI. Александра Ефименко, Южная Русь, т. I.—VII. Статьи по славяновѣдѣнію, вып. I. —Евг. Л.—VIII. Война и наши финансы, П. П. Мигулина.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Май (стр. 389): —I. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX. —II. Русскіе портреты XVIII и XIX ст., т. I, вып. I.—III. В. В. Стасовъ, Н. Н. Ге, его жизнь, произведенія и переноска.—IV. Зин. Венгерова, Литературныя характеристики.—V. Нижегородскій Сборникъ.—Евг. Л.—VI. Русскій музей имп. Александра III, сост. бар. Н. Врангель, два тома.—W.—VII. Кустарное дѣло въ Россіи, состав. кн. О. Голицынъ, т. I,

ч. 1. — VIII. Историческій очеркъ дѣятельности херсонскаго губернскаго земства.—IX. В. Норовъ, Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Іюнь (стр. 802):—I. Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго: 1) Романъ „Что дѣлать?“. 2) Статьи по крестьянскому вопросу. —II. Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1904 г. кн. IV и V.—III. Сочиненія Чокова Валиханова.—IV. „Дума Японія“, японскіе рассказы, повѣсти и т. д. Перев. п. р. Н. Н. Азбелева.—V. Бар. Н. В. Дризентъ, Матеріалы по исторіи русскаго театра. —Евг. Л.—VI. Е. Д. Максимова, Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи бѣднымъ. —VII. Ф. И. Карповъ, Инспекція труда и охрана рабочихъ на Западѣ, ч. I.—VIII. В. Зомбартъ, Современный капитализмъ, т. II, перев. п. р. М. Курчинскаго. —В. В.—IX. „Къ вопросу объ организаціи указанія труда въ Россіи“ и „Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею“. —А. Е.—Новыя книги и брошюры.—Іюль (стр. 365):—I. Проблемы психологій. Ложь и свидѣтельскія показанія, вып. I, подъ ред. О. Б. Гольдовскаго, В. П. Потемкина и И. Н. Холчева.—II. Изъ жизни идей, научно-популярныя статьи проф. О. Зѣлинскаго.—III. П. А. Берлинъ, Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители.—IV. Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при Имп. Сиб. Университетѣ, изд. подъ ред. Б. Ф. Адлера.—V. Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Денисюкъ.—VI. Сергѣй Маковский, Собраніе стиховъ, кн. 1-я.—VII. П. Соловьева (Allegro). Иней, рисунки и стихи.—Евг. Л.—VIII. Крестьянскій строй, т. I.—IX. А. А. Корниловъ, Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи.—X. С. Н. Прокоповичъ, Къ рабочему вопросу въ Россіи.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Августъ (стр. 797):—I. Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка, т. I, составили В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Щеголевъ.—II. Записки И. Д. Якушина.—III. Антонъ Менгеръ, Новое ученіе о государствѣ.—IV. На сибирскія темы, подъ ред. М. Н. Соболева.—V. Изъ украинской старины, проф. Н. О. Сумцова.—VI. Сборникъ тов. „Знаніе“, книга VI.—VII. С. Подъячевъ, Мытаirstва. 1. Московскій работный домъ. 2. По этапу.—VIII. Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. 1904 г.—IX. Современные вопросы русскаго сельскаго хозяйства.—X. П. И. Мельгуновъ, Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII в.—XI. Н. Карышевъ, Изъ литературъ во-

проса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Сентябрь (стр. 378):—I. Андреевичъ, Опытъ философіи русской литературы.—II. А. А. Корниловъ, Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи.—III. Л. Шенелевичъ, Историко-литературные этюды.—IV. Александръ Новиковъ, Записки городского головы.—V. М. Арцыбашевъ, Разказы, томъ I.—Евг. Л.—Новыя книги и брошюры.—Октябрь (стр. 795):—I. Бельтовъ, За двадцать лѣтъ.—II. Послѣднія сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. II.—III. I. Табурно, Правда о войнѣ.—IV. Танъ, Стихотворенія.—V. Оптимистъ, Въ ожиданіи.—VI. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.—Евг. Л.—VII. Ремесла и промыслы Херсонской губерніи.—VIII. А. А. Кауфманъ, Переселеніе и колонизація.—IX. А. Кофодъ, Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ.—X. Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ.—А. Ф. Волковъ, Секретаріаты рабочихъ и палаты труда въ Западной Европѣ.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Ноябрь (стр. 393):—I. Росіевъ, П., „Общѣ знакомѣе“ и „Безъ героевъ“.—Z.—II. Луначарскій, А., Этюды критическіе и полемическіе.—III. Овсянко-Куликовскій, Д. Н., Л. Н. Толстой какъ художникъ.—IV. „Сибирскіе Вопросы, періодическій сборникъ.—V. Горленко, В., Отблески.—VI. Подъячевъ, С., Среди рабочихъ.—Евг. Л.—VII. Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи, Н. Тройницкаго.—Распредѣленіе рабочихъ и прислуги по группамъ занятій и мѣсту рожденія.—VIII. В. Норовъ, Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики.—В. В.—Новыя книги и брошюры.—Декабрь (стр. 810):—I. Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири.—II. Луговой, А., „Цѣль вашей жизни?“; пов. и разказы.—III. Петръ и Алексѣй, Д. С. Мережковскаго.—IV. Дерюжинскій, В. Ѳ., Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи.—Евг. Л.—V. Черненко, Н. Н., Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства.—В. В.—Новыя книги и брошюры.

IV. Новости Иностранной Литературы.—Январь (стр. 430):—I. Die Herzogin v. Padua, A. Wilde.—C. Nagemann, O. Wilde.—II. H. Bahr, „Theater“, Ein Wiener Roman.—З. В.—Февраль (стр. 883):—I. Arthur Eloesser, Litterarische Portraits aus dem modernen Frankreich.—II. Willy, Minné.—З. В.—Мартъ (стр. 426):—I. S. Lublinski, „Die Bilanz der Moderne“.—II. Max Dreyer,

„Die Siebzehnjährigen“, Schauspiel.—З. В.—Апрѣль (стр. 876):—I. R. Beer-Hofmann, Der Graf v. Charolais.—З. В.—II. La Pologne et la crise russe: 1. Lettre d'un Polonais à un Ministre russe. 2. Observations politiques à propos de la lettre d'un Polonais à un Ministre russe.—Л. С.—Май (стр. 419):—I. Léon Frapié, La Maternelle.—II. Anatole France, Sur la Pierre Blanche.—З. В.—Іюнь (стр. 840):—I. A. Kerr, Das neue deutsche Drama.—II. Myriam Harry, La Conquête de Jerusalem, rom.—З. В.—Іюль (стр. 404):—I. Hermann Bahr, Sanna Schauspiel in fünf Aufzügen.—II. Feth. Gedichte; Polonskij. Gedichte. Autorisierte Verdeutschung von Fr. Fiedler.—З. В.—Августъ (стр. 835):—I. Anton Menger, Neue Staatslehre.—Г. Шниттай.—II. Gabriele d'Annunzio, La Fiaccola sotto il moggio. Tragedia.—З. В.—Сентябрь (стр. 400):—I. Jakob Wassermann, Alexander in Babylon.—З. В.—Октябрь (стр. 834):—I. Robert Dreyfus, La Vie et les prophéties du comte de Gobineau.—З. В.—Ноябрь (стр. 429):—I. H. Sudermann, Stein unter Steinen.—II. A. Beaunier, Le Roi Tobol.—З. В.—Декабрь (стр. 837):—I. Rihard Dehmel, Ausgewählte Gedichte.—II. H. G. Wells, A modern Utopia.—З. В.

V. Изъ Общественной Хроники.—Январь (стр. 448):—Минувшій годъ.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Стравное происшествіе въ Тамбовѣ.—Идеология и законность.—Спорный вопросъ государственнаго права.—Реакціонная печать и реформы.—Еще о положеніи политическихъ ссыльных.—Изъ области цензуры и печати.—Юбилей „Русской Мысли“, Н. П. Карабчевскаго и В. И. Ламанскаго.—Е. І. Лихачева, Н. М. Коркуновъ и П. Н. Обнинскій †.—Февраль (стр. 899):—Положеніе комитета министровъ объ охраненіи силы закона, о государственномъ страхованіи, о переустройствѣ земскаго и городского обществннаго управленія.—Постановленія земскихъ и дворянскихъ собраній.—Завлеченіе профессоромъ и преподавателемъ высшихъ школъ.—Перемена въ управленіи министерствомъ юстиціи.—Мартъ (стр. 439):—Высочайше манифестъ, рескриптъ и указъ 18-го февраля.—Ожиданія и надежды.—Журналы комитета министровъ объ „исключительныхъ законоположеніяхъ“ и о вѣротерпимости.—Приостановка занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Рабочій вопросъ въ настоящемъ и ближайшемъ прошломъ.—Н. А. Карышевъ и П. О. Бобровскій †.—Апрѣль (стр. 889):—Правительствен-

ное сообщеніе 18-го марта.—Имѣется ли на лицо *recusum in mora*?—Необходимость образованія политическихъ партій.—„Правый флагъ монархической партіи“, поддѣльный и настоящій.—Дальнѣйшіе отгики мѣтнѣй.—Резолюція сѣзда журналистовъ.—Уличные безпорядки въ Псковѣ.—Совѣщаніе о печати.—Царство Польское и Финляндія.—Май (стр. 433):—Великій государственный актъ 17-го апрѣля.—Вѣротерпимость теперь и прежде.—Движеніе въ средѣ православной церкви.—Дальнѣйшій ходъ организаціи политическихъ партій.—Группа Д. Н. Шипова и общеземскія совѣщанія.—Различныя толкованія указа 18-го февраля.—Подвиги газетныхъ „добровольцевъ“.—Высочайшій указъ 10-го апрѣля.—Р. 8. Письмо въ Редакцію г. Н. Чайковского.—Іюль (стр. 866):—Проектируемая новелла о печати.—Основная причина многихъ современныхъ противорѣчій.—Кто остается и кто уходитъ?—Указъ 17-го апрѣля и реакціонная печать.—Католицизмъ и униі.—Потрасающія вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій.—Е. И. Якушкинъ †.—Іюль (стр. 419):—Новые типы, создаваемые новыми условиями.—Группировка партій, не исключающая возможность временнаго союза.—„Средняя позиція“ и „расположившіеся на ней люди“.—Минималъ панацея.—Военные суды и смертная казнь.—Законъ и циркуляръ.—Тревожная вѣсти.—Д. Л. Мордовцевъ и П. Г. Мионовъ †.—Августъ (стр. 851):—Наступающій учебный годъ.—Статьи В. И. Вернадскаго и кн. Е. Н. Трубецкого.—Вольный университетъ и высшая русская школа въ Парижѣ.—Нежеланіе и неумѣнье понять значеніе переживаемой нами минуты.—Дворянство и крестьянство.—Земскіе начальники.—Надвигающаяся опасность голода.—Свобода печати и право собраній.—Сентябрь (стр. 426):—Признаніе необходимости устраненія „излишнихъ стѣсненій“ отечественной печати.—Работы Особого Совѣщанія по проекту новаго закона о печати и одновременная съ ними старая практика въ печатномъ дѣлѣ.—Оригинальная характеристика работъ Совѣщанія однимъ изъ его членовъ.—Главнѣйшія общія начала, выработанныя Совѣщаніемъ, и обязательное для него направленіе въ его работахъ.—Мотивы къ повсемѣстной отгибѣ предварительной цензуры и административныхъ взысканій.—Установленіе явочнаго порядка для открытія газетъ и журналовъ.—Отгибна 140-й статьи нынѣшняго устава о печати и предварительной цензуры для книгъ.—Спеціальныя цензуры.—Цензура иностранныхъ книгъ и духовная цензура.—Необходимость

ускорить нынѣ выходъ новаго закона о печати.—Октябрь (стр. 848):—Сентябрьскій сѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.—Отношеніе его къ вопросу объ участіи въ избраніи Государственной Думы.—Экономическая программа сѣзда.—Автономія нѣкоторыхъ областей равносильна ли „расчлененію“ Россіи?—Нѣсколько словъ по поводу письма В. И. Герье.—Перегибна въ положеніи нашей высшей школы.—Общеземская организація помощи голодающимъ, Красный Крестъ и союзъ врачей.—Письмо А. А. Стаховича о борьбѣ съ послѣдствіями неурожаа.—Постановленіе с.-петербургскаго дворянства.—Нѣсколько печальныхъ фактовъ.—Ноябрь (стр. 443):—Подъ первыми впечатлѣніями манифеста 17-го октября.—Забастовки.—Митинги.—Какъ назвать забастовочные дни: преддверіе революціи или революція въ настоящемъ?—Опасная сторона политическихъ забастовокъ въ интересахъ освободительнаго движенія.—Что означаютъ погромы черной сотни?—Новыя задачи общества и печати.—Сорокалѣтіе дѣятельности А. Ө. Кони.—М. И. Драгомировъ †.—Декабрь (стр. 860):—Ноябрьскія забастовки.—Забастовка почты и телеграфа.—Равноправны ли чиновники съ обывателями?—„Революціонное“ движеніе въ средней школѣ.—Собѣтѣ въ арміи и во флотѣ.—Земскій и крестьянскій сѣзды въ Москвѣ.—Циркуляры и законность.—Курьезы изъ газетъ.—И. М. Съченновъ, В. В. Лесевичъ и А. Л. Шавяевскій †.

VI. Библиографическій Листокъ.—Январь.—Кн. В. А. Черкасскій, и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, т. I, кн. О. Трубецкой.—Памяти И. В. Мушкетера. Сборникъ статей по геологіи, изд. п. р. К. И. Богдановича и А. П. Герасимова.—Геологія, т. I, А. А. Иностранцева.—Современная международная правоспособность папства, А. Байкова.—Матеріалы къ исторіи русскаго театра, бар. Н. В. Дризена.—Былины: Вольга, изд. И. Билибина.—Февраль:—Исторія г. Москвы, ч. 1-ая, Ив. Забѣлина.—Полное собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, кн. V.—Русская живопись, В. А. Никольскаго.—Всеобщая исторія О. Іегера, вып. 1-ый.—Собраніе сочиненій Г. Ибсена, т. III, перев. съ дат. А. и П. Ганзена.—Мартъ:—Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова, кн. XIX.—Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій (1762—1825 гг.).—Кустарное дѣло въ Россіи, кн. Ө. С. Голицына, т. I.—Сенатскій Архивъ, т. XI.—Апрѣль:—Н. Н. Ге, его жизнь, произ-

веденія и перениска, В. В. Стасова. — Корея — „запретная“ страна, В. Алова. — Система русскаго гражданскаго права, К. Анненкова. — Вопросы начальной школы, Е. Чебышевой-Дмитріевой. — Курсъ двойной бухгалтеріи, С. М. Бараца. — Справочная книга для путешественниковъ, Ю. Шокальскаго, проф. К. Богдановича и др. — Май: — О. Зылинскій, Изъ жизни идей. Т. II: Древній міръ и мы. — Н. Карѣвъ, Государство-городъ античнаго міра. — В. Андрущъ, Исторія Соедин. Шт. послѣ междоусобной войны (1861—62 гг.), съ англ. Е. Гурвичъ. — Н. Азбелевъ, „Душа Японіи“. — Н. Дружининъ, Очерки крестьянской общественной жизни. — Июнь: — Собраніе трактатовъ и конвенцій Россіи съ иностранными державами, Ф. Мартенса, т. XIV: Трактаты съ Франціею, 1807—20 гг. — Кладо, Н. Л., Современная морская война. — Лоуэлль, А., Правительства и политич. партіи въ государствахъ зап. Европы. — Крестьянскій строй, т. I: Сборникъ статей. — Въ защиту слова. Сборникъ. I. Статьи, стихотворенія и замѣтки. — Июль: — Дмитріевъ-Мамоновъ, В. А., Указатель дѣйств. въ Имперіи акціонерныхъ предпр. и торгов. домовъ, т. I и II. — Ежегодникъ министерства финансовъ, 1904 г. — Костомаровъ, Н., Русская исторія въ жизнеоп. ея главы. дѣятелей, т. II. — Чернышевскій, Н. Г., Сочиненія: Статьи по крестьянскому вопросу, 1857—59 гг. — Аваловъ, З., Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. — Головачевъ, П., Сибирь: Природа, люди и жизнь. — Саккетти, Л., Эстетика въ общедоступномъ изложеніи — Августъ: — Генрихъ Ибсенъ, Собраніе сочиненій, т. IV, перев. А. и П. Ганзенъ. — Н. Сѣверный, Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. — Сергій Шарановъ, Опытъ русской исторической программы. — Г. П. Сазоновъ, Народное представительство безъ народа.

— Постоянно нейтральное государство, юридическое изслѣдованіе барона Б. Э. Номде. — Сентябрь: — П. А. Некрасовъ, Государство и Академія. — Конституціонное государство, сборникъ статей. — Н. Вельтовъ, Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. — Октябрь: — А. О. Конн, Судебныя рѣчи, изд. 4-ое. — Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, изд. В. Е. Николая Михайловича. — Маркъ Матѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи, изд. п. р. В. В. Стасова. — Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга 7-я: Послѣдніе годы Рѣчи Посволенной. — В. Я. Стоюнинъ, Пушкинъ, 2-е изданіе. — Ноябрь: — Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. — Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 120-й. — Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И., Декабристы въ Западной Сибири. — Максудовъ, кн. В. Л., Исторія древняго Востока, т. II. — Симоненко, Г., Основные вопросы статистики, исторіи, социологіи и этики. — Декабрь: — Де-Волланъ, Григ., Въ странѣ „Восходящаго Солнца“. — Новомбергскій, Н., Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. — Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. VII. — Богаевскій, П., Красный Крестъ. — Коркуновъ, Н. М., Русское государственное право, томъ II.

VII. Извѣщенія. — Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей М. И. Маларевскаго и Е. Н. Радина (январь, 468; февраль, 911; ноябрь, 455). — Отъ Кашчеларіи Женскаго Патриотическаго Общества (февраль, 911). — Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о преміяхъ имени М. И. Михайлова (февраль, 911; мартъ, 454; июнь, 880). — Отъ Общества вспоможенія студентамъ имп. университета св. Владиміра (июнь, 880; ноябрь, 455).

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОГО ТОМА

Н О Я Б Р Ъ — Д Е К А Б Р Ъ , 1905.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

	СТР.
ХРИСТИАНСКИЙ ЕПИСКОП НА ГРАНИЦАХ IV-V ВЕКОВЪ. — АГУСТИНЪ, КАКЪ ЕПИСКОПЪ. — В. И. ГЕРБЕ	5
МАХРОВЫЕ ЛЕГЕНДЫ. — ПОВѢСТЬ. — IX-XVI. — ОКОНЧАНИЕ. — В. И. Б—ПОЙ	53
ИЗЪ ПОЗДНИХЪ ВЪ САРОВѢ. — ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ЗАМѢТКИ. — V-VII. — ОКОНЧАНИЕ. — Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО	94
МУЗЫКАЛЬНАЯ БАРИШНЯ. — ПОВѢСТЬ. — В. ПОГОДИНОЙ	112
ЭТЮДЫ О ВАЙРОНИЗМѢ. — ЧАСТЬ III: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО	174
ЧЕРНАЯ ЗМІЯ. — РОМАНЪ. — Paul Adam, „Le Serpent noir“. — III-V. — СЪ ФРАНЦ. З. В.	229
МИСТИЦИЗМЪ ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА. — Э. РАДІОВА	281
ЦАРЕКЪ. — РАЗСКАЗЪ. — A monarch of small survey, by G. Atherton. — СЪ АНГЛ. О. Ч.	295
ХОЗЯИ ДЕ ПИРРА. — ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — Л. ШЕПЕЛЕВИЧА	319
ХРОНИКА. — АКТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ПАМЯТНЫМЪ ОКТЯБРЬСКИМЪ ДНЯМЪ	342
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРАЩЕНІЕ. — ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ 17-ГО ОКТЯБРЯ. — ПОЧЕМУ ОНЪ НЕ ПОЛОЖИЛЪ КОНЕЦЪ ТРЕВОЖНОМУ НАСТРОЕНІЮ. — ВОЗМОЖНОЕ ОТНОШЕНІЕ КЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ. — ЗНАЧЕНІЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНІЯ. — „ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ“ И ПРОЛЕТАРИАТЪ. — ТРАГИЗМЪ ПЕРЕЖИВАЕМОЙ МИНУТЫ. — ПРОГРАММА КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ. — ПОЛОЖЕНІЕ О СОВѢТѢ МИНИСТРОВЪ. — АМНИСТІЯ. — ПРАВИЛА О ПУБЛИЧНЫХЪ СОБРАНІЯХЪ. — Кн. С. Н. Трубецкой †. — Postscriptum	360
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРАЩЕНІЕ. — ПОРТСМУТСКІЙ МИРНЫЙ ДОГОВОРЪ. — „ЗАСЛУГИ“ ГР. ЛАМЗДОРФА. — РАЗОБЛАЧЕНІЯ ВОЕННЫХЪ ПОРЯДКОВЪ. — ЗНАЧЕНІЕ ВОЙНЫ ДЛЯ НАШИХЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ. — МЕЖДУНАРОДНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ НАШЕЙ МИРНОЙ РЕВОЛЮЦІИ. — ПОЛИТИКА ВІЛЬГЕЛЬМА II. — НОВАЯ ПОПЫТКА КЪ ОПРАВДАНІЮ МАНЧЖУРСКОЙ ЗАТѢИ	375
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРАЩЕНІЕ. — I. Россіевъ, П., „Общія знакомыя“ и „Безъ героевъ“. — З. — II. Луначарскій, А., Этюды критическія и полемическія. — III. Овсянко-Куликовскій, Д. Н., Л. Н. Толстой какъ художникъ. — IV. „Сибирскіе Вопросы“, періодическій сборникъ. — V. Горленко, В., Отблески. — VI. Подъячевъ, С., Среди рабочихъ. — ЕВГ. Л. — VII. Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи, Н. Тройницкаго. — Распрежденіе рабочихъ и прислуги по группамъ занятій и мѣсту рожденія. — VIII. В. Норовъ, Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. — В. В. — Новыя книги и брошюры	393
НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. H. Sudermann, Stein unter Steinen. — II. A. Beaunier, Le Roi Tobol. — З. В.	429
ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — ПОДЪ ПЕРВЫМИ ВПЕЧАТЛѢНІЯМИ МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ. — ЗАБАСТОВКИ. — МИТИНГИ. — КАКЪ НАЗВАТЬ ЗАБАСТОВОЧНЫЕ ДНИ: ПРЕДДВЕРІЕ РЕВОЛЮЦІИ ИЛИ РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ? — ОПАСНАЯ СТОРОНА ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ЗАБАСТОВОКЪ ВЪ ИНТЕРЕСАХЪ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ. — ЧТО ОЗНАЧАЮТЪ ПОГРОМЫ ЧЕРНОЙ СОТНИ? — НОВЫЯ ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВА И ПЕЧАТИ. — Сорокалѣтіе дѣятельности А. Ѳ. Кони. — М. И. Драгомировъ †	443
ИЗВѢЩЕНІЯ. — I. Отъ общества вспоможенія студентамъ имп. университета св. Владиміра. — II. Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Малиревскаго и Е. П. Радина	455
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — РУССКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ ВЪ ПАРИЖѢ. — Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 120-й. — Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И., Декабристы въ Западной Сибири. — Максудовъ, кн. В. Л., Исторія древняго Востока, т. II. — Симоненко, Г., Основные вопросы статистики, исторіи, социологіи и этики.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ. — I-IV; I-XII.	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

	стр.
Филиппъ Ивановичъ Касаткинъ.—Повѣсть.—В. І. ДМИТРИЕВОЙ	457
Кресты́нский банкъ и его начало.—Изъ личныхъ воспоминаній.—Ө. Ө. ВОРО- ПОНОВА.	507
Русская овщина на Кавказско-Черноморскомъ побережьѣ.—С. ВАСЮКОВА. . .	560
Отрывки изъ воспоминаній.—Шестидесятие годы.—И. КРАСНОПЕРОВА . .	584
Христіанскій епископъ на границѣ IV-V вѣковъ.—Августинъ, какъ епископъ.— II.—Окончаніе.—В. И. ГЕРБЕ	606
Черная змѣя.—Романъ.—Paul Adam, „Le Serpent noir“. — VI-IX.—Окончаніе. Съ франц. З. В.	649
Гоголь въ Оптиной пустынѣ.—Матеріалы для біографіи Гоголя.—ГРИГ. ГЕОР- ГІЕВСКАГО	710
Жатва.—Романъ изъ современной итальянской жизни въ деревнѣ.—Im Zeichen der Ernte, Rom. von Friede Frein v. Bülow.—Съ нѣм. О. Ч.	719
Хроника.—Изъ деревни.—Письмо въ Редакцію.—Кн. Д. В. ДРУЦКОГО- СОКОЛЬНИНСКАГО	763
Внутреннее Овозраніе.—Бистралъ сѣмья тревожныхъ событій.—Инструкція ге- нералъ-адъютантамъ, посланнымъ въ волнующіяся губерніи.—Манифестъ 3-го ноября.—Необходимость широкой аграрной реформы.—Военное по- ложеніе въ царствѣ польскомъ.—Резолюція ноябрьскаго общеземскаго сѣзда.—Новыя формы гнета и нетерпимости	782
Иностранное Овозраніе.—Военныя дѣйствія внутри страны и возможное обсу- жденіе ихъ на Гаагской конференціи.—Несвоевременная дипломатиче- ская кампанія противъ Турціи.—Политическія реформы и событія въ Австро-Венгрии.—Французскія дѣла.—Новый король	796
Литературное Овозраніе.—I. Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири.—II. Луговой, А., „Цѣль вашей жизни?“, пов. и рассказы.— III. Петръ и Алексѣй, Д. С. Мережковскаго.—IV. Дерожинскій, В. Ө., Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи.—ЕВГ. Л.— У. Черненко, Н. Н., Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства.— В. В.—Новыя книги и брошюры	810
Новости Иностранной Литературы.—I. Richard Dehmel. Ausgewählte Gedichte. —II. H. G. Wells. A modern Utopia. — З. В.	837
Замѣтка.—По поводу книги: „Das Alter der wirtschaftlichen Kultur“, von Ed. Hahn	851
Изъ Овощественной Хроники.—Ноябрьскія забастовки.—Забастовка почты и телеграфа.—Равноправны ли чиновники съ обвиняемыми?—„Революціон- ное“ движеніе въ средней школѣ.—Событія въ арміи и во флотѣ.—Зем- скій и крестьянскій сѣзды въ Москвѣ.—Циркуляръ и законность.— Курьезы изъ газетъ.—И. М. Сѣченовъ, В. В. Лесевичъ и А. Л. Шамал- скій †.	860
МАТЕРІАЛЫ для журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1905 году. . .	880
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ въ 1905 году	882
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ Листокъ.—Де-Волланъ, Григ., Въ странѣ „Восходящаго Солнца“. — Новомбергскій, Н., Освобожденіе печати во Франціи, Гер- маніи, Англіи и Россіи.—Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышев- скаго, т. VII.—Богаевскій, П., Красный Крестъ.—Коркуновъ, Н. М., Русское государственное право. Оъявленіи.—I-IV; I-XVI стр.	

ИЗДАНИЯ

ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ
ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В.-О., 5 лин., д. № 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на комиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателями, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку.

Декабрь, 1905 г.

АБАЗА, К. К. Завоеваніе Туркестана. Съ рисунками, картами и планомъ текинской крѣпости Деонгиль-Тепе. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

АННЕНКОВЪ, К. Н. Система русскаго гражданскаго права. Т. I: Введеніе и общая часть. 2-е изданіе. Спб. Ц. 4 р. Т. II: Права вещныя. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 4 р. Т. III: Права обязательственныя. 2-е изд. Спб. 1901. Ц. 3 р. Т. IV. Отдѣльныя обязательства. Спб. 1904 г. Ц. 4 р. Т. V: Права семейныя и опека. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. Т. VI: Право наследованія. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.
Опытъ комментаріа къ уставу гражданскаго судопроизводства. Т. IV. Рѣшеніе и способы его обжалованія. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р. 50 к. Т. VI. Мировой уставъ и третейскій судъ. Спб. Ц. 2 р.
Задачи губернскаго земства. Спб. Ц. 75 к.

АРТАМОНОВЪ, Л. К. Покореніе туркменъ-текинцевъ русскими войсками подъ начальствомъ генерала Скобелева. Въ 1880—81 гг. Съ портретомъ Скобелева и рисунками. Спб. Ц. 30 к.

БѢЛИНСКІЙ, В. Г. Седьмой томъ Полнаго Собранія сочиненій, въ 12-ти томахъ, изданіе С. А. Венгерова. Съ выходомъ VII тома подписка на все изданіе прекращена. Каждый изъ вышедшихъ томовъ продается отдѣльно по 1 р. 25 к. За справками по изданію остальныхъ томовъ слѣдуетъ обращаться лично къ издателю по адресу: г. С.-Петербургъ, Разъѣзжал, 39. Семену Аванасьевичу Венгеру.

ВЕБЕРЪ, ГЕОРГЪ. Всеобщая исторія. Въ 15-ти томахъ, 16-ти книгахъ. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Перевелъ Андреевъ. Москва. Цѣна книгъ въ переплетѣ 100 р.

ГРАДОВСКІЙ, А. Д., проф. Собраніе сочиненій въ 9-ти томахъ. При девятомъ томѣ помѣщенъ біографическій очеркъ съ портретомъ автора. Цѣна полнаго собранія—20 рублей. Пересылка по почтовой стоимости взимается наложеніемъ платежа, при высылкѣ всего изданія или отдѣльныхъ томовъ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ: т. I-го—2 р. 50 к.; т. II-го—3 р.; т. III-го—3 р.; т. IV-го—4 р.; т. V-го—3 р.; т. VI-го—3 р.; т. VII, ч. I—2 р.; т. VIII, ч. II—3 р.; т. IX, ч. III—4 р.

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ. Книга пятая. Обязательства. Проектъ Высочайше учрежденной Редакціонной Коммиссіи по составленію Гражданскаго Уложенія. Въ пяти томахъ. Съ

- объясненіями. Спб. Т. I: ст. 1—276; т. II: ст. 277—504; т. III: ст. 505—718; т. IV: ст. 719—936; т. V: ст. 937—1106. Спб. 1900 г. Цѣна всѣхъ пяти томовъ—5 руб. Проектъ безъ объясненій. Спб. Цѣна 1 р.
- ДЕРЮЖИНСКІЙ, В. Ѳ., проф.** Политическое право. Пособіе для студентовъ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.
- Навеас Согрус. Актъ и его приостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія. Юрьевъ. Ц. 2 р. 50 к.
- Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 1906 г. Ц. 2 р.
- ДРЕПЭРЪ, Джонъ-Вилльямъ.** Исторія умственного развитія Европы. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Пыпина. Два тома. Изданіе пятое. Спб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 р.
- ЖЕМЧУЖНИКОВЪ, А. М.** Пѣсни старости. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.; въ изданіи переплетъ 1 р. 75 к.
- Стихотворенія. 2 тома. Изд. 3-е. Съ портретомъ и автобиографическимъ очеркомъ. Спб. 1901 г. Ц. 8 р., въ изданіи перепл. 3 р. 75 к.
- ЖИРКЕВИЧЪ, А. В.** Разсказы (1892—1899 гг.). Наѣздъ. Случай. Около великаго. Розги. У стѣнъ тюрьмы. Сподобилась! Въ госпиталѣ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.
- „Друзьямъ“. Сборникъ стихотвореній. Ч. I и II. Спб. Цѣна каждой части 1 р.; за обѣ части 1 р. 40 к.
- ЗОТОВЪ, А.** Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.** Среднее вѣка. Переходное время (IX—XV столѣтія). Составлено по Demogeot, Aubertin'y, Gidel'ю, Littré, Lenient и другимъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- КАРЕНИНЪ, ВЛАДИМИРЪ.** Жоржъ-Сандъ. Ея жизнь и произведенія (1804—1838). Т. I. Спб. Ц. 3 р. 50 к.
- КАРѢВЪ, Н. И., проф.** Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изд. 4-е. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изданіе 4-е, въ перепл. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Учебная книга древней исторіи. Изд. 4-с, въ перепл. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Философія культурной и социальной исторіи новаго времени (1800—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. (Основные понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вв.). Изд. 2. Спб. 1902. Ц. 60 к.
- Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. (Романо-германскій міръ въ VI—XV вѣкахъ). Спб. Цѣна 35 коп.
- Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
- Исторія Западной Европы въ новое время. Въ пяти томахъ. Цѣна 17 р. 50 к.
- Въ отдѣльной продажѣ: т. I—ц. 2 р.; т. II—ц. 3 р. 50 к.; т. III—ц. 3 р. 50 к.; т. IV—ц. 3 р. 50 к.; т. V—ц. 5 р.
- Идеалы общаго образованія. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.
- Основные вопросы философіи исторіи. 3-е (сокращ.) изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
- Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Спб. Ц. 1 р.
- Мысли о сущности общественной дѣятельности. 2-ое изд., дополненное. Спб. 1901 г. Цѣна 50 к.
- Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Спб. Ц. 40 к.
- Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. Ц. 2 р.
- Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Варшава. Ц. 1 р.
- Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.
- Отзывъ о сочиненіи проф. Корелина подъ заглавіемъ: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“. Спб. Ц. 80 к.
- Введеніе въ изученіе социологіи. Спб. Ц. 2 р.
- Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Вып. I. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Историческое міросозерцаніе Т. Н. Грановскаго. Изд. 3-е (съ портретомъ). Спб. 1905 г. Ц. 50 к.

Отзыв о сочиненіи профессора Любвича подъ заглавіемъ: „Начало католической реакціи и упадокъ реформаци въ Польшѣ“. Спб. Ц. 20 к.

Выборъ факультета. Руководство для учениковъ высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. 3-е (передланное) изданіе. Спб. 1905 г. Ц. 50 к.

Polonica. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ (1881 — 1905). Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. Продолженіе „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени“. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособие для среднего образованія. Съ историческими картами. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 80 к.

Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ двумя историческими картами. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра. Съ картографической таблицей. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

КОТЛЯРЕВСКИЙ, Н. Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Второе исправленное изданіе. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

ЛЯЦКИЙ, ЕВГ. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Съ портретомъ-фототипіей и факсимиле И. А. Гончарова. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.

МАРКОВЪ, ЕВГЕНІЙ. Путешествіе по Святой землѣ. Иерусалимъ и Палестина, Самарія, Галилея и берега Малой Азіи. Спб. Ц. 2 р. 25 к.

Россія въ Средней Азіи. Очерки путешествій. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 р.

Учебные годы стараго барчука. (Разказы изъ прошлаго). Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Путешествіе по Греціи. Путевые очерки. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Путешествіе по Сербіи и Черногоріи. Путевые очерки. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

НОВИКОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ. Записки земскаго начальника. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Записки о сельской школѣ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Сборникъ разказовъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Пьесы: 1) „Трутни“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. 2) „Одна изъ многихъ“. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. 3) „Иностранцы“. Сцена изъ китайской жизни. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Записки о городскомъ самоуправленіи. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Записки городского головы. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

ОРЖЕШКО, ЭЛ. Аргонавты. Повѣсть. Изданіе автора. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ПРУТКОВЪ, КОЗЬМА. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, факсимиле и біографич. свѣдѣніями. Изд. 9-ое. Спб. Ц. въ папкѣ 2 руб.

ПЫШИНЪ, А. Н. Исторія русской литературы. Изданіе второе. Цѣна 4-хъ томовъ 10 руб. безъ пересылки.

Исторія русской этнографіи. 4 тома. Ц. 10 р.; каждый томъ отдѣльно 3 р.

М. Е. Салтыковъ. Идеализмъ Салтыкова. Журнальная дѣятельность 1863—1864. Библиографическая замѣтка. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Сводный старообрядческій синодикъ. Спб. Ц. 1 р.

Для любителей книжной старины. Москва. Ц. 1 р.

Изъ исторіи народной повѣсти. Спб. Ц. 75 к.

Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки. Изд. 3-е, съ дополненіями. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

Н. А. Некрасовъ. (Нѣсколько воспоминаній. Историко-литературныя справки. Письмо Некрасова къ И. С. Тургеневу, 1847—1861. Новѣйшая литература о Некрасовѣ). Съ тремя портретами. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

СЕРГѢЕНКО, П. Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. Москва. Цѣна 2 р. 50 к.

СТАСЮЛЕВИЧЪ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Историческій очеркъ. 2-ое изданіе. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Т. I. Періодъ первый: Отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго. 476—771 г. Изд. 3-е. Спб. Ц. 2 р.

ТОЛСТОЙ, гр. Л. Н. Полное собраніе сочиненій въ 14 томахъ. Цѣна 14 р.; въ 14 переплетахъ цѣна 24 р. 50 к. Тоже, роскошное изданіе 1898 г., въ 14 большихъ томахъ, цѣна безъ перепл. 25 руб. Подписка съ разсрочкой не принимается.

ТРАЧЕВСКІЙ, АЛЕКСАНДРЪ, проф. Учебникъ древней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 52 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Учебникъ средней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 111 рисунками. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Новая исторія. Т. I (1500—1750 гг.). Реформація и возрожденіе католичества (1500—1600). Реакція и абсолютизмъ (1600—1750). 2-ое исправленное и дополненное изданіе. Спб. Ц. 3 р., въ изыщномъ перепл. 3 р. 75 к.

Учебникъ Русской исторіи. Въ двухъ частяхъ. Ч. I. Древняя Россія. Съ 25-ю рис. Ч. II. Новая Россія. Съ 47-ю рис. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Главн. Управл. военно-учебн. завед. рекомендовано для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки кадетскихъ корпусовъ. Спб. Цѣна 2 р. 50 к. Въ изыщномъ переплетѣ 3 р. 25 к. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.

УТИНЪ, ЕВГ. И. Письма изъ Болгаріи. Спб. Ц. 2 р. 50 к.
Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историч. очерки. Спб. Ц. 2 р.
Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки. Съ портретомъ автора. Въ 2 томахъ. Спб. Ц. 3 р.

ШЕПЕЛЕВИЧЪ, Л. Ю., проф. „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса. Опытъ литературной монографіи. Съ портретомъ Сервантеса. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.
Историко-литературныя этюды. Серія I-я. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 70 к. Серія II-я. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 70 к.

ЩЕРБАТОВЪ, князь М. М. Исторія российская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. I—II. Изданіе кн. Б. С. Щербатова. Редакція И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Спб. 1901 г. Ц. 6 р. Т. III. 1902 г. Ц. 4 р. Т. IV, часть 1-я. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к. Т. IV, части 2-я и 3-я. Спб. 1903 г. Ц. 5 руб. Т. V, часть 1-я. Спб. 1903 г. Ц. 4 руб. Т. V, части 2-я, 3-я и 4-я. Спб. 1903 г. Ц. 5 р. Т. VI, Спб. 1904 г. Ц. 4 р. Т. VII, часть 1-я. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к. Т. VII, части 2-я, 3-я и 4-я (неоконченная). Спб. 1904 г. Ц. 4 р. Тамъ же продаются: Сочиненія князя М. М. Щербатова, въ двухъ томахъ. Томъ I: Политическія сочиненія. Подъ редакціей И. П. Хрущова. Съ портретомъ. Спб. Ц. 4 р. Томъ II: Статьи историко-политическія и философскія. Подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Спб. Цѣна 4 руб.

ЯНЖУЛЬ, И. И. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Четвертое изданіе, измѣненное и дополненное. Спб. 1904 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Часы досуга. Очерки и картинки по экономическимъ, общественнымъ и литературнымъ вопросамъ. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, экономической политики и общественной жизни. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

ЯНЖУЛЬ, Е. А. Американская школа. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 2 р.

КНИЖНАГО СКЛАДА ТИПОГРАФІИ

М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на комиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателемъ, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку *).

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ.

Вagnerъ, К. Простая жизнь. Переводъ съ франц. С. Леонтьевой. Спб. 1 р.

Волосатовъ, И. М. Какова цѣнность научнаго знанія? Урокъ теоріи познаванія. Спб. 1906 г. Ц. 1 р. 7250

Красносельскій, А. И. Мировоззрѣніе гуманиста нашего времени. Основныя ученія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1900 г. Ц. 60 к. 501

Крумахеръ, Ф. А. Притчи. Полное собраніе. Съ нѣм. перевелъ В. Алексѣевъ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. Въ изданіи коленкоромъ переплетъ 2 р. 75 к.

Лярь, Луи (L. Liard). Французскіе университеты наканунѣ великой революціи. Переводъ, предисловіе и примѣчанія А. Г. Готлиба. Спб. 1905 г. Ц. 50 к.

Лосскій, Н. О. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Менштровъ, М., свящ. Единное на потребу. Бесѣды о небесномъ и земномъ. Спб. 1905 г. Ц. 40 к. 7269

Стасюлевичъ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

❧ Фомьеръ, Куно. Введеніе въ исторію новой философіи. Въ двухъ выпускахъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія В. А. Попова. Вып. II. М. 1901 г. Ц. 70 к. 7276

Шопенгауеръ, Артуръ. Новыя афоризмы. О философіи и методѣ ея. Къ исторіи философіи. Къ логикѣ и диалектикѣ. Объ интеллектѣ. О вещи въ себѣ и явленіи. Къ философіи природы. Къ этикѣ. Къ теоріи права и политикѣ. О безсмертіи. Перевелъ съ нѣмецкаго Р. Кресинъ. Харьковъ. Ц. 1 р.

— Эристика или искусство спорить. Переводъ съ предисловіемъ кн. Д. Церетелева. Изд. 4-е. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Введенская, Е. В. Радн дѣтей. Разсказы. Спб. Ц. 1 р.

Весинъ, С. Вѣлое. Изъ русской жизни и литературы 40—60-хъ годовъ. Житомиръ. Ц. 1 р.

Виноградовъ, П. Г. Борьба за школу на Скандинавскомъ сѣверѣ. Публичная лекція, читанная въ Москвѣ 2-го ноября 1901 года, въ пользу „Московск. Педагогическаго О—ва“. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

Вѣстовой (И. С. П — въ). Струны сердца. Стихотворенія. Вся прибыль въ пользу больныхъ и раненныхъ воиновъ нашей доблестной арміи. Спб. 1905 г. Ц. 80 к.

Вяземскій, князь П. А. Полное собраніе сочиненій. Томы 4, 6, 8, 9, 10, 11 и 12-й, по 2 р. каждый.

❧ Гейне, Г. Книга пѣсней. (Избранныя стихотворенія). Въ переводѣ В. А. Попова. Москва. 1904 г. Ц. 30 к. 7276

*) Книги, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны: ❧

Голенищевъ - Нутузовъ, гр. А. Стихотворенія. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Голиковъ, В. Г. Разказы. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Гредескулъ, Н. А. На теми дня. Двѣ рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Харьковскаго Юридическаго Общества 19-го марта 1905 года. Харьковъ. 1905 г. Цѣна 40 коп. 6680

Гуслякъ, Л. Елисей Разбѣгаевъ. Романъ въ стихахъ. Спб. Ц. 1 р.

Дерюжинскій, В. Ф. Общественное призваніе у крестьянъ. Изъ журнала „Трудовая помощь“. Іюнь, 1899 г. Спб. Цѣна 25 к. 6985

Жирновичъ, А. В. Разказы (1892—1899 гг.). Наѣздъ. Случай. Около великаго. Розги. У стѣнъ тюрьмы. Снодобыасы! Въ госпиталѣ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

— „Друзьямъ“. Сборникъ стихотвореній. Ч. I и II. Спб. Цѣна каждой части 1 р.; за обѣ части 1 р. 40 к.

Жоринскій, Аполлонъ. Въ лучахъ мечты. Новыя стихотворенія. Спб. 1906 г. Ц. 2 р.

— Пѣсни Баумбаха. Спб. 1906 г. Ц. 1 р. 7296

Лавриченко, К. Вѣра въ жизнь. Шестидесятие годы. Романъ въ двухъ частяхъ. Содержаніе: Письмо къ автору М. Салтыкова. Изъ письма къ автору И. Аксакова. Юбилей нашего вѣщаго слова. Общаніе К. Кавелина. Общаніе А. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Либровичъ, Сигизмундъ. Гроза гимназіи. Разказы для юношества изъ школьной и не-школьной жизни. Изд. 2-е. Спб. Ц. 75 к.

— Семнадцать дочерей. 17 разказовъ для юныхъ читателей всѣхъ возрастовъ. Изд. 2-е. Съ рис. Спб. Ц. 60 к.

— Хочу быть студентомъ! Разказъ. Спб. Ц. 15 к. 7230

Литературный сборникъ. Въ память женщины-врача Евгеніи Павловны Серебрянниковой. Съ портретомъ Е. П. Серебрянниковой. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лохвицкая, М. А. (Жиберъ). Стихотворенія. Томъ IV. 1900—1902. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. Томъ V. 1902—1904. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 40 к.

— На славномъ посту. (1860—1900). Литературный сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому. Изданіе 2-е. Спб. 1906 г. Цѣна 3 р.

Надинскій, А. (Воеводкинъ). Стихотворенія. Пермь. 1905 г. Ц. 85 к. 7282

Ницше, Фридрихъ. Такъ говорилъ Заратустра. Переводъ Ю. М. Антоновскаго. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оптимистъ (Чюмина). Въ ожиданіи.

Фельетоны въ стихахъ. („Наша Жизнь“, „Синь Отечества“, „Новости“, „Театральная Россія“). Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Острогорскій, В. Первое знакомство съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Избранныя стихотворенія и отрывки изъ сказокъ, поэмъ, повѣстей и драмъ, съ біографіей, портретами и поясненіями и съ иллюстраціями. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

— В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи. Спб. Ц. 60 к.

Позышковъ, Н. И. Въ лучшіе годы. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р. въ перепл.

Рыбчинскій, Н. Ф. Собраніе сочиненій. Томъ II. Стихотворенія разныхъ годовъ съ предисловіемъ: нѣсколько словъ о значеніи поэтическаго творчества вообще, о значеніи стихотворнаго творчества въ особенности, о значеніи книги и газеты. Варшава. 1905 г. Ц. 1 р. 7151

Солодовъ, Н. М. Второй сборникъ стихотвореній. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7271

Тамъ. Очерки и разказы. Т. V, изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. Т. VI, изд. 2-е. Спб. Ц. 1 руб. 7076

Толстой, гр. А. К. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Цѣна 7 р., въ роскошномъ переплетѣ—9 р. 25 к. Отдѣльно: Томъ I и II. Собраніе стихотвореній 3 р. Т. III. Драматическая трилогія 2 р. 50 к. Томъ IV. Князь Серебряный 1 р. 50 к. Переизданы по 75 к.

Толстой, гр. Л. Н. Избранныя отрывки изъ соч.: Дѣтство. Севастополь. Три смерти. Война и Миръ. Разказы для дѣтей. Басни. Анна Каренина. Спб. Ц. въ перепл. 1 р.

Толстой, гр. Л. Н. Воскресеніе. Романъ. Съ портретомъ автора. Спб. 1905 г. Ц. 50 к. 7279

Шалирь, Ольга. Не повѣрилъ. Повѣсть. Спб. 1906 г. Ц. 1 р. 6951

Шевченко, Т. Г. Кобзарь. Гайдамаки. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ. Къ малороссійскому тексту приложено перев. Н. В. Гербеля. Спб. Ц. 5 р. 50 к.

Шляпкинъ, И. А., проф. Изъ ненаданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Шницлеръ, Артуръ. Трилогія. I. Подруга жизни. Переводъ З. Венгеровой. II. Зеленый поцѣлуй. Переводъ З. Венгеровой. III. Парацельзій. Переводъ О. Н. Чюминой. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Юнановъ, С. Н. Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты. — Реформа средней школы. — Системы и задачи высшаго образованія. — Гимназическіе учебники. — Вопросы всенароднаго обученія. — Женщина и просвѣщеніе. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Бедеревъ, А. М. На востокъ. Очерки. Сбб. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к. 7175

III. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ — ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

Анненковъ, П. В. Воспоминанія и критическіе очерки. Собрание статей и замѣтокъ. 1849—1868 г. Т. II и III. Сбб. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху 1799—1826 гг. Ц. 1 р. 75 к.

Буличъ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Т. II. Сбб. 1905 г. Ц. 2 р.

Венгерова, З. Литературныя характеристики. Сбб. Ц. 1 р. 50 к.

Книга вторая. Сбб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7183

Погодинъ, А. Основной курсъ общаго языкознанія. Сбб. Ц. 80 к.

Перфильевъ, И. Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. Изд. 4-е (безъ перемѣнъ). Казань. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра Великаго. Изд. 7-е (съ 5-го безъ перемѣнъ). Казань. 1904 г. Ц. 2 р.

Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Отъ Петра Великаго до Екатерины II. Изд. 4-е. Казань. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. Отдѣлъ 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Изд. 3-е. Казань. 1898 г. Ц. 2 р. Отдѣлъ 3. Литература въ царствованіе Александра I. Изд. 3-е (безъ перемѣнъ). Казань. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к. 6830

Прессъ, Аркадій. Писатели XIX в. (Характеристики). Книга первая. Съ пятью портретами. Сбб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шевалевичъ, Л. Кудруна. Историко-литературный этюдъ. Харьковъ. Ц. 1 р. 50 к.

Кудруна, Переводъ II-й части романа (Гильда) и оныя ея изслѣдованія. Харьковъ. Ц. 1 р.

Этюдъ о Данте. I. Апокрифическое „Видѣніе св. Пала“. 2 части. Харьковъ. Ц. 2 р.

Каведра исторіи всеобщей литературы въ имп. харьковскомъ университетѣ. Историческая записка. Харьковъ. Ц. 50 к.

IV. ПЕДАГОГИКА.

Аргамановъ, А. П. Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. Полоцкъ. Ц. 1 р.

Методъ „Чистаго Языка“ Авенариуса въ примѣненіи къ изслѣдованію вопроса объ умственномъ развитіи учени-

ковъ. Приложение къ сочиненію „Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи“. Сбб. 1900 г. Ц. 40 к.

Аргамановъ, С. Красота, ея значеніе въ жизни людей и общества. Сбб. Ц. 50 коп.

Слабая борьба съ сильными заблужденіями въ современномъ воспитаніи. Сбб. 1900 г. Ц. 40 к.

Къ вопросамъ этики въ современномъ бракѣ. Полоцкъ. Ц. 60 к.

Дѣятельность, мечта и разсужденія провинціалки. Ц. 75 к.

Наваревъ, П. О. Педагогическій процессъ. Сбб. 1905 г. Ц. 75 к.

Комперъ, Ж. Ж. Руссо и воспитаніе естественное. Переводъ П. Д. Первовъ. М. 1903 г. 7280

Монодоловъ, В. Введеніе въ методику грамоты. Сбб. 1905 г. Ц. 20 к.

Лавриченко, К. Т. Родителямъ и учителямъ. Вопросы воспитанія. Сбб. Ц. 50 к.

Миниуаъ, П. Г. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи. Сбб. 1905 г. Ц. 60 к.

Старковъ, И. Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Сбб. Ц. 2 р.

Стоюминъ, В. Педагогическія сочиненія. Изд. 2-е. Сбб. 1903 г. Ц. 2 р. 75 к.

Челаскъ, П. д-ръ. Уходъ за дѣтми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. Пер. съ англійск. Е. Д. Ильиной. Сбб. Ц. 1 р. 50 к.

V. УЧЕБНИКИ.

Барацъ, С. М. Курсъ двойной бухгалтеріи. Изд. 2-е. Сбб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Билибинъ, Н. Алгебра для гимназій. Изд. 4-е. Сбб. 1905 г. Цѣна въ переплетѣ—2 руб.

Bobrisccheff-Pouchkine, M. Cours théorique et pratique de la langue française à l'usage de la jeunesse. Сбб. Ц. 2 р.

Cours pratique de grammaire et de dictées françaises augmenté d'un appendice contenant des dictées et des exercices supplémentaires sur: l'histoire, l'orthographe et la syntaxe de la langue française. Сбб. 1900 г. Ц. 2 р. 30 к.

Весинъ, Л. П. Курсъ общей географіи въ объемѣ гимназической программы. Составлено по Гельвальду, Даниелю, Кледену, Реклю, Супану и др. источникамъ. Азія, Африка, Америка и Австралія (100 рисунковъ въ текстѣ). Изд. 2-е, исправленное. Сбб. 1905 г. Ц. 80 к.

Дерюгинъ, М. Е. Начала механики. Курсъ средн. учебн. заведеній. Изд. 3-е. Сбб. Ц. 1 р. 268

Дьяконова, П. И. Краткая русская грамматика. Этимология и синтаксисъ. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведений. Изд. 2-е, вновь пересмотрѣнное. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

І. Ф. Ш. Учебникъ желѣзнодорожной телеграфіи. Изд. 2-е (дополненное). Екатеринбургъ. 1904 г. Ц. 50 к. 7270

Картева, С. А. Школьный историческій словарь. Спб. 1906 г. Ц. 2 р. 15 к.

VI. НАРОДНЫЯ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Абаза, К. Отечественные героическіе рассказы. Съ рисунками, картами и планами. Ц. 2 р. въ переплетѣ.

Героическіе рассказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Цѣна 2 р. въ переплетѣ; въ бумажѣ 1 р. 50 к.

Азбеловъ, Н. Дѣтскій маскарадъ-звѣринецъ съ рисунками. Спб. г. Ц. 20 к.

Аммосова, А. Н. Зимніе вечера. Рассказы для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Свѣтъ и тѣнь. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мои двѣ племянницы. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. 8-е изд. Спб. 1906 г. Ц. 50 к.

Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 1906 г. Ц. 50 к.

Братъ и сестра. Рассказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Фрѣдофъ Навсенъ и его путешествія. Съ портретами и 40 рисунками. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Маленькій оборванецъ. Романъ Д. Гриниуды. Перев. съ англійскаго А. Н. Анненской. Изд. 5-е. Спб. Ц. 1 р.

Своимъ путемъ. Рассказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Беккеръ, В. А. Галл. Сцены изъ римской жизни времени Августа. Спб. г. Цѣна 1 рубль.

Хариклъ. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Богаевская, А. Веселая азбука. Слова и музыка. Пособіе для матерей, воспитательницъ и дѣтскихъ садовъ. Спб. Ц. 1 р.

Любимыя сказки. Слова и музыка. Спб. Ц. 1 р.

Привѣтъ. Сборникъ поздравительныхъ пѣсенъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ на 1, 2 и 3 голоса. Спб. Ц. 1 р.

"Amisuns-ouais!" Petits-airs en petits-jeux. Спб. Ц. 1 р.

Бутевичъ, С. Дневникъ дѣвочки. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Иллю-

страціи Н. А. Ассатурова. Приложение: картины С. Зейденберга. Рисункию обложки Г. Шварца. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 1 р. 10 к.

Валуева, А. П. (Мунтъ). Рассказы о великихъ и о хорошихъ людяхъ. Авраамъ Линкольнъ. Изд. 4-е. Москва. Ц. 20 к.

Джоржъ Вашингтонъ. 4-е изд. Екатеринбургъ. 1901 г. Ц. 12 к.

Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ (аббатъ Л'Эне, Самуилъ Гейлике и Валентинъ Гей). Москва. Ц. 10 к.

Дѣтство Александра Пушкина. Изд. 2-е. Москва. Ц. 10 к.

"Не отъ міра сего" (изъ жизни Елисаветы Кузьманъ 1808—1825 г.г.). Изд. 2-е. Москва. Ц. 10 к.

Христофоръ Колумбъ. Изд. 2-е. Москва. Ц. 25 к.

Поэтъ-герой. Изд. 2-е. Харьковъ. 1901 г. Ц. 12 к.

Вейнбергъ, Петръ. Для дѣтей (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисунками. Е. Бемъ, Н. Каразина, Ф. Мирбаха и С. Соломко. Ц. 1 р. 50 к. въ папкѣ. перепл.

Вернъ, Жюль. Вокругъ луны. Съ 40 рисунками. Спб. Ц. 2 р.

Герасимовъ, П. Въ подарокъ дѣтямъ. Четыре рассказа изъ ихъ жизни. Съ 4-ми рисунками. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Народные рассказы. 1) Усердіе не по разуму. Ц. 10 к. 2) Кой-кому бросить—рубль подберешь. Ц. 80 к. 3) Дѣва и у турокъ. Ц. 30 к. 4) Покойница воскресла. Ц. 20 к. 5) Нахалъ и чуть не въѣхалъ. Ц. 10 к. 6) Грѣхъ и покаяніе Петра Безлипаго. Ц. 15 к. 7) На грѣхъ минута—на отвѣтъ жизнь. Ц. 15 к.

Григорова, Е. Н. Валліанъ Шесепиръ, для юношескаго возраста, съ портретами и рисунками. Москва. Ц. 75 к.

Т. Г. Шевченко. Биографія. Для юношества. Съ 4 рис. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Рассказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е, дополн. Москва. Цѣна 1 р. 25 к.

Магометь. Для юношескаго возраста. Москва. Ц. 25 к.

Иллюстрированныя изданія дѣтскихъ книгъ Эд. Гранстрема.

Въ роскошныхъ переплеткахъ съ золотыми обрѣзами:

Калевала, финская народная эпическая. Передалъ Э. Гранстремъ. Съ 40 рисунками. Цѣна 2 р. 50 к., безъ перепл. 2 р. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ старшаго возраста бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ училищъ и обществѣнныхъ читальнъ. Учебно-Комит. Собств. Его Импер. Велич. Канц. во

утрежденіямъ Императрицы Маріи одобрена для ученическихъ библиотекъ средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Сказочный островъ Ципангу. Съ 4 рис. Э. Гранстремъ. Съ 4 раскраш. карт. по акварелямъ В. Крюкова и 86 рис. Цѣна 2 р. 50 к.

Ради золота. Буря и англичане въ Южной Африкѣ. Ж. Ле-Фора. Съ 4 раскрашенными картинками по акварелямъ В. Крюкова и 40 рисунками. Цѣна 2 р. 25 к.

Забитые рассказы пѣвца, шута и страдника. Соч. Аскотъ Р. Гоопъ. Съ 100 рисунками. Ц. 2 р.

Вароломеевская ночь. Историческій рассказъ А. Ганти. Съ 63 рисунками. Ц. 2 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ бесплатныя читальни. Учебн. Ком. Собств. Его Импер. Велич. Канц. по учрежденіямъ Императрицы Маріи допущена въ ученическія библиотеки старшаго и средняго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Крошка Аси. Рассказъ для дѣтей младшаго возраста. Составилъ по Франсуа Э. Гранстремъ. Съ 47 рисунками. Цѣна 2 р. 50 к.

Любимцы отца и оттого! Составилъ по Э. Дебо и другимъ Э. Гранстремъ. Съ 69 рисунками. Цѣна 2 р. 50 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ бесплатныя читальни.

Пылающій островъ. Рассказъ изъ послѣднихъ событій на Кубѣ. Л. Буссенаръ. Съ французскаго М. Гранстремъ. Съ 28 рис. Цѣна 2 руб.

Маленькія школьницы пяти частей свѣта. Рассказъ для дѣтей младшаго возраста Е. Бертье, одобренный Французской Академіей. Съ французскаго М. Гранстремъ. Съ 93 рисунками. Цѣна 2 руб. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена для ученическихъ младшаго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ училищъ и бесплатныхъ читальн.

Семь мудрыхъ школяровъ. Рассказъ для дѣтей средняго возраста. А. Гоопъ. Съ 88 рисунками. Цѣна 2 руб.

Въ странѣ чудесъ. Сцены изъ жизни и природы Индіи. Рассказъ для дѣтей средняго возраста. Л. Русселъ. М. Гранстремъ. 3-е изд. Съ 4 раскраш. карт. по акварелямъ В. Крюкова и съ 64 рис. Ц. 2 р. 25 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ бесплатныя читальни.

Живчикъ. Рассказъ для дѣтей средняго возраста. Г. Менвилъ-Феннъ. Съ 21 рисункомъ. М. Гранстремъ. Изд. второе. Съ

20 рис. Цѣна 2 руб. Учебн. Ком. Собств. Его Импер. Велич. Канц. по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрена для ученическихъ библиотекъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Исторія одного маленькаго человека. Рассказъ для дѣтей средняго возраста М. Р. Гальтъ, одобренный Французской Академіей. Переводъ М. Гранстремъ. Изданіе 3-е, съ 4 раскраш. карт. по аквар. В. Крюкова и 86 рис. Ц. 2 р. 25 к.

Маленькій миллионеръ. Рассказъ для дѣтей младшаго возраста М. Ливингстонъ-Мооди. М. Гранстремъ. 2-е изд., съ 45 рис. Цѣна 2 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія библиотеки младшаго и средняго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Учен. Ком. Собств. Его Импер. Велич. Канц. по учрежденіямъ Императрицы Маріи допущена въ ученическія библиотеки младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ царствѣ черныхъ. Сцены изъ жизни и природы средней Африки. Рассказъ для дѣтей средняго возраста. Г. Стенли. Съ 50 рисунками. Ц. 2 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія библиотеки средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а равно въ народныя читальни.

Дѣдушкина внучка. Рассказъ для дѣтей средняго возраста. Ж. Коломбъ, одобренный Французской Академіей. Переводъ М. Гранстремъ. Изд. 2-е. Съ 98 рис. Ц. 2 р.

Маленькій разнощикъ. Рассказъ для дѣтей средняго возраста А. Женеврѣ, одобренный Французской Академіей. Переводъ М. Гранстремъ. Изданіе 2-е. Съ 26 рис. Цѣна 2 руб. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія библиотеки младшаго и средняго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Елена Робинзонъ. Приключенія одной дѣвочки на необитаемомъ островѣ. Составилъ по Де-Фоз и Меллину Э. Гранстремъ. Съ 73 рисунками В. Табурина, В. Крюкова и др. Изданіе 2-е. Ц. 2 р. 50 к. Учен. Ком. Собственной Его Импер. Велич. Канц. по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрена для ученическихъ библиотекъ младшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ дебряхъ сѣвера. Приключенія волка, медвѣдя и лисички. Составилъ по финскимъ народнымъ сказкамъ Э. Гранстремъ. Для младшаго возраста. Изданіе третье. Съ 21 рисункомъ. Цѣна 1 р. 50 к.

— Два героя. I. Въ Новомъ Свѣтѣ. — II. Завоеваніе Мексики. Составилъ по Фалькенгорсту Э. Гранстремъ. Изд. второе. Съ 18 рис. Цѣна 2 руб.

— Въ лѣсахъ Флориды. Привлеченія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Составлено по Барингъ-Гульду и Брюнэ М. Гранстремъ. Изд. второе. Съ 23 рисунками. Ц. 2 р.

— Сказки З. Топелгуса, съ шведск. М. Гранстремъ. Изданіе 4-е, дополненное, съ раскрашенными картинками по акварелямъ В. Крюкова и 36 рисунками. Цѣна 2 руб.

Въ переплетѣхъ безъ золотыхъ обрѣзовъ:

— Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 гг. Составилъ Э. Гранстремъ. Изд. 4-е. Съ картою и 65 рисунками. Ц. 1 р. 50 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Слѣпной король. Сценн изъ тридцатилѣтней войны, по Шиллеру, Лодброку и Старбеку. Занимательнъ съ шведскаго Э. Гранстремъ. Изданіе 2-е. Съ 45 рисунками. Цѣна 2 руб.

— Слѣе знамя. Историческій рассказъ времени нашествія монголовъ. Занимательно съ французскаго М. Гранстремъ. Изд. 2-е. Съ 65 рис. и картой походовъ Чингисхана. Ц. 2 р.

— Всемирные свѣточи. Шиллеръ и Гёте. Рассказы изъ жизни великихъ людей. Три рассказа изъ исторіи нѣмецкой литературы. Составлено по Огору и Эрлиху М. Гранстремъ. Съ 75 рис. Цѣна въ переплетѣ 2 руб. Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія средняго и старшаго возрастовъ библиотекы среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, а также въ бесплатныя народныя читальни и библиотекы.

— Шекспиръ и его время. Рассказы изъ жизни великихъ людей. Рассказъ для средняго возраста. Составлено по Тикю и Геккеру М. Гранстремъ. Съ 60 рисунками. Цѣна въ переплетѣ 2 руб.

— Денисовъ, Д. Бѣлая лѣля. Рассказъ для дѣтей. (Изъ записокъ дѣвочки). Съ 15 рисунками. Москва. Ц. 75 к.

— Дмитриева, В. I. Малышъ и Жучка. Рассказъ. Изданіе 2-е. Изд. Фребелевскаго О—ва. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

— Горюнь. Рассказъ. Изд. Фребелевскаго О—ва. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

— Дергачевъ, И. Прежде азбуки. Первые вопросы ребенку и первое чтеніе съ

малолѣтками. Третье изданіе. Съ рисунками въ текстѣ. Тула. Ц. 1 р.

— Жизнь дѣтей, въ разсказахъ изъ иностранной дѣтской литературы. Изд. 2-е. Спб. Ц. 80 к.

— Мирасевичъ, С. Земля и небо. Описаніе важѣйшихъ явленій изъ области астрономіи, въ формѣ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Съ 30 рис. Спб. 75 к.

— Ираимыникова, Н. Прочтѣ и разскажи! Сборникъ статей для пересказа и стихотвореній для заучиванія наизусть. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

— Ломанъ, Д. Н. Достопримѣчательности С.-Петербурга. Чтеніе для народа. Съ 124 картинками. Спб. Ц. 30 к., въ изящномъ переплетѣ 50 к., въ пакѣ 40 к.

— Царь-Освободитель, Царь-Мученикъ, Императоръ Александръ II. Чтеніе для народа. Съ 92 картинками. Изд. 2-е, испр. и дополненное. Спб. Ц. 25 к. Допущена въ бесплатныя библиотекы и читальни.

— Павловская Памятка. Съ 40 картинками. Спб. Ц. 20 к., въ изящномъ переплетѣ 40 к.

— Ко дню священнаго коронованія и муропознванія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Теодоровны. Съ 21 картинкою. Изд. 2-е. Спб. Ц. 15 к.

— Царь-Освободитель, Царь-Мученикъ, Императоръ Александръ II. Чтеніе для народа. Спб. Ц. 5 к. Допущена для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Царь-миротворецъ Александръ III Императоръ Всероссійскій. Чтеніе для народа. Съ 69 картинками. Изд. 9-е. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.

— Луначевскій, В. Землетрасенія и отлѣдшанія горъ. 2-е изд. Съ рис. Ц. 16 к. Земля. Съ рис. Ц. 8 к. Среди свѣтлой и вѣчнаго льда. Съ рис. Ц. 24 к. Семейная жизнь животныхъ. Съ рис. Ц. 15 к. Общественная жизнь животныхъ. Съ рис. Ц. 12 к. Обезьяны. 2-е дополн. изд. Съ рис. Ц. 18 к. Пчелы, оси и термиты. Съ рис. Ц. 18 к. Вода. Съ рис. Ц. 28 к. Подводное царство. Съ рис. Ц. 20 к. Воздухъ. Съ рис. Ц. 15 к. Степь и пустыня. Съ рис. Ц. 18 к. Тайга и тундра. Съ рис. Ц. 14 к.

— Некрасовъ, Н. А. Русскія дѣтскія иллюстрированное изданіе, съ 16 картинками работы барона М. П. Клодта, рѣзанными на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ, у Брокгауза. Спб. Цѣна въ роскошномъ коленировомъ, тисненномъ золотомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

— Ольготъ, Л. Юность Розы. Продолженіе повѣсти „Семь братьевъ и сестеръ“. Пер. О. Бутенева. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Подъ сареними. Пер. Вутеневой. Изд. 2-е. Спб. 1 р. 50 к.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Повѣсть для дѣтей. Переводъ съ англійскаго. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

✠ П. В. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Спб. 1873 г. Ц. 20 к.

✠ Первозъ, П. Д. Изъ исторіи Геродота. Персы. Египтяне. Сквеія. Чтеніе для юношества и для самообразованія. М. 1905 г. Ц. 60 к. 7280

✠ Петровская, Е. И. Картинки изъ дѣтской жизни. Разсказы - были. Съ рисунками А. Шнейдеръ и др. Спб. Ц. 1 р.

Мама - дѣткамъ о природѣ. Для первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ явленіями четырехъ стихій. Съ рис. А. Шнейдеръ и др. Спб. Ц. 1 р.

Какой у насъ сегодня праздникъ, мама? Съ картинками въ текстѣ и въ отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1900 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 25 к.

✠ Плахово, Н. О. Волшебница весна. Разсказы для дѣтей младшаго возраста, удостоенный преміи Спб. Фребелевскаго Общества, съ рисунками К. В. Изенберга. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

✠ Сенниковъ, Г. Къ свѣту. Разсказы для юношества. Переводъ Н. Васина. М. Ц. 50 к. 7284

✠ Соловьева, Л. На охотѣ. Разсказы для дѣтей младшаго возраста, удостоенные преміи Спб. Фребелевскаго Общества. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

✠ Толстой, графъ Лев. Ник. Дѣтство. Отрочество и юность. Москва. Ц. 1 р.

Тоже, иллюстрированное изданіе, Москва. Ц. 2 р.

Казаки. Москва. Ц. 45 к.

Севастопольскіе разсказы. Москва. Ц. 50 к.

Избранные отрывки изъ сочиненій, въ переплетѣ Ц. 1 р.

✠ Туръ, Е. Борьба испанцевъ съ жавраками и завоеваніе Гренады. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Дѣти короля Людовика XVI. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р.

Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства, съ англійскаго. Изд. 10-е. Москва. Ц. 1 р.

Последніе дни Пошпей, переводъ для отроческ. возраста, изд. 5-е. Спб. Ц. 1 р. Профессоръ Кудряцевъ. Ц. 40 к.

Матри въ Испаніи. Ц. 1 р.

Семейство Шамонскихъ. Изъ семейной хроникъ. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р.

Книжка Дубровина. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Сергій Воръ-Раменскій. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. третье. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Черезъ край. Разсказъ. Изданіе 2-е. Москва. Ц. 40 к.

Три разсказа для дѣтей: 1) Жемчужное ожерелье. 2) Звѣздочка. 3) Хрустальное сердце. Изд. 5-е. Москва. Ц. 1 р.

VII. ИСТОРИЯ—БІОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Баровъ, Н. И., профессоръ. Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Спб. Ц. 2 р.

Беръ, А. А. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ III. Спб. 1900 г. Цѣна 50 коп.

Гриммъ, Э. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. II. Римская императорская власть отъ Галльи до Марка Аврелія. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

✠ Грушевскій, Михайло. Исторія України—Руси. Томъ I. До початку XI вѣка. Виданіе друге, розширене. Львовъ. 1904 г. Ц. 3 р. 75 к. Томъ II. XI—XIII вѣк. Виданіе друге, розширене. Львовъ, 1905 г. Ц. 3 р. 75 к. Томъ III. До року 1340. Львовъ, 1900 г. Ц. 2 р. 50 к. Томъ IV. XIV—XVI вѣки — відносини політичні. Львовъ, 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. 7226

Дебидуръ, А., проф. Политическая исторія XIX вѣка. Исторія вѣнскихъ сношеній европейскихъ державъ съ 1814 по 1878 г. Томъ I. Священный Союзъ. Переводъ съ фр. студентовъ Имп. Спб. унив., подъ ред. прпр.-доц. Ал. Палена. Изданіе Библиотекѣ Обществѣннхъ Знаній. Выпускъ I. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дерюминскій, В. О., проф. Издающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка. Характеристики Брайса. Спб. 1904 г. Ц. 60 к. 7209

Дамашевъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки. Изд. 9-е, дополненное. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к. 7206

Ермоловъ, Н. Черты изъ жизни императора Николая Павловича по разсказамъ современниковъ. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Зѣлинскій, О., проф. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. II. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Древній міръ и мы. Лекціи, читанныя ученикамъ выпускныхъ классовъ весной 1903 г. Ц. 80 к.

Амбровичъ, Сигизмундъ. Царь въ плѣну. Историческій очеркъ. Изданіе 2-е. Съ 46-ю снимками съ портретовъ, картинъ, рисунковъ, гравюръ, медалей, видовъ, плановъ и пр. Спб. 1 р. 7280

Люттовъ, М. М. Жизнь и труды Гиббона. Съ портретомъ и fac-simile. Изд. 2-е. Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр. для фундамент. библиотекъ, гимн. и реальн. учил. и допущена въ безплатныя народныя читальни и библи. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Люэнь - Пуль, Стэнли. Мусульманскія и генеалогическія таблицы, съ историческими введеніями. Переводъ съ англійскаго, съ примѣчаніями и дополненіями, В. Бартольда. Спб. Ц. 2 р.

Мордовцевъ, Д. Л. Новыя историческія повѣсти и разсказы. Т. XII. Изд. первое. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

— Поѣздка къ пирамидамъ (Чухеса въ странѣ фараоновъ). Т. XI. Кн. I-я. Спб. Ц. 1 р. 7080

— Наносная бѣда. Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р. 7080

Семевскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Томъ I, изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1908 г. Ц. 3 р. 50 к. Томъ II. Спб. 1901 г. Цѣна 5 руб.

— Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе. Т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибирь до 1870 г. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г. Спб. Цѣна каждаго тома 3 р.

Семевичъ, Г. На полѣ славы. Историческій романъ изъ временъ Яна Собскаго. Часть I. М. Ц. 1 р. 7284

Смирновъ, Ѳ. А. Иллюстрированная русская исторія. Первоначальный курсъ. Спб. 1906 г. Ц. 50 к. 7289

Тураевъ, Б. Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эіопіи. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Тэмъ, И. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Переводъ съ 8-го франц. изданія. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

VIII. ГЕОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ—СТАТИСТИКА.

Крамеръ. Сибирь и значеніе великаго Сибирскаго пути. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Мартыновъ, С. В. Печорскій край. Очерки природы и быта. Населеніе, культура, промышленность. Спб. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Левитовъ, И. Желтая Россія. Докладъ. Китайскія желѣзнодорожныя концессіи. Спб. 1901 г. Ц. 80 к.

— Желтая раса. 1. Триумфальное шествіе китайцевъ въ Россію. 2. Эмиграція китайскихъ чернорабочихъ (кули) въ Новый Свѣтъ. 3. Что дѣлать? Спб. 1901 г. Цѣна 80 к.

Левитовъ, И. Желтороссія, какъ буферная колонія. Спб. 1906 г. Ц. 75 к. 7361

Ядрищевъ, Н. М. Сибирь, какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Спб. 1882 г. Ц. 3 р.

IX. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—МЕТЕОРОЛОГІЯ.

Веребурсовъ, А. С. Объ уравненіи $x^5 + y^5 = Az^5$. Москва. 1905 г. Ц. 10 к. 6640

— — — Общее рѣшеніе уравненія $x^3 + y^3 = x'^3 \pm y'^3$. Москва. 1906 г. Ц. 30 к. 6640

Волметъ, М. Эволюція понятія о числѣ. Спб. Ц. 80 к.

Ковалевскій, С. Двойной поніусъ, его теорія и примѣненіе. Спб. Ц. 80 к.

Литвинсонъ, П. А. Кусочки небеснаго свода. Наблюденія звѣздъ изъ окна и на открытомъ воздухѣ. Зима и весна. Изд. Ал. Альмедингена. Спб. Ц. 40 к.

Поссе, К., проф. Курсъ дифференціального и интегральнаго исчисленій. Спб. 1903 г. Ц. 4 р.

Сомовъ, І. Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ нѣтрешій. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

— — — Рациональная механика. Введеніе въ статистику и динамику и статика. Ч. II. Вып. I. Спб. Ц. 2 р. Часть II. Вып. II. Спб. Ц. 2 р.

— — — Начертательная геометрія. Изданіе 3-е. Спб. Ц. текста съ чертежами 2 р.

X. ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Абергъ, Р., д-ръ, и Герцъ, д-ръ. Практическія занятія по химіи. Работы по аналитической химіи и приготовленію препаратовъ, основанныя на законахъ физической химіи. Перев. подъ ред. В. А. Ковалевскаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Богдановичъ, К. И., проф. Горнаго Института. Ученіе о рудныхъ мѣсторожденіяхъ. Курсъ, читанный въ Горномъ Институтѣ. Вып. I. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 85 к.

Everett. Единичи и физическія постоянныя, со 2-го англійскаго изданія перевелъ Вербицкій и Жеребятъевъ. Спб. Ц. 2 р.

Индриксонъ, Ф. Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. Спб. 1905 г. Ц. 70 к. 7165

Иностранцевъ, А. А., проф. Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студентамъ Спб. университета. Т. I. Содре-

менныя геологическія явленія (динамическая геологія). Петрографія и стратиграфія. Съ 341 политипажомъ въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб. 1906 г. Ц. 4 р. 50 к.—Т. II: Историческая геологія съ 653 политипажами въ текстѣ. Изд. 3-е, значительно дополненное. Спб. 1903 г. Ц. 4 р. 50 к.

Кребсъ, Г. Превращеніе энергіи. Очеркъ теоріи современной физики. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 60 рис. въ текстѣ. Спб. Ц. 1 р.

Муриловъ, В. В., профессоръ. Краткій учебникъ химіи для гимназій и реальнѣхъ училищъ. Съ предисловіемъ академика Н. Н. Бекетова. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Екатеринбургъ. 1904 г. Ц. 50 к. 7270

Лефевръ, Ж., проф. Сжиганіе газовъ и ихъ прижненія. Переводъ съ французскаго С. И. Ламанскаго. (Съ 38 рис. въ текстѣ). Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Мушкетовъ, И. В., проф. Физическая геологія. Т. I. Общія свойства и составъ земли. 2-ое изд., значительно переработанное. Съ 4 картами и 708 политипажами въ текстѣ. Спб. Ц. 6 р. 615

— Физическая геологія. Т. II. Денудационные процессы. Вып. I. (Геологическая дѣятельность атмосферы и подземной воды). Второе изданіе, значительно переработанное, съ 4 картами и 229 политипажами въ текстѣ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

— Краткій курсъ петрографіи для студентовъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I. Съ 112 политипажами въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 777

Nernst, W. Теоретическая химія съ точки зрѣнія закона Avogadro и термодинамики. Переводъ В. Бурдакова, съ 3-го нѣмецкаго изданія. Съ 36-ю рисунками. Спб. 1904 г. Ц. 4 р.

Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изданный друзьями и учениками И. В. Мушкетова подъ редакціей К. И. Богдановича и А. П. Герасимова. Весь сборъ отъ продажи настоящаго изданія поступаетъ въ „Мушкетовскій капиталъ“ при Горномъ Институтѣ Императрицы Екатерины II. Спб. 1906 г. Ц. 3 р. 50 к. 7221

Петрово - Соловцовъ, М. Приложенія къ переводу сочиненія Ф. Подмора „Спиритизмъ“. I. Замѣчанія по поводу критическихъ приѣмовъ г. Подмора. II. Очерки изъ исторіи спиритическаго движенія въ Россіи. Спб. 1906 г. Ц. 2 р. 7221

Подморъ, Франкъ. Спиритизмъ. Историческое и критическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго М. Петрово-Соловцова, съ добавленіями переводчика. Т. I. Спб. 1904 г. Т. II. 1906 г. Цѣна за оба т. 4 руб.

Пролеменіе первого телеграфа черезъ океанъ. По книгѣ Фонвіеала изложилъ П. Д. Первозъ. 7280

Рубисовъ, К. Н. Основныя данныя практической алкоолюметріи и ихъ прижненіе. По научнымъ изслѣдованіямъ удѣльныхъ вѣсовъ растворовъ спирта Д. М. Менделѣева. Спб. Ц. 2 р.

Саме, Э. Современная физика. Общій единствъ физическихъ явленій. Спб. Ц. 75 к.

Содди, Ф., проф. Радиоактивность. Элементарное изложеніе съ точки зрѣнія теоріи распада атомовъ. (Съ 38 рисунками). Переводъ съ англійскаго Ф. Н. Индриковскаго. Спб. 1906 г. Ц. 2 р. 7165

Тайлоръ, Э. Б. Антропология. Введеніе въ изученіе человѣка и цивилизаціи. Переводъ съ англійскаго д-ра И. О. Иванова. Съ 78 рисунк. въ текстѣ, второе изданіе И. И. Билибина. Спб. Ц. 2 р.

Тимдаль, Дж. Вещества, носящіяся въ воздухѣ, и отношенія ихъ къ гниенію и заразы. Ц. 2 р.

XI. ЮРИДИЧЕСКІЯ И СОЦІАЛЬНЫЯ НАУКИ.

Аваловъ, З. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Вонапарта до нашихъ дней. Политическое изслѣдованіе. Спб. 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.

Барацъ, С. М. Задачи вексельной реформы въ Россіи. (По поводу проекта устава вексельнаго 1898 г.). Спб. Ц. 1 р. 50 коп.

— Курсъ вексельнаго права, въ связи съ ученіемъ о векселяхъ и вексельныхъ операціяхъ. Спб. Ц. 5 р.

Берсъ, Е. О. Причинахъ разоренія земледѣльческой Россіи. Спб. Ц. 50 к.

Бомъ - Баверъ, проф. Теорія Карла Маркса и ея критика. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. П. И. Георгіевскаго. Спб. Ц. 80 к.

Верховскій, К. В. Служба прокурорскаго надзора. Прокуроръ и товарищъ прокурора окружнаго суда. Часть I. (Опытъ практики). Тифлисъ. 1906 г. Ц. 2 р. 7297

Воронцовъ, А. Г. Объ основаніяхъ избирательныхъ правъ въ городскихъ населеніяхъ. Спб. 1906 г. Ц. 20 к. 7294

Гагенъ, В. А. Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею (соціально-политическій этюдъ). Спб. 1904 г. Ц. 70 к. 7255

Гантоверъ, Л. В. О происхожденіи и сущности вѣдно - чиншевого владѣнія. Вып. I. Спб. Ц. 1 р.

Гельмъ, Адольфъ. Развѣтіе крупной промышленности въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. С. Т—ва. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Грессъ, И. М. Очерки изъ исторіи римскаго земледѣлія. (Примуществомъ во время Имперіи). Т. I. Сиб. Ц. 4 р.

Григорьевъ, Владимиръ. Избирательное право и организація выборовъ. Спб. 1906 г. Ц. 40 к. 7278

Гриниъ, Д. Д. Основы ученія о юридической сдѣлкѣ въ современной нѣмецкой доктринѣ пандектнаго права. Прологомены къ общей теоріи гражданскаго права. Т. I. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

Довернуа, Н. Л., проф. Чтенія по гражданскому праву. Томъ I. Введеніе и часть общаѣ. (Вып. 1-й). Изд. 4-е. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 60 к.

Чтенія по гражданскому праву. Томъ I. Введеніе и часть общаѣ. (Выпускъ 2-й. Лица. Вещи). Изд. 4-е. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 60 к.

Чтенія по гражданскому праву Т. I. Введеніе и часть общаѣ. Вып. III. (Измѣненіе юридическихъ отношеній. Ученіе о юридической сдѣлкѣ). Изд. 4-е. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 60 к.

Пособіе къ лекціямъ по гражданскому праву. Вып. 2-й. Обязательства. Часть общаѣ. (Отд. 1). Въ связи съ замѣчаніями на проектъ книги V Гражданскаго Уложенія. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

Карповъ, Ф. Н. Инспекція труда (фабричная инспекція) и охрана рабочихъ на Западѣ. Часть I — фактическая. Спб. 1906 г. Ц. 70 к. 7237

Ковалевскій, О. Покровительственная пошлина, что она даетъ населенію и что у него беретъ. Цифры и факты. Спб. Ц. 50 к.

Мартевъ, Ф., проф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Изд. 5-е, дополненное и исправленное. Томъ I. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к. Томъ II. Спб. 1905 г. Ц. 4 р.

Мигулинъ, П. П., проф. Война и наши финансы. Харьковъ. 1906 г. Ц. 1 р. 60 к. 7216

Муравьевъ, Н. В. Изъ прошлой дѣятельности. Томъ первый. Статьи по судебнымъ вопросамъ. Томъ второй: Рѣчи и общенія. Спб. Ц. за оба тома 6 р.

Наказъ министра юстиціи, генералъ-прокурора, чинамъ прокурорскаго надзора судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ. Спб. Ц. 1 р.

Мольде, бар. Б. Э. Постоянно нейтральное государство. Юридическое изслѣдованіе. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 50 к.

Объяснительная записка къ проекту новой редакціи положенія о нотаріальной части. 2 части. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 7163

Пяленко, А. Право изобрѣтателя. (Привлеченіи на изобрѣтенія и ихъ защита въ русскомъ и международномъ правѣ).

Историко-догматическое изслѣдованіе. Т. I. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. Т. II. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Привлеченіи на изобрѣтенія (Практическое руководство, съ приложеніемъ текста закона 20 мая 1896 г., позднѣйшихъ дополненій, формъ дѣловыхъ бумагъ и краткихъ свѣдѣній объ иностраннѣхъ законахъ). Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1903 г. Ц. 86 к.

Проектъ новой редакціи положенія о нотаріальной части. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Сергѣевъ, В. И., профессоръ. Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Изд. 2-е, съ переизмѣненіями и дополненіями. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.

Русскія юридическія древности. Томъ II. Вѣче и князь. Совѣтники князя. Изд. 2-е, съ поправками. Спб. 1900 г. Ц. 3 руб.

Древности русскаго права. Томъ III. Земледѣліе. Тягло.—Порядокъ обложения. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Изд. 3-е. Спб. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русская правда. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

Сергѣевскій, Н. Д., профессоръ. Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общаѣ. Изд. 6-е. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 30 к.

Казуистика. Сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву. Изд. 8-е. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Слонимовъ, Л. С. Основныя вопросы политики. Спб. Ц. 2 р.

Охрана крестьянскаго земледѣлія и необходимыя законодательныя реформы. Спб. Ц. 60 к.

Экономическое ученіе Карла Маркса. Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. В. I—III. 1867—93). Изложеніе и критическій разборъ. Въ приложеніи: Письмо Маркса объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Случевскій, В., проф. Учебникъ русскаго уголовного процесса. Судостроительство —судопроизводство. Изд. 2-е, передѣланное и дополненное. Спб. Ц. 5 р.

Добавленіе къ учебнику русскаго уголовного процесса. Спб. 1900 г. Ц. 35 к. Покупателямъ „Учебникъ“ добавленіе выдается бесплатно.

Суходельскій, А. А. Значеніе для государства торгово-промышленнаго счетоводства. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Толстой, графъ Сергѣй. О составѣ крестьянскаго сословія. Москва. 1904 г. Ц. 50 к. 7097

Труды комиссіи, учрежденной г. мо-

скоескимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ В. А. Долгоруковымъ, для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Моск. г. Англійское фабричное законодательство. Подъ ред. члена комиссіи проф. И. И. Янжула. Москва. 1880 г. Ц. 2 р.

Вил. Ш. Англійское и швейцарское законодательство объ ответственности хозяевъ за несчастія съ рабочими. Подъ ред. члена комиссіи проф. И. И. Янжула. Москва. 1882 г. Ц. 65 к.

Филипповъ, Ю. Д. Торговое мореплавание. Выпускъ первый. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 7256

Шоловскій, П. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Штиглицъ, А. Италия и тройственный союзъ. Спб. 1906 г. Ц. 2 р. 7291

Янжулъ, И. И. Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Анкнзъ. Москва. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.

Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкуренціи и началъ государственнаго вмѣшательства. Вып. II. Періодъ свободной торговли. Москва. 1882 г. Ц. 3 р.

Очеркъ историческаго развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Московскаго ун-в. 12-го января 1887 г. Москва. 1887 г. Ц. 75 к.

XII. МЕДИЦИНА — ГИГИЕНА — ВЕТЕРИНАРІЯ.

Аленовъ, С. Н. Болѣзни гнѣа: склизистъ и перелой мужчинъ и женщинъ. Предупрежденіе (какъ уберечь себя отъ зараженія), распознаваніе и леченіе по лучшимъ современнымъ отечественнымъ и иностраннымъ клиническимъ (проф. Писпѣлову, Тарновскому, Фишеру и др.). (Популярное объяснительное изложене). Москва. Ц. 50 к.

Бенарюмовъ, Д. Д., д-ръ. Основныя начала школьной гігіены. Москва. 1906 г. Ц. 2 р. 7287

Вяземскій, кн. Н. В. Измѣненія организма въ періодѣ сформированія. (Возрасты отъ 10—20 лѣтъ). Въ 3-хъ томахъ. Томъ I, часть 1-я. Томъ I, часть 2-я и 3-я. Томъ II, часть 1-я и 2-я. Спб. 1901 г. Ц. за три тома—7 р. 50 к. 7286

Вяземскій, кн. Н. В. О психической жизни человѣчества. Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

О половой зрѣлости съ педагогической точки зрѣнія. Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Довель, Д., ветеринарный врачъ.

Технологія мясныхъ продуктовъ „Мясо“. Руководство для слушателей интендантскаго курса, командировъ отдѣльных частей, дежурныхъ офицеровъ, врачей и другихъ лицъ, интересующихся мяснымъ дѣломъ. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. 7266

Делобель, Ж., д-ръ. Школьная гігіена. Переводъ подъ редакціею д-ра мед. А. Виренуса. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Муковскій, В. П., д-ръ. Лѣтія желудочно-кишечныхъ заболѣваній: холера у дѣтей (къ предупрежденію и леченію). Изд. 2-е, дополненное. Спб. Ц. 30 к.

Луницъ, В. А., д-ръ мед. Какъ поступать при холерѣ? Спб. Ц. 20 к. 7254

Подъяпольскій, П. О высокой вѣроятности проявленія внушеній, заданныхъ родителями, у дѣтей. Саратовъ. 1905 г. Ц. 80 к.

Волдырь отъ минимума ожога, причиненнаго словесными внушеніемъ въ состояніи искусственнаго сна. Съ авторизаціей. Саратовъ. 1905 г. Ц. 35 к. 7283

Писковскій, Н., д-ръ мед. Этюдъ по гігіенѣ и леченію болѣзней безъ лекарствъ, при помощи однихъ только мышечныхъ упражненій. Москва. 1905 г. Ц. 35 к. 7079

Трионъ—Хелениусъ, Аллн, и Хелениусъ, Матвѣй. Вліяніе алкоголя. Спб. 1905 г. Ц. 20 к. 949

XIII. ТЕХНОЛОГИЯ—СТРОИТЕЛЬНОЕ И ИНЖЕНЕРНОЕ ДѢЛО—РЕМЕСЛА.

Бобылевъ, Д., проф. Прибавленіе къ курсу аналитической механики. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Курсъ аналитической механики. Ч. II, кинетическая. Вып. I. Механика матеріальной точки. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Вып. II. Механика системъ, составленныхъ изъ матеріальныхъ точекъ. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Очеркъ теорій водныхъ теченій, въработанной Буссинескомъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Руководство къ курсу теоретической механики. Съ 6-ю листами чертежей. Спб. Ц. 4 р. 40 к. 6897

Курсъ аналитической механики. (Теоретической механики) I часть кинематическая. (Изд. 3-е.) Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

Курсъ аналитической механики. (Теоретической механики) Гидростатическая и уравненія гидродинамики. Спб. 1904 г. Ц. 50 коп.

XIV. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Абаза, К. К. Завоеваніе Туркестана. Съ рисунками, картами и планомъ текни-

ской крѣпости Деонилъ-Тесе. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

XV. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Гагенъ, В. А. Земство и общественныя работы. Спб. 1905 г. Ц. 25 к. 7255

Косеротовъ, Ф. И., агрономъ. Какъ и чѣмъ улучшить лѣсные покосы. (Для холмовъ-практиковъ). Спб. Ц. 8 к. 7254

Костычевъ, П. А., проф. Почва, ея обработка и удобрение. Практическое руководство. Съ предисловіемъ проф. московскаго сельско-хозяйственнаго института Д. Н. Прянишникова. Изд. 2-е. Москва. 1905 г. Ц. 1 р. 7101

Малиновъ, Б. П. Бесѣды по вопросамъ гигиены въ плодовомъ саду. (Изъ замѣтокъ по поѣздкѣ въ заграничныя „станціи для защиты растеній“). Астрахань. 1908 г. Ц. 85 к. 7009

Шарпантье - де - Коссианъ. Земледѣльческая гидравлика (руководство къ орошенію), пер. А. И. Подольскій. Спб. Ц. 6 р.

XVI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Булгаковъ, Ф. И. В. В. Верещагинъ и его произведенія. Съ автографическими портретами и репродукціями съ картинъ и рисунковъ В. В. Верещагина. 2-е дополненное изд. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к. 7198

Вальтеръ, В. Г. Въ защиту искусства. Мысли музыканта по поводу статьи Д. Н. Толстого: „Что такое искусство“. Спб. Ц. 40 к.

— Какъ учить игръ на скрипкѣ. Практическое пособіе для учителей и учащихся. Спб. Ц. 50 к.

Музыкальное образованіе любителей. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Великій, Вл. Дорогой цѣной. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. Ц. 60 к. 7254

Метерлинь, М. Жуазель. Пьеса въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго М. Маринъ и В. Полова. Москва. Ц. 60 к. 7276

Саннетти, Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Т. I. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Саннетти, Л., проф. Краткое руководство къ теоріи музыки. Элементарная теорія, гармонія, контрапунктъ, формы инструментальной и вокальной музыки. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Краткая историческая музыкальная хрестоматія съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включительно, съ приложеніемъ испанской школы. 2-е дополненное изданіе. Спб. 1900 г. Ц. 3 р. 50 к.

Тепловъ, А. „Въ погонѣ за Горькимъ“. („Вверхъ дномъ“). Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Тверь. 1904 г. Ц. 75 к. 7220

XVII. СПРАЧНЫЯ КНИГИ.

Альбовъ, П. И. Правила игры „Винтъ“, принятыя въ Благородномъ Собраніи и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Винтъ классическій. Винтъ съ прикупомъ. Винтъ съ прикупомъ, присмыкомъ и гасдекомъ. Винтъ гусарскій и другіе. Третье дополненное изданіе подробно и понятно изложенное. Спб. 1905 г. Цѣна 50 коп. 7259

Бычковъ, Александръ. Систематическій указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ. 1905 г. Ц. 40 к. 7260

НОВОЕ ИЗДАНІЕ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА.
ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ
СБОРНИКЪ

„На славномъ посту“

Сборникъ этотъ былъ составленъ и изданъ въ ознаменованіе сорокалѣтія литературной дѣятельности покойнаго
Н. К. Михайловскаго.

Цѣна 3 рубля.

НОВЫЯ КНИГИ,

отпечатанныя въ типографіи М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

въ ноябрѣ 1905 г.:

АННЕНСКАЯ, А. Мои двѣ племянницы. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Изд. 3-е. Спб. 1906 г. Ц. 50 к.

ИГНАТЬЕВА-АЛЕКСАНДРОВА, П. П. Курсъ кулинарнаго искусства. Изд. 4-е. Спб. 1906 г. Ц. 3 р. 50 к.

Находятся въ печати:

Барсуковъ, Н. И.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 20-я.

Весинъ, Л. П.—Сборникъ темъ. Изд. 7-е.

Елпатьевскій, К. В.—Учебникъ русской исторіи. Изд. 10-е.

Исторія факультета восточныхъ языковъ при Спб. унив. Т. II.

Коркуновъ, Н. М., проф.—Русское государственное право. Т. I, изд. 6-е.

Костомаровъ, Н. И.—Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. 8-я.

Котляревскій, Н. А.—Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій.

Лосскій, Н. О.—Обоснованіе интуитивизма.

Малышевъ, К.—Гражданскіе законы Калифорніи. Т. I. Изд. К. Риккера.

Моревъ, Д. Д.—Коммерческая географія. Часть II. Изд. 8-е.

Мушкетовъ, Н. В., проф.—Туркестанъ. Т. II.

Орловъ, Н.—Физика. Изд. К. Л. Риккера.

Петровъ, М. Н.—Сочиненія.

Петрушевскій, А.—Разсказы про Петра I. Изд. В. Березовскаго.

Письма и бумаги Суворова.

Прохановъ, И. С.—Стихотворенія.

Пыпинъ, А. Н.—Характеристики литературныхъ мѣтвъ. Изд. 6-е.

Соколовъ, Арк.—Краткій учебникъ географіи. Изд. 2-е. Изд. Ильина.

Серре.—Арифметика. Изд. М. В. Шрождова.

Стасюленичъ, М. М.—Исторія среднихъ вѣковъ. Т. II. Изд. 3-е.

Хвольсонъ, О. Д.—Курсъ физики. Томъ IV. Изд. К. Риккера.

Ходскій, Л. В.—Основы государственнаго хозяйства. Изд. 3-е.

„Въ своей хаті своя сила,
своя правда, своя воля“.

Открыта подписна на 1906 годъ
на ПЕРВУЮ въ Россіи газету на украинскомъ языкѣ

УКРАЇНА

и еженедѣльный и ежемѣсячный журналы на томъ же языкѣ

„ЗОРЯ“ и „ХАТА“.

I. Газета для народа „УКРАЇНА“ 150 №№ } въ годъ.
2 р. 50 к.

Газета предназначена и стилизована на пониманіе широкихъ народныхъ массъ
ПРОГРАММА КОНСТИТУЦІОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ.

Свободное украинское слово. — Просвѣщеніе народа на родномъ языкѣ. — Добытая кровью и политая трудовымъ потомъ земля должна принадлежать украинскому люду. — Автономность (но не сепаратизмъ) Украины. — Выборная украинская краевая рада. — Выборные судъ, администрація и духовенство. — Всеосновная волость. — Подоходный налогъ.

Главное вниманіе редакціи будетъ посвящено интересамъ трудового земледѣльческаго класса.

II. Еженедѣльный богато иллюстрированный журналъ „ЗОРЯ“ 50 №№ } въ годъ.
2 р. 50 к.

III. Ежемѣсячный журналъ „ХАТА“ 12 книжекъ } въ годъ.
1 р. 50 к.

Держась тѣхъ же принциповъ, что и газета, журналы будутъ вмѣщать въ себя отдѣлы украинской беллетристики, политики, критики, исторіи, библіографіи, сельскохозяйственный отдѣлы и пр. „ХАТА“ также будетъ иллюстрироваться по мѣрѣ возможности.

Подписная цѣна на газету и оба журнала — 6 руб. въ годъ.

Разсрочка по соглашенію съ редакціей.

Участіе будутъ принимать лучшіе украинскіе и галицкіе писатели, публицисты, ученые и художники (полный списокъ будетъ опубликованъ въ концѣ декабря 1905 г.). Первые №№ выйдутъ 1-го января 1906 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція проситъ украинскихъ писателей, ученыхъ, художниковъ, переводчиковъ съ русскаго и иностранныхъ языковъ на украинскій и лицъ, располагающихъ чужими произведеніями и матеріалами, относящимися къ родному краю и ранѣе не напечатанными, и вообще лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ журналомъ и газетой, прислать свои произведенія и въ той или иной формѣ поддерживать это начинаніе.

Редакція и контора — Москва, Тверская, Чернышевскій пер., 16.

Редакторъ-издатель Пр. Повѣр. *Ив. Оттоковъ.*

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложений, подписчики получаютъ по одной книгѣ, а новые подписчики, выписывающіе также (за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.) первыя 10 книгъ Салтыкова-Щедрина за 1905 г., получать ихъ при первомъ № „Нивы“ 1906 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1906 годъ

(37-й годъ изданія)

на еженедѣльн. иллюстриров.

ЖУРНАЛЬ

со многими приложениями

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1906 года:

52 №№ художеств.-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ романы, повѣсти, рассказы; гравюры, рисунки и иллюстраціи современ. событій.

40 книгъ „Сборника Нивы“, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ОСТАЛЬНЫЯ

30 книгъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

(„Сказки“, „Мелочи жизни“, „Благонамѣренные рѣчи“, „Господа Ташкентцы“, „Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „Письма къ тетенькѣ“ и мн. друг. Войдутъ также не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ три сказки и комедія „Смерть Пазухина“).

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

ПЕРВЫЯ

10 книгъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **К. М. СТАНЮКОВИЧА**

(въ которыя войдутъ „Морскіе рассказы“, романы: „Безъ исхода“, „Два брата“ и рядъ рассказовъ), подѣ редакціей и съ биогр. очеркомъ **П. В. Быкова**.

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

12 книгъ „Еженѣдн. литературныхъ и популярно-научныхъ Приложеній“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

12 №№ „Парижскихъ модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ.

12 листовъ рисунковъ (около 300) для рукодѣльных, вышивальныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „Остѣнной календарь“ на 1906 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложениями на годъ:

въ С.-Пе- безъ доставки—6 р. 50 к.
тербурга: съ доставкой—7 р. 50 к.
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста
Россіи . . . **8** р.
За границу—12 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗОРОЧКА ПЛАТЕНА ВЪ 2, 3 и 4 ОРОНА.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1906 г. со всѣми ея приложениями, еще ПЕРВЫЯ 10 книгъ соч. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА за 1905 г., доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ СПб. — 1 р. 50 к.; съ дост. въ СПб. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу—2 руб.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ
КНИГА СЕДЬМАЯ
СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
Н. И. КОСТОМАРОВА

издаваемого Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ
и ученымъ (Литературнымъ Фондомъ).

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИССЛѢДОВАНІЯ.

С.-Петербургъ, 1905 года. Цѣна — 3 р. 50 к. безъ пер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича, въ С.-Петербургѣ
Вас. Остр., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается по почтовой стоимости при
доставкѣ книгъ.

ИЗДАНІЯ
Литературнаго Фонда,
ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

ВЪДОГоловѢЙ, Н. А. Воспоминанія и другія статьи. Ц. 1 р. 50 к.

ГАРШИНЪ, В. М. Разсказы. Ц. 2 р.

ДЖАНШИНЪ, Г. А. Изъ эпохи великихъ реформъ. Ц. 2 р. 50 к.

ЕФИМЕНКО, А. Этнографическія изслѣдованія. Ц. 2 р.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Собраніе сочиненій. (Историческія монографіи
изслѣдованія). Цѣна по подпискѣ (до выхода послѣдней книги) 20 р., отдѣльно
7 кн. по 3 р. 50 к., 2, 4, 5 и 6 кн. по 4 р., 3 кн. 2 р. 50 к. и 8 кн. 4 р. 50 к.

НАДСОНЪ, С. Стихотворенія. Ц. 2 р.

ЕГО ЖЕ. Недопѣты и ѣсни. Ц. 1 р.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас.-Остр., 5 л., 28.

Де-Волланъ, Григорій. „Въ странѣ Восходящаго Солнца“. Очерки и замѣтки о Японіи. Съ рисунками. 2-е исправл. и дополненное изданіе. Спб. 1905 г.

Въ основаніе настоящаго всесторонняго изслѣдованія исторіи и современнаго состоянія Японіи положено личное знакомство автора какъ съ этою страной, такъ и съ обширною литературою предмета въ западной Европѣ. За обстоятельными историческимъ очеркомъ многолѣтней судьбы Японіи слѣдуютъ особые отдѣлы съ личными впечатлѣніями, полученными авторомъ во время его пребыванія въ этой такъ-называемой странѣ „Восходящаго Солнца“, и съ описаніемъ повѣйшихъ пунктовъ сѣвера и юга Японіи. Послѣдніе отдѣлы посвящены японской литературѣ, театру, искусствамъ, конституціи, и наконецъ, въ заключеніе, излагается современное экономическое положеніе Японіи и ея внутренняя и вѣншая политика. При этомъ авторъ раздѣляетъ ту точку зрѣнія на исторію Японіи, съ которой успѣхи цивилизаціи въ пей слѣдуетъ рассматривать какъ „торжество панмонголизма, которое грозитъ не одной только Россіи, съ ея необъятными владѣніями въ Сибири, но должно неизбежно привести къ потерѣ азіатскихъ владѣній и Франціи, и Англіи... Мы не можемъ — такъ кончаетъ авторъ — періодъ человеческой исторіи, и передъ нами завершился первый актъ борьбы азіатскаго Востока противъ европейскаго духа“ — справедливость требовала бы прибавить: — духа корысти и эксплоатаціи! Разъ Европа когда-нибудь признаетъ общечеловѣческія права за обитателями азіатскаго Востока, — этотъ Востокъ, при успѣхахъ въ немъ цивилизаціи не будетъ ничѣмъ грозить Европѣ, — напротивъ. Замѣтимъ кстати, — одновременно съ нынѣшнимъ вторымъ изданіемъ оригинала появился въ свѣтъ и переводъ его на англійскій языкъ.

Новомивергскій, Н. Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Предъ нами новое и вѣстѣ пополненное изданіе лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ „Русской Высшей Школѣ общественныхъ наукъ“ въ Парижѣ, въ теченіе послѣдняго академическаго года 1904 — 5; изъ области такъ-называемаго „политическаго права“, а потому главнымъ предметомъ этихъ лекцій служатъ законодательства. Обращаясь специально къ законамъ о печати, авторъ утверждаетъ, что, „прикрываясь заботами о народномъ благѣ, всѣ, безъ исключенія, правительства — деспотическія, монархическія, республиканскія — стремятся держать народную мысль въ подначальномъ положеніи; но культура сознанія побуждаетъ всѣ преслѣствия, и, наконецъ, беретъ послѣдній этапъ политическаго освобожденія“. Эту мысль авторъ проводитъ и подтверждаетъ въ своихъ очеркахъ законодательства о печати вышеупомянутыхъ странъ. Исторія русскаго законодательства доведена авторомъ, можно сказать, до самыхъ послѣднихъ дней — кануна давно ожидаемаго закона о печати, который долженъ смѣнить собою, по утвержденіи его Государственною Думою, временныя правила, отжишія законъ о печатъ 1865 г., со всею массою циркуляровъ, воспыавшихся за нимъ.

Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, въ 10 томахъ, съ 4 портретами. Томъ VII: „Современникъ“ 1860 — 61 гг. Основаніе политической экономіи Д. С. Милля. Переводъ и примѣчанія. Спб. 1905. По подпискѣ 15 рублей за 10 томовъ.

Оригиналъ этого классическаго труда появился въ концѣ 40-хъ годовъ, а переводъ его былъ сдѣланъ уже по четвертому изданію (1867 г.) и появился сначала въ видѣ отдѣльныхъ статей въ журналѣ „Современникъ“, съ постоянными и часто обширными примѣчаніями и комментаріями переводчика, не утратившаго своего значенія и по настоящее время: таковы, напримеръ, замѣчанія къ тремъ первымъ главамъ книги Милля о „Производствѣ“, или къ послѣднимъ, гдѣ разъясняется смыслъ извѣстной теоріи Мальтуса. Вторая книга труда Милля, содержащая въ себѣ, между прочимъ, объясненіе отличія теоріи производства отъ теоріи распредѣленія богатства, обѣтна, — составляетъ въ переводѣ особое приложеніе въ видѣ отрывка; оно озаглавлено: „Собственность“. Къ изложенію у Милля социалистическихъ и коммунистическихъ теорій переводчикъ присовокупилъ весьма интересное пополненіе, которымъ и заключается настоящій томъ VII-ой, а въ хронологическомъ порядкѣ изданія — собственно томъ первый, которымъ, такимъ образомъ, начинается предпринимаемое нынѣ полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго.

Богачевскій, П. Красный Крестъ въ развитіи международнаго права. Ч. I. М. 1906 г. Ц. 3 р.

Вышедшая въ свѣтъ первая часть предпринимаемой авторомъ исторіи Краснаго Креста посвящена всецѣло національнымъ обществамъ этого учрежденія и Женевской конвенціи 1864 г. Въ специальной литературѣ предмета до сихъ поръ преобладало мнѣніе, что исторія комитетовъ помощи раненымъ идетъ отдѣльнымъ путемъ отъ Женевской конвенціи; въ противность тому авторъ въ настоящемъ трудѣ поставилъ себѣ задачей выяснитъ взаимотношеніе общества Краснаго Креста, какъ организаціи частнаго характера, къ правительствамъ, заключившимъ международный договоръ, который получилъ названіе Женевской конвенціи.

Коркуновъ, Н. М. Русское государственное право. Т. II: Часть особенная. 5-е изданіе. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 50 к.

Второй томъ извѣстнаго труда профессора Н. М. Коркунова, появившійся нынѣ въ новомъ изданіи, состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: первоначальное управленіе, подчиненное управленіе, самоуправленіе и гарантіи законности управленія. Особенно подробно разработаны отдѣлы самоуправленія: охарактеризованы общественную и государственную его теорію, авторъ останавливается на самоуправленіи въ Англіи, Франціи и Пруссіи, и затѣмъ излагаетъ наше земское, городское и мѣстное самоуправленіе окранный. Таково содержаніе этого тома.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1906 г.

(Сорокъ-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ ПЕТЕРБУРГѢ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзу	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январь и въ іюль, и по четвертямъ года: въ январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстоожительствѣ подписчика. — 2) Перемены адреса должны быть сообщены Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики переходя въ инородныя, доплачиваютъ 1 руб., а инородныя, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) Жалобы на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи сѣдующей книги журнала. — 4) Выдачу на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ инородныхъ или иностранцевъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

~~DUE JUN 13 1918~~

~~DUE JUN 23 '38~~

~~DUE JUN 23 '38~~

DUE JUL -6 '38

~~MAY 3 '61 H~~

NOV 27 62 H

Widener Library

3 2044 099 711 376